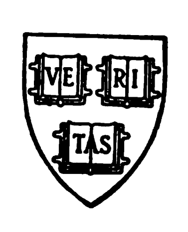
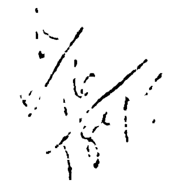

VE RI
TAS



ИЗВѢСТІЯ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА КНЯЗЯ БЕЗБОРОДКО ВЪ НѢЖИНѢ.

ТОМЪ XVI.

Содержаніе.

НѢЖИНЪ.

1898

Печатано по опредѣленію Конференціи Историко-филологическаго Института Князя Безбородко Директоръ Ф. Гельбке.

Нѣжинъ. Типо-лит. Венгера, д. Глезера.

ОТЧЕТЪ

о состоянии Историко-Филологическаго Института
Князя Безбородко въ Нѣжинѣ

за 1894/5 учебный годъ.

Въ *личномъ составѣ* Института въ 1894/5 учебномъ году произошли слѣдующія измѣненія:

Ординарный профессоръ *П. И. Люперсольскій*, по выслугѣ имъ 35 лѣтъ учебной службы, 23 Апрѣля 1895 г., исключенъ изъ числа штатныхъ профессоровъ Института, при чемъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія ему поручено чтеніе лекцій въ Институтѣ по всеобщей исторіи, въ званіи профессора, въ теченіи 5 лѣтъ.

Преподавателемъ нѣмецкаго языка въ Институтѣ утвержденъ, со дня избранія его Конференціей, съ 17 Августа 1894 г., преподаватель нѣмецкаго языка въ Гимназіи состоящей при Институтѣ *Э. Ю. Рихманъ*.

Членомъ Правленія Института вновь избранъ Конференціей, на одинъ годъ, преподаватель *М. И. Лилеевъ*.

Ученымъ Секретаремъ за истеченіемъ трехлѣтія службы въ этой должности ординарнаго профессора *А. М. Фогеля* 18 Мая 1895 г. избранъ Конференціею и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій*.

Всемилостивѣйше награждены орденами: Станислава 2 ст. ординарный профессоръ ст. сов. Фогель и св. Анны 3 ст.—и. д. экстраординарнаго профессора Малеванскій.

Число *учащихся* въ Институтѣ въ отчетномъ учебномъ году было слѣдующее.

Къ началу года состояло въ I курсѣ 28 студентовъ, во II—18, въ III—17 и въ IV—18 а всего 81 студентъ. Изъ этого числа студентовъ въ течени отчетнаго года уволены, для поступленія въ университеты, 1 студента I-го и 1 студентъ II курса. По результатамъ переводныхъ и окончательныхъ испытаній въ Маѣ 1895 года—удосоены званія учителя гимназіи 18 студентовъ окончившихъ курсъ (5 по классическому отдѣленію. 5 по словесному и 8 по историческому); перевода изъ III въ IV курсъ удостоены 17 студентовъ (4 студента классическаго отдѣленія. 5—словеснаго и 8—историческаго); въ III курсъ переведены изъ II-го 7 студентовъ; изъ I во II курсъ переведены 25 студентовъ; одинъ студентъ I курса оставленъ на второй годъ въ томъ же курсѣ. Изъ переведенныхъ во II курсъ 1 студентъ и изъ переведенныхъ въ III курсъ 3 студентовъ уволились изъ Института для поступленія въ университеты. Такимъ образомъ, къ концу отчетнаго учебсаго года состояли: въ I курсѣ—1 студентъ, во II—24, въ III—14, и въ IV—17 студентовъ.

Объемъ *преподаванія*, по отдѣльнымъ предметамъ, въ отчетномъ году былъ слѣдующій.

По *Закону Божію*—законоучителемъ свящ. *П. Я. Свѣтловымъ*, въ III курсѣ, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, преподано Православно-христіанское Догматическое Богословіе, съ апологетическимъ изложеніемъ догматовъ, и съ добавленіями изъ обличенія западно-христіанскихъ инославныхъ исповѣданій.

По *философіи*—и. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Малеванскій* излагалъ въ I курсѣ—логику, во II—психологію, въ III—исторію древней философіи (до Аристотеля включительно) и исторію новой философіи (до Канта включительно), при 2 лекціяхъ въ недѣлю въ каждомъ курсѣ.

По *педагогикѣ и дидактикѣ*—предметомъ чтеній преподавателя *М. И. Лилеева*, въ IV курсѣ, по 2 часа въ недѣлю служили общіе вопросы педагогики и дидактики и методическія замѣчанія по преподаванію главныхъ предметовъ гимназическаго курса; чтеніямъ этимъ былъ предпосланъ историческій очеркъ направленій въ педагогикѣ съ эпохи Возрожденія.

По *греческой словесности*—въ I курсѣ ординарный профессоръ *А. В. Добіашъ*, при 3 часахъ въ недѣлю, прочелъ

изъ Панегирика Исократа §§ 1—48 и упражнялъ студентовъ въ переводахъ съ русскаго языка на греческій. Въ I и II курсахъ сводно, при 2 час. въ нед., профессоръ Добіашъ прочелъ 19 пѣсню Одиссеи и, при 1 ч. въ нед., изложилъ изъ научнаго греческаго синтаксиса симасіологію мѣстоименія и падежей. Во II курсѣ проф. Добіашъ, 1 ч. въ нед., руководилъ упражненіями студентовъ въ переводахъ съ русскаго языка на греческій; въ томъ же курсѣ преподаватель *Н. С. Кирилловъ* прочиталъ, при 2 лекціяхъ, изъ VII книги Геродота, гл. 1—56 и 138—213. Въ III и IV курсахъ грамматическими упражненіями въ греческомъ языкѣ руководилъ ординарный профессоръ *С. Н. Ждановъ* (1 часъ въ недѣлю—на классическомъ, а 1 часъ—на словесномъ и историческомъ отдѣленіяхъ сводно). Въ классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, профессоръ Ждановъ объяснялъ „Семь противъ Ѳивъ“ Эсхила и подъ конецъ года—„Лягушекъ“ Аристофана, а профессоръ *Добіашъ* руководилъ, по 2 часа въ недѣлю, семинаріею, состоявшею въ толкованіи трагедіи Софокла „Антигона“. Въ классическомъ отдѣленіи IV курса профессоръ *Ждановъ,* при 2 лекціяхъ, излагалъ исторію греческой литературы. Въ III и IV курсахъ словеснаго и историческаго отдѣленій сводно, 2 часа въ нед., проф. Ждановъ объяснялъ „Всадниковъ“ Аристофана. Въ классическомъ и историческомъ отдѣленіяхъ III курса сводно, при 2 лекціяхъ, преподаватель *Кирилловъ* изложилъ государственныя древности Крита, Спарты и Аѳинъ.

По *римской словесности*—въ I курсѣ, 1 часъ въ недѣлю, преподавателемъ *А. Ѳ. Абрамовымъ* разъяснялись важнѣйшіе отдѣлы латинскаго синтаксиса въ связи съ письменными переводами съ русскаго языка на латинскій; въ томъ же курсѣ, при 2 часахъ въ недѣлю, ординарный профессоръ *А. М. Фогель* объяснялъ Югурту Саллюстія, предпославъ объясненію очеркъ римской исторіографіи до Саллюстія и біографію автора. Въ I и II курсахъ сводно, при 2 часахъ въ недѣлю, преподавателемъ *Абрамовымъ* переведено и объяснено 568 стиховъ 9 книги Энеиды Виргилія. Во II курсѣ, 2 часа въ недѣлю, проф. *Фогель* объяснялъ діалогъ Цицерона Cato maior de senectute; студентовъ того же курса, 1 часъ въ недѣлю, и. д. экстраординарнаго профессора *И. Г. Турцевичъ* упражнялъ въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій (тексты пред-

лагались частью изъ Ливія, частью изъ Römische Geschichte Швеглера), причемъ разъяснялись подробнѣе нѣкоторые труднѣйшіе пункты латинскаго синтаксиса. Студентамъ классическаго отдѣленія III и IV курсовъ сводно, при 2 лекціяхъ, проф. Турцевичъ переводилъ и объяснялъ Dialogus de oratoribus Тацита, предпославъ чтенію введеніе о жизни и сочиненіяхъ Тацита, а профессоръ *Фогель*, при 2 часахъ въ недѣлю, прочелъ исторію римской литературы Цицероновскаго періода и изъ литературы Августова вѣка главу о Виргиліи; тѣхъ же студентовъ проф. Фогель упражнялъ, 2 часа въ недѣлю, въ толкованіи одъ Горація, при чемъ студенты по очереди подавали написанные на латинскомъ языкѣ рефераты съ разборомъ, объясненіями и переводомъ назначеннаго профессоромъ стихотворенія Горація; рефераты эти обсуждались въ аудиторіи при участіи самихъ слушателей; тѣ же студенты упражняемы были, по 1 часу въ недѣлю, проф. *Турцевичемъ* въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій (тексты для переводовъ предлагались главнымъ образомъ изъ Латинской Стилистики Бергера); одновременно пройдены были главныя правила латинской стилистики (по руководству Бергера). Студентамъ III и IV курсовъ словеснаго и историческаго отдѣленій совмѣстно, при 2 лекціяхъ, и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій* толковалъ I книгу Ливія, предпославъ толкованію подробное введеніе—о римской исторіографіи до Ливія, о Ливіи и о критической разработкѣ исторіи царскаго Рима; тѣхъ же студентовъ профессоръ *Фогель*, 1 часъ въ недѣлю, упражнялъ въ латинской грамматикѣ посредствомъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго языка на латинскій. Въ IV курсѣ классическаго и историческаго отдѣленій сводно, при 2 часахъ въ недѣлю, проф. *Турцевичъ* прочиталъ по римскимъ древностямъ курсъ о римскомъ гражданствѣ и народныхъ собраніяхъ.

Изъ *исторіи филологіи*—въ классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно, при 1 часѣ въ недѣлю, профессоромъ *Добіашемъ* изложена исторія филологіи съ эпохи Возрожденія до Винкельмана.

По каѳедрѣ *русской словесности*—экстраординарный профессоръ *В. В. Качановскій* преподавалъ въ I и II курсахъ

сводно, 2 часа въ недѣлю, церковнославянскій языкъ, при чемъ слушатели привлекались къ практическимъ занятіямъ по чтенію и объясненію старославянскихъ памятниковъ и уясненію корней словъ; въ III и IV курсахъ словеснаго отдѣленія сводно, 2 часа въ недѣлю, профессоръ Качановскій излагалъ синтаксисъ русскаго языка, а въ IV курсѣ словеснаго отдѣленія, по 2 ч. въ нед., славянскія нарѣчія западной вѣтви, при чемъ студенты занимались практическимъ изученіемъ этихъ нарѣчій и представляли рефераты, которые разсматривались профессоромъ при участіи студентовъ. Профессоръ *Е. В. Пѣтуховъ* читалъ въ I и II курсахъ сводно, по 2 ч. въ нед., исторію русской литературы XVII и XVIII вѣковъ, а въ III и IV курсахъ словеснаго отдѣленія сводно, по 3 ч. въ нед., излагалъ исторію русской литературы XVIII и XIX вв. (кончая Гоголемъ) и руководилъ, 1 часъ въ недѣлю, семинаріемъ: въ первомъ полугодіи семинарій состоялъ въ чтеніи и разборѣ памятниковъ русской литературы XI—XVII вв., а во второмъ—читались и разбирались рефераты студентовъ III к.' написанные на взятыя въ началѣ учебнаго года темы.

По предмету *теоріи словесности*— преподавателемъ *А. П. Кадлубовскимъ* въ III и IV курсахъ словеснаго отдѣленія сводно, при 2 часахъ въ недѣлю, изложено ученіе о поэтическихъ родахъ въ историческомъ ихъ развитіи,—именно о формахъ поэзіи эпической и лирической.

По *всеобщей исторіи*—въ I курсѣ ординарнымъ профессоромъ *П. И. Люперсольскимъ*, при 4 лекціяхъ въ недѣлю, преподана исторія Египта, Вавилоніи и Ассиріи и исторія Греціи до Херонейской битвы, съ обзоромъ источниковъ и пособій по преподаннымъ отдѣламъ исторіи; во II курсѣ и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій*, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, излагалъ общій курсъ римской исторіи, со введеніемъ—объ ея источникахъ и разработкѣ (изложеніе было доведено до диктатуры Суллы). Въ историческомъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно, по 2 часа въ недѣлю, преподавателемъ *М. И. Лилеевымъ* излагались слѣдующіе отдѣлы средней исторіи: начало исторической жизни новыхъ народовъ въ связи съ судьбами римской имперіи, западной и восточной; объединеніе германороманскаго міра и отношеніе его къ

міру грекославянскому; западная Европа въ эпоху господства феодальнаго порядка и торжества папской власти; время упадка имперіи и папства и разложенія феодализма. Въ III курсѣ историческаго отдѣленія проф. *Покровскій*, при 2 часахъ въ недѣлю, руководилъ семинаріемъ по римской исторіи; въ 1-мъ полугодіи семинарій посвященъ былъ ознакомленію студентовъ съ источниками римской исторіи, во 2-хъ полугодіи разбирались рефераты студентовъ по отдѣльнымъ вопросамъ римской исторіи. Въ IV курсѣ историческаго отдѣленія, 2 часа въ недѣлю, профессоръ *Люперсольскій* велъ семинарій по тѣмъ отдѣламъ всеобщей исторіи, какіе избраны были каждымъ изъ студентовъ для самостоятельнаго изученія; представляемые студентами письменные и изустные рефераты подвергались разбору на лекціяхъ.

По *русской исторіи* ординарнымъ профессоромъ *М. Н. Бережковымъ*—въ I и II курсахъ совмѣстно, при 3 лекціямъ въ недѣлю, преподана исторія Московскаго государства и западной Россіи въ XVII в., исторія Россіи при Петрѣ Великомъ и очеркъ послѣдующей русской исторіи XVIII в.; въ III и IV курсахъ историческаго отдѣленія, сводно, при 1 лекціи въ недѣлю, изложена исторія царствованій Императоровъ Николая I и Александра II, съ обозрѣніемъ русской исторіографіи отъ Карамзина до Соловьева, и, при 2 часахъ въ недѣлю, читанъ курсъ о русскихъ мемуарахъ XVIII в.; въ связи съ этимъ курсомъ велись практическія занятія студентовъ, по 1 часу въ недѣлю; представленные студентами рефераты по изученію мемуаровъ читались и разбирались въ аудиторіи.

По *географіи* преподавателемъ *И. А. Сребницкимъ* въ III курсѣ историческаго отдѣленія, при 1 лекціи въ недѣлю, изложены изъ общаго землевѣдѣнія отдѣлы: океанографія, гидрографія и метеорологія съ климатологіей; въ IV курсѣ историческаго отдѣленія, при 2 лекціяхъ, сверхъ тѣхъ же отдѣловъ читаны обозрѣніе формъ горизонтальнаго и вертикальнаго расчлененія суши, съ изложеніемъ теоріи ихъ происхожденія, а также основанія методики географіи.

Въ отношеніи къ изученію *новыхъ языковъ*, изъ коихъ обязательнымъ считается только одинъ, студенты безъ различія курсовъ, раздѣлялись на 2 отдѣленія по каждому языку—

низшее и высшее. По *французскому языку*, у преподавателя *Л. Н. Мишеля*, въ низшемъ отдѣленіи, 2 часа въ недѣлю, объяснялись этимологія и синтаксисъ языка по Грамматикѣ Гоппе, и переводились практическія упражненія изъ той же Грамматики; въ высшемъ отдѣленіи, 2 часа въ недѣлю, переводы, съ грамматическими поясненіями, дѣлались изъ Хрестоматіи А. Анспаха. По *нѣмецкому языку*—преподаватель *Э. Ю. Рихманъ* въ низшемъ отдѣленіи, при 2 часахъ въ недѣлю, переводилъ статьи изъ 1-й части Хрестоматіи Гретмана и Geschichte des siebenjährigen Krieges Архенгольца; въ высшемъ отдѣленіи, по 2 часа въ недѣлю, преподаватель прочиталъ со студентами изъ „Лаокоона" Лессинга 13 главъ, обращая при объясненіяхъ особенное вниманіе на нѣмецкую фразеологію. Сверхъ того, преподаватель Рихманъ выдѣлилъ еще 2 часа въ недѣлю для ознакомленія студентовъ, выразившихъ желаніе начать изученіе нѣмецкаго языка, съ основными правилами этого языка.

Въ теченіи учебнаго года по каждому предмету акроаматическаго преподаванія было отъ 2 до 4 собесѣдованій преподавателей со студентами по преподаннымъ отдѣламъ предметовъ.

Домашнія занятія студентовъ (кромѣ приготовленія на дому переводовъ съ древнихъ языковъ и на древніе языки) состояли въ слѣдующемъ:

1) Студенты всѣхъ курсовъ занимались *домашнимъ чтеніемъ древнихъ авторовъ*. Предметами домашняго чтенія служили: въ I курсѣ—по греческому языку (подъ руководствомъ проф. Добіаша) 6 книгъ Анабазиса Ксенофонта, и по латинскому языку (подъ руководствомъ преподавателя Абрамова) въ 1-мъ полугодіи первыя 3 книги de bello Gallico Цезаря, во 2-мъ—эпизоды: Cephalus et Procris, Erysichthon и Ceyx et Alcyone (всего 708 ст.) изъ Метаморфозъ Овидія; во II курсѣ: по греческому языку (подъ руководствомъ преподавателя Кириллова)—въ 1-мъ полугодіи Платонова

Апологія Сократа, во 2-мъ — II и III книги Иліады; по латинскому языку (подъ руководствомъ проф. Турцевича) — 34 книга Ливія и 8 пѣснь Энеиды Виргилія. Для руководства домашнимъ чтеніемъ производились собесѣдованія, въ I курсѣ еженедѣльно, во II-мъ каждыя двѣ недѣли, попеременно по обоимъ языкамъ. Студенты обоихъ старшихъ курсовъ, подъ наблюденіемъ профессоровъ, сами избирали себѣ для домашняго чтенія произведенія древнихъ авторовъ и по прочитанному произведенію представляли каждое полугодіе письменные рефераты; повѣрка домашняго чтенія состояла въ собесѣдованіяхъ со студентами на основаніи ихъ рефератовъ. (Домашними чтеніями на старшихъ курсахъ руководили: по греческому языку въ III курсѣ проф. Добіашъ, въ IV курсѣ проф. Ждановъ; по латинскому языку—въ классическомъ и словесномъ отдѣленіяхъ III курса и въ IV курсѣ—проф. Фогель, въ историческомъ отдѣленіи III курса—проф. Покровскій).

2) Студенты старшихъ курсовъ составляли рефераты по предметамъ ихъ семинарскихъ занятій. Студенты—классики III и IV курсовъ писали рефераты по греческой словесности и по римской словесности; студенты-словесники III курса—по исторіи русской литературы и IV курса—по славянскимъ нарѣчіямъ; студенты-историки III и IV курсовъ—по всеобщей исторіи и по русской исторіи (при чемъ рефераты по римской исторіи историковъ III курса служили вмѣстѣ и рефератами по латинскому домашнему чтенію). Кромѣ того, студенты-историки IV курса, подъ руководствомъ профессоровъ, изучали по источникамъ и пособіямъ избранные каждымъ изъ нихъ для спеціальнаго изученія отдѣлы всеобщей исторіи.

3) Студенты III курса писали сочиненія по философіи, на темы, указанныя или одобренныя проф. Малеванскимъ; 11 изъ нихъ представили сочиненія по исторіи греческой философіи, 4 по исторіи новой философіи, 1 по логикѣ и 1 по психологіи.

4) Студенты IV курса писали выпускныя сочиненія. Профессору Добіашу студентъ Колтановскій представилъ диссертацію „О поэтическомъ изображеніи загробной жизни у

Гомера и Вергилія". Профессору Жданову представили сочиненія студенты—Алексѣевъ на тему: „Жизнь и характеры, изображаемые Өеокритомъ," и Окинчицъ—„О тропахъ въ Эврипидовой Гекубѣ". Профессору Фогелю студентъ Баршевъ представилъ диссертацію: „Q. Fabius Maximus Cunctator sive de vita moribus rebus gestis ejus Livio et Plutarcho auctoribus". Проф. Турцевичу студентъ Малюга представилъ сочиненіе: „Характеристика сатиры Ювенала (ея достоинства и недостатки)". Профессору Качановскому студентъ Смѣльницкій представилъ „Изслѣдованіе о гайдуцкомъ эпосѣ, по памятникамъ народнаго творчества у болгаръ и сербовъ", Тальвинскій—„Очеркъ жизни и литературной дѣятельности сербскаго поэта Змай Іована Іовановича" и Александровичъ—„Матеріалы для біографіи и оцѣнки литературной дѣятельности Іосифа-Діонисія Минасовича". Профессору Пѣтухову представлены были сочиненія студентами Кунцевичемъ на тему: „Князь А. М. Курбскій, какъ авторъ писемъ къ разнымъ лицамъ", и Өедоровымъ—на тему: „Историко-литературный обзоръ русскихъ путешествій въ Іерусалимъ въ XVI и XVII вѣкахъ". Профессору Люперсольскому представили диссертаціи студенты Горбуновъ—„Велисарій, полководецъ Юстиніана В.," Корейша—„Германія Тацита" и Ромасюковъ—„Государственная дѣятельность Өемистокла въ Аөинахъ". Проф. Покровскому представлено было студ. Черноусовымъ сочиненіе „О партіяхъ Ипподрома въ Византіи". Профессору Бережкову представили: студ. Абуладзе—историческое разсужденіе: „Какъ состоялся союзъ Московскаго великаго князя Іоанна III Васильевича съ Менгли-Гиреемъ ханомъ крымскимъ", Феллеръ—опытъ исторической характеристики: „Татищевъ, какъ дворянинъ", Шабердинъ—опытъ историко-критическаго комментарія къ Разговору о пользѣ наукъ и училищъ Татищева, и Шостацкій—историко-критическій опытъ: „Насколько вѣрно и объективно сочиненіе Шафирова подъ заглавіемъ: Разсужденіе о древнихъ и новыхъ причинахъ къ начатію войны шведской?" Лучшія, по отзывамъ профессоровъ, сочиненія представлены были студентами Александровичемъ, Горбуновымъ, Кунцевичемъ и Черноусовымъ.

Практическія занятія студентовъ IV курса по преподаванію въ гимназіи происходили подъ ближайшимъ руковод-

статьи: „Мистицизмъ конца XIX вѣка въ его отношеніи къ христіанской религіи и философіи“ и „Христіанство, какъ свѣтоносная сила въ мірѣ“, и въ „Душеполезномъ Чтеніи“—„Источники вражды противъ религіи Креста“, „О значеніи храма въ духовной христіанской жизни“ и „Памяти Царя-Миротворца“.—Профессоръ *Ждановъ* печаталъ свои „Просодическія и критическія замѣтки“ въ „Филологическомъ Обозрѣніи.“—Профессоръ *Бережковъ* напечаталъ въ Извѣстіяхъ Таврической ученой архивной Коммиссіи статью: „Древнѣйшая книга Крымскихъ посольскихъ дѣлъ.“—Профессоръ *Качановскій* напечаталъ въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Славянства“ слѣдующія статьи: 1) Южнославянскіе богатыри, пріурочиваемые къ Македоніи; 2) Славянскій „Физіологъ“ сербской редакціи; 3) Генеалогія сербскаго жупана Стефана Немани въ сербскихъ лѣтописяхъ; 4) Южнославянскія записи 1325 и 1430 г.г.; 5) Старопечатныя славянскія изданія; 6) Краледворская рукопись; 7) Особенности говоровъ Каргопольскаго и Вытегорскаго уѣздовъ; 8) Къ вопросу о германскихъ словахъ въ старо-славянскомъ языкѣ (по поводу изслѣдованія Uhlenbeck'a, Die germanischen Wörter im Altslawischen); 9) О сочиненіяхъ графа Голенищева-Кутузова; 10) Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій; 11) Къ вопросу о происхожденіи украинскаго нарѣчія, 12) Латырь—янтарь, 13) Некрологъ профессора Н. С. Тихонравова, и 14) разборы книгъ и библіографическія замѣтки.—Профессоръ *Пѣтуховъ* напечаталъ „Очерки изъ литературной исторіи Синодика“.—Преподаватель *Сребницкій* напечаталъ рѣчь: Къ біографіи Георгія Конискаго.

Отчетный годъ былъ первымъ годомъ дѣятельности учрежденнаго въ мартѣ 1894 г. при Институтѣ Историко-Филологическаго Общества. Къ концу отчетнаго года число членовъ Общества было 52.

Предсѣдателемъ Общества состоялъ Г. Директоръ Института, товарищемъ предсѣдателя—профессоръ Пѣтуховъ, секретаремъ—наставникъ студентовъ Кадлубовскій.

Въ отчетномъ году Общество имѣло 18 засѣданій, въ томъ числѣ 4 торжественныхъ, на которыхъ произнесено было 8 рѣчей, и 12 очередныхъ, на которыхъ сообщено было

17 рефератовъ. Торжественныя засѣданія происходили —по случаю открытія дѣйствій Общества, столѣтія со времени рожденія Грибоѣдова, столѣтія съ кончины архіепископа Георгія Конискаго, уроженца Нѣжина, и 75-тилѣтія со времени основанія въ Нѣжинѣ высшаго учебнаго заведенія имени Князя Безбородко.

Въ заключеніе перваго года своей дѣятельности Общество постановило издать, на средства, составившіяся изъ членскихъ взносовъ, „Сборникъ".

Общество имѣетъ свою библіотеку, составляющуюся изъ пожертвованій членовъ Общества, и архивъ, въ основаніе котораго легъ пожертвованный Нѣжинской Городской Думой архивъ бывшаго Нѣжинскаго Греческаго Магистрата.

ОТЧЕТЪ

о состоянiи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко въ $189^5/_6$ уч. г.

Въ *личномъ составѣ* Института произошли слѣдующiя измѣненiя.

Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 18 iюля 1895 г., экстраординарный профессоръ Института докторъ русской словесности *Е. В. Пѣтуховъ* назначенъ ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 12 декабря 1895 г., магистръ русскаго языка и словесности *М. Н. Сперанскiй* опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ Института по русской словесности.

Высочайшимъ приказомъ, послѣдовавшимъ 22 марта 1896 г., экстраординарный профессоръ магистръ славянской филологiи *В. В. Качановскiй* назначенъ ординарнымъ профессоромъ Института по русскому и славянскому языкамъ.

Приказомъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенiя, отъ 13 августа 1895 г., преподаватель Гимназiи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества въ С.-Петербургѣ ст. сов. *А. И. Шнукъ* назначенъ на должность преподавателя древнихъ языковъ въ Институтѣ.

Состоявшiй членомъ Правленiя Института преподаватель *М. И. Лилеевъ* вновь избранъ Конференцiей на должность члена Правленiя на 1 годъ, съ 8 октября 1895 г.

Всемилостивѣйше награждены: Почетный Попечитель Института, Двора Его Величества Камергеръ ст. сов. графъ

А. А. Мусинъ-Пушкинъ—орденомъ Св. Владиміра 3 ст.; Директоръ Института дѣйств. ст. сов. Ф. Ф. Гельбке—орденомъ Св. Станислава 1 ст.; Инспекторъ и ординарный профессоръ А. В. Добіашъ—чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; профессоръ дѣйств. ст. сов. П. И. Люперсольскій —орденомъ Св. Владиміра 3 ст.; ординарный профессоръ ст. сов. М. Н. Бережковъ—орденомъ Св. Анны 2 ст.; наставники студентовъ и преподаватели: колл. сов. Н. С. Кирилловъ—орденомъ Св. Анны 3 ст. и колл. асс. А. П. Кадлубовскій—Св. Станислава 3 ст., и преподаватель ст. сов. И. А. Сребницкій—Св. Анны 2 ст.

Къ началу 189⁵/₆ учебнаго года состояло въ Институтѣ *студентовъ:* на I курсѣ—1, на II—24, на III—14 и на IV—17. Заявили о своемъ желаніи поступить въ Институтъ 38 молодыхъ людей (въ томъ числѣ 5 студентовъ университетовъ, 22 воспитанника гимназій и 11 воспитанниковъ духовныхъ семинарій). Приняты въ I курсъ: студентовъ университета 2; по аттестатамъ зрѣлости—безъ повѣрочныхъ испытаній 13 и послѣ повѣрочныхъ испытаній 1; воспитанниковъ духовныхъ семинарій, по особому установленному для воспитанниковъ духовныхъ семинарій испытанію зрѣлости въ Институтской гимназіи,—6, а всего 22 молодыхъ человѣка; сверхъ того, по распоряженію Г. Управлявшаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, принятъ на словесное отдѣленіе II курса 1 дѣйствительный студентъ Юрьевскаго Университета. Изъ числа студентовъ I курса одинъ въ октябрѣ 1895 г. былъ уволенъ, согласно прошенію, по болѣзни. Къ 1 января 1896 г. въ Институтѣ состояло 78 студентовъ. По результатамъ окончательныхъ и переводныхъ испытаній въ концѣ 189⁵/₆ уч. г., удостоены званія учителя гимназіи 17 студентовъ окончившихъ курсъ (въ томъ числѣ 4 по классическому отдѣленію, 5 по словесному и 8 по историческому); удостоены перевода въ IV курсъ 15 студентовъ (1 классикъ, 5 словесниковъ и 9 историковъ); переведены въ III курсъ 23 студента и во II курсъ—19 студентовъ; оставлены на второй годъ въ томъ же курсѣ 1 студентъ II курса и 3 студента I курса. Одинъ изъ переведенныхъ въ III курсъ студентовъ уволился изъ Института для поступленія въ университетъ. Таким образомъ, въ концѣ

189⁵/₆ учебнаго года въ Институтѣ числилось: въ I курсѣ 3, во II-мъ—19, въ III-мъ—22 и въ IV-мъ—15 студентовъ.

Объемъ *преподаванія*, по отдѣльнымъ предметамъ, былъ слѣдующій.

По *Закону Божію* законоучителемъ свящ. *П. Я. Свѣтловымъ* въ III курсѣ (при 2 лекціяхъ въ недѣлю) прочитаны изъ апологетическаго курса Сотеріологіи—общее введеніе въ Богословіе, Понерологія, Христологія и введеніе въ ученіе о дѣлѣ Христовомъ.

По *философіи* и. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Малеванскимъ* преподана (при 2 лекціяхъ въ каждомъ курсѣ) въ I курсѣ Логика, во II-мъ—Психологія (ученіе объ ощущеніяхъ, представленіяхъ и болѣе сложныхъ формахъ познавательной функціи), въ III курсѣ—исторія древней философіи и философія Декарта, Лейбница и Канта.

По *педагогикѣ* преподавателемъ *М. И. Лилеевымъ* читана въ IV курсѣ (при 2 часахъ) гимназическая педагогика.

По *греческой словесности*—въ I курсѣ преподаватель *А. И. Шнукъ* упражнялъ студентовъ въ греческой грамматикѣ посредствомъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго на греческій (1 часъ) и объяснялъ Панегирикъ Исократа, §§ 1—75 (2 часа). Въ I и II курсѣ сводно (при 2 лекціяхъ) преподавателемъ *Н. С. Кирилловымъ* прочитана 5-я и часть 6-й (ст. 119—375) книги Иліады. Во II курсѣ ординарный профессоръ *А. В. Добіашъ* толковалъ (2 часа въ недѣлю) діалогъ Платона „Горгій“ и руководилъ (при 1 часѣ въ недѣлю) упражненіями въ переводахъ съ русскаго на греческій. Въ классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно ординарный профессоръ *С. Н. Ждановъ* читалъ (2 ч. въ нед.) „Агамемнона“ Эсхила; профессоръ *Добіашъ* излагалъ (1 ч. въ нед.) греческую грамматику, сосредоточивая, теоретическія разсужденія на темѣ: о частяхъ рѣчи съ точки зрѣнія логической и руководилъ (2 часа) семинаріею, состоявшею въ интерпретированіи трагедіи Софокла „Эдипъ царь“; въ классическомъ отдѣленіи IV курса профессоръ *Ждановъ* читалъ (2 часа) исторію греческой литературы. Въ классическомъ и историческомъ отдѣленіяхъ III курса и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскій* излагалъ греческія государственныя древ-

ности (2 часа). Въ словесномъ и историческомъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ сводно профессоръ *Ждановъ* объяснялъ Персовъ Эсхила (2 часа въ недѣлю) и упражнялъ студентовъ въ переводахъ съ русскаго языка на греческій (1 часъ).

По *римской словесности*—въ I курсѣ преподаватель *Шнукъ* упражнялъ студентовъ въ латинской грамматикѣ посредствомъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго на латинскій языкъ (1 часъ въ недѣлю) и объяснялъ Саллюстія de bello Iugurthino (2 часа). Въ I и II курсахъ совмѣстно (при 2 часахъ въ недѣлю) ординарный профессоръ *А. М. Фогель* объяснялъ избранныя элегіи (IV, 10; I, 3; 2; III, 10) Овидія. Во II курсѣ преподаватель *Шнукъ* (2 часа въ недѣлю) объяснялъ рѣчь Цицерона противъ Верреса, кн. V (§§ 1—50), и упражнялъ студентовъ (2 часа въ недѣлю) въ латинской грамматикѣ и стилистикѣ посредствомъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго на латинскій. Въ классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ совмѣстно профессоръ *Фогель* (2 часа въ недѣлю) объяснялъ XXVII книгу Тита Ливія (главы 1—10) и изложилъ (при 2 часахъ въ недѣлю) исторію римской литературы до-цицероновскаго періода и августова вѣка. Тѣмъ-же студентамъ и. д. экстраординарнаго профессора *И. Г. Турцевичемъ* (при одномъ часѣ въ недѣлю) прочитанъ былъ курсъ по грамматикѣ (ученіе о временныхъ формахъ латинскаго глагола, съ разсмотрѣніемъ значенія и употребленія временныхъ союзовъ, и о залогахъ); у тѣхъ же студентовъ проф. Турцевичъ (при одномъ часѣ) велъ упражненія въ переводахъ съ русскаго языка на латинскій, и (2 часа въ недѣлю) руководилъ семинарскими занятіями по критикѣ, переводу и интерпретаціи одъ Горація. Въ классическомъ и историческомъ отдѣленіяхъ IV курса сводно (при 2 лекціяхъ) проф. *Турцевичемъ* былъ прочитанъ курсъ по римскимъ древностямъ (римскія провинціи и провинціальное управленіе въ періодъ республики и въ первые три вѣка имперіи). Въ словесномъ и историческомъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ совмѣстно проф. *Фогель* (при двухъ часахъ въ недѣлю) объяснялъ V Филиппику Цицерона (гл. 1—12) и (одинъ часъ въ недѣлю) велъ упражненія въ латинской грамматикѣ посредствомъ устныхъ и письменныхъ переводовъ съ русскаго языка на латинскій.

Во II курсѣ профессоръ *Добіашъ* велъ (при одномъ часѣ

въ недѣлю) дидактическій курсъ о древнихъ языкахъ, какъ наукѣ и какъ предметѣ воспитательномъ; въ классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно (одинъ часъ въ недѣлю) профессоръ Добіашъ изложилъ изъ исторіи филологіи періодъ нѣмецкой филологіи, начиная съ Вольфа и кончая Ричлемъ.

По *славянской филологіи*—ординарный профессоръ *В. В. Качановскій* изложилъ въ I курсѣ (при 2 лекціяхъ) старославянскій языкъ и во II курсѣ (также при 2 лекціяхъ) исторію русскаго языка; въ словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ профессоръ Качановскій (при 2 часахъ въ недѣлю) излагалъ очеркъ славянскихъ народныхъ словесностей и руководилъ семинаріею по славяновѣдѣнію, состоявшею въ практическихъ занятіяхъ по южнославянскимъ нарѣчіямъ и въ разборѣ представленныхъ студентами рефератовъ по разнымъ вопросамъ славяновѣдѣнія.

По *русской словесности*—занятія экстраординарнаго профессора *М. Н. Сперанскаго*, начатыя съ половины января, продолжались всего два мѣсяца. На I и II курсахъ читанъ былъ профессоромъ Сперанскимъ (при 2 часахъ въ недѣлю) общій курсъ, предметомъ котораго служило введеніе въ исторію русской литературы и общій обзоръ началъ славянской и русской письменности и памятниковъ XI вѣка. Въ словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно (при 2-хъ часахъ въ недѣлю) профессоромъ Сперанскимъ изложена исторія изученія русской литературы, начиная съ Сильвестра Медвѣдева и кончая трудами Ѳ. И. Буслаева, Н. С. Тихонравова и А. Н. Веселовскаго, причемъ особенное вниманіе обращено было на методологическую сторону исторіи науки, вслѣдствіе чего предложенъ былъ разборъ и болѣе извѣстныхъ учебниковъ литературы. Семинарій профессора Сперанскаго на словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ (2 часа въ недѣлю) состоялъ въ разборѣ, совмѣстно съ аудиторіей, рефератовъ, составлявшихся студентами на темы, предложенныя профессоромъ.

По предмету *теоріи словесности* преподавателемъ *А. П. Кадлубовскимъ* въ словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ (при 2 лекціяхъ) были изложены историческое развитіе теоріи поэзіи и характеристика ея современнаго состоянія.

По *всеобщей исторіи*—въ I курсѣ (при 3 лекціяхъ) проф. *П. И. Люперсольскимъ* преподана исторія Греціи; во II курсѣ (при 2 лекціяхъ) и. д. экстраординарнаго профессора

А. И. Покровскій читалъ общій курсъ римской исторіи, со введеніемъ объ ея источникахъ и разработкѣ. Въ историческомъ отдѣленіи III курса преподавателемъ *Лилеевымъ* читанъ былъ (при 2 часахъ) курсъ по средней исторіи; слушатели ознакомлены были съ исторіей, источниками и пособіями по исторіи Франціи, Англіи и Германіи до XIII вѣка включительно; у тѣхъ же студентовъ проф. *Покровскій* (2 часа въ недѣлю) руководилъ семинаріемъ по древней исторіи, состоявшимъ въ ознакомленіи съ аристотелевской πολιτεία 'Αθηναίων и другими источниками аѳинской исторіи и въ разборѣ представленныхъ студентами рефератовъ по изученію πολιτεία 'Αθηναίων. Въ IV курсѣ историческаго отдѣленія (при 3 лекціяхъ) проф. *Люперсольскимъ* изложены изъ новой исторіи эпоха реформаціи и исторія Англіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ и Франціи въ XVI, XVII и XVIII столѣтіяхъ.

По *русской исторіи* ординарнымъ профессоромъ *М. Н. Бережковымъ* въ I и II курсахъ сводно (при 3 часахъ въ недѣлю) изложенъ общій курсъ русской исторіи кіевскаго времени и московскаго удѣльнаго періода до конца XV вѣка; въ историческомъ отдѣленіи III и IV курсовъ (при 2 лекціяхъ) прочитанъ спеціальный курсъ исторіи Петра Великаго, съ обзоромъ источниковъ петровскаго времени и источниковъ XVIII вѣка вообще и съ краткою характеристикой новой русской исторіи. Въ связи съ этимъ курсомъ велись (1 часъ въ недѣлю) семинарскія занятія, состоявшія въ разборѣ письменныхъ отвѣтовъ студентовъ на предложенныя профессоромъ темы.

По *географіи* преподавателемъ *И. А. Сребницкимъ* на историческомъ отдѣленіи III курса (при 1 лекціи въ недѣлю) изложенъ очеркъ развитія географіи какъ науки, и изъ общаго землевѣдѣнія сообщены свѣдѣнія о земной корѣ, о формахъ рельефа суши, вулканахъ, землетрясеніяхъ и вѣковыхъ колебаніяхъ суши. На историческомъ отдѣленіи IV курса (при 2 лекціяхъ) изложено изъ частной географіи и страновѣдѣнія подробное описаніе Европы и въ частности физическое и политическое обозрѣніе Германіи, и изъ методики географіи—обозрѣніе главныхъ методовъ преподаванія географіи, при чемъ особенно подробно былъ разсмотрѣнъ методъ конструктивный.

По *французскому языку*, у преподавателя *Л. Н. Мишеля*,

въ низшемъ отдѣленіи (2 часа въ недѣлю) занятія состояли въ объясненіи этимологіи и синтаксиса языка и переводахъ упражненій изъ Грамматики Гоппе; въ высшемъ отдѣленіи (также 2 часа въ недѣлю) переводы съ грамматическими поясненіями преподавателя велись по Хрестоматіи Ансиаха.

По *нѣмецкому языку*—въ низшемъ отдѣленіи (2 часа въ недѣлю) студенты подъ руководствомъ преподавателя *Э. Ю. Рихмана* читали Geschichte des siebenjährigen Krieges Архенгольца; въ высшемъ отдѣленіи (также 2 часа) преподаватель читалъ со студентами Bilder aus der deutschen Vergangenheit, Freytag'a, обращая главное вниманіе на фразеологію; въ особомъ отдѣленіи, образованномъ для студентовъ, начинающихъ ознакомленіе съ нѣмецкимъ языкомъ, преподаватель излагалъ основныя правила нѣмецкаго языка, сопровождая свои объясненія упражненіями въ переводахъ.

Въ теченіи учебнаго года по каждому предмету акроаматическаго преподаванія было до 3 *собесѣдованій* преподавателей со студентами по преподаннымъ отдѣламъ предметовъ.

Домашнія занятія студентовъ, кромѣ приготовленія переводовъ съ древнихъ языковъ и на древніе языки, состояли въ слѣдующемъ.

Студенты всѣхъ курсовъ занимались домашнимъ чтеніемъ древнихъ акторовъ. Студенты I курса прочли, подъ руководствомъ профессора Добіаша, первыя 3 книги Анабазиса Ксенофонта и Платоновскую Апологію Сократа и, подъ руководствомъ Г. Директора Института, первыя 3 книги de bello Gallico Цэзаря и Laelius de amicitia Цицерона. Студенты II курса прочитали, подъ руководствомъ преподавателя Кириллова, изъ II книги Геродота главы 1—60 и 23 книгу Иліады и, подъ руководствомъ Г. Директора, первую книгу Метаморфозъ Овидія и XXI книгу Ливія. Для руководства домашнимъ чтеніемъ устраивались, въ свободное отъ лекцій время, вечеромъ, собесѣдованія—въ I курсѣ еженедѣльно, во II каждыя двѣ недѣли, поочередно по греческому и по латинскому языку; повѣрка домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго полугодія и состояла въ письменномъ переводѣ и комментированіи отрывковъ изъ прочитаннаго. Въ III и IV

курсахъ студенты, подъ наблюденіемъ профессоровъ (по греческому языку—въ III курсѣ профессора Добіаша и въ IV курсѣ профессора Жданова, по латинскому языку—въ классическомъ отдѣленіи профессора Турцевича и въ словесномъ и историческомъ отдѣленіяхъ—профессора Фогеля) сами избирали себѣ для домашняго чтенія въ каждомъ полугодіи то или другое произведеніе греческаго и латинскаго авторовъ, и каждое полугодіе представляли рефераты по предмету прочитаннаго ими по тому и другому древнему языку; повѣрка домашняго чтенія производилась посредствомъ собесѣдованій со студентами на основаніи представленныхъ ими рефератовъ.

Студенты старшихъ курсовъ составляли рефераты по предметамъ ихъ семинарскихъ занятій. Студенты-классики III и IV курсовъ готовили рефераты по греческой и по римской словесности; студенты-словесники III курса—по исторіи русской литературы и IV курса—по славяновѣдѣнію; студенты-историки III курса—по древней исторіи и III и IV курсовъ—по русской исторіи. Кромѣ того, студенты-историки IV курса, подъ руководствомъ профессоровъ, изучали по источникамъ и пособіямъ избранные каждымъ изъ нихъ для спеціальнаго изученія отдѣлы всеобщей исторіи.

Студенты IV курса писали выпускныя сочиненія. Профессору Добіашу представили сочиненія слѣдующіе студенты и на слѣдующія темы: студентъ Бардуновъ—Persica Ктезія и ихъ достовѣрность, Ковальскій—Демосѳенъ и Эсхинъ въ рѣчахъ περὶ παραπρεσβείας, Шаланскій—Основная задача въ Политіи Платона. Профессору Фогелю студентъ Малѣевъ представилъ работу подъ заглавіемъ: „Ссылка Овидія (по Tristia и Epistolae ex Ponto).“ Профессору Качановскому были представлены сочиненія студентами: Азбукинымъ—Кирѣевскій, его жизнь, произведенія и міросозерцаніе; Борщовымъ—Особенности говора с. Лариновки, Новгородсѣверскаго уѣзда; Ивченкомъ—Бытъ поляковъ въ царствованіе Августа III по мемуарамъ XVIII вѣка; Воротницкимъ—Протопопъ Аввакумъ и его литературная дѣятельность, и Козленкомъ—Обзоръ звуковъ и формъ говора с. Череповки въ связи съ фонетическими и морфологическими явленіями русскаго языка. Проф. Турцевичу студентъ Акименко представилъ сочиненіе: Клавдій Клавдіанъ, какъ историческій источникъ. Профессору Бережкову представлены слѣдующія сочиненія: студентомъ Петро-

вымъ—Новый опытъ о посадникахъ новгородскихъ; Макаровскимъ—Опытъ историко-критическаго разбора Воспоминаній Вигеля; Мироновичемъ—Авторы анекдотовъ о Петрѣ Великомъ; Дядьковымъ—Дѣятельность Редакціонной Коммиссіи по составленію крестьянскаго „Положенія" и по вопросу о крестьянскомъ управленіи въ частности; Тимоѳеевымъ—Какъ Псковъ сталъ молодшимъ братомъ Великаго Новгорода; Яценкомъ—Историческій обзоръ сословно-экономическихъ предложеній въ депутатскихъ наказахъ малороссійскаго шляхетства 1767 года, и Мозолевскимъ—Дѣятельность князя Н. В. Репнина, русскаго посла въ Польшѣ, по диссидентскому вопросу. Лучшія, по отзывамъ профессоровъ, сочиненія принадлежали студентамъ Ковальскому, Шаланскому, Акименку, Петрову и Макаровскому.

Практическія *занятія студентовъ IV курса преподаваніемъ* въ состоящей при Институтѣ Гимназіи велись въ отчетгоду въ слѣдующемъ порядкѣ.

Въ началѣ учебнаго года, въ продолженіи 6 недѣль, всѣ студенты IV курса посѣщали уроки въ разныхъ классахъ Институтской Гимназіи; затѣмъ было устроено нѣсколько бесѣдъ на которыхъ наставники-руководители, подъ наблюденіемъ Директора и при участіи Инспектора Института, разъясняли студентамъ гимназическіе учебные планы и дѣлали общія руководящія дидактическія указанія. Съ 1 ноября по 1 февраля студенты давали пробные уроки въ гимназіи—по 6 уроковъ каждый, причемъ кромѣ уроковъ по своимъ спеціальнымъ предметамъ, какъ въ младшихъ, такъ и въ старшихъ классахъ гимназіи, студенты классическаго отдѣленія давали уроки по русскому языку, а студенты словеснаго и историческаго отдѣленій—по древнимъ языкамъ; на пробныхъ урокахъ присутствовали и товарищи дававшихъ уроки студентовъ. Пробные уроки подвергались затѣмъ всестороннему обсужденію наставниковъ-руководителей и другихъ присутствовавшихъ на урокахъ лицъ; для этой цѣли устраивались бесѣды, на которыхъ указывались достоинства и недостатки всѣхъ данныхъ студентами уроковъ и въ связи съ тѣмъ подтверждались на примѣрахъ общія дидактическія положенія.

Нѣкоторые профессора и преподаватели, по своему пред-

нету каждый, разбирали со студентами старшихъ курсовъ учебники и учебныя пособія, принятые въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Съ разрѣшенія Г. Попечителя Округа, 6 декабря 1895 г. въ Институтѣ былъ устроенъ студенческій вечеръ; въ вокально-музыкальной части вечера выступали оркестръ и хоръ студентовъ, подъ управленіемъ Г. Инспектора Института; студентъ IV курса Яценко прочелъ рефератъ о Моцартѣ, и студ. III курса Бавринъ — о Надсонѣ.

Конференція Института въ отчетномъ году имѣла 20 засѣданій. Главными предметами занятій Конференціи, кромѣ текущихъ дѣлъ, были слѣдующіе. Въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ Конференція занималась, согласно предложенію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, составленіемъ общаго нормальнаго плана занятій въ Институтѣ на всѣ четыре года обученія, съ тѣмъ, чтобы этотъ планъ, въ случаѣ его утвержденія, могъ замѣнить собою представляемые нынѣ въ Министерство планы на каждый учебный годъ. Въ началѣ отчетнаго учебнаго года Конференція обсуждала способы къ устраненію неудобствъ практиковавшагося въ Институтѣ составленія и затѣмъ переписыванія лекцій самими студентами, на основаніи записей, дѣлаемыхъ ими при слушаніи лекцій. Установлены были Конференціею слѣдующіе способы: 1) преподающій составляетъ краткій конспектъ своихъ чтеній, для литографированія или—при небольшомъ количествѣ слушателей—для распространенія между ними путемъ переписыванія; или 2) преподающій указываетъ печатное руководство къ читаемому имъ курсу, при чемъ онъ можетъ сообщать также (для литографированія или переписыванія) свои письменныя поправки и дополненія къ указанному руководству; литографированіе же самыхъ лекцій Конференціей не признано цѣлесообразнымъ. Изъявили желаніе литографировать—и въ отчетномъ году литографировали—конспекты своихъ чтеній профессоры Сперанскій—по исторіи русской литературы, Люперсольскій—по исторіи Греціи, Покровскій—по исторіи Рима и Бережковъ—по русской исторіи; проф. Турцевичъ

началъ литографированіе текстовъ источниковъ къ читанному имъ курсу римскихъ древностей; по другимъ предметамъ были указаны печатныя руководства и пособія къ курсамъ; законоучитель свящ. Свѣтловъ въ качествѣ руководства къ преподаваемому имъ курсу издалъ I томъ своего „Опыта апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣроученія".

Въ отчетномъ году вышелъ XV томъ *Извѣстій Института.* Въ составъ этого тома вошли: историческія записки проф. Е. В. Пѣтухова о Гимназіи высшихъ наукъ Князя Безбородко (1820—32) и препод. И. А. Сребницкаго—о Лицеѣ Князя Безбородко (1832—75); Памятная книжка Института (1875—95); Замѣтка о библіотекѣ Института, проф. А. В. Добіаша; Замѣтки о рукописяхъ библіотеки Института проф. Пѣтухова; Письма Гоголя къ Прокоповичу, изданныя по подлинникамъ, съ присоединеніемъ писемъ Прокоповича къ Гоголю и двухъ фототипическихъ снимковъ, проф. Пѣтуховымъ; Замѣтка о картинной галлереѣ Института, I. Г. Турцевича; Нѣжинъ въ началѣ XIX вѣка, проф. М. Н. Бережкова; Народныя историческія пѣсни, записанныя во Владимірской губ. проф. Бережковымъ; О культѣ Весты въ др. Римѣ проф. И. Г. Турцевича, и сочиненія бывшихъ студентовъ Института: профессора Е. Ѳ. Карскаго—Нарѣчія: домой долой, С. Н. Брайловскаго—С. С. Бобровъ, и И. В. Среброянскаго—Миѳологія Слова о полку Игоревѣ.

Внѣ „Извѣстій Института" профессора и преподаватели Института напечатали слѣдующіе труды: Законоучитель свящ. *П. Я. Свѣтловъ:* 1) Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣроученія, т. I; 2) Ученіе Церкви и богословствующій разумъ въ религіозно-христіанскомъ знаніи и 3) Излѣченіе психическимъ вліяніемъ и чудесныя исцѣленія (библейско-апологетическій очеркъ)—обѣ статьи въ Христіанскомъ Чтеніи (1896 г., кн. 3, 4 и 6); 4) Мысли Гладстона объ искупленіи—въ Православномъ Собесѣдникѣ (1896 г. кн. 2 и 3); 5) Источники ходячаго мнѣнія о вѣрѣ, какъ противуположности разума—въ Страннинкѣ (1896 г., кн. 1 и 2) 6) Анонимные и псевдонимные критики—въ Церковномъ Вѣстникѣ (1896 г., № 30), и 7) О повиновеніи царской власти—въ Душеполезномъ Чтеніи (1895 г., кн. 12). Профессоръ *С. Н. Ждановъ:* Просодическія и критическія замѣтки—въ

Филологическомъ Обозрѣніи.—Профессоръ *М. Н. Бережковъ*: 1) Рецензія на книгу Д. И. Иловайскаго „Смутное время Московскаго Государства“ и 2) Георгій Конисскій, какъ проповѣдникъ,—обѣ статьи въ Сборникѣ Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ, кн. I. Профессоръ *В. В. Качановскій*: 1) Училища и образованіе въ древней Сербіи; 2) Новое произведеніе черногорскаго князя Николая „Князь Арванитъ“; 3) Внучка царя Мурата, дочь попа Ирана-папы Рима, и 4) нѣсколько рецензій и некрологовъ—въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Славянства“. —Профессоръ *М. Н. Сперанскій*: 1) совмѣстно съ П. А. Лавровымъ—Письма Шафарика къ Бодянскому и Григоровичу (Чтенія въ Импер. Обществѣ Ист. и Др. Росс. 1895 г.); 2) Придорожные кресты въ Чехіи и Моравіи и византійское вліяніе на Западѣ (Археолог. Изв. и Зам. 1895 г. № 12); 3) Къ исторіи „Пренія панагіота съ азимитомъ“ (Въ Визант. Временникѣ 1895 г. № 4); 4) Памятники древне-христіанской литературы въ нашей словесности (въ „Починѣ“ Общества Любителей Росс. Слов., кн. II); 5) Сербскіе хронографы и русскій первой редакціи (въ Р. Филолог. Вѣстникѣ 1896 г.); 6) Сентябрьская минея-четья до-макарьевскаго состава (въ Извѣстіяхъ II-го Отд. Импер. Академіи Наукъ, кн. II), и 7) рядъ мелкихъ замѣтокъ и рецензій (въ Археолог. Извѣстіяхъ и Замѣткахъ за 1895 и 1896 г.).—Преподаватель *И. А. Сребницкій*: Къ біографіи Георгія Конискаго (въ Сборникѣ Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ, кн. I). -Преподаватель *А. П. Кадлубовскій*: Нѣсколько словъ о значеніи А. С. Грибоѣдова въ развитіи русской поэзіи (тамъ-же).

Отчетный годъ былъ вторымъ годомъ дѣятельности состоящаго при Институтѣ *Историко-Филологическаго Общества*.

Къ началу года въ Обществѣ состояло 52 дѣйствительныхъ члена; въ концѣ года—63.

Предсѣдателемъ Общества состоялъ Директоръ Института Ф. Ф. Гельбке, товарищемъ предсѣдателя—профессоръ М. Н. Бережковъ, секретаремъ—наставникъ студентовъ А. П. Кадлубовскій.

Въ отчетномъ году Общество имѣло 9 засѣданій, на которыхъ сообщено было 17 рефератовъ.

Въ апрѣлѣ отчетнаго года Общество издало I томъ Сборника Общества; въ составъ его, кромѣ отчетовъ и извлеченій изъ протоколовъ Общества, вошли труды дѣйствительныхъ членовъ Общества И. Н. Михайловскаго, И. А. Сребницкаго, Е. В. Пѣтухова, М. Н. Бережкова, А. П. Кадлубовскаго и Е. И. Кашпровскаго.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко въ 189$^6/_7$ уч. г.

Въ *личномъ составѣ* Института произошли слѣдующія измѣненія.

Приказомъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 20 марта 1897 г. Законоучитель Института магистръ богословія священникъ *П. Я. Свѣтловъ* назначенъ профессоромъ Богословія въ Университетѣ Св. Владиміра.

Приказами Г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія инспекторъ, ординарный профессоръ *А. В. Добіашъ* и ординарный профессоръ *С. Н. Ждановъ* оставлены на службѣ въ занимаемыхъ ими должностяхъ еще на пять лѣтъ, по выслугѣ ими 25-лѣтняго срока по учебной части Министерства Народнаго Просвѣщенія, первый—съ 26 іюня, второй—съ 1 іюля 1896 г.

Состоявшій членомъ Правленія Института преподаватель *М. И. Лилеевъ* вновь избранъ Конференціею на должность члена Правленія, на одинъ годъ, съ 8 октября 1896 г.

Преподаватель *М. И. Лилеевъ* уволенъ Конференціею, согласно прошенію, отъ должности библіотекаря Института, 4 іюня 1897 г; на означенную должность тогда-же избранъ Конференціею преподаватель *А. И. Шнукъ*.

18 ноября 1896 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе на увольненіе Инспектора Института ординарнаго профессора *А. В. Добіаша*, по случаю постигшей его болѣзни, въ заграничный отпускъ на 11 мѣсяцевъ. Инспекторъ профессоръ Добіашъ несъ свои обязанности до конца перваго полугодія отчетнаго года; во второмъ полугодіи его обязанности по

преподаванію приняли на себя Г. Директоръ Института и ординарный профессоръ С. Н. Ждановъ; членомъ же Правленія, вмѣсто инспектора, на время нахожденія въ отпуску А. В. Добіаша, избранъ былъ Конференціею и. д. экстраординарнаго профессора Г. В. Малеванскій.

Наставникъ студентовъ и преподаватель *М. И. Лилеевъ* Совѣтомъ Императорскаго Университета Св. Владиміра удостоенъ степени магистра русской исторіи.

Къ началу $189^{6}/_{7}$ учебнаго года числились въ I курсѣ 3 студента, во II—19, въ III—22, въ IV—15 студентовъ. Заявили о желаніи поступить въ Институтъ 40 молодыхъ людей, въ томъ числѣ 1 студентъ уволившійся изъ Института по болѣзни въ октябрѣ 1895 г., 2 студента Императорскаго С.-Петербургскаго Историко-филологическаго Института, 3 студента университетовъ, 22 воспитанника гимназій и 12 воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Приняты въ I курсъ: бывшій студентъ Института—1; студентовъ С.-Петербургскаго Историко-филологическаго Института—2; студентъ университета—1; по аттестатамъ зрѣлости безъ повѣрочныхъ испытаній—16 и послѣ повѣрочныхъ испытаній—2; воспитанниковъ духовныхъ семинарій, по особому, установленному для воспитанниковъ семинарій, испытанію—4, а всего 26 молодыхъ людей.

16 ноября 1896 года студентъ III курса Нифонтъ Тарховъ въ припадкѣ меланхоліи покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Къ 1 января 1897 г. въ Институтѣ состояли: въ I курсѣ—29 студентовъ, во II—19, въ III—21 и въ IV—15, а всего 84 студента.

По результатамъ окончательныхъ и переводныхъ испытаній въ концѣ $189^{6}/_{7}$ уч. г., удостоены званія учителя гимназіи 15 студентовъ, окончившихъ курсъ (въ томъ числѣ 1 по классическому отдѣленію, 5 по словесному и 9 по историческому); удостоены перевода въ IV курсъ 20 студентовъ III курса (7 классиковъ, 6 словесниковъ и 7 историковъ); 1 студентъ-словесникъ III курса, не державшій по болѣзни переводныхъ испытаній, оставленъ на второй годъ въ томъ же курсѣ; изъ II въ III курсъ переведены 19 студентовъ, и изъ I во II—28 студентовъ. 1 студентъ, переведенный изъ I курса во II,

и 1 студентъ, не выдержавшій переводныхъ во II курсъ испытаній, уволены изъ Института, по прошеніямъ, для поступленія въ университеты.

Изъ 17 студентовъ окончившихъ курсъ въ 1896 г. одинъ (Яценко) освобожденъ былъ Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія отъ обязательной службы по Министерству Народнаго Просвѣщенія, для опредѣленія въ военную службу; остальные 16 получили назначенія на учительскія должности: *Бардуновъ*—во Владивостокскую прогимназію по древнимъ языкамъ, *Ковальскій*—въ Луцкую прогимназію по древнимъ языкамъ, *Мальцевъ*—въ Оренбургскую гимназію по древнимъ языкамъ, *Шаланскій*—въ Елисаветпольскую гимназію по древнимъ языкамъ, *Азбукинъ*—въ женскую гимназію г. Бейтель въ Кіевѣ по русскому языку и словесности, *Борщовъ*—въ Уманскую гимназію по русскому языку, *Воротницкій*—въ Плоцкую гимназію по русскому языку, исторіи и географіи, *Ивченко*—въ Благовѣщенскую учительскую семинарію по русскому языку, *Козленко*—въ Павлоградскую гимназію по русскому языку и словесности, *Акименко*—въ Либавскую Николаевскую гимназію по древнимъ языкамъ, *Дядьковъ*—въ Воронежскую прогимназію по исторіи и географіи, *Макаровскій*—въ Тифлисскую 1 гимназію по древнимъ языкамъ, *Мироновичъ*—въ Елисаветпольскую гимназію, *Мозолевскій*—въ Лодзинскую женскую гимназію по русскому языку и словесности, исторіи и географіи, *Петровъ*—въ Юрьевскую гимназію по древнимъ языкамъ и *Тимоѳеевъ*—въ Семипалатинскую прогимназію по исторіи и географіи.

Окончившій курсъ въ Институтѣ въ 1895 году Георгій *Кунцевичъ*, по ходатайству Конференціи, 26 октября 1896 г. причисленъ къ Министерству Народнаго Просвѣщенія, съ увольненіемъ отъ должности преподавателя Двинскаго реальнаго училища, и прикомандированъ къ С.-Петербургскому Университету, для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ русскаго языка и словесности, срокомъ на 2 года, съ выдачей ему стипендіи въ размѣрѣ 600 рублей въ годъ.

Преподаваніе въ Институтѣ въ отчетномъ году, по отдѣльнымъ предметамъ, состояло въ слѣдующемъ.

По *Закону Божію* законоучитель свящ. *П. Я. Свѣтловъ* излагалъ въ III курсѣ, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, изъ апологетическаго курса Сотеріологіи—ученіе о дѣлѣ Христовомъ.

По *философіи* и. д. экстраординарнаго профессора *Г. В. Малеванскимъ*—въ I курсѣ, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, преподана, послѣ психологическаго обозрѣнія предшествующихъ логическому мышленію низшихъ ступеней познанія, логика, въ полномъ составѣ; во II курсѣ, также при 2 лекціяхъ, въ первое полугодіе прочитана наиболѣе важная часть психологіи—ученіе о различныхъ функціяхъ познавательной способности, а во второе полугодіе—прочитана исторія философіи до Аристотеля включительно; въ III курсѣ, также при 2 лекціяхъ, прочитана исторія древней философіи, а изъ новой философіи изложены системы Бэкона, Локка, Декарта, Лейбница и Канта.

По *педагогикѣ* преподавателемъ *М. И. Лилеевымъ* читана въ III и IV курсахъ сводно, при 2 лекціяхъ, гимназическая педагогика.

По *греческой и римской словесности*—въ I курсѣ преподаватель *А. И. Шнукъ* объяснялъ рѣчь Лисіи κατὰ Ἐρατοσθένους, трагедію Эврипида Ἑκάβη (700 ст.), Саллюстія bellum Catilinae (26 гл.) и избранные отрывки изъ двухъ первыхъ книгъ Овидіевыхъ Fasti (600 ст.); на каждаго изъ названныхъ авторовъ назначено было по два часа въ недѣлю; кромѣ того препод. Шнукъ упражнялъ студентовъ въ устныхъ и письменныхъ переводахъ—1 часъ въ недѣлю съ русскаго на греческій и 1 часъ—съ русскаго на латинскій языкъ. Въ I и II курсахъ сводно, при 2 лекціяхъ, ординарнымъ профессоромъ *С. Н. Ждановымъ* прочитаны изъ сравнительнаго синтаксиса греческаго и латинскаго языковъ—синтаксисъ глагола, ученіе объ отрицаніяхъ и большая часть синтаксиса падежей (падежи именительный, звательный, винительный и родительный). Во II курсѣ въ первомъ полугодіи ординарный профессоръ *А. В. Добіашъ* толковалъ VII книгу Одиссеи, при 2 часахъ въ недѣлю, и, 1 часъ въ недѣлю, излагалъ этимологію Гомера; во второмъ полугодіи—тѣмъ же студентамъ объяснялъ діалогъ Платона „Протагоръ", 3 часа въ недѣлю, *Г. Директоръ Института*; тѣхъ же студентовъ—въ 1

полугодіи профессоръ Добіашъ, во 2-мъ Г. Директоръ упражняли, по 1 часу въ недѣлю, въ переводахъ съ русскаго языка на греческій. Въ томъ же курсѣ ординарный профессоръ *А. М. Фогель* объяснялъ, при 3 лекціяхъ въ недѣлю, въ первомъ полугодіи III и IV Филиппики Цицерона, во второмъ полугодіи—II книгу Энеиды Вергилія (v. 1—370), и, по 1 часу въ недѣлю, упражнялъ студентовъ въ латинскомъ синтаксисѣ посредствомъ письменныхъ переводовъ съ русскаго на латинскій языкъ. Во II-мъ же курсѣ профессоръ *Добіашъ* излагалъ въ первомъ полугодіи, при 2 лекціяхъ, исторію классической филологіи. Въ классическомъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно, при 2 лекціяхъ, профессоромъ *Ждановымъ* разбирался Ипполитъ Эврипида; тамъ же и. д. экстраординарнаго профессора *И. Г. Турцевичемъ* толковалась комедія Плавта Mostellaria (ст. 1—718), а на двухъ семинарскихъ часахъ у того же профессора обсуждались и исправлялись переводы и объясненія (въ началѣ года устные, а потомъ письменные) избранныхъ мѣстъ изъ первыхъ трехъ книгъ Анналъ Тацита; этимъ семинарскимъ занятіямъ предпослано было введеніе о произведеніяхъ Тацита, критикѣ и интерпретаціи ихъ. Тѣмъ же студентамъ, при 1-й лекціи, прочитаны были профессоромъ *Ждановымъ* изъ греческой діалектологіи—фонетика и ученіе о спряженіи, и излагалась, при одной же лекціи, въ первомъ полугодіи профессоромъ Добіашемъ, во второмъ—замѣнившимъ его профессоромъ Ждановымъ метрика. Въ классическомъ отдѣленіи III курса и. д. э.—о. проф. *А. И. Покровскимъ* прочитанъ общій курсъ греческихъ государственныхъ древностей, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, а проф. *Турцевичемъ*, при томъ же числѣ лекцій, прочитанъ по римскимъ древностямъ курсъ о провинціяхъ и провинціальномъ управленіи времени республики и въ первые три вѣка имперіи. Въ классическомъ отдѣленіи IV курса профессоръ *Ждановъ* читалъ, при 2 лекціяхъ, исторію греческой литературы. Въ классическомъ и словесномъ отдѣленіяхъ IV курса сводно, при 1 лекціи, проф. *Турцевичъ* переводилъ X книгу изъ Квинтиліана, Institutio oratoria; переводу предпослано было введеніе о главныхъ вопросахъ исторіи и теоріи античной прозы и о Квинтиліанѣ. Въ словесномъ и историческомъ отдѣленіяхъ III и IV курсовъ совмѣстно преподаватель *Н. С. Кирилловъ* толковалъ рѣчь Демосѳена о вѣнкѣ (§§ 1—180),

при 2 лекціяхъ въ недѣлю, и велъ письменныя упражненія по греческой грамматикѣ, при 1 лекціи; тамъ же профессоръ *Фогель* объяснялъ XXVII книгу (гл.1—18) Тита Ливія, при 2 часахъ въ недѣлю, и упражнялъ студентовъ, 1 часъ въ недѣлю, въ латинскомъ синтаксисѣ посредствомъ переводовъ съ русскаго на латинскій языкъ.

По каѳедрѣ *русской словесности*—въ I и II курсахъ сводно, при 2 часахъ, ординарный профессоръ *В. В. Качановскій* излагалъ исторію русскаго языка; изложеніе сопровождалось практическими занятіями древне-русскими памятниками. Тѣмъ же курсамъ, по два часа въ недѣлю, читанъ былъ экстраординарнымъ профессоромъ *М. Н. Сперанскимъ* общій обзоръ главнѣйшихъ явленій въ области русской литературы, съ древнѣйшихъ временъ до XIV вѣка. Въ словесномъ отдѣленіи III и IV курсовъ сводно профессоромъ Сперанскимъ, при 2 лекціяхъ, прочитанъ курсъ русской апокрифической литературы, начиная съ объясненія термина „апокрифическій", исторіи „списка книгъ истинныхъ и ложныхъ" и кончая обзоромъ литературной исторіи отдѣльныхъ апокрифовъ и апокрифическихъ сказаній, сохранившихся въ русской литературѣ; у тѣхъ же студентовъ профессоръ *Качановскій,* при 2 часахъ, велъ курсъ по изученію славянскихъ нарѣчій западной вѣтви, состоявшій въ теоретическомъ изложеніи и практическомъ ознакомленіи съ нарѣчіями польскимъ, чешскимъ, словацкимъ и лужицкими (верхнимъ и нижнимъ). Въ словесномъ отдѣленіи III курса профессоръ *Сперанскій*, 2 часа въ недѣлю, велъ практическія занятія по исторіи русской литературы; въ началѣ года, пока студенты готовили рефераты, часы практическихъ занятій посвящены были изложенію началъ палеографической критики; съ конца ноября читались и разбирались рефераты студентовъ на слѣдующія темы: „Роль русскихъ паломниковъ въ созданіи и развитіи духовнаго стиха"; „Іоаннъ Грозный по историческимъ пѣснямъ"; „Отношеніе къ русской литературѣ и жизни"; „Популярное чтеніе въ XVIII вѣкѣ"; „Значеніе Радищева въ русской литературѣ"; „О Борисѣ Годуновѣ Пушкина" и „О народности Кольцова". Въ словесномъ отдѣленіи IV курса профессоромъ *Качановскимъ* веденъ былъ, при 2 часахъ въ недѣлю, семинарій по русскому и славянскому языку; послѣ изложенія о болѣе нормальной постановкѣ преподаванія этихъ предметовъ въ

среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, предложено было студентамъ критическое обозрѣніе учебниковъ по этимъ предметамъ; въ аудиторіи прочитаны были также разборы нѣсколькихъ учебниковъ, сдѣланные самими студентами; сверхъ того студентами прочтены были слѣдующіе рефераты: О народной лирической поэзіи; Объ изученіи славянской народной поэзіи; Объ особенностяхъ языка Переяславльскаго Лѣтописца; О трудахъ Юрія Крижанича, и О панславизмѣ и Янѣ Колларѣ.

По предмету *теоріи словесности*—студентамъ III курса классическаго и словеснаго отдѣленій преподавателемъ *А. П. Кадлубовскимъ*, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, изложена исторія развитія поэтики, и объяснены ея главные вопросы: о сущности поэзіи, объ отношеніяхъ ея къ прочимъ искусствамъ, о классификаціи ея родовъ и о значеніи установленныхъ въ ея области терминовъ.

По *всеобщей исторіи*—въ I и II курсахъ, сводно, при 4 лекціяхъ въ недѣлю, и. д. экстраординарнаго профессора *А. И. Покровскимъ* изложенъ общій курсъ римской исторіи, до времени императора Адріана, со введеніемъ—объ источникахъ и разработкѣ римской исторіи. Въ историческомъ отдѣленіи III курса читана преподавателемъ *М. И. Лилеевымъ*, при 2 лекціяхъ, средняя исторія въ ея главнѣйшихъ явленіяхъ, причемъ особое вниманіе было обращено на исторію Франціи и Англіи. Въ томъ же курсѣ и отдѣленіи проф. *П. И. Люперсольскимъ* веденъ былъ семинарій; предметомъ семинарскихъ занятій служило произведеніе Иродота. Въ началѣ учебнаго года сообщены были профессоромъ свѣдѣнія объ Иродотѣ; въ 1-мъ же полугодіи представлены были студентами и разобраны въ аудиторіи письменные рефераты на тему: „какой смыслъ имѣетъ слово ἱστορίη въ произведеніи Иродота?“ Во 2-е полугодіе разбирались рефераты студентовъ на слѣдующія темы: „Извѣстія Иродота о древнѣйшей эпохѣ Аттики и Аѳинъ“, „Извѣстія Иродота о Дельфахъ и дельфійскомъ оракулѣ“, „Іонійскія колоніи на малоазійскомъ побережьи—по Иродоту“, „Греческія колоніи на берегахъ Евксинскаго понта по Иродоту“, „Эпоха тиранновъ по Иродоту“, „Роль Спарты въ эпоху персидскихъ войнъ по Иродоту“ и „Государственная дѣятельность Ѳемистокла по изображенію Иродота“. Въ IV курсѣ историческаго отдѣленія профессоромъ Люперсольскимъ изложена была, при 3 лекціяхъ въ недѣлю, новая исторія

до великой французской революціи включительно; тѣмъ же студентамъ, при 1 лекціи, читанъ былъ спеціальный курсъ исторіи XIX столѣтія, слѣдующаго содержанія: обозрѣніе ученыхъ трудовъ по исторіи XIX столѣтія; характеристическія особенности нашего столѣтія въ главнѣйшихъ сторонахъ исторической жизни—политической, экономической, соціальной, научной и художественной; эпоха Наполеона I; вѣнскій конгресъ; реставрація Бурбоновъ; іюльская революція и іюльская монархія, и февральская революція.

По *русской исторіи*—въ I и II курсахъ совмѣстно, при 2 часахъ въ недѣлю, ординарнымъ профессоромъ *М. П. Бережковымъ* была изложена исторія западной Россіи въ XIII—XV вв. и исторія Московскаго государства до избранія царя Михаила Романова. Студенты III курса историческаго отдѣленія, при 2 часахъ въ недѣлю, выслушали курсъ русской историографіи за XVIII и XIX в. Для студентовъ IV курса историческаго отдѣленія, при 2-хъ также часахъ, былъ данъ обзоръ источниковъ Русской исторіи; рядомъ съ чтеніями профессора шли самостоятельныя занятія студентовъ; ими представлены были для чтенія и обсужденія въ аудиторіи рефераты на слѣдующія темы: „Черты родоваго быта у русскихъ славянъ, на основаніи начальной Лѣтописи, Русской правды и договоровъ съ греками"; „Русская правда сравнительно съ древнерусскими торговыми договорами съ греками и нѣмцами"; „Сравненіе латинскаго проекта договора 1269 года съ нѣмецкимъ текстомъ договора 1270 года у Новгорода съ нѣмецкими городами"; „Грамоты сѣверно-русскихъ городовъ за время междуцарствія 1611—1612 г., какъ источникъ по исторіи земскихъ ополченій"; „Черты быта русскихъ царей XVII вѣка по выходнымъ книгамъ"; „Приказы Московскаго государства по Олеарію и Котошихину"; „Характеристика царя Алексѣя Михайловича по его письмамъ"; „Біографія и характеристика Котошихина"; „Біографія окольничаго Ѳ. М. Ртищева, на основаніи главнѣйше Житія его"; „Первыя письма Петра Великаго, какъ матеріалъ для его характеристики во время азовскихъ походовъ и перваго путешествія въ европейскія страны"; „Описаніе Полтавской побѣды по сочиненію Ѳеофана Прокоповича: Исторія Петра Великаго"; „Разборъ сочиненія князя Б. И. Куракина: Гисторія о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ"; „Путешественныя записки

графа Б. П. Шереметева и графа П. А. Толстаго"; „Антидоть, сочиненіе Императрицы Екатерины II"; „Переписка Императрицы Екатерины II съ барономъ Гриммомъ"; „Состояніе православныхъ жителей въ Польской Украйнѣ въ эпоху предъ паденіемъ Польши".

По *географіи*—преподавателемъ *И. А. Сребницкимъ* преподаны—въ историческомъ отдѣленіи III курса, при 2 лекціяхъ въ недѣлю, общее землевѣдѣніе; въ историческомъ отдѣленіи IV курса, при 1 лекціи, а) изъ методики географіи: обозрѣніе различныхъ методовъ школьнаго преподаванія географіи, въ особенности аналитическаго, синтетическаго и конструктивнаго, и подробный планъ построенія элементарнаго курса географіи, съ разборомъ учебниковъ, и б) о геологической дѣятельности атмосферы, и обозрѣніе орографіи, гидрографіи и климата Европы.

По *французскому языку* у преподавателя *Л. Н. Мишеля*—въ I курсѣ, при 2 часахъ въ недѣлю, читались, съ грамматическими и фразеологическими объясненіями, статьи изъ Chrestomathie française Анспаха; во II курсѣ, также при 2 часахъ, переводилась, съ поясненіями, характеристика Вольтера изъ Études littéraires sur le dix-huitième siècle p. É. Faguet.

По *нѣмецкому языку* преподаватель *Э. Ю. Рихманъ* читалъ со студентами I курса, при 2 часахъ въ недѣлю, IV книгу сочиненія Archenholtz'a Geschichte des siebenjährigen Krieges, а со студентами II курса, также при 2 часахъ, отрывки изъ сочиненія G. Freytag. Bilder aus der deutschen Vergangenheit, съ фразеологическими объясненіями. Кромѣ того, преподаватель Рихманъ, при 2 часахъ въ недѣлю, руководилъ занятіями студентовъ, впервые начавшихъ ознакомленіе съ нѣмецкимъ языкомъ; съ этими студентами проходились этимологія и главные законы синтаксиса нѣмецкаго языка, и читались статьи изъ Хрестоматіи Бёма.

Въ теченіи учебнаго года по каждому предмету акроаматическаго преподаванія было до трехъ *собесѣдованій* преподавателей со студентами по преподаннымъ отдѣламъ предметовъ.

Домашнія (внѣ аудиторій) *занятія студентовъ*, кромѣ приготовленія переводовъ съ древнихъ языковъ и на древніе языки, состояли въ слѣдующемъ.

1) Студенты всѣхъ курсовъ занимались домашнимъ чтеніемъ древнихъ авторовъ. Студенты I курса прочли въ отчетномъ году, подъ руководствомъ преподавателя Шнука, въ первое полугодіе—II-ую и VII книгу Ксенофонтовыхъ Hellenica и двѣ первыхъ книги de bello civili Цезаря; во второе полугодіе—рядъ отрывковъ изъ первыхъ трехъ книгъ Ксенофонтовыхъ Memorabilia и I книгу de officiis Цицерона. Студенты II курса прочли по греческому языку изъ Одиссеи Гомера— въ 1-мъ полугодіи, подъ руководствомъ проф. Добіаша, I и II и во 2 полугодіи, подъ руководствомъ Г. Директора, V и XXIII рапсодіи; по латинскому языку, подъ руководствомъ профессора Фогеля,—въ первомъ полугодіи I-ю книгу Энеиды Вергилія, во второмъ полугодіи —XXII-ю книгу Ливія. Для руководства домашними чтеніями устраивались, въ свободное отъ лекцій время, вечеромъ, собесѣдованія—въ I курсѣ еженедѣльно, во II каждыя двѣ недѣли—поочередно по греческому и по латинскому языку; повѣрка-же домашнихъ чтеній производилась въ концѣ каждаго полугодія и состояла въ письменномъ переводѣ и комментированіи отрывковъ изъ прочитаннаго. Въ III и IV курсахъ студенты, подъ наблюденіемъ Г. Директора и профессоровъ Добіаша, Жданова, Фогеля, Турцевича, Люперсольскаго и Покровскаго, сами избирали себѣ для домашняго чтенія въ каждомъ полугодіи то или другое произведеніе греческой и римской литературы, и каждое полугодіе представляли письменные рефераты по предмету прочитаннаго ими по тому и другому древнему языку; повѣрка домашняго чтенія производилась посредствомъ собесѣдованій со студентами, на основаніи представленныхъ ими рефератовъ.

2) Студенты I и II курсовъ писали и къ концу учебнаго года представили проф. Покровскому сочиненія по римской исторіи. Темы были предложены такія, чтобы, выполняя ихъ, студенты могли пріучаться къ точности и отчетливости разсужденія и изложенія; для надлежащихъ отвѣтовъ на поставленные вопросы требовалось непосредственное знакомство съ текстами источниковъ римской исторіи.

3) Студенты старшихъ курсовъ составляли рефераты по

предметамъ ихъ семинарскихъ занятій. Студенты-классики III и IV курсовъ готовили въ началѣ года устные, а потомъ письменные рефераты по римской словесности, которые обсуждались на семинарскихъ часахъ у проф. Турцевича; съ наибольшимъ успѣхомъ работалъ студентъ III курса Вакерманъ.—Студенты-словесники III курса писали рефераты по исторіи русской литературы, которые передавались, предварительно ихъ прочтенія въ семинаріи проф. Сперанскаго, выбираемымъ изъ студентовъ-же—участниковъ семинарія оппонентамъ—такъ что референты и ихъ оппоненты и были главными дѣятелями собесѣдованій при разборѣ рефератовъ—подъ руководствомъ профессора: лучшими рефератами были рефераты студентовъ Логинова и Соболева.—Студенты-словесники IV курса готовили рефераты по вопросамъ славянской филологіи и по разбору учебниковъ русскаго и славянскаго языка для семинарія проф. Качановскаго.—Студенты-историки III курса готовили устные и письменные рефераты по греческой исторіи для семинарія проф. Люперсольскаго; наибольшее усердіе и разумѣніе дѣла выказали въ своихъ рефератахъ студенты Поляковъ и Ладинскій.—Студенты-историки IV курса писали для семинарія проф. Бережкова рефераты по русской исторіи (по два реферата каждый).

4) Студенты IV курса писали выпускныя сочиненія. Представленное профессору Добіашу сочиненіе студента *Эмберга* имѣло своимъ предметемъ „Рѣчи въ произведеніи Ѳукидида". Профессору Качановскому представилъ вполнѣ удовлетворительное сочиненіе студентъ *Ловейко*, на тему: „Значеніе Юрія Крижанича въ славянской литературѣ,"—съ особенно обстоятельнымъ разборомъ трудовъ Крижанича въ области языкознанія; тому же профессору представлены были сочиненія—*Зарринымъ*—„О звукахъ и формахъ Суздальскаго Лѣтописца" и *Малюгой*—„Значеніе славянской народной поэзіи." Профессору Сперанскому были представлены—студентомъ *Марковымъ* превосходно выполненная работа на тему: „Славянофильство и М. П. Погодинъ," и студентомъ *Бавринымъ*—работа на тему: „Сентиментализмъ Карамзина." Профессору Люперсольскому представили весьма хорошія диссертаціи студенты: *Картовель*—о „Карлѣ V въ его отношеніи къ реформаціи въ Германіи," и *Штейнбергъ*—„Объ отношеніяхъ Франціи къ Россіи въ эпоху консульства и первой

имперіи". Проф Покровскому представилъ сочиненіе студентъ *Бойко*—„О роли фратрій въ исторіи государства аѳинскаго." Профессору Бережкову подали сочиненія шесть студентовъ; лучшія сочиненія принадлежали *Гогину*, представившему работу о древнерусскихъ торговыхъ договорахъ съ нѣмецкими городами XII и XIII вѣковъ, и *Соловьеву*, работа котораго имѣла задачей „характеристику Императрицы Екатерины II по ея перепискѣ съ барономъ М. К. Гриммомъ"; остальныя сочиненія написаны были на слѣдующія темы: студента *Макарова*—Жизнь и дѣятельность князя Б. И. Куракина, на основаніи его сочиненій и оффиціальныхъ бумагъ (опытъ біографіи и характеристики). *Дирдовскаго*—Записки графа А. А. Матвѣева (опытъ критическаго разбора), *Иносова*—Мельхиседекъ Значко-Яворскій (очеркъ жизни и дѣятельности) и *Шуневича-Жицкаго*—Историческія сочиненія Ѳеофана Прокоповича.

Практическія *занятія студентовъ IV курса преподаваніемъ* въ состоящей при Институтѣ Гимназіи велись въ слѣдующемъ порядкѣ.

Съ начала учебнаго года и до конца октября студенты IV курса посѣщали (въ часы, оставленные свободными отъ лекцій) уроки въ Гимназіи наставниковъ-руководителей (по латинскому языку—А. Ѳ. Абрамова, по греческому языку—І. В. Добіаша, по русскому языку и словесности—И. Н. Михайловскаго и по исторіи и географіи—И. А. Сребницкаго). Въ концѣ октября и въ началѣ ноября были устроены 4 бесѣды, подъ предсѣдательствомъ Г. Директора и съ участіемъ Г. Инспектора, на коихъ наставники-руководители давали студентамъ общія педагогическія и дидактическія указанія, толковали гимназическіе учебные планы съ объяснительными къ нимъ записками Министерства Народнаго Просвѣщенія и разъясняли студентамъ вынесенныя изъ посѣщенныхъ ими уроковъ наблюденія. Затѣмъ студенты давали, подъ ближайшимъ руководствомъ наставниковъ-руководителей и въ присутствіи своихъ товарищей, пробные уроки въ Гимназіи,—по 6 уроковъ каждый; студенты классики давали 5 уроковъ по древнимъ языкамъ (въ старшихъ и младшихъ классахъ) и 1 урокъ по русскому языку (въ младшихъ классахъ); студен

ты-словесники—4 урока по русскому языку и словесности и 2 урока—по древнимъ языкамъ, и студенты-историки—2 урока по исторіи, 2 урока по географіи и 2 урока по древнимъ языкамъ. Въ то же время каждый изъ наставниковъ-руководителей устраивалъ разъ въ недѣлю вечернее собесѣдованіе для детальнаго обсужденія данныхъ студентами пробныхъ уроковъ, каждаго въ отдѣльности. По окончаніи пробныхъ уроковъ и частныхъ собесѣдованій по детальному ихъ разбору, устроены были еще 4 общихъ бесѣды наставниковъ-руководителей со студентами.

Какъ наставники-руководители, такъ и нѣкоторые изъ профессоровъ и преподавателей Института разбирали со студентами высшихъ курсовъ, каждый по своему предмету, учебники и учебныя пособія, полезные для среднихъ учебныхъ заведеній.

Съ разрѣшенія Г. Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, 16-го февраля 1897 г. устроенъ былъ въ Институтѣ студенческій вечеръ, въ вокально-музыкальной части котораго выступали хоръ и оркестръ студентовъ, и на которомъ студентъ III курса В. Цвѣтковъ прочелъ рефератъ: „Легенда о Донъ-Жуанѣ въ обработкѣ русскихъ писателей."

Конференція Института въ отчетномъ году имѣла 20 засѣданій.

Фундаментальная *библіотека* Института пополнялась покупкою книгъ по предложеніемъ профессоровъ и преподавателей и присылкою изданій русскихъ и иностранныхъ ученыхъ учрежденій и обществъ и учебныхъ заведеній въ обмѣнъ на „Извѣстія Института"; всего въ отчетномъ году пріобрѣтено для фундаментальной библіотеки 377 названій въ 616 томахъ; въ концѣ года въ библіотекѣ состояло названій 21494, томовъ 52285. Въ студенческой библіотекѣ къ 1 января 1898 г. состояло учебныхъ пособій 649 названій въ 7359 томахъ.—Библіотечная комиссія имѣла въ отчетномъ году 18 засѣданій.

Въ отчетномъ году начато было печатаніе назначенныхъ къ помѣщенію въ „Извѣстіяхъ Института“ сочиненій профессора *Добіаша*—Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка, и профессора *Качановскаго*—Исторія Сербіи въ XIV и XV столѣтіяхъ, ч. I (обзоръ источниковъ).

Напечатали въ отчетномъ году:

Профессоръ *Ждановъ*—Просодическія и критическія замѣтки (въ Филологическомъ Обозрѣніи).

Профессоръ *Бережковъ*—1) Елена Ивановна, великая княгиня литовская и королева польская (историческій очеркъ,—въ „Трудахъ IX Археологическаго Съѣзда въ Вильнѣ,“ т. II), 2) Нуръ-салтанъ, царица крымская (историко-біографическій очеркъ,—въ Извѣстіяхъ Таврической ученой архивной коммиссіи, № 27) и 3) Въ память К. Н. Бестужева-Рюмина (рѣчь,—въ Сборникѣ Историко-Филологическаго Общества при Институтѣ, т. II).

Профессоръ *Качановскій*—1) Славянская „Кормчая“ и 2) Молитва, съ апокрифическими чертами, отъ злаго дождя (въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ, 1897 г., кн. IV и III); 3) Очеркъ жизни и литературной дѣятельности польскаго поэта Адама Мицкевича; 4) Изъ сербскаго эпоса; 5) Памяти Николая Михайловича Языкова; 6) Къ вопросу о литературной дѣятельности въ царствованіе сербскаго царя Стефана Душана, по поводу книги Coquelle'я Le royaume de Serbie (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, 1897 г., февр.); критическіе разборы слѣдующихъ сочиненій: 7) Coquelle, Histoire du Montenegro et de la Bosnie (Журн. М. Н. Пр., 1897 г., февр.); 8) Lippert, Socialgeschichte Böhmens in vorhusitischer Zeit, I; 9) Pisko, Scanderbeg; 10) Pisani, La Dalmatie de 1797 à 1815; 11) Windakiewicz, Mikolaj Rej z Naglowic; 12) Lapôtre, L' Europe et le Saint-Siège à l' époque carolingienne, и 13) Джорджевичъ, Матіја Дивковичъ, и другія рецензіи и замѣтки—въ издаваемомъ имъ „Вѣстникѣ Славянства“; 14) некрологи: П. А. Кулиша, 15) В. Облака, 16) Д. Матова и 17) А. Н. Майкова.

Профессоръ *Сперанскій*—1) Дѣленіе исторіи русской литературы на періоды и вліяніе русской литературы на югославянскую (въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ),

и 2) Чешско-словацкая этнографическая выставка въ Прагѣ (въ Этнографическомъ Обозрѣніи).

Преподаватель *Кадлубовскій*—Къ вопросу о житіи преподобнаго Авраамія Ростовскаго (въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, 1897 г., 1—2).

Отчетный годъ былъ третьимъ годомъ дѣятельности состоящаго при Институтѣ *Историко-Филологическаго Общества.*

Въ Обществѣ числилось 66 дѣйствительныхъ членовъ. Предсѣдателемъ Общества состоялъ Директоръ Института Ф. Ф. Гельбке, товарищемъ предсѣдателя—профессоръ М. Н. Бережковъ, секретаремъ—преподаватель А. П. Кадлубовскій.

Общество въ отчетномъ году имѣло 8 засѣданій, на которыхъ читаны были слѣдующія 12 сообщеній: *М. Н. Бережкова*—Императоръ Николай Павловичъ, и Въ память К. Н. Бестужева-Рюмина; *И. В. Галанта*—Объ евреяхъ въ Подоліи; *І. В. Добіаша*—Къ вопросу о письменныхъ упражненіяхъ учениковъ гимназій по древнимъ языкамъ; *А. П. Кадлубовскаго*—О житія преподобнаго Пафнутія Боровскаго; *Е. И. Кашпровскаго*—О книгѣ И. Побойнина „Торопецкая Старина,“ и О судьбѣ Уставной грамоты князя Ростислава Мстиславича; *И. Н. Михайловскаго*—Литературныя бесѣды въ Нѣжинской гимназіи въ 1859—67 гг.; *И. Г. Турцевича*—О значеніи слова optimus вообще и въ сочетаніи optimus maximus, и О дѣлахъ человѣколюбія по поводу праздниковъ и торжествъ у древнихъ римлянъ; *В. Р. Фохта*—О transitio ad plebem, и *Н. Н. Харузина*—Древнерусскія имена.

Общество приступило къ печатанію II тома своего Сборника; въ составъ этого тома имѣютъ войдти, кромѣ отчетовъ и протоколовъ Общества, труды дѣйствительныхъ членовъ М. Н. Бережкова, А. В. Добіаша, А. П. Кадлубовскаго, И. Н. Михайловскаго и В. Р. Фохта.

ПРАВИЛА

Библіотеки Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко.

Утверждены Г. Попечителемъ Кіевскаго Учебнаго Округа 27-го Марта 1896 года.

§ **1**. Библіотекою вѣдаетъ библіотечная Коммиссія, состоящая, по крайней мѣрѣ, изъ 3-хъ преподавателей Института, избираемыхъ Конференціею на 1 годъ. Библіотекарь присутствуетъ въ засѣданіяхъ Коммиссіи и имѣетъ въ ней совѣщательный голосъ. Дѣятельность Коммиссіи опредѣляется какъ библіотечными правилами, такъ и инструкціею Конференціи, отъ которой зависитъ утвержденіе постановленій Коммиссіи.

§ **2**. Библіотекарь отвѣчаетъ за цѣлость библіотеки, за порядокъ въ ней, за правильное веденіе Инвентаря и хронологическаго указателя книгъ, отдаваемыхъ въ переплетъ, и исполняетъ постановленія библіотечной Коммиссіи, утверждаемыя Конференціею, на сколько они его касаются.

§ **3**. Въ помощники библіотекарю дается завѣдывающій читальнею изъ наемныхъ писцовъ канцеляріи. завѣдывающій читальнею подчиненъ библіотекарю въ предѣлахъ инструкціи, вырабатываемой библіотечною Коммиссіею и утверждаемой Конференціею.

§ **4**. Книги, пріобрѣтаемыя по распоряженію Конференціи путемъ покупки или обмѣна, а также пожертвованныя Институту, Правленіе передаетъ библіотекарю подъ его росписку для немедленнаго внесенія въ Инвентарь. Размѣщеніемъ книгъ въ библіотекѣ и составленіемъ для нихъ карточнаго каталога распоряжается библіотечная Коммиссія.

Примѣчаніе. Правила о поступленіи въ библіотеку жур-

наловъ опредѣляются особымъ постановленіемъ Конференціи о завѣдываніи журналами.

§ 5. Въ библіотекѣ ведутся:

1) Инвентарь послѣдовательныхъ пріобрѣтеній библіотеки или документальный каталогъ, въ который записываются всѣ рукописи, печатныя и другія изданія, по мѣрѣ поступленія ихъ въ библіотеку, съ означеніемъ, когда и отъ кого, и если отъ книгопродавца, то по какому счету—онѣ поступили, а также цѣнъ ихъ.

Примѣчаніе 1. Цѣны сочиненій, пріобрѣтаемыхъ по пожертвованію или мѣною, означаются по каталогамъ книгопродавцевъ, а если въ оныхъ нѣтъ на то указаній, то по соображеніямъ библіотечной Коммиссіи. Инвентарь разсматривается библіотечною Коммиссіею въ тѣхъ засѣданіяхъ, въ коихъ Коммиссія занимается размѣщеніемъ въ библіотекѣ вновь поступившихъ книгъ.

2) Инвентарь рукописей, отдѣльно отъ перваго Инвентаря (ведется библіотекаремъ).

3) Алфавитный карточный каталогъ (ведется библіотечною Коммиссіею). Карточки вынимать изъ ящиковъ запрещено.

4) Книга продолженій (ведется библіотечною Коммиссіею).

5) Хронологическій указатель книгъ, отдаваемыхъ въ переплетъ.

Примѣчаніе 2. Всѣ книги въ библіотекѣ должны быть по возможности переплетаемы, а мелкія сочиненія брошюруемы, вновь поступившія книги отдаются въ переплетъ непосредственно послѣ внесенія ихъ въ Инвентарь; прежде пріобрѣтенныя сочиненія переплетаются постепенно, начиная съ тѣхъ, которыя находятся въ частомъ употребленіи или составляютъ дорогія изданія, или наконецъ находятся въ такомъ видѣ, что нуждаются въ переплетеніи.

6) Провѣрочныя книги для записыванія въ нихъ, по особой формѣ, выдачъ книгъ на домъ. Новыя пріобрѣтенія заносятся въ провѣрочныя книги библіотечною Коммиссіею, а записи по выдачѣ книгъ на домъ ведутся библіотекаремъ.

7) На особыхъ бланкахъ ведутся расписки въ получе-

нія книгъ, выдаваемыхъ на домъ.

Примѣчаніе 3. Кромѣ алфавитнаго карточнаго каталога, по мѣрѣ возможности, долженъ составляться систематическій печатный каталогъ.

Примѣчаніе 4. Изъ поименованныхъ въ настоящемъ § документовъ книги за №№ 1, 2, 4 и 5 должны быть прошнурованы и скрѣплены печатью Института.

§ 6. Книги размѣщаются въ библіотекѣ по росту. Залы, отведенные для книгъ, обозначаются большими буквами латинскаго алфавита. Шкафы въ залѣ обозначаются: высокіе римскими цифрами, а низкіе, подоконничные, малыми буквами латинскаго алфавита. Нумера полокъ на шкафахъ обозначаются арабскими цифрами. Книги на каждой полкѣ имѣютъ особую нумерацію. На каждой книгѣ ставятся на первомъ листѣ штемпель печати библіотеки Института немедленно при поступленіи ея въ библіотеку и внесеніи ея въ Инвентарь, равно какъ тутъ же проставляется и Инвентарный номеръ книги. На первомъ же листѣ, равно какъ и на корешкѣ, библіотечною Коммиссіею прописывается сигнатура книги послѣ того, какъ книга получила мѣсто въ библіотекѣ.

§ 7. Библіотекою пользуются слѣдующія лица:

а) Служащіе по учебной части въ Институтѣ и Гимназіи.

б) Студенты Института.

в) Лица числящіяся на дѣйствительной службѣ въ Институтѣ и Гимназіи по части гражданской.

§ 8. п. 1. Книги, которыя не выдаются изъ библіотеки на домъ, суть:

а) Рукописи и книги, составляющія библіографическую рѣдкость.

б) Книги, часто требуемыя, напримѣръ энциклопедіи и ученые словари, если они имѣются только въ одномъ экземплярѣ; по усмотрѣнію библіотечной Коммиссіи, та или иная книга, принадлежащая къ указанной категоріи, можетъ быть помѣщена въ справочномъ отдѣлѣ, находящемся въ читальнѣ.

в) Новыя книги, не получившія еще помѣщенія въ библіотекѣ.

г) Журналы, поступившіе уже въ библіотеку, но находящіеся еще въ меньшей ея комнатѣ и не пріобщенные къ

своимъ названіямъ

Примѣчаніе 1. Исключенія изъ правила, значащагося подъ буквою а), допускаются для преподавателей Института и Гимназіи по особому постановленію Конференціи.

п. 2. Книги, недозволенныя цензурою къ общему употребленію, невыдаются вообще никому, кромѣ преподавателей Института.

п. 3. Студентамъ не выдаются кромѣ того на домъ періодическія изданія, книги легкаго чтенія и другія сочиненія, не имѣющія отношенія къ ихъ научнымъ занятіямъ.

Примѣчаніе 2. Періодическія изданія могутъ быть выдаваемы студентамъ на домъ въ особыхъ случаяхъ, опредѣляемыхъ § 10.

Примѣчаніе 3. Кромѣ того могутъ быть выдаваемы книги, обозначенныя вообще въ п. 1. а) и 1. г.),—а студентамъ и книги, обозначенныя въ п. 3,—въ читальнѣ, открытой для служащихъ по учебной части въ Институтѣ и Гимназіи, а также для студентовъ, по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, за исключеніемъ праздничныхъ дней, съ 3½ до 9-ти часовъ вечера.

§ 9. Желающіе получить книгу на домъ, являются для этого лично въ библіотеку. Для выдачи книгъ на домъ служащимъ въ Институтѣ и Гимназіи, библіотека открыта ежедневно, исключая неприсутственные дни, въ опредѣленные часы, которые, назначаются Конференціею по соглашенію съ библіотекаремъ. Студентамъ выдача книгъ на домъ производится по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, всегда съ часу до двухъ, за исключеніемъ неприсутственныхъ дней.

§ 10. Число книгъ, выдаваемыхъ на руки студенту, не должно превышать 5 названій и 10 томовъ; исключеніе допускается, когда, по заявленію преподавателя—специіалиста, студентъ для своихъ рефератовъ и сочиненій нуждается въ особой выдачѣ книгъ, періодическихъ изданій въ томъ числѣ. Заявленіе объ этомъ преподавателя—специіалиста выражается подписаніемъ имъ выполненнаго студентомъ бланка для расписки въ полученіи книгъ. Подписывающій бланкъ

преподаватель въ графѣ, отведенной для его подписи, отмѣчаетъ и количество томовъ, получаемыхъ по его заявленію студентомъ.—Лицамъ, служащимъ въ Институтѣ и Гимназіи по гражданской части, не можетъ быть выдаваемо разомъ болѣе 3 томовъ.

§ 11. Срокъ пользованія на дому каждою книгою опредѣляется: для служащихъ по учебной части въ Институтѣ—9 мѣсяцевъ, для служащихъ по учебной части въ Гимназіи—5 мѣсяцевъ; для студентовъ—2 мѣсяца; для прочихъ лицъ—мѣсяцъ. Если по истеченіи этихъ сроковъ не предъявлено никакихъ требованій, то книга можетъ быть выдана вторично на тотъ-же срокъ тому-же лицу. Если на книгу, выданную студенту или другому лицу, будетъ предъявлено требованіе служащаго по учебной части въ Институтѣ, то она должна быть возвращена немедленно, хотя бы до истеченіи срока. Если на книгу находящуюся на рукахъ у кого бы то ни было, представитъ требованіе не—преподаватель Института, то библіотекарь даетъ ему справку, у кого книга находится, и когда истекаетъ срокъ ея возвращенія, а въ провѣрочной книгѣ, на надлежащемъ мѣстѣ, отмѣчаетъ, если о томъ проситъ пользующійся библіотекою, о его желаніи получить книгу по возвращеніи ея въ библіотеку. При выдачѣ книгъ, на которыя одновременно предъявлено нѣсколько требованій, служащій по учебной части въ Институтѣ имѣетъ преимущество передъ такимъ же служащимъ въ Гимназіи, послѣдній передъ студентомъ, а студентъ передъ прочими лицами, и вообще спеціалистъ предъ не спеціалистомъ. Если преподающій въ Институтѣ предъявитъ требованіе на книгу, находящуюся на рукахъ у его товарища, то послѣдній обязывается уступить книгу на 2 или 3 недѣли, по истеченіи каковаго срока книга ему возвращается.

§ 12. Передъ каникулами должны быть всѣ книги возвращены въ библіотеку для ревизіи. Послѣ ревизіи, на время каникулъ, могутъ быть выданы книги служащимъ по учебной части въ Институтѣ и Гимназіи, а также студентамъ лишь самыя необходимыя, причемъ студентамъ выдается не больше 3 томовъ и не иначе какъ по рекомендаціи преподавателей.

§ 13. Доступъ въ залы, отведенныя для книгъ, имѣютъ только служащіе по учебной части въ Институтѣ и Гимназіи,

причемъ указанныя лица приглашаются, если приходится имъ вынуть книгу съ полки для занятій въ залѣ, оставить книгу на находящемся тамъ столѣ и не ставить ее на полку.

§ **14**. Постороннія лица могутъ пользоваться библіотекою, а также читальнею, не иначе какъ съ разрѣшенія Конференціи, опредѣляющей въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ условія такого пользованія, равно какъ и размѣръ залога, вносимаго въ этомъ случаѣ постороннимъ лицомъ въ Правленіе Института.

§ **15**. Лицо, утерявшее какое либо сочиненіе, обязано представить оное въ библіотеку или же уплатить показанную въ Инвентарѣ стоимость книги втеченіе 2 мѣсяцевъ, считая со дня полученія требованія библіотечной Коммиссіи о возвратѣ сочиненія. Въ случаѣ невнесенія денегъ въ назначенный срокъ, Правленіе производитъ взысканія: съ служащаго въ Институтѣ и Гимназіи черезъ вычетъ изъ жалованья, съ посторонняго лица черезъ вычетъ изъ залога, со студента требованіемъ вычета изъ жалованья по поступленіи его на службу, а если онъ уволенъ до окончанія курса и на службу не поступаетъ, внесеніемъ долга въ его увольнительное свидѣтельство. За сочиненіе испорченное взыскивается какъ за утраченное. Вопросъ о томъ, признать ли книгу за испорченную или нѣтъ, рѣшаетъ библіотечная Коммиссія по докладу библіотекаря. Если утраченъ № журнала или томъ многотомнаго сочиненія, то Конференція имѣетъ право, если найдетъ необходимымъ, назначить взысканіе за годовое изданіе или за все сочиненіе, причемъ испорченные или вообще уплаченные томы выдаются штрафуемому на руки.

§ **16**. Ежегодно производится, сейчасъ же въ началѣ каникулъ, общая ревизія Коммиссіею, состоящею изъ Инспектора Института и одного Профессора, назначаемаго Конференціею; о результатѣ ревизіи они доносятъ Конференціи и Правленію. Кромѣ ежегодной ревизіи можетъ быть назначена таковая во всякое время, по усмотрѣнію Конференціи.

А. М. Фогель.

11 октября 1897 г. скончался ординарный профессоръ Историко-Филологическаго Института Кн. Безбородко по каѳедрѣ римской словесности Андрей Магнусовичъ Фогель. Преждевременная смерть его представляетъ тяжелую утрату для нашего заведенія. Покойный былъ знатокъ своего предмета, превосходный преподаватель, добрый товарищъ, человѣкъ яснаго ума и твердой воли, глубоко проникнутый чувствомъ долга.

А. М. Фогель родился въ 1852 г. въ Валкскомъ уѣздѣ Лифляндской губерніи, гдѣ отецъ его занимался сельскимъ хозяйствомъ въ качествѣ арендатора. По смерти его десятилѣтній Андрей былъ взятъ на попеченіе дядей, А. Бруттономъ, который былъ тогда инспекторомъ городскаго училища въ Дерптѣ (нынѣ Юрьевѣ). Окончивъ курсъ въ мѣстной гимназіи, въ 1869 г., молодой Фогель поступилъ въ Петербургскій Историко-Филологическій Институтъ, находившійся въ 1867—1872 г. г. подъ управленіемъ И. Б. Штейнмана, по смерти котораго въ 1872 г. оно перешло къ К. В. Кедрову. На старшихъ курсахъ Института Андрей Магнусовичъ занимался спеціально классической филологіей подъ руководствомъ преимущественно Л. А. Миллера и покойнаго А. К. Наука. По окончаніи курса въ 1873 г. А. М. Фогель былъ назначенъ учителемъ Петербургской Ларинской Гимназіи, но оставался на этой должности не долго: въ 1874 г. окончившій отлично курсъ и подававшій прекрасныя надежды молодой филологъ былъ по ходатайству Конференціи Петербургскаго Историко-Филологическаго Института отправленъ заграницу для дальнѣйшаго изученія классической филологіи. Согласно данной инструкціи покойный занимался въ Лейпцигѣ, гдѣ слушалъ Ричля, Ланге, Г. Курціуса и др. Нѣкоторое время онъ преподавалъ русскій языкъ въ существовавшей тогда при Лейпцигскомъ

университетѣ русской семинаріи. По возвращеніи въ Россію въ 1876 г. Андрей Магнусовичъ былъ назначенъ въ незадолго предъ тѣмъ открытый въ Нѣжинѣ Историко-Филологическій Институтъ наставникомъ студентовъ и преподавателемъ латинскаго языка. Въ 1883 г. онъ сталъ исправляющимъ должность экстраординарнаго профессора по каѳедрѣ римской словесности, въ 1887 выдержалъ экзаменъ на степень магистра и защитилъ диссертацію (P. Terenti Afri Eunuchus, со введеніемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ), въ 1888 г. былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1893 получилъ званіе ординарнаго. Будучи наставникомъ и профессоромъ, онъ исправлялъ и другія должности, именно—въ 1876—77 г. библіотекаря, въ 1888—89 члена Правленія, а въ 1886, 1889 и 1892 г. былъ три раза подрядъ избираемъ Конференціей на должность ученаго секретаря, отъ которой въ 1895 г. вынужденъ былъ отказаться по слабости здоровья. Злой недугъ медленно, но неустанно подтачивалъ силы честнаго труженика. Андрей Магнусовичъ переносилъ его съ большою твердостью и бодростью духа и лишь за немного дней до смерти прекратилъ чтеніе лекцій. Онъ скончался тихо, безъ страданій, среди любимой и любящей семьи и похороненъ на здѣшнемъ греческомъ кладбищѣ, гдѣ обыкновенно находятъ себѣ покой καμόντες труженики нашего заведенія. Sit tibi terra levis.

Представляемъ списокъ печатныхъ трудовъ покойнаго.

О контаминаціи (Журн. М. Н. Пр., апрѣль 1882).

Критическо-экзегетическія замѣтки (тамъ-же, сент. 1883).

Метрическія замѣтки (тамъ-же, дек. 1883).

Vergiliana (тамъ-же, май 1884).

P. Terenti Afri Eunuchus. Со введеніемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ. Кіевъ. 1884.

Избранныя элегіи Публія Овидія. Съ краткимъ очеркомъ жизни и дѣятельности Овидія и съ русскими примѣчаніями. Кіевъ, 1884.

T. Livi ab urbe condita lib. XXX (Извѣстія Института Кн. Безбородко, 1889).

Нѣсколько замѣтокъ къ критикѣ текста XXX **кн. Ливія (Журн. М. Н. Пр., ноябрь** 1889).

M. Tullii Ciceronis **Cato** maior de senectute (**Извѣстія Института Кн. Безбородко**, 1895).

С. Ждановъ.

И. А. Левицкій.

8 октября 1897 года скончался секретарь Правленія Института Князя Безбородко, коллежскій ассесоръ Иванъ Антоновичъ Левицкій. Дѣятельность скромнаго, честнаго человѣка заставляетъ вспоминать о немъ съ уваженіемъ и вмѣстѣ съ сожалѣніемъ о преждевременной потерѣ его для институтской службы: онъ умеръ, не достигнувъ полныхъ 49 лѣтъ, отъ горловой чахотки.

Онъ былъ уроженецъ Витебской губерніи, по происхожденію дворянинъ; учился въ Витебской гимназіи, въ которой окончилъ полный курсъ; затѣмъ поступилъ въ С.-Петербургскій университетъ, на юридическій факультетъ, но по недостатку средствъ былъ вынужденъ оставить его на первомъ же году ученья. Тогда, по выдержаніи установленнаго экзамена, Левицкій поступилъ учителемъ математики въ Зміевское уѣздное училище и въ женскую прогимназію въ томъ же Зміевѣ; потомъ перешелъ учителемъ математики и географіи въ Велижское уѣздное училище. Семь лѣтъ продолжалась педагогическая дѣятельность Левицкаго въ названныхъ учебныхъ заведеніяхъ, послѣ чего, въ 1877 году, онъ поступилъ на службу въ нашъ Институтъ, въ должности сначала бухгалтера и казначея, потомъ, съ 1881 г., въ должности секретаря Правленія, которую и несъ до конца жизни.

Онъ несъ свою должность съ усердіемъ, съ любовью къ служебному дѣлу, съ основательнымъ знаніемъ порядковъ службы и закона. Чѣмъ дальше, тѣмъ опытнѣе онъ становился въ дѣлопроизводствѣ; архивъ Института, архивы Лицея и Гимназіи высшихъ наукъ были хорошо ему извѣстны: вотъ почему, когда была нужна какая-нибудь справка, нашъ секретарь скоро и хорошо умѣлъ найтись въ дѣлахъ, поставить каждое новое дѣло въ надлежащую связь съ прежними, по точному смыслу закона, по уставу и практикѣ Института.

Трудолюбіе, дѣловитость, честность пріобрѣли Ивану Антоновичу почтеніе отъ всѣхъ, кто служилъ или соприкасался съ нимъ. Болѣе того: съ любовью, съ крайнимъ сожалѣніемъ провожали его на Нѣжинское греческое кладбище, обычное мѣсто упокоенія нашихъ сослуживцевъ, вдова и дѣти, начальники и сослуживцы по Институту и Гимназіи, студенты, многіе знакомые изъ города: въ Нѣжинѣ хорошо знали секретаря Левицкаго; многимъ людямъ въ часы внѣслужебные онъ помогалъ прямымъ, безкорыстнымъ совѣтомъ по разнымъ дѣламъ; и не однимъ только совѣтомъ онъ готовъ былъ къ добрымъ услугамъ: самъ пройдя трудовую съ лишеніями жизнь, Иванъ Антоновичъ дѣлился деньгами съ нуждающимися лицами изъ своихъ очень умѣренныхъ средствъ, т. е. изъ казеннаго жалованья 600 руб. въ годъ. Да проститъ намъ его скромность за это упоминаніе.

Миръ тебѣ и всегдашняя отъ насъ память, благородный труженикъ!

М. Бережковъ.

А. ДОБІАШЪ.

ОПЫТЪ
СИМАСІОЛОГІИ
ЧАСТЕЙ РѢЧИ И ИХЪ ФОРМЪ
НА ПОЧВѢ
ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

ПРАГА.
ТИПОГРАФІЯ Др. ЭД. ГРЕГРА.
1897.

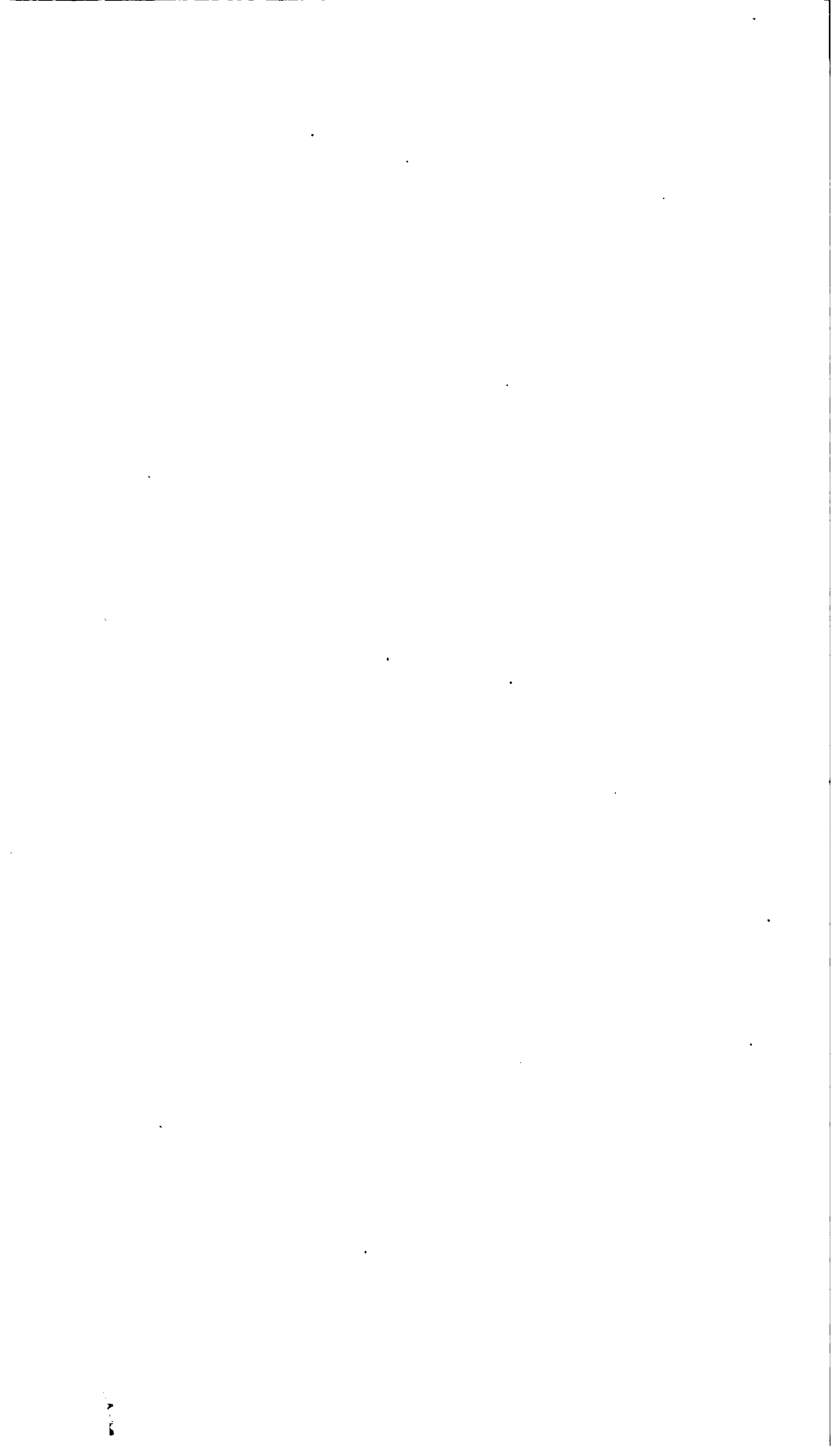
Печатано по опредѣленію Конференціи Историко-филологическаго Института Князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Директоръ Института *Ф. Гельбке.*

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.

Предлагая »Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка«, я не буду распространяться о мотивахъ, которые меня побудили къ постановкѣ и разработкѣ такой темы; это выяснено въ первомъ отдѣлѣ самого изслѣдованія, посвященномъ »опредѣленію задачи«. Исключительная цѣль моего предисловія — обращеніе къ читателю съ просьбою не терять терпѣніе, если онъ при чтеніи постоянно будетъ встрѣчаться съ ссылками на другія мѣста сочиненія, или если, быть можетъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ будетъ находить изложеніе главнаго, а въ самомъ текстѣ — разсужденіе о второстепенномъ. Оба недостатка объясняются тѣмъ, что грамматическія понятія приходилось разъяснять не сразу, а постепенно, очень часто по поводу какого-нибудь частнаго вопроса, и что разные вопросы такъ сцѣплялись одинъ съ другимъ, и часто въ очень сложномъ матеріалѣ, что самый матеріалъ приходилось разбирать въ одно и то же время съ разныхъ сторонъ.

А. ДОБІАШЪ.



Содержаніе.

I. Отдѣлъ:

стр.

II. Отдѣлъ:

III. Отдѣлъ:

VI. Отдѣлъ.

VII. Отдѣлъ.

Списокъ сочиненіямъ,
обозначеннымъ въ нашемъ изслѣдованіи съ сокращеніями ихъ заглавій.

Aken *οὐ* u. *μή* = Aken, *οὐ* und *μή* im Zusammenhange mit den Modalformen (Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik: 1858 (Bd. 78) S. 546 folg. — 1859 (Bd. 80) S. 49 u. 129 folg. — 1860 (Bd. 82) S. 204 folg.

Baeumlein Partik. = Untersuchungen über griechische Partikeln von W. Baeumlein, Stuttgart 1861.

Becker Org. = Organism der Sprache, als Einleitung zur deutschen Grammatik von K. F. Becker, Frankfurt 1827.

Bopp Vergl. Gramm. = Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Armenischen etc. von Franz Bopp, 3. Ausgabe, Berlin 1870.

Bréal Mel. = M. Bréal, Mélanges de mythologie et de linguistique, Paris 1877.

Bruchmann Psych. Stud. = Psychologische Studien zur Sprachgeschichte von Kurt Bruchmann in Berlin, Leipzig 1888.

Brugmann Grundr. = Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Kurzgefasste Darstellung der Geschichte des Altindischen, Altiranischen etc. etc. von Karl Brugmann und Berth. Delbrück, Strassburg 1886. —

Brugmann Handb. = K. Brugmann, Griechische Grammatik, in Ivan Müller's Handbuch der classischen Alterthumswissenschaft, Band II, 2. Auflage, München 1890.

Curtius Erl. = G. Curtius, Erlaeuterungen zu meiner griechischen Schulgrammatik, Prag 1863.

Curtius Verbum = G. Curtius, das Verbum der griechischen Sprache seinem Baue nach dargestellt, Leipzig 1873—76.

Curtius Grundz. = G. Curtius, Grundzüge der griechischen Etymologie, 5. unter Mitwirkung von Ernst Windisch umgearbeitete Auflage, Leipzig 1879.

Delbrück Grundr. (смотри выше: Brugmann Grundr.)

Delbrück Synt. Forsch. = Syntaktische Forschungen von Delbrück und Windisch, Halle 1871 folg.

Delbrück Sprachst. = Einleitung in das Sprachstudium, ein Beitrag zur Geschichte und Methodik der vergleichenden Sprachforschung von B. Delbrück, Leipzig 1880.

Ebeling Lex. Hom. = Lexicon Homericum composuerunt F. Albrecht, C. Capelle, A. Eberhard etc. etc., edidit H. Ebeling, Lipsiae 1885 sequ.

Gaedicke Accus. = Accusativ im Veda von Gaedicke, Breslau 1888.

Grimm D. Gramm. = Jac. Grimm, Deutsche Grammatik, neuer vermehrter Abdruck, Gütersloh 1890.

Hartung Casus = J. A. Hartung, über die Casus, ihre Bildung und Bedeutung in der griechischen und lateinischen Sprache, Erlangen 1831.

Hartung Partik. = J. A. Hartung, Lehre von den Partikeln der griechischen Sprache, Erlangen 1832.

Heerdegen Untersuch. = Ferdinand Heerdegen, Untersuchungen zur lateinischen Semasiologie, Heft I, Einleitung, Erlangen 1875.

Heerdegen Grundz. = Ferdinand Heerdegen, Grundzüge der lateinischen Bedeutungslehre (смотри: Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft von Chr. K. Reisig, II. Band, neu bearbeitet von Ferd. Heerdegen Berlin 1890, Seite 39—154).

Hermann Opusc. = Opuscula God. Hermanni, Lipsiae 1827.

Hey Sem. Stud. = Oskar Hey, Semasiologische Studien im 18. Supplementband der Jahrbücher für classische Philologie, Leipzig 1892 (S. 83—212).

Heyse Sprachw. = System der Sprachwissenschaft von K. W. L. Heyse, nach dessen Tode herausgegeben von H. Steinthal, Berlin 1856.

Hübschmann Casusl. = H. Hübschmann, zur Casuslehre, München 1875.

Humboldt Kawispr. = Über die Kawisprache auf der Insel Java von Wilh. v. Humboldt, Berlin 1836.

Jolly Infinitiv = J. Jolly, Geschichte des Infinitivs im Indogermanischen, München 1873.

Krüger Griech. Spr. = K. W. Krüger, Griechische Sprachlehre für Schulen, Berlin 1842–46.

Kühner Ausf. Gramm. = R. Kühner, Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache, 2. Auflage in durchweg neuer Bearbeitung, Hannover 1869—72.

Lange Partik. *εἰ* = L. Lange, der homerische Gebrauch der Partikel *εἰ* (Abhandlungen der kön. saechsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Band IV, Leipzig 1873).

Miklosich Vergl. Gramm. = Vergleichende Grammatik der slawischen Sprachen, Band IV: Syntax, Wien 1874.

Miklosich Et. Wört. = Fr. Miklosich, Etymologisches Wörterbuch der slawischen Sprachen, Wien 1886.

Müller Vorles. = Max Müller, Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache, für das deutsche Publicum bearbeitet von Carl Böttiger, autorisirte Ausgabe, Leipzig 1866.

H. D. Müller Indog. Sprachb. = Heinrich Dietrich Müller, der indogermanische Sprachbau in seiner Entwicklung, I, Göttingen 1879.

Mutzbauer Tempusl. = Die Grundlage der griechischen Tempuslehre und der homerische Tempusgebrauch, ein Beitrag zur historischen Syntax der griechischen Sprache von Karl Mutzbauer, Strassburg 1893.

Paul Princip. = Principien der Sprachgeschichte von Hermann Paul, 2. Auflage, Halle 1886.

Потебня Зап. = Записки по русской грамматикѣ А. Потебни, 2ое изданіе, Харьковъ 1888.

Pott Etym. Forsch. = A. F. Pott, Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Lemgo 1833—36.

Prellwitz Wörterb. = Prellwitz, Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache, Göttingen 1892.

Reisig Vorles. = Reisig's Vorlesungen über lateinische Sprachwissenschaft, gehalten 182⁶/₇, veröffentlicht durch Haase, Leipzig 1839.

Ries Wis = Was ist Syntax? ein kritischer Versuch von John Ries, Marburg 1894.

Rumpel Casusl. = Th. Rumpel, Casuslehre in besonderer Beziehung auf die griechische Sprache, Halle 1845.

Scherer Kl. Schr. = Wilhelm Scherer, kleine Schriften zur altdeutschen Philologie, herausgegeben von Burdach, Berlin 1893.

K. E. Schmidt Beitraege = Karl Ernst Schmidt, Beitraege zur Geschichte der Grammatik des Griechischen und Lateinischen, Halle 1859.

Schömann γενική = G. F. Schömann: Was bedeutet γενική πτῶσις? (Höfer's Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache, Band I und II) Leipzig 1845—47.

Schömann Redeth. = Die Lehre von den Redetheilen nach den Alten dargestellt und beurtheilt von G. F. Schömann, Berlin 1862.

Steinthal Gramm. etc. = Grammatik, Logik und Psychologie, ihre Principien und ihr Verhaeltniss zu einander von H. Steinthal, Berlin 1855.

Steinthal Gesch. = Geschichte der Sprachwissenschaft bei den Griechen und Römern von H. Steinthal, Berlin 1863.

Trendelenburg Accusativus = F. A. Trendelenburg, Accusativi nomen quid sibi velit (Acta societatis graecae, Vol I, edd. Westermannus et Funkhaenel, Lipsiae 1836).

Wegener Untersuch. = Untersuchungen über die Grundfragen des Sprachlebens von Ph. Wegener, Berlin 1855.

Ziemer indogerm. Compar. = Vergleichende Syntax der indogermanischen Comparation, insbesondere der Comparationscasus der indogermanischen Sprachen und sein Ersatz, von Hermann Ziemer, Berlin 1884.

ОПЫТЪ СИМАСІОЛОГІИ

ЧАСТЕЙ РѢЧИ И ИХЪ ФОРМЪ

НА ПОЧВѢ ГРЕЧЕСКАГО ЯЗЫКА.

I.

Опредѣленіе задачи.

Языковѣды нашего столѣтія создали великую науку »сравнительнаго языкознанія«; создали ее тѣмъ, что начали изучать санскритскій языкъ, оказавшій услугу ключа къ уразумѣнію »индоевропейскихъ« языковъ. Принявшись затѣмъ за изслѣдованіе не только индоевропейскихъ, но и другихъ языковъ и *языка вообще,* они — въ большей, чѣмъ прежде, степени — ставили изученіе языковъ (да и должны были ставить, если хотѣли оправдать »ключъ« и, вообще, уразумѣть связь явленій въ языкахъ) на почву *историческаго развитія* языка.

Особенно важнымъ для успѣховъ сравнительнаго языкознанія является начавшееся съ первыхъ же поръ рожденія нашей науки привлеченіе къ сравненію *роднаго* языка и разслѣдованіе его на *исторической* же почвѣ. Родной языкъ открытъ для всякаго не только въ книжной, но и народной словесности; родной языкъ вообще живо чувствуется всякимъ, а потому не въ примѣръ чужому языку даетъ въ руки изслѣдователю гораздо больше средствъ для *провѣрки**) добываемыхъ на пути изслѣдованія результатовъ.

---

*) Wegener, Untersuch. 7: Wie der Physiologe nicht an altaegyptischen Mumien oder an Petrefacten seine Studien machen wird, sondern am lebendigen Thier- oder Menschenleibe, ebenso müssen wir die Gesetze vom Leben und Wachsen der Sprache an den uns 'durchsichtigsten Spracherscheinungen der lebendigen Muttersprache erst kennen lernen, um hieraus den grossen Trümmerhaufen der Überlieferung von den ausgestorbenen Sprachen sichten, ordnen, verstehen zu lernen.

Все это направленіе въ языковѣдѣніи не могло не произвести громаднаго переворота во взглядѣ и на ту сторону языка, которая называется синтаксисомъ.

Правда, сравнительное языкознаніе въ самомъ началѣ своего существованія сосредоточилось на *фонетической* и *морфологической* сторонахъ языка. Да и до сихъ поръ наши языковѣды обращаютъ главное вниманіе на выработку законовъ *фонетическихъ* и *морфологическихъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что уже этими изысканіями косвенно оказана большая услуга и *синтаксису*. Но и *непосредственно* въ синтаксисѣ сравнительнымъ языкознаніемъ сдѣлано немало.

Wilhelm von Humboldt, имѣвшій понятіе не только объ индоевропейскихъ, но и о многихъ другихъ языкахъ, проникшій въ свое время глубже всѣхъ языковѣдовъ во внутренній смыслъ языка вообще, провозгласившій — какъ извѣстно — языкъ не за *продуктъ* дѣятельности человѣческаго духа, а за самую его *дѣятельность*, въ своемъ знаменитомъ введеніи къ Kawispr. доводитъ глубокомысленнѣйшее изслѣдованіе этой дѣятельности духа человѣческаго до глубокомысленнѣйшихъ положеній и въ области синтаксиса.

Указавъ, что языки при связываніи »элементовъ« въ одно осмысленное цѣлое пользуются *тремя* методами, а именно: флектирующимъ, агглютинирующимъ и спайнымъ*), онъ находитъ, что тотъ или иной *конкретный* языкъ обыкновенно прибѣгаетъ ко *всѣмъ* имъ — съ *преобладаніемъ*, впрочемъ, какого-нибудь одного изъ нихъ**). Подъ »элементами« Гумбольдтъ разумѣетъ или отдѣльныя *части* слова, и тогда

---

*) Что слѣдуетъ разумѣть подъ терминами »флектирующій« и »агглютинирующій«, — всякому извѣстно. Для выясненія термина »спайный (einverleibend) Гумбольдтъ, между прочимъ, приводитъ выраженіе *o-ni-c-te-maca-c*. Это выраженіе принадлежитъ мексиканскому языку; въ немъ заключаются въ порядкѣ послѣдовательности, слѣдующія части: приращеніе (т. е. указатель прошедшаго времени) + я + это + кому-то + дать + обозначеніе прошедшаго времени. Первая и послѣдняя части являются какими-то скобками, придающими всему выраженію видъ одного какъ-бы *слова* (См. Kawispr. I. 182).

**) Kawispr. I. 180: Von allen drei Methoden finden sich in den meisten Sprachen einzelne stärkere oder schwächere Spuren. Wo aber eine derselben bestimmt vorwaltet und zum Mittelpunkte des Organismus wird, da lenkt sie auch den ganzen Bau, in strengerer oder loserer Consequenz, nach sich hin.

»осмысленнымъ цѣлымъ« является *слово,* или же самыя слова, составляющія изъ себя *высшее* осмысленное цѣлое, которое *мы* назвали бы *»рѣчью«*.

Въ языкахъ »санскритскихъ«, какъ ихъ называетъ Гумбольдтъ, т. е. родственныхъ санскритскому, преобладаетъ флектирующій методъ, и многочисленныя флектировки словъ ведутъ къ тому, чтобы слова, какъ *единицы,* возможно больше были приспособлены къ составленію изъ нихъ »предложенія, какъ одного *цѣлаго* (das sorgfältige grammatische Zurichten des Wortes zur Satzverknüpfung; см. Kawispr. I. 180).

Можно сказать, что всякое, хотя бы и самое неполное на первый взглядъ выраженіе, въ которомъ замѣчается какой-нибудь изъ упомянутыхъ методовъ связыванія, есть воплощеніе законченной мысли.*) Конечно, — такъ, приблизительно, разсуждаетъ Гумбольдтъ, — не къ чему были бы всѣ флектировки, агглютинировки и спайки, не будь въ насъ *особой,* чисто *духовной* силы, которая сообщаетъ этимъ внѣшнимъ показателямъ единенія настоящій смыслъ, и которая въ сущности *сама* создаетъ единеніе. Эту духовную силу Гумбольдтъ называетъ Setzen (какъ бы *усаживаніе на мѣсто чего то, бродившаго врозь),* создаваемое же ею единеніе внѣшнихъ «элементовъ», — будь это части *слова,* или части какого-нибудь *сложнаго* выраженія, — Synthesis'омъ. Замѣчательно высказывается Гумбольдтъ по этому поводу Kawispr. I. 268: Da die Synthesis, von welcher hier die Rede ist, keine Beschaffenheit, nicht einmal eine Handlung, sondern ein wirkliches, immer augenblicklich vorübergehendes Handeln ist, so kann es für sie kein besonderes *Zeichen* an den Wörtern geben, und das Bemühen ein solches Zeichen zu finden, würde schon an sich den Mangel der wahren Stärke des Actes durch die Verkennung seiner Natur beurkunden.

---

*) Kawispr. I. 179: Jede, noch so unvollständige Aussage, macht in der Absicht des sprechenden einen geschlossenen Gedanken aus. Подъ „unvollständige Aussagen" Гумбольдтъ разумѣетъ, очевидно, не только »эллиптическія« и »брахилогическія« выраженія въ родѣ *Quos ego!* или *вонъ отсюда!,* но и всякія, какъ ихъ называли Греки, *φράσεις,* входящія въ составъ такъ называемаго предложенія, въ родѣ *добрый человѣкъ, рубить лѣсъ* и т. п.

Die wirkliche Gegenwart der Synthesis muss gleichsam immateriell sich in der Sprache offenbaren, man muss inne werden, dass sie, gleich einem Blitze, dieselbe durchleuchtet und die zu verbindenden Stoffe, wie ein Gluth aus unbekannten Regionen, in einander verschmolzen hat. Dieser Punkt ist zu wichtig, um nicht eines Beispieles zu bedürfen. Wenn in einer Sprache eine Wurzel durch ein Suffix zum Substantivum gestempelt wird, so ist das Suffix das materielle Zeichen der Beziehung des Begriffes auf die Kategorie der Substanz. Der synthetische Act aber, durch welchen, unmittelbar beim Aussprechen des Wortes, diese Versetzung im Geiste wirklich vor sich geht, hat im Worte selbst kein eignes einzelnes Zeichen, sondern sein Dasein offenbart sich durch die Einheit und Abhängigkeit von einander, zu welcher Suffix und Wurzel verschmolzen sind, also durch eine verschiedenartige, indirecte, aber aus dem nämlichen Bestreben fliessende Bezeichnung..... Man kann diesen Act überhaupt den Act des *selbstthätigen Setzens durch Zusammenfassung* (Synthesis) nennen. — Мы бы предложили перевести слово *Setzen* словомъ *укладываніе*.

Такимъ образомъ, то, что нѣмцы въ болѣе *тѣсномъ* смыслѣ называютъ Satz'омъ, а мы — предложеніемъ, получаетъ въ устахъ Гумбольдта особенно глубокое значеніе. Это — тоже »укладываніе» (Setzen) »черезъ собираніе воедино« (durch Zusammenfassung oder durch Synthesis) чего-то, бродившаго врозь, причемъ это «уложенное« является здѣсь *въ видѣ болѣе законченномъ*, сравнительно съ какимъ-нибудь «неполнымъ выраженіемъ» (unvollendete Aussage). Am deutlichsten und offenbarsten — говоритъ Гумбольдтъ Kawispr. I. 266 — erkennt man den Act des selbstthätigen Setzens durch Synthesis in der *Satz*bildung.

Душою всего «предложенія« въ санскритскихъ, да и другихъ языкахъ является то флектируемое извѣстнымъ образомъ слово, которое Гумбольдтъ наравнѣ со всѣми, прибѣгающими къ *латинской* терминологіи, называетъ verbum. Устанавливая для verbum *родовое* наименованіе, Гумбольдтъ не измѣняетъ традиціи и называетъ его «частью

рѣчи» (Redetheil). Если это Гумбольдтъ сдѣлалъ сознательно, то тогда *высшее* цѣлое, являющееся результатомъ «укладыванія черезъ собираніе воедино» (des selbstthätigen Setzens durch Synthesis), должно бы быть, собственно, не предложеніе (Satz), а именно, какъ мы выше сказали, рѣчь (Rede).

Душою «предложенія« называетъ Гумбольдтъ данную часть рѣчи по слѣдующимъ соображеніямъ. Verbum рѣзко отличается отъ nomen и другихъ частей рѣчи, могущихъ попасть въ простое предложеніе, тѣмъ, что ему одному «актъ синтетическаго укладыванія присущъ какъ *грамматическая функція*». *Само* verbum, совершенно наравнѣ съ склоняемымъ nomen, обязано этому акту своимъ *возникновеніемъ* (т. е. тѣмъ, что въ немъ «слились воедино« корень, суффиксы и пр.). Но въ *свою* очередь оно, т. е. его *грамматическая форма*, будучи *продуктомъ* синтетической работы, дальше явится ея производителемъ и, захватывая своею сцѣпляющею силою все большій районъ, обниметъ ею все предложеніе. Такимъ образомъ, между нимъ и остальными словами, попадающими въ простое предложеніе, опредѣляется разница, которая не позволяетъ ставить его на одну доску съ ними. Всѣ остальныя слова предложенія представляютъ собою, такъ сказать, мертвый, еще только подлежащій соединенію матеріалъ, одно verbum является не только живымъ, но и *животворящимъ* средоточіемъ. Когда мы произносимъ слово *есть*, или слово *думаетъ*, — а разница между *есть* и *думаетъ* та, что въ послѣднемъ «бытіе« (т. е. то, что выражено въ *первой части* слова *есть*) соединяется съ нѣкимъ «движеніемъ,« переходя, такимъ образомъ, въ выраженіе «дѣйствія» — то въ этихъ двухъ словахъ »слиты воедино« въ одномъ — »бытіе,« а въ другомъ — »дѣйствіе« со *сказуемымъ* (*есть* и *думаетъ* суть »сказуемыя«), но *этотъ же* синтетическій актъ (т. е. то обстоятельство, что слова *есть* и *думаетъ* чувствуются нами какъ сказуемыя) ведетъ насъ вмѣстѣ съ тѣмъ и къ *подлежащему*. Что значитъ »ведетъ къ подлежащему«? Это значитъ, что и »бытіе«, и »дѣйствіе« рисуются уже *присвоенными* подлежащему: другими словами, то, что

прежде, *до* произнесенія словъ *есть* и *думаетъ*, мыслилось только какъ *соединимое*, *во время* произнесенія ихъ уже *соединено*. Мы не »мыслимъ« больше ударъ + молнію, а сама *молнія* есть то, что ударяетъ. Выражаясь образно, черезъ произнесеніе *verbi* наша мысль выходитъ изъ *мастерской*, гдѣ она только еще *собиралась*, въ *дѣйствительность*, гдѣ она уже закончена.

Эта истина является великимъ открытіемъ Гумбольдта въ языкѣ. Въ настоящее время она, конечно, представляется намъ рутинною, хотя нельзя сказать, чтобы она произвела коренную перемѣну въ системѣ нашего синтаксиса. Вотъ подлинныя слова, въ какихъ эта мысль возвѣщена была ея авторомъ (Kawispr. I. 267): Das Verbum unterscheidet sich vom Nomen und von den anderen, möglicherweise im einfachen Satze vorkommenden „Redetheilen" mit schneidender Bestimmtheit dadurch, dass ihm allein der Act des *synthetischen Setzens* als grammatische Function beigegeben ist. Es ist ebenso, als das declinirte Nomen, in der Verschmelzung seiner Elemente mit dem Stammworte durch einen solchen Act entstanden, es hat aber auch diese Form erhalten, um die Obliegenheit und das Vermögen zu besitzen, diesen Act in Absicht des Satzes wieder selbst auszuüben. Es liegt daher zwischen ihm und den übrigen Wörtern des einfachen Satzes ein Unterschied, der, diese mit ihm zur gleichen Gattung zu zählen, verbietet. Alle übrigen Wörter des Satzes sind gleichsam todt da liegender, zu verbindender Stoff, das Verbum allein ist der Leben enthaltende und Leben verbreitende Mittelpunkt. Durch einen und ebendenselben Act knüpft er durch das *Sein* das *Prädicat* mit dem *Subjecte* zusammen, allein so, dass das *Sein*, welches mit einem *energischen* Prädicate in ein *Handeln* übergeht, dem Subjecte selbst beigelegt, also das bloss als verknüpfbar *Gedachte* zum Zustande oder Vorgange in der *Wirklichkeit* wird. Man denkt nicht bloss den einschlagenden Blitz, sondern der Blitz ist es selbst, der herniederfährt... Der Gedanke, wenn man sich so sinnlich ausdrücken könnte, ver-

lässt durch das Verbum seine innere Wohnstätte und tritt in die Wirklichkeit über.

Та же сила творящаго языкъ духа (dieselbe Kraft des sprachbildenden Geistes), которая вызвала къ жизни verbum, создала и conjunctiones. Conjunctio (= союзъ), указывая на взаимное отношеніе *двухъ* предложеній, даетъ возможность подняться на *высшую* ступень синтеза, — сдѣлать его болѣе сложнымъ (es liegt in der Conjunction ein doppeltes Zusammenfassen, eine verwickeltere Synthesis). Благодаря союзу, предложеніе возвышается до періода, причемъ союзы распадаются на болѣе легкіе (leichtere), которые изъ нѣсколькихъ предложеній дѣлаютъ одинъ *многочленъ,* — многочленъ или соединительный или различительный (verbindend und trennend), — и на болѣе тажелые или вѣскіе (schwierigere), которые подчиняютъ (machen abhängig) одно предложеніе другому (Kawispr. I. 292).

Особенную роль въ »синтезѣ« играетъ pronomen relativum. Черезъ pronomen relativum соединяются между собою два предложенія такъ, что одно изъ нихъ служитъ выраженіемъ *качества* какого-нибудь *nomen*, заключающагося въ другомъ предложеніи (macht einen blossen Beschaffenheitsausdruck eines Nomens des anderen Satzes). Такимъ образомъ въ pronomen relativum слиты воедино — съ одной стороны *собственное* pronomen, какъ представитель и замѣститель въ *своемъ* предложеніи nominis, заключающагося въ другомъ предложеніи, а съ другой — conjunctio, *управляющая* этимъ предложеніемъ (die den Satz regiert), т. е. опредѣляющая ему мѣсто по отношенію къ другому предложенію (Kawispr. I. 293).

Въ Kawispr. I. 107—117 помѣщено общее разсужденіе объ отношеніи внѣшней, *звуковой* стороны языка и его *грамматическихъ* формъ къ той духовной дѣятельности, которую Гумбольдтъ, какъ то уже отмѣчено, по частному ея проявленію назвалъ das selbstthätige Setzen, а въ общемъ называетъ Kraft des sprachbildenden Geistes. Это разсужденіе, по крайней мѣрѣ въ первой его половинѣ (стр. 107—112),

до того для насъ важно, что мы считали бы большимъ пробѣломъ, если бы не помѣстили здѣсь посильное его истолкованіе.

Упомянутое разсужденіе носитъ заглавіе innere Sprachform, — заглавіе, показывающее, какіе глубокіе вопросы рѣшалъ, и притомъ рѣшалъ *первымъ*, Wilhelm v. Humboldt, хотя *болѣе* соотвѣтствующимъ содержанію разсужденія было бы заглавіе »объ отношеніи внутренняго языка къ внѣшнему«.

Самое художественное и самое богатое развитіе звука въ голосовыхъ органахъ человѣка — разсуждаетъ Гумбольдтъ — не могло бы создать внѣшняго, т. е. *звуковаго* языка, если бы звукъ не былъ одухотворяемъ внутреннею *идеею* языка (Гумбольдтъ имѣетъ здѣсь въ виду, очевидно, нѣчто въ родѣ *Платоновской* идеи). Эта идея, или можно даже сказать »*идеи*« (die auf die Sprache bezogenen Ideen), эта чисто »интеллектуальная« сторона языка (rein intellectueller Theil der Sprache), есть нѣчто, у чего, такъ сказать, *только лишь въ услуженіи находится* *) творящая языкъ сила (die Spracherzeugung), пользующаяся для исполненія своей задачи звукомъ.

Свойства »интеллектуальной« стороны языка стоятъ въ зависимости отъ согласія и взаимодѣйствія (Übereinstimmung und Zusammenwirkung), въ которомъ *ея собственные* законы (die sich *in ihr* offenbarenden Gesetze) находятся не только по отношенію *другъ къ другу*, но и по отношенію къ законамъ *мышленія* и *чувствованія*.

Въ звукахъ, какъ явленіи »тѣлесномъ и чувственномъ« (körperlich und sinnlich), вполнѣ понятна возможность безконечнаго разнообразія, и у разныхъ народовъ звуки развиваются различно. Но и сама »интеллектуальная« сторона языка, этотъ *внутренній* языкъ, не у всѣхъ народовъ развивается одинаково. Съ одной стороны, одинаковому развитію ея мѣшаетъ та творящая внѣшній языкъ сила, которая, находясь у нея въ услуженіи, не вездѣ и не всегда служитъ

*) Хотя эти слова не сказаны у Гумбольдта прямо, но мы не погрѣшаемъ противъ него, вводя ихъ въ истолкованіе его мысли.

ей съ достаточною вѣрностью и энергіею (Гумбольдтъ тутъ употребляетъ слово *Abstufungen*), что объясняется въ особенности неодинаковостью взаимодѣйствія участвующихъ въ ней факторовъ (sowohl überhaupt, als in dem gegenseitigen Verhältniss der in ihr hervortretenden Thätigkeiten). Кромѣ того не слѣдуетъ забывать, что »интеллектуальная« сторона языка находится въ зависимости не только отъ разума (Verstand), но и отъ фантазіи и чувства*), а фантазія и чувство есть нѣчто, что способно индивидуализировать не только народы, но и отдѣльныхъ людей.

Даже тамъ, гдѣ духовная сторона языка зависитъ исключительно отъ разума, даже тамъ она не развивается одинаково. Казалось бы напр., что modi въ verbum (Гумбольдтъ имѣетъ въ виду выраженія, черезъ которыя оттѣняется нѣчто одно, что »*непремѣнно* должно случиться», отъ чего-нибудь другого, что »*должно бы,* судя по всему, случиться«, и отъ третьяго, что »*можетъ быть,* случится« и т. д., словомъ, — выраженія, оттѣнки которыхъ касаются исключительно только *разсудочной* дѣятельности), — казалось бы, — говоритъ Гумбольдтъ, — что эти modi должны быть развиты во всѣхъ языкахъ одинаково, а между тѣмъ нельзя въ этомъ отношеніи и сравнивать, напр, санскритскій языкъ съ греческимъ.

Вообще языки (разумѣй *внѣшніе*) — не безъ недочетовъ: въ одномъ языкѣ недочетъ такой, въ другомъ иной, и часто случается, что одинъ языкъ долженъ прибѣгать къ *пространному описанію* чего-нибудь, выраженнаго въ другомъ кратко, или что форма одного языка замѣнена въ другомъ формою, совершенно ей не соотвѣтствующею и т. д. Причины этихъ явленій разныя. Не послѣднюю роль играетъ въ такихъ несоотвѣтствіяхъ между языками — звукъ. Языкъ, привыкшій уже къ извѣстнымъ звуковымъ сочетаніямъ, — одинъ къ тѣмъ, а другой къ инымъ (звуковая разрозненность въ языкахъ, какъ то уже отмѣчено,

---

*) Какъ видно изъ настоящаго толкованія, Гумбольдтъ понимаетъ свой терминъ »интеллектуальный« слишкомъ широко. Мы бы въ виду этого толкованія предпочли терминъ »*духовная* сторона языка«.

есть нѣчто вполнѣ естественное), — при новыхъ образованіяхъ находится *подъ вліяніемъ* этой привычки, и если въ одномъ языкѣ или въ одномъ случаѣ эта привычка благопріятствуетъ новому образованію, то въ другомъ она можетъ оказаться настоящимъ тормазомъ для него*). Можетъ случиться и то, — на это *тоже* уже указывалось, — что творящая внѣшній языкъ сила (Spracherzeugung) *сама по себѣ* въ томъ или иномъ случаѣ дѣйствуетъ вяло (собственно сказано: der *ideelle* Bau der Form, sein innerer, vollständiger, in seine verschiedenen Theile gesonderter Organismus entfaltete sich nicht in hinreichender Klarheit vor dem *bildenden Geiste* der Nation), *а разъ такая сила разрѣшила что-нибудь во внѣшнемъ языкѣ слабо, то этого слабаго разрѣшенія поправлять уже не приходится, тѣмъ болѣе, что языкъ, повторимъ, вовсе не стѣсняется — разными описаніями и тому подобнымъ возмѣстить этотъ свой недочетъ и это слабое разрѣшеніе.***)

Въ общемъ, соотвѣтствіе между звуковымъ и внутреннимъ языкомъ слѣдующее.

И здѣсь, и тамъ мы можемъ говорить объ »обозначеніи понятій« (Bezeichnung der Begriffe) и о »законахъ связыванія цѣлой рѣчи изъ отдѣльныхъ словъ или о »сочиненіи рѣчи« (Redefügung), какъ о двухъ существенныхъ (hauptsächlichste) отдѣлахъ языка.

Что касается *перваго* изъ упомянутыхъ отдѣловъ, т. е. обозначенія »понятій« (der Begriffe), то, хотя тутъ приходится строго различать *двѣ* стороны дѣла, а именно: исканіе выраженія (Ausdruck) для индивидуальныхъ предметовъ (individuelle Gegenstände), какъ нѣчто *одно*, и обозначеніе такого или иного отношенія, въ которомъ находятся эти предметы, какъ нѣчто совершенно *другое*, однако и *предметъ*, и *отношеніе* есть нѣчто такое, о чемъ я, говорящій, долженъ составить такое или иное »*понятіе*« (вотъ что, собственно, Гумбольдтъ разумѣлъ подъ сло-

*) На это Гумбольдтъ указываетъ не только на стр. 110, но и на стр. 102.

**) И эта мысль не выражена у Гумбольдта *непосредственно*, а только *вытекаетъ* изъ его разсужденій.

вомъ *Begriff,* когда онъ говорилъ о »Bezeichnung der *Begriffe!«),* и въ самомъ языкѣ приходится »обозначать« (bezeichnen) *именно* то, что я о предметѣ или объ отношеніи »понялъ«, причемъ одинъ народъ или даже одинъ человѣкъ можетъ понять что-нибудь такъ, а другой иначе. И вотъ, въ то время какъ во *внѣшнемъ* языкѣ извѣстное »понятіе« о предметѣ и объ отношеніи вызываетъ появленіе того или иного *слова,* или, выражаясь иначе, въ то время какъ во внѣшнемъ языкѣ »обозначеніе понятій« (Bezeichnung der Begriffe) ведетъ къ словообразованію (Wortbildung), во *внутреннемъ* языкѣ само *составленіе* этихъ понятій (Begriffsbildung) и есть ихъ »обозначеніе«.

Переходя къ другому главному отдѣлу языка, къ «сочиненію рѣчи« (Redefügung), Гумбольдтъ указываетъ на то, что »сочиненіе рѣчи« отражается во внѣшнемъ языкѣ прежде всего на *измѣненіяхъ* словъ въ ихъ *формахъ* (Wortbeugung; имѣются въ виду склоненія, спряженія, степени сравненія и т. п.). Но такъ какъ всякая такая Wortbeugung въ сущности указываетъ на измѣненіе опять таки только »отношенія«, то *внутренняя* форма языка *въ этомъ* отдѣлѣ, т. е. въ »сочиненіи рѣчи«, совпадаетъ съ внутреннею формою языка *второй* стороны *перваго* отдѣла, и дѣло сводится опять таки къ *»составленію понятія* о разныхъ »отношеніяхъ« или, другими словами, къ полному и правильному различенію того, что *нужно* выразить въ языкѣ (die Vollständigkeit und richtige Absonderung des zu Bezeichnenden), въ то время какъ во *внѣшнемъ* языкѣ приходится слѣдить за *способомъ выраженія* этихъ отношеній (die für solchen Begriff ideell* gewählte Bezeichnung). Прослѣдить за «отношеніями« и за »способомъ ихъ выраженія« не трудно, такъ какъ, гдѣ идетъ рѣчь объ »отношеніяхъ«, тамъ все зависитъ отъ *общихъ* »формъ воззрѣнія« (allgemeine Formen der Anschauung) и отъ того, какъ относящіяся сюда «понятія» (разумѣй такое или иное *пониманіе* этихъ отношеній)

*) Слово *ideell* кажется намъ немного неточнымъ съ точки зрѣнія самого Гумбольдта; не *идея* избираетъ способъ выраженія, а подчиненная ей »творящая внѣшній языкъ сила«.

логически *сгруппировались* между собою (logische Anordnung der Begriffe). Вообще, въ «отношеніяхъ» нужно предположить поддающуюся обозрѣнію систему (ein übersehbares System).

Таково, въ общемъ, разсужденіе Гумбольдта въ первой половинѣ статьи о внутренней формѣ языка. Послѣдними словами онъ какъ нельзя точнѣе опредѣляетъ задачу синтаксиса въ языкахъ вообще, а въ флектирующихъ въ особенности. Уяснить, какъ изъ отдѣльныхъ словъ связывается рѣчь (Redefügung), какія при этомъ связываніи наблюдаются »отношенія«, и какъ эти отношенія выражены во *внѣшнемъ* языкѣ, — вотъ первоначальная задача синтаксиса. Но такъ какъ рѣчь связывается изъ *словъ,* и эти слова *также* выражаютъ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ (въ окончаніяхъ), — а то и *цѣликомъ* (напр. conjunctio), — »отношенія«; такъ какъ въ флектирующихъ языкахъ сами *слова*, вообще, отличаются приспособленностью (Zurichtung) къ тому, чтобы изъ нихъ могла составиться рѣчь: то синтаксисту надлежитъ, за одно съ изслѣдованіемъ самого »*сочиненія* рѣчи« (Redefügung), сгруппировать самыя слова по упомянутой *приспособленности* ихъ какъ *частей* рѣчи (Redetheile).

Самъ Гумбольдтъ не только не брался, но и не могъ взяться за такое изслѣдованіе. Изъ его же разсужденій явствуетъ, что оно можетъ имѣть успѣхъ только на *конкретной* почвѣ, въ области какого-нибудь *одного* языка (ибо каждый языкъ, по крайней мѣрѣ во *внѣшнемъ* своемъ проявленіи, хозяйничаетъ по своему), а Гумбольдтъ во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ обнимаетъ такую массу языковъ!

Это постоянное пареніе въ высотахъ и невозможность опуститься на конкретную почву произвело то, что Гумбольдтъ во всѣхъ своихъ блестящихъ разсужденіяхъ о синтаксисѣ не успѣлъ даже выбраться изъ заколдованнаго круга не только традиціонной синтаксической терминологіи, но и традиціонныхъ, связанныхъ съ этою терминологіею, понятій. А между тѣмъ нужно сказать, что эти традиціонныя синтаксическія понятія, какъ они держались при Гумбольдтѣ, и какъ они держатся, по крайней мѣрѣ *въ школѣ,* до сихъ

поръ, представляли и представляютъ собою даже не сохраненіе, а положительное искаженіе того, чему о »частяхъ рѣчи« и о »сочиненіи рѣчи« учили еще Александрійцы по отношенію къ *греческому* языку. Однакожъ, за всѣмъ этимъ введеніе Гумбольдта къ языку kawi остается до сихъ поръ во *многихъ* отношеніяхъ поучительнымъ для синтаксиста и, во всякомъ случаѣ, *первымъ* опытомъ истолкованія живаго, такъ сказать, »организма« языка.

Сочиненіе, съ которымъ мы только что познакомились постольку, поскольку оно относится непосредственно къ нашему дѣлу, издано, какъ извѣстно, не самимъ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, а братомъ его Александромъ, послѣ смерти автора, въ 1836 году, — издано безъ всякихъ перемѣнъ въ редакціи, хотя къ *печати* самъ Вильгельмъ успѣлъ, да и то только кое-какъ, приготовить лишь первую часть.

Если у Гумбольдта положены только *начала* для научнаго синтаксиса, — положены на почвѣ изслѣдованія *языка вообще,* то за девять лѣтъ передъ выходомъ въ свѣтъ его сочиненія появилась книга съ вполнѣ разработанною синтаксическою системою и съ весьма претенціознымъ названіемъ »организма языка«. Синтаксическая система разработана здѣсь на почвѣ *нѣмецкаго* языка, причемъ для сравненія, какъ и *подобало* такому труду при вполнѣ развившемся тогда уже направленіи подобныхъ изслѣдованій, привлекались разные другіе языки, въ томъ числѣ и славянскій. Мы разумѣемъ книгу K. F. Becker'a.

Мы не упоминали бы объ этой книгѣ, не будь того обстоятельства, что она положительно завладѣла постановкою *учебнаго* дѣла по изученію языковъ, и уже благодаря этому мѣшаетъ надлежащему развитію *научной* разработки синтаксиса по тѣмъ началамъ, которыя положены для него Гумбольдтомъ.

Беккеръ исходитъ изъ того положенія, что каждое слово въ »организмѣ« языка мыслимо только какъ часть *предложенія.*

Есть слова, — разсуждаетъ онъ, — которыя своимъ этимологическимъ корнемъ обозначаютъ »понятіе« (Begriff),

а своимъ этимологическимъ окончаніемъ указываютъ на такое или иное »отношеніе« (Beziehung), съ которымъ само «понятіе« (Begriff) входитъ въ какое нибудь *сочлененіе* предложенія, какъ въ его *часть* (zum Satzverhältniss), или въ самое *предложеніе* (Satz), какъ въ нѣчто *цѣлое* (Org. 130).*)

Этимъ словамъ, получившимъ у Беккера названіе *Begriffswörter*, противополагается рядъ другихъ словъ, которыя исполняютъ роль лишь этимологическихъ окончаній, т. е. служатъ исключительно только для обозначенія »отношеній« (Beziehungen). Такія слова Беккеръ называетъ формальными (Formwörter) и относитъ къ нимъ:

1. Pronomina; они попали у Беккера въ Formwoerter главнымъ образомъ на томъ основаніи, что одни изъ нихъ, такъ называемыя *личныя* мѣстоименія, въ иныхъ языкахъ и въ *извѣстныхъ* случаяхъ, при »глаголѣ« даже не ставятся, а заключаются въ окончаніи самого глагола (laudo, laudas etc.)

2. Numeralia, какъ опредѣленныя, такъ и неопредѣленныя (напр. *два*, *много* и т. д.); они только ближе опредѣляютъ собою то, что обозначено окончаніями единственнаго, двойственнаго и множественнаго чиселъ.

3. Praepositiones; являются, *какъ будто*, — а въ многихъ изъ языковъ и во многихъ случаяхъ *несомнѣнно*, — замѣстителями падежныхъ окончаній.

4. Conjunctiones; почему *этотъ* рядъ словъ попалъ въ Formwörter, станетъ яснѣе ниже.

5. Verbum substantivum seu abstractum; является »служебною« частью въ такихъ формахъ, какъ »laudatus *sum*«, или въ такихъ предложеніяхъ, какъ »die Rose *ist* roth» (связка).

6. Наконецъ, къ Formwörter отнесены еще какіе–то (т. е. не какіе-то; школа ихъ прекрасно знаетъ) »вспомо-

*) Такимъ образомъ, у Беккера нужно понимать терминъ *Begriff* немного иначе, чѣмъ у Гумбольдта: въ то время какъ по ученію Гумбольдта, истолкованному въ его статьѣ объ innere Sprachform, нужно имѣть „Begriff" (понятіе) т. е. нужно такъ или иначе „begreifen" (понять) и „Gegenstand" (предметъ), и „Beziehung" (отношеніе), у Беккера слово „*Begriff*" относится лишь къ тому, что Гумбольдтъ обозначилъ терминомъ *Gegenstand*.

гательные глаголы«; они, по мнѣнію Беккера, замѣняютъ собою разныя окончанія »наклоненій« (»er *darf* nicht sprechen« есть *запрещеніе,* и слово *darf* исполняетъ роль, одинаковую съ Imperativ'омъ).

Вотъ какіе Formwörter устанавливаются у Беккера Org. 136—153. Въ принципѣ мы не можемъ имѣть ничего противъ составленія какихъ бы то ни было группъ изъ словъ. Если слово, какъ *низшая* единица, должно быть частью *рѣчи,* то есть частью выраженія законченной *мысли,* то эту роль оно можетъ исполнить только потому, что *само по себѣ* имѣетъ такое или иное »значеніе« (Bedeutung), а въ данномъ случаѣ Беккеръ и руководился »значеніемъ«, когда устанавливалъ „Formwörter". Но только *у него* все это выдѣленіе der Formwörter получаетъ такой видъ, какъ будто онъ, желая развить передъ читателемъ свою теорію объ »организмѣ« языка, предварительно долженъ былъ *освободиться* какъ-нибудь отъ тѣхъ словъ, которыя ему въ этомъ мѣшали, — другими словами, онъ долженъ былъ освободиться отъ того, на почвѣ чего, какъ совершенно правильно учитъ Гумбольдтъ, только и можно рѣшить одинъ изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, а именно, *какъ* изъ низшихъ единицъ составляется цѣлая рѣчь. Ибо этими низшими единицами могутъ быть *только* слова, Беккеръ же, установивъ свои Formwörter, въ *дальнѣйшемъ* разъясненіи своей теоріи какъ будто и *забылъ* совершенно о »словахъ«. Установивъ Formwörter, онъ начинаетъ толковать о *предложеніи* (Satz) и о такихъ или иныхъ *сочлененіяхъ* предложенія (Satzverhältniss), — толковать объ этомъ всемъ, какъ онъ самъ всюду объявляетъ, съ *логической* точки зрѣнія (по его мнѣнію, грамматика есть *логика*), устанавливаетъ какія то *логическія* схемы *языка,* а въ каждую изъ этихъ схемъ втискиваетъ *различныя* части рѣчи, притомъ въ ихъ *традиціонномъ* видѣ и съ *традиціоннымъ* ихъ пониманіемъ. Онъ не то что *не успѣлъ* провѣрить традицію, а о такой провѣркѣ и не думаетъ. Провозглашенный имъ тезисъ, что при разъясненіи языка надобно исходить отъ предложенія, получаетъ совершенно искаженный смыслъ. Не *слова,* какъ *части* рѣчи, освѣщаются

у него предложéніемъ, какъ *законченною* рѣчью, а само *предложеніе,* какъ *законченная* рѣчь, освѣщается совершенно *посторонним, »логическимъ«*, по его словамъ, началомъ, причемъ *части* рѣчи играютъ роль только матеріала, *затыкающаго, какъ пришлось,* пустыя пространства, затыкающаго пустыя клѣтки той рамки, которая совершенно *извнѣ* наложена на рѣчь.

Впрочемъ, выдѣленіе формальныхъ словъ всетаки немного помѣшало при построеніи его теоріи. Большою натяжкою звучитъ, когда Беккеръ, напр. по поводу выраженія *der Bruder liebt dich,* говоритъ (Org. 184), что въ *dich* надобно усматривать не настоящій, а только прономинальный объектъ, такъ какъ въ этомъ словѣ выражено не »понятіе« (Begriff), а лишь »отношеніе« (Beziehung). Чтó собственно Беккеръ хотѣлъ сказать настоящею замѣткою, видно изъ сопоставленія ея съ другою замѣткою, помѣщенною Org. 141. Pronomen, — разсуждаетъ здѣсь Беккеръ, — само исполняя роль этимологическаго окончанія, собственно не должно быть флектируемо. Ибо *флектировать* слово значитъ: къ »понятію«, обозначенному въ *корнѣ* слова, присоединить еще нѣчто, могущее обозначить такое или иное *отношеніе* этого »понятія« къ чему-нибудь другому. А такъ какъ pronomen не есть »понятіе«, а слѣдовательно, и не *корень,* то не можетъ быть въ немъ флексіи. (Das Pronomen ist, weil es selbst die Natur einer Endung hat, eigentlich keiner Flexion fähig. Ein Wort wird flectirt, indem die *Beziehung* des *Begriffes* durch eine *Endung* an dem *Stamm* ausgedrückt wird. Da aber das Pronomen keinen Begriff hat und kein Stamm ist, kann es nicht flectiert werden.) Такимъ образомъ. для того чтобы языкъ не погрѣшалъ противъ требованій Беккеровскаго »организма«, нужно бы ему измѣнить выраженіе *der Bruder liebt dich* такъ, чтобы *dich* какъ нибудь вошло въ этимологическое окончаніе слова *liebt.*

На такія разсужденія натолкнулъ Беккера, оказывается. не иной кто, какъ самъ Bopp. Боппъ, какъ извѣстно, въ своей Vergl. Gr. развиваетъ — съ большимъ остроуміемъ, по замѣчанію Беккера (mit vielem Scharfsinn, Org. 153), — такую

теорію, что разныя окончанія въ глагольныхъ формахъ представляютъ собою въ *этимологическомъ* отношеніи, въ сущности, тѣ же pronomina, то же *sum* и, вообще, тѣ же Formwörter, только уже вполнѣ агглютинированныя къ глагольной темѣ и составляющія съ нею одно *слово*. Правъ ли Боппъ, или нѣтъ, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ несомнѣнно преувеличиваетъ, какъ впослѣдствіи выяснила теорія »дифференцировки,*) принятая въ этимологію, — но его »остроуміе«, къ сожалѣнію, цѣликомъ осталось при немъ и не оказало никакой услуги Беккеру. Въ томъ то и дѣло, что какое нибудь *ἄνθρωπος* составлено изъ *ἀνθρωπο* и, какъ полагаетъ Боппъ и многіе съ нимъ, слова *ὁ* — *ἡ* — *τό* путемъ *агглютинативнымъ*. Но какъ слово *водовозъ*, составленное также путемъ агглютинативнымъ, не даетъ намъ права не считаться съ словомъ *вода* какъ *самостоятельнымъ* словомъ, такъ и слова *eram*, *ὁ* — *ἡ* — *τό* и т. п., когда они въ рѣчи *дѣйствительно* появляются какъ самостоятельныя слова, а не какъ *окончанія* въ формахъ *legeram* и др., должны попасть *на-равнѣ* со *всѣми* остальными словами въ тотъ матеріалъ, о приспособленности котораго къ со-

*) Хотя Дельбрюкъ (Sprachst. 61—101) и не произноситъ самого слова „Differenzierungstheorie", какъ не произноситъ и простаго „Differenzierung", и хотя онъ, разбирая различныя теоріи объясненія этимологическихъ формъ, въ концѣ концовъ приходитъ къ убѣжденію, dass das Princip der Agglutination das *einzige* sei, welches eine verständliche Erklärung der Formen gewährt (стр. 100), тѣмъ не менѣе онъ тутъ же ставитъ вопросъ: Hat sich denn nun die Agglutinationstheorie im *Einzelnen* bewährt? Отвѣтъ на этотъ вопросъ у него подготовленъ цѣлымъ рядомъ основательнѣйшихъ разсужденій и получилъ слѣдующій видъ: Ich möchte kaum glauben, dass der geduldige Leser, welcher mir durch die ganze vorstehende Ausführung gefolgt ist, mit einem zuversichtlichen Ja antworten wird; denn im besten Falle hat sich uns für die Einzelanalysen eine gewisse Wahrscheinlichkeit, nicht selten das kahle non liquet ergeben. Такое non liquet Дельбрюкъ видитъ, напр., въ попыткѣ объяснить окончанія *μαι* — *σαι* — *ται* черезъ »удвоеніе pronomin'овъ« (*μαι* = *μα* + *μι* = *я меня* или *я себя*) и въ многихъ другихъ формахъ. И такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ агглютинативный путь, провозглашенный Дельбрюкомъ за *единственно* надежный, *не примѣнимъ*; такъ какъ въ подобныхъ случаяхъ *вообще* unser Material *nicht ausreicht*, um zwischen den verschiedenen Möglichkeiten der Entwickelung, die sich darbieten, eine sichere Wahl zu treffen (стр. 98): то только и остается сказать, что напр формы *ἵστημι* и *ἵσταμαι* и *внѣшне* »дифференцированы«, согласно различію ихъ *внутренняго* содержанія, а *какіе*, внѣшніе же, элементы кроются въ этой дифференцировкѣ, это приходится оставлять *безъ* отвѣта.

ставленію изъ него цѣлой *рѣчи* только и долженъ думать если не изслѣдователь »организма« языка, то по крайней мѣрѣ составитель синтаксической системы, разъ ему съ такою ясностью намѣчена дорога, съ какою это сдѣлалъ Гумбольдтъ своими терминами Rede*theile* und Rede*fügung*.

Рамка, въ которую Беккеръ втискиваетъ языкъ, слѣдующая.

Главнымъ »сочлененіемъ предложенія (Satzverhältniss) является prädicativ'ное. Оно состоитъ изъ *двухъ* элементовъ: сказуемаго, выражающаго нѣкую »дѣятельность« (Thätigkeit), и подлежащаго, заключающаго въ себѣ нѣкій »предметъ«, что ли (Sein)*). Напр. *der Bruder liebt, die Rose ist roth, der Knabe soll herkommen.*

»Логически« *первымъ* Беккеръ считаетъ въ этомъ сочлененіи »сказуемое« (Prädicat: *liebt, ist roth, soll herkommen*), какъ *привлекаемое* въ отношеніе (das bezogene), причемъ пониманіе чего-нибудь какъ »дѣятельности« (Thätigkeit) дано самимъ актомъ *предицированія;* ибо предицированіе — по толкованію Беккера — предполагаетъ нѣкое *движеніе* т. е. такое или иное *видоизмѣненіе* того, что въ *одномъ* видѣ привлекается къ *одному* Sein, а въ другомъ — къ другому.

»Логически« вторымъ въ prädicativ'номъ сочлененіи предложенія является »подлежащее (Subject), какъ *привлекающее* въ отношеніе (das beziehende).

»Логически« второй элементъ prädicativ'наго сочлененія предложенія, т. е. подлежащее, можетъ заключаться въ окончаніи глагола, напр. *amas.*

Въ примѣрѣ *die Rose ist roth* слово *ist* является связкою: но оно можетъ быть и самостоятельнымъ сказуемымъ, напр. *der Mann ist hier* (здѣсь слово *ist* имѣетъ значеніе выраженія *befindet sich*).

Все prädicativ'ное сочлененіе предложенія можетъ оказаться достаточнымъ для *полнаго* предложенія, и тогда предложеніе называется простымъ.

---

*) Такимъ образомъ, »Thätigkeit« и »Sein« оказываются подраздѣленіями того, что выше Беккеръ обозначилъ *однимъ* терминомъ *Begriff.*

Подлежащее prädicativ'наго сочлененія предложенія въ свою очередь можетъ войти въ *новое* сочлененіе (in ein neues Satzverhältniss), именно attributiv'ное. Въ attributiv'номъ сочлененіи является »логически« первымъ само »опредѣленіе« (Attribut). И »*опредѣленіе*« обозначаетъ нѣкую дѣятельность (Thätigkeit), *привлекаемую* въ отношеніе (bezogen) къ подлежащему, какъ къ предмету (Sein). Какъ Беккеръ представляетъ себѣ эту Thätigkeit въ attribut'ѣ, видно изъ слѣдующаго. Хотя — разсуждаетъ Беккеръ — въ выраженіи *Brief des Bruders* оба слова *Brief* и *Bruder* обозначаютъ *предметы* (das Sein), но все же форма *des Bruders* указываетъ на заключающееся въ ней »Sein«, т. е. на выражаемый въ ней »предметъ«, какъ на *дѣйствующій* (thätiges; самъ *братъ* пишетъ), а потому и объ *опредѣленіи* можно утверждать, что оно выражаетъ »дѣятельность« (Thätigkeit; см. Org. 168 и др.). Какъ въ prädicativ'номъ сочлененіи подлежащее могло быть поглощено сказуемымъ (amat), такъ и въ attributiv'номъ — »опредѣляемое« можетъ быть поглощено опредѣленіемъ (*Gelehrte* вмѣсто *ein gelehrter Mann*; см. Org. 125). Если подлежащимъ въ prädicativ'номъ сочлененіи было преимущественно Substantivum, то опредѣленіемъ въ attributiv'номъ сочлененіи бываетъ, по преимуществу, Adjectivum.

Сказуемое prädicativ'наго сочлененія можетъ *также* войти въ новое сочлененіе, а именно objectiv'ное (Objectives Satzverhältniss). Въ этомъ сочлененіи »логически« *первымъ* элементомъ является само »дополненіе« (Object), поглощающее иногда сказуемое (напр. вмѣсто *er fängt Fische* говорятъ *er fischet*; Org. 126). Въ objectiv'номъ сочлененіи привлекается не *дѣятельность* къ *предмету* (nicht die Thätigkeit zum Sein), какъ это было въ praedicativ'номъ и attributiv'номъ сочлененіи, а *наоборотъ*, предметъ къ дѣятельности. »Дополненій« можетъ быть *нѣсколько*. Ибо »дополненіе« составляетъ съ сказуемымъ органическую единицу, и эта органическая единица можетъ принять къ себѣ *новое* дополненіе, сростающееся съ прежнею органическою единицею въ *новую*, способную *опять* принять дополненіе,

напр.: (rühmt) den König; (rühmt den König) allem Volke; (rühmt den König allem Volke) wegen seiner Gerechtigkeit (Org. 183).

»Дополненіемъ« бываетъ прежде всего Substantivum, въ томъ или иномъ падежѣ, а то и Pronomen; послѣднее въ такомъ случаѣ обозначаетъ уже не »Begriff«, а »Beziehung«. Но можетъ встрѣтиться въ роли »дополненія« и Adverbium. Въ сущности, Adverbium есть окаменѣлый падежъ того-же Substantivum, или того-же Pronomen. Есть *разныя* objectiv'ныя »отношенія« (Beziehungsverhältnisse), какъ это можно было видѣть на примѣрѣ *rühmt den König allem Volke wegen seiner Gerechtigkeit*; изъ нихъ нѣкоторыя выражаются *только* черезъ Adverbia, другія же не получаютъ своего выраженія въ Adverbium *никогда*. Въ виду послѣдняго обстоятельства слѣдуетъ выдѣлить, какъ *особую группу* objectiv'ныхъ сочлененій, такъ называемыя adverbial'ныя: времени, мѣста, вообще »обстоятельства« (circumstantiae), и — способа, что ли (Weise—qualitas; см. Org. 267—8).

Больше перечисленныхъ трехъ сочлененій (Satzverhältnisse) въ предложеніи не бываетъ; но каждое »опредѣленіе« (Attribut) *само по себѣ* можетъ войти въ новое »objectiv'ное« отношеніе, — напр. »das *vom Hunde gebissene* Kind ruft«, — и каждое »дополненіе« (Object) можетъ войти въ новое »*attributiv'ное*« отношеніе, — напр. »er ruft das *gebissene Kind*«, — а если »опредѣленіе« *послѣдняго* примѣра — т. е. »опредѣленіе« *gebissene* — вступитъ въ новое »objectiv'ное« отношеніе, то выйдетъ »er ruft das *vom Hunde gebissene* Kind« (Org. 158—9).

Придаточное предложеніе есть, въ сущности, выраженный *цѣлымъ предложеніемъ* элементъ какого-нибудь сочлененія *главнаго* предложенія: это бываетъ либо »подлежащее« главнаго предложенія (dass er hereintrat, erschreckte mich), либо »дополненіе« (ich bat ihn, er möge helfen), либо »опредѣленіе« (der Knabe, welcher sehr fürchtete, schrie). Такъ какъ въ *главномъ* предложеніи подлежащее выражается преимущественно черезъ Substantivum, дополненіе — черезъ Substantivum и Adverbium, а опре-

дѣленіе — черезъ Adjectivum, то мы различаемъ: substantiv'ныя придаточныя предложенія, adjectiv'ныя и adverbial'ныя (Org. 310—312). Когда мы говоримъ: *dass die Erde sich um ihre Axe bewegt, ist gewiss*, то Conjunctio *dass* указываетъ на все вводимое ею предложеніе какъ на *Substantivum* главнаго предложенія, а потому и *Conjunctio* есть Formwort.

Больше всего замѣняются *цѣлыми* (разумѣй *придаточными*) предложеніями всѣ, попадающія въ главное предложеніе въ качествѣ элементовъ такого или иного »сочлененія«, gerundia, gerundiva, supina, participia, infinitivi, — словомъ, всякія, какъ ихъ Беккеръ называетъ, participialia. О participiali'ахъ много распространяется Беккеръ Org. 285—306. Придаточныя предложенія онъ на стр. 306 прямо называетъ аналитическими выраженіями participiali'й (analytische Ausdrücke der Participialien). Эта фраза Беккера въ школьномъ языкѣ переведена на фразу: всякое participiale есть *сокращенное* придаточное предложеніе, и школьники, прекрасно на практикѣ привившіе себѣ сознаніе Беккеровскаго »analytischer Ausdruck«, преспокойно »разлагаютъ« выраженіе *онъ читаетъ лежа* на выраженіе *онъ читаетъ, когда онъ лежитъ.* Это ли не порча языка, которою не только наша школа обязана Беккеровскому »организму«, но которою ему обязанъ Беккеръ *самъ.* Ибо и онъ, какъ мы видѣли, считаетъ возможнымъ настаивать на противорѣчащей *всякому* чутью языка фразѣ *der Knabe, welcher sehr fürchtete, schrie.*

Мы не станемъ разсуждать о томъ, насколько приличествуетъ называть синтаксическую систему Беккера результатомъ изслѣдованія des »*Organism*« der Sprache. Во всякомъ случаѣ, то, что мы отъ него слышали, есть полная *Desorganisation der Sprache.* Ибо помимо всякихъ »analytische Ausdrücke«, помимо всякихъ *der Knabe, welcher sehr fürchtete, schrie*, кто изъ говорящихъ на какомъ бы то ни было языкѣ при произнесеніи выраженія *цвѣтъ волосъ* подумаетъ о томъ, что *волоса* есть »Thätigkeit«, а *цвѣтъ* — »Sein«? (смотри выше *Brief des Bruders*): на это не на-

толкнетъ ни одна »логика«, въ какой дозѣ ни приправлялъ бы ею Беккеръ свою синтаксическую систему. Кстати, на счетъ »логики«, есть ли въ самомъ дѣлѣ грамматика логика, какъ то проповѣдуетъ Беккеръ, и какъ то проповѣдывали всѣ его предшественники, начиная съ схоластиковъ? Ибо и они старались подвести подъ »*логическое*« начало всѣ части рѣчи (смотри Delbrück, Grundr. III. Einleitung), насилуя ихъ первоначальный смыслъ *именно* подъ вліяніемъ этого »*логическаго*« начала.

Итакъ, есть ли грамматика логика? Самъ языкъ есть несомнѣнно *историческое* явленіе, такъ какъ онъ, по ученію Гумбольдта, есть сама дѣятельность *духа* человѣческаго, и такъ какъ онъ рождается, развивается и вымираетъ не съ рожденіемъ, жизнью и смертью *одного* человѣка, *одного* организма, а растетъ и исчезаетъ вмѣстѣ съ ростомъ и исчезновеніемъ цѣлыхъ *человѣческихъ обществъ*, оставляя, быть можетъ, слѣды своего существованія въ языкѣ *другихъ*, такихъ же *человѣческихъ обществъ*. Самъ языкъ есть выраженіе *мысли*, выраженіе человѣческаго *мышленія*, а *мышленіе* бываетъ у кого *логичное*, а у кого и *нелогичное*, но, во всякомъ случаѣ, то и другое есть актъ *психологическій*, а потому и языкъ можно назвать явленіемъ *психологическимъ*. Что же касается *грамматики*, то въ ней, конечно, какъ во всякой наукѣ, должна быть *логика*, или скорѣе *логичность*, но логика ли она *сама*, это большой вопросъ. Скорѣе *математику* можно назвать логикою, нежели грамматику. Ибо *математическое* мышленіе должно быть непремѣнно *логичнымъ*, иначе оно перестаетъ быть и математическимъ.

Этимъ нашимъ разсужденіемъ мы вовсе не хотимъ сказать, что логика должна быть *совершенно* выведена изъ грамматики. Прекрасно выражается на счетъ этого Paul (Princip. 33): In der Opposition gegen eine früher übliche Behandlungsweise der Sprache, wonach alle grammatischen Verhältnisse einfach aus den logischen abgeleitet wurden, ist man soweit gegangen, dass man eine Rücksichtsnahme auf die logischen Verhältnisse ... von der Sprachbetrach-

tung ausgeschlossen wissen will. Das ist nicht zu billigen. Grammatik und Logik treffen zunächst deshalb nicht zusammen, weil die Ausbildung und Anwendung der Sprache nicht durch streng logisches Denken vor sich geht, sondern durch die natürliche, ungeschulte Bewegung der Vorstellungsmassen, die je nach Begabung und Ausbildung mehr oder weniger logischen Gesetzen *folgt* oder *nicht folgt*. Aber auch der *wirklichen* Bewegung der Vorstellungsmassen mit ihrer bald grösseren, bald geringeren logischen Consequenz ist die sprachliche Form des Ausdrucks nicht immer congruent. Auch *psychologische* (въ которыхъ *logische* составляютъ *часть*) und grammatische Kategorien decken sich nicht. Daraus folgt, dass der Sprachforscher beides (т. е. категоріи грамматическія и психологическія, частью которыхъ являются и *логическія*) *auseinander halten* muss, aber *nicht*, dass er bei der Analyse der menschlichen Rede auf psychische Vorgänge, die sich beim Sprechen und Hören vollziehen, . . . *keine Rücksicht* zu nehmen braucht.

Что касается въ частности »логико-грамматическихъ« категорій Беккера, то онѣ, во всякомъ случаѣ, крайне ошибочны. Ибо отъ всякой грамматики, на какомъ бы принципѣ она ни была построена, нужно требовать, чтобы она знакомилась съ средствами языка, съ его схемами и объясняла цѣлесообразность этихъ средствъ и схемъ. Но что пользы для языка, какое пониманіе его выражается въ томъ, если я знаю, что такое то предложеніе есть adverbial'ное, т. е. что оно можетъ быть замѣнено, *если это допускаютъ средства языка*, adverbi'емъ, или чѣмъ нибудь другимъ, могущимъ замѣнить собою *самое adverbium*, опять таки если это *допустятъ средства языка?* И зачѣмъ я, когда говорятъ напр. *честные люди будутъ всегда видѣть въ его поступкѣ величайшую низость*, — зачѣмъ я долженъ непремѣнно искать подлежащее въ словѣ *люди* (даже не въ *честные люди*; ибо *честные* есть уже »опредѣленіе«), а сказуемое въ *будутъ видѣть*, и почему я не могу признать подлежащимъ *его поступокъ*, а сказуемымъ — *величайшую низость?* Мы уже не говоримъ о томъ, что, при-

нимая даже за подлежащее *его поступокъ* и за сказуемое *величайшую низость*, слѣдовательно нѣчто, что какими-нибудь синтаксическими схемами совершенно даже не можетъ быть предупреждено, мы еще не удовлетворяемъ вполнѣ чистую, *формальную* логику. Ибо о *нашихъ* «подлежащемъ« и »сказуемомъ« можно сказать то же, что сказалъ Heyse, Sprachw. 391: Der so entstehende Satz hat die Form des Urtheils, ohne deshalb seinem Inhalte nach dem philosophischen Begriffe des Urtheils entsprechen zu müssen. Denn das *logische* Urtheil entspringt aus der *Zerlegung* eines Begriffes und die Verbindung von Subject und Praedicat ist darin eine *wesentliche, nothwendige*; es ist Ausdruck eines Allgemeinen, z. B. *Gott ist absoluter Geist.* Der Satz aber kann bloss aus der Zerlegung einer *subjectiven, einzelnen Anschauung* eines *Factischen* entspringen; er kann einen *Zustand* aussagen, eine *Handlung*, etwas bloss *Zufälliges*, nichts *Nothwendiges*, welches wohl wirklich, aber nicht wahr im höheren Sinne des Wortes ist.

H. Steinthal, великій ученикъ только что упомянутаго Heyse (къ нему онъ и относится съ большою признательностью), въ своемъ трудѣ Gramm. etc. много занимается Беккеромъ и посвящаетъ ему цѣлыя 105 страницъ этого сочиненія.

Не разбирая, какъ мы, самихъ *результатовъ*, до которыхъ Беккеръ дошелъ въ своемъ »организмѣ« по отношенію къ синтаксису, и ограничиваясь критикою *принциповъ*, которыхъ держится послѣдній въ разработкѣ языка вообще, Штейнталь съ полнѣйшею убѣдительностью доказываетъ всю безпринципность этихъ принциповъ, ловя Беккера на каждомъ шагу въ нелогичности его разсужденій, и съ удивленіемъ ставитъ вопросъ: Wie ist es möglich, dass ein Mann einerseits seit Jahrzehenden als Gründer der neuen Grammatik anerkannt wird, und andrerseits dir in einem Lichte erscheint, dass du Mühe hast ihn von denen zu unterscheiden, die man geisteskrank nennt (Gramm. etc. VI.).

Самъ Штейнталь въ наукѣ о языкѣ является продолжателемъ Гумбольдта. Указавъ на то, что Гумбольдтъ прибѣгаетъ

къ слову *Organismus* только *иногда,* притомъ въ смыслѣ скорѣе поэтическомъ, чѣмъ философскомъ, и что у Гумбольдта »организмъ« вовсе не выставленъ точкою исхода и руководящею нитью въ разсужденіяхъ о языкѣ (Gramm. etc. 128), какъ то сдѣлано Беккеромъ, не сознающимъ, однако, и не опредѣлившимъ значенія этого слова, Штейнталь высказывается объ этомъ словѣ и объ отношеніи его къ языку слѣдующимъ образомъ (Gramm. etc. 379): Насъ спросятъ, желаемъ ли мы назвать языкъ организмомъ. Но къ чему намъ, спрашиваю я, слово, которое на своей домашней почвѣ никогда яснаго смысла не имѣло и съ давнихъ уже поръ все больше и больше угрожаетъ потерею *всякаго* значенія. Однако, не считаясь и съ этимъ, какой смыслъ можетъ имѣть *для насъ* слово »органическій« ? Оно немыслимо безъ *противоположности,* безъ »неорганическаго«, и гдѣ же для языка такая противоположность? Въ области языка это слово можетъ имѣть только *переносное* значеніе, такъ какъ языкъ принадлежитъ существенно *духу* человѣческому, есть порожденіе *духа.* Чисто *естественнаго* значенія оно ни въ какомъ случаѣ получить не можетъ. Должно ли оно обозначать, что начало языка кроется въ *естественномъ,* не волею чьей-нибудь вызванномъ процессѣ развитія духа и, еще частнѣе, въ неразложимомъ взаимодѣйствіи тѣла и души? Да будетъ мнѣ позволено надѣяться или, если угодно, возмнить, что я понялъ все относящееся сюда гораздо опредѣленнѣе и изложилъ гораздо основательнѣе, чѣмъ то способно выразить слово »органическій«, и что я вмѣстѣ съ тѣмъ освободился отъ ходульности, къ которой это слово давало поводъ. Оно *отжило* свой вѣкъ. Вотъ подлинныя слова Штейнталя: Man wird uns fragen, ob wir die Sprache einen Organismus nennen wollen? Was soll uns aber, frage ich, ein Wort, das auf seinem einheimischen Boden niemals einen klaren Sinn gehabt hat und schon seit langer Zeit alle Bedeutung mehr und mehr zu verlieren droht? Doch sehen wir davon ab, welchen Sinn kann für uns das Wort „organisch“ haben? Es kann nicht bestehen ohne seinen Gegensatz, das „Unorganische“, und wo läge für die Sprache ein solcher Gegen-

satz? Das Wort „organisch“ könnte für uns einen übertragenen Sinn haben, denn die Sprache gehört wesentlich dem Geiste, ist ein geistiges Erzeugniss. Eine rein natürliche Bedeutung könnte es sicherlich nicht haben. Soll es uns nun andeuten, dass der Ursprung der Sprache in dem nothwendigen Gange der geistigen Entwicklung liegt? und noch specieller, im Zusammenhange von Seele und Leib? Man gestatte mir die Hoffnung oder, wenn man will, die Einbildung, dass ich diese Punkte viel bestimmter erfasst und gründlicher erörtert habe, als das Wort „organisch“ auszudrücken vermag, und sie zugleich von allen Schiefheiten und Übertreibungen gereinigt habe, zu denen das Wort veranlasst hatte. Dieses Wort hat seine Epoche ausgelebt.

То, что Гумбольдтъ назвалъ innere Sprachform, Штейнталь (Gramm. etc. 304—314) разъясняетъ слѣдующимъ образомъ*): Человѣкъ видитъ въ душѣ нѣчто, слышитъ и т. д. Это видимое въ душѣ, слышимое и пр. онъ *невольно* »сознаетъ«. Онъ »сознаетъ« не *объектъ*, находящійся *внѣ* его и подлежащій его воспріятію, а »сознаетъ« *именно* это *видимое въ душѣ*, — сознаетъ не *такъ*, *какъ* онъ видитъ, а само сознаніе вноситъ въ видимое нѣчто *отъ себя*, невольно какъ-то избирая изъ видимаго одно и пропуская другое, такъ что сознанное *не соотвѣтствуетъ* »*видимому*« *) въ душѣ, какъ и видимое въ душѣ, въ свою очередь, не соотвѣтствуетъ предмету, который человѣкъ воспринимаетъ. Чѣмъ же обнаруживается такое »невольное« сознаніе? Содроганіемъ нервовъ, улыбкою, выраженіемъ *ужаса* на лицѣ и т. д. и, наконецъ, »невольно« прорывающимся звукомъ.

Всѣ ли звуки, издаваемые человѣкомъ, являются обнаруженіемъ одной и той же степени »невольнаго сознанія«

*) Читатель, надѣемся, не упрекнетъ насъ за то, что мы и здѣсь, какъ это сдѣлали кое гдѣ относительно Гумбольдта, замѣнимъ иногда точную передачу словъ Штейнталя своимъ истолкованіемъ его мысли. *Точная* передача словъ Штейнталя не обошлась бы безъ *комментированія* этихъ словъ, и это напрасно увеличивало бы объемъ и безъ-того пространнаго введенія.

*) Быть можетъ, слово *видимый* употреблено здѣсь не кстати; быть можетъ, подъ »видимымъ« читатель разумѣетъ уже то »сознанное«, которое мы въ нашемъ контекстѣ *отличаемъ* отъ »видимаго«, но у насъ нѣтъ подъ рукою другого слова, *болѣе* подходящаго.

(des instinctiven Bewusstseins)? Нѣтъ. Когда у меня отрѣзываютъ ногу, и я отъ боли кричу и издаю звукъ, то въ этомъ звукѣ, хотя онъ и артикулированный, не сказывается еще та степень »невольнаго сознанія«, которая дала бы ему право называться рѣчью. Но есть другіе звуки, хотя бы тоже чисто »interjectional'ные«, которые невольно прорываются въ моментъ возникновенія у меня *пониманія*, что »вотъ то отрѣзываніе ноги, которое теперь на мнѣ совершается, ужъ очень больно, и какъ я отъ боли неистово кричу!« Такимъ и притомъ вполнѣ еще »interjectional'нымъ« можетъ быть выраженіе »ого!« Такое »ого!« есть уже *рѣчь*.

При чемъ же тутъ, однако, innere Sprachform? Innere Sprachform, это есть *само*сознаніе (*Selbst*bewusstsein), тоже невольное (instinctiv). Это есть сознаніе того, что такой-то, прорвавшійся у меня невольно звукъ имѣетъ такое то *значеніе* (Bedeutung), или, примѣняясь къ данному примѣру, что »interjectional'ное« выраженіе »*ого*« прорвалось у меня какъ символъ мысли »*однако это ужъ очень больно, и какъ я неистово кричу!*« Самый звуковой комплексъ »*ого*!« есть äussere Sprachform, — есть »выраженіе« (Ausdruck); его »значеніе« есть то, что я, произнося слово »*ого*!«, »представляю« (Vorstellung), а *innere Sprachform* есть *сознаніе* »значенія«, выражаемаго въ *внѣшней* формѣ языка (in der äusseren Sprachform), — есть нѣчто, *посредничающее* между звукомъ, какъ *внѣшнею формою языка*, и самимъ »представленіемъ« (Vorstellung), какъ *матеріею* этой внѣшней формы. Если въ проявленіи звука »*ого*« мы должны усматривать *обнаруженіе* »акта невольнаго сознанія« или, лучше сказать, *самый* »актъ невольнаго сознанія«, то »*внутренняя* форма языка« есть« невольное сознаніе этого »*акта невольнаго сознанія*«, — есть, такъ сказать, невольное сознаніе въ квадратѣ. Черезъ *внутреннюю* форму языка, т. е. черезъ установленіе »представленія« какъ *содержанія* внѣшняго звука, *душа* человѣческая (Seele)*) превращается въ *духъ* (Geist), пробуждаясь какъ бы отъ *сна*.

*) До сихъ поръ — сказалъ бы напр. Heyse и др. — душа человѣческая почти что не отличалась отъ души иного животнаго.

На первой ступени внутренняя форма языка посредничаетъ между *очень сложнымъ* »представленіемъ« и *очень короткимъ* »выраженіемъ.« Это бываетъ въ interjectional'-ныхъ выраженіяхъ, въ родѣ приведеннаго »*ого!*«, и въ дѣтскихъ выраженіяхъ, въ родѣ *гавъ-гавъ*. Ни *ого!*, ни *гавъ-гавъ* не суть еще »слова«. *Гавъ-гавъ* сознается ребенкомъ какъ выраженіе *очень* сложнаго »представленія«. Внутренняя форма языка упрочиваетъ у ребенка за *гавъ-гавъ* представленіе прежде всего *извѣстной* собаки, — положимъ, большой, черной, подпрыгивающей къ ребёнку, виляющей хвостомъ, ворчащей и лающей на приближающихся къ нему чужихъ людей и отгоняющей ихъ отъ него. Не безъ основанія можно утверждать, что дѣтское *гавъ-гавъ*, точно такъ же, какъ и interjectional'ное »*ого!*« суть цѣлыя *предложенія* (мы бы сказали »суть цѣлая *рѣчь*«).

На первой ступени проявленія внутренней формы языка, звукъ стоитъ — можно сказать — *исключительно* на почвѣ *ономатопоэтической*. Штейнталь совершенно правильно указываетъ на то (Gramm. etc. 312), что въ ономатопоэтической сторонѣ языка не слѣдуетъ усматривать первоначально *подражанія* звукамъ внѣшняго явленія,*), такъ какъ *подражаніе* есть нѣчто, совершаемое съ *намѣреніемъ*, между тѣмъ какъ »*невольный* актъ сознанія«, обнаруживаемый звукомъ, — а то и прямо въ немъ заключающійся, — предполагаетъ въ звукѣ чистый рефлексъ, — рефлексъ, состоятельность котораго основывается на нѣкоемъ *подобіи* звука самому тому »представленію«, которое въ немъ отражается,**) такъ что голо-

*) Это невозможно уже потому, что въ такомъ случаѣ нужно бы предположить, что человѣкъ »воспринималъ« внѣшніе объекты *исключительно* только при посредствѣ *слуха*, между тѣмъ какъ *первымъ* органомъ чувства остается всетаки *глазъ*.

**) О чемъ-то подобномъ думалъ и Платонъ. Сравни Plato, Crat. 426 d — 427 b: *τὸ δ' οὖν ῥῶ τὸ στοιχεῖον, ὥσπερ λέγω, καλὸν ἔδοξεν ὄργανον εἶναι τῆς κινήσεως τῷ τὰ ὀνόματα τιθεμένῳ πρὸς τὸ ἀφομοιοῦν τῇ φορᾷ· πολλαχοῦ γοῦν χρῆται αὐτῷ εἰς αὐτήν· πρῶτον μὲν ἐν αὐτῷ τῷ ῥεῖν καὶ ῥοῇ διὰ τούτου τοῦ γράμματος τὴν φοράν μιμεῖται, εἶτα ἐν τῷ τρόμῳ, εἶτα ἐν τῷ τραχεῖ, ἔτι δὲ ἐν τοῖς τοιοῖσδε ῥήμασιν οἷον κρούειν, θραύειν, ἐρείκειν, θρύπτειν, κερματίζειν, ῥυμβεῖν· πάντα ταῦτα τὸ πολὺ ἀπεικάζει διὰ τοῦ ῥῶ· ἑώρα γάρ, οἶμαι, τὴν γλῶτταν ἐν τούτῳ ἥκιστα μένουσαν, μάλιστα δὲ σειομένην· διὸ φαίνεταί μοι τούτῳ πρὸς ταῦτα καταχρῆσθαι· τῷ δ' αὖ ἰῶτα*

совые органы представляютъ собою въ этомъ отношеніи нѣчто въ родѣ зеркала или сѣтчатой оболочки глаза, отражая въ себѣ то, что на нихъ дѣйствуетъ.

На *второй* ступени, проявленіе внутренней формы языка выступаетъ какъ *поименованіе* »представленія« по его *главному* или *характерному* »признаку«. Тутъ то ужъ появляются *дѣйствительныя* »слова«, обозначающія (опять таки по большей части *ономатопоэтически*, въ выясненномъ только что *широкомъ** смыслѣ этого слова) не только *предметы*, — собственно »представленія« о нихъ, — по тѣмъ или инымъ *качествамъ* или *дѣйствіямъ*, «представля-

---

πρὸς τὰ λεπτὰ πάντα ἃ δὴ μάλιστα διὰ πάντων ἴοι ἄν· διὰ ταῦτα τὸ ἰ έ ν α ι καὶ τὸ ἵ ε σ θ α ι διά τοῦ ἰῶτα ἀπομιμεῖται.... ὅτι δὲ ὀλισθάνει μάλιστα ἐν τῷ λάβδα ἡ γλῶττα κατιδών, ἀφομοιῶν ὠνόμασε τά τε λ ε ῖ α καὶ αὐτὸ τὸ ὀ λ ι σ-θάνειν, καὶ τὸ λ ι π α ρ ὸ ν καὶ τὸ κ ο λ λ ῶ δ ε ς καὶ τἆλλα πάντα τὰ τοιαῦτα.... τὸ δ' αὖ ἄ λ φ α τῷ μ ε γ ά λ ῳ ἀπέδωκε, καὶ τῷ μ ή κ ε ι τὸ ἦ τ α, ὅτι μεγάλα τὰ γράμματα κ. τ. ἄ. Мысль Платона развиваетъ дальше на почвѣ фактовъ Heyse Sprachw. (115—127), ссылаясь часто на Платона.

*) Такимъ образомъ, и Штейнталь не признаетъ той Bau — wau und Pah — pah Theorie, съ которою Max Müller съ такимъ успѣхомъ борется Vorles. I. 9. Не отвергая при образованіи словъ принципа звукоподражанія и, какъ онъ выражается, »interjectional'ности« *безусловно*, — онъ самъ приводитъ *примѣры* образованія словъ по этому принципу, да и отчего не могъ быть »чистый рефлексъ« на »сѣтчатой оболочкѣ голосовыхъ органовъ« при всей instinctiv'ности и звукоподражательнымъ? — Мюллеръ, однако, въ концѣ концовъ задаетъ себѣ вопросъ: Wie wurde die abstracte Idee des Messens durch *mâ*, die Idee des Denkens durch *man* ausgedrückt? Wie kam *gâ* dazu *gehen*, *sthâ* — *stehen*, *sad* — *sitzen*, *dâ* — *geben*, *mar* — *sterben*, *char* — *wandeln*, *kar* — *thun* zu bezeichnen? На этотъ вопросъ онъ въ поэтически философскомъ настроеніи отвѣчаетъ такъ: Jede Substanz hat ihren eigenthümlichen Klang. Wir können auf die mehr oder weniger vollkommene Structur der Metalle aus ihren Vibrationen schliessen, aus der Antwort, die sie ertheilen, wenn man sie nach ihrem Naturklange fragt. Gold erklingt anders als Zinn, Holz anders als Stein, und verschiedene Klänge entstehen, je nachdem die Erschütterung des Körpers verschieden ist. Ebenso war es mit dem Menschen, dem vollkommensten Organismus unter den Werken der Natur. *Auch der Mensch erregt Klänge.* Der Mensch war in seinem vollkommenen Urzustande nicht wie die Thiere allein mit dem Vermögen begabt, seine Empfindungen durch Interjectionen und seine Wahrnehmungen durch Onomatopoesie (разумѣй ономатопоэзію въ болѣе *узкомъ* смыслѣ этого слова) auszudrücken, er besass auch das Vermögen, seinen *abstracten* Vorstellungen einen besser, feiner artikulirten Ausdruck zu geben. *Dieses Vermögen hatte er nicht selbst herangebildet. Es war ein Instinct, ein Instinct des Geistes* eben so unwiderstehlich, wie jeder andere Instinct (Vorles. I. 339).

ющимся« *главными* въ этихъ предметахъ (волкъ — влекущій), но и самыя *дѣйствія* и *качества*, гдѣ, въ свою очередь, въ цѣломъ рядѣ видѣннаго и слышаннаго выступаетъ и »представляется« нѣчто *одно* главнымъ и характернымъ для »поименованія» ихъ.

Настоящее замѣчаніе Штейнталя о »поименованіи« предметовъ, качествъ и дѣйствій по ихъ характернымъ признакамъ мы должны дополнить однимъ, на нашъ взглядъ, очень важнымъ указаніемъ Max'a Müller'a. Мюллеръ, примиряя теорію Locke, Adam'a Smith'a и др., по которой каждое слово было первоначально названіемъ предмета — *индивидуума* и, такъ сказать, *собственнымъ именемъ* этого индивидуума, съ теоріею Leibniz'a, по которой всѣ слова были первоначально *нарицательныя* названія *родовъ*, а не индивидуумовъ, говоритъ такъ (Vorles. I. 331): Всѣ »имена« выражаютъ первоначально *одно* изъ *многихъ* »свойствъ« предмета, и это »свойство«, будь это качество или дѣйствіе, есть непремѣнно *общая* »идея«. Рожденное такимъ путемъ слово было разсчитано первоначально на *одинъ* предметъ, хотя, естественно, почти что одновременно распространилось на весь *родъ*, которому этотъ предметъ принадлежалъ, — принадлежалъ, разумѣется, по свойству, выраженному въ самомъ словѣ. Во многихъ случаяхъ слово оставалось *собственнымъ* названіемъ, не поднимаясь никогда до значенія *нарицательнаго* имени. Такъ, *Rhenus* обозначаетъ *текущій* = *рѣка*, но слово это осталось названіемъ *одной* рѣки. *Всякое* наименованіе есть классификація, — есть подведеніе единичнаго подъ родовое, и все, что мы »знаемъ«, — эмпирически ли, или научно, — мы знаемъ черезъ зеркало нашихъ *общихъ* идей. Всякое »слово« есть первоначально »*сказуемое*« предмета. (Die Nomina drücken ursprünglich eines der vielen Attribute eines Gegenstandes aus, und dieses Attribut, mag es nun eine Qualität oder Thätigkeit sein, ist nothwendiger Weise eine *allgemeine Idee*. Das so gebildete Wort war zuerst nur auf *einen* Gegenstand berechnet, obzwar es naturgemäss fast augenblicklich auf die ganze Klasse ausgedehnt wurde,

welcher dieser Gegenstand angehören schien*).... In vielen Fällen blieb ein Wort... der Eigenname *eines* Gegenstandes, ohne sich je zu der Würde eines Appellativ's zu erheben. So bedeutet *Rhenus* der Fliessende, der Fluss, aber das Wort blieb an *einem* Flusse haften.... Alles Benennen ist Classification, Einordnen des Individuellen unter das Generelle, und alles, was wir entweder empirisch oder wissenschaftlich kennen, kennen wir nur vermöge unserer allgemeinen Ideen.... Jedes Wort ist ursprünglich ein *Prädicat* des Gegenstandes.) Но возвратимся опять къ Штейнталю.

Со второю ступенью проявленія внутренней формы языка приходится имѣть дѣло этимологу, собственнная задача котораго въ томъ и заключается, чтобы раскрыть, какое »представленіе« внутренняя форма языка соединяла или соединяетъ съ тѣмъ или инымъ »корневымъ« словомъ (Wurzelwort). Почему здѣсь упоминается о »Wurzelwort«, а не просто о »Wort«, — это выяснится скоро. До сихъ поръ говорилось вообще о »словахъ« (Woerter); оказывается, что подъ этими »словами« на *второй* ступени проявленія внутренней формы языка нужно разумѣть *именно* »корневыя« слова (Wurzelwörter).

И *поименовываніе* — предмета ли, качества ли, или дѣйствія — по *главной* какой-нибудь чертѣ есть, въ сущности, Satz. Когда я, замѣчая предметъ, поименовываю его, то я рѣшаю цѣлую, *законченную*, задачу произнесеніемъ *одного слова*, такъ какъ это слово и есть само *имя* того, что я *хотѣлъ* поименовать.

Какой нибудь дальнѣйшей, третьей, ступени проявленія внутренной формы языка собственно нѣтъ.**) Поименовавъ на второй ступени ея проявленія тотъ или другой предметъ словомъ γυνή (рождающая), *filius* (сосущій) и т. д., я впо-

---

*) Впрочемъ, приблизительно то же имѣетъ въ виду и Штейнталь, когда онъ говоритъ (Gramm. etc. 321): es giebt nur *eine* Vorstellung vom Wolfe und von *jeder* Anschauung (разумѣй von jeder Anschauung *des Wolfes*), und sie ist das *Allgemeine*, das Wort bezeichnet die *Art*.

**) А гдѣ же та innere Sprachform, которая у Гумбольдта соединяла нѣсколько словъ въ цѣлую рѣчь? Отвѣтъ на этотъ вопросъ послѣдуетъ немного ниже.

слѣдствіи — уже, такъ сказать, на *исторической* почвѣ — »сознаю« »характерныя черты«, которыя у »*γυνή*« и »*filius*« (собственно, и *здѣсь* идетъ рѣчь только о »*Wurzelwörter*«) *поважнѣе* рожденія и сосанія, но оставляю за предметомъ упрочившееся за нимъ названіе, рѣшивъ однако, что подъ этимъ названіемъ нужно »понимать« нѣчто совершенно другое, чѣмъ я »понималъ« прежде.

Внутренняя форма языка, на *этой* стадіи развитія словъ, сводится къ какой то точкѣ, безъ широты и содержанія (ohne Ausdehnung und Inhalt), — къ точкѣ, въ которой просто приводятся въ *соприкосновеніе* значеніе и звукъ (= ассоціація по смежности). Внутренняя форма языка превращается здѣсь въ »психическій *механизмъ*«, т. е. въ *привычку* соединять со звукомъ такое или иное значеніе, а самосознаніе, которое мы прежде назвали «сознаніемъ въ квадратѣ«, является здѣсь не »невольнымъ» (instinctiv), а »дѣйствительнымъ« (wirkliches Selbstbewusstsein): ибо человѣкъ, перемѣняя значеніе слова, говоритъ себѣ: нѣтъ, *filius*, это не столько сосунъ, какъ у меня прежде *почему-то выходило*, а это, *какъ я теперь вижу*, младшій членъ моей семьи, по отношенію къ которому я имѣю извѣстныя обязанности и права. Что послѣ перемѣны значенія *первоначальное* значеніе совершенно *забывается*, и что само слово, по отношенію къ внутренней формѣ языка, *цѣликомъ* переходитъ со своимъ значеніемъ на почву »психическаго механизма«, это не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій.

Но мысль человѣка развивается и за предѣлы устанавливанія значеній словъ. Также и языкъ развивается за предѣлы *образованія* словъ. Нельзя сказать, чтобы языкъ на этой ступени своего развитія слѣпо слѣдовалъ за развитіемъ мысли. Получая отъ послѣдняго извѣстное направленіе въ своемъ *собственномъ* развитіи, языкъ, въ свою очередь, своимъ развитіемъ вліяетъ и на направленіе развитія самой мысли. Можно сказать, что мы »мыслимъ« извѣстнымъ образомъ не *черезъ* языкъ, а *благодаря* языку: so scheint sich nur die *eine* Annahme zu empfehlen, dass auch *die Sprache*

ein eigenthümliches Denken sei, und sich nach gewissen, nur *diesem* Denken besonders angehörenden, Gesetzen und Kategorien entfalte (Gramm. etc. 224). Это мышленіе Штейнталь называетъ «грамматическимъ» (собственно, ein Denken, das sich nach grammatischen Gesetzen bewegt*; см. Gramm. etc. 341).

Человѣкъ называетъ извѣстный предметъ, выражая этимъ свое »*представленіе*« о предметѣ, *собакою*. Реальный міръ наталкиваетъ человѣка на это »представленіе« очень часто, и каждая новая, *дѣйствительная* собака находится въ совершенно другомъ положеніи, чѣмъ прежняя, какъ по отношенію къ ея качествамъ, такъ и по отношенію къ ея дѣйствіямъ. Человѣку нужно *выразить* эти разныя положенія собаки, и вотъ онъ начинаетъ о *собакѣ* или, скорѣе, о соба*кахъ* »говорить». Начинаетъ онъ о нихъ говорить *формальными* предложеніями т. е. выраженіями, состоящими не изъ *одного* слова, какъ прежнія »предложенія« *гавъ-гавъ*, или какъ прежнія »*наименованія*« предметовъ, провозглашенныя Штейнталемъ тоже за »Satz« (см. выше стр. 31). Въ рѣчи *о* собакѣ или *о* собакахъ сама *собака* является »подлежащимъ« не въ *логическомъ* смыслѣ, а именно въ томъ *грамматическомъ*, въ рамкахъ котораго движется das Denken. Съ другой стороны то, *что* говорится о собакѣ, является грамматическимъ »сказуемымъ«. И вотъ, нерѣдко, — а такой способъ мышленія можетъ совершаться, дѣйствительно, *именно* только *благодаря* языку, — подлежащее, т. е. это слово *собака*, становится даже не выраженіемъ »представленія«, а какою то точкою »приложенія силъ«, какимъ то безсодержательнымъ, *пустымъ звукомъ*, къ которому человѣкъ *присоединяетъ* выраженіе »представленія«. Когда мы говоримъ *собака лаетъ*, то часто мы желаемъ высказать не больше не меньше, какъ то, что есть

---

*) Не есть ли это »*грамматическое*« мышленіе, т. е. *мышленіе*, которое совершается *благодаря* языку, — не есть ли *оно* та Гумбольдтовская *innere Sprachform*, которую мы немного выше искали у Штейнталя? Непремѣнно; ибо объ *немъ-то*, объ этомъ *грамматическомъ* мышленіи, можно повторить то же, что приведено изъ Гумбольдта на стр. 3.

на свѣтѣ нѣчто, что лаетъ. Другими словами, то »представленіе», которое на *второй* ступени проявленія внутренней формы языка выражалось черезъ »поименованіе« предмета. теперь мы выражаемъ черезъ грамматическое сказуемое. И если прежде »корневое слово« было выраженіемъ »представленія«, то предложеніе, это *формальное* предложеніе, въ *данномъ случаѣ*, является выраженіемъ »представленія« о »представленіи«. Меня спрашиваютъ: что ты разумѣешь подъ *собакою?* И я отвѣчаю: Подъ *собакою* я »представляю« вотъ что: собака *лаетъ*, собака-*животное*, собака-*вѣрное животное*, собака *защищаетъ отъ воровъ* и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ слово *собака* есть *пустой звукъ*, а *какъ* я »представляю« собаку, это я высказываю *другими* словами, уже не *пустыми звуками*, а выраженіями »представленій» (Gramm. etc. 326—331). Такое »представленіе о представленіи« (Vorstellung der Vorstellung) есть чисто *психологическое* сужденіе. Какъ *простое* »представленіе«, (т. е. простое *поименованіе* предмета), — то же »чисто психологическое«, — возводится въ логическое »понятіе, и какъ »представленіе о представленіи«, это »психологическое *сужденіе*, возводится въ »*логическое*« сужденіе. — объ этомъ Штейнталь много распространяется, но мы этого здѣсь излагать не будемъ, такъ какъ оно не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ нашему дѣлу.

Черезвычайно важно для насъ мѣсто Gramm. etc. 347. Въ немъ уже идетъ рѣчь не о »корневыхъ« словахъ. а о словахъ нашего *развитаго* языка. Какая разница между одними и другими, — у насъ все еще осталось не выясненнымъ. Во всякомъ случаѣ подъ »*словами развитаго языка*« нужно разумѣть тѣ всевозможныя, надѣленныя разными суффиксами и т. п. грамматическія формы, которыя образовались подъ вліяніемъ Гумбольдтовской innere Sprachform и Штейнталевскаго грамматическаго мышленія. Мѣсто это слѣдующее:

Такъ какъ одно и то же подлежащее приходится соединять съ очень многими сказуемыми и, наоборотъ, одно и то же сказуемое съ очень многими подлежащими; такъ какъ

сужденія, высказываемыя формальными предложеніями, постоянно при этомъ перекрещиваются, т. е. въ однихъ случаяхъ, при сопоставленіи ихъ, *подлежащее* бываетъ общее и *сказуемыя* разныя, а въ другихъ — наоборотъ: то, благодаря этому постоянному перекрещиванію, предложенія разрѣзаются на части, такъ что слова подлежащаго, а равно и слова сказуемаго, *выпадаютъ*, какъ отдѣльныя *единицы*, изъ того единаго и цѣлаго, которое представляло собою сужденіе, выраженное формальнымъ предложеніемъ*). То же самое дѣлается съ »attributiv'ными« и »objectiv'ными« словами. Такимъ образомъ, черезъ постоянное *говореніе*, черезъ говореніе *формальными предложеніями*, въ душѣ человѣка образуется, по остроумному выраженію Herbart'a, какой то *мусоръ* отъ цѣльнаго строенія висящихъ другъ на другѣ сужденій.

Этотъ мусоръ представляетъ собою кучу валяющихся, какъ попало и безъ всякаго порядка, камней и бревенъ, однако со слѣдами ихъ спайки. При этомъ одинъ и тотъ же камень имѣетъ на себѣ слѣды *нѣсколькихъ* спаекъ (камень, вѣдь, въ общемъ строеніи касался *всѣми* своими сторонами другихъ камней), и отдѣльные слѣды спайки повторяются и на другихъ камняхъ. По этому есть возможность совершенно *выдѣлить* »чистый« матеріалъ и *отдѣльно* наблюдать за »спайками« и за *методомъ* спаиванія. Въ моментъ говоренія, душа всегда обращается къ этому мусору, спаивая изъ него цѣлое зданіе по тѣмъ »спайкамъ, которыя остались на матеріалѣ.

Мусоръ изслѣдуется какъ лексикографомъ, такъ и грамматикомъ. И тотъ, и другой имѣютъ дѣло, въ сущности, съ *однимъ* и *тѣмъ же* предметомъ изслѣдованія, а только трактуютъ его не одинаково. Лексикографъ разбираетъ мусоръ по его »чистому матеріалу«, хотя и не обходится безъ того, чтобы не указывать на отдѣльныхъ камняхъ или бревнахъ на самыя спайки, а грамматикъ исходитъ въ своемъ изслѣдова-

---

*) Разсуждающій такъ представляетъ себѣ внѣшнее выраженіе сужденія, т.е. формальное предложеніе, какъ бы *слитымъ* въ неразрывное цѣлое. Оно можетъ слиться въ неразрывное цѣлое *именно* благодаря Гумбольдтовской innere Sprachform и Штейнталевскому »грамматическому мышленію« и, конечно, *при помощи* суффиксовъ, префиксовъ и т. п

ніи отъ разсматриванія *метода* спаиванія, но не можетъ при этомъ не указывать и на матеріалъ, на которомъ *находятся* слѣды спаиванія.

Буквально это мѣсто у Штейнталя гласитъ слѣдующее:

Indem dasselbe Subject mit vielen Prädicaten, dasselbe Prädicat mit vielen Subjecten verbunden wird; indem sich die Urtheile durchkreuzen: so zerschneiden sie sich, und Subjects- und Prädicatswörter zerfallen im Bewusstsein aus der Einheit des Urtheils. Eben so ergeht es den Attributen, den Objecten. So bildet sich also durch das Sprechen in der Seele ein „Schutt", nach einem geistreichen Ausdrucke Herbarts, lauter Material, das ehemals ein Gebäude von an einander hängenden Urtheilen bildete; das Gebäude ist im Laufe der Zeit verfallen und nur die Steine und Balken liegen ohne Ordnung und Zusammenhang durch einander. Jedes Stück dieses Materials aber trägt noch die Spuren seines Zusammenhanges an sich. Nun zeigt aber derselbe Stein einen vielfältigen Zusammenhang, und dieselbe Verbindungsweise zeigt sich an mehreren Steinen und Balken in gleicher Weise. So trennt sich der Stoff, das Material selbst, von der Methode, nach welcher es gefügt war. Zum Sprachschutte gehört also Material und Fugen. Im Augenblicke des Redens greift die Seele immer von neuem nach diesem Schutte, und verwendet das Material, den daran befindlichen Fugen folgend. Das Sprachmaterial wird dargestellt in der Grammatik sowohl, als im Wörterbuche. Beide haben genau genommen denselben Inhalt, aber in verschiedener Weise behandelt. Das Wörterbuch stellt das Material auf und weist an jedem Stücke besonders seine mögliche Fügung auf; die Grammatik geht von der Fügungsweise aus und zeigt, wie alle Stücke gefügt werden müssen (? мы бы просто сказали: gefügt *werden*). Die Praxis hat der Bequemlichkeit wegen dieses Verhältniss, wonach alles zweimal gesagt werden müsste, so umgestaltet, dass sie das Ueberflüssige weglässt und dem Wörterbuche vorzugsweise das Material, der Grammatik vorzugsweise die Fügungsweise zuertheilt.

Приведенное мѣсто, въ связи со всѣмъ предыдущимъ, наводитъ на слѣдующія размышленія.

»Слова«, какъ мы ихъ теперь застаемъ въ какомъ нибудь *вполнѣ развитомъ* языкѣ, эти *камни* со слѣдами спайки, выпавшіе изъ того общаго »строенія-предложенія«, которое Штейнталемъ опредѣлено какъ выраженіе »представленія о представленіи«, не суть то же, чѣмъ могли быть »слова«, которыя на *низшей* ступени развитія языка, исполняя *тоже* роль »предложеній«, хотя и не »формальныхъ«, служили выраженіемъ *непосредственнаго* представленія о чемъ-нибудь. Мы употребляемъ часто и *наши* слова — слова вполнѣ *развитыя* — въ роли »неформальныхъ« предложеній; и они, подобно словамъ *первоначальнымъ*, служатъ иногда выраженіями »непосредственныхъ представленій« (ближе объ этомъ въ самомъ нашемъ изслѣдованіи), но мы понимаемъ, что послѣднія могли не имѣть тѣхъ префиксовъ, суффиксовъ и инфиксовъ, какіе имѣютъ слова *вполнѣ развитаго* языка. Первоначальныя слова, выраженія »непосредственнаго представленія«, вполнѣ самостоятельныя и не »выпадавшія« ни откуда, не нуждались въ тѣхъ спайкахъ, о которыхъ мы только что слышали. Первоначальныя слова могли быть *всѣ* похожи на то *гавъ-гавъ*, которое мы приводили выше, и на слова теперешняго дѣтскаго языка вообще, отличающіяся *именно* отсутствіемъ окончаній и т. п. Въ виду этого, терминъ »корневыя слова« (Wurzelwörter), который Штейнталь устанавливалъ тогда, когда онъ объяснялъ внутреннюю форму языка, получаетъ *особый* смыслъ.

Истолковывать эти корневыя слова, истолковывать ихъ *значеніе*, Штейнталь предоставляетъ этимологу, считая это его исключительною задачею. Такимъ образомъ этимологъ, исполняя свою задачу, подготовляетъ почву для лексикографа, если, какъ приходится, судя по всему, предполагать, эти корневыя слова вошли въ матеріалъ *вполнѣ развитаго* языка, облѣпившаго этотъ матеріалъ спайками.

У насъ слова *этимологъ, этимологія* понимаются немного иначе, чѣмъ ихъ предлагаетъ понимать Штейнталь. У насъ подъ *этимологіею* разумѣютъ то, что обыкновенно

раздѣляется на двѣ части, на морфологію и фонетику т. е. науку о *звукѣ*,*) причемъ сама морфологія можетъ распадаться еще дальше на морфологію въ болѣе *тѣсномъ* смыслѣ и на «словообразованіе«. Подъ морфологіею въ болѣе *тѣсномъ* смыслѣ мы разумѣемъ разборъ »склоненій« и »спряженій« съ ихъ *формальной*, *звуковой* стороны, а подъ »словообразованіемъ« — выясненіе того, какъ изъ »этимологическаго корня«, добываемаго уже чисто *научнымъ* путемъ (въ живомъ языкѣ его нѣтъ), образовалась съ звуковой же стороны »этимологическая тема« или »основа», какъ изъ послѣдней, добываемой также чисто научнымъ путемъ, образовалось живое слово, и какъ, наконецъ, изъ двухъ словъ языкъ образуетъ слово *составное*· Что въ этимологическихъ корняхъ приходится часто различать первичные отъ вторичныхъ, и что въ этимологическихъ основахъ приходится признавать нѣсколько разрядовъ, развивающихся одинъ изъ другого, объ этомъ нечего распространяться.

Такимъ образомъ, этимологія, какъ *мы* ее понимаемъ, является частью той грамматики, которую Штейнталь, толкуя о разборѣ мусора, противопоставляетъ лексикографіи. Этимологія, по *нашему* пониманію, устанавливаетъ »фонети-

*) Что такое *фонетика*, опредѣляется яснѣе всего у Wegener'а, указывающаго при этомъ и на ближайшія задачи этой науки: Die Erzeugung der Laute im Munde eines Menschen darf eben so wenig zu seinen rein physiologischen Thätigkeiten gerechnet werden, wie die Finger- und Handbewegung des Clavierspielers, die technische Bewegung des Schnitzers, Töpfers, Schreibers u. a. Was man hier physiologisch nennt, ist nichts weiter, als eine mechanisch und automatiseh gewordene ursprünglich spontane Bewegung. Das Physiologische bei der Sache ist nur die Natur der Organe, ihre Stellung und Bewegungsform, dagegen der Impuls und die Regelung der Bewegung derselben hat mit der Lautphysiologie nur insofern zu thun, als die Natur der Organe der Intention des Menschen gewisse Schwierigkeiten und Hemmungen entgegensetzt ... *Die physiologischen Bedingungen des Sprechens sind mit Glück und Erfolg in der sogenannten Lautphysiologie oder Phonetik behandelt, welche ihre Untersuchungen selbstverständlich am lebenden Menschen angestellt hat.* Dass auch diese Wissenschaft noch in ihren Anfängen steht, scheint mir gewiss. Sie grenzt offenbar die Lautvorgänge noch zu sehr nach den in der alten Grammatik unterschiedenen Lauten ab, offenbar sehr complicirten Gebilden ... Viel zu thun bleibt ferner der Lautphysiologie in ihrer Anwendung auf die Sprachgeschichte, richtiger würde diese Aufgabe allerdings der Sprachgeschichte selbst zuzuweisen sein (Untersuch. 4—5.).

ческіе« законы, какъ они выступаютъ при *образованіи* Гербартовскаго мусора, разлагаетъ, по возможности, каждый камень и каждое бревно этого мусора на самостоятельныя части, оправдывая свои фонетическіе законы не только тамъ, гдѣ отдѣльныя части *соединяются* (*τιμῶμεν* = *τιμά* + *ομεν*), но и *внутри* той или иной самостоятельной части (въ *ἔρ-ρωγ-α* и въ *ῥήγ-νυμι* одна и та же самостоятельная часть подвергается *внутри* себя фонетическимъ измѣненіямъ).

Само собою разумѣется, что эти »части« должны быть »частями« всего бревна или камня не только въ фонетическомъ смыслѣ, но, судя по всему, что до сихъ поръ выяснилось, и въ смыслѣ *симасіологичекомъ*, содѣйствуя, каждая *отъ себя*, достиженію того *общаго* значенія (*σημασία*), съ которымъ выпавшее изъ строенія бревно вновь входитъ въ созидаемое душою »строеніе«. И какъ лексикографъ не можетъ не коснуться »спаекъ«, такъ и этимологъ не можетъ не коснуться въ своей морфологіи, особенно же въ своемъ »словообразованіи«, *симасіологической* стороны частей слова и не можетъ не приготовить почвы для *слѣдующей* части грамматики.

Какая же это дальнѣйшая часть грамматики? Какъ этимологъ склеиваетъ изъ отдѣльныхъ частей »слово«, такъ синтаксистъ долженъ склеивать изъ отдѣльныхъ словъ *рѣчь*. *Онъ*, »*синтаксистъ*«, долженъ *прежде всего* обратить вниманіе на *приспособленность* спаекъ къ тому, чтобы »матеріалъ«, облѣпленный этими спайками, могъ создать новое строеніе, и въ этомъ отношеніи онъ и *находитъ* большую помощь у этимолога, который, если бы даже *совсѣмъ* не касался симасіологической стороны спаекъ, однако самъ только и можетъ сказать синтаксисту: вотъ *эта* часть слова есть »спайка«. Не напрасно мы въ началѣ введенія говорили, что этимологія, исполняя исключительно *свою* задачу, не могла не оказать громадной услуги синтаксису.

Прекрасное выясненіе получило у Штейнталя то, что Беккера такъ сбило съ толку, именно, что при изслѣдованіи языка, какъ *выраженія мысли*, нужно исходить отъ »предложенія«, отъ »Satz'a«, отъ »рѣчи«. Мы бы, съ точки зрѣнія

самого Штейнталя, охотнѣе сказали: нужно исходить отъ »грамматическаго мышленія«. Въ самомъ дѣлѣ: рѣчь состоитъ изъ »словъ«, а »слово«, если оно не есть Wurzelwort, — тогда оно *само* представляетъ собою »рѣчь«, — оказывается выпавшимъ изъ цѣлаго строенія мусоромъ, цѣлое же строеніе чувствуется »цѣлымъ« *именно* благодаря »грамматическому мышленію«, какъ и съ другой стороны. *опять таки* благодаря »грамматическому мышленію«, каждая часть этого цѣлаго является облѣпленною »спайками«. По этимъ спайкамъ, съ ихъ *симасіологической* стороны, синтаксистъ долженъ *прежде* всего *группировать* »слова«, другими словами, онъ долженъ *прежде* всего заняться *симасіологіею* »частей рѣчи« какъ *разрядовъ* словъ или же, *еще* иначе выражаясь, долженъ *опредѣлить* »*части* рѣчи« по ихъ роли въ самой *рѣчи*.

Какъ Гумбольдтъ не занялся »*опредѣленіемъ*« частей рѣчи, такъ не занялся имъ и Штейнталь, хотя послѣдній вполнѣ сознаетъ *необходимость* такой задачи: wir hätten — пишетъ онъ Gramm. etc. 362 — oben bei der Darstellung des Satzes die Redetheile der Sprache zu entwickeln gehabt, oder hätten es weiter unten zu thun. Das würde uns aber weiter in das Einzelne geführt haben, als hier unsere Absicht ist darauf einzugehen. *Wir setzen also die Redetheile hier voraus.*

Очень жаль, что Штейнталь »предположилъ« части рѣчи, и что и онъ держался по отношенію къ нимъ традиціи. Если бы онъ ихъ не »предполагалъ«, а развернулъ бы этотъ вопросъ самъ, то, вѣроятно, его теорія предложенія получила бы совершенно другой видъ, чѣмъ она его имѣетъ. Хотя Штейнталь довелъ дѣло развитія рѣчи на почвѣ *чисто* психологической отъ »корневыхъ« словъ къ формальному предложенію, а въ этомъ формальномъ предложеніи дошелъ *опять таки* на почвѣ *чисто* психологической до subject'a и praedicat'a, но *грамматичности* этихъ subject'a и praedicat'a, т. е. ихъ *внѣшняго облика*, поскольку онъ является выраженіемъ самого »грамматическаго мышленія«, у Штейнталя не видать. Равно не видать и »грамматичности« тѣхъ об-

ject'овъ и attribut'овъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ Гербартовскомъ мусорѣ. Они у него остались тѣмъ же, чѣмъ они были у Беккера, т. е. чѣмъ то, наложеннымъ *извнѣ* на *рѣчь*, безъ отношенія къ *частямъ* рѣчи съ ихъ »спайками«. Только *логическая* почва въ нихъ — именно почва *формальной* логики — Штейнталемъ *опровергается*, — опровергается убѣдительными доводами въ родѣ слѣдующихъ: Der wesentliche Punkt ist die Unterscheidung zwischen der praedicativen und attributiven Verbindung. Was lehrt also die Logik über diesen Unterschied? Die Logik? gar nichts; sie kennt ihn gar nicht (Gramm. etc. 185). Или: Kommen wir jetzt zum Object. Die Logik kennt weder den Begriff, noch das Wort Object (Gramm. etc. 189). Видно, всѣ эти subject'ы, praedicat'ы, object'ы, attribut'ы чувствуются у нашихъ грамматиковъ какою то тяготѣющею надъ языкомъ, традиціонною ли, или *дѣйствительно* внутреннею, *необходимостью*, — необходимостью, съ которою приходится такъ или иначе считаться.

Да, »грамматичность» subject'овъ, object'овъ etc., недостаточно выясненная Штейнталемъ, и установленіе частей рѣчи, совершенно имъ пропущенное, вотъ что на *первомъ* планѣ должно интересовать синтаксиста послѣ прекраснѣйшихъ разъясненій о языкѣ, данныхъ Штейнталемъ. По обоимъ вопросамъ мы находимъ кое что поучительное у самого учителя Штейнталя, Heyse (Sprachw.) и у Paul'я (Princip.); насколько важно для синтаксиста установленіе частей рѣчи, — это во всей силѣ даетъ намъ чувствовать Miklosich; но ни у кого не находимъ ни о грамматичности subject'овъ etc., ни о частяхъ рѣчи столько положительнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣткаго, какъ у Потебни.

Что касается самого Heyse, то въ его Sprachw. очень много встрѣчается такого, что Штейнталю впослѣдствіи пришлось лишь надлежаще развить въ своей Gramm. etc. И *онъ*, не избѣгая, однако, разсуждать о »*logische* Verhältnisse« въ языкѣ, почти тѣмъ же путемъ, какъ Штейнталь, доводитъ дѣло до »*формальнаго* предложенія«, т. е. до Subject'а и Praedicat'а, а затѣмъ — и это уже *plus* сравнительно съ вы-

ясненнымъ у Штейнталя — переходитъ къ логическому опредѣленію частей рѣчи, устанавливая и *отношеніе* ихъ къ Subject'амъ etc. (этотъ отдѣлъ сочиненія у него озаглавленъ »System der grammatischen Wortarten«), а въ концѣ, довольно сжато и . . . . . довольно *невѣрно* (стр. 413—417), онъ изслѣдуетъ «слово» въ томъ его ограниченіи, какое оно получаетъ при такой или иной своей формѣ, т. е. въ томъ или иномъ »падежѣ«, въ томъ или иномъ наклоненіи и т. д., для того чтобы войти въ связь съ *другими* словами въ *цѣлой рѣчи* (es wird das Wort betrachtet nach seiner Begränzung durch die Beziehungsform, unter welcher es in den Zusammenhang der Rede eintritt). Для насъ важна *первая* часть этого plus'a, но отдѣльно мы объ ней разсуждать не будемъ *именно* потому, что мы ее находимъ разработанною гораздо лучше у Потебни. Когда будемъ излагать теорію Потебни, упомянемъ, гдѣ это нужно будетъ, и о Heyse.

Не будемъ долго останавливаться и на Paul'ѣ. Да не упрекаетъ насъ читатель за то, что мы отводимъ въ нашемъ введеніи столь скромное мѣсто такому ученому, какъ Paul. Если бы намъ пришлось больше распространяться о самихъ тѣхъ созидательныхъ началахъ языка, степень пониманія которыхъ у Штейнталя главнымъ образомъ отразилась въ теоріи о внутренней формѣ языка, то мы, конечно, имѣли бы дѣло преимущественно съ Paul'емъ, такъ какъ онъ является въ настоящее время лучшимъ знатокомъ и руководителемъ по той мастерской, въ которой, такъ сказать, изготовляется языкъ. Съ Paul'я намъ слѣдовало бы *начать*, если бы мы, думая вращаться въ области *языка вообще*, хотѣли заняться истолкованіемъ *неизмѣняющагося* въ исторически *преходящемъ* и *основнаго* въ *разнообразномъ*; съ Paul'я слѣдовало бы *начать*, если бы мы хотѣли заняться тѣмъ, что собственно Paul своею книгою *впервые* привелъ въ ясность и поставилъ въ правильное отношеніе къ другимъ наукамъ и дисциплинамъ въ теоріи о языкѣ *вообще*. Самое *заглавіе* его книги, черезвычайно выразительное (*Principien der Sprachgeschichte*), показываетъ ту точку зрѣнія,

на которую сталъ Paul не только по отношенію къ другимъ наукамъ, но и по отношенію къ господствовавшей до него въ тѣхъ вопросахъ, въ которыхъ онъ вращается, но неопредѣленной по содержанію, а потому и не выработавшей никакихъ вѣрныхъ методовъ, такъ называемой Sprachphilosophie. Однако, на томъ пути, по которому *мы* идемъ, и при той цѣли, къ которой *мы* стремимся, встрѣча съ Paul'емъ не можетъ насъ особенно задерживать *здѣсь*, въ введеніи. Вопросъ о »грамматичности« subject'овъ, object'овъ и т. д. у него связанъ съ вопросомъ о »грамматическихъ категоріяхъ« вообще, причемъ приходится слышать отъ него лишь нѣкоторыя *общія* замѣчанія, въ родѣ слѣдующихъ: Jede grammatische Kategorie erzeugt sich auf Grundlage einer psychologischen. Die erstere ist ursprünglich nichts, als das Eintreten der letzteren in die äussere Erscheinung. Sobald die Wirksamkeit der psychologischen Kategorie in den sprachlichen Ausdrucksmitteln erkennbar wird, wird sie zur grammatischen. Die Schöpfung der grammatischen Kategorie hebt aber die Wirksamkeit der psychologischen nicht auf. Diese ist von der Sprache unabhängig. Wie sie *vor jener* da ist, wirkt sie auch *nach deren Entstehen* fort. *Dadurch kann die anfänglich zwischen beiden bestehende Harmonie im Laufe der Zeit gestört werden* (Princip. 219) . . . . *Es ist auch bereits angedeutet, dass geradezu ein Gegensatz zwischen dem psychologischen (logischen) Verhältniss der Satzbestandtheile unter einander und ihrem rein grammatischen Verhältniss entstehen kann* (Princip. 235). Все это, какъ уже сказано, слишкомъ *общее* и требуетъ даже открытія *новыхъ методовъ изслѣдованія* для того, чтобы могло быть въ окончательномъ своемъ выводѣ или опровергнуто, или признано.

Въ вопросѣ о *частяхъ рѣчи* мы находимъ у Paul'я изложеніе, и притомъ черезвычайно обстоятельное, одной лишь *отрицательной* стороны. Разрушая *готовое* по этому вопросу, онъ самъ не только не даетъ ничего новаго, но и отрицаетъ возможность какихъ бы то ни было рѣшеній. Все дѣло сводится у него къ слѣдующему утвержденію:

Die übliche Scheidung der Redetheile in den indogermanischen Sprachen, wie sie von den antiken Grammatikern überkommen ist, beruht nicht auf consequent durchgeführten logischen Principien, sie ist vielmehr zu Stande gekommen unter Berücksichtigung sehr verschiedener Verhältnisse. Sie trägt daher den Charakter der Willkührlichkeit an sich. Ihre Mängel lassen sich leicht zeigen. Es würde aber nicht möglich sein, etwas besseres an die Stelle zu setzen, so lange man darauf ausgeht, jedes Wort in eine bestimmte Klasse unterzubringen. Der Versuch ein streng logisch gegliedertes System aufzustellen ist überhaupt undurchführbar. (Paul Princip. 299.)

Проходя пока мимо Миклошича, съ которымъ придется имѣть дѣло ниже, обратимся къ Потебнѣ.

Изъ его »Зап.« для насъ самая важная 10-я статья »введенія (члены предложенія и части рѣчи). На ней мы и остановимся.

Первобытное »слово-предложеніе» — говоритъ этотъ глубокій мыслитель-филологъ (подъ »словомъ-предложеніемъ« нужно разумѣть Штейнталевское *Wurzelwort*, составляющее само по себѣ »Satz«) — есть сказуемое къ невыраженному подлежащему (дѣтское »*мама!*«). Оно можетъ обойтись безъ опредѣленной грамматической формы (не требуетъ никакого грамматическаго окончанія), между тѣмъ какъ простѣйшее предложеніе нашихъ *развитыхъ* языковъ должно заключать въ себѣ грамматическую форму. Напр. личный глаголъ (verbum finitum) въ многочисленныхъ языкахъ, каковъ русскій, *сложенъ* по строенію и, хотя имъ *однимъ* можетъ ограничиться предложеніе (глаголъ-сказуемое), неизмѣримо удаленъ отъ первобытнаго »*слова*-предложенія« (»*слова*-сказуемаго« то — жъ) *чистою формальностью**) заключенныхъ въ немъ отношеній къ лицу, не говоря уже о другихъ, возникшихъ позднѣе, категоріяхъ, каковы напр. въ славянскомъ языкѣ совершенность и несовершенность и степень длительности (Зап. 75—76).

---

*) Какъ понять выраженіе *чистою формальностью?*

Измѣнять »предложеніе», *хотя бы и безъ измѣненія въ немъ мысли*, значитъ измѣнить *грамматическія формы*, которыя, такимъ образомъ, составляютъ *формальное, грамматическое* содержаніе предложенія. Въ языкѣ не только, говоря a priori, не *можетъ быть*, но и a posteriori *нѣтъ* ни одной грамматической *формы* въ смыслѣ грамматической *категоріи*, т. е. въ смыслѣ грамматической *части рѣчи*, которая не могла бы перейти въ другую; нѣтъ ни одной *неподвижной грамматической категоріи* (Зап. 76).

На вопросъ, что такое »глаголъ-сказуемое«, этотъ »minimum« предложенія, и чѣмъ отличается онъ отъ ближайшей къ нему части рѣчи, »имени«, прежде всего слѣдуетъ отвѣчать такимъ образомъ: если содержаніе предложенія есть чисто *формальное, грамматическое*, то и свойство составныхъ его членовъ вообще, и въ частности различіе имени и глагола, должно быть только *формальное*, т. е. должно состоять не въ *мысленномъ содержаніи*. а въ *способѣ передачи* (Зап. 81). Глаголъ сказуемое »изображаетъ« (слово *изображаетъ*, очевидно, избрано Потебнею для соотвѣтствія прежнему выраженію *способъ передачи*) признакъ во время *возникновенія отъ* дѣйствующаго лица (Зап. 84).*) — *Мы* бы сказали, согласно всему тому, что Потебня толкуетъ о *залогахъ* глагола, и во исправленіе выраженія »*возникновеніе* признака«, — глаголъ, вѣдь, »изображаетъ« признакъ на *всякой* ступени его развитія, — *мы*, я говорю, сказали бы, что глаголъ-сказуемое изображаетъ признакъ въ такой или иной стадіи его развитія *на* лицѣ (слово *на* избрано нами въ виду разныхъ *залоговъ* глагола).

Согласно съ опредѣленіемъ глагола-сказуемаго, какъ признака во время его возникновенія отъ дѣйствующаго лица, легко опредѣляется и *подлежащее*. Потебня разумѣетъ подъ »подлежащимъ» »грамматическую« форму, *прилажи-*

---

*) Heyse. Sprachw. 392: Das verbale Attribut (подъ Attribut'омъ Heyse разумѣетъ слово, служащее для »изображенія« *признака вообще*) erscheint immer als energisches, sich bewegendes, ein Zeitmoment ausfüllendes oder sich durch die Zeit hin erstreckendes.

вающуюся къ »грамматической« же формѣ глагола-сказуемаго; ибо »грамматическое« предложеніе можетъ »грамматически« *измѣняться*, а *измѣнется* оно »грамматически«, если *иначе* »*прилаживаются*« другъ къ другу« грамматическія формы, *сами* »грамматически« *измѣняясь*. Опредѣляется же подлежащее слѣдующимъ образомъ: оно есть *вещественное* (ниже будетъ опредѣлено слово *вещь*) указаніе на непосредственнаго »производителя« (въ виду разныхъ *залоговъ* глагола мы сказали бы лучше »носителя«) признака, означеннаго сказуемымъ (Зап. 93). Въ нашихъ языкахъ единственные падежи (разумѣй *грамматическія формы*), способные выражать подлежащее, суть именительный и звательный (Зап 94).

Не всякое »имя« можетъ быть грамматическимъ подлежащимъ; имъ можетъ быть только или имя *существительное* (substantivum) и вообще всякое субстантивированное слово (Зап. 96), или личное мѣстоименіе.

Имя существительное есть названіе »*грамматической*« субстанціи или вещи, совершенно отличной отъ метафизической. Послѣдняя есть вещь, *сама по себѣ* отдѣленная *отъ всѣхъ признаковъ* и представляемая недоступною никакому разложенію и изслѣдованію *причиною*. Не то мы видимъ въ существительномъ какъ »*грамматической*« субстанціи. Само слово *субстанція* въ данномъ опредѣленіи имени существительнаго очень важно; оно даетъ понять, что имя существительное, какъ особая *грамматическая* форма, способно на то, что въ словѣ »субстанція« *кроется*, другими словами, — позволяетъ *говорить* о чемъ нибудь какъ о »вещи« т. е. *присоединять* къ »вещи« глаголъ-сказуемое и другія части предложенія, которыя дальше откроются. Она, эта грамматическая субстанція, въ отличіе отъ метафизической, есть совокупность признаковъ, совершенно однородныхъ съ тѣмъ, который въ существительномъ *данъ этимологически* (Зап. 92—93). Утвержденіе Потебни, что только *одинъ* признакъ въ существительномъ можетъ быть данъ этимологически, напоминаетъ намъ слова Макса Мюллера, приведенныя выше на стр. 30. Уже по одному тому, что

обозначеніе предмета совершается средствомъ, кроющимся *именно* въ языкѣ, т. е. поименованіемъ *одного* изъ его признаковъ, можно опредѣлить существительное какъ названіе *грамматической* субстанціи, хотя больше оправдывается это опредѣленіе тѣмъ, на что указано выше, т. е. что *есть* особая грамматическая форма, которая позволяетъ *говорить* о чемъ нибудь какъ о »вещи«.

Личное мѣстоименіе выражаетъ тоже *вещь*, и будучи подлежащимъ, оно есть тоже *вещественное* обозначеніе непосредственнаго носителя признака, означеннаго сказуемымъ (Зап. 93—94), но это обозначеніе совершается не путемъ »названія совокупности признаковъ« (собственно, не путемъ какого нибудь *одного, характернаго* признака), а путемъ *указанія на мѣсто нахожденія* вещи по отношенію *къ говорящему**) (Зап. 83).

Грамматическій объектъ (»дополненіе«) сходенъ съ субъектомъ въ томъ, что тѣмъ и другимъ *стремится* бытъ лишь существительное (стало быть, — добавимъ мы, — и личное мѣстоименіе!) или другая часть рѣчи, употребленная substantive. Разница между субъектомъ и объектомъ та, что субъектъ есть ни съ чѣмъ несогласуемый *именительный* или *звательный* падежъ, а объектъ — несогласуемый ни съ чѣмъ *косвенный* падежъ (итакъ, опять *грамматическая* форма, и уже по одному этому объектъ можетъ быть названъ *грамматическою* категоріею). Это *отсутствіе согласованія* въ объектѣ, черта чисто *грамматическая*, служитъ указаніемъ на то, что онъ, грамматическій объектъ, означаетъ предметъ *внѣшній*, т. е. предметъ, совершенно *иной* по отношенію къ субъекту и *другимъ*, могущимъ попасть

---

*) Какъ *вообще* у Потебни, такъ особенно въ усматриваніи имъ *указательной* роли личнаго мѣстоименія мы находимъ болѣе правильное пониманіе этой части рѣчи, чѣмъ у Heyse, который разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ: Die substantivischen Pronomina sind substantivische Formwörter. Ihr ganzer Inhalt ist Form: die Form der Substantialität in ihrer abstracten Allgemeinheit, verbunden mit der formellen Bestimmung der grammatischen Person, welche nichts anderes ist, als der Ausdruck des Verhältnisses, in welchem das Subject (? Heyse, вѣроятно, хотѣлъ сказать *die redende Person*) zu der Rede steht, gleichsam der Rolle, welche es (т. е. этотъ „Subject“) in der Rede spielt. (Sprachw. 392).

въ предложеніе, объектамъ. О *всякомъ* косвенномъ падежѣ существительнаго (или личнаго мѣстоименія) можно сказать, что онъ есть грамматическій объектъ. Даже въ выраженіи *домъ отца* слово *отца* есть грамматическій объектъ; или развѣ *домъ отца* все равно, что *отцовскій домъ?* Часто падежъ объекта или »дополненія« прямо *указанъ »формальнымъ« значеніемъ* (т. е. значеніемъ, выраженнымъ самою грамматическою *формою;* — форма *люблю* выражаетъ нѣчто другое, чѣмъ форма *любовь*), — падежъ »дополненія«, говорю, указанъ формальнымъ значеніемъ »дополняемаго« (напр. *люблю отца;* само *люблю* требуетъ къ себѣ »дополненія«). Но иногда этого не бываетъ (напр. *добродѣтель воина;* здѣсь слово *добродѣтель* могло бы быть сказано совершенно самостоятельно, и никто не будетъ спрашивать ни о воинѣ, ни о чемъ-нибудь подобномъ). Такимъ образомъ связь между дополняемымъ и дополненіемъ можетъ быть болѣе тѣсная и болѣе отдаленная (Зап. 115).*)

Грамматическій аттрибутъ (»опредѣленіе») есть названіе признака, представляемаго въ выражающемъ его словѣ, какъ нѣчто данное въ субстанціи, обозначенной другимъ словомъ. Его грамматическая форма есть *согласованіе.* »Согласуются« не только *имена прилагательныя* (*новая* часть рѣчи!), но и имена *существительныя*, напр. *рѣка-Донецъ*

---

*) Гораздо уже понимаетъ объектъ Heyse: Ursprünglich ist der verbale Vorgang auf das Subject beschränkt, ohne Beziehung nach aussen: *subjectives* Verbum. Andere Verbalbegriffe hingegen gestatten oder fordern eine Beziehung auf einen Gegenstand ausser dem Subjecte. Diese begründen die *objectiven* Verba, welche meist später entwickelt sind, als die subjectiven, und daher nicht reine Stämme, sondern Ableitungen sind. Genauer nennt man Transitiva diejenigen objectiven Verba, die eine direkte Beziehung oder Einwirkung auf ein Object als Ziel (im Accusativ) fordern. Hingegen fasst man alle diejenigen objectiven Verba, welche zur Ergänzung ihres Begriffes nur eine indirekte Beziehung auf einen Gegenstand (im Genitiv oder Dativ) zulassen, unter der Benennung Intransitiva mit den subjectiven Verben zusammen .... Ob der Gegenstand der Beziehung als indirektes oder direktes Object dargestellt wird, hängt von der besonderen Anschauungsweise der einzelnen Sprache ab, so wie von der jedesmaligen Bildungsweise des Verbums ..... Man thut daher besser alle Verba, die eine Beziehung auf einen Gegenstand ausser dem Subject in irgend einem Casus obliquus gestatten, als objective Verba zusammenzufassen, und dann speciellere Eintheilungen nach den verschiedenen Casus zu machen (Sprachw. 339).

(аттрибутъ, но въ которомъ изъ этихъ существительныхъ?). Разница между »аттрибутнымъ« или »опредѣлительнымъ« прилагательнымъ и между опредѣлительнымъ существительнымъ состоитъ въ томъ, что въ послѣднемъ признакъ приписывается субстанціи не прямо, а черезъ посредство другой субстанціи (Зап. 99).*)

Вообще, опредѣленія *субъекта*, *аттрибута* и *объекта* должны совпадать съ опредѣленіемъ »*имени*« (Зап. 85).

Подъ »*именемъ*« слѣдуетъ разумѣть не только имя существительное и прилагательное, но также »причастіе« и »мѣстоименіе«.

»Мѣстоименія» распадаются на имена *субстанцій* (я, ты, онъ, мы, вы, они), соотвѣтствующія именамъ существительнымъ, и на имена признаковъ (тотъ, этотъ, мой, твой), соотвѣтствующія именамъ прилагательнымъ (Зап. 93); субстанціи и признаки обозначаются въ нихъ не черезъ *названіе*, а черезъ *указаніе*.

Прилагательное есть *признакъ*, данный въ *чемъ-то*, что безъ помощи *другого* слова, *неприлагательнаго*, остается со стороны содержанія *неопредѣленнымъ* (Зап. 87).

Причастіе есть то же, что прилагательное, только въ немъ признакъ представляется *возникающимъ* (Зап. 87); *возникновеніе* есть черта »*глагола*» (мы, съ своей стороны,

*) Это и нижеслѣдующее (т. е. все то, что Потебня дальше говоритъ объ »именахъ«, »мѣстоименіяхъ«, »прилагательныхъ« и »причастіяхъ«) куда какъ глубже схвачено и проще истолковано, чѣмъ у Heyse, который говоритъ (Sprachw. 402—405): Betrachten wir nun zuerst die Bestimmwörter des Substantivs. Sie müssen als in der Natur des Substantivs begründet, aus den Elementen und accidentellen Bestimmungen der Substanz entwickelt und als nothwendig erkannt werden. Die Substanz hat zuerst eigenthümliche innerliche Qualitäten der Attribute, und das Substantiv daher qualitative Bestimmwörter, Adjectiva und Participia... Formelle Bestimmungsbegriffe des *Subjects* (а не des Substantivs?) sind Quantität, Ort, Redeverhältnisse... Die Quantität der Dinge bezeichnen die Adjectiva quantitativa, und zwar dienen für die directe Quantität oder Zahl unterscheidbarer Einzelnwesen die Zahlwörter... für die continuirliche Quantität oder Ausdehnung die Masswörter (viel, wenig etc.)... Den Ort eines Gegenstandes im Verhältniss zum Redenden drücken die Pronomina demonstrativa aus... Die Bestimmwörter für Redeverhältnisse sind abstracter Art und gehen in der Sprache nicht von eigenen Wurzeln aus, sondern sind von Ausdrücken für Anschauungsverhältnisse entlehnt oder gebildet. Sie werden Pronomina adjectiva genannt.

говорили бы опять таки не о *возникновеніи*, а о *нахожденіи признака въ той или иной стадіи развитія*).

Если причастія или вообще какія-нибудь выраженія даютъ поводъ говорить о какихъ то »сокращенныхъ предложеніяхъ», то надобно сказать, что этотъ терминъ вообще неудобенъ. Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ ошибочной теоріи, что если *логическому* сужденію соотвѣтствуетъ не предложеніе, а грамматическій членъ предложенія, то это произошло лишь вслѣдствіе нѣкотораго помраченія закона, якобы нѣкогда господствовавшаго во всей силѣ, — именно закона, что предложеніе есть то же, что сужденіе. Одно изъ двухъ: или извѣстный отрывокъ рѣчи есть предложеніе, и тогда онъ долженъ заключать въ себѣ *личный глаголъ*, хотя бы и *опущенный*, или въ немъ *нѣтъ* личнаго глагола, а тогда онъ *не есть* предложеніе, а только *его часть* (Зап. 117—118).

Какъ личный глаголъ есть тѣмъ самымъ *сказуемое*; какъ »имя» *въ прямомъ* падежѣ, *несогласуемое* съ другимъ, есть *подлежащее* (подъ терминомъ *несогласуемое* Потебня сводитъ въ одно substantiva съ »субстантивированными« словами); какъ »имя« въ *косвенномъ* падежѣ, *несогласуемое съ другимъ*, есть дополненіе; какъ *согласуемое* »имя« въ *любомъ* падежѣ есть *опредѣленіе* *): такъ и »*обстоятельству*« присвоена особая грамматическая форма — *нарѣчіе*. Подъ обстоятельствомъ или нарѣчіемъ разумѣемъ *признакъ, связуемый съ другимъ признакомъ* и лишь *черезъ его посредство* (напр. *очень большой*) относимый къ подлежащему или дополненію, а самъ по себѣ не имѣющій

*) Читатель самъ сравнитъ это толкованіе Потебни съ слѣдующимъ мѣстомъ у Heyse (Sprachw. 402): Substantiva und Pronomina als Subjectswörter, Verba und Adjectiva als Praedicatswörter sind die wesentlichen Bestandtheile des einfachen Satzes (послѣ этого Heyse толкуетъ объ аттрибутахъ, какъ нами сообщено выше на стр. 49; но гдѣ же Objectswörter?). Если Heyse упоминаетъ объ adjectiv'ахъ какъ о Praedicatswörter, то это относит я къ »составнымъ сказуемымъ« Потебни, о которыхъ будетъ сообщено ниже.

съ нимъ никакой связи (Зап. 120).*) Къ нарѣчіямъ принадлежатъ и русскія дѣепричастія (ср. Зап. 121).

Къ глаголу относится нарѣчіе постольку, поскольку оно можетъ находиться при его неопредѣленномъ наклоненіи, напр. *мыть было* (Потебня хочетъ сказать, что когда говорятъ *я мою хорошо*, то *хорошо* относится собственно не ко всему *я мою*, а только къ заключающемуся въ немъ неопредѣленному наклоненію *мыть*); и такъ какъ неопредѣленное наклоненіе не можетъ быть аттрибутомъ, и такъ какъ, согласно вышесказанному, нарѣчіе есть, въ сущности, аттрибутъ аттрибута, то ясно, что эта форма (т. е. неопредѣленное наклоненіе), не *будучи* тѣмъ, чѣмъ ее требуетъ къ себѣ нарѣчіе, есть *особая* часть рѣчи, по отношенію къ которой нарѣчіе занимаетъ также *особое* положеніе. Вотъ, что мы могли извлечь изъ замѣтокъ Потебни, помѣщенныхъ Зап. 120.

Когда дополненіе, имѣющее, въ свою очередь, *тоже* дополненіе (это по теоріи Потебни возможно: въ выраженіи *облагодѣтельствовалъ друзей отца* слово *друзей* есть дополненіе къ слову *облагодѣтельствовалъ*, а *отца* — дополненіе къ слову *друзей*, причемъ *оба* дополненія »прямо указаны формальными значеніями дополняемыхъ«, такъ что »связь между дополненіями и дополняемыми — болѣе тѣсная«), — когда, повторяю, дополненіе, имѣющее *свое* дополненіе, теряетъ значеніе объекта и переходитъ въ *нарѣчіе*,**) напр.: *копье приломити конецъ поля Половецкаго* (по представленію Потебни слово *конецъ* есть первоначально дополненіе къ слову *приломити*, находясь, конечно, »въ *менѣе* тѣсной связи« съ нимъ), то тѣмъ самымъ оно стано-

*) Heyse (Sprachw. 408—409): Die Bestimmungsbegriffe des Attributs, sowohl des ruhenden (Adjectivum) als des energischen (Verbum), sind ... Adverbia. Подъ Bestimmungsbegriffe Heyse разумѣетъ нѣчто совершенно такое же по отношенію къ аттрибутамъ, чѣмъ были выше (смотри стр. 49) Bestimmungen по отношенію къ Substantivum, а въ словѣ *Attribut* заключается и verbum на основаніи замѣтки, сообщенной нами на стр. 45).

**) Тутъ Потебня, несомнѣнно, впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Если »нарѣчія« суть »признаки признаковъ«, то они *не имѣютъ мѣста* передъ »дополненіями«, которыя »изображаютъ нѣчто какъ *вещь*«. На это противорѣчіе, очевидно, натолкнуло Потебню ходячее мнѣніе, что »пред-

вится связкою, *соединяющею* лишь *свое* прежнее дополненіе (въ данномъ примѣрѣ дополненіе *поля*) съ дополняемымъ (въ данномъ примѣрѣ съ дополняемымъ *приломити*). Связка между дополненіемъ и дополняемымъ есть *предлогъ* (ср. Зап. 123).

Рядомъ съ *простыми* сказуемыми, съ *простыми* дополненіями и т. д. могутъ быть въ языкѣ и *составныя*. При этомъ *имя*, напримѣръ, можетъ быть *частью* »составнаго« сказуемаго, то есть такого, изъ частей котораго ни одна не можетъ быть названа сказуемымъ. Такъ, хотя, въ выраженіи *морозъ показался невеликъ*, въ глаголѣ и заключенъ признакъ *казаться*, развиваемый »дѣятельностью подлежащаго« (мы сказали бы «признакъ, *носителемъ* котораго есть подлежащее«), но *смыслъ предложенія* — не въ этомъ признакѣ, а въ томъ, что представляется »возникающимъ» *другой* признакъ, признакъ *невеликъ* (Зап. 105: »возникающимъ« онъ представляется, согласно всѣмъ толкованіямъ Потебни, *именно* при посредствѣ *глагола* «показался»). Въ случаяхъ »составнаго сказуемаго« самъ личный глаголъ является лишь *»связкою»*, которую *никакъ* нельзя ограничить, какъ другіе дѣлаютъ, однимъ глаголомъ *есть-былъ* (Зап. 110).

»Составные члены« предложенія и »ихъ замѣна« вызвали у Потебни вторую и бо́льшую по объему часть его »Зап.« Этой части мы здѣсь излагать *не станемъ,* такъ какъ она, въ ея *общей* задачѣ. — это, надѣемся, сейчасъ будетъ доказано, — составляетъ *отрицательную* съ точки зрѣнія нашего интереса сторону труда Потебни. На *изложенной* нами части его труда вполнѣ оправдываются наши

логи« суть первоначально »нарѣчія«. Heyse (Sprachw. 411) опредѣляетъ предлогъ такъ: Die Praepositionen bezeichnen eine formelle Bestimmung des Ortes, der Zeit und der logischen Verhältnisse, indem sie den Zustand oder das Handeln des Subjects in Beziehung zu einem anderen Gegenstand setzen, so dass sie also den Bestimmungsbegriff nicht, wie die Adverbia, *für sich allein* erschöpfend ausdrücken, sondern nur *in Verbindung* mit einem Gegenstandsworte, welches sie in Beziehung zu dem Thun des Subjects setzen, und mit welchem verbunden sie einen reichhaltigen concreten Adverbialbegriff ausmachen: vergleiche *er ist drinnen, in der Stube.* Недостатки этого опредѣленія предоставляемъ найти самому читателю.

слова, съ которыми мы приступали къ ея изложенію: »грамматичность субъектовъ и пр. онъ *разъяснилъ*, равно какъ принялся и за *группировку* »частей рѣчи«. Правда, *группировка* частей рѣчи у него очень ужъ не подробная, и »части рѣчи« устанавливаются лишь постольку, поскольку ихъ установленіе находится въ *связи* съ вопросомъ о »грамматичности« субъектовъ и пр. Но тѣмъ не менѣе и относительно »частей рѣчи« получились *новые* результаты, сравнительно съ традиціею; новымъ, по крайней мѣрѣ, является выдѣленіе »неопредѣленнаго наклоненія« и »причастія«, какъ *особыхъ* частей рѣчи.

Что касается »грамматичности« субъектовъ и пр., то нужно сказать, что не столько разъясненіе »грамматическаго мышленія« послужило у Потебни средствомъ для уразумѣнія »грамматичности частей предложенія«, сколько скорѣе, наоборотъ, разъясненіемъ »грамматичности частей предложенія« осмысляется терминъ »грамматическое мышленіе«. Это вполнѣ понятно: о »грамматичности частей предложенія« можно разсуждать на почвѣ фактовъ, а терминъ »грамматическое мышленіе« есть философскій выводъ.

Разъясненіе »грамматичности« частей предложенія сосредоточено у Потебни на положеніи: въ языкѣ нѣтъ ни одной грамматической *формы*, въ смыслѣ грамматической *категоріи*, которая, *безъ измѣненія смысла*, не могла бы перейти въ другую. Такимъ образомъ, »мыслить« мы можемъ *одно*, а »грамматическое мышленіе« при этомъ может идти по *различнымъ* путямъ, и все зависитъ отъ того, съ какой »категоріи« грамматическое мышленіе *начинается*; ибо къ ней уже потомъ *прилаживаются* остальныя. *Всякое* слово въ рѣчи (теорію Потебни о *союзахъ* мы отсюда исключаемъ, какъ ее и раньше не излагали) есть или указательное, или — если такъ можно выразиться — »матеріальное« т. е. обозначающее какой нибудь *признакъ*, — признакъ или »возникающій«, или — скажемъ — признакъ »состоянія«. Своею »грамматическою« формою оно не только въ состояніи »передать« *признакъ* то въ видѣ »возникающаго«, то въ видѣ »состоянія«, но и *черезъ* признакъ, а то и черезъ

указаніе, можетъ »изобразить« нѣчто какъ »*вещь*«, или какъ »*признакъ*« вещи (которая, въ такомъ случаѣ, должна быть уже обозначена *другимъ* какимъ нибудь словомъ), или, наконецъ, какъ »признакъ *признака*«. »Вещь«, т. е. *грамматическая* вещь, можетъ быть поставлена въ языкѣ для того, чтобы »о ней можно было говорить«. или можетъ получить значеніе »дополненія«, болѣе »тѣснаго«, или болѣе »отдаленнаго«. Самою »сложною по строенію грамматическою формою« является личный глаголъ, изображающій »возникновеніе признака *отъ* лица« (жаль, что Потебня не выяснилъ отношенія этого »лица« къ тѣмъ »вещамъ«, которыя въ рѣчи »изображаются« *другими* словами).

Все это прекрасно, и Потебня является во всемъ этомъ ученіи достойнымъ продолжателемъ Гумбольдта и Штейнталя, которыхъ онъ и ставитъ высоко въ своихъ сочиненіяхъ. Но . . . Разъяснимъ это *но*.

1. Намъ представляется страннымъ, что Потебня такъ настаиваетъ на личномъ глаголѣ въ предложеніи, что онъ его считаетъ minimum'омъ предложенія и что тамъ, гдѣ его нѣтъ, напр. *не велика бѣда* (ср. Зап. 118), онъ его считаетъ опущеннымъ и подразумѣвающимся. Всѣ грамматики-философы, о которыхъ мы здѣсь упоминали и о которыхъ не упоминали, затрогиваютъ вопросъ объ эллипсисахъ и рѣшаютъ его такъ или иначе. Мы понимаемъ, что *слѣдуетъ* »подразумѣвать« слово тамъ, гдѣ оно въ рѣчи разъ уже встрѣчалось и *повторять* его лишній разъ говорящій *не желаетъ* (долго я искалъ это мѣсто въ сочиненіи и, наконецъ, нашелъ; разумѣй *его*, это *мѣсто*). Мы понимаемъ дальше, что говорящій, нарисовавъ слегка какимъ нибудь словомъ или сложнымъ выраженіемъ ту или иную картину, не распространяется *особыми* словами о ея частностяхъ, *самъ* ихъ подразумѣвая и предполагая, что ихъ и слушатель подразумѣваетъ (оставивъ своихъ друзей на палубѣ, самъ отправился внизъ; подразумѣвай *въ каюту*). Мы понимаемъ что говорящій, самъ привыкшій противопоставлять одну мысль другой и предполагая ту же привычку у слушателя часто, на основаніи этой противоположности, заставляетъ

догадываться о чемъ нибудь, *не выражая* этого (это не я сдѣлалъ; подразумѣвай *это сдѣлалъ кто-нибудь другой*). Мы понимаемъ, что говорящій, въ *риторическомъ* настроеніи, желая произвести эффектъ, останавливается иногда, такъ сказать, на *полусловѣ* (я жъ его! и т. п.). Но мы не понимаемъ, что можно *опустить* и *подразумѣвать* такое слово какъ *личный глаголъ*, разъ безъ него не можетъ обойтись ни одно предложеніе. Прекрасно высказывается на счетъ эллипсисовъ Paul: Misst man allemal den knapperen Ausdruck an dem daneben möglichen umständlicheren, so kann man mit der Annahme von Ellipsen fast ins unbegrenzte gehen. Bekannt ist der Missbrauch, der damit im 16. und 17. Jahrhundert getrieben ist. Indessen war dieser Missbrauch doch nur die weiter gehende Durchführung von Anschauungen, die auch jetzt noch in unseren Grammatiken vertreten sind. Es gilt diesen Massstab aufzugeben und jede Ausdrucksform nach ihrer Entstehung ohne Hineintragung von Etwas Fremdem zu begreifen. Man wird dann die Ansetzung von Ellipsen auf ein minimum einschränken. Oder aber man müsste den Begriff der Ellipse in viel ausgedehnterem Masse anwenden, als es jetzt üblich ist: man müsste zugeben, dass es zum Wesen des sprachlichen Ausdrucks gehört elliptisch zu sein, niemals dem vollen Inhalte des Vorgestellten adaequat, so dass also in Bezug auf Ellipse nur ein *Grad*unterschied zwischen den verschiedenen Ausdrucksweisen besteht (Princip. 263.) ... Im grossen und ganzen geht ein gewisser haushälterischer Zug durch die Sprachthätigkeit. Es müssen sich überall Ausdrucksweisen herausbilden, die nur gerade so viel enthalten, als die Verständlichkeit für den Hörenden erfordert. Das Mass der angewendeten Mittel richtet sich nach der *Situation*, nach der vorausgehenden Unterhaltung, der grösseren oder geringeren Uebereinstimmung in der geistigen Disposition der sich unterhaltenden (Princip. 262).

2. Дошедши до установленія »составнаго сказуемаго«, Потебня вдругъ вводитъ какое то новое начало въ свои разсужденія. Если раньше »члены предложенія« приводились

въ соотвѣтствіе съ частями рѣчи, то теперь »составное сказуемое« устанавливается по *общему смыслу* предложенія. »Общій смыслъ« — черезвычайно шаткій принципъ для установленія »членовъ предложенія« (по «общему смыслу« у насъ на стр. 23 выходило подлежащимъ *въ его поступкѣ*, а сказуемымъ — *величайшую низость*), не говоря уже о томъ, что онъ у Потебни сталкивается съ *другимъ* принципомъ (я разумѣю принципъ соотвѣтствія »частей предложенія« »частямъ рѣчи«), тогда какъ *всякая* система требуетъ *одной* точки исхода. Что принципъ *общаго* смысла никакъ не мирится съ тою »грамматичностью« какъ частей предложенія, такъ и частей рѣчи, которой такъ долго держался Потебня, это также не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вообще, кажется намъ, слѣдуетъ разсуждать такъ, что, во фразѣ *морозъ показался невеликъ*, выраженіе *показался невеликъ* или *есть* »членъ предложенія«, а тогда »члены предложенія» нужно устанавливать на какой нибудь другой почвѣ, чѣмъ на почвѣ грамматическихъ формъ, или это *не есть* »членъ предложенія«, а тогда рядъ *установленныхъ* »членовъ предложенія« (подлежащее, сказуемое, дополненіе, опредѣленіе и обстоятельство) *не полонъ* и нужно его *увеличить*, такъ чтобы можно было подвести подъ его категоріи *отдѣльно* слово *показался*, и *отдѣльно* слово *невеликъ*, а *чѣмъ* его увеличить, — *сказать* даже трудно. Не говорить же, какъ иногда дѣлаютъ, что само *невеликъ* есть сказуемое, и *показался* есть *связка*, и не признавать же »связку« за особый »членъ предложенія«. Ибо тогда окажется связкою, какъ дѣйствительно у Потебни и выходитъ, и слово *конецъ* въ выраженіи *конецъ поля Половецкаго*, и вообще »связокъ« найдется въ языкѣ *много*, притомъ такихъ, что *грамматичность* формъ *исчезнетъ* какъ точка исхода для опредѣленія »частей предложенія«. Не можетъ быть, слово *конецъ* является не »связкою«, а просто *предлогомъ*? Въ такомъ случаѣ не всѣ »части рѣчи« подойдутъ подъ »части предложенія«, и тогда опять исчезнетъ *соотвѣтствіе между »частями« рѣчи и »частями предложенія«*.

3. Мы затрудняемся сказать *по началу* разсужденій Потебни, устанавливаетъ ли онъ »члены предложенія« съ точки зрѣнія »частей рѣчи«, или, наоборотъ, »части рѣчи« съ точки зрѣнія »частей предложенія«. Если *составные* »члены предложенія« представляютъ собою нѣчто такое, что Потебню застало — да и всякаго застанетъ — въ расплохъ, то *простые* »члены предложенія«, казалось бы, слѣдуетъ устанавливать съ точки зрѣнія »частей рѣчи«, а не наоборотъ. Въ самомъ дѣлѣ: потому ли аттрибутъ — прилагательное, что онъ — аттрибутъ, или, скорѣе, прилагательное есть аттрибутъ потому, что оно — прилагательное? Потому ли объектъ, какъ его толкуетъ Потебня (въ выраженіи *домъ отца* слово *отца* есть, по мнѣнію Потебни, *объектъ*), — потому ли объектъ — существительное, что онъ — объектъ, или существительное есть объектъ потому, что оно — существительное? Потому ли обстоятельство — нарѣчіе, что оно — обстоятельство, или, скорѣе, нарѣчіе есть обстоятельство потому, что оно — нарѣчіе? Да и куда дѣнется вся »грамматичность« »членовъ предложенія«, если мы не будемъ исходить отъ того, что въ нихъ только и есть грамматичнаго, т. е. отъ самой *формы* слова, какъ *части рѣчи*. У Потебни, въ *началѣ* его разсужденія, какъ сказано, не знаешь, чтó онъ беретъ за исходную точку, часть рѣчи, или часть предложенія. Въ концѣ же онъ *явственно* исходитъ отъ *членовъ предложенія* и результатомъ своимъ доказываетъ всю неправильность своего метода. Въ предлогѣ »*къ*« никто не станетъ искать »нарѣчіе, потерявшее значеніе *объекта*«, и выяснять предлоги съ точки зрѣнія »членовъ предложенія« — стремленіе напрасное, развѣ войдутъ они въ какой нибудь »*составной* членъ предложенія«, а о неметодичности »*составныхъ* членовъ предложенія« мы высказались выше.

4. Объектъ (дополненіе то-жъ) Потебня, въ концѣ концовъ, опредѣляетъ какъ болѣе или менѣе (»болѣе тѣсная и болѣе отдаленная связь«) вызываемое »формальнымъ *значеніемъ*« дополняемаго (люблю отца.) Не является ли такимъ же »дополненіемъ« и самъ *субъектъ*, и — возьмемъ напр.

фразу *сынъ любитъ отца* — какая, въ сущности, разница между словомъ *сынъ* и между словомъ *отца*, если послѣднее оказывается объектомъ лишь въ томъ смыслѣ, что оно вызвано »формальнымъ *значеніемъ*« т. е. значеніемъ *формы* слова *любитъ*? Не вызвано ли въ нашей фразѣ и слово *сынъ* формальнымъ значеніемъ слова *любитъ*? Не являются ли, наконецъ, въ *этомъ* же смыслѣ, если не »дополненіями«, то, во всякомъ случаѣ, »дополняемыми« и »прилагательное-аттрибутъ«, и »нарѣчіе-обстоятельство«, когда *первое* своимъ »*формальнымъ значеніемъ* указываетъ на »признакъ субстанціи, выраженной въ *другомъ* словѣ«, а *второе* своимъ *формальнымъ значеніемъ* указываетъ на »аттрибутъ« аттрибута, выраженнаго *другимъ* словомъ? Не есть ли и слово »*къ*« въ выраженіи *къ отцу* не »ослабленное и перешедшее въ нарѣчіе *дополненіе*« (объектъ), а »дополняемое«, *вызывающее* къ себѣ »своимъ формальнымъ значеніемъ« слово *отцу*? Не есть ли и слово *отца* въ выраженіи *домъ отца* не »дополненіе«, какъ толкуетъ Потебня, прибѣгая къ *натяжкѣ* въ различеніи выраженій »*домъ отца*« и »*отцовскій* домъ«, а скорѣе дополняемое, *вызывающее* къ себѣ »своимъ формалнымъ значеніемъ« слово *домъ*? Не состоитъ ли въ этомъ же смыслѣ изъ »дополняемаго« и »дополненія« выраженіе *оказался невеликъ*? Не слѣдуетъ ли толкованіе о »болѣе тѣсной и болѣе отдаленной связи дополненій« (объектовъ) замѣнить толкованіем«, что »болѣе отдаленное *дополненіе*« есть не »дополненіе«, а »дополняемое«, *вызывающее* »своимъ формальнымъ значеніемъ *дополненіе* (въ выраженіи *добродѣтель воина* слово *воина* есть »дополняемое«), а »болѣе *тѣсное* дополненіе« есть *дѣйствительное* »дополненіе«, *вызванное* формальнымъ значеніемъ »дополняемаго«? А если такъ, и если Потебня правъ въ томъ (онъ не правъ, какъ видно будетъ изъ нашего изслѣдованія), — если онъ правъ въ томъ, что предложеніе не можетъ обойтись безъ личнаго глагола, и что личный глаголъ есть *minimum* всякаго предложенія, то не слѣдовало ли бы опредѣлить »предложеніе« *просто* какъ личный глаголъ съ его »дополненіями« и »дополняемыми«?

Изъ всего нашего разсужденія явствуетъ, что синтаксисту нужно прежде всего разобраться хорошо въ симасіологіи (т. е. понять *значеніе* и »дополняемость», *вызванную* значеніемъ) *частей рѣчи* и ихъ *формъ*, а потомъ только видно будетъ, насколько умѣстны и какими окажутся, если они умѣстны, »члены предложенія«. Какъ *затруднено* въ настоящее время у *всѣхъ* нашихъ грамматиковъ опредѣленіе *значенія* частей рѣчи и ихъ *формъ*, этихъ по истинѣ »*грамматическихъ*« категорій, на которыхъ *дѣйствительно* можно узнать »внутреннюю форму языка« Гумбольдта, »грамматическое мышленіе« Штейнталя и »Denkform« Heyse (Heyse употребляетъ именно *этотъ* терминъ; ср. Sprachw. 391 и др.), — какъ, повторяю, *затруднено* опредѣленіе *значенія* частей рѣчи *именно тѣмъ*, что наши грамматики въ частяхъ рѣчи все сбиваются на »члены предложенія«, можно судить по самому Потебнѣ, который, напр., значеніе *одной* изъ ихъ грамматическихъ формъ, именно *творительнаго* падежа, опредѣляетъ слѣдующими терминами;

1. творительный соціативный:
2. » мѣста:
3. » времени;
4. » орудія;
5. » условленный страдательнымъ сказуемымъ;
6. » условленный именемъ и нарѣчіемъ, и творительный отношенія;
7. » причины;
8. » образа дѣйствія;
9. » аппозитивный (appositio есть особый видъ аттрибута);
10. » предикативный;
11. » на мѣстѣ »предикативнаго имени существительнаго» при глаголахъ большей энергичности;
12. именительный и творительный предикативныхъ прилагательныхъ.

Гдѣ тутъ можно толковать о какомъ нибудь *началѣ* для опредѣленія значенія творительнаго падежа?

Отъ аппріористическаго внесенія въ синтаксисъ »членовъ предложенія« не освободился до сихъ поръ никто. Послѣдній, Delbrück (Grundr. III., конецъ введенія), хотя и провозглашаетъ Satztheil и Redetheil за одно (Grundr. III. 75), однакожъ навязываетъ себѣ слѣдующія »категоріи« словъ:

1. Слова, служащія субстратомъ предиката (подъ субстратомъ слѣдуетъ разумѣть, по Дельбрюку, субъектъ, объектъ и, вообще, всѣ «отношенія», выражаемыя *падежами*). Это — substantiva. Такъ какъ substantivum есть не этимологическая, а *синтаксическая* категорія (называя ее *синтаксическою*, т. е. такою, которая *συντάττεται*, Дельбрюкъ имѣетъ въ виду *именно* ея »дополняемость«, связанную съ ея »формальнымъ« значеніемъ), то понятно, что въ качествѣ substantiv'овъ могутъ быть употребляемы многіе »разряды« словъ (Wortarten): nomina, pronomina, numeralia и »субстантивированныя« слова.

2. Предикативныя слова: *собственное* предикативное слово — verbum; но и nomina могутъ функціонировать въ роли предикатовъ, напр. *οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη*.

3. Аттрибутивныя слова. Аттрибутивное слово можетъ появляться не только при субстратѣ предиката, т. е. при substantiv'ѣ, но и при предикативномъ словѣ Собственный аттрибутъ substantiv'a есть adjectivum, выступающее и въ nomin'ахъ, и въ pronomin'ахъ (напр. *ἐμός*), и въ numerali'ахъ. Но аттрибутами substantiv'овъ могутъ быть и сами substantiv'a; такъ бываетъ въ приложеніяхъ, а также въ genitiv'ахъ substantiv'овъ (или въ dativ'ахъ). Аттрибутами при предикативахъ-глаголахъ являются praepositiones (точнѣе praeverbia, сравни *ἐγκαλέω*) и adverbia. Наконецъ, аттрибутъ можетъ появляться и при *другомъ* аттрибутѣ; такъ, adverbium появляется при adjectivum.

4. Связки. Сюда относятся: copula, praepositiones, посредничающія между verbum и падежемъ, и нѣкоторыя частицы. Изъ частицъ принадлежатъ сюда тѣ, которыя имѣютъ значеніе *соединяющихъ* словъ; но къ нимъ можно при-

общить и *исключающія* частицы, т. е. какое-нибудь *aut*, *ἤ* и т. п.

5. Усилительныя слова (hervorhebende Wörter). Сюда относится цѣлый рядъ частицъ.

Что Дельбрюкъ, наконецъ, провозглашаетъ отождествленіе Satztheil'а съ Redetheil'омъ, это *громадный* шагъ впередъ, который, насколько намъ извѣстно, впервые сдѣланъ только имъ. Но, какъ видно, это отождествленіе получило у него лишь тотъ смыслъ, что *«составныхъ«* частей предложенія нѣтъ, и что какъ члены предложенія, такъ и части рѣчи являются только »словами«, а затѣмъ «члены предложенія« и »части рѣчи« остаются *отличными* другъ отъ друга понятіями т. е. отличными другъ отъ друга *началами* дѣленія словъ на разряды, и такъ какъ за *исходную* точку для дѣленія словъ на разряды приняты »члены предложенія«, то *части рѣчи* при этомъ дѣленіи перекрещиваются. Очень жаль, что ни infinitivus, ни participium не выступаютъ *самостоятельными* частями рѣчи. Не обращено также никакого вниманія на »предлоги, посредничающіе между падежемъ и тѣми частями рѣчи, которыя *не суть* verbum, напр. *πέντε ἐπὶ δέκα*, *ἀδικία πρός τινα* и т. п. Впрочемъ, о синтаксисѣ этого великаго знатока языковъ трудно себѣ составить надлежащее представленіе, такъ какъ онъ еще не оконченъ.

Недавно появилась книжка Ries'а, въ которой авторъ рѣшаетъ вопросъ, что такое синтаксисъ. Указывая на всю ту безсистемность (Systemlosigkeit), которая держится въ нашихъ синтаксическихъ теоріяхъ благодаря тому, что не выяснена до сихъ поръ достаточно ни задача синтаксиса, ни отношеніе его къ другимъ отдѣламъ грамматики, авторъ распознаетъ въ синтаксическихъ изслѣдованіяхъ нашихъ ученыхъ *два* главныхъ направленія. Представителемъ одного остается все тотъ же Беккеръ, а представителемъ другого является Miklosich. Ученые перваго направленія — такъ толкуетъ Ризъ — исходятъ отъ *значенія*, пріискивая ему грамматическія формы, а ученые втораго — отъ *грамматическихъ формъ*, пріискивая имъ значеніе (WiS. 9: zunächst ist es der bekannte Widerstreit zweier entgegengesetzter

Methoden der Forschung, der in Augen springt: das Ausgehen von der Bedeutung, nach deren Ausdrucksform gefragt wird, und umgekehrt das Ausgehen von den vorhandenen Formen, nach deren Bedeutung gefragt wird).

Miklosich (Vergl. Gr. IV. 1) опредѣляетъ синтаксисъ, какъ симасіологію разрядовъ словъ (подъ разрядами словъ онъ понимаетъ *исключительно* части рѣчи) и ихъ формъ (т. е. падежей, наклоненій и т. п.): jener Theil der Grammatik, welcher die Bedeutung der Wortclassen und der Wortformen darzulegen hat, heisst Syntax.

О такой задачѣ, какую себѣ опредѣлилъ Миклошичъ въ своемъ синтаксисѣ, мечтаемъ и мы, сводя всѣ наши разсужденія къ необходимости разъяснить *симасіологію частей рѣчи* т. е. *разбить на разряды* появляющіяся въ рѣчи слова по ихъ *значенію,* по ихъ *приспособленности* войти »частями« въ осмысленную рѣчь, причемъ эта »приспособленность« опредѣлялась бы прежде всего всѣми *этимологическими* измѣненіями (падежами, наклоненіями и т. п.) каждаго изъ этихъ разрядовъ, такъ какъ *измѣненія* эти только и находятъ себѣ оправданіе въ томъ, что каждое изъ нихъ вноситъ *особый* оттѣнокъ въ мысль. Однакожъ опять и опять съ сожалѣніемъ приходится замѣчать, что и Миклошичъ, исполняя свою задачу, постоянно находится подъ давленіемъ »членовъ предложенія«, которые въ сущности остаются *вездѣ* — мы это видѣли — *Беккеровскими,* какъ бы ихъ ни переворачивали наши грамматики-философы, и уже это *одно* обстоятельство мѣшаетъ Миклошичу *надлежащимъ* образомъ опредѣлить значеніе той или другой Wortclasse, той или другой Wortform. *Надлежащее* опредѣленіе значенія »разрядовъ словъ« и ихъ формъ, повидимому, заключается въ такомъ освѣщеніи дѣла, которое въ каждомъ »разрядѣ словъ« и въ каждой формѣ указывало бы или *одинъ* симасіологическій *центръ,* откуда бы всѣ оттѣнки исходили какъ радіусы, или, если такого *одного* центра нѣтъ, — историческое *передвиженіе* значенія отъ *одного* симасіологическаго центра къ другому. Миклошичъ, помимо того, что ему мѣшали »члены предложенія, *вообще* не обнару-

живаетъ особеннаго стремленія къ отысканію *такого* или *такихъ* исторически связанныхъ центровъ. Его синтаксисъ представляетъ собою въ этомъ отношеніи скорѣе магазинъ примѣровъ, сгруппированныхъ подъ цѣлымъ рядомъ ярлыковъ, кое-какъ между собою связанныхъ, а то и вовсе несвязанныхъ. Примѣромъ такого веденія дѣла пусть послужитъ тотъ же творительный падежъ. Миклошичъ его опредѣляетъ такъ (Vergl. Gr. IV. 683): Wie bei den übrigen Casus, so gehe ich auch bei dem Instrumental von dessen *räumlichen* Function aus, diese allen übrigen zu Grunde legend (почему?). An die Vorstellung des Raumes, über den sich eine Handlung ununterbrochen erstreckt, schliesst sich die Vorstellung des *Werkzeuges* und des *Mittels* an. die dem Casus den Namen Instrumental gab. Diese Vorstellungen erweitern sich zu der des *Beisammenseins*, auf der ein anderer Name des Casus, Social, beruht. Am weitesten entfernt sich von der ursprünglichen Bestimmung des Instrumental dessen *prädicative* Anwendung, wo der Instrumental dasjenige bezeichnet, in das ein anderes verwandelt wird oder übergeht, der demnach »local« (значитъ, *опять* räumlich? — почему онъ въ такомъ случаѣ такъ *удаленъ* отъ »первоначальнаго значенія?«) aufzufassen ist.

Послѣ этого »*опредѣленія* значенія« идутъ слѣдующіе ярлычки, всегда съ массою примѣровъ: Instrumental des Raumes; Instrumental der Zeit; Instrumental des Werkzeuges; Instrumental des Masses; Instrumental bei verba passiva; Instrumental der Art und Weise; Instrumental der Angemessenheit; Instrumental der Verstärkung; Instrumental des Grundes; Instrumental der *Sorge* (!) u s. w.; Instrumental der Beziehung: Instrumental der Absicht; Instrumental der Verbindung; Instrumental des Umstandes; Instrumental der Eigenschaft; Instrumental des Praedicats, indem er bezeichnet: 1. dasjenige, wozu *ich* etwas mache, worein *ich* es verwandle, womit *ich* es benenne; 2. dasjenige, wozu *etwas* gemacht, ernannt, worein *es* verwandelt, wie *es* benannt, wofür *es* gehalten wird u s. w.; 3. die praedicative

Apposition des Subjects oder des Dativ in der Construction des Infinitivus cum Dativo.

Далѣе слѣдуетъ соединеніе творительнаго падежа съ предлогами, причемъ, напр., объясненіе конструкціи предлога *за* съ творительнымъ падежемъ получаетъ слѣдующій видъ:

Der Instrumental mit der Praeposition *за* bezeichnet: 1. dasjenige, hinter dem etwas ruht (что же тутъ выходитъ на долю самого *за*, и что на долю instrumental'а какъ *падежа?*); 2. die Zeit, nach der eine Handlung vor sich geht; 3. dasjenige, weswegen etwas geschieht oder nicht geschieht; 4. bei Personen das Beisammensein im Allgemeinen.

Каково бы ни было *исполненіе* задачи у Миклошича, *сама* она поставлена имъ ясно: онъ желаетъ симасіологіею »разрядовъ словъ и ихъ формъ« исчерпать *весь синтаксисъ* языка и стоитъ въ этомъ отношеніи на принципѣ, дѣйствительно, вполнѣ противоположномъ точкѣ зрѣнія Беккера, желавшаго исчерпать синтаксисъ языка истолкованіемъ »сочлененій предложенія«. Съ обѣими точками зрѣнія сжились наши синтаксисты — одинаково философы, какъ и техники — до того, что одни хотѣли бы ихъ примирить, а другіе восклицаютъ: или Беккеръ, или Миклошичъ! (Scherer Kl. Schr. 370).

Ни тотъ, ни другой — отвѣчаемъ мы. Вопервыхъ, мы думаемъ, что симасіологія »разрядовъ словъ и ихъ формъ« выиграетъ, если ее поставить совершенно независимо отъ »членовъ предложенія«. Мы думаемъ, — чтобы высказаться прямѣе, — что если отъ »членовъ предложенія« *совсѣмъ* отказаться, то уясненіе языка отъ этого вовсе не пострадаетъ. Но мы думаемъ также, что симасіологіею »разрядовъ словъ и ихъ формъ« *не исчерпывается* весь синтаксисъ. За симасіологіею »разрядовъ словъ и ихъ формъ«, какъ совершенно правильно разсуждаетъ Ризъ (WiS 32), слѣдуетъ еще вся музыкальная сторона языка: темпъ, паузы, удареніе, ритмъ, мелодія,*) и хотя намъ, быть можетъ, скажутъ, что нѣко-

*) Немного опредѣленнѣе говорить объ этомъ предметѣ Paul (Princip. 99): Zum sprachlichen Ausdruck von Vorstellungen gibt es folgende Mittel:

торыя изъ этихъ сторонъ или, точнѣе, многое *въ нихъ* — относится къ *стилистикѣ*, но сама *область* стилистики достаточно ли у насъ раскрыта? Не выяснится ли она лучше, когда не только синтаксисъ тверже будетъ стоять на своей почвѣ, но и другія грамматическія дисциплины будутъ больше упрочены какъ *сами въ себѣ*, въ своихъ *собственныхъ* задачахъ, такъ и по отношенію другъ къ другу.

Объ этомъ то взаимномъ отношеніи грамматическихъ дисциплинъ много толкуетъ Ризъ въ своемъ сочиненіи, и — надобно ему отдать справедливость — онъ много выяснилъ въ этомъ дѣлѣ черезъ введеніе въ свое толкованіе слова *Bedeutungslehre*, что мы переводимъ словомъ *симасіологія* (да и Ризъ употребляетъ иногда слово Semasiologie).

»Симасіологію« ввелъ въ грамматику еще Reisig, поставивъ ее посрединѣ между »этимологіею« и »синтаксисомъ«. Но его »Semasiologie oder Bedeutungslehre« имѣетъ чисто *лексикальный* характеръ съ примѣсью, если угодно, стилистическаго элемента. Онъ въ ней толкуетъ о синекдохѣ, о метафорѣ, о метонимiи, о чередованіи transitiv'ности и intransitiv'ности въ значеніи глаголовъ, о важной роли для значенія глаголовъ тѣхъ предлоговъ, которые съ ними соединяются, объ основахъ правильнаго выбора словъ по ихъ значенію (Grundsätze über die Wahl der Wörter nach ihrer Bedeutung), о »синонимологіи«, о повтореніи въ рѣчи (Fülle der Rede) т. е. о *соединеніи* въ рѣчи синонимическихъ словъ Устанавливая такую »симасіологію« какъ *часть* грамматики, Рейзигъ думалъ пополнить пробѣлъ лексикографовъ

1. die Nebeneinanderstellung der *den Vorstellungen entsprechenden Wörter* an sich; 2. die *Reihenfolge* dieser Wörter; 3. die Abstufung zwischen denselben in Bezug auf die *Energie der Hervorbringung*, die *stärkere oder schwächere Betonung*; 4. die *Modulation der Tonhöhe*; 5. das *Tempo*, welches mit der Energie und der Tonhöhe im engen Zusammenhange zu stehen pflegt; 6. *Verbindungswörter*, wie Praepositionen, Conjunctionen, Hülfszeitwörter; 7. die *flexivische Abwandlung* der Wörter. *Первый* пунктъ по этому распредѣленію какъ сейчасъ будетъ выяснено, относится къ »симасіологіи этимологическихъ основъ или темъ«, пункты 6 и 7 — къ симасіологіи »разрядовъ словъ и ихъ формъ«, а пункты 2—5 — къ тому, что въ синтаксисѣ должно *слѣдовать* за этою симасіологіею.

(die Lexica sind hierin sehr mangelhaft und unvollkommen; Vorles. 286) и вообще *выяснить* нѣчто, для чего онъ не находилъ мѣста ни въ этимологіи, ни въ синтаксисѣ, а именно: »развитіе *идей* въ словахъ на почвѣ ассоціаціи въ представленіи (die Grundlage der Ideenentwicklung in den Wörtern ist die Gedankenassociation in der Gemeinschaft der Vorstellungen; Vorles. 286).

Надлежащее выясненіе умѣстности симасіологіи въ грамматикѣ встрѣчаемъ у Schleicher'а. У него симасіологія получаетъ *очень широкій* смыслъ, хотя *названа* она у него не *Semasiologie*, а *Functionslehre*. Онъ раздѣляетъ всю грамматику (см. Deutsche Spr. 126—127) на Lautlehre, Morphologie, Functionslehre и Syntax. Подъ »Syntax« онъ разумѣетъ »Lehre vom Satzbau«. Что же касается Functionslehre, то она, проникая глубже всего во внутреннюю суть языка (dieser Abschnitt der Grammatik greift am tiefsten ins innere Wesen der Sprache ein), должна, по плану Шлейхера, *выяснить* (выясненіе это можетъ относиться или къ *отдѣльнымъ* языкамъ, а то и къ *языку вообще*), какими функціями *или значеніями* располагаетъ языкъ въ своихъ »этимологическихъ *корняхъ*«, и какія *грамматическія* функціи у него имѣются въ распоряженіи, т. е. какія »отношенія« онъ *способенъ* выразить и *выражаетъ*, образуя изъ этимологическихъ корней этимологическія темы или основы, а изъ этимологическихъ основъ — полныя слова въ ихъ спряженіяхъ и склоненіяхъ (die Functionslehre hat aufzustellen, welche Wurzelfunctionen oder Bedeutungen, und welche Beziehungsfunctionen oder grammatische Functionen in Stammbildung, Declination und Conjugation *die* Sprache, oder eine *gegebene* Sprache besitzt; Deutsche Spr. 126). Если — говоритъ Шлейхеръ, (Deutsche Spr. 127) — этимологическіе корни *div, ruk, svar, bhrag* обозначаютъ *свѣтить*, то нужно предположить, что *первоначальная* функція каждаго изъ этихъ корней была *особая*, что каждый изъ этихъ корней имѣлъ какое нибудь *частное* значеніе, и отыскать это *частное* значеніе должна постараться Functionslehre. То же самое нужно сказать и о функціяхъ »отношеній«: если,

напр., въ настоящее время за цѣлою группою различныхъ суффиксовъ утвердилась одна и та же роль обозначенія *дѣятеля* (die handelnde Person, der Thäter), то первоначально каждый изъ нихъ долженъ былъ имѣть свою *особую*, только *ему* принадлежащую функцію (на declinati'онныя и conjugati'онныя окончанія Шлейхеръ этой мысли не распространяетъ, да и распространять — казалось бы на первый взглядъ — не приходится, такъ какъ трудно найти въ развитомъ языкѣ такіе случаи, чтобы нѣсколько »окончаній« имѣло *одно* значеніе; скорѣе *наоборотъ:* чувствуется, что *одно* »окончаніе« имѣетъ *нѣсколько* значеній).

Хотя Шлейхеръ въ своей *собственной* Deutsche Spr. не проводитъ Functionslehre во всей ея широтѣ и отдѣлывается какъ отъ морфологіи, такъ и отъ Functionslehre нѣсколькими лишь замѣтками (einige Notizen), соединяя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ морфологическимъ указаніемъ и указаніе значенія, но что такое его Functionslehre, — это для насъ вполнѣ ясно по тому *опредѣленію* и *объясненію*, которое онъ даетъ о ней: онъ хотѣлъ въ ней соединить лексикографическую часть (значеніе »корней« и »основъ«) съ тою частью, которую мы признаемъ — это вытекаетъ изъ всего нашего разсужденія — за *чисто синтаксическую*. Шлейхеръ, какъ сказано выше, подъ синтаксисомъ разумѣетъ *только* die Lehre vom Satzbau, мы же — повторяемъ — не смотримъ на нашу симасіологію »разрядовъ словъ и ихъ формъ« какъ на исчерпывающую *весь* синтаксисъ.

Въ настоящее время подъ »симасіологіею« разумѣютъ обыкновенно Шлейхеровскую Functionslehre »этимологическихъ *корней* и *основъ*«. У Heerdegen'а — можно сказать, *перваго* изъ ученыхъ, обосновавшаго эту »симасіологію« какъ науку — отразилось это обоснованіе видоизмѣненіемъ Шлейхеровскаго дѣленія грамматики. Онъ дѣлитъ грамматику на слѣдующія части (Untersuch. I. 47):

I. Lehre vom Wort für sich oder Wortlehre.

1. Formenlehre des Wortes für sich, d. i. *Etymologie.*
2. Functionslehre des Wortes für sich — *Semasiologie.*

II. Lehre vom Wort als Glied des Satzes oder kurzweg Satzlehre.

1. Formenlehre des Wortes im Satze — *Flexionslehre.*

2. Functionslehre des Wortes im Satze — Syntax.

Такимъ образомъ, »симасіологія« есть уясненіе *перемѣнъ* въ значеніи »этимологическихъ корней и основъ«, какъ онѣ даны *исторически* въ томъ или иномъ языкѣ, — уясненіе, сводящееся, по толкованію Heerdegen'а, къ уясненію *общихъ началъ* (allgemeine Principien), на которыхъ зиждутся эти перемѣны, въ родѣ Bedeutungsverengerung и Bedeutungsübertragung (Grundz. 65) и другихъ, а по толкованію Hey'а, развивающаго *дальше* научность »симасіологіи«, — къ уясненію историческихъ и психологическихъ *причинъ* »перемѣнъ« (Sem. Stud. 103). Эта »симасіологія« имѣетъ несомнѣнно громадное будущее, несмотря на то, что въ настоящее время разные симасіологическіе опыты »den Zweifel an der Möglichkeit der Semasiologie als eigener wissenschaftlichen Disciplin noch nicht ganz haben zum Schweigen bringen können (Hey Sem. Stud. 83). До какихъ результатовъ можно дойти въ такихъ опытахъ, доказалъ Brugmann въ своихъ »Ausdrücke für den Begriff der Totalität in den indogermanischen Sprachen, Leipzig 1894. Надобно только расширить программу этой »симасіологіи« въ самомъ *опредѣленіи* ея такъ, какъ ее расширяютъ и на *практикѣ*, т. е. надобно въ самомъ *опредѣленіи* обозначитъ, что *эта* симасіологія разъясняетъ не только значеніе »этимологическихъ корней и основъ« въ словахъ *δόξα*, *ἐπιστήμη* и под., но и значеніе какого-нибудь *μων* въ словѣ *ἐπιστήμων*, стало быть, *вообще* симасіологическихъ (т. е. опредѣляющихъ собою *значеніе* слова) *элементовъ* всякой »этимологической основы.«

Ризъ, не особенно интересующійся *подробною* провѣркою Шлейхеровскаго дѣленія грамматики на четыре части, называетъ его *ошибочнымъ* (Schleichers fehlerhafte Viertheilung der Grammatik, WiS. 80), а самъ дѣлитъ грамматику слѣдующимъ образомъ:

I. ученіе о звукѣ (Lautlehre);

II. ученіе о словѣ (Wortlehre);

III. ученіе о сочетаніи словъ (Lehre vom Wortgefüge).

При этомъ онъ подъ »сочетаніемъ словъ« разумѣетъ не только »предложеніе« и »сочетаніе предложеній«, но *вообще* φράσιν въ *древнемъ* смыслѣ этого слова (*alle* Wortgefüge und nicht nur die Sätze: WiS. 143) т. е. все, послѣ чего въ рѣчи слѣдуетъ нѣкоторая пауза. Такъ, выраженіе *въ мысли этого человѣка всякій долженъ находить большую правильность* можно, пожалуй, разбить на три φράσεις, а именно: 1) въ мысли этого человѣка; 2) всякій долженъ находить; 3) большую правильность (φράσεις, впрочемъ, могутъ и *перекрещиваться* другъ съ другомъ: всякій долженъ находить; находить большую правильность, въ мысли долженъ находить и т. д.)

Нѣтъ сомнѣнія, что у Риза *начало* или *основа* дѣленія въ самомъ дѣленіи больше выдержаны, чѣмъ у Шлейхера, и Ризъ дѣйствительно въ правѣ сказать, что *его* части грамматики имѣютъ каждая *своего* героя (jeder der drei Haupttheile hat seinen eigenen Helden; WiS. 95), тогда какъ у Шлейхера »герой-*слово*« (Wort) сейчасъ же въ *первомъ* дѣленіи, т. е. въ дѣленіи на общія *четыре* части, *разорванъ* на двѣ половины.

Мы не станемъ здѣсь распространяться о *первой* части грамматической системы Риза т. е. объ *ученіи о звукѣ*, считая достаточнымъ то, что сообщено нами на стр. 38; ибо сколько недоумѣній ни вызывало бы опредѣленіе ученія о звукѣ какъ Lautphysiologie*), *насъ* ученіе о звукѣ непосредственно не касается. Что же касается *второй* части его системы, *ученія о словѣ*, то самъ Ризъ дѣлитъ ее на 1) ученіе о *формѣ* слова (Lehre von den Formen der Worte) и 2) ученіе о *значеніи* слова (Lehre von der Bedeutung der Worte)**)

Въ ученіе о *формѣ* слова Ризъ вноситъ: а) словообразованіе въ томъ смыслѣ, какъ мы его растолковали на

*) Весьма поучительна въ этомъ отношеніи статья Дельбрюка, озаглавленная »Lautgesätze« и помѣщенная имъ въ Sprachst. стр. 101 — 128, — поучительна въ томъ смыслѣ, что *ослабляетъ* всѣ тѣ недоумѣнія, которыя могутъ возникнуть при опредѣленіи фонетики, какъ »физіологіи звуковъ«.

**) См. Ries WiS. 79.

стр. 38 (Wortbildungslehre) и б) флексіи (склоненія и спряженія). Хотя въ самой *схемѣ*, помѣщенной у Риза WiS. 83, говорится не о словообразованіи, а о »Wortarten nach formalen Gesichtspunkten«, но что въ его »Wortarten nach formalen Gesichtspunkten« нужно усматривать *именно* наше »словообразованіе«, видно изъ мѣста WiS. 90, гдѣ онъ толкуетъ, что *собственно* строгаго различія между »словообразованіемъ« и флективными измѣненіями слова провести нельзя (ein durchgreifender Unterschied zwischen den sogenannten flexivischen Wortveränderungen, und den übrigen, die gewöhnlich in die Wortbildungslehre, damit also in die Wortlehre, einbezogen werden, laesst sich nicht aufstellen noch durchführen: dieselben Vorgänge, die der Bildung von Flexionsformen zu Grunde liegen, finden sich auch in den übrigen Wortbildungen wirksam. Aenderungen der Stammvocale, Nasalisirung, Reduplication, Vor- und Nachsylben u. s. w., sie dienen alle ebenso der Wortbildung wie der Flexion). Да не подумаетъ читатель, что Ризъ, толкуя объ отсутствіи строгаго различія между »словообразованіемъ« и »флективными измѣненіями слова«, противорѣчитъ себѣ и самъ уничтожаетъ то, что создалъ, т. е. подраздѣленіе ученія о *формѣ* слова на двѣ части *именно* по приведеннымъ двумъ заглавіямъ. Его толкованіе объ »отсутствіи строгаго различія« имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что »словообразованіе« и флективныя измѣненія словъ съ одной стороны не должны быть отдѣляемы другъ отъ друга вставкою какого-нибудь *третьяго* отдѣла грамматики, а съ другой — должны фигурировать въ системѣ грамматики не какъ *два главные*, а только какъ *подраздѣленія одного* главнаго отдѣла; ибо *истолковывать* все разнообразіе, которое въ нихъ обоихъ замѣчается, можно только по *одному* началу, именно такъ называемому »этимологическому.«

Согласно дѣленію ученія о *формѣ* слова дѣлится и ученіе о *значеніи* слова на 1. ученіе о значеніи слова по *элементамъ его образованія* и 2. ученіе о значеніи *разрядовъ* словъ и ихъ *формъ*. Это, а не другое что нужно искать въ схемѣ Риза на стр. 79, гдѣ говорится о »Lehr

von der Bedeutung der *Worte*, ihrer *Arten* und *Formen*. На стр. 84 самъ Ризъ дѣлитъ ученіе о *значеніи* слова на *три* подразряда, а именно: 1. Lehre von der Bedeutung der *Worte*; 2. Lehre von der Bedeutung der *Wortarten*; 3. Lehre von der Bedeutung der *Flexionsformen*. По поводу *перваго* своего подразряда говоритъ Ризъ на той же стр. 84: Hier findet im System der vollständigen Grammatik die Synonymik, die Lehre vom Bedeutungswandel und was sich sonst auf dem Gebiete der Wortbedeutung der bloss *lexikalischen* Darstellung abgewinnen und einer systematischen Bearbeitung unterwerfen lässt, den angemessenen Platz. Такимъ образомъ, подъ *первымъ* своимъ подразрядомъ Ризъ разумѣетъ то, что мы выше назвали »уясненіемъ перемѣнъ въ значеніи этимологическихъ корней и основъ«, и что *вообще* теперь разумѣютъ подъ »симасіологіею«. Второй и третій подразряды Риза мы, какъ видитъ читатель, соединили въ *одинъ*, назвавъ его ученіемъ о значеніи *разрядовъ* словъ и ихъ *формъ*. *Первый* подразрядъ можно бы точнѣе назвать, согласно нашему замѣчанію на стр. 68 о задачѣ теперешней симасіологіи, ученіемъ о »значеніи этимологическихъ корней и *симасіологическихъ* элементовъ »этимологическихъ основъ«.

Третью главную часть, ученіе о *сочетаніи* словъ, Ризъ также дѣлитъ на ученіе о *формѣ* этихъ сочетаній и о значеніи ихъ. Эту то третью часть онъ называетъ »синтаксисомъ« (WiS. 142). Стилистику онъ *выдѣляетъ* изъ грамматики, противополагая ее не »*синтаксису*« и не ученію о *словѣ*, а всей *вообще* грамматикѣ, и усматривая въ ней нѣчто, близкое риторикѣ, метрикѣ, піитикѣ, вмѣстѣ съ которыми она составляетъ ученіе объ *искусствѣ* въ языкѣ; die objective Stilistik (Ризъ ее отличаетъ отъ субъективной т. е. отъ стиля *писателя*, *эпохи*) verlässt das rein grammatische Gebiet und tritt zusammen mit Rhetorik, Metrik, Poetik der Grammatik zur Seite und bildet mit diesen einen Theil der allgemeinen Kunstlehre, ist ein Theil der Lehre von den Künsten, deren Ausdrucksmittel die menschliche Rede ist (WiS. 127).

Итакъ, — вотъ что представляетъ собою синтаксисъ по пониманію Риза, постаравшагося раздѣлить всю грамматику такъ, чтобы каждая изъ частей имѣла *своего* »героя«: синтаксисъ есть наука о *формахъ* и о *значеніи* »сочетаній словъ«. Подробнаго плана такого синтаксиса Ризъ дать не можетъ, хотя и посвящаетъ ему стр. 136—145; онъ только и можетъ говорить о томъ темпѣ и о тѣхъ паузахъ, о которыхъ упоминалъ сначала Да и трудно проникнуть въ этотъ планъ*) (общая идея, впрочемъ, ясна), пока не раскроется, что можетъ дать симасіологія »разрядовъ словъ и ихъ формъ«. Хотя въ этой симасіологіи, наравнѣ съ симасіологіею »слова по *элементамъ* его образованія«, Ризъ считаетъ многое »реальнымъ, матеріальнымъ, лексическимъ (reell, materiell, lexikalisch; WiS. 96), а не *чисто* »синтаксическимъ« т. е. не *прямо* объясняющимъ приспособленность слова привлекать къ себѣ *другое* слово для слiянія съ нимъ въ одинъ общій смыслъ, однакожъ это можетъ раскрыться яснѣе только тогда, когда сама симасіологія »разрядовъ словъ и ихъ формъ« будетъ *вполнѣ разработана.*

Предлагая опытъ такой симасіологіи, я не считаю себя приготовленнымъ распространять его на нѣсколько языковъ заразъ. Симасіологія не есть этимологія. Если этимологу можно черпать свой матеріалъ изъ *грамматикъ* разныхъ языковъ, то симасіологъ - синтаксистъ долженъ опираться даже въ *подборѣ матеріала* на собственное *чутье* языка, а *чутьемъ* въ много языковъ не проникнешь. Я намѣренъ изслѣдовать симасіологію разрядовъ словъ и ихъ формъ на почвѣ одного *греческаго* языка и думаю, что это не будетъ во вредъ самому дѣлу. Напротивъ, на успѣхъ можно тутъ разсчитывать *именно* на почвѣ *одного* языка; ибо какъ изъ

---

*) Кое что сдѣлано въ *этомъ* »синтаксисѣ« Wegener'омъ въ его Untersuch. Къ сожалѣнію, здѣсь не мѣсто съ достаточною ясностью — краткими замѣтками ничего не выяснишь — разсуждать о правильности его взгляда на вопросы, возникающіе въ *этомъ* »синтаксисѣ«, и на услуги, которыя ему оказалъ, уже самою правильностью *взгляда* на дѣло, Wegener, не выдѣляя, впрочемъ, этихъ вопросовъ во *вторую*, такъ сказать, — *высшую* часть синтаксиса, а, напротивъ, ставя разсужденіе о нихъ въ *основаніе* синтаксической теоріи.

выясненнаго доселѣ явствуетъ, симасіологическія студіи надъ разрядами словъ и ихъ формъ должны вести въ *разныхъ* языкахъ къ *разнымъ* результатамъ. Не отказываюсь, конечно, и не могу отказываться отъ привлеченія къ сравненію и другихъ языковъ, гдѣ это найду полезнымъ и для себя доступнымъ.

Много уже сдѣлано для симасіологіи *греческихъ* разрядовъ словъ и ихъ формъ тѣми *частными* изслѣдованіями (съ ними мы встрѣтимся въ нашемъ *собственномъ* изслѣдованіи), въ которыхъ разработано значеніе того или иного *падежа*, а то и падежей *вообще*, той или иной »частицы« и т. д., но такія *частныя* изслѣдованія не могутъ быть иногда и безъ крупныхъ недостатковъ, разъ они не вытекаютъ изъ *цѣлаго*, а въ какомъ положеніи находилось до настоящаго времени это *цѣлое*, нами достаточно выяснено. Изъ этого выясненія видно, что нашъ »опытъ« не лишній, только бы онъ былъ, хотя въ *общихъ* чертахъ, правиленъ. О степени *правильности* его, конечно, будутъ судить другіе.

Переходимъ къ *исполненію* нашей задачи, сдѣлавъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній. Предупреждаемъ, что очень часто будемъ прибѣгать къ новымъ терминамъ. Къ этому насъ побуждаетъ не притязаніе на какія-нибудь нововведенія въ научной терминологіи, нѣтъ; мы въ этомъ видимъ средство удержать на время чтенія нашего изслѣдованія вниманіе читателя на тѣхъ *понятіяхъ*, которыя придется вырабатывать въ этомъ изслѣдованіи.

Итакъ, слово, какъ мы его знаемъ въ флектирующемъ греческомъ языкѣ, — Александрійцы употребляли терминъ λέξις, — можно разсматривать съ двухъ точекъ зрѣнія: либо это высшая единица, подлежащая разложенію на части, либо это низшая единица, сама составляющая часть чего то цѣлаго. Цѣлое, коего частью является слово, есть рѣчь (λόγος), и тогда слово называется *частью* рѣчи (*μέρος λόγου*). Наша задача изслѣдовать слова какъ *части рѣчи.*

Какъ опредѣляется въ общемъ рѣчь, и какъ опредѣляется тогда слово, какъ ея часть? Рѣчь есть выраженіе связной мысли. Но что такое связная мысль? Связная мысль

есть рядъ представленій въ такомъ или иномъ ихъ отношеніи. Разсуждаютъ, какъ выяснилось выше, о возведеніи представленій въ формально-логическія понятія. Но формально-логическія понятія вводить въ опредѣленіе связной мысли не слѣдуетъ. Формально-логическое понятіе есть отвлеченіе отъ цѣлаго ряда однородныхъ представленій. Человѣкъ »представляетъ« индивидуумъ, а »понимаетъ« родъ индивидуумовъ (γένος). Какой нибудь *данный* треугольникъ съ *данною* длиною сторонъ, съ углами *даннаго* числа градусовъ и при *данномъ* порядкѣ слѣдованія угловъ и сторонъ — треугольникъ, нарисованный на *данной* площади и *даннаго* цвѣта линіями, все это — говоритъ формальная логика — »представить« можно, но треугольника *вообще* »представить« нельзя, его можно только »понять«. Тѣмъ не менѣе, однако, когда *заговорятъ* о треугольникѣ *вообще*, то не остается безучастнымъ ни воображеніе того, *кто* заговорилъ о немъ, ни воображеніе того, *кому* о немъ говорятъ. Въ этихъ случаяхъ безучастность воображенія у слушателя значитъ, что онъ просто не слушаетъ, а у говорящаго, что онъ говоритъ машинально, а оба они — такъ выражаются нерѣдко — »не думаютъ« о томъ, о чемъ идетъ рѣчь.

Да, благодаря способности человѣческаго воображенія быстро перебѣгать отъ одной картины къ другой, выходитъ, что когда заговорятъ о треугольникѣ *вообще*, то и у говорящаго, и у слушателя рисуется въ представленіи не одинъ, а цѣлый рядъ треугольниковъ, притомъ *извѣстныхъ*, въ вышеозначенномъ смыслѣ этого слова, и срастающихся какъ-бы въ нѣчто одно, пестрое въ его деталяхъ и, благодаря пестротѣ, пожалуй и смутное, расплывчатое. Конечно, этимъ рядомъ *извѣстныхъ* треугольниковъ, рисующихся въ моемъ представленіи, далеко не исчерпывается *весь* формально-логическій объемъ »понятія« *треугольникъ*, тѣмъ не менѣе, однако, этотъ рядъ достаточно обиленъ своею численностью, и отдѣльные его члены, отдѣльныя картины достаточно сплетаются другъ съ другомъ въ моемъ представленіи для того, чтобы »*наглядно* понять« (т. е. именно при содѣйствіи *воображенія* почувствовать) всю безконечность группы инди-

видуумовъ, заключающихся въ извѣстномъ *γένος*, другими словами, — чтобы рѣчь и въ области формально-логическихъ понятій не должна была сходить съ почвы »представленія«. Иногда мы даже положительно стремимся къ тому, чтобы то пестрое, смутное и расплывчатое, о которомъ упомянуто выше, въ нашемъ воображеніи исчезло и замѣнено было въ *этомъ* же воображеніи *одною*, *ясною* картиною, чтобы все разнообразіе, заключающееся въ какомъ нибудъ *γένος*, сведено было въ нашемъ же *воображеніи* къ одному, какъ мы выражаемся, идеальному *представителю* (да, къ *представителю*, стало быть, къ *индивидууму*), — къ представителю реальной дѣйствительности, къ одной *ἰδέα*, къ чему то *ясно видимому* (отъ того и названіе *ἰδέα*) нашимъ *внутреннимъ* глазомъ. Въ обиходномъ языкѣ — а обиходный языкъ въ этихъ случаяхъ является *мѣркою*, какъ нужно смотрѣть на дѣло, — въ обиходномъ языкѣ »*онъ понялъ*« уравнивается съ выраженіемъ *онъ имѣетъ живое представленіе о дѣлѣ*, »онъ не имѣетъ объ этомъ дѣлѣ никакого понятія« все равно что »онъ не имѣетъ о немъ никакого представленія«, а если собесѣдники другъ друга *понимаютъ*, то это значитъ, что они имѣютъ о дѣлѣ одинаковое *представленіе* и т. д. Самыя *отвлеченныя* »понятія«, какъ доблесть, зло, справедливость, мы такъ или иначе »представляемъ«, — представляемъ или въ видѣ какого-нибудь реальнаго *дѣйствія*, въ которомъ *обнаруживается* доблесть, зло, справедливость, или въ видѣ какого-нибудь »лица«, путемъ персонификаціи. Да и куда - - говоритъ Boeckh въ одномъ мѣстѣ своей энциклопедіи — дѣвалась бы вся *художественная* сторона нашего бытія, всей нашей сущности, если бы мы не «представляли«, а только »понимали«. Въ виду всего этого мы не ошибемся, если настоимъ на *прежнемъ* опредѣленіи »связной мысли«, что она есть рядъ *именно* «представленій« въ такомъ или иномъ ихъ отношеніи, а *рѣчь*, служа главнымъ орудіемъ взаимнаго *общенія* и взаимнаго *пониманія* людей, и предполагая, въ виду этой цѣли, говорящаго и слушателя, опредѣляется у говорящаго какъ *отраженіе* его представленій въ такомъ или иномъ ихъ

отношеніи, тогда какъ у слушателя она должна *будить и вызывать* въ его воображеніи параллельный рядъ *тѣхъ же* представленій и *тѣхъ же* отношеній, какія говорящій имѣлъ въ виду при произношеніи этого внѣшняго символа мысли.*)

Изложенное разсужденіе ведетъ къ *двумъ* замѣчаніямъ. Вопервыхъ, спрашивается, каковы »отношенія«, въ которыя входятъ въ связной мысли отдѣльныя представленія? Въ общемъ можно различать *чисто сенсуальныя* отношенія, а затѣмъ, опираясь на указаніе Paul'я, сообщенное на стр. 23, отношенія, если не *формально-логическія*, то и не *психо*логическія, а скорѣе психо-*логическія*. Предлогъ »*къ*« обозначаетъ *направленіе куда*, а существительное »*городу*«, въ выраженіи *къ городу*, обозначаетъ *цѣль* этого направленія. Такое »отношеніе« двухъ »представленій«, чисто *пространственное*, можетъ быть »представлено« *непосредственно* и есть чисто сенсуальное. Но какъ представить *непосредственно* причину, выраженную напр. во *φράσις*'ѣ *вслѣдствіе болѣзни*? Это невозможно, а между тѣмъ причина играетъ такую важную роль въ мысли: она *должна* ее играть, разъ для нея существуетъ особое слово, *именно* слово »причина«. Ее можно представить *только* черезъ »перенесеніе«, и въ такомъ случаѣ она »представляется« какъ *исхожденіе* чего нибудь *одного* изъ чего нибудь другого. Подобныя »отношенія« мы назовемъ »психо-*логическими*«. Нечего распространяться о томъ, что »отношенія», тоже въ концѣ концовъ »представляемыя«, суть, собственно, хотя мы ихъ *противопоставили* и *будемъ* противопоставлять изъ практическихъ видовъ »представленіямъ«, —

---

*) Paul, Princip. 99: Alle Sprachthätigkeit besteht in der Bildung von Sätzen (какъ мы смотримъ на слово *Satz* — мы выяснили выше); der Satz (мы говоримъ »рѣчь«) ist der sprachliche Ausdruck, das Symbol dafür, dass sich die Verbindung mehrerer Vorstellungen oder Vorstellungsgruppen (не говоритъ ли Paul о Vorstellungsgruppen въ виду того, на что и мы указывали, разсуждая о треугольникѣ какъ формально-логическомъ понятіи? или у него Vorstellungsgruppen — низшая степень тѣхъ же Verbindungen von Vorstellungen?) in der Seele des Sprechenden vollzogen hat, und das Mittel dazu, die nämliche Verbindung der nämlichen Vorstellungen in der Seele des Hörenden zu erzeugen. Jede engere Definition des Begriffes Satz muss als unzugänglich zurückgewiesen werden.

суть, повторяю, собственно лишь *особый видъ* «представленій».

Второе наше замѣчаніе относится къ слову *символъ*, употребленному нами въ опредѣленіи »рѣчи«. Въ виду всего того, что мы слышали о внутренней формѣ языка и о »грамматическомъ мышленіи«, можно, пожалуй, утверждать, что рѣчь и мысль — одно и то же. Древніе Греки, какъ извѣстно, создали тутъ не *два* слова, а *одно*, именно *λόγος*, обозначающее и *рѣчь*, и *мысль*, а Платонъ говоритъ: Мышленіе, это — рѣчь, которую душа ведетъ сама съ собою о явленіяхъ, ею разсматриваемыхъ. Такъ я сказалъ бы, не какъ *вполнѣ* увѣренный въ этомъ, но мнѣ представляется, что душа, когда она мыслитъ, просто разговариваетъ съ собою, ставя себѣ вопросы и давая на нихъ отвѣты, то положительные, то отрицательные; а когда она, послѣ болѣе или менѣе быстраго обозрѣнія вопроса, остановилась на чемъ нибудь, пришла въ согласіе съ собою и больше не колеблется, то это уже есть ея *готовая* мысль. Такимъ образомъ, *имѣть* готовую мысль есть какъ-бы *объявлять*, а *сама* готовая мысль, это какъ бы *объявленіе*, только объявленіе не другому и не въ слухъ, а объявленіе безъ звуковъ и самому себѣ: *τὸ δὲ διανοεῖσθαι λόγον καλῶ, ὃν αὐτὴ πρὸς αὑτὴν ἡ ψυχὴ διεξέρχεται περὶ ὧν ἂν σκοπῇ, ὥς γε μὴ εἰδὼς ἀποφαίνομαι· τοῦτο γάρ μοι ἰνδάλλεται διανοουμένη, οὐκ ἄλλο τι ἢ διαλέγεσθαι, αὐτὴ ἑαυτὴν ἐρωτῶσα καὶ ἀποκρινομένη, καὶ φάσκουσα καὶ οὐ φάσκουσα, ὅταν δὲ ὁρίσασα, εἴτε βραδύτερον εἴτε καὶ ὀξύτερον ἐπαΐξασα, τὸ αὐτὸ ἤδη φῇ καὶ μὴ διστάζῃ, δόξαν ταύτην τίθεμεν αὐτῆς· ὥστ᾽ ἔγωγε τὸ δοξάζειν λέγειν καλῶ καὶ τὴν δόξαν λόγον εἰρημένον, οὐ μέντοι πρὸς ἄλλον οὐδὲ φωνῇ ἀλλα σιγῇ πρὸς αὑτόν* (Pl. Theät. 189 e).

Чтобы всетаки *отличить* рѣчь отъ мысли (русскій и другіе языки выработали тутъ *два* слова, а ниже мы это отличіе *установимъ*, — установимъ именно съ *симасіологической* точки зрѣнія), скажемъ, во измѣненіе прежняго опредѣленія и во вниманіе особенно къ *первой* изъ предыдущихъ замѣтокъ, что рѣчь есть *выраженіе* (словомъ *выраженіе* мы отличаемъ *рѣчь* отъ мысли), — есть выраженіе ряда

представленій, въ такомъ или иномъ ихъ отношеніи, или чисто сенсуальномъ, или психо-логическомъ. Чѣмъ же тогда является слово, какъ *часть* рѣчи? Слово, какъ *часть* рѣчи, должно быть въ такомъ случаѣ выраженіе *одного* какого нибудь представленія, а можетъ быть и одной *группы* представленій, какъ ужъ ни придется толковать Vorstellungsgruppe, о которой упоминаетъ Paul (смотри на стр. 76 подстрочную замѣтку), или *одного* какого нибудь »отношенія« (чисто сенсуальнаго, или психо-логическаго), а можетъ быть и того и другого, т. е. и «представленія«, и »отношенія« *вмѣстѣ*. Эту то двоякую сторону *значенія* частей рѣчи, т. е. »представленіе« и »отношеніе«, мы должны будемъ имѣть въ виду при разборѣ частей рѣчи, разъ мы хотимъ представить *симасіологію* частей рѣчи. Не будемъ, конечно, въ симасіологическомъ изслѣдованіи частей рѣчи, т. е. при объясненіи *значенія* частей рѣчи, — не будемъ, я говорю, избѣгать и *общесинтаксическихъ* терминовъ въ родѣ: такое то слово, какъ часть рѣчи, *зависитъ* отъ другого; такое то слово, какъ часть рѣчи, *пополняется* такимъ-то и т. п. Ибо, разъ слово составляетъ только *часть* цѣлаго, то потому оно и *чувствуется* частью, что »пополняется» другою частью, составляя вмѣстѣ съ нею цѣлое, и что оно »виситъ« на другой части, точно звено цѣпи, представляющей въ данномъ случаѣ *именно* это цѣлое.

Нельзя утверждать, — это да будетъ сказано во установленіе различія между рѣчью и мыслью съ *симасіологической* точки зрѣнія, — что каждое »представленіе« и каждое »отношеніе« находитъ себѣ въ языкѣ соотвѣтствующее выраженіе, или, если и находитъ, то *должно* быть непремѣнно выражено. Мы не говоримъ здѣсь о тѣхъ эллипсисахъ, о которыхъ разсуждали на стр. 54. Что касается »представленій«, то область ихъ является чѣмъ то до безконечности растущимъ, согласно расширенію нашего, ничѣмъ не остановимаго и ничѣмъ непредупредимаго опыта и согласно развитію нашей фантазіи. Область »представленій« есть нѣчто чрезвычайно живое и текучее, въ чемъ одно другимъ быстро смѣняется, — нѣчто безпредѣльно разно-

образное, тогда какъ слово и вообще выраженіе представляетъ собою что-то довольно косное, вырабатываемое *медленно* и, какъ дорого стоющій намъ продуктъ,*) бережно укладываемое въ запасъ на случай, если бы оно опять понадобилось. Очень часто случается, что для представленія, совершенно для насъ новаго, для представленія, съ которымъ мы прежде не встрѣчались, мы не находимъ даже *приблизительнаго* выраженія въ нашемъ запасѣ и должны разлагать его на части, чтобы хоть эти *части* какъ нибудь выразить, пока наконецъ кто нибудь не *придумаетъ* для новаго представленія новое »выраженіе«, или не »измѣнитъ« **) какъ нибудь стараго выраженія.

Вообще нужно предполагать, *не говоря* уже о языкѣ »кристаллизировавшемся«, что языкъ *бѣднѣе* мысли.***)

*) Это, какъ будто, противорѣчитъ Гумбольдтовскому пониманію языка, какъ *ἐνεργείας* души. Мы здѣсь, конечно, имѣемъ въ виду тотъ *кристаллизировавшійся* уже въ извѣстныя формы и вполнѣ *развитой* языкъ, который *прежде всего* подлежитъ нашему разбору, — тотъ языкъ, который Max Müller противопоставляетъ другимъ, находящимся въ первобытномъ состояніи (im Urzustande) и *дѣйствительно* подвергающимся постояннымъ измѣненіямъ языкамъ, — тотъ языкъ, о которомъ тотъ же Max Müller говоритъ: Die Sprachen hochgebildeter Nationen nähern sich im Gegentheil mehr und mehr einem gewissen Stillstand und scheinen bisweilen ihre Fähigkeit der Umbildung fast gänzlich zu verlieren (Vorles. I. 33). Ihnen hat die Literatur Gebiss und Zaum angelegt (Vorles. I. 52).

**) Bréal (Mél. 304). Nous possédons, il est vrai, des langues artificielles où la seule terminaison du mot indique la place que l'objet désigné occupe dans la classification scientifique: la nomenclature chimique est une sorte de catalogue parlé où tout changement dans la composition d'un corps entraîne un remaniement dans son nom. Mais il faut considérer que parmi la quantité infinie de rapports que peuvent avoir entre eux les objets du monde extérieur la langue de la chimie choisit seulement un petit nombre et néglige de donner une expression aux autres: c'est un idiome qui n'arrive à la précision que par la plus stricte spécialité. Au contraire, le langage *ordinaire* (противополагается языку *искусственному, дѣланному, условному*), qui doit suffire à l'universalité de nos connaissances, se dispense avec raison de cette rigueur scientifique et, sans viser à un ordre impossible, il fait entrer les idées nouvelles dans les cadres élastiques qu'il tient des âges précédents.

***) Max Müller, въ оптимистическомъ настроеніи, выражается объ этой бѣдности такъ: Dennoch ist die Sprache für ihren Gatten, den menschlichen Geist, eine sehr brave Hausfrau gewesen; mit Wenigem hat sie treu geschaltet und viel geleistet. Aus einem kleinen Vorrath materieller Wurzeln hat sie den zahllosen Sprösslingen des menschlichen Geistes wohl anständige Kleidung geliefert und keine Idee, keine Empfindung unversorgt gelassen, die wenigen etwa ausgenommen, welche, wie uns einige Dichter versichern, unaussprechlich sind (Vorles. II. 333).

Крайне затруднительно напр. было бы опредѣлить, когда люди, *именно* въ виду бѣдности языка, освоились съ привычкою прибѣгать къ метониміямъ, синекдохамъ и вообще къ »тропамъ«,*) т. е. къ перенесенію словъ отъ одного представленія на другое, такъ или иначе связанное съ первымъ по содержанію. А такъ называемые термины техническіе (мы теперь не говоримъ о научной номенклатурѣ и о химическомъ языкѣ, о которомъ упоминалъ Bréal), развѣ не представляютъ и они въ цѣломъ рядѣ случаевъ перенесеніе слова отъ одного представленія на другое? — пере-

*) Что касается въ частности метафоры, то мы ее исключаемъ изъ теперешняго разсужденія въ тѣхъ случаяхъ, когда къ ней прибѣгаютъ для обозначенія предметовъ *духовнаго* міра. Духовный міръ, конечно, служитъ такимъ же богатымъ источникомъ »представленій«, какъ и внѣшній, и слова, относящіяся къ представленіямъ нашего *духовнаго* міра, суть метафоры представленій о *внѣшнемъ* мірѣ. Говорятъ о *мрачномъ* настроеніи человѣка, о *железномъ* характерѣ и т. д. Да и самое слово *міръ* (духовный) не есть ли метафора слова *міръ* (внѣшній)? — не является ли метафорою само слово *духъ* (дунуть), и не сталъ ли человѣкъ прибѣгать къ метафорѣ съ той поры, когда *сознавъ* въ себѣ духъ, другими словами, — когда *сознавъ* себя человѣкомъ? О латинскомъ словѣ *spiritus* говоритъ Max Müller (Vorles. II. 332) такъ: Spiritus bedeutete im Lateinischen ursprünglich Hauch, wehende Luft. Als man aber das Lebensprincip im Menschen und im Thiere benennen wollte, so wurde dessen äusseres Merkmal, nämlich der Athem des Mundes, naturgemäss gewählt, um es damit auszudrücken... Wenn man dann wieder wahrnahm, dass noch etwas anderes, nicht das blosse animalische Leben, sondern das, was durch dieses animalische Leben erhalten wurde, zu benennen war, so wurde dasselbe Wort gewählt, um das *geistige* Element im Menschen in seinem Gegensatze zu dem rein materiellen oder animalischen auszudrücken. Какъ сказано, мы *исключаемъ* метафоры духовнаго міра изъ разсужденія о бѣдности языка и приписываемъ появленіе ихъ при обозначеніи предметовъ *этого* міра тому *общему* положенію языка, по которому послѣдній есть выраженіе »представленій« и по которому и *духовный* міръ нужно такъ или иначе »представлять«, — по которому, стало быть, не *слова*, а сами *явленія* духовнаго міра »переносятся« на чужія имъ »представленія«. Какъ самъ языкъ есть нѣчто *вполнѣ* чувственное т. е. *матеріальное* (*звуковое*), такъ и выражаемая имъ мысль не сходитъ здѣсь съ почвы, такъ сказать, *чувственной* т. е. съ почвы »представленій«: Alle Elemente der äusseren Sprache sind materiell, sind lautliche Zeichen für Sinnesausdrücke und *nur* für solche, selbst die abstractesten und erhabensten, und darum indossirt die vergleichende Philologie die Schlüsse, zu denen Locke gelangt ist, — т. е. что названія предметовъ *духовнаго* міра суть метафоры *внѣшняго* міра, — vollständig) (Müller, Vorles. II. 320). Благодаря этому обстоятельству, т. е. тому, что сама мысль не сходитъ съ почвы »представленій«, или, говоря точнѣе, благодаря тому, что сама мысль способна *перейти* во всевозможныхъ случаяхъ на почву »представленій«, больше всего и *сближается* внутренній языкъ съ внѣшнимъ.

несеніе нѣсколько *иного* рода, чѣмъ какъ оно совершается черезъ тропы.*) Подъ словомъ στρατηγός грекъ разумѣлъ вообще *вождя войска*, т. е. нѣчто, данное уже самимъ составомъ слова, а потомъ, когда по требованію административныхъ формъ въ Аѳинахъ возникли *извѣстныя* должностныя лица съ *извѣстнымъ* положеніемъ въ обществѣ и въ администраціи, съ извѣстнымъ отношеніемъ къ военному дѣлу, то и ихъ называли *общимъ* словомъ στρατηγοί.**)

Нечего долго останавливаться на томъ, что и »отношенія,« сенсуальныя ли, или психо-логическія, не только *стѣснены* внѣшнимъ языкомъ, — стѣснены въ томъ смыслѣ, что одно и то же »выраженіе« служитъ обозначеніемъ *нѣсколькихъ* отношеній***), но иногда не получаютъ даже *совсѣмъ* никакого выраженія. *Veni*, *vidi*, *vici* суть три дѣйствія, слѣдующія *одно за другимъ*. Какое »выраженіе«, въ видѣ *слова* или *части* слова, получило это »временнóе« отношеніе« указанныхъ дѣйствій? Никакого; одинъ *порядокъ*

---

*) А тотъ »психическій механизмъ«, о которомъ мы слышали отъ Штейнталя (см. выше стр. 32), не зиждется ли и онъ на перенесеніи слова отъ одного представленія къ другому, и не проявляетъ ли онъ и въ *развитыхъ* языкахъ свою силу въ томъ смыслѣ, что въ нихъ *значенія* словъ *мѣняются*; т. е. *одно* представленіе замѣняется другимъ?

**) Не наталкиваемся ли мы въ этомъ разсужденіи о бѣдности языка на возраженіе со стороны того обстоятельства, что, вѣдь, очень часто одинъ и тотъ же предметъ имѣетъ нѣсколько названій (сравни *θάλασσα*, *πέλαγος*, *πόντος*)? Нѣтъ. Существованіе синонимовъ въ языкѣ не свидѣтельствуетъ о *богатствѣ* языка. Оно свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что при воспріятіяхъ предмета въ немъ было усмотрѣно нѣсколько сторонъ, вслѣдствіе чего о немъ создано нѣсколько *идей*, — идеи въ томъ смыслѣ, въ какомъ о нихъ толкуетъ Max Müller въ приведенномъ нами на стр 30. Если языкъ служитъ не средствомъ для названія *предметовъ*, а выраженіемъ »идей«, т. е. представленій, то, конечно, при всей его бѣдности можетъ случиться, что одинъ и тотъ же предметъ, одно и то же явленіе, вызывая въ людяхъ *разныя* представленія, — въ однихъ тѣ, въ другихъ иныя, — можетъ вдругъ получить въ языкѣ *нѣсколько* »обозначеній«. При этомъ »представленія«, выраженныя *первоначально* въ этихъ »обозначеніяхъ«, могутъ, при содѣйствіи »психическаго механизма«, исчезнуть изъ нашего сознанія, и языкъ, благодаря этому, дѣлается изъ бѣднаго богатымъ (сюда относится замѣтка Шлейхера, сообщенная на стр. 66).

***) Кто не знаетъ, напр., что мѣстныя, временныя и причинныя »отношенія« сплошь да рядомъ приходится выражать однимъ и тѣмъ же средствомъ? (сравни выше стр. 76).

слѣдованія »глаголовъ даетъ намъ почувствовать временнóе отношеніе обозначенныхъ этими глаголами дѣйствій. »*Я не успѣю этого сдѣлать; я теперь боленъ*« суть два заявленія, и вторымъ изъ нихъ *обосновывается* первое. Какое выраженіе, въ видѣ *слова* или *части* слова, получило это »причинное отношеніе« двухъ заявленій! Никакого, развѣ что *тонъ***), т. е. болѣе громкое произнесеніе перваго — и болѣе слабое втораго заявленія даетъ намъ понять, что первое заявленіе содержитъ въ себѣ нѣчто *главное*, а второе — лишь *объясненіе* этого главнаго. Какъ извѣстно, разныя »отношенія« обыкновенно выражаются, *если* вообще выражаются, не *цѣлыми* словами, а лишь *частями* ихъ, т. е. окончаніями, а то и *пред*ставками (удвоеніями, »приращеніями« и т. п.) Какъ это вышло, что языки, при всей своей бѣдности, со степенью своего развитія еще иногда *сокращаютъ* численность *одной* группы средствъ, служащихъ для выраженія »отношеній,« — сокращаютъ именно численность *окончаній*, — это выяснится въ самомъ нашемъ изслѣдованіи.

Кстати, ad vocem *окончаніе*. Хотя слово и составляетъ *низшую* единицу въ осмысленной рѣчи, тѣмъ не менѣе симасіологъ, разбирающій слова какъ *части* рѣчи, притомъ разбирающій ихъ въ *флектирующемъ* языкѣ, каковъ греческій, не долженъ игнорировать составныхъ частей самихъ словъ. Въ самомъ дѣлѣ**): или ἀνθρώπῳ и ἄνθρωπον суть два *разныхъ* слова, а тогда группировка словъ въ *разряды*, группировка ихъ, какъ *частей рѣчи*, по ихъ »при-

*) *Вообще* языкъ долженъ прибѣгать для достиженія ясности, (иногда онъ это дѣлаетъ и въ цѣляхъ большей живости, — къ *многимъ* средствамъ *помимо* словъ и »ихъ частей«, — къ разстановкѣ словъ, интонаціи, мимикѣ, жесту, — къ средствамъ, иногда совершенно для языка постороннимъ (изъ *перечисленныхъ* здѣсь средствъ только *разстановка* словъ и *интонація* имѣютъ непосредственное отношеніе къ языку; ср. выше стр. 65). „Und neben dem *Tone* her geht die beredte Sprache des *Auges*, der *Mine* und des *Gestus*, der Gefühlsausdruck ist ja nur die weitere Fortsetzung der Reflexe, welche den Sprachton nüancieren, und oft auch die Bewegung von Arm und Hand“. (Wegener, Untersuch. 17.)

**) Намъ скажутъ, что мы »повторяемся«. Нѣтъ; мы дѣйствительно разсуждаемъ о томъ же, о чемъ разсуждали уже нѣсколько разъ, но немного съ *другой* точки зрѣнія.

способленности прилаживаться къ другимъ, словамъ для составленія вмѣстѣ съ ними одного цѣлаго«, будетъ крайне затруднена, или это — *одно* слово, а тогда *отдѣляется* въ этомъ *одномъ* словѣ *постоянная* его часть отъ части *измѣняющейся*. Съ другой стороны нельзя не замѣтить, что напр. слова *φίλῳ* и *ἀνθρώπῳ*, или слова *καλῶς* и *σαφῶς*, при разнородности своихъ *постоянныхъ* частей, представляютъ однородное въ *измѣняющихся* частяхъ. Нетрудно догадаться послѣ всего, доселѣ выясненнаго, что однородное въ *измѣняющихся* частяхъ будетъ служить *намъ* мѣркою при группировкѣ словъ на разряды, тогда какъ отыскивать однородное въ *постоянныхъ* частяхъ словъ мы предоставимъ тому симасіологу, съ которымъ мы знакомились выше на стр. 68. У *этого* симасіолога будетъ заключаться »однородное« въ *вещественномъ содержаніи* выражаемыхъ »постоянною« частью словъ »представленій«, насъ же »постоянныя« части словъ« будутъ интересовать лишь со стороны того *способа передачи* »представленій, о которомъ толкуетъ Потебня (см. выше стр. 45). Только лишь въ *общихъ* чертахъ коснемся мы *чужаго* для насъ, какъ сейчасъ выяснилось, дѣла, — коснемся его настолько, насколько на немъ отражается наше собственное изслѣдованіе. Какъ бы ни толковали эти другіе симасіологи о всякихъ измѣненіяхъ значеній въ »постоянныхъ« частяхъ словъ, въ общемъ такія измѣненія движутся въ предѣлахъ слѣдующихъ трехъ оттѣнковъ:

1. Поэтическаго. Употребляя выраженіе *поэтическій*, мы имѣемъ въ виду не *ходячій* смыслъ этого выраженія; поэтическою стороною своего значенія слово, т. е. его »постоянная« часть, вызываетъ въ слушателѣ то *полное* представленіе, для котораго оно первоначально было *создано* (*ἐποιήθη*),*) не исключая въ данномъ случаѣ и »тро-

*) Эти слова нужно понимать cum grano salis. Wegener (Untersuch. 47) совершенно правъ, когда говоритъ: Das Wort *Löwe* hat allem Anschein nach nur *eine* Bedeutung. Die Bedeutung dieses, wie aller Wörter, ist die Summe *aller Vorstellungen*, welche mit ihrer Lautreihe, hier *Löwe*, verbunden werden. — Doch bei und von wem verbunden werden? — Hat wirklich der Zoologe und das Kind, dem man ein Bild des Thieres gezeigt hat, dieselben Vorstellungen

повъ«.*) Такимъ образомъ, и въ нашемъ терминѣ »*поэтическій*« заключается *поэтическій* оттѣнокъ значенія словъ.

2. Историческаго. Въ эту сторону повернуло слово, когда имъ, какъ готовымъ, воспользовались для выраженія какого-нибудь представленія о какомъ нибудь *культурномъ* явленіи, болѣе сложномъ по *формѣ*, чѣмъ было *общее* первоначальное явленіе, охватываемое словомъ въ его *поэтическомъ* значеніи. Иногда одна культурная форма смѣняется другою, и слово получаетъ такимъ образомъ *нѣсколько* историческихъ значеній. Сколько *историческихъ* значеній должно было послѣдовательно принять на себя, напр., слово *провинція*, начиная съ первой римской провинціи и кончая нашею провинціею-не столицею! Слѣдуетъ также замѣтить, что въ *исторической* сторонѣ симасіологіи словъ та же метонимія и та же синекдоха сыграли весьма важную роль; читатель тутъ припомнитъ постоянно приводимые примѣры о »перѣ« и »чернилахъ«.

3. Фразеологическаго. Хотя этого оттѣнка изъ нашихъ разсужденій пока не видать, но мы упоминаемъ о немъ потому, что, вопервыхъ, не хотѣлось бы оставлять начатое неоконченнымъ, а вовторыхъ, мы и въ нашей симасіологіи будемъ съ нимъ имѣть постоянно дѣло. Терминомъ *фразеологическій* мы хотимъ указать на слѣдующее. Слово, встрѣчаясь постоянно только въ *извѣстномъ* сочетаніи, въ *извѣст*-

mit diesem Worte associiert? Hat der Africareisende, welcher mehr als einmal mit dem Löwen in Berührung gekommen ist, oder der Thierbändiger nicht andere Vorstellungen bei diesem Namen, als der stille Leser des Reineke Fuchs?.. So *unterscheidet* sich der *Inhalt der Worte* 1. nach dem Gesichtspunkte der *Vollständigkeit* der associierten Vorstellungen; 2. nach dem der Ordnung der *wirklich* associierten Vorstellungen; 3. nach der Art und *Stärke* der *Gefühle*, welche die Erinnerung unter den associierten Vorstellungen aufgespeichert hat. Man darf die beiden ersten Gesichtspunkte zusammenfassend die Gesichtspunkte der Erkenntniss nennen, der dritte ist ethisch und ästhetisch

*) Какъ широко могутъ здѣсь дѣйствовать »тропы«, видно изъ таблицы Tobler'a, надлежаще оцѣненной Bruchmann'омъ (Psych. Stud. 308). Тоблеръ совершенно основательно называетъ »измѣненія значеній« по »тропамъ« *immanente* (*очень* выразительный и соотвѣтствующій нашему пониманію дѣла терминъ) d. h. so, dass die Veränderung aus einer der Sprache *selbst* innewohnenden, der *natürlichen* Ordnung der Dinge entsprechenden *Anlage zur Entwickelung* zu begreifen ist.

номъ »*φράσις*'ѣ«, и составляя въ этомъ *φράσις*'ѣ вмѣстѣ съ другими его членами одно осмысленное цѣлое, — одно какъ-бы слово, — до того уже приспособилось къ этому цѣлому, что, чувствуясь непремѣнною его частью и какъ-бы частью »слова«, *ослабило* въ своихъ поэтическомъ или историческомъ значеніяхъ все то, что въ нихъ, этихъ значеніяхъ, для *даннаго* цѣлаго не важно. Такъ, »неволя« есть нѣчто одно, а »по неволѣ подумаешь« — нѣчто совершенно другое.*)

Еще одно. Будемъ ли мы *вездѣ* разлагать слова на »постоянную« и »измѣняющуюся« части, откладывая первую часть въ сторону, для *другихъ* симасіологовъ, или же будемъ имѣть иногда дѣло съ *полными* словами? Конечно, послѣднее. Вопервыхъ, словъ *οὐ*, *μή*, *ἤ* и т. п. нельзя даже *разложить* на »части«, и кромѣ того, хотя въ сдовѣ, напр., *ἀμφί* и можно усмотрѣть и «постоянную«, и »измѣняющуюся« часть, однако это слово *весьмъ* своимъ составомъ выражаетъ то »отношеніе«, которое мы выше, опредѣляя рѣчь, противопоставили »представленію«, а потому оно во всемъ своемъ составѣ и *должно* войти въ *наше* разсужденіе.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы приступаемъ къ непосредственному рѣшенію нашей задачи, помня

---

*) Это — одно изъ явленій той Isolierung, которая захватываетъ въ языкѣ столь широкій районъ, и которую такъ прекрасно разъяснилъ Paul (Princip 152—178). Мы не можемъ излагать здѣсь *всего* содержанія означеннаго отрывка у Paul'я, а сообщимъ только то, что относится непосредственно къ нашему мѣсту : Auf syntaktischem Gebiete (*syntaktisch* понимаетъ здѣсь Paul въ смыслѣ *общемъ*, въ смыслѣ сочетанія отдѣльныхъ »словъ« въ одно осмысленное цѣлое) haben wir hier zunächst die *Isolierung* der verschiedenen *Bedeutungen* eines syntaktischen Verhältnisses gegen einander. Es werden die syntaktischen Proportionengruppen nicht gestört (подъ *Proportionengruppen* Paul разумѣетъ совершенно *одинаковое* отношеніе »элементовъ«, т. е. *значеній* словъ, въ двухъ *разныхъ* »синтаксическихъ« сочетаніяхъ, если сами *элементы* въ этихъ *разныхъ* сочетаніяхъ *однородны*), so lange jede einzelne Fnnction des Verhältnisses *lebendig* bleibt. Aber jede *Erstarrung* durch *gewohnheitsmässige* Verbindung mit einem *bestimmten* Worte ist eine *Loslösung* aus dem *allgemeinen* Proportionenverbande (Princip. 154)... Vieles ist jetzt auf die Verbindung mit *bestimmten* Wörtern beschränkt, während früher vielfach noch eine *freiere* Gebrauchsweise herrschte: *zu Grunde gehen, zu rande sein mit etwas* etc. (Princip. 156.) Princip. 157 Paul *прямо* сводитъ такія явленія »изоляціи« къ степени der „uneigentlichen" *Compositionen*.

о великихъ словахъ Платона, обращенныхъ его Сократомъ къ Протарху: Какъ истинно божескій даръ, — такъ представляется мнѣ, — попало это умѣнье къ людямъ откуда то отъ боговъ, и очень ярокъ былъ огонь того Промиѳея, который тутъ дѣйствовалъ. И вотъ давность, которая была выше насъ и ближе къ богамъ, передала намъ его въ видѣ слѣдующаго откровенія. То ли, другое ли, словомъ все, о чемъ мы говоримъ, какъ о существующемъ, всегда представляетъ собою нѣчто единое и вмѣстѣ съ тѣмъ многое. Будучи многимъ, оно носитъ въ себѣ одновременно и предѣльность, и безпредѣльность. А потому, разъ міръ такъ устроенъ, нужно намъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ полагать и искать во всемъ всегда одну идею; ее мы найдемъ непремѣнно. А разъ мы ее схватили, то дальше, т. е. внутри ея самой, слѣдуетъ искать низшія двѣ, если такъ можно дѣлить, а то и три идеи или, быть можетъ, еще больше; затѣмъ каждую изъ этихъ идей, опять - нѣчто единое, - дѣлить такимъ же порядкомъ, пока наконецъ то, что было для насъ съ самаго начала единымъ, не выяснится не какъ единое и вмѣстѣ съ тѣмъ многое и безпредѣльное, а какъ нѣчто, распадающееся на опредѣленное число частей. Мысли же о безпредѣльномъ не слѣдуетъ допускать по отношенію къ этому многому до тѣхъ поръ, пока не произведемъ всего дѣленія, находящагося посреди между единымъ и безпредѣльнымъ; только тогда каждую единичную часть, вышедшую изъ дѣленія, можно пустить и въ безпредѣльное. Вотъ какъ изслѣдовать, познавать и приводить къ познанію другъ друга завѣщали намъ боги. *Θεῶν μὲν εἰς ἀνθρώπους, ὥς γε καταφαίνεται ἐμοί, ποθὲν ἐκ θεῶν ἐρρίφη διά τινος Προμηθέως ἅμα φανοτάτῳ τινὶ πυρί. Καὶ οἱ μὲν παλαιοί, κρείττονες ἡμῶν καὶ ἐγγυτέρω θεῶν οἰκοῦντες, ταύτην φήμην παρέδοσαν, ὡς ἐξ ἑνὸς μὲν καὶ πολλῶν ὄντων τῶν ἀεὶ λεγομένων εἶναι, πέρας δὲ καὶ ἀπειρίαν ἐν αὑτοῖς ξύμφυτον ἐχόντων· δεῖν οὖν ἡμᾶς τούτων οὕτω διακεκοσμημένων ἀεὶ μίαν ἰδέαν περὶ παντὸς ἑκαστότε θεμένους ζητεῖν, εὑρήσειν γὰρ ἐνοῦσαν· ἐὰν οὖν μεταλάβωμεν, μετὰ μίαν δύο εἴ πως εἰσὶ σκοπεῖν, εἰ δὲ μή, τρεῖς ἤ τινα ἄλλον ἀριθμόν, καὶ τῶν ἓν ἐκείνων*

ἕκαστον πάλιν ὡςαύτως, μέχρι περ ἂν τὸ κατ᾽ἀρχὰς ἓν μὴ ὅτι καὶ πολλὰ καὶ ἄπειρά ἐστι μόνον ἴδῃ τις, ἀλλὰ καὶ ὁπόσα· τὴν δὲ τοῦ ἀπείρου ἰδέαν πρὸς τὸ πλῆθος μὴ προσφέρειν, πρὶν ἄν τις τὸν ἀριθμὸν αὐτοῦ πάντα κατίδῃ τὸν μεταξὺ τοῦ ἀπείρου καὶ τοῦ ἑνός· τότε δ᾽ ἤδη τὸ ἓν ἕκαστον τῶν πάντων εἰς τὸ ἄπειρον μεθέντα χαίρειν ἐᾶν· οἱ μὲν οὖν θεοί, ὅπερ εἶπον, οὕτως ἡμῖν παρέδοσαν σκοπεῖν καὶ μανθάνειν καὶ διδάσκειν ἀλλήλους (Plat. Phileb. 16 c—e).

Конечно, мы не думаемъ изумлять міръ какими-нибудь новыми открытіями, и указаніе Платона не мы первые примѣняемъ къ дѣлу. Его примѣняли къ дѣлу цѣлые вѣка, и самое дѣло разрослось въ крѣпкую въ своихъ основахъ науку. Мы хотѣли бы только эту науку очистить кое гдѣ отъ наросшихъ на ней искусственныхъ наслоеній, насколько у насъ хватитъ силъ.

Въ заключеніе предупреждаемъ, что такъ называемыя междометія *исключаются* изъ нашего разсужденія. Тѣ гласные, которые слышны, когда мы плачемъ, стонемъ, смѣемся, хохочемъ; тѣ гласные и согласные чисто лирическаго характера, которые у насъ невольно вырываются, когда мы восхищаемся чѣмъ-нибудь или чувствуемъ отвращеніе при видѣ чего нибудь, когда мы довольны или сердимся; тѣ гласные и согласные, на которые мы переводимъ звуки, издаваемые животными и, при паденіи или какомъ нибудь другомъ движеніи, предметами, — всѣ эти гласные и согласные *не суть* »части рѣчи«. Въ лучшемъ случаѣ они, какъ выяснилось, представляютъ собою каждая въ отдѣльности *цѣлую* рѣчь, притомъ цѣлую рѣчь на той *первой* ступени проявленія внутренней формы языка, съ которою въ предстоящемъ изслѣдованіи мы не будемъ имѣть дѣла: Die Sprache fängt da an, wo die Interjectionen aufhören (Max Müller, Vorles. I. 323).

II.

Глаголъ въ смыслѣ verbi finiti.

Во всемъ *ἄπειρον*, во всей массѣ словъ, въ которыхъ мы усмотрѣли *ἕν* уже тѣмъ, что назвали ихъ, въ ознаменованіе заключающейся въ этомъ *ἕν* »идеи«, *частями рѣчи*, рѣзко выдѣляется одна — *низшая* сравнительно съ только что упомянутою — *ἰδέα*, въ силу которой уже древними названа *часть* этого *ἄπειρον* — *ῥήματα*. У насъ употребителенъ *приблизительно* въ смыслѣ *τῶν* »*ῥημάτων*« терминъ »*глаголъ*«. Древніе, отдѣляя *ὄνομα ῥήματος* (наше »неопредѣленное наклоненіе«) и *μετοχήν* (наше »причастіе« и »дѣепричастіе«) отъ собственнаго *ῥῆμα**), въ теоріи о частяхъ рѣчи шагнули чрезвычайно удачно. Съ одной стороны, они схватили самую *ἰδέαν*, выраженную терминомъ »*ῥῆμα*«, весьма *ясно* и *опредѣленно*, а съ другой — открыли этимъ

---

*) *Μετοχὴ* выдѣлена древними какъ *особая* часть рѣчи совершенно *твердо*. Къ сожалѣнію, нельзя говорить о »твердости« въ ихъ разсужденіяхъ о »неопредѣленномъ наклоненіи« (*τὰ ἀπαρέμφατα ἀμφιβάλλεται εἰ ἄρα εἰσὶ ῥήματα ἢ οὐχί* — B. A. III. 1274). (Съ *надлежащимъ* пониманіемъ дѣла высказывается объ этомъ вопросѣ Apoll. Dysc. de constr. I. 30: *καὶ ἕνεκα τοῦ τοιούτου οὐ συγκαταθείμην ἂν Τρύφωνι ἀποφαινομένῳ ἐν τῷ περὶ ἄρθρων, ὡς τὰ ἀπαρέμφατα ῥήματα πῇ μὲν ὀνόματά ἐστι τῶν ῥημάτων, ὅτε καὶ ὡς ὀνόματα ἄρθρα προσλαμβάνει,.... χωρὶς μέντοι ἄρθρου λεγόμενα ῥήματα ἂν εἴη.... Πρόκειται οὖν ὁ λόγος φυσικώτατος, ὃς οὐ παρὰ τὰς ἐλλείψεις τῶν ἄρθρων ἢ παραθέσεις ἐξελέγξει τὸ ἃ μὲν εἶναι ὀνόματα, ἃ δὲ μή. Ἅπαξ γὰρ ἐκεῖνό ἐστι διαλαβεῖν, ὡς πᾶν ἀπαρέμφατον ὄνομά ἐστι ῥήματος, εἴ γε οἱ ἀπὸ τῆς στοᾶς αὐτὸ μὲν καλοῦσι ῥῆμα*. Такое разсужденіе, исключающее, казалось бы, всякое колебаніе, не помѣшало, однако, Аполлонію употреблять иногда терминъ »*ῥῆμα*«, когда идетъ дѣло о »неопредѣленномъ наклоненіи« (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ называетъ неопредѣленное наклоненіе *γενικώτατον ῥῆμα*«).

самымъ возможность *правильнаго* дѣленія и въ дальнѣйшемъ *ἄπειρον*: неправильность перваго шага, конечно, исключала бы эту возможность.

Разсуждая о значеніи словъ, мы различаемъ »представленія« и »отношенія« (см. выше стр. 78). Въ словахъ *ἔγραφον, γράφωμεν, γράφε, γράψετε, γράψαιντο γέγραπται*, — все это слова, входящія въ объемъ понятія »*ῥῆμα*,« (*γράφειν, γράφων* и т. п. формы *исключаются* изъ этого объема) — *соединены*, какъ можно *прежде всего* замѣтить, *обѣ* стороны симасіологіи слова, причемъ *одна* изъ нихъ, именно »отношеніе«, есть не сенсуальная, а »психо-логическая«. Съ психо-логической стороны, слова *γράφωμεν* и др. представляютъ собою *присужденіе* *) чего-то кому-то. »Представленій«, противопоставляемыхъ нами »отношеніямъ«, въ нашихъ *ῥήματα два*: въ нихъ обозначено и то, что присуждается, и тотъ, кому что-нибудь присуждается. Тотъ, *кому* нѣчто присуждается, показанъ въ ихъ окончаніи. Это — или слушатель, или самъ говорящій (*τί ποιεῖς; γράφω*), словомъ, это — лица (*πρόσωπα*), разговаривающія между собою, какъ бы дѣйствующія *на сценѣ* (отсюда и терминъ »*πρόσωπα*«: драма у грековъ, съ ея *πρόσωπα*, *древніе* грамматики) и не нуждающіяся въ дальнѣйшихъ языковыхъ средствахъ для ихъ обозначенія. Конечно, тѣмъ, *кому* нѣчто присуждается, можетъ быть не только слушатель и говорящій, но и нѣкто посторонній, а то и *нѣчто* постороннее (*γράφει, γέγραπται*). Этотъ посторонній и это постороннее, хотя и нуждаются въ ближайшемъ опредѣленіи черезъ посредство, напр., словъ *ἀνήρ* (*ἀνὴρ γράφει*) и *ἐπιστολή* (*ἐπιστολὴ γέγραπται*), все же *кое-какъ* обозначены и въ окончаніи *τοῦ ῥήματος*, — обозначены *именно* какъ посторонніе, т. е. не »*дѣйствующіе* на сценѣ«, — и называются также »лицами«, — терминъ, явля-

*) На стр. 76 мы говорили, что и »отношеніе« »представляется«. Въ данномъ случаѣ, психо-логическое *присужденіе* можно представить черезъ *линію, связывающую* два »представленія«, или черезъ какое-нибудь —→, словомъ, черезъ что нибудь такое, черезъ что »представляемъ »значеніе самыхъ *словъ* »отношеніе« — »отношу« (*προσφέρω*).

ющійся »синекдохическимъ« въ *томъ* случаѣ, когда въ качествѣ такого посторонняго »лица« выступаетъ не *нѣкто*, а *нѣчто* т. е. *предметъ*. »Лицамъ« этимъ присваиваются названія: первое, — это говорящій, — второе, — это слушатель, — третье, — это посторонній; всѣ они представляютъ собою какъ-бы *πρωταγονιστὴν*, *δευτεραγωνιστὴν* и *τριταγωνιστὴν* въ драмѣ. Такъ какъ »отношеніе«, выражаемое *τοῖς ῥήμασι*, заключается *именно* въ психо-логическомъ *присужденіи*, то »лицо, указанное въ *окончаніи τοῦ ῥήματος*, можно назвать психо-логическимъ подлежащимъ, а »присуждаемое«, выраженное въ »этимологической темѣ«, — психо-логическимъ сказуемымъ.

Есть, впрочемъ, и вполнѣ »безличныя« *ῥήματα*; хотя древніе старались и ихъ подвести подъ »личныя«, толкуя, напр., слово *ὕει* въ смыслѣ фразы *Ζεὺς ὕει*, *) однако это — стараніе *напрасное*. Въ минуту поэтическаго, скажемъ, — *религіознаго* настроенія, выраженіе *ἀστράπτει* всегда можно переводить на фразу *Ζεὺς ἀστράπτει*, можно *переводить* мысль на мысль, но *переводить* мысль на мысль не значитъ еще *отождествлять* мысли. Выраженіе *ὕει*, какъ выраженіе *извѣстной* мысли, просто *отмѣчаетъ* явленіе, *безъ* рѣшенія вопроса о томъ, *откуда* оно взялось, и въ этомъ смыслѣ слова *ὕει*, *ἀστράπτει* и т. под. суть настоящія *безличныя ῥήματα*.

На ст. 31 мы привели разсужденіе Штейнталя, — а на стр. 37 сами разсуждали — о томъ, что простое »поименованіе представленія« можетъ составлять *законченную* задачу и можетъ заключать въ себѣ *цѣлую рѣчь*. Эта мысль подлежитъ дальнѣйшему развитію и даже измѣненію. Часто мы видимъ что-то, что-то слышимъ, и задаемъ себѣ вопросъ, что жъ это такое, какъ бы *назвать* это видимое, слышимое; говоря точнѣе, мы спрашиваемъ себя, подъ какое изъ *извѣстныхъ* намъ названій (въ словѣ *извѣстныхъ* заклю-

---

*) Apoll. Dysc. de constr. II. 101: *ὁριζόμενα γὰρ τὰ ῥήματα κατὰ πρῶτον πρόσωπον καὶ δεύτερον ἀοριστοῦται κατὰ τὸ τρίτον, τοῦ ἀστράπτει καὶ τῶν τοιούτων ὑποστελλομένων, καθὸ ἡ τοιαύτη ἐνέργεια ἐξαιρέτως τῷ Διὶ ἀναπέμπεται.*

чается *измѣненіе* прежней мысли) подвести то представленіе, которое получается отъ даннаго слуховаго или зрительнаго впечатлѣнія. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы произносимъ слова »*набатъ!*«, »*громъ!*« Нѣтъ сомнѣнія, что, произнося эти слова, мы высказываемъ полную *мысль*, — полное *сужденіе*, — высказываемъ эту мысль и это сужденіе иногда послѣ долгихъ колебаній, прислушиваясь нѣсколько разъ къ раздающимся раскатамъ, къ раздающимся ударамъ колокола, изъ опасенія смѣшать грохотъ грома съ грохотомъ ѣдущаго экипажа, или троекратный ударъ набатнаго колокола съ какимъ нибудь другимъ звономъ. Въ окончательномъ сужденіи, высказываемомъ черезъ слова »*набатъ!*« — »*громъ!*«, слова *набатъ* и *громъ* являются психологическими *сказуемыми*, однако къ какимъ подлежащимъ? Подлежащими оказываются сами тѣ *представленія*, которыя у насъ получаются черезъ чувственныя воспріятія, или, короче говоря, — сами наблюдаемыя *явленія.* *). Такія состоящія изъ *одного* слова сужденія постоянно высказываетъ ребенокъ, когда, при видѣ предмета, старается »опредѣлить« его черезъ присвоеніе ему названія и, нерѣдко протягивая къ самому предмету ручку, восклицаетъ: *икона! лампа!* и т. п. За такія простыя сужденія слѣдуетъ принимать и выраженія *ὕει*-*ἀστράπτει*; различіе только въ томъ, что »лампа!« есть выраженіе ономатическое (состоящее изъ *ὄνομα*), а *ὕει* — риматическое (состоящее изъ *ῥῆμα*).

Намъ возразятъ, что и по *нашему* толкованію словá *ὕει* — *ἀστράπτει* суть *личныя ῥήματα*, что и *здѣсь* окончанія, относясь къ тому »наблюдаемому явленію«, которое вызвало эти слова, указываютъ въ немъ на нѣчто постороннее. Насъ отошлютъ къ другимъ языкамъ, которые въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ выраженіямъ въ родѣ »*es* regnet«,

*) Paul (Princip. 104): Wenn der Prinz in Lessings Emilia beginnt: *Klagen, nichts als Klagen! — Bittschriften, nichts als Bittschriften!*, so sind das nur lauter Praedicate, das Subject wird durch die Briefe gebildet, die er in die Hand nimmt... Für denjenigen, der beim Anblick eines Brandes ausruft *Feuer*, ist die Situation das Subject und der allgemeine Begriff *Feuer* Praedicat.

обозначая словомъ »es« самое явленіе, а словомъ »regnet« — *сужденіе* о немъ или, какъ *мы* выражаемся, психо-логическое *сказуемое* къ нему.*) Нельзя не считаться съ подобнымъ возраженіемъ, хотя все же не слѣдуетъ забывать, что *es regnet* есть выраженіе, принадлежащее *нѣмецкому* языку, а *ὕει* есть слово *греческое*, и что психологія послѣдняго можетъ быть и не одинакова съ психологіею перваго. Быть можетъ, впрочемъ, нѣмецкое *es regnet* не выросло непосредственно на свѣжей психологической почвѣ, а сочинено по *шаблону*, — какъ говорятъ, по »ложной аналогіи«, или *просто* по »аналогіи«, т. е. составлено, безъ особенно яснаго *отчета*, по *образцу* того *большинства* риматическихъ выраженій,**) въ которыхъ, дѣйствительно, какъ будто и выступаетъ психо-логическое подлежащее какъ нѣчто *отдѣльное*, а психо-логическое сказуемое какъ нѣчто *тоже* отдѣльное: во фразѣ *ich schreibe* слово *ich* есть какъ будто подлежащее, а слово *schreibe* – какъ будто сказуемое. Я говорю *какъ будто*; ниже выяснится смыслъ этой прибавки.

Безличность *τῶν ῥημάτων* еще виднѣе на словѣ *δεῖ*. Конечно, *нужда*, которая такъ или иначе выражена въ словѣ *δεῖ*, можетъ быть »присуждена« *чему-нибудь*, какъ въ *γράφει* писаніе »присуждается« *кому-нибудь*, притомъ кому-нибудь *постороннему*. Но если при *γράφει* этотъ посторонній можетъ быть »ближе опредѣленъ« черезъ слово *ἀνήρ*

*) Въ такомъ случаѣ, »*es* regnet« относилось бы къ »*ὕει*«, какъ „*ich* schreibe« относится къ »*γράφω*«, т. е. въ томъ и другомъ случаѣ »лицо« выражено въ одномъ языкѣ особымъ словомъ *и* окончаніемъ *τοῦ ῥήματος* (синтаксическая *тавтологія*; съ нею мы будемъ встрѣчаться часто), а въ другомъ — однимъ окончаніемъ *τοῦ ῥήματος*.

**) Такъ понимаетъ и Paul (Princip. 105): Alle Bemühungen dies *es* auch als logisches (?) *Subject* zu fassen und ihm bestimmte Andeutung zu geben haben sich als vergeblich erwiesen .... Indem der Satz *es rauscht* auf die *normale* Form gebracht ist, hat er ein formelles Subject erhalten, welches mit dem psychologischen *nichts* zu thun hat. Wir müssen eine ältere Stufe voraussetzen, auf welcher der einfache Verbal*stamm* (итакъ, даже форма безъ *всякаго* окончанія!) gesetzt wurde .... Das psychologische Subject ist also in dem Satze *es brennt* ebenso wenig ausgedrückt, als in dem Satze *Feuer*. Auch hier findet eine Verknüpfung zweier Vorstellungen statt. Auf der einen Seite steht die Wahrnehmung einer concreten Erscheinung, auf der anderen die schon in der Seele ruhende Vorstellung von Brennen oder Feuer, unter velche sich die betreffende Wahrnehmung unterordnen lässt.

и *именно* черезъ данную его *форму,* черезъ форму, какъ говорятъ, »*именительнаго падежа*«, то при *δεῖ* это »что-нибудь« обозначается черезъ форму, какъ говорятъ, genitiv'a. Мы забѣгаемъ немного *впередъ,* указывая па то, что самъ *внѣшній видъ* выраженія *δεῖ πράξεως* вполнѣ опровергаетъ, какъ неумѣстную, *всякую* попытку искать въ *окончаніи* формы *δεῖ* »лицевое« обозначеніе того »что-нибудь«, которому »*присуждается*« нужда. Нельзя, однако, усматривать въ словѣ *δεῖ* и того характера, который замѣчается, наравнѣ съ выраженіемъ »*набатъ!*«, въ словѣ *ὕει,* гдѣ психо-логическимъ подлежащимъ оказывается само »явленіе«, ищущее себѣ подходящаго »названія«. Разсуждать ли намъ такъ, что въ словѣ *δεῖ* совсѣмъ *не отдѣлено* подлежащее отъ сказуемаго? Такое разсужденіе нельзя назвать лишеннымъ всякаго основанія. Можно бы сказать, что слово *δεῖ* просто *свидѣтельствуетъ* о нуждѣ. Просимъ читателя обратить вниманіе на наше выраженіе: »*свидѣтельствуетъ о нуждѣ*«. Мы не говоримъ: свидѣтельствуетъ о *существованіи* или о *наличности* нужды. Въ *послѣднемъ* выраженіи уже какъ будто *разложено* сужденіе на подлежащее и сказуемое, какъ оно разложено, казалось бы, и въ выраженіи *нужда есть* или *нужда на лицо.* Но, — можно бы разсуждать дальше, — какъ нѣтъ разницы въ *смыслѣ* между выраженіемъ »засвидѣтельствовать *наличность* нужды« и выраженіемъ »засвидѣтельствовать *нужду*«, и въ послѣднемъ такъ же ясно обозначено движеніе моей мысли, какъ и въ первомъ, такъ и въ словѣ *δεῖ* можно выразить то же движеніе мысли, оставляя *неотдѣленнымъ* подлежащее отъ сказуемаго.

А всетаки такое разсужденіе неправильно. Ниже окажется, что въ выраженіи *нужда на лицо,* если и можно говорить о подлежащемъ и сказуемомъ, то въ совершенно *другомъ* смыслѣ, чѣмъ въ смыслѣ тѣхъ »психо-логическихъ« подлежащихъ и сказуемыхъ, о которыхъ мы толкуемъ теперь. Намъ кажется, что особенной разницы между *ὕει* и *δεῖ* нѣтъ. Если *ὕει* было психо-логическимъ сказуемымъ къ разсматриваемому нами *явленію,* — такими психо-логическими сказуемыми оказываются, въ сущности, *всѣ* »названія« пред-

метовъ и явленій, *отдѣльно* взятыя, т. е. не въ *связной рѣчи* появляющіяся (сравни стр. 30), — то *δεῖ* есть психо-логическое сказуемое къ разсматриваемымъ »*обстоятельствамъ*«. Если мы выше риматическое выраженіе *ὕει* сравнивали съ ономатическимъ »*набатъ!*«, то теперешнее *δεῖ* можно сравнить съ ономатическимъ выраженіемъ »*пора!*« *) Въ словѣ »*пора!*« мы также или »свидѣтельствуемъ« о порѣ, или, какъ мы только что разсуждали, «характеризуемъ« имъ, какъ психо-логическимъ сказуемымъ, разсматриваемыя нами »обстоятельства«.

Какъ бы то ни было, мы въ правѣ сказать, что *ῥῆμα*, со стороны отмѣченнаго въ немъ »*отношенія*«, — въ данномъ случаѣ не сенсуальнаго, а психо-логическаго, — есть выраженіе сужденія въ трехъ видахъ: 1. выраженіе сужденія, какъ рѣшеніе вопроса, *есть* ли то-то, или *нѣтъ* этого (*δεῖ*); 2. выраженіе сужденія, какъ присвоеніе »представленію« надлежащаго *названія* (*βροντᾷ*); 3. выраженіе *присужденія* чего-нибудь какому-нибудь »лицу« (*γράφει*). Въ первыхъ двухъ случаяхъ *ῥῆμα* сводится къ безличному. Что *форма*, предназначенная указывать въ своемъ *окончаніи* на что нибудь, какъ на *постороннее* (третье »лицо«, — говорили мы выше, — есть нѣчто *постороннее*), слѣдовательно, и какъ на *отсутствующее*, могла послужить выраженіемъ и для *несуществующаго*, это, конечно, свидѣтельствуетъ о бѣдности языка, но является вполнѣ позволительнымъ обще-симасіологическимъ тропомъ (о тропахъ смотри выше стр. 80). Если мы обозначимъ черезъ букву *а* то, *что* въ *ῥῆμα* »присуждается«, — черезъ букву *б* то лицо, *которому* оно присуждается, а черезъ знакъ —➤ психо-

*) Выраженіе »*пора!*« можно произнести *восклицательно*, какъ произносимъ восклицательно и слово »*набатъ!*«. Читатель согласится съ нами въ томъ, что характеръ этихъ восклицаній не одинаковый. Восклицаніе въ словѣ »*набатъ!*« есть выраженіе какой то ошеломленности, тогда какъ въ восклицательномъ »*пора!*« слышится *imperativ'ный* оттѣнокъ. Впрочемъ, мы должны заявить, что восклицанія *не касаются* симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ. Они относятся скорѣе къ тѣмъ тонамъ, которые должны быть разсматриваемы въ другой, *высшей* части синтаксиса, установленной нами на стр. 64.

логическое »отношеніе«, выраженное въ *ῥῆμα*, то *общая* схема *τοῦ ῥήματος* будетъ *а*‑‑›*б*; *въ безличныхъ ῥήματα б* сводится къ *нулю*.

Перечисленными тремя видами сужденія не исчерпывается вся психо-логическая сторона »отношенія«, выраженнаго въ *ῥῆμα*. Сама *модальность*, или скорѣе — *квалитативность* сужденія бываетъ различна, и мы можемъ въ этой области построить цѣлую гамму всевозможныхъ оттѣнковъ сужденія. То мы высказываемъ нѣчто съ полною *увѣренностью*, какъ силлогистическую *необходимость* (*τοιοῦτον ἄρα*, — говоритъ Платоновскій Сократъ въ видѣ *заключенія* изъ всего, раньше сказаннаго, — *τοιοῦτον ἄρα πάθος τῷ τυπτομένῳ ἐστίν, οἷον ἂν τὸ τύπτον ποιῇ*; *πάνυ γε*; Plat Gorg. 476 c), то *просто* заявляемъ о чемъ-нибудь, какъ о своемъ *мнѣніи* (*εὖ ἔχει ταῦτα*), или говоримъ о чемъ-нибудь, какъ о *фактѣ*, слышанномъ или видѣнномъ нами (*ἐνίκησαν οἱ ἡμέτεροι σύμμαχοι*), то выставляемъ нѣчто не какъ силлогистически *вѣрное*, а только лишь какъ *могущее* быть, пожалуй, *вѣрнымъ* (къ вложенію такого оттѣнка въ сужденіе можетъ вести наша *скромность*, а то и *ироническое** настроеніе; сравни: *ἀληθὲς ἂν τοῦτο εἴη*), то *сомнѣваемся* въ правильности нашего сужденія и *колеблемся* (быть можетъ, тоже въ силу ироническаго настроенія), высказать ли его, или нѣтъ (*μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῇ*), то примѣшиваемъ къ оттѣнку »познавательнаго« сужденія оттѣнокъ сужденія »*желательнаго*«, быть можетъ, даже съ *преобладаніемъ* послѣдняго (*πάππα φίλ' οὐκ ἂν δή μοι ἐφοπλίσσειας ἀπήνην*; Od. ζ 57 = быть можетъ, ты дашь мнѣ = не дашь ли, быть можетъ = не далъ ли бы ты), а то и прямо, оставляя познавательный оттѣнокъ совершенно въ сторонѣ, выражаемъ въ нашемъ сужденіи одно *желаніе* (*εἴθε τοῦτο γένοιτο*), иногда *рѣшительно*, въ смыслѣ *повелѣнія*, обращеннаго къ *другому* (*ποίησον ταῦτα*). Всѣ эти

*) Иронію мы понимаемъ здѣсь въ *древнемъ* значеніи этого слова, какъ ее понималъ Θеофрастъ въ своихъ »характерахъ«: »иронически« я настроенъ, когда я только *прикидываюсь* незнающимъ (можетъ быть, *тоже* изъ скромности), а на дѣлѣ *увѣренъ* въ своемъ знаніи.

оттѣнки квалитативности сужденія, сводясь къ двумъ главнымъ, именно къ »познавательному« и »желательному«*), получаютъ выраженіе прежде всего въ тѣхъ формальныхъ измѣненіяхъ τῶν ῥημάτων, которыя мы называемъ »наклоненіями.«

Читатель ожидаетъ отъ насъ теперь симасіологію *наклоненій*, въ духѣ разныхъ сочиненій и статей въ грамматикахъ »о наклоненіяхъ«, или »о томъ или иномъ наклоненіи«. Но устанавливать симасіологію »наклоненій« *особнякомъ* было

*) Немного иначе Paul (Princip. 107—109): Ich waehle die Bezeichnung *Aufforderungssätze* als die indifferenteste] (Paul, конечно, стоя не на почвѣ симасіологіи частей рѣчи, долженъ тутъ разсуждать не о ῥῆμα, а о Satz'ѣ). In der Aufforderung ist natürlich Bitte, Gebot und Verbot, Rath und Warnung, Aufmunterung, auch Concession und Ablehnung oder Verbitten enthalten .... Wir müssen daran noch die Wunschsätze anknüpfen .... Wir sind jetzt gewohnt den Aussagesatz als den eigentlich normalen Satz zu fassen. Der Aufforderungssatz ist aber ebenso ursprünglich. Den Behauptungs — und Aufforderungssätzen stellt man als eine dritte Klasse die Fragesätze zur Seite. Es lässt sich aber für eine solche Dreitheilung der Sätze kein einheitliches Princip finden, und diese drei Classen können nicht einander coordinirt werden .... Nicht nur die Behauptungs — sondern auch die Aufforderungssätze haben ihr Pendant in Fragesätzen. Vrgl. lat. *quid faciam* gegen *quid facio*. Man gebraucht dafür den Ausdruck *deliberative Fragen*. Wir können sie geradezu als Fragaufforderungssätze bezeichnen. Что касается *вопросительныхъ* выраженій, то намъ придется ихъ разсматривать ниже. Въ настоящее время мы можемъ только замѣтить, что *вопросительный* оттѣнокъ выражается прежде всего *тономъ*, а тонъ, какъ уже сказано, *не составляетъ* предметъ нашего изслѣдованія, развѣ если онъ вызываетъ въ языкѣ появленіе какого нибудь особаго *слова*, какъ *части* рѣчи, или какой нибудь особой грамматической *формы* въ той или иной части рѣчи. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ мы дѣйствительно *замѣчали* вопросительный тонъ (какъ могли замѣтить и *восклицательный* тонъ въ выраженіяхъ εἴθε τοῦτο γένοιτο и ποίησον ταῦτα). Этотъ вопросительный тонъ вызвалъ въ рѣчи слова οὐκ и μή (οὐκ ἂν ἐφοπλίσσειας и μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῇ), и мы понимаемъ, что этотъ вопросительный тонъ тѣсно связанъ съ тѣмъ *сомнѣніемъ* и *колебаніемъ*, съ тою *нерѣшительностью* (сомнѣніе есть *вопросъ*), съ которою иногда высказывается сужденіе. — Относительно встрѣчающихся въ приведенномъ разсужденіи Paul'я выраженій *Bitte*, *Gebot*, *Warnung* и др. мы должны замѣтить, что въ нихъ не видать той строгой *постепенности*, на которой въ этомъ дѣлѣ настаиваемъ *мы*, и на которой, по нашему мнѣнію, настаивать нужно, такъ какъ »познавательное« и »желательное« сужденія суть нѣчто такое, что только на *полюсахъ* выдѣляется рѣзко, а затѣмъ все больше и больше *сближается*, пока не встрѣтится въ одномъ *общемъ* узлѣ, разорвать который столько же трудно, сколько трудно въ концѣ концовъ разграничить и самую *дѣятельность* души въ познаваніи и желаніи: и познаваніе есть въ извѣстномъ смыслѣ проявленіе *воли*, и желаніе — проявленіе *разума*.

бы крайне неправильно, такъ какъ она тѣсно связана съ симасіологіею *другой* категоріи формальныхъ измѣненій *τοῦ ῥήματος*, какъ это видно изъ непосредственно слѣдующаго разсужденія.

Разъясненіе «психо-логическаго отношенія», выраженнаго въ *ῥῆμα*, нами *еще* не кончено. Симасіологическая *схема τοῦ ῥήματος* есть, какъ выше выяснено, *а*—>*б*. Если бы мы въ этой схемѣ уничтожили знакъ —>, то изъ *б* выйдетъ особое слово: *я, ты, онъ-она-оно*. Что же касается *а*, то выйдетъ ли и изъ него особое слово? Выйдетъ, но какое? Можно ли подставить подъ *а* любой предметъ, помѣщаемый въ пространствѣ *мѣста?* — напр. *столъ, дерево* и т. п. *Онъ* и *дерево;* можно ли изъ этого сдѣлать сужденіе, т. е. можно ли внести въ эти два слова »то психо-логическое отношеніе, какое мы усматривали между *а* и *б* въ *ῥῆμα*, а если можно, то выйдетъ ли изъ этихъ двухъ словъ, при *внесеніи* въ нихъ такого »отношенія«, — выйдетъ ли изъ нихъ *ῥῆμα?* Въ выраженіи *онъ — дерево* (слово *онъ* можно »опредѣлить ближе« черезъ слово, напр., *дубъ*) дѣйствительно *тоже* присуждается что то чему-то, но *ῥῆμα* изъ этого не выйдетъ. А напр. *деревенѣетъ* (т. е. *онъ,* напр. *стебель*), это уже *ῥῆμα.* Это *ῥῆμα* показываетъ, что нѣчто принимаетъ на себя *признакъ дерева*, т. е. что признакъ *дерева* превращается въ признакъ самого этого »*нѣчто*«, причемъ »превращеніе« совершается въ пространствѣ *времени* (само *дерево*, какъ сказано, помѣщалось въ пространствѣ *мѣста*), такъ что »деревенѣніе« начинается, развивается, доходитъ до извѣстнаго *состоянія*, затѣмъ это состояніе постепенно разрушается и, наконецъ, исчезаетъ *совсѣмъ*. Эти-то *признаки*, въ ихъ *развитіи* и *исчезновеніи*, — вотъ »представленіе«, обозначенное въ нашей симасіологической схемѣ *τοῦ ῥήματος* черезъ *а*. »*Рублю*« есть тоже *ῥῆμα*, но присуждаемое здѣсь первому лицу »рубленіе« есть ли такой признакъ, какимъ было »деревенѣніе« въ *ῥῆμα* »*деревенѣетъ*«*?* Помимо движенія въ пространствѣ времени, т. е. помимо того, что оно начинается и прекращается, мы »представляемъ« въ »рубленіи« и движеніе

въ пространствѣ *мѣста**), а потому рубленіе мы называемъ не столько »признакомъ«, сколько скорѣе »*дѣйствіемъ*«. Мы могли бы его назвать »признакомъ« и, такимъ образомъ, подвести подъ одну категорію съ деревенѣніемъ, имѣя въ виду *только* развитіе его и исчезновеніе въ пространствѣ *времени*, а не соединенное съ нимъ движеніе въ пространствѣ *мѣста*. Съ другой стороны можно бы также признакъ *деревенѣніе* назвать »дѣйствіемъ«, для того чтобы *отличить* его отъ признаковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы ихъ *не* »представляемъ« возникающими и исчезающими въ пространствѣ *времени* (сравни *зеленѣетъ* и *зеленый*). И въ словахъ *есть* — *существуетъ* можно назвать кроющееся въ *первой* ихъ части *а* (разумѣй *а* нашей симасіологической *схемы τοῦ ῥήματος*) »дѣйствіемъ«; ибо хотя »существованіе« есть нѣкое *состояніе*, но состояніе можно »представлять« *срединою* того, что съ одного конца начинается, а съ другого — исчезаетъ въ пространствѣ *времени*.

Причемъ же тутъ »психо-логическое отношеніе« симасіологіи *τοῦ ῥήματος*, которое мы собирались окончательно разъяснить, и разъясненіе котораго намъ помѣшало перейти къ разбору наклоненій? Пока — ни причемъ: пока мы разъясняли членъ *а* нашей симасіологической схемы *а*—➤*б*.

Нѣмецкіе ученые назвали *ῥῆμα* »Zeitwort«. Это — названіе весьма удачное, но слѣдуетъ ли тутъ разумѣть тѣ *моменты* развитія и исчезновенія »дѣйствія«, о которыхъ мы говорили какъ объ *общемъ* свойствѣ всего того, что въ нашей симасіологической схемѣ *τοῦ ῥήματος* отмѣчено черезъ *а*, и благодаря чему мы это *а* и *назвали* »дѣйствіемъ«, слѣдуя въ данномъ случаѣ Александрійцамъ, толковавшимъ здѣсь о *πρᾶγμα*? Нѣтъ. То время, которое выражено въ »Zeitwort'ѣ«, въ *настоящемъ* Zeitwort'ѣ (не въ неопредѣленномъ наклоненіи и не въ причастіи или въ дѣепричастіи, а въ *ῥῆμα*),

---

*) Намъ скажутъ, что и *деревенѣніе* есть движеніе, происходящее въ пространствѣ *мѣста*. Но такое движеніе усматриваютъ въ немъ только *физики-философы*; *созидавшіе* же языкъ люди были не физики-философы: это были наблюдатели *простые*, а для тѣхъ деревенѣніе было движеніемъ *только* въ пространствѣ времени.

есть *прежде всего* элементъ той же психо-логической стороны симасіологіи *τοῦ ῥήματος*. *Ῥῆμα* съ психо-логической стороны обозначаетъ *сужденіе,* съ разными оттѣнками его модальности или квалитативности. Но, когда я сужу, — я долженъ относить сужденіе и ко *времени.* Не потому я это долженъ дѣлать, что я въ сужденіи говорю, напр., о *постройкѣ дома,* которая *сама* совершается въ пространствѣ времени, а просто и *прежде всего* потому, что я *сужу,* что я *произношу* сужденіе *вообще.* При этомъ, если это сужденіе »*желательное*«, напр. *повелѣніе,* то, хотя я его и произношу въ »настоящее время«, однако въ *извѣстномъ* смыслѣ оно относится къ *будущему* времени (мое желаніе *имѣетъ* только еще *исполниться*). Если я въ моемъ »сужденіи« заявляю о *фактѣ,* то, хотя я и заявляю о немъ »въ настоящее время«, но *самый* фактъ относится къ *прошедшему* времени; къ настоящему времени онъ можетъ относиться въ *крайнемъ* случаѣ лишь постольку, поскольку это настоящее для меня уже *раскрыто,* т. е. поскольку это настоящее есть собственно *прошедшее.* Если мое сужденіе *чисто* силлогистическое, то въ смыслѣ времени *опять* выступаетъ нѣчто *новое*: словомъ, — время есть не только въ *общемъ* смыслѣ элементъ психо-логической стороны симасіологіи *τοῦ ῥήματος*, но является чѣмъ то *тѣсно связаннымъ* съ *квалитативностью* сужденія. Вотъ почему мы отказывались разбирать симасіологію »наклоненія« *отдѣльно отъ другой* категоріи формальныхъ измѣненій *τοῦ ῥήματος*; этою *другою* категоріею оказывается время.*) Конечно, относя свое сужденіе, напр. къ *прошедшему* времени, я могу въ этомъ прошедшемъ времени обозначить и *моментъ развитія* »*дѣйствія*« въ тотъ промежутокъ времени, къ кото-

*) Греческія времена до сихъ поръ основательнѣе всѣхъ разобралъ Mutzbauer (Tempusl.), и мы съ нимъ въ пониманіи ихъ почти что сходимся. Къ сожалѣнію, и онъ, хотя не только подозрѣваетъ связь временъ съ наклоненіями, но прямо о ней заявляетъ (въ чемъ эта связь, — онъ не разъясняетъ), тѣмъ не менѣе поставилъ себѣ задачу о временахъ *особнякомъ* (наклоненія онъ обѣщаетъ разобрать въ слѣдующемъ томѣ своего труда) и черезъ то вноситъ напрасное затрудненіе въ дѣло.

рому я отношу сужденіе.*) Я могу сказать: »тогда *строили* домъ«, т. е. »въ то время«, къ которому я отношу сужденіе, дѣйствіе находилось не въ *зачаточной* стадіи, не въ стадіи *состоянія*, не въ стадіи *разрушенія*, а *на пути* своего развитія.

Переходить ли теперь къ симасіологіи »наклоненій« и, стало быть, въ связи съ нею и къ симасіологіи »временъ«, или еще что нибудь мѣшаетъ? Членъ *б* нашей симасіологической схемы раскрытъ нами достаточно въ самомъ *началѣ* настоящаго отдѣла; выясненіемъ того, что членъ *б* означаетъ »лицо«, которое иногда нуждается въ »ближайшемъ опредѣленіи« черезъ добавочныя слова (напр., — *ἀνήρ* и *ἐπιστολή*), и того, что онъ иногда сводится къ нулю, — сказано о немъ все. Нельзя этого утверждать о членѣ *а*. Тѣмъ, что *а* опредѣлилось какъ означеніе »дѣйствія« въ разныхъ стадіяхъ его развитія, оно *не раскрыто* еще *сполна*. А между тѣмъ хотѣлось бы окончательно выяснить и его, прежде чѣмъ приступимъ къ подробному изслѣдованію того знака —>, который нами поставленъ между нимъ и членомъ *б*.

Извѣстно, что обозначенное буквою *а* »дѣйствіе« вызываетъ такъ называемыя »залоговыя« измѣненія риматическихъ формъ. До настоящаго времени вопросъ о залогахъ нельзя не назвать крайне *запутаннымъ* въ нашихъ грамматикахъ. Ученые усердно занимаются разслѣдованіемъ того, какая изъ существующихъ залоговыхъ формъ въ греческомъ языкѣ древнѣе, какая новѣе, но это или мало относится,

*) О различіи временъ *сужденія* и временныхъ оттѣнковъ *дѣйствія* (да, въ *этомъ* заключается все различіе) первый заговорилъ, какъ извѣстно, Curtius. Ему всѣ и приписываютъ заслугу *установленія* различія въ temporal'ныхъ измѣненіяхъ *обще*-глагольныхъ формъ (т. е. *τοῦ ῥήματος вмѣстѣ* съ неопр. накл. и прич.), придерживаясь, въ общемъ, и его *толкованія* этого различія. Curtius толкуетъ это различіе такъ (Erl. 172): Der Unterschied zwischen Gegenwart, Vergangenheit und Zukunft beruht nur auf dem Verhältniss der Handlung (?) zu dem Sprechenden. Ich nenne diesen Unterschied den der *Zeitstufe*.... Offenbar muss nun aber die Differenz zwischen *γενέσθαι*, *γίγνεσθαι*, *γεγονέναι* durch ein Wort bezeichnet werden, das sofort andeutet, dass es sich hier um eine *innerhalb* der Handlung selbst liegende Differenz, nicht bloss um das Verhältniss zu etwas *ausser* ihr liegenden handelt. In diesem Sinne wählte ich das Wort *Zeitart*.

или совсѣмъ не относится къ »*симасіологіи* залоговъ«. Больше всего тутъ успѣла раскрыть *русская* школа. Хотя русская школа не столько обращаетъ вниманіе на залоговыя *формы*, сколько скорѣе на *внутреннія* залоговыя различія, но послѣднія она, признавая *шесть* залоговъ, разработала довольно правильно и тѣмъ облегчаетъ наше симасіологическое изслѣдованіе. Наша симасіологическая задача заключается въ данномъ случаѣ въ рѣшеніи вопроса, сколько вообще *мыслимо* внутреннихъ залоговыхъ различій, и насколько удовлетворяетъ этимъ мыслимымъ различіямъ *языкъ* своими грамматическими формами.

Что такое залогъ? Само слово *залогъ* есть, повидимому, довольно неточный переводъ греческаго термина *διάθεσις*. У грековъ, очевидно, этотъ терминъ выросъ на почвѣ вопроса, какъ отзывается, — какъ »располагается« (*διατίθεται*) такое или иное «дѣйствіе« на тѣхъ »лицахъ«, которыя отмѣчаются *окончаніями τῶν ῥημάτων*. Греки очень много толковали о *διάθεσις παθητική*, о *διάθεσις διαβιβαστική*, словомъ, — о томъ, что мы, съ нашей точки зрѣнія, опредѣлили бы какъ *ἐνέργειαν*, которая проявляется —, а въ другихъ случаяхъ — какъ *πάθος*, которое совершается въ душѣ отмѣченнаго въ риматическомъ окончаніи »лица«, въ случаѣ отнесенія къ нему такого или иного дѣйствія. Отъ чего зависитъ *ἐνέργεια* или *πάθος* души въ этихъ случаяхъ? Отъ »*качества*« — отвѣтимъ мы — самого дѣйствія. О качествахъ дѣйствій приходится разсуждать слѣдующимъ образомъ.

Есть дѣйствія, которыя мы »представляемъ« начинающимися, развивающимися и кончающимися, вообще — *движущимися* въ пространствѣ времени и *совершающимися* на »лицахъ« *помимо чьей бы то ни было воли*. Такими можно «представлять« дѣйствія, напр., *ἀσθενέω* (недомогаю) и др. (въ числѣ ихъ и *εἰμί*).

Другія дѣйствія предполагаютъ непремѣнно »*двигателя*«, т. е. чью нибудь волю, которая привела бы ихъ въ движеніе во временномъ пространствѣ. Такими »представляемъ« дѣйствія *τρέχω*, *περιπατέω* и т. п. Двигателемъ является при

нихъ само то »лицо«, которому они присуждаются, такъ что не они »совершаются« на »лицахъ«, какъ то было въ первомъ разрядѣ дѣйствій, а сами »лица« ихъ »совершаютъ«.

Третьи предполагаютъ не только двигателя, но еще и предметъ, иногда даже не *одинъ* (ср. *δίδωμι τῷ ἑταίρῳ τὸ ἀργύριον*), *на* который переводится двинутое имъ, этимъ двигателемъ, дѣйствіе. Кто въ этихъ случаяхъ бываетъ отмѣченъ, *какъ »лицо«*, въ риматическомъ окончаніи, т. е. бываетъ ли отмѣченъ какъ »лицо» самъ двигатель, или тотъ предметъ, *на* который переводится дѣйствіе, это — дѣло грамматической *формы τοῦ ῥήματος* и ... приставляемыхъ къ риматической формѣ такъ называемыхъ »падежей«. Пока мы будемъ говорить о тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ риматическомъ окончаніи отмѣчается самъ *двигатель*. Предметъ, *на* который переводится дѣйствіе, отмѣчается тогда то accusativ'омъ, то *другимъ* какимъ нибудь »падежемъ«. Когда будемъ разбирать »падежи«, то станетъ яснымъ, почему *accusativ'ныя* «дополненія« *τοῦ ῥήματος* должны быть выдвинуты *особо* въ противоположность *другимъ* падежнымъ его дополненіямъ. Пока ограничимся – общеизвѣстнымъ, впрочемъ, – замѣчаніемъ, что на этой противоположности зиждется различіе между такъ называемыми »прямымъ« и »косвеннымъ« переводами дѣйствій.

Какъ на особенность въ дѣйствіяхъ третьяго разряда можно указать, въ четвертыхъ, на тѣ случаи, когда двигатель или »дѣятель« переводитъ дѣйствіе на самого себя (*λοῦομαι*). Такъ какъ двигатель и предметъ, *на* который переводится дѣйствіе, въ данномъ разрядѣ дѣйствій *совпадаютъ*, то не можетъ быть рѣчи здѣсь о такихъ дополненіяхъ *τοῦ ῥήματος*, о какихъ мы говорили въ предшествующемъ пунктѣ, развѣ что дѣятель *кромѣ* себя переводитъ дѣйствіе *еще* на какой нибудь предметъ; ибо сказано выше, что предметъ, *на* который переводится дѣйствіе, бываетъ иногда *не одинъ* (подробности ниже).

Въ пятыхъ, наконецъ, слѣдуетъ привести тѣ дѣйствія, которыя предполагаютъ *двухъ* дѣятелей или *двѣ сторонъ*

дѣятелей, совершающихъ дѣйствіе другъ *надъ* другомъ. Такими можно представлять дѣйствія *μάχομαι, διαλέγομαι* и т. п. Въ риматическомъ окончаніи могутъ быть отмѣчены *объ* стороны дѣятелей (*διαλεγόμεθα* = мы бесѣдуемъ *другъ съ другомъ,* или только *одна,* а тогда *ῥῆμα* нуждается опять въ дополненіи (*μάχομαι οὐτῷ* или *μαχόμεθα αὐτοῖς* = *я воюю съ нимъ* или *мы воюемъ съ ними*).

Такимъ образомъ, по *качеству* дѣйствія распадаются на *пять* разрядовъ: на самодвижущіяся, на непереводно-движимыя, на переводно-движимыя, на возвратно-движимыя (короче, — »возвратныя«) и на взаимно-движимыя (= »взаимныя«). Что касается *грамматическихъ* залоговыхъ формъ *τοῦ ῥήματος,* то языкъ ихъ выработалъ три: activum,—во *всѣхъ* наклоненіяхъ съ ихъ временами; medium,—во *всѣхъ* наклоненіяхъ съ ихъ временами, и passivum,—въ наклоненіяхъ aoristi и futuri simplicis (въ futurum simplex, впрочемъ, не во *всѣхъ* *ῥήματα;* списокъ такихъ *ῥήματα* смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 100—102).

Medial'ныя грамматическія формы служатъ для выраженія »взаимныхъ« и возвратныхъ« дѣйствій. Въ русскомъ языкѣ для дѣйствій, *представляющихся* возвратными или взаимными, имѣются формы: борюсь, сражаюсь, дѣлаюсь (такимъ-то), моюсь и т. п. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ »возвратныхъ« дѣйствіяхъ часто приходится имѣть дѣло не съ »прямымъ« переводомъ, — не съ »прямымъ« *возвращеніемъ* дѣйствія къ самому дѣятелю (»прямое« возвращеніе мы видимъ въ словахъ: дѣлаюсь = дѣлаю себя, моюсь = мою себя, поворачиваюсь = поворачиваю себя; то же и въ греческихъ словахъ: *γίγνομαι, λούομαι, τρέπομαι*), а съ »косвеннымъ« переводомъ, — съ »косвеннымъ« возвращеніемъ къ дѣятелю, а именно dativ'нымъ (такъ иногда и по русски: сравни »стучится въ дверь = стучитъ себѣ, для себя; просится = проситъ себѣ, для себя, молится = молитъ себѣ, для себя). Грекъ *очень* любитъ вносить въ представленіе, а затѣмъ и въ рѣчь это dativ'ное возвращеніе дѣйствія къ дѣятелю (*ποιεῖται* = онъ дѣлаетъ — подразумѣвай »себѣ«, *ἀπέθετο* = онъ отложилъ себѣ), и это, понятно, не мѣшаетъ ему поставить

рядомъ *другой* предметъ, на который онъ *также* переводитъ дѣйствіе, *помимо* перевода или возвращенія его къ *дѣятелю* (*ἀπέθετο ῥᾳθυμίαν*). Особый оттѣнокъ dativ'наго возвратнаго представляетъ собою такъ называемое »динамическое« возвратное, гдѣ центръ тяжести *именно* въ dativ'ѣ, и гдѣ дѣятель является таковымъ лишь настолько, насколько онъ даетъ *толчокъ* къ дѣйствію, исполняемому однако *другимъ* (*ἐδιδάσκετο* = онъ не самъ обучалъ, а далъ *себѣ* обучать — напримѣръ, сына — *другому* лицу. Сравни русское: »*шилъ* себѣ платье«). Есть кромѣ того, такъ сказать, genitiv'ныя возвратныя (*παρέσχετο πολλά* = онъ доставилъ *отъ себя* = *своего* много; *ἀπεφήνατο γνώμην* = онъ высказалъ *отъ себя* = *свое* мнѣніе и т. д.). Accusativ'ныя возвратныя, сравительно съ dativ'ными и genitiv'ными, въ греческомъ языкѣ довольно рѣдки, и замѣчательно то, что въ нихъ даже accusativ рельефно не чувствуется; тамъ, гдѣ accusativ *рельефно* чувствуется, грекъ даже не ставитъ medium, а ставитъ *activ* и возвратное мѣстоименіе (такъ и по русски; сопоставь выраженія »поворачивается«, — »моется« и т. д. съ выраженіями »наказываетъ себя«, — »освобождаетъ себя« = *τρέπεται, λούεται, ζημιοῖ ἑαυτόν, ἐλευθεροῖ ἑαυτόν*).*)

Medial'ной формѣ, какъ выразительницѣ »*взаимныхъ*« дѣйствій, противопоставлять нечего, такъ какъ *сами* взаимныя дѣйствія только и могутъ быть *взаимными* и ничѣмъ другимъ. Совершенно иначе приходится говорить о medial'ной формѣ, какъ выразительницѣ »*возвратныхъ*« дѣйствій, — иначе уже по одному тому, что въ *представленіи* нашемъ самый *возвратъ* дѣйствія къ дѣятелю можетъ исчезнуть, а тогда и въ рѣчи, вмѣсто medial'ной формы, появляется activ'ная. Уничтожая въ нашемъ представленіи »*косвенный*« возвратъ, мы его ничѣмъ другимъ замѣнить не можемъ, такъ какъ приходится только или *сознавать*, или *несознавать* то внесеніе личнаго интереса дѣятеля въ дѣйствіе, которое

---

*) Это все да будетъ сказано въ разъясненіе тѣхъ »подробностей«, на которыя мы намекали, когда были заняты *опредѣленіемъ* »четвертаго разряда дѣйствій.

въ концѣ концовъ только и выражено въ »косвенномъ« возвратѣ (*παρέχομαι αὐτῷ πολλά* = я доставляю ему *изъ своего* много; *παρέσχον αὐτῷ πολλὰ πράγματα* = я ему надѣлалъ много хлопотъ; *ἄρχομαι* = я начинаю *для себя, чтобъ потомъ продолжать; ἄρχω* = я *первый* что-нибудь дѣлаю, *а продолжаетъ потомъ другой; ἀποφαίνομαι γνώμην* = я объявляю *свое* мнѣніе; *ἀποφαίνω τι* = я объявляю что-нибудь и т. д.). Что же касается *accusativ'наго* возврата, то онъ не только можетъ исчезнуть въ нашемъ представленіи, но можетъ быть замѣненъ переводомъ (конечно, »прямымъ« переводомъ) дѣйствія на какое-нибудь *другое* лицо въ *противоположность* дѣятелю (*λούομαι* = моюсь, *λούω τινά* = мою кого). Уничтожая *вполнѣ* accusativ'ный возвратъ и *не замѣняя* его переводомъ дѣйствія на *другое* лицо, мы очень часто ничего особеннаго не *выгадываемъ* въ *общемъ* значеніи *τοῦ ῥήματος*. Это особенно замѣтно въ тѣхъ *ῥήματα*, которыя обозначаютъ »движеніе или останавливаніе движенія въ мѣстномъ пространствѣ» (также и въ русскомъ языкѣ нѣтъ особенной разницы между «поворачивайся» и »поворачивай«); мы тутъ *просто* заинтересованы тѣмъ, совершаетъ ли дѣятель, или не совершаетъ такое-то движеніе; а о томъ, что онъ совершаетъ его *надъ собою* (благо и въ *medial'*ной формѣ accusativ'ный возвратъ чувствуется не особенно рельефно), мы вовсе не думаемъ (все равно, сказать ли »*παύου*«, или »*παῦε*« = »перестань« или »оставь«; сравни »*ἔχε*» = придержи« и »погоди«). Особенно въ composit'ахъ, гдѣ главный интересъ сосредоточенъ на томъ, *въ какую сторону* (она, эта сторона, и показана первою частью composit'а) совершается (= познавательное сужденіе) или желательно, чтобы совершалось (= желательное сужденіе) движеніе въ мѣстномъ пространствѣ, activ'ныя формы могутъ вполнѣ выразить то, что выражаютъ формы medial'ныя (*εἰσέβαλε εἰς τὴν πόλιν;* въ чешскомъ, напримѣръ, нарѣчіи говорятъ не »вторгнулся въ городъ«, а «вторгъ въ городъ«). Что activ'ныя формы, противопоставляемыя accusativ'но-возвратнымъ и не выгадывающія отъ этого ничего въ своемъ значеніи, приближаются къ *второму,* по качеству дѣйствій, разряду, именно къ »не-

переводнодвижимымъ«, выражаемымъ *также* activ'ными формами, это, кажется, не требуетъ особаго разъясненія.

Passiv'ныя формы »*ἐτιμήθην*«, »*ἀπαρνηθήσεται*» и т. п. возможны лишь въ »переводно-движимыхъ« дѣйствіяхъ и указываютъ въ своихъ окончаніяхъ на то лицо, *на* которое переведено (и притомъ переведено не »косвеннымъ,« а, говоря *вообще*, »прямымъ переводомъ«) двинутое дѣятелемъ дѣйствіе. Какъ уже сказано, особыя passiv'ныя формы языкъ выработалъ только въ aorist'ѣ да еще, хотя не вездѣ, въ futurum simplex. Во всѣхъ остальныхъ временахъ и наклоненіяхъ таблица passiv'ныхъ формъ пополняется medial'ными формами. Medial'ныя формы могли сыграть роль passiv'ныхъ въ греческомъ языкѣ на такомъ же основаніи, на какомъ и въ русскомъ языкѣ роль passiv'ныхъ сыграли формы »продаются» (книги), »замѣчается« (такое-то обстоятельство) и т. д. Въ сущности, это — тѣ же «accussativ'но-возвратныя« формы, но только съ нѣкоторымъ, тоже своего рода» динамическимъ« оттѣнкомъ (книги не сами себя продаютъ, а продаетъ ихъ *другой*, — книгопродавецъ*).

Passiv'нымъ формамъ опять таки противопоставляются прежде всего activ'ныя, но кромѣ того есть основаніе противопоставлять имъ и medial'ныя формы съ genitiv'но-возвратнымъ и dativ'но-возвратнымъ или, выражаясь однимъ терминомъ, »косвенно-возвратнымъ« оттѣнкомъ. Противопоставляя форму *ἠδικήθην* формѣ *ἠδίκησα*, или форму *ἀπεδείχθη* (*ταῦτα*) формѣ *ἀποδείξομαι δύναμιν*, мы скажемъ, что въ то время, какъ въ окончаніяхъ формъ *ἠδικήθην* и *ἀπεδείχθη* отмѣчено лицо, *надъ* которымъ совершается дѣйствіе (= *на которое* переведено дѣйствіе; не забудемъ здѣсь именно о »прямомъ«

---

*) Немного иначе Delbrück Synt. Forsch. IV. 75: Seit alter Zeit haben die Medialformen auch passiven Sinn gehabt, der in dieselben, wie es scheint, auf zwei Wegen einziehen konnte, einmal durch die neutrale und sodann durch die reflexive Bedeutung hindurch. Что значитъ neutrale Bedeutung? Мы часто слышимъ о «среднемъ« залогѣ. Принятіе »средняго« залога отразилось и на терминѣ *medium*, какъ обозначеніи *грамматической* залоговой формы. Нужно сказать, что грамматика, примирившаяся съ «среднимъ« залогомъ, прежде всего *этимъ* закрыла себѣ путь къ *подробному* разбору залоговыхъ оттѣнковъ.

переводѣ), въ окончаніяхъ формъ *ἠδίκησα* и *ἀποδείξομαι* и т. п. отмѣчено лицо, *которое* совершаетъ дѣйствіе. При произнесеніи medial'ной съ косвенно-возвратнымъ оттѣнкомъ или activ'ной формъ, противопоставляемыхъ здѣсь passiv'ной формѣ, мы или *чувствуемъ* потребность указать и на то лицо, которое было отмѣчено въ passiv'ной формѣ (= на то лицо, *на* которое переводится дѣйствіе), или же, какъ напримѣръ иногда въ *ἠδίκησα* (= я совершилъ безправіе), мы этой потребности *не* чувствуемъ; если ея не чувствуемъ, то эти medial'ныя съ косвенно-возвратнымъ оттѣнкомъ и activ'ныя формы опять таки приближаются ко *второму*, по качеству дѣйствій, разряду, именно къ непереводно-движимымъ. Точно такъ же мы и при произнесеніи passiv'ныхъ формъ *ἠδικήθην*, *ἀπεδείχθη* и т. п. либо *чувствуемъ* потребность указать и на то лицо, *которое* совершаетъ дѣйствіе (указываемъ мы на него или dativ'омъ, — *γέγραπται αὐτῷ* — или »предлоговымъ« оборотомъ *ὑπό τινος*, *ἔκ τινος*, *πρός τινος*), либо мы этой потребности *не* чувствуемъ; если ея не чувствуемъ, то passiv'ныя формы приближаются по своему значенію къ *первому*, по качеству дѣйствій, разряду, выражаемому черезъ activ'ныя формы, именно къ »самодвижущимся«. Приближеніе activ'овъ *перваго* разряда дѣйствій къ passiv'амъ *третьяго* разряда дѣйствій ведетъ, съ другой стороны, и къ тому, что у самого activ'а получается способность присоединять къ себѣ предлоговые обороты (*θνήσκω ὑπό τινος*, *ἐκπίπτω ὑπό τινος*), и представленіе о »самодвижущихся« дѣйствіяхъ легко переходитъ, не вызывая перемѣны въ грамматической формѣ *τοῦ ῥήματος*, къ представленію о дѣйствіяхъ »движимыхъ«.

Изъ разсужденій, приведенныхъ въ настоящей статьѣ о залогахъ, явствуетъ, что отношеніе одного качества дѣйствій къ другому, отношеніе одной залоговой формы къ другой, а также отношеніе качествъ дѣйствій къ залоговымъ формамъ, — все это главнымъ образомъ опредѣляется то *отсутствіемъ* »прямого« перевода дѣйствія отъ дѣятеля къ другому лицу, то его *наличностью*, то, наконецъ, *взаимностью* прямого перевода дѣйствія между *двумя* дѣяте-

лями. Тамъ, гдѣ такой прямой переводъ на лицо, мы будемъ говорить о transitiv'ныхъ дѣйствіяхъ и о transitiv'ныхъ ῥήματα, вообще — о *transitiv'ахъ*; для случаевъ, гдѣ его нѣтъ, пусть будетъ имѣть мѣсто терминъ *intransitiva*, а для третьей категоріи въ нашей терминологіи пусть служитъ терминъ *reciproca*. Къ reciproc'амъ относится весь вышеупомянутый *пятый* разрядъ дѣйствій и выражающія его media. Intransitiv'ами *должны* быть: 1. »самодвижущіяся« дѣйствія и выражающіе ихъ activ'ы (послѣдніе — или безъ прибавки, или съ прибавкою »предлоговаго« оборота ὑπό τινος); 2. »непереводно-движимыя« дѣйствія и выражающіе ихъ activ'ы; 3. passiv'ы и дополняющія ихъ media тѣхъ ῥημάτων, которыя обозначаютъ »переводно-движимыя« дѣйствія; 4. accusativ'но-возвратныя дѣйствія и выражающія ихъ media. Transitiv'ами *могутъ* быть: 1. activ'ы обозначающихъ »переводно-движимыя« дѣйствія ῥημάτων (они могутъ быть и intransitiv'ами, какъ то выше объяснено на ἀδικέω); 2. »косвенно-возвратныя« дѣйствія и выражающія ихъ media (они могутъ быть и intransitiv'ами: сравни dativ'но-возвратное θηρᾶται = онъ занимается охотою = охотится). Изъ всякаго intransitiv'a можно сдѣлать transitivum, изъ всякаго transitiv'a можно сдѣлать bitransitivum (вдвойнѣ transitiv'ное) и всякое reciprocum можно сдѣлать reciproce-transitiv'нымъ 1. — черезъ *любимое* греками (даже въ обыкновенномъ, не высокаго стиля, языкѣ) внесеніе въ текстъ *внутренняго* объекта, т. е. того объекта, который представляетъ собою не *внѣшній* предметъ, существующій *самъ по себѣ*, *помимо* перехода на него дѣйствія (такимъ «внѣшнимъ« предметомъ будетъ, напримѣръ, »ὁ ἀνήρ« въ выраженіи »ἀδικέω τὸν ἄνδρα«), а нѣчто такое, что составляетъ только лишь *продуктъ* дѣйствія и возникаетъ, а иногда и исчезаетъ вмѣстѣ съ возникновеніемъ и исчезновеніемъ дѣйствія (ζῇ καλὸν βίον, ἀδικεῖ σε μεγάλην ἀδικίαν, λώβας ἐλωβήθη, μαχόμεθα μάχην; сравни русское »горевать горе«); 2. — черезъ внесеніе въ мысль factitiv'ности (я бѣгу — я *заставляю* бѣжать; я узналъ что-нибудь — я *заставилъ* узнать что-нибудь и т. д.). Въ греческомъ

языкѣ *обыкновенно* factitiv'ность *не ведетъ* къ какимъ-нибудь особеннымъ грамматическимъ формамъ: *обыкновенно* внесеніе ея въ мысль вызываетъ появленіе въ языкѣ словъ *ποιέω* или *τίθημι* (*ποιέω αὐτὸν πράττειν* и т. п.) Но есть цѣлый рядъ *ῥημάτων*, выработавшихъ въ perfectum, plusquamperfectum и aorist'ѣ такъ называемыя сильную и слабую этимологическія формы. Тогда *слабыя* формы отличаются отъ *сильныхъ* factitiv'ностью своего значенія (*ἔδυν* = я погрузился, *ἔδυσα* = я заставилъ погрузиться; *ἔγνων* = я позналъ, новоіоническое *ἀνέγνωσα* = я заставилъ познать, я убѣдилъ; *ἀνεβίων* = я ожилъ, *ἀνεβίωσα* = я заставилъ его ожить, я привелъ его въ себя, я привелъ его въ сознаніе; *ἐτραπόμην* = я обратился, *ἐτρεψάμην* = я заставилъ обратиться, я обратилъ въ бѣгство; *ἐγενόμην* = я сдѣлался такимъ-то, я произошелъ, *ἐγείνατό με μήτηρ* = родила меня мать и т. д.).

Всякая medial'ная и всякая passiv'ная форма, — за исключеніемъ medial'ныхъ формъ, обозначающихъ *взаимное* дѣйствіе, — должна бы имѣть въ языкѣ соотвѣтствующую activ'ную форму. Къ такому заключенію ведетъ все, сказанное выше о залоговыхъ формахъ и ихъ значеніи. Что *обратное* заключеніе (именно — чтобы всякой activ'ной формѣ соотвѣтствовала medial'ная и passiv'ная) *не имѣетъ* мѣста, — это также ясно изъ предыдущаго. На *практикѣ* не замѣчается, чтобы *всякому* medium и passivum соотвѣтствовало и activum, и въ языкѣ выступаютъ такъ называемыя deponentia. Я отношу эту непослѣдовательность только къ *практикѣ* языка; это не значитъ, что ее слѣдуетъ относить и къ *сознанію употреблявшаго* языкъ, по крайней мѣрѣ, не къ сознанію *первоначальному* (съ развитіемъ языка мало ли гдѣ утратилось первоначальное сознаніе значенія и формъ и словъ, и цѣлыхъ оборотовъ). Надо полагать, что deponentia первоначально такъ и чувствовались съ тѣмъ значеніемъ, какое имъ принадлежитъ, какъ medi'амъ (если это—medial'ныя deponentia), или какъ passiv'амъ (если это—passiv'ныя deponentia). Русское »онъ мается« чувствуется до сихъ поръ какъ accusativ'но-возвратное, хотя »маять кого-нибудь« не говорятъ,

развѣ въ compositum »замаять лошадь«. Разница между passiv'ными и medial'ными deponenti'ами, въ сущности, небольшая, уже по одному тому, что во многихъ временахъ и наклоненіяхъ medial'ныя формы вполнѣ замѣнили собою passiv'ныя. Отсюда такое колебаніе въ aorist'ахъ между medial'ными и passiv'ными deponenti'ами. Замѣчательно, что въ ῥήματα, обозначающихъ *чувство*, преобладаетъ *passiv'ное* deponens; очевидно, что здѣсь рѣзко выдѣлялся въ сознаніи образовавшаго форму тотъ *динамическій* оттѣнокъ (чувство возникаетъ во мнѣ *помимо* моей воли), который *passiv'ной* формѣ естественно присущъ, и который въ *medial'ныя* формы еще только нужно *особо вносить*, для того чтобы онѣ сдѣлались способными сыграть роль passiv'ныхъ (»я обрадовался« будетъ »ἥσθην«, я испугался — ἐφοβήθην и т. д.; сюда же относится и ἠβουλήθην = во мнѣ возникло рѣшеніе, ᾠήθην = пришла мнѣ въ голову мысль и т. д.).

Послѣ этихъ замѣтокъ о залогѣ мы перейдемъ, наконецъ, къ обѣщанному разбору *наклоненій*, но непремѣнно въ связи съ разборомъ *временъ*, помня, что наклоненія и времена служатъ прежде всего для удовлетворенія *психологической* стороны симасіологіи τοῦ ῥήματος (стало быть, того ⟶, которое значится въ нашей схемѣ *а* ⟶ *б*), но что формальныя измѣненія τοῦ ῥήματος, относящіяся къ »времени«, хотя и *должны* обозначать прежде всего время, къ которому судящій относитъ свое сужденіе, однако могутъ захватывать и разные оттѣнки развитія »*дѣйствія*« т. е. члена *а* нашей симасіологической схемы.

О наклоненіи *вообще* опредѣленнѣе всѣхъ до настоящаго времени высказался, сколько намъ извѣстно, H. D. Müller, Indog. Sprachb. Вопросу о наклоненіи онъ посвятилъ въ своемъ сочиненіи первую главу, озаглавивъ ее »zur Syntax der griechischen Modi, ein Fragment« (Indog. Sprachb. 1—27). Къ сожалѣнію, онъ не связалъ симасіологіи наклоненій съ симасіологіею временъ, какъ Mutzbauer, въ свою очередь, разбирая симасіологію временъ, не связалъ ее съ симасіологіею наклоненій (см. выше стр. 99). Вотъ его положенія:

Derjenige Modus, der in allen indogermanischen Sprachen nach Form und Bedeutung die grösste Übereinstimmung zeigt, ist der Modus der assertorischen Behauptung... Nicht alle Formen, welche man unter den Namen Indicativus zu begreifen pflegt, dürfen ohne Weiteres auch *begrifflich* darunter subsumirt werden. So wird man anerkennen müssen, dass das griechische Futurum nur bis zu einem gewissen Grade unter diese Kategorie gehört. Ferner haben in der griechischen Sprache das Imperfectum und Aoristus Indic. im hypothetischen Satzgefüge und in einer gewissen Art von Wunschsätzen ihre indicativische Natur ganz verloren (стр. 2.)

Eine für jede leidlich ausgebildete Sprache nothwendige und darum auch in den indogermanischen Sprachen schon sehr früh ausgeprägte modale Kategorie ist sodann diejenige, welche zum Ausdruck des Wollens dient, — Modus voluntatis. Was wir so benennen, fällt nicht zusammen mit dem Imperativus, obwohl dieser vorzugsweise und fast ausschliesslich zum Ausdruck des Willens dient (стр. 3).

Eine ebenfalls für jede gebildete Sprache unentbehrliche und in den indogermanischen Sprachen, wenn auch auf sehr verschiedene Weise, zum Ausdruck gekommene modale Kategorie, die hypothetische Behauptung oder Fallsetzung, bezeichnen wir als Modus fictivus. Man könnte dafür auch die Bezeichnung Conditionalis wählen, wenn diese nicht in den meisten Sprachen an *bestimmte* Formen der hypothetischen Behauptung geknüpft wäre, im Griechischen an Imperfectum und Aoristus Indic. im hypothetischen Satzgefüge,*) . . . es ist aber auf *diese* Formen der Begriff des Modus fictivus keineswegs zu beschränken (стр. 3).

Endlich bleibt noch eine modale Kategorie übrig, welche genau zu bezeichnen um deswillen so schwer wird, weil der sprachliche Ausdruck für dieselbe ausserordentlich schwankend und mannigfaltig ist. Begrifflich möchte dieselbe wohl am besten definirt werden als Modus der problematischen Behauptung. Da indessen die dafür in den Sprachen

*) Теперь, впрочемъ, любятъ употреблять для этихъ явленій не терминъ *condicionalis*, а терминъ *modus irrealis*.

zur Verwendung kommenden Ausdrücke in der Regel bezeichnen, dass die in diese Form gekleidete Aussage in die Wirklichkeit noch eintreten *könne* oder *gekonnt habe*, so wird dafür der Name *Modus potentialis* um so eher verwandt werden, da derselbe auch sonst schon, wenn auch nicht überall iu *diesem* Sinne, unter die Zahl der grammatischen Termine aufgenommen ist (стр. 3).

Andere als diese vier Modalbegriffe wird man in den indogermanischen Sprachen nicht finden, wenn man sich vor dem Fehler zu hüten versteht, gewisse Nüancen modalen Ausdrucks, statt sie unter jene zu subsumiren, als selbstständige Hauptbegriffe hinzustellen (стр. 4).

Den vier gefundenen Modalbegriffen gegenüber stehen nun... in der griechischen Sprache vier Modalformen gegenüber... — der Indicativus als Modus der assertorischen Behauptung, der Imperativus als Modus voluntatis, der Optativus als Modus fictivus, der Conjunctivus als Modus potentialis... Das wird hinsichtlich des Indicativus und Imperativus kaum einem Widerspruche begegnen, die Ansichten dagegen, welche über ursprüngliche Bedeutung des Conjunctivus und Optativus bis jetzt herrschen, stellen sich mit jener Vermuthung in einen scharfen Widerspruch, aber wir hoffen, dass es uns gelingen werde, nicht nur aus der Analyse der Formen, sondern auch aus dem Sprachgebrauche die Richtigkeit derselben zu erweisen (стр. 5).

Въ основанie всему этому Мюллеръ положилъ слѣдующiй методъ: Man hat durch eine Vergleichung der verschiedenen indogermanischen Sprachen festzustellen, welche Modalbegriffe in *allen* zu einer mehr oder weniger scharfen Ausprägung gekommen sind, diese dann als die dem schaffenden Sprachgeiste unbewusst vorschwebenden Ziele der sprachlichen Entwicklung festzuhalten und an ihnen die modalen Formen der Einzelsprache zu messen und in ihren Functionen näher zu bestimmen (стр. 1).

На разборѣ теорiи Мюллера мы долго останавливаться не будемъ. Скажемъ только, что напрасно Мюллеръ принялъ какой то modus fictivus за »Hauptbegriff«, втиснувъ его

еще вдобавокъ *клиномъ* между »modus der assertorischen Behauptung« и »modus potentialis«, которые, если ихъ ужъ различать, должны быть поставлены *рядомъ*, согласно той лѣстницѣ *квалитативности* сужденія, которую мы выставили на стр. 95. По этой лѣстницѣ только и *можно* устанавливать Hauptbegriffe, а такими являются *только* »познавательное« и »желательное« сужденія. По нимъ мы и будемъ »die modalen Formen der Einzelsprache (въ данномъ случаѣ *греческаго* языка) messen und in ihren Functionen näher bestimmen«. Быть можетъ, мы, принявъ только эти *два* Hauptbegriffe и связавъ ихъ съ симасіологіею временъ, скорѣе, чѣмъ Мюллеръ, предотвратимъ необходимость заявлять, что »не всѣ формы, которыя обыкновенно подводятъ подъ названіе такого то наклоненія, могутъ ohne Weiteres auch *begrifflich* darunter subsumirt werden«. Во всякомъ случаѣ странно, что языкъ (какъ это рисуетъ Мюллеръ), выработавшій при наличности четырехъ »Hauptbegriffe« четыре *формы*, долженъ вдругъ для удовлетворенія этихъ Hauptbegriffe перескакивать отъ одной формы къ другой.

Присуждая лицу дѣйствіе, какъ личное свое *желаніе*, говорящій употребляетъ прежде всего Imperativ. Что касается вопроса о времени, то самое желаніе, конечно, относится къ моменту произнесенія его говорящимъ, иначе говоря,—къ моменту *рѣчи* (все равно, впервые ли оно возникаетъ въ этотъ моментъ у говорящаго, или же является въ данный моментъ *воспроизведеніемъ*, *прежней* его мысли), но на *фактическое* исполненіе желаемаго говорящій разсчитываетъ не въ *самый* моментъ произнесенія желанія, а только лишь *послѣ* его произнесенія, стало быть, по отношенію къ *самому моменту* рѣчи, — въ *будущемъ* времени. Въ этомъ смыслѣ всякій Imperativ можно считать *будущимъ временемъ*.

Для этого *одного* времени Imperativ'а, которое мы назвали *будущимъ*, языкъ располагаетъ *тремя* грамматическими формами: *ἐννόει*, *ἐννόησον*, *πέφηνε*. Въ виду такого или иного внѣшняго вида »основы«, заключающейся въ каждой изъ этихъ формъ, — стало быть, съ точки зрѣнія чисто *эти-*

мологической, — мы употребляемъ для различенія указанныхъ трехъ формъ *этимологическіе* же термины: Imperativus praesentis, Imperativus aoristi и Imperativus perfecti. Съ *симасіологической* точки зрѣнія слѣдовало бы всѣ эти три формы называть *будущими* временами, а такъ какъ ихъ *три*, то каждая изъ нихъ должна служить выраженіемъ такого или иного *видоваго оттѣнка* *) этого будущаго времени. Какіе это видовые оттѣнки?

Черезъ употребленіе Imperativi praesentis говорящій выразительно указываетъ на *процессуальность* дѣйствія въ будущемъ, — на прохожденіе его черезъ *цѣлый рядъ моментовъ* его развитія (λέγε = говори). Употребляя Imperativus aoristi, говорящій никакой процессуальности въ дѣйствіи не видитъ. Видѣть ее не позволяетъ ему или особое *свойство* дѣйствія, которое онъ обозначаетъ Imperativ'омъ, или его личная *тенденція*. Говоря объ особомъ свойствѣ дѣйствія, мы имѣемъ въ виду его *одномоментность*, стало быть, — нѣчто совершенно *противоположное* тому ряду моментовъ, на который указывается черезъ Imperativus praesentis (βάλε = брось). Указывая на личную тенденцію говорящаго, мы имѣемъ въ виду тѣ случаи, когда говорящій, выражая свое желаніе черезъ Imperativ, думаетъ единственно о томъ, чтобы дѣйствіе »осуществилось«, видитъ ли онъ это осуществленіе въ томъ, что дѣйствіе дѣлается просто *фактомъ* (εὖξαι = помолись = моленіе да будетъ — affirmativus), или въ томъ, что дѣйствіе это доведено *до конца* (ποίησον = сдѣлай — finitivus), или, въ третьихъ, въ томъ, что дѣйствіе *вступило* въ дѣйствительность (προφάνηθι = появись — ingressivus). Что же касается, наконецъ, Imperativ'a perfecti, то употребляя его, говорящій относитъ свое желаніе даже не къ дѣйствію, а къ тому *состоянію* (непремѣнно *длительному*, ибо »состояніе« = ἕξις, какъ таковое, не можетъ быть »одномоментнымъ»), которое является *результатомъ* окончившагося *когда бы то ни было* (когда.

---

*) Подъ »видовыми оттѣнками« мы разумѣемъ тѣ разныя стадіи развитія *дѣйствія*, которыя грамматическая форма призахватываетъ къ обозначенію времени какъ принадлежности самого *сужденія* (см. выше стр. 97 и 100).

— до этого говорящему нѣтъ дѣла) дѣйствія (*πέφηνε* = будь явившимся = будь тутъ).

Бо́льшее сравнительно съ русскимъ языкомъ, *въ данномъ случаѣ*, стремленіе греческаго языка къ *картинности* повліяло на появленіе Imperativi praesentis, т. е. на выраженіе »процессуальности« дѣйствія тамъ, гдѣ въ русскомъ языкѣ встрѣчается выраженіе простаго »осуществленія« дѣйствія. Такъ. мы иначе и не говоримъ, какъ »передай ему то-то«, между тѣмъ какъ въ греческомъ сплошь да рядомъ встрѣчаемъ »*ἀπάγγελλε τοίνυν αὐτῷ ὅτι . . .*« (= ты съ нимъ такъ толкуй . . .)

Если представленіе »осуществленія дѣйствія« легко могло перейти въ представленіе »доведенія дѣла до конца« (= законченности дѣйствія — finitivus), и если оба эти представленія могли быть выражены *одною* грамматическою формою, именно Imperativ'омъ aoristi, то съ другой стороны, *изъ* представленія »процессуальности дѣйствія«, выражаемой черезъ Imperativ praesentis, особенно при *рѣзкомъ* его противопоставленіи представленію »законченности дѣйствія», легко могло развиться представленіе »*не*законченности дѣйствія«, — представленіе нѣкоторой лишь »попытки« (conatus), и послѣднее съ удобствомъ могло быть выражено черезъ тотъ же Imperativ praesentis. Итакъ, нужна была лишь надлежащая дифференцировка формъ, напримѣръ формъ *πεῖσον* и *πεῖθε*, чтобы, влагая въ первую смыслъ »убѣди« (его), вложить въ послѣднюю смыслъ »возьмись увѣщевать (его)«.

Совершенно аналогично русскому языку, въ греческомъ языкѣ отрицаніе (въ данномъ случаѣ отрицаніе *μή*, а не *οὐ*) вліяетъ на появленіе Imperativi praesentis предпочтительно передъ Imperativ'омъ aoristi. По русски говорятъ: »позволь мнѣ сдѣлать то-то«, но рядомъ съ этимъ: »не позволяй ему этого«. Такъ и по гречески: въ положительномъ смыслѣ мы можемъ встрѣтить и »*ἔασόν με*«, и »*ἔα με*« (какъ было выше »*πεῖσον*« и »*πεῖθε*«), но въ отрицательномъ смыслѣ чаще говорятъ »*μὴ ἔα αὐτόν*«. Причина очевидна: *μή* влечетъ за собою оттѣнокъ conatus (»позволять и не берись«).

Вотъ все, что мы могли сказать объ Imperativ'ѣ. Перейдемъ теперь къ Indicativ'у.

Черезъ Indicativ говорящій присуждаетъ лицу дѣйствіе въ »познавательномъ« смыслѣ. Самое познаваніе, — что касается вопроса о *времени*, — относится, конечно, къ моменту рѣчи (независимо отъ того, впервые ли оно въ этотъ моментъ возникаетъ у говорящаго, или же въ данный моментъ является »воспоминаніемъ« и воспроизведеніемъ познаннаго раньше), но присуждаемое дѣйствіе, насколько говорящій познаетъ *фактическое* исполненіе его на томъ лицѣ, которому его присуждаетъ, относится къ разнымъ временамъ. Временъ — три: настоящее, прошедшее и будущее.

Все временное пространство рисуется въ человѣческомъ представленіи, — стало быть, и въ представленіи говорящаго, — безконечною прямою линіею, какою-то прямою дорогою, по которой самъ говорящій какъ-бы шествуетъ. Та часть дороги, которую ему еще предстоитъ пройти, и которая у него передъ глазами, есть будущее время, а та часть, которую онъ уже прошелъ, и которая у него за спиною, есть прошедшее время. Настоящимъ временемъ, разсуждая строго математически, должна бы быть на прямой линіи временного пространства только *точка*. Одна *точка*, строгая *математическая точка*, должна бы собственно отдѣлять прошедшее отъ будущаго. И такъ какъ математическая точка никакого измѣренія и никакого протяженія не имѣетъ, и сама притомъ по линіи временнаго пространства все движется впередъ и никогда не останавливается; такъ какъ *нѣтъ* минуты, нѣтъ секунды, *нѣтъ* полусекунды, въ границахъ которой уже не было бы прошедшаго и будущаго, то настоящаго времени въ *реальномъ* мірѣ, собственно говоря, *нѣтъ*, а есть только *математическое* настоящее, безпространственное, притомъ вѣчно движущееся и неостановимое, а потому реально неуловимое, неосязаемое, непредставимое. Даже въ »одномоментныхъ« дѣйствіяхъ (напримѣръ, въ дѣйствіи »бросить«), которыя, строго разсуждая, для своего совершенія во временномъ пространствѣ требуютъ хотя бы *минимальную* линію, но все же *линію*, а не

математическую точку, — даже въ этихъ «одномоментныхъ» дѣйствіяхъ говорящій, насколько онъ ихъ *чувствуетъ* и хочетъ представить слушателю одномоментными«, не уловляетъ настоящаго времени (а если и уловляетъ *глазами*, то всетаки не на протяженіи такого временнаго пространства, чтобы успѣть высказаться о немъ, какъ о настоящемъ *въ самой рѣчи*, требующей для себя опять таки *особаго* времени). Вслѣдствіе этого *грамматическія* выраженія »одномоментныхъ« дѣйствій не имѣютъ настоящаго времени (мы говоримъ: »бросилъ, — броситъ« и только; когда же мы говоримъ »бросаетъ«, то уже *чувствуемъ* и представляемъ дѣйствіе и себѣ, и слушателю »многомоментнымъ«). Но, подобно тому какъ математикъ, разсуждая о своихъ точкахъ, на доскѣ рисуетъ въ это время не точки, а цѣлыя тѣла, имѣющія и длину, и ширину, и толщину, такъ и говорящій растягиваетъ математическую точку настоящаго времени въ цѣлую линію. При этомъ растягиваніи математической точки въ линію говорящій поступаетъ относительно *размѣра* самой линіи совершенно произвольно. Настоящее время самого »желанія« и »познаванія«, выражаемаго грамматически въ *наклоненіи τοῦ ῥήματος*, начинается и кончается тамъ, гдѣ возникаетъ и досказывается *мысль*, относящаяся къ выраженному въ *ῥῆμα* дѣйствію; но въ дальнѣйшемъ говорящій опредѣляетъ себѣ начало и конецъ настоящаго времени не только тѣмъ временнымъ пространствомъ, которое требуется для произнесенія какой-нибудь одной, а то даже и *нѣсколькихъ* мыслей (— моментъ рѣчи), но идетъ гораздо дальше, растягивая настоящее время на часъ, день и т. д. («сегодня«, — говоритъ больной, — «я *чувствую* себя хорошо; вчера мнѣ *было* плохо; не знаю, какъ *будетъ* завтра«). Въ растягиваніи настоящаго времени говорящій доходитъ иногда даже до *безпредѣльнаго*, чѣмъ, конечно, достигаетъ полнаго *уничтоженія* всякаго прошедшаго и будущаго (*πάντα ῥεῖ* = все всегда и вѣчно *движется*). Такимъ образомъ, *настоящее* время есть въ концѣ концовъ произвольная линія во временномъ пространствѣ, для каждаго особаго случая говорящимъ особо устанавливаемая, *прошедшее* время есть

то временное пространство, которое предшествуетъ *начальной* точкѣ, а *будущее* — то, которое слѣдуетъ послѣ *окончательной* точки произвольнаго, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ особо устанавливаемаго говорящимъ настоящаго времени.

Для настоящаго времени въ Indicativ'ѣ греческаго языка существуютъ *двѣ* грамматическія формы: praesens и perfectum; для будущаго — также *двѣ*: futurum simplex и futurum exactum, для прошедшаго — три: imperfectum, plusquamperfectum и aoristus. Такъ какъ для каждаго изъ временъ языкъ располагаетъ *нѣсколькими* грамматическими формами, то ими, этими формами, достигаются *видовые* оттѣнки временъ. *Видовые* оттѣнки временъ въ тѣхъ или иныхъ формахъ греческаго Indicativ'а видны изъ слѣдующихъ сопоставленій и замѣчаній.

При сопоставленіи praesentis съ perfectum замѣчается, что perfectum означаетъ настоящее время не дѣйствія, какъ то можно сказать о praesens, а настоящее время состоянія, какъ *результата**) окончившагося когда бы то ни было

---

*) Дельбрюкъ (Synt. Forsch. IV. 34), больше обращая вниманіе, при опредѣленіи значенія Perfect'а, на самое *дѣйствіе* (Indicativus отъ прочихъ наклоненій тутъ не различается), говоритъ: der Stamm des Perfectum bezeichnet eine mit Intensität vollzogene oder eine vollendete Handlung. Такое опредѣленіе обыкновенно встрѣчается у нашихъ грамматиковъ. Правильнѣе, по нашему, разсуждаетъ H. D. Müller, который говоритъ такъ (Indog. Sprachb. 6—7): Wir sind berechtigt zum Schluss, dass den sogenannten secundären Endungen (разумѣй *личныя* окончанія *ν—ς—0—μεν—τε—σαν*) die Geltung *praeteritaler* Endungen zukomme. Dem entsprechend werden wir auch den primären Endungen (т. е. *μι—σι—τι—μεν—τε—ντι*) *temporale* Geltung zuschreiben müssen. Dieselben sind als *praesentische* Endungen anzusehen. Das scheint eine gewagte Behauptung, da dieselben ja nicht bloss dem Praesens, sondern auch dem Perfectum und Futurum dienen. Allein dass das Perfectum gemäss der Bedeutung, welche ihm die *griechische* Sprache, — sicherlich darin mehr als die anderen Sprachen das Ursprüngliche bewahrend, — beilegt, ein Tempus der *Gegenwart* genannt werden muss, ist bekannt und von mir in der Abhandlung über die Syntax der griechischen Tempora genauer nachgewiesen. Ohnehin zeigt die Stammbildung des Perfectum *älterer* Bildung (Perf. II) eine nahe Verwandtschaft zu dem Praesensstamme. Denn nicht nur die Reduplication findet sich wenigstens bei einer Classe von Verben auch im Praesensstamme (Мюллеръ имѣетъ въ виду слова какъ-то: *τίθημι*, *γιγνώσκω*, *πίπτω* и т. п.), sondern auch die Vocalsteigerung ist dem Perfectum mit den Praesensformen gemein (*πέφευγα—λέλοιπα*, *φεύγω—λείπω*; противопоставить слѣдуетъ *ἔφυγον* и *ἔλιπον*) und vergleichen wir z. B. das griechische Per-

(когда, — до этого говорящему дѣла нѣтъ) дѣйствія. Конечно, наше сопоставленіе не относится къ такимъ *ῥήματα*, какъ *εἰμί*, *κεῖμαι*, *ἥκω* и т. п., въ которыхъ особой грамматической формы perfect'а нѣтъ, и въ которыхъ, въ силу значенія самого praesentis, переходъ отъ одного чего-нибудь, какъ «дѣйствія«, къ другому чему-нибудь, какъ »результату дѣйствія« немыслимъ; оно относится къ такимъ *ῥήματα*, какъ *γράφω* — *γέγραφα*, гдѣ *γράφω* обозначаетъ »пишу«, а *γέγραφα* — »у меня нѣчто *написано*«. Въ русскомъ языкѣ значеніе греческаго perfect'а лучше всего уловляется не черезъ формы »я написалъ« — »я приготовилъ«, а черезъ формы »у меня написано» — »мною приготовлено«, или черезъ формы (ихъ приходится слышать иногда) »онъ вставши«, »онъ одѣвшись« и т. п.

Иногда *ῥήματα*, переходя отъ настоящаго времени »дѣйствія« къ настоящему времени »результата дѣйствія«, не переходятъ къ грамматической формѣ perfecti, а остаются при формѣ praesentis. Такъ, »*νικάω*« обозначаетъ не только »я беру верхъ надъ врагомъ во время самой борьбы«, но

fectum *ἕστηκα ich stehe* mit dem lateinischen Praesens sto *ich stehe*, so erkennen wir deutlich in dem Perfectum nur eine Modification des Praesens, von dem es sich anfänglich nur dadurch unterschied, dass dieses (das Praesens) die Handlung im Stande einer noch fortdauernder Bewegung (status motivus), jenes die Handlung im Stande der Erstarrung oder Ruhe, mit welcher die Bewegung abschliesst (status quietivus) auffasste (если и Futurum, какъ имѣющее primaere Endungen, должно быть пріурочено къ настоящему времени, то это возможно лишь въ томъ смыслѣ, что значеніе напр. формы *ποιήσω* мы будемъ толковать черезъ выраженіе »я *собираюсь* что то дѣлать« — »я *имѣю* что то сдѣлать«). Такъ же выска́зывается о греч. Perfectum и Curtius (Verbum II. 120): Es scheint mir kaum einem Zweifel zu unterliegen, dass der *Indicativ* Perfecti (да, только объ Indicativ'ѣ идетъ рѣчь, какъ и у Мюллера только о *primäre* Endungen) vom Haus aus nichts weiter war, als eine besondere Art der Praesensbildung. Mutzbauer (Tempusl. 38) пишетъ: Der Perfectstamm ist in seiner Verwendung durchaus vom lateinischen Perfectum und dem deutschen zusammengesetzten Praeteritum verschieden. Seiner Bildung nach ein reduplicirtes Praesens, bezeichnet er dieser äusseren Verstärkung des Stammes entsprechend zunächst eine *intensive* Handlung, bietet also eine gesteigerte Bedeutung des Praesens- oder Verbal-stammes, z. B. *βέβηκα* »ich schreite mit gewaltigen Schritten« mit *einer* Ausnahme stets von *Göttern* oder grossen *Helden* gebraucht. Eine gesteigerte Bedeutung kann aber im Zustand der Ruhe uns als ein *fertig vorliegender Zustand* erscheinen. Und dies ist die zweite Bedeutung des Stammes, z. B. *ὄλωλα* »ich bin verloren«, *τέθνηκα* »ich bin todt«.

и »окончательная побѣда за мною« = »я побѣдитель«; »*πέμπω*« — не только »я отправляю (посольство), но и »мною отправлено (посольство); »*ἀκούομεν*« — не только »мы слышимъ (то-то)«, но и »между нами распространенъ слухъ (о томъ-то)«; »*ἀγγέλλει*« — не только »онъ передаетъ (намъ то-то)«, но и »получено черезъ него (такое-то) извѣстіе«; »*λέγει*« — не только »онъ говоритъ то-то«, но и »имъ сказано то-то«, »онъ держится такого-то мнѣнія« и т. д.... Въ русскомъ языкѣ мы встрѣчаемся, конечно, съ тѣмъ же явленіемъ: во фразѣ — »въ своемъ сочиненіи онъ *пишетъ* то-то« мы имѣемъ дѣло не съ дѣйствіемъ »писать«, а съ *результатомъ* означеннаго дѣйствія, и фразу »*οὐδὲν εἴρηκας*«, въ коей съ переходомъ »дѣйствія« въ »результатъ дѣйствія« языкъ перешелъ и къ грамматической формѣ perfecti, мы всегда вправѣ перевести: »то, что ты говоришь, не имѣетъ значенія«. Причины такого *не*перехода въ perfectum могутъ быть разныя, но всѣ онѣ, конечно, чисто *психологическія.**) Мы укажемъ здѣсь па одну, какъ на больше всего бросающуюся въ глаза; говорящій, присуждая лицу не »результатъ«, а »дѣйствіе«, — напр. дѣйствіе »онъ говоритъ« вмѣсто »онъ сказалъ», — хочетъ тѣмъ обозначить особое *настроеніе* даннаго лица, *все еще* находящагося подъ живымъ *впечатлѣніемъ* этого дѣйствія, или же готоваго, быть можетъ, во всякую минуту *повторить* дѣйствіе.

Иногда, какъ извѣстно, perfecta, выразительно указывая на то, что дѣйствіе кончилось, въ результатѣ чувствуются указателями не *состоянія,* получившагося отъ окончанія дѣйствія, а *прекращенія* или *исчезновенія* самого дѣйствія: *γέγραφα* = я уже писалъ, теперь больше не пишу.

---

*) Мы говоримъ здѣсь о причинахъ *психологическихъ,* оставляя въ сторонѣ слово »психо-*логическій*«, къ которому мы прибѣгали до сихъ поръ. Какъ читатель могъ замѣтить, мы избрали слово »психо-*логическій*« исключительно для обозначенія той *активной* стороны жизни души, которая проявляется въ *сужденіи* и *разсужденіи.* Всякое же другое проявленіе душевной жизни, иногда чисто *пассивное,* какъ напр. разсѣянность и т. п., такъ и *должно* оставаться »*психо*логическимъ«, или скорѣе *психическимъ.* Всѣ тропы, о которыхъ мы разсуждали на стр. 84, представляютъ собою явленіе *психо*логическое, а не психо-*логическое.*

Разница между futurum simplex и futurum exactum въ будущемъ времени такая же, какъ между praesens и perfectum въ настоящемъ времени.*)

Черезъ Indicativus imperfecti говорящій выразительно указываетъ на прохожденіе дѣйствія въ прошедшемъ времени черезъ *цѣлый рядъ моментовъ его развитія*, или же, какъ мы это и раньше назвали, на »*процессуальность*« дѣйствія въ прошедшемъ времени, — на ту самую процессуальность, которая въ настоящемъ времени сама собою навязывается сознанію говорящаго, когда тамъ, разумѣется, дѣло идетъ именно о дѣйствіи, а не о состояніи. Если говорящій такой процессуальности дѣйствія въ прошедшемъ времени не видитъ, то онъ употребляетъ для обозначенія этого времени Indicativ aoristi, а теперь буквально придется повторить объ *Indicativ'ѣ* aoristi то, что мы сказали объ *Imperativ'ѣ* aoristi, а именно: Видѣть процессуальность дѣйствія не позволяетъ говорящему или особое *свойство* дѣйствія, которое онъ обозначаетъ Indicativ'омъ, или его личная *тенденція.* Говоря объ особомъ свойствѣ дѣйствія, мы имѣемъ въ виду его »одномоментность« (*ἔβαλεν* = онъ бросилъ). Говоря о личной тенденціи говорящаго, мы имѣемъ въ виду тѣ случаи, когда говорящій, присуждая въ »познавательномъ« смыслѣ извѣстному лицу извѣстное дѣйствіе въ *прошедшемъ* времени, думаетъ единственно объ »осуществленіи« его въ прошедшемъ времени, видитъ ли онъ это осуществленіе въ томъ, что дѣйствіе было просто *фактомъ* (*ἐβούλευσε* = онъ былъ булевтомъ — aoristus affirmativus), или въ томъ, что дѣйствіе было доведено *до*

*) Mutzbauer (Tempusl. 40): Das Futurum liegt bei Homer in *drei* verschiedenen Bildungen vor: 1. vom Aoriststamm formiert, bezeichnet es die in der Zukunft eintretende oder zum Abschluss gelangende Handlung, z. B. *στήσομαι* »ich werde mich hinstellen« -- »werde hintreten«, *πεπιθήσω* »werde bereden“; 2. das Futurum des Perfectstammes führt einen in der Zukunft liegenden *Zustand* vor, z. B. *ἑστήξω* »ich werde stehen«; 3. die gewöhnliche Form des Futurum ist die vom Praesens- bez. Verbalstamm gebildete. Dieselbe drückt zunächst eine in der Zukunft vor sich gehende Handlung aus, dann auch als Ersatz des seltenen, schon bei Homer im Absterben begriffenen Aoristfuturum die in der Zukunft eintretende Handlung, z. B. *λέξομαι* »ich werde liegen« und »ich werde mich hinlegen«.

конца (*ἐποίησεν* = онъ сдѣлалъ — aoristus finitivus*), или въ томъ, что дѣйствіе *вступило* въ дѣйствительность (*προυφανήϑη* = его узрѣли — aoristus ingressivus**). Что же касается, наконецъ, plusquamperfect'а, то, употребляя его, говорящій не имѣетъ въ виду даже никакого дѣйствія въ прошедшемъ времени, а разумѣетъ то *состояніе* въ прошедшемъ времени, которое является *результатомъ* дѣйствія (*παρεδεδώκεσαν τὰ ὅπλα* = въ то прошедшее время, о которомъ идетъ рѣчь, оружіе у нихъ оказывалось сданнымъ побѣдителю***). Не лишено основанія называть Indicativi imperfecti, aoristi и plusquamperfecti »историческими« формами (кстати, они и по внѣшнему виду *окончаній* соста-

*) Curtius (Erl. 175) даетъ такому употребленію aorist'а названіе aoristus effectivus, причемъ противопоставляетъ его aorist'у ingressiv'ному и, признавая только эти *два* оттѣнка въ aorist'ѣ, обобщаетъ ихъ въ терминѣ *eintretende* Handlung. Дельбрюкъ (Synt. Forsch. IV. 101 и сл.) говоритъ: Curtius unterscheidet zwei Unterarten des Tempus der eintretenden Handlung, nämlich einmal den ingressiven Aorist... und sodann den effectiven... Es ist den gesammten Gebrauch des Aorist aus dem höheren Begriff der eintretenden Handlung abzuleiten... Ich bleibe bei der bisherigen Annahme, welche den Begriff der eintretenden Handlung an die Spitze stellt... Ich glaube, dass es gut sein wird, die Bezeichnung »eintretende Handlung« beizubehalten, wo aber die Rücksicht auf die Geschmeidigkeit des Ausdrucks es verlangt, parallel damit den Ausdruck »effectuiren« zu gebrauchen. Ich würde also sagen: Der Aorist bezeichnet die *Effectuirung* der Handlung. Затѣмъ, разсматривая *подробности* употребленія aorist'а, онъ на *первомъ* мѣстѣ ставитъ *такую* формулу: Der Indicativ aoristi *constatirt* die Effectuirung einer Handlung in der Vergangenheit. Es wird durch den Aorist *ἀνέϑηκα constatirt*, dass das Weihgeschenk aufgestellt worden ist. Въ послѣднихъ словахъ Дельбрюка мы находимъ нѣкоторую поддержку для выдѣленія aorist'а affirmativ'наго, какъ *особаго* оттѣнка; я говорю только *нѣкоторую* поддержку, потому что *вообще* толкованіе Дельбрюка о значеніи aorist'а не отличается ясностью.

**) Mutzbauer (Tempusl. 40): Es lässt sich die Bedeutung des Praesensstammes (разумѣй Praesens и Imperfectum) mit einer Linie, die des Aoriststammes mit einem Punkte vergleichen. Der Punkt kommt aber für die Anschauung in *dreifacher* Beziehung in Betracht: 1. Die ganze Handlung des Verbum erscheint als concentrirte, in einem Moment zusammengefasste, so zu sagen als Mittelpunkt; 2. es wird der Anfangspunkt der Handlung; 3. ihr Schlusspunkt herausgehoben.

***) Mutzbauer (Tempusl. 40): Das Plusquamperfectum ist, seiner Zusammensetzung aus dem Perfectstamm mit dem Imperfectum von *εἰμί* entsprechend, einfaches Imperfectum dieses Stammes. Nirgends in der griechischen Sprache enthält es die Vorstellung der Vorvergangenheit, wie die formal entsprechenden Formen der deutschen oder lateinischen Sprache, sondern es giebt ausser der auf dem Boden der Vergangenheit gedachten *gesteigerten* Thätigkeit einen auf dem gleichen Boden vorliegenden Zustand.

вляютъ особую группу въ противоположность Indicativ'амъ praesentis, perfecti, futuri simplicis и futuri exacti); въ самомъ дѣлѣ, выраженное ими »познавательное« сужденіе говорящаго имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что принадлежитъ уже какъ-бы исторіи.

Видно, что термины »imperfectum« (= недовершенное«) и »plusquamperfectum« (= »болѣе чѣмъ довершенное«) не особенно удачны въ смыслѣ *соотвѣтствія* разъясненной нами симасіологіи тѣхъ грамматическихъ формъ, для обозначенія которыхъ они приняты грамматикою. Что касается термина »aoristus«, то онъ установленъ уже *греческими* грамматиками-философами. Оправдывая этотъ терминъ (*ἀ — ὁρίζω* = не опредѣляю), они учили, что, если бы говорящему вздумалось опредѣлить (= охарактеризовать *ближе*) дѣйствіе, обозначенное черезъ aoristus, или, говоря по нашему, если бы вздумалось тотъ несложный *видовой* оттѣнокъ aorist'а, который мы разъяснили какъ указаніе на простое »осуществленіе« дѣйствія, какъ нибудь больше *осложнить*, то aoristus сейчасъ исчезнетъ, и вмѣсто него выступаетъ — то imperfectum, то perfectum, то plusquamperfectum. Въ самомъ дѣлѣ, *ἐβούλευσε* значитъ »онъ *былъ* булевтомъ«; когда мы захотимъ внести сюда оттѣнокъ »процессуальности«, то изъ *ἐβούλευσε* сдѣлается *ἐβούλευε* (= онъ рядилъ и судилъ и вообще былъ занятъ дѣлами въ *βουλή*); когда захотимъ сказать, что »дѣйствіе« окончилось, и что оно перешло уже въ »результатъ«, то тогда выйдетъ или *βεβούλευκε*, если этотъ результатъ относится къ настоящему (= онъ теперь уже не есть булевтъ), или *ἐβεβουλεύκει*, если этотъ результатъ относится къ прошедшему времени (онъ тогда уже не былъ булевтомъ).*)

*) Вотъ, собственно, въ какомъ видѣ желательно бы видѣть схолію B. A. II. 891, гласящую: *ὁ δὲ ἀόριστος κατὰ τὴν ἀοριστίαν τῷ μέλλοντι συγγενής· ὡς γὰρ τοῦ ποιήσω τὸ πόσον τοῦ μέλλοντος ἀόριστον, οὕτω τοῦ ἐποίησα τὸ τοῦ παρῳχημένου· τοῦ ἄρτι τοίνυν τῷ ἀορίστῳ διδομένου γίνεται παρακείμενος, οἷον ἐποίησα ἄρτι = πεποίηκα· τοῦ δὲ πάλαι προσνεμομένου ὁ ὑπερσυντελικὸς γίνεται, οἷον ἐποίησα πάλαι = ἐπεποιήκειν.* Дѣло *прежде всего* не въ *ἄρτι* и не въ *πάλαι*. Ибо, когда мы говоримъ »*окно разбито*«, то, какъ мы на то уже раньше указывали, никто даже не спрашиваетъ, разбито ли оно *только что*, или *давно*. Точно также не играютъ никакой роли слова

Кто привыкъ смотрѣть на разнообразіе греческихъ Indicativ'овъ съ точки зрѣнія такъ называемыхъ «видовъ« русскаго глагола, тотъ постоянно наталкивается въ греческихъ текстахъ на такіе Indicativi imperfecti, которымъ по духу *русскаго* языка можетъ соотвѣтствовать только лишь »совершенный« видъ, и которые переводу черезъ »несовершенный« видъ никакъ не поддаются. Причина — та, что греческій языкъ въ данномъ случаѣ больше стремится къ картинности, чѣмъ русскій. Это стремленіе повліяло на болѣе частое появленіе въ греческомъ языкѣ Indicativ'a imperfecti, т. е. Indicativ'a, выражающаго »процессуальность« дѣйствія, а не простое »осуществленіе« его. Въ русскомъ языкѣ, если ужъ говорящій *желаетъ* выставить предъ воображеніемъ слушателя всю процессуальность дѣйствія, то все прошедшее время передвигается въ область настоящаго, и въ рѣчи появляются такъ называемыя praesentia historica. Вмѣсто того, чтобы сказать »онъ пришелъ ко мнѣ и заявилъ мнѣ, что ты находишься въ опасномъ положеніи», русскій языкъ, желая картинно и живо представить дѣло, прибѣгаетъ къ выраженію: »и вотъ онъ приходитъ и заявляетъ и т. д.«. Греческій языкъ, какъ извѣстно, въ видахъ достиженія бóльшей картинности, тоже прибѣгаетъ къ praesens historicum (этою то замѣткою и нужно дополнить все то, что мы раньше говорили о praesens); но рядомъ съ praesens historicum ему для этой же цѣли служитъ и «процессуальное« imperfectum, и въ языкѣ появляется фраза: *Κῦρός τε καταπηδήσας ἀπὸ τοῦ ἅρματος τὸν θώρακα ἐ ν ε δ ύ ε τ ο καὶ ἀναβὰς ἐπὶ τὸν ἵππον* и т. д. (Xen. Anab. I. 8. 3). Для того чтобы выдер-

---

ἄρτι и *πάλαι*, когда мы говоримъ »окно оказалось (въ то время) разбитымъ«. Конечно, въ иныхъ случаяхъ можно, пожалуй, усмотрѣть въ томъ состояніи, которое выражено черезъ Perfectum, Plusquamperfectum, а *также и Futurum exactum*, нѣчто, начавшееся или *имѣющее* начаться *съ того момента*, когда само дѣйствіе или окончилось, или *окончится*, — можно усмотрѣть нѣчто, наступающее *сейчасъ* послѣ чего то другого; но тогда *и* въ Perfectum, *и* въ Plusquamperfectum, а *равно и во Futurum exactum*, должно быть »подразумѣваемо« ужъ не *πάλαι*, а всегда только *ἄρτι* или, вѣрнѣе, его синонимъ: письмо *написано* (= *только что* его написали); письмо было тогда *написано* (въ то время *только что* его окончили); когда ты придешь, то письмо уже будетъ написано (= до твоего прихода я *успѣю окончить* письмо).

жать при переводѣ греческихъ текстовъ русскіе »виды«, привыкли прибѣгать въ такихъ случаяхъ, какой представляетъ наше ἐνεδύετο, къ выраженію »сталъ надѣвать«. Но странною выйдетъ фраза: »сталъ надѣвать панцырь и, вскочивъ на лошадь, сдѣлалъ то-то« (въ чемъ странность, — всякій пойметъ сразу). Не лучше ли сказать, что въ греческомъ языкѣ есть *два* средства для изображенія картины, именно praesens historicum и »процессуальное« imperfectum, а въ русскомъ — только *одно*, именно praesens historicum; и не лучше ли тогда ужъ перевести прямо: «надѣваетъ панцырь и, вскочивъ на лошадь, и т. д.»? Полное соотвѣтствіе значеній praesentis historici и такого imperfect'a оправдывало бы для нашего явленія принятіе »imperfecti historici», какъ *особаго* термина. Но такъ какъ не только разсматриваемое въ данномъ случаѣ, но и *всякое* imperfectum уже названо нами историческимъ по другой причинѣ (по причинѣ принадлежности его вмѣстѣ съ aorist'омъ и plusquamperfect'омъ къ одной группѣ, противопоставляемой, при посредствѣ этого термина, другимъ Indicativ'амъ), то, пожалуй, можно будетъ обозначить объясняемый въ настоящее время оттѣнокъ imperfect'a черезъ терминъ »imperfectum descriptivum«.*) Насколько греческій языкъ любитъ свое imperfectum descriptivum, видно изъ *вставочнаго*, дошедшаго почти до значенія »частицы«, imperfect'a »ἔφη« въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ русскій языкъ употребляетъ свое »говоритъ« (= praesens). Сравни: »пришелъ ко мнѣ и сказалъ: я, говоритъ, не могу обижать тѣхъ ....« προσῆλθε πρὸς ἐμὲ καὶ ἔλεξεν τάδε· ἐγὼ μὲν δή, ἔφη, ...

---

*) Mutzbauer (Tempusl. 11.): Das Bedürtniss nach Anschaulichkeit hat zum entscheidenden Moment für die Wahl des Tempus die *Art der Handlung*, die sogenannte *actio* werden lassen. Deshalb werden Imperfectum und Aoristus in der Erzählung neben einander gebraucht, weil Homer nicht beabsichtigt, das zeitliche Verhältniss der verschiedenen Gedanken, ihre Gleichzeitigkeit oder Vorzeitigkeit, lauter reflectirte Begriffe, zu bestimmen, sondern weil es ihm allein darauf ankommt, die Handlung *selbst* dem Hörer anschaulich vorzuführen. Er wählt das Imperfectum, wenn er die Handlung in ihren einzelnen Momenten oder Stufen nach ihrem ganzen Verlauf vor unseren Augen vorübergehen lassen will, den Aorist, wenn dieselbe als in ein Moment zusammengefasst erscheinen soll.

Если представленіе »осуществленія дѣйствія« легко могло перейти въ представленіе »доведенія дѣла до конца« (= »законченнаго дѣйствія« — aoristus finitivus), и если оба эти представленія могли быть выражены *одною* грамматическою формою, именно Indicativ'омъ aoristi, то съ другой стороны, изъ представленія »процессуальности дѣйствія«, выраженной черезъ Indicativ imperfecti, особенно при *рѣзкомъ* его противопоставленіи представленію *законченности* дѣйствія, легко могло развиться представленіе »*не*законченности дѣйствія«, — представленіе нѣкоторой лишь »попытки« (conatus), и послѣднее могло быть съ удобствомъ выражено черезъ тотъ же Indicativus imperfecti. Итакъ, нужна была надлежащая дифференцировка формъ, напримѣръ формъ *ἔπεισα* и *ἔπειϑον*, чтобы, влагая въ первую смыслъ »я (его) убѣдилъ«, вложить въ послѣднюю смыслъ »я взялся увѣщевать его« (повтореніе того же, что сказано нами объ Imperativ'ѣ).

Совершенно аналогично русскому языку, въ греческомъ языкѣ отрицаніе (въ данномъ случаѣ отрицаніе *οὐ*, а не *μή*) вліяетъ на появленіе Indicativi imperfecti предпочтительно передъ Indicativ'омъ aoristi (говорятъ напр.: »они сдали оружіе«, но наряду съ этимъ: »они оружія не сдавали«). Причина ясна: русское »не«, равно какъ и греческое »*οὐ*«, влечетъ за собою оттѣнокъ conatus = »и сдавать не думали« (тоже повтореніе сказаннаго объ Imperativ'ѣ).

Сопоставленіе aorist'а и его finitiv'наго оттѣнка съ imperfectum и его процессуальнымъ значеніемъ ведетъ еще къ одному соображенію. Какъ imperfectum, такъ и aoristus суть историческіе Indicativ'ы, и »познавательное« сужденіе, выраженное ими, вращается, такъ сказать, въ »историческомъ« матеріалѣ. Передавая какое-нибудь сложное историческое событіе, говорящій разсказываетъ его обыкновенно въ хронологической послѣдовательности. Во фразѣ »*προσῆλϑε πάσαις ταῖς δυνάμεσι πρὸς τὴν πόλιν καὶ ἐπολιόρκει αὐτήν*« разсказаны два факта одинъ за другимъ такъ, какъ они слѣдовали въ *дѣйствительности.* Но тутъ поставлены рядомъ aoristus и imperfectum, первый — со своимъ fini-

tiv'нымъ значеніемъ, а второе — со своимъ значеніемъ процессуальности. Это значитъ, что другъ за другомъ не просто слѣдуютъ два факта, а что за *окончаніемъ* перваго слѣдуетъ *прохожденіе* втораго *черезъ цѣлый рядъ моментовъ.* Тутъ то и годится русское »сталъ« (= »подошелъ къ городу и сталъ осаждать его«). Но отнюдь не слѣдуетъ думать, что »сталъ осаждать« есть *переводъ* греческаго imperfect'а. Въ словѣ »сталъ« мы должны видѣть не другое что, какъ выраженіе въ русскомъ языкѣ *особымъ словомъ* того, что въ языкѣ греческомъ вовсе не *выражено*, а только лишь *само собой вытекаетъ* изъ *синтаксическаго* присоединенія, при обозначеніи хронологической послѣдовательности событій, къ finitiv'у processual'а. Выражено только то, что »*окончилось* подхожденіе къ городу и (затѣмъ) производилась *шагъ за шагомъ* осада его«. (Въ Imperativ'ахъ можно было, конечно, наткнуться на то же явленіе: »*διάσκεψαι καὶ πράττε*« значитъ: »обдумай дѣло, а потомъ его дѣлай«)..

Слѣдующія замѣчанія о временахъ Indicativ'а относятся уже не столько къ видовымъ оттѣнкамъ дѣйствія, сколько скорѣе къ *психо-логической* сторонѣ симасіологіи *τοῦ ῥήματος.*

Особый оттѣнокъ Indicativi aoristi есть такъ называемый aoristus gnomicus. Развитіе этого оттѣнка изъ общаго значенія aorist'а уясняютъ черезъ сопоставленіе слѣдующихъ примѣровъ (Krüger Griech. Spr. § 53. 10. 2): *Π ο λ λ ά κ ι ς ἔχων τις οὐδὲ τἀναγκαῖα νῦν αὔριον ἐπλούτησ' ὥστε χἀτέρους τρέφειν. Π ο λ λ ὰ στρατόπεδα ἤδη ἔπεσεν ὑπ' ἐλασσόνων. 'Αθυμοῦντες ἄνδρες ο ὔ π ω τρόπαιον ἔστησαν. Μία ἡμέρα τὸν μὲν καθεῖλεν ὑψόθεν, τὸν δὲ ἦρ' ἄνω.*

Послѣдній изъ приведенныхъ только что примѣровъ, гдѣ aoristus выступаетъ дѣйствительно съ *гномическимъ* оттѣнкомъ, отличается, между прочимъ, отъ всѣхъ остальныхъ тѣмъ, что въ немъ нѣтъ того *π ο λ λ ά κ ι ς* и *π ο λ λ ά*, а въ отрицательномъ смыслѣ — того *ο ὔ π ω*, при которыхъ aorist можно было еще чувствовать въ *общемъ* значеніи aorist'а affirmativ'наго (— *были* такіе то факты, — *не было* такихъ

то фактовъ). Сопоставляя такіе примѣры съ *дѣйствительнымъ* aorist'омъ гномическимъ, хотятъ дать понять, что въ послѣднемъ такое πολλάκις или πολλά »подразумѣвается«. Но какъ можно »подразумѣвать« такое важное слово какъ πολλάκις, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, въ *греческомъ* языкѣ слово πολλάκις не имѣетъ *никакою* вліянія на temporal'ную форму *τοῦ ῥήματος*: πολλάκις ἔδωκα значитъ »*часто* случалось что дашь«, а въ ἔδωκα выражено просто *я далъ;* такъ и πολλάκις ἔγραφον πᾶσαν τὴν νύκτα = »часто случалось, что пишешь всю ночь«, а ἔγραφον πᾶσαν τὴν νύκτα = »я писалъ (сегодня, напр.) всю ночь«.

Я бы болѣе склонялся объяснять гномическій aorist при помощи *русской* фразы »смотришь, одного день поднялъ высоко, а другого съ высоты низринулъ« (переводъ вышеприведенной Еврипидовской сентенціи). Я вижу въ aorist'ѣ гномическомъ *выразительное* указаніе на *эмпиристическую* сторону человѣческихъ *γνῶμαι*. Въ русскомъ языкѣ, въ приведенномъ переводѣ Еврипидовскаго мѣста, этотъ эмпиризмъ выраженъ *двумя* средствами, — вопервыхъ, черезъ »*смотришь*«, а вовторыхъ, черезъ самую передачу наблюденнаго факта, въ греческой же фразѣ только лишь *послѣднимъ* средствомъ.

Franke*) объясняетъ гномическій aorist такимъ образомъ, — и это наиболѣе ходячее объясненіе, — что ein Ereigniss ist *einmal* in der Vergangenheit eingetreten, und *deshalb* kann es immer wieder in Gegenwart Wirklichkeit werden. Своимъ *deshalb* Франке даетъ знать, что онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и греческій языкъ, *употребляющій* aoristum gnomicum, имѣютъ въ виду *силлогистическую* сторону человѣческихъ познаній. Но небывалою представлялась бы силлогистика, которая основывалась бы на томъ, что нѣчто *einmal* in der Vergangenheit eingetreten ist. А разъ *дѣйствительно* гномическій aorist выражаетъ, что нѣчто *einmal* in der Vergangenheit eingetreten ist, а не

*) Berichte über die Verhandlungen der kön. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften 1854, стр. 63 и слѣд.

πολλάκις, какъ думаетъ Крюгеръ, то нечего силлогистику и припутывать къ объясненію гномическаго aorist'а. Силлогистика въ нашихъ *γνῶμαι* ведетъ *просто* къ появленію въ языкѣ praesentis, а то и futuri, послѣднее особенно часто въ *русскомъ* языкѣ (насильно милъ не *будешь* и др).

Mutzbauer (Tempusl. 31 и сл.), объясняя гномическій aorist, выходитъ изъ омировскихъ *сравненій*, въ которыхъ нѣчто *случайно* происходящее сравнивается съ *всегдашнимъ*, слѣдовательно, *тоже* съ чѣмъ то »гномическимъ«, и въ которыхъ это всегдашнее обыкновенно выражается черезъ ὡς δ' ὅτ' ἄν или съ Conjunctiv'омъ praesentis, или съ Conjunctiv'омъ aoristi. По его пониманію, греческій Conjunctiv есть нѣчто *не имѣющее* времени (zeitloses, стр. 32) и вполнѣ *пригодное* для рисовки этого *всегдашняго* или »гномическаго«, такъ какъ при такой рисовкѣ всего только и нужно, что einen Vorgang *anschaulich* machen und die Handlung als *eintretende* (это Conjunctiv praesentis?) oder als ihr Ziel *erreichende* (это Conjunctiv aoristi?) zu bezeichnen. Соотвѣтственно этому въ сравненіяхъ, а слѣдовательно и въ гномическихъ выраженіяхъ употребляются то Indicativi praesentis, то Indicativi aoristi, причемъ Indicativus aoristi, хотя ему и присуще значеніе *прошедшаго* времени, употребляется *просто* по »аналогіи« Conjunctiv'а aoristi, такъ какъ само *настоящее* время, котораго въ Indicativ'ѣ aoristi *нѣтъ*, *не располагаетъ* средствами для выраженія того же оттѣнка, который заключался въ *Conjunctiv'ѣ* aoristi, и такъ какъ грекъ *вообще* обращаетъ мало вниманія на »временныя отношенія« (und da der Grieche überhaupt geringen Wert auf die zeitlichen Beziehungen legt, so ward er durch die *Analogie* des Conjunctivus Aoristi dazu bestimmt, den Indicativ Aoristi . . . zur Bezeichnung der gleichen Art der Handlung zu verwenden, ohne Rücksicht auf die zeitliche Bedeutung der Vergangenheit, die demselben zugleich noch eigen ist; стр. 35). — Нетрудно понять, что разсужденіе Mutzbauer'а звучитъ *натяжкою*, заключающеюся *прежде всего* въ томъ, что законъ »аналогіи« привлеченъ въ вопросѣ *времени* къ такимъ двумъ наклоненіямъ, какъ Indicativ

и Conjunctiv, которыя именно въ отношеніи *времени* совершенно расходятся. О времени Conjunctiv'a мы будемъ разсуждать ниже.

Да, мы думаемъ, что въ гномическомъ aorist'ѣ мы имѣемъ дѣло съ *чистою* эмпиристикою, какъ чѣмъ то совершенно противоположнымъ силлогистикѣ *) *и не входящимъ ни въ какую связь съ послѣдней* (это да будетъ сказано въ возраженіе Franke), — съ эмпиристикою, передающей нѣчто какъ наблюденный *фактъ,* и облекающейся въ форму чистаго повѣствованія. Въ сущности, гномическій aorist не передаетъ даже общую сентенцію, а воплощаетъ общую мысль *именно* въ пережитый фактъ. Часто мы, желая представить собесѣднику какое нибудь *общее* разсужденіе, вмѣсто этого вспоминаемъ сказку и говоримъ: да, да, лягушка захотѣла сравняться съ воломъ и лопнула. Точно такъ же, вмѣсто »*дѣло мастера боится*« грекъ могъ сказать, въ смыслѣ чисто повѣствовательномъ »*дѣло мастера побоялось*«. И именно »*побоялось*«, а не »*боялось*«, такъ какъ *процессуальность* дѣйствія выражать здѣсь нечего. Въ вышеприведенномъ русскомъ переводѣ »*смотришь, одного день поднялъ высоко ...*« да и во фразѣ *дѣло мастера побоялось* приходится даже думать о томъ, что разсказанные въ этихъ выраженіяхъ *факты* стоятъ передъ нашимъ опытомъ какъ *результаты* чего то совершившагося, и не безъоснованія можно употребить въ греческомъ языкѣ и Perfectum. Что Perfecta дѣйствительно *употребляются* »гномически«, на это указываетъ самъ Крюгеръ въ томъ же 53 параграфѣ (10, 2).

Нѣкоторое видоизмѣненіе толкованія симасіологіи историческихъ Indicativ'овъ вызывается появленіемъ при нихъ слова *ἄν*. По всей вѣроятности, слово *ἄν* имѣетъ общій корень съ словами *ἀμόθεν*, *ἀμοῖ*, *ἀμοθί*, *οὐδαμῶς*. Нужно думать, что все это — слова съ *прономинальнымъ* корнемъ такого же »неопредѣленнаго« значенія, какое заключаетс

*) Силлогистика и эмпиристика, какъ два *различныхъ* принципа, сыгра[ли] нѣкоторую роль въ нашей гаммѣ оттѣнковъ *квалитативности* сужде[нія] (смотри выше стр. 95).

въ *ἐγκλιτικ*'ахъ: *τις*, *πως*, *ποτὲ* и т. д.*) Такія слова могли принять, конечно, и локальное, и темпоральное, и модальное значеніе, само же *ἄν* есть непремѣнно *модальное* и, присоединяясь къ выраженіямъ полнаго сужденія, т. е. къ *ῥήματα*, указываетъ на *возможность* сужденія. Я говорю »*возможность* сужденія«, а не »сужденіе о возможности«. Если присужденіе кому-либо *писанія* облекается въ выраженіе *γράφει*, то присужденіе ему *возможности* облекается въ выраженіе *δύναται*. А тутъ рѣчь идетъ не о присужденіи *возможности*, а о возможности = вѣроятности = правдоподобности самого *сужденія*. Такимъ образомъ, выраженія »*οὐκ ἂν ἐψεύδου*«, — »*ἀπεκρίνατο ἄν*« и т. д. обозначаютъ: »можно было думать, что онъ не будетъ говорить лжи« — »можно было ожидать, что онъ отвѣтитъ« и т. д. Въ болѣе *широкихъ* контекстахъ этотъ общій смыслъ нашего оборота развивается въ два *отдѣльно* другъ отъ друга стоящіе оттѣнка. »Судя по всему«, — такъ приходится иногда разсуждать — »можно было ожидать, что коль скоро наступило бы такое-то обстоятельство, онъ *непремѣнно отвѣтитъ* такъ-то«. Оборотъ »*ἀπεκρίνατο ἄν*« служитъ тогда выраженіемъ сужденія, »относящагося къ *прошедшему* времени и высказаннаго *на всякій случай*, т. е., на случай, если бы въ *прошедшемъ* времени получило мѣсто то обстоятельство, которымъ говорящій *обусловливаетъ* осуществленіе въ *прошедшемъ* времени своего сужденія. Это —

*) Читателю извѣстно все разногласіе между этимологами относительно производства такъ называемыхъ »частицъ« *κεν* и *ἄν*, принимаемыхъ обыкновенно за слова *разнаго* происхожденія и вызывающихъ, *именно* благодаря предположенію о *неодинаковости* ихъ происхожденія, массу разсужденій по части ихъ *синонимическаго* отношенія. Такія маленькія словца, какъ *κεν* и *ἄν*, легко этимологизируются какъ кому угодно; въ концѣ концовъ каждый этимологъ, въ подобныхъ случаяхъ, ищетъ опоры для *своей* этимологіи въ томъ, какъ онъ лично понимаетъ *значеніе* словъ. Мы, руководясь также *личнымъ* пониманіемъ значенія словъ *κεν* и *ἄν*, предпочитаемъ *предложенную* этимологію слова *ἄν*, причемъ допускаемъ, что оно, пожалуй, и *сокращено* изъ какого-нибудь *ἄμαν* или чего нибудь подобнаго. Мы считаемъ, такимъ образомъ, *ἄν* за слово *одинаковаго* происхожденія съ словомъ *κεν* — въ томъ смыслѣ, что у *обоихъ* ихъ этимологическій корень — *прономинальный*, съ такъ называемымъ »*неопредѣленнымъ*« значеніемъ (въ словѣ *κεν*, какъ извѣстно, большинство этимологовъ ищетъ корень *κα*, появляющійся въ »неопредѣленныхъ« pronomin'ахъ *τις* *ali-quis* и др.).

одинъ оттѣнокъ, и по этому оттѣнку оборотъ *ἀπεκρίνατο ἄν* называютъ »итеративнымъ«, — терминъ немного неудачный, такъ какъ рѣчь идетъ не о *повтореніи* явленія въ прошедшемъ времени, а о сужденіи *именно* на случай, — на случай, котораго могло и *не быть* на самомъ дѣлѣ. Если бы шелъ вопросъ о *дѣйствительной* итеративности, тогда въ языкѣ появится *imperfectum*, а именно imperfectum *простое*, безъ всякаго *ἄν*. Ибо imperfectum, какъ форма, указывающая на »многомоментность« дѣйствія, способно было,*) если языкъ не нашелъ возможнымъ прибѣгнуть къ другому какому-нибудь средству (къ какому-нибудь *πολλάκις* напр.; сравни также омировскій риматическій суффиксъ *σκ*), выразить и »повторяемость« въ прошедшемъ времени, какъ къ тому способно и praesens по отношенію къ настоящему, а futurum simplex по отношенію къ будущему времени. Интересно мѣсто Xen. Anab. IV. 2. 16: *καὶ παρὰ τὴν ζώνην μαχαίριον εἶχον, ᾧ ἔσφαττον, ὧν κρατεῖν δύναιντο, καὶ ἀποτέμνοντες ἂν τὰς κεφαλὰς ἔχοντες ἐπορεύοντο* = которою *убивали* всякаго, кто..., и тогда *могли* отрѣзать и голову и...

Итакъ, одинъ оттѣнокъ Indicativi историческихъ временъ съ *ἄν* есть выраженіе познавательнаго сужденія въ прошедшемъ времени »*на случай*«. Другой оттѣнокъ виденъ изъ слѣдующаго контекста: »Можно было думать *при другихъ условіяхъ, чѣмъ настоящія,* что ты не будешь говорить лжи (= ты *могъ* не говорить лжи), но теперь (*νῦν δὲ*) ты противъ ожиданія ужъ слишкомъ хитришь, а потому и неудивительно, что *говоришь* или *говорилъ***) ложь. Такимъ

---

*) Mutzbauer (Tempusl. 28): In wie weit in späterer Zeit der griechischen Sprache das Imperfectum seine ursprüngliche Natur modificiert hat, in wie weit es dazu gekommen ist, als Tempus der... *Wiederholung*... empfunden zu werden, darüber kann ich ein abschliessendes Urtheil nicht abgeben, da sich meine Sammlungen nicht auf diese Periode erstrecken. *Doch ist dies immerhin möglich* (въ Омирѣ онъ этотъ оттѣнокъ Imperfect'а отрицаетъ; да Омиръ въ немъ и не нуждался, такъ какъ онъ располагалъ своимъ iterativнымъ *σκ*: *φεύγεσκεν* = »pflegte zu fliehen«, *verlaufende* Handlung: *ἐπαΐξασκε* = »pflegte darauf loszuspringen«, *Schluss*punkt; см. Mutzbauer, Tempusl. 25).

**) Обыкновенно утверждаютъ, что въ »*противоположной*« мысли Imperfect'у съ *ἄν* соотвѣтствуетъ только *настоящее* время. Это неправда. Mutzbauer (Tempusl. 7) замѣчаетъ: So wird überall das *Imperfectum* verwendet in irre-

образомъ, оборотъ *οὐκ ἂν ἐψεύδου* служитъ выраженіемъ сужденія, *противорѣчащаго* дѣйствительности, причемъ правильность этого сужденія поставлена въ зависимость отъ условія, также противорѣчащаго дѣйствительности. По этому оттѣнку оборотъ историческихъ Indicativ'овъ съ *ἂν* называютъ modus irrealis (modus недѣйствительности); дѣло, конечно, не въ »недѣйствительности«, а *именно* въ противорѣчіи дѣйствительности«. Какимъ образомъ самое *условіе*, которое противорѣчитъ дѣйствительности, могло подлежать передачѣ черезъ историческіе Indicativ'ы, — а это, кажется, *послѣдній* оттѣнокъ этихъ Indicativ'овъ, съ которымъ приходится симасіологу имѣть дѣло, — это мы можемъ выяснить не теперь, а при другомъ случаѣ, ниже.

Настоящихъ замѣтокъ, быть можетъ, достаточно для надлежащаго усвоенія симасіологіи грамматическихъ формъ Indicativ'а и его временъ. Если когда-нибудь въ греческомъ текстѣ встрѣтится такое явленіе, котораго мы не предупредили предложенными замѣтками, — если въ *живомъ* греческомъ языкѣ придется наталкиваться на какую-нибудь Indicativ'ную форму, полнаго соотвѣтствія которой въ *живомъ* же русскомъ языкѣ нѣтъ подъ рукою, то, надѣемся, нетрудно будетъ, нимало не отступая, а напротивъ, *непосредственно исходя* отъ *уясненныхъ* нами значеній той или иной Indicativ'ной формы, самому дойти до сознанія того *психологическаго* мотива (другого мотива, кромѣ *психологическаго*, для объясненія такихъ случаевъ и быть не можетъ), которымъ языкъ руководился при употребленіи *данной* формы.

alen Bedingungssätzen der Vergangenheit oder in den dieselben vertretenden Satzgefügen, wo die lateinische und deutsche Sprache ihr *Plusquamperfectum* setzen. Ein Paar Beispiele mögen dies zeigen:

Il. τ. 271: *οὐκ ἂν δή ποτε θυμὸν ἐνὶ στήθεσσιν ἐμοῖσιν*
Ἀτρείδης ὤρινε διάμπερες, οὐδέ κε κούρην
ἦγεν ἐμεῦ ἀέκοντος ἀλλά ποθι Ζεὺς
ἤθελ' Ἀργείοισιν θάνατον πολέεσσι γενέσθαι.

Выраженію *ἦγεν ἄν*, конечно, нужно въ *данномъ* случаѣ противопоставить мысль *увелъ*, а не *уводитъ*. Да и нѣтъ основанія, почему непремѣнно Imperfect'у съ *ἂν* нужно бы противопоставлять *настоящее* время: *οὐκ ἂν ἐψεύδου* значитъ »ты могъ *не говорить* лжи«, *οὐκ ἂν ἐψεύσθη* — »онъ могъ *не сказать* ложь, *οὐκ ἂν ἐψευσμένοι ἦμεν* — »мы могли *оказаться не сказавшими* лжи« и только; а что слѣдуетъ „*противопоставлять*", это дѣло болѣе *широкаго* контекста.

Нечего распространяться, напр., о явленіяхъ въ родѣ »*Τί οὐ καὶ Πρόδικον καὶ Ἱππίαν ἐκαλέσαμεν, ἵνα ἐπακούσωσιν ἡμῖν*« (Plato, Protag. 317a; смыслъ: »въ такомъ случаѣ позвать бы намъ и Продика, и Иппія, чтобы они послушали насъ«). Психологическій мотивъ появленія въ греческомъ языкѣ формы »*ἐκαλέσαμεν*« ясенъ. То поощреніе, — тотъ совѣтъ, который въ діалогѣ Платона одинъ изъ собесѣдниковъ даетъ присутствующему обществу, въ греческомъ языкѣ сообщенъ въ формѣ *удивленія:* почему же то, что кажется этому собесѣднику самымъ подходящимъ, не было уже *давно* исполнено.

Перейдемъ къ Conjunctiv'у.

На правильное уясненіе симасіологіи Conjunctiv'а наводятъ насъ случаи его употребленія, встрѣчающіеся *исключительно* у Омира, вслѣдствіе чего мы можемъ принять терминъ »омировскій Conjunctiv«, какъ *особый* терминъ для обозначенія этихъ случаевъ. Я имѣю въ виду мѣста какъ то: *εἰ ἐμοὶ οὐ τίσουσι βοῶν ἐπιεικέ' ἀμοιβήν, δύσομαι εἰς' Αἴδαο καὶ ἐν νεκύεσσι φαείνω* (Od. *μ* 382); *οὔπω τοίους ἴδον ἀνέρας οὐδὲ ἴδωμαι* (Il. *α* 262) и др. Слова *φαείνω—ἴδωμαι*, очевидно, выражаютъ »познавательное« сужденіе, относящееся къ *будущему* времени. Но для »познавательнаго« сужденія въ будущемъ времени у насъ уже есть другія грамматическія формы, именно Indicativi futuri simplicis и futuri exacti, и трудно предположить, чтобы языкъ, не такъ богатый въ концѣ концовъ разнообразіемъ своихъ формъ, какъ богата разнообразіемъ оттѣнковъ сама мысль, вдругъ сталъ бы проявлять такую роскошь, что для одного и того же оттѣнка мысли выработалъ бы двѣ, *ничѣмъ* другъ отъ друга по значенію своему не отличающіяся грамматическія формы. Поэтому мы должны постараться разыскать *разницу* значенія между futurum simplex и exactum съ одной стороны и между »омировскимъ Conjunctiv'омъ« — съ другой. Разница эта напрашивается здѣсь сама собой: она можетъ заключаться единственно въ томъ, что черезъ futurum simplex и exactum я, говорящій, высказываю свое сужденіе по отношенію къ будущему времени *съ увѣренностью*, а

чрезъ Conjunctiv высказываю то же съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ: »*οὐδὲ ἴδωμαι*« будетъ по русски: »и врядъ ли увижу«.

Итакъ, »омировскій Conjunctiv« есть *будущее* время *познавательнаго* сужденія, высказаннаго съ сомнѣніемъ, причемъ, такъ какъ Conjunctiv'овъ у насъ *три* (»этимологическіе« термины для нихъ: Conjunctivus praesentis, Conjunctivus aoristi и Conjunctivus perfecti), различіе между ними по отношенію къ »познавательному« сужденію будетъ такое же, какое мы установили между Imperativ'ами по отношенію къ »желательному« сужденію (смотри выше стр. 114). Заявляемъ, что такимъ остается Conjunctivus во *всѣхъ* случаяхъ его употребленія. Это поняли уже греки, называя наше наклоненіе »*διστακτική*« (*διστάγμός* = сомнѣніе).*) Латинскій терминъ »Conjunctivus« представляетъ собою нѣчто слишкомъ внѣшнее. Имъ имѣлось въ виду указать на то обстоятельство, что наше наклоненіе появляется обыкновенно (далеко не всегда) въ соединеніи (conjungo) съ подчиняющими одно предложеніе другому союзами. На то же указываетъ и греческій терминъ »*ὑποτακτική*«, выработавшійся рядомъ съ терминомъ »*διστακτική*«. Замѣчательно, что этимологическая форма греческаго Conjunctiv'а, представляющаго *почти* тотъ же Indicativ (хотя и *ограни-*

---

*) О существованіи этого выразительнѣйшаго термина у древнихъ сообщаетъ намъ Аполлоній Дисколъ, хотя самъ онъ относится къ нему не особенно сочувственно. Вотъ его слова (de constr. III. 264): *ἑξῆς ῥητέον περὶ τῆς ὑποτακτικῆς ἐγκλίσεως, ἣν τινες καὶ διστακτικὴν ἀποφαίνονται ἀπὸ τοῦ ἐξ αὐτῆς δηλουμένου,.. σαφὲς γὰρ ὅτι τὸ ἐὰν γράφω καὶ τούτοις ὅμοια δισταγμὸν τοῦ ὡς ἐσομένου πράγματος σημαίνει· ἀλλ' ἴσως ἀντικείσεται τὸ μηδὲ αὐτὰ ἔχεσθαι τῆς ἐννοίας τοῦ δισταγμοῦ, τὸν δὲ παρακείμενον σύνδεσμον αἴτιον γίνεσθαι τῆς διστακτικῆς ἐννοίας*. Нѣтъ сомнѣнія, что »*ἄν*« *усиливаетъ* собою *δισταγμόν*; но чтобы *отъ него* только зависѣлъ дистактическій смыслъ фразы *ἐὰν γράφω*, или даже, какъ Аполлонію хотѣлось бы утверждать, отъ всего *ἐάν*, это едвали такъ. Ужъ не потому ли Аполлоній здѣсь споритъ что онъ *вообще* любитъ спорить? Наши теперешніе грамматики тоже недоумѣваютъ на счетъ греческаго Conjunctiv'а, какъ и Аполлоній. Замѣчательно уклончивый отвѣтъ по этому вопросу даетъ Brugmann (Handb. II. 190): Als Grundbedeutung des Conjunctivs wird jetzt gewöhnlich mit Delbrück die des *Willens*, des machtbewussten Begehrens angesehen, aus der sich *allerdings* alle Functionen ohne Zwang entwickeln lassen. Der Conjunctiv enthielt *immer* eine Hinweisung auf Verwirklichung des *im Sinn liegenden*, ein Moment, das dem Optativ in der Regel abgieng. Затѣмъ Бругманъ различаетъ *три* значенія: 1. die voluntative Bedeutung; 2. die deliberative Bedeutung и, наконецъ,

ченный во *временномъ* отношеніи, такъ какъ онъ имѣетъ исключительно только futural'ное значеніе), даже своими *окончаніями* похожа на Indicativ (только такъ называемыя »соединительныя гласныя« въ Conjunctiv'ѣ — долгія, да у Омира и то не вездѣ). — Остальные случаи употребленія Conjunctiv'a (*кромъ*, стало быть, »омировскаго« Conjunctiv'a) можно раздѣлить на *пять* симасіологическихъ группъ. Группы эти — слѣдующія.

1· *Conjunctivus finalis* (*ἔλεγον ταῦτα, ὅπως μάθητε…*) Въ сущности, усматриванье цѣли въ разбираемыхъ нами въ настоящее время случаяхъ вытекаетъ непосредственно лишь изъ *общаго* впечатлѣнія, получаемаго не отъ одного futural'наго значенія Conjunctiv'a (это futural'ное значеніе не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ вмѣсто Conjunctiv'a можно прямо и *встрътить* въ нашихъ случаяхъ Indicativus futuri), но вмѣстѣ съ этимъ отъ синтаксической, а стало быть, непремѣнно ужъ и *психо-логической* »подчиненности« выраженія, въ которомъ находится самъ Conjunctiv, *другому* выраженію. Фраза «*ἔλεγον ὑμῖν ταῦτα, ὅπως μάθητε*« обозначаетъ, собственно, если разбирать слово за словомъ, »я говорилъ вамъ это (такимъ образомъ), какимъ (= *ὅπως*) вы *авось* поймете«. Чѣмъ же собственно отличается нашъ Conjunctiv *самъ по*

---

3. die futurische Bedeutung, т. е. нашъ »*омировскій* Conjunctiv« (порядокъ, какъ видно, *совсъмъ* не »историческій«!) Еще болѣе перѣшительно высказывается самъ Дельбрюкъ (Synt. Forsch. IV. 116): Endlich habe ich als Grundbegriff des Conjunctivs den Willen, als Grundbegriff des Optativs den Wunsch angenommen. Ich gebe jetzt zu, dass ich nicht vermag den Begriff des Willens oder einen anderen Grundbegriff mit der Form des Conjunctivs in einen etymologischen Zusammenhang zu bringen, und auch die Analyse der Optativform steht nicht so fest, dass ich an ihr ein syntaktisches Gebäude errichten möchte. Es bleibt also nur übrig, die Grundbegriffe aus der Betrachtung der Gebrauchsweisen zu gewinnen, wenn man nicht vorzieht, auf diesen Versuch überhaupt zu verzichten. Unternimmt man den Versuch der Darstellung von einem Grundbegriff aus, so wird man sich, glaube ich, immer noch am meisten durch meine Formulirung Wille und Wunsch befriedigt fühlen. Eine andere Möglichkeit wäre, in beiden Modi den *futurischen* Sinn zu finden, und zwar im Conjunctiv die Bezeichnung der nahen, im Optativ die der ferneren Zukunft. Ближе къ истинѣ понялъ Conjunctiv H. D Müller, придерживаясь своего »potentialis« (смотри выше стр. 112). Der griechische Conjunctiv — говоритъ онъ Sprachb. 17 — ist also der Modus potentialis der Gegenwart, der aber als solcher auch die Zukunft mit umfasst.

себѣ отъ »омировскаго« Conjunctiv'а? Ничѣмъ, за исключеніемъ *именно* психо-логической его подчиненности *другому* выраженію *другого* сужденія. Быть можетъ, станутъ оспаривать въ нашемъ Conjunctiv'ѣ значеніе »познавательнаго« сужденія и захотятъ въ немъ усматривать значеніе сужденія »желательнаго«: быть можетъ, первое будутъ оспаривать въ виду того, что при нашемъ Conjunctiv'ѣ, когда высказывается *отрицательная* цѣль, въ языкѣ появляется *μή* а не *οὐ*. Конечно, нельзя не согласиться съ тезисомъ, что появленіе въ языкѣ слова *μή* или слова *οὐ* зависитъ, между прочимъ, отъ познавательнаго или желательнаго характера рѣчи, но это только *между прочимъ*, и зависимость эта касается только характера *рѣчи*, т. е. того *общаго* впечатлѣнія, которое должна произвести на насъ *вся* фраза, а вовсе не симасіологіи *наклоненія*. Ужъ трудно оспаривать за *Indicativ*'омъ значеніе *именно* познавательнаго сужденія, а между тѣмъ тотъ же Indicativ, когда замѣняетъ собою нашъ final'ный Conjunctiv, получаетъ отрицаніе *μή*, а не *οὐ*.*) Вообще, симасіологія словъ *μή* и *οὐ* представляетъ собою нѣчто до того своеобразное и до того сложное, что въ синтаксисѣ, строящемся на *симасіологической* почвѣ, она должна получить *особое* мѣсто и не можетъ быть рѣшаема совмѣстно съ симасіологіей *наклоненій*, такъ какъ съ послѣднею, какъ окажется, она имѣетъ *очень мало* общаго. Отказываясь отъ дальнѣйшаго связыванія симасіологіи отрицаній съ симасіологіею наклоненій и *τοῦ ῥήματος вообще* (если въ настоящемъ отдѣлѣ замѣтокъ придется имѣть дѣло съ *οὐ* или *μή*, то мы появленіе такого или иного отрицанія просто будемъ принимать къ свѣдѣнію), мы дѣлаемъ въ данномъ случаѣ исключеніе только потому, что пришлось затронуть самый *вопросъ* объ отношеніи одной симасіологіи къ другой. Очевидно, языкъ руководится въ постановкѣ отрицанія при final'номъ Conjunctiv'ѣ не *значеніемъ* самого

*) Въ виду *этого* и подобныхъ ему случаевъ употребленія Indicativ'а, *между прочимъ*, H. D. Müller и *нашелъ* нужнымъ (см. выше стр. 111) заявить, что nicht alle Formen, welche man unter den Namen Indicativus zu begreifen pflegt, dürfen ohne Weiteres auch *begrifflich* darunter subsumirt werden.

Conjunctiv'а, а тѣмъ упомянутымъ выше цѣльнымъ впечатлѣніемъ *всей* фразы (это бываетъ не только при отрицаніяхъ, но и *вообще* часто въ языкѣ); *) это цѣльное впечатлѣніе *всей* фразы, пожалуй, *дѣйствительно* опредѣляется въ концѣ концовъ, какъ *желаніе* чего-нибудь *достигнуть* или чему-нибудь *воспрепятствовать* (соотвѣтственно этому въ нашихъ фразахъ появляется рядомъ съ final'нымъ Conjunctiv'омъ и Optativus finalis; но объ Optativ'ѣ рѣчь впереди, и тогда придется снова вернуться и къ Conjunctivus finalis). Остается еще замѣтить, что къ final'ному Conjunctiv'у, въ видахъ усиленія (симасіологическая тавтологія!) того нерѣшительнаго тона, которымъ говорящій выражаетъ свое сужденіе черезъ Conjunctiv, языкъ прибавляетъ еще выражающее »возможность« слово *ἄν* (*ὡς ἄν μάθῃς, ἄκουσον* = чтобы ты *авось, можетъ быть*, понялъ, ты послушай).

2) *Conjunctivus dubitativus* (*οἶσθα, διότι θαυμάζεις, ἢ ἐγὼ σοι εἴπω*). То присужденіе дѣйствія, которое при употребленіи Conjunctiv'а *вообще* говорящій высказываетъ всегда съ *нерѣшительностью* въ *познавательномъ* смыслѣ по отношенію къ *будущему* времени, въ *данномъ* случаѣ онъ относитъ къ *самому себѣ* (Conjunctivus dubitativus имѣетъ мѣсто лишь въ *первомъ* лицѣ). Черезъ это въ нашемъ Conjunctiv'ѣ говорящій рисуется передъ слушателемъ колеблющимся не только въ *присужденіи* дѣйствія, но, разъ онъ это дѣйствіе присуждаетъ *себѣ*, и въ самомъ своемъ *дѣйствіи*. Представленіе такого колебанія усиливается въ глазахъ слушателя *вопросительнымъ характеромъ* выраженія, заключающаго въ себѣ dubitativ'ный Conjunctiv. Вопросительный характеръ есть такая же condicio sine qua non для dubitativ'наго Conjunctiv'а въ помѣщающихъ его

---

*) Ужъ никто не станетъ отрицать, что напр. обороты *βαρέως φέρω* — *πρᾴως φέρω* должны бы, по смыслу заключающихся въ нихъ *ῥημάτων*, дополняться Accusativ'омъ; а между тѣмъ, благодаря общему впечатлѣнію, производимому каждымъ изъ этихъ оборотовъ *во всей его сложности*, языкъ свернулъ въ падежномъ дополненіи на дорогу словъ *ἄχθομαι, ῥᾳθυμέω* и т. п., и поэтому появляются — правда, *рядомъ* съ Accusativ'омъ, — выраженія »*βαρέως φέρω τοῖς παροῦσι*« (Xen. Anab. I. 3. 3) — *πρᾴως φέρουσι ἐπὶ τοῖς γιγνομένοις* (Dem. 58. 55).

въ себѣ *выраженіяхъ*, какою является первое лицо въ его собственномъ грамматическомъ *окончаніи*. Черезъ этотъ характеръ *выраженій* самое *присужденіе* оставляется подъ вопросомъ, который не только еще *долженъ* такъ или иначе *рѣшить* самъ говорящій, но къ рѣшенію котораго онъ, говорящій, привлекаетъ очень часто и *слушателя*. Привлекая *слушателя* къ рѣшенію вопроса, я могу вызвать въ немъ опять-таки не только *познавательное*, но и *желательное* сужденіе. Поэтому то нашъ Conjunctiv и соединяется такъ часто съ *ῥήματ*'ами *βούλεσθε*, *θέλεις* и др. (*Θῶ. βούλεσθε, δωδεκάτην ὑμᾶς εἰσφέρειν*; *желаніе* слушателя въ данномъ случаѣ выражено не черезъ какое-нибудь *наклоненіе*, а черезъ особое *слово*, черезъ особое *ῥῆμα*).

3) *Conjunctivus imperativ'ный* (*ἴωμεν* — *μηδὲν πλέον αὐτῷ γένηται*). Въ выраженіи »*ἴωμεν*« я, говорящій, обращаюсь собственно къ *другимъ*, и черезъ отождествленіе другихъ съ собою (это отождествленіе и дѣлаетъ возможнымъ появленіе въ языкѣ *перваго* лица множ. числа) выставляю себя лишь иниціаторомъ и *соучастникомъ* того дѣла, которое я приказываю совершить другимъ. Никто не сомнѣвается, что русское »пойдемъ« есть, по *собственному* его значенію, Indicativus futuri, служащій для *категорическаго* заявленія о чемъ-то, — для выраженія *познавательнаго* сужденія о томъ, что то-то будетъ. Если форма, служащая для *категорическаго* заявленія о томъ, что то-то будетъ, психологически могла быть перенесена на *желаніе*, чтобы то-то было (это бываетъ часто: такъ, учитель иногда говоритъ ученикамъ: »сначала прочитаете текстъ, а потомъ и т. д.«), то тѣмъ паче это могло случиться съ греческимъ Conjunctiv'омъ, служащимъ не для *категорическихъ* заявленій о будущемъ, а заявленій *нерѣшительныхъ*, сопровождаемыхъ *сомнѣніемъ* на счетъ осуществимости заявляемаго. Форма »*ἴωμεν*« не обозначаетъ собственно »пойдемъ«, а равняется русскому »пойдемъ, можетъ быть« = »пойдемъ, что-ли«.

Укажутъ, быть можетъ, и на то, что въ »*ἴωμεν*« слышится оттѣнокъ *вопроса*, и припомнятъ по этому поводу

Conjunctivus dubitativus. Но если этотъ оттѣнокъ и слышится въ »ἴωμεν,« то онъ въ выраженіи »μηδὲν πλέον αὐτῷ γένηται« совсѣмъ заглушается (заглушается, впрочемъ, благодаря внесенію новаго, сравнительно съ прежнимъ, элемента, именно — отрицанія), и во всякомъ случаѣ слышенъ этотъ оттѣнокъ лишь настолько, насколько онъ данъ самимъ понятіемъ *нерѣшительности,* выражаемой въ Conjunctiv'ѣ; формально, какъ бы то ни было, въ imperativ'номъ Conjunctiv'ѣ онъ не поставленъ. — Выходитъ изъ всего, что нашъ Conjunctivus сталкивается въ языкѣ съ Imperativ'омъ.

Разъ мы сопоставляемъ imperativ'ный Conjunctiv съ самимъ Imperativ'омъ, то нужно замѣтить, что въ первомъ лицѣ множественнаго числа возможенъ *только* Conjunctiv, и языкъ даже не выработалъ никакой imperativ'ной формы для этого случая. Въ виду того, что въ этомъ Conjunctiv'ѣ я, говорящій, выставленъ иниціаторомъ и *соучастникомъ* дѣла, самъ Conjunctiv не безъ основанія получаетъ названіе Conjunctivi adhortativi = Conjunctivus поощренія.*) Усиливается онъ черезъ Imperativi: ἄγετε, φέρε и т. д. (такъ и по русски: »давайте, пойдемъ«). Conjunctiv перваго лица *единственнаго* числа былъ бы невозможенъ (ибо »приказывать« самому себѣ я не могу, развѣ, если *раздвояю* себя на два лица, — одно, *которое* приказываетъ, а другое, *которому* приказываютъ), — Conjunctiv перваго лица *единственнаго* числа, я говорю, былъ бы невозможенъ, если бы не было того обстоятельства, что приказаніе можетъ относиться къ *другимъ* лицамъ, а ко мнѣ лишь пассивная сторона дѣйствія (μὴ ἀδικηθῶ), или что *поощреніе,* на которое мы указывали при разъясненіи формы *множественнаго* числа,

---

*) H. D. Müller (Sprachb. 19.): Bei dem adhortativen Gebrauch der ersten Person Pluralis darf nicht ausser Acht gelassen werden, dass in der Regel derjenige, welcher sie gebraucht, gar nicht in der Lage sein wird, einen auch die übrigen Personen bindenden und zwingenden Entschluss auszusprechen. Er kann nur einen Vorschlag machen und muss es dahin gestellt sein lassen, ob die anderen seinem Vorschlage beitreten werden oder nicht. Es ist also auch hier nur eine gewisse *Wahrscheinlichkeit* vorhanden, dass die Thätigkeit *werde realisirt werden.* Ursprünglich würde demnach z. B. ἴωμεν etwa dem deutschen *wir gehen wohl, wir könnten wohl gehen* ziemlich genau entsprechen.

я вижу въ *другихъ* для себя. Это то поощреніе прямо и *выражено* въ русскомъ оборотѣ »дай — лягу«; сравни греческіе примѣры: — *φέρ' ἀναλάβω* — *ἐπίσχετ' αὐδὴν τῶν ἔσωθεν ἐκμάθω* — *λέγε δὴ ἴδω.* — *μὴ τρέσῃς μιάσματος τοὐμοῦ μετασχεῖν, ἀλλ' ἐλευθέρως θάνω.* Не замѣчаетъ ли тутъ читатель связи съ Conjunctiv'омъ final'нымъ, особенно же въ виду такой фразы, какъ Платоновское »*λέγε δὴ ἴδω*« или какъ Soph. Trach. 802: *πόρθμευσον ὡς τάχιστα μηδὲ αὐτοῦ θάνω* (= и не давай умирать здѣсь; собственно: и да не будетъ того, что я, быть можетъ, здѣсь умру).*)

Что касается второго и третьяго лица, то въ *aorist'ѣ* при *отрицаніи*, обыкновенно (не вездѣ) появляется Conjunctiv, въ остальныхъ же случаяхъ, *еще обычнѣе* (но тоже не всегда**), — Imperativ. Эта то наша замѣтка находится въ связи съ сказаннымъ объ imperativ'ѣ на стр. 126. Тамъ мы разъяснили, что появленіе отрицанія при Imperativ'ѣ влечетъ за собою Imperativ'ную форму *praesentis.* Оттѣнокъ conatus, какъ мы тогда говорили, удобно влагается въ самый Imperativ, какъ выраженіе, — при соединеніи съ нимъ *отрицанія,* — прямаго »запрещенія« самой *затѣи* такого или иного дѣла. Не то приходится утверждать о нашемъ »imperativ'номъ Conjunctiv'ѣ«, и не о conatus можетъ быть въ этой формѣ рѣчь, когда она соединена съ отрицаніемъ. Если Conjunctivus imperativ'ный *дѣйствительно* связанъ съ Conjunc-

---

*) Немного иначе H. D. Müller (Sprachb. 18). Was zunächst die erste Person Sg. betrifft, so ist es klar, dass wenn ich durch den Gebrauch dieser die Vollziehung irgend einer Thätigkeit, deren Subject ich selbst bin, als möglich oder wahrscheinlich ausspreche, ich damit auch ausdrücke, dass es meine Absicht sei, dieselbe eventuell zu realisiren; denn jene *Wahrscheinlichkeit* beruht doch nur auf einem noch nicht völlig zum Durchbruch gekommenen — gewissermassen noch zögernden — Entschlusse. Anschaulich wird uns dies, wenn wir z. B. *ἴω* übersetzen: *ich gehe wohl, ich gehe vielleicht, ich möchte wohl gehen* — Ausdrücke, welche auch im Deutschen zunächst potentialen Sinn haben, aber doch ungefähr so viel bedeuten wie *ich will gehen,* nur dass beim Gebrauch des letzteren Ausdrucks eine kategorische Willenserklärung abgegeben wird, die man beim Gebrauch der ersteren auszusprechen vermeidet.

**) Что ни то, ни другое не есть *всегдашнее,* а только лишь »обыкновенное« явленіе, въ этомъ можно убѣдиться у Kühner'a Ausf. Gramm. II. 202-3.

tiv'омъ final'нымъ*), то выраженное въ немъ желаніе чего-нибудь *достигнуть* сводится. при отрицаніи, къ желанію чему-нибудь *воспрепятствовать* т. е. воспрепятствовать »*осуществленію*« чего-нибудь. а потому при отрицаніи умѣстенъ *именно* aorist, какъ форма, указывающая *прежде всего* на »осуществленіе« дѣйствія.

4. *Conjunctivus condicionalis* (*ἐὰν ἔχωμεν χρήματα, ἕξομεν φίλους· — ἢν ἐγγὺς ἔλθῃ θάνατος, οὐδεὶς βούλεται θνήσκειν. — τούτοις μάλιστα ἐθέλουσι πείθεσθαι, οὓς ἂν ἡγῶνται βελτίστους εἶναι. — ἂν γνῷς τί ἐστι ἄνθρωπος ἥδιων ἔσει*). Читатель догадывается, что *ἄν*, прибавляемое здѣсь къ союзу или вообще къ слову, играющему роль союза, представляетъ собою лишь *второе* симасіологическое средство (опять симасіологическая тавтологія!) для обозначенія того же, что намѣчено самимъ Conjunctiv'омъ. Въ аттической прозѣ, — въ языкѣ, стало быть, конверсаціонномъ, привыкшемъ уже къ шаблоннымъ *схематизмамъ* и менѣе *сознательно* относящемся къ своимъ собственнымъ средствамъ, — это *ἄν* сдѣлалось почти обязательнымъ; въ оми-

---

*) H. D. Müller, не устанавливая никакого особаго Conjunctiv'a final'наго, точно также какъ не устанавливаетъ и Conjunctiv'a condicional'наго, вѣроятно, изъ боязни впасть въ противорѣчіе съ дѣленіемъ греческихъ наклоненій, сообщеннымъ нами на стр. 112, думаетъ, что *настоящее* »*μή*« и *настоящій* Conjunctiv связаны съ *тѣмъ* »*μή*« и съ *тѣмъ* Conjunctiv'омъ, которые мы ставимъ ниже подъ 5--ымъ пунктомъ, и для которыхъ онъ предлагаетъ терминъ *Warnungsausdruck*, причемъ напр. *μή τι κακὸν ῥέξωσι καὶ ἡμέας ἐξελάσωσιν* (Od. π. 308) онъ объясняетъ такъ (Sprachb. 24): „sie möchten (könnten) wohl etwas Schlimmes thun und uns . . . treiben . . .“ Das vorausgeschickte *μή* dient also, ähnlich wie in den indirekten Fragesätzen nur dazu, die durch den Conjunctiv ausgedrückte Möglichkeit von vorn herein gewissermassen in Sicht zu stellen und dadurch stärker hervorzuheben . . . . Kurz, *μή* hat hier so gut wie bei der Einführung indirekter Fragesätze indefinite Bedeutung, dient nicht der Verneinug, sondern der Hervorhebung und Bekräftigung der *Wahrscheinlichkeit*. Что касается самого final'наго Conjunctiv'a, то онъ и *его* подводитъ подъ этотъ Warnungsausdruck (это, конечно, возможно лишь въ *отрицательныхъ* final'ныхъ выраженіяхъ). Такъ, на стр. 25 у него сказано: Es wird auch unsere Erklärung dadurch nicht beeinträchtigt, dass solche abhängige Sätze mit *μή* und dem Conjunctiv Aoristi oft scheinbar finalen Sinn ausdrücken und in solchen Fällen *μή* sich auch durch *damit nicht* übersetzen lässt. Z. B. Od. ω. 24 *ἀλλ' ἴωμεν, μὴ φθέωσι πεǫαιωθέντες ἐκεῖνοι* kann man übersetzen „lasst uns gehen, *damit* jene *nicht* zuvorkommen“; eben so gut aber kann man den zweiten Satz als unabhängigen Hauptsatz fassen in dem Sinne „es könnten jene wohl gar zuvorkommen.“

ровскомъ и поэтическомъ языкѣ, болѣе вольномъ и болѣе *сознательно* относящемся къ каждому слову, которое произносится, можно и встрѣтить *ἄν*, — respective *κεν*, — но *очень часто* можно и не встрѣтить его. — Въ нашемъ Conjunctiv'ѣ придется обратить вниманіе на одно обстоятельство. Что его можно и *слѣдуетъ* переводить будущимъ временемъ, — всякому извѣстно (»буде узнаешь = въ случаѣ, если узнаешь, — а можетъ выйти и такъ, что не узнаешь, — то« .... = »*ἐὰν γνῷς*«). Но часто приходится переводить и настоящимъ временемъ (»кто изъ насъ, быть можетъ, думаетъ, что надобно иначе разсуждать, тотъ ошибается = *ὅστις ἂν οἴηται*«). Мы уже говорили, что, строго разсуждая, настоящаго времени нѣтъ. Въ русской фразѣ »кто изъ васъ, быть можетъ, думаетъ« и *есть* настоящее время, и *нѣтъ* его. Настоящее — оно по формѣ, а будущее оно — постольку, что какъ *настоящее*, т. е. какъ *фактъ*, въ настоящее время вполнѣ *сознаваемый* и *познаваемый* говорящимъ, оно вовсе *не раскрыто*. Въ приведенной русской фразѣ я говорю только *на случай*; быть можетъ этого случая и не окажется, а если окажется, то только въ *будущемъ* времени. Да, мы имѣемъ основаніе говорить о *нераскрытомъ настоящемъ времени*, какъ о чемъ то особенномъ, и языкъ *имѣетъ* основаніе отнестись къ такому *нераскрытому* настоящему времени, какъ къ *будущему*. Грамматика относитъ такой condicional'ный Conjunctiv подъ особый терминъ iterativ'a. Но объ этомъ iterativ'ѣ мы должны повторить то же, что говорили объ iterativ'ныхъ историческихъ Indicativ'ахъ съ *ἄν* (смотри выше стр. 132).

5. *Conjunctiv съ μή*, или лучше, — *μή съ Conjunctiv'омъ* (*μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῇ* — *μὴ ταῦτα οὕτως ἔχῃ*). Слово *μή* есть въ данномъ случаѣ чисто риторическое, а именно риторически-*вопросительное* (*μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῇ* = не выйдетъ ли это худо), и *усиливаетъ* собою оттѣнокъ сомнѣнія, намѣченный самимъ Conjunctiv'омъ. Я говорю о риторически-вопросительномъ *μή* и противополагаю его *прямому* вопросу, въ которомъ требуется отъ слушателя *отвѣтъ*, между тѣмъ какъ при нашемъ *μή* и при внесеніи

въ него вопросительнаго тона, обращеннаго къ слушателю, послѣдній дѣлается лишь *соучастникомъ* недоумѣнія говорящаго. Это — съ одной стороны; съ другой — риторически-вопросительное *μή* нужно противоположить *дѣйствительному* отрицанію, относящемуся къ *содержанію* сужденія. Если бы *содержаніе* сужденія въ разбираемыхъ нами »Conjunctiv'ахъ съ *μή*« было *дѣйствительно* отрицательное, тогда должно появиться въ текстѣ кромѣ *μή* еще и *οὐ* (*μὴ τοῦτο οὐ κατορθώσῃς* = не выйдетъ ли такъ, что ты этого дѣла, быть можетъ, не исправишь). Далѣе: если бы само *сомнѣніе*, вносимое уже *начальнымъ* словомъ оборота, именно словомъ *μή*, — еслибъ это сомнѣніе захотѣлось говорящему уничтожить, то въ языкѣ появится *οὐ μή* (*οὐ μὴ τοῦτο γένηται* = *нѣтъ* того опасенія, что это, быть можетъ, случится = »не бывать этому«; этотъ оборотъ, какъ *выразительно* уничтожающій черезъ *οὐ* всякое сомнѣніе, обозначенное въ языкѣ черезъ *μή* и черезъ Conjunctiv, *сильнѣе* простой фразы »этого не будетъ«). Въ виду того, что само *μή* вноситъ въ рѣчь оттѣнокъ сомнѣнія и при Conjunctiv'ѣ является *вторымъ* симасіологическимъ средствомъ для выраженія одного и того же оттѣнка, мы можемъ встрѣтить при *μή* и Indicativus будущаго времени, такъ что оттѣнокъ сомнѣнія, выраженный было и въ Conjunctiv'ѣ, всецѣло передвигается на *μή* (*μὴ συμφορὰ γενήσεται τὸ πρᾶγμα*). Этотъ Indicativ дѣлается при *μή* обязательнымъ, конечно, тамъ, гдѣ языкъ не *выработалъ* особаго наклоненія для познавательнаго сужденія съ оттѣнкомъ сомнѣнія, — т. е. въ прошедшемъ времени (*μὴ δὴ πάντα νημερτέα εἶπεν*). Что же касается *настоящаго* времени, то при *μή* съ Conjunctiv'омъ мы опять таки имѣемъ дѣло лишь съ *»нераскрытымъ«*, *фактически*, *»настоящимъ временемъ«* (*μὴ ἡμᾶς φενακίζῃ ὁ σοφιστής* = не окажется ли = не будетъ ли тутъ обмана со стороны софиста). О *дѣйствительномъ* настоящемъ времени можно заговорить лишь въ томъ случаѣ, когда самый фактъ уже *прошелъ*, и мы считаемся въ нашей мысли не съ нимъ, съ фактомъ, а съ его *результатомъ*, который и *начинается* съ момента

окончанія факта, проходя *дѣйствительно* черезъ *настоящее* время. Языкъ въ этихъ случаяхъ употребляетъ *μὴ ἡμαρτή-καμεν* (т. е. опять таки Indicativ) = не сдѣлана ли тутъ ошибка, — хотя теорія допускаетъ и *здѣсь* Conjunctiv (на практикѣ его трудно найти; *μὴ ἡμαρτηκότες ὦμεν* будетъ имѣть смыслъ »не *окажется ли*, что тутъ сдѣлана ошибка?«

Остается разобрать Optativ.

Optativus, какъ то сознано было уже составителями *термина* для этой грамматической формы (по гречески — *εὐκτική*), есть наклоненіе *желательнаго* сужденія. Въ виду разныхъ симасіологическихъ оттѣнковъ Optativ'а, мы можемъ толковать о выраженіи *чистаго* желательнаго сужденія, какъ о первомъ *оттѣнкѣ* Optativ'а, и назвать его по этому оттѣнку »Optativus *κατ' ἐξοχήν*«. Сравни: *ὀλοίμην* = да погибну я = *εἴθε ὀλοίμην* (*εἴθε* есть *второе* симасіологическое средство для выраженія того же желанія). Отъ Imperativ'а отличается »Optativus *κατ' ἐξοχήν*« тѣмъ, что въ Imperativ'ѣ говорящій обращается за исполненіемъ своего желанія къ *другимъ*, а въ Optativ'ѣ онъ лишь *передъ* другими высказывается о своемъ желаніи, ища исполненіе его *помимо* ихъ. Какъ Imperativ, такъ и Optativ, являясь выраженіемъ желанія *говорящаго* (мы нарочно подчеркиваемъ слово »говорящаго« въ виду слѣдующаго ниже), есть всегда или »будущее«, или же, — скажемъ теперь, — »нераскрытое настоящее« время (»нераскрытое настоящее« можно найти и въ Imperativ'ѣ: сравни фразу »ну, пиши же, пиши!«), и сохраняетъ въ своихъ разнообразныхъ грамматическихъ формахъ (»этимологическіе« термины для нихъ: Optativus praesentis, Optativus aoristi, Optativus perfecti) тѣ же *видовые* оттѣнки времени, какъ и Imperativ. Внося въ толкованіе видовыхъ оттѣнковъ времени Optativ'а терминъ »нераскрытое настоящее«, — тоже, въ сущности, будущее, — мы можемъ противопоставить этому термину лишь терминъ »раскрытое настоящее« (представляя себѣ нѣчто раскрытое какъ *фактъ*), т. е. *грамматически*, — а затѣмъ и *психо-логически* — »прошедшее« время (относящійся къ *настоящему* времени

результатъ факта можетъ быть также представленъ *нераскрытымъ* для говорящаго, и въ языкѣ встрѣчается тогда Optativ perfecti. Сравни фразу »*εἰ σεσωσμένος εἴη* = о если бы въ будущемъ оказалось, что онъ спасенъ«). Относить желаніе къ чему-нибудь уже прошлому — по меньшей мѣрѣ напрасно (сдѣланнаго не передѣлаешь). Поэтому мы въ языкѣ употребляемъ въ такихъ случаяхъ выраженія *познавательныхъ* сужденій и говоримъ »*ἀλλ' ὤφελε Κῦρος ζῆν* (слѣдовало жить Киру = жить было Киру), или же, передавая желаніе не черезъ наклоненіе, а черезъ особое слово *εἴθε*, прибавляемъ къ »*εἴθε*« Indicativ'ы историческихъ временъ, и выходитъ фраза »*εἴθε ταῦτα ἐγένετο*«. Этотъ Indicativ мы имѣли въ виду на стр. 133. Имѣли мы тамъ въ виду, собственно, только Indicativus *condicionalis*. Но условіе, противорѣчащее дѣйствительности, есть въ сущности *желаніе*, противорѣчащее дѣйствительности; пожалуй, можно рядомъ съ condicional'нымъ Indicativ'омъ принять еще, какъ *особый* терминъ, Indicativus optativ'ный. — Другіе оттѣнки Optativ'а, кромѣ разъясненнаго Optativ'а *κατ' ἐξοχήν*, суть слѣдующіе:

1. *Optativus condicionalis* (*εἰ ταῦτα γένοιτο* = если бы это случилось, то...). Въ сущности, Optativus condicionalis есть тотъ же »Optativus *κατ' ἐξοχήν*«, какъ былъ только что упомянутый Indicativus condicionalis тожественъ съ Indicativ'омъ optativ'нымъ. Optativus condicionalis отличается отъ Optativ'а *κατ' ἐξοχήν* развѣ только »подчиненностью« тому, что выражено въ аподозисѣ, и мы бы его не выставляли за *особое* явленіе въ языкѣ, если бы не было одного обстоятельства.

Дѣло въ томъ, что рядомъ съ condicional'нымъ *Optativ'омъ* языкъ выработалъ, какъ мы видѣли, и *Conjunctivus* condicionalis. Въ виду того, что Conjunctivus condicionalis, какъ *наклоненіе*, выражаетъ *познавательное* сужденіе и, въ силу этого, указываетъ въ условіи на нѣчто, чего говорящій »на всякій случай« *ждетъ* въ будущемъ или »нераскрытомъ настоящемъ«, языкъ воспользовался condicional'нымъ Optativ'омъ, выражающимъ, какъ наклоненіе, простое *желаніе*, для указанія на условіе лишь *теоретическаго* характера.

Во фразѣ »*εἰ τοῦτο γένοιτο*« я не указываю на что-нибудь такое, къ *осуществленію* чего я *готовлюсь* (не передаю русское »*буде* это случится«), а выражаю простую fictionem, — нѣчто такое, что не только въ настоящемъ *не раскрыто*, какъ фактъ, но раскрытіемъ чего, какъ факта, я вовсе и не интересуюсь, такъ какъ заинтересованъ только правильностью опять таки лишь »теоретическаго« *вывода* изъ такого условія (»положимъ«, разсуждаемъ мы, — »этотъ уголъ — прямой; — прямой ли онъ въ дѣйствительности, до этого намъ дѣла нѣтъ, но *положимъ*, что онъ прямой; — что изъ этого выйдетъ?«) Съ оттѣнкомъ »нераскрытаго факта« — замѣчательно! — забирается нашъ Optativ въ область *прошедшаго* времени, доводя чрезъ то до конца параллель съ condicional'нымъ Conjunctiv'омъ: тамъ гдѣ Conjunctivus condicionalis по отношенію къ нераскрытому настоящему или будущему времени заслужилъ — по нѣкоторому недомыслію, какъ оказывается (см. выше стр. 143) — названіе iterativ'наго Conjunctiv'а, тамъ въ области *прошедшаго* *) времени употребляется Optativus, уступая мѣсто Conjunctiv'у въ области настоящаго и будущаго. Мы говоримъ напримѣръ: *εἴ τις αὐτῷ καλῶς ὑπερετήσειεν, οὐδενὶ πώποτε*... (по русски — тоже замѣчательно! — употребляется въ нашихъ случаяхъ *другое* наклоненіе желанія, именно Imperativ: »услужи ему кто-нибудь, — тогда онъ вотъ что дѣлалъ«; въ русскомъ языкѣ, впрочемъ, употребленіе Imperativ'а не ограничивается этими случаями).

Если въ Conjunctiv'ѣ condicional'номъ проза сдѣлала для себя обязательнымъ *ἄν*, то при *Optativ'ѣ* condicional'номъ она его систематически изгоняетъ, хотя въ *Омирѣ* мы его

---

*) Mutzbauer (Tempusl. 23.): Ebenso wird fälschlich dem Optativ in denselben Sätzen (о Conjunctiv'ѣ онъ въ этомъ отношеніи высказывается неясно и неопредѣленно) die Bedeutung einer unbestimmten *Frequenz* zugeschrieben, die er *nicht* hat.... Vrgl. Thuk. II. 49: *καὶ ὁπότε ἐς τὴν καρδίαν στηρίξαι ὁ πόνος, ἀνέστρεφέ τε αὐτήν* »sobald das Leiden den Magen befiel, kehrte es denselben um«. Der Optativ bezeichnet bloss den Eintritt der Handlung, der Indicativ die nach und nach sich vollziehende Umkehrung, während es dem Hörer überlassen bleibt, zu denken, dass dies jedesmal bei der Seuche im bestimmten Fall geschah.

встрѣчаемъ и припишемъ его появленіе, конечно, *опять* таки симасіологической тавтологіи. Сравни Od. *ο.* 545:

Τηλέμαχ' εἰ γάρ κεν σὺ πολὺν χρόνον ἐνθάδε μίμνοις

Τόνδε δ' ἐγὼ κομιῶ, ξενίων δέ οἱ οὐ ποθὴ ἔσται (другіе примѣры смотри Lange Partik. *εἰ* 493—520).

2) *Optativus finalis* (въ синтаксически подчиненныхъ выраженіяхъ). Что къ понятію цѣли прекрасно идетъ наклоненіе *желательнаго* сужденія, на это мы указали на стр. 138. Но тамъ же было указано и на столкновеніе — въ finalʼномъ значеніи — Optativʼa съ Conjunctivʼомъ. Въ чемъ же разница между этими наклоненіями? Дѣйствіе, представляемое въ *finalʼной* роли, предполагаетъ какое-нибудь *другое* дѣйствіе (поэтому и Conjunctivus finalis, и Optativus finalis синтаксически *подчинены*), при совершеніи котораго оно само имѣется непремѣнно въ виду *именно* какъ цѣль, т. е. какъ нѣчто, что только лишь должно *послѣдовать* за этимъ другимъ дѣйствіемъ. Согласно съ этимъ, въ *ῥῆμα*, имѣющемъ finalʼное значеніе, мы можемъ толковать всегда, конечно, о *будущемъ* времени, но это будущее время вполнѣ опредѣляется, какъ будущее, не съ момента *рѣчи*, а съ момента того *»другого« дѣйствія*, при которомъ наше *ῥῆμα* получило finalʼное значеніе. Съ момента *рѣчи* это будущее можетъ оказаться иногда и *прошедшимъ:* если я, изучая исторію, »познаю« и передаю слушателю теперь, по истеченіи слишкомъ 2000 лѣтъ, что въ Аѳинахъ Драконъ написалъ законы для того, чтобъ и подсудимые знали, чѣмъ руководятся судьи, то дѣйствіе »знать« представляется, конечно, будущимъ съ момента дѣйствія »написать«, но съ момента моей *рѣчи* оно относится къ *прошедшему* времени. Словомъ, при finalʼныхъ *ῥήματα*, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, приходится различать absolutʼное futurum, которое и съ момента рѣчи является будущимъ, отъ relativʼнаго futurum, которое лишь съ момента дѣйствія является будущимъ, а съ момента рѣчи представляется прошедшемъ. И не былъ ли нашъ »iterativʼный« Optativus condicionalis такое же relativʼное futurum («и вотъ, по тогдашнимъ условіямъ, скажи кто-нибудь, когда-нибудь въ *будущемъ*, то-то,

то непремѣнно выходило тогда вотъ что«)? Что же касается нашихъ *final'ныхъ* Conjunctiv'а и Optativ'а, то спрашивается. гдѣ болѣе умѣстно предположить у говорящаго недоумѣніе (= опасеніе. колебаніе). что цѣль, *можетъ быть,* будетъ достигнута, но, чего добраго, останется и *недостигнутою* (Conjunctivus finalis). и гдѣ онъ, говорящій, склоненъ болѣе выставить цѣль просто какъ желаніе, быть можетъ. даже не свое. а *вообще* дѣйствующаго лица, на какое бы въ текстѣ ни было указано (Optativus finalis)? Что вызываетъ *скорѣе* чувство сомнѣнія и даже страха, дѣйствительное ли, absolut'ное, будущее, или только relativ'ное, недѣйствительное? — Конечно, absolut'ное, а потому Conjunctivus finalis приходится встрѣчать при absolut'номъ —. а Optativus finalis при relativ'номъ »будущемъ цѣли«. Иногда при relativ'номъ будущемъ говорящій прямо таки чувствуетъ потребность выставить желаніе (цѣль), имѣвшееся въ виду при такомъ то дѣйствіи, *недостигнутымъ* и противорѣчащимъ тому. что на дѣлѣ было, и тогда, согласно приведенному на стр. 146, появляется въ языкѣ optativ'ный *Indicativ* (я хотѣлъ было сдѣлать то-то. чтобъ вы поняли, но . . . = ἠβουλόμην τοῦτο ποιεῖν, ἵνα ἔγνωτε, νῦν δὲ . . .)

3. *Optativus potentialis* съ ἄν (φαίην ἄν и т. д.). Будущее время въ нашемъ Optativ'ѣ почувствовать нетрудно (и въ русскомъ языкѣ. вмѣсто »это, пожалуй, такъ и есть«, мы можемъ сказать »да, это такъ и *будетъ*«); труднѣе почувствовать въ немъ наклоненіе *желательнаго* сужденія; въ этомъ виновато прежде всего ἄν, такъ какъ оно, поддерживая представленіе *возможности осуществленія факта*, навязываетъ фразѣ вмѣстѣ съ этимъ представленіемъ и характеръ *познавательнаго* сужденія. Но, если принять во вниманіе. что Optativus potentialis часто выражаетъ передъ слушателемъ *скромность* (иногда и иронію. но иронія есть притворное незнаніе, — притворная скромность), и что выражать скромность значитъ, какъ говорятъ, не »настаивать« на чемъ-нибудь, а представлять то или другое лишь какъ свое *desiderium*, то и можно до нѣкоторой степени вникнуть въ смыслъ Optativ'а въ нашихъ случаяхъ. и ужъ конечно

вполнѣ объяснить себѣ прибавку къ этому Optativ'у слова *ἄν**) съ его ролью указывать лишь на *возможность*, а не на прямую, раскрытую дѣйствительность.

4. *Optativus orationis obliquae.* Косвенная рѣчь, это — передача говорящимъ слушателю не *своего* собственнаго »познавательнаго« или »желательнаго« сужденія, вообще не *своего λόγος'а*, а *λόγος'а чужого* лица. При этой передачѣ говорящій можетъ почувствовать потребность *выразительно* указать слушателю на чужой *λόγος*, какъ на нѣчто, отвѣтственности за *правильность* чего онъ на себя не принимаетъ; другими словами, онъ можетъ почувствовать потребность *выразительно* указать на *субъективность* мысли, передаваемой имъ отъ имени чужаго лица. Я говорю, что потребность эту онъ *можетъ* почувствовать: это не значитъ, что она при передачѣ чужой мысли у говорящаго eo ipso появляется. При *непоявленіи* ея, косвенная рѣчь не имѣетъ никакого вліянія на наклоненія *τοῦ ῥήματος*; въ противномъ же случаѣ представленіе о такомъ же лишь *desiderium* чужаго лица, — desiderium съ точки зрѣнія самого *говорящаго, не ручающагося* ни за что, — о какомъ мы говорили въ potential'номъ Optativ'ѣ, становится *руководящимъ* для выбора наклоненія въ косвенной рѣчи, т. е. для появленія въ ней Optativ'а. Но тогда, если ужъ роль Optativ'а — выражать субъективность мысли (рѣчь идетъ, конечно, о *познавательныхъ* сужденіяхъ — »хотя и *desideri'ахъ* только« — въ *чужой* мысли), послѣдовательность требуетъ, чтобы

---

*) Какъ въ выраженіи *εἴθε ἐγένετο ταῦτα* только слово *εἴθε* придало фразѣ характеръ желанія, хотя *ἐγένοντο* было формою *познавательнаго* сужденія; какъ въ final'номъ *μὴ ταῦτα γένηται* характеръ желанія »*грамматически*« выраженъ только черезъ *μή*, а *γένηται* остается формою *познавательнаго* сужденія: такъ и въ фразѣ *τοῦτο γένοιτο ἄν* только *ἄν* придаетъ выраженію характеръ *познаванія*, а *γένοιτο* остается формою *желательнаго* сужденія. Да не подумаетъ читатель, что мы позволяемъ себѣ въ этихъ нашихъ объясненіяхъ какую нибудь натяжку. Возможность соединенія *познавательныхъ* выраженій съ *желательными* для достиженія въ общемъ контекстѣ *одного* какого нибудь изъ этихъ оттѣнковъ, — возможность эта становится *виднѣе*, если самое соединеніе устроится при помощи болѣе *крупныхъ* синтаксическихъ комплексовъ: »*о если бы случилось такъ*, что, вотъ, — человѣкъ *пришелъ, поговорилъ по душѣ* и т. д.«; это выраженіе, кажется намъ, *способно* выяснить собою *степень* такой »возможности«.

Optativ не оставался наклоненіемъ лишь будущаго или »нераскрытаго« настоящаго времени, но чтобы онъ располагалъ формами для *всѣхъ* временъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ онъ какъ бы замѣняетъ собою Indicativum orationis rectae. Для какихъ же временъ? Конечно, не для настоящаго, прошедшаго и будущаго, такъ какъ эти времена измѣряются лишь моментомъ рѣчи *говорящаго,* а казалось бы, — для *современности, преждевременности* и *послѣвременности,* т. е. для такихъ временъ, которыя измѣряются моментомъ рѣчи того лица, отъ имени котораго я, говорящій, передаю рѣчь (»онъ мнѣ говорилъ, что онъ пишетъ«; слово »пишетъ« указываетъ не на *настоящее* время, а на *современность* глаголу »говорилъ«). *) На дѣлѣ выходитъ иначе. Греческій языкъ не столько располагаетъ optativ'ными формами для выраженія *современности, преждевременности* и *послѣвременности,* **) сколько скорѣе употребляетъ свои Optativ'ы въ oratio obliqua по слѣдующимъ *видовымъ* оттѣнкамъ времени.

a) Этимологическія формы Optativi praesentis и perfecti, — послѣдняя съ оттѣнкомъ обозначенія *результата* дѣйствія, — указываютъ на *длительность* какъ »современную«, такъ и »преждевременную«.***) Во фразѣ »*Τισ*–

---

*) Такъ понимаетъ и Бругманъ (Berichte der philos. hist. Classe der kön. sächs. Gesellschaft der Wissensch. 1863, стр. 174) и Paul (Princip. 228). Послѣдній *довольно далеко* заходитъ въ разборъ временъ *вообще,* и *именно* въ связи съ наклоненіями. Нельзя, впрочемъ, сказать, что его толкованіе правильно. Много можно бы ему возразить, хотя онъ, признавая, въ общемъ, что die modalen und temporalen Verhältnisse nicht unabhängig von einander sind (стр. 231), совершенно согласно съ нами утверждаетъ, что der Imperativ seiner Natur nach immer futurisch ist, desgleichen der Conjunctiv und Optativ, soweit sie bezeichnen, dass etwas geschehen *soll* (?) oder gewünscht wird.

**) Mutzbauer (Tempusl. 9): Die Darlegung zeigt gewiss so viel, dass die homerische Sprache das zeitliche Verhältniss der Handlungen *zu einander,* mag dies nun die Beziehung zum *früher Geschehenen,* oder die Vorstellung der ... *Gleichzeitigkeit* sein, ... *nicht* bezeichnet hat. Überhaupt hat *niemals* in der griechischen Sprache das Bestreben, die zeitlichen Beziehungen der Gedanken zu einander klar zu legen, bestimmenden Einfluss auf den Gebrauch der Tempora gewonnen.

***) Разъ онѣ указываютъ *и* на современность, *и* на преждевременность (почему не упоминается здѣсь о *послѣвременности,* это выяснится ниже), то это значитъ, что *современность, преждевременность* и т. д. *не суть* категоріи, по которымъ различаются »временныя« формы Optativ'а.

σαφέρνης διέβαλλε τὸν Κῦρον πρὸς τὸν ἀδελφόν, ὡς ἐπιβουλεύοι αὐτῷ« форма *»ἐπιβουλεύοι«* должна быть понята въ смыслѣ *современности* по отношенію къ *ῥῆμα »διέβαλλε«*, между тѣмъ какъ въ извѣстномъ *»ἔλεγον, ὅτι τυγχάνοιεν φρύγανα συλλέγοντες κἄπειτα κατίδοιεν γέροντα«* (Xen. Anab. IV. 3. 11) форму *»τυγχάνοιεν«* слѣдуетъ понимать въ смыслѣ *преждевременности* по отношенію къ *ῥῆμα »ἔλεγεν«*.

б) Этимологическая форма Optativi aoristi указываетъ на одномоментность« (съ ея finitiv'нымъ, affirmativ'нымъ, и ingressiv'нымъ оттѣнками), — на одномоментность какъ современную, такъ и преждевременную. Во фразѣ *ἔλεγεν, ὅτι τοῦτο οὐκ ἐπὶ κακῷ τῆς πόλεως γένοιτο* можно понимать форму *γένοιτο* въ смыслѣ *преждевременности* по отношенію къ *ῥῆμα »ἔλεγεν«*, но не исключается возможность толковать приведенную фразу и въ такомъ смыслѣ, что »то, что случилось *во время его объясненій* съ нами, онъ провозглашалъ за безвредное для города«.

в) Этимологическія формы Optativi futuri simplicis и futuri exacti (тутъ то онѣ, эти futural'ныя формы Optativ'a, встрѣчаются въ первый и послѣдній разъ, причемъ форма futuri exacti, конечно, — съ оттѣнкомъ обозначенія *результата* дѣйствія), обыкновенно принимаются за указателей *послѣвременности*, какъ чего то, противопоставляемаго *современности* съ одной, и *преждевременности* съ другой стороны. Такого взгляда на дѣло держался и я, пока не выяснилъ себѣ того, что во »временныхъ« измѣненіяхъ риматическихъ формъ нужно строго различать времена, какъ *психологическую сторону* симасіологіи *τοῦ ῥήματος*, — ту сторону, которая въ принятой нами схемѣ *а—>б* обозначена черезъ >-, — и »видовые оттѣнки« *дѣйствія*, которое въ нашей схемѣ обозначено черезъ букву *а*. Современность, преждевременность и послѣвременность, — все это, хотя и представляетъ собою времена *relativ'ныя*, а не *absolut'ныя*, т. е. времена, измѣряемыя не говорящимъ, а тѣмъ, *отъ имени* кого говорящій передаетъ мысль, тѣмъ не менѣе относится къ *психологической* сторонѣ симасіологіи *τοῦ ῥήματος*, и мнѣ всегда казалось страннымъ, съ какой стати въ oratio obliqua, когда

Optativi praesentis, aoristi и perfecti, какъ *»временныя«* формы, не имѣютъ *никакого* дѣла съ этою психо-логическою стороною симасіологіи *τοῦ ῥήματος*, различаясь между собою *только* по видовымъ оттѣнкамъ дѣйствія, вдругъ должны съ нею считаться Optativi futuri simplicis и exacti.

Объяснить все это дѣло черезвычайно трудно, но мы попытаемся, насколько возможно, истолковать его. Всѣ Optativ'ы, вплоть до Optativ'a orationis obliquae, были съ *психо-логической* стороны симасіологіи *τοῦ ῥήματος futural'ными* съ точки зрѣнія *времени, къ которому относится сужденіе*, и выраженіями *желанія* съ точки зрѣнія *квалитативности* сужденія. Эти два вопроса только и *рѣшаются* психо-логическою стороною симасіологіи *τοῦ ῥήματος* (смотри выше стр. 110). Нѣтъ сомнѣнія, что Optativus orationis obliquae свою *futural'ность*, т. е. способность выражать извѣстное *время*, къ которому относится сужденіе, *потерялъ*, оставаясь, какъ показатель *desiderii*, только при способности выражать *квалитативность* сужденія. *Видовые* оттѣнки дѣйствія у насъ до сихъ поръ были: *вступленіе* въ дѣйствительность (ingressiv'ность), процессуальность, а то и простая affirmativ'ность, *законченность* (finitiv'ность), переходъ дѣйствія въ *состояніе* (мы прибѣгали къ термину *»результатъ«* дѣйствія), *исчезновеніе* (*βεβούλευκε* значитъ *»пересталъ* быть булевтомъ«); а гдѣ же *противоположность* »исчезновенію«? — гдѣ же тотъ моментъ, когда »дѣйствіе« только еще *собирается* вступить въ дѣйствительность? При общей futural'ности Imperativ'a, Conjunctiv'a и Optativ'a его нечего было особо отмѣчать, потому что онъ былъ данъ самою *futural'ностью* этихъ наклоненій. Но когда эта futural'ность исчезла, — а это произошло *именно* въ Optativ'ѣ orationis obliquae, то его *пришлось* отмѣтить особо, и тогда и *пригодились* этимологическія формы Optativ'a futuri *simplicis* (въ дѣйствительность тутъ »собирается« вступить само *дѣйствіе*) и Optativ'a futuri exacti (въ дѣйствительность тутъ собирается вступить *состояніе* какъ *результатъ* дѣйствія).*)

*) Что съ *этимъ* моментомъ, т. е. съ тѣмъ, когда дѣйствіе или его результатъ только еще *собирается* вступить въ дѣйствительность, — что

Читатель, навѣрно, подмѣтилъ, что то же самое придется повторить при *ὄνομα ῥήματος* (при такъ называемомъ »неопредѣленномъ наклоненіи«). *Ὄνομα ῥήματος*, не выражающее *сужденія*, не имѣетъ и *временъ*, которыхъ требуетъ психо-логическая сторона сужденія. Временныя измѣненія его формъ относятся только къ видовымъ оттѣнкамъ *дѣйствія*; и вотъ, когда по контексту все дѣйствіе относится къ futur'у (напр. *βούλεται πράττειν*), тогда *ὄνομα ῥήματος* представляетъ только формы *πράττειν*, *πρᾶξαι*, *πεπραγέναι* (только въ смыслѣ симасіологической *тавтологіи* встрѣчается иногда *βούλεται πράξειν*), а когда этой futural'ности въ контекстѣ нѣтъ, тогда выступаетъ наряду съ *упомянутыми* тремя формами еще и форма *πράξειν*. То же самое мы видимъ и въ *μετοχή* (въ »причастіи«).

Изложеннаго, кажется намъ, достаточно, чтобы почувствовать въ *ῥῆμα* все богатство средствъ для выраженія разныхъ оттѣнковъ мысли и все его преимущество передъ остальными частями рѣчи. Это преимущество *τοῦ ῥήματος* доходитъ даже до *полной* его *самостоятельности* — въ томъ смыслѣ, что его *одного*, какъ выраженія *присужденія* чего то чему то, и какъ выраженія такой или иной *квалитативности* сужденія, относящейся къ такому или иному *времени*, совершенно достаточно для выраженія довольно *сложной* мысли, особенно, разъ само присуждаемое »*что-то*«, т. е. самъ присуждаемый »признакъ« или »дѣйствіе«, надѣлено и залоговыми оттѣнками, и способностью выступать въ *ῥῆμα* въ разныхъ моментахъ своего развитія: *δεῖ*, *ὕει*, *γράφω* и т. д., это все — цѣлая рѣчь. Трудно было придумать для *ῥῆμα* болѣе удачный терминъ: слово *ῥῆμα* образовано отъ основы *ῥε*, появляющейся въ *εἴρηκα*, *ἐρρήθην* и др., — образовано оно такъ, какъ образовано *γράμμα* (= писанное — писаніе) отъ *γραφ*, и значитъ *реченное, реченіе, рѣчь*. Въ русской терминологіи мы останемся при терминѣ *глаголъ*, исключая изъ него, какъ къ тому

съ этимъ моментомъ вполнѣ *совпадаетъ* »послѣвременность«, и что, стало быть, она не могла имѣть мѣста при Optativ'ахъ praesentis, aoristi и perfecti, само собою разумѣется.

ведетъ все наше изслѣдованіе, »неопредѣленное наклоненіе« и »причастіе«.

Но преимущество »глагола« передъ другими частями рѣчи замѣчается еще и въ *другомъ* отношеніи. Какъ уже сказано на стр. 58, для тѣхъ, которые въ »глаголѣ« видятъ minimum »предложенія« и думаютъ, что »предложеніе не можетъ обойтись безъ »глагола«, мы можемъ опредѣлить »предложеніе«, какъ *глаголъ съ его симасіологическими дополненіями*. Правда, »предложеніе« есть нѣчто, предѣлы чего обозначаются довольно крупными »паузами«, а слѣдить за »паузами« есть дѣло другого, *высшаго* синтаксиса, который мы установили на стр. 64, и который долженъ слѣдовать за нашею симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ; но отчего не захватить изъ этого синтаксиса то, что изъ нашей симасіологіи вытекаетъ непосредственно, тѣмъ болѣе что опредѣленіе »предложенія« имѣетъ и для насъ нѣкоторое значеніе: оно *указываетъ на предѣлы нашей задачи*. Вообще же наше настоящее разсужденіе ведетъ къ двумъ слѣдующимъ замѣчаніямъ:

1. И выраженія »*пора!*« — »*набатъ!*« были *законченною* рѣчью и заставляютъ насъ рядомъ съ риматическими или глагольными предложеніями признавать и ономатическія (сравни объ этомъ выше стр. 91.) Ниже мы убѣдимся, что ономатическія предложенія не ограничиваются выраженіями, состоящими изъ *одного* слова, а что они допускаютъ и »осложненіе«.

2. Выраженія »молчать!« »на плечо!« представляютъ изъ себя тоже *законченную* рѣчь, суть тоже выраженія, сопровождающіяся крупною паузою. суть тоже предложенія, но . . . . Что *глагольнаго* характера они не имѣютъ, это читатель видитъ съ перваго разу. Однако и ономатическаго характера усматривать въ нихъ нельзя. Въ выраженіи »*на плечо!*« хотя и встрѣчается *ὄνομα*, именно слово *плечо*, но оно не имѣетъ ни того *самостоятельнаго* положенія, какое мы должны приписать *ὀνόματ*'у въ выраженіи »пора!«, ни той *господствующей* роли, въ силу которой оно призахватывало бы къ себѣ другія симасіологическія допол-

ненія, напротивъ, оно *само* зависитъ симасіологически отъ *другого* слова, — отъ слова *»на«*. Что же касается выраженія »молчать!«, то останется ли оно, какъ *ὄνομα ῥήματος*, въ *ὀνόματ*'ахъ, или нѣтъ (все это выяснится ниже), тѣмъ не менѣе, однако, характеръ »предложенія« оно получаетъ *только* благодаря его *imperativ'ному* тону. Нельзя не замѣтить, что этотъ imperativ'ный тонъ вложенъ въ наше выраженіе *извнѣ*, что онъ вовсе не данъ самою грамматическою *формою* слова *молчать*, и что, не будь этого тона, слово *молчать* будетъ чувствоваться *вырваннымъ* изъ цѣльной рѣчи, — будетъ чувствоваться, правда, *»частью«* рѣчи, но частью рѣчи *неопредѣлимою*, такъ какъ самой *рѣчи* нѣтъ на лицо. Это не то, чѣмъ было выше слово »пора!« (см. стр. 94.). Послѣднее и *помимо* восклицательнаго тона было выраженіемъ *сужденія*, наше же *»молчать!«* представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ случаевъ, о которыхъ Wegener (Untersuch. 68—9) говоритъ: So wenig die Gesellschaft bestehen kann, wenn ihre Glieder von ihren rein selbstischen Zwecken beherrscht werden, ebensowenig die auf der Gesellschaft ruhende Sprache; denn die Sympathie ist die fundamentalste Voraussetzung alles Sprachverständnisses. Keine Mutter würde das Weinen des Kindes als Aufforderung verstehen, ihm zu helfen. Niemand würde das weinerlich gesprochene »Butterbrod«, »meine Stiefeln« als *Imperativ* fassen .... Aber ebensowenig wäre Sprachverständniss möglich, wenn uns der selbstische Trieb fehlte, wenn wir nicht bei jeder sprachlichen Aeusserung eines Anderen nach dem Zweck derselben fragten .... *So veranlasst uns der selbstische Trieb, das Sprechen eines Anderen als zweckvoll anzusehen, die Sympathie dagegen, auf das Sprechen des Anderen zu achten und dasselbe zu deuten.* Der Massstab und das Schema, nach den Beides geschicht, sind unsere eigenen Zustände des Begehrens und der *Gefühlserregung*.

Вотъ этотъ selbstischer Trieb съ одной — и Sympathie съ другой стороны дѣлаютъ часто незаконченную, въ сущности, рѣчь *законченною*, обставляя ее *помимо* плача,

о которомъ упоминаетъ Wegener, и *помимо* всевозможныхъ *другихъ* »Gefühlserregungen«, особою *интонировкою произношенія.* Мы уже упоминали о такой рѣчи на стр. 3. въ примѣрахъ »*Quos ego!*« и »*вонъ отсюда!*« ее мы должны усматривать и *здѣсь,* не только въ выраженіи »*молчать!*«, но и въ выраженіи »*на плечо!*«, и не безъ основанія, какъ оказывается, мы ее на стр. 3. назвали »брахилогическою«. Такая »брахилогическая« рѣчь, дѣлающаяся »рѣчью« только благодаря *тону,* слѣдить за которымъ не наше дѣло, не можетъ составлять предметъ *нашего* изслѣдованія, а относится къ *высшему* синтаксису: въ *нашемъ* изслѣдованіи мы будемъ двигаться *только* въ предѣлахъ глагольныхъ и ономатическихъ »*предложеній*«. А потому *исключаемъ* изъ нашего изслѣдованія такія явленія, какъ *φεῦ τῆς ἀνοίας!*«, *ὦ Ζεῦ βασιλεῦ, τῆς λεπτότητος τῶν φρενῶν!*« (Aristoph. Nub. 153), »*τῆς τύχης τὸ ἐμὲ νῦν κληθέντα δεῦρο τυχεῖν!*« (Xen. Cyr. II. 2. 3.), »*Ζεῦ ἄνα Τηλέμαχόν μοι ἐν ἀνδράσιν ὄλβιον εἶναι* (Od. ρ 354), »*δεινόν γε τὸν κήρυκα τὸν παρὰ τοὺς βροτοὺς οἰχόμενον, εἰ μηδέποτε νοστήσει πάλιν*« (Aristoph. Av. 1269), »*ὡς ἔπος εἰπεῖν*«, »*ὀλίγου δεῖν*« и т. д. Пусть тотъ *высшій* синтаксистъ, когда въ предѣлахъ *полной* рѣчи будетъ опредѣлена симасіологія частей рѣчи и ихъ формъ, — пусть онъ займется вопросомъ, какъ могла такая то часть рѣчи или такая то ея форма примириться съ »паузою« и съ »тономъ« и составить, *благодаря* этой паузѣ и этому тону, *законченную* рѣчь. Мы же теперь послѣ разбора *глагола* перейдемъ къ *новой* части рѣчи.

III.

Первый отдѣлъ объ имени (nomen).

Какая часть рѣчи должна занять *второе* мѣсто въ разсматриваемомъ нами *ἄπειρον*, это не требуетъ никакихъ глубокомысленныхъ разсужденій и соображеній. *Ὀνόματα сами* напрашиваются на это второе мѣсто. Древнимъ философамъ - грекамъ, когда они еще только приступали къ рѣшенію задачи, за которую взялись мы, и *эта* часть рѣчи до того бросалась въ глаза своею *крупностью* сравнительно съ остальными словами, что они, ставя ее по вѣсу *рядомъ и наравнѣ* съ глаголами,*) все остальное находили возможнымъ отмѣтить однимъ *сборнымъ* терминомъ

*) Schoemann'y (Redeth. 28 и сл.) не нравятся указанія, съ которыми постоянно приходится встрѣчаться у греческихъ грамматиковъ (Шеманъ приводитъ самыя мѣста изъ нихъ), и которыя гласятъ, что (см. напр. Apoll. Dysc. de constr. I. 12) *τοῦ ῥήματος ἀναγκαίως πρόκειται τὸ ὄνομα, ἐπεὶ τὸ διατιθέναι καὶ τὸ διατίθεσθαι σ ώ μ α τ ο ς ἴδιον, τοῖς δὲ σώμασιν ἐπίκειται ἡ θέσις τῶν ὀ ν ο μ ά τ ω ν, ἐξ ὧν ἡ ἰδιότης τοῦ ῥήματος.* По поводу этого и подобныхъ мѣстъ Шеманъ находитъ нужнымъ доказывать древнимъ »die Priorität des Verbum vor dem Nomen«. По нашему мнѣнію онъ это дѣлаетъ напрасно. Указаніе древнихъ не относится здѣсь къ степени *важности синтаксическаго* значенія *одной* изъ этихъ частей рѣчи преимущественно передъ другою, а просто имѣетъ въ виду нѣкоторый внѣшній *порядокъ* въ *перечисленіи* частей рѣчи: въ рѣчи, *соединяющей ῥῆμα* съ *ὄνομα*, мы, *какъ будто* (да опять таки *только* какъ будто; сравни выше стр. 92) *высказываемся* о предметѣ (о *σῶμα*), а потому можно разсуждать такъ, что сначала долженъ быть на лицо самый предметъ, а потомъ только можно о немъ высказываться. Этотъ *внѣшній* порядокъ частей рѣчи Аполлоній (de constr. I. 13—18) устанавливаетъ такъ: *ὄνομα, ῥῆμα* (неопредѣленное наклоненіе не выставлено въ этой статьѣ какъ *особая* часть рѣчи), *μετοχή* (*ἅτε μετέχουσα καὶ τοῦ ὀνόματος καὶ τοῦ ῥήματος*), *ἄρθρον, ἀντωνυμία, πρόθεσις, ἐπίῤῥημα* и *σύνδεσμος*. Аполлоній очень озабоченъ въ указанной статьѣ тѣмъ, чтобы такъ или иначе *обосновать* этотъ *внѣшній* порядокъ *перечисленія*. Когда же идетъ вопросъ о степени важности *синтаксическаго значенія* частей рѣчи, то тогда Аполлоній, сравнивая *однѣ* части рѣчи съ *гласными* звуками слова, а другія — съ согласными, выражается слѣдующимъ образомъ (de constr. I. 9.): *αἱ μὲν γὰρ*

»*ἄρθρον*« (средство для склеиванія) или »*σύνδεσμος*« (союзъ.*)
Въ нашемъ дѣлѣ является важною задачею не столько — *замѣтить ὄνομα* какъ отдѣльную часть рѣчи, сколько скорѣе — опредѣлить ея *границы* и произвести надлежащее дѣленіе внутри ея самой.

Если глаголъ, двоякостью выраженныхъ въ немъ »представленій« (*а* и *б*) и всею психо-логическою стороною своей симасіологіи, прямо насъ окунаетъ въ цѣльную рѣчь; если глаголъ или самъ есть рѣчь, или, по крайней мѣрѣ, представляетъ собою *остовъ* рѣчи, на который, какъ мы замѣтили въ концѣ предыдущаго отдѣла, все остальное въ рѣчи опирается; если глаголъ, выражаясь короче, мыслимъ *только* въ рѣчи: то *ὄνομα* отличается отъ глагола *именно* тѣмъ, что оно мыслимо *между прочимъ* — а можетъ быть и *прежде* всего — *внѣ* рѣчи и *внѣ* связной мысли, понимая связную мысль какъ *сужденіе* и *раз*сужденіе. Я говорю »между *прочимъ*« въ виду того, что на стр. 91–4 мы выясняли слова »*набатъ!*«, »*пора!*« и т. п., какъ выраженія *рѣчи*, и притомъ *цѣльной*, не нуждающейся ни въ какихъ пополненіяхъ. Цѣльную рѣчь мы усматривали въ словахъ »*набатъ!*« и пр. тогда, когда присвоеніе *названія* такому или иному явленію или же засвидѣтельствованіе *существованія* чего нибудь составляло *задачу* для мыслящаго, было *предметомъ* сужденія, такъ что *разрѣшеніе* этой задачи, т. е. дѣйствительное *поименованіе* явленія или дѣйствительное *засвидѣтельствованіе* чего нибудь, — то и другое совершается черезъ *произнесеніе* слова, — представляло собою самое *сужденіе*. Въ массѣ случаевъ, однако, не бываетъ того, чтобы произнесеніе единичнаго слова — глаголъ, съ его *психо-логическою* стороною симасіологіи, тутъ исключается — было вмѣстѣ съ тѣмъ и выраженіемъ сужденія.**)

αὐτῶν (разумѣй *частей рѣчи*) — *τρόπον τινὰ τῶν φωνηέντων ῥηταί εἰσι, καθάπερ ἐπὶ τῶν ῥημάτων* (вотъ, что здѣсь на *первомъ* мѣстѣ!) *ἔστιν ἐπινοῆσαι, ὀνομάτων, ἀντωνυμιῶν, ἐπιρρημάτων.*

*) Объ этомъ — впрочемъ, *общеизвѣстномъ* — вопросѣ можно справиться хотя бы у Steinthal'я (Gesch. 255).

**) Исключеніе тутъ могутъ составлять *отвѣты* (*τί τοῦτο γράφεις; ἐπιστολήν*). Но отвѣты составляютъ *синтаксическое продолженіе* вопросовъ.

Въ массѣ случаевъ произнесеніе слова является простымъ *отраженіемъ* того, что рисуется въ представленіи говорящаго, — простымъ внѣшнимъ символомъ внутренней картины. Въ массѣ случаевъ произнесеніе слова является не чѣмъ то искомымъ *для* представленія, чѣмъ то *окончательно формулирующимъ* представленіе, какъ это было въ выраженіяхъ *»набатъ!«* и *»пора!«*, а чѣмъ то *даннымъ вмѣстѣ* съ представленіемъ и прорывающимся наружу въ силу потребности *души* нашей, живущей въ *тѣлѣ*, *воплотить* свои переживанія въ эти внѣшніе символы. Короче говоря, въ массѣ случаевъ мы, произнося слово, не *вопросъ* рѣшаемъ, а только »выражаемъ« то, что рисуется въ нашемъ представленіи, точно математикъ, который, »представляя« треугольникъ, въ это время проводитъ линіи руками по воздуху или чертитъ треугольникъ на доскѣ.

Какъ же мы опредѣлимъ въ такомъ случаѣ *ὄνομα*, предполагая, что оно есть не выраженіе сужденія, а отраженіе представленія, образующагося притомъ *внѣ* рѣчи и *внѣ* связной мысли? Пока мы его можемъ опредѣлить, какъ внѣшній символъ »представленій« о личностяхъ или, выражаясь короче, — какъ внѣшній символъ *самихъ* личностей, а также предметовъ и всякихъ явленій внѣшняго и нашего внутренняго міра, словомъ, — всѣхъ тѣхъ *ὄντα*, о которыхъ Платонъ разсуждаетъ *прежде* всего въ Софистѣ. Когда мы — сказано въ Софистѣ (смотри, между прочимъ, 250 a и сл.) — произносимъ фразу *κίνησις καὶ στάσις ἔστιν* (движеніе и стояніе существуетъ), то тутъ есть *три ὄντα:* 1. *κίνησις*, 2. *στάσις*, а 3. та *οὐσία*, — то *существованіе*, которое мы, въ данной фразѣ, черезъ слово *ἔστιν* приписываемъ и движенію, и стоянію.**) Точно также, — ска-

*) Plat. Soph. 250 a и сл.:
Εἶεν δή, κίνησιν καὶ στάσιν ἆρ' οὐκ ἐναντιώτατα λέγεις ἀλλήλοις;
Πῶς γὰρ οὔ;
Καὶ μὴν »εἶναί« γε ὁμοίως φῄς ἀμφότερα αὐτὰ καὶ ἑκάτερον;
Φημὶ γὰρ οὖν.
Ἆρα κινεῖσθαι λέγων ἀμφότερα καὶ ἑκάτερον, ὅταν »εἶναι« συγχωρῇς;
Οὐδαμῶς.

жемъ мы въ подражаніе Платону, — когда говорятъ *ἡ μὲν ἐπιστήμη τὴν ἀλήθειαν περὶ τῶν ὄντων διακριβοῦται, ἡ δὲ δόξα ψεύδεται περὶ αὐτῶν*, то здѣсь выступаютъ *шесть ὄντα*, а именно: 1. *знаніе*, 2. *истина*, 3. *разъясненіе*, 4. *мнѣніе*, 5. *ложь*, а 6. *-ое ὄν* Платонъ усмотрѣлъ бы у насъ въ самомъ *ὄντα*, точно такъ же какъ выставляютъ наряду съ »понятіемъ« *лошади*, *дерева* и т. д. и »понятіе« самого *понятія*. Сами *ὄντα*, перечисленныя здѣсь при помощи ихъ внѣшнихъ символовъ, т. е. при помощи *τῶν ὀνομάτων*, представляютъ собою, каждое въ отдѣльности, нѣчто вполнѣ *самостоятельное*. Они никакого сообщенія другъ съ другомъ не ищутъ и стоятъ рядомъ какъ *столбы*, которые *можно* соединить, если кому захочется, въ *связной мысли*. Соотвѣтственно этому ихъ внѣшніе символы, *ὀνόματα*, чувствуются каждое про себя чѣмъ то самостоятельнымъ, цѣльнымъ, *не нуждающимся* ни въ какомъ дополненіи, но *поддающимся*, если кто захочетъ, соединенію въ *связной рѣчи*. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы говорили, что *ὀνόματα* мыслимы и *внѣ* рѣчи, *внѣ* связной мысли, и вотъ въ какомъ смыслѣ мы искали ихъ опредѣленія, когда мы говорили, что они въ этомъ опредѣленіи должны фигурировать не »какъ выраженія сужденія«, а какъ стоящія *внѣ* рѣчи и *внѣ* связной мысли.

Приведенное разсужденіе ведетъ прежде всего къ двумъ примѣчаніямъ, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности, въ свою очередь, должно послужить исходною точкою наблюденій, немаловажныхъ въ предпринятой нами задачѣ.

Въ поискахъ нашихъ за логическимъ объемомъ термина »*ὄντα*« мы руководились тѣмъ, чтобы »личности«, т. е. сами *носители* мысли или *мыслящія* существа, не выступали *господствующими* въ этомъ объемѣ, а чтобы они скорѣе

Ἀλλ' ἑστάναι σημαίνεις, λέγων αὐτὰ ἀμφότερα »εἶναι«;

Καὶ πῶς;

Τρίτον ἄρα τι παρὰ ταῦτα τὸ ὂν ἐν τῇ ψυχῇ τιθείς, ὡς ὑπ' ἐκείνου τήν τε στάσιν καὶ τὴν κίνησιν περιεχομένην συλλαβὼν καὶ ἀπιδὼν αὐτῶν πρὸς τὴν τῆς οὐσίας κοινωνίαν, οὕτως »εἶναι« προσεῖπες ἀμφότερα;

Κινδυνεύομεν ὡς ἀληθῶς τρίτον ἀπομαντεύεσθαί τι τὸ ὂν ὅταν »κίνησιν καὶ στάσιν εἶναι« λέγωμεν.

составляли минимальную его часть. Въ дѣйствительности оно такъ и есть, но совершенно иначе рисуется дѣло въ *представленіи* этихъ носителей мысли, на которое мы такъ напираемъ въ нашемъ изслѣдованіи. Мы говоримъ здѣсь не о томъ періодѣ придумыванія словъ вообще, а *τῶν ὀνομάτων* въ частности, когда люди, при совершенно уже установившемся типѣ языка, начали вводить новыя слова для новыхъ предметовъ и явленій просто по образцу уже готовыхъ словъ, такъ сказать, по *шаблону,* не только не вдумываясь особенно, но и не думая вдумываться въ тотъ процессъ, черезъ который получился самый шаблонъ, и замѣнивъ *сознательное* отношеніе къ дѣлу болѣе или менѣе безсознательною *рутиною.* Итакъ, не объ этомъ періодѣ образованія словъ идетъ рѣчь. Но ему предшествовалъ иной, хотя и лежащій въ сѣдой доисторической давности, а потому трудно поддающійся изслѣдованію, но несомнѣнно *глубоко* поэтическій періодъ самого *творчества* языка, когда люди, надо думать, не только сами являлись живыми и »личностями«, но оживляли и олицетворяли всю окружавшую ихъ природу, точно такъ же, какъ оживляли и олицетворяли все то, чѣмъ они въ удовлетвореніе своихъ *духовныхъ* потребностей наполняли свой *внутренній* міръ. Вотъ тутъ то всякое подлежавшее наименованію *ὄν* (былъ ли то *οὐρανός*, бурный ли потокъ, или какая нибудь *πόλις*, какая нибудь *ἀρετή*, какое нибудь яблоко) представлялось людямъ то производителемъ или вообще активною *силою* (иногда даже не плодотворною и сѣющею, а просто разрушительною), то женою, оплодотворяемою, раждающею, или обнаруживающею другія свойства, присущія только ей, въ противоположность мужчинѣ, то, наконецъ, произведеніемъ или плодомъ. Это поэтическое настроеніе творцовъ слова отпечатлѣлось и въ языкѣ, въ самихъ *ὀνόματα*, дифференцировавшихъ своими окончаніями роды: мужескій (*γένος ἀρσενικόν*), женскій (*γένος θηλυκόν*) и »ни тотъ, ни другой« (*γένος οὐδέτερον* — neutrum).*) Какое значеніе имѣетъ это примѣчаніе для насъ,

*) Извѣстна статья Grimm'a (D. Gramm. III. 311—563), въ которой этотъ великій ученый, выясняя »естественный« родъ въ цѣломъ рядѣ названій

увидимъ ниже; пока пусть оно такъ и остается примѣчаніемъ. Нелишне прибавить еще одно: не всякій языкъ олицетворяетъ одно и то же явленіе одинаково; различіе въ народныхъ міровоззрѣніяхъ отразилось и здѣсь, и въ различныхъ языкахъ внѣшніе символы для однихъ и тѣхъ же явленій не всегда соотвѣтствуютъ другъ *другу* по родовымъ окончаніямъ.

Второе наше примѣчаніе касается слѣдующаго. *Ἐπιστήμη*, — говорили мы, — *ἀλήθεια*, *διακρίβωσις*, *δόξα*, *ψεῦδος*, *ὄντα*, — все это *ὀνόματα τῶν ὄντων* и чувствуются каждое само по себѣ чѣмъ то самостоятельнымъ, цѣльнымъ, не нуждающимся ни въ какомъ дополненіи, но находящимся *внѣ* связной рѣчи, точно такъ же, какъ сами *ὄντα* находятся внѣ связной *мысли*. Связная мысль изъ этихъ *ὄντα* и, соотвѣтственно этому, связная рѣчь (или *просто* »рѣчь«, такъ какъ мы подъ »рѣчью« *именно* разумѣемъ выраженіе связной мысли) вышла у насъ такая: *ἡ μὲν ἐπιστήμη τὴν ἀλήθειαν περὶ τῶν ὄντων διακριβοῦται, ἡ δὲ δόξα ψεύδεται περὶ αὐτῶν.* Въ этой »рѣчи« *ὀνόματα* *διακρίβωσις* и *ψεῦδος* превратились въ глаголы. Это значитъ, что явленія, которыя были прежде обозначены черезъ слова *διακρίβωσις* и *ψεῦδος*, отнесены теперь къ извѣстному времени и, какъ »дѣйствія«, имѣющія начало, развитіе и конецъ, присуждены — съ *познавательнымъ*, въ данномъ случаѣ, оттѣнкомъ — извѣстнымъ »лицамъ« въ извѣстномъ »залоговомъ« къ нимъ отношеніи. »Лицами«, которымъ присуждены эти »дѣйствія«, при *ближайшемъ ихъ опредѣленіи* (въ глаголахъ *διακριβοῦται* и *ψεύδεται* они *просто* отмѣчены какъ *постороннія* бесѣдующимъ) оказываются *ἐπιστήμη* и *δόξα*. При этомъ сами *слова* »*ἐπιστήμη*« и »*δόξα*« не поддались въ *связной* рѣчи никакимъ измѣненіямъ и остались, какъ выражались греки, *ὀρθαί*, т. е. такими, какими они были *внѣ* связной *рѣчи*, когда исполняли

предметовъ на почвѣ олицетворенія (стр. 315—355), высказывается о »грамматическомъ« родѣ (т. е. о томъ, гдѣ за олицетвореніемъ услѣдить нельзя) слѣдующимъ образомъ (114): Das grammatische Geschlecht ist eine, aber im *frühsten* Zustande der Sprache schon vorgegangene Anwendung oder *Übertragung* des *natürlichen* auf alle und jede Nomina.

роль наименованій *τῶν ὄντων*, находившихся, въ свою очередь, *внѣ* связной *мысли*. Затѣмъ, при составленіи изъ нашихъ *ὄντα* связной рѣчи оказалось нужнымъ вставить такія слова какъ: *ἡ, μέν, τήν, περί, τῶν, δέ, αὐτῶν*, которыя мы, по примѣру древнихъ, назовемъ пока какими то *ἄρθρα* или *σύνδεσμοι*. Что же касается словъ *ἀλήθεια* и *ὄντα*, то они, хотя и остались въ связной рѣчи тѣми же *ὀνόματα*, тѣми же наименованіями *τῶν ὄντων*, какъ ими остались и *ἐπιστήμη* и *δόξα*, но, въ сравненіи съ послѣдними, немного измѣнились, — измѣнились, очевидно, потому, что на нихъ отразилась та transitiv'ность слова *διακρίβοῦται*, на которую мы указывали въ статьѣ о залогахъ (стр. 108). Они уже не стоятъ въ связной рѣчи *ὀρθῶς*, какъ слова *ἐπιστήμη* и *δόξα*, а »*покосились*«, какъ выражались древніе (*εἰς πλάγιον ἐκλίθη*)*), *подъ вліяніемъ* слова *διακρίβοῦται*, причемъ *одно* изъ нихъ покосилось подъ этимъ вліяніемъ *при посредствѣ* *ἄρθρ*'а *περί*.**) О разныхъ »паденіяхъ« (*такъ* еще выражались греки) *τῶν ὀνομάτων*, т. е. о падежахъ (*πτώσεις*), — о томъ, какія отношенія выражаются тѣмъ или инымъ падежемъ, намъ и придется распространиться въ настоящее время и оставить неоконченнымъ »опредѣленіе границъ« *τοῦ ὀνόματος* (словомъ *ὄντα* ихъ окончательно не опредѣлишь) и дѣленіе *τοῦ ὀνόματος* внутри *его самого*. Такъ ужъ сплетается вопросъ съ вопросомъ.

Приступая къ рѣшенію вопроса о значеніи падежей, мы прежде всего должны отмѣтить, что и та форма *τοῦ ὀνόματος*, въ которой *ὄνομα* стоитъ *ὀρθῶς*, названа древними *πτῶσις*. Такъ и математикъ, когда обѣ стороны угла вытянулись въ одну прямую линію, и когда собственно никакого »угла«, никакого *уклона* сторонъ нѣтъ, говоритъ объ »углѣ«

---

*) Смотри схоліи къ грамматикѣ Діонисія Ѳракійскаго (B. A. II. 862. 5), гдѣ само слово *ὀρθῶς* объясняется такъ, что *ὄνομα*, которое стоитъ *ὀρθῶς*, *οὔπω πλαγίως ἐκλίθη*.

**) Читателю можетъ показаться страннымъ различіе оттѣнковъ »при посредствѣ« и »подъ вліяніемъ«. Оно будетъ оправдано въ пятомъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія.

(объ углѣ 180°).*) Падежъ, въ которомъ *ὄνομα* стоитъ *ὀρθῶς*, — древніе тутъ толковали объ *ὀρθὴ πτῶσις* — названъ *ὀνομαστική* (именительный). Нѣтъ сомнѣнія, что это названіе очень приличествуетъ нашему падежу *прежде* всего въ виду той его роли, о которой мы только что упоминали, т. е. роли внѣшняго символа *τῶν ὄντων*, когда послѣднія находятся *внѣ* связной рѣчи. Мы сами, разсуждая о такой ихъ роли, постоянно прибѣгали къ выраженію »*наименованія*« (= »поименованія« = »названія«) *τῶν ὄντων*. Какой же смыслъ, спрашивается, пріобрѣтаетъ именительный падежъ въ »рѣчи«?

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ служатъ прежде всего тѣ выраженія »*набатъ!*« и »*пора!*«, которыя *сами по себѣ* представляютъ »рѣчь«. Насколько здѣсь »именительный« падежъ — въ своей роли, читатель можетъ усмотрѣть изъ нашихъ разсужденій объ этихъ выраженіяхъ на стр. 90–4: Въ выраженіи »набатъ!« все дѣло *заключалось* въ »*поименованіи*« явленія, а что »засвидѣтельствовать« пору *можно* черезъ ея »поименованіе« (раньше мы говорили: черезъ произнесеніе *слова* »пора«), это съ *психологической* точки зрѣнія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ дальнѣйшемъ разборѣ употребленія именительнаго падежа въ »рѣчи« мы переходимъ уже къ выраженіямъ посложнѣе, т. е. къ выраженіямъ, состоящимъ болѣе чѣмъ изъ одного слова. Мы имѣемъ въ виду сложныя выраженія, все еще *чисто* ономатическія, въ родѣ: *орелъ—хищникъ, ясень—дерево* и т. п. Если мы прибѣгаемъ и здѣсь къ русскимъ примѣрамъ, а не къ греческимъ, то это объясняется тѣмъ, что греческій языкъ вообще относится не особенно благо-

---

*) Древніе любили поднимать вопросъ: *πῶς δ' οἷόν τε ἐστὶν τὴν ὀνομαστικὴν »εὐθεῖαν« καὶ* (= *и въ то же время*) *»πτῶσιν« λέγεσθαι*, и отвѣчали на него слѣдующимъ образомъ (B. A. II. 861): *Καθὸ γὰρ πέπτωκεν ἀπὸ τοῦ κοινοῦ εἰς ἰδιότητα* (имѣется въ виду, очевидно, внесеніе именительнаго падежа въ »рѣчь«, т. е. въ *связную* рѣчь, и приведеніе его въ извѣстное отношеніе къ другимъ словамъ рѣчи), *ὀνομάζεται πτῶσις· καθὸ δὲ πεσοῦσα ἔμενε καὶ ἔστη, ὥσπερ ἦν ἐν τῷ γενικῷ* (т. е. при появленіи ихъ *внѣ* »рѣчи«), *καλοῖτο ἂν ὀρθή .... ὥσπερ ἐὰν τις λάβῃ γραφεῖον καὶ ἀφῇ εἰς γῆν καὶ ὀρθὸν στῇ, καθὸ μὲν πέπτωκε ἀπὸ τῆς χειρὸς, δοκεῖ πεπτωκέναι, καθὸ δὲ πεσὸν ἔστη, λέγεται ὀρθόν*'

склонно къ *ономатической* рѣчи, хотя не безусловно изгоняетъ ее (сравни: *οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη*).

Фразу *орелъ—хищникъ* можно понимать двояко: или она обозначаетъ, что предметъ, »*поименованный*« въ первомъ словѣ (въ словѣ *орелъ*), *принадлежитъ* къ хищникамъ. т. е. что логическій *объемъ* этого перваго слова составляетъ *часть* логическаго объема слова *хищникъ,* или же при произнесеніи ея *совсѣмъ* не обращается вниманіе на отношеніе логическихъ объемовъ тѣхъ *ὀνομάτων*, которыя вошли въ ея составъ. Въ послѣднемъ случаѣ соединены въ цѣльную рѣчь два *ὀνόματα* просто для того, чтобы первое изъ нихъ, слово *орелъ*, »поименовывало« предметъ, а второе отмѣчало бы собою присуждаемые этому предмету *признаки*, поскольку они *выражены* въ этомъ второмъ *ὄνομα*, какъ *названіи ὄντος*, совершенно *отличнаго* отъ *перваго ὄν* т. е. отъ того *предмета*, которому эти признаки присуждаются. Поймемъ ли мы нашу фразу по первому толкованію, или по второму, въ томъ и другомъ случаѣ два *ὀνόματα* относятся къ одному предмету, и, какъ изъ самого толкованія явствуетъ, именительный падежъ въ словѣ *орелъ* нисколько не уклоняется отъ своей *первоначальной* роли, а почему слово *хищникъ* попало въ именительный падежъ, это выяснится ниже.

Итакъ, во фразѣ »*орелъ—хищникъ*« *два ὀνόματα* относятся къ одному предмету. Не вызываетъ ли это толкованіе какого нибудь недоумѣнія, и остаются ли въ нашей фразѣ *оба ὀνόματα* тѣмъ же, чѣмъ они были *внѣ* рѣчи, т. е. названіями *настоящихъ ὄντων* или, какъ мы сказали на стр. 160., внѣшними символами внутренней картины? (что выраженія »набатъ!« и »пора!« *не суть* такіе внѣшніе символы внутренней картины, на это уже указано на той же стр. 160.). Для уничтоженія всякаго недоумѣнія мы спросимъ: чувствуется ли какая нибудь разница между выраженіями *собака — другъ человѣку* и *собака дружественна человѣку?* Разница, несомнѣнно, *есть,* и довольно большая. Мы не можемъ пока разъяснять въ подробностяхъ симасіологическое положеніе въ рѣчи слова *дружественный,* но и непосредственнаго чутья достаточно, чтобы на основаніи этой разницы удер-

жать толкованіе фразы *собака — другъ человѣку* въ слѣдующихъ границахъ: Слово *другъ* было внѣ рѣчи поименованіемъ *представленія* объ извѣстномъ предметѣ. »*Представленіе*« это. если позволено выразиться образно, *оболочка,* которую душа накладываетъ на предметъ и на явленіе, когда съ ними знакомится. Слово »другъ« *внѣ* рѣчи есть поименованіе предмета, — *одного* ли *реальнаго,* или цѣлой *группы* однородныхъ *реальныхъ,* или одного *идеальнаго, отвлеченнаго* отъ группы реальныхъ, это *рѣшительно* все равно, — слово »другъ«, повторяю, *внѣ* рѣчи есть поименованіе предмета по той оболочкѣ, которую на него наложила душа, знакомясь съ нимъ. Такимъ, утверждаемъ мы, осталось слово *другъ* и въ нашей фразѣ *собака — другъ человѣку,* и за такое признаетъ его всякій, если съ надлежащею чуткостью сопоставитъ нашу фразу съ фразою *собака — дружественна человѣку.* Такимъ же »поименованіемъ предмета по его оболочкѣ« представляется въ разбираемой нами фразѣ и слово *собака.* До тѣхъ поръ, пока мы будемъ разсуждать о фразѣ *собака — другъ человѣку* въ такомъ смыслѣ, что въ ней два *ὀνόματα,* »*собака*« и »*другъ*«, встрѣчаются въ одной математической *точкѣ,* до тѣхъ поръ не теряется сознаніе о нихъ какъ о *настоящихъ ὀνόματα,* т. е. какъ о названіяхъ *τῶν ὄντων.* Но, когда мы заговоримъ о нихъ, что они »относятся къ одному предмету«. то тогда это сознаніе теряется, и мы поневолѣ должны видѣть въ одномъ *поименованіе* предмета, а въ другомъ обозначеніе его признака. А между тѣмъ. послѣднее есть только психологическое *перенесеніе* (тоже своего рода *метафора*) представленія о встрѣчѣ чего то одного съ чѣмъ то другимъ въ одной математической точкѣ на »присужденіе чего то одного чему то другому«.

Такимъ образомъ, когда мы во фразѣ *орелъ—хищникъ* и тому подобныхъ явленіяхъ языка будемъ говорить объ »отнесеніи двухъ *ὀνόματα* къ одному предмету«, то такъ и будемъ знать, что это, въ сущности, *метафорическое* выраженіе. Это, впрочемъ. только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ разбираемыхъ нами явленіяхъ не обращается никакого

вниманія на логическій объемъ словъ. Когда же въ нихъ логическій объемъ имѣется въ виду, то мы, конечно, и тутъ можемъ говорить объ »отнесеніи двухъ *ὀνόματα* къ одному предмету«, но немного въ другомъ смыслѣ. Во фразѣ *орелъ—хищникъ,* когда она передаетъ мысль, что орелъ есть *одинъ* изъ хищниковъ, представляется *одно ὄν*, завернутое въ оболочку наименованіемъ *орелъ, внутри* другого *ὄντος*, опять таки *настоящаго ὄντος*, завернутаго въ оболочку наименованіемъ *хищникъ,* причемъ *первое ὄν* занимаетъ во второмъ только лишь небольшое пространство.

Не знаемъ, удалось ли намъ достаточно выяснить то, въ чемъ мы убѣждены, т. е. что во фразѣ *орелъ—хищникъ* мы и въ *рѣчи* имѣемъ дѣло съ *настоящими ὀνόματα* какъ названіями *дѣйствительныхъ ὄντων*, *дѣйствительныхъ* »предметовъ«, понимая подъ »предметами« и *личности*, и *явленія* — явленія какъ внѣшняго, такъ и внутренняго міра.*)

Итакъ, процессъ образованія *сложнаго* ономатическаго сужденія, представляя его *отвлеченно*, заключаетъ въ себѣ три момента: символы двухъ внутреннихъ картинъ, прорывающіеся въ рѣчь *ὀρθῶς*: встрѣча ихъ, стоящихъ все еще *ὀρθῶς*, въ одной математической точкѣ: наконецъ, сознаніе отнесенія ихъ къ одному предмету, при которомъ одно изъ нихъ блѣднѣетъ въ своемъ значеніи самостоятельнаго и начинаетъ чувствоваться признаковымъ словомъ, тогда какъ другое продолжаетъ стоять какъ названіе настоящаго *ὄντος*. Однако, не всѣ моменты этого процесса остаются живыми въ сознаніи говорящаго. Живо ощущается имъ только послѣдній, и поэтому напр. во фразѣ *орелъ—хищникъ* именительный падежъ слова *орелъ* кажется *естественнымъ*, а именительный слова *хищникъ* — чѣмъ то, подлежащимъ объясненію.

*) Что касается выраженій »громъ!« и »пора!«, то въ нихъ *ὀνόματα* предстаютъ передъ нами только еще, такъ сказать, на пути своего образованія. Ими душа наша только еще накидываетъ оболочку (на явленіе *природы* въ выраженіи »*громъ!*« и на *ситуацію* въ выраженіи »*пора*«), — ту оболочку, въ которую предметъ долженъ быть уже *облеченъ*, для того чтобы *ὄνομα* могло быть *настоящимъ ὄνομα*, т. е. внѣшнимъ символомъ *представленія* о предметѣ или, говоря короче, названіемъ предмета.

Пониманіе фразы *орелъ—хищникъ* въ томъ толкованіи, гдѣ *не обращается* вниманіе на логическіе объемы словъ, даетъ намъ право сопоставить ее съ глаголомъ *хищничаетъ*. Есть ли вообще какая нибудь разница *въ смыслѣ* между выраженіемъ *орелъ—хищникъ* и глаголомъ *хищничаетъ?* Разница есть, но небольшая. »Хищничаетъ« значитъ, что третье лицо *онъ* — ближе его можно опредѣлить черезъ слово *орелъ* — принимаетъ на себя признаки хищника, обнаруживающіеся на немъ въ пространствѣ *времени* (сравни выше стр. 97), а въ выраженіи *орелъ—хищникъ* приписываются орлу признаки, которые мы или *совершенно* не представляемъ въ пространствѣ времени, или же, если ихъ и *можно* представить, то въ *данномъ* случаѣ, при *данномъ* способѣ выраженія мы *отвлекаемъ* ихъ отъ этого пространства. Эта небольшая разница не вызываетъ никакой необходимости усматривать въ выраженіи *орелъ—хищникъ* какія нибудь другія подлежащее и сказуемое, чѣмъ мы ихъ усматривали въ глаголѣ *хищничаетъ:* и *здѣсь* подлежащее и сказуемое остаются тѣми же »психо-логическими,« причемъ подлежащимъ является *орелъ*, а сказуемымъ — *хищникъ*.

Что же нами руководило, когда мы, не имѣя вовсе въ виду *логическихъ объемовъ* словъ *орелъ* и *хищникъ*, объявили вдругъ слово *орелъ* за подлежащее и слово *хищникъ* за сказуемое, а не наоборотъ? Почему не признали слово *хищникъ* за »поименованіе« предмета, а слово *орелъ* за »обозначеніе признаковъ черезъ названіе *τοῦ ὄντος*, *носящаго* эти признаки«? Въ глаголѣ »хищничаетъ« *нельзя* смѣшать психо-логическаго подлежащаго съ психо-логическимъ сказуемымъ, потому что каждое изъ нихъ выражено грамматически совершенно особо. Но почему мы вдругъ во фразѣ *орелъ—хищникъ* усматривали въ словѣ »орелъ« *настоящій* »именительный падежъ, а въ словѣ *хищникъ* что-то, еще подлежащее *объясненію*? Почему не »хищникъ« былъ этимъ *настоящимъ* именительнымъ падежемъ? Тонъ, что ли, навелъ насъ на это, или разстановка словъ? Но вѣдь и при *другомъ* тонѣ и при *другой* разстановкѣ выйдетъ то же самое. Мы можемъ прекрасно сказать: хищникъ—*орелъ* (подразумѣвай,

напр., *а не овца*), и всетаки мы въ словѣ *хищникъ* будемъ видѣть указаніе на *признаки*, а въ словѣ *орелъ* — указаніе на *предметъ*. Поднятый нами вопросъ въ концѣ концовъ разрѣшить *можно*, но, конечно, ужъ *никакъ* не на почвѣ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ, и разрѣшеніе его повело бы насъ *очень* далеко.*) Да будетъ намъ позволено въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ психо-логическое подлежащее *нельзя* отличить отъ психо-логическаго сказуемаго кромѣ какъ непосредственнымъ — такъ кажется на первый взглядъ — чутьемъ, — да будетъ намъ позволено говорить не о психологическихъ подлежащемъ и сказуемомъ, а *просто*, какъ говорили раньше, объ« отнесеніи *двухъ ὀνόματα* (при *ὀνόματα* это только и *можетъ* случиться) къ одному *предмету*.«

Другое дѣло, когда фраза *орелъ—хищникъ* выростаетъ на почвѣ разбора *логическихъ объемовъ* словъ, входящихъ въ ея составъ. Тогда, конечно, подлежащимъ будетъ слово съ *меньшимъ*, а сказуемымъ — слово съ *бо́льшимъ* логическимъ объемомъ. Но нельзя не согласиться съ тѣмъ, что *эти* подлежащее и сказуемое — совершенно другого рода, чѣмъ психо-логическія сказуемое и подлежащее *глаголовъ* и *тѣхъ* ономатическихъ выраженій, въ которыхъ мы не только не ищемъ никакихъ отношеній въ логическихъ объемахъ словъ, но иногда не имѣемъ *основанія* искать ихъ, какъ это было напр. въ вышеприведенной фразѣ *собака — другъ человѣку*. Когда мы выше толковали о словѣ *другъ*, а по поводу его объ *ὄν*, то мы говорили, что все равно, ищемъ ли мы *ὄν* въ *одномъ* реальномъ предметѣ, или въ группѣ однородныхъ реальныхъ предметовъ, или въ *идеальномъ* предметѣ, какъ *отвлеченіи* отъ реальныхъ. Но *другъ* есть непремѣнно *идеальный* предметъ, отвлеченный не столько отъ реальныхъ *предметовъ*, сколько скорѣе отъ разныхъ видовъ *дружбы*,

*) Обращаемъ вниманіе на то, что затрудненіе, о которомъ идетъ рѣчь, существуетъ только для *слушателя*, а никакъ не для *автора* рѣчи. Послѣдній, конечно, прекрасно знаетъ, какое слово у него служитъ указаніемъ на *предметъ*, и какое — указаніемъ на *признаки*, но только не располагаетъ, повидимому, *внѣшними* средствами для того, чтобы и слушатель не затруднялся.

насколько она проявляется на реальныхъ предметахъ, въ данномъ случаѣ на личностяхъ. Да наконецъ, большой еще вопросъ, отвлеченіе ли это? Не есть ли это *просто* душевный *постулатъ?* Въ глаголахъ, равно какъ и во фразѣ *собака — другъ человѣку*, мы просто, какъ мы прежде всегда выражались, присуждаемъ что-то чему-то, руководясь при этомъ *исключительно* только опытомъ, то болѣе правильнымъ, то менѣе правильнымъ, а то и совсѣмъ неправильнымъ. Собака есть одно ὄν, другъ — другое, и опытъ намъ говоритъ, что оба ὄντα могутъ *встрѣтиться* въ одной математической точкѣ. Не такимъ представляется дѣло въ случаяхъ, гдѣ обращается вниманіе на логическій объемъ: тутъ не просто что-то присуждается чему-то на основаніи *опыта*, а самъ опытъ, для того, чтобы *можно* было »присуждать«, переводится еще на *мотивъ* присужденія, — на мотивъ чисто *логическаго* характера, а потому не лишнимъ будетъ *отличить* подлежащее и сказуемое *этихъ* случаевъ отъ психо-логическихъ подлежащаго и сказуемаго *глаголовъ*. Для указанной цѣли предлагаемъ прибѣгнуть къ терминамъ »*логическія* подлежащее и сказуемое«.

Терминъ »*логическія подлежащее и сказуемое*« обоснованъ разборомъ *вещественнаго* содержанія словъ, того *вещественнаго* содержанія, на которое мы указывали на стр. 83. Хотя мы за вещественнымъ содержаніемъ словъ слѣдить не обязаны, но за нимъ не будетъ слѣдить, съ цѣлью опредѣлять подлежащее и сказуемое, и тотъ симасіологъ, о которомъ мы говорили на той же стр. 83. Оно должно сдѣлаться предметомъ изслѣдованія синтаксиса, который, какъ нами на то указывалось уже не разъ, долженъ слѣдовать за симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ. Мы бы и не вмѣшивались въ чужое дѣло, если бы установленіе логическихъ подлежащаго и сказуемаго не нужно было для симасіологіи частей рѣчи. Читатель догадывается, что̀ мы, *между прочимъ*, имѣемъ здѣсь въ виду: появленіе или непоявленіе въ рѣчи такъ называемаго »члена« (ὁ-ἡ-τό) часто находится въ связи — не *непосредственной*, впрочемъ, какъ ниже увидимъ — съ логическими подлежащимъ и ска-

зуемымъ. Та же необходимость, тотъ же »членъ« и многое другое заставляетъ насъ, однако, установить еще *третій* видъ подлежащаго и сказуемаго. На *эти* подлежащее и сказуемое встрѣчаются указанія у нашихъ ученыхъ, хотя послѣдніе не сознаютъ или, по крайней мѣрѣ, не опредѣляютъ разницу между ними и первыми двумя парами, точно также какъ не сознаютъ и не опредѣляютъ разницу между первою парою и второю.*)

Wegener (Untersuch. 20) говоритъ: Das Subject ist das interesselose Bekannte, die Aussage das Interessirende Neue. При этомъ нашъ ученый приводитъ примѣръ *dein Vater hat es gesagt*, въ которомъ, по его толкованію, если произнести слова »dein Vater« съ *удареніемъ*, то *dein Vater* будетъ *именно* das Neue und Interessirende, и хотя это — das grammatische Subject (?), но logisch (?) оно — Praedicat.

Дѣло въ томъ, что коль скоро »рѣчь«, т. е. выраженіе полной и связной мысли, перешагнула за предѣлы *одного* слова, стало быть за предѣлы выраженій *ἵει* — *δεῖ* — *набатъ!* — *пора!* — *γράφω*, то сейчасъ, уже при составѣ ея изъ *двухъ* словъ, одно слово интонируется сильнѣе, а другое слабѣе. При этомъ самое *распредѣленіе* сильнаго и слабаго тона вовсе не находится въ зависимости отъ *категорій* словъ, а появляется по *обѣимъ* комбинаціямъ *аб* и *ба*. Выраженіе »учитель учитъ« можно интонировать такъ, что *сильный* тонъ появляется въ однихъ случаяхъ на словѣ *учитель*, а въ другихъ — на словѣ *учитъ*. При интонаціи »*ἀνδρεία ἐπαινεῖται*« подразумѣвается какое нибудь *καὶ οὐκ ἀθυμία* (*ἀνδρεία ἐπαινεῖται καὶ οὐκ ἀθυμία*), а при интонаціи »*ἀνδρεία ἐπαινεῖται*« — какое нибудь *καὶ οὐ ψέγεται* (*ἀνδρεία ἐπαινεῖται καὶ οὐ ψέγεται*).**) Въ обоихъ случаяхъ слово со *слабымъ* тономъ представляетъ

---

*) Во избѣжаніе возможныхъ недоразумѣній, мы должны оговориться, что наши три вида подлежащаго и сказуемаго не суть конкретныя группы, *исключающія* одна другую, т. е. не составляютъ одного логическаго ряда, а представляютъ собою разныя точки зрѣнія на предметъ.

**) Это не *эллипсисъ;* сравни объ этомъ выше стр. 54.

собою нѣчто *данное* для разсужденія, — нѣчто, какъ-бы между собесѣдниками *условленное* и произносимое или, вообще, *опредѣляемое* черезъ »рѣчь« лишь *во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній,* а слово съ *сильнымъ* тономъ говорящій произноситъ съ цѣлью *объявить* слушателю что нибудь *отъ себя,* и если *слабо* интонируемымъ словомъ сообщалось нѣчто *данное* въ разсужденіи, то черезъ *сильно* интонируемое слово сообщается нѣчто *искомое* въ разсужденіи.

По мѣрѣ *осложненія* рѣчи, т. е. по мѣрѣ осложненія и развитія самого *разсужденія,* слова *менѣе* сложныхъ выраженій, фигурировавшія въ нихъ въ роли указателей *искомаго,* переходятъ постепенно въ составъ указателей *даннаго,* предоставляя свою прежнюю роль *новымъ* словамъ. Сравни, напримѣръ, слѣдующія выраженія (слова съ *сильнымъ* тономъ мы въ нихъ подчеркиваемъ): онъ *сказалъ;* онъ сказалъ *это;* онъ сказалъ это *кстати;* онъ сказалъ это *очень* кстати; очень кстати сказалъ онъ это *ему* и т. д.

Нельзя утверждать, чтобы въ сложной рѣчи »искомое« сосредоточивалось всегда въ *одномъ* словѣ. Въ выраженіи »если онъ это сдѣлалъ, то я вамъ долженъ сказать, что онъ этимъ *затруднилъ черезвычайно насъ, не сознавая* этого« всѣ подчеркнутыя слова сообщаютъ »искомое«. Wegener на той же 20. стр. своихъ Untersuch. и въ другихъ мѣстахъ замѣняетъ свой »logisches Subject«, выражающій, по его толкованію, das Bekannte, Interesselose, терминомъ »Exposition« (= ознакомленіе съ ситуаціею, предшествующее объявленію *новаго*). Если мы угадываемъ причину этой замѣны, и если побудило Wegener'а къ ней то обстоятельство, что терминъ »Subject« скорѣе пригоденъ охарактеризовать *одно слово,* тогда какъ »Exposition« можетъ быть отнесено къ очень сложному выраженію, то ему слѣдовало подумать и о какой нибудь замѣнѣ термина »logisches Prädicat«.

Нельзя утверждать и того, что въ рѣчи все *данное* скопляется въ *одномъ* мѣстѣ, а все искомое въ *другомъ.* Въ выраженіи »я *не думаю,* чтобы *ты* могъ справиться съ *этимъ* дѣломъ« *сильно* интонируемыя слова распредѣлены по *тремъ* мѣстамъ. Сильно-ударяемыя слова не только пере-

плетаются съ слабо-интонируемыми, но и подвергаются извѣстному подчиненію *между собою.* Въ выраженіи »если онъ такъ *храбръ*, то его *похвалятъ*« сильно-ударяемыя слова относятся другъ къ другу такъ, что слово *храбръ* можно интонировать не такъ сильно, какъ слово *похвалятъ*, и тогда *вся* фраза *»если онъ такъ храбръ«* по интонаціи подчинена фразѣ *»то его похвалятъ«*.

Paul, не подозрѣвая различія въ *видахъ* разныхъ подлежащихъ и сказуемыхъ, дошелъ до установленія подлежащаго и сказуемаго въ »предложеніи« (какъ онъ до него дошелъ, — мы здѣсь излагать не будемъ), а затѣмъ, *совершенно* въ духѣ Wegener'овскихъ »Exposition« и »logisches Praedicat«, продолжаетъ такъ (Princip 111.): Jede andere Art der Satzerweiterung geschieht dadurch, dass das Verhältniss von Subject und Praedicat mehrmals auftritt. Entweder es verbinden sich gleichzeitig zwei Glieder mit einem dritten, d. h. es treten zwei Subjecte zu einem Praedicate, oder zwei Praedicate zu einem Subjecte, was sich etwa durch die Formel (a + (b) + c) ausdrücken liesse, oder es tritt *eine Verbindung* von Subject *und* Praedicat *als* Subject oder *als* Praedicat zu einem weiteren Gliede, was sich durch die Formel (a + b) + c) ausdrücken liesse. Auch dieses weitere Glied kann natürlich wieder zusammengesetzt sein.... Много поучительнаго въ этомъ отношеніи, но и вмѣстѣ съ тѣмъ много такого, съ чѣмъ трудно согласиться, можно найти у Paul'я въ статьѣ »Verschiebung der syntaktischen Glieder« (Princip. 235—254).

Изъ только что сообщеннаго можно понять, какая сложная задача предстоитъ тому синтаксису, который долженъ слѣдовать за симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ, и который долженъ изслѣдовать »тонъ, темпъ, паузы, и вообще музыкальную часть языка« (смотри выше стр. 64). Для насъ не требуется, чтобы вся эта сложная задача была передъ нами вполнѣ раскрыта и разрѣшена. Намъ нужно различать *данное* и *искомое* въ предѣлахъ очень коротенькихъ *φράσεις*, а для этого требуется только *установить*

самое различіе, для *установленія* же его вполнѣ достаточно *сообщеннаго.*

Итакъ, отличіе *искомаго* отъ *даннаго* выражается непремѣнно *тономъ,* который мы назовемъ *синтаксическимъ,* такъ какъ появленіе его обусловлено составомъ рѣчи (*τῷ συντάττεσθαι τὸν λόγον*) по крайней мѣрѣ изъ *двухъ* словъ. Терминомъ *синтаксическій* мы достигаемъ надлежащаго противопоставленія *даннаго* тона всевозможнымъ *ὀξύτον*'амъ, *παροξύτον*'амъ и прочимъ »удареніямъ« *слоговъ* въ словахъ. То, что *выражается* этимъ синтаксическимъ тономъ, мы могли бы называть такъ, какъ называли до сихъ поръ, — »*искомымъ*«, въ противоположность »данному«. Но такъ какъ »искомое« и »данное« *вообще* постоянно сталкиваются, а часто и *совпадаютъ* съ подлежащимъ и сказуемымъ, какъ »психо-логическими«, такъ и »логическими«, то мы и здѣсь установимъ термины: *синтаксическое* »подлежащее«, указывающее на *данное*, и *синтаксическое* »сказуемое«, указывающее на *искомое.*

Да, мы будемъ различать *три* пары подлежащихъ и сказуемыхъ, и хотя онѣ *всѣ*, въ сущности, психо-логическія, какъ и вся рѣчь, въ качествѣ выраженія сужденія и разсужденія, есть психо-логическая, но въ частности мы будемъ усматривать — въ психо-логическихъ подлежащемъ и сказуемомъ присужденіе вообще признака предмету, въ логическихъ — отнесеніе меньшаго логическаго объема къ большему, а въ синтаксическихъ — отнесеніе даннаго къ искомому. Первая изъ этихъ паръ, которая нами установлена на почвѣ присужденія признака предмету, можетъ быть, какъ до сихъ поръ выяснилось, или глагольная, или ономатическая: въ глаголѣ *γράφω* присуждается признакъ, обозначенный въ буквѣ *а* его симасіологической схемы, лицу, обозначенному въ буквѣ *б* этой схемы, въ выраженіяхъ *ὕει — δεῖ — набатъ! — пора!* присуждается »признакъ« *явленію, не выраженному* въ языкѣ,*) а въ ономатическомъ выраженіи *собака — другъ человѣку* два *ὀνόματα* отнесены къ одному предмету, такъ

*) Сравни выше стр. 91.

что одно изъ нихъ *поименовываетъ* предметъ, а другое указываетъ на его *признаки*. Какое изъ *ὀνόματα* »поименовываетъ«, и какое принимаетъ на себя *»признаковую«* роль, это въ нихъ грамматически не показано, какъ то было въ глаголѣ; грамматически въ нихъ показано *только* отнесеніе ихъ къ одному *предмету*, — тѣмъ, что съ однимъ изъ нихъ, поставленнымъ въ *разсмотрѣнныхъ* доселѣ случаяхъ въ *настоящемъ* т. е., соотвѣтственно его *роли*, *именительномъ* падежѣ, второе въ падежѣ согласуется,*) и если бы *ὄνομα*, *именующее* предметъ или, вообще, *указывающее* на предметъ, почему-либо попало въ *другой* какой-нибудь падежъ, то »признаковое« *ὄνομα* сейчасъ за нимъ послѣдуетъ. Къ »согласованію«, впрочемъ, мы еще вернемся, равно какъ вернемся и къ »ономатической рѣчи«. А теперь перейдемъ къ новому и *послѣднему* случаю появленія именительнаго падежа въ рѣчи, предпославъ небольшое, но весьма важное для дальнѣйшаго, примѣчаніе: Нетрудно понять изъ всего, выясненнаго о подлежащихъ и сказуемыхъ, что только въ »психо-логическихъ« и логическихъ сказуемыхъ можно толковать о *настоящемъ* сужденіи въ смыслѣ *»присужденія«* признака предмету, въ то время какъ въ *синтаксическихъ* подлежащемъ и сказуемомъ можно лишь говорить объ *»отнесеніи«* чего-то къ чему-то.«

Послѣдній случай появленія именительнаго падежа въ »рѣчи« представляютъ собою выраженія въ родѣ *διδάσκαλος διδάσκει*, *παῖς παιδεύεται*, *Σωκράτης διαλέγεται* и. т. п. Какова функція именительнаго падежа въ *этихъ* выраженіяхъ?

Непосредственный отвѣтъ на нашъ вопросъ подсказанъ на стр. 89: Именительный падежъ *τοῦ ὀνόματος*, приставляемый въ »рѣчи« къ глаголу, служитъ, какъ названіе *τοῦ ὄντος*, ближайшимъ опредѣленіемъ того »лица«, на которое въ общемъ уже указано въ самомъ глаголѣ какъ на носителя *ἐνεργείας* или *πάθους*, отмѣченныхъ въ залоговыхъ

*) Что такая внѣшняя схема, какъ *одинаковость* падежей въ двухъ *одинаковыхъ* частяхъ рѣчи, какъ нельзя лучше могла изобразить отношеніе обѣихъ частей рѣчи къ одному предмету это само собою разумѣется.

оттѣнкахъ глагола и, вообще, какъ на носителя *признака*, представляемаго нами во временномъ пространствѣ. Что »ближайшее опредѣленіе лица«, такого же *ὄντος*, какъ и само *ὄνομα*, лучше всего совершается черезъ »поименованіе« *τοῦ ὄντος*, и что, стало быть, и здѣсь именительный падежъ остается въ своей *коренной* роли, это опять таки съ *психологической* точки зрѣнія не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Но не *прямой* отвѣтъ на нашъ вопросъ насъ можетъ останавливать здѣсь. Насъ останавливаетъ скорѣе разборъ *другихъ* отвѣтовъ, которые обыкновенно на него *даются*. Говорятъ здѣсь о »грамматическомъ« подлежащемъ. Уже на стр. 58 мы разсуждали о томъ, что »грамматическое подлежащее« есть, въ сущности, такое же симасіологическое дополненіе глагола, какъ многія другія. »Грамматически« т. е. грамматическою *формою* выражено здѣсь не подлежащее, а *именительный падежъ*, который тѣмъ и отличается отъ другихъ симасіологическихъ дополненій глагола, что только »поименовываетъ« *τὸ ὄν*, тогда какъ *другія* симасіологическія дополненія въ *другихъ* падежахъ *кромѣ* поименовыванія выражаютъ еще другія »отношенія«. Итакъ, терминъ »грамматическое *подлежащее*« ни для чего не нуженъ. Гораздо лучше оттѣняется функція словъ *διδάσκαλος*, *παῖς* и *Σωκράτης* въ нашихъ примѣрахъ отъ *другихъ* словъ, попадающихъ въ рѣчь, черезъ терминъ »именительный падежъ при глаголахъ«. Въ немъ *ясно* и совершенно *достаточно* отмѣчено, что данная форма назначена для *поименованія* чего то, *подлежащаго* поименованію при глаголахъ, а отмѣчать что-нибудь другое не только не нужно, но и не слѣдуетъ, такъ какъ нѣтъ той системы (я разумѣю *настоящую* систему, единую въ ея *началахъ*), въ которой *другое* какое нибудь обозначеніе этого именительнаго падежа находило бы себѣ мѣсто. Кто изъ читателей считаетъ нужнымъ возразить намъ здѣсь тѣмъ, что при глаголахъ бываютъ иногда *два* именительныхъ падежа, и что надобно же какъ нибудь *отличить* одинъ отъ другого, тому мы отвѣтимъ если не сейчасъ, то скоро.

Намъ скажутъ: Какъ же это нѣтъ системы, въ которую »именительный падежъ при глаголѣ« вошелъ бы съ какимъ нибудь другимъ терминомъ, въ особенности съ такимъ терминомъ, какъ »*грамматическое* подлежащее«? Куда, въ такомъ случаѣ, дѣвалось »грамматическое *мышленіе*«, и не на *его* ли почвѣ выросъ терминъ »грамматическое *подлежащее*«? Хотя Paul и говоритъ (эту его замѣтку мы помѣстили выше на стр. 23), что грамматическія и психологическія категоріи не покрываютъ другъ друга, но въ данномъ случаѣ тотъ, кто напираетъ на терминъ »грамматическое подлежащее« на почвѣ »грамматическаго мышленія«, въ сущности настаиваетъ на терминѣ »подлежащее« на почвѣ »мышленія« и имѣетъ въ виду психо-логическую сторону симасіологіи самого *глагола*, къ которому именительный падежъ *τοῦ ὀνόματος*, какъ мы уже сказали, только лишь *приставляется.* Подъ угломъ зрѣнія психо-логической стороны симасіологіи глагола иные, дѣйствительно, если и оставляютъ въ сторонѣ слово *грамматическій*, толкуютъ здѣсь то о *психологическомъ* (мы сказали бы непремѣнно психо-*логическомъ*), то о *логическомъ* подлежащемъ, то о подлежащемъ *вообще*, но и *это* совершенно неправильно. Объ этой неправильности мы предупреждали читателя на стр. 92 и 149, обѣщавъ въ свое время оправдать прибавку слова, къ которому мы тогда прибѣгали, т. е. прибавку слова *какъ-будто*. Приступаемъ къ оправданію этого слова.

Въ самомъ дѣлѣ, выраженіе *Σωκράτης διαλέγεται* представляетъ собою »*осложненную*« рѣчь въ сравненіи съ выраженіемъ *διαλέγεται*. Само *διαλέγεται* есть нѣчто, что нами превращено въ схему *а*—>*б*. На стр. 97 мы разсуждали о деревенѣніи, о рубленіи, а на стр. 163 о *διακρίβωσις* и *ψεῦδος*, и не трудно понять даже *безъ* этихъ нашихъ разсужденій, что изъ всякаго глагола можно извлечь *ὄνομα*, что буква *а* въ нашей схемѣ можетъ быть принята за обозначеніе *τοῦ ὄντος*, соотвѣтственно чему и *слово* »дѣйствіе« (*πρᾶγμα*), подъ которое мы подводили всякое *а*, есть *ὄνομα*, какъ имъ, т. е. *ὀνόματ*омъ, представляется и слово *признакъ*, которое у насъ на стр. 98 чередовалось

съ словомъ *дѣйствіе.* Такимъ же *ὄν*, какъ дѣйствіе или признакъ, является, какъ уже раньше сказано, и »лицо«, обозначенное въ нашей схемѣ черезъ букву *б*. Такимъ образомъ, въ глаголѣ присуждаются другъ другу два *ὄντα*, не иначе, какъ присуждались другъ другу два *ὄντα* и въ ономатическомъ выраженіи *собака — другъ человѣку*, съ тою лишь разницею, что въ глаголѣ *грамматически ясно выражено,* что чему присуждается, а въ приведенномъ *ономатическомъ* выраженіи просто »два *ὄντα* отнесены къ одному предмету«.

Къ выраженію *διαλέγεται*, съ его схемою *а*—>*б* и съ ономатическимъ значеніемъ *обѣихъ* буквъ, вдругъ присоединяется *новое ὄνομα*, »*Σωκράτης*«. Съ какою изъ этихъ буквъ оно вступаетъ въ *прямое* »отношеніе«? Непремѣнно съ *б*. Каково это »отношеніе«? Признакъ, что ли, выраженъ въ словѣ *Σωκράτης* по отношенію къ тому лицу, которое отмѣчено буквою *б*? Въ такомъ случаѣ *Σωκράτης* было бы даже не подлежащимъ, а психо-логическимъ *сказуемымъ* къ психо-логическому подлежащему *б*, хотя — толковать здѣсь о сказуемомъ было бы странно; скорѣе *б*, какъ мы будемъ пока выражаться, »указываетъ« на предметъ, а *Σωκράτης* его »*называетъ*«, — называетъ, конечно, но его *признаку, въ томъ смыслѣ*, какъ мы объ этомъ говорили на стр. 30, или по его »оболочкѣ«, какъ мы о томъ говорили на стр. 167. Но можетъ быть, слово *Σωκράτης* вступаетъ въ какое нибудь отношеніе къ *б* на почвѣ »логическихъ *объемовъ*« словъ? Въ этомъ смыслѣ можно тутъ толковать не о логическихъ *подлежащемъ и сказуемомъ*, а скорѣе о »логическомъ *равенствѣ*«, — терминъ для насъ не лишній въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ, хотя терминъ »*ближайшее опредѣленіе лица*«, къ которому мы прибѣгали раньше, способенъ выразить въ *данномъ* случаѣ то же самое. Остается разобрать отношеніе слова *Σωκράτης* къ *б* еще съ точки зрѣнія *синтаксическихъ* подлежащаго и сказуемаго. *Синтаксическія* подлежащее и сказуемое, какъ видно изъ вышеизъясненнаго, не связаны *никакою* грамматическою формою и опредѣляются *исключительно* »контекстомъ«. Они суть

вмѣстѣ съ этимъ и *въ связи* съ этимъ категоріи, мыслимыя только въ *сложной* рѣчи, какою является въ данномъ случаѣ наше выраженіе *Σωκράτης διαλέγεται*. Но тогда никто не скажетъ, *которое* изъ словъ, вошедшихъ въ составъ этого выраженія, представляетъ подлежащее, и которое — сказуемое. Въ однихъ случаяхъ выйдетъ »*даннымъ*«, т. е. подлежащимъ, *Σωκράτης*, и »*искомымъ*«, т. е. сказуемымъ, *διαλέγεται* (*Σωκράτης διαλέγεται, καὶ οὐ σοφίζεται*), а въ другихъ наоборотъ (*διαλέγεται Σωκράτης, καὶ οὐ Πρωταγόρας*).*) Вотъ отвѣтъ всѣмъ тѣмъ, которые въ нашемъ выраженіи провозглашаютъ слово *Σωκράτης* за такое или иное подлежащее. Укажемъ еще на одно: фраза *Σωκράτης διαλέγεται* представляетъ собою грамматически до того компактное выраженіе, что »лицо«, отмѣченное въ глаголѣ, стало быть, членъ *ὁ*, чувствуется какимъ то крючкомъ, за который уцѣпляется слово *Σωκράτης*. Да и нѣтъ ли тутъ тоже своего рода »согласованія« между *ὁ* и *Σωκράτης*, похожаго на согласо ваніе въ выраженіи *орелъ* — *хищникъ* и показывающаго, что *ὁ* и *Σωκράτης* »*относятся* — правда, немного иначе — *къ одному предмету?*« Только и разницы, что *ὁ* не есть особое слово.

Вернемся теперь опять къ ономатическому выраженію *орелъ* — *хищникъ*. Въ немъ и ему подобныхъ усматриваютъ

---

*) Если рѣчь состоитъ изъ одного *γράφω*, которое *не допускаетъ* »ближайшаго опредѣленія« лица черезъ *ὄνομα* (по крайней мѣрѣ, мы о такомъ »ближайщемъ опредѣленіи« не можемъ разсуждать *теперь*), то въ ней, какъ состоящей изъ *одного* слова, не можетъ быть рѣчи о »синтаксическомъ« *тонѣ*, и хотя въ *γράφω* заключаются *два ὄντα*, *α* и *ὁ*, но сама *звуковая* сторона почти цѣликомъ поглощена членомъ *α*, т. е. его психо-логическимъ сказуемымъ, а потому оно только и можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и *синтаксическимъ* сказуемымъ. Если бы пришлось передвинуть синтаксическое сказуемое на *ὁ*, то нужно бы выразить *ὁ* еще разъ *особымъ* словомъ, и тогда появилось бы въ рѣчи выраженіе »*γράφω ἐγώ*«, а *еще* лучше »*ἐγώ εἰμι ὁ γράφων*«. Такимъ образомъ, въ выраженіи »*γράφω ἐγώ*« психо-логическимъ сказуемымъ оставалось бы то *α*, которое кроется въ схемѣ глагола *γράφω*, а сказуемымъ »по *контексту*« было бы нѣчто совершенно другое. Такъ и въ выраженіяхъ *пора есть* — *набатъ есть* — *пора на лицо*, если бы кто-нибудь ихъ *потребовалъ*, или если бы языкъ на нихъ *рѣшился*, слова *пора* и *нужда* *оставались бы* психо-логическими сказуемыми, т. е. они оставались бы обозначеніемъ »черты« разсматриваемыхъ явленій или обстоятельствъ, а слова *есть* и *на лицо* были бы *синтаксическими* сказуемыми (сравни объ этомъ выше стр. 93).

эллипсисъ и говорятъ, что *орелъ* — *хищникъ* поставлено вмѣсто *орелъ есть хищникъ*. Слово *есть* называется въ такихъ случаяхъ *связкою*, стало быть, тоже какимъ то *ἄρθρον* или *σύνδεσμος* въ древнемъ *общемъ* смыслѣ этого слова. Въ греческомъ языкѣ, дѣйствительно, въ подобныхъ случаяхъ появленіе слова *ἐστίν* представляется чѣмъ-то нормальнымъ, а отсутствіе его — явленіемъ рѣдкимъ, и это, съ точки зрѣнія греческаго языка *рѣдкое* явленіе — въ *русскомъ* языкѣ какъ будто взяло *верхъ* надъ нормальнымъ. Изъ этого, тѣмъ не менѣе, вовсе не вытекаетъ необходимость привлекать въ качествѣ объясненій эллипсисы. Положимъ, сужденіе, которое дѣйствительно *выражено* во фразѣ *орелъ* — *хищникъ*, должно быть пріурочено, разъ оно *сужденіе*, къ извѣстному *времени* и должно носить характеръ такой или иной *квалитативности* (смотри выше стр. 99). То же самое, въ сущности, слѣдовало намъ сказать и о сужденіяхъ »*набатъ!*« и »*пора!*« Но нельзя же не принять во вниманіе слѣдующаго: На стр. 95. мы установили цѣлую гамму тоновъ съ точки зрѣнія квалитативности сужденія. Нельзя сказать, чтобы приведенныя тамъ »возможность« или »сомнѣніе« были *мѣркою* для того тона, который мы назвали »заявленіемъ о фактѣ«; напротивъ *послѣдній* долженъ быть камертономъ для всѣхъ остальныхъ. То же самое мы утверждали на стр. 117-8 и о времени: не будущее или прошедшее время является точкою исхода для установленія настоящаго времени, а наоборотъ, настоящимъ временемъ измѣряется и прошедшее, и будущее. Что же изъ этого всего слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что *настоящее* время и *простое заявленіе о чемъ нибудь какъ о фактѣ* могутъ оставаться *не выраженными*, какъ всегдашнія *единицы*, которыя *опредѣляютъ* собою все остальное. Такъ и математикъ, пишущій $3a$, $2a$, $\frac{a}{2}$, $\frac{a}{3}$ не пишетъ, однако, въ то же время ни $1a$, ни $\frac{a}{1}$. Конечно, если бы въ нашу фразу *орелъ* — *хищникъ* пришлось внести какой нибудь изъ оттѣнковъ, или временныхъ, или квалитативныхъ, которые *измѣряются* этими единицами, то пришлось бы ужъ *непремѣнно* прибѣгнуть къ слову, обладающему способностью выразить эти оттѣнки. Этимъ словомъ оказыва-

ется *глагольная* форма, и тогда пришлось бы говорить *Μυκήνη ἦν πόλις — ἔστω Κίμων στρατηγός* и т. п.: выражать же самыя *единицы* и прибѣгать для нихъ къ слову *ἐστὶν* зависѣло, такъ сказать, отъ *желанія* языка.

Какъ же мы теперь разберемъ выраженіе *Μυκήνη ἦν πόλις* или, скажемъ, то *Μυκήνη ἐστὶ πόλις*, которое появится въ языкѣ, въ случаѣ если онъ »пожелаетъ« выразить свою *мѣрку* временъ и квалитативности сужденія, и какъ мы выведемъ слова *ἦν-ἐστίν* изъ того сборнаго термина *ἄρθρον*, который только свидѣтельствуетъ о недоконченности симасіологической классификаціи частей рѣчи? Въ выраженіи *Μυκήνη ἐστὶ πόλις* слово *ἐστίν* — несомнѣнный *глаголъ*, (на это указываетъ вся его форма), и — несомнѣнное синтаксическое *подлежащее* въ этомъ *сложномъ* выраженіи т. е. нѣчто *данное* для того, чтобы къ нему *пріискивать* другое. Хотя данное и искомое въ *сложныхъ* выраженіяхъ опредѣляются *тономъ*, — данное произносится съ *слабымъ* тономъ, а искомое съ сильнымъ, — и хотя слѣдить за тономъ мы отказываемся, но въ настоящемъ случаѣ *слабый* тонъ отразился на удареніи этого «даннаго« какъ *слова* (*ἐστὶν* здѣсь превратилось въ *ἐγκλιτ*'ическое), а потому мы, не опасаясь выйти изъ рамки своей задачи, провозглашаемъ смѣло слово *ἐστίν* за синтаксическое *подлежащее*. Такимъ образомъ, въ пашемъ *сложномъ* выраженіи »отнесены«*) къ »существованію« и *πόλις*, и *Μυκήνη*: существуетъ *городъ*, существуютъ *Микены*, причемъ *и* городъ, *и* Микены суть именительные падежи, прибавляемые къ глаголу, съ тѣмъ чтобы ближайше опредѣлить »лицо«, обозначенное въ окончаніи »глагола«. Вотъ, что мы *пока* можемъ сказать о нашемъ *сложномъ* выраженіи съ *симасіологической* точки зрѣнія. При этомъ мы еще разъ убѣждаемся, какъ легко могло быть пропущено слово *ἐστίν*, если не приходилось особо выражать ни время, ни квалитативность сужденія: относить къ »существованію« Микены и городъ можно было черезъ простое *произнесеніе* самихъ словъ »*Μυκήνη*« и »*πόλις*«.

*) Сравни выше стр. 176. строку 23.

Но каково же въ этомъ сложномъ выраженіи отношеніе между самими словами *Μυκήνη* и *πόλις?* Съ симасіологической точки зрѣнія можно опять таки утверждать лишь то, что *Μυκήνη* и *πόλις* суть согласующіяся *ὀνόματα*, относящіяся къ одному предмету, такъ что *одно* изъ нихъ, — какое, это симасіологіею частей рѣчи опредѣлить трудно,*) — должно быть психо-логическимъ *сказуемымъ*, т. е. *признаковымъ* словомъ, а другое — психо-логическимъ *подлежащимъ*, т. е. должно *поименовывать* предметъ. Если обратить вниманіе на *логическій объемъ* словъ, — въ данномъ случаѣ это *возможно,* — то *Μυκήνη* будетъ логическимъ *подлежащимъ*, а *πόλις* — логическимъ сказуемымъ.

Намъ возразятъ, что мы напрасно приводили въ отношеніе къ слову *ἐστίν* и *πόλιν*, и *Μυκήνην*, и что слѣдовало ставить »въ зависимость« отъ *ἐστίν* (терминъ »зависимость« намъ *позволенъ;* сравни выше стр. 78.) только *одно* изъ этихъ *ὀνόματα*, а второе уже »зависитъ« отъ *перваго.* Удовлетвореніе этого возраженія ввело бы насъ въ крайнее затрудненіе: мы не знали бы, устанавливать ли намъ эту зависимость въ смыслѣ фразы *есть городъ-Микены*, или въ смыслѣ фразы *есть Микены-городъ.* Въ выраженіи *Ἀπόλλων νομίζεται θεός* никто не усумнится въ томъ, что и *Ἀπόλλων*, и *θεός* «зависятъ« отъ *νομίζεται.* Мы вообще думаемъ, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ симасіологическою контаминаціею,**) какъ мы ее на дѣлѣ и провели, уравнивая выраженіе *Μυκήνη ἐστὶ πόλις* съ выраженіемъ *существуетъ городъ — существуютъ Микены.* Если бы мы гдѣ нибудь въ греческой литера-

*) Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, *имѣется прямая* примѣта, по которой мы *можемъ* опредѣлить, какое изъ этихъ словъ - психо-логическое подлежащее, и какое — психо-логическое сказуемое. Согласно разсужденію, сообщенному на стр. 30., мы можемъ дѣлить *ὀνόματα* на собственныя и нарицательныя. Понятно, что если встрѣтятся на *одномъ* предметѣ *собственное ὄνομα* съ *нарицательнымъ*, то *названіемъ* предмета будетъ *собственное ὄνομα*, а нарицательное исполнитъ роль *признаковаго* слова. Впрочемъ, это только при *извѣстной* тенденціи рѣчи; ниже увидимъ, что при *другой* тенденціи рѣчи выйдетъ совершенно *наоборотъ.*

**) Что контаминація — явленіе въ языкѣ обычное, это прекрасно доказываетъ Paul въ своихъ Princip., посвящая ей особую *статью* подъ заглавіемъ »Über Contamination« стр. 132—151.

турѣ могли найти оборотъ »*Ἀπόλλων νομίζεται ὡς θεός*«, то въ немъ была бы *разрѣшена* эта контаминація; ибо мы могли бы тогда *смѣло*, не рискуя, какъ ниже увидимъ, вносить въ дѣло какіе бы то ни было »эллипсисы«, — мы могли бы смѣло истолковать этотъ оборотъ черезъ »*Ἀπόλλων νομίζεται οὕτως, ὡς θεὸς νομίζεται*«. На дѣлѣ такого оборота въ греческой литературѣ не находишь (это объясняется, вѣроятно, чистою случайностью, а можетъ быть и недостаточнымъ моимъ знакомствомъ съ памятниками), но зато постоянно встрѣчаешь *равносильную*, въ данномъ случаѣ, фразу *χρῆται Σωκράτει ὡς φίλῳ*, т. е. *χρῆται Σωκράτει οὕτως, ὡς φίλῳ χρῆται*. Насколько въ разбираемыхъ нами случаяхъ *оба ὀνόματα одинаково* »зависятъ« отъ глагола, видно, между прочимъ, также изъ фразы *αἱ Θῆβαι Αἴγυπτος ἐκαλέετο* (Herod. 2. 15), въ которой наши возражатели несомнѣнно примутъ за »сказуемое«, — слѣдовательно за нѣчто, что уже, по смыслу ихъ возраженія, должно »зависѣть« не отъ глагола, а отъ *другого ὄνομα*, — слово *Αἴγυπτος*, а между тѣмъ языкъ, не имѣя возможности согласовать въ *числѣ* свой глаголъ съ *обоими ὀνόματα*, предпочелъ *здѣсь* согласовать его въ числѣ съ *нимъ*, со »*сказуемымъ*«.*)

Окончимъ тутъ же *общій* вопросъ о »согласованіи«. Всѣ наши разсужденія, поскольку мы въ нихъ до сихъ поръ касались этого вопроса, сводятся къ тому, что согласованіе есть грамматическая схема, въ которой черезъ одинаковость падежей достигается отнесеніе двухъ

*) Не такъ свободно языкъ могъ распорядится въ выраженіи *ἄνθρωποί ἐσμεν ἡμεῖς* или *ἄνθρωποί ἐσμεν*. И *этотъ* оборотъ представляетъ собою контаминацію изъ *ἄνθρωποί εἰσιν* и *ἡμεῖς ἐσμέν*. При сведеніи этихъ двухъ выраженій въ одно, словамъ *ἡμεῖς* и *ἄνθρωποι* пришлось, конечно, согласоваться въ падежѣ, причемъ одно должно было »*обозначить*« предметъ (*ἡμεῖς* есть *формальное* существительное), а другое — исполнять роль *признаковаго* слова. Такъ какъ *общимъ* словомъ въ *контаминированномъ* выраженіи оказалось нѣчто, что въ *отдѣльныхъ* выраженіяхъ фигурировало не въ *одинаковой* формѣ (разъ было *ἐσμέν*, а другой — *εἰσίν*), и такъ какъ *признаковое* слово »лицъ« *не имѣетъ* (признакъ можетъ быть присуждаемъ *всѣмъ* »лицамъ«), то при *выборѣ одной* изъ этихъ формъ *общаго* слова *для* контаминированнаго выраженія языку пришлось *считаться* съ »*ἄνθρωποι*«, какъ *признаковымъ* словомъ, и приладить форму *общаго* слова къ *ἡμεῖς*.

ὀνομάτων къ одному предмету въ томъ смыслѣ, что одно изъ нихъ *называетъ* предметъ, а другое отмѣчаетъ собою *признакъ* предмета; это совершается или на почвѣ психо-логическаго подлежащаго къ сказуемому, или на почвѣ *логическихъ объемовъ* словъ. Въ послѣднемъ случаѣ слово съ *меньшимъ* логическимъ объемомъ представляетъ собою »логическое« *подлежащее* и *названіе* предмета, а слово съ *большимъ* объемомъ — »логическое« *сказуемое* и *признакъ*. Отношеніе »логическаго« *равенства* нами до сихъ поръ въ »согласованіи« не замѣчено, развѣ если принять за »согласованіе« то »ближайшее опредѣленіе», черезъ *ὄνομα*, личнаго окончанія *глагола,* которое установлено нами въ выраженіи *Σωκράτης διαλέγεται.*

Если отношеніе логическаго равенства до сихъ поръ не замѣчено въ согласующихся *ὀνόματα*, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что его нѣтъ. Мы его видимъ въ примѣрѣ *вѣчность — безвременность*. Примѣняя къ нашему примѣру объясненіе выраженія *собака — другъ человѣку*, сообщенное на стр. 171, мы скажемъ, что здѣсь имѣются два *ὄντα*, какъ имѣются и два *названія τῶν ὄντων*. Если мы тамъ толковали о встрѣчѣ двухъ *ὄντα* въ одной математической точкѣ, то здѣсь мы можемъ толковать о непосредственномъ *совпаденіи* двухъ *ὄντα* въ одно: то, съ чѣмъ душа наша знакомилась подъ оболочкою *вѣчность* или *непрерывность* времени какъ съ *однимъ* »предметомъ«, и то, съ чѣмъ она же знакомилась подъ оболочкою *безвременность* или *отсутствіе времени* какъ съ *другимъ* »предметомъ«, мы послѣ продолжительнаго размышленія находимъ возможнымъ *отождествить,* и это *отождествленіе* и выражено во фразѣ *вѣчность — безвременность.* Въ этомъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ *отождествленія* двухъ *ὄντων*, можно и при логическомъ *равенствѣ* двухъ согласующихся *ὀνομάτων* говорить объ »отнесеніи ихъ къ *одному* предмету.

При логическомъ равенствѣ не можетъ быть рѣчи о какомъ бы то ни было различіи *названія* предмета и *признаковаго* слова. Согласно съ этимъ не можетъ быть и рѣчи о какомъ нибудь подлежащемъ и сказуемомъ въ смыслѣ

или обще-психо-логическомъ, или логическомъ. Тутъ можетъ быть рѣчь только о *синтаксическихъ* подлежащемъ и сказуемомъ. Притомъ, если мы вернемся опять къ нашему примѣру о вѣчности и безвременности, то увидимъ, что въ немъ, какъ и во фразѣ *Σωκράτης διαλέγεται,* нельзя опредѣлить, какое изъ этихъ словъ будетъ синтаксическимъ сказуемымъ, и какое — подлежащимъ. Въ однихъ случаяхъ окажется *вѣчность* »даннымъ и *безвременность* »объявляемымъ«, а въ другихъ — наоборотъ.

Вообще въ согласующихся *ὀνόματ'*ахъ, насколько мы съ ними до сихъ поръ познакомились, можетъ быть рѣчь въ однихъ случаяхъ о логическомъ равенствѣ, въ другихъ о точномъ распредѣленіи между ними *логическихъ* подлежащаго (*названіе* предмета) и сказуемаго (*признаковое* слово), въ третьихъ о точномъ распредѣленіи между ними психологическихъ сказуемаго и подлежащаго (опять *признакъ* съ одной стороны, а съ другой — *названіе* предмета), но никакъ не о точномъ распредѣленіи между ними *синтаксическихъ* сказуемаго и подлежащаго. Послѣднія, не имѣя *сами* по себѣ никакого отношенія къ различію *названія* предмета и *признака*, во *всѣхъ* трехъ случаяхъ могутъ быть распредѣлены между согласующимися *ὀνόματ'*ами то такъ, то иначе. Это въ томъ случаѣ, когда изъ нихъ *однихъ* составлена цѣлая рѣчь. А когда согласующіяся *ὀνόματα* входятъ въ рѣчь только лишь какъ *часть* ея, то распредѣленіе синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго можетъ даже *совсѣмъ* ихъ не коснуться, развѣ что они *оба вмѣстѣ* будутъ составлять либо синтаксическое подлежащее, либо синтаксическое сказуемое; можетъ, впрочемъ, случиться и такъ, что *оба вмѣстѣ* войдутъ въ рѣчь какъ *часть* синтаксическаго подлежащаго или синтаксическаго сказуемаго.

Случаевъ, гдѣ согласующіяся *ὀνόματα* входятъ только какъ *часть* въ цѣлую рѣчь, мы, положимъ, не разбирали, за исключеніемъ очень неважнаго въ этомъ отношеніи выраженія *Μυκήνη ἦν πόλις*. Но судя по всему, что до сихъ поръ выяснилось о синтаксическихъ подлежащемъ и сказуемомъ, наше *общее* разсужденіе о положеніи ихъ

въ согласующихся *ὀνόματ*'ахъ вѣрно. Впрочемъ, не это положеніе насъ теперь интересуетъ; насъ интересуетъ другое.

Случай, гдѣ согласующіяся *ὀνόματα* входятъ только какъ *часть* въ цѣлую рѣчь, представляетъ собою выраженіе *за Москвою-рѣкою;* ибо это выраженіе опредѣляетъ *мѣсто* на вопросъ *гдѣ*, а опредѣленіе мѣста на вопросъ *гдѣ* не есть *законченная* рѣчь. *Синтаксическія* подлежащее и сказуемое, какъ сказано, могутъ *совсѣмъ* не коснуться здѣсь согласующихся именъ, т. е. могутъ оказаться въ *законченной* рѣчи распредѣленными вовсе не между *ними.* Если бы они ихъ коснулись, то тогда »за *Москвою*-рѣкою« будетъ противопоставлено какой нибудь *другой* рѣкѣ, а »за Москвою-*рѣкою*« будетъ противопоставлено Москвѣ-*городу*. Затѣмъ мы можемъ поставить синтаксическій тонъ на словѣ *за*, причемъ уже *все* »Москвою-рѣкою« будетъ синтаксическимъ подлежащимъ (мѣсто *за* Москвою-рѣкою будетъ тогда противопоставляться мѣсту *передъ* Москвою-рѣкою), или на всемъ *Москвою-рѣкою,* причемъ все »Москвою-рѣкою« будетъ синтаксическимъ *сказуемымъ,* и мѣсто *за Москвою-рѣкою* будетъ противопоставляться, если проводить дѣло интонаціи съ *точностью*, мѣсту, напр., *за Курскомъ-городомъ.* Наконецъ, въ выраженіи напр. »у насъ, за Москвою-рѣкою, совершено *звѣрское убійство*« наши согласующіяся имена войдутъ только какъ *часть* въ сложное синтаксическое подлежащее, въ выраженіи »это случилось *за Москвою-рѣкою, недалеко отъ вашего дома*« они войдутъ, какъ *часть*, въ сложное синтаксическое сказуемое, а въ выраженіи »*много разной рухляди* поплыло тогда по Москвѣ, -- *рѣкѣ, протекающей по слѣдующимъ пунктамъ столицы*« одно входитъ, какъ часть, въ сложное синтаксическое подлежащее, а другое, какъ часть, въ сложное синтаксическое *сказуемое.* Впрочемъ, возможность *послѣдняго* изъ приведенныхъ трехъ выраженій обусловлена такъ называемымъ »приложеніемъ« (appositio), приложеніе, въ свою очередь, обусловлено синтаксическою *паузою*, а слѣдить за паузою не *наше* дѣло и устанавливать въ частности »*приложеніе*«, какъ особую грамматическую категорію, *пока,* по крайней мѣрѣ, *нечего.*

Итакъ, не это все насъ теперь интересуетъ, и мы бы не распространялись такъ о распредѣленіи синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго при согласующихся *ὀνόματ'*ахъ въ *сложной* рѣчи, если бы это не понадобилось намъ для рѣшенія *новаго* вопроса. Этотъ *новый* вопросъ требуетъ, чтобы *случаи* такого распредѣленія были развернуты передъ нами *всѣ*. Всѣ ли они развернуты? По отношенію къ *Москвѣ-рѣкѣ*, повидимому, да. Но *Москва-рѣка* представляетъ собою примѣръ тѣхъ согласующихся именъ, гдѣ одно относится къ другому какъ психо-логическое сказуемое къ психо-логическому подлежащему. Изъ за *логическихъ* подлежащаго и сказуемаго особаго вопроса́ возбуждать не стоитъ, такъ какъ они представляютъ собою въ концѣ концовъ лишь *варіантъ* психо-логическихъ. Но гдѣ же примѣръ на логическое равенство? Предлагаемъ читателю *самому* провести нашъ примѣръ *вѣчность — безвременность* по всѣмъ тѣмъ случаямъ распредѣленія синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго, по которымъ мы только что провели примѣръ *Москва-рѣка*.

А теперь перейдемъ къ рѣшенію обѣщаннаго *новаго* вопроса. И въ *сложной* рѣчи согласующіяся *ὀνόματα*, конечно, продолжаютъ »относиться къ одному предмету, но... Рѣчь есть выраженіе сужденія и разсужденія. Когда оба *ὀνόματα сами* составляли это выраженіе сужденія и разсужденія, то одно изъ нихъ должно было быть непремѣнно *сказуемымъ* (о *подлежащемъ* я теперь не говорю), выросло ли это сказуемое на почвѣ логической или психо-логической, или даже, при логическомъ равенствѣ, на почвѣ синтаксическаго тона. Такъ ли это должно непремѣнно быть, когда оба *ὀνόματα* составляютъ только *часть* рѣчи? Проводя примѣръ логическаго равенства по всѣмъ синтаксическимъ *тонамъ*, какъ мы провели Москву-рѣку, мы увидимъ, что выраженіе *вѣчность — безвременность* или дѣйствительно *останется* тѣмъ, чѣмъ оно было *внѣ* сложной рѣчи, или что *одно* изъ этихъ словъ лишнее, и дѣлается такъ называемымъ epitheton ornans.

Что же касается случаевъ логическаго *неравенства,* стало быть, — нашего выраженія *Москва-рѣка,* въ которомъ *внѣ* сложной рѣчи одно слово должно было исполнять роль »*признаковаго*«, а слѣдовательно, и *сказуемаго,* — все равно, на психологической ли почвѣ, или на логической (повторяю: о подлежащемъ здѣсь рѣчь не идетъ), – то психо-логическая и логическая почвы только въ *одномъ* случаѣ даютъ возможность говорить о словѣ *рѣка,* какъ »сказуемомъ«, по отношенію къ *Москва,* какъ подлежащему. Это именно тамъ, гдѣ слово *рѣка* попало въ »приложеніе«: *тамъ* только »*присуждается*« признакъ, выраженный въ словѣ *рѣка,* слову *Москва,* какъ *собственному имени* предмета. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ выраженіе *Москва-рѣка* чувствовалось какъ будто *однимъ* словомъ. Мы не скажемъ, что все это выраженіе служило »*названіемъ* предмета«; ибо терминъ »*названіе предмета*« пригодится намъ для различенія нѣкоторыхъ *оттѣнковъ* среди самихъ словъ, попавшихъ въ это выраженіе. Мы скажемъ, что выраженіе *Москва-рѣка* въ нашихъ случаяхъ служило всѣмъ своимъ составомъ для »*обозначенія*« предмета, причемъ предметъ, иногда, противопоставлялся *другому* предмету. *Москва-рѣка* противопоставлялась *Москвѣ-городу,* выраженіе *рѣка-Донецъ* употребляется для противопоставленія *рѣкѣ-Дону,* а когда *Донецъ-рѣка* противопоставляется *Курску-городу,* то прибавочныя слова *рѣка* и *городъ* чувствуются въ обоихъ выраженіяхъ даже лишними.*), и это обстоятельство, въ сопоставленіи съ необходимостью или. по крайней мѣрѣ, умѣстностью прибавочныхъ словъ въ раньше приведенныхъ примѣрахъ, служитъ немаловажнымъ доказательствомъ того, что въ нихъ *оба ὀνόματα* поставлены *именно* для »обозначенія« предмета.

Чтобы не терять времени, скажемъ прямо, что дѣло идетъ объ установленіи »логическаго опредѣленія«. Есть *двѣ* Москвы: Москва-*рѣка* и Москва-*городъ* **). Для того,

---

*) чувствуются лишними и, если появляются въ рѣчи, составляютъ опять своего рода epitheta ornantia.

**) Пожалуй, примѣръ о *Москвѣ* покажется здѣсь неудобнымъ. Трудно безъ натяжки говорить о *родовомъ* понятіи Москвы вообще, распадающемся

чтобы отличить одинъ предметъ отъ другого, нужно *раздѣлить* чѣмъ нибудь логическій объемъ слова *Москва*. Чѣмъ же его раздѣлить? Указаніемъ на отличительную черту или *признакъ* каждаго изъ предметовъ, а въ другихъ случаяхъ — и *группы* предметовъ, составлявшихъ *часть* этого объема. Разъ идетъ рѣчь объ указаніи на черту или признакъ, то слово, исполняющее эту роль, будетъ опять таки *признаковымъ* словомъ, какъ оно было въ обще-психо-логическомъ и логическомъ *сказуемыхъ*, а тогда *второе* изъ »согласующихся« *ὀνόματα* все же останется при терминѣ »непосредственнаго *названія* предмета«. Вотъ почему мы выше нашли нужнымъ толковать о случаяхъ не »названія«, а »*обозначенія* предмета всѣмъ составомъ согласующихся *ὀνομάτων*«.

Признаковое *ὄνομα*, появляющееся при логическомъ опредѣленіи, назовемъ »логическимъ опредѣляющимъ«, а второе *ὄνομα* — »логическимъ опредѣляемымъ«. Нельзя сказать, чтобы говорящій, считаясь съ логическимъ объемомъ опредѣляемаго, думалъ въ то же время и о логическомъ объемѣ опредѣляющаго. Въ выраженіи *Москва-рѣка*, когда оно *цѣликомъ* служитъ для обозначенія *предмета*, говорящій вовсе не обращаетъ вниманія на то, что рѣкъ на свѣтѣ *много*, а просто *общею* »*идеею*« отмѣчаетъ признакъ *одной* части логическаго объема слова *Москва*. Въ выраженіи *рѣка-Донецъ*, когда оно *цѣликомъ* служитъ обозначеніемъ *предмета*, отличаемаго, въ данномъ случаѣ, отъ другихъ рѣкъ, логическимъ опредѣляемымъ является *рѣка*, а логическимъ опредѣляющимъ — слово *Донецъ*, стало быть нѣчто, въ чемъ »отличительный« признакъ« отмѣченъ вовсе даже не общею идеею, а чѣмъ то, составляющимъ исключительную принадлежность *одной* рѣки, т. е. ея *собственнымъ именемъ*. Вотъ та тенденція, которую мы имѣли въ виду на стр. 183, указывая на то, что и *собственное имя* мо-

на *видовыя* — рѣки и города. Тутъ былъ бы удобнѣе примѣръ *земляничка-ягодка* и *ягода-смородина* или что нибудь подобное. Но для соотвѣтствія Потебневскому *рѣкѣ-Донцу* (см. стр. 48-49) мы останемся при нашемъ примѣрѣ, тѣмъ болѣе, что съ интересующей насъ точки зрѣнія, нѣкоторая искусственность его не внесетъ неправильности въ наши выводы.

жетъ послужить въ роли *признаковаго* слова. Этою тенденціею оказывается »логическое опредѣленіе«.*)

Подведемъ итоги нашему разсужденію о согласующихся ὀνόματ'ахъ. Согласующіяся ὀνόματα всегда относятся къ одному предмету. За исключеніемъ случаевъ логическаго равенства, занимающихъ *особое* положеніе и достаточно выясненныхъ, одно изъ нихъ есть всегда *названіе* предмета, а другое — *признаковое* слово. *Признаковое* слово относится къ *названію* предмета или какъ логическое опредѣляющее къ логическому опредѣляемому, или какъ психологическое сказуемое къ психо-логическому подлежащему, или какъ логическое сказуемое къ логическому подлежащему. *Синтаксическое* сказуемое, не знающее вообще предѣловъ въ широтѣ контекстовъ, въ короткихъ контекстахъ можетъ совпасть съ логическимъ опредѣляющимъ (а тогда и синтаксическое подлежащее совпадаетъ съ логическимъ опредѣляемымъ), такъ какъ логическое опредѣляющее появляется въ рѣчи въ силу необходимости *отличать* одинъ предметъ отъ другого, а тамъ гдѣ мы *отличаемъ*, тамъ и *интонируемъ* рѣчь, выставляя *интонируемое* въ рѣчи, какъ *ея искомое*.

Языкъ выработалъ особыя слова въ родѣ *καλός — καλή — καλόν* и т. п., которыя своею способностью къ *извѣстнымъ* формальнымъ измѣненіямъ обнаруживаютъ свое предназначеніе къ тому, чтобы »согласоваться«. Измѣняясь не только по падежамъ и числамъ, но и по родамъ, они такъ и ждутъ того, чтобы быть пріуроченными къ какому нибудь *извѣстному* роду, — къ названію *предмета*. Поэтому они исполняютъ въ »согласованіи« роль не *названій* предметовъ, а *признаковыхъ* словъ. Признаковыми ихъ дѣлаетъ не въ меньшей степени ихъ способность из-

*) Установленіе »логическаго опредѣленія«, между прочимъ, важно для растолкованія симасіологіи слова *ὁ-ἡ-τό*, и притомъ уже *непосредственно*, а не такъ, какъ мы это отмѣтили о логическомъ сказуемомъ на стр. 171. Конечно, »логическаго опредѣленія« нельзя было установить внѣ связи съ установленіемъ логическаго сказуемаго«. Въ логическомъ сказуемомъ идетъ рѣчь о »присужденіи« бо́льшаго логическаго объема меньшему, а въ логическомъ опредѣленіи — объ *ограниченіи* логическаго объема.

мѣняться въ формальномъ отношеніи и по *степенямъ*. Этимъ они приближаются къ *глагольнымъ* признакамъ, т. е. къ тѣмъ признакамъ-»дѣйствіямъ«, которыя въ глаголѣ присуждаются какъ психо-логическія сказуемыя »*лицу*«, и которыя, нося на себѣ отпечатокъ той или иной стадіи своего *развитія* на этомъ »лицѣ«, только лишь съ бóльшею детальностью и съ бóльшею подвижностью проводятъ въ своихъ формальныхъ измѣненіяхъ то же, что выражается въ такъ называемыхъ положительной, сравнительной и превосходной степеняхъ.

Если *ὀνόματα*, какъ мы съ ними до сихъ поръ познакомились, *внѣ* рѣчи чувствовались чѣмъ-то совершенно самостоятельнымъ, ни въ какомъ дополненіи не нуждающимся, а только *поддающимся* внесенію въ рѣчь и связную мысль, то слова *καλός — καλή — καλόν* и т. п., поставленныя *внѣ* рѣчи, чувствуются прямо изъ нея *вырванными*, — чувствуются тѣмъ Гербартовскимъ мусоромъ, который *внѣ* рѣчи носитъ на себѣ слѣды спайки (см. выше стр. 35). Если *ὀνόματα* были *внѣ* рѣчи всегда *названіями* предметовъ — названіями ихъ по ихъ *признакамъ*, т. е. выраженіями *представленій* о предметахъ или, говоря образно, названіями той *оболочки*, въ которую душа наша завертываетъ самый предметъ, когда съ нимъ знакомится, и если только лишь *въ рѣчи* они *иногда*, по нѣкоторому ослабленію сознанія ихъ первоначальнаго симасіологическаго значенія, дѣлались выраженіями оболочки не какъ *представительницы*, для души, самого *предмета*, а выраженіями ея, *именно* какъ оболочки, то слова *καλός — ή — όν* и т. п. уже *внѣ* рѣчи чувствуются выраженіями оболочки какъ таковой. Если *ὀνόματα* въ *самой* рѣчи, будучи выраженіями »оболочки какъ таковой«, могли при этомъ быть или логическими опредѣляющими, или психо-логическими сказуемыми, или, наконецъ, *логическими* сказуемыми, то слова *καλός — ή — όν* и т. п. могутъ исполнять только *первыя двѣ* роли. Да, только первыя *двѣ* роли. Ибо *ὄνομα*, въ роли *логическаго* сказуемаго, дѣлалось выраженіемъ признака только лишь благодаря извѣстному отношенію *его* логическаго

объема къ логическому объему *другого ὄνομα,* тогда какъ слова *καλός — ή — όν* уже *сами по себѣ* — »признаковыя« слова, а потому на *логическій* ихъ объемъ, на которомъ только и зиждется установленіе логическаго сказуемаго, *нечего* обращать вниманіе, тѣмъ болѣе, что его въ сущности въ нихъ *нѣтъ.* Когда говорятъ напр. *дерево — красиво* (*καλόν*), то не только никто не думаетъ, — какъ думалъ въ выраженіи *орелъ-хищникъ* или *орелъ есть хищникъ,* — о томъ, что есть еще на свѣтѣ красивые *дома,* красивые *камни* и т. д., но если бы и *хотѣлъ* думать, то будетъ ли онъ въ такомъ случаѣ думать о логическомъ объемѣ слова *καλός?* Не будетъ ли онъ тогда размышлять скорѣе о логическомъ объемѣ того, что должно быть въ языкѣ выражено словами *красивые предметы,* иначе говоря, — не будетъ ли онъ тогда размышлять о *части* логическаго объема слова *предметъ?*

Слова, грамматически *особо* приноровленныя къ согласованію, Александрійцы называли *тоже ὀνόματα,* но въ отличіе отъ первыхъ они для нихъ установили терминъ *ἐπιθετικά,* называя тогда первыя — *ὀνόματα οὐσιαστικά.* У насъ, вслѣдъ за Александрійцами, слова *καλός-ή-όν* и т. п. называютъ »прилагательными *именами*«, противопоставляя ихъ *именамъ* »существительнымъ«. Если терминъ »имена существительныя«, представляющій собою переводъ греческаго *ὀνόματα οὐσιαστικά,* вполнѣ соотвѣтствуетъ *правильному* пониманію охватываемой имъ группы словъ, какъ *наименованій,* особенно *внѣ* рѣчи, *τῶν ὄντων* или *τῶν οὐσιῶν,* — зато терминъ »прилагательныя« — *слишкомъ* общъ. Въ немъ *правильно* отмѣчено, что обнимаемыя имъ слова *немыслимы* внѣ рѣчи, какъ мыслимы »имена существительныя«, что они получаютъ смыслъ только черезъ приложеніе ихъ къ *другимъ* словамъ, но такихъ словъ, получающихъ смыслъ только черезъ »*приложеніе*« ихъ къ другимъ — *очень* много: такимъ можетъ быть какое нибудь *ἐξ,* о которомъ, конечно, *никто* не думалъ, когда созидалъ терминъ »имена прилагательныя«. Да мыслимо ли и какое нибудь *ἄνθρωπον* иначе, кромѣ какъ въ *приложеніи* къ другимъ

словамъ, а оно, вѣдь, принадлежитъ къ »именамъ *существительнымъ*«. Мы, согласно всему выясненному, находимъ для нашихъ *καλός – ή – όν* и под. единственно правильный противовѣсъ »*существительнымъ* именамъ« въ терминѣ »*признаковыя*« слова. Назовемъ ли мы признаковыя слова также »именами«?

Имена существительныя исполняютъ часто, какъ мы видѣли, роль признаковыхъ словъ. Если языкъ, выработавъ особыя грамматическія формы для признаковыхъ словъ, тѣмъ не менѣе, однако, не избѣгаетъ употребленія именъ существительныхъ для той же цѣли, то это только доказываетъ. конечно, большую *тонкость* языка въ различеніи *категорій* словъ, необходимыхъ для выраженія мысли, по вмѣстѣ съ тѣмъ и *легкость,* съ которою мыслящій человѣкъ переносится, какъ мы выше выразились, отъ оболочекъ какъ *представительницъ* предметовъ, къ оболочкамъ какъ таковымъ. Съ другой стороны, кому не извѣстно, что слова *φίλοι*, *ἀγαθόν*, *κακόν* и т. д. употребляются въ смыслѣ названій *настоящихъ ὄντα* или *οὐσιῶν*, въ смыслѣ русскихъ словъ *друзья, благо, зло?* Такъ и въ примѣрѣ *οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη* (см. выше стр. 166) слово *ἀγαθόν*, отказываясь отъ своего грамматическаго plus'а сравнительно съ именемъ существительнымъ, то есть отъ согласованія по *роду,* тѣмъ самымъ переходитъ въ имена существительныя, исполняя, конечно, въ *данномъ* случаѣ роль психо-логическаго сказуемаго*). Да и не вполнѣ ли *естественъ* переходъ признаковыхъ словъ въ имена существительныя уже по одному тому, что и имена существительныя обозначаютъ *οὐσίας собственно* черезъ »поименованіе« ихъ признака? Да и можемъ ли мы ручаться за то, что

---

*) Да, примѣры подобнаго рода мы объясняемъ именно такъ, а вовсе не черезъ »подразумѣваніе" какого-то *τὶ*. Конечно, мысль, выраженная нашею фразою, могла быть передана и словами *κακόν τι πολυκοιρανίη*, но, вопервыхъ, *κακόν* есть нѣчто одно, а *κακόν τι* — нѣчто другое, и вовторыхъ, мы еще не знаемъ, освободитъ ли насъ такая передача мысли отъ толкованія слова *κακόν* въ смыслѣ имени существительнаго; мы еще не знаемъ, слѣдуетъ ли *κακόν τι* понимать *непремѣнно* въ смыслѣ *нѣчто злое*, или же можно въ немъ усматривать и русское *нѣкое зло.* Быть можетъ,

слова, которыя мы теперь принимаемъ за имена существительныя, не проявляютъ присущаго людямъ стремленія цѣпляться за старое, послѣ того какъ установилась новизна, — въ данномъ случаѣ отдѣленіе *особыхъ* признаковыхъ словъ отъ именъ существительныхъ. На словахъ *тепло*, *Курскъ* и т. п. мы *ясно* видимъ, что они вышли изъ *признаковыхъ* словъ. Въ виду всего этого мы и *признаковыя* слова будемъ называть »именами«, тѣмъ больше, что самое *слово* »имя«, т. е. »поименованіе«, не есть настолько узкое слово, которое требовало бы особенной осторожности.

Извѣстно, что *всякое* признаковое имя можно »превратить«, какъ обыкновенно *выражаются*, »въ имя существительное *черезъ прибавленіе къ нему* слова ὁ – ἡ – τό (οἱ ἐπιστήμονες и т. д.). Въ чемъ тутъ собственно дѣло, мы узнаемъ впослѣдствіи. Пока мы хотѣли бы узнать, что такое въ *общемъ* само ὁ – ἡ – τό, которому, какъ говорятъ, признаковыя слова обязаны этимъ »превращеніемъ«?

У Александрійцевъ слово ὁ–ἡ–τό фигурировало до послѣдняго времени подъ названіемъ τοῦ ἄρθρου, т. е. *связующаго* отдѣльныя слова въ цѣльную рѣчь (у насъ его вслѣдъ за греками, — переводъ нашъ, впрочемъ, немного неточенъ, — называютъ »членомъ«). Этимъ мы не хотимъ сказать, что слово ὁ–ἡ–τό не нашло себѣ у грековъ болѣе опредѣленнаго мѣста среди остальныхъ частей рѣчи. Напротивъ, Александрійцы только *называли* это слово по установившейся традиціи, но *понимали* его совершенно иначе. Какъ его собственно понимали Александрійцы, а во главѣ ихъ Аполлоній Дисколъ, къ какой части рѣчи они его причисляли, и къ какой его вслѣдъ за ними причисляютъ наши грамматики, на это читатель отвѣтитъ самъ, но мы бы

противъ *нашего* толкованія фразы οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη, т. е. противъ пониманія въ ней слова ἀγαθόν за имя *существительное*, возразятъ намъ указаніемъ на выраженіе βέλτιον φιλία. Намъ скажутъ, что въ выраженіи βέλτιον φιλία слово βέλτιον есть сравнительная степень, за которую мы же сами ухватились какъ за нѣчто такое, что *въ особенности* отличаетъ признаковыя слова отъ именъ существительныхъ. Но въ *данномъ* случаѣ ἄμεινον отличается отъ ἀγαθόν, какъ напр. слово *книжища* отъ *книга*, а послѣднія слова суть несомнѣнно имена *существительныя*.

хотѣли предупредить его отвѣтъ небольшимъ *общимъ* разсужденіемъ.

Σοφία, σοφός суть *имена,* одно существительное или, какъ греки говорили, *οὐσιασ*тическое, а другое признаковое. Но что такое *ἐγώ, τοῦτο, τοιοῦτος?* Это, собственно, не »имена«, такъ какъ они ничего не »поименовываютъ« и не имѣютъ никакого *матеріальнаго* содержанія. Слова *ἐγώ, τοιοῦτος, οὗτος, ἐκεῖνος* только *направляютъ* глазъ слушателя, — иногда глазъ чисто духовный, т. е. *память,* къ чему то, имѣющему еще *наполнить* его воображеніе живымъ представленіемъ, причемъ *ἐγώ, οὗτος* и *ἐκεῖνος* ведутъ къ *οὐσία,* а *τοιοῦτος* ведетъ къ *признаку τῆς οὐσίας.* Греки называли эти слова »*ἀντωνυμίας*«, а наши грамматики вслѣдъ за ними называютъ ихъ »мѣстоименіями« т. е. словами, употребляющимися *вмѣсто* именъ. *Строго* разсуждая, это совершенно правильно, и мы сами нисколько не намѣрены *избѣгать* въ нашемъ изслѣдованіи терминовъ *мѣстоименіе, мѣстоименный, pronominal'ный* и т. п., такъ какъ, повторяемъ, всѣ эти слова, въ сущности, ничего не »поименовываютъ«, но... Какъ математикъ различаетъ *физическій* шаръ, сдѣланный изъ дерева, мѣди и т. д., отъ математической *схемы* для шара, имѣющей еще быть *наполненною* какимъ нибудь веществомъ, и не избѣгаетъ при этомъ называть и самую *схему* »шаромъ«, такъ и мы не сдѣлаемъ ошибки, если, различая *матеріальныя,* такъ сказать (т. е. наполняющія наше воображеніе *живымъ, вещественнымъ* содержаніемъ) имена отъ ихъ, какъ-бы, *схемъ,* назовемъ и *послѣднія* »именами«, — именами, разумѣется »*формальными*«, въ противоположность »матеріальнымъ«.*) Къ этимъ то *формальнымъ* именамъ принадлежитъ и *ὁ-ἡ-τό.*

---

*) Вмѣсто термина »*матеріальныя имена*« читатель, быть можетъ, предложитъ терминъ »*реальныя*«. Этого намъ не хотѣлось бы. Реальное, *res,* есть въ сущности только *οὐσία,* представляетъ ли она, какъ мы выше разсуждали, индивидуумъ, или *группу* индивидуумовъ, или *идеальнаго* представителя индивидуумовъ, или, наконецъ, идею какъ чисто душевный нашъ *постулатъ.* *Σοφία, ἄνθρωπος, Σωκράτης, ἔχθρα* — все это — res, все это — *ὄντα* по Платоновской терминологіи, и слово *реальный* (= вещественный), которымъ читатель хотѣлъ бы обнять и существительное, и признаковыя *неформальныя,*

Раздѣливъ »имя« съ одной стороны на существительное и признаковое, а съ другой — на матеріальное и формальное, мы подвергнемъ окончательному разбору еще *одинъ* вопросъ, прежде чѣмъ приступать къ прерванному разсужденію о падежахъ, а именно, какъ далеко, т. е. на какія *λέξεις* и на какія категоріи *τῶν λέξεων* простираются *матеріальныя* существительныя и признаковыя. Въ общихъ чертахъ этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ до насъ. Особенно много имъ занимается Schömann Redeth. Мы хотѣли бы только кое-гдѣ строже *формулировать* это рѣшеніе, съ *симасіологической* точки зрѣнія, и кое-гдѣ его исправить.

Больше всего затрудненій въ нашемъ вопросѣ представляетъ та категорія *τῶν λέξεων*, которую наша грамматика называетъ infinitiv'ами.

Разсматривать infinitiv'ы *внѣ* связной рѣчи мы пока не будемъ. Что же касается *связной рѣчи*, то прежде всего бросаются въ глаза тѣ случаи появленія infinitiv'овъ, въ которыхъ послѣдніе чувствуются не только »именами« *вообще*, но прямо именами *существительными*. Въ случаяхъ этихъ можно различать, *въ общемъ*, три типа: 1) *βούλομαι παιδεύειν*; 2) *παιδεύειν καλόν*; 3) *παιδεύειν ἐστὶ πράττειν*.

Въ первомъ типѣ, будетъ ли infinitiv »зависѣть« отъ глагола, какъ въ приведенномъ примѣрѣ *βούλομαι παιδεύειν* (= желаю воспитыванія), или отъ какого нибудь признаковаго имени ((*ἥδιστος πίνειν* = весьма пріятенъ для питья), или отъ имени существительнаго (*ἐν ὥρᾳ ἐστὶ τοῦ παιδεύεσθαι* = онъ въ порѣ воспитыванія), — вездѣ infinitiv чувствуется въ роли косвеннаго падежа, вездѣ онъ имѣетъ значеніе русскаго такъ называемаго *отглагольнаго* существительнаго, вездѣ онъ есть дѣйствительное названіе »вещи«

мы предпочли бы сохранить для однихъ *существительныхъ*, какъ формальныхъ, такъ и неформальныхъ, въ противоположность *признаковымъ* именамъ. Мы бы это сдѣлали тѣмъ охотнѣе, что при сведеніи термина »существительное« къ слову *существо* или *суть* или *сущность* выгадывается для пониманія дѣла гораздо меньше, чѣмъ при сведеніи термина *вещественный* къ слову *вещь*. Но терминъ *существительное* уже освященъ вѣками, а толковать, что напр. Сократъ есть *вещь*, какъ то кажется намъ *страннымъ*, хотя съ *той* точки зрѣнія, съ которой намъ *приходится* разсматривать »Сократа«, это толкованіе было бы правильно.

вообще (въ томъ смыслѣ, какъ мы толковали слово »*вещь*« въ непосредственно предшествующемъ подстрочномъ примѣчаніи), а въ частности, совершенно наравнѣ съ именемъ существительнымъ, оканчивающимся на *σις* (напр. *παίδευσις*), — представляетъ собою названіе »явленія въ пространствѣ времени«. Въ подробностяхъ мы этого типа разбирать не можемъ, такъ какъ о »косвенныхъ« падежахъ не было еще рѣчи.

Въ примѣрѣ *παιδεύειν καλόν* (примѣръ этотъ допускаетъ слово *ἐστίν*, но можетъ обойтись и безъ него) признаковое имя *καλόν*, какъ *согласующееся* имя, есть психологическое сказуемое къ слову *παιδεύειν*, само же *παιδεύειν* есть или психо-логическое подлежащее къ слову *καλόν*, если фраза обходится безъ *ἐστίν*, или »ближайшее опредѣленіе« лица, показаннаго въ глаголѣ *ἐστίν*, если послѣднее дѣйствительно *появляется* во фразѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ оно есть, несомнѣнно, »*поименованіе*« вещи *вообще*, а въ частности — »*поименованіе*« явленія въ пространствѣ времени«, есть *именительный падежъ* и имя *существительное*. Въ сущности, этого примѣра не слѣдовало бы даже *отдѣлять* отъ »перваго типа« появленія въ рѣчи infinitiv'овъ, не будь того обстоятельства, что намъ по ходу изслѣдованія пришлось оторвать именительный падежъ отъ косвенныхъ падежей.

Разсмотримъ теперь примѣръ *παιδεύειν ἐστὶ πράττειν*. Если во фразѣ *орелъ — хищникъ* легко ослаблялось сознаніе слова *хищникъ* какъ названія *τοῦ ὄντος, τῆς οὐσίας* или, какъ мы теперь имѣемъ возможность сказать, »вещи«; если во фразѣ *орелъ — хищникъ* легко чувствовалось слово *хищникъ* въ роли простаго *признаковаго* имени, въ роли поименованія одной лишь *оболочки* для предмета, поименованнаго въ *другомъ* словѣ. то со словомъ *πράττειν* во фразѣ *παιδεύειν ἐστὶ πράττειν* дѣло стоитъ совершенно иначе. По русски можно бы передать смыслъ этой фразы словами *воспитывать* значитъ *хлопотать* = *воспитывать*, это — *хлопотать*. Трудно какъ то отвязаться отъ представленія. что *πράττειν* въ данной фразѣ есть

такое же поименованіе »вещи« *вообще*, а явленія въ пространствѣ времени *въ частности*, какъ и *παιδεύειν*. Если тутъ можно разсуждать о »подлежащемъ« и »сказуемомъ«, то только на почвѣ *логическихъ объемовъ* (логическій объемъ *τοῦ παιδεύειν* — меньше, а *τοῦ πράττειν* — больше), и тогда *πράττειν* будетъ *логическимъ* сказуемымъ къ *παιδεύειν*, какъ къ *логическому* подлежащему, и всю фразу можно сопоставлять съ выраженіемъ *орелъ — хищникъ* лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы объ этомъ выраженіи разсуждали на стр. 168, когда въ немъ подлежащее и сказуемое устанавливались на почвѣ *логическихъ* объемовъ. А если фразу *παιδεύειν ἐστὶ πράττειν* перевести на выраженіе *τοῦτό ἐστι παιδεύειν*, то тутъ даже не можетъ быть рѣчи *ни о какомъ* подлежащемъ и сказуемомъ (кромѣ развѣ *синтаксическаго*); тутъ замѣчается просто *логическое равенство*, а тогда подавно *παιδεύειν* будетъ *поименованіе* вещи т. е. имя *существительное* (смотри выше *стр.* 185), а *τοῦτο* будетъ при немъ хотя и не *поименованіе* вещи, но все же *существительное*, — существительное *формальное*. Кромѣ того и *τοῦτο*, и *παιδεύειν* будутъ *именительные падежи*. *Этотъ* типъ примѣровъ надобно *непремѣнно* выдѣлить особо, такъ какъ въ немъ infinitiv, на почвѣ *обще-синтаксической*, т. е. на почвѣ »согласованія«, легко могъ перейти въ *признаковое* слово, а между тѣмъ оказывается, что онъ держится своего *οὐσιαστическаго* значенія тверже, чѣмъ само слово *хищникъ*, т. е. чѣмъ само »матеріальное *существительное*«.

Въ приведенныхъ трехъ типахъ появленія infinitiv'а въ связной рѣчи мы толковали о разныхъ падежахъ infinitiv'а, то о »косвенныхъ«, то объ именительномъ. Извѣстно, что съ *этимологической* точки зрѣнія на греческій infinitiv смотрятъ какъ на *косвенный* падежъ, то такой, то иной. Извѣстенъ въ этомъ отношеніи основательный трудъ Jolly (Geschichte des Infinitivs im Indogermanischen, München 1873). Въ свое время мы къ этому труду вернемся, а пока сообщимъ весьма *важное* для насъ наблюденіе Дельбрюка, указывающее на то, что всѣ эти разсужденія объ *этимо-*

логическихъ падежахъ греческаго infinitiv'а *для насъ* не имѣютъ *никакого* значенія. Дельбрюкъ говоритъ (Synt. Forsch. IV. 122): Es sind also auch diese griechischen Infinitive genau so wie die indischen zu beurtheilen (т. е. должны считаться съ *этимологической* точки зрѣнія тѣмъ или инымъ падежемъ), nur dass die Entwicklung in Griechenland noch einen Schritt weiter gegangen ist, insofern jede Erinnerung an die Substantivnatur von »*Formen*« wie »*δόμεναι*« *geschwunden ist*, sie also im Bewusstsein der Sprechenden gänzlich auf die verbale Seite herübergezogen sind... Über die Etymologie... ...können wir nicht mit solcher Sicherheit urtheilen... doch ist es wahrscheinlich, dass der Infinitiv auf — dhyai Dativ, der auf — sani Localis eines Substantivums sei. Jedenfalls aber war schon *in der Grundsprache jeder innere Zusammenhang dieser Bildungen mit irgend welchen Nominalstümmen verloren*, sie waren bereits in der Grundsprache da angekommen, wo wir im Griechischen δόμεναι u. s. w. finden.

Такимъ образомъ, мы можемъ разсуждать о »падежахъ« infinitiv'а не на почвѣ *этимологической*, а лишь на почвѣ *обще-синтаксической*. Это не то, что слово ἄνθρωπος. Слово ἄνθρωπος было именительнымъ надежемъ въ *этимологіи*, такимъ оно осталось и въ синтаксической *симасіологіи* т. е. въ симасіологіи »частей рѣчи и ихъ формъ« (*синтаксическою* мы ее называемъ въ противоположность симасіологіи, установленной на стр. 68), такимъ оно остается и въ самомъ *синтаксисѣ*, т. е. въ самой *связной рѣчи*. Поэтому синтаксическую симасіологію именительнаго падежа слова ἄνθρωπος можно было вести *отъ этимологіи* и переводить ее на почву *обще-синтаксическую*. Въ infinitiv'ахъ, какъ видно, нужно падежную симасіологію вести отъ *обще-синтаксическаго* ихъ положенія, а съ *этимологіею* ихъ приходится даже не считаться.

Въ виду этого особаго положенія infinitiv'овъ естественно рождается вопросъ: Не чувствуются ли они существительными только лишь потому, что они на почвѣ *обще-синтаксической* попадаютъ въ такой или иной падежъ? Не

случилось ли съ ними и съ ихъ ролью quasi-»существительныхъ« нѣчто похожее на то, что случается съ *дѣйствительными* »матеріальными« существительными, когда они чувствуются *признаковыми* именами *только* лишь благодаря тому, что попали въ »согласованіе«? Infinitiv, въ концѣ концовъ, представляетъ собою *полное* выдѣленіе въ особое слово того *а*, которое попало у насъ въ глагольную симасіологическую схему *а* —> *б*. Мы говоримъ »полное« въ томъ смыслѣ, что infinitiv заключаетъ въ себѣ обѣ симасіологическія стороны, которыя мы открыли въ свое время въ *а*: онъ имѣетъ и *залоговые* оттѣнки, и оттѣнки »видовые« т. е. оттѣнки, указывающіе на разные моменты въ *развитіи* дѣйствія (сравни выше стр. 97). Этого не имѣли ни слова *деревенѣніе* и *рубленіе*, о которыхъ мы говорили на стр. 98, ни слова *διακρίβωσις* и *ψεῦδος*, о которыхъ мы говорили на стр. 163. Разъ infinitiv представляетъ собою *полное а*, то это *полное а* есть настоящая *часть* глагола, есть дѣйствительно тотъ особый *признакъ* (см. выше стр. 100), который черезъ линію —>, т. е. въ такой или иной »квалитативности« и въ томъ или иномъ *времени* (см. выше стр. 110) присуждается »*лицу*«, обозначенному въ нашей схемѣ черезъ *б*.

Въ виду всего этого мы назвали бы его скорѣе *признаковымъ* именемъ. Да и не чувствуется ли оно *внѣ* рѣчи такимъ же »вырваннымъ изъ рѣчи«, какъ чувствовалось слово *καλός — καλή — καλόν*? О *ποιεῖν*, *ποιῆσαι*, *πεποιηκέναι*, *ποιήσειν*, *ποιεῖσθαι* и т. д. трудно, сказать, что это внѣ рѣчи »столбы, стоящіе самостоятельно и *не нуждающіеся* ни въ какихъ пополненіяхъ, но *поддающіеся* соединенію«, какъ то мы утверждали въ свое время объ *ὀνόματ*'ахъ, оказавшихся потомъ »матеріальными именами существительными.« Да и въ *самой рѣчи*, не приходится ли постоянно прибѣгать къ такъ называемой конструкціи Accusativi cum infinitivo, въ которой Accusativ обозначаетъ »*лицо*«, принимающее на себя выраженный въ Infinitiv'ѣ »*признакъ*«? Къ сожалѣнію, мы не можемъ въ настоящее время распространиться объ этой конструкціи и должны

ждать болѣе *удобнаго* для разъясненія всего этого вопроса случая.

Да, при разборѣ трехъ типовъ появленія infinitiv'а въ связной рѣчи онъ оказался существительнѣе, чѣмъ само существительное, а теперь онъ оказывается какъ будто *исключительно* признаковымъ словомъ. Древніе, какъ на то указано уже не разъ, назвали его *ὄνομα ῥήματος*. Мы, въ виду его двусторонности не причислимъ его ни къ *признаковымъ*, ни къ *существительнымъ* именамъ, а назовемъ его *просто*, по примѣру древнихъ, *»глагольнымъ именемъ.«*

Несомнѣнными именами, и притомъ несомнѣнно *признаковыми*, являются participia. Слово »participium« есть переводъ греческаго *μετοχή*. Терминомъ *μετοχή* греки хотѣли указать на то, что слова, охватываемыя этимъ терминомъ, »причастны« (*μετέχει*) съ одной стороны къ глаголу,*) такъ какъ они, наравнѣ съ глаголомъ, измѣняются по залогамъ и «видовымъ оттѣнкамъ дѣйствія«. Съ другой стороны они, измѣняясь еще и по падежамъ, причастны и къ *имени*, — разумѣется *признаковому*, такъ какъ кромѣ падежей имѣютъ роды и, совершенно наравнѣ съ словомъ *καλός–ή–όν* и под., »ждутъ того, чтобы быть пріуроченными къ *извѣстному* роду, — къ извѣстной *οὐσία*, къ извѣстной »вещи«. И они »особо выработаны языкомъ для того, чтобы согласоваться«, а въ согласованіи могутъ исполнять роль *только* лишь психо-логическихъ сказуемыхъ и логическихъ опредѣленій (сравни выше стр. 192.).**) И они черезъ присоеди-

*) Dionysius Thrax (A. B II. 659): *μετοχή ἐστι λέξις μετέχουσα τῆς τῶν ῥημάτων καὶ τῆς τῶν ὀνομάτων ἰδιότητος.*

**) Говорятъ о какихъ то причастіяхъ причины, цѣли, условія, времени и проч. Все это не касается насъ и не касается симасіологіи частей рѣчи, а касается паузъ, тоновъ, темповъ и вообще широкаго контекста. Если мы въ симасіологіи глагола толковали о разныхъ Conjunctiv'ахъ final'ныхъ, condicional'ныхъ и т. п., то это нужно было сдѣлать потому, что *единое* значеніе Conjunctiv'а не видно было сразу, и его пришлось извлекать изъ разныхъ контекстовъ. Здѣсь же оно сразу замѣтно. И во фразѣ *орла-хищника боятся* можно толковать слово *хищника* какъ *причинное* слово, особенно если его прочитать среди паузъ, — если его прочитать, какъ мы разсуждали на стр. 187., appositional'но. Для насъ же слово *хищника* есть »согласующееся« имя существительное со всѣми тѣми послѣдствіями, которыя *выяснены* нами въ »согласованіяхъ«. Такъ и во фразѣ *κακῶς ἐποίησεν ὁ ἀνὴρ γράφων*

неніе слова *ὁ–ἡ–τό* »превращаются« въ существительныя. Есть между ними и такія, которыя и *безъ ὁ–ἡ–τό* дѣлаются существительными, чѣмъ напоминаютъ то *φίλοι* и *ἀγαθόν* и пр., о которомъ мы говорили на стр. 194.*) Словомъ, отъ *простыхъ* признаковыхъ они отличаются *только* своею измѣняемостью по залоговымъ**) и видовымъ оттѣнкамъ »дѣйствія« (признака тожъ; сравни выше стр. 98), а потому мы правильно поступимъ, если ихъ въ отличіе отъ *простыхъ* признаковыхъ именъ назовемъ *глагольными* признаковыми именами.

Итакъ, мы установили съ одной стороны имя *матеріальное* и *формальное*, не разобравъ, впрочемъ, послѣдняго въ подробностяхъ, а съ другой — *простое* существительное, *простое* признаковое, глагольное *имя* и глагольное признаковое. Вмѣсто этого грамматика предлагаетъ намъ имя существительное, имя прилагательное, мѣстоименіе, а затѣмъ

мы считаемъ выраженнымъ не болѣе, не менѣе, какъ только слѣдующее: »плохо сдѣлалъ человѣкъ, признакомъ котораго *было* (слово *было* помѣщаемъ здѣсь согласно стр. 151., пункту а.), что у него дѣйствіе *γράφειν находилось* (слово *находилось* мы помѣщаемъ здѣсь на томъ же основаніи, на какомъ раньше помѣстили слово *было*) въ *такой то* стадіи своего развитія и въ *такомъ то*, по отношенію къ нему, залоговомъ оттѣнкѣ«. При этомъ слово *γράφων* есть психо-логическое *сказуемое* по отношенію къ *ὁ ἀνήρ*: причину можно въ немъ усматривать только по *общему* контексту.

*) На такое существительное указываетъ Аполлоній Дисколъ (de constr. I. 75): *ἐντεῦθεν οὖν συνάγεται, ὡς τὸ ἐρωμένη ὀνοματικὴν ἔχει σύνταξιν· ἴδου γὰρ χωρὶς ἄρθρου φανέν.... τίς ἐρωμένη ἐστὶ Θέωνος; ὡς εἰ καὶ φαίη τις τίς δούλη ἐστὶ Θέωνος; ὅπερ οὐ παρακολουθήσει ἐν μετοχῇ* (сравни русское *возлюбленная*).

**) Да, именно *измѣняемостью*, т. е. flexiv'ностью. Другія »имена« этой измѣняемости не обнаруживаютъ, хотя мы въ нихъ *тоже* влагаемъ то transitiv'ность, то intransitiv'ность, т. е. тѣ два главныхъ оттѣнка, въ которыхъ въ концѣ концовъ сосредоточиваются залоговыя измѣненія (сравни стр. 108); такъ, *убійственный* мы чувствуемъ въ transitiv'номъ, *милый* въ intransitiv'номъ, а греческое *φοβερός* (= пугающій — боящійся) въ *томъ* и *другомъ* смыслѣ. Такъ и *убійца* и *утопленникъ* чувствуются одно въ transitiv'номъ, а другое въ intransitiv'номъ смыслѣ. Извѣстно, что именно *греческія* простыя матеріальныя имена, въ особенности *признаковыя*, любятъ допускать transitiv'ное толкованіе *совмѣстно* съ intransitiv'нымъ; примѣръ такого *совмѣстнаго* толкованія представляетъ наше *φοβερός*. Кому приходится комментировать греческихъ поэтовъ, тотъ наталкивается *постоянно* на такіе случаи, и стоитъ привыкнуть къ этой *гибкости* греческихъ словъ, т. е. къ этой *способности* ихъ, внѣ флексіи измѣняться по двумъ *главнымъ* залоговымъ оттѣнкамъ, чтобы избѣгнуть *большихъ* затрудненій въ комментированіи.

уже не »имена«, а причастіе и неопредѣленное наклоненіе. Зато она выдвигаетъ еще одно »имя«, это — имя *числительное.* Куда же *мы* дѣнемъ имя числительное?

Мы говоримъ, что »есть нѣчто *μέγα*«, что »есть нѣчто *μικρόν*«, и эти *μέγα* и *μικρόν* являются *признаками* этого »нѣчто«, выражаемыми въ обоихъ случаяхъ черезъ *признаковыя* имена. Но это »нѣчто« мы можемъ воспринять какъ составленное изъ нѣсколькихъ, быть можетъ, даже совершенно *одинаковыхъ* частей. Такою *сразу* представляется намъ *толпа,* или что нибудь подобное. Тогда *μέγα* превращается въ *многочисленное*, а *μικρόν* — въ *малочисленное,* и эта *многочисленность* или *малочисленность* является *опять* таки »*признакомъ*« толпы, и, соотвѣтственно этому, выражающія ее слова *πολύ* (иногда *ἄπειρον*) и *ὀλίγον* (иногда даже *ἕν*) будутъ *признаковыми* именами. Въ общемъ, качество (о которомъ *до сихъ поръ* шла рѣчь въ признаковыхъ словахъ) и количество представляются настолько нераздѣльными среди тѣхъ »категорій«, о которыхъ, какъ извѣстно, еще Платонъ толкуетъ какъ о *врожденныхъ* нашей душѣ, а не извлекаемыхъ ею изъ опыта (это доказывается въ »Θеэтитѣ«), что мы и въ »вещахъ« всегда невольно ищемъ *вмѣстѣ* то и другое. Но количество, заключающееся собственно въ величинѣ *измѣреній* »вещи«, значитъ въ чемъ-то геометрическомъ, легко превращается въ нѣчто ариѳметическое т. е. число. При этомъ мы можемъ сказать не только *многочисленная толпа, στράτευμα πολύ, στράτευμα ὀλίγον,* но рядомъ съ этимъ и *στρατιῶται πολλοί, στρατιῶται ὀλίγοι* и т. д. Разница между *στράτευμα πολύ* и *στρατιῶται πολλοί* заключается въ томъ, что въ имени существительномъ *στράτευμα* мы, представляя толпу чѣмъ то единымъ, выражаемъ наше представленіе черезъ имя *единственнаго* числа, тогда какъ во фразѣ *στρατιῶται πολλοί* мы уже самимъ именемъ существительнымъ указываемъ на то, что это единое представляется намъ раздробленнымъ на *нѣсколько,* и притомъ совершенно *одинаковыхъ,* частей. Слова же *πολλοί*, *ὀλίγοι*, *πολλαπλάσιοι* должны оставаться здѣсь такими

же »признаковыми« именами, какъ были *πολύ*, *ὀλίγον*, *ἄπειρον*, *ἕν*, и какъ было *μέγα* и *μικρόν*. Такими же признаковыми является цѣлый рядъ количественныхъ словъ, обнаруживающихъ свою принадлежность къ этой части рѣчи уже во внѣшнемъ своемъ видѣ. Таковы:

всѣ слова, указывающія на повтореніе въ »единомъ« сотенъ (*διακόσιοι*, *τριακόσιοι* и т. д.);

слово *μύριοι* съ его повтореніями (*δισμύριοι* и т. д.);

не только слово *εἷς*, но и *δύο*, *τρεῖς* и *τέσσαρες*, указывающія на *малую* численность;

слова *πᾶς* и *ὅλος*, изъ которыхъ первое указываетъ на полноту »единаго« какъ на его »признакъ«, если мы это единое представляемъ *раздробленнымъ* на части, а второе — на цѣльность его, если мы въ немъ ищемъ *геометрическое* количество;

дроби этого *πᾶς* и *ὅλος*, какъ то *ἥμισυ*, *ἡμιόλιον* (= полуторное) и т. д. *)

Другая сторона дѣла, совершенно отличная отъ указанія на численность чего нибудь какъ на *признакъ* его, есть *счетъ* этой численности. »Вотъ тамъ я вижу« — говоритъ разсказчикъ, употребляя *признаковое* имя — *πολλοὺς ἀστέρας*«. »*Πόσους*«, — спрашиваетъ его собесѣдникъ, прибѣгая къ *формальному* признаковому слову, только еще *ищущему* матеріальнаго содержанія, а разсказчикъ, вмѣсто того, чтобы *сразу* опредѣлить требуемое отъ него число, начинаетъ считать, произнося при этомъ, если онъ русскій, слова: *разъ*, — даже не пользуется при счетѣ *выработаннымъ* »*признаковымъ*« словомъ *одинъ-одна-одно*, — *два*, *три*, *четыре*, *пять*, *шесть*, *семь* и т. д. Слова *два-три-четыре* суть, также какъ и греческія *δύο τρεῖς τέσσαρες*, по внѣшнему виду, слова *признаковыя*; что же касается словъ *пять-шесть-семь* и т. д., то они сбиваются, по внѣшнему виду, на простыя существительныя, но на практикѣ русскій языкъ иногда ихъ согласуетъ на подобіе *признаковыхъ* словъ (напр. *семью ударами*), а иногда употребляетъ какъ насто-

*) Математики по этому же пути выработали признаковыя имена: *ἐπίτριτον* = $1^1/_3 = {}^4/_3 = 4:3$, *ἐπιτέταρτον* = $1^1/_4 = {}^5/_4 = 5:4$ и т. д.

ящія имена существительныя (напр. *семь ударовъ,* все равно что *куча розъ*), словомъ, рѣшается на какой-то компромиссъ, разсматривать который, во всякомъ случаѣ, дѣло для насъ совершенно постороннее, такъ какъ мы заняты не русскимъ, а греческимъ языкомъ. Греческія *πέντε – ἕξ – ἑπτά* и т. д., вплоть до самого *ἑκατόν*, непохожи по внѣшнему виду ни на имена существительныя, ни на имена признаковыя, и если ихъ приходится употреблять въ связной рѣчи, то грекъ, совершенно какъ если бы они стояли *внѣ* рѣчи, *прибрасываетъ* ихъ, не считаясь ни съ какою конструкціею, къ названіямъ тѣхъ »вещей«, численность которыхъ ему приходится опредѣлять: *ὁρῶ ἀστέρας πέντε* = вижу звѣзды, *счетомъ,* – грекъ прямо прибавляетъ иногда слово *ἀριθμῷ*, какъ бы давая знать, что онъ перестаетъ излагать связную мысль и начинаетъ считать, — итакъ »вижу« — говоритъ грекъ — »звѣзды, счетомъ разъ, два, три, четыре, *пять.*

Да, въ такъ называемомъ числительномъ имени мы должны непремѣнно выдѣлить, какъ нѣчто особое, *счетную* часть рѣчи,*) все же остальное причислить къ »простому признаковому имени«, причемъ, пожалуй, »простое признаковое имя« можно дѣлить на качественное и количественное, относя къ послѣднему и чисто-*числовыя εἷς, δύο, τρεῖς, τέσσαρες, διακόσιοι, τριακόσιοι,... χίλιοι, δισχίλιοι... μύριοι, δισμύριοι...* Замѣчательно, что грекъ выработалъ признаковыя *количественныя* т. е., въ частности, признаковыя *числовыя* имена *только* при численной *неопредѣленности* (*ὀλίγοι, πολλοί, ἄπειροι*), при очень *низкихъ* единицахъ, которыя можно замѣтить *сразу, не занимаясь* отдѣльно счисленіемъ и *не прерывая* изъ за этого связную рѣчь (*εἷς, δύο τρεῖς, τέσσαρες;* дальше грекъ не пошелъ: гдѣ нибудь, конечно, *нужно* было остановиться; латинскій языкъ остановился на *трехъ*), и при очень *высокихъ* единицахъ, съ одной стороны вполнѣ *закругленныхъ* (слово *μύριοι*, — правда, не съ *этимъ* удареніемъ, но это чисто *экономическая* часть языка, — употребляется даже въ значеніи

*) Это разсужденіе о *счетной* части рѣчи нуждается въ дополненіи, но до этого дополненія мы доберемся не скоро.

неопредѣленнаго числа), а съ другой — предполагающихъ, по ихъ громадности, какъ-бы *предварительное,* т. е. *предшествующее* изложенію связной рѣчи, занятіе численіемъ и *предварительную группировку* »вещей« по сотнямъ, тысячамъ и миріадамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что изъ каждой »*счетной* части рѣчи« можно сдѣлать »простое существительное имя« (*ἑβδομάς* — *δεκάς* и т. д.), также предполагающее *предварительное занятіе* счисленіемъ. *Признаковымъ* именемъ можетъ сдѣлаться каждое слово, обозначающее число, въ качествѣ »*порядковаго*«. Это вполнѣ понятно. Нѣчто подобное мы увидимъ въ предлогахъ, до которыхъ мы скоро дойдемъ. Тамъ *тоже* изъ *ἀντί* дѣлается *ἐναντίος* (стоящій *лицомъ къ лицу* съ чѣмъ нибудь). И отъ такъ называемыхъ »нарѣчій« могутъ образоваться признаковыя слова: отъ *ἑκάς* (далеко) образуется *ἕκαστος* (даже съ окончаніемъ превосходной степени = стоящій *совершенно* отдѣльно отъ другого = *въ отдѣльности* каждый). Такъ и отъ *πέντε* (»счисленіе« должно быть здѣсь *тоже* предварительно готово) образуется признаковое *πέμπτος* (= стоящій *пятымъ* въ ряду другихъ или по мѣсту, или по времени, или по степени достоинства), а то и *πεμπταῖος* (= приходящій на пятый день). Замѣчательно, что *πρῶτος* образовано не отъ *εἷς*, а отъ предлога *πρό* (= *передъ* кѣмъ нибудь): *πρῶτος*, какъ извѣстно, есть *превосходная степень* отъ *πρό* (= стоящій на *самомъ переднемъ* мѣстѣ). — Что такое *ἅπαξ*, *δίς* и т. д., т. е. къ какой части рѣчи относить *эти λέξεις*, мы пока разбирать не можемъ. Читатель самъ ихъ отнесетъ къ такъ называемымъ »нарѣчіямъ«.

Итакъ, рядомъ съ *простыми* существительными именами, матеріальными или формальными, съ *простыми* признаковыми именами, матеріальными или формальными, съ глагольнымъ именемъ, съ глагольными признаковыми именами, мы будемъ еще различать какъ *особое μέρος λόγου* »счетную *часть рѣчи*« (не »*имя*«). Перейдемъ теперь къ дальнѣйшему разсматриванію падежей.

Непосредственно послѣ именительнаго падежа, нами уже оконченнаго, слѣдуетъ *звательный* (*κλητική*). Значеніе его опредѣлить очень легко. Звательный падежъ стоитъ цѣликомъ *внѣ* рѣчи. Имъ говорящій опредѣляетъ *собесѣдника*, для того чтобы, опредѣливши его, начать и самую рѣчь къ нему. Конечно, чтобы *опредѣлить* собесѣдника, для этого можно *просто* »назвать его по имени« т. е. »поименовать его«; такъ дѣлаетъ въ школѣ учитель, вызывая ученика. Поэтому въ очень многихъ случаяхъ звательный падежъ даже *не отмѣченъ* этимологически какъ падежъ *особый*, и сходится съ именительнымъ, точнѣе говоря, — *замѣняется* имъ. Можно разсуждать и наоборотъ: психологически было бы вполнѣ понятно, если бы форма, которою мы »зовемъ« и *привыкли* звать какое нибудь лицо, опредѣляя его какъ собесѣдника, — если бы эта форма оставалась неизмѣненною и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы просто должны бы »*поименовать*« это лицо. Другими словами, психологически было бы вполнѣ понятно, если бы звательный падежъ употреблялся и въ роли именительнаго. Говорятъ же напр. »у собаки такая то *кличка*«, вмѣсто »у собаки такое то *имя*«, а слово *кличка* указываетъ на употребленіе въ языкѣ *звательнаго*, а не *именительнаго* падежа. Такъ, можетъ быть, малорусское *ванько* (= одноконный извощикъ, собственно уменьшительное отъ *Ваня*) есть форма *звательнаго* падежа.*) Что и звательный падежъ не есть *настоящій* падежъ, что и онъ не »падаетъ« передъ другими словами, этого относительно его, какъ стоящаго *именно* внѣ рѣчи, никто отрицать не станетъ.

Приступаемъ къ весьма сложному отдѣлу, къ симасіологіи *настоящихъ* падежей.

---

*) Аполлоній Дисколъ (de constr. III. 214.) сообщаетъ намъ объ употребленіи звательнаго въ смыслѣ именительнаго, какъ объ *ἔθος Μακεδονικὸν ἢ Θεσσαλικόν* (*ἡ κλητικὴ ἀντ' εὐθειῶν παραλαμβάνεται κατὰ Μακεδονικὸν ἔθος ἢ Θεσσαλικόν*), и въ качествѣ примѣра такого употребленія приводитъ форму *Θυέστα* вмѣсто *Θυέστης* изъ Омира. Наши этимологи (сравни Brugmann, Handb. II. 117) тоже считаютъ форму *μητιέτα* и т. п. за *звательный* падежъ (indem man diese als nominativisch gebrauchte Vocative ansehen kann).

Настоящихъ падежей греки насчитывали у себя *три* и называли ихъ *γενικὴ*, *δοτικὴ ἤτοι ἐπισταλτικὴ* и *αἰτιατικὴ πτῶσις*. Но этимологи, сопоставляя окончанія греческихъ падежей съ окончаніями санскритскихъ, совершенно вѣрно замѣчаютъ, что то, что обыкновенно называется *δοτικὴ πτῶσις*, въ сущности представляетъ собою этимологическую смѣсь изъ *собственной δοτικὴ* - изъ *собственнаго* »дательнаго« — и, выражаясь латинскимъ терминомъ, изъ local'а. Такъ, дѣйствительнымъ дательнымъ оказываются лишь формы *οἴκῳ* — *γλώσσῃ*, а формы *ποδί* — *χώραισιν* — *οἴκοισιν* и *ποσίν* суть local'ы.*)

Съ другой стороны, греческія формы *λύκοιο* и *μένε(σ)ος* находятъ себѣ въ санскритскомъ склоненіи вполнѣ соотвѣтствующіе, съ *этимологической* точки зрѣнія, genitiv'ы *vrkasya* и *manasas*. Но санскритское *as*, равняющееся греческому *ος*, появляется въ нѣкоторыхъ группахъ санскритскихъ склоненій и въ *ablativ'ѣ***) (*удалительномъ* надежѣ). Другими словами, въ санскритскомъ языкѣ въ *нѣкоторыхъ* группахъ склоненій ablativ исчезъ, и функцію его принялъ на себя *genitiv*. Можно предположить, что и *греческая γενικὴ* призахватила къ себѣ функцію *чужаго* падежа, — функцію *ablativ'а*.

Такимъ образомъ, по *нѣкоторымъ* даннымъ можно утверждать, что греческія *αἰτιατικὴ*, *γενικὴ* и *δοτικὴ* соотвѣтствуютъ этимологически, — а слѣдовательно, надо думать, и *симасіологически*, — санскритскимъ accusativ'у, genitiv'у-ablativ'у, dativ'у-local'у и — скажемъ еще — *instrumental'у*, *если* Бругманъ правъ въ объясненіи формы *λύκοις*, которое мы сообщили въ только что приведенномъ подстрочномъ примѣчаніи. Но даже если онъ не правъ, то и тогда въ нашемъ тезисѣ измѣнять нечего. Извѣстны омировскія формы, оканчивающіяся на *φιν*. Имъ находятъ этимоло-

*) Объ этомъ — общеизвѣстномъ, впрочемъ вопросѣ смотри Brugmann Handb. II. 121 и 128. Тутъ же, однако (на стр. 128.), Бругманъ указываетъ и на то, что форма *λύκοις* не произошла изъ *λύκοισι*, а что это форма *instrumental'a* pluralis. Въ такомъ случаѣ *такъ называемая δοτικὴ* была бы смѣсью изъ dativ'a, local'a и instrumental'a.

**) Brugmann Handb. II. 119—120.

гическое соотвѣтствіе въ санскритскомъ instrumental'ѣ.*) Впослѣдствіи эти формы исчезли, и ихъ функцію приняла на себя — такъ, по крайней мѣрѣ кажется съ перваго взгляда — *именно δοτική*: такимъ образомъ, она по отношенію къ instrumental'у занимаетъ такое же положеніе, какъ *γενική* по отношенію къ ablativ'у.

Въ славянскомъ языкѣ мы находимъ столько же падежей, сколько и въ санскритскомъ, за исключеніемъ удалительнаго падежа (ablativ'a), котораго въ первомъ нѣтъ. Въ этомъ отношеніи славянскій языкъ послѣдовательно провелъ у себя то, что, какъ сказано, въ санскритскомъ языкѣ замѣчается лишь въ *нѣкоторыхъ* группахъ склоненій: славянскій »родительный« принялъ на себя *вездѣ* функцію удалительнаго падежа.

Иначе распорядился своими падежами *латинскій* языкъ. Если греческій соединилъ въ одну форму съ одной стороны genitiv и ablativ, а съ другой — dativ, local и instrumental, — зато латинскій, повидимому, слилъ въ одну форму local, ablativ и instrumental, назвавъ свою форму ablativ'омъ.

Въ общемъ, на вопросъ о симасіологическомъ соотвѣтствіи падежей, въ указанныхъ четырехъ языкахъ отвѣчаетъ, — казалось бы съ перваго взгляда, — слѣдующая таблица:

греч.	*αἰτιατική*		*δοτική*		*γενική*	
слав.	винит.	дат.	предл.	творит.	родит.	
санскр.	accus.	dat.	local.	instrum.	ablat.	genit.
лат.	accus.	dat.		ablat.		genit.

По поводу приведенной таблицы нельзя обойтись безъ *одного* замѣчанія. Мы указали на то, что даже въ санскрит-

*) Окончаніе *φιν* Бругманъ *рѣшительно* провозглашаетъ за окончаніе instrumental'a: Grundr. I. 267; II. 626, 637, 715, 717, 719, 794. Что касается того обстоятельства, что въ окончаніи *φιν* не различены единственное и множественное числа, то Бругманъ, вполнѣ соглашаясь съ Дельбрюкомъ (Synt. Forsch. IV. 61), объясняетъ это устарѣлостью даннаго окончанія или вообще данной формы даже для *омировскаго* языка (es war die Form auf *φιν*, wie die Beziehung derselben auf Singular und Plural zugleich zeigt, schon für homerische Dichter eine Antiquität; Handb. II. 212).

скомъ языкѣ, въ которомъ больше всего развита численность падежей, ablativ съ genitiv'омъ этимологически отождествляются. Это касалось, однако, только *нѣкоторыхъ* этимологическихъ темъ (тема *açva*, напр., образуетъ *особую* форму для genitiv'а, *açvasya*, и особую для *ablativ'а*, *açvât*) и только *единственнаго* числа. Во множественномъ числѣ *рѣшительно* вездѣ замѣчается этимологическое отождествленіе уже не genitiv'а съ ablativ'омъ, а ablativ'а съ dativ'омъ (какъ въ dativ'ѣ, такъ и въ ablativ'ѣ мы находимъ въ множественномъ числѣ окончаніе *bhyas*). Что же касается *двойственнаго* числа, то этимологическая дифференцировка падежей даже въ санскритскомъ языкѣ достигаетъ высшей степени упрощенности. Мы не говоримъ уже о полнѣйшемъ этимологическомъ сходствѣ nominativ'а, vocativ'а и accusativ'а. Оно наблюдается — то въ болѣе узкой комбинаціи (nominativ съ vocativ'омъ), то въ *такой* же полнотѣ — *и* въ единственномъ и множественномъ числахъ какъ санскритскаго, такъ и, подавно, другихъ языковъ. Это сходство имѣетъ причину чисто *психологическую*, какъ то отчасти уже выяснено (относительно отождествленія nominativ'а съ vocativ'омъ), отчасти же выяснится и позже (относительно отождествленія accusativ'а съ nominativ'омъ въ среднемъ родѣ); не осталась безъ вліянія на него и морфологическая случайность. Судить о морфологической случайности въ *санскритскомъ* языкѣ мы не считаемъ себя компетентными, но въ греческомъ языкѣ мы ее видимъ ясно: такъ, форма nominativ'а множественнаго числа *πόλεις* — совершенно другого происхожденія, чѣмъ такая же форма accusativ'а множественнаго числа.

Итакъ, насъ интересуетъ въ двойственномъ числѣ, въ *настоящее* время, не сходство nominativ'а, vocativ'а и accusativ'а, — изъ нихъ, собственно, одинъ accusativ и есть настоящій падежъ, — насъ интересуетъ въ двойственномъ числѣ сліяніе другихъ падежей. Если санскритскій языкъ въ единственномъ числѣ кое-гдѣ отождествилъ genitiv съ ablativ'омъ, — зато въ двойств. числѣ онъ отождествилъ genitiv съ local'омъ (окончаніе тутъ вездѣ *os*); что же каса-

ется замѣченнаго въ множественномъ числѣ отождествленія *dativ'a* и ablativ'a, того же ablativ'a, который сливается въ единственномъ числѣ съ *genitiv'омъ*, то оно въ *двойственномъ* числѣ распространяется и на *instrumental* (окончаніе для *dativ'a*, *ablativ'a* и *instrumental'a* въ двойственномъ числѣ *bhyam*). Такимъ образомъ оказывается, что genitiv, dativ, local, ablativ и instrumental этимологически между собою перемѣшались въ *разныхъ* комбинаціяхъ, и что изъ *всѣхъ* косвенныхъ т. е. *настоящихъ* падежей одинъ только *accusativ* остается *внѣ* сліянія съ другими *косвенными* или *настоящими* падежами. Въ *греческомъ* языкѣ двойственное число располагаетъ для *всѣхъ* этихъ настоящихъ падежей, *за исключеніемъ* опять таки *accusativ'a*, только *одною общею* формою.

Къ какому же заключенію ведетъ тотъ фактъ, что этимологически смѣшались между собою съ одной стороны *всѣ* настоящіе падежи кромѣ accusativ'a, а съ другой — accusativ съ nominativ'омъ и vocativ'омъ? Сказать ли намъ, несмотря на вышеприведенную — правда, неоконченную — замѣтку о *психологической* причинѣ этимологическаго отождествленія *одной* изъ этихъ группъ, именно nominativ'a, vocativ'a и accusativ'a, — сказать ли намъ, что всѣ смѣшавшіеся другъ съ другомъ падежи первоначально были чѣмъ то *однимъ*, и что только *впослѣдствіи* они дифференцировались этимологически, быть можетъ, иногда и не во *всѣхъ* типахъ склоненія, но симасіологически ужъ непремѣнно *всюду*? Съ мнѣніемъ о *постепенномъ* развитіи падежей мы дѣйствительно встрѣчаемся въ литературѣ, но находитъ ли оно себѣ поддержку въ этимологическомъ смѣшеніи падежей, и какъ вообще слѣдуетъ смотрѣть на это мнѣніе?

О постепенномъ развитіи падежей опредѣленнѣе всѣхъ говоритъ H. D. Müller (Sprachb. 333—353).*) Da scheint mir — разсуждаетъ онъ — nur soviel für sicher gelten

*) *Поднятъ* былъ этотъ вопросъ, какъ извѣстно, Курціусомъ; смотри „zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung", Abhandlungen der kön. sächs. Gesellschaft der Wissenschaften, phil. hist. Classe 5. (1867). стр. 187 и слѣд.

zu müssen, dass die Entwicklung der Casusflexion nicht der allfrühesten Periode der Sprachbildung angehört ... Auch das muss von vornherein für wahrscheinlich gelten, dass die Casusformen nicht alle auf einmal entstanden sind, sondern sich erst nach und nach entwickelt haben. Später als die Casus des Sing. sind meiner Ansicht nach die pluralischen Casusformen entstanden, aus dem einfachen Grunde, weil der Pluralis selbst einer verhältnissmässig späten Periode anzugehören scheint (333). Auch die singularischen Casus sind in ältere und jüngere zu scheiden. Als die ältesten müssen natürlich die gelten, welche für die Bildung des Satzes durchaus unentbehrlich sind. Das ist zunächst der Nominativ, denn dieser dient zur Bezeichnung des Subjectes und ohne Subject kann kein Satz zu Stande kommen. Sodann der Accusativ, soweit derselbe zur Bezeichnung des reinen Objects dient, also mit Ausschluss seiner Functionen zur Bezeichnung des Ziels und der räumlichen und zeitlichen Erstreckung. Denn so lange es keinen Ausdruck für das Object gab, konnten die Verbalbegriffe nur intransitiv gebraucht werden, was dem Gedankenausdruck sehr enge Grenzen gesetzt haben würde.

Mit diesen beiden Casus konnte sich die Sprache lange Zeit begnügen, da, wenn etwa andere Casusverhältnisse ausdrücklich zu bezeichnen waren, dem Accusativ Pronominaladverbia als Präpositionen oder damals wohl als Postpositionen hinzugefügt werden konnten .... So lange aber nun diese beiden Casus bestanden, bedurfte es zu ihrer Unterscheidung gar keiner lautlichen Mittel, es genügte dazu ... schon die Verschiedenheit der Stellung vor oder hinter dem Prädicate (335). Als nun aber die übrigen Casus anfiengen sich zu entwickeln, da gab der Accusativ nach und nach an diese diejenigen Functionen ab, für deren specielle Bezeichnung dieselben geschaffen waren ... Werfen wir die Frage auf, für welches Casusverhältniss eine besondere suffixale Form zu schaffen die Sprache zunächst sich gedrungen fühlen musste, so wird ohne Zweifel das Verhältniss des attributiven Genitivs ge-

nannt werden müssen. Denn um dieses Verhältniss zu bezeichnen, bot die *Stellung* im Satze kein ausreichendes Mittel . . . Andererseits ist es nicht zu verkennen, dass die Sprache, so lange ihr eine Form für den attributiven Genitiv fehlte, selbst für höchst einfache Gedanken, wenn sie Zweideutigkeit vermeiden wollte, zu einer schwerfälligen Breite sich gezwungen sah, die auf die Dauer nicht zu ertragen gewesen wäre (345).

War nun aber die Genitivform einmal geschaffen, so hinderte nichts dieselbe auch noch anderweitig zu verwerthen. Zunächst konnte sie nach allen den Verbalbegriffen, die sich aus der Kategorie der Possessivität entwickeln, auch zur Bezeichnung des Objects dienen . . . . (347). Es war der Genitiv der erste und längere Zeit hindurch der einzige suffixale Casus und konnte, eben so wie vorher der Accusativ, so lange die Casusbildung noch nicht vorgeschritten war, alle casuellen Abhängigkeitsverhältnisse . . . vertreten (352).

Затѣмъ Мюллеръ строитъ схему предложенія, для того чтобы доказать постепенность перехода корней *формальнаго* значенія къ значенію *матеріальному* (den Übergang der *Pronominal*wurzeln zu *Begriffs*wurzeln), и это все дѣлается съ цѣлью выставить тезисъ, что падежи, окончанія которыхъ суть собственно корни *формальнаго* значенія, — что эти падежи, »mit Ausnahme des Vocativs, der aber eigentlich gar kein Casus ist, ihre Functionen *nur innerhalb des Satzes üben können,* der Satz aber, *dessen Hauptelement das Prädicat ist*, konnte eine wenn auch noch so elementare Form erst dann gewinnen, *als die Pronominalwurzeln schon anfiengen sich in Begriffswurzeln umzuwandeln.*

Во всемъ этомъ разсужденіи нѣтъ, кажется, ни одного положенія, которое не вызывало бы массу недоумѣній. На выясненіи этихъ недоумѣній мы не станемъ останавливаться. Скажемъ одно: заниматься *постепеннымъ развитіемъ* падежей значитъ забираться въ темныя области *палеонтологіи* языка, гдѣ окажешься, пожалуй, безъ почвы подъ ногами. Единственно доступная почва здѣсь не можетъ имѣть строго *фактическаго* характера, а должна оставаться при характерѣ

обще-философскомъ; на обще-философской почвѣ, однако, раскрывается нѣчто *совершенно противоположное* тому, что проповѣдуетъ Мюллеръ. Естественно предполагать, что если число »представленій«, какъ мы о нихъ, въ противоположность »отношеніямъ«, толковали на страницахъ 74-6, — если число »представленій«, долженствовавшихъ найти выраженіе въ языкѣ, было сначала невелико, а потомъ все увеличивалось съ развитіемъ человѣческаго *опыта* прежде всего, и человѣческой *мысли вообще,* — зато тѣхъ »отношеній« между »представленіями«, которыя пришлось дифференцировать языку, — а сюда принадлежатъ и »отношенія«, выражаемыя падежами, — было больше *именно* сначала, а только впослѣдствіи они упростились и сведены были къ немногимъ. Естественно полагать, что именно *сначала* эти »отношенія« напрашивались представленію мыслящаго человѣка какъ нѣчто *совершенно* разнообразное, одно съ другимъ *никакой* связи не имѣющее, а только *впослѣдствіи* то, что прежде стояло порознь и одиноко, что представлялось различнымъ, оказывалось *близкимъ* и *примыкающимъ* одно къ другому. Что численность этимологическихъ формъ эволюціею языка сокращается, это не вымыселъ, а постоянно наблюдаемая живая *дѣйствительность,* и эта живая дѣйствительность говоритъ за *насъ,* а не за Мюллера. Такъ бываетъ, пожалуй, и съ »представленіями«, которыя вызываются окружающимъ насъ непосредственно *физическимъ* міромъ: что сначала »представлялось« намъ какъ *πολλά*, то впослѣдствіи оказывается *ἕν*. Но нельзя не указать на *большую разницу* между *πολὺ физическаго* міра и между *πολὺ* »отношеній«. Въ вопросѣ объ »отношеніяхъ« человѣкъ никогда съ такимъ *πολὺ* дѣла не имѣлъ, если разумѣть то *подавляющее* своею многочисленностью и своимъ разнообразіемъ *πολύ*, которое *нашелъ* онъ, какъ нѣчто *готовое* и *ожидавшее* его при вступленіи въ физическій міръ, и среди котораго онъ является только наблюдателемъ, вѣчно колеблющимся, до безконечности мѣняющимъ свои взгляды и теряющимся отъ невозможности справиться съ этимъ разнообразіемъ сущаго. И если онъ, какъ мы раньше указали,

кое когда въ *πολλὰ* и усматриваетъ *ἕν* (на этомъ и основываются и логическія равенства, и логическія опредѣленія и логическія сказуемыя, о которыхъ мы разсуждали выше), то это не освобождаетъ отъ встрѣчи съ *новыми* »представленіями« и отъ необходимости искать и новыя *выраженія* для этихъ представленій.

Да, не такимъ представляется намъ *πολύ* въ вопросѣ объ »отношеніяхъ.« Тутъ человѣкъ былъ не наблюдателемъ чего то внѣшняго, существующаго безъ него и помимо него, тутъ онъ былъ *творцомъ* новаго, — творцомъ, который рѣшалъ свои вопросы какъ бы *разъ на всегда* въ той мѣрѣ, въ какой его понуждала необходимость, выступающая не извнѣ, но изъ *самой сущности его мысли*. И вотъ отдѣльные факты сталкиванія съ этою необходимостью, факты, отмѣчаемые имъ въ *данномъ* случаѣ, т. е. въ вопросѣ о *падежахъ*, не болѣе, не менѣе какъ *флексіею* слова, должны были казаться сначала гораздо болѣе разрозненными, чѣмъ впослѣдствіи. Надо думать, что и въ санскритскомъ, и во всякомъ другомъ флектирующемъ языкѣ первоначально *всѣ* падежи были разнородны по формамъ, и только *впослѣдствіи* нѣкоторые изъ нихъ слились въ одну форму.*) Кромѣ *соединимости* »отношеній,« слiянію формъ, вѣроятно, немало способствовали или, точнѣе говоря, самую соединимость »отношеній« *черезъ* сліяніе формъ немало поддерживали: внѣшнее *созвучіе* окончаній, излишняя *длиннота* той или иной формы, *авторитетъ* виновника этимологической упрощенности и другія, трудно поддающіяся разысканію и опредѣленію причины. Нельзя не подчеркнуть, хотя бы и лишній разъ, что упрощеніе касалось *именно* формъ, а не самой мысли. Сама мысль, при позднѣйшей формальной упрощенности языка, могла *не переставать* различать тѣ оттѣнки, которые были выражены различіемъ формъ *до* упрощенія ихъ, и которые она же сама признавала соединимыми. Я говорю »*могла* не переставать.« Это не значитъ, что *не*

*) Очень можетъ быть, что не всѣ падежи даже нами раскрыты: die Untersuchung über die einstigen Casus des Indogermanischen ist noch nicht abgeschlossen (Delbrück Synt. Forsch. IV. 62).

переставала. Иногда эти оттѣнки могли такъ сростись, что сознаніе ихъ первоначальной розни могло исчезнуть. Однако и тутъ, если сама *внутренняя* необходимость, т. е. *сущность* мысли не удерживала эту рознь постоянно на виду, заставляя сознавать первоначальные оттѣнки въ »отношеніяхъ«, то оставался еще одинъ факторъ Это — характерность оборотовъ, т. е. постоянно потворявшіяся, уже застывшія *извѣстныя* сочетанія *извѣстныхъ* словъ, — сочетанія, которыми она дорожила какъ своимъ историческимъ достояніемъ, и которыя она всегда чувствовала въ *извѣстномъ* смыслѣ, хотя бы и при немного измѣнившейся *внѣшней* формѣ какого нибудь изъ вошедшихъ въ это сочетаніе элементовъ.

Мы слышимъ возраженіе. Намъ скажутъ, что флексіи, какъ онѣ замѣчаются не только въ падежахъ, но *вообще* въ языкѣ, все же не появились *всѣ сразу*, и что если различіе »отношеній«, какъ оно выражено въ падежахъ, и было, такъ сказать, *врождено* въ мыслящую душу человѣка, то оно долго могло быть выражаемо какъ нибудь иначе, чѣмъ падежными флексіями. И въ дѣтскомъ языкѣ — скажутъ намъ — мало ли какія »отношенія« получаютъ такое или иное выраженіе *совершенно* безъ флексіи. Если такъ, то мы согласны, что Мюллеръ правъ, какъ правы всѣ, которые ставятъ подобный вопросъ. Но тогда они правы *именно* только въ *постановкѣ* вопроса, а не въ его рѣшеніи. Рѣшать его вообще врядъ ли возможно. Мало ли недочетовъ въ такомъ языкѣ, какъ дѣтскій, и мало ли какъ онъ отъ нихъ отдѣлывается; объ этихъ недочетахъ только и можно повторить то, что мы сообщили изъ Wegener'a на стр. 156. по другому поводу: es veranlasst uns der selbstische Trieb, das Sprechen eines Anderen als zweckvoll anzusehen, die Sympathie dagegen, auf das Sprechen des Anderen zu achten und dasselbe zu deuten. Во всякомъ случаѣ, мы изслѣдованіемъ дѣтскаго языка *не занимаемся.* Мы къ нему можемъ присматриваться, если возникаетъ какое нибудь недоумѣніе по уразумѣнію *развитаго* языка, но предметомъ нашего изслѣдованія все же остается *онъ*, языкъ *развитой,* языкъ,

развившійся *именно* по флектирующей системѣ, и у насъ вопросъ о *постепенной* дифференцировкѣ падежей не имѣетъ мѣста.

Если это такъ, то къ чему насъ интересовала поддержка или неподдержка теоріи о постепенномъ развитіи падежей наблюденнымъ нами выше этимологическимъ смѣшеніемъ падежныхъ формъ? Мы имѣли въ виду слѣдующее. Очень можетъ быть, — мы продолжаемъ разсуждать на той же обще-философской почвѣ, — что множественное число, какъ то признаетъ и Мюллеръ, *позднѣе* единственнаго. Очень можетъ быть, что такими словами какъ *толпа*, *бабье*, *στράτευμα* языкъ сначала *обходился* безъ множественнаго числа. Если и приходилось заниматься счисленіемъ *отдѣльныхъ* единицъ чего нибудь цѣлаго, то, какъ мы уже указывали на то по поводу числительнаго имени, «*счетная* часть рѣчи« оставалась какъ будто *внѣ* языка, *внѣ* связной мысли, а тѣ »*неопредѣленныя*« количественно — или численно-признаковыя слова могли съ полнымъ удобствомъ присоединяться и въ *единственномъ* числѣ къ словамъ *толпа* и *στράτευμα*, указывая на *многочисленность* или *малочисленность* этой толпы и этого *στράτευμα*. Быть можетъ, что двойственное число развилось *еще* позднѣе множественнаго, и тутъ открывается черезвычайно интересная сторона дѣла, говорящая опять таки больше въ нашу пользу, чѣмъ въ пользу Мюллера: Множественное число, въ общемъ, имѣетъ — это мы наблюдали только надъ *санскритскимъ* языкомъ — меньше этимологическихъ падежныхъ варіяцій, чѣмъ единственное; а двойственное, — это мы подмѣтили и на греческомъ языкѣ, — еще меньше, чѣмъ множественное. Не значитъ ли это, что во время образованія множественнаго числа падежныя отношенія уже *сливались*, и что это сліяніе пошло еще дальше во время образованія двойственнаго числа? Мы тутъ не думаемъ ничего рѣшать, мы ставимъ только вопросъ.

Но возвратимся къ нашей непосредственной темѣ и спросимъ: какія же »отношенія« выражались первоначально и продолжали выражаться въ греческомъ языкѣ падежами? — *настоящими* или такъ называемыми косвенными падежами?

По этому вопросу выработана цѣлая теорія, извѣстная подъ именемъ локалистической.

Существуетъ, впрочемъ, еще другая теорія по вопросу о значеніи падежей. Это — теорія, стоящая на почвѣ Бекеровскаго »Organism der Sprache«. Ее не безъ неимовѣрныхъ натяжекъ старается провести черезъ всю область фактическихъ данныхъ греческаго языка Kühner во *второмъ* изданіи своей Ausf. Gramm. (первоначально онъ былъ *тоже* локалистъ). Врочемъ, Kühner, какъ онъ самъ о томъ заявляетъ (Ausf. Gramm. II. 249), въ данномъ случаѣ шелъ лишь по стопамъ *другихъ, настоящимъ* же авторомъ этой теоріи является Rumpel, возставшій въ своей Casusl. противъ локалистовъ.

Кюнеръ опредѣляетъ значеніе падежей слѣдующимъ образомъ. Sowie das *attributive* Satzverhältniss zur näheren Bestimmung des Subjectes oder überhaupt eines *Substantivbegriffes* (смѣшана часть предложенія съ частью рѣчи) dient, so dient das *objective* Satzverhältniss zur Ergänzung oder näheren Bestimmung des Prädicats. Unter Object verstehen wir hier im weiteren Sinne alles das, was dem Prädicate gleichsam gegenübersteht (objectum est), d. h. auf das Prädicat bezogen wird »und dasselbe *ergänzt* oder bloss näher *bestimmt*« (повтореніе того же). Die objectiven Beziehungen... bezeichnet die Sprache a) durch die Casus; 2. durch die Präpositionen in Verbindung *mit* den Casus; 3. durch den Infinitiv; 4. durch das Particip (какъ это?); 5. durch das Adverb (248).

Der Accusativ bezeichnet die unmittelbare Ergänzung (das *unmittelbare Object*) eines Verbs (а куда же дѣвался »Prädicat«? — или Verbum и Prädicat одно и то-же? — и не долженъ ли Кюнеръ подъ »Verbum« понимать и Infinitiv, *также* дополняющійся Accusativ'омъ, — тотъ Infinitiv, который выше самъ попалъ у него въ »Object'ы«?), und zwar zunächst Ergänzung eines *transitiven* Verbs, sodann auch eines intransitiven Verbs und »intransitiven« (это — что?) Adjectivs (развѣ Adjectiv всегда есть Prädicat?). Такова *одна* формулировка явленій (см. Kühner, стр. 249).

Sowie der Accusativ zunächst die unmittelbare Ergänzung (das unmittelbare Object) eines transitiven Verbs ausdrückt, so dient der Genitiv zunächst dazu den Begriff eines Substantiv (Subject'а, что ли? — и тогда, стало быть, Genitiv является Attribut'омъ?) qualitativ oder wesentlich (это — что?) zu bestimmen. Sowie aber der Gebrauch des Accusativ sich erweiterte, und auch intransitive Verben und Adjective ihr unmittelbares Object im Accusative zu sich nehmen, so geschah diess auch bei dem Genitive und er wurde auch gebraucht, um ein *Adjectiv* (какой? — »transitiv'ный« или »intransitiv'ный« и въ какой его роли? — въ роли Prädicat'а или Attribut'а? - и куда дѣвался тутъ Subject, который, очевидно, Кюнеръ выше подразумѣвалъ или *долженъ* былъ подразумѣвать, чтобы остаться вѣрнымъ »системѣ«, подъ Substantiv'омъ) — итакъ, um ein *Adjectiv* näher zu bestimmen (а гдѣ же остался Genitiv послѣ Verbum?). Такова *вторая* формулировка явленій (см. у Кюнера стр. 284).

Während der Accusativ und der Genitiv sich nur auf einzelne Satzglieder beziehen, indem jener das Prädicat ergänzt, dieser *das Subject oder Object oder Prädicat* (этого всего мы выше не слышали) näher (*qualitativ;* а гдѣ же осталось »wesentlich«?) bestimmt, bezieht sich der Dativ auf die ganze *Satzsubstanz* (т. е. Subject, Object, Prädicat, Attribut, — все это вмѣстѣ?*) und dient zur näheren Bestimmung derselben. Im Gegensatze zu dem Accusative, dem Casus des unmittelbaren Objectes, kann der Dativ der Casus des *entfernteren* oder *mittelbaren Objectes* genannt werden; denn während der Accusativ den Gegenstand ausdrückt, der in unmittelbarer Beziehung zu dem Prädicate steht und dasselbe ergänzt, bezeichnet der Dativ den Gegenstand, der zu der im Satze ausgedrückten Handlung (развѣ Satz, или какъ выше сказано, »Satzsubstanz« служитъ для выраженія einer Handlung?) nur eine *mittelbare* Beziehung hat. Такова *третья* формулировка явленій (смотри у Кюнера стр. 347). А гдѣ же во всѣхъ этихъ формулировкахъ осталось Ad-

*) У Румпеля, какъ ниже увидимъ, подъ »Satzsubstanz« разумѣется Subject, соединенный съ Praedicat'омъ.

verbium съ его падежами? Объ Infinitiv'ѣ и Participium'ѣ мы уже не говоримъ, такъ какъ у Кюнера, несмотря на то, что онъ отождествляетъ Verbum съ Prädicat'омъ, они входятъ въ Verbum.

Такой видъ приняла на себя, въ примѣненіи къ *дѣйствительности*, т. е. въ примѣненіи къ *фактамъ*, та, казалось бы, простая и весьма стройная теорія, которую, для освѣщенія падежей, предложилъ Rumpel.

Rumpel говоритъ (Casusl. 127 и сл.): Den Accusativ, den Träger des Objects, erkennen wir als ein nothwendiges Postulat des Transitivums... Mit der Entwicklung des Transitivums aus dem Intransitivum tritt das Bedürfniss eines Objects ein; Subject und Intransitivum gestaltet sich in Subject, Transitivum und Object. Indem aber in dieser Gestaltung *das* in *zwei* gesonderte Glieder (Transitiv und Object) aus einander getreten ist, was zuerst in dem *einen* Intransitiv lag, hat *der Gedanke* (т. е. то, что выражается Satz'омъ) die Möglichkeit, sich mehr zu individualisiren, *konkreter* zu werden, als es dort möglich war. Das substanzartige, auf sich *selbst* bezogene Intransitivum hat sich dirimirt, das Prädicat stellt sich dar in einem Transitivum und dem ihm zugehörigen Object... Auch das Subject hat sein Sein mehr entwickelt und besondert; vergleiche *Cajus stirbt* und *der Sohn liest das Buch*... Soll nun der Gedanke des letzten Satzes eine bestimmtere Gestallt gewinnen, so muss ich entweder *den Sohn* oder *das Buch* näher bestimmen. Soll diese nähere Bestimmung durch ein Substantivum geschehen — und diese Seite der Entwicklung des Satzes durch *Substantiva* betrachten wir unserer Aufgabe gemäss hier *allein* (тутъ Румпель разсуждаетъ вѣрно; ибо падежъ привязанъ *прежде всего* къ существительному) — so ist es nur durch einen Genitiv möglich... Dass das Verbum auch in dem Genitiv eine nähere Bestimmung erhalten kann, gilt für unsere gegenwärtige Betrachtung soviel als die Verbindung des Transitiv mit dem Object. Es bleibt jetzt nur noch die Möglichkeit übrig, dass Subject und Prädicat als Einheit gedacht, d. h. als Satzsubstanz noch eine nähere Bestim-

mung durch das Substantiv erhalte, in der Weise also, dass dieses Substantiv sich weder vorzugsweise dem Substantiv als Subject oder Object, noch dem Verbo anschliesse, sondern dieser als *Einheit* gedachten Verbindung des Subjects und Prädicats. Dieser Casus ist der Dativ (Ablativ), als dessen nothwendige Voraussetzung wir demnach die *Satzsubstanz* zu betrachten hätten. Затѣмъ Румпель разъясняетъ, что *больше* падежей языку не нужно.

Подробно разбирать ученіе Румпеля мы не станемъ. Изъ самого того способа, какимъ его пришлось Кюнеру примѣнять къ фактамъ, можно убѣдиться въ его несостоятельности. Кромѣ того мы должны его объявить несостоятельнымъ и потому, что весь Беккеризмъ съ самаго начала объявленъ нами такимъ же. Займемся подробнѣе разборомъ локалистической теоріи.

Локалистическая теорія, какъ извѣстно, подробно разработана Hartung'омъ (Casus)*) и въ свое время находила очень много приверженцевъ. Да и не встрѣчаемся ли мы съ нею до сихъ поръ? Оно и понятно. Мыслящее существо *прежде всего* видитъ нѣчто, слышитъ и осязаетъ, причемъ видимое, слышимое и осязаемое, являясь въ видѣ представленія и служа источникомъ его мысли, прежде всего усваивается или »сознается« въ такомъ или иномъ *локальномъ* отношеніи.

Говорятъ, что человѣкъ »живетъ« въ пространствѣ *мѣста* и *времени*. Это значитъ, что онъ *«представляетъ«* все въ указанныхъ двухъ пространствахъ, но *собственно* говоря, второе, т. е. пространство времени, въ нашемъ представленіи не располагаетъ другими средствами, кромѣ тѣхъ же локальныхъ. Нами уже сказано было на стр. 176, что время представляется человѣку линіею, стало быть, — *мѣстнымъ* протяженіемъ, раздѣленнымъ подвижными границами на три части, изъ коихъ одна есть настоящее, вторая — прошедшее, а третья — будущее. Такимъ образомъ,

*) Въ сущности, локалистика — теорія давняя; сравни: И. В. Нетушилъ, о падежахъ, Харьковъ 1885 (стр. 15 и сл.).

временныя отношенія являются въ нашемъ представленіи метафорою отношеній мѣстныхъ.

А причину, — чтобы возвратиться къ тому же предмету, о которомъ мы разсуждали на стр. 76., — развѣ не »представляемъ« мы *тѣми же* средствами? Не рисуется ли она нашему воображенію чѣмъ то, отъ чего нѣчто »исходитъ« или »проистекаетъ«, не рисуется ли она *точкою,* отъ которой *движется* и какъ-бы *удаляется* въ пространство *мѣста* (времени то-жъ), само то другое, что мы, по отношенію къ *причинѣ,* называемъ »слѣдствіемъ«?

Такимъ образомъ, мѣстныя отношенія являются въ человѣческой мысли, какъ что-то *коренное* и какъ-бы *первоначальное* не только *само по себѣ* (естественно полагать, что человѣкъ, наблюдая внѣшній міръ, развиваетъ сначала способность *локализировать,* а потомъ уже начинаетъ и темпорализировать), но и какъ опора разныхъ метафоръ для представленія другихъ, уже *не мѣстныхъ,* отношеній.

Кромѣ указаннаго обстоятельства, локалистовъ поддерживала въ ихъ теоріи троица греческихъ настоящихъ падежей, — троица, которая не только своимъ числомъ, но и массою случаевъ *дѣйствительнаго* употребленія, какъ нельзя больше шла на встѣчу удовлетворенію *именно* трехъ вопросовъ, представляющихся какъ будто главными въ опредѣленіи мѣстныхъ отношеній. Это — вопросы *гдѣ, откуда* и *куда.* На вопросъ *гдѣ* представляется отвѣчающею *δοτική,* на вопросъ откуда — *γενική,* а на вопросъ *куда* — *αἰτιατική.* На дѣлѣ оказывается, что вся эта локалистика была не болѣе, не менѣе какъ увлеченіемъ, противъ котораго выступаютъ вѣскія вопервыхъ, вовторыхъ и втретьихъ.*)

Вопервыхъ, если *δοτική, γενική* и *αἰτιατική* *дѣйствительно* отвѣчали первоначально на вопросы *гдѣ, откуда* и *куда,* то зачѣмъ понадобились языку еще особыя формы съ окончаніями *θι — θεν — δε?* Не выступаетъ ли ясно

---

*) Итакъ, *еще* однимъ возраженіемъ больше противъ локалистовъ. Мы, впрочемъ, въ нашемъ возраженіи поворачиваемъ въ совершенно иную сторону, чѣмъ другіе ихъ противники.

изъ нашихъ разсужденій, что языкъ вообще не склоненъ образовывать двѣ этимологическія формы для обозначенія одного и того же, а напротивъ, готовъ скорѣе *сокращать* число этимологическихъ формъ, если то оказывается возможнымъ, т. е. если какая нибудь форма, черезъ примѣненіе къ ней того или иного тропа, не усмотрѣннаго, быть можетъ, раньше, или *вообще* черезъ открытіе »*близости*« двухъ отношеній, способна принять на себя функцію *другой* этимологической формы. Правда, *впослѣдствіи* греческій языкъ тоже »сокращалъ«, и его »сокращеніе« коснулось *именно* формы на $\vartheta\iota$ (менѣе формъ на $\vartheta\varepsilon\nu$ и $\delta\varepsilon$), но какой тутъ »тропъ« былъ примѣненъ къ дѣлу, и какая вообще близость отношеній была открыта, это *большой* вопросъ, который и придется имѣть въ виду при изслѣдованіи падежей.

Вовторыхъ, если греческій языкъ въ своихъ трехъ падежахъ (забудемъ на время о ихъ этимологическомъ происхожденіи, показывающемъ, что ихъ собственно больше, чѣмъ три; забудемъ и о существованіи формъ на $\vartheta\iota$ — $\vartheta\varepsilon\nu$ — $\delta\varepsilon$), — если онъ былъ способенъ черезъ примѣненіе метафоръ и другихъ троповъ выводить временныя, причинныя и, можетъ быть, еще какія-нибудь другія »отношенія« изъ локальныхъ, то почему не сдѣлали того же, а напротивъ, развили у себя столь много падежей языки славянскій и санскритскій, восходящіе вмѣстѣ съ греческимъ къ *одному* праязыку? Почему же самъ греческій языкъ не провелъ своего дѣла до конца и образовалъ еще какую то форму на $\varphi\iota\nu$, функцію которой уже *впослѣдствіи* приходилось перенимать другому падежу? Или падежъ на $\varphi\iota\nu$ былъ *тоже* первоначально локальный, и вмѣсто *трехъ* падежей нужно принимать въ греческомъ языкѣ *четыре,* такъ что на какой нибудь изъ *трехъ* главныхъ вопросовъ въ греческомъ языкѣ первоначально отвѣчали два падежа сразу? Такъ, дѣйствительно, объясняетъ дѣло Hartung, который и въ латинскихъ *четырехъ* падежахъ видитъ вопросы *гдѣ, куда* и *откуда,* но его объясненіе не можетъ не звучать *большою* натяжкою. Не станемъ разбирать этой натяжки, она вытекаетъ изъ сущности дѣла. Есть *три* главныхъ вопроса, представляющіе собою строгій и вполнѣ

законченный логическій рядъ, въ который не вложишь ничего четвертаго, могущаго выступить какъ выдающійся оттѣнокъ въ одномъ изъ этихъ вопросовъ. А если бы что нибудь такое нашлось, то зачѣмъ долженъ оттѣняться *особымъ* падежемъ только *одинъ* вопросъ, и почему это недоступно и для другихъ двухъ?

Въ третьихъ, наконецъ, нельзя не упрекнуть локалистовъ въ томъ, что они недостаточно внимательно обсудили вопросъ: какую, въ самомъ дѣлѣ, роль приходится играть локальности въ *мысли*, и съ *какими* собственно *задачами* нужно было справляться языку въ виду этой ея роли? Только послѣ удовлетворительнаго отвѣта на *этотъ* вопросъ, собственно, — на вторую его половину, можно рѣшить, *какъ* языкъ *на дѣлѣ* справился съ этими задачами, и тогда локалистическая теорія, какъ сейчасъ видно будетъ, рушится сама собою.

Какъ уже выяснено въ свое время, отдѣльныя *части* временнаго пространства опредѣляются *настоящимъ* временемъ, настоящее же время, въ свою очередь, опредѣляется *прежде всего* моментомъ рѣчи, стало быть, — чѣмъ то, чего нѣтъ нужды отмѣчать *особымъ* словомъ, *особымъ* средствомъ языка, и что достаточно отмѣчено самимъ *фактомъ* говоренія, самимъ *произнесеніемъ* мысли. Затѣмъ все, что мы *помѣщаемъ* въ той или иной части временнаго пространства, съ тѣмъ или инымъ видовымъ оттѣнкомъ *развитія* »дѣйствія«, — все что мы *хотимъ* или почему-либо *должны* обозначить въ языкѣ съ такою или иною временною особенностью, мы выражаемъ прежде всего черезъ *глаголъ*, т. е. черезъ ту часть рѣчи, которая въ самихъ своихъ этимологическихъ формахъ располагаетъ всевозможными средствами для того, чтобы дѣйствительно *выразить* эту временную особенность.

Конечно, время *чего нибудь, представляемаго* во временномъ пространствѣ, можно измѣрять не только моментомъ рѣчи (дождь идетъ, — идетъ въ то время, когда я *произношу* самую эту мысль, — дождь шелъ, пойдетъ дождь), но и, говоря *вообще* и имѣя въ виду не *одну* oratio obliqua,

какъ то было выше на стр. 151.. какимъ нибудь *событіемъ*, *также* представляемымъ во временномъ пространствѣ (когда мы сидѣли дома, то шелъ дождь, — шелъ какъ разъ въ *это* время). Какъ ни затруднительно отыскать въ греческомъ глаголѣ *особыя* средства для выраженія современности, преждевременности и послѣвременности,*) тѣмъ не менѣе, однако, всякій знаетъ, что и для *этихъ* оттѣнковъ языкъ *не нуждается* въ какихъ нибудь *особыхъ* словахъ, которыя должны бы *добавляться* еще къ *имѣющимся* этимологическимъ формамъ глагола, и вопросъ только въ томъ, дѣйствительно ли оба событія, время которыхъ измѣряется другъ черезъ друга, — дѣйствительно ли они оба *выражены* глаголами.

Другое дѣло, когда событіе, когда *πρᾶγμα*, служащее опорою для временнаго опредѣленія чего нибудь другого, выражено *именемъ;* конечно, это будетъ непремѣнно имя *существительное,* — матеріальное ли, или формальное (какое нибудь *τοῦτο*), это рѣшительно все равно (о *глагольномъ* имени мы здѣсь говорить не *будемъ,* — отчасти по причинѣ его двусторонности, отчасти потому, что оно только осложнило бы наше разсужденіе *понапрасну,* такъ какъ результатъ долженъ получиться одинаковый какъ *при* немъ, такъ и *безъ* него). Возьмемъ случай, гдѣ событіе, служащее опорою для измѣренія временной особенности чего нибудь другого, выражено черезъ существительное *эпоха* (напр., эпоха *возрожденія*). Благодаря этому существительному, языкъ становится въ новое, сравнительно съ прежнимъ, положеніе. Въ чемъ заключается это положеніе, мы выяснимъ скоро, а пока ограничимся заявленіемъ, что оно, въ смыслѣ *сложности,* является *крайнимъ* предѣломъ всѣхъ тѣхъ возможностей, съ которыми языку приходится считаться при обозначеніяхъ временныхъ оттѣнковъ и отношеній.

Совершенно иначе приходится разсуждать, когда дѣло идетъ о *мѣстномъ* пространствѣ: что составляло крайній предѣлъ и конечную сложность при обозначеніяхъ *времен-*

*) Сравни объ этомъ выше ту же стр. 151, подстрочное примѣчаніе.

ныхъ отношеній, съ того при обозначеніяхъ отношеній *мѣстныхъ* приходится *начинать*.

Прежде всего замѣтимъ, что если временное пространство рисовалось въ нашемъ представленіи безпредѣльною *линіею*, то мѣстное пространство должно рисоваться какимъ то безпредѣльнымъ *шаромъ*, т. е. чѣмъ то, идущимъ въ безконечность по *всѣмъ тремъ* измѣреніямъ. Затѣмъ, если безпредѣльная линія временнаго пространства сразу и какъ-бы сама собою распадается въ нашемъ представленіи *на три* части, то раздѣлится ли самъ собою на части безпредѣльный шаръ *мѣстнаго* пространства? Найдемъ ли мы въ этомъ шарѣ что нибудь, похожее на »моментъ рѣчи, отмѣчаемый самимъ *фактомъ* говоренія«, — найдемъ ли въ пустомъ шарѣ что-нибудь, что раздѣляло бы его такъ, какъ моментъ рѣчи раздѣляетъ линію временнаго пространства? Нѣтъ, и уже поэтому безпредѣльный шаръ даже *не можетъ служить* мѣрою для обозначенія мѣстныхъ отношеній. Но, быть можетъ, мы этотъ безпредѣльный шаръ какъ нибудь *ограничимъ;* быть можетъ, мы его сведемъ къ какому нибудь шару *извѣстнаго* радіуса, къ какой нибудь плоскости, *тоже* ограниченной, къ *линіи* предѣльной, или даже къ точкѣ? Тогда пришлось бы этотъ шаръ, эту плоскость, линію и точку *опять* гдѣ нибудь помѣщать, *опять* въ чемъ-то предѣльномъ, и это предѣльное въ *новомъ* предѣльномъ, и такъ до безконечности, словомъ, мы очутились бы опять въ безпредѣльномъ шарѣ и всетаки оставались бы безъ *мѣры* для обозначенія мѣстныхъ отношеній. Мы не говоримъ уже о томъ, что эти всѣ пустыя пространства нужно бы въ рѣчи обозначить какимъ нибудь *особымъ словомъ,* и что въ этомъ случаѣ никакіе глаголы не освободили бы насъ отъ пріискиванія этихъ особыхъ словъ, какъ они освобождали отъ необходимости отмѣчать особымъ словомъ линію *временнаго* пространства.

Да, какъ уже сказано, при обозначеніяхъ мѣстныхъ отношеній языкъ долженъ начинать съ того, чѣмъ онъ при обозначеніяхъ отношеній временныхъ кончалъ. Какъ тамъ, измѣрялось время одного событія черезъ время другого, —

это можно утверждать объ опредѣленіи временныхъ отношеній *вообще*, ибо и *фактъ говоренія*, черезъ который измѣряется время, есть *событіе*, только событіе, не нуждающееся въ томъ, чтобы его отмѣчать особымъ словомъ, — какъ тамъ, повторяю, измѣрялось время одного событія черезъ время другого, — я говорю »*событія*«, т. е. чего то, что само *помѣщается* въ пространствѣ времени, — такъ и здѣсь мѣсто чего нибудь одного измѣряется мѣстомъ чего нибудь другого, причемъ, разумѣется, и измѣряющее и измѣряемое должны представлять собою нѣчто, что дѣйствительно *помѣщается* въ пространствѣ мѣста. Рѣка и лѣсъ, домъ и садъ, *вотъ* предметы, настоящія *οὐσίαι*, черезъ которыя можно опредѣлить отношенія въ мѣстномъ пространствѣ, и разъ это *οὐσίαι*, то въ языкѣ опредѣляется мѣсто *всегда* уже при помощи именъ существительныхъ, и опять таки скажемъ, что если при обозначеніяхъ временныхъ отношеній мы *эпохою* кончили, то при обозначеніяхъ отношеній мѣстныхъ мы съ *сада* начинаемъ, т. е. начинаемъ съ имени существительнаго, да не съ одного, а съ двухъ сразу. Можно, пожалуй, разсуждать, что во фразѣ *мальчикъ играетъ въ комнатѣ* приводится въ мѣстное отношеніе слово *играетъ* къ слову *комната*, но играть долженъ *кто-нибудь*, а потому и въ этой фразѣ обозначеніе мѣстнаго отношенія сводится къ двумъ *οὐσίαι* (мальчикъ и комната), которыя *сами*, и притомъ *обѣ*, представляются нами въ мѣстномъ же пространствѣ.

Спрашивается: какіе оттѣнки приходится отличать при сопоставленіи двухъ, представляемыхъ въ пространствѣ мѣста, предметовъ и при опредѣленіи черезъ это сопоставленіе мѣстныхъ отношеній? Очень разнообразные: то предметъ, мыслимый въ мѣстномъ пространствѣ, находится *передъ* домомъ, то *за* домомъ, то *надъ* домомъ, то *подъ* домомъ, то въ самомъ *домѣ*, то, вообще, *у* дома или, какъ говорятъ, *около* дома, то *между* домами, то *придвигается* къ дому, то *отодвигается* отъ дома, словомъ, оттѣнковъ здѣсь столько, — и притомъ они дѣйствительно разнообразные и *не поддаются* переводу одного на другой черезъ какую

нибудь метафору, — что языку никакъ не справиться съ ними при помощи однихъ своихъ падежей, даже въ томъ благопріятномъ случаѣ, если они, какъ это видимъ въ санскритскомъ языкѣ, встрѣчаются въ бо́льшемъ числѣ; не говоримъ уже о троицѣ греческихъ падежей, не говоримъ о томъ, что эта троица оказалась состоятельною лишь благодаря сведенію нѣсколькихъ »отношеній« къ одному, — сведенію, которому, какъ сказано, оттѣнки *мѣстныхъ* отношеній не поддаются.

Языку, такимъ образомъ, понадобились слова новыя, новая часть рѣчи, которую древніе греки сначала подводили подъ общій, сборный терминъ *ἄρθρα* или *σύνδεσμοι*, но потомъ, весьма правильно, выдѣлили подъ особый, весьма выразительный терминъ *προθέσεις* = предлоги.

Я говорю, что предлоги *понадобились* языку; ихъ дѣйствительно замѣнить нечѣмъ, — нечѣмъ въ томъ, по крайней мѣрѣ, *готовомъ уже* языкѣ, который мы изслѣдуемъ, и въ тѣхъ *готовыхъ уже* языкахъ, которые мы привлекаемъ *къ сравненію*. Когда языкъ еще только созидался, то мало ли какъ онъ могъ распорядиться. Онъ могъ дѣйствительно создать столько падежей, сколько бы ихъ понадобилось въ-замѣнъ всѣхъ этихъ предлоговъ, но онъ распорядился иначе, и прибѣгъ *именно* къ предлогамъ. Положимъ, можно напр. сказать, что предлогъ *въ*, встрѣтившійся у насъ въ выраженіи *въ домѣ*, указываетъ на *средину*. Слово *средина* есть уже *имя*, есть поименованіе *τῆς οὐσίας*, чего то *самостоятельно* мыслимаго *внѣ* рѣчи и только *поддающагося* соединенію въ связной мысли, — есть имя *существительное*, есть *названіе внѣ* рѣчи того, на что предлогъ »въ« *въ рѣчи* только *указываетъ*. Разъ такое названіе нашлось, то можно *имъ* или, точнѣе говоря, какимъ нибудь его падежемъ, замѣнить предлогъ. Такъ, вмѣсто *въ саду* русскіе говорятъ, хотя все же съ нѣкоторымъ новымъ оттѣнкомъ, *среди сада; среди* есть несомнѣнно *падежъ* имени *существительнаго*, — существительнаго *средь*, образованнаго по аналогіи существительныхъ *глубь*, *ширь* и др. Но есть такіе предлоги, — между приведенными выше они со-

ставляютъ большинство, которые *»указываютъ въ рѣчи«* на нѣчто, чему *»внѣ рѣчи названія«* не пріищешь. Какъ напр. назвать именемъ существительнымъ то, на что указываетъ предлогъ *надъ* въ выраженіи *надъ домомъ?*

А теперь мы и можемъ вернуться къ нашей »эпохѣ (возрожденія)«, чтобы окончить, чего мы раньше не досказали. Если средства, которыми наше воображеніе располагаетъ для представленія *самого временнаго пространства*, въ сущности одинаковы съ тѣми, черезъ которыя мы представляемъ пространство мѣста; если линія, черезъ которую мы представляемъ *самое время*, есть та же геометрическая величина, какъ пустой шаръ или иное въ этомъ родѣ, черезъ что мы представляемъ самое пространство мѣста: то и временныя *»отношенія«*, т. е. такое или иное сопоставленіе *событій*, помѣщаемыхъ въ пространствѣ времени (сравни выше стр. 226), могутъ быть выражены черезъ тѣ же синтаксическія схемы, *если только* сами событія обозначены черезъ имена существительныя, а не при посредствѣ *глаголовъ*; я говорю *»при посредствѣ«* глаголовъ, а не *»черезъ«* глаголы, такъ какъ глаголъ *кромѣ* событія или »дѣйствія« отмѣчаетъ въ себѣ еще и лицо, которому это событіе присуждается, и служитъ выраженіемъ самого *присужденія*, съ отнесеніемъ его къ тому или иному времени и съ обозначеніемъ той или иной его *квалитативности*. Такимъ именемъ существительнымъ является наша »эпоха (возрожденія)«. А потому мы и при измѣреніи времени *одного* событія черезъ время другого можемъ употребить предлоги и сказать: *до* эпохи (возрожденія) случилось *то-то*, *въ* эпоху (возрожденія) случилось *то-то* и т. д. Для обозначенія *мѣстныхъ* отношеній необходимы были *два* имени существительныхъ, такъ какъ требовались для этого и двѣ *οὐσίαι*; здѣсь *второе* существительное не есть conditio sine qua non. Хотя въ приведенныхъ нами примѣрахъ и можно, пожалуй, найти второе существительное, — во фразѣ *въ эпоху возрожденія случилось то-то* слово *то-то* есть формальное имя *существительное*, — но мы могли бы также сказать *въ эпоху* (*возрожденія*) *развилось* (*искусство въ та-*

комъ то направленіи); ибо предлогъ ставится и при обозначеніи *временныхъ* отношеній только при *одномъ* существительномъ, не иначе какъ и при обозначеніи *мѣстныхъ* отношеній, а потому тутъ только *одно* существительное и необходимо, *второе* же событіе можетъ перейти въ *глаголъ*,*) т. е. въ такую часть рѣчи, въ которую ужъ никакъ не можетъ перейти предметъ, представляемый въ *мѣстномъ* пространствѣ, другими словами, — въ которую ужъ никакъ не можетъ превратиться *второй* предметъ, необходимый при опредѣленіи *мѣстныхъ* отношеній.**) Разумѣется, во фразѣ *въ эпоху (возрожденія) развилось (искусство въ такомъ то направленіи)* само *опредѣленіе временныхъ отношеній,* о которомъ въ настоящее время идетъ рѣчь, относится не ко *всему* глаголу *развилось*, а только къ слову *развитіе*, т. е., чтобы возвратиться къ нашей симасіологической схемѣ глагола, къ члену *a* этой схемы, даже, пожалуй, безъ залоговыхъ и видовыхъ ея оттѣнковъ.

Вотъ гдѣ, собственно, языкъ получаетъ *настоящее* средство для обозначенія преждевременности, современности и послѣвременности; это — въ самихъ *предлогахъ*, когда хоть *одно* изъ сопоставляемыхъ между собою »дѣйствій« или событій выражено именемъ *существительнымъ* (*до* эпохи, *въ* эпоху, *μετὰ τὴν κατάστασιν*). Сопоставляя событіе съ событіемъ, мы часто думаемъ не только о *временныхъ* отношеніяхъ этихъ событій, но еще и кое о чемъ другомъ, и предлоги, такимъ образомъ, дѣлаются невольными выразителями этого другого. Что же мы вносимъ еще въ такое сопоставленіе событія съ событіемъ? Это —

1. при оттѣнкѣ преждевременности *причинная* связь, т. е. психо-логическая***) *послѣдовательность* (*послѣ*

---

*) Въ переводѣ на языкъ механическихъ правилъ это значитъ, что »предлоги могутъ встрѣчаться и *послѣ глаголовъ*.«

**) На стр. 97 мы, — выражаюсь брахилогически, — не изъ дерева дѣлали глаголъ, а только изъ его признаковъ.

***) Мы сказали бы »*логическая*«, но логика, *формальная* логика, »причины« не знаетъ. Греческихъ примѣровъ я тутъ не привожу потому, что мы греческихъ предлоговъ еще не разбирали.

этихъ *словъ* я ожидаю отъ него самаго правильнаго *отношенія* къ дѣлу), а то и психо-логическая *непослѣдовательность* (*послѣ* этихъ словъ, дышащихъ честностью, онъ совершилъ такое грубое *вѣроломство*).

2. При оттѣнкѣ современности — также причинная связь *обоихъ* родовъ (*закипѣла* у него работа *при* спокойномъ *настроеніи* духа; какъ это онъ, *при* свойственной ему *энергіи*, выказалъ такую *нерѣшительность* въ данномъ дѣлѣ!), но кромѣ того и представленіе »сопутствующаго обстоятельства,« т. е. чего то, *подчиненнаго* главному событію и придающаго послѣднему извѣстную *окраску* (эти слова были *сказаны* при большомъ *стеченіи* народа), а то и просто представленіе »*образа*« дѣйствія (эти слова были *сказаны съ раздраженіемъ*).

3. При оттѣнкѣ послѣвременности — опять таки *причинная* связь, которая въ данномъ случаѣ сводится къ представленію *цѣли*, если само послѣвременное событіе еще не исполнилось (*мѣропріятія къ уничтоженію* зла), или же къ представленію *слѣдствія*, если послѣвременное событіе уже исполнилось (онъ *трудился съ* большою *пользою* для дѣла); возможно тутъ и представленіе *предѣловъ* »*образа*« дѣйствія (онъ *занимается до изнеможенія*).

Конечно, временныхъ оттѣнковъ гораздо меньше, чѣмъ оттѣнковъ мѣстныхъ, которыхъ такъ много, что даже предлоговъ не хватаетъ для ихъ обозначенія. Хорошо еще, если въ языкѣ находится слово, *поименовывающее* то отношеніе, которое нужно выразить въ мѣстномъ оттѣнкѣ. Выше мы нашли слово *средъ*, падежемъ котораго можно было замѣнить до *нѣкоторой* степени или, точнѣе говоря, съ нѣкоторымъ *плюсомъ* въ оттѣнкѣ, *существующій* предлогъ. Въ иныхъ случаяхъ выступили такія »названія« отношеній, что въ предлогѣ языкъ даже не ощущалъ нужды и *не выработалъ* ихъ, полагаясь на имена существительныя, т. е. на эти »*названія* отношеній«. Примѣръ такого явленія представляетъ русское *кругъ* въ выраженіи *кругомъ стола*. Въ большинствѣ же случаевъ, — особенно, когда нужно выразить болѣе сложный оттѣнокъ, — приходится сочетать тотъ же

предлогъ съ именемъ существительнымъ. Такъ, говорятъ *вблизи* (въ + близь) *стола*, *около* (о + коло) *стола*, *посреди* (по + средь) *стола*, а то даже *вдали отъ* (въ + даль + отъ) *стола*. Сочетаютъ и предлогъ съ предлогомъ; сравни *изъ-подъ стола*. Этимъ же пріемомъ пользуется языкъ (нужды особенной въ этомъ не было, но разъ пріемъ выработался въ одномъ случаѣ *по необходимости*, то почему же имъ не воспользоваться и для другихъ случаевъ), — пользуется, повторяю, и для обозначенія *временныхъ* оттѣнковъ: *по окончаніи* войны, *во время* войны и т. д.

Мы слышимъ возраженіе: оборотъ *по окончаніи* не есть то же самое, что выраженіе *около;* слово *окончаніе* есть самостоятельное и *дѣйствительное* имя существительное, а слово *коло* въ смыслѣ *самостоятельнаго* имени существительнаго *не употребляется*. Да, не употребляется, но и только, а *предположить* его во всякомъ случаѣ можно, дальнѣйшее же можетъ быть выяснено лишь въ концѣ нашего изслѣдованія, когда мы дойдемъ до такъ называемыхъ »нарѣчій«.

До сихъ поръ мы говорили о сопоставленіи, при посредствѣ предлоговъ, предметовъ, мыслимыхъ въ *мѣстномъ* пространствѣ, и событій или дѣйствій, мыслимыхъ въ *временномъ* пространствѣ. А если сопоставить *качество* съ *качествомъ*, или *количество* съ *количествомъ*, или *число* съ *числомъ*, не въ видѣ *признаковъ* чего нибудь и не въ формѣ признаковыхъ именъ, а какъ *οὐσιας*, *самостоятельно* мыслимыя и выраженныя черезъ имена *существительныя;* если сопоставить напр. доброту (одного человѣка) съ добротою (другого), или широту (одного предмета) съ широтою (другого), вообще *геометрическую* величину съ *геометрическою* же величиною, или пятерку съ сотнею: то представимо ли, чтобы доброта-широта-такое то число стояли *надъ* другими добротою-широтою-числомъ, или *подъ* ними, или шли *съ* ними рядомъ, или *за* ними, или приближались *къ* нимъ, или удалялись *отъ* нихъ? Конечно — да, и не только доброта-широта-число могутъ быть измѣряемы другъ черезъ друга при посредствѣ предлоговъ, но и сами *люди*, сами *пред-*

меты, сами *кучи* могутъ, при посредствѣ предлоговъ, быть сравниваемы другъ съ другомъ по качеству, количеству и числу. Такъ далеко заходитъ метафористика предлоговъ, придуманныхъ первоначально для обозначенія *мѣстныхъ* отношеній.

Да, мы такъ такй не избѣгли этихъ крайне деликатныхъ вопросовъ о »*постепенномъ* развитіи« если не падежей, то частей рѣчи, и хотя мы не рискуемъ утверждать, что предлоги были выработаны языкомъ раньше другихъ частей рѣчи, но мы въ правѣ сказать, что предлоги удовлетворяютъ самую *примитивную* потребность въ движеніи человѣческой мысли; ибо локализированіе есть нѣчто, что у человѣка, кажется, не только предшествуетъ темпорализированію, но *вообще,* какъ у ребенка, такъ и, надобно полагать, въ »*историческомъ*« человѣкѣ развивается и развивалось очень рано и чуть ли не сразу во *всей* той сложности, которую мы нарисовали. быть можетъ, и не сполна, на стр. 228. Согласно тому, что предлоги должны были быть, такъ сказать, изготовлены на скорую руку, чтобы удовлетворить насущную и первую потребность человѣка, — согласно этому они и носятъ характеръ *неразвитыхъ*, если такъ можно выразиться, словъ. Какое нибудь *за*, или *по*, *въ*, *о*, *на* и т. д. не имѣютъ ни *малѣйшаго* признака флексіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ они чувствуются какими то *чисто* указательными словами, чуть ли не требующими, чтобы ихъ сопровождалъ жестъ, »*наглядно*« показывающій то мѣстное отношеніе, которое ими самими выражено. И конечно, разъ *они* были на лицо, то въ падежахъ, какъ выразителяхъ *мѣстныхъ* отношеній, языкъ *не нуждался,* а если онъ все-таки выработалъ падежи, то это значитъ, что они ему были нужны для чего то другого. Для чего?

Теорію Румпеля мы отвергли. Теорію Hartung'а тоже. Другіе теоретики представляютъ намъ по вопросу о падежахъ какую то смѣсь изъ локалистики и Беккеризма, быть можетъ, и съ прибавленіемъ еще чего то *третьяго,* но во всякомъ случаѣ желательно было бы — и отъ локалистики, и отъ Беккеризма *совсѣмъ* освободиться. При этомъ нужно

замѣтить, что упомянутая смѣсь проявляется въ теоріи о падежахъ не въ томъ смыслѣ, что одинъ падежъ опредѣляется съ Беккеровской точки зрѣнія, другой съ локалистической, третій съ третьей, а что въ каждомъ отдѣльномъ падежѣ проведены *разныя* начала. Это разнообразіе началъ доводитъ до слѣдующаго разсужденія: Es ergiebt sich von selber, — говоритъ Курціусъ (Erl. 160), — dass wir uns vor allzu scharfen Definitionen der einzelnen Casus und vor dem Wahne zu hüten haben, als bestände die Wissenschaftlichkeit der Darstellung darin, die Mannigfaltigkeit des Gebrauchs durch gewaltsame Mittel auf eine strengfesthaltene eng umgränzte Einheit zurückzuführen. *Плачевное* состояніе der wissenschaftlichen Darstellung!

Лучше всего справляется съ этимъ разнообразіемъ Hübschmann. Онъ накладываетъ на всѣ падежи схему очень строго выдержанную и простую. Разобравъ всю исторію теоріи падежей, начиная отъ греческихъ грамматиковъ-философовъ и вплоть до нашего времени, онъ говоритъ (Casusl. 131–7): Die Casus zerfallen in grammatische und nicht grammatische. Erstere sind Nominativ, Accusativ, Genitiv, letztere Locativ, Dativ und Instrumental. Zu welchen von beiden der Dativ seiner ursprünglichen Bedeutung nach gehört, ist noch zweifelhaft. Durch den Nominativ wird das Nomen als Subject des Satzes bezeichnet . . . Der Accusativ giebt das Wort in seiner allgemein abhängigen, obliquen Stellung im Satze, durch die es ganz allgemein als zum Prädicat gehörig bezeichnet wird. Welcher Art diese Zugehörigkeit sei, welche die logisch bestimmte Beziehung des Nomens zum Verbum sei, wird durchaus nicht angedeutet und ist aus der grammatischen Form schlechterdings nicht zu ersehen . . . Im Genitiv erscheint etymologisch der Nominalbegriff nicht rein an sich, sondern in *Beziehung* und zwar in enger Beziehung *zu etwas Anderem.* Dieses Andere ist ein Demonstrativ-Pronomen und deutet als solches naturgemäss auf ein Nomen (стало быть, когда я говорю *дерева*, то слово *дерева* имѣетъ отношеніе къ словамъ *то-то*, *вотъ это*, *вотъ что*, и эти слова *то-то* и т. д. указы-

ваютъ на какое нибудь *кусокъ, ростъ* и т. п.). Je nachdem dieses Nomen gesetzt ist oder nicht, erscheint der Genitiv als adnominal oder adverbial, ist aber doch *eigentlich adnominal* (стало быть, если я говорю *дай хлѣба,* то слово *хлѣба*, хотя и зависитъ отъ глагола *дай*, но *собственно* имѣетъ отношеніе къ слову, напр, *кусокъ*) .... Die nichtgrammatischen Casus, Locativ, Ablativ, Instrumental dienen zum Ausdruck des *Wo*, *Woher*, *Womit* in räumlicher, zeitlicher und übertragener Beziehung ... Der Dativ könnte in einigen seiner Gebrauchsweisen sehr gut als Wohincasus gefasst werden. Er würde dann den neben den Casus des *Wo* und *Woher* uns fehlenden Casus des *Wohin* ersetzen und seinen Gegensatz im Ablativ finden .... In anderen Fällen erscheint freilich der Dativ als der Casus, welcher ausdrüct, dass dem Nomen die Aussage des Prädicats oder des ganzen Satzes gelte, und es ist schwierig diese Bedeutung aus der des *Wohin* plausibel herzuleiten.

Какъ видно, Hübschmann справляется со всѣмъ разнообразіемъ въ теоріи падежей такимъ образомъ, что для однихъ онъ отводитъ Беккеровское, а для другихъ локалистическое начало. Мы сказали, что онъ справился съ нимъ *хорошо*. Но послѣ нашихъ разсужденій, я думаю, всякій скажетъ, что онъ сдѣлалъ въ сущности то же, что дѣлаютъ съ гнилымъ зданіемъ, когда подставляютъ подъ него *подпорки*. Только *подпорки* у него хороши, а зданіе осталось гнилымъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что если бы пришлось эту теорію провести по всѣмъ *фактамъ*, то съ нею выйдетъ почти то же самое, что вышло у Кюнера съ примѣненіемъ къ фактамъ теоріи Румпеля.

Послѣдній синтаксистъ нашего времени, Дельбрюкъ, весьма обязанный многимъ изъ своего ученія о падежахъ, какъ на то самъ указываетъ, знаменитому Pāṇini и постоянно ссылающійся на высокоцѣнимое имъ сочиненіе своего же ученика Gädicke (Accus.), высказывается о падежахъ такъ (см. Grundr. III. 182—188):

Der Ablativ bezeichnet den Ausgangpunkt der Handlung.

Der Locativ bezeichnet das *in innerhalb* des Raumes.

In den Instrumentalis trat derjenige Substantiv-begriff, *mit dem zusammen* der Träger der Handlung diese vollzog.

Особенно слѣдуетъ обратить вниманіе на слова Дельбрюка, относящіяся къ Dativ'y (Grundr. III. 185): Ich habe K. Z. 18. 100 ff. ausgeführt, dass die Grundlegung des Dativs sei: die körperliche Neigung nach etwas hin, und habe deutlich zu machen gesucht, wie dieser Casus oder eigentlich die in ihm enthaltene *Präposition* wohl in der Urzeit entstanden sein möchte. Da ich jetzt *ein entschiedenes Misstrauen gegen glottogonische Hypothesen hege* (ими вообще злоупотребляютъ въ области синтаксиса) und nicht mehr glaube, dass sich aus den Casus Präpositionen loslösen lassen (да *предлоги* ли, въ самомъ дѣлѣ, падежныя окончанія?), so fällt diese Darlegung jetzt für mich nicht mehr ins Gewicht. *Auch von einer allgemeinen Vorliebe für lokalistisch gefärbte Erklärungen,* die ich damals wohl hatte, *weiss ich mich jetzt frei*; und ich sehe mich daher jetzt bei der Entscheidung zwischen den beiden Möglichkeiten der Auffassung lediglich auf eine Befragung der Überlieferung angewiesen. Diese aber scheint mir für die *geistige* Auffassung zu entscheiden. Es spricht für sie der Umstand, dass in den Dativ ganz überwiegend *Personen* treten.

Въ Genitiv'ѣ Дельбрюкъ различаетъ употребленіе при глаголахъ и употребленіе при именахъ. При глаголахъ, по его мнѣнію, Genitiv имѣетъ мѣсто, wenn der Verbalbegriff nicht auf den *vollen* Umfang des Substantivs bezogen werden sollte (стр. 187.), а о Genitiv'ѣ при именахъ онъ выражается такъ (стр. 333.): Von der Kategorie des partitiven Genitiv kann sich der sonstige adnominale Genitiv entwickelt haben. Wer mir in dieser Auffassung nicht folgen mag, wird wenigstens so viel zugestehen, dass es nicht angeht, zum Verständniss des adnominalen Genitiv einen allgemeinen schattenhaften Begriff der Zugehörigkeit an die Spitze zu stellen, aus dem dann die einzelnen Gebrauchsweisen zu deduciren wären.

In den Accusativ tritt derjenige Substantivbegriff, welcher von dem Verbalbegriff *am nächsten und vollständigsten betroffen wird.* In dieser Fassung liegt zugleich ein

Gegensatz gegen andere Casus angedeutet, und zwar in dem Worte *betroffen* der Gegensatz gegen Nominativ (въ Nominativ'ѣ Дельбрюкъ видитъ нѣчто, что не есть betroffen, а само »betrifft«), im *nächst* gegen Dativ (на Dativ указывается черезъ это противопоставленіе какъ на *»дальнѣйшее* дополненіе«), im *vollständigst* gegen Genitiv (имѣется въ виду *partitiv'ность* Genitiv'а).

Итакъ, — нѣчто, какъ *точка исхода* для дѣйствія; *внутреннее пространство* того или иного »нѣчто« (нельзя сказать, чтобы тутъ имѣлся въ виду вопросъ *гдѣ;* на вопросъ *гдѣ* можно отвѣтить и указаніемъ на *поверхность* и мало ли еще чѣмъ); нѣчто, *какъ содѣйствующее* дѣятелю; нѣкто (in den Dativ treten ganz überwiegend *Personen*), какъ *имѣющій »дальнѣйшее отношеніе«* къ дѣйствію (собственно, тутъ сказано не *къ дѣйствію,* а *zum Verbalbegriff*); нѣчто въ *частичномъ* своемъ видѣ (это, впрочемъ, сказано о Genitiv'ѣ не съ достаточною твердостью, по крайней мѣрѣ, не съ достаточною твердостью въ случаяхъ *adnominal'наго* положенія Genitiv'а); нѣчто, *какъ непосредственно и сполна затронутое* дѣйствіемъ (von dem Verbalbegriff), — вотъ формулировки Дельбрюка для выясненія значеній Ablativ'а, Locativ'а, Instrumental'а, Dativ'а, Genitiv'а и Accusativ'а. Тутъ *впервые,* т. е. впервые въ разработкѣ всѣхъ падежей *вмѣстѣ,* всей падежной *системы,* нѣтъ ни Беккеризма, ни локалистики.

Нельзя сказать, чтобы спекулятивная сторона въ трудѣ Дельбрюка была особенно развита. Что же касается самихъ *фактовъ,* т. е. того *фразеологическаго* матеріала, который имѣетъ отношеніе къ опредѣленію значенія падежей, то употребленіе *предлоговъ* съ тѣмъ или инымъ падежемъ у Дельбрюка *совсѣмъ* не принято во вниманіе, когда онъ рѣшаетъ эту важную симасіологическую задачу. Дельбрюкъ въ данномъ случаѣ поступаетъ такъ, какъ поступаютъ обыкновенно составители грамматикъ. Предлоги и у него разбираются тогда, когда задача объ опредѣленіи значенія падежей уже рѣшена. Мы намѣрены съ предлоговъ и ихъ падежей *начать.* Съ одной стороны мы думаемъ черезъ

это воздержаться отъ локалистическихъ увлеченій въ теоріи *падежей,* такъ какъ локалистику, судя по всѣмъ нашимъ разсужденіямъ, вполнѣ удовлетворяютъ *сами предлоги,* а съ другой — группа предлоговъ — очень невелика, по численности своей совершенно опредѣленна, слѣдовательно, – и вполнѣ *обозрима,* а это черезвычайно важно для самихъ падежей. Намъ представляется, что если мы пойдемъ по намѣченному здѣсь плану, то все наше дѣло сведется къ формулѣ математическаго уравненія $A = b \times x$. Буква A въ этой формулѣ обозначаетъ общую мысль, выраженную предлогомъ и его падежемъ, и эту общую мысль, кажется намъ, легче будетъ усвоить въ »*предлоговыхъ*« оборотахъ, чѣмъ въ остальномъ фразеологическомъ матеріалѣ, — легче будетъ его усвоить въ нихъ опять таки по *обозримости* ихъ фразеологическаго матеріала.*) Подъ буквою b въ нашей формулѣ отмѣчены *сами предлоги,* легко опредѣлимые *помимо* падежей (раньше сказано, что предлоги какъ будто въ падежныхъ флексіяхъ и не нуждаются). Такимъ образомъ, буква x въ нашей формулѣ легко можетъ оказаться *настоящимъ* x, то есть *дѣйствительно однимъ* только »неизвѣстнымъ« во всемъ уравненіи, и очень можетъ быть, что намъ удастся кое-гдѣ хоть отчасти *рѣшить* это неизвѣстное. Правиленъ ли будетъ нашъ результатъ или нѣтъ, но мы предупреждаемъ, что онъ будетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ иной, чѣмъ у Дельбрюка.

Итакъ, мы не окончили еще *одной* части рѣчи и переходимъ къ другой. Такъ насъ ведетъ самое дѣло. Поэтому мы и назвали настоящій отдѣлъ *первымъ* отдѣломъ объ имени. За разборомъ предлоговъ послѣдуетъ *второй* отдѣлъ объ имени. Переходимъ къ предлогамъ.

---

*) Этотъ фразеологическій матеріалъ прекрасно подготовленъ всевозможными словарями, начиная съ капитальнѣйшаго труда H. Etienne.

IV.

Предлоги.

Ἐν — εἰς — ἐξ. *Ἐν* указываетъ на нахожденіе чего-нибудь въ предметѣ, *εἰς*, — на движеніе — опять таки »*чего нибудь*« — въ предметъ, а *ἐξ* — на движеніе чего нибудь изъ предмета. Во всѣхъ трехъ случаяхъ самъ предметъ, — а къ названію его, т. е. къ его имени *существительному,* и присоединяется тотъ или иной изъ нашихъ трехъ предлоговъ, — оказывается »*помѣщающимъ*« въ себѣ то »что-нибудь«, о которомъ мы въ каждомъ изъ этихъ случаевъ упоминали рядомъ съ »*предметомъ*«.

Если »помѣщающимъ« предметомъ является *рядъ* индивидуумовъ, то »помѣщаемое« представляется чѣмъ-то, *разрѣзающимъ* этотъ рядъ: *ἐν ἀνδράσι* = среди мужей, *εἰς ἄνδρας* = средь мужей, *ἐξ ἀνδρῶν* = изъ среды мужей.

Если »помѣщающій« предметъ является плоскостью (такою напр. можетъ представляться земля), или линіею (напр. какое-нибудь »событіе«, совершающееся во *временномъ* пространствѣ; точно также напр. подъ *πόντος Εὔξεινος* можно разумѣть не море, а *берегъ* моря, т. е. линію), то »помѣщеніе« на немъ относится къ *центру* или, лучше сказать, не къ *краю* этой плоскости и не къ конечной точкѣ этой линіи: *ἐν τῇ γῇ* = на землѣ, *ἐκ τῆς γῆς* = съ земли, *εἰς τὴν γῆν* = на землю, *ἐν τῷ δείπνῳ* = во время обѣда, *πόλις οἰκουμένη ἐν τῷ Εὐξείνῳ πόντῳ* = городъ, устроившійся на Евксинскомъ понтѣ, т. е. на его берегу.

Но »предметъ«, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, можетъ представляться и точкою. Тогда вообще о »помѣщеніи« *трудно* говорить (ибо какъ можетъ »помѣщать« въ себѣ что нибудь *точка?*), и ἐξ указываетъ просто на »предметъ« какъ на terminus a quo, а εἰς — на »предметъ« какъ на terminus ad quem (предлогъ ἐν до такого *ослабленія* или, лучше сказать, полнаго *уничтоженія* представленія о »помѣщеніи« не дошелъ). Такъ, говорятъ напр.: *ἐκάλυψε νεκὺν ἐς πόδας ἐκ κεφαλῆς* (Il. ψ 168) = съ головы до ногъ; *ἐκ ῥαθυμίας* = отправляясь отъ легкомыслія = вслѣдствіе легкомыслія; *ἐκ δείπνου* = съ обѣда = послѣ обѣда; *εἰς ἑσπέραν* = до (самаго) вечера. *Точкою* представляется, несомнѣнно, та цифра, которою мы опредѣляемъ крайній предѣлъ какого нибудь числа, когда мы его *не провѣрили* и *не сосчитали* по единицамъ (*εἰς χιλίους* = до тысячи = не больше тысячи = около тысячи). Представленіе *точки,* повидимому, вызывалось у грековъ всѣми тѣми случаями въ родѣ »*ἀμέλεια εἰς τὸ πρᾶγμα*«, въ которыхъ εἰς чувствуется въ значеніи русскаго »*касательно* чего нибудь« (русское *касательно,* думаемъ, вполнѣ способно нарисовать ту картину, которую въ данномъ случаѣ рисуетъ греческое εἰς).

При ἐξ ставится *γενικὴ*, при *ἐν* — *δοτικὴ*, а при εἰς — *αἰτιατικὴ πτῶσις*. Было бы опрометчиво выводить изъ этого заключеніе, что *γενικὴ* обозначаетъ *удаленіе, δοτικὴ* — *спокойствіе* и *αἰτιατικὴ* — *придвиженіе.* Удаленіе, спокойствіе и придвиженіе обозначены самими предлогами ἐξ, ἐν и εἰς, а если при одномъ изъ нихъ стоитъ такой, а при другомъ иной падежъ, то это обстоятельство имѣетъ для насъ лишь тотъ смыслъ, что *γενικὴ, δοτικὴ* и *αἰτιατικὴ* идутъ своими значеніями, такъ сказать, *навстрѣчу* предлогамъ и, съ своей стороны, содѣйствуютъ нарисованію *общей* картины, вызвавшей появленіе *предлога.* Они идутъ, — такъ нужно разсуждать *пока,* чтобы не сдѣлать ошибки, — навстрѣчу предлогамъ не иначе, чѣмъ идутъ имъ навстрѣчу *сами глаголы,* появляющіеся при нихъ. Можно ли сказать, что »*ἔπαιζον*« въ выраженіи »*ἔπαιζον ἐν τῇ παλαίστρᾳ*« есть глаголъ

спокойствія? И если бы мы, позволивъ сбить себя предлогомъ *ἐν*, даже и рѣшились согласиться съ этимъ, то насъ бы застала врасплохъ фраза »*ἔπαιζον εἰς τὴν ἑσπέραν*«. А въ выраженіи »*ἦλθον ἐκ τῆς πόλεως*«, можно ли *ἦλθον* назвать глаголомъ удаленія? Хорошо, если *ἦλθον* осложнится въ *ἐξῆλθον*; но стоитъ послѣднему появиться въ сочетаніи *ἐξῆλθον εἰς τὴν πόλιν* (*ἐξέπεσον εἰς τὰ ὄρη*), и мы опять въ недоумѣніи. Кстати замѣтимъ, что этихъ глаголовъ можетъ и не оказаться. Сравни *οἱ ἐν τῇ πόλει, οἱ ἐκ τῆς πολεμίας γῆς* = *нѣкіе люди* (это выражено въ формальномъ существительномъ *οἱ*; объ этомъ, впрочемъ, ниже), *пребывающіе въ* (это выражено въ *ἐν*) *городѣ*, — *исшедшіе изъ* (это выражено въ *ἐκ*) *непріятельской земли.*

Да, изъ того, что падежи своими значеніями »идутъ навстрѣчу предлогамъ ради достиженія *общей* картины«, не нужно пока *ничего* извлекать для *опредѣленія* этихъ значеній. Есть даже случаи, гдѣ мы недоумѣваемъ, какъ *понять* эту общую картину, и падежи, несмотря на то, что »*идутъ* навстрѣчу предлогамъ« и могли бы насъ освободить отъ этого недоумѣнія своимъ значеніемъ, молчатъ, — по крайней мѣрѣ, *пока.* Мы не знаемъ, напр., какъ толковать извѣстное омировское *τρὶς δὴ τίκτει μῆλα τελεσφόρον εἰς ἐνιαυτόν* (Od. δ 89). Или *ἐνιαυτός* есть точка, т. е. подъ *ἐνιαυτός* нужно разумѣть *окончаніе* года, а тогда *εἰς ἐνιαυτόν* имѣетъ значеніе вышеприведеннаго *εἰς ἑσπέραν* (= три раза *до* окончанія года), или это *линія,* т. е. подъ *ἐνιαυτός* нужно разумѣть *полный* годъ. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, *εἰς*, обозначая вхожденіе троекратнаго рожденія въ эту линію, получило бы отъ *падежа* слова *ἐνιαυτός*, т. е. отъ самой *αἰτιατική*, нѣчто весьма *цѣнное* для нарисованія общей картины, а именно, что *все* протяженіе линіи, намѣченной словомъ *ἐνιαυτός*, только *три раза* имѣетъ соприкосновеніе съ *τόκοι;* другими словами, *αἰτιατική* обозначала бы, что выраженнымъ въ ней предметомъ, во *всемъ* его объемѣ и *цѣликомъ* распорядилось *извѣстнымъ* образомъ то явленіе, которое указано *внѣ τῆς αἰτιατικῆς*. Въ самомъ дѣлѣ, если

принять ἐνιαυτός за линію, то вся фраза несомнѣнно имѣетъ смыслъ русскаго *три раза »въ годъ« рождаются μῆλα*, т. е. *на всемъ протяженіи происходитъ нѣчто три раза*, и внесеніе въ общую картину представленія о *всемъ* протяженіи ужъ никакъ не было бы вызвано предлогомъ εἰς, а выпало бы на долю *именно* »идущей ему на встрѣчу« αἰτιατικῇ.

Все это разсужденіе объ ἐν — εἰς — ἐξ ведетъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ:

Предлоги ἐν — εἰς — ἐξ, говорили мы, прибавляются къ названіямъ *предметовъ*, т. е. къ именамъ существительнымъ. Умѣстность предлоговъ *исключительно* только передъ существительными вытекала также изъ всѣхъ разсужденій, помѣщенныхъ выше на стр. 228. А между тѣмъ здѣсь мы наткнулись на фразу εἰς χιλίους (εἰς χιλίους ἐγένοντο οἱ στρατιῶται), гдѣ εἰς прибавлено къ *признаковому* слову. Что появленіе этого признаковаго слова *не* подрываетъ общаго положенія о предлогахъ, выяснить нетрудно. Какъ мы на стр. 231 извлекли изъ слова *развились* слово *развитіе*, такъ и здѣсь изъ слова χίλιοι можно извлечь то, чего въ русскомъ языкѣ даже *извлекать* не нужно, такъ какъ въ немъ *нѣтъ* другого слова кромѣ *существительнаго* »тысяча«. На стр. 207. мы указывали на то, что *всякое* число, даже если оно *не* принадлежитъ къ *признаковымъ* словамъ, а относится къ »*счетной*« части рѣчи, можетъ превратиться въ *существительное, совершенно* наравнѣ съ словами *добрый, красивый*, превращающимися въ *доброта, красота*. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что во фразѣ εἰς χιλίους ἐγένοντο οἱ στρατιῶται самый *предѣлъ*, выраженный въ словахъ εἰς χιλίους, касается »числа« какъ *таковаго*, а вовсе не числа какъ *признака*. А если бы кому нибудь захотѣлось отнести его, этотъ предѣлъ, *именно* къ признаку, то онъ его долженъ отнести къ признаку *чего нибудь*, и тогда не можетъ не примѣнить къ примѣру, вызвавшему настоящее разсужденіе, той формулировки, которую мы сообщили на стр. 233.: не только доброта — широта — число могутъ быть измѣряемы

другъ черезъ друга при посредствѣ предлоговъ, но и сами *люди,* сами *предметы,* сами *кучи* могутъ, при посредствѣ предлоговъ, быть сравниваемы другъ съ другомъ *по* качеству, количеству и числу. Другими словами, если фраза *οἱ στρατιῶται ἐγένοντο εἰς χιλίους* (разумѣй *στρατιώτας*) не заставила слушателя (точнѣе: во время произнесенія ея *не успѣла* заставить) извлечь изъ »*χίλιοι*« число какъ *таковое,* то онъ долженъ отнести предлогъ *εἰς* къ существительному *στρατιώτας**) и *относитъ* его съ *такимъ же* правомъ, съ какимъ во фразѣ *наши ученики довели себя до хорошихъ учениковъ* всякій отнесетъ предлогъ *до* къ существительному *учениковъ* (положимъ, такой фразы никто не говоритъ, но общему *смыслу* языка она не противорѣчитъ).

То »что-нибудь«, которое при посредствѣ предлога сопоставляется съ предметомъ, *присоединяющимъ* этотъ предлогъ къ своему »существительному«, — должно быть *также ὄν,* хотя бы *это ὄν* пришлось извлекать изъ *глагола,* что и *наблюдается* въ вышеприведенныхъ примѣрахъ на *ἐν* — *εἰς* — *ἐξ*: *съ* головы *до* ногъ идетъ *κάλυψις*; *до* вечера тянется *παιδιά*; *въ* городъ и *въ* горы двинулись *они,* т. е. »*лица*« формъ *ἦλθον* и *ἐξέπεσον*; *въ* городѣ находятся и *изъ* непріятельской земли »исходятъ« *οἱ,* а это, какъ сказано, *формальное* существительное; *до* »*ἐνιαυτός*«, — если »*ἐνιαυτός*« принять за *точку,* — *до ἐνιαυτός,* говорю, »доходятъ« *разы* (въ нашемъ примѣрѣ этихъ »разовъ« *трое,* но ихъ могло быть или больше, или меньше), а если »*ἐνιαυτός*« принять за *линію,* то въ немъ опять *помѣщаются* »разы« (да, слово *τρίς*, какъ увидимъ въ отдѣлѣ о такъ называемыхъ »нарѣчіяхъ«, есть имя *существительное,* и мы *нарочно* прибѣгли здѣсь къ русскому *разъ* — *раза* — »*разы*«,** такъ какъ и *оно* есть существительное). Словомъ, *вездѣ* мы или *находимъ,* или *можемъ извлечь* — *опредѣленное* существительное, являющееся не-

---

*) Хотя слово *στρατιώτας* и »подразумѣвается«, но это — не эллипсисъ (ср. стр. 54).

** Эти »разы«, въ *свою* очередь, относятся въ нашемъ примѣрѣ *τρὶς τίκτει εἰς ἐνιαυτόν* къ »рожденію«.

обходимымъ спутникомъ того, которое приставлено къ предлогу. Только въ примѣрѣ *ἔπαιζον ἐν τῇ παλαίστρᾳ* мы не знаемъ, помѣщать ли въ палестрѣ играющихъ, стало быть, — *лицо,* показанное въ *ἔπαιζον*, или игру. Тамъ и на стр. 228. у насъ возникло недоумѣніе, помѣщать ли въ комнатѣ *мальчика,* или его дѣйствіе. Положимъ, тамъ мы склонялись къ тому, что *комната,* какъ предметъ, помѣщающійся въ пространствѣ мѣста, можетъ быть сопоставлена съ *такимъ же* предметомъ (въ данномъ случаѣ съ *личностью*), а не съ *дѣйствіемъ,* представляемымъ въ пространствѣ *времени,* но правы ли мы были? И да, и нѣтъ. Что событіе можетъ быть »измѣряемо« *только* событіемъ, качество *только* качествомъ и т. д., это, конечно, совершенно правильно. Но не забудемъ, что напр. предлогъ *εἰς*, въ извѣстныхъ случаяхъ (именно, когда »предметъ« при немъ представляется *точкою*), выражаетъ *просто* »касательство«, и хотя и тутъ, строго говоря, *физическаго* тѣла (т. е. чего то, помѣщаемаго въ пространствѣ *мѣста*) можетъ касаться *опять* только *физическое* тѣло, событія — *только* событіе, качества — *только* качество и т. д., и хотя въ выраженіи, напр., *ἀμέλεια εἰς τὸν ἄνθρωπον* сама *ἀμέλεια* должна быть *олицетворена* для того, чтобы самое выраженіе могло состояться, но кто же, произнося его, *думаетъ* о подобномъ олицетвореніи? Не забудемъ, что и предлоги имѣютъ въ языкѣ свою *исторію,* и сознаніе ихъ *первоначальной* роли могло быть *ослаблено.* Въ этомъ *ослабленномъ* значеніи можно связать посредствомъ предлога »игру« (дѣйствіе, помѣщающееся въ пространствѣ *времени*) съ »комнатою« (предметомъ, помѣщающимся въ пространствѣ *мѣста*), но это, такъ сказать, *вторичное* явленіе языка. Склоняясь связывать »*мальчика*« съ »комнатою«, мы *больше* считались съ *первоначальною* ролью предлоговъ.

Она заключалась въ удовлетвореніи примитивной потребности — опредѣлять *мѣстныя* и, пожалуй, временныя отношенія. Въ началѣ, конечно, эта роль ихъ сознавалась *живо* и *исключительно,* и всякое »отношеніе« x, y, z . . ., стоявшее *внѣ* опредѣленія *указанныхъ* двухъ отношеній,

казалось, не допускало употребленія предлоговъ. требуя *другихъ* средствъ для своего выраженія. Такая исключительность, конечно, обусловлена тѣмъ, что »отношенія« x, y, z... выступили также, какъ *примитивная* потребность, *одновременно* съ поводомъ. который вызвалъ къ жизни предлоги. когда творецъ языка не успѣлъ, такъ сказать, опомниться и привыкнуть къ мысли, что x, y, z ... *соединимы* съ опредѣленіемъ мѣстныхъ и временныхъ отношеній и могутъ быть *также* удовлетворены предлогами. Нѣтъ сомнѣнія. что x, y, z ... въ постепенномъ развитіи человѣческой мысли *дѣйствительно не заставили* себя долго ждать.

Человѣку приходилось сопоставлять *физическое* тѣло съ *физическимъ* тѣломъ, событіе съ событіемъ. чтобы опредѣлить мѣстныя и временныя отношенія: *οὐρανὸν* онъ сопоставлялъ съ *γῇ* для того, чтобы можно было сказать, что *οὐρανὸς* находится *надъ γῇ*, а *γῇ* находится *подъ οὐρανός*. А если вдругъ ему пришлось замѣтить, что на *οὐρανός*'ѣ или *въ οὐρανός*'ѣ (*οὐρανὸς* есть шаръ, или плоскость) что нибудь »*дѣлается*« или »*происходитъ*,« — если вдругъ у него являлось желаніе помѣстить на »предметѣ«, представляемомъ имъ въ пространствѣ *мѣста*, событіе. представляемое имъ въ пространствѣ *времени*, — если подъ *οὐρανος*'омъ онъ начиналъ представлять не *физическое* тѣло. имѣющее быть сопоставляемымъ съ *физическимъ* тѣломъ, а *мѣстный просторъ* для *временнаго дѣйствія*. что тогда? Тогда это могло показаться ему *новою* задачею для языка, и если гдѣ было мѣсто формамъ *οὐρανόθι*, *οὐρανόθεν*, *οὐρανόνδε*,*) то именно здѣсь: *οὐρανόθι* обозначало просторъ, *гдѣ* происходитъ дѣйствіе. *οὐρανόθεν* — просторъ. *откуда* ὕει, а *οὐρανόνδε* — просторъ, *куда* человѣкъ *поднимаетъ* свои *молящіе* взоры, т. е. куда направляется и стекается его »дѣйствіе«. Да, мы думаемъ, что вопросы *гдѣ–куда–откуда* прежде всего не искали удовлетворенія

---

*) Замѣчательно, что языкъ воспользовался для образованія **формы** на *δε* готовою *αἰτιατικῇ πτώσει*, хотя не всегда, какъ это видно на **формѣ** *οἴκαδε*. Или и *οἶκα* есть *αἰτιατικὴ πτῶσις*, образованная отъ предполагаемаго Nominativ'а *οἶξ*? Такъ думаетъ Бругманъ (Grundr. II. 449.).

въ *обыкновенныхъ* падежныхъ формахъ. Но мы думаемъ также, что вопросы *гдѣ-куда-откуда* не имѣли непосредственнаго отношенія и къ предлогамъ. Ибо хотя ἐν указываетъ на »пребываніе«, εἰς на »придвиженіе« и ἐξ на »удаленіе,« однако, если бы эти »пребываніе,« »придвиженіе« и »удаленіе« имѣли непосредственною цѣлью удовлетвореніе вопросовъ *гдѣ-куда-откуда*, и если бы въ такомъ удовлетвореніи состояло назначеніе *предлоговъ*, то, вопервыхъ, языкъ не имѣлъ бы надобности въ другихъ предлогахъ кромѣ трехъ *указанныхъ*, и, вовторыхъ, не было бы того явленія, что напр. »*οἱ κατὰ χθονός*« обозначаетъ »тѣ, что подъ *землею*«, а «*κατὰ στῆθος βαλεῖν*« — »ударить *по груди*«; другими словами, на помощь предлогамъ не должны были бы являться *падежи*, которыми достигается не столько *отвѣтъ* на вопросъ *гдѣ* или *куда*, сколько скорѣе *специальный* оттѣнокъ, котораго даже не имѣешь *въ виду*, когда ставишь вопросы *гдѣ-куда-откуда*. Вотъ объ этомъ то *развѣтвленіи* вопросовъ *гдѣ-куда-откуда* на *всевозможные* оттѣнки можно сказать, что оно имѣетъ »*непосредственное* отношеніе«, — однако, *не только* къ предлогамъ, но и къ *падежамъ*, которые къ нимъ присоединяются. Что же касается *самихъ* этихъ вопросовъ *безъ* развѣтвленія ихъ на оттѣнки и внѣ *возможности* такого развѣтвленія, то они имѣютъ мѣсто *только* при обозначеніи вышеразъясненныхъ отношеній *простора* къ *дѣйствію*. Ихъ *три*, и на нихъ отвѣчаютъ *три* грамматическія формы. Такова наша, если не *ἐπιστήμη*, то *δόξα* о формахъ *θι-θεν-δε*. И игра въ *комнатѣ*, и *παιδιά* въ *палестрѣ*, какъ »дѣйствія« въ »просторѣ«, должны бы вызвать въ языкѣ форму *θι* — *собственно*. А несобственно?

Какъ уже выше сказано (стр. 215), то, что творецъ языка первоначально считалъ разнороднымъ, впослѣдствіи оказалось сводящимся къ однородному, и языкъ могъ *сокращать* свои средства. Сокращенію, однако, естественно предшествуетъ борьба за существованіе. Формы языка, изъ которыхъ какая нибудь одна оказывается лишнею, вытѣсняя другъ друга, стараются каждая занять господствующую роль,

и, такимъ образомъ, языкъ, хотя въ общемъ бѣдный, въ моментъ борьбы оказывается обладающимъ нѣсколькими средствами для выраженія »одного и того же«, — роскошь, которую онъ сохраняетъ на долго, быть можетъ, и на всегда. Такъ случилось и здѣсь. Представленіе одного предмета какъ *простора*, а другого — какъ *дѣйствія*, было сведено къ представленію »сопоставленія предмета съ предметомъ« *вообще*, причемъ и *предлоги*, съ своей стороны, *тоже* понемногу привыкали къ новой роли — сопоставлять не физическое тѣло съ физическимъ тѣломъ (ради опредѣленія *мѣстныхъ* отношеній), и не событіе съ событіемъ (ради опредѣленія отношеній *временныхъ*), а *именно* »предметъ« съ »предметомъ« *вообще*, такъ что. *дѣйствительно,* въ выраженіи *ἀμέλεια εἰς τὸν ἄνθρωπον* о *разнородности* обозначенныхъ здѣсь »предметовъ« и о необходимости *привести* ихъ къ одному знаменателю путемъ *тропа* не нужно было и думать. Такимъ образомъ, рядомъ съ *Τροιῆθεν* появлялось *ἐκ Τροίης*, рядомъ съ *οὐρανόθι* — *ἐν οὐράνῳ*, а вмѣсто того, чтобы говорить *παλαιστρῆθι*, говорили *παίζειν ἐν παλαίστρᾳ*. Болѣе того: сами формы *Τροιῆθεν* и *οὐρανόθι*, боровшіяся за свое существованіе, подчинились роли *»падежей при предлогахъ«*, и рядомъ съ *ἐκ Τροίης* появляется *ἐκ Τροιῆθεν*, рядомъ съ *πρὸ οὐρανοῦ* — *οὐρανόθι πρό* и т. д. Даже тамъ, гдѣ *предлоговъ* нѣтъ, появляются наши формы: *σέθεν δ' ἐγὼ οὐκ ἀλεγίζω χωομένης* (Il. ϑ. 477).

Замѣчательное явленіе представляетъ въ этомъ случаѣ форма на *δε*. Въ формѣ *οὐρανόνδε* Омиръ уклонился отъ первоначальной ея роли *именно* лишь въ томъ смыслѣ, что обозначеніе *простора* для *дѣйствія* перевелъ на обозначеніе *сопоставленія предмета съ предметомъ*, что, съ *другой* стороны, *также* при ослабленіи сознанія первоначальной роли, выражалось при посредствѣ *предлога*. Въ виду этого, сознавая, что въ *первой* части формы *οὐρανόνδε* онъ имѣетъ дѣло съ *готовымъ* падежемъ, Омиръ придаетъ *второй* его части, т. е. самому *δε* роль *предлога* и какого-нибудь *новаго* предлога къ формѣ *»οὐρανόνδε« не прибавляетъ*,

т. е. не дѣлаетъ того, что мы выше замѣтили въ выраженіи *ἐκ Τροίηθεν*, или даже въ *οὐρανόθι πρό* (тутъ есть нѣкоторая *разница* между прибавленіемъ предлога *πρό* и предлога *ἐκ*; читатель, надѣемся, опредѣлитъ эту разницу самъ). Если мы и встрѣчаемъ Il. *τ.* 118 и *π.* 188 такое выраженіе какъ *ἐξάγαγε πρὸ φόωςδε* (= вывелъ = произъ-велъ *на свѣтъ*), то предлогъ *πρό* относится не къ *φόωςδε*, а къ глаголу *ἐξάγαγε.* *)

Σύν — μετά. Σύν указываетъ на то, что предметы, сопоставляемые при помощи этого предлога, *съ разныхъ концовъ* **) сходятся въ одинъ пунктъ.

Въ предложенномъ опредѣленіи значенія предлога *σύν* мы уже, согласно выясненному, толкуемъ о »сопоставленіи предметовъ *вообще*,« не считаясь съ *первоначальною* ролью предлоговъ. И хотя нетрудно вдуматься при предлогѣ *σύν* и въ его *первоначальную* роль, т. е. роль показателя сопоставленія физическихъ тѣлъ для обозначенія *мѣстнаго* отношенія (тогда *σύν*, какъ указывающее на собираніе предметовъ съ *разныхъ* концовъ, вызываетъ представленіе *движенія*, какъ его вызывалъ предлогъ *εἰς*), но обыкновенно мы при *σύν* думаемъ даже не о »сопоставленіи предметовъ вообще«, т. е. не объ отнесеніи какого *угодно* предмета, напр. *качества*, къ какому *угодно* предмету, напр. *событію*, а о *сдѣланіи* чего нибудь, имѣющемъ въ виду извѣстную *цѣль*. Мы могли бы сказать, что *σύν* указываетъ на *соеди-*

*) Это выраженіе, какъ извѣстно, надѣлало уже древнимъ комментаторамъ много хлопотъ (смотри Homeri Ilias ed. La Roche, adnotatt. crit. ad *π.* 188 и *τ.* 118, а также Ebeling Lex. Hom. sub voce *δε*). Наши комментаторы не затрудняются отнести *πρό* къ *ἐξάγαγε* (Pierron, Faesi и др.). Конечно, немного необычна postpositiv'ная постановка предлога *πρό*. Но намъ кажется, что если Омиръ могъ сказать *ἐνάριζον ἄπ' ἔντεα* (Il. *μ.* 195), *τίθη πάρα πᾶσαν ἐδωδήν* (Od. *ε.* 196), *εἰ μέν κε λίπω κάτα τεύχεα καλά* (Il. *ρ.* 91) *ὕδατι νίζοντες ἄπο βροτόν* (Il. *η.* 425), *τότε δ' ἤδη ἔχεν κάτα γαῖα* (разумѣй его, Протесилая; Il. *β.* 699), то онъ могъ сказать и *ἐξάγαγε πρό* вмѣсто *προεξάγαγε*, тѣмъ болѣе, что *соединять »προεκ«* какъ-бы въ *одно* слово Омиръ не привыкъ (у него встрѣчаются только соединенія *παρεξ*, *ὑπεξ*, *ἀπεξ*, *διεξ*). О предлогахъ при *глаголахъ* мы, впрочемъ, будемъ разсуждать ниже.

**) На выраженіи *»съ разныхъ концовъ«* мы *настаиваемъ*; оно *нагляднѣе* всего выступаетъ въ глагольныхъ composit'ахъ; сравни *συνέρχονται*, *συνάγω* и т. д.

неніе »предметовъ,« и что это соединеніе преслѣдуетъ извѣстную *цѣль*.

Какая можетъ быть цѣль въ *соединеніи* предметовъ? Единственно та, чтобы эти »предметы« дѣйствовали *заодно*. И такъ какъ они должны »*дѣйствовать*« заодно, то это должны быть не столько »предметы,« сколько скорѣе и преимущественно *лица*. Я говорю »преимущественно« въ виду того, что нельзя отрицать и возможность соединенія *неодушевленныхъ* предметовъ — прутьевъ напр. — въ *одинъ пучекъ*, причемъ *цѣль* выражена *именно* въ словахъ »въ одинъ пучекъ«: прутья должны *составлять* одинъ пучекъ (»*составить* изъ себя нѣчто цѣлое« значитъ *тоже*, какъ бы, »дѣйствовать заодно«).

Падежъ, приставляемый къ *σύν*, бываетъ всегда *δοτική*. Поддерживая своимъ значеніемъ значеніе слова *σύν*, или, какъ мы раньше выражались, *идя навстрѣчу* слову *σύν* для того, чтобы создать *вмѣстѣ* съ нимъ одну *общую* картину, онъ и долженъ съ своей стороны внести въ эту общую картину то, чего не могъ внести въ нее самъ предлогъ. Предлогъ *σύν* могъ указывать *только* на соединеніе предметовъ, т. е. *только* на движеніе ихъ съ *разныхъ* концовъ въ одинъ пунктъ, иначе онъ пересталъ бы быть предлогомъ (просимъ читателя вдуматься въ его *первоначальную* роль, какъ мы ее обрисовали выше), сама же цѣль, т. е. *дѣйствованіе* заодно, очевидно, выражена *τῇ δοτικῇ*.

Мы сказали выше, что »*дѣйствующими* заодно« должны быть преимущественно *лица*. Нѣтъ сомнѣнія, что »олицетвореніе«, къ которому мы должны прибѣгнуть, чтобы *оправдать* это наше положеніе о лицахъ, на дѣлѣ практикуется при *σύν* въ довольно широкихъ размѣрахъ. Такъ, въ примѣрѣ »*ἡ κτῆσις τῶν πιστῶν ἔστιν οὐδαμῶς σὺν τῇ βίᾳ, ἀλλὰ μᾶλλον σὺν τῇ εὐεργεσίᾳ*« (Xen. Cyrop. I. 3. 17) *βία* и *εὐεργεσία* рисуются настоящими *помощниками* въ дѣлѣ пріобрѣтенія друзей.

Иначе нужно смотрѣть на предлогъ *μετά*. Останавливавшіеся на этимологіи этого слова хотѣли усматривать въ немъ связь съ греческимъ *μέσος* (Hartung Casus 39, Pott Etym.

Forsch. II. 151), слѣдовательно, и съ латинскимъ *medius*, а послѣднее, въ свою очередь, приводится въ связь съ русскимъ *межа* (Curtius Grundz 332). Но *въ общемъ* такая этимологія не находитъ поддержки. Чаще и несомнѣнно правильнѣе — слова *μέσος*, *medius*, *межа* принимаются за *особую* группу, не имѣющую ничего общаго съ *μετά* (Miklosich, Et. Wört. 185), самое же *μετά* одни считаютъ этимологически связаннымъ съ нѣмецкимъ *mit* (Delbrück Grundr. III. 734, Curtius Grundz. 209), а другіе разсматриваютъ еще иначе (Ebeling Lex. Hom. sub voce *μετά*). Связано ли *μετά* съ словомъ *mit* или нѣтъ, во всякомъ случаѣ, оно указываетъ не на *»собираніе съ разныхъ концовъ«*, а только лишь на *сосѣдство* предмета съ предметомъ, причемъ мы слово *сосѣдство* понимаемъ въ болѣе *широкомъ* смыслѣ, когда предметъ не только дѣлается *»смежнымъ«* другому предмету, но и *врѣзается* въ него, раздвигая его по обѣимъ сторонамъ.

Что касается *падежей* при словѣ *μετά*, то тутъ наблюдаются два рода явленій, рѣзко обособленные другъ отъ друга. Случаи *перваго* рода, это — тѣ, когда »сосѣдніе« въ какомъ бы то ни было смыслѣ предметы представляются идущими или находящимися вмѣстѣ, *съ самаго начала*, такъ что о моментѣ, когда они *стали* сосѣдними, нѣтъ и помину. Въ этомъ случаѣ у *Омира* (а у позднѣйшихъ поэтовъ, вѣроятно, лишь въ видѣ поэтическихъ *архаизмовъ*), встрѣчается не только та *γενική*, которую мы видимъ у прозаиковъ, но и наряду съ нею *δοτική*. Поневолѣ призадумываешься, не чувствовалось ли въ старину какое нибудь *различіе* между этими падежами при *μετά*, и не объясняется ли сведеніе ихъ у прозаиковъ къ *одному* падежу, быть можетъ, даже не обычнымъ стремленіемъ къ »упрощеніямъ«, а прямо таки потерею *сознанія* этого различія?

Замѣчательно, что у Омира *δοτική* встрѣчается вездѣ, гдѣ рѣчь идетъ не о »смежности«, а *именно* о нахожденіи предмета *среди* другихъ, причемъ эти другіе располагаются по обѣимъ сторонамъ врывающагося въ нихъ предмета. Такъ, у Омира считается уже разъ на всегда установившимся оборотомъ

μετὰ χερσὶν ἔχειν (напр. *πηδάλιον*, ср. Od. γ 286); извѣстны также омировскія выраженія *ὅς κεν ἐπ' ἤματι τῷδε πέσῃ μετὰ ποσσὶ γυναικός* (Il. τ. 110), *μετὰ γαμφηλῇσιν*, *μετὰ γναμπτῇσι γένυσσι* и т. п.

О томъ значеніи τῆς *δοτικῆς*, о которомъ мы толковали при *σύν*, въ приведенныхъ омировскихъ примѣрахъ нѣтъ и помину, какъ не могло быть рѣчи о немъ при *ἐν*. Это вполнѣ понятно, такъ какъ греческая *δοτική* есть не *одинъ* падежъ, а сборная форма для *нѣсколькихъ* падежей (см. выше стр. 209).

Искать ли намъ при *μετά* и ту *δοτικήν*, которую мы замѣтили при *σύν*, и которую мы *пока* будемъ называть »*δοτική* при *σύν*«? Конечно, искать ее мы должны *прежде всего* у того же Омира, такъ какъ *прозаическій* языкъ при предлогѣ *μετά* совершенно вывелъ *всякую δοτικήν* изъ употребленія. Не провозгласить ли за »*δοτικήν* при *σύν*« тотъ dativ, который встрѣчается въ примѣрѣ *ὄφρα δ' ἐγὼ μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον* (Il. ι. 352), и не толковать ли его въ такомъ смыслѣ: »*обокъ* съ Ахеянами и *вмѣстѣ* съ Ахеянами, *дѣйствуя съ ними заодно*«? Трудно, конечно, возражать тому, кто настаивалъ бы на толкованіи нашего примѣра въ смыслѣ »*посреди* Ахеянъ« и уравнивалъ бы его съ вышеприведеннымъ *μετὰ χερσίν*. Есть даже соображеніе, по которому *послѣднее* толкованіе заслуживаетъ предпочтенія, но объ этомъ соображеніи рѣчь впереди.

Съ примѣромъ *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον*, равно какъ и съ выраженіемъ *μετὰ χερσίν* (оттѣнокъ dativ'а въ *μετὰ χερσίν* мы будемъ называть, *тоже* только *пока*, »*δοτική* при *ἐν*«), — интересно сравнить мѣсто изъ Одиссеи (π. 140): *ἢ καὶ Λαέρτῃ αὐτὴν ὁδὸν ἄγγελος ἔλθω δυσμόρῳ, ὃς τείως μὲν Ὀδυσσῆος μέγ' ἀχεύων ἔργα τ' ἐποπτεύεσκε, μετὰ δμώων τ' ἐνὶ οἴκῳ πῖνε καὶ ἦσθε, ὅτε θυμὸς ἐνὶ στήθεσσι ἀνώγοι*. Въ этомъ мѣстѣ, *вопервыхъ*, мы не усматриваемъ оттѣнка »*δοτικῆς* при *ἐν*«: поэтъ, вовсе не думая выразительно рисовать картину, будто Лаэртъ въ качествѣ *чужаго* элемента ворвался въ средину слугъ, такъ что они очутились *по обѣимъ сторонамъ* его, просто указываетъ

»*на сосѣдство*« (я не говорю — »на *сосѣдей*«) или, какъ выражаются по русски, *на среду*, въ которой находился Лаэртъ. Далѣе нѣтъ здѣсь и того оттѣнка »*δοτικῆς* при *σύν*«, который мы, — правильно ли, нѣтъ ли, — замѣтили въ примѣрѣ *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον*, и которымъ объясняли появленіе dativ'а послѣ *μετά*. Очевидно, важнымъ мотивомъ для появленія такой »*δοτικῇ* при *σύν*« нужно считать *равноправность* »дѣйствующихъ заодно *лицъ*«: если наше толкованіе примѣра *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον* было правильно, то *ἐγὼ μετ' αὐτῷ* будетъ по русски »*мы* вмѣстѣ съ нимъ«, т. е. «я да онъ, какъ *одинаковые* дѣятели«, тогда какъ *ἐγὼ μετ' αὐτῶν* обозначаетъ просто »я, находясь *по сосѣдству* съ ними« = »я, находясь въ такой то *средѣ*«, а эта мысль, какъ сказано, только и *выражена* въ нашемъ *μετὰ δμώων πῖνε καὶ ἦσθε Λαέρτης*. Нечего говорить, что если мы ослабимъ представленіе *равноправности* дѣятелей, то *μετά τινος*, при его смыслѣ »*по сосѣдству съ кѣмъ*«, окажется совершенно достаточнымъ для обозначенія *совмѣстной* съ кѣмъ нибудь *дѣятельности*, и что омировское *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον* безъ *особеннаго* ущерба для смысла могло перейти въ утвердившееся *впослѣдствіи* »*μετ' Ἀχαιῶν ἐπολέμουν*«.

Изъ нашихъ разсужденій нетрудно усмотрѣть, что языку не было особенной надобности *удерживать μετά* съ *δοτικῇ*. Вмѣсто *μετά* съ »*δοτικῇ* при *ἐν*« можно было прямо ставить *ἐν* (*μετὰ χερσίν* — все равно, что *ἐν χερσίν* = межъ рукъ, какъ *ἐν ἀνδράσι* = среди мужей), а то и *μεταξύ* (что, какъ ниже увидимъ, относится къ *совершенно* другой части рѣчи, чѣмъ *μετά*), или же *сложный* оборотъ *ἐν μέσῳ* (*ἐν μέσῳ τῶν ποταμῶν*). Что же касается оборота *μετά* съ »*δοτικῇ* при *σύν*«, то его не только можно было замѣнить самимъ *σύν*, но, какъ сказано, перевести, безъ особеннаго ущерба для дѣла, на оборотъ *μετά* съ *γενικῇ*. Извѣстенъ громадный трудъ Tycho Mommsen'a »Beiträge zu der Lehre von den griechischen Präpo-

sitionen«.*) Вопросъ тутъ идетъ о *σύν*, *μετά* и *ἅμα*. Объ *ἅμα* намъ самимъ пока рано разсуждать. Что же касается *σύν* и *μετά*, то мы вполнѣ понимаемъ, что, когда конструкціи *μετά* съ *δοτικῇ* исчезли, выборъ оборота *σύν* съ *δοτικῇ* и *μετά* съ *γενικῇ* вполнѣ зависѣлъ отъ вкуса времени и лицъ: *σύν* — таковъ результатъ изслѣдованія Mommsen'a, сообщенный имъ на 1ой же страницѣ — gehört in guter Zeit fast nur der edlen Dichtersprache und dem Xenophon an, während *μετά* cum Genitivo fast nur bei Prosaikern zu finden ist oder in solchen Dichtern und Dichterstellen, welche sich der Prosa nähern.

Остается разсмотрѣть *другіе* случаи падежныхъ конструкцій при *μετά*. Мы имѣемъ въ виду соединеніе предлога *μετά* съ *αἰτιατικῇ*.

Можно различить *четыре* типа въ общей семьѣ тѣхъ явленій, гдѣ *μετά* соединяется съ *αἰτιατικῇ*. Представителями этихъ типовъ могутъ послужить: 1. *πέμπειν μετὰ Κῦρον — ἰέναι μεϑ' ὕδωρ*; 2. *μετὰ δεῖπνον* въ смыслѣ *послѣ обѣда*; 3. *μετὰ ϑεοὺς ψυχὴ ϑειότατον*; 4. *τοῖσι δὲ ϑυμὸν ἐνὶ στήϑεσσιν ὄρινεν μετὰ πληϑύν* (Il. β. 142).

Въ примѣрахъ перваго типа говорится о *приближеніи* лица въ смежность съ предметомъ, съ тѣмъ чтобы этотъ предметъ поступилъ *весь* въ *полное* распоряженіе приближающагося къ нему лица. Какъ при *σύν*, обозначающемъ соединеніе предметовъ, *цѣль* этого соединенія выражена была »*δοτικῇ* при *σύν*«, такъ и при *μετά*, обозначающемъ *смежность* предметовъ, *цѣль* этой смежности выражена *τῇ αἰτιατικῇ*. Этою цѣлью въ *αἰτιατικῇ* оказывается *поступленіе предмета цѣликомъ въ чью нибудь власть*. Это, повидимому, и есть значеніе *τῆς αἰτιατικῆς πτώσεως самой по себѣ*. Его можно прослѣдить и выше, не только въ примѣрѣ *τρὶς δὴ τίκτει μῆλα τελεσφόρον εἰς ἐνι-*

---

*) Трудъ этотъ, наконецъ, появился въ *законченномъ* видѣ въ 1895 году. Это единственный трудъ о предлогахъ, который удостоенъ Дельбрюкомъ упоминанія въ его Grundr., причемъ онъ выставленъ als ein Muster geschichtlicher Bearbeitung, wie sie allen Präpositionen zu Theil werden sollte (Grundr. III. 645.)

αὐτόν, когда мы принимаемъ *ἐνιαυτός* за линію, но и вообще во *всемъ* »*εἰς*«: если *εἰς* указываетъ на движеніе *внутрь* предмета, то *αἰτιατική*, съ своей стороны, выставляетъ обозначенный ею предметъ какъ нѣчто, поступающее въ *распоряженіе* движущагося внутрь его *лица* или »олицетвореннаго« *предмета*.

Мы вовсе не намѣрены отвергать и такое толкованіе *τῆς αἰτιατικῆς*, въ силу котораго она, напр. во фразѣ *εἰς τὴν γῆν ἔπεσεν ἡ λίθος*, обозначаетъ также *цѣль движенія*. Но, съ другой стороны, не думаемъ этимъ толкованіемъ поддерживать локалистовъ; напротивъ, принимая его, мы еще больше *разрушаемъ* ихъ теорію. Вопросъ въ томъ, является ли »*поступленіе предмета въ чье нибудь полное распоряженіе*« метафорою *цѣли движенія*, или же, наоборотъ, послѣднее нужно считать метафорою перваго? Рѣшить этотъ вопросъ на *исторической* почвѣ опять таки трудно. Исторія греческаго языка раскрыта передъ нами вообще лишь въ *послѣдней*, сравнительно очень небольшой стадіи его развитія, когда нашъ и подобные ему вопросы не только давнымъ давно были рѣшены, но, быть можетъ, при стремленіи языка *сократить* средства для выраженія мысли, даже перепутались между собою. Рѣшать нашъ вопросъ можно только на почвѣ *обще-философской*, а исходя отъ нея, нужно предположить, что *цѣль движенія* есть метафора *поступленія предмета въ чье-нибудь распоряженіе*.

Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, живя, долженъ былъ прежде всего не только питаться, но и *сознавать*, что онъ питается, и *какъ* онъ питается. Онъ долженъ былъ срывать плоды съ деревьевъ, вырывать коренья изъ земли, убивать животныхъ, иногда особо *приготовлять* для себя пищу, чтобы не принимать ее сырьемъ, дѣлить ее съ другими, класть въ ротъ, жевать, проглатывать; неужели же, продѣлывая все это, — неужели, проглатывая напр. кусокъ мяса, онъ въ это время воображалъ, что производитъ какое то движеніе, на подобіе какого нибудь путешествія, и что проглатываемый кусокъ мяса есть конечная цѣль этого путешествія?

Правдоподобнѣе предположить, что человѣкъ, не только самъ одушевленный, но и одушевлявшій всю природу, видѣлъ и въ себѣ, и кругомъ себя не движеніе и цѣль, а дѣятелей и подлежащее обработкѣ, побѣдителей и побѣждаемое, разрушителей и разрушаемое, зиждителей и матеріалъ, сносимый и обрабатываемый для строенія. Человѣкъ видѣлъ, что одно животное *ловитъ* другое и *пожираетъ* его, что животное *грызетъ* кору, *разрушаетъ* и *уничтожаетъ* то, что встрѣчается ему по пути, — иногда *просто* по *дикости*, а иногда и затѣмъ, чтобы *самому* не быть уничтоженнымъ, чтобы *самому* существовать. Солнце, по его представленію, производило не движеніе лучей, цѣлью которыхъ былъ онъ, человѣкъ, а просто его *грѣло*, морозъ его леденилъ, дождь его мочилъ, вѣтеръ его обвѣвалъ и т. д. Вѣроятно, онъ очень рано научился охотиться, и тутъ то онъ пускалъ стрѣлы, конечно, »*въ* звѣря« (онъ выражался тутъ какъ-нибудь въ *этомъ* родѣ: простая *αἰτιατική* не годилась, такъ какъ рѣчь идетъ не о *дѣйствіи*, цѣль котораго — уничтоженіе или созиданіе, а о придвиженіи *предмета* къ предмету, т. е. стрѣлы къ звѣрю), причемъ ему удавалось самого *звѣря* (тутъ уже наступаетъ простая *αἰτιατική*) и *застрѣлить*. Трудно исчерпать всѣ тѣ случаи, которые у *самаго первобытнаго* человѣка, *сознающаго*, конечно, чтó въ немъ и кругомъ него дѣлается, вызывали представленіе не *движенія* и его *цѣли*, а *дѣйствія* и »*объекта*« этого дѣйствія.

Дѣйствія, конечно, многочисленны и разнообразны. Одно изъ этихъ дѣйствій есть движеніе въ грубомъ значеніи этого слова, т. е. дѣйствительное перехожденіе, въ пространствѣ времени, *съ мѣста на мѣсто*. И какъ движеніе въ этомъ смыслѣ есть особый *видъ* дѣйствія, такъ *цѣль движенія*, т. е. тотъ предметъ, къ которому нѣчто придвигается, могло представляться особымъ видомъ »*объекта*« дѣйствія. *Ищу*, *ловлю* можно принять за такое движеніе, а то, *что* я ищу или ловлю, представляетъ *цѣль* движенія. На томъ же основаніи, на которомъ русскій говоритъ *ловлю звѣря*, грекъ могъ сказать *ἰέναι πόλιν*, и римлянинъ — *eo*

Ботат. На томъ же основаніи и εἰς, *»указывающее«* на движеніе *во-внутрь* чего нибудь или *къ* какой нибудь точкѣ, — выражено ли при немъ это движеніе еще какимъ нибудь ἰέναι или нѣтъ, это все равно, — могло соединяться съ *αἰτιατική*.

Вотъ въ какомъ смыслѣ *цѣль* движенія представляетъ собою метафору *»объекта* дѣйствія« или, какъ мы выше выразились, *»поступленія предмета цѣликомъ въ чье нибудь распоряженіе«*. Падежъ, *указывающій* на нѣчто какъ на »объектъ« дѣйствія, и *есть* наша *αἰτιατικὴ πτῶσις*. Едва ли греки, придумывая для него терминъ *αἰτιατική*, имѣли въ виду глаголъ *αἰτιάομαι*, и *неправильно* поступили латинскіе грамматики, переводя греческое *αἰτιατική* черезъ accusativus.*) Скорѣе греки исходили отъ слова *αἰτία*, обозначающаго *причину*, т. е. причину *дѣйствія***)=*пред-*

---

*) Однако, къ *αἰτιάομαι*, наряду, впрочемъ, еще съ другимъ словомъ, именно съ словомъ *αἰτέομαι*, прибѣгали и схоліасты Діонисія Ѳракійскаго для объясненія термина *αἰτιατική*. Смотри B. A. II. 862: *κατὰ αἰτίασιν φησιν* (разумѣй *Діонисій*) *ἤτοι αἰτίαν, ἐπείπερ αἰτούμενοι λαβεῖν τι ἢ αἰτιώμενοι ταύτην προφερόμεθα, ὡς ἂν εἴποις αἰτοῦμαί σε δοῦναί μοι βιβλίον καὶ πάλιν αἰτιῶμαι Ἀρίσταρχον*. Конечно, если такъ разсуждаетъ схоліастъ, то это еще не значитъ, что такъ думалъ самъ изобрѣтатель этого термина. Черезъ объясненія схоліастовъ мало ли что могло не только измельчать, но и совершенно потерять свой первоначальный, хотя бы очень глубокій смыслъ. Такова ужъ судьба всего, что переходитъ въ традицію не въ видѣ *полной, конструктивно раскрытой* теоріи, а въ видѣ простаго термина. — По поводу термина *αἰτιατική* Штейнталь указываетъ (Gesch. 622) на *Аполлонія Дискола*, объясняющаго (de constr. I. 9) оборотъ *δι' Ἀπολλώνιον* словами *ὡς ἂν αὐτοῦ αἰτίου ὄντος*. Но если Штейнталь, приводя это мѣсто изъ Дискола, имѣлъ въ виду какую нибудь связь между словомъ *αἴτιος* и *αἰτιατική*, то онъ сильно ошибается. Словами *ὡς ἂν αὐτοῦ αἰτίου ὄντος* Дисколъ объясняетъ не *терминъ »αἰτιατική«*, даже не *значеніе* Accusativ'a, а *просто* предлогъ *διά*, имѣя въ виду два разныхъ *оборота* этого предлога, — оборотъ съ Accusativ'омъ и оборотъ съ Genitiv'омъ: *διὰ Ἀπολλωνίου* — разсуждаетъ Дисколъ тутъ же — имѣетъ смыслъ *ὡς εἰ γινώσκοντος Ἀπολλωνίου*, а смыслъ оборота *διὰ Ἀπολλώνιον* такой, »какъ если бы сказать, что онъ *виновенъ*«. Когда Дисколъ *дѣйствительно* занятъ Accusativ'омъ, а не предлогомъ *διά* (смотри de constr. III. 283—290, гдѣ онъ разбираетъ весь фразеологическій матеріалъ Accusativ'a), то онъ, не разъясняя нисколько *термина* этого падежа, постоянно только указываетъ на *παθητικὴν διάθεσιν*, какъ на нѣчто, имѣющее объяснить *значеніе* его.

**) Такъ понимаетъ дѣло и Trendelenburg (Accusativus 123), опредѣляя Accusativ какъ casus, qui ad actionis effectum indicandum ratus est, ut eum non accusativum, sed potius effectivum vel causativum reddi opportuerit. Быть можетъ, эту *αἰτίαν* имѣетъ въ виду самъ Діонисій Ѳракійскій, когда говорятъ-

метъ или *объектъ* дѣйствія. Мы бы назвали *αἰτιατικὴν πτῶσιν вещнымъ* падежемъ, указателемъ *мертваго матеріала* для дѣйствія.*)

Итакъ, »вещный падежъ«, какъ мы его впредь будемъ называть, возможенъ и при *ἱέναι* (*ἱέναι Τροίην*), не измѣняя своему значенію. Это не значитъ, что *εἰς* съ вещнымъ падежемъ *равняется* простому вещному падежу. *Εἰς* съ вещнымъ падежемъ, какъ предлоговый оборотъ, остается средствомъ для сопоставленія предмета съ предметомъ, а *простой* вещный падежъ остается падежемъ объекта *дѣйствія*. Во фразѣ *ἴασι ἐκεῖνοι εἰς τὴν πόλιν* приводятся въ извѣстное, — *мѣстное*, въ данномъ случаѣ, — отношеніе предметы *ἐκεῖνοι* и *πόλις*, причемъ вещный падежъ *πόλιν*, какъ падежъ *объекта* дѣйствія и *цѣли* движенія, идетъ навстрѣчу предлогу *εἰς*, который, съ своей стороны, »*указываетъ*« на движеніе *внутрь*, — на движеніе, которое въ нашей фразѣ *еще* разъ, въ болѣе *общемъ* смыслѣ, *безъ* оттѣнка »внутрь«, выражено словомъ *ἴασι*. Во фразѣ же *ᾔεσαν πόλιν* падежъ *πόλιν*, какъ падежъ *объекта* дѣйствія и *цѣли* движенія, своимъ значеніемъ идетъ навстрѣчу самому *дѣйствію*, заключающемуся въ *ᾔεσαν* и *ищущему*, по самой своей *сущности*, этого *объекта* дѣйствія или этой *цѣли* движенія. Конечно, вся разница заключается тутъ скорѣе въ *путяхъ*, которыми шла мысль въ каждой изъ этихъ фразъ, а не въ *результатѣ*, который въ обѣихъ фразахъ въ *данномъ* случаѣ получается *одинаковый*.

Мы предупреждали читателя, что въ нашемъ толкованіи вещнаго падежа, какъ выразителя *цѣли* движенія, пріобрѣтается вѣскій плюсъ, разрушающій локалистическую теорію падежей. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣль движенія есть только *метафора* »объекта дѣйствія«, и даже не метафора, а просто,

---

ритъ (B. A. II. 636): *λέγεται δὲ ἡ μὲν ὀρθὴ ὀνομαστικὴ καὶ εὐθεῖα, ἡ δὲ γενικὴ κτητικὴ καὶ πατρικὴ, ἡ δε δοτικὴ ἐπισταλτική, ἡ δὲ αἰτιατικὴ κατ᾿ αἰτίαν, ἡ δὲ κλητικὴ προσαγορευτική* (Trendelenburg, Accusativus 123: itaque *ἡ δὲ αἰτιατικὴ κατ᾿ αἰτίαν* nihil aliud significat nisi effectivum vel causativum *ad causae rationem* esse dictum).

*) Отъ представленія чего нибудь, какъ *причины* дѣйствія, къ представленію того же, какъ *предмета* или *объекта* дѣйствія, — недалеко.

какъ впослѣдствіи оказалось, *отдѣльный видъ* »объекта дѣйствія«; если въ вещномъ падежѣ объ отвѣтѣ на вопросъ *куда*, какъ о *первоначальномъ* значеніи падежа, не можетъ быть рѣчи, то какъ же другіе падежи будутъ отвѣчать на вопросы *гдѣ* и *откуда?* Вопросы *куда*, *гдѣ* и *откуда*, какъ сказано, составляютъ *полный* логическій рядъ, а разъ *одинъ* изъ членовъ этого ряда не имѣетъ мѣста въ объясненіи падежей, то его теряютъ и другіе два члена.*) Они, съ одной стороны, *не могутъ* имѣть мѣста въ »обыкновенныхъ« падежахъ, а съ другой — могутъ его *не имѣть*, такъ какъ для нихъ выработались *особыя* формы *θι—θεν—δε*. Мы говоримъ, повторяю, о *первоначальномъ видѣ* организаціи языка, а не о томъ его состояніи, когда понятія съ понятіями перемѣшивались.

Возвратимся къ нашему *μετά* съ вещнымъ падежемъ и къ его »четыремъ типамъ.« *Μεθ' ὕδωρ ἰέναι*, какъ сказано, значитъ »идти въ смежность съ водою, чтобы *завладѣть* ею.«

Въ примѣрѣ »*τοῖσι δὲ θυμὸν ἐνὶ στήθεσσιν ὄρινεν πᾶσι μετὰ πληθύν*« (Il. *β*. 142) слово *μετά* — немного забѣгаемъ впередъ — употреблено такъ, что безъ особеннаго ущерба для смысла можно бы поставить и *κατά*. Если бы было поставлено *κατά*, то это указывало бы на *поверхность всей* толпы, и вещный падежъ былъ бы вполнѣ понятенъ, такъ какъ *именно весь* предметъ попадалъ бы въ распоряженіе какъ самого *κατά* (и *ἐνιαυτός* попадаетъ *весь* въ распоряженіе предлога *εἰς* въ примѣрѣ »*εἰς ἐνιαυτὸν τίκτει τρὶς μῆλα*«, если подъ *ἐνιαυτός* понимать линію), такъ и того »предмета«, съ которымъ »*πληθύς*« *сопоставляется* при посредствѣ предлога *κατά* (здѣсь этимъ предметомъ является само *ὀρίνειν*). Въ нашемъ примѣрѣ сказано »*μετὰ πληθύν*,« т. е. выражено не »*по поверхности всей* толпы,« а »*по сосѣдству со всею* толпою«, и имѣется въ виду *воздѣйствіе τοῦ ὀρίνειν θυμόν*, исходившаго отъ Агамемнона и *проходившаго* по всему этому »сосѣдству«.

*) Со временемъ, впрочемъ, придется нѣсколько *ослабить* это разсужденіе.

Въ *μετὰ δεῖπνον* (*временнбе* »послѣ») и въ *μετὰ θεοὺς ψυχὴ θειότατον* (»послѣ«, указывающее на порядокъ слѣдованія одного предмета за другимъ по степени ихъ важности) вещный падежъ чувствуется въ смыслѣ указателя на нѣчто *законченное*, *готовое*, отходящее какъ-бы на *задній планъ*, смежно *съ чѣмъ* выступаетъ на сцену другое. Связь этого значенія вещнаго падежа съ только что объясненнымъ пока усмотрѣть трудно; придется выжидать новаго случая. Перейдемъ къ другимъ предлогамъ.

Πρό — *ἀντί* — *πρός*. Предлогъ *πρό* указываетъ на помѣщеніе чего нибудь *передъ* тѣмъ предметомъ, къ названію котораго онъ приставленъ, будь это въ смыслѣ *мѣстномъ*, или *временномъ*, или въ смыслѣ предпочтенія по *качеству*, или, наконецъ, въ смыслѣ счетнаго *порядка слѣдованія*. Падежъ ставится при этомъ предлогѣ геническій (*πτῶσις γενική*).

Съ этимъ же падежемъ соединяется и предлогъ *ἀντί*. Для того, чтобы установить разницу въ значеніяхъ словъ *πρό* и *ἀντί*, нужно *олицетворить* предметы, которые »сопоставляются« при посредствѣ этихъ предлоговъ, и тогда получается слѣдующее: при *πρό* лицо стоитъ или движется передъ другимъ лицомъ такъ, что глаза обоихъ направлены въ *одну* сторону (именно въ ту, въ которую направлено само *движеніе, если только* о движеніи идетъ рѣчь; сравни *πρὸ τῆς φάλαγγος ἀναβαίνει ὁ στρατηγός*), а при *ἀντί* лицо стоитъ *въ упоръ* другому (*ἀντὶ τῆς φάλαγγος ἕστηκε ὁ στρατηγός*). Метафористика въ словѣ *ἀντί*, конечно, другая, чѣмъ въ *πρό*. Становясь *въ упоръ* кому нибудь, я могу составить ему *противовѣсъ* (на чашкахъ вѣсовъ *гиря* кладется *ἀντί* = въ противовѣсъ *грузу*), а противовѣсъ переходитъ въ *равенство* (сравни compositum *ἀντίθεος* = богоравный) и въ способность *замѣнить* что нибудь (*ἀντὶ τούτου* = *вмѣсто* этого).

Съ предлогомъ *ἀντί* слѣдуетъ сравнить предлогъ *πρός*. Не напрасно этимологи отождествляютъ греческое *πρός* съ славянскимъ *противъ* (Brugmann Grundr. I. 491). Но если *ἀντί* обозначало *въ упоръ*, то *πρός* — гораздо слабѣе.

Ἀντί относится къ *πρός*, какъ латинское *adversus* къ *versus*. Не *въ упоръ* стоимъ мы къ лицу, когда появляется въ латинскомъ языкѣ слово *versus*, не *биться* хотимъ мы съ этимъ лицомъ, не *парализовать* его дѣйствія, не *равняться* съ нимъ, не *замѣнять* его, а просто »поворачиваемся лицомъ« въ такую то сторону, къ такому то предмету. Въ этомъ смыслѣ, — въ смыслѣ *ослабленнаго*, сравнительно съ *ἀντί*, значенія, — можно бы съ греческимъ *πρός* сопоставить не столько русское *противъ*, сколько скорѣе *супротивъ* (метафористика этого *супротивъ* видна будетъ изъ отдѣльныхъ примѣровъ). — Такъ какъ слово *πρός* соединяется и съ *γενικῇ*, и съ *δοτικῇ*, и съ вещнымъ падежомъ, то на немъ придется остановиться подольше.

Что касается явленій употребленія предлога *πρός* съ *γενικῇ*, то ихъ можно обозрѣть по слѣдующимъ примѣрамъ: 1. *ὥσπερ Χαλκὶς τῆς Εὐβοίας πρὸς τῆς Βοιωτίας κεῖται, οὕτω Χερσοννήσου κεῖται πρὸς τῆς Θράκης ἡ Καρδιανῶν πόλις* (Dem. 23. 182); 2. *πρὸς τῶν ἐχόντων, ὦ Φοῖβε, τὸν νόμον τίθῃς* (Eur. Alc. 57); 3. *Κροῖσος ἐλπίσας πρὸς ἑωυτοῦ τὸν χρησμὸν εἶναι* (Herod. 1. 75); 4. *πρὸς ἀνδρὸς ἢ τέκνων φοβουμένη* (Soph. Trach. 149); 5. *πρὸς ἄλλης ἱστὸν ὑφαίνεις* (Il. ξ 207); 6. *πρὸς παίδων καὶ γυναικῶν καὶ θεῶν ἱκετεύω ὑμᾶς καὶ ἀντιβολῶ, ἐλεήσατέ με* (Lys. 4. 20); 7. *οὐκ ἦν πρὸς τοῦ Κύρου τρόπου ἔχοντα μὴ διδόναι* (Xen. Anab. I. 2. 11); 8. *Καλλίας μοι δοκεῖ πρὸς Πρωταγόρου εἶναι* (Plat. Prot. 336 d); 9. *ὅτι δίκαιόν ἐστι καὶ πρὸς θεῶν καὶ πρὸς ἀνθρώπων τοῦτο πρᾶξαι* (Xen. Anab. I. 6. 6); 10. *Ἀθηναῖον ὄντα καὶ τὰ πρὸς πατρὸς καὶ τὰ πρὸς μητρός* (Dem. 57. 17); 11. *οὐ πρὸς σοφοῦ ἰατροῦ θρηνεῖν* (Soph. Ai. 579); 12. *τὰς ἡδονὰς πρὸς σοῦ λαβοῦσα ἐκτησάμην* (Soph. El. 1295); 13. *μή τις δόλος με πρὸς κασιγνήτου κτάνῃ* (Eur. Phoen. 362); 14. *λέγεται πρὸς σοφῶν.*

Толковать приходится эти примѣры слѣдующимъ образомъ.

1. Въ какомъ смыслѣ Евбейская Халкида находится супротивъ Веотіи (= обращена къ Веотіи), въ такомъ Херсонисская Кардія находится *супротивъ* Ѳракіи.

2. Ты, Фебъ, даешь законъ *супротивъ* имущихъ = поворачиваясь къ имущимъ = въ пользу (?) имущихъ. Вотъ метафористика слова *πρός:* если *ἀντί* обозначало *враждебное* отношеніе, то *πρός* указываетъ на отношеніе совершенно *противоположное.* Ярче выступаетъ это »отношеніе« въ непосредственно *слѣдующемъ* примѣрѣ.

3. Крезъ полагалъ, что предсказаніе дано *супротивъ* него, что оно имѣетъ въ виду *его* = дано *въ пользу* его.

4. Она боится *супротивъ* мужа и дѣтей = поворачивая свои взоры къ мужу и дѣтямъ, она начинаетъ чувствовать страхъ = передъ мужемъ и дѣтьми ей страшно.

5. Ты ткешь пряжу *супротивъ* чужой = во вниманіе (?) къ чужой, — въ то время когда должна бы (?) ткать чужая, — по приказанію (?) чужой.

6. Умоляю васъ, *супротивъ* дѣтей, женъ и боговъ, сжальтесь надо мною! = въ виду = ради дѣтей, женъ и боговъ.

7. Не было *супротивъ* характера Кира, когда самъ имѣлъ, не давать другимъ = не мирилось съ характеромъ Кира.

8. Каллій, кажется, сталъ *супротивъ* Протагора = обращается къ Протагору = держитъ сторону Протагора.

9. Сдѣлать то, что *супротивъ* боговъ и людей справедливо = что справедливо передъ богами и людьми.

10. Онъ Аѳинянинъ и *супротивъ* отца, и супротивъ матери = онъ Аѳинянинъ и со стороны отца, и со стороны матери.

Пріостановимъ пока толкованіе примѣровъ. Во всѣхъ тѣхъ, которые мы разъяснили до сихъ поръ (нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ *пятый* примѣръ, если, то есть, принять толкованіе «*по приказанію*»), — во всѣхъ ихъ приставленная къ *πρός γενικὴ πτῶσις* ничего не прибавляетъ отъ себя къ общей картинѣ, выраженной всѣмъ этимъ предлоговымъ оборотомъ. Въ ней, въ этой *γενικὴ πτῶσις,* не чувствуется никакого *спеціальнаго* оттѣнка, — ничего, похожаго на то, на что мы указывали въ вещномъ падежѣ

вообще, а въ *δοτικῇ* — тамъ, гдѣ она соединялась съ *σύν*; всѣмъ разнообразіемъ, которое мы замѣчали въ нашихъ примѣрахъ, мы обязаны метафористикѣ самого *πρός*. То же самое мы должны сказать о *γενικῇ πτῶσις* при *πρό* и *ἀντί*. Въ предлогѣ *μετά* мы также можемъ увидѣть, что коль скоро нѣтъ мѣста спеціальному оттѣнку, вызываемому вещнымъ падежемъ, коль скоро *μετά* съ *одною δοτικῇ совсѣмъ* исчезло, будучи замѣнено предлогомъ *ἐν* съ *δοτικῇ*, а въ *μετά* съ *другою δοτικῇ* ослабленъ былъ спеціальный оттѣнокъ самой *δοτικῇ*, на сцену тотчасъ выступила *γενικὴ πτῶσις*. Въ этомъ отношеніи *γενικὴ πτῶσις* представляется *истинно* геническою, *родовою*, сравнительно съ вещнымъ падежемъ и, если не со *всякою δοτικῇ вообще* (*пока*, по крайней мѣрѣ, утверждать что нибудь подобное было бы опрометчиво), то во всякомъ случаѣ съ »*δοτικῇ* при *σύν*.«

Это то *родовое*, противоположное спеціальному (*γενικὸν*, противоположное *τῷ εἰδικῷ*), греки, повидимому, и имѣли въ виду, когда созидали терминъ для нашего падежа. Латинскіе грамматики едвали поняли грековъ, назвавъ этотъ падежъ Genitiv'омъ. Да и сами греки утратили это пониманіе. Діонисій Ѳракійскій сообщаетъ, что *γενικὴ* называется также *κτητικὴ* и *πατρικὴ*, а схоліастъ не нашелъ замѣтить по этому поводу ничего иного, кромѣ того, что *τὴν πτῶσιν ταύτην εἶπε* (разумѣй *Діонисій*) *κτητικὴν καὶ πατρικὴν, ὅτι πᾶν κτητικὸν ἢ πατρωνυμικὸν ἀπὸ γενικῆς ἐστι καὶ εἰς αὐτὴν ἀναλύεται* (B. A. II. 862). Аполлоній Дисколъ (de constr. I. 62), толкуя о такъ называемомъ »притяжательномъ« мѣстоименіи, указываетъ на то, что *πᾶσα κτητικὴ ἀντωνυμία μετὰ τοῦ κτήματος εἰς γενικὴν ἀναλύεται*, и объясняетъ это *τῇ κτητικῇ ἐννοίᾳ τῆς γενικῆς πτώσεως*, а при разборѣ значенія *τῆς γενικῆς πτώσεως* по *фразеологическому* матеріалу (de constr. IV. 290–4) ограничивается указаніемъ на ту же *κτητικὴν ἔννοιαν* (по поводу оборотовъ *ἄρχω τινός* и т. п.) и на *αὐτοπάθειαν* въ genitiv'ныхъ дополненіяхъ въ противоположность *τῇ ἐνεργείᾳ* въ accusativ'ныхъ дополненіяхъ (сравнивается оборотъ *φιλῶ σε* съ оборотомъ *ἐρῶ σου*).

Присціанъ (V. 13. 72), правда, перевелъ слово *γενική* словомъ *generalis*, но объясненіе, которое онъ даетъ по этому поводу, — неправильно (generalis esse videtur hic casus, ex quo fere omnes derivationes et maxime apud Graecos solent fieri). Неправильно оно потому, что ставитъ дѣло на *этимологическую* почву, между тѣмъ какъ терминъ *γενική*, очевидно, — терминъ *давній* (иначе онъ не былъ бы такъ плохо понятъ греческими грамматиками-*техниками*) и принадлежитъ стоикамъ, а стоики были философами-*синтакси-стами*, а не этимологами. Schömann (*γενική* I. 84), по нашему, совершенно правъ, понимая *γενικὴν πτῶσιν* въ томъ смыслѣ, что der Genitiv das Allgemeine der *Casusbedeutungen* in sich vereinige (разумѣй значенія *косвенныхъ* или, какъ мы выражаемся, *настоящихъ* падежей). Напрасно Schmidt (Karl Ernst) возстаетъ противъ такого пониманія термина *γενική*. Schmidt, самъ смѣшивая »*родовой*« падежъ (такъ мы его будемъ называть и впредь) съ Ablativ'омъ, т. е. съ *чужою* функціею, которую родовой падежъ только *присоединилъ* къ своей *собственной*, обращаетъ вниманіе на то, что 1. die *γενικὴ πτῶσις* mit Präpositionen verbunden wird, die sich *auf den Ausgang* beziehen; 2. die *γενικὴ πτῶσις* mit Adverbien *dieses Sinnes* (т. е. съ нарѣчіями, обозначающими Ausgang) dergestalt wechselt, dass man von Worten derselben Form nur um ihres *Stammes* willen in einem Falle sagt, sie seien Adverbien, die das *Woher* angehen, im anderen — sie seien Genitive; 3. die sogenannten partitiven Genitive ebenfalls das aussprechen, *aus dem ein anderes kommt*. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній онъ полагаетъ, что черезъ *γενικὴ πτῶσις* обозначается нѣчто, *aus dem etwas* hervorgehe (Beiträge 328), и призываетъ разныхъ комментаторовъ древней грамматико-философской терминологіи, даже Глику, во свидѣтели того, что стоики имѣли въ виду при *γενικὴ πτῶσις γένος* — *γέννημα* — das *Werden*.

Все это разсужденіе, быть можетъ, читатель найдетъ правильнымъ и только въ одномъ потребуетъ отъ насъ объясненій. *Εἰς* — скажутъ намъ — въ большинствѣ случаевъ

тоже не пріобрѣтаетъ ничего въ присоединяемомъ къ нему вещномъ падежѣ, какъ не пріобрѣтало *πρός* въ своемъ *родовомъ* падежѣ. *Εἰς*, обозначая движеніе *внутрь* предмета, этимъ самымъ рисовало съ достаточною интенсивностью и картину *завладѣванія* предметомъ, и вмѣсто вещнаго падежа съ удобствомъ могъ быть поставленъ при немъ падежъ родовой.

Такое возраженіе отчасти справедливо, но *только* отчасти. Если бы вмѣсто *εἰς* поставить *εἴσω*, то, дѣйствительно, оборотъ *εἰς τὴν γῆν* сейчасъ превратится въ *εἴσω τῆς γῆς*. Но дѣло въ томъ, что *εἴσω* — не предлогъ (какая часть рѣчи *εἴσω*, объ этомъ ниже), а *εἰς* — предлогъ. Такъ и слово *убилъ*, само своимъ *значеніемъ* предполагающее *объектъ дѣйствія* и *тоже*, въ сущности, ничего не выгадывающее изъ присоединенія къ нему *вещнаго* падежа, все же, однако, дополняется именно *этимъ* падежемъ, тогда какъ слово *убійца* принимаетъ къ себѣ падежъ *родовой*. Вообще, когда *есть* на лицо падежъ съ спеціальнымъ оттѣнкомъ, и этотъ же спеціальный оттѣнокъ выраженъ въ словѣ, »*требующемъ*« вообще падежа, то языкъ распоряжается и такъ, и иначе: онъ или *повторяетъ* этотъ спеціальный оттѣнокъ въ падежѣ и вообще *поддерживаетъ* значеніемъ падежа значеніе слова, присоединяющаго къ себѣ этотъ падежъ, или же дѣйствительно, какъ то требуется возражающими, ставитъ общій родовой падежъ. Но при этомъ языкъ строго различаетъ части рѣчи. При простыхъ существительныхъ именахъ, напр., онъ ставитъ общій родовой падежъ, а при глаголахъ, глагольныхъ *именахъ*, глагольныхъ *признаковыхъ* и, какъ оказывается, при *предлогахъ* — *повторяетъ* въ падежѣ тотъ спеціальный оттѣнокъ, который обозначенъ въ *дополняемыхъ* этимъ падежомъ и *поименованныхъ* здѣсь частяхъ рѣчи. Разумѣется, если въ значеніи *дополняемаго* слова *совсѣмъ* нѣтъ этого спеціальнаго оттѣнка, и въ *пополняющемъ* его падежѣ онъ является плюсомъ, *необходимымъ* для общей картины, то не имѣетъ мѣста само *возраженіе*, вызвавшее настоящее объясненіе, а слѣдовательно, нечего считаться и съ »объясненіемъ«,

Предупреждаемъ, впрочемъ, что это объясненіе — не полно, что оно дано *только* ad hoc. А теперь будемъ продолжать разборъ нашихъ четырнадцати примѣровъ на *πρός* съ *γενικῇ* (смотри выше стр. 261).

Изъ приведенныхъ на стр. 261 примѣровъ остались неразобранными четыре: *οὐ πρὸς σοφοῦ ἰατροῦ θρηνεῖν, τὰς ἡδονὰς πρὸς σοῦ ἔλαβον, δόλος πρὸς κασιγνήτου κτείνει με, λέγεται πρὸς σοφῶν.* Какъ же ихъ толковать? Оставаясь при томъ способѣ толкованія, который мы примѣнили къ другимъ десяти примѣрамъ, мы получимъ слѣдующія выраженія: *супротивъ* мудраго врача нѣтъ плача (со стороны, обращенной къ мудрому врачу, плача нѣтъ); я испытывала радость *супротивъ* тебя (со стороны, обращенной къ тебѣ, я получила радость = у тебя я нашла радость для себя); коварство, что *супротивъ* брата, убиваетъ меня; *супротивъ* мудрецовъ (съ той стороны, которая обращена къ мудрецамъ) ходятъ разсужденія. Правильно ли будетъ это толкованіе? Отвергать его нѣтъ основанія, хотя, кажется, въ немъ не съ достаточною ясностью передана та, несомнѣнно *заключающаяся* въ нашихъ примѣрахъ, сторона мысли, что *плачъ* (*θρηνεῖν*), *радость* (*ἡδοναί*), *коварство* (*δόλος*) и *разсужденія* (*τὸ λέγεσθαι*) исходятъ *непосредственно* отъ *врача* (*ἰατρός*), отъ *тебя* (*σύ*), отъ *брата* (*κασίγνητος*) и отъ *мудрецовъ* (*σοφοί*). Скажутъ, что наше исканіе болѣе яснаго выраженія *этой* стороны мысли есть не болѣе, не менѣе какъ желаніе навязать родовому падежу, — во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе, — функцію другого падежа, — желаніе, объясняемое, быть можетъ, тѣмъ, что мы сами уже слишкомъ привязались къ мнѣнію о принятіи имъ на себя функціи Ablativ'а, а теперь не можемъ дождаться появленія въ немъ этой функціи, хотя сами еще не знаемъ, что такое, собственно, этотъ Ablativ и, если мы его примемъ, — внесетъ ли онъ въ наши примѣры искомую нами »ясность«*).

---

*) Главнымъ, конечно, во всемъ этомъ разсужденіи остается вопросъ, *нужна* ли эта »ясность«. Греческое *ἔλαβον πρὸς σοῦ τὸ δεῖνα* мы можемъ перевести по русски »я взялъ *у* тебя то-то«, и никто не будетъ искать того *непосредственнаго удаленія* предмета отъ лица *ты* (*σύ*), внесеніе котораго въ мысль мы именно и имѣемъ въ виду, когда думаемъ объ ablativ'ной функціи родоваго падежа.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое Ablativ? *Настоящій* Ablativ, т. е. дѣйствительная этимологическая *форма* Ablativ'а, сохранилась въ греческомъ языкѣ, какъ то признано этимологами,*) въ формахъ *καλῶς*, *σαφῶς*, *ἀκριβῶς* и т. п. Что эти формы суть имена *существительныя*, это мы въ свое время докажемъ. Что же онѣ могли обозначать при *первоначальной организаціи* языка? Удаленіе предмета отъ предмета? Для этого существовали предлоги, соединяющіеся либо *съ родовымъ* падежемъ, либо съ падежомъ »*спеціальнымъ*«, смотря по тому, *нуженъ ли* имъ, или *не нуженъ* въ общей картинѣ какой нибудь спеціальный оттѣнокъ, котораго сами предлоги выразить *не могутъ*, а иногда — въ зависимости отъ того, *имѣется ли*, или *не имѣется* въ падежахъ тотъ спеціальный оттѣнокъ, который сами они *выражаютъ*. Но, быть можетъ, Ablativ обозначаетъ »исхожденіе событія изъ простора«? Для этого первоначально существовали формы на *θεν*, а когда онѣ исчезли, то роль ихъ переняли опять таки *предлоги*, при которыхъ »исхожденіе *событія* изъ *простора*« превратилось въ »удаленіе *предмета* отъ предмета«. Единственное, что могъ выражать Ablativ при *первоначальной* организаціи языка, это — *этическое* начало дѣйствія: *ποιεῖ καλῶς* значитъ »онъ дѣйствуетъ, *исходя отъ* прекраснаго«. Конечно, когда впослѣдствіи грамматическія средства *перепутывались* между собою и, въ связи съ этимъ, перемѣшивались между собою и *понятія*, для которыхъ эти грамматическія средства первоначально были предназначены, легко могло статься, что

---

*) Brugmann (Grundr. I. 589): Inwieweit im Griechischen die Adverbia der Art und Weise wie *τώς*, *ὧδε*, *ὡς*, *οὕτω*, *οὕτως*, *καλῶς*, nach deren Analogie die Formen von Nicht — *o* — Stämmen wie *διαφερόντως*, *βαρέως σαφῶς* geschaffen waren, hierher (т. е. къ Ablativ'у singularis) gehören, oder instrumentalis singularis auf idg. ō waren, ist schwer zu sagen, da die Bedeutung sich ebenso gut aus ursprünglicher ablativischer Function als auch aus ursprünglicher instrumentaler Function ableiten lässt. — Delbrück (Grundr. III. 559): Sodann stelle ich hieher (т. е. къ Ablativ'у singularis) die Formen auf *ως*. Ich weiss wohl, dass noch lautliche Bedenken bestehen, aber die Uebereinstimmung des *Gebrauches* zwischen tād (а это несомнѣнный Ablativ, въ которомъ Дельбрюкъ, какъ сообщено на стр. 236, видитъ den Ausganspunkt der Handlung) und *τώς*, *yād* und *ὡς* *scheint mir zwingend*.

первоначальное значеніе Ablativ'а, именно »этическая *исходная* точка дѣйствія«, такъ сказать, *огрубѣло, если* только это огрубѣніе *нужно было* языку (*τοῦτο μέντοι οὐχ ὡς εἰδὼς ἀποφαίνομαι, ἀλλ' ἰνδάλλεταί μοι ἡ γλῶσσα τοιοῦτό τι παθοῦσα*, сказалъ бы Платонъ).

Нужно *ли* оно? — въ этомъ весь вопросъ. При предлогѣ »*πρός*« *особенной* надобности въ немъ нѣтъ. Да и вообще ея въ греческомъ языкѣ *пока* не видать. Въ славянскомъ языкѣ она какъ то больше бросается въ глаза. Предлогъ »*съ*« дополняется разными падежами: говорятъ »съ *нимъ* не справиться«, »огурецъ съ *гору*« и »летитъ съ *крыши*«. О »творительномъ« падежѣ въ *первой* фразѣ мы пока разсуждать не можемъ, фразу *огурецъ съ гору* мы понимаемъ такъ, что огурецъ, поставленный *тѣсно возлѣ* (= съ) горы, занимаетъ *всю* высоту горы (потому и вещный падежъ), а *летитъ съ крыши* есть ужъ не »этическая *точка исхода*« дѣйствія, а несомнѣнное *удаленіе* предмета отъ предмета. Это удаленіе внесено въ рѣчь не *предлогомъ* »съ«, такъ какъ этотъ предлогъ указываетъ *только* на отсутствіе промежутка между однимъ предметомъ и другимъ; оно внесено несомнѣнно *падежемъ*, именно *родовымъ* падежемъ »крыши«, а это значитъ, что въ *славянскомъ* языкѣ *нужно* признать за *родовымъ* падежемъ, кромѣ его обще-*родоваго* характера, еще и спеціальный, а именно »огрубѣвшій« ablativ'ный оттѣнокъ. Если его почему-нибудь необходимо будетъ признать за *греческимъ* родовымъ падежемъ,*) то казалось бы, что его можно примѣнить и къ нашимъ четыремъ примѣрамъ съ *πρός: οὐκ ἔστι θρηνεῖν πρὸς σοφοῦ ἰατροῦ* = не ожидаешь плача *отъ* мудраго врача;**) *ἡδονὰς πρὸς σοῦ ἔλαβον* = я получила удовольствіе *отъ* тебя; *δόλος πρὸς κασιγνήτου κτείνει με* = коварство, исходящее *отъ* брата, убиваетъ меня; *λέγεται πρὸς σοφῶν* = разсужденія исходятъ *отъ*

---

*) Предлогъ *ἐξ* на эту необходимость *не указываетъ:* указывая *самъ* на удаленіе предмета отъ предмета, онъ *не нуждается* въ спеціальномъ, »огрубѣвшемъ« ablativ'номъ оттѣнкѣ *падежа.*

**) Собственно: не ожидаешь плача *супротивъ* мудраго врача и *отъ* него; первое (*супротивъ*) пришлось бы видѣть въ *предлогѣ,* а второе (*отъ*) — въ *падежѣ.*

мудрецовъ. Тогда и выраженіе *πρὸς ἄλλης ὑφαίνεις* (II. § 207), если его толковать въ смыслѣ »ткешь *по приказанію* чужой«, представляло бы примѣръ *ablativ'наго* оттѣнка родоваго падежа (твоя работа идетъ *отъ* чужой). Не можемъ умолчать о томъ, что соображеніе, на которое мы намекали при разборѣ примѣра *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον* (стр. 252), выступаетъ и здѣсь, и что въ виду *его* едвали можно будетъ согласиться на »огрубѣвшій« ablativ'ный оттѣнокъ въ нашихъ примѣрахъ. Сообщить это соображеніе будетъ болѣе умѣстно ниже.

Но *πρός* соединяется еще и съ *δοτική*. Въ примѣрахъ на *πρός* съ *δοτική* мы должны различать *три* типа явленій: *ἄασέν με πρὸς ἑταροῖσι κακοῖσιν ὕπνος σχέτλιος* (Od. κ. 68); *ὡς ὁ Λάϊος κατασφαγείη πρὸς τριπλαῖς ἁμαξιτοῖς* (Soph. Oed. r. 130); *μή πώς μ' ἐκβαίνοντα βάλῃ λίθακι ποτὶ πέτρῃ κῦμα μεγ' ἁρπάξαν* (Od ε. 415).

Въ первомъ примѣрѣ, пожалуй, опять таки можно было бы усмотрѣть »*δοτικὴν* при *σύν*«, какъ мы ее усматривали въ *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον:* сбилъ меня сонъ *супротивъ* злыхъ товарищей и *наравнѣ съ ними* (*супротивъ* достигалось бы *предлогомъ,* а *наравнѣ* — падежемъ). Обыкновенно передаютъ разбираемый нами предлоговый оборотъ черезъ русское *вдобавокъ къ чему* (*πρὸς τούτῳ* = *вдобавокъ* къ этому, т. е *кромѣ* этого). Конечно, выраженіемъ *вдобавокъ къ чему* какъ нельзя лучше указывалось бы на »добавляемое«, какъ на совершенно *равноправное* съ »*пополняемымъ*« этою »добавкою«. Но тутъ *опять* выступаетъ то же »соображеніе«.

Въ другихъ двухъ изъ приведенныхъ нами примѣровъ на *πρός* съ *δοτική* (Soph. Oed. r. 130 и Od. ε. 415) нѣтъ оттѣнка »*δοτικῆς* при *σύν*«, а есть оттѣнокъ »*δοτικῆς* при *ἐν*«. Когда мы устанавливали терминъ »*δοτική* при *ἐν*«, — терминъ лишь *временный,* — то мы еще не знали того черезвычайно важнаго положенія, что предлоги принадлежатъ къ тѣмъ частямъ рѣчи, которыя, если *имѣется* падежъ съ спеціальнымъ оттѣнкомъ, выражаемымъ самими ими, то они соединяются съ *этимъ* падежемъ, а не съ общимъ

родовымъ. Если въ выраженіи *ἐν τῇ γῇ нѣтъ* оттѣнка »*δοτικῆς* при *σύν*«, и если »*ἐν*« *всетаки* соединяется съ *δοτικῇ*, а не съ общимъ *родовымъ* падежомъ (*ἐντός*, какъ »нарѣчіе«, соединялось бы уже съ общимъ *родовымъ* падежемъ), то это значитъ, что *δοτικῇ* при *ἐν* заключаетъ въ себѣ тотъ же *спеціальный* оттѣнокъ, на который указывается и въ *ἐν.* Мы здѣсь имѣемъ въ виду local'ную функцію греческой *δοτικῇ* (сравни выше стр. 210.).

Что такое localis? Гдѣ сохранилъ его греческій языкъ въ его *настоящемъ,* этимологически *самостоятельномъ* видѣ, и каково его *первоначальное* значеніе? Слова *οἴκοι, χαμαί,* — *вотъ* этимологически *самостоятельные* local'ы. Но эти слова *симасіологически* чувствуются какъ указатели *простора, гдѣ* что нибудь происходитъ, а это, казалось бы, не *настоящая* ихъ функція, а функція *чужая,* перенятая ими (вслѣдствіе »стремленія къ *сокращенію* грамматическихъ средствъ«) отъ *собственно*-просторовыхъ формъ на *θι.* Такимъ образомъ, формы *οἴκοι, χαμαί* и т. п. оказываются не особенно выгодными при опредѣленіи *первоначальнаго* значенія local'а. Другихъ словъ, *болѣе* удобныхъ, положительно не находишь въ греческомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, — не съ перваго разу.

Въ славянскомъ языкѣ имѣется во всѣхъ группахъ склоненія *особый,* этимологически *отчеканенный* localis, но только мы, чувствуя его лишь во вторичной роли, обыкновенно даже *не называемъ* его »мѣстнымъ« падежемъ, а примѣняемъ къ нему терминъ »*предложный* падежъ.« Въ такой роли (т. е. въ роли падежа, соединяющагося съ *предлогами* и употребляющагося *исключительно* для »сопоставленія предмета съ предметомъ«) даже *не желательно* его изслѣдовать, такъ какъ мы тутъ не находимъ характерныхъ чертъ, которыми онъ въ *свою* очередь шелъ бы навстрѣчу предлогамъ для *пополненія* той картины, которую долженъ нарисовать *весь* предлоговый оборотъ. Мы говоримъ — »нѣтъ характерныхъ чертъ«, кромѣ, пожалуй, одной: это — та, которая отличаетъ *старинный* славянскій local, употреблявшійся *самостоятельно* т. е. *безъ* предлоговъ. Въ ста-

рину говорили *Кыевѣ*, *лѣтѣ* и. т. д. Но это опять таки не больше, не меньше какъ то же *просторовое* значеніе греческихъ *χαμαί οἴκοι* и т. п.*) Этимъ *просторовымъ* значеніемъ, т. е. самимъ тѣмъ *гдѣ*, которое въ немъ заключается, нашъ »предложный« падежъ *дѣйствительно* идетъ навстрѣчу предлогамъ (напр. *въ рѣкѣ*), точно также какъ *вещный* падежъ часто шелъ навстрѣчу предлогамъ своимъ *куда* (напр. *въ рѣку*), однако это »*куда*« было лишь *метафорою* »объекта дѣйствія«, а »*гдѣ*« можетъ ли быть выведено какъ метафора чего-нибудь?

Но, можетъ быть, намъ слѣдуетъ принимать это просторовое значеніе на вопросъ *гдѣ* за *первоначальное* значеніе local'a? Нѣтъ. Тогда мы очутились бы въ томъ же заколдованномъ кругу, изъ котораго уже нѣсколько разъ старались выйти. Тогда и между остальными падежами пришлось бы отыскивать такіе, въ которыхъ просторовыя значенія на вопросы *куда* и *откуда* можно бы провозгласить за первоначальныя (вопросы *гдѣ*, *куда* и *откуда* не могли не пользоваться »первоначально« однородными средствами языка.**) Но такихъ падежей, — не говоря о томъ, что, найди мы ихъ, формы на *θι–θεν–δε* потеряли бы всякій смыслъ, — положительно *нѣтъ*. Не провозглашать же просторовое значеніе на вопросъ *откуда* за первоначальное въ Ablativ'ѣ, такъ какъ, напр., въ *славянскомъ* языкѣ — Ablativ'a не то что »первоначально«-*просторового*, а вообще *никакого* нѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ склоненіяхъ славянскаго языка *не видать* особыхъ формъ Ablativ'a, а въ *просторовомъ* смыслѣ на вопросъ *откуда* онъ *всегда* прибѣгаетъ къ предлогамъ. А между тѣмъ, будь просторовое значеніе *первоначальнымъ* значеніемъ Ablativ'a, — этотъ *про-*

---

*) Въ *просторовомъ* значеніи можно встрѣтить въ греческомъ языкѣ даже »этимологически *неотчеканенные*« local'ы. Сравни: *Δήλῳ δὲ νέον ἔρνος ἀνερχόμενον ἐνόησα* (Od. ξ. 224). Собственно, даже не знаешь, принимать ли *Δήλῳ* за просторъ, *гдѣ* происходило *ἀνέρχεσθαι*, или даже за нѣчто, что *сполна* равняется предлоговому обороту, и въ чемъ *просто* „*сопоставляется предметъ съ предметомъ*“, т. е. *νέον ἔρνος* съ *Δῆλος*.

**) Вторично предупреждаемъ, что этотъ аргументъ придется въ свое время *ослабить*, или, по крайней мѣрѣ, видоизмѣнить.

сторовый Ablativ *непремѣнно* отыскался бы въ славянскомъ языкѣ, разъ послѣдній имѣетъ такіе local'ы, какъ *Кыевѣ*, съ *просторовымъ* значеніемъ. — Что же касается просторового значенія на вопросъ *куда*, то въ лучшемъ случаѣ ему можно отвести въ *греческомъ* языкѣ падежъ *вещный*, съ его оттѣнкомъ »*цѣли* движенія«, а въ славянскомъ — dativ (Новугороду). Но можно ли его провозгласить за *первоначальное* значеніе этихъ падежей? Обстоятельство, что на вопросъ *куда* отвѣчаютъ въ двухъ *родственныхъ* языкахъ *разные* падежи, не служитъ ли *прямымъ* доказательствомъ того, что просторовое значеніе на вопросъ »куда« *навязано* падежамъ (иначе языки *сошлись* бы въ *выборѣ* падежа). Мы уже не говоримъ о томъ, что вопросъ о метафористикѣ, какъ мы его поставили на стр. 255, былъ бы неразрѣшимъ.

Славянскій языкъ, преимущественно чешское нарѣчіе, представляетъ цѣлую группу характерныхъ local'овъ. Это — формы dobře, věrně, blaze и т. д.*) Хотя ихъ грамматика называетъ »нарѣчіями«, но мы о нихъ должны повторить то же, что сказали на стр. 267 о греческихъ формахъ καλῶς и др., являющихся substantiv'ными *ablativ'ами*. Не имѣлъ ли первоначально и localis этическаго смысла? Если *καλῶς ταῦτα ἐποίησε* значитъ »онъ это сдѣлалъ, *исходя* отъ прекраснаго«, то *on slouží věrně* могло бы обозначать: онъ служитъ, *вращаясь въ области* вѣрности. Конечно, это этическое значеніе могло впослѣдствіи опять таки »огрубѣть«, да и *огрубѣло* на дѣлѣ, перейдя въ *просторовое* значеніе, и даже, быть можетъ, въ значеніе, составлявшее первоначально функцію *предлоговыхъ* оборотовъ, какъ это мы замѣтили на выраженіи *Δήλῳ νόον ἔρνος ἀνερχόμενον ἐνόησα* (смотри подстрочное примѣчаніе на стр. 271). Въ этомъ »огрубѣвшемъ« видѣ мы можемъ назвать, пожалуй, нашъ падежъ падежемъ »мѣстнымъ«

*) Delbrück (Grundr. III, 573): Locativische Adverbien von Adjectiven liegen zwar auch in den von mir herangezogenen slavischen Sprachen vor, sind aber besonders häufig im čechischen; затѣмъ Дельбрюкъ приводитъ примѣры въ родѣ нашихъ *добрѣ* и др. (сравни также Miklosich Vergl. Gramm. IV. 652.)

Этотъ то мѣстный падежъ мы и встрѣчаемъ въ *δοτικῇ* при *ἐν**). Въ другихъ двухъ примѣрахъ на *πρός*, приведенныхъ на стр. 269, мы также должны усматривать мѣстный падежъ, и притомъ *необходимый*, вносящій въ мысль нѣчто *новое* отъ себя, а не то что »*поддерживающій*« лишь своимъ значеніемъ значеніе предлога, какъ это было при *ἐν*: *Ὡς ὁ Λάϊος κατασφαγείη πρὸς τριπλαῖς ἁμαξιτοῖς* значитъ »*супротивъ* перекреста и *на* немъ«, и то же самое мы видимъ въ *μή με βάλῃ ποτὶ πέτρῃ κῦμα.* Мы бы не отличали втораго примѣра отъ перваго, если бы не то обстоятельство, что на *πέτραν* можно смотрѣть еще какъ на *цѣль движенія*, и тогда придется объяснить, почему здѣсь поставленъ не вещный падежъ, а мѣстный.

Дѣло въ томъ, — это извѣстно. впрочемъ, читателю и безъ нашего объясненія, — что часто при выраженіяхъ движенія языкъ въ симасіологическихъ ихъ дополненіяхъ указываетъ не на *цѣль*, а на *результатъ* этого движенія. Такъ и по русски говорятъ *куда ты кладешь книгу*, и рядомъ съ этимъ встрѣчается выраженіе *гдѣ ты положилъ книгу* (*куда ты дѣвалъ это* и *гдѣ ты дѣвалъ это* и т. д.).

А теперь сообщимъ и соображеніе, о которомъ мы уже нѣсколько разъ предупреждали читателя, и на которое въ первый разъ наткнулись при разборѣ примѣра *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον* (стр. 252). Правильно ли, что мы въ предлоговый оборотъ, имѣющій *одну* падежную форму, вносимъ *два* симасіологическихъ оттѣнка? Правильно ли, что въ *μετά* съ *dativ'омъ* и въ *πρός* съ *dativ'омъ* мы искали — то *мѣстный* падежъ, то »*δοτικὴν* при *σύν*«, а *πρός* съ genitiv'омъ сводили то къ *родовому* падежу, то къ »огрубѣвшему« ablativ'ному оттѣнку? Если при *ἐν* соединяющійся съ нимъ dativ былъ падежемъ *мѣстнымъ*, а при *σύν* — совершенно другимъ падежемъ, то это вполнѣ понятно: само *ἐν* и само *σύν* искали себѣ падежей согласно своему *собственному* смыслу, и если эти искомые ими и *неодинаковые* падежи встрѣтились въ одной этимологической формѣ, то это чистая

*) Теперь ясно, что *δοτικὴ* при *ἐν* есть не *собственная δοτική*, а *мѣстный* падежъ, функцію котораго *приняла* на себя *δοτική*.

случайность, не приводящая въ языкѣ ни къ какимъ недоразумѣніямъ, такъ какъ всякія недоразумѣнія разрѣшаетъ *именно* »собственный« смыслъ самихъ предлоговъ. Русское »*отъ*« требуетъ »огрубѣвшаго« ablativ'наго оттѣнка, русское »*у*« требуетъ *родоваго* падежа, и никто никогда не смѣшаетъ этихъ падежей, если ему придется сопоставить выраженіе *отъ брата* съ выраженіемъ *у брата.* Но чтобы *извѣстная* падежная форма, пріуроченная къ *извѣстному* предлогу получала въ однихъ выраженіяхъ *одно*, а въ другихъ — *другое* значеніе, это едвали возможно. Тогда предлоговый оборотъ не составлялъ бы нѣчто совершенно самостоятельное въ языкѣ, находящее оправданіе для своего появленія лишь въ *предметѣ* (стало быть, въ *существительномъ*, — извлеченномъ ли, или дѣйствительно данномъ, — это другой вопросъ), съ которымъ отмѣченный при самомъ *предлогѣ* предметъ »сопоставляется«, а зависѣлъ бы въ своей *симасіологіи*, т. е. въ своихъ симасіологическихъ *оттѣнкахъ*, отъ какихъ нибудь *другихъ* словъ. Провѣримъ еще разъ толкованіе четырехъ, а то даже пяти примѣровъ на *πρός*, въ которыхъ мы искали »огрубѣвшій« ablativ'ный оттѣнокъ на стр. 268–9. Не былъ ли тамъ навязанъ этотъ оттѣнокъ родовому падежу словами *ожидаешь*, *получила*, *исходящій* и *по приказанію*, *исходящему отъ*...? Не имѣютъ ли всѣ эти *ожидаешь* и подобныя (они даны то въ текстѣ, а то лишь въ *контекстѣ*) — не имѣютъ ли они для предлога и для его падежа такъ же мало значенія, какъ имѣли глаголы *ἦλθον* и другіе для *εἰς* и его вещнаго падежа? (смотри выше стр. 242). И кто будетъ искать въ выраженіи *я отнялъ книгу у брата* »огрубѣвшій ablativ'ный оттѣнокъ« даже въ *томъ* случаѣ, если тутъ идетъ рѣчь не о »сопоставленіи« *книги* съ братомъ, а о »сопоставленіи« *отнятія* съ братомъ (въ русской фразѣ »отними это у брата« рисуется *отнятіе* происходящимъ *у* брата)? Въ виду всего этого мы не можемъ настаивать на »огрубѣвшемъ ablativ'номъ оттѣнкѣ« въ нашихъ пяти случаяхъ появленія Genitiv'a при *πρός*. Что касается нашего предложенія искать въ нѣкоторыхъ случаяхъ при *πρός* и *μετά*

»*δοτική* при *σύν*«, то о нихъ можетъ быть рѣчь только тогда, когда мы ближе познакомимся съ самою этою *δοτική*.

Остается разобрать *πρός* съ вещнымъ падежемъ. Эти явленія не представляютъ собою ничего новаго сравнительно съ тѣмъ, что намъ уже извѣстно, а потому ограничимся толкованіемъ типичныхъ примѣровъ:

πρὸς ἡδονήν = супротивъ удовольствія, *достигая* его, или *стремясь* къ нему = *ради* удовольствія.

πρὸς τί ταῦτα λέγεις = супротивъ чегó и *желая* чегó *достигнуть*, ты это говоришь?

πρὸς τὰ πάτρια ἔθη ζῆν — жить супротивъ старинныхъ обычаевъ, *достигая* ихъ = *подражая* имъ = жить *по* обычаямъ старины.

ἐβουλεύοντο πρὸς τὴν παροῦσαν συμφοράν = они разсуждали супротивъ (= въ виду) настоящаго интереса, *разрабатывая* его въ своихъ разсужденіяхъ = они разсуждали *соотвѣтственно* настоящимъ интересамъ.

πρὸς ἑσπέραν = супротивъ вечера, съ *достиженіемъ* вечера, или, по крайней мѣрѣ, съ *стремленіемъ* къ нему.

ἔλεγε πρὸς ἐμέ — говорилъ супротивъ меня, *затрогивая* меня словами.

ὀρχεῖσθαι πρὸς αὐλόν — плясать супротивъ флейты, принимая во вниманіе и *въ руководство весь* ритмъ и *всю* мелодію, какую даетъ флейта.

ἄπιστον τὸ πλῆθος λέγεται ἀπολέσθαι ὡς πρὸς τὸ μέγεθος τῆς πόλεως (Thuc. 3. 113) — говорятъ, погибло число людей, неимовѣрное супротивъ величины города, принимая во вниманіе эту величину *всю*, *отъ начала до конца*.

Παρά. Этотъ предлогъ указываетъ на помѣщеніе чего нибудь *возлѣ* предмета. При отсутствіи всякихъ постороннихъ оттѣнковъ этотъ предлогъ долженъ, судя по прежнему, соединяться съ *родовымъ* падежемъ. И, дѣйствительно, мы его встрѣчаемъ въ этомъ сочетаніи (Soph. Antig. 1124: *Βακχεῦ, Βακχᾶν μητρόπολιν ναιετῶν παρ' ὑγρῶν Ἰσμηνοῦ ῥεέθρων* и др.). Родовой падежъ послѣ *παρά* встрѣчается особенно часто при названіяхъ тѣхъ предметовъ или, въ *данномъ* случаѣ, скорѣе *лицъ*, *у* которыхъ мы что нибудь бе-

ремъ, узнаемъ и т. п.: *τάδ' εἴσεται Κρέων ἄλλου παρ' ἀνδρός*. Послѣ данныхъ нами разъясненій мы не станемъ здѣсь искать »огрубѣвшаго« ablativ'наго оттѣнка, какъ его ищутъ нѣмецкіе грамматики, руководясь своимъ оборотомъ »*von* Jemandem etwas lernen«. Русскій оборотъ *учится у кого*, — оборотъ *цѣльный, не нуждающійся* ни въ какихъ пополненіяхъ (назову ли я предметъ, которому я учусь, или нѣтъ, это для »оборота« все равно), — показываетъ намъ, что *у кого* »зависитъ«, отъ *учится*. Переводя это на нашъ языкъ, мы скажемъ, что здѣсь »сопоставляется« *ученіе* съ лицомъ, у котораго я учусь, а не предметъ, *которому* я учусь, и не лицо, *которое* учится. Ученіе это представляется происходящимъ *возлѣ**) лица, у котораго я учусь, въ его, какъ бы, *сосѣдствѣ*, а потому и поставлено въ *греческомъ* языкѣ *παρά* съ *родовымъ* падежемъ на *общемъ* основаніи.

Παρά соединяется съ *мѣстнымъ* падежемъ, когда приходится обозначать не столько нахожденіе предмета *возлѣ* предмета, сколько скорѣе то, что предметъ *примыкаетъ* къ предмету; сравни: *ὁρμίζεσθαι παρὰ Χερρονήσῳ* (Xen. Anab. V. 10.2), *τηλαυγεῖ παρ' ὄχθῳ ἥστο* (Soph. Trach. 524) и др. Иногда *παρὰ* съ мѣстнымъ падежемъ просто обозначаетъ мѣстное пространство, *гдѣ* что нибудь происходитъ (*παρὰ βωμῷ ῥύειν;* Soph. Oed. Col. 1158); что предлоговый оборотъ получилъ *просторовое* значеніе, это не должно удивлять читателя послѣ всего, *разъясненнаго* нами.

Въ объясненіи явленій, гдѣ *παρά* соединяется съ падежною формою dativ'a, очень часто приходится думать о *собственной δοτική*. Когда говорятъ *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς*, то *παρ' αὐτοῖς* чувствуется какъ-то равносильнымъ простому *αὐτοῖς* (будешь безчестнымъ *у нихъ, для нихъ, въ ихъ глазахъ; αὐτοῖς* есть *формальное* существительное), а простое *αὐτοῖς* мы назвали бы, по принятому

*) Нѣмецкое *lernen von Jemandem etwas* представляетъ дѣло иначе; тамъ само то *etwas*, которому я учусь, рисуется *переходящимъ* къ учащемуся *отъ* лица, *у* котораго онъ учится.

въ грамматикѣ, въ данномъ случаѣ очень *мѣткому* выраженію, *этическимъ* dativ'омъ. Нѣтъ сомнѣнія, что *этическій* dativ представляетъ собою одинъ изъ оттѣнковъ *собственной δοτικὴ* (не искать же въ »ἄτιμος ἔσει αὐτοῖς« *мѣстнаго* падежа, а *instrumentalis*,* хотя нами еще не разобранъ, но въ *общемъ* онъ долженъ обозначать предметъ какъ нѣчто такое, *чѣмъ* что нибудь совершается, а это тоже къ нашему »ἄ τ ι μ ο ς ἔ σ ε ι α ὐ τ ο ῖ ς« не примѣнимо).

Что такое собственная *δοτική*? Это — та же *δοτικὴ*, которую мы до сихъ поръ называли »*δοτικὴ* при σ ύ ν« (ибо и при *σύν* ни о мѣстномъ падежѣ, ни объ instrumental'ѣ не можетъ быть рѣчи), и которая до сихъ поръ выступала какъ указатель *дѣятеля* (мы говорили, что это преимущественно *лицо*, а не неодушевленный *предметъ*), *равноправнаго* съ другимъ дѣятелемъ. Но этимъ ея значеніе не исчерпывается.

Говоря о глаголѣ, мы неоднакратно называли или *могли* называть предметъ, стоящій при немъ въ именительномъ падежѣ, носителемъ той *ἐνέργεια* или того *πάθος*, которыя отмѣчены въ залоговомъ оттѣнкѣ глагола. Именительный падежъ, этотъ »ближайшій опредѣлитель лица, обозначеннаго въ окончаніи самого глагола«, и находящійся, какъ мы въ свое время выяснили, въ отношеніи *логическаго равенства* съ лицомъ глагола (смотри выше стр. 179), — именительный падежъ, какъ выразитель *носителя τῆς ἐνεργείας* или *τοῦ πάθους*, въ риматическомъ предложеніи можетъ встрѣтиться только *разъ*, такъ какъ риматическое предложеніе имѣетъ только *одинъ* глаголъ съ *однимъ* лицомъ въ окончаніи (случаи, гдѣ *нѣсколько* именительныхъ падежей или *нѣсколько* глаголовъ *соединены* между собою черезъ какое-нибудь κ α ί или ἤ, *исключаются* изъ настоящаго разсужденія).

А если вдругъ понадобятся для осуществленія дѣйствія, выраженнаго въ глаголѣ, *два* носителя *τῆς ἐνεργείας* (о *πάθος* мы пока умалчиваемъ), — если понадобятся *два* дѣятеля или, скажемъ, — въ виду *множественнаго* числа глагола, — двѣ

*) Въ греческой падежной формѣ dativ'а, какъ выяснено на стр. 210, только и могутъ заключаться три падежа: *собственная δοτική*, *мѣстный падежъ* и *instrumentalis*.

стороны дѣятелей? Взаимно-движимое дѣйствіе (смотри выше стр. 103) потому, вѣдь, только и мыслимо, что дѣятель переводитъ свое дѣйствіе на другое лицо, а это лицо, въ *свою* очередь, переводитъ свое дѣйствіе на дѣятеля. Словомъ, »взаимно-переводное« дѣйствіе мыслимо только при *двухъ* дѣятеляхъ или при *двухъ* сторонахъ дѣятелей. Положимъ, взаимно-переводное дѣйствіе можетъ обойтись *именительнымъ* падежемъ: во фразѣ *οἱ φίλοι διαλέγονται* слово *οἱ φίλοι* можетъ выражать *обѣ* стороны дѣятелей. Но если бы мы пожелали выразить въ именительномъ падежѣ нашей фразы только *одного* изъ дѣятелей или *одну* изъ сторонъ, то должны будемъ сказать: *Σωκράτης διαλέγεται τοῖς συνοῦσι, οἱ Ἀθηναῖοι μάχονται τοῖς Λακεδαιμονίοις; τοῖς συνοῦσι* и *τοῖς Λακεδαιμονίοις* суть, несомнѣнно, *собственныя δοτικαί.*

Все это разсужденіе представляетъ собою лишь болѣе подробное изложеніе того, что сказано нами на стр. 253. Имъ мы ничего новаго не выгадываемъ для *собственной δοτική* сравнительно съ тѣмъ, что о ней уже сообщено: *δοτική* и въ *взаимныхъ глаголахъ* указываетъ на лицо, какъ на *равноправное* съ лицомъ, показаннымъ въ »именительномъ падежѣ при глаголѣ« (объ этомъ терминѣ сравни выше стр. 177): мы говоримъ здѣсь о »лицѣ«, такъ какъ носитель *τῆς ἐνεργείας* есть непремѣнно *лицо,* или *олицетворенный* предметъ.

А теперь возьмемъ случай, гдѣ въ именительномъ падежѣ при глаголѣ обозначенъ носитель *τοῦ πάθους.* Чѣмъ же *тогда* обозначить самого дѣятеля, если его *нужно* почему либо опредѣлить? Хотя и говорятъ »*ἡ ἐπιστολὴ γέγραπται ὑπὸ Ξενοφῶντος*« (дѣло переводится на »сопоставленіе *предмета* съ *предметомъ*«, т. е. на сопоставленіе писанія съ Ксенофонтомъ, отъ котораго самое писаніе *удаляется*), однако *рядомъ* съ этимъ мы слышимъ »*ἡ ἐπιστολὴ γέγραπται Ξενοφῶντι*«. Dativ *Ξενοφῶντι* является здѣсь указателемъ не *равноправнаго* съ кѣмъ нибудь другимъ дѣятеля, а *просто* »дѣятеля«, на котораго, въ силу особаго пріема въ конструкціи предложенія, нельзя было указать *именительнымъ* падежемъ.

Есть ли dativ, появляющійся во фразѣ *ἐπιστολὴ γέγραπται Ξενοφῶντι*, *собственная δοτικὴ*, или нѣтъ? Едва ли. Русское выраженіе »письмо написано Ксенофон*томъ*« скорѣе указываетъ на *instrumentalis*. О *собственной δοτικὴ* мы могли бы въ нашей фразѣ толковать тогда, если бы она получила смыслъ »письмо написано Ксенофон*ту*« (= *для* Ксенофонта). Но тогда Ксенофонтъ былъ бы ужъ носителемъ не *τῆς ἐνεργείας*, а чего то, что совершилось помимо *всякаго* участія съ его стороны, т. е. онъ былъ бы носителемъ настоящаго *πάθους*. Онъ былъ бы такимъ же носителемъ *πάθους*, какимъ онъ является во фразахъ *μέλει μοι τοῦ δεῖνα, δεῖ μοι τοῦ δεῖνα* (вообще въ *безличныхъ* глаголахъ) *ἐγένετο μοι ταῦτα* и т. п.

Выходитъ, что *собственная δοτικὴ* въ риматическихъ предложеніяхъ обозначаетъ носителя и *ἐνεργείας* и *πάθους*, другими словами, что она между *косвенными* падежами можетъ оказать глаголу такую же услугу, какъ »*именительный* падежъ при глаголѣ«. Она появляется при глаголѣ либо какъ *помощница* именительному падежу (когда нужно указать на *двѣ* стороны дѣятелей), либо — вслѣдствіе какой нибудь синтаксической необходимости. — *вмѣсто* именительнаго падежа (при *μέλει μοι* и под.), либо, вообще, чѣмъ то *въ родѣ* именительнаго падежа (*γίγνεταί μοι τοῦτο*). Она, хотя и »падаетъ«. но ея »паденіе« не является такимъ *ὕπτιον*, какимъ оно оказалось въ *вещномъ* падежѣ (гдѣ, такъ сказать, съ предметомъ можно было дѣлать что угодно) а представляетъ лишь небольшое уклоненіе, происшедшее отъ случайнаго обстоятельства: въ предложеніи нѣтъ *мѣста* для того, чтобы она стояла *ὀρθῶς*, какъ именительный падежъ.

Что касается *этической δοτικὴ*, то она не имѣетъ того непосредственнаго отношенія къ глаголу, о которомъ мы говорили до сихъ поръ, но этимъ только *расширяетъ* роль собственной *δοτικὴ* въ рѣчи. Если *δοτικὴ* при глаголѣ указываетъ на носителя *ἐνεργείας* или *πάθους*, выраженныхъ въ самомъ глаголѣ, то въ этической *δοτικὴ* указывается, какъ извѣстно, на *главнаго судью*, на носителя, какъ бы, той мысли, которая выражена *во всей рѣчи*, заключающей

въ себѣ эту *δοτικήν*. И въ *δοτικῇ* при глаголѣ, и въ этической *δοτικῇ* — предметъ, выраженный падежемъ, рѣзко выступаетъ какъ *лицо*, т. е. какъ нѣчто *одушевленное*. Лицомъ по преимуществу являлся предметъ и въ *δοτικῇ* при *σύν*, и этою олицетворенностью предмета нашъ падежъ отличается *положительно* отъ всѣхъ косвенныхъ падежей. О ней, какъ о преобладающей, нельзя говорить ни въ *родовомъ* падежѣ, ни въ »огрубѣвшемъ« *ablativ'номъ* его оттѣнкѣ, если таковой придется признавать за греческимъ родовымъ (до сихъ поръ *не было* въ немъ надобности), ни въ instrumental'ѣ (хотя въ *Ξενοφῶντι γέγραπται* — признанное нами за instrumentalis *Ξενοφῶντι* оказывается *лицомъ*, но все же instrumentalis долженъ оставаться выразителемъ того, *чѣмъ*, а не *кѣмъ* что нибудь дѣлается). Что же касается *вещнаго* падежа, то онъ составляетъ въ этомъ отношеніи прямую *противоположность* нашей *δοτικῇ*. Когда я говорю *ζημιῶ αὐτόν*, то не представляется ли наказываемый *именно* вещью, съ которою я, какъ мы выразились выше, дѣлаю, что мнѣ угодно. Съ другой стороны, когда говорятъ *этому дѣлу не поможешь*, то не представляется ли самое *дѣло* чѣмъ то *главнымъ* въ отнесенной къ нему мысли? — не является ли оно *тоже*, какъ бы, носителемъ *πάθους*, совершаемаго черезъ дѣйствіе *помогать*, и въ то же время *руководящимъ* моими дѣйствіями, — такъ сказать, *хозяиномъ* ихъ, точно *одушевленное* существо, имѣющее свои интересы, которые я соблюдаю. Мысль о руководствѣ и хозяйничаніи мы прибавили по *двумъ* причинамъ. Съ одной стороны это нужно было прибавить по *существу*. Ибо и въ этомъ *хозяйничаніи* и *руководствѣ* проявляется, да и прямо *чувствуется* »личность« лица, показаннаго въ *δοτικῇ*, не иначе чѣмъ она проявляется и *чувствуется* въ этомъ падежѣ, когда я въ немъ указываю на кого нибудь, *съ кѣмъ* я *борюсь*, *кому* я (форма *кому* есть *собственная δοτικῇ*) »*противодѣйствую*«. Съ другой стороны нужно было упомянуть о »хозяйничаніи«, о »соблюденіи интересовъ«, — съ этою цѣлью мы говорили и о »противодѣйствіи«, — чтобы выяснить *полную* противоположность *τῆς δοτικῆς вещному* падежу.

Если бы мы не упоминали объ этихъ обстоятельствахъ, если бы мы, въ толкованіи фразы *этому дѣлу не поможешь*, оставались при одномъ терминѣ »носителя *τοῦ πάθους*«, то намъ можно было бы возразить, что и въ *ζημιῶ τὸν παῖδα*, стало быть, и въ *вещномъ* падежѣ, *παῖς* является »носителемъ *τοῦ πάθους*«, хотя болѣе правильно и болѣе согласно съ значеніемъ падежей будетъ, если мы *здѣсь* на *παῖδα* будемъ смотрѣть *именно* какъ на *вещь; носителемъ τοῦ πάθους*, т. е. чѣмъ то главнымъ, на чемъ все сосредоточивается, и настоящею *личностью* будетъ *παῖς* только во фразахъ *ὁ παῖς ἐζημιώθη* и *ταῦτα ἐγένετο τῷ παιδί*.

Греки, назвавъ *всякую* падежную форму dativ'а »*δοτική*« или »*ἐπισταλτική*«, повидимому, при созиданіи этого термина имѣли въ виду глаголы *δίδωμι* и *ἐπιστέλλω*, которые имъ показались *представителями* глаголовъ, дополняющихся этою падежною формою. Это — терминъ, несомнѣнно, болѣе слабый и менѣе философскій, чѣмъ другіе термины, характеризующіе падежи. Но также несомнѣннымъ оказывается и то, что этимъ терминомъ падежная форма dativ'а обозначена какъ *собственная δοτική*. Ибо и *δίδωμι*, и *ἐπιστέλλω* предполагаетъ *двухъ* дѣятелей: когда я *даю*, то другой *принимаетъ*, и когда я »поручаю«, то другой исполняетъ. Мы, на основаніи всего сказаннаго, назвали бы собственную *δοτικὴν личнымъ**) падежемъ, въ противоположность *вещному*. Не будемъ, конечно, терять изъ виду того, что для *оправданія* этихъ терминовъ нужно часто овеществлять одно и олицетворять другое.

Что же теперь дѣлать съ примѣромъ *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς*? Признавать ли въ немъ личный падежъ, или нѣтъ? То соображеніе, что *извѣстная* падежная форма,

---

*) Усматриваніе въ собственной *δοτική личнаго* преимущественно падежа мы встрѣчаемъ и у Дельбрюка (см. выше стр. 237), и не только у него, но еще раньше. Жаль только, что это осталось безъ послѣдствій для опредѣленія *значенія* этого падежа. Kühner (Ausf. Gramm. II. 349) замѣчаетъ: Dass der Dativ recht eigentlich der Personencasus ist, geht aus der Erscheinung vor, dass es Sprachen giebt, die, wenn eine *Person* Gegenstand eines sonst transitiven Verbs ist, den Dativ gern statt des Accusativ gebrauchen.

пріуроченная къ *извѣстному* предлогу, едва ли можетъ раздваиваться въ своей падежной симасіологіи, говоритъ *противъ* личнаго падежа въ нашемъ примѣрѣ, такъ какъ признаніе за dativ'ною формою *другого* падежа, именно *мѣстнаго*, при предлогѣ *παρά* является симасіологическою *необходимостью*. Не переводить же *ὁρμίζεσθαι παρὰ Χερρονήσῳ* или *ἧστο παρ' ὄχθῳ*, или *παρὰ βωμῷ θύειν* (см. стр. 276) на *личный* падежъ! Но нельзя ли *наоборотъ?* — нельзя ли то, изъ за чего мы въ *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς* думали о *личномъ* падежѣ, вывести изъ значенія *мѣстнаго* падежа? Мѣстный падежъ оказался огрубѣніемъ *этической почвы, на которой* совершается —, или *этической области, въ которой* вращается дѣйствіе. Другими словами, мѣстный падежъ указывалъ на предметъ какъ на нѣчто такое, къ чему что нибудь другое непосредственно *примыкаетъ,* — съ чѣмъ что нибудь другое непосредственно *связывается.* Такъ было при *ἐν*, такъ было и въ *μετὰ χερσὶν*, и въ *πρὸς τριπλαῖς ἁμαξιτοῖς ἐσφάγη*, и въ *παρὰ βωμῷ θύειν*. Если толковать о *локальности* въ мѣстномъ падежѣ, то эту *локальность* придется принимать въ *ограниченномъ* смыслѣ. И въ выраженіи *птица надъ крышею* есть локальность, но это — не локальность, вытекающая изъ »огрубѣнія« этической почвы, *на* которой что нибудь совершается или этической области, *въ которой* что нибудь вращается, О такой локальности можно толковать лишь въ выраженіяхъ »труба *на* крышѣ«, »стропила *непосредственно подъ* крышею« и т. п. И не выходитъ ли то, изъ за чего мы думали въ *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς* о *личномъ* падежѣ, *метафорою* такой локальности? Если какое нибудь лицо является *главнымъ судьею* въ чемъ нибудь, или распорядителемъ и вообще хозяиномъ чего нибудь, или просто, какъ мы говорили, *носителемъ τῆς ἐνεργείας* или *τοῦ πάθους*, то не сосредоточивается ли *на* немъ или *въ немъ* все то, о чемъ оно судитъ, чѣмъ оно распоряжается, носителемъ чего оно является? И не есть ли само *выраженіе* »сосредоточиваться *на комъ* или *въ комъ*« — не есть ли и *оно* метафора локальности *мѣстнаго* падежа, и не свидѣтель-

ствуетъ ли и *оно* о томъ, какъ легко »*личность*« лица перевести на локальность *мѣстнаго падежа?*

Да, мы думаемъ, что въ *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς* мы имѣемъ дѣло *только* съ локальностью, — съ локальностью *мѣстнаго* падежа, съ локальностью *метафоризированною*, и что *ἄτιμος ἔσει παρ' αὐτοῖς* слѣдуетъ толковать: ты будешь безчестенъ въ ихъ *сосѣдствѣ*, непосредственно примыкающемъ *къ нимъ*. И въ *πρὸς ἑταροῖσι κακοῖσιν ὕπνος* (см. стр. 269) мы должны видѣть простое *примыканіе* чего то къ чему то. Что касается *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον*, то и его, конечно, можно перевести на *мѣстный* падежъ, какъ мы это на стр. 252 и сдѣлали, хотя не знаемъ, не свернуло ли тутъ *μετά* на путь *аналогіи* съ словомъ *σύν*. Эта »аналогія«, — эта *ложная* аналогія, которая такъ часто беретъ верхъ надъ явленіями языка, это *забвеніе собственной* роли предлога *μετά* въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ, пожалуй, способно *ослабить* соображеніе, что *извѣстная* падежная форма, пріуроченная къ *извѣстному* падежу, не должна бы симасіологически раздваиваться. Но если и въ *μετ' Ἀχαιοῖσιν πολέμιζον* мы имѣемъ дѣло съ *мѣстнымъ* падежемъ, то *единственнымъ* случаемъ появленія *личнаго* падежа при предлогахъ остается до сихъ поръ *только* случай съ *σύν*. При *σύν* мы отъ *личнаго* падежа *не можемъ* отказаться, такъ какъ въ *личномъ* падежѣ мы видимъ здѣсь, какъ о томъ въ свое время толковали, лучшее и *необходимое* пополненіе *предлога*, для достиженія той *общей* картины, которую рисуетъ *весь* предлоговый *оборотъ*.

Возвратимся къ предлогу *παρά*. При немъ осталось разобрать еще только *вещный* падежъ. Какъ въ *πρός* съ вещнымъ падежемъ, такъ и здѣсь не придется открывать ничего новаго по вопросу о падежахъ, и вся наша задача будетъ состоять въ томъ, чтобы исчерпать, по возможности, всю *метафористику* этого предлоговаго оборота.

ἔρχεται παρὰ Πρωταγόραν становится возлѣ Протагора, дѣлая Протагора *цѣлью* движенія.

παρὰ ποταμὸν — возлѣ рѣки, *отъ начала ея до конца*, то есть, отъ начала до конца на *извѣстномъ* разстояніи — *вдоль* рѣки.

παρὰ τὴν ἐκείνου ἀρχὴν = *вдоль* его начальствованія, *отъ начала до конца* = во *все* время —, а то и просто »*во* время« — его начальствованія (*разстояніе* тутъ можно *сократить*, какъ его можно было сократить а при *παρὰ ποταμόν*).

ταῖς ἐκ τῶν νόμων τιμωρίαις παρ' αὐτὰ τὰ ἀδικήματα χρῆσθαι (Dem. 18. 13) = наказанія, вытекающія изъ законовъ, примѣнять *вдоль* преступленій, *рядомъ*, *параллельно* съ преступленіями = *сейчасъ*, не откладывая ихъ.

παρὰ τὴν δόξαν = *вдоль* ожиданія, *не встрѣчаясь* нигдѣ съ нимъ, *минуя* его = *противъ* ожиданія.

παρὰ τὴν Βαβυλῶνα παριέναι = идти *все* лишь возлѣ Вавилона = *обойти* Вавилонъ.

παρὰ τέτταρας ψήφους μετέσχε τῆς πόλεως (Isocr. 3·37) = *минуя* четыре голоса = *помимо* нихъ = *не будь* четырехъ голосовъ, онъ могъ попасть въ распорядители общественными дѣлами.

ἕκαστος οὐ παρὰ τὴν ἑαυτοῦ ἀμέλειαν οἴεται βλάψειν (Thuc. 1.41) = каждый думаетъ, что вредъ возникнетъ не *вдоль* его безпечности, что вредъ, если возникнетъ, то не *рядомъ*, не *черезъ* его собственную безпечность.

ὀνομάζειν τι παρά τι (Plat. Crat. 339 a) = поименовать что нибудь *вдоль* чего нибудь = *рядомъ* съ чѣмъ нибудь = *соотвѣтственно* чему нибудь (русское *соотвѣтственно* предполагаетъ *параллельность*, а параллельность указываетъ на *линію*, *вдоль* которой что нибудь идетъ).

παρὰ τὰ ἄλλα ζῷα ὥσπερ θεοὶ οἱ ἄνθρωποι βιοτεύουσιν (Xen. Memorab. I. 4·14) = *рядомъ* съ остальными животными = *сравнительно* съ остальными животными люди живутъ словно боги.

ὡς παρ' οὐδὲν ἄγειν τὸ πρᾶγμα (Soph. Ant. 35.) = вести дѣло такъ, какъ оно ведется *рядомъ* ни съ чѣмъ = вести дѣло такъ, какъ оно ведется *сравнивая* его ни съ чѣмъ = считать дѣло *ничѣмъ*, считать его пустымъ.

παρὰ μῆνα τρίτον = всегда *рядомъ* съ третьимъ мѣсяцемъ, *минуя* остальные два = каждый третій мѣсяцъ.

παρ' ἐνιαυτὸν = *минуя**) годъ = *черезъ* годъ, каждый *второй* годъ (это не значитъ, что нѣчто должно происходить *весь* второй годъ; тутъ, какъ и въ предыдущемъ примѣрѣ, вопросъ идетъ *только* объ опредѣленіи времени; ближе объ этомъ при предлогѣ *κατά*).

παρ' ἦμαρ = всегда *рядомъ* съ днемъ = что день, то дѣло = ежедневно (*здѣсь παρά* указываетъ опять на *прикосновенность* »дѣла« къ времени**).

Κατά — ἀνά. Κατά указываетъ на движеніе чего-нибудь *сверху внизъ*. Для рѣшенія вопроса о *падежахъ* при *κατά*, мы должны имѣть въ виду *четыре* разныхъ »отношенія.«

1. Если верхъ и низъ является верхомъ и низомъ *одного и того же* предмета, такъ что движеніе, указанное въ словѣ *κατά*, совершается *по* предмету, т. е. по его *поверхности, сверху до низу*, то *κατά*, согласно всему, что выяснено до сихъ поръ о падежахъ, должно соединяться съ *вещнымъ* падежемъ. Конечно, для того, чтобы поверхность имѣла *верхъ* и *низъ*, она не должна быть непремѣнно вертикальною или покатою. И поверхность *моря*, совершенно

---

*) Однако, что же это такое? Въ однихъ случаяхъ *παρά* указываетъ на то, что дѣло *касается* линіи временнаго пространства, а въ другихъ, что оно *минуетъ* ее. Таково ужъ свойство метафористики, приводить въ *многихъ* случаяхъ къ двумъ *совершенно* противоположнымъ результатамъ. Славянское *запамятовать* имѣетъ и такой смыслъ, что нѣчто *зашло* за память, т. е. осталось *внѣ* памяти, и такой, что нѣчто *зацѣпилось* за память, т. е. *удержалось* въ памяти. Разнообразіе смысла въ нашемъ *παρά* зависитъ отчасти отъ вопроса, что́ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мысленно противополагается тому *возлѣ*, на которое указано въ самомъ *παρά*. »Возлѣ« подчеркиваетъ или оттѣнокъ »*не вдали* отъ предмета«, а тогда *παρά* указываетъ какъ бы на *соприкосновеніе* чего нибудь съ предметомъ, или »оттѣнокъ« — не *въ самомъ* предметѣ«, а тогда въ »*παρά*« *отрицается* соприкосновеніе съ предметомъ. Такъ и чешское vedle (= возлѣ): то говорятъ vedle toho se musíš řídit (= этимъ ты долженъ руководиться), то — jdi vedle (= обойди).

**) И объ этомъ примѣрѣ будетъ еще рѣчь при предлогѣ *κατά*. Вопросъ относительно послѣднихъ трехъ примѣровъ — не только въ томъ, что въ нихъ не *весь* день, *весь* годъ и *весь* мѣсяцъ заняты тѣмъ или инымъ дѣломъ; здѣсь еще нужно выяснить самую *distributiv'ность* т. е. пониманіе ихъ въ смыслѣ *каждый* день, *каждый* второй годъ, *каждый* третій мѣсяцъ.

горизонтальную и ровную, грекъ представлялъ себѣ, соотвѣтственно зрительному воспріятію, вдали отъ берега *выше*, а на самомъ берегу *ниже*.

Объясненное нами *κατά* съ *вещнымъ* падежемъ поддается сличенію съ тѣмъ *παρά*, которое, соединяясь съ такимъ же падежемъ, имѣло значеніе русскаго »*вдоль* чего-нибудь.« Разница та, что 1. *παρά* рисуетъ лишь *параллельность* двухъ линій или площадей, а при *κατά* нѣчто одно *покрываетъ* собою другое; 2. при *παρά* само *направленіе* движенія можетъ идти и *сверху* внизъ, и *снизу* вверхъ, а при *κατά* — только *сверху* внизъ: *παρὰ τὸν ποταμόν* относится одинаково къ направленію *по теченію* рѣки и *противъ* ея теченія (*просто* »вдоль *берега*«), а *κατὰ τὸν ῥόον* обозначаетъ непремѣнно *по теченію* рѣки.

2. Если предметъ, съ которымъ что нибудь сопоставляется при посредствѣ предлога *κατά*, самъ находится *наверху*, такъ что движеніе этого »чего-нибудь« превращается въ *удаленіе* отъ этого предмета, то *κατά* должно соединяться съ *родовымъ* падежемъ. Возникаетъ вопросъ: усматривать ли въ этомъ *родовомъ* падежѣ простое *отрицаніе* занятія *однимъ* предметомъ *всей* поверхности другого предмета, слѣдовательно нѣчто *дѣйствительно* лишь *не спеціальное* и »родовое«, или же мы должны наконецъ все таки *признать* за родовымъ падежемъ функцію »огрубѣвшаго« ablativ'а? Во вниманіе къ *четвертому* пункту нашихъ замѣтокъ о *κατά*, долженствующему разобрать четвертый видъ »*отношеній*«, которыя выражаются при помощи этого предлога, мы рѣшаемся во *второмъ* пунктѣ толковать объ »огрубѣвшемъ« ablativ'ѣ, называя его *удалительнымъ* падежемъ (сравни выше стр. 268). *)

Верхнее положеніе предмета, отъ котораго что нибудь удаляется, приходится иногда чувствовать такъ же слабо,

*) Читателю, надѣемся, нетрудно будетъ убѣдиться, когда онъ разсмотритъ нашъ четвертый пунктъ, что *κατά* въ сочетаніяхъ *втораго* типа *никакъ* нельзя свести къ *κατά* въ сочетаніяхъ *четвертаго* типа, т. е. съ нимъ *никакъ* нельзя сдѣлать того, что мы сдѣлали съ *нѣкоторыми* оборотами предлоговъ *πρός* и *παρά*, оставляя ихъ при обще-*родовомъ* падежѣ (см. стр. 274 и 276). Конечно, разъ мы *признаемъ* удалительный падежъ, или, говоря точнѣе,

какъ чувствуется высшее положеніе дальней части моря. И по русски говорятъ одинаково »сошелъ *съ горы*« и »прибирай *со стола*«, хотя только въ *первомъ* примѣрѣ движеніе *сверху внизъ* чувствуется *рѣзко*, тогда какъ во *второмъ* мы въ сущности выражаемъ то же, что достаточно могло бы быть обозначено простымъ словомъ *прочь*, безъ особеннаго даже *отчеканиванія* движенія *внизъ*. Сравни слѣдующіе *греческіе* примѣры:

βῆ δὲ κατ' Ἰδαίων ὀρέων εἰς φύλοπιν αἰνήν (Il. π. 677) = съ Идейскихъ горъ *внизъ* въ страшное сраженіе.

Καὶ ἐῤῥίπτεον ἑωυτοὺς κατὰ τοῦ τείχεος κάτω (Herod. 8. 53) = со стѣны *внизъ*. Здѣсь *низъ* обозначенъ еще особымъ словомъ *κάτω* (симасіологическая тавтологія!). Слово *κάτω* есть *другая* часть рѣчи, чѣмъ *κατά*; оно имѣетъ такое же этимологическое отношеніе къ *κατά*, какъ *εἴσω* къ *εἰς* (сравни выше стр. 265).

ψυχὴ κατὰ χθονὸς ᾤχετο (Il. ψ. 100) = съ земли *внизъ* = *подъ* землю = въ подземное *царство*.

κατὰ τῆς γῆς ὑποδύομαι ὑπὸ τῆς αἰσχύνης (Xen. Anab. VII. 8. 11) = съ земли *внизъ* = *подъ* землю = *сквозь* землю проваливаюсь отъ стыда.«

Если мы въ толкованіе этого и предыдущаго примѣра внесли русское *подъ*, то этимъ хотѣли указать на способность фразы выразить дальнѣйшее *слѣдствіе* того, что она *непосредственно* должна выражать своимъ составомъ словъ (*тоже* своего рода *метонимія*, только не метонимія *слова*, а метонимія *фразы*): то что *двинуто* съ предмета внизъ, *можетъ* — это еще не значитъ, что непремѣнно *должно* — очутиться *подъ* предметомъ. Нечего, кажется, особенно распространяться о томъ, что движеніе подъ *предметъ* и нахожденіе подъ *предметомъ* не можетъ быть разсматриваемо, въ *данномъ* случаѣ, какъ нѣчто двоякое, долженствующее

— разъ мы признаемъ за обще-родовымъ падежемъ еще и функцію *удалительнаго* падежа, то эта функція должна быть нами принята и по отношенію къ предлогу *ἐξ*, такъ какъ самъ предлогъ *ἐξ указываетъ* на удаленіе и »предлоги принадлежатъ къ тѣмъ частямъ рѣчи, которыя, если могутъ найти спеціальный падежъ того же оттѣнка, какой выраженъ въ нихъ самихъ, непремѣнно съ нимъ соединяются«.

отразиться на *падежъ* слова *κατά:* то и другое *одинаково* представляетъ собою только *метонимію* фразы, стало быть нѣчто, *не выраженное* и могущее *оставаться* не выраженнымъ въ самой фразѣ и въ самомъ падежѣ слова *κατά*. Только при помощи *метонимiи* фразы выраженіе *οἱ κατὰ χθονὸς θεοί* получаетъ значеніе »боги, что подъ землею«.

κατὰ χειρὸς ἦν τὰ πράγματα (Pherecr. Chir. frg. 7) = дѣла шли съ рукъ. т. е. не съ рукъ *внизъ*, а съ рукъ *прочь*.

κατὰ νώτου — κατὰ προσώπου = съ тылу — съ фронту. Чтобы понять эти обороты, нужно предположить, что *νῶτον* и *πρόσωπον* обозначаютъ здѣсь не тылъ и лицо самого *человѣка,* самого *войска,* а въ силу метониміи *слова* (здѣсь идетъ рѣчь о *ней,* а не о метониміи *фразы*) — ту мѣстность, которая находится гдѣ то *вдали* за тыломъ и гдѣ то *вдали* отъ глазъ или отъ »лица« *человѣка* и всего *войска.*

Есть *нѣкоторое* основаніе отнести сюда же и такіе примѣры, какъ *ὃ καὶ μέγιστόν ἐστι καθ' ὑμῶν ἐγκώμιον* и *ψεύδεσθαι κατά τινος* (обыкновенно, какъ извѣстно, эти примѣры заключаютъ въ себѣ *malum* sensum). Относить ихъ къ *удалительному* падежу, т. е. ко *второму* пункту нашихъ замѣтокъ заставляетъ насъ русскій провинціализмъ »смѣяться *съ* кого-нибудь«. Смѣхъ въ данномъ случаѣ представляется удаляющимся *внизъ* съ того лица, »*съ*« котораго смѣются. Мы говоримъ здѣсь лишь о »*нѣкоторомъ*« основаніи относить подобныя явленія ко второму типу, потому что трудно возражать тѣмъ, которые захотѣли бы связать ихъ съ слѣдующими *ниже* примѣрами. Для того, чтобы рѣшиться на какую нибудь *одну* изъ этихъ возможностей, у меня не хватаетъ *чувства* языка.

3. Предметъ, съ которымъ что нибудь сопоставляется при посредствѣ *κατά*, можетъ помѣщаться и *внизу*. Помѣщающимся внизу можетъ представляться тотъ, *надъ* кѣмъ мы смѣемся, — *надъ* кѣмъ мы произносимъ *ἐγκώμιον* (иначе бы и русское *надъ* не имѣло смысла). Нечего говорить, что этотъ *низъ,* о которомъ мы толкуемъ въ данномъ пунктѣ нашихъ замѣтокъ, можетъ оказаться иногда такимъ же осла-

бленнымъ, какимъ былъ верхъ въ предшествующихъ примѣрахъ, и какою была покатость при *κατά* съ *вещнымъ* падежемъ.

Разъ предметъ помѣщенъ *внизу*, то *движеніе* сверху внизъ, показанное словомъ *κατά*, превращается въ движеніе къ предмету. При этомъ самъ предметъ опредѣляетъ собою или только *направленіе* движенія (то, *что* движется, *не попадаетъ* непремѣнно въ предметъ, а идетъ только въ *ту сторону,* гдѣ предметъ находится), или непосредственную *цѣль* движенія. Съ такимъ различіемъ движенія мы встрѣчаемся здѣсь *впервые*, и понятно, что если языку пришлось *выражать* это различіе, то онъ для *»непосредственной* цѣли« движенія долженъ былъ избрать *вещный* падежъ, а тогда,

4., для обозначенія движенія по *направленію* къ предмету, — къ предмету, находящемуся *внизу,* — у языка остается въ распоряженіи лишь общій *родовой* падежъ.

Итакъ, мы не избѣгли »симасіологическаго раздвоенія *извѣстной* падежной формы, пріуроченной къ *извѣстному* предлогу«: genitiv'ная форма при *κατά* оказывается во *второмъ* пунктѣ удалительнымъ падежемъ, а въ *четвертомъ* — родовымъ. Но не забудемъ, что если *κατὰ χθονός* въ однихъ случаяхъ должно обозначать *съ земли внизъ,* а въ другихъ — *по направленію къ землѣ*, то все различіе заключается *именно* въ положеніи земли, а на это положеніе не указываетъ *ни »κατά«*, *ни* genitiv'ная форма *χθονός;* это положеніе внесено въ предлоговый оборотъ *извнѣ*, и оно и управляетъ какъ симасіологіею *предлога,* такъ и симасіологіею присоединенной къ нему *падежной формы.* Нѣтъ сомнѣнія, что соображеніе о симасіологическомъ *раздвоеніи* падежной формы не имѣетъ значенія, разъ самъ предлогъ *κατά »растроился«* (предметъ находится то вверху, то внизу, то *и* верхъ, *и* низъ относится къ *предмету*).

Обозрѣвая примѣры, относящіеся къ 3^му^ и 4^му^ пунктамъ нашихъ »правилъ«, мы сразу замѣчаемъ въ греческомъ языкѣ нѣкоторую, — не скажемъ, неточность, а — вольность, или скорѣе — отсутствіе *педантизма.* Если вышеприведенные *ἐγκώμιον καθ' ὑμῶν* и *ψεύδεσθαι κατά*

τινος и т. п. принадлежатъ сюда, то, конечно, можно было представлять дѣло такъ, что *похвала*, *ложь* и т. д. *попадаютъ* въ хвалимаго, оклеветываемаго, а между тѣмъ грекъ представляетъ, что похвала и ложь произносятся только *по направленію* или, какъ мы выражаемся, *по адресу* кого нибудь. Мнѣ кажется, что *именно* выраженіе *по адресу* способно передать и *выяснить*, на сколько возможно — *передвиженіе* представленія о *затрогиваніи* хвалимаго похвалою къ представленію о простомъ »*отнесеніи*« похвалы къ хвалимому. Что же могло повліять на это передвиженіе представленія отъ »затрогиванія« къ простому »отнесенію«? Полное устраненіе *локальности*? (Мы говоримъ здѣсь не о локальности *мѣстнаго* падежа, о которой толковали на стр. 282, а о той *общей* локальности, для которой первоначально были *придуманы* предлоги). Едва ли. Тогда *вообще* появленіе какого бы то ни было предлога въ рѣчи потеряло бы *всякій* смыслъ. Не объ *устраненіи* локальности можетъ быть здѣсь рѣчь, а о ея *метафоризированіи*. Конечно, въ мысли, выраженной въ *κατά νηδύος ὔμμε φέρουσα* (Ap. Rh. 4. 1328), можно вскрыть и *дѣйствительную* локальность, но тогда пришлось бы, можетъ быть, употребить даже не предлогъ *κατά* (или возможенъ оборотъ *κατὰ νηδύν*? — *κατὰ θυμόν* = по всей *области τοῦ θυμοῦ* — дѣйствительно встрѣчается), а скорѣе предлогъ *ἐν* (*ἐν νηδύι φέρουσα ὔμμε* = *во* чревѣ носила васъ). Разъ, однако, сказано *κατὰ νηδύος*, то это *метафоризированная* локальность, и »*отнесеніе*« предмета къ предмету (въ данномъ случаѣ — предмета *φέρειν* къ предмету *νηδύς*, ибо при сопоставленіи *ὔμμε* съ *νηδύς* трудно не думать о *дѣйствительной* локальности) является *результатомъ* этой метафоры. Въ чемъ тутъ дѣло? Врядъ ли мы ошибаемся, утверждая, что представленіе простаго »*отнесенія*« предмета къ предмету, въ данномъ случаѣ, сводится къ представленію чего то *высшаго* по отношенію къ чему то низшему. Если я *a* »*отношу*« къ *b*, то *b* можетъ представляться мнѣ чѣмъ то, лежащимъ *внизу*, а *b* — придвигающимся къ нему *сверху*. А разъ *b* представляется лежащимъ *внизу*, то и

оправдывается предлогъ *κατά*, равно какъ оправдывается и *родовой* падежъ, такъ какъ — на это указано уже выше — »*отнесеніе*« можетъ представляться метафорою движенія *по направленію* къ предмету. Простое »отнесеніе« предмета къ предмету мы видимъ еще въ примѣрахъ: *ὤμνυε κατ' ἐξωλείας* (Dem. 21. 119), *καθ' ἡμῶν ὀμνύναι οὐκ ἤθελε* (Dem. 29. 26) и, вообще, *ὀμνύναι κατά τινος*; *εὐχὴν ποιήσασθαι κατὰ χιλίων χιμάρων* (Ar. Equ, 659); *κατὰ παντὸς τοῦ χρόνου σκέψασθε* (Dem. 22. 72); *κατὰ κόρρης πατάσσειν, κατὰ σκοποῦ τοξεύειν* и т. п.

Дѣйствительное *направленіе*, т. е. представленіе *дѣйствительной*, не *метафоризированной локальности*, съ указаніемъ притомъ на предметъ какъ на *не*-окончательную *цѣль* движенія, мы видимъ въ примѣрахъ: *κατὰ χθονὸς ὄμματα πήξας* (Il. γ. 217), *βᾶτε κατ' ἀντιθύρων ὅσον τάχιστα* (Soph. El. 1433), *τὸν κονιορτὸν εἶδε κατὰ τῶν ἰδίων φερόμενον* и т. д. Сюда же мы относимъ и примѣры въ родѣ *μύρον κατὰ τῆς κεφαλῆς καταχέαντες* (Plat. Resp. 3. 398 a), *κατὰ τοῦ πυρὸς σπένδειν* (Plat. Critias 120 a) и под. Ибо хотя то, что льется, должно *прежде всего* затронуть самый предметъ, показанный при *κατά*, но оно льется и дальше: *καταχέαντες κατὰ τῆς κεφαλῆς* не значитъ »лить *на* голову«, а »лить *по головѣ внизъ*«, по чешски — »líti *přes* hlavu«. Это то *přes* (= черезъ), предполагающее *продолженіе* движенія еще *послѣ* того, какъ затронутъ былъ предметъ, *по направленію* къ которому нѣчто было двинуто (*именно по* направленію къ предмету, а не *въ самый* предметъ, иначе о *продолженіи* движенія *за* предѣлами предмета не могло бы быть рѣчи), — это *přes* я вижу и въ примѣрѣ *κατὰ τοῦ πυρὸς σπένδειν*. Да и по русски, когда приказываютъ »*пустить струю воды по огню*«, то хотя и разсчитываютъ на то, что струя должна *затронуть* огонь, но въ языкѣ указываютъ только на направленіе *вообще*. Меня черезвычайно затрудняетъ омировское *κόπρος κατὰ σπείους κέχυτο μεγάλ' ἤλιθα πολλή* (Od. ι 330). Неужели и это мѣсто нужно понимать въ смыслѣ чешскаго *přes sluj*, т. е. черезъ пещеру и дальше? А можетъ быть, здѣсь идетъ дѣло о простомъ

»отнесеніи« предмета къ предмету? Или самый *текстъ* невѣренъ и требуетъ исправленія? Во всякомъ случаѣ, если тутъ указывается на *κόπρον*, разбросанную по *всей* пещерѣ, отъ начала до конца, то это мѣсто относится къ *первому* пункту нашихъ »правилъ«, и естественнѣе было бы ожидать *вещный* падежъ.*)

Указаніе на предметъ какъ на окончательную *цѣль* движенія, съ внесеніемъ притомъ, во фразу, представленія *локальности*, мы видимъ въ примѣрахъ *κατὰ στῆθος βαλεῖν, κατ' ἀσπίδα βαλεῖν*, а также въ *στὰς κατὰ τὰς πύλας* (Xen. Anab. V. 2. 16) и въ *κατὰ τὴν ὁδὸν ἐγένοντο* (Xen. Anab. IV. 3. 21). Трудно возражать тому, кто въ *στὰς κατὰ τὰς πύλας* хотѣлъ бы усматривать смыслъ »сталъ *вдоль* воротъ« (*κατὰ* было бы тогда ослаблено въ *παρά*). Что же касается примѣра *κατὰ τὴν ὁδὸν ἐγένοντο*, то отнесеніе его сюда лучше всего объясняется нѣмецкимъ »sich *auf* den Weg machen«. Нѣмецкое »sich *auf* den Weg machen« представляетъ самый путь чѣмъ то, находящимся *ниже* дѣйствія, относящагося къ пути, а разъ путь представляется *ниже*, то оправдывается и *κατά*. Такъ пришлось бы объяснять и *στὰς κατὰ πύλας*, если оно принадлежитъ сюда, а не къ *первому* пункту нашихъ »правилъ«.

Остается разобрать всю метафористику и вообще фразеологію въ »*κατά*« *перваго* пункта, — въ томъ *κατά*,

---

*) Если бы это выраженіе принадлежало болѣе позднему языку, а не омировскому, то мы были бы готовы думать о томъ, что предлогъ, допускавшій по значенію падежей столько разнообразія въ своей конструкціи, наконецъ шаблонизировался въ *господствующую* статистически конструкцію съ ослабленіемъ сознанія значенія падежей, хотя, — замѣчательно! — эта шаблонистика предлоговыхъ конструкцій наступила въ греческомъ языкѣ *очень* поздно, можно сказать, — лишь въ византійскій періодъ, и если Krumbacher, въ своемъ введеніи къ исторіи византійской литературы, не смущается тѣмъ, что такой или иной предлогъ въ византійскій періодъ сталъ появляться не съ тѣми конструкціями, какъ прежде, то онъ, конечно, съ своей точки зрѣнія правъ, мы же должны дорожить тѣмъ, что *классическій* періодъ безо всякихъ грамматикъ, а можетъ быть, скорѣе, *благодаря* отсутствію грамматикъ, до послѣдняго времени сохранилъ величайшую *чуткость* къ своему языку (даже въ *предлоговыхъ* конструкціяхъ).

которое мы сопоставляли съ *παρά*. Метафористика его и вообще фразеологія — широка и трудно объяснима.

ἥρωες κατὰ τὴν χώραν ἱδρυμένοι (Lyc. 1. 25) = по всей странѣ, *сверху до-низу* или, при ослабленномъ представленіи покатости, *отъ начала до конца.*

κατὰ δῆμον = *по* всему народу, *отъ начала до конца* = во всемъ народѣ.

εἴ τι μὴ ὀρθῶς πράττω κατὰ τὸν βίον ἐμαυτοῦ (Plat. Gorg. 489 a) = въ теченіе моей жизни (само выраженіе *»въ теченіе«* достаточно объясняетъ, что тутъ рѣчь идетъ о *протяженіи,* — такомъ же протяженіи, какъ въ *κατὰ δῆμον*).

κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον = въ это время; *κατὰ τοῦτον τὸν πόλεμον* = во время войны; *ἀδελφὼ δύο μίαν καθ' ἡμέραν ἀποκτονοῦντε* (Soph. Ant. 55) = въ теченіе одного дня = въ одинъ день; *τίς τὸν πλανήτην Οἰδίπουν καθ' ἡμέραν τὴν νῦν σπανιστοῖς δέξεται δωρήμασιν* (Soph. Oed. C. 3.) = кто приметъ меня въ этотъ день. На всѣхъ этихъ примѣрахъ придется подольше остановиться.

Въ выраженіяхъ *κατὰ τὴν χώραν, κατὰ δῆμον* и *κατὰ τὸν βίον ἐμαυτοῦ* мы толковали вещный падежъ. какъ то было дано самимъ *значеніемъ* падежа, въ смыслѣ указателя на площадь или линію, *цѣликомъ* занятую чѣмъ нибудь. Въ *только* что приведенныхъ примѣрахъ это выдерживается не вездѣ. Даже первое *κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον* не обязательно толковать въ смыслѣ *во все это время, отъ начала до конца,* а въ примѣръ *Soph. Oed. C. 3.* прямо *нельзя* влагать такого смысла, что Эдипа будутъ принимать *весь* день, *отъ начала до конца.* Въ чемъ тутъ дѣло? Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь *только* объ *опредѣленіи* времени. Оно могло быть опредѣлено *минутою* (говорятъ *»въ эту минуту«*), часомъ (говорятъ *»въ этотъ часъ«*), а въ данномъ случаѣ днемъ (сказано *»въ этотъ день«*). Но чѣмъ бы время ни опредѣлялось, всегда оно, *какъ* время, будетъ представляться *протяженіемъ,* и именно это *протяженіе, само* по себѣ, вызываетъ въ языкѣ, кажется, *прежде*

всего появленіе предлога *κατά*, а затѣмъ и появленіе вещнаго падежа. *Κατὰ τήνδε τὴν ἡμέραν τοῦτο γενήσεται* значитъ: »по этой линіи, если идти по ней сверху внизъ (да, именно *внизъ*, а не *до-низу*, какъ было, быть можетъ въ другихъ вещныхъ падежахъ при *κατά*), ты встрѣтишься съ *этимъ* явленіемъ.« *Русскій* языкъ употребляетъ въ данномъ случаѣ тоже вещный падежъ (въ *этотъ* день, въ *этотъ* часъ). При выборѣ вещнаго падежа, очевидно, русскій языкъ руководился тѣмъ же мотивомъ, какъ и греческій языкъ при выборѣ своего оборота »*κατὰ τήνδε τὴν ἡμέραν*.« *Вообще* русское »въ этотъ день« — очень похоже на *греческій* оборотъ, только *предлогъ* тутъ другой. Если бы русскій языкъ не считался съ протяженіемъ *самимъ по себѣ*, то его предлогъ »*въ*« долженъ бы соединяться съ падежемъ *мѣстнымъ*, а не вещнымъ. Это мы можемъ провѣрить на *греческомъ* языкѣ, который при предлогѣ, *соотвѣтствующемъ* русскому »въ«, *не принимая* »протяженія« въ разсчетъ, а выражая *простое* »сопоставленіе предмета съ предметомъ« (при этомъ простомъ сопоставленіи оказался одинъ предметъ *внутри* другого), говоритъ, напр., не *εἰς τοῦτον τὸν χρόνον*, а *ἐν τούτῳ τῷ χρόνῳ*. Въ виду послѣдняго обстоятельства мы и думаемъ, что, если русскій языкъ, считаясь съ единицею времени какъ съ »протяженіемъ«, началъ при *обозначеніи* этого »протяженія« прямо съ *падежа*, примѣняя къ нему *потомъ* уже предлогъ, *какъ пришлось*, *) то греческій языкъ началъ *именно* съ предлога. Предлогъ, соотвѣтствующій русскому »*въ*«, не представлялся ему такимъ выразительнымъ, какъ *κατά*. Послѣдній, рисуя движеніе *сверху внизъ*, гораздо больше былъ способенъ обозначить искомую картину »протяженія«, и вещный падежъ *единицы* времени, по которой это протяженіе *идетъ*, опредѣлялся уже, какъ-бы, *самъ собою*. То же самое мы видимъ въ послѣднихъ трехъ примѣрахъ предлога *παρά* (стр. 285); только

---

*) Въ чешскомъ яз., да и *ц.-славянскомъ*, въ подобныхъ случаяхъ употребляется даже *простой* вещный падежъ безъ *всякаго* предлога: говорятъ *tento den* (= сей день) и т. д.

тамъ рисовалось »протяженіе« не сверху внизъ, а просто отъ одной точки къ другой. *)

Перейдемъ къ *другимъ* примѣрамъ. На очереди теперь оборотъ *αὐτὸς καϑ' ἑαυτόν*. По русски говорятъ »самъ *по* себѣ.« Слово »*по*,« конечно, *способно* указывать на площадь, *цѣликомъ* занятую чѣмъ нибудь, а потому вещный падежъ въ данномъ греческомъ оборотѣ можно выяснить и при посредствѣ русскаго перевода. Но для *лучшаго* его выясненія сопоставимъ его съ выраженіемъ *κατὰ σφέας μάχονται* (Il. β. 366). *Κατὰ σφέας μάχονται* значитъ: сражаются, *не соединяясь* съ другими въ одинъ *общій* рядъ = сражаются, составляя, *отъ начала до конца*, рядъ исключительно изъ *однихъ себя*. Такъ и *αὐτὸς καϑ' ἑαυτόν* обозначаетъ: онъ самъ, составляя, *отъ начала до конца*, нѣчто цѣлое изъ *себя самого*.

Примѣромъ *κατὰ σφέας μάχονται* можно объяснить — объяснить черезъ *сопоставленіе* съ нимъ — еще и *другое* явленіе языка: вмѣсто *κατὰ σφέας* можно поставить *καϑ' ἕνα*. *Μάχονται καϑ' ἕνα* значитъ: они сражаются, такъ что *одинъ* составляетъ нѣчто цѣлое.

Много толкуютъ о distributiv'номъ значеніи слова *κατά*: *κατ' ἔϑνη*, *κατὰ τριακοσίους* = поплеменно, по три ста. Distributiv'ность заключается въ данномъ случаѣ въ *одинаковости рядовъ*. Спрашивается: указываетъ ли *κατά* на *всѣ* эти ряды, рисуя линію »сверху до низу« по отношенію ко *всѣмъ* имъ, т. е. *съ перваго до послѣдняго*, или же оно поставлено для обозначенія *одного* ряда, рисуя линію отъ *начала* этого ряда до его *конца*? Судя по обороту

---

*) Намъ скажутъ, что въ примѣрѣ изъ Софокла *κατὰ τήνδε τὴν ἡμέραν* мы имѣемъ дѣло съ третьимъ типомъ нашихъ примѣровъ, и что то *δέχεσθαι*, — тотъ пріемъ, о которомъ здѣсь говоритъ Эдипъ, и который въ данномъ случаѣ сопоставляется при посредствѣ предлога *κατά*, »попадаетъ« въ *ἡμέραν*, причемъ она представляется лежащею *внизу*. Словомъ, станутъ сравнивать нашъ примѣръ съ вышеприведеннымъ *κατὰ στῆϑος βαλεῖν* (сравни стр. 292). Въ такомъ случаѣ аналогія съ *παρά*, о которой мы здѣсь толкуемъ, потеряла бы весь смыслъ, а ея нужно непремѣнно держаться не изъ за *κατά*, но и изъ за самого *παρά*; ибо иначе *παρ' ἐνιαυτόν*, *παρὰ τρίτον μῆνα*, *παρ' ἦμαρ* было бы необъяснимо. А разъ *παρά* допускаетъ только *изложенное* объясненіе, то нечего отступать отъ него и при *κατά*.

μάχονται καθ' ἕνα и по связи его съ выраженіями *μάχονται κατὰ σφέας* и *αὐτὸς καθ' ἑαυτόν*, слѣдуетъ рѣшить нашъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что *κατά* относится къ обозначенію *одного* ряда. Но изъ чего же тогда можно заключить, что этихъ рядовъ нѣсколько? Въ оборотѣ *μάχονται καθ' ἕνα* это ясно видно изъ противопоставленія множественнаго числа *μάχονται* единственному числу *καθ ἕνα*. Въ другихъ случаяхъ это выражается множественнымъ числомъ, стало быть, — указаніемъ на *повтореніе* самихъ тѣхъ *единицъ*, которыя составляютъ каждая по себѣ рядъ (говорятъ »*κατ' ἔθνη*«, а не »*κατ' ἔθνος*«, причемъ рядъ состоитъ изъ *одного ἔθνος*). Иногда это достигается черезъ внесеніе въ текстъ слова *ἕκαστος* (*καθ' ἑκάστην ἡμέραν*). Но по большей части приходится объ этомъ догадываться при помощи *другого* соображенія. Что это за соображеніе?

Distributiv'но, какъ извѣстно, понимается и *κατ' ἦμαρ* (*μάχονται κατ' ἦμαρ*=сражаются день за днемъ). Мы уже разсуждали о томъ, что въ *κατ' ἦμαρ* не нужно влагать непремѣнно тотъ смыслъ, будто *все ἦμαρ* занято извѣстнымъ дѣйствіемъ, но что *ἦμαρ* есть только единица *времени*, опредѣляющаяся въ *данномъ* случаѣ днемъ, но могущая опредѣляться также и часомъ и т. д. Все зависитъ отъ подчеркиванія или неподчеркиванія представленія *единицы*. Когда Софокловскій Эдипъ говоритъ *τίς με δέξεται καθ' ἡμέραν τὴν νῦν*, то онъ выражаетъ не больше, не меньше какъ вопросъ: »кто́ меня приметъ въ тотъ промежутокъ времени, который *я* опредѣляю, или который опредѣляетъ сама ситуація *нынѣшнимъ днемъ*«? Въ *distributiv'номъ* же *μάχονται κατ' ἦμαρ* я вижу слѣдующее: сражаются *извѣстное* время, причемъ *единицу* времени, т. е. ту единицу, которою *измѣряется* время, составляетъ *день*. Такъ я толкую и три примѣра, оставшіеся *неоконченными* разборомъ на стр. 285): о »*παρ' ἦμαρ*« я бы повторилъ то же, что сказано о »*κατ' ἦμαρ*«; *παρὰ τρίτον μῆνα* указываетъ на то, что *единицу*, которою измѣряется время, составляетъ *третій* мѣсяцъ, а въ *παρ' ἐνιαυτόν* этою единицею

оказывается время по *прошествіи* года, т. е. *второй* годъ. Это толкованіе, конечно, непримѣнимо къ выраженію *μάχονται κατὰ τριακοσίους*, такъ какъ *τριακοσίους* есть *число*, опредѣленіе котораго обходилось *безъ* такихъ *случайныхъ* единицъ, какими являются *день* или часъ при опредѣленіи *времени*. Первое впечатлѣніе отъ оборота »*μάχονται κατὰ τριακοσίους*« *дѣйствительно* — такое, какъ будто *κατά* рисуетъ верхъ и низъ не *одного* ряда, а *всей* группы, составившейся изъ рядовъ (много, впрочемъ, зависитъ отъ того, какъ *поставлены* эти ряды, одинъ ли *за* другимъ, или одинъ *возлѣ* другого). Но если присмотрѣться къ дѣлу ближе, то *μάχονται κατὰ τριακοσίους* составляетъ *полную* аналогію обороту *κατ᾽ ἦμαρ*. Если въ *κατ᾽ ἦμαρ* все заключалось въ подчеркиваніи или неподчеркиваніи *единицы*, то здѣсь все заключается въ подчеркиваніи или неподчеркиваніи *линіи*; *μάχονται κατὰ τριακοσίους* значитъ: сражаются, при чемъ *линія*, по которой, согласно предлогу *κατά*, нужно идти, составляетъ число 300 (подразумѣвается, что этихъ линій *нѣсколько*).

Переходимъ къ разбору дальнѣйшихъ примѣровъ.

Διονύσῳ μὲν νυν τῷ ἐκ Σεμέλης τῆς Κάδμου λεγομένῳ γενέσθαι κατὰ ἑξακόσια ἔτεα καὶ χίλια μάλιστά ἐστι ἐς ἐμέ (Herod. 2. 145) = я считаю тутъ лѣтъ, *начиная съ перваго и идя все ниже*, приблизительно (приблизительность здѣсь выражена *прежде всего* словомъ *μάλιστα* = скорѣе всего = едва ли больше, или меньше, чѣмъ) 1600.

οὐ γὰρ ἦν κατὰ τὴν πόλιν (Plat. Theaet. 142a) = не было его по *всему* городу = не было его въ городѣ.

οἱ δὲ Πέρσαι ὡς εἶδον ἐπιφανεῖσαν τῶν Σκυθέων τὴν ἵππον, ἐπῄισαν κατὰ στίβον αἰεὶ ὑπαγόντων (Herod. 4. 122) = шли по *всей* линіи слѣдовъ = по слѣдамъ; такъ и *κατὰ πόδα* = по *всей линіи* движенія ноги = вслѣдъ за кѣмъ (или выражено тутъ просто *по ногѣ*, т. е. *накрывая* ногу?)

κατ᾽ ἄλλους δ᾽ αὖ τοιάδε ἔλεγεν (Xen. Cyrop. VII. 1. 12) = по рядамъ другихъ, *отъ начала рядовъ до конца*, раздавались такія то слова.

κατὰ τοὺς Λακεδαιμονίους ἔστησε Πέρσας (Herod. 9. 31.) = по *линіи*, гдѣ стояли Лакедемоняне, онъ поставилъ Персовъ.

Примѣръ изъ Софокла (Antig. 761), гдѣ сказано *ἄγαγε τὸ μῖσος* (т. е. Антигону), *ὡς κατ' ὄμματ' αὐτίκα παρόντι θνήσκῃ πλησία τῷ νυμφίῳ*, представляетъ собою, если ходячее толкованіе — правильно,*) метафору предыдущаго примѣра. Чѣмъ были выше ряды Лакедемонянъ, тѣмъ являются здѣсь *ὄμματα νυμφίου*, а передъ этими *ὄμματα* стоитъ умирающая Антигона; она должна умереть *на глазахъ* жениха. И *русское* выраженіе *»на глазахъ«* рисуетъ почти такую же картину: »на глазахъ« значитъ, какъ бы, *»на всей площади* взоровъ«. Впрочемъ, *κατ' ὄμματα* можно принять и за усиленіе слова *αὐτίκα*. Можетъ быть, рѣчь идетъ просто о *быстромъ исполненіи* дѣйствія: *»αὐτίκα κατ' ὄμματα«* значило бы тогда »сейчасъ, такъ чтобы нельзя успѣть и *глазъ отвернуть«*. Въ этомъ случаѣ, конечно, нужно бы примѣнить къ *«κατ' ὄμματα«* второе толкованіе выше приведеннаго *κατὰ πόδα* = какъ бы — *накрывая* глаза. У меня не развито чувство языка настолько, чтобы *настаивать* на предложенномъ толкованіи даннаго мѣста. Противъ *перваго* толкованія, какъ будто, говоритъ вся разстановка словъ. При *второмъ* толкованіи я нахожу болѣе естественнымъ тотъ *отвѣтъ*, который влюбленный сынъ даетъ Креонту: »не такъ быстро это исполнится, какъ тебѣ, отецъ, хотѣлось бы, и въ *моемъ* присутствіи (т. е. пока *я* буду свидѣтелемъ твоихъ поступковъ съ нею) она не умретъ«; такъ я понимаю слова: *οὐ δῆτ' ἔμοιγε* (разумѣй *ἔμοιγε κατ' ὄμματα* = не *моихъ* глазъ касается та *быстрота*, о которой ты говоришь), *τοῦτο μὴ δόξῃς ποτέ, οὐθ' ἥδε ὀλεῖται πλησία*.

κατὰ θυμόν = *по всей* области сердца = въ сердцѣ.

ἐμήδιζον κατ' ἄλλο μὲν οὐδέν, κατὰ δὲ τὸ ἔχθος τῶν Θετταλῶν (Herod. 8. 30) = *руководясь* не другимъ чѣмъ.

---

*) Schneidewin — Nauck: Die Leidenschaftlichkeit Kreons haeuft die Ausdrücke *κατ' ὄμματα πλησία παρόντι τῷ νυμφίῳ*.

какъ только враждою = не *почему* либо другому, какъ только вслѣдствіе вражды къ Θессалійцамъ. Само слово *руководясь* предполагаетъ представленіе *параллельности* чего съ чѣмъ, а разъ идетъ рѣчь о *параллельности*, то умѣстно не только *παρά* съ вещнымъ падежемъ, но и сравненное нами съ нимъ выше *κατά*.

κατ' ὀμφὰς τὰς Ἀπόλλωνος δότε πέρασιν (Soph. Oed. C. 102) = *руководясь* волею Аполлона = *согласно* волѣ Аполлона.

κατὰ τάχος = быстро. Рядомъ съ *»поступаетъ хорошо«* говорятъ »поступаетъ *по хорошему«*; такъ и въ выраженіи *κατὰ τάχος* слышится *»по* быстрому«. Слово *»по«* въ данномъ случаѣ, кажется, достаточно объясняетъ весь смыслъ предлога *κατά* и вещнаго падежа при немъ.

προσεχόμενον αὐτῷ κατὰ τὴν μητέρα (Thuc. I. 127) = приближеннаго къ нему или родственнаго ему *по* матери.

ὁμολογῶ οὐ κατὰ τούτους εἶναι ῥήτωρ (Plat. Apol. 17, b) = я согласенъ, что я — ораторъ не *по* ихнему = что я — не ораторъ, *соотвѣтствующій* (*опять* параллельность) тому, что *они* представляютъ изъ себя, какъ ораторы.

τοὔργον τόδε μεῖζον ἂν εἴη ἢ κατ' ἐμὰν ῥώμαν (Soph. Tr. 1018) = дѣло это — выше, чѣмъ *по* моимъ силамъ = чѣмъ *соотвѣтствуетъ* моимъ силамъ.

κατὰ τὸν αὐτὸν λόγον = *соотвѣтственно* тому же разсчету.

τὰ κατὰ τὸν πόλεμον = все, относящееся къ войнѣ; *πόλεμος* представляется здѣсь *площадью*, которая вся занята вещами, обозначенными здѣсь словомъ *τά*.

Такова фразеологія предлога *κατά* съ вещнымъ падежемъ, когда онъ, этотъ предлогъ, имѣетъ отношеніе къ *первому* пункту нашихъ »правилъ« о немъ. Разборомъ этой фразеологіи мы заканчиваемъ и разборъ всего *κατά*. Что касается предлога *ἀνά*, составившаго у насъ вмѣстѣ съ *παρά* одну группу, то на немъ не придется долго останавливаться. Предлогъ *ἀνά* указываетъ на *нахожденіе* чего нибудь (*κατά* былъ предлогъ *движенія*) *на верху* предмета и, какъ *истый* предлогъ, т. е. какъ такая часть рѣчи, которая пользуется

оттѣнками падежей для *повторенія* въ нихъ того же, что выражено въ ней самой, должно дополняться *мѣстнымъ* падежемъ.

На дѣлѣ, конструкція *ἀνά съ мѣстнымъ падежемъ* встрѣчается *только* у Омира. Если же мы ее кое-гдѣ встрѣчаемъ и у болѣе позднихъ поэтовъ, то они уже пользуются ею скорѣе какъ поэтическимъ архаизмомъ. Проза къ этой конструкціи не прибѣгаетъ, такъ какъ нашла другіе предлоги, которые способны передать то же. Изъ разобранныхъ до сихъ поръ — такимъ замѣстителемъ слова *ἀνά* можетъ являться предлогъ *ἐν*. Что *ἐν* могло собою замѣнить *ἀνά* только по стремленію къ *упрощенности* средствъ языка, всякому понятно: *ἐν* могло указывать на *поверхность*, и притомъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, если самъ *предметъ*, къ названію котораго приставляется *ἐν*, представлялся »поверхностью« или *плоскостью*, тогда какъ *ἀνά*, указывая на *верхъ* предмета, — хотя бы то былъ верхъ горизонтально растущаго *дерева* и т. под. предметовъ, — только черезъ этотъ *верхъ* можетъ указывать и на *поверхность*. Сравни: *στέμματ᾽ ἔχων ἐν χερσὶν ἑκηβόλου Ἀπόλλωνος χρυσέῳ ἀνὰ σκήπτρῳ* (Il. α. 15); *εὗδε ἀνὰ Γαργάρῳ ἄκρῳ* (Il. ξ. 352); *κεφαλὴν πῆξαι ἀνὰ σκολόπεσσι* (Il. σ. 177): *ἀθηρηλοιγὸν ἔχειν ἀνὰ φαιδίμῳ ὤμῳ* (Od. λ. 128); *ἅρματα δ᾽ ἂν βωμοῖσι τίθει* (Il. ϑ. 441) и др.

Но *ἀνά* встрѣчается и съ *вещнымъ* падежемъ. Вещный падежъ тогда прибавляетъ нѣчто *отъ себя* для созданія той общей картины, которая должна быть выражена всѣмъ оборотомъ. Онъ указываетъ на то, что *вся* площадь предмета, поставленнаго при *ἀνά*, занята чѣмъ-нибудь, а такъ какъ само *ἀνά* обозначаетъ *только* верхъ, который является *конечною* цѣлью приведенія въ отношеніе двухъ предметовъ, то всею конструкціею предлога *ἀνά* съ вещнымъ падежемъ подчеркивается, что вся площадь занята чѣмъ нибудь по направленію *снизу до верху*. Такимъ образомъ, *ἀνά* съ вещнымъ падежемъ составляетъ полную противоположность обороту *κατά* съ вещнымъ падежемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда въ послѣднемъ идетъ рѣчь не о *цѣли*

движенія, а *именно* о занятіи чѣмъ нибудь *всей* площади или *всей* линіи *сверху до низу*. Тамъ, гдѣ покатость площади слишкомъ замѣтна и *должна* быть замѣчена, тамъ эта противоположность отзывается и на различіи *смысла* обоихъ сопоставленныхъ нами здѣсь оборотовъ. Такъ, *κατά ῥόον* обозначаетъ *по теченію* рѣки, а *ἀνὰ ῥόον* — противъ теченія. Если же покатость площади и *направленіе* этой покатости не имѣетъ значенія въ общей картинѣ, то *ἀνά* и *κατά* въ разсматриваемыхъ нами оборотахъ *совпадаютъ* по выраженному въ нихъ смыслу: въ общемъ. *ἀνά* встрѣчается здѣсь рѣдко, и нѣтъ ни одного фразеологическаго явленія, въ которомъ *рядомъ* съ *ἀνά* нельзя бы встрѣтить и *κατά*. Сравни: *ἀνὰ τοῦτον τὸν χρόνον* и *κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον*;*) *ἀν' ἑκατὸν ἄνδρας* и *κατὰ τριακοσίους ἄνδρας* (въ смыслѣ *distributiv'номъ*); *ἀν' ἑκάστην ἡμέραν* и *καθ' ἑκάστην ἡμέραν* (*тоже* distributiv'но); *ἡ ὁδὸς ἀνὰ διηκόσια στάδια συμβέβληται* (Herod 4. 101) и *Διονύσῳ γενομένῳ κατὰ ἑξακόσια ἔτεα καὶ χίλια μάλιστά ἐστι ἐς ἐμέ*;**) *ἀνὰ στόμα ἔχειν* (Il. β. 250) и *κατ' ὄμματα θνήσκει*; *ἀνὰ θυμόν* и *κατὰ θυμόν*; *ἀνὰ τάχος* и *κατὰ τάχος* и т. д.

Ἀμφί — περί. Въ предлогѣ *ἀμφί* видятъ этимологическую связь съ *ἄμφω* (такъ, Бругманъ, Grundr. II. 520, осторожно умалчивая объ *ἀμφί* какъ *падежѣ*, — извѣстна склонность этимологовъ искать въ предлогахъ *падежныя* формы, — признаетъ »ein etymologisches *Nebeneinander* von *ἀμ-φί* und *ἄμ-φω*) и, согласно съ этимъ, толкуютъ данный предлогъ въ смыслѣ *съ обѣихъ сторонъ* = *съ той и другой стороны*.

»*Съ той и другой стороны* какого нибудь *круглаго* столба« значитъ »*кругомъ* столба«. Но и фраза »съ той и

*) Здѣсь сопоставляется не то *κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον*, о которомъ мы толковали на стр. 293, а то, которое относится къ *первому* пункту нашихъ четырехъ замѣтокъ о *κατά*, т. е. когда *дѣйствительно χρόνος* представляется линіею, *цѣликомъ* занятою чѣмъ нибудь.

**) На стр. 297 мы толковали о томъ, что приблизительность выражена »прежде всего« словомъ *μάλιστα*. Но выраженіе приблизительности можно, пожалуй, найти и въ самомъ предлогѣ *κατά*, а слѣдовательно, и въ сопоставленномъ съ нимъ *ἀνά*. Такъ и *εἰς χιλίους* обозначало приблизительность, однако, благодаря лишь *закругленности* цифры (сравни выше стр. 241).

другой стороны какой нибудь *многосторонней* площади« часто получаетъ смыслъ »*кругомъ* площади.« Въ послѣднемъ случаѣ мы какъ бы закрываемъ глаза на *многосторонность*, и »закругляемъ« самую площадь; это бываетъ *именно* и *особенно* тамъ, гдѣ площадь имѣетъ больше —, или меньше *четырехъ* сторонъ (даже *четыре* стороны площади мы любимъ »закруглять,« если не имѣемъ дѣло съ квадратомъ или oblong'омъ).

При столбѣ, площади и тому подобныхъ предметахъ — кругъ, какъ мы его выяснили, т. е. кругъ какъ метонимія »*обѣихъ сторонъ*«, рисуется *горизонтально*, и этимъ, быть можетъ, *въ случаѣ* метониміи, слово *ἀμφί* и отличается отъ *περί*, которое намѣчаетъ скорѣе *шаръ* или окружность *вертикальную*, проходящую въ своемъ зенитѣ и вообще въ *верхней* своей части *надъ* предметомъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, становится понятнымъ, почему *περί*, во фразѣ напр. *περὶ δή σε βροτῶν αἰνίζομ' ἁπάντων* (Il. ν 374), получаетъ значеніе »*надъ* смертными« = »*выше* смертныхъ« (*ἀμφί* до такого значенія не дошло). Такимъ образомъ, въ стихѣ *θῦε δ' ἄρ' ἀμφ' ἀκτὰς περί τ' ἀμφί τ' κύματα μακρά* (Hes. Theog. 848) можно бы усматривать картину »около *основанія* волнъ (*ἀμφί*) и по ихъ *поверхности* (*περί*)«.

Не во *всѣхъ* случаяхъ сочетанія словъ *περί* и *ἀμφί* можно *настаивать* на этомъ различіи. Есть случаи такого ихъ сочетанія, гдѣ *ἀμφί* возвращается къ своему *первичному* значенію »съ обѣихъ сторонъ«, а *περί* указываетъ тогда *просто* на «окружность«, *безъ* обозначенія ея положенія. Такъ, быть можетъ, слѣдуетъ толковать мѣсто *ἡμεῖς δ' ἀμφὶ περὶ κρήνην ἱεροὺς κατὰ βωμοὺς ἔρδομεν ἀθανάτοισι τελήεσσας ἑκατόμβας καλῇ ὑπὸ πλατανίστῳ, ὅθεν ῥέεν ἀγλαὸν ὕδωρ* (Il. β 305) = съ обѣихъ сторонъ *кругомъ* источника, по *всей* линіи жертвенниковъ. Или мы въ *данномъ* мѣстѣ имѣемъ дѣло съ такъ называемымъ *τμῆσις*'омъ (о *τμῆσις*'ѣ — рѣчь впереди), и *ἀμφί* слѣдуетъ отнести къ глаголу *ἔρδομεν*? Тамъ, гдѣ *нѣтъ* разбираемаго нами »сочетанія«, тамъ ужъ, *конечно*, можетъ

поблекнуть или даже *совсѣмъ* исчезнуть представленіе о *различіи* положенія круга, т. е. представленіе вертикальности въ *одномъ*, а горизонтальности въ *другомъ* предлогѣ, и тогда *περί* и *ἀμφί* до того *уравниваются* между собою, что могутъ *замѣнять* другъ друга, *кромѣ* значенія »*выше*«, въ которомъ »*περί*« *возстанавливаетъ* свой первоначальный смыслъ, и до котораго, какъ сказано, слово *ἀμφί* не дошло.

Что касается падежей, то прежде всего слѣдуетъ указать на умѣстность обще-*родоваго* падежа при предлогѣ *περί* въ исключительно *ему* принадлежащемъ значеніи »выше *чего-нибудь*«: *περὶ δὲ θεῶν καὶ ἀνθρώπων ἐστὶ Ζεύς* = Зевсъ — выше боговъ и людей (сюда же относится извѣстный оборотъ *περὶ πολλοῦ ποιεῖσθαι*).

Удалительный падежъ при *περί* и *ἀμφί* не имѣетъ мѣста, такъ какъ само представленіе »окружности« *не мирится* съ представленіемъ удаленія чего нибудь *прочь отъ* предмета.

Мыслимъ ли при »*περί*« и »*ἀμφί*« *личный* падежъ? Повидимому, да. Ибо какое вообще »сопоставленіе предмета съ предметомъ« можетъ быть *выражаемо* предлогами *περί* и *ἀμφί*? Или »*на*хожденіе«, а то и »*об*хожденіе« чего нибудь кругомъ *всего* предмета, или нахожденіе чего нибудь на *части* окружности предмета. Въ первомъ случаѣ всѣ права — за *вещнымъ* падежемъ, во второмъ же случаѣ не исключена возможность представлять себѣ »*лицо*«, »около« котораго я нахожусь, *руководящимъ* моими дѣйствіями, *также* находящимися »около« него (русское слово *около* я въ данномъ объясненіи разумѣю именно въ смыслѣ нахожденія на *части* окружности = *вблизи*). Но нахожденіе на *части* окружности можетъ быть понято и *особымъ* образомъ. Самъ *предметъ*, къ названію котораго приставлено *ἀμφί*-*περί*, можетъ представляться шаромъ или кругомъ, а тогда »окружностью« могутъ оказаться его *собственная* поверхность и его *собственные* края, и »находиться на *части* окружности« будетъ обозначать »находиться *на* немъ« или »находиться *непосредственно при* немъ«. Выражать отношеніе *на* предметѣ или *непосредственно при* предметѣ

является функціею *мѣстнаго* падежа, а разъ мы признаемъ при предлогахъ *ἀφμί-περί мѣстный* падежъ, то, согласно соображенію, выясненному на стр. 273., нѣтъ мѣста при нихъ падежу *личному*. Тогда, конечно, все то, что даетъ такой или иной поводъ думать о *личномъ* падежѣ при нашихъ предлогахъ, должно быть истолковываемо какъ метафора »локальности« падежа *мѣстнаго* (см. выше стр. 282). Наконецъ, нахожденіе на *части* окружности можетъ получить смыслъ нахожденія гдѣ нибудь *подальше* отъ предмета, и тогда выступаетъ *родовой* падежъ. Это — *тоже* локальность, но локальность *родоваго* падежа. И она можетъ быть метафоризирована, и тогда родовой падежъ обозначаетъ ту или иную *общую связь* предмета съ предметомъ или, какъ мы выразились по поводу нѣкоторыхъ случаевъ при *κατά* (см. стр. 290-1), указываетъ на *»отнесеніе«* предмета къ предмету.*) Такова *теорія* о падежахъ предлоговъ *ἀμφί - περί*, насколько она вытекаетъ изъ всего, разъясненнаго до сихъ поръ. Разсмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ она оправдывается на практикѣ.

οἱ πέρὶ Ἡράκλειτον, οἱ ἀμφὶ Πρωταγόραν = школа Ираклита, ученики Протагора. Языкъ тутъ, очевидно, нѣсколько поэтизируетъ, представляя главныхъ лицъ окруженными *со всѣхъ сторонъ* (какъ бы облѣпленными) ихъ приверженцами.

ὥσπερ προβάτια μεσημβριάζοντα περὶ τὴν κρήνην εὕδειν (Plat. Phädr. 259 a). И тутъ немного споэтизировано (= *вездѣ*, куда ни посмотришь = *кругомъ* источника), такъ какъ кое гдѣ, особенно гдѣ *вода* мѣшаетъ (*κρήνη*, вѣдь, въ очень рѣдкихъ случаяхъ бываетъ колодеземъ или озерцомъ), этихъ *προβάτια* нѣтъ (смѣшно было бы — отъ воображенія, которое *руководитъ* языкомъ, требовать *математической* точности).

---

*) Кто сказалъ бы, что *»отнесеніе«* предмета къ предмету не **должно** быть объясняемо путемъ метафоры такой или иной *локальности*, а **должно** вытекать непосредственно изъ значенія самого *родоваго* падежа, тому **мы отвѣтимъ** разсужденіемъ, изложеннымъ на стр. 290 по поводу предлога **κατά**: тогда бы появленіе предлоговъ *περί-ἀμφί* въ рѣчи теряло *всякій* **смыслъ**.

ἀμφὶ Σικελίαν τρόπαια στήσαντες (Plat. Men. 242 c) = по всей Сициліи *кругомъ;* здѣсь сама *Сицилія* представлена кругообразною площадью (= по всѣмъ *окраинамъ* Сициліи), тогда какъ выше, при *κρήνη*, нужно было особо *обводить* кругъ.

τρίποδας γὰρ ἐείκοσι πάντας ἔτευχεν ἑστάμεναι περὶ τοῖχον ἐϋσταθέος μεγάροιο (Il. σ. 374); сама *стѣна* представлена кругообразною *линіею.*

αὐτὸς δ᾽ ἐν μέσῳ τούτων τὴν δίαιταν ποιησάμενος τὸν μὲν ἀμφὶ χειμῶνα χρόνον διῆγεν ἐν Βαβυλῶνι ἑπτὰ μῆνας (Xen. Cyrop. VII. 6. 22) = время, обхватывающее *всю* »зиму«, семь *мѣсяцевъ.*

Сюда же мы относимъ и то *περί* - *ἀμφί*, которое обозначаетъ *приблизительность. Настоящіе* предлоги »приблизительности« — *именно* эти, а не предлоги *εἰς*, *κατά* и *ἀνά*, при которыхъ представленіе приблизительности вытекало только изъ закругленности цифръ (см. стр. 301). Мы имѣемъ здѣсь въ виду выраженія какъ то: *περὶ τοῦτον τὸν χρόνον,**) *ἀμφὶ τεσσαράκοντα ἔτη, ἀμφὶ πλήθουσαν ἀγοράν* и т. п. Здѣсь, очевидно, *οὗτος ὁ χρόνος*, *τεσσαράκοντα ἔτη* и *πλήθουσα ἀγορά* противопоставляются, какъ *центръ,* — своей *окружности:* — не *части* окружности (*части* окружности можно противоставить *другую* часть окружности), а *именно* »цѣлой« окружности (потому и *поставленъ* вещный падежъ).

περὶ δεῖπνον πένοντο (Od. δ 624); *αἱ νομοθεσίαι καὶ τὸ ὠφέλιμον περὶ τὸ μέλλον ἐστί* (Plat. Theaet. 179 a) и др. Здѣсь представлено *вращающимся* — въ одномъ случаѣ *ὁ πένεσθαι* кругомъ *всего* »*δεῖπνος*«, а въ другомъ — *νομοθεσίαι* и *ὠφέλιμον* кругомъ *всего* »*μέλλον*«.

Присмотримся къ мѣсту изъ Иродота 7. 61: *περὶ μὲν ῇσι κεφαλῇσι εἶχον τιήρας καλεομένους, περὶ δὲ τὸ σῶμα*

*) Что только лишь *περί* и *ἀμφί* суть *настоящіе* предлоги приблизительности, видно изъ того, что эту »приблизительность« можно отнести къ такому выраженію какъ *περὶ τοῦτον τὸν χρόνον*; выраженія »*εἰς τοῦτον τὸν χρόνον*«, »*κατὰ* или *ἀνὰ τοῦτον τὸν χρόνον*« такого смысла не допускаютъ, такъ какъ въ нихъ не только закругленной, но и *вообще* никакой цифры нѣтъ.

κιθῶνας χειριδωτοὺς ποικίλους, περὶ δὲ τὰ σκέλεα ἀναξυρίδας. Здѣсь мы встрѣчаемъ »*περί*« и съ *вещнымъ*, и съ *мѣстнымъ* падежами. Какая тутъ разница? Можно указать на то, что *σῶμα* (понимается тѣло безъ *оконечностей*) и *σκέλεα* окутаны одѣяніемъ *совсѣмъ*, а *κεφαλή* — только *сверху*. Но выставлять *это* различіе за мотивъ для появленія въ одномъ случаѣ *вещнаго*, а въ другомъ — *мѣстнаго* падежа было бы, можетъ быть, слишкомъ педантично, хотя такое же отношеніе предмета къ предмету, о которомъ мы толкуемъ въ *τιήρας περὶ κεφαλῇσι*, замѣчается и въ извѣстномъ *κρέα ἀμφ' ὀβελοῖσιν ἔπειραν* и въ *πεπτῶτα τῷδε περὶ νεορράντῳ ξίφει* (Soph. Ai. 828). Не *возобладало ли тутъ* (т. е. и въ *περὶ κεφαλῇσι*, и въ *ἀμφ' ὀβελοῖσι*, и въ *ἀμφὶ ξίφει*) — не возобладало ли тутъ *просто* представленіе *обозначенія мѣста* надъ представленіемъ нахожденія чего-нибудь кругомъ *всего* предмета (все же и мечъ, и вертелъ, и голова находятся *по-срединѣ* сопоставляемыхъ съ ними предметовъ)? Только *возобладаніемъ* — въ однихъ случаяхъ желанія *просто* обозначить *мѣсто*, а въ другихъ — представленія о »нахожденіи чего нибудь *кругомъ* предмета« можно объяснить то *чередованіе* мѣстнаго съ вещнымъ, которое замѣчается въ выраженіяхъ *εἰπὼν ἀμφ' Ὀδυσῆι* (Od. ξ 364; слова, на которыя указываетъ глагольное признаковое *εἰπών*, »помѣщаются,« какъ бы, *на* Одиссеѣ) и *περὶ σίτια λέγεις* (Plat. Gorg. 490 с; слова вращаются *кругомъ* такого то предмета). Такъ чередуются и обороты »*φοβεῖσθαι — μάχεσθαι περί τινα*« (страхъ — борьба вращаются *кругомъ* кого) съ оборотами »*φοβεῖσθαι — μάχεσθαι περί τινι*« (страхъ — борьба помѣщаются *на* комъ) и т. д. Вполнѣ понятно, что не можетъ быть никакого чередованія мѣстнаго падежа съ вещнымъ въ такихъ примѣрахъ какъ *κεῖται νεκρὸς περὶ νεκρῷ* (Soph. Ant. 1240), *ἀμφ' αὐτῷ ἤριπε* (Il. δ 493) и под., гдѣ предметомъ можетъ быть захвачена *только* часть »окружности« другого предмета, и гдѣ *περί* и *ἀμφί* могутъ указывать *только* на сосѣдство, разумѣется, въ смыслѣ тѣснаго *примыканія* предмета къ предмету.

Чередованіе падежей при *φοβεῖσθαι περί*, *μάχεσθαι περί* и другихъ доходитъ даже до *родоваго* падежа: въ выраженіи *«φοβεῖσθαι περί τινος»* мы видимъ уже не вращеніе страха *кругомъ* кого нибудь, и не помѣщеніе страха *на* комъ, а простое *»отнесеніе«* страха къ кому (*φοβοῦμαι περὶ αὐτῶν*=я боюсь *на-счетъ* ихъ). Родовому падежу *неметафоризированной* локальности мы *не находимъ* яркаго примѣра. Случайность — это? Едва ли: языкъ тутъ прибѣгалъ къ *другимъ* средствамъ (къ какому нибудь *ἐγγύς*, или къ чему нибудь подобному).

Ἀπό — ἐπί. Группа *ἀπό - ἐπί* напоминаетъ собою ту, съ которой мы *начали* разборъ предлоговъ, именно группу *ἐξ — ἐν — εἰς*. Правда, въ послѣднюю вошли *три* предлога, но въ сущности они сводятся къ двумъ. Наши этимологи совершенно правильно указываютъ на то, что *εἰς* есть только измѣненное *ἐν*. Бругманъ (Grundr. II. 590) даже говоритъ такъ: jedenfalls aber halte ich daran fest, dass nach Analogie von *ἐξ* die Form *ἐνς* (=*εἰς*) neben *ἐν* entstanden war. Если дѣйствительно *ἐν* относится къ *ἐνς*, какъ *ἐκ* къ *ἐξ*, то языкъ выказалъ въ *ἐν* и *εἰς* только лишь свойственную ему экономію, въ силу которой онъ двумя *случайными* внѣшними видами одной и той же *формы*, одного и того же *слова*, воспользовался для разныхъ симасіологическихъ ролей. Какія это разныя роли? Разъ *εἰς* указываетъ на *движеніе* чего нибудь внутрь предмета, то *ἐν*, обозначая *нахожденіе* внутри предмета, является выразителемъ лишь результата *того же* »движенія.« Можно сказать, что по симасіологической роли — *εἰς* относится къ *ἐν*, какъ praesens къ perfectum (сравни выше стр. 118).

Ἀπὸ отличается отъ *ἐξ*, а *ἐπί* — отъ *εἰς - ἐν* тѣмъ, что при *ἐξ — εἰς — ἐν* имѣлась въ виду *внутренность* предмета, а при *ἀπό — ἐπί* имѣется въ виду его *поверхность*. *Ἀπό* указываетъ на удаленіе *отъ* предмета, *ἐπί* — или на *движеніе* къ предмету (сравни *εἰς*), или на *результатъ* этого движенія (сравни *ἐν*). *Ἀπό* соединяется *всегда* съ удалительнымъ падежемъ, а *ἐπί* — или съ *вещнымъ*

20*

(сравни *εἰς*), или съ *мѣстнымъ* (сравни *ἐν*). Не придется ли измѣнить эту теорію при разборѣ фактовъ?

Фразеологія предлога *ἀπό* — проста и не представляетъ никакихъ затрудненій. *Ὄλωλας, ὦ παῖ, μητρὸς ἁρπασθεῖσα ἄπο* (Eur. Hec. 513) = оторванная *отъ* матери; *ἀφ᾽ ἵππων μάχεσθαι* = сражаться, направляя свои дѣйствія *отъ* коня вдаль; *ἵπποι ἀπὸ ποταμοῦ Σελλήεντος* (Il. *β* 839) = прибывшіе *отъ* рѣки; *μένων ἀπὸ ἧς ἀλόχοιο* (Il. *β* 292) = вдали *отъ* жены; *ἀπὸ τρόπου λέγεις* (Plat. Rep. 470 b) = вдали *отъ* = въ разрѣзъ съ чѣмъ; *ὀλίγοι ἀπὸ πόλλων* (Thuc. 7. 87) = немногіе, отдѣльно *отъ* многихъ = немногіе *изъ* многихъ (все равно, что *ἐκ πολλῶν*); *ἀπὸ δείπνου θωρήσσοντο* (Il. *ϑ* 53) = *послѣ* обѣда (все равно, что *ἐκ δείπνου*); *ἀφ᾽ οὗ* (= *ἐξ οὗ*) *γε ἄνθρωποι γεγόναμεν* (Plat. Phäd. 76 c) = начиная *съ* того времени, какъ ...; *ἆρ᾽ οἶσθ᾽ ἀφ᾽ ὧν* (все равно, что *ἐξ ὧν*) *εἶ* (Soph. Oed. r. 415) = отъ кого ты происходишь; *ὄναρ ἀπὸ Διός* (Xen. Anab. III. 1. 12) = исходящій *отъ* Зевса = посланный Зевсомъ; *τὰ ἀπὸ σεῦ* (Herod. 7. 101) = исходящее *отъ* тебя = твое мнѣніе; *ἐπράχθη ἀπ᾽ αὐτῶν οὐδὲν ἀξιόλογον* (Thuc. 1. 17) = отъ нихъ = съ ихъ стороны = ими; *οἱ ἀπὸ Πλάτωνος* = школа Платона; *οἱ ἀπὸ σκηνῆς* = актеры; *ἀπὸ στόματος* = отъ устъ = изъ устъ = изустно = устно; *ἀπό τινος ζῆν* = жить *отъ* чего = жить чѣмъ; *καλεῖσθαι ἀπό τινος* = поименованіе, исходящее *отъ* чего нибудь = имѣющее *основаніе* въ чемъ нибудь.

Слѣдуетъ разборъ фразеологіи слова *ἐπί* и его метафористики.

1. *Ἐπί* съ *вещнымъ* падежемъ.

παρεῖναι ἐπὶ τὰς θύρας τοῦ βασιλέως (Xen. Anab. III. 3. 12) = прибыть *къ* дверямъ, а метонимически = прибыть ко »двору« = къ дворцу (царя).

ἐπὶ δεξιά — ἐπ᾽ ἀριστερά = *на*право — *на*лѣво (къ этому обороту придется еще вернуться).

ἐπ᾽ ἠῶ (Od. *η* 288) = до утра: *ἐπὶ χρόνον τινά* = до извѣстнаго времени, т. е. до извѣстной *точки* времени; *ἐπὶ πολὺν χρόνον* = *до* той *точки*, когда исполнится много

времени. Едва ли тутъ подъ *πολὺς χρόνος* слѣдуетъ разумѣть *линію, по* которой нѣчто движется (тогда бы языкъ употребилъ »*κατὰ πολὺν χρόνον*«, а лучше »*ἀνὰ πολὺν χρόνον*«), или *въ* которой нѣчто вмѣщается (тогда бы появилось *εἰς*; смотри наше толкованіе примѣра *τρὶς τίκτει μῆλα εἰς ἐνιαυτόν* на стр. 242.).

ὁ δ' ἐπ' ἐννέα κεῖτο πέλεθρα Τιτυός (Od. λ 577) = *до* той *точки,* гдѣ кончаются девять плеѳровъ.

ἐπὶ πολλοὺς τεταγμένοι (Xen. Anab. IV. 8. 11) = построившіеся *до* большаго числа, т. е. *до* извѣстнаго числа, а не *дальше,* такъ что, когда это число исполнилось, то начинается *новый* рядъ (понимается distributiv'но; сравни выше стр. 297.).

ἐπί τινα ἰέναι = идти *на* кого нибудь (во *враждебномъ* смыслѣ).

ἐπὶ τοῦτο ἤλθομεν (Xen. Anab. II. 5. 22) = мы *на* это пошли = мы *за* этимъ пришли.

ἐπὶ στάθμην ἴθυνεν (Od. ε 245) = онъ выпрямилъ *къ* ватерпасу = приноровилъ *къ* ватерпасу = выпрямилъ *по* ватерпасу.

2. *Ἐπί* съ *мѣстнымъ* падежемъ.

ἐπὶ βωμῷ καίειν (Od. ϑ 240) = жечь *на* жертвенникѣ.

οἱ ἐπὶ θαλάσσῃ οἰκοῦντες (Xen. Cyrop. VII. 4. 9) = живущіе *на* морѣ = на *берегу* моря.

ἐπὶ γᾷ πέσε ταντalωθείς (Soph. Antig. 134) = палъ, такъ что лежалъ *на* землѣ.

ἧκε δ' ἐπ' Ἀργείοισι κακὸν βέλος (Il. α 382) = послалъ, такъ что почило *на* Аргивянахъ.

ἐπὶ τοῖς δικασταῖς λέγειν (Dem. 19. 243) = говорить *на* судьяхъ (русскіе говорятъ: *на* людяхъ и смерть красна) = говорить *передъ* судьями. И здѣсь »*личность*« лица́, слушающаго и судящаго, выводится путемъ метафоры изъ локальности *мѣстнаго* падежа.

ἐπὶ δὲ δακρύοις μόνη κάθημαι (Eur. Iph. Aul. 1176) = сижу *на* слезахъ (русскіе говорятъ »я *въ* слезахъ«). Быть можетъ, впрочемъ, что *это* мѣсто слѣдуетъ толковать въ смыслѣ ниже объясняемаго *ἐφ' ᾧτε.*

οὕτως οὔτε τι λέγομεν ἐπὶ τῇ κύλικι οὔτ' ἐπᾴδομεν, ἀλλ' ἀτεχνῶς ὥσπερ οἱ διψῶντες πιόμεθα (Plat. Symp. 214. b) = *при* (ослабленное *на*) бокалѣ вина мы не говоримъ рѣчей и не поемъ.

βοῦς ἐπὶ Πατρόκλῳ πέφνεν (Il. ψ 776) = *на* Патроклѣ онъ основывалъ закалываніе быковъ = *въ честь* Патрокла онъ это дѣлалъ.

ἐπὶ τῷ θεωρικῷ τεταγμένος (Dem. 18. 55) = поставленный *при* чемъ = поставленный *надъ* чѣмъ.

τοσαύτας μὲν αὐτοῖς εὐθυμίας παρεῖχεν ἐπὶ τῷ δείπνῳ (Xen. Cyrop. I. 12. 12) = *на* обѣдѣ = *за* обѣдомъ.

γέλωτα γενέσθαι ἐπὶ τῇ παρρησίᾳ αὐτοῦ (Plat. Symp. 222 c) = *при* его смѣлой рѣчи = *надъ* его смѣлою рѣчью.

πιστὰ δ' ἠξίου γενέσθαι καὶ τοὺς Κᾶρας ὀμόσαι ἀδόλως τε δέξασθαι εἰς τὰ τείχη σφᾶς καὶ ἐπ' ἀγαθῷ τῷ Κύρου καὶ Περσῶν (Xen. Cyrop. VII. 5. 3) = принять ихъ безъ коварства и основывая это *на* благѣ Кира и Персовъ = *къ добру* Кира и Персовъ.

αἱ σπονδαὶ ἐγένοντο ἐπὶ τούτοις = *на* этомъ, какъ на *основаніи* = на этомъ основаніи = на этихъ условіяхъ состоялся договоръ. Вообще, изъ локальности *мѣстнаго* падежа путемъ *метафоры* выводится совершенно ясно (нѣкоторыя метафоры *не поддаются* опредѣленію, а если и поддаются, то это — особая, черезвычайно сложная задача) — выводится совершенно ясно не только »*личность*« лица, но и causal'ность. Мы разумѣемъ causal'ность въ самомъ *широкомъ* смыслѣ, т. е. имѣемъ въ виду нѣчто, что не только *предшествуетъ* обусловленному, или *сопровождаетъ* обусловленное, но и является *цѣлью* чего нибудь. Такъ, *ἐφ' ᾧ τε* (*ὅς — ἥ — ὅ* есть *формальное* существительное, а почему прибавлено къ нему *τε*, объ этомъ ниже) имѣетъ значеніе »*на* томъ основаніи, *чтобы*« = »съ тѣмъ *чтобы*«, т. е. обозначаетъ цѣль. Быть можетъ, и вышеприведенное *ἐπὶ δακρύοις μόνη κάθημαι* слѣдуетъ толковать final'но: я здѣсь сижу одна *для* слезъ. Въ какихъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ идетъ рѣчь о causal'ности въ объясняе-

номъ нами *широкомъ* смыслѣ, читатель, надѣемся, отыщетъ самъ.

οὐκ ἂν ἐπὶ τῷ βίῳ παντὶ βούλοιτο ἀκοῦσαι (Xen. Memor. II. 2. 8) = *на* всей жизни онъ построитъ нежеланіе слушать = всю жизнь онъ готовъ отдать, чтобы не слушать.

ἐπ' ἐμοὶ τοῦτό ἐστι. По чешски говорятъ: to jest *na* mně = это *на* мнѣ = это зависитъ отъ меня = это въ моей власти. Рядомъ съ *ἐπ' ἐμοὶ τοῦτό ἐστι* говорятъ *ἐν τῷ θεῷ τὸ τούτου τέλος ἦν οὐκ ἐν ἐμοί* (Dem. 18. 193). Русскій, положимъ, не говоритъ »это дѣло *въ* богѣ« въ смыслѣ »это дѣло *зависитъ* отъ бога« (рѣчь идетъ о *личности* лица), но за то онъ говоритъ »все дѣло тутъ *въ* методѣ«. Въ послѣднемъ выраженіи, впрочемъ, дѣло идетъ не о »*личности*« лица, а о *causal'ности* въ широкомъ смыслѣ этого слова (все дѣло *основывается* на методѣ), хотя — поневолѣ призадумываешься, не есть ли въ концѣ концовъ »*личность*« лица, на сколько она выведена у насъ путемъ метафоры изъ *локальности* мѣстнаго падежа, и causal'ность, какъ она у насъ теперь выясняется, — не есть ли это — одно и то же? Русскіе говорятъ не только »все дѣло въ *методѣ*«, но и »все дѣло въ *учителѣ*«.

ὦρτο πολὺ πρῶτος μὲν ἄναξ ἀνδρῶν Ἀγαμέμνων, τῷ δ' ἐπὶ Τυδείδης ὦρτο κρατερὸς Διομήδης (Il. η 163) = а *при* немъ, *присоединяясь* къ нему = *вслѣдъ* за нимъ поднялся Діомидъ.

Но *ἐπί* соединяется и съ *родовымъ* падежемъ (не съ *удалительнымъ*, конечно). О родовомъ падежѣ при *ἐπί* нужно повторить то же, что выяснилось о родовомъ при »*κατά*« въ *четвертомъ* пунктѣ: либо предметъ, отмѣченный въ родовомъ падежѣ, служитъ указателемъ не *цѣли* движенія, какъ то было въ *ἐπί* съ *вещнымъ* падежемъ, а только лишь *направленія* или *стороны*, въ которую нѣчто движется, либо въ родовомъ падежѣ выражено простое »*отнесеніе*« предмета къ предмету (второе есть метафора перваго).

Первое мы видимъ въ оборотѣ *ἡ ἐπὶ Βαβυλῶνος ὁδός*, который отличается отъ оборота *ἡ ἐπὶ Βαβυλῶνα*

ὁδός тѣмъ, что въ одномъ случаѣ идетъ рѣчь о путешествіи *въ* Вавилонъ, а въ другомъ — о путешествіи въ иное мѣсто, причемъ, однако, *дорога* въ это иное мѣсто та же, что идетъ *на* Вавилонъ. Русскій языкъ, для достиженія того же различія, идетъ, какъ извѣстно, совершенно инымъ путемъ: оставляя въ томъ и другомъ случаѣ вещный падежъ въ роли указателя *цѣли* движенія, онъ подбираетъ для *разныхъ* значеній лишь разные предлоги, — тѣ предлоги, къ которымъ мы прибѣгли и въ нашемъ объясненіи (говорятъ »ѣхать *въ* Москву« и »ѣхать *на* Москву). *)

Простое *»отнесеніе«* предмета къ предмету мы видимъ въ примѣрахъ *ἡ ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ μάχη*, *ἐπὶ μαρτύρων* (въ смыслѣ русскаго *при свидѣтеляхъ*), *ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος* (въ смыслѣ русскаго *при* Кирѣ), *ἐπὶ πάντων ὀργίζεσθαι* (изъ–за всего сердиться), въ distributiv'номъ *ἐπὶ τεσσάρων τάξασθαι* и т. д. Если бы тутъ не было *метафоры* (мы разумѣемъ метафору локальности *родоваго* падежа, *на сколько она въ немъ мыслима при предлогѣ* »*ἐπὶ*«**). если бы тутъ была *дѣйствительная* локальность, то, конечно, появились бы другіе падежи. Интересно прослѣдить за чередованіемъ падежей въ выраженіяхъ: *γίγας ἐπ᾿ ὤμοις γηγενὴς ὅλην πόλιν φέρων* (Eur. Phoen.

---

*) Читатель, быть можетъ, спроситъ, почему грекъ говоритъ *ἐπὶ δεξιά — ἐπ᾿ ἀριστερά*, а не *ἐπὶ δεξιῶν — ἐπ᾿ ἀριστερῶν*. Все зависѣло отъ того, гдѣ эти *δεξιά* и *ἀριστερά начинались*. Если бы они представлялись гдѣ нибудь *вдали*, то, конечно, естественнѣе было бы *ἐπὶ δεξιῶν* (= по направленію къ находящемуся гдѣ нибудь вдали, по *правую* сторону, *лѣсу* или чему нибудь подобному). Но *δεξιά* представлялись греку начинающимися въ ближайшемъ *сосѣдствѣ* чего нибудь или кого нибудь, а потому и установился оборотъ *ἐπὶ δεξιά* (въ русскомъ языкѣ — *такому же* представленію о *началѣ τῶν δεξιῶν* соотвѣтствуетъ оборотъ »идя *въ*-право«, противоположный обороту »идя *на*-право;« въ послѣднемъ оборотѣ *τὰ δεξιά* представляются *вдали*).

**) Эта прибавка необходима. Ибо въ *самомъ* родовомъ падежѣ никакого локальнаго значенія нѣтъ; онъ приставленъ къ *ἐπὶ* потому только, что то *частное* отношеніе при »сопоставленіи предмета съ предметомъ«, на которое весь предлоговый оборотъ долженъ указать, *спеціальнаго* падежа *не имѣетъ*. Такимъ образомъ, локальность родоваго падежа здѣсь и вездѣ, гдѣ мы о ней говорили, оказывается чѣмъ то, что внесено въ родовой падежъ самимъ *предлогомъ*, т. е. тѣмъ, что родовой падежъ *сочетался* съ предлогомъ, который *самъ по себѣ* локаленъ по *первоначальной* организаціи языка.

1131; *дѣйствительная* локальность) и *ἐπεὶ οὔπως ἦεν ἐπ' ὤμου χειρὶ φέρειν ἑτέρῃ* (Od. κ 170; простое »отнесеніе предмета къ предмету«), *ἐπὶ νηί* (*на* караблѣ) и *ἐπὶ νηός* (*съ* кораблемъ; я имѣю здѣсь въ виду извѣстный русскій провинціализмъ »пріѣхалъ *съ* такимъ-то поѣздомъ«; въ этомъ провинціализмѣ *дѣйствительная* локальность не выражена, а указано только на *общую связь* прибытія и поѣзда), *ἐφ' ἵππῳ* (на лошади) и *ἐφ' ἵππου* (по чешски *koňто*) и т. д.

Ὑπέρ — ὑπό. Ὑπέρ указываетъ на то, что нѣчто находится или проходитъ *надъ* предметомъ, его самого *не касаясь* (разъ оно *не касается* предмета, то *мѣстный* падежъ невозможенъ). Если рѣчь идетъ *только* о томъ, что то то *находится*, или даже *происходитъ* выше предмета, то кромѣ *родоваго* падежа при *ὑπέρ* ставить нечего: *χιτωνίσκους ἐνεδεδύκεσαν ὑπὲρ γονάτων* (выше колѣнъ — Xen. Anab. V. 4. 13); *καὶ ἕτοιμά ἐστιν ὑπὲρ τούτων διαμάχεσθαι τὰ ἀσθενέστατα τοῖς ἰσχυροτάτοις* (слабѣйшее съ сильнѣйшимъ готово вести борьбу до конца *надъ* этимъ, т. е. *изъ-за* этого — Plat. Symp. 207b); *τοῖς δὲ ἀποψηφισαμένοις ἡδέως ἂν διαλεχθείην ὑπὲρ τοῦ γεγονότος τουτουὶ πράγματος* (радъ бы завести бесѣду *надъ* случившимся = радъ бы побесѣдовать *о* случившемся — Plat. Apol. 39e); *ἐπὶ δὲ μνήσασθε ἕκαστος παίδων ἠδ' ἀλόχων, καὶ κτήσιος ἠδὲ τοκήων ἡμὲν ὅτεῳ ζώουσι καὶ ᾧ κατατεθνήκασι. τῶν ὕπερ ἐνθάδ' ἐγὼ γουνάζομαι οὐ παρεόντων* (надъ ними, не присутствующими, стоя, умоляю васъ = *отъ имени ихъ* умоляю васъ — Il. ο 665) и т. д.

Другое дѣло, если что нибудь не только проносится *надъ* предметомъ, но проходитъ всю параллель его верхней грани или, какъ мы выражаемся, проносится *черезъ* него. Если тутъ нужно выразить оттѣнокъ *преодолѣнія* предмета, то этотъ оттѣнокъ можетъ быть выраженъ *только* вещнымъ падежемъ: *οὐκ ἔστιν ὑπὲρ ἄνθρωπον* (»не идетъ *черезъ* человѣка« въ смыслѣ »не есть сверхъ силъ человѣка« = *не преодолѣваетъ* человѣка — Plat. Leg. 839 d); *ὑπὲρ τὰ τεσσαράκοντα ἔτη* (*за* сорокъ лѣтъ, *преодолѣвая* эту цифру,

переходя *за* ея предѣлы): ὑπὲρ μοῖραν (переходя *за* предѣлы мѣры = *устраняя* мѣру).

При *отсутствіи* оттѣнка преодолѣнія *нѣтъ нужды* уклоняться отъ родоваго падежа: ἕλκε δέ μιν δουρὸς ἑλὼν ὑπὲρ ἄντυγος (= тащилъ его черезъ ἄντυξ — Il. π. 406). Мы говоримъ »нѣтъ нужды«. Это не значитъ, что языкъ *лишенъ* возможности перейти къ вещному падежу, такъ какъ тутъ можетъ почувствоваться и повліять на конструкцію представленіе — если не преодолѣнія, то, по крайней мѣрѣ, *обхватыванія всего предмета* движеніемъ черезъ него; сравни примѣръ ἐγχείη δ' ὑπὲρ νώτου ἐνὶ γαίῃ ἔστη ἱεμένη (Il. υ. 279) съ примѣромъ ὑπὲρ ὦμον ἀριστερὸν ἤλυθε ἀκωκὴ ἔγχεος οὐδ' ἔβαλ' αὐτόν (Il. ε 16.)

Что касается предлога ὑπό, то мы будемъ здѣсь *очень* кратки, такъ какъ пришлось бы буквально повторять то же, что мы разъясняли при ἐπί. И ὑπό указываетъ на придвиженіе чего нибудь къ предмету, или на *результатъ* такого движенія, только что при ἐπί это движеніе идетъ скорѣе по горизонтальному направленію, тогда какъ при ὑπό оно идетъ *снизу* къ предмету, а если сверху, то — *подъ* предметъ. Конечно, не всякій примѣръ на ἐπί найдетъ себѣ соотвѣтствіе въ примѣрахъ на ὑπό, но *отсутствіе* такого соотвѣтствія читателю нетрудно будетъ опредѣлить *самому*. Новое здѣсь, сравнительно съ ἐπί, одно: ὑπό можетъ указывать также на движеніе *изъ подъ* предмета. Такъ, по крайней мѣрѣ, мы объясняемъ пассивныя конструкціи: ὑπ' αὐτοῦ ἐπράχθη значитъ »*изъ-подъ* него«, т. е. *изъ подъ* его дѣятельности или власти или вообще энергіи вышла такая то πρᾶξις. Появляющійся здѣсь genitiv есть *удалительный* падежъ, и такимъ образомъ мы опять очутились тамъ, гдѣ мы были при κατά: genitiv'ная форма при ὑπό имѣетъ значеніе и *родоваго* (ὑπὸ τῆς γῆς = подъ *землею*, притомъ *дальше* отъ земли, а не *непосредственно* подъ нею: послѣднее должно бы быть выражено черезъ ὑπὸ τῇ γῇ) и *удалительнаго* падежа; разница въ *положеніи* »сопоставляемыхъ черезъ ὑπό предметовъ«(въ ὑπὸ τῆς γῆς нѣчто на-

ходится *ниже* земли, а въ *ὑπ᾽ αὐτοῦ ἐπράχθη πρᾶξις* представляется идущею *вверхъ* отъ *αὐτός*), внесенная *извнѣ* въ предлоговую конструкцію, позволяетъ genitiv'ной падежной формѣ *раздвоиться* симасіологически.

Διά. Этотъ предлогъ указываетъ на движеніе чего нибудь *сквозь* предметъ. И на этомъ предлогѣ долго останавливаться нечего, такъ какъ метафористика его — очень проста, а объясненіе *падежей* при немъ не представляетъ затрудненія. Предметъ, *сквозь* который что нибудь движется, представляется, употребляя *физическій* терминъ, *проводникомъ* этого »чего нибудь«, и нѣтъ падежа, который бы соотвѣтствовалъ этому представленію, кромѣ обще-*родоваго*; сравни: *διὰ θώρακος τιτρώσκειν*, *διὰ νήσου ἰών* (Od. μ 335) и др. Идетъ ли движеніе *за* предѣлы того предмета, сквозь который оно совершается (*τιτρώσκειν διὰ θώρακος*), или *остается* въ предѣлахъ »проводника« (*διὰ νήσου ἰών*), это — рѣшительно все равно и не можетъ имѣть на конструкцію особеннаго вліянія. Въ метафористикѣ этого предлога представляются характерными выраженія въ родѣ *διὰ τοῦ ἐρωτᾶν διδάσκειν* (*ἐρωτᾶν* является здѣсь *существительнымъ*; сравни стр. 200) и т. п. Русское выраженіе »обученіе совершается *путемъ* спрашиванія« достаточно выясняетъ данную метафору.

Есть нѣсколько случаевъ появленія *вещнаго* падежа при предлогѣ *διά: θεῖός μοι ἐνύπνιον ἦλθε ὄνειρος ἀμβροσίην διὰ νύκτα* (Il. β 57). *Ἀμβροσίη νὺξ* представляется здѣсь средою, отдѣляющею *ὄνειρον* отъ героя, и ее долженъ былъ *преодолѣть ὄνειρος*, пока дошелъ до Агамемнона. Вотъ этотъ оттѣнокъ *преодолѣванія*, очевидно, вызвалъ появленіе вещнаго падежа. Сравни: *ἔστην δὲ σκοπιὴν ἐς παιπαλόεσσαν ἀνελθών, καί μοι ἐείσατο καπνὸς ἀπὸ χθονὸς εὐρυοδείης Κίρκης ἐν μεγάροισι διὰ δρυμὰ πυκνὰ καὶ ὕλην* (Od. κ 150) и др.

Особенно выдѣляется *διά* съ вещнымъ падежемъ, обозначающее *причину*: *διὰ τοὺς ἀδίκως πολιτευομένους ἐν τῇ ὀλιγαρχίᾳ δημοκρατία γίγνεται* (Lys. 25. 27); *διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακά* и т. д. Сопоставляя эти примѣры съ вы-

шеприведеннымъ *διδάσκειν διὰ τοῦ ἐρωτᾶν*, мы видимъ большую разницу. Тамъ *διδάσκειν* дѣйствительно *проходило* черезъ *ἐρωτᾶν* и *совершалось* въ самомъ *ἐρωτᾶν*, здѣсь же *τὰ κακὰ* только лишь *подготовляются* черезъ *τοῦτο* (*тоже* проходятъ сквозь *τοῦτο*, иначе необъяснимо было бы само *διά*, но проходятъ черезъ него только лишь въ своемъ *зародышѣ*), а какъ *осязаемыя κακὰ* они являются уже *по окончаніи* того, что ихъ подготовляло, а потому *τοῦτο* въ примѣрѣ »*διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακά*« является истымъ *antecedens* по отношенію къ *κακά*. Наше *διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακά* напоминаетъ намъ то *μετά* съ вещнымъ падежемъ (*μετὰ τοὺς θεοὺς θειότατον ἡ ψυχή* — *μετὰ τὸν δεῖπνον τὸ δεῖνα ἐποιήσαμεν*; см. стр. 260), которое рисовало картину *окончанія* чего нибудь одного для того, чтобы наступило другое. Когда мы толковали о примѣрахъ *μετὰ τοὺς θεούς* — *μετὰ τὸν δεῖπνον*, то недоумѣвали, какъ связать значеніе вещнаго падежа въ *этихъ* примѣрахъ съ его *общимъ* значеніемъ. Въ настоящее время эта связь — намъ ясна; ее помогло выяснить *именно* »*διά*« съ вещнымъ падежемъ, обозначающее причину, — помогло ее выяснить своею картиною *подготовленія исподволь* того, что потомъ слѣдуетъ: въ *оконченномъ*, т. е. въ *δεῖπνος* (*μετὰ τὸν δεῖπνον τὸ δεῖνα ἐποιήσαμεν*), въ *τοῦτο* (*διὰ τοῦτο πολλὰ ἔπαθε κακά*), въ *οἱ ἀδίκως πολιτευόμενοι* (*διὰ τοὺς ἀδίκως πολιτευομένους*), въ *θεοὶ* (*μετὰ τοὺς θεοὺς θειότατον ἡ ψυχή*), — во всемъ этомъ мы должны усматривать нѣчто, чѣмъ, въ его *готовомъ* видѣ, такъ сказать, »*распорядилось*« то, что за нимъ *послѣдовало* и имъ подготовлялось. *Μετὰ τοὺς θεοὺς ἡ ψυχὴ θειότατον* значитъ: счеты съ богами должны быть окончены, для того чтобы *ψυχὴ* оказалась самою божественною.

Мы считаемъ разборъ отдѣльныхъ предлоговъ и *падежей* при нихъ оконченнымъ. Всѣ остальныя слова, которыя причисляются къ предлогамъ, не могутъ подлежать такому разбору, какъ видно изъ слѣдующихъ соображеній.

Ἄνευ представляетъ собою *отрицательный* предлогъ, такъ какъ оно *отрицаетъ* »сопоставленіе предмета съ предметомъ«. Его можно назвать предлогомъ лишь на такомъ основаніи, на какомъ нуль, *отрицаніе* числа, называютъ числомъ. Для теоріи падежей оно не представляетъ никакого интереса: являясь отрицаніемъ не какого нибудь *частнаго* отношенія предмета къ предмету, а отношенія *вообще*, оно соединяется съ *родовымъ* падежемъ. Но, быть можетъ, мы въ немъ должны усматривать не *отрицаніе* отношенія, а *удаленіе* предмета отъ предмета, и на этомъ основаніи примемъ соединяющуюся съ нимъ *γενικὴν* за *удалительный* падежъ? На это трудно отвѣтить опредѣленно, и вообще объ *ἄνευ* легче было бы разсуждать, если бы оно было больше раскрыто этимологически.*)

Не раскрыты для насъ этимологически и »предлоги« *ἕνεκα* (съ родовымъ**) и *ὡς* (съ вещнымъ падежемъ). Кромѣ того, я ни тотъ, ни другой предлогъ не чувствую *непосредственно*. Первый я чувствую черезъ замѣняющее его *«πρὸς χάριν«* съ родовымъ, а второй — черезъ *πρός* съ вещнымъ падежемъ.

Ἄχρι τινός и *μέχρι τινός* разбирать пока довольно трудно, такъ какъ *ἄχρι* и *μέχρι* почему то употребляются не только въ качествѣ »предлоговъ,« но и въ качествѣ »союзовъ« (*ἄχρι ἂν τοῦτο γένηται, μέχρι ἂν τοῦτο γένηται*)), а до »союзовъ« мы не скоро дойдемъ.

Точно также нелегко раскрыть теперь и *ἅμα*, исполняющее, кромѣ роли »предлога«, еще какъ будто и роль »частицы« (*ἅμα μέν — ἅμα δέ*).

Впрочемъ, всѣ эти *ἄνευ, ἕνεκα, ὡς, ἄχρι, μέχρι* и *ἅμα* наша грамматика называетъ *ненастоящими* пред-

---

*) Brugmann (Grundriss II. 615) принимаетъ его за этимологически связанное съ русскимъ *вонъ*, Bartholomae (Bezzenberger's Beiträge XV. 16) указываетъ на связь его и слова *ἄτερ* съ санскритскимъ *sanutar* (= прочь, въ сторону), но обыкновенно его сопоставляютъ съ *отрицательными* словами: съ греческимъ *α* (privativum) = *αν-να νη*, съ латинскимъ in (privativum) и съ нѣмецкимъ un (privativum). Смотри Ebeling Lex. Hom. sub voce *ἄνευ*.

**) Разныя попытки объяснить этимологію этого слова смотри Ebeling Lex. Hom. sub voce *ἕνεκα*.

логами, противопоставляя ихъ *настоящимъ* т. е. тѣмъ, которые мы разобрали, и подчеркивая при этомъ противопоставленіи то обстоятельство, что только *разобранные* нами предлоги, *помимо* способности соединяться съ падежами, обладаютъ еще способностью входить въ *композиціи* словъ (*κατάδηλος συνέρχομαι* и т. д.)

Относительно происхожденія предлоговъ существуетъ теорія, что всѣ они, какъ »настоящіе,« такъ и »ненастоящіе« первоначально были »нарѣчіями«. Это утвержденіе основывается на случаяхъ появленія предлоговъ въ рѣчи въ совершенно *самостоятельномъ* значеніи, т. е. *безъ* падежей при нихъ. И въ самомъ томъ обстоятельствѣ, что предлоги выступаютъ въ composit'ахъ, видятъ доказательство ихъ »*самостоятельнаго*« значенія и »нарѣчности«*). Объ отношеніи предлоговъ къ »нарѣчіямъ« мы пока разсуждать не можемъ, такъ какъ сами до »нарѣчій« еще не дошли. Что же касается случаевъ »*самостоятельнаго*« значенія предлоговъ, т. е. того, на чемъ »нарѣчность« *основывается*, то вотъ эти случаи:

ἐν δ' ἐτίθει σταφυλῇσι μέγα βρίθουσαν ἀλωήν, καλήν, χρυσείην, μέλανες δ' ἀνὰ βότρυες ἦσαν (... а *на нихъ*, т. е. на этихъ *σταφυλαί*, было то-то — Il. σ. 562).

---

*) Это — общепринятый взглядъ. Его выражаетъ напр. Curtius (Erl. 168) словами: Für das Verständniss der Rection der Präpositionen ist nichts wichtiger, als die unumstösslich feststehende Thatsache, dass alle Präpositionen ursprünglich Adverbien waren. Kühner говоритъ такъ: Sämmtliche eigentliche Präpositionen sind ursprünglich Ortsadverbia, d. h. sie bezeichnen die Ortsbezeichnung einer Handlung In der homerischen Sprache verwalten dieselben fast alle noch eine doppelte Function, die ursprüngliche, als Ortsadverbia, und die hieraus hervorgegangene, als Präpositionen, indem sie die Ortsbeziehung eines Substantivs bezeichnen (затѣмъ слѣдуютъ примѣры изъ Омира въ родѣ *περὶ δ' ἄντυγα βάλλε φαεινήν*, словомъ, въ родѣ тѣхъ, къ разбору которыхъ мы и собираемся приступить въ настоящее время; смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 445). А дальше: Die Präposition erscheint endlich in Verbindung mit einem Verb. In diesem Falle tritt sie zwar nicht wie in dem ersten als selbstständiges Adverb auf, hat aber adverbiale Bedeutung (тамъ же стр. 459). Теперь, впрочемъ, взглядъ о »*нарѣчности*« предлоговъ очень ослабленъ Дельбрюкомъ. Дельбрюкъ признаетъ предлоги за *особую* часть рѣчи, только сознаетъ, что ebensowenig wie eine scharfe Definition des Adverbiums, ist eine genaue Abgränzung gegen das Gebiet der Präpositionen einerseits und der sog. Partikeln andererseits möglich (Grundr. III. 536). Де-

ὀπτήσας δ' ἄρα πάντα φέρων (разумѣй *Евмей*) *παρέθηκε Ὀδυσῆι . . . αὐτὸς δ' ἀ ν τ ί ο ν ἷζεν, ἐποτρύνων δὲ προσηύδα* (. . . самъ же сидѣлъ *къ нему лицомъ къ лицу . . .* Od. ξ. 79). Простое *ἀ ν τ ί* даже не встрѣчается: скажемъ, что это — простая случайность, и что здѣсь слово *ἀ ν τ ί ο ν* могло быть *замѣнено* словомъ *ἀ ν τ ί*.

τὸν δ' (т. е. Діомида) *ἐκίχανον ἐκτὸς ἀπὸ κλισίης σὺν τεύχεσιν, ἀ μ φ ὶ δ' ἑταῖροι εὗδον* (. . . *вокругъ него* сидѣла дружина — Il. κ. 151).

οὐ μὲν γάρ τι κακή γε (разумѣй *ἡ ν ῆ σ ο ς*), *φέροι δέ κεν ὥρια πάντα . . . ἐ ν μὲν γὰρ λειμῶνες ἁλὸς πολιοῖο παρ' ὄχθας ὑδρηλοὶ μαλακοί . . . ἐ ν δὲ ἄροσις λείη* (. . . *на немъ, на* островѣ, встрѣчается то–то — Od ι 132).

αὐτὸς δ' ἐς θάλαμον κατεβήσατο κηώεντα κέδρινον, ὑψόροφον, ὃς γλήνεα πολλὰ κεχάνδει· ἐ ς δ' ἄλοχον Ἑκάβην ἐκαλέσσατο (*въ него* позвалъ . . . Il. ω 193).

Θρήικες δ' ἐπὶ μὲν τῇσι κεφαλῇσι ἀλωπεκέας ἔχοντες ἐστρατεύοντο, περὶ δὲ τὸ σῶμα κιθῶνας, ἐ π ὶ δὲ ζειρὰς περιβεβλημένοι ποικίλας (*на хитонахъ = поверхъ* хитоновъ . . . Herod. 7. 75.).

ἵζοντο πρῶτος μὲν ὁ Σιδωνίων βασιλεύς, μετὰ δ' ὁ Τύριος (*смежно съ нимъ* . . . Herod. 8. 67.).

тальный разборъ предлоговъ идетъ у него въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) präverbia (т. е. предлоги, относящіеся къ verba finita: *ὑπό τε τρόμος ἔλλαβε γυῖα*); 2) предлоги при падежахъ; 3) случаи, гдѣ предлогъ можетъ быть привлеченъ и къ verbum finitum, и къ падежу (*τοῖσιν δ' ἐγὼ μεθ' ὁμίλεον*); 4) предлоги въ качествѣ «*нарѣчій*» или «частицъ» («нарѣчіе»: *οἱ περὶ μὲν βουλὴν Δαναῶν, περὶ δ' ἐστὲ μάχεσθαι*; «частица»: *μετὰ δέ — πρὸς δέ* = затѣмъ); 5) предлоги въ composit'ахъ. Итакъ, и у Дельбрюка фигурируютъ предлоги въ роли «нарѣчій», только не на *первомъ мѣстѣ*. Въ общемъ, Дельбрюкъ представляетъ себѣ историческое развитіе предлога въ слѣдующемъ видѣ (Grundr. III. 664): die ältere Aufgabe der Präpositionen war, die Handlung des Verbums nach Massgabe des ihnen innwohnenden Sinnes näher zu bestimmen. Trat nun zu dem so bestimmten Verbum ein geeigneter Casus, so konnte sich zwischen ihm und der Präposition ein näheres Verhältniss entwickeln, bei dem die Präposition den Sinn des Casus sehr erheblich modifizieren konnte. У насъ получается и получится какъ разъ обратное, такъ какъ мы вышли отъ мысли о необходимости предлоговъ *прежде всего* для обозначенія «мѣстныхъ отношеній». Читатель самъ обсудитъ, гдѣ больше правды.

λέκτο μυχῷ δόμου ὑψηλοῖο· παρ' δὲ γυνὴ δέσποινα λέχος πόρσυνε καὶ εὐνήν (*рядомъ съ нимъ* . . . Od. η 347).

αἴγλη δ' οὐρανὸν ἷκε, γέλασσε δὲ πᾶσα περὶ χθών (вокругъ *того мѣста*, о которомъ идетъ рѣчь . . Il. τ 362).

ἑσταότες περὶ Πατρόκλῳ πρὸ δὲ δοῦρα τ' ἔχοντο (*передъ собою*=*впереди* отъ себя . . Il. ρ 355).

θλάσσεν οἱ κοτύλην, πρὸς δ' ἄμφω ῥῆξε τένοντε (= *супротивъ этого дѣйствія* и *вдобавокъ* къ нему . . . Il. ε. 307).

ὤλοντο γὰρ Πολυνείκης μὲν πορθῶν τήνδε γῆν, ὁ δὲ Ἐτεοκλῆς ἀντιστὰς ὑπέρ (. . . противоставъ ему *надъ землею*=*въ защиту* земли — Soph. Antig. 518).

ἔνθα μοι ἵπποι δώδεκα θήλειαι, ὑπὸ δ' ἡμίονοι ταλαεργοὶ ἀδμῆτες (*подъ ними*, т. е. подъ кобылами . . . Od. η 636).

βέλος εἰς κεφαλὴν δῦ, σὺν δ' ἵππους ἐτάραξεν (*вмѣстѣ съ этимъ* онъ . . Il. θ 85).

τὴν δ' (разумѣй *корабль*) *εἰς ὅρμον προέρεσσαν ἐρετμοῖς, ἐκ δ' εὐνὰς ἔβαλον* (*изъ него*, т е. изъ корабля . . . Il. α 436).

Πριαμίδης μὲν ἔπειτα κατὰ στῆθος βάλεν ἰῷ θώρηκος γύαλον, ἀπὸ δ' ἔπτατο πικρὸς οἰστός (*отъ свода* щита . . . Il. ν 537).

Въ приведенныхъ примѣрахъ встрѣчаются *всѣ* предлоги »самостоятельно«, т. е. *безъ* падежей, за исключеніемъ *διά* и *κατά*, но и ихъ »самостоятельное« употребленіе можно вполнѣ доказать на такихъ явленіяхъ какъ *ἕλκε διὲκ προθύροιο* (Od. σ 101=*черезъ* подворотню и дальше *изъ* нея; падежъ *προθύροιο* зависитъ *только* отъ *ἐξ* и есть падежъ *удалительный*, а *διά* своего падежа, т. е. *родоваго*, *не имѣетъ*) и *καδ' δ' ἐκ πασσαλόφι κρέμασσεν φόρμιγγα λίγειαν* (Od. θ 67)=*съ гвоздей* — какъ латинское pendere *ex* aliqua re — *внизъ подъ* гвозди. Но при всей »самостоятельности«, наши предлоги, вопервыхъ, вполнѣ сохраняютъ то значеніе, которое имъ, и *именно* имъ, а не падежамъ, принадлежало и при сочетаніи ихъ съ падежами, а вовторыхъ, то существительное, котораго они потребовали

бы *какъ* предлоги, либо упомянуто гдѣ нибудь тутъ же, вблизи, либо, какъ выше въ примѣрѣ *γέλασσε δέ πᾶσα περὶ χθών*, подразумѣвается изъ общаго контекста. Если поставить вопросъ, что было естественнѣе для предлоговъ, — перейти ли отъ такого »самостоятельнаго« употребленія къ обычному, несамостоятельному, или же наоборотъ, то этотъ вопросъ, кажется, слѣдуетъ рѣшить во *второмъ* смыслѣ, такъ какъ только *привычка* языка *на дѣлѣ употреблять* падежи при предлогахъ дѣлаетъ возможнымъ и ихъ *подразумѣваніе*, а *подразумѣваніе* ихъ, кажется, въ нашихъ примѣрахъ — *необходимо*.

Мысль, которую мы защищаемъ въ приведенномъ разсужденіи, — очень проста, и мы просимъ читателя не влагать въ наши слова больше того, что въ нихъ заключается. Приведеннымъ разсужденіемъ мы не защищаемъ ни *предложность* предлоговъ, ни ихъ нарѣчность (мы, какъ уже сказано, не можемъ этого сдѣлать просто потому, что о »нарѣчіяхъ« еще ничего не знаемъ). Мы хотимъ сказать только то, что если послѣ какого нибудь слова, — предлога ли, или иной части рѣчи, — что нибудь подразумѣвается, — будь это падежъ, или что либо другое (вѣдь падежъ или его подразумѣваніе не предполагаетъ непремѣнно наличность предлога*; и послѣ *существительнаго* можетъ подразумѣваться падежъ**), — то это подразумѣваніе вытекаетъ изъ привычки *дѣйствительно соединять* со словомъ то, что въ томъ или другомъ случаѣ »подразумѣвается«.***) Эта мысль, высказанная здѣсь въ общемъ видѣ, получаетъ примѣнительно къ нашему разсужденію о предлогахъ *такой* смыслъ, что »самостоятельное употребленіе« предлоговъ, разъ оно предполагаетъ подразумѣваніе при нихъ падежей, не можетъ играть той »роли *аргумента*« въ вопросѣ объ от-

---

* Придется всетаки забѣжать впередъ и сказать, что въ приведенномъ выше примѣрѣ слово *ἀντίον* ужъ никакъ не есть предлогъ, а есть »нарѣчіе«; между тѣмъ и послѣ *него* подразумѣвается падежъ.

**) Послѣ *за спиною* всегда будетъ подразумѣваться отвѣтъ на вопросъ *чьею*.

***) Сопоставь сказанное на стр. 54.

ношеніи предлоговъ къ »нарѣчіямъ«, какую ему обыкновенно навязываютъ.

Разсмотримъ теперь composita, въ составъ которыхъ входятъ предлоги. Прежде всего заявляемъ, что напрасно толкуютъ о композиціяхъ въ *глаголахъ* какъ чемъ то *особомъ*, имѣющемъ выяснить историческое развитіе предлога. Чѣмъ отличается слово *συνάγω*, какъ предлоговая композиція, отъ слова *συναγωγή*, или — слово *παρανομέω* отъ слова *παράνομος*?*) Вообще же, по интересующему насъ дѣлу слѣдуетъ раздѣлить предлоговыя композиціи на три категоріи.

На первомъ мѣстѣ поставимъ composita, составляющіяся изъ предлога и того или иного *падежа*, который въ предлоговомъ *оборотѣ* долженъ бы быть приставленъ къ предлогу какъ вторая *часть* оборота. Такъ составлены composita:

ἀμφιβώμιος (Eur. Troad. 562) = совершаемый около жертвенника; сказано о *σφαγαί*.

ἀντήλιοι (Soph. Ai. 805) = находящіеся противъ солнца; сказано объ *ἀγκῶνες*.

ἀπόπτολις (Soph. Oed. r. 1000) = находящійся далеко отъ города.

διαπόντιος (Aesch. Choëph. 352), сказано о *γῆ* = земля, къ которой проникнешь только »сквозь« море = заморская земля.

ἔκδημος (Xen. Cyrop. VIII. 5. 12.) = вышедшій изъ дима = находящійся за предѣлами своей *общины*.

ἔνδημος (Aesch. Suppl. 682) = находящійся въ *общинѣ*, въ своемъ *отечествѣ*.

На предлогъ *εἰς* трудно подыскать примѣръ. Затрудненіе это объясняется тѣмъ, что *εἰς* — этимологически тожест-

*) Намъ возразятъ, что *συναγωγή* или *παράνομος* могло появиться только тогда, когда само *συνάγω* или *παρανομέω* уже *утвердились* въ языкѣ какъ *одно* слово. Надѣемся, изъ нижеразъясняемаго нетрудно будетъ убѣдиться въ томъ, что настоящее возраженіе не можетъ имѣть для насъ *никакого* значенія или, по крайней мѣрѣ, — не такое, какое могутъ ему придавать тѣ, которые выдѣляютъ глагольныя композиціи для *своихъ*, нами *не признаваемыхъ*, цѣлей.

венно съ *ἐν*, и что различіе между *движеніемъ* внутрь и *нахожденіемъ* внутри для нашихъ composit'овъ какъ то теряетъ значеніе (сопоставь выше стр. 307). Такое слово, какъ *σκορακίζειν* (собственно *εἰσκορακίζειν* = посылать къ ворону = посылать къ черту) представляется намъ словомъ слишкомъ *дѣланнымъ*, — словомъ, созданнымъ на *комической* почвѣ, хотя его употребляетъ и Димосѳенъ, въ значеніи синонима слову *προπηλακίζειν* (см. Dem. 11. 11.).

ἐπιχώριος = туземный (встрѣчается у Пиндара, Эсхила, Софокла, и позже).

κατάγειον (Plat. Resp. 532 b) = подземелье.

μεταδήμιος (Od. ϑ 293) = находящійся *среди* народа, т. е. — *дóма*, въ общинѣ.

παρανομέω = поступаю *противъ* закона.

περιαυχένιος (Herod. 3·20) = носимый вокругъ шеи; сказано о *στρεπτός*.

προθύριον = собственно *преддверье*.

προσδόρπιος (собственно *ποτιδόρπιος*, Od. ι 234) = относящійся къ *δόρπον*: сказано объ *ὄβριμον ἄχθος ὕλης ἀζαλέης*, которое принесъ въ пещеру Полифимъ.

συνάδελφος (Xen. Memor. II. 3. 4) = имѣющій *единоутробныхъ* (братьевъ и сестеръ).

ὑπεράκριος (Herod. 6. 20) = находящійся надъ горами.

ὑποζύγια = подъяремный = вьючный скотъ.

Всѣ эти composita производятъ впечатлѣніе словъ, основывающихся на предлоговыхъ *оборотахъ*, какъ на чемъ то, уже практиковавшемся въ языкѣ и вполнѣ установившемся *до* образованія самихъ composit'овъ. Что предметъ, который въ предлоговомъ оборотѣ долженъ быть выраженъ въ самомъ *падежѣ* этого оборота, заключается въ composit'ѣ, это нами уже сказано. Что же касается *другого* предмета, который въ предлоговомъ оборотѣ, какъ служащемъ для »сопоставленія *предмета* съ *предметомъ, необходимъ*«, то этотъ *другой* предметъ въ нашихъ composit'ахъ или намѣченъ (а то

и прямо *обозначенъ* *) окончаніемъ, или долженъ быть показанъ *помимо* composit'овъ. **)

Для опредѣленія *второй* категоріи composit'овъ опять таки нужно выходить изъ предлоговыхъ оборотовъ и ихъ роли »сопоставленія *предмета* съ предметомъ.« Въ этой категоріи *оба* сопоставляемые предмета получаютъ свое выраженіе *внѣ* composit'овъ. Въ *лучшемъ* случаѣ, войти въ этимологическую основу composit'а можетъ *тотъ* изъ »сопоставляемыхъ« предметовъ, который въ *предлоговомъ* оборотѣ былъ обозначенъ не *падежемъ* оборота, какъ въ *первой* категоріи, а *внѣ* всего предлоговаго оборота. Эта категорія composit'овъ — самая многочисленная. Вотъ ихъ примѣры:

1. *Ὥστε με κουράων ἀμφήλυθε θῆλυς ἀϋτή* (Od. ζ. 122). *Ἀϋτή* и *ἐγώ* приводятся здѣсь въ *мѣстное* отношеніе. И *ἀϋτή*, и *ἐγώ*, — оба эти предмета показаны *внѣ* composit'а, а compositum состоитъ изъ выраженія »дѣйствія,« *приводящаго* ихъ въ мѣстное отношеніе, и изъ предлога, вызывающаго появленіе вещнаго падежа *με* такъ, какъ онъ вызывалъ бы его, если бы стоялъ самъ *внѣ* composit'а, *непосредственно* передъ *με*. Я говорю »непосредственно« не въ смыслѣ *разстановки словъ*, — разстановка словъ можетъ быть и болѣе *свободная*, — а въ томъ смыслѣ, что онъ *одинъ* вызывалъ бы тогда вещный падежъ, между тѣмъ какъ теперь получается такое впечатлѣніе, какъ будто онъ, присоединенный къ выраженію »дѣйствія«, вызываетъ его *совмѣстно* съ послѣднимъ. Соединиться съ выраженіемъ »дѣйствія« въ *одно* слово очень приличествовало нашему предлогу, такъ какъ онъ *отмѣчаетъ* то отношеніе, въ которое поставлены *ἐγώ* и *ἀϋτή*, а *толчекъ* этому отношенію дало само »дѣйствіе« (съ этимъ сопоставь наше разсужденіе на стр. 241–2).

2. *Τί μ' ἀμφιβάλλεις χερσίν, ὦ τάλαινα παῖ, ὄρνις ὅπως πολιόχρως κύκνος* (Eur. Bacch. 1364). Если бы этотъ при-

*) Слово, напр., *περιαυχένιος*, какъ слово *признаковое*, своимъ окончаніемъ лишь *намѣчаетъ* предметъ, который находится *περὶ αὐχένα*, въ словѣ же *προθύριον*, какъ *существительномъ*, окончаніемъ прямо *обозначено* то, что находится *πρὸ θυρῶν*.

**) Сравни »*περιαυχένιος στρεπτός*« и »*σκορακίζειν τινά*.«

мѣръ былъ вполнѣ похожъ на предыдущій, то нужно бы читать *τί μ' ἀμφιβάλλεις χεῖρας*. Какъ ни чувствовалось бы *ἀμφί* »принадлежащимъ« къ дѣйствію *βάλλω*, все же можно было бы тогда сказать, что *χεῖρας* вызвано словомъ *βάλλω* (въ предыдущемъ примѣрѣ соотвѣтствующаго вещнаго падежа не было, ибо *ἤλυθε* было intransitivum, тогда какъ *βάλλω* — transitivum), а *με* вызвано предлогомъ *ἀμφί*, указывающимъ на »*мѣстное* отношеніе« *τῶν χειρῶν* къ лицу, выраженному въ *με*.

То, что мы *желали* встрѣтить, подводя нашъ примѣръ подъ предыдущій, на дѣлѣ встрѣчается у того же Еврипида Elect. 1231, гдѣ сказано: *ἰδού, φίλαν τε κ' οὐ φίλαν φάρεα σέ γ' ἀμφιβάλλομεν*. У Еврипида Herc. fur. 465 сказано даже такъ: *στολήν τε θηρὸς ἀμφέβαλε σῷ κάρᾳ*, т. е. предлогомъ *ἀμφί* вызванъ не *вещный* падежъ, а мѣстный (сравни выше стр. 303–4).

Чему же обязанъ примѣръ, вызвавшій настоящее разсужденіе, своимъ *χερσίν* вмѣсто *χεῖρας*? Очевидно, тому, что предлогъ *ἀμφί* не только »*принадлежитъ*« по смыслу къ дѣйствію *βάλλω*, какъ *отмѣчающій* отношеніе, къ которому *βάλλω* дало толчекъ, но прямо таки *внутренно* слился съ нимъ въ одно слово, и хотя мы еще не разбирали instrumental'a, но, по *общему* представленію о немъ, въ словѣ *χερσίν* нужно усматривать *его, instrumental.* Но за всѣмъ тѣмъ слово *ἀμφί* остается въ своей *силѣ*, какъ указатель отношенія предмета къ *предмету*. Не будь его, нѣтъ мѣста и слову *με* (*«βάλλεις με χερσίν«* имѣетъ *совсѣмъ* другой смыслъ), а если вмѣсто *χεῖρας* появилось *χερσίν*, то и въ *обыкновенномъ предлоговомъ* оборотѣ *второй* изъ »сопоставляемыхъ« предметовъ *не зависитъ* отъ предлога; въ *данномъ* случаѣ онъ, какъ сказано, зависитъ отъ чего то, что *вмѣстѣ* съ предлогомъ *внутренно* слилось въ *одно*, но это, какъ видно, *не помѣшало* самому *предлогу* выказать *все* свое значеніе, которое онъ имѣетъ въ обыкновенномъ предлоговомъ оборотѣ.

Мы слышимъ возраженіе. Въ »*στολὴν ἀμφέβαλε σῷ κάρᾳ*«, скажутъ намъ, напрасно отнесено *σῷ κάρᾳ* къ од-

ному *ἀμφί*; оно зависитъ отъ *всего* »*ἀμφέβαλεν*«, и если въ *ἀμφιβάλλεις με χερσίν* еще кое-какъ *можно* допустить, что *ἀμφί* »сохранило *все* значеніе, которое оно имѣетъ въ обыкновенномъ предлоговомъ оборотѣ,« то этого нельзя сказать объ »*ἀμφέβαλε σῷ κάρᾳ στολήν*«. Мы не имѣемъ ничего противъ этого возраженія. Дѣйствительно, бываетъ, что предлогъ сливается *внутренно* съ выраженіемъ дѣйствія до того тѣсно, что самъ не можетъ повліять на конструкцію такъ, какъ повліялъ бы внѣ этого условія. Такъ, въ *ἔρχομαι διὰ πυλῶν* появляется *родовой* падежъ, а въ *διέρχομαι πύλας* — вещный. Въ *ἀμφιβάλλω στολὴν σῷ κάρᾳ* — »*σῷ κάρᾳ*« нужно бы признать за *личный* падежъ, если оно зависитъ отъ всей композиціи*). Но нѣтъ сомнѣнія, что и *здѣсь* предлогъ *остается* указателемъ отношенія предмета къ предмету; ибо не будь *его* во фразѣ *διέρχεσθαι πύλας*, то и слово *πύλας* не только не заручится вещнымъ и другимъ, какимъ угодно, падежемъ, но совсѣмъ *исчезнетъ* изъ фразы.

3) *ὥς οἵ γε ἀμφίεπον τάφον Ἕκτορος ἱπποδάμοιο* (Il. ω. 804). Чѣмъ отличается этотъ примѣръ отъ двухъ предыдущихъ, т. е. отъ *ἀμφήλυθέ με ἀϋτή* и отъ *ἀμφιβάλλεις με χερσίν*? Въ предыдущихъ примѣрахъ въ само compositum не входило ни то, *что* черезъ предлогъ приводится въ отношеніе къ извѣстному предмету, ни тотъ предметъ, къ *которому* оно приводится въ отношеніе (послѣдняго и *не могло* быть, иначе самое compositum пришлось бы отнести не ко второй, а къ *первой* категоріи, — къ словамъ *παρανομέω* и т. д.). Настоящій же примѣръ представляетъ собою тотъ *крайній* случай, который мы имѣли въ виду

*) Это разсужденіе вызываетъ вопросъ: какія изъ composit'овъ слѣдуетъ считать *болѣе* ранними: тѣ, въ которыхъ предлоги еще *имѣютъ* вліяніе на конструкцію, или тѣ, въ которыхъ предлоги *до того* слились съ выраженіемъ дѣйствія, что даже потеряли вліяніе на конструкцію? Казалось бы, болѣе ранними нужно считать *первыя*. Если это такъ, то это плохо мирится съ мнѣніемъ Дельбрюка, которое мы сообщили на стр. 319, и которое гласитъ, будто сначала предлогъ видоизмѣнялъ значеніе *глагола*, а затѣмъ, когда этотъ глаголъ (видоизмѣненный предлогомъ) принялъ къ себѣ приспособленный его значенію падежъ, то и между *предлогомъ* и этимъ *падежемъ* установилось извѣстное симасіологическое отношеніе.

при самомъ *опредѣленіи* второй категоріи composit'овъ: то, *что* приводится въ отношеніе къ извѣстному предмету, вошло въ *compositum*, ибо въ *данномъ* примѣрѣ окружаетъ *τάφον Ἕκτορος* дѣйствіе *ἔπειν*.

Намъ скажутъ, что въ нашемъ примѣрѣ не *ἔπειν* окружаетъ *τάφον Ἕκτορος*, а окружаютъ его *οἵ γε*, *производя* при этомъ дѣйствіе *ἔπειν*. Мы не имѣемъ ничего и противъ такого возраженія, хотя оно можетъ вызвать только *колебаніе*, но не можетъ претендовать на рѣшеніе вопроса *непремѣнно* въ *свою* пользу. Въ состояніи такого колебанія мы могли оказаться часто, когда разбирали отдѣльные предлоги съ ихъ падежами, особенно послѣ разсужденія, изложеннаго нами на стр. 244–5. Мы сами уже поднимали однажды подобный вопросъ, именно на стр. 276, но тамъ мы *нашли* мотивъ, въ силу котораго къ »*сопоставленію*« предметовъ, обозначаемому *предлогомъ*, можно было отнести *дѣйствіе*, а не лицо, *производящее* его. Въ *настоящемъ* примѣрѣ такого мотива не найти, а потому и колебанія не избѣгнуть. Разбирая нашъ и ему подобные примѣры съ узко-*симасіологической* точки зрѣнія, мы скажемъ, что отъ *ἀμφίεπον* съ одной стороны »зависитъ« *οἵ γε*, а съ другой — *τάφον*, причемъ на *падежъ* слова *τάφον* »не потеряло еще вліяніе« само *ἀμφί*; затѣмъ отъ *τάφον* зависитъ симасіологически *Ἕκτορος*, а съ *Ἕκτορος* симасіологически связано, какъ *согласующееся*, слово *ἱπποδάμοιο*. Но узко-симасіологической точкѣ зрѣнія мы въ самомъ *основаніи* противопоставляемъ *обще-синтаксическую*, — ту обще-синтаксическую точку зрѣнія, которою опредѣляются паузы, ритмъ и т. д., и которою у насъ опредѣлились »*синтаксическія*« *подлежащее* и *сказуемое* (смотри выше стр. 175). Читатель разсмотритъ еще разъ все наше разсужденіе о синтаксическихъ подлежащемъ и сказуемомъ и убѣдится въ томъ, что все дѣло тамъ заключается въ психо-логическомъ синтезѣ, — въ синтезѣ, доводящемъ дѣло до цѣлой *лѣстницы* степеней *подчиненія*, причемъ подчиняется не *слово* слову, а мысль *мысли*. Не знаю, вездѣ ли, — это дѣло высшаго синтаксиса, — но во *многихъ* случаяхъ я вижу *полную* зави-

симость всѣхъ этихъ паузъ и ритма *именно* отъ психо-логическаго синтеза и отъ *разныхъ степеней подчиненія* одной части *мысли* другой. По *мысли* относятся *οἵ γε* и къ *ἔπον*, и къ *τάφον*, точно такъ же, какъ и само *ἔπον* имѣетъ отношеніе къ *τάφον*, и психо-логическій синтезъ, внося въ эти слова извѣстныя *степени* подчиненія, можетъ комбинировать различно. Въ выраженіи *гуманное обращеніе отца* — слова́ *гуманное* и *отца* симасіологически *одинаково* зависятъ отъ слова *обращеніе*, представляя собою схему $\alpha\backslash^{a}/\beta$. Но психо-логическій синтезъ, на *общесинтаксической* почвѣ, можетъ превратить эту схему или въ $\alpha\ ({}^{a}/_{\beta})$ = гуманное (обращеніе отца), причемъ »*ритмически*« слова *обращеніе отца* будутъ составлять нѣчто *одно*, въ противоположность слову *гуманное*, или въ схему $({}_{\alpha}\backslash^{a})\beta$ = (гуманное обращеніе) отца, причемъ »пауза« будетъ поставлена между словомъ *отца*, какъ чѣмъ то *однимъ*, и словами *гуманное обращеніе*, какъ чѣмъ то другимъ. Въ итогѣ отъ обоихъ психо-логическихъ синтезовъ получится въ *данномъ* случаѣ одно и то же. Такъ и въ *οἵ γε ἀμφίεπον τάφον* можетъ войти въ скобку или *дѣйствіе* = у нихъ (*ἔπειν* окружило) *τάφον*, или дѣйствующее лицо = *ἔποντες* (они окружили) *τάφον*, и результатъ будетъ одинаковый.

Итакъ, для насъ рѣшительно все равно, войдетъ ли въ »сопоставленіе« предметовъ слово *ἔπειν*, или слово *οἵγε*; для насъ важно, что то и другое — *возможно*. Если въ »сопоставленіе предметовъ« войдетъ *οἵγε*, то нашъ примѣръ, по *интересующему* насъ вопросу, будетъ совершенно одинаковъ съ *ἀμφήλυθέ με ἀϋτή*, а если туда войдетъ *ἔπειν*, то онъ будетъ представлять *особый* типъ compositʼовъ *второй* категоріи. Въ томъ и другомъ случаѣ, однако, остается *τάφον*, а на этомъ *τάφον* слово *ἀμφι* обнаруживаетъ всю свою силу какъ *предлогъ*: не будь *ἀμφί*, не будетъ и *τάφον*.

4. *τοιοῦτον μέντοι καὶ ἐγὼ οἶδα ὅτι πάθος πάθοιμι ἂν εἰσελθὼν εἰς δικαστήριον* (Plat. Gorg. 522 b). Судя по прежнему, казалось бы, что здѣсь нужно встрѣтить не» *εἰς*

δικαστήριον«, а простой вещный падежъ *δικαστήριον*. На дѣлѣ этотъ *простой* вещный падежъ встрѣчается; такъ, мы читаемъ: *Φρυγίην* (Il. γ 184), *τεῖχος* (Il. χ 56), *πόλιν* (Soph. Oed. C. 913), *ἄλσος* (Soph. Trach. 1167), *δόμους* (Eur. Alc. 563), *τὴν γραφὴν* (=подать жалобу, Lys. 18. 105), *μένος ἄνδρας εἰσέρχεται* (Il. ρ 157) и т. д. Встрѣчается даже *личный* падежъ, что также вполнѣ понятно, такъ какъ представляетъ собою полную аналогію примѣру *ἀμφέβαλε στολὴν σῷ κάρᾳ*, если въ немъ *κάρᾳ*, какъ мы разсуждали на стр. 326-7, не находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ предлога *ἀμφί*, а стоитъ въ зависимости отъ *всего* composit'а или, говоря точнѣе, отъ того *общаго* представленія, которое оно рисуетъ какъ *одно* слово (сравни замѣтку о *βαρέως φέρω* на стр. 138). *Личный* падежъ при *εἰσέρχομαι* встрѣчается: Plat. Lys. 218 c (*εἰσῆλθέ μοι ὑποψία*; *общее* впечатлѣніе отъ слова *εἰσῆλθε* — то же, что отъ *ἐγένετο*), Plat. Theaet. 147 c (*εἰσῆλθε αὐτοῖς διαλεγομένοις*=пришло *имъ* на мысль во время бесѣды), Plat. Resp. 330 d (*εἰσῆλθεν αὐτῷ δέος καὶ φροντίς*) и др.

Опять возраженіе: Не слѣдуетъ, скажутъ намъ, отличать падежъ *μοι* въ какомъ нибудь *εἰσῆλθέ μοι ὑποψία* отъ падежа *με* хотя бы даже въ *первомъ* примѣрѣ *ἀμφήλυθέ μ' ἀϋτή*, такъ какъ и въ *этомъ* примѣрѣ все же въ концѣ концовъ, какъ мы *сами* признали, слово *με* чувствуется зависящимъ отъ *всего* compositum, слѣдовательно, *тоже* зависитъ отъ »*общаго* представленія, рисуемаго *всѣмъ* composit'омъ какъ *однимъ* словомъ«. Укажутъ на то, что *именно* »*ἀμφιβάλλω*« а не простое *βάλλω*, чувствуется по отношенію къ *με* transitiv'нымъ, и вызываетъ къ себѣ *με* не потому, что въ него вошло *ἀμφί*, а потому, что оно — *transitivum*. Намъ предложатъ сопоставить русскія выраженія »ходить (идти) *черезъ* рѣку« и »переходить рѣку« (въ данномъ случаѣ *черезъ* и *пере* — одно и то же), и заставятъ насъ убѣдиться въ *правильности* возраженія. Все это такъ, но, присмотрѣвшись ближе къ *причинѣ* transitiv'ности слова *ἀμφήλυθεν*, мы должны сказать, что оно —

transitivum по отношенію къ *με* лишь *постольку*, поскольку въ немъ само »*ἀμφί*« — transitivum, и слово *με* въ »*ἀμφήλυθεν*« всетаки зависитъ *прежде всего* отъ *ἀμφί*.

Однако, — чтобы возвратиться къ нашему *εἰσῆλθον εἰς δικαστήριον*, — почему же въ немъ и ему подобныхъ примѣрахъ появляется не *простой* падежъ, а предлогъ? Какъ извѣстно, предлогъ этотъ бываетъ не только *одинаковый* съ предлогомъ composit'а, но и *синонимичный* ему (какое нибудь *παρά τινα*, ср. Plat. Gorg. 456 b, *πρός τινα*, ср. Xen. Hell. V. I. 33, и т. д.). Такъ и въ русскомъ языкѣ: *поддѣлаться подъ характеръ, примѣниться къ характеру* и т. д. *Почему* это все такъ? Мотивовъ тутъ можетъ быть два. Одинъ мотивъ — тотъ, что предлогъ самого composit'а не то что »теряетъ вліяніе на дальнѣйшую конструкцію«, какъ было напр. въ *διέρχομαι πύλας*, а вовсе *не предназначенъ* для того, чтобы служить сопоставленію предмета съ предметомъ. Его задача — просто *видоизмѣнять* значеніе того слова, которое слилось съ нимъ въ compositum: *εἰσῆλθον* — почти то же самое, что простое *ἦλθον*, только *направленіе**) движенія, выраженнаго въ *ἦλθον*, ближе опредѣлено въ *εἰς*. Въ этомъ случаѣ наше *εἰσῆλθον* вовсе не принадлежало бы ко второй, а къ *нижеслѣдующей*, третьей категоріи composit'овъ.

Другое, что можно усмотрѣть въ появленіи *новаго* предлога *послѣ* composit'а, это — симасіологическая *тавтологія*. Что же достигается такою тавтологіею? Къ рѣшенію этого вопроса мы можемъ привлечь и русскій языкъ. Сопоставивъ обороты »переходить *черезъ* рѣку« и вышеприведенное »переходить рѣку«, мы видимъ, что *первое* выраженіе даетъ чувствовать слушателю всю *детальность* картины движенія, — каждый, такъ сказать, *шагъ* перехода по *длинной* поперечной линіи отъ одного берега къ другому, тогда какъ во *второмъ* выраженіи рѣка рисуется простымъ *объектомъ* дѣйствія.

*) *Вотъ* къ чему ведетъ die ältere (?) Aufgabe der Präpositionen die Handlung des Verbums nach Massgabe des ihnen innewohnenden Sinnes näher zu bestimmen: къ появленію *новаго* предлога въ симасіологическомъ дополненіи глагола! (сравни подстрочныя замѣтки на страницахъ 319 и 326).

Въ иныхъ случаяхъ симасіологическая тавтологія указываетъ на *дѣйствительное* движеніе, а простой падежъ придаетъ всему обороту *метафорическое* значеніе; сравни *εἰσβαίνω εἰς ναῦν* (Herod. 3. 41) и *εἰσέβην κακά* (Soph. Oed. C. 997).

На приведенныхъ четырехъ примѣрахъ можно даже и остановиться при разсматриваніи второй категоріи composit'овъ, такъ какъ ими исчерпаны *всѣ* типы этой категоріи. Во всѣхъ ихъ одинъ изъ сопоставляемыхъ предметовъ — то *входитъ* въ compositum (*ἀμφίεπον*), то *не входитъ*, а затѣмъ, что касается *симасіологическихъ дополненій* такихъ composit'овъ, то въ нихъ можно различать *три* случая: или симасіологическое дополненіе composit'а остается то же, какъ если бы *части* composit'а были не частями, а отдѣльными словами, или симасіологическое дополненіе composit'а *измѣняется* сравнительно съ тѣмъ, когда части composit'а являлись отдѣльными словами, или, наконецъ, наступаетъ симасіологическая тавтологія; quartum non datur.

Однако, почему же мы въ этой категоріи composit'овъ приводили одни *глаголы*, глагольныя имена (мы толковали о composit'ѣ *перейти*) и глагольныя *признаковыя* (*εἰσελθών*), и почему въ предыдущей категоріи преобладали у насъ *простыя* признаковыя и существительныя? Это вполнѣ понятно. Въ первой категоріи предметъ, *къ которому* что-нибудь приводится въ отношеніе, находился въ самомъ *compositum*, а потому *падежа*, требуемаго *обыкновенно* предлогомъ, все равно нельзя было выдержать въ симасіологическомъ дополненіи этого composit'а. Во второй же категоріи предметъ этотъ уже во *всякомъ* случаѣ *всегда* находился *внѣ* composit'а, а потому интересно было прослѣдить, насколько въ *названіи* этого предмета удерживается *падежъ*, который требуется предлогомъ въ *обыкновенныхъ* предлоговыхъ оборотахъ? За этимъ можно было слѣдить *только* въ глаголахъ, въ глагольныхъ именахъ, и глагольныхъ признаковыхъ. Вопервыхъ, тамъ какъ-то свободнѣе разлагалось compositum на *части*, — извѣстно, что въ старину предлогъ даже *внѣшне* — *совершенно* от-

дѣлаяся при посредствѣ такъ называемаго tmesis'а* (какое нибудь *ἀμφιπτυχή* ужъ *никакъ* нельзя *τέμνειν***), а важнѣе всего — то, что *существительныя* въ вопросѣ о симасіологическомъ дополненіи составляютъ *особый* разрядъ словъ, представляя въ этомъ отношеніи *полную* противоположность предлогамъ (сравни выше стр. 265), и потому предлогъ, вошедшій въ ихъ композицію, ужъ *никакъ* не можетъ оказать вліянія на дальнѣйшую конструкцію. Ихъ симасіологическое дополненіе есть по преимуществу, какъ ниже окажется, *родовой* падежъ, или предлоговый оборотъ. По *предлоговому* обороту въ *нашей* категоріи словъ пришлось бы имѣть дѣло съ тою же симасіологическою *тавтологіею (εἰσβολὴ εἰς τὴν χώραν)*, а *родовой* падежъ *(δὸς χερὸς φίλημά μοι σῆς σωματός τ' ἀμφιπτυχάς* — Eur. Jon) своимъ *геническимъ* характеромъ прямо таки сводитъ *къ нулю* тотъ интересъ, который представляли собою composita-*глаголы*, глагольныя имена и глагольныя признаковыя. Что же касается простаго *признаковаго*, то оно, *прежде всего*, должно *согласоваться*, а вовсе не «симасіологически *дополняться*» падежами, откуда и выходятъ въ *нашей* категоріи composit'овъ такія явленія, какъ *ἀμφίαλος Ἰθάκη* (= Иѳака, кругомъ *которой* — море) *ἀμφιέλισσα ναῦς* (= корабль, *по обѣимъ сторонамъ*

---

*) Греческій или, точнѣе, омировскій tmesis представляетъ собою совершенно то же, что нѣмецкій (der Nebel *hüllte* den Wald *um* и др.); только что нѣмецкій tmesis, по крайней мѣрѣ, какъ мы его видимъ въ *теперешнемъ* нѣмецкомъ языкѣ, связанъ извѣстною разстановкою словъ, тогда какъ *омировскій* tmesis, *кажется*, ничѣмъ не связанъ, развѣ только *метрическими* соображеніями, но это — соображенія слишкомъ внѣшнія. Въ какой мѣрѣ мы правы относительно того, что въ *ἀμφήλυθεν με* слово *με* зависитъ *прежде всего* отъ *ἀμφί*, засвидѣтельствуетъ всякій, кто практиковался въ комментированія Омира: часто не знаешь, усматривать ли въ предлогѣ tmesis, или принимать его за *отдѣльное* слово, а *падежъ* относить *исключительно* къ нему.

**) Разъ въ такихъ словахъ нѣтъ tmesis'а, то ихъ образованіе нужно ставить хронологически, конечно, *послѣ* образованія глагольныхъ композицій (сравни выше подстрочное примѣчаніе на стр. 322). Но какое изъ этого можно вывести заключеніе? Единственно опять таки то, что предлоги чѣмъ дальше, тѣмъ больше *срастались* съ другими словами, *теряя* вліяніе на конструкцію, но мысль, будто предлоги, находясь въ композиціяхъ, *принимавшихъ* извѣстные падежи, затѣмъ сами на этомъ основаніи устанавливали *себѣ* отношеніе къ падежамъ, *отдѣляясь* понемногу отъ композицій (вѣдь *это* утверждаетъ Дельбрюкъ), — *эта* мысль *не находитъ* поддержки въ подобныхъ явленіяхъ.

котораго — извилины) и т. д. Опять таки и *эти* composita не представляютъ для насъ никакого интереса, развѣ только тѣмъ, что и въ нихъ предлогъ *остается* указателемъ отношенія предмета къ предмету (объ этомъ, впрочемъ, *упоминать* нечего: это *само собою* заключается во *второй* категоріи composit'овъ, какъ *таковой*).

Третью категорію, наконецъ, составляютъ такія composit'а, въ которыхъ первая часть, т. е. самъ предлогъ, служитъ лишь для оттѣненія значенія второй части. Сюда относятся явленія въ родѣ слѣдующихъ.

Ἀμφιβολία = бросаніе *туда и сюда* = незнаніе, куда мѣтить, что дѣлать = затруднительное положеніе (*ἀμφιβολίῃ ἔχεσθαι* — Herod. 5·74; то же — *ἀμφιγνοέω*).

Ἀμφιδάκρυτος (сказано о *πόθος*, Eur. Phoen. 330) = тоска, вызывающая *кругомъ*, т. е. *всюду* и *всегда*, слезы = слезообильная.

Ἀναβακχεύω (*ματέρος αἷμα σᾶς, ὅ σ' ἀναβακχεύει* — Eur. Or. 338) = какъ бы, изъ-подъ спуда вдругъ *вверхъ* выбросить = *воз*будить въ тебѣ вакхическое настроеніе.

Ἀναβάλλω (*ἀναβάλλομαί τοι ἐς τρίτην ἡμέρην ἀποκρίνεσθαι* — Herod. 5·49) = то, что должно идти своимъ теченіемъ, вдругъ поднять *вверхъ* и *воз*бросить = *возложить* на кого-нибудь или на что-нибудь, — въ данномъ случаѣ, какъ-бы, возложить на *третій* день = отложить.

Ἀνάγω (*μιχθεὶς ἀλλοδαποῖσι, γυναῖκ' εὐειδέ' ἀνῆγες ἐξ ἀπίης γῆς* — Il. γ 48) = на ту поверхность, откуда что нибудь исчезло, подъ которую что нибудь провалилось, *воз*вести = возвратить.

Ἀναιρέω = то, что спокойно лежало на поверхности, поднять *вверхъ* = *взо*брать = прибрать, чтобы тамъ этого не было, иногда просто — уничтожить.

Ἀνακαλύπτω (противоположно слову *καλύπτω*) = *воз*-крыть = вскрыть = поднять *κάλυμμα вверхъ*.

Ἀνακλίνω = *возлечь на* что нибудь (*ποτὶ γαίῃ ἀνακλίνεις* Il. δ. 113), причемъ само *κλίνειν* противополагается или стоянію, или сидѣнію *прямо* (прежнее *вверхъ* ослаблено

здѣсь въ простое *на,* какъ оно употреблено нами *именно* въ оборотѣ »возлечь *на* что нибудь«).

Ἀνακάμπτω = *воз*–гнуть = взгнуть; *κάμπτω* противополагается нахожденію въ *прямой* линіи, а *все* »*ἀνακάμπτω*« противополагается слову *ἐγκάμπτω* (= *во*гнуть = гнуть во–внутрь), такъ что *ἀνακάμπτω* получаетъ значеніе »гнуть *концы* линіи *назадъ*, чтобы середина ея выступила *впередъ*«.

Ἀναμιμνήσκω = *вос*поминать = вывести въ памяти наружу.

Ἀναγιγνώσκω = *вос*познавать = невѣдѣніе превратить въ вѣдѣніе (обыкновенно употребляется о прочтеніи *написаннаго*).

Ἀναπτύσσω (напоминаетъ почку, *вс*крывающуюся = *ἀνακαλυπτομένην* въ цвѣтокъ) = то, что было сложено въ складки, развернуть — расправить.

Ἀναρρέω (противополагается слову *καταρρέω*, т. е. теченію по линіи внизъ) = течь по линіи *вверхъ* = течь *назадъ*.

Ἀντωφελέω = ставлю свою поддержку *лицомъ къ лицу* съ поддержкою другого = отплачиваю поддержкою за поддержку (слова *ἀντίϑεος* = становящійся лицомъ къ лицу съ богомъ = богоравный и *ἀντίδουλος* = уравновѣшивающій раба = замѣняющій раба — относятся не сюда, а къ *первой* категоріи composit'овъ: *ἀντίϑεος* = *ὅς ἀντὶ ϑεοῦ*, *ἀντίδουλος* = *ὅς ἀντὶ δούλου ἐστίν*).

Ἀντιστάτης = стоящій противъ кого нибудь, *тоже* стоящаго противъ = противникъ.

Ἀπογηράσκω (Theogn. 821) = *от*стариться (сравни русское *отцвѣлъ цвѣтокъ*) = отдѣлаться отъ состарѣнія = *окончательно* состарѣть.

Ἀπαγορεύω — *буквально* русское »*от*казать« = запретить, а то и »отказаться«, въ смыслѣ »*перестать* что нибудь дѣлать« = утомиться (сравни *ἀπογιγνώσκω* = не признавать — отчаяваться).

Ἀποκριβῶσαι = *окончательно* выяснить (сравни русское »*отдѣлка*«).

Ἀπόμνυμι = отдѣлаться отъ присяги = совершить наконецъ присягу.

Ἀπαγγέλλω = *отъ*вѣстить = *передать* вѣсть = объявить (*отвѣстить* по русски не говорятъ, но *отвѣтить* говорятъ, — съ тѣмъ же значеніемъ предлога *отъ*).

Διαδιδάσκω = *насквозь* провести извѣстное дѣйствіе, въ смыслѣ *полноты;* то же — *διαδικάζω* = *раз*судить.

Διάβροχος (Eur. Bacch. 1051) = *насквозь про*мокшій.

Διαδάκνω = *про*кусить.

Διάδοχοι = перенимающіе отъ кого что нибудь. Здѣсь не хватаетъ у меня чутья языка для того, чтобы рѣшить, имѣется ли въ виду *полнота* перениманія, т. е. перениманіе чего нибудь во всѣхъ его деталяхъ, или, быть можетъ, рисуется картина двухъ лицъ, стоящихъ рядомъ, причемъ отъ одного изъ нихъ вещь переходитъ къ другому *через* промежутокъ, находящійся между ними; на послѣднее указываетъ *русское* »перенять«, въ которомъ »*пере*« равняется слову *через*.

Διαζεύγνυμι = *рас*прячь; русское »*раз*« является здѣсь метафорою слова »сквозь« въ *томъ* смыслѣ, что, *проникая* сквозь извѣстную среду, мы какъ то *разрѣзаемъ* эту среду на двѣ половины.

Διακρίνω = *раз*личаю.

Διαβάλλω = *раз*бросать = уничтожить цѣльность; мы говоримъ »*разнести* кого нибудь« = оклеветать.

Διάκειμαι = *раз*вернуться передъ кѣмъ въ обѣ стороны = быть *рас*положеннымъ къ кому-нибудь.

Διακοσμέω = въ нѣчто спутанное проникнуть и произвести *рас*порядокъ.

Διαφέρω = провести черту между двумя вещами и *тоже,* какъ бы, *раз*нести ихъ = различать.

Διαφέρομαι = какъ бы, разнести *себя* съ кѣмъ нибудь = поссориться.

Διαλέγομαι = *раз*суждаю съ кѣмъ нибудь = *раз*говариваю = нѣчто, что первоначально представлялось только, быть можетъ, въ *туманѣ,* разбирается по *частямъ,* и проводятся опредѣленныя границы между частями.

Διαλείπω χρόνον = оставляю (*λείπω*) промежъ чего нибудь (*διά*) время, — оставляю его въ томъ смыслѣ, что не пользуюсь временемъ = упускаю время.

Εἰσακούω = вслушиваюсь = внимательно слушаю = слушаюсь.

Εἰσβάλλω εἰς τὴν πόλιν = бросаюсь въ городъ, *вглубь* (такъ можно бы толковать и вышеприведенное *εἰσελθὼν εἰς δικαστήριον*, если *εἰσελθών* относится къ *третьей* категоріи composit'овъ).

Ἐκκαθαίρω = *извнутри* = *совсѣмъ* вычистить.

Ἐνδίδωμι = дать себя *въ руки* чему нибудь = поддаться = уступить.

Ἐμμένω = *тутъ же* (*ἐν*) остаюсь = *твердо* стою.

Ἐλλείπω — *ἐκλείπω* — *ἐπιλείπω* = отставать (*λείπω*) *во-внутрь* (*ἐν**) и не идти въ уровень — отставать *во-внѣ* (*ἐκ*) и не идти въ уровень — *при*отставать (какъ *ἐπίσχες* = *при*держи; трудно вникнуть въ метафору этого русскаго *при* и греческаго *ἐπί*) = недоставать.

Ἐπαγγέλλω = обращаясь *къ* кому нибудь, объявляю = объявляю *публично*. Впрочемъ, *ἐπί* можетъ имѣть здѣсь еще другое значеніе; оно можетъ указывать на *присоединеніе* чего нибудь къ чему нибудь, какъ это замѣчается въ выраженіяхъ *ἐπιγενομένου θέρους* (= когда *вслѣдъ* за другимъ временемъ *появилось θέρος*, когда *θέρος смѣнило χειμῶνα*, когда *на*ступило *θέρος*).

Ἐπαγείρω = *къ мѣсту* собирать = собирать въ одно.

Ἐπαείρω (*ὀρθωθεὶς δ' ἄρ' ἐπ' ἀγκῶνος, κεφαλὴν ἐπαείρας, Ἀτρείδην προσέειπε* — Il. *κ* 80) = *принаравливаясь къ чему нибудь*, поднять.

Ἐπαιτέω (*ἵππον δέ τοι αὐτὸς δώσω, τὴν ἄρόμην· εἰ καὶ νύ κεν οἴκοθεν ἄλλο μεῖζον ἐπαιτήσειας* — Il. *ψ* 593) = вдобавокъ *къ* чему попросить = *при*попросить.

Ἐπαινέω = по *данному случаю αἰνεῖν*. Возможность толковать *ἐπί* въ composit'ахъ въ смыслѣ *по данному*

---

*) Математическій »эллипсъ«, какъ извѣстно, уже древнимъ грекамъ былъ знакомъ какъ линія, »отстающая отъ параболы *вовнутрь* параболы« по эксцентритету.

случаю открываетъ *широкое* поле этимъ composit'амъ, и *дѣйствительная* многочисленность ихъ обнаруживаетъ лишь большую *склонность* греческаго языка къ composit'амъ; ибо особеннаго ничего *не выгадывается* черезъ нихъ: *ἐπαινέω* обозначаетъ почти то же, что простое *αἰνέω*.

Ἐπακούω = *при*слушиваться.

Ἐπιβουλεύω = мыслить, направляясь *противъ* кого-нибудь (въ *враждебномъ* слыслѣ) = злоумышлять.

Καταπίμπρημι = по всей поверхности = окончательно (а можетъ быть, и *до-низу* = до *основанія* = основательно) жечь = сжечь.

Κατηγορέω = говорить съ высоты внизъ = говорить »съ-высока« = унизительно = говорить *противъ* кого нибудь.

Μεθίστημι = *смежно* ставлю что нибудь сравнительно съ *прежнимъ* положеніемъ этого »чего нибудь« = переставляю.

Относить ли сюда *μετέχω τινί τινος*? *Τινί* есть здѣсь *личный* падежъ, и если мы на стр. 253 и 283 толковали слово *μετά* правильно, то *μετέχω*, представляя собою слѣды *омировскаго* употребленія слова *μετά* съ *личнымъ* падежемъ, могло бы относиться со всею своею конструкціею къ типу »*ἀμφιβάλλεις με χερσίν*« *второй* категоріи composit'овъ (какъ въ *ἀμφιβάλλεις με χερσίν* слово *χερσίν* зависѣло отъ *всего* »*ἀμφιβάλλεις*«, такъ и здѣсь *τινός* зависитъ отъ *всего* »*μετέχω*«, иначе было бы *τί* — »*ἔχω τί*« — а не *τινός*). Однако, этому толкованію противорѣчитъ оборотъ *μεταδίδωμί τινί τινος*. Очевидно, оба эти оборота составлены по *одному* шаблону, а *μεταδίδωμί τινί τινος* относится непремѣнно къ *третьей* категоріи composit'овъ. *Μεταδίδωμι* значитъ »даю такъ, чтобы данное было *смежнымъ* или *совмѣстнымъ* съ моимъ« = даю *часть* чего нибудь (такъ и *μετέχω* = имѣю *часть* чего нибудь). Разъ слово *μετά* метафоризировалось въ *часть**),

*) Со внесеніемъ въ мысль представленія *части* уничтожается возможность того »сопоставленія предмета съ предметомъ«, которое было обозначаемо предлогомъ »*μετά*« въ предлоговомъ *оборотѣ*.

то все compositum принадлежитъ сюда. Такимъ образомъ личный падежъ *τινί* въ *μετέχω τινί* пришлось бы объяснять такъ, какъ онъ объясняется въ *διαλέγομαί τινι* = *я* разговариваю и *онъ* разговариваетъ; *я* имѣю часть и *онъ* имѣетъ часть (въ *μεταδίδωμί τινί τινος* личный падежъ *τινί* зависитъ непосредственно отъ *δίδωμι*).

Относить ли сюда *παραβάλλομαι ψυχήν* = не щадить жизни = жертвовать жизнью (*οὐδέ τι μοι περίκειται, ἐπεὶ πάθον ἄλγεα θυμῷ αἰεὶ ἐμὴν ψυχὴν παραβαλλόμενος, πολεμίζειν* = Il. ι 332)? Едва ли. Весь оборотъ заимствованъ изъ игры, гдѣ *возлѣ* (*παρά*) игорной доски клалась ставка. Этою ставкою представлена въ нашей фразѣ *вся жизнь*, а игрою представлено дѣйствіе *πολεμίζειν*. Предлогъ *παρά* не выходитъ здѣсь изъ рамки »сопоставленія предмета съ предметомъ«, а потому наше выраженіе слѣдуетъ отнести ко *второй* категоріи composit'овъ.

Παρεγένετο или *παρῆν εἰς Σάρδεις* (Xen. Anab. I. 2, 3) мы толкуемъ какъ *εἰσελθὼν εἰς δικαστήριον*: тутъ можно толковать и о второй, и о третьей категоріи composit'овъ.

Παραινέω = *возлѣ* чего нибудь одобрять = *въ виду* чего нибудь одобрять = поощрять.

Παρακούω = слушать *возлѣ*, *минуя* то, что *слѣдуетъ* слушать = ослышаться.

Что касается примѣра *περιεγένετο τούτου τοῦ πάθους* (Herod. 5. 46 = онъ *обошелъ* это несчастіе = онъ сталъ *выше* этого несчастія), то мы его отнесемъ ко *второй* категоріи composit'овъ. Къ »*περιγενέσθαι ἐκ τῶν μεγίστων*« (Thuc. II. 49) мы отнесемся, какъ къ *παρῆν εἰς Σάρδεις*. Къ *третьей* категоріи composit'овъ *несомнѣнно* относится выраженіе *περιεγένετο* въ смыслѣ »онъ остался въ *живыхъ*.«

Περιεργάζεσθαι = трудиться *излишне, больше* чѣмъ слѣдуетъ (Dem. 32.28: *εἰ δὲ σεσυκοφάντηκας, οὐ περιεργαζόμεθα* = не суетимся излишне изъ за того, что .... = не обращаемъ вниманіе на то, что ...). Метафора *излишне* получается изъ того же *выше*, о которомъ мы упоминали

въ предыдущемъ примѣрѣ, и которое въ предлоговомъ *оборотѣ* замѣчено было во фразѣ *περὶ δέ ἐστιν θεῶν καὶ ἀνθρώπων* (ср. стр. 303). Такъ и *περιουσία* = излишекъ — достатокъ — благосостояніе.

Περικαλλής = *кругомъ* хорошъ = вполнѣ хорошъ (или и *тутъ* слѣдуетъ примѣнить *выше?*)

Προαιρεῖσθαι μᾶλλόν τι ἤ τι = избрать скорѣе то-то, чѣмъ то-то; собственно = *впередъ* взять, какъ бы »*раньше* взять« — предпочесть.

Προειπεῖν = говорить *впередъ*, въ смыслѣ *прямо*, какъ бы »прямо *отъ устъ*«, — латинское *pro*fero = объявить (*πόλεμον προειπεῖν* = объявить войну).

Προίημι и *προδίδωμι* = пустить *впередъ* = пустить *отъ* себя = выпустить изъ рукъ = предать.

Προσαιτέω = *вдобавокъ* къ чему просить = припрашивать.

Προσαρκεῖ = *въ виду* того-то хватаетъ, почти то же, что простое *ἀρκεῖ*.

Συλλέγω = съ разныхъ концовъ въ одно мѣсто *λέγω* = собираю.

Συνεργάζομαι = *con*ficio = съ разныхъ сторонъ принимаясь за дѣло, къ *одному* свожу; *λίθοι οὐ ξυνεργαζόμενοι* (Thuc. 1.93) = не сработанные = не обработанные ваятельски.

Сюда мы не отнесемъ выраженіе *σύνοιδα ἐμαυτῷ* = сознаю за собою. Здѣсь указывается на двухъ *я*, одного *дѣйствующаго*, а другого *знающаго* объ этихъ дѣйствіяхъ; эти два *я* »*сопоставляются*« между собою, и весь оборотъ принадлежитъ ко *второй* категоріи composit'овъ. Во фразѣ »*σύνοιδά σοι*« выражено »и *ты* знаешь, и *я* знаю«. Фраза *συγγιγνώσκω τινί* (= извиняю кого) выражаетъ собственно: другой смотритъ на свое дѣло извѣстнымъ образомъ, и я смотрю на него *такъ же*.

Ὑπερφρονεῖν = *пре*зирать (собственно: идти *мыслью*, *τῇ φρονήσει*, *черезъ* что нибудь.)

Ὑπέρσοφος = *пре*мудрый = стоящій *надъ* обыкновенною мудростью (въ сущности, это слово относится къ *первой* категоріи composit'овъ, такъ какъ *ὑπέρσοφος* = *ὑπὲρ σοφίας*).

Ὑπογελάω = *исподъ* смѣяться, — какъ бы, не *на поверхности*, не *открыто* = *под*смѣиваться.

Ὑπάγω = *исподъ* вести дѣло, чтобы оставаться *незамѣченнымъ*.

Ὑποπτεύω = *под*сматривать, нѣтъ ли чего (— *совершенно* русское »подозрѣвать«).

Ὑποπερκάζω = исподъ и *исподволь* румяниться = созрѣвать (*πάροιθε δέ τ' ὄμφακές εἰσιν, ἄνθος ἀφιεῖσαι, ἕτεραι δὲ ὑποπερκάζουσι* — Od. η 324).

Ὑποχωρέω = идти внизъ — не оставаться на поверхности = уступать — идти *назадъ*.

Такова — третья категорія composit'овъ. Весь этотъ разборъ composit'овъ, равно какъ и разсматриваніе примѣровъ на стр. 318-20, все это было вызвано стремленіемъ провѣрить мнѣніе о »самостоятельномъ значеніи предлоговъ«, т. е. объ употребленіи ихъ *безъ* падежей, и связываемый съ этимъ вопросъ о ихъ »нарѣчности«. Мы видѣли, что вездѣ предлоги такъ или иначе, т. е. съ сохраненіемъ вліянія на конструкцію или безъ него, оставались тѣмъ, чѣмъ они были въ обыкновенныхъ предлоговыхъ оборотахъ, только въ *послѣдней* категоріи composit'овъ они эту роль потеряли совершенно, и если гдѣ, то только здѣсь и можно говорить о »самостоятельномъ« значеніи предлоговъ, — т. е. »самостоятельномъ« въ томъ смыслѣ, въ какомъ, пожалуй, это *могло* бы послужить доказательствомъ ихъ »нарѣчности«, насколько о нарѣчности *издали* можно говорить *намъ, не разсмотрѣвшимъ* еще нарѣчій. Но читатель согласится съ нами въ томъ, что:

1. Метафористика предлоговъ въ *третьей* категоріи composit'овъ пошла гораздо дальше метафористики предлоговыхъ оборотовъ и всѣхъ тѣхъ примѣровъ, которые мы разсмотрѣли на стр. 318-20., а также первыхъ двухъ категорій composit'овъ. Если въ примѣрахъ, разсмотрѣнныхъ на стр. 318–20, и въ первыхъ двухъ категоріяхъ composit'овъ метафористика

осталась та же самая, что и въ предлоговыхъ оборотахъ, — за то въ третьей категоріи она и тоньше, и разнообразнѣе, а главное, — *фразеологичнѣе,* т. е. тѣснѣе связана въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ съ значеніемъ того *слова,* съ которымъ предлогъ вошелъ въ compositum. Разнообразіе въ метафорахъ тутъ таково, что его едвали можно исчерпать (мы останавливались лишь на болѣе крупныхъ явленіяхъ), а тонкость ихъ доходитъ до того, что въ нее въ очень многихъ случаяхъ даже трудно проникнуть.

2. Свою опору метафористика третьей категоріи имѣетъ въ *разныхъ* падежахъ предлоговыхъ оборотовъ. Такъ, *ἐπιβουλεύω* опирается своимъ значеніемъ на *ἐπί τινα* (*ἰέναι ἐπί τινα*), а *ἐπαιτέω* — на *ἐπί τινι; καταπίμπρημι* — на *κατά τινα,* а *κατηγορέω* — на *κατά τινος; παραινέω* — на *παρά τινι,* а *παρακούω* — на *παρά τινα* и т. д.

Уже этихъ двухъ аргументовъ совершенно достаточно для того, чтобы въ *третьей* категоріи composit'овъ усматривать не доказательство *первоначальной* »нарѣчности« или вообще чего то *первоначальнаго,* а *вѣнецъ* и предѣлъ симасіологическаго *развитія* предлоговъ, какъ *части рѣчи, вышедшей* въ своемъ симасіологическомъ развитіи отъ роли опредѣлять *мѣстное отношеніе между двумя предметами, представляемыми въ мѣстномъ же пространствѣ.*

V.

Второй отдѣлъ объ имени: падежи.

Мы опредѣлили значеніе предлоговъ, какъ *особой* части рѣчи, и вмѣстѣ съ тѣмъ установили и значеніе падежей, насколько послѣдніе имѣли отношеніе къ предлоговымъ оборотамъ.

Въ славянскомъ языкѣ, который нужно привлекать къ сравненію уже изъ-за одного того, что разныя значенія разсмотрѣнныхъ нами предлоговъ и приставляемыхъ къ нимъ падежей мы истолковывали не только черезъ посильное *опредѣленіе* этихъ значеній, но и черезъ *переводъ* на одно изъ славянскихъ нарѣчій, — въ славянскомъ языкѣ не оказывается ничего такого, что *противорѣчило* бы нашему пониманію значенія падежей и предлоговъ, или что было бы *новостью* сравнительно съ *греческимъ* языкомъ. Если славянское »*къ*« соединяется съ *личнымъ* падежемъ, а не съ вещнымъ, какъ греческое *πρός τινα*, то это объясняется нѣкоторою своеобразностью представленія, на почвѣ котораго выросъ данный славянскій предлоговый оборотъ: то, къ »чему« я приближаюсь, первоначально*) представлялось славянину *лицомъ* (безъ *олицетворенія* тутъ не обойтись), совершенно *равноправнымъ* мнѣ, дѣятелю, и, какъ бы, *выжидающимъ меня*, чтобы я съ нимъ *поравнялся*.

---

*) Дѣло, конечно, идетъ *именно* о первоначальномъ представленіи; впослѣдствіи, когда оборотъ *утвердился*, представленіе это могло ослабѣть.

Въ славянскомъ языкѣ только одно непонятно для насъ, а одно — ново. Непонятенъ для насъ оборотъ *по городу*, т. е. *по* съ *личнымъ* падежемъ (въ чешскомъ языкѣ, — что естественнѣе, — »по« *всегда* встрѣчается съ падежемъ *мѣстнымъ* *), а ново — частое употребленіе предлоговъ съ *творительнымъ* падежемъ.

Съ первымъ явленіемъ слависты такъ или иначе справляются, и объясненія ихъ по данному вопросу излагать здѣсь нечего, такъ какъ для *греческаго* языка мы ими воспользоваться не можемъ. Что же касается употребленія въ славянскомъ языкѣ предлоговъ съ *творительнымъ* падежемъ, то это явленіе для насъ — черезвычайно важно, какъ и *вообще* важенъ для насъ *весь* славянскій творительный падежъ, потому что на немъ, какъ стоящемъ совершенно *особнякомъ*, гораздо виднѣе все то, что въ греческомъ языкѣ слито съ другими падежными функціями. На славянскомъ творительномъ падежѣ (до сихъ поръ мы употребляли латинскій терминъ *instrumentalis*) мы и остановимся.

Терминъ »творительный« — очень *выразителенъ*; онъ довольно *точно* указываетъ на значеніе того падежа, для котораго онъ придуманъ. Въ какомъ состояніи находится симасіологія славянскаго творительнаго падежа, видно было на страницахъ 59 и 63. Кромѣ сообщеннаго на указанныхъ страницахъ дѣленія этого падежа существуютъ еще другія. Для насъ, впрочемъ, — важно не столько *дѣленіе падежа*, сколько возможная полнота въ *типахъ* примѣровъ, на основаніи которыхъ мы могли бы опредѣлить его симасіологію. Типы эти слѣдующіе (они заимствованы по большей части изъ учебника Буслаева »Ист. грамм. русск. яз.«):

1. рубитъ *топоромъ;* здѣсь видятъ падежъ *орудія* (сравни выше на стр. 325 фразу *τί μ' ἀμφιβάλλεις χερσίν*).

---

*) Славянскія нарѣчія, употребляя *по* съ *мѣстнымъ* падежемъ, обозначаютъ своимъ падежемъ только нахожденіе *одного* предмета на *поверхности* другого, а то обстоятельство, что предметъ занимаетъ *всю* площадь другого предмета, осталось *невыраженнымъ* въ падежѣ. Вещнымъ падежемъ въ *данномъ* случаѣ (не *вообще* ли въ предлогахъ?) славянскій языкъ воспользовался только для обозначенія *цѣли* движенія (идти *по* воду; сравни выше стр. 255).

2. это написано *мною* (сравни выше на стр. 279 фразу *γέγραπται Ξενοφῶντι*);

3. *своимъ характеромъ* онъ напоминаетъ мнѣ моего знакомаго;

4. отъ такого-то города до такого то можно идти все *лѣсами* (говорятъ тутъ о творительномъ *мѣста*);

5. *весною* все цвѣтетъ (творительный *времени*);

6. ѣхать *пароходомъ;*

7. изъ лѣса выбѣжали волки *цѣлыми стаями*;

8. идти *шагомъ* (въ пунктахъ 6, 7 и 8 видятъ творительный *образа дѣйствія*);

9. свая торчитъ изъ воды *острымъ концомъ*;

10. мяса тутъ — четыре пуда *вѣсомъ*;

11. высокъ *ростомъ*;

12. хорошъ *собою* (въ пунктахъ 10, 11 и 12 говорятъ о творительномъ *качества* и *отношенія*);

13. истекаетъ *кровью*;

14. отъ него несетъ *водкою*; посыпало *градомъ*;

15. этотъ продуктъ пахнетъ *чеснокомъ*;

16. пролетѣлъ *стрѣлою* (падежъ *уподобленія*);

17. идолъ сталъ болванъ *болваномъ*;

18. онъ служитъ *управляющимъ*;

19. онъ оказывается *хорошимъ человѣкомъ*;

20. мы видѣли полкъ *возвращающимся* съ пятью знаменами;

21. Ломоносовъ былъ *рыбакомъ*;

22. еще *ребенкомъ* она лишилась матери (говорятъ тутъ о творительномъ *опредѣленія*);

23. при предлогахъ: *за* городомъ, *надъ* городомъ, *подъ* городомъ, *передъ* городомъ, *между* городомъ и селомъ;

24. особымъ явленіемъ представляется предлогъ *съ* съ творительнымъ падежемъ.

Наблюденія надъ всѣми этими явленіями ведутъ къ слѣдующимъ замѣчаніямъ и выводамъ.

Если выраженія *за городомъ*, *надъ городомъ*, *подъ городомъ*, *передъ городомъ*, *между городомъ и селомъ* отвѣчаютъ въ общемъ на вопросъ *гдѣ* (о вопросѣ *гдѣ* мы раз-

суждаемъ въ данномъ случаѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его выяснили на стр. 282), то мы ихъ должны строго отличать отъ выраженій *въ городѣ*, *на горѣ*, *при мнѣ*, *о масляницѣ* (во *временномъ* значеніи), *говорить о человѣкѣ*, *po lesích* (равняется русскому *по лѣсамъ*). И послѣднія выраженія отвѣчаютъ на вопросъ *гдѣ*, и встрѣчающійся въ нихъ мѣстный падежъ остается тѣмъ же, какимъ онъ въ концѣ концовъ оказался въ *греческихъ* предлоговыхъ оборотахъ: непосредственная *близость* и *прикосновенность* двухъ предметовъ, для »сопоставленія« которыхъ служитъ всякій предлоговый оборотъ, рѣзко бросается въ глаза въ предлоговыхъ оборотахъ съ падежемъ *мѣстнымъ*, если ихъ сличить съ таковыми же оборотами съ *творительнымъ* падежемъ. Даже въ выраженіи *между городомъ и селомъ протекаетъ такая то рѣка* представлена*) рѣка хотя и *врывающеюся* въ отмѣченный даннымъ выраженіемъ промежутокъ, но все же проходящею черезъ него такъ, что *не затрогиваетъ* ни *города*, ни *села*.

Въ примѣрахъ *пахнетъ чеснокомъ*, *пролетѣлъ стрѣлою*, *пронесся вихремъ* и т. п. говорятъ объ »уподобленіи«. Говорить объ »уподобленіи«, это значитъ — имѣть въ виду сопоставленіе двухъ *предметовъ* и указаніе на ихъ качественную или количественную *одинаковость*. Въ греческомъ языкѣ, — точно также какъ и въ русскомъ, — когда уподобляются два *предмета*, выраженные каждый не цѣлою мыслью, т. е. не »описаніемъ«, а однимъ *словомъ*, именемъ *существительнымъ*, оба существительныя обыкновенно приставляются другъ къ другу въ одномъ и томъ же падежѣ, т. е. *согласуются*. При этомъ, чтобы *одинъ* изъ согласующихся падежей не чувствовался въ роли психо-логическаго сказуемаго къ другому, какъ психо-логическому подлежащему (сравни выше стр. 176.), а чтобы въ нихъ обоихъ *сразу* было замѣтно названіе двухъ *разныхъ* предметовъ, въ рѣчь вставляется слово *ὥσπερ*, или postpositiv'ное *ὡς* (въ русскомъ языкѣ

*) Сравни примѣры на »*μετά* съ *мѣстнымъ* падежемъ на стр. 252, гдѣ предметъ »представленъ« *соприкасающимся* съ тѣмъ, посреди чего онъ находятся.

слова *какъ, словно, точно*): *ὁ δὲ πατὴρ ὣς ἤπιος ἦν* (онъ, словно отецъ, былъ нѣженъ).

О такомъ ли уподобленіи идетъ рѣчь въ примѣрахъ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ, птица пролетѣла стрѣлою, лошадь пронеслась вихремъ* и т. п.? Весь вопросъ въ томъ, «сопоставляются» ли или, говоря общѣе, приводятся ли въ »отношеніе« въ нашихъ примѣрахъ — хлѣбъ съ чеснокомъ, птица съ стрѣлою, лошадь съ вихремъ, или нужно смотрѣть на дѣло какъ нибудь иначе? Очевидно, — иначе, въ противномъ случаѣ выраженія *пахнуть чеснокомъ (безъ* слова *хлѣбъ), пролетѣть стрѣлою (безъ* слова *птица), пронестись вихремъ (безъ* слова *лошадь)* не чувствовались бы *сами по себѣ* оборотами *цѣльными,* совершенно въ *одинаковой* степени съ оборотами *рубить дерево, читать книгу* и т. п.: какъ въ *послѣднихъ* оборотахъ слова *дерево* и *книгу* зависятъ *вполнѣ* и исключительно отъ словъ *рубить* и *читать,* дополняя *ихъ* смыслъ, такъ и въ первыхъ — слова *чеснокомъ, стрѣлою, вихремъ* служатъ дальнѣйшимъ разъясненіемъ смысла словъ *пахнуть, пролетѣть, пронестись.*

Что значитъ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ?* Правильному пониманію этого выраженія, — я разумѣю правильное пониманіе съ *симасіологической* точки зрѣнія, — повидимому, мѣшаетъ то обстоятельство, что когда думаешь о значеніи здѣсь творительнаго падежа, — непремѣнно какъ то считаешься съ вопросомъ о наличности, или неналичности самого чеснока въ хлѣбѣ. А между тѣмъ само *выраженіе* не даетъ *никакого* повода къ тому, чтобы *ставить* подобный вопросъ, точно также какъ не даетъ къ этому никакого повода выраженіе »въ хлѣбѣ *слышенъ запахъ* чеснока« (въ послѣднемъ выраженіи говорится о наличности въ хлѣбѣ *запаха,* но никакъ не о наличности тамъ *чеснока*).

Что значитъ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ?* Это значитъ, что запахъ въ хлѣбѣ *созданъ* чеснокомъ. Какъ же это *созданъ?* Вѣдь, если *созданъ,* то созидающее *должно* быть или, по крайней мѣрѣ, должно *было* когда нибудь быть на лицо, а между тѣмъ, когда мы произносимъ эту фразу, то

часто думаемъ о томъ, что *самого* чеснока въ хлѣбѣ *именно* нѣтъ и никогда *не было,* и если ужъ *допустить* наличность чего нибудь, *касающагося* чеснока, то это могутъ быть развѣ только его *признаки, отвлеченные* отъ самого предмета. Какіе, спросимъ мы, признаки? *Запáхъ,* — отвѣтятъ намъ. Въ такомъ случаѣ, не перемѣнить ли намъ наше толкованіе и не сказать ли, что *запахомъ* чеснока созданъ запахъ въ хлѣбѣ? Это мы можемъ сдѣлать, но тогда выйдетъ фраза »хлѣбъ пахнетъ *запахомъ* чеснока«. Такъ нерѣдко и говорятъ, хотя много отъ этого осложненія не выгадывается, какъ не выгадывается ничего во фразѣ »онъ разыгрываетъ *роль* барина« (т. е. разыгрываетъ то, что служитъ *признакомъ* барина) въ сравненіи съ простою фразою »онъ разыгрываетъ *барина.* И *здѣсь* ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ *не имѣется* въ виду наличность самого *барина.*

На стр. 170–1 мы разсуждали о томъ, что имя существительное обозначаетъ или реальный индивидуумъ, или представителя *группы* реальныхъ индивидуумовъ, или *отвлеченіе* отъ реальныхъ индивидуумовъ, какъ »логическое *понятіе*«, или, наконецъ, душевный *постулатъ.* Когда мы говоримъ *онъ разыгрываетъ барина,* то подъ *бариномъ* мы разумѣемъ *совокупность признаковъ,* заключающихся въ этомъ словѣ, какъ выраженіи *логическаго понятія*; во фразѣ же »онъ разыгрываетъ *роль* барина« признаки отмѣчены въ самомъ словѣ *роль,* а слово *баринъ* обозначаетъ представителя *группы* извѣстныхъ лицъ. Не примѣнить ли намъ что нибудь подобное и къ фразѣ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ?* Положимъ, при словѣ *баринъ* легче подняться до »логическаго *понятія*«, чѣмъ при словѣ *чеснокъ.* Произнося слово *баринъ,* мы сейчасъ думаемъ о словѣ съ *болѣе* широкимъ логическимъ объемомъ: мы сейчасъ думаемъ о человѣкѣ *вообще,* и въ немъ *различаемъ* людей, носящихъ признаки *барина,* отъ людей *иныхъ,* словомъ, — мы *индивидуумъ* или *представителя* индивидуумовъ опредѣляемъ, такъ сказать, *черезъ* примѣненіе къ нему самой *совокупности признаковъ* или черезъ отнесеніе къ нему самого »логическаго *понятія*«. Едва ли мы ошибемся, если скажемъ,

что въ подобныхъ случаяхъ въ нашей мысли »логическое понятіе« какъ-то идетъ *впередъ*, а индивидуумъ — *за нимъ*.

Не такъ легко подняться до »логическаго *понятія*« при словѣ *чеснокъ*. Не имѣя или, лучше сказать, *не ища* случая при произнесеніи слова *чеснокъ* примѣнить *признаки* чеснока къ болѣе *широкому* логическому объему, въ которомъ *кромѣ* чесноку находилось бы еще что нибудь другое, мы обыкновенно подъ словомъ *чеснокъ* разумѣемъ только или *индивидуумъ*, или *представителя* индивидуумовъ. Но развѣ нѣтъ возможности и при *такихъ* условіяхъ внести представленіе »созиданія« въ творительный падежъ слова *чеснокъ*, даже если бы чеснокъ отсутствовалъ? Фраза *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*, разбирая ее *всю* съ симасіологическою *точностью*, выражаетъ слѣдующее: *всякій* чеснокъ (чеснокъ. какъ *представитель* индивидуумовъ) создастъ тотъ *признакъ* (признакъ *пахнуть*, разумѣй — »*дѣйствіе*« съ его залоговымъ и »видовымъ« оттѣнками), который я, говорящій, съ *извѣстною* квалитативностью сужденія и съ отнесеніемъ къ *извѣстному* времени присуждаю лицу, выраженному въ *окончаніи* глагола, и ближайше опредѣленному *именительнымъ* падежемъ при глаголѣ (падежемъ *хлѣбъ*). Теперь, кажется, достаточно выяснено то, съ чего мы *начали* настоящее разсужденіе: вопросъ о томъ, на лицо ли, или не на лицо чеснокъ, нашею фразою совсѣмъ *не рѣшается*: это — дѣло контекста. Иногда прямо такъ и говоримъ: этотъ хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ; развѣ онъ туда положенъ?

Да, въ фразѣ *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ* мы имѣемъ дѣло съ *настоящимъ* »творительнымъ« (*очень* выразительный терминъ!) падежемъ: этотъ падежъ указываетъ на отмѣченный имъ предметъ какъ на *творящій*, какъ на *созидающій* извѣстный признакъ, какъ на *придающій* извѣстный *видъ* тому, что только лишь въ *общемъ* намѣчено самимъ признаковымъ *словомъ* (глаголъ, вѣдь, *тоже* можно назвать »*признаковымъ*« словомъ, по крайней мѣрѣ, — *первую* его *часть*; сравни стр. 98): *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ* значитъ »чеснокъ придаетъ *извѣстный* видъ запаху хлѣба«.

Нетрудно провести только что определенное значеніе творительнаго падежа по всѣмъ 24 типамъ примѣровъ, приведеннымъ выше:

1. Хотя и »рубитъ« *человѣкъ*, но *непосредственно* »созидаетъ« рубленіе *топоръ*, въ данномъ случаѣ — *извѣстный* топоръ, извѣстный *экземпляръ**) топора, придавая рубленію *извѣстный* видъ (рубленіе какимъ-нибудь *ломомъ* оставитъ *другіе* слѣды).

2. Въ примѣрѣ *это написано мною* прямо *само* »созидающее« и »придающее писанію извѣстный видъ« *лицо* поставлено въ творительномъ падежѣ; поставлено оно такъ вслѣдствіе *синтаксической невозможности* ставить его въ именительномъ падежѣ, такъ какъ послѣдній занятъ уже *другимъ* »носителемъ« писанія (словомъ *это*), носящимъ *его*, т. е. *писаніе*, въ данномъ случаѣ въ *пассивномъ* смыслѣ.

3. Хотя и »напоминаетъ« мнѣ моего знакомаго *онъ*, но *непосредственно* »производитъ« и вызываетъ во мнѣ это напоминаніе *его характеръ*.

4. Лѣса, — *извѣстные* въ данномъ случаѣ лѣса (а не »*представители*« группы предметовъ), — извѣстные потому, что они пріурочены къ извѣстному *мѣсту* (нужно на этомъ настаивать?), »созидаютъ« *извѣстный* видъ ходьбы или путешествія отъ такого-то города до такого-то.

5. *Весна* есть то время, которое представлено »*созидающимъ*« появленіе цвѣтовъ, дающимъ въ себѣ цвѣтенію *мѣсто*.

6. *Пароходъ* есть предметъ, опредѣляющій »видъ« или *способъ* ѣзды, — способъ, ему *одному* только принадлежащій.

7. »Цѣлыя« *стаи* представлены чѣмъ то, что только и *можетъ* создать тотъ »видъ« или ту картину, которая замѣчается въ »бѣгѣ« или вообще въ *движеніи* волковъ;

*) Это, какъ выше сказано, дѣло *контекста*. Фраза »это сработано *какъ будто* топоромъ« *легко* превращается по *одинаковости* мысли во фразу »это *топорная* работа«, и тутъ мы уже переходимъ на ту же почву, на какой мы находились при разборѣ фразы *хлѣбъ пахнетъ чеснокомъ*: только *топоръ* можетъ создать такую работу, какъ настоящая.

то же самое можно сказать въ 8-омъ примѣрѣ о *шагѣ* по отношенію къ движенію человѣка, или животнаго.

9. *Конецъ* сваи есть то, *благодаря* чему свая и торчитъ изъ воды = что непосредственно и *производитъ* »торчаніе«, придавая ему *извѣстный* видъ.

10. *Вѣсъ* — *вѣшеніе* есть нѣчто, *результатомъ* чего являются четыре пуда.

11. *Ростъ* есть то, *благодаря* чему и можно сказать, что тотъ то »высокъ« или »низокъ«; *ростъ* »созидаетъ« высоту, *его* она *касается.*

12. Самъ *человѣкъ* — т. е. его *наружность* — выставленъ чѣмъ то, *благодаря* чему можно сказать, красавецъ ли онъ, или нѣтъ.

13. *Кровь* есть то, что *непосредственно* »производитъ« истеченіе.

14. *Водка* и *градъ* выставлены чѣмъ то, что *непосредственно* »производитъ« дѣйствіе *нести* (= нестись; сравни стр. 105) и *посыпать* (= посыпаться); *водка* и *градъ* придаютъ этимъ дѣйствіямъ особый »видъ«; *они* опредѣляютъ ихъ »качество« и *содержаніе.*

17. Болванъ, *настоящій* болванъ (т. е. нѣчто, понятое въ смыслѣ логическаго *отвлеченія*, не смѣшанное съ признаками чего нибудь посторонняго), выставленъ чѣмъ то, благодаря чему можно сказать объ идолѣ, что онъ болванъ.

18. *Управляющій*, въ смыслѣ »логическаго понятія«, выставленъ чѣмъ то, что опредѣляетъ собою особый *видъ* службы.

19. *Человѣкъ*, а именно *хорошій* человѣкъ (слово *хорошій* есть здѣсь »*согласующееся*« имя; сравни стр. 192), выставленъ чѣмъ то, что устанавливаетъ собою *содержаніе* дѣйствія *оказываться.*

20. *Полкъ*, именно *возвращающійся* полкъ (слово *возвращающійся* составляетъ »*согласующееся* имя« къ *пропущенному* и подразумѣваемому изъ *контекста* слову *полкъ;* ср. стр. 54.), выставленъ чѣмъ то, что устанавливаетъ собою *содержаніе* дѣйствія *видѣть* (я видѣлъ полкъ *возвращающимся* съ пятью знаменами полкомъ).

21. *Рыбакъ,* въ смыслѣ »логическаго *понятія«,* »созидаетъ« бытіе Ломоносова, придавая ему, этому бытію, особый »видъ« и опредѣляя его *содержаніе* (сопоставь толкованіе данной фразы съ толкованіемъ фразы *Μυκήνη ἦν πόλις* на стр. 182).

22. *Ребенокъ,* въ смыслѣ »логическаго *понятія«,* только и можетъ создать ту *особую* картину дѣйствія *лишиться,* которая нарисована во фразѣ *еще ребенкомъ лишилась матери* (нечего толковать здѣсь о »пропускѣ« слова *будучи;* во фразѣ *будучи ребенкомъ, она лишилась матери* языкъ прибѣгъ къ *другимъ* симасіологическимъ средствамъ, хотя и выразилъ ту же мысль: въ ней *ребенокъ,* въ смыслѣ »логическаго *понятія«,* опредѣляетъ собою содержаніе *бытія,* самое же бытіе, въ формѣ глагольнаго *признаковаго,** отнесено къ слову *она*).

23. *Городъ* выставленъ чѣмъ то, *благодаря* чему нѣчто находится или движется *надъ,* или *подъ,* или *передъ,* или *за; городъ* и *село* представлены чѣмъ то, *благодаря* чему нѣчто находится или движется *между;* такъ и въ 24омъ примѣрѣ на *друга* указано какъ на кого то, *благодаря* кому я — не *одинъ.*

Таковъ — славянскій творительный падежъ. Только теперь въ первый разъ пришлось разбирать падежъ во *всемъ* его объемѣ, тогда какъ раньше мы разбирали падежи *только* при предлогахъ. Въ чемъ же собственно заключается то *добавочное,* на что приходится наталкиваться при разборѣ падежа во *всемъ* его объемѣ, и противопоставлять ли намъ, въ виду этого добавочнаго, падежи при *предлогахъ* падежамъ »зависящимъ« отъ *другихъ* словъ, или же правильнѣе будетъ противопоставлять *простые* падежи »предлоговымъ *оборотамъ«,* какъ чему то слитому въ *одно?*

---

* Слово *будучи* есть »дѣепричастіе«. Мы о »дѣепричастіяхъ« на стр. 202 не разсуждали, такъ какъ дѣепричастія греческаго языка *не касаются;* въ общемъ, и *они* — глагольныя признаковыя имена, но для того, чтобы *оправдать* ихъ, какъ *особую* часть рѣчи, и чтобы выяснить ихъ отношеніе къ »причастіямъ«, потребовалось бы *далеко* уклониться отъ нашего *прямаго* дѣла.

Служили ли предлоги для опредѣленія тѣхъ мѣстныхъ отношеній, ради которыхъ они были первоначально придуманы, или вмѣшались въ роль »*простороваго*« опредѣленія, или, наконецъ, приспособились къ разнымъ *метафорамъ*, — вездѣ они оставались указателями »сопоставленія *предмета* съ *предметомъ*« и, согласно этому, появленіе ихъ въ рѣчи *собственно* должно бы быть обусловлено *двумя* именами существительными, матеріальными ли, или формальными, это все равно. Но если существительное, непосредственно *зависящее* отъ предлога, было *дѣйствительною* condicio sine qua non для предлога, то *второе* существительное часто приходилось извлекать изъ *несуществительныхъ*. Изъ какихъ именно? Обыкновенно мы его извлекали изъ глагола, т. е. *собственно* изъ того *дѣйствія*, которое какъ »*признакъ*« (см. выше стр. 98.) присуждается лицу, обозначенному въ его окончаніи. Но если какое нибудь *ἀμέλεια* (*ἀμέλεια εἴς τι*) приходится извлекать изъ *ἀμελέω* (*ἀμελέω εἴς τι*), то, разумѣется, эта *необходимость* извлекать его *для* оправданія *двухъ* существительныхъ при предлогѣ не менѣе касается и словъ *ἀμελῶν* (*ἀμελῶν εἴς τι*) и *ἀμελής* (*ἀμελής εἴς τι*), словомъ, — касается и *признаковыхъ* словъ, какъ простаго, такъ и глагольнаго (о глагольномъ *имени* мы тутъ не упоминаемъ, такъ какъ изъ него, въ виду его двусторонности и въ виду возможности понять его за *существительное*, извлекать нечего; сравни стр. 202). Конечно, никто изъ *употребляющихъ* языкъ, произнося фразу *ἀμελής εἴς τι*, на дѣлѣ *не думаетъ* о какихъ нибудь »извлеченіяхъ«, а просто чувствуетъ *εἴς* »зависящимъ« отъ слова *ἀμελής* какъ чего то *цѣлаго*. Такимъ образомъ, »*извлеченіе*« оказывается необходимымъ *дѣйствительно* только, какъ мы раньше выразились, »для *оправданія* двухъ существительныхъ при предлогѣ«; точнѣе говоря, оно необходимо для того, кто хочетъ выяснить, какъ предлоги *могли* понемногу переходить изъ *первоначальнаго* своего положенія въ »зависимость отъ *признаковыхъ* словъ« (въ »*признаковыя*« слова мы включаемъ здѣсь и *глаголъ*, относящійся къ нимъ, *собственно*, только *первою* своею

частью, своимъ *a*, на которое мы указывали на стр. 94., и которое мы также можемъ назвать *признаковымъ*); предлоги *могли* переходить отъ первоначальнаго своего положенія къ зависимости отъ *признаковыхъ* словъ *только* черезъ »извлеченіе«, о которомъ, однако, *употреблявшій* языкъ впослѣдствіи, когда *привыкъ* къ новымъ оборотамъ, могъ и *забыть*.

Въ виду сказаннаго мы можемъ утверждать, что предлогъ и поставленный при немъ падежъ могутъ »зависѣть« *и* отъ имени существительнаго, *и* отъ признаковаго слова, включая въ признаковое слово также *глаголъ*. А если падежъ, о которомъ мы только что упоминали какъ поставленномъ *при* предлогѣ, — если онъ остается *безъ* предлога, то отъ чего онъ можетъ »зависѣть«? Разсмотрѣвъ еще разъ всѣ 22 типа употребленія творительнаго падежа (23й и 24й примѣры сюда не относятся), мы должны сказать, что падежъ въ нихъ, — въ этотъ падежъ опять таки могутъ попасть *только* *) имена существительныя, какъ было и при предлогахъ, — служитъ симасіологическимъ пополненіемъ *исключительно* лишь *признаковыхъ* **) словъ (включая сюда и глаголъ). Въ примѣрѣ *идолъ сталъ болванъ болваномъ* именительный падежъ *болванъ* есть психо-логическое *сказуемое*, и какъ таковое исполняетъ роль *признаковаго* слова, а что касается примѣра *четыре пуда вѣсомъ*, то слово *вѣсомъ* относится къ слову *четыре*, а не къ слову *пуда*. ***) Послѣдній примѣръ напоминаетъ намъ то *ἀριθμῷ* (= счетомъ) въ примѣрѣ *πέντε ἀριθμῷ*, о которомъ мы разсуждали на

---

*) Слово »*только*« — немного неточно; слѣдовало сказать »*прежде всего*«, такъ какъ къ *этимъ* именамъ существительнымъ могутъ присоединиться »*согласующіяся*« имена, а *согласующіяся* имена, если будутъ исполнять роль напр. логическихъ опредѣленій (сравни стр. 189 и 192.), должны тогда *вмѣстѣ* съ своими »опредѣляемыми« составлять нѣчто *одно* по тому вопросу, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящемъ разсужденіи.

**) Выраженія, какъ »управленіе *городомъ*« и т. п., какъ будто *противорѣчатъ* этому утвержденію (творительный *городомъ* зависитъ здѣсь отъ имени *существительнаго*), но о нихъ рѣчь *впереди*.

***) Даже если мы говоримъ *пудъ вѣсомъ*, то слово *вѣсомъ* относится здѣсь къ слову *одинъ*, не то что пропущенному, а *выраженному* или, скорѣе, *заключающемуся* въ формѣ *единственнаго* числа слова *пудъ*.

стр. 206.) и хотя къ слову *счетомъ* или *вѣсомъ*, какъ мы это видѣли на »*πέντε ἀριθμῷ*«, можетъ присоединиться »*счетная*« часть рѣчи, но эта *счетная* часть рѣчи составляетъ, какъ по формѣ, такъ и по значенію, нѣчто *особое* сравнительно съ признаковыми словами *только* тогда, когда мы дѣйствительно *заняты* счетомъ, а когда счетъ *конченъ*, и она появляется въ рѣчи какъ *результатъ* счета, то она, оставаясь лишь по *формѣ* счетною частью рѣчи, по *значенію* должна превратиться въ *признаковое* слово.*)

Мы не знаемъ еще, *вездѣ* ли падежи, разъ они не входятъ въ предлоговый оборотъ, будутъ »зависѣть« отъ *признаковыхъ* словъ, но *пока* это — такъ, а провѣрка этого положенія относительно *другихъ* падежей должна быть поставлена въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи *особою* задачею. Однако, — скажетъ читатель, — зачѣмъ принимать на себя такую задачу, и не слѣдуетъ ли при самомъ *творительномъ* падежѣ опять таки »*извлекать*« изъ признаковыхъ словъ имена существительныя, и *ими* оправдывать появленіе въ рѣчи падежей, какъ мы это дѣлали при предлогахъ? Повторяемъ, что при предлогахъ мы это дѣлали *только* съ цѣлью выяснить *переходъ* отъ *первоначальной* ихъ роли къ »зависимости« отъ *признаковыхъ* словъ, здѣсь же не видимъ ни *малѣйшаго* повода къ чему нибудь подобному. Да и не вытекаетъ ли эта зависимость творительнаго падежа *именно* отъ *признаковыхъ* словъ, — не вытекаетъ ли она изъ *сущности* самого творительнаго падежа? Въ самомъ дѣлѣ, если творительный падежъ указываетъ на предметъ какъ на *созидающій* нѣчто, то не есть ли самое *созиданіе* нѣкое *движеніе*, и хотя это движеніе требуетъ предмета, *на* которомъ бы оно происходило, но само *созидаемое* или *движимое*, — само *τὸ κινούμενον* или, скорѣе, сама *κίνησις*, какъ сказалъ бы Платонъ, не есть ли только *признакъ* этого предмета? (Когда мы говоримъ дерево срублено топоромъ, то топоръ »создалъ« это рубленіе *на* деревѣ).

---

*) Вотъ какое дополненіе, по вопросу о *счетной* части рѣчи, мы имѣли въ виду на стр. 206.

И не были ли въ этомъ отношеніи и сами *предлоги*, дополняемые падежами, чѣмъ то въ родѣ *признаковыхъ* словъ, такъ какъ и они, указывая то на *κίνησιν*, то на *στάσιν*, мѣняли послѣ себя *падежи*, и не была ли эта *κίνησις* или *στάσις признакомъ* того »чего нибудь«, что »*сопоставлялось* съ предметомъ, поставленнымъ въ зависящемъ отъ нихъ падежѣ? *)

Въ виду того, что послѣ *признаковыхъ* словъ появляются съ одной стороны *падежи*, а съ другой — предлоговые обороты какъ нѣчто слитое въ *одно*; въ виду того, что послѣ существительныхъ, — такъ, по крайней мѣрѣ выяснялось до сихъ поръ, — не могутъ появляться падежи, но зато могутъ появляться *предлоги* съ падежами; въ виду того, — мы немного забѣгаемъ впередъ, — что *кромѣ* существительныхъ и признаковыхъ словъ *нѣтъ* частей рѣчи, которыя могли бы вызывать къ себѣ падежи; въ виду того, что предлогъ можетъ перейти изъ предлоговаго оборота въ compositum, и тогда вмѣсто предлоговаго оборота наступаетъ простой падежъ; въ виду того, что этотъ простой падежъ можетъ даже *чередоваться* въ такихъ случаяхъ съ *новымъ* предлоговымъ оборотомъ (сравни »*εἰσιέναι λόγον*« и *εἰσῆλθε εἰς δικαστήριον*«); въ виду всего этого гораздо правильнѣе, или по крайней мѣрѣ *практичнѣе* будетъ — про-

*) *Опять* мы наткнулись на Дельбрюковскія praeverbia (сравни стр. 319. и 326.). Если, — скажетъ читатель, — предлоги суть нѣчто въ родѣ *признаковыхъ* словъ, и если мы допускаемъ зависимость этихъ quasi »признаковыхъ« словъ не только отъ именъ существительныхъ (*ἀμέλεια εἰς ταῦτα*), но и отъ *настоящихъ* признаковыхъ словъ (*ἀμελὴς εἰς ταῦτα*), то слѣдовательно ...? »Слѣдовательно« — хочетъ сказать читатель, — »эти *quasi* признаковыя слова служатъ симасіологическимъ *дополненіемъ* настоящихъ признаковыхъ словъ (не забудемъ, что въ число этихъ »настоящихъ« признаковыхъ словъ включены и *глаголы*, и что, стало быть, какое нибудь *ἀμελέω εἰς ταῦτα* въ *данномъ* случаѣ нужно трактовать совершенно такъ же, какъ и *ἀμελὴς εἰς ταῦτα*), а потому они принадлежатъ прежде всего къ *нимъ*, въ видѣ ли »praeverb'iй«, или »postverb'iй«, это *рѣшительно* все равно«. Для того, чтобы убѣдиться, что такое »слѣдовательно« *не имѣетъ* для насъ значенія, стоитъ лишь повторить то, на что мы уже указывали: зависимость предлоговъ отъ признаковыхъ словъ есть нѣчто болѣе *внѣшнее* (въ *ἀμελὴς εἰς τοῦτο* мы только *привыкли* не думать объ *ἀμέλεια*) и нѣчто, развившееся только *впослѣдствіи*.

тивопоставлять »простые *падежи*« предлоговымъ оборотамъ какъ чему то, слитому въ *одно*.

Вотъ все, что мы могли сказать *о* славянскомъ творительномъ падежѣ и *по поводу* его.

И въ греческомъ языкѣ былъ когда то творительный падежъ; это — омировскія формы, оканчивающіяся на *φιν*. Нельзя сказать, чтобы омировскій творительный падежъ и славянскій совершенно покрывали другъ друга. Почему это такъ, читатель догадывается.

Въ греческомъ *Dativ'ѣ*, согласно его *этимологической* двойственности, а можетъ быть и тройственности (ср. стр. 209), мы и съ *симасіологической* стороны признаемъ соединеніе нѣсколькихъ падежей: личнаго, мѣстнаго и творительнаго, и хотя послѣдній оправдался пока лишь на *трехъ* примѣрахъ (*τί μ' ἀμφιβάλλεις χερσίν*, — *τοῦτο γέγραπται Ξενοφῶντι*, — *πέντε ἀριθμῷ*), но всѣ эти примѣры, какъ видно изъ только что разобраннаго *славянскаго* творительнаго падежа, оказываются представителями довольно *крупныхъ* явленій употребленія этого падежа, заключаютъ въ себѣ три *разныхъ* оттѣнка его значенія, а выяснять *другіе* оттѣнки до настоящаго времени еще не было случая. Такое соединеніе *трехъ* падежей въ *одной* грамматической формѣ вполнѣ понятно: »*лицо*«, какъ *дѣятель* или вообще *носитель* дѣйствія или признака (=личный падежъ), «*область*«, въ *которой* вращается дѣйствіе, или »*просторъ*«, *гдѣ* нѣчто »развивается« (=мѣстный падежъ; о дальнѣйшемъ »огрубѣніи« мѣстнаго падежа упоминать здѣсь нечего, такъ какъ мы его замѣтили пока *только* въ предлоговыхъ оборотахъ), »*предметъ*,« *благодаря* которому нѣчто получаетъ извѣстный видъ (=творительный падежъ), — все это оттѣнки, до того близкіе другъ къ другу, что стоитъ только внести *олицетвореніе* въ »область« или »просторъ« и »предметъ«, обозначенные мѣстнымъ и творительнымъ падежами, другими словами, — стоитъ только *расширить* районъ того олицетворенія, безъ котораго не обходится самъ *личный* падежъ, какъ *исчезнетъ* вся разница въ падежахъ, и всѣ они сольются въ одно, — до того сольются

въ одно, что если они не дифференцированы этимологически, то иногда и не знаешь, къ какому изъ нихъ склониться. Какъ, напр., толковать выраженіе *Θεσμοφορίοις νηστεύομεν* (Aristoph. Aves 1519)? Толковать ли его въ смыслѣ *творительнаго* падежа, какъ славянское »Θесмофоріями (сравни *лѣтомъ*) мы постимся«, или въ смыслѣ падежа *мѣстнаго*, какъ славянское »Θесмофоріѣхъ (сравни опредѣленіе времени черезъ формы *зимѣ*, *лѣтѣ*) мы постимся«? Трудно рѣшиться на что нибудь одно и опровергать другое.

Греческій творительный на *φιν* долженъ былъ сойти со сцены, какъ не »аттическій« и какъ не имѣющій достаточно средствъ для обозначенія чиселъ. Въ Омирѣ, гдѣ онъ еще въ употребленіи, мы его застаемъ въ послѣдней стадіи *борьбы* съ этимологическою формою Dativ'а, и, какъ *борющійся*, онъ принимаетъ на себя *всѣ* симасіологическія функціи, на которыя претендуетъ греческій Dativ: мы его видимъ не только въ *собственной* роли, но и въ роли *мѣстнаго* и *личнаго* падежей. Вотъ почему греческій падежъ на *φιν* и славянскій творительный не могутъ покрывать другъ друга.

Роль *личнаго* падежа въ формахъ на *φιν* является несомнѣнно въ слѣдующихъ выраженіяхъ Омира: *θεόφιν μήστωρ ἀτάλαντος**) (Il. η 366, ξ 318, ρ 477, Od. γ 110, 409); *ἀγλαΐηφι πεποιθώς* и вообще при *πέποιθα* (Il. ζ 510, ο 267, δ 325, μ 135, 153, 256, χ 107, δ 303, Od. φ 315); *οἱ μὲν ναῦφι ἀμυνόμενοι***) *μετὰ Βοιωτῶν ἐμάχοντο* (Il. ν 700); *ὡς φρήτρη φρήτρηφιν ἀρήγῃ* (Il β 363).

---

*) На стр. 277-9 мы слѣдили за личнымъ падежемъ только при *глаголахъ*, которые лишь въ *первой* своей части заключаютъ признаковое слово. Но есть много *простыхъ* признаковыхъ словъ (о *глагольныхъ* признаковыхъ и глагольномъ *имени* ужъ нечего говорить, разъ сами *глаголы* соединяются съ личнымъ падежемъ), которыя предполагаютъ непремѣнно равноправное положеніе *двухъ* лицъ, обнаруживающееся въ томъ, что одинъ другому либо содѣйствуетъ, либо противодѣйствуетъ, и одно изъ нихъ и *показано* въ личномъ падежѣ. Сравни *κοινός, ἐναντίος, χρήσιμος, βλαβερός, φίλος* и т. д.

**) *ἀμύνω* = отражаю; *ἀμύνω τινά τινι* = отражаю кого въ *пользу* чью нибудь (= *личный* падежъ); *ἀμυνόμενοι ναῦφι* = *защищая* (въ своемъ интересѣ; это выражено въ *medial'ной* формѣ глагольнаго признаковаго) корабли.

Мѣстный падежъ мы усматриваемъ въ примѣрахъ: *βοῦς ἀγέληφι μέγ' ἔξοχος ἔπλετο πάντων* (Il. *β* 480); *ἠΰτε ταῦρον ἔπεφνε λέων ἀγέληφι μετελθών* (Il. *π* 487); *δόρυ, ὅ οἱ κλισίηφι λέλειπτο* (Il. *ν* 168); *ὅς που φθίηφι τέρεν κατὰ δάκρυον εἴβει* (Il. *τ* 323); *τὸ δὲ καίεται ὑψόθ' ὄρεσφι σταθμῷ ἐν αἰπόλῳ* (Il. *τ* 376); *πολλὰ δὲ καὶ καθύπερθε μελαθρόφιν ἐξεκέχυντο* (Od. *θ* 279); *πρὶν κατὰ Ἰλιόφι κλυτὰ τείχεα λαὸν ἑέλσαι* (Il. *φ* 323)*)

Очень важный, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень незатруднительный вопросъ придется рѣшить прежде, чѣмъ перейти къ перечисленію примѣровъ на *собственный* творительный падежъ въ формахъ на *φιν*. Наше толкованіе выраженія *Ἰλιόφι τείχεα* противорѣчитъ тому утвержденію, будто *простые* падежи зависятъ исключительно отъ *признаковыхъ* словъ. Да и относительно другихъ примѣровъ на мѣстный падежъ трудно возражать тому, кто захотѣлъ бы усматривать зависимость формы на *φιν* отъ имени *существительнаго*. Колебаніе, вызываемое этими примѣрами, совершенно тожественно съ тѣмъ, на которое мы наткнулись на стр. 271. Въ Il. *π* 487, напр., трудно защищать зависимость *ἀγέληφι* отъ *μετελθών*; *ἀγέληφι* съ совершенно одинаковымъ удобствомъ можетъ быть истолковано какъ дополненіе слова *λέων* (левъ *въ стадѣ*). Все это вполнѣ понятно. Того *первоначальнаго* значенія, которое мы на основаніи *славянскаго* языка предположили для мѣстнаго падежа, именно *этическаго*, въ *греческомъ* языкѣ, насколько онъ для насъ раскрытъ, на дѣлѣ *не видать*; оно *исчезло*. Что

---

*) Послѣднее мѣсто приводятъ какъ примѣръ *genitiv'наго* значенія формы на *φιν* (Brugmann Handb. II. 211; Nauck предлагаетъ здѣсь *Ἰλίοο*). Согласно съ этимъ комментаторы переводятъ »къ стѣнамъ *Трои*«. Fäsi даже приводитъ въ подтвержденіе правильности такого перевода мѣсто изъ Одиссеи *μ* 45; *πολὺς δ' ἀμφ' ὀστεόφιν θὶς ἀνδρῶν πυθομένων*. Необходимости такого толкованія мы здѣсь не видимъ; *ὀστεόφιν* можно принять за *творительный* падежъ (= многочисленный костями = *кости* »созидаютъ« многочисленность), какъ мы его встрѣчаемъ въ выраженіи »*πολὺς ἦν τοῖς ἐπαίνοις καὶ ἐπαχθής*« (Aeschin. 33. 29), а *τείχεα Ἰλιόφιν* я сопоставляю съ выраженіемъ *τὰ τροπαῖα τὰ Μαραθῶνι* (Plat. Menex. 240 d) и перевожу »къ стѣнамъ, что *въ Троѣ*.«

славянскій языкъ представляетъ какъ этическую область, *въ которой* вращается дѣйствіе (blahosklonně), то въ греческомъ языкѣ рисуется этическою опорою, *отъ которой* отправляется дѣйствіе (*εὐνοικῶς*). Сполна ли нами разъясненъ мѣстный падежъ на стр. 271-3 или нѣтъ, мы еще не знаемъ, но изъ того, что до сихъ поръ разъяснено, мы видимъ, что *греческому* мѣстному падежу, разъ онъ потерялъ *первоначальное* значеніе, только и оставалось, если ему *вообще* было суждено жить, держаться *простороваго* значенія на вопросъ *гдѣ*, а отъ простороваго значенія къ значенію *предлоговаго* оборота было *недалеко*, какъ то можно было замѣтить уже на стр. 271. Словомъ, то, что мы на стр. 271 только чуяли въ мѣстномъ падежѣ, на дѣлѣ *оправдалось* въ *Ἰλιόφι τείχεα*, и примѣнять къ мѣстному падежу соображеніе, по которому простые падежи должны бы зависѣть исключительно лишь отъ *признаковыхъ* словъ, *совсѣмъ даже не приходится*, такъ какъ онъ въ этомъ отношеніи занимаетъ *особое* положеніе: онъ *слишкомъ* »огрубѣлъ« въ своемъ значеніи.

Слѣдуютъ примѣры *собственнаго* творительнаго падежа въ формахъ на *φιν: ἀναγκαίηφι δαμέντες* (Il. υ 143); *βίηφιν ἐδάμασσε* и вообще *βίηφι* что нибудь *произвести* (Il. π 826, φ 501, σ 341, φ 367; Od. α 403, ι 406, 408, 476, μ 210); *ἶφι ἀνάσσειν* и вообще *ἶφι* что-нибудь *произвести* (Il. α 38, 452, ζ 478, α 151, ο 720, δ 287, ε 606, μ 367, σ 14, φ 486, γ 375, τ 417, φ 208, Od. λ 284, ρ 443, σ 57, 156); *ὄσσε δακρυόφι πλῆσθεν* (Il. ρ 696, ψ 397, Od. δ 705, τ 472, κ 248, υ 349); *δεξιτερῆφιν λαβεῖν* (Il. π 734, σ 477, χ 80, Od. τ 480); сюда же мы относимъ и Od. μ 45 (*πολὺς δ' ἀμφ' ὀστεόφιν θὶς ἀνδρῶν πυθομένων*) и, *непремѣнно*, выраженіе: *ἐν χερὶ θήσω δύω ἵππους αὐτοῖσιν ὄχεσφιν* (Il. θ 290, λ 699).

Что касается *послѣдняго* примѣра, то онъ напоминаетъ намъ обороты, встрѣчающіеся, какъ извѣстно, очень часто и въ *аттическомъ* нарѣчіи (*τῶν νεῶν τινὰς ἀναδούμενοι εἷλκον κένας, μίαν δ' αὐτοῖς ἀνδράσιν εἷλον*, Thuc. 2. 90, и др.). Мы видимъ здѣсь то же, что встрѣчаемъ и въ *сла-*

вянскомъ языкѣ, напр., въ выраженіи *онъ отправился туда всею (= даже = самою) семьею:* семья, *вся* семья, созидаетъ здѣсь картину *отправленія,* придавая ей *особый* видъ. Какъ въ русскомъ языкѣ слово *всею,* въ оборотѣ *всею семьею,* является лишь »согласующимся именемъ« и психологическимъ *сказуемымъ* къ слову *семьею,* такъ и въ греческомъ языкѣ слово *αὐτοῖσιν* не есть *интегральная* часть оборота. Что греческій языкъ могъ обойтись безъ *αὐτοῖσιν,* доказываетъ примѣръ »*βῆ καλέων Ἀγαμέμνονα ἵπποισιν καὶ ὄχεσφι*« (Od. δ 533).

Къ собственному творительному падежу мы причисляемъ и *ὄσσε δακρυόφιν τέρσοντο* (Od. ε 152), какъ и въ чешскомъ языкѣ говорятъ tím hříchem on jest čist (указывается на такое, въ данномъ случаѣ *отрицательное,* дѣйствіе грѣха, благодаря которому нѣкто »чистъ« т. е. *свободенъ* отъ грѣха).

Кромѣ того форма на *φιν* встрѣчается въ слѣдующихъ *предлоговыхъ* оборотахъ.

ἐξ (*ἐξ εὐνῆφι* и др.): Il. γ 368, λ 44. ι 572, ο 580, ρ 101, ψ 347, ξ 150, Od. γ 405, δ 307, β 2, ϑ 67, 105, ω 83).

ἀπό (*ἀπ' ἐσχαρόφιν* и др.): Il. κ 458, ϑ 300, 309, ν 585, π 246, φ 113, ο 313, π 773, ω 268, ν 588, ξ 214, λ 374, κ 347, λ 351, Od. η 169, τ 389, μ 414, ο 552, ξ 134. Сюда же я отношу, на основаніи объясненій, данныхъ мною на стр. 324., Il. β 794; *δέγμενος, ὁππότε ναῦφι ἀφορμηϑεῖεν Ἀχαιοί* (= двинулись бы *отъ* кораблей).

κατά: κάτεισιν κατ' ὄρεσφι (Il. λ 493); *χείμαρροι ποταμοὶ κατ' ὄρεσφι ῥέοντες* (Il. δ 452). Предметъ тутъ поставленъ на верху, а *κατά* указываетъ на удаленіе отъ него *другого* предмета *внизъ* (смотри выше стр. 286).

διά: διὰ στήϑεσφιν ἐλαύνειν δόρυ (Il. ε 41, 57, ϑ 259, λ 448, χ 284, Od. χ 93); *ὡς δὲ κύνες περὶ μῆλα δυσωρήσωσιν ἐν αὐλῇ ϑηρὸς ἀκούσαντες, ὅς τε καϑ' ὕλην ἔρχηται δι' ὄρεσφι, πολὺς δ' ὀρυμαγδὸς ἐπ' αὐτῷ ἀνδρῶν ἠδὲ κυνῶν, ἀπό τέ σφισιν ὕπνος ὄλωλεν, ὡς τῶν νήδυμος ὕπνος ἀπὸ βλεφάροιιν ὀλώλει* (Il. κ 185).

σύν (*σὺν ἵπποισι; σὺν ὄχεσφι*): Il. *δ* 297, *ε* 219, *ι* 384, *μ* 119, *χ* 22, *ψ* 518, *π* 811.

ἐν (*ἐν χειρὶ δεξιτερῆφι*): Il *ο* 284, Od. *ο* 148.

ὑπό, на вопросъ *гдѣ*, въ смыслѣ *прикосновенности* къ предмету (*ὑπὸ κράτεσφι* и др.): Il. *τ* 404, *κ* 156, *ο* 614, *ϑ* 136, *ψ* 130, *ν* 23, *ϑ* 41, *ω* 576, *ψ* 7.

ἐπί, *παρά*, *πρός* и *ἀμφί*, на вопросъ *гдѣ*, въ смыслѣ *прикосновенности* къ предмету (*ἐπ᾽ ἐσχαρόφι*, *ἀμφ᾽ ὀστεόφι*, *παρ᾽ αὐτόφι*, *πρὸς κοτυληδονόφι* и др.): Il. *ν* 308—9, *ϑ* 474, *μ* 302, *ν* 42, *υ* 140, *ψ* 147, 640. *τ* 255, *π* 281, *ε* 28, 794, *ϑ* 565, *ε* 107, *μ* 91, *κ* 30, 257, 261, *ο* 3, *μ* 225, *σ* 305, Od. *ε* 59, *γ* 353, *ν* 74, *ο* 284, *ε* 433, *λ* 607, *π* 145, *μ* 45, *ξ* 498. Сюда же я отношу, на основаніи объясненій на стр. 324, Il. *κ* 496 (*ὄναρ κεφαλῆφιν ἐπέστη*) и Od. *υ* 94 (*παρεστάμεναι κεφαλῆφιν*).

Всѣ эти предлоговые обороты можно раздѣлить на *три* группы. Группируются они по самимъ *предлогамъ*, которые въ нихъ приставлены къ формѣ на *φιν*. Первую группу составляютъ предлоги *σύν*, *ἐν*, *ὑπό*, *ἐπί*, *παρά*, *πρός* и *ἀμφί*. При *σύν* форма на *φιν* исполняетъ роль *личнаго*, а при остальныхъ — роль *мѣстнаго* падежа. Замѣчательно, что здѣсь представлены *всѣ* предлоги, которые могли соединяться съ личнымъ и мѣстнымъ падежами, за исключеніемъ омировскаго *ἀνά* съ мѣстнымъ падежемъ и омировскаго же *μετά* съ мѣстнымъ падежемъ (съ *περί* тутъ нечего считаться, разъ есть *ἀμφί*, точно также какъ нечего считаться и съ омировскимъ *μετά* съ *личнымъ* падежемъ, разъ есть *σύν*).

Вторую группу составляютъ предлоги *ἐξ*, *ἀπό* и *κατά*. Если бы не было формы на *φιν*, то эти предлоги будутъ соединяться съ *удалительнымъ* падежемъ. Замѣчательно опять то, что здѣсь представлены *всѣ* предлоги, которые обыкновенно дополняются удалительнымъ падежемъ, за исключеніемъ предлога *ὑπό*, у котораго *удалительный* падежъ и *такъ* появляется въ *исключительныхъ* случаяхъ такъ называемыхъ passiv'ныхъ конструкцій. Слѣдуетъ ли изъ появленія формы на *φιν* при *ἐξ*, *ἀπό*, *κατά* заключать, что

форма на *φιν* приняла на себя функцію и *удалительнаго* падежа? A priori этого отвергать нельзя. Мы знаемъ, сколько падежныхъ функцій обняла собою форма двойственнаго числа на *οιν* (сравни объ этомъ стр. 218*); мы знаемъ что и *латинскій* языкъ соединилъ значеніе удалительнаго и творительнаго падежей въ *одну* форму (предметъ, *благодаря* которому нѣчто происходитъ, и предметъ, *отъ котораго* нѣчто «удаляется» или *исходитъ*, могли быть дѣйствительно отмѣчены однимъ и тѣмъ же грамматическимъ средствомъ). Форма на *φιν* могла пойти по слѣдамъ формы на *οιν* тѣмъ больше, что она, не имѣя надлежащихъ средствъ для обозначенія единственнаго, двойственнаго и множественнаго чиселъ, скорѣе походитъ, — мы забѣгаемъ немного впередъ, — на всеобъемлющее «нарѣчіе». *Сильнымъ* препятствіемъ такому симасіологическому расширенію формы на *φιν* служитъ то обстоятельство, что она, появляясь самостоятельно, т. е. *безъ* предлога, *нигдѣ* въ роли удалительнаго падежа не выступала**). Не слѣдуетъ ли при предлогахъ *ἐξ* — *ἀπό* — *κατά* принять по отношенію къ формѣ на *φιν* объясненіе, на которое насъ наводитъ славянскій языкъ своими *надъ горою*, *подъ горою*, *передъ горою* и т. д.? Нѣтъ ли здѣсь *творительнаго* падежа? Не имѣетъ ли какое нибудь *ποταμοὶ κατ' ὄρεσφι ῥέοντες* того смысла, что рѣки текутъ внизъ *благодаря* горамъ? Конечно, такое *благодаря* можно внести въ толкованіе *всякаго*, а если не всякаго, то очень *многихъ* предлоговъ. И *εἰς γῆν* можно толковать въ смыслѣ «нѣчто пошло вовнутрь, *благодаря* землѣ, и, такимъ образомъ, и *εἰς* могло соединяться съ творительнымъ падежемъ. Но языкъ не эксплуатировалъ столь широкое *благодаря* безъ нужды. Если мы

---

*) Въ виду этого явленія мы a priori не можемъ отвергать принятіе на себя формою на *φιν* и той роли *родоваго* падежа, которую усматриваютъ въ вышеприведенномъ примѣрѣ *Ἰλιόφι τείχεα*.

**) Бругманъ (Handb. II. 211) приводитъ примѣръ ablativ'наго ея значенія *безъ* предлога изъ Il. *β* 794: *ὁππότε ναῦφιν ἀφορμηθεῖεν Ἀχαιοί*. Мы, какъ читатель замѣтилъ въ нашемъ спискѣ примѣровъ формы на *φιν* при предлогѣ *ἀπό*, объясняемъ появленіе здѣсь формы на *φιν* непосредственнымъ вліяніемъ предлога *ἀπό*.

ἐξ εὐνῆφι и т. п. понимаемъ правильно, если это *дѣйствительно* творительные падежи, то выходитъ замѣчательное *сопоставленіе* омировскаго языка со славянскимъ. Славянскій языкъ, оставивъ при предлогахъ функцію удалительнаго падежа за *обще-родовымъ* падежемъ (*отъ* города, *изъ* города), воспользовался *менѣе* »родовымъ« *благодаря* (такое *благодаря* представляетъ собою въ концѣ концовъ нѣчто *болѣе* спеціальное, чѣмъ обще-*родовой* падежъ) для обозначенія *тоже* чего то *отдаленнаго*, но отдаленнаго въ смыслѣ нахожденія *гдѣ-нибудь* (*за городомъ* отвѣчаетъ на вопросъ *гдѣ*). Омировскій же языкъ, оставивъ »отдаленное въ смыслѣ нахожденія *гдѣ нибудь*« за *обще-родовымъ* падежемъ (*περὶ θεῶν ἐστὶ καὶ ἀνθρώπων*), воспользовался нашимъ »*благодаря*« для *тѣхъ* случаевъ удаленія, которые предназначенный для нихъ *спеціальный* падежъ, именно *удалительный*, совершенно *потеряли* въ языкѣ (по крайней мѣрѣ, какъ выяснено на стр. 267, потеряли его въ именахъ *существительныхъ*).

Особнякомъ стоятъ у насъ *διὰ στήθεσφιν ἐλαύνειν δόρυ* и *ἐν αὐλῇ θηρὸς ἀκούσαντες, ὅςτε ἔρχηται δι' ὄρεσφι*, составляя *третью* группу предлоговыхъ оборотовъ съ формою на *φιν*. Разсуждая о предлогѣ *διά* и его падежахъ, мы указывали на то (стр. 315), что *διά* должно *всегда* соединяться съ родовымъ падежемъ, остается ли предметъ въ *предѣлахъ* своего »проводника«, или выходитъ *за* его предѣлы. Конечно, не будь случайно родовой и удалительный падежъ соединены въ *одной* грамматической формѣ, то можно бы примѣнить *удалительный* падежъ къ тому случаю, когда предметъ, *проникши* черезъ свою »среду«, *удаляется* отъ нея.*) Въ нашихъ примѣрахъ, какъ въ *διὰ στήθεσφιν*, такъ и въ *δι' ὄρεσφιν*, предметъ дѣйствительно идетъ *за* предѣлы своей »среды«: грудь представлена *пронзенною* копьемъ, а звѣрь *съ горъ* проникаетъ въ *αὐλήν*. Если не заходить въ симасіологическомъ

* Смыслъ настоящаго нашего замѣчанія читатель пойметъ, припомнивъ сказанное на стр. 273-4.

расширеніи формы на *φιν* такъ далеко, какъ это дѣлаютъ, навязывая ей даже функцію *родоваго* падежа, то омировскій языкъ *дѣйствительно* окажется располагающимъ *особыми* формами — для родоваго съ *одной* стороны и... что̀ теперь сказать, — для удалительнаго съ другой? — Нѣтъ. По нашему мнѣнію повторяется здѣсь то, на что мы указывали въ формахъ на *φιν* при предлогахъ *ἐξ* – *ἀπό* – *κατά*: въ *διὰ στήθεσφιν* и въ *δι' ὄρεσφιν* мы имѣемъ дѣло съ падежемъ *творительнымъ*, *замѣняющимъ* собою удалительный падежъ.

Къ разбору формы на *φιν* мы привлекли *всѣ* мѣста Иліады и Одиссеи, въ которыхъ эта форма встрѣчается. Мы это *могли* сдѣлать, благодаря капитальному труду »Ebeling Lex. Hom.«; мы это *должны* были сдѣлать, въ виду крайне противорѣчивыхъ, читателю *извѣстныхъ*, толкованій этой формы: нѣтъ ни одной падежной формы, насчетъ которой существовала бы такая разноголосица въ нашихъ грамматикахъ, какъ насчетъ формы на *φιν*. Лишь нѣкоторые случаи ея употребленія остались у насъ неразсмотрѣнными: мы не знаемъ, принять ли въ нихъ форму на *φιν* за *мѣстный*, или за *творительный* падежъ (и въ *Θεσμοφορίοις* мы колебались между мѣстнымъ и творительнымъ падежами). Случаи эти — слѣдующіе:

1. *ὁπλότατος γενεῆφιν*; *γενεῆφι νεώτατος*; *βίηφι δὲ φέρτεροι ἦσαν*; *μῆτι* (т. е. *μήτιι*) *τοι δρύτομος μέγ' ἀμείνων ἠὲ βίηφι* (лучшій *въ* силѣ, или *силою*?); смотри Il. *ι* 58, *ξ* 112, *φ* 439, *ψ* 315, Od. *ζ* 6, *μ* 246, *φ* 371.

2. *ἅμα δ' ἠοῖ φαινομένηφι* (Il. *ι* 618, *μ* 682, *ω* 600. Od. *δ* 407, *ζ* 31, 222, *μ* 24, *ξ* 266, *ο* 396, *π* 270, *ρ* 435). Мы не знаемъ еще, считаться ли съ *ἅμα* какъ съ *предлогомъ*, или принять его за »нарѣчіе«. Рѣшить этотъ вопросъ придется ниже. Во всякомъ случаѣ *ἅμα* указываетъ здѣсь на *современность*. Если это — *предлогъ*, то *ἠοῖ* могло бы быть творительнымъ (= *благодаря* зарѣ, нѣчто оказалось *ἅμα* т. е. *современнымъ*), а то даже и *личнымъ* падежемъ (по аналогіи слова *σύν*). Если же *ἅμα* слѣдуетъ принимать за »нарѣчіе«, то опять возникаетъ вопросъ, счи-

тать ли его за *самостоятельное*, то есть, какъ бы, за *вставку* въ рѣчь, или падежъ *ἠοῖ* зависитъ отъ него какъ »*нарѣчія*«. Въ первомъ случаѣ *ἠοῖ* является или *мѣстнымъ* падежемъ (= *на* зарѣ, *одновременно*), или *творительнымъ* (= зарею, одновременно; какъ мы говоримъ »*ночью*«), а во второмъ нужно разсуждать *опять* иначе (ниже все *выяснится*).

3. *ἠΰτε κίρκος ὄρεσφιν, ἐλαφρότατος πετεηνῶν, ῥηιδίως οἴμησε μετὰ τρήρωνα πέλειαν.* — *ὡς δ' ὅτε νεβρὸν ὄρεσφι κύων ἐλάφοιο δίηται.* — *Τρῶες ἕπον ὡς εἴτε δάφοινοι θῶες ὄρεσφιν ἀμφ' ἔλαφον κεραὸν βεβλημένον* (*въ* горахъ, или *горами*; какъ мы по русски говоримъ *идетъ лѣсомъ**). Смотри Il. λ 474, χ 139, 189.

4. *εἵλετο δ' ἄλκιμον ἔγχος, ὅ οἱ παλάμηφιν ἀρήρει* (*въ* длани или дланью?) Смотри Il. γ 338, π 139, Od ρ 4.

5. *Ἕκτωρ μὲν κεφαλῆφιν ἐπεὶ λάβεν, οὐχὶ μεθίει,* (Il. π 762). Слѣдуетъ ли тутъ *κεφαλῆφιν* толковать въ смыслѣ »ухватилъ его, какъ бы, *на* головѣ«, или скорѣе въ смыслѣ »ухватилъ его *головою*«, какъ мы говоримъ »возьми палку въ руки *этимъ концомъ*«.

6. *καὶ βάλεν οὐδ' ἀφάμαρτε, τιτυσκόμενος κεφαλῆφιν ἄκρην κακ' κόρυθα* (Il. λ 350). Равняется ли это мѣсто фразѣ »принаравливаясь (= прицѣливаясь) къ нему тамъ, *гдѣ* у него голова«, или скорѣе фразѣ »*головою* прицѣливаясь къ нему«, какъ мы, пожалуй, могли бы сказать »непріятельскія войска приближались къ городу *сѣверною его стороною*«**) вмѣсто »*съ* сѣверной *его* стороны« или *вообще* »съ сѣверной стороны« (Дельбрюкъ, Synt. Forsch. IV. 61, принимаетъ наше *κεφαλῆφιν* опять таки за genitiv, ob-

*) Аттическое нарѣчіе въ *такомъ* смыслѣ творительнаго падежа не употребитъ; но аттическое нарѣчіе омировскому языку — не указъ.

**) Эта фраза по *общему* смыслу творительнаго падежа, столь глубоко вошедшаго въ славянскую фразеологію, *возможна: сѣверная сторона* города есть то, что опредѣляетъ собою картину приближенія. О глубокомъ захватываніи *греческаго* творительнаго падежа въ *греческую* фразеологію трудно говорить опять таки потому, что онъ этимологически не дифференцированъ; разъ онъ не дифференцированъ этимологически, то, какъ мой читатель замѣтить особенно на нашихъ шести примѣрахъ, постоянно сбиваешься на мѣстный падежъ.

wohl, — думаетъ онъ, — hier allenfalls der Localis zu vertheidigen wäre).

Разобравъ формы на *φιν*, мы могли бы окончательно раздѣлаться и съ тѣми падежами, которые представлены названною формою. Для этого нужно бы только поосмотрѣться, нѣтъ ли еще *помимо* формъ на *φιν* какого-нибудь матеріала для творительнаго, мѣстнаго и личнаго падежей, и затѣмъ подвести всему итоги. Для *творительнаго* падежа мы помимо формъ на *φιν* ничего новаго не находимъ (аттическій языкъ, какъ мы уже однажды замѣтили, скорѣе склоненъ *ослабить* его фразеологическую роль), формулировка его значенія достаточно установлена самимъ *терминомъ* »творительный« падежъ, а потому мы считаемъ все разсужденіе о немъ *оконченнымъ*. Мы остались передъ читателемъ въ долгу лишь по отношенію къ *славянскому* творительному падежу въ выраженіи »управленіе *городомъ*«. Это явленіе мы не поставили бы себѣ въ счетъ, не имѣй оно непосредственнаго отношенія къ *греческому* языку. Во всякомъ случаѣ, *разобрать* его придется не сейчасъ.

Что касается *мѣстнаго* падежа, то окончить разборъ его *здѣсь* мѣшаетъ *одно* обстоятельство. Мы сказали, что онъ, благодаря своему »огрубѣнію«, выходитъ изъ колеи зависимости отъ признаковыхъ словъ. Нѣчто подобное должно было случиться и съ »огрубѣвшимъ« *удалительнымъ* падежемъ. Интересно ихъ въ этомъ отношеніи сопоставить, и такъ какъ мы до удалительнаго падежа *внѣ* предлоговъ еще не скоро доберемся, то придется и *мѣстный* падежъ пока оставить *неоконченнымъ*.

По отношенію къ *личному* падежу мы встрѣчаемъ *помимо* формъ на *φίν* новый матеріалъ. Мы разумѣемъ явленія въ родѣ слѣдующихъ: *ὕμνους θεοῖς καὶ ἐγκώμια τοῖς ἀγαθοῖς παραδεκτέον εἰς πόλιν* (Plat. Resp. 607 a); *τὰ Ταντάλου ἑστιάματα θεοῖς ἄπιστα κρίνω* (Eur. Iph. Taur. 388); *ὦ Θήβαισιν εὐίπποις ἄναξ* (Eur. Phoen. 17); *ἐκ δὲ κυμάτων ὁ ναυτίλοισι μάντις ἐξήγγειλέ μοι* (Eur. Or. 363); *θησαυρὸν βελέεσσιν* (Aesch. Prom. 981).

Когда мы разсуждали о личномъ падежѣ по поводу предлоговыхъ оборотовъ, то роль его выяснялась въ смыслѣ указыванія на »лицо«, какъ на *равноправное* съ другимъ по отношенію къ какому нибудь *дѣйствію* (стало быть, — *признаку*), — какъ на носителя *τῆς ἐνεργείας* и *τοῦ πάθους* (стало быть, — опять *признака*, какъ его предполагаетъ само слово *носитель*), — какъ на встрѣчающее въ другихъ либо поддержку, либо противодѣйствіе своимъ *начинаніямъ*; словомъ, — во всѣхъ этихъ оттѣнкахъ личный падежъ, если онъ не попадалъ въ предлоговый оборотъ, могъ въ силу своего *значенія* »зависѣть« *исключительно* только отъ *признаковыхъ* словъ, что и оправдалось при разборѣ формъ на *φιν*, имѣющихъ значеніе *личнаго* падежа. Что касается »*этическаго*« личнаго падежа, гдѣ лицо представлено главнымъ судьею »въ какой нибудь мысли«, то онъ, положимъ, *не зависитъ* отъ »признаковаго слова,« но . . . Представляя лицо главнымъ судьею въ мысли, этическій личный собственно относится къ *той* части выраженія цѣлой мысли, которая представляетъ собою нѣчто »*объявляемое*« по отношенію къ *другой* ея части, какъ къ чему то »данному«. Другими словами, — этическій личный относится къ »синтаксическому сказуемому« (во фразѣ »*τοῦτο μοι οὐδενὸς ἄξιόν ἐστι*« этическій личный *μοι* относится къ подчеркнутымъ словамъ). И не является ли синтаксическое сказуемое чѣмъ то, аналогичнымъ *признаку*? — не составляется ли рѣчь изъ »*ὄντα*« и »признаковъ« для того, чтобы потомъ въ цѣломъ раздѣлиться, такъ сказать, на »сложное *ὄν*« (синтаксическое подлежащее) и на »сложный признакъ« (синтаксическое сказуемое)?

Какъ послѣ всего этого отнестись къ только что приведеннымъ примѣрамъ употребленія личнаго падежа? Кюнеръ (Ausf. Gramm. II. 374) считаетъ »несомнѣннымъ«, что эти явленія произошли отъ нѣкотораго *сокращенія* фразъ (dieser Gebrauch ist ohne Zweifel aus einer Verkürzung eines Satzes hervorgegangen). Въ одномъ мѣстѣ онъ вставляетъ *πεποιημένα* (*ἐγκώμια τοῖς ἀγαθοῖς πεποιημένα*), въ другомъ — *δοθέντα* (*θεοῖσιν ἑστιάματα δοθέντα*), въ третьемъ и чет-

вертомъ — даже *ὤν* (*ὦ Θήβαισιν εὐίπποις ἄναξ ὤν,** *ἐκ δὲ κυμάτων ὁ ναυτίλοισι μάντις ὢν ἐξήγγειλέ μοι*), а въ пятомъ не находитъ, что вставить. Читатель видитъ, что внесеніе въ *ὁ ναυτίλοισι μάντις* слова *ὤν*, даже при благосклонномъ отношеніи къ эллипсисамъ, звучитъ большою натяжкою.

Предлогевые обороты служили »*первоначально*« для сопоставленія предмета съ предметомъ, простые падежи — для выраженія отношенія предмета къ признаку. Такая теорія была бы весьма стройною, если бы она оказалась хоть *въ основаніи* выдержанною. Но въ такомъ случаѣ мыслима — *еще* одна потребность, которая *могла* выступить передъ языкомъ, какъ подлежащая съ его стороны удовлетворенію, — потребность, совершенно *однородная* съ только что перечисленными: это — »сопоставленіе« не *предмета* вообще съ *предметомъ* вообще, а »сопоставленіе« или, прямѣе, — *подчиненіе* »вещи«, какъ *видоваго* понятія »предмета,« *другому* его »видовому« понятію, — »*лицу*«. Явленія, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, суть явленія не *омировскаго* языка. Это, пожалуй, *краткій*, но только не »сокращенный«, какъ говоритъ Кюнеръ, способъ выраженія, развившійся въ языкѣ уже впослѣдствіи, но, во всякомъ случаѣ, основывающійся на *сильномъ* и *живомъ* чутьѣ *τῆς δοτικῆς именно* какъ падежа »личнаго«. Конечно, въ разсматриваемыхъ нами явленіяхъ нужно *опять таки* кое гдѣ — съ одной стороны олицетвореніе (*θησαυρὸν βελέεσσιν*; сравни наше *списокъ книгамъ*, гдѣ книги являются чѣмъ то *главнымъ*, у чего списокъ находится какъ-бы въ услуженіи), а съ другой — и »овеществленіе« (*Θήβαισιν ἄναξ*; тутъ *Θῆβαι* рисуются *главными*), но ни олицетвореніе, ни овеществленіе не является чѣмъ нибудь такимъ, чего слѣдовало бы избѣгать при объясненіи падежей. **)

---

*) Тогда бы *ἄναξ* было психо-логическимъ сказуемымъ къ слову *σύ*, какъ психо-логическое сказуемое исполняло бы роль *признаковаго* слова. и личный падежъ вошелъ бы въ колею, предназначенную ему нами.

**) Сюда же мы относимъ и такъ называемые »притяжательные« dativ'ы, встрѣчающіеся, какъ извѣстно, больше всего у Иродота; мы разумѣемъ выраженія въ родѣ *οἱ δέ σφι βόες, οἱ δ' ὑμῖν μάγοι* и т. п.

Перейдемъ къ разсматриванію *другихъ* падежей, поскольку они появляются *внѣ* предлоговыхъ оборотовъ, и поскольку они у насъ остались невыясненными *по поводу* предлоговыхъ оборотовъ. Начнемъ съ *вещнаго* падежа.

Значеніе вещнаго падежа выяснилось до сихъ поръ въ такомъ смыслѣ, что онъ указываетъ или на поступленіе выраженнаго имъ предмета *цѣликомъ* въ чье нибудь распоряженіе, или на полную его *законченность*, необходимую для того, чтобы можно было *на основаніи* ея распоряжаться дальнѣйшимъ (*μετὰ τὸν δεῖπνον* и т. д.; смотри стр. 316), или на движеніе къ нему какъ къ цѣли. Что во всѣхъ этихъ оттѣнкахъ вещный падежъ остается чѣмъ то однимъ и тѣмъ же, это — надѣемся — доказывать дальше нечего.

Заявляемъ напередъ, что *весь* вещный падежъ *внѣ* предлоговъ зависитъ *исключительно* отъ признаковыхъ словъ. Въ виду нѣкоторыхъ соображеній, которыя сейчасъ выяснятся, практичнѣе будетъ *отдѣлить* отъ *глаголовыхъ* признаковыхъ *словъ* (т. е. отъ самого *глагола,* глагольнаго *признаковаго* имени и »двустороннаго« глагольнаго *имени*) *простыя* признаковыя имена.

Глаголовыя признаковыя слова *ищутъ* къ себѣ вещнаго падежа, какъ указателя *«объекта«* дѣйствія, т. е. того, что *поступаетъ* въ чье нибудь распоряженіе, благодаря тому особому *свойству* самого *дѣйствія,* о которомъ мы упоминали на стр. 257-8: есть дѣйствія, для осуществленія которыхъ представляется намъ необходимымъ нѣчто въ родѣ *мертваго матеріала,* надъ которымъ они проявляли бы свою силу. Это *свойство* дѣйствій тѣсно связано съ залоговыми оттѣнками, и по этой связи мы установили на стр. 108 терминъ *transitiva.* Я говорю, что transitiva ищутъ къ себѣ вещнаго падежа въ силу своего *значенія,* такъ что въ этомъ отношеніи вещный падежъ *дѣйствительно,* какъ мы раньше выражались, идетъ имъ *навстрѣчу.* Я *не понимаю* того утвержденія, которое такъ часто приходится слышать, будто *всѣ* глаголы были сначала intransitiv'ными, а только *впослѣдствіи* нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались transitiv'ными. Я думаю, по этому вопросу только и можно сказать то,

что сказано мною на стр. 107.: говорящій въ однихъ случаяхъ *чувствуетъ* потребность указать на объектъ, а въ другихъ ея не чувствуетъ; но чтобы этому чувству можно было навязать какую нибудь хронологическую постепенность *развитія,* этого я не вижу.

Итакъ, глаголовыя признаковыя слова требуютъ къ себѣ вещнаго падежа въ силу своей transitiv'ности. Какъ широко понималъ грекъ transitiv'ность, видно на глаголахъ *φεύγω, φοβέομαι, αἰσχύνομαι* и т. п., дополняющихся *тоже* вещнымъ падежемъ. Казалось бы, что разъ существуетъ удалительный падежъ, то какому еще падежу дополнять собою такіе глаголы, какъ не ему. А между тѣмъ грекъ понимаетъ ихъ по своему. Когда онъ говоритъ *θάνατον οἱ εὐδαίμονες φεύγουσι,* то, очевидно, представляетъ *θάνατον* вовсе не чѣмъ то такимъ, *отъ чего οἱ εὐδαίμονες* черезъ *φεύγειν* отворачиваются, а предметомъ, которымъ такъ *распоряжаются,* — который такъ *забираютъ въ руки,* — противъ котораго *принимаютъ такія* мѣры, чтобы не понести отъ него вреда, и чтобы онъ миновалъ *ихъ* (и русское *миновать* дополняется вещнымъ падежемъ, только въ *русскомъ* языкѣ *θάνατος* и *οἱ εὐδαίμονες* помѣнялись ролями).*)

Что глаголовыя признаковыя слова, обозначающія *движеніе* и требующія къ себѣ вещнаго падежа, какъ указателя *цѣли* этого движенія, суть не болѣе, не менѣе какъ тѣ же transitiva, это не требуетъ дальнѣйшихъ разъясненій послѣ сказаннаго на стр. 256-7.

Простыя признаковыя имена, не надѣленныя залоговыми оттѣнками, а слѣдовательно, *грамматически* никакой ни transitiv'ности, ни intransitiv'ности *не выражающія* (внутренно мы *любимъ* влагать и, когда это возможно, дѣйствительно *влагаемъ* въ нихъ такой или иной залоговой

---

*) Кто считается здѣсь съ *залогомъ* словъ *φοβέομαι* и *αἰσχύνομαι* и находитъ вещный падежъ послѣ нихъ страннымъ по *залоговому* положенію, того мы отсылаемъ ниже къ обороту *ἐρωτηθεὶς τι,* гдѣ послѣ passiv'a встрѣчается *тоже* вещный падежъ, и именно вещный падежъ *»объекта«* дѣйствія.

оттѣнокъ; сопоставь *τιμωρὸς φόνου*, Soph. Elect. 14, съ *ἔντιμος θεῶν*, Soph. Antig. 77), лишаются права на грамматическое выраженіе вещнаго падежа какъ *объекта* дѣйствія (вмѣсто него они принимаютъ къ себѣ всеобъемлющій *родовой* падежъ), но зато мыслимо соединеніе ихъ съ *другимъ* вещнымъ падежемъ. Мы имѣемъ въ виду выраженія въ родѣ *χωλός ἐστι τὸν ἕτερον πόδα* и т. п. Выраженіе *χωλός ἐστι τὸν ἕτερον πόδα* значитъ: онъ хромъ, причемъ эта хромота *простирается* на одну ногу.*)

Въ приведенной русской метафразировкѣ греческаго выраженія мы хотѣли обозначить словомъ *простирается* внутреннюю связь только что установленнаго оттѣнка вещнаго падежа съ вещнымъ »объекта дѣйствія«: и въ этомъ оттѣнкѣ — предметъ *πούς*, показанный въ вещномъ падежѣ, чувствуется находящимся въ *распоряженіи* чего то, именно въ распоряженіи самого *признака χωλός*. Ниже, впрочемъ, эта связь раскроется глубже.

Только что установленный оттѣнокъ принято отмѣчать терминомъ *σχῆμα καθ' ὅλον καὶ κατὰ μέρος*. Этотъ терминъ схватываетъ нашъ вещный падежъ слишкомъ односторонне**) и вслѣдствіе этого разрываетъ связь его съ другими оттѣнками вещнаго. *Обычный* терминъ, »вещный *отношенія*«, — невыразителенъ, такъ какъ »*отношеніе*« — слишкомъ *общее* слово. Мы бы его назвали вещнымъ »простирательнымъ«. Впрочемъ, не въ терминахъ дѣло; мы обѣщали ближе раскрыть *связь* между *этимъ* вещнымъ и вещнымъ »*объекта дѣйствія*«.

---

*) Само собою разумѣется, что и имена *существительныя*, если принимаютъ на себя роль *признаковыхъ* словъ, т. е. если попадаютъ въ тотъ или иной падежъ по *согласованію*, могутъ присоединять къ себѣ такой вещный падежъ. Какое нибудь *βραβεύς ἐστι* всегда способно соединяться съ вещнымъ падежемъ, хотя *примѣръ* подыскать трудно. Скорѣе всего можно тутъ встрѣтить вещные падежи *глагольныхъ именъ* (*θαῦμα ἰδέσθαι* = это — чудо, причемъ чудо *простирается* на *ἰδέσθαι*), но о падежахъ *глагольныхъ именъ* рѣчь еще впереди.

**) Собственно, подъ *σχῆμα καθ' ὅλον καὶ κατὰ μέρος* понимаютъ нѣчто еще *болѣе* частное, чѣмъ объясняемъ мы. Подъ него подводятъ примѣры какъ *γρηῦς σε πόδας νίψει* (Gaedicke Accus. 268), въ которыхъ встрѣчаются два *вещныхъ падежа*, — одинъ, обозначающій *ὅλον* (*σε*), а другой, указывающій на его *часть* (*πόδας*).

Сопоставляя русскій вещный падежъ съ греческимъ, мы находимъ, между прочимъ, *двѣ* особенности въ греческомъ языкѣ.

1. Греческій языкъ въ большей степени, чѣмъ русскій, прибѣгаетъ къ *внутреннему* объекту дѣйствія. Въ какомъ смыслѣ нужно различать внѣшній и внутренній объекты дѣйствія, на это было указано въ статьѣ о залогахъ: первый существуетъ *помимо* дѣйствія, а второй представляетъ собою результатъ дѣйствія (стр. 108) и, такъ сказать, лишь *въ идеѣ* »поступаетъ въ распоряженіе дѣятеля« *во время* исполненія имъ самого дѣйствія. Геометрическимъ мѣстомъ нахожденія столь частыхъ »*внутреннихъ* объектовъ дѣйствія« служитъ отвлеченіе въ *οὐσίαν* самого *дѣйствія*, соединяющагося съ такими объектами. Таковы объекты во фразахъ *ἁμαρτάνω ἁμάρτημα* и т. д., приведенныхъ на той же стр. 108. Они, въ сущности, ничѣмъ не отличаются, *какъ* »объекты«, отъ тѣхъ *οὐσίαι*, которыя, вовсе не будучи извлечены изъ самихъ признаковыхъ словъ, тоже, однако, обозначаютъ *результатъ* дѣйствія (*ποιέω ἄγαλμα* и др.).

2. Греческій языкъ, не въ примѣръ русскому, не стѣсняется ставить послѣ глаголовыхъ признаковыхъ словъ *два* вещныхъ падежа рядомъ, если дѣйствительно *два* »объекта дѣйствія« съ разныхъ сторонъ подступаютъ къ глаголовому признаку, оба *одинаково* оправдываясь на *обще*-симасіологической почвѣ. *Αἰτέω σε* на обще-симасіологической почвѣ — вполнѣ умѣстно, равно какъ вполнѣ умѣстно на *той же* почвѣ и *αἰτέω χρήματα*; по этому совершенно правильнымъ является оборотъ *αἰτέω σε χρήματα* (въ русскомъ языкѣ, хотя и *можно* сказать порознь *прошу тебя* и *прошу книгу*, но, соединивши оба выраженія въ одно, говорятъ »я попрошу *у тебя* эту книгу«). Въ *αἰτέω σε χρήματα* оба »объекта« являются *внѣшними*; въ *ἐρωτῶ σε τοῦτο τὸ ἐρώτημα* одинъ объектъ оказывается внѣшнимъ, а другой — внутреннимъ.

Если бы я, желая выразить ту же мысль, какая заключается въ *ἠρώτησά σε τοῦτο τὸ ἐρώτημα*, задумалъ,

однако, представить *σὺ* не *вещью*, которою я распоряжаюсь, а настоящимъ носителемъ *τοῦ πάθους*, и сказалъ бы *σὺ ἠρωτήθης*, — что́ станется тогда съ *τοῦτο τὸ ἐρώτημα*? Оно удержится въ вещномъ падежѣ, но останется ли тогда и »объектомъ дѣйствія«? И да, и нѣтъ. *Да* — потому, что *не могло же* оно измѣнить своего отношенія къ тому дѣйствію, которое его вызвало (оно было »объектомъ« дѣйствія какъ *результатъ*, *производимый* этимъ дѣйствіемъ, и такимъ осталось и теперь); *нѣтъ* — потому, что глаголъ выступаетъ уже не въ activ'ной *формѣ* (форма *ἠρωτήθης* выражаетъ *πάθος*, а какъ можетъ *»πάθος« »производить«* что нибудь?). Въ томъ то и дѣло, что только лишь *форма* мѣшаетъ въ данномъ случаѣ провозгласить *τοῦτο τὸ ἐρώτημα* за »объектъ дѣйствія«; но у насъ остается *еще* средство удержать сознаніе о *τοῦτο τὸ ἐρώτημα* какъ о *настоящемъ* »объектѣ дѣйствія«. Это — извлеченіе изъ »патетической« *формы* »энергическаго« *слова*. Такое извлеченіе, аналогичное тому, къ какому мы прбѣгали при предлоговыхъ оборотахъ, практиковалъ самъ *употреблявшій* языкъ, пока *»не привыкъ«* къ созданному имъ пріему и *не забылъ* о необходимости *дѣлать* самое извлеченіе*). И вотъ, кто *забылъ* о ней, кто *потерялъ*, быть можетъ, сознаніе о *τοῦτο τὸ ἐρώτημα* какъ о *настоящемъ* »объектѣ дѣйствія«, кто находится уже подъ вліяніемъ этой болѣе внѣшней« зависимости »вещнаго падежа отъ passiv'ной *формы*, тому придется понять нашъ вещный падежъ какъ »простирательный«: ты былъ спрошенъ, причемъ спрашиваніе *»простиралось«* на такой то вопросъ. Да и самое *χωλὸς τὸν ἕτερον πόδα* развѣ нельзя перевести на *κεχωλωμένος τὸν ἕτερον πόδα*? Конечно, можно, а если еще *κεχωλωμένος τὸν πόδα* перевести на *χωλόω σε τὸν πόδα*, то чѣмъ *χωλόω σε τὸν πόδα* отличается отъ *αἰτέω σε χρήματα***), и чѣмъ — *простирательный* вещный отъ вещнаго »объекта дѣйствія«?

---

*) Вотъ — отвѣтъ на поставленный выше вопросъ относительно вещнаго падежа послѣ passiv'ныхъ *φοβέομαι αἰσχύνομαι* у др.

**) Отвѣтъ на этотъ вопросъ обнаружитъ, какъ искусственно установлено понятіе *τοῦ σχήματος καθ' ὅλον καὶ κατὰ τὸ μέρος*, и съ какою насиль-

Теперь ясно, насколько тѣсно связанъ »*простирательный*« вещный съ вещнымъ »объекта дѣйствія«. Положимъ, эту связь удалось выяснить только благодаря тому, что простое признаковое удалось перевести на признаковое глаголовое. Но и въ другихъ случаяхъ, гдѣ это не удастся, тѣмъ не менѣе связь останется та же самая. Такова, на пр., фраза: *ὀλίγοι τὸν ἀριθμὸν οἱ τὴν ἀνδρείαν ἔχοντες* = немного тѣхъ, которые обладаютъ храбростью, причемъ признакъ *немногіе* простирается на *численность.* *)

Говорятъ еще о вещномъ *времени* (*τὸν λοιπὸν χρόνον ἦρχεν ὁ δεῖνα*) и о вещномъ, – не знаю, какъ его назвать, во всякомъ случаѣ его *отличаютъ*, - о вещномъ »*мѣры*«. что или (*βαθὺς πέντε πόδας*). Но если мы пойдемъ такъ далеко въ различеніи падежныхъ оттѣнковъ, и если въ *τὸν λοιπὸν χρόνον* будемъ усматривать вещный времени, а въ *βαθὺς πέντε πόδας* – вещный мѣры, то въ *φιλοῦσι τοὺς παῖδας* мы должны усматривать вещный *человѣческихъ возрастовъ*, а въ *ἥμαρτε μέγα ἁμάρτημα* вещный *ошибокъ*. *Ὁ λοιπὸς χρόνος* есть, конечно, извѣстное пространство времени, и *πέντε πόδας* – извѣстная мѣра. Но то и другое поставлено въ вещномъ падежѣ не потому, что одно — время, а другое — мѣра, а потому, что *ὁ λοιπὸς χρόνος*, что бы оно ни обозначало, человѣка ли, дубъ ли, или время, *все* поглощено дѣйствіемъ *ἄρχω***).

ственностью оторванъ этотъ незначительный оттѣнокъ отъ единаго значенія падежа.

*) Скажутъ, что при признакѣ *немногіе* указаніе на принадлежность этого признака къ *численности* — совершенно лишнее и можетъ быть объяснено только, какъ симасіологическая тавтологія. Принятіе или непринятіе симасіологической тавтологіи въ многихъ случаяхъ зависитъ отъ того, какъ далеко идетъ диференціація мысли. Въ перефразировкѣ »*если сосчитать* (*τὸν ἀριθμόν*) *тѣхъ, которые обладаютъ* храбростью, *то ихъ немного* (= простирая признакъ храбрецовъ на *численность*, нужно выразить этотъ признакъ словомъ *немногіе*) никакой тавтологіи нѣтъ. Кстати замѣтимъ, что въ нашемъ примѣрѣ падежъ *τὸν ἀριθμόν* можетъ быть замѣненъ падежемъ *τῷ ἀριθμῷ*. Въ *ἀριθμόν* выражено, что признакъ »немногіе« *простирается* на численность, а въ *ἀριθμῷ*, что признакъ этотъ *получается* отъ численности. Какъ видно, въ результатѣ выходитъ одна и та же мысль.

**) Какая, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть разница, *по вопросу* о „*значеніи*“ падежа, между фразами *онъ проначальствовалъ все остальное время, онъ проработалъ всю ночь, онъ прочиталъ всю книгу* и *онъ исписалъ всю тетрадь?*

и что на *πέντε πόδες*, что бы оно ни обозначало, *простирается* признакъ *βαθύς*. Первое есть вещный *объекта дѣйствія*, а второе- вещный *простирательный*.

Мы слышимъ возраженіе. Въ *ὁ λοιπὸς χρόνος* указывается на то, что выраженная въ немъ *οὐσία* поглощена *вся* извѣстнымъ дѣйствіемъ, а въ какомъ нибудь *νίψω σε πόδας* только *πόδες* »*поглощены*« дѣйствіемъ, но никакъ не *σε*. А между тѣмъ и *σε* поставлено въ вещномъ падежѣ. Стало быть, нужно *различать* случаи, гдѣ имѣется въ виду указать на *весь* предметъ, отъ случаевъ, гдѣ указывается на предметъ *просто* какъ на »*объектъ*, что ли, *дѣйствія.*« Это, утверждаемъ, — не возраженіе, а необходимое *пополненіе* нашихъ замѣтокъ, требующее, однако, нѣкотораго разъясненія. Мы съ самаго *начала* говоримъ о томъ, что вещный падежъ указываетъ на предметъ, поступающій цѣликомъ въ чье нибудь распоряженіе. Слово »цѣликомъ« имѣетъ *три* значенія, являющіяся тропами другъ друга. »Цѣликомъ« значитъ: 1. — что я могу дѣлать съ предметомъ, что хочу (= онъ для меня представляетъ, какъ мы, кажется, *неоднократно* выражались, *мертвый матеріалъ*); 2. — что ни одна *часть* предмета не остается незатронутою; 3. — что предметъ долженъ быть *закончен*ъ для того, чтобы могъ поступить въ мое распоряженіе. Это то »*цѣликомъ*« во *всѣхъ* своихъ значеніяхъ (послѣднее значеніе примѣнимо къ оборотамъ *μετὰ τὸν δεῖπνον τοῦτο ἐποίησα* и *διὰ τὴν νόσον* въ *причинномъ* значеніи) выясняетъ и весь вещный *падежъ*, выставляя его чѣмъ то *единымъ*.

Мы *кончили* вещный падежъ. Этимологи указываютъ на то, что *δῶρον*, *ἄρθρον* и т. п. суть формы не *именительнаго* падежа, а падежа вещнаго, наравнѣ съ *οἶκον*, *ἄνθρωπον* и. т. д.*) Мы въ свое время раздѣлили предложенія на ономатическія и риматическія. Ономатическимъ,

---

*) Brugmann (Handb. II. 119): Casuszeichen Nom. u. Acc. sg. neutr. *m* bei den *o*-Stämmen (*ζυγόν* — jugum etc.) war etymologisch mit dem Accusativzeichen *m* der geschlechtigen Stämme identisch.

— говорили мы, — греческій языкъ не въ примѣръ языку русскому, не особенно сочувствуетъ. Что же касается предложеній риматическихъ, то въ нихъ именительный падежъ (я не говорю здѣсь о »*согласующемся*« именительномъ; »согласующимся« можетъ быть *всякій* падежъ), — долженъ обозначать или дѣятеля, или вообще *носителя* того дѣйствія, которое указано въ глаголѣ. Средній родъ, — конечно, *естественный*, какимъ былъ сначала *всякій* средній родъ (сравни стр. 162), — *не можетъ* быть, собственно, носителемъ дѣйствія, — не можетъ исполнять никакого *ζῶ, περιπατέω, ζημιοῦμαι, λούομαι, διαλέγομαι* (тутъ на лицо *всѣ* пять залоговъ), не можетъ бытъ »первымъ« лицомъ, а долженъ быть *просто* »вещью«. Такимъ образомъ, хотя »по конструкціи предложенія« средній родъ часто долженъ играть роль именительнаго падежа, все равно, какъ всякій глаголъ долженъ имѣть »лицо«, хотя онъ — иногда и безличный (*ὕει, δεῖ* и т. д.), но *психологически* онъ могъ быть понятъ и въ этихъ случаяхъ за вещь, на которую *простирается* дѣйствіе, и форма для *грамматическаго* именительнаго падежа или, точнѣе, для падежа, понадобившагося *для связной* рѣчи, могла быть заимствована отъ вещнаго падежа той же связной рѣчи, а затѣмъ могла быть употребляема и для простаго поименованія *внѣ* связной рѣчи. Въ другихъ случаяхъ языкъ распорядился иначе. Мыслящій человѣкъ, давая поименованіе безполой *οὐσίᾳ*, т. е. составляя для нея »поименовательный« падежъ *внѣ* связной рѣчи, не отмѣтилъ ея поименованія *никакимъ* окончаніемъ (напр. *τὸ βρέφος*) и уже *этимъ* наложилъ на самую *οὐσίαν* печать чего то *безхарактернаго*, — не »лица«, а опять таки »*вещи*«, и форма, отмѣчавшая нѣчто при самомъ *поименованіи* его *внѣ* связной рѣчи какъ »вещь« (эго достигалось отсутствіемъ »родоваго« окончанія), могла, сама будучи формою »*поименовательнаго*« падежа, съ удобствомъ перейти въ роль того падежа, гдѣ *все* въ силу его собственнаго значенія дѣлается *вещью*, — въ роль падежа *вещнаго*. Звательнаго падежа въ среднемъ родѣ совсѣмъ не было: ибо какъ можно было звать (*καλεῖν*) то, что въ самомъ

поименованіи отмѣчено было какъ нѣчто мертвое? Не такъ мы смотримъ на формы *βασιλεῦ*, *Ζεῦ* и т. д., *также* не имѣющія окончанія, но въ то же время представляющія собою истинные *звательные* падежи. Въ этихъ формахъ мы видимъ отпечатокъ чего то *недоконченнаго*, недоконченнаго *нарочно* и имѣющаго сейчасъ же окончиться, когда оно войдетъ въ связную мысль, — отпечатокъ чего то, если такъ можно выразиться, interjectional'наго, чего то, стоящаго еще въ *преддверіи* рѣчи, такъ какъ оно лишь *устанавливаетъ* собесѣдника, съ которымъ еще только *придется* завести рѣчь, когда онъ будетъ установленъ. Это небольшое уклоненіе пусть будетъ помѣщено здѣсь въ пополненіе изложеннаго на стр. 208 и 211, а теперь вернемся опять къ *очереднымъ* вопросамъ.

Какъ предлоги присоединяли къ себѣ разные падежи, и черезъ то достигались такіе или иные оттѣнки въ предлоговыхъ оборотахъ, такъ и признаковыя слова, принимающія къ себѣ по *одному* оттѣнку вещный падежъ, могутъ по какому нибудь *другому* оттѣнку дополняться совершенно иначе. Иногда даже трудно говорить объ »*оттѣнкахъ*«; часто это — просто разные »*мотивы*«, нисколько даже *не отражающіеся* на общемъ смыслѣ вызваннаго ими оборота.

Прежде всего относительно *простыхъ* признаковыхъ именъ нужно замѣтить, что представленіе *простиранія* легко замѣняется представленіемъ »принадлежности«, и тогда вмѣсто вещнаго простирательнаго наступаетъ всеобъемлющій родовой падежъ: *ἐπιστήμων ταῦτα* значитъ »свѣдущій, причемъ свѣдѣнія его *простираются* на это«, а *ἐπιστήμων τούτων* значитъ: свѣдущій, причемъ свѣдѣнія его имѣютъ »*отношеніе*« къ этому. Кромѣ того, изъ *ἐπιστήμων* могла быть »извлечена« *οὐσία*; тогда — то, *въ чемъ* я — *ἐπιστήμων*, есть *другая οὐσία*, и фраза могла быть сведена къ »сопоставленію предмета съ предметомъ«, т. е. могла перейти во фразу *ἐπιστήμων περὶ τούτων* или *περὶ ταῦτα*. Нечего говорить, что *ἐπιστήμων* можетъ *просто* свидѣтельствовать о томъ, что у того то *есть* свѣдѣнія,

безъ отношенія къ тому, *чего* эти свѣдѣнія касаются, и тогда, конечно, въ языкѣ не выступаетъ *никакого* дополненія.

Что касается *глаголовыхъ* признаковыхъ словъ, то и при нихъ, не говоря опять таки о томъ, что они могутъ остаться безъ *всякаго* дополненія, можно встрѣтиться какъ съ »извлеченіемъ« изъ дѣйствія *τῆς οὐσίας*, — и тогда появляются предлоговые обороты (*ἀδικέω πρός τινα*, *ὑβρίζω εἴς τινα*), такъ и съ замѣною представленія »*объекта* дѣйствія« представленіемъ простаго »*отношенія*« предмета къ дѣйствію, — и тогда наступаетъ вмѣсто *вещнаго* падежа *родовой*. *Θαυμάζω*, напр., (= съ удивленіемъ смотрю), встрѣчается и съ дополненіемъ *ἀνδρείαν* и съ дополненіемъ *τῆς διανοίας τούτου* (Lys. 3. 44). Намъ скажутъ, что въ *θαυμάζω τούτου τῆς διανοίας* мы имѣемъ дѣло не съ *собственнымъ* родовымъ падежемъ, а съ удалительнымъ его оттѣнкомъ, и будутъ толковать нашъ примѣръ въ смыслѣ »я удивляюсь, *отправляясь* отъ чего то«. Отрицать ли намъ это a *priori*, или нѣтъ, этого мы еще не знаемъ, такъ какъ сами *не имѣемъ* пока надлежащаго понятія объ удалительномъ падежѣ въ *греческомъ* языкѣ. Во всякомъ случаѣ, *латинскій* языкъ, имѣющій *особую* ablativ'ную форму и *не соединяющій* этимологически Ablativ'а съ Genitiv'омъ, употребляетъ въ похожемъ на наше *θαυμάζω* случаѣ *именно* родовой падежъ. Съ одной стороны встрѣчаемъ фразу *ita sum animo affectus, ut non queam satis neque communem omnium nostrum condicionem neque hujus eventum fortunamque miserari* (Cic. Mur. 27. 55), а съ другой — *audite, quaeso, judices et aliquando misereмini sociorum* (Cic. Verr.III.28 *). Такъ и греческое *ὀλοφύρομαι* встрѣчается то съ *τοκέας* (Thuc. 2. 44.), то съ *Ἕκτορος* (Il. *χ* 169).**)

---

*) Что здѣсь въ одномъ мѣстѣ — *miserari*, а въ другомъ — *misereri*, это не имѣетъ для *нашею* случая никакого значенія, какъ можно усмотрѣть изъ замѣтокъ, помѣщенныхъ въ словарѣ Forcellini sub voce *misero*.

**) Понятно, что какое нибудь *θαυμάζω*, лишаясь *transitiv'ности*, т. е. права на *вещный* падежъ, не лишается черезъ это способности появляться въ passiv'ѣ (*θαυμάζομαι* = *мнѣ* удьвляются). *Вообще* замѣчается, что появленіе passiv'а въ греческомъ языкѣ *вовсе* не обусловлено transitiv'ностью

Когда мы при *ϑ α υ μ ά ζ ω τ ι ν ό ς* замѣняемъ—*формально* вещный падежъ родовымъ, а *внутренно* — представленіе предмета, какъ *объекта* дѣйствія, представленіемъ простой *принадлежности* предмета къ дѣйствію, то мы, въ сущности, больше ничего не дѣлаемъ, какъ только *игнорируемъ* ту »полноту« распоряженія предметомъ, на которую указываетъ вещный падежъ. Но иногда отъ появленія при глаголовыхъ признаковыхъ словахъ родоваго падежа *вмѣсто* вещнаго получается такое впечатлѣніе, какъ будто выражено не простое *игнорированіе* »полноты распоряженія предметомъ«, а прямое *отрицаніе* этой полноты и указаніе на оттѣнокъ *частичности.* Сюда относятся мѣста: *Ἕταροι λίσσοντο ἔπεσσιν τ υ ρ ῶ ν α ἰ ν υ μ έ ν ο υ ς ἰέναι πόλιν* (Od. ι 224); *π ά σ σ ε ν ἁ λ ὸ ς ϑείοιο* (Il. ι 214); *μή πω τις λ ω τ ο ῖ ο φ α γ ώ ν νόστοιο λάϑηται* (Od. ι 102); *ἄλεισον μετὰ χερσὶν ἐνώμα, ὄφρα π ί ο ι ο ἴ ν ο ι ο* (Od. χ 10) и др. Такъ и по русски говорятъ *дай воды, дай хлѣба.* То же я вижу и въ мѣстѣ Il. π 508: *Γλαύκῳ αἰνὸν ἄχος γένετο φ ϑ ο γ γ ῆ ς ἀΐοντι* (не *весь* звукъ доходитъ до его ушей), и сопоставляю данное мѣсто съ Il. κ 531: *πρῶτος κ τ ύ π ο ν ἄϊεν*, гдѣ *весь κτύπος* слышенъ. Фразеологически потомъ установилось, что, когда идетъ рѣчь о выслушиваніи *звука,* который *вообще* представляется теряющимся и ослабѣвающимъ въ воздухѣ, ставили *родовой* падежъ (*ἀ κ ο ύ ω τ ι ν ὸ ς ᾄ δ ο ν τ ο ς*, а то и просто *ἀ κ ο ύ ω τ ι ν ό ς* безъ *всякаго* глагольнаго признаковаго, такъ что не *ᾄ δ ε ι ν* представлялось источникомъ звуковъ, а самъ *τ ι ς*), а *вещный* падежъ при *ἀ κ ο ύ ω* получилъ такое значеніе, какое онъ получаетъ при *λ έ γ ω*. *Λ έ γ ω α ὐ τ ό ν* значитъ: *онъ* является объектомъ моего

---

activ'а, и греческій языкъ въ этомъ отношеніи *ясно* отмѣтилъ у себя то, о чемъ мы говорили уже на стр. 372-3, т. е. что *носитель πάϑους*, указаніе на котораго ведетъ часто къ *passiv'ной* формѣ, есть нѣчто *совершенно* другое, чѣмъ »*вещь*«, указаніе на которую ведетъ къ появленію вещнаго падежа, и что одно отъ другого совершенно не зависитъ. Извѣстно, напр., что *ἄρχω* по извѣстному мотиву, о которомъ рѣчь ниже, въ activ'ѣ всегда дополняется genitiv'ною формою, и въ тоже время появляется *ἤ ρ χ ο ν τ ο* въ смыслѣ »ими управляли«, причемъ эти *они* выставлены *настоящими* носителями *τοῦ πάϑους*. Вотъ почему мы, заговоривъ въ статьѣ о залогахъ о passiv'ныхъ формахъ обращались такъ осторожно съ терминомъ »прямой переводъ«.

λέγειν (*ὅπερ καὶ λέγω* = *что* я въ данномъ случаѣ и *разумѣю* = о чемъ въ данномъ случаѣ я и говорю; *τοῦτ' ἄρ' ἐκεῖνό ἐστι, ὅπερ καὶ ἔλεγον* = *объ этомъ* была рѣчь). Такъ и *ἀκούομεν αὐτοὺς νικήσαντας* имѣетъ смыслъ: мы слышимъ *о нихъ*, побѣдившихъ (*νικήσαντας* есть согласующееся имя; ср. стр. 202) = мы слышимъ о нихъ, что они побѣдили.

Спрашивается: та *частичность*, которую мы усматриваемъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ, составляетъ ли она непосредственную симасіологическую *задачу* родоваго падежа, или же вытекаетъ только лишь изъ совершающагося въ нашей мысли *противопоставленія* родоваго падежа вещному? Другими словами: въ *данномъ* родовомъ падежѣ имѣемъ ли мы дѣло только съ *отрицаніемъ* »полноты распоряженія предметомъ«, или съ частичностью, какъ чѣмъ то положительнымъ? Въ виду всего, что мы слышали о родовомъ падежѣ и имѣемъ еще услышать, я рѣшалъ бы этотъ вопросъ въ *первомъ* смыслѣ: что нибудь *положительное* родовымъ падежемъ *не выражено*.

Вещный падежъ чередуется при глаголовыхъ признаковыхъ словахъ и съ *личнымъ*. *Κελεύω*, какъ и латинское *jubeo*, соединяется обыкновенно съ *вещнымъ* падежемъ, и *получающій* приказаніе представляется въ такомъ случаѣ *вещью*, которою я, повелѣвающій, распоряжаюсь. Но это представленіе легко могло перейти въ другое (по русски *всегда* говорятъ »повелѣваю *кому*«): на *получающаго* приказаніе можно смотрѣть какъ на *помощника* мнѣ, повелѣвающему. Такъ читаемъ у Омира: *τά γέ δή νοέοντι κελεύεις* (Od. ρ 193); *ἀμφιπόλοισι κέλευε ἔργον ἐποίχεσθαι* (Il. ζ 491); *ἀλλήλοισι κέλευον ἅπτεσθαι νηῶν* (Il. β 151). Во всѣхъ этихъ примѣрахъ слово *κελεύω* получаетъ такой же смыслъ, какой имѣетъ слово *ὁμοκλέω* въ *ὁμόκλεον ἀλλήλοισι* (Il. ο 658 = какъ бы, »приговаривали другъ другу« = поощряли другъ друга) и *κέλομαι* въ *πρόσω ἵεσθε καὶ ἀλλήλοισι κέλεσθε* (Il. μ 274). Вещный падежъ чередуется съ личнымъ и при *ποιέω*. *Ποιέω τινί τι* значитъ: дѣлать кому нибудь что нибудь, такъ чтобы этотъ кто-ни-

будь, какъ *лицо*, могъ такъ или иначе *отнестись* къ дѣлаемому мною, т. е. либо имъ воспользоваться, либо принять его на себя какъ *πάθος*. *Ποιέω τινά τι* значитъ »*трактовать* кого нибудь такъ или иначе«. Сравни еще: *λοιδορέω τινά* (Aristoph. Equ. 1271: *λοιδορῆσαι τοὺς πονηροὺς οὐδέν ἐστι ἐπίφθονον*) = ругать *кого*; *λοιδοροῦμαί τινι* (Aristoph. Pl. 456: *τί λοιδορεῖ ἡμῖν παρελθοῦσ' οὐδ' ὁτιοῦν ἀδικουμένῃ*) = наговорить *кому* дерзостей; *ὠφελέω τινά* = поддерживать *кого* (нравственно); *βοηθέω τινί* = помагать *кому* и т. д.

Чередованіе вещнаго падежа съ *творительнымъ* видно на *ἀριθμόν* и *ἀριθμῷ*, упомянутомъ на стр. 374 въ подстрочномъ примѣчаніи. Также можно указать на *ὕει*. Пиндаръ (Ol. 7. 50) говоритъ *πολὺν ὗσε χρυσόν**) (дождь сыпалъ *золото*), а у Иродота (1. 87) встрѣчаемъ *ὗσαι ὕδατι λαβροτάτῳ* (какъ *мы* говоримъ »посыпало *градомъ*«).

О чередованіи или нечередованіи вещнаго съ мѣстнымъ и удалительнымъ пока говорить рано. Перейдемъ къ *родовому* падежу.

Родовой падежъ является родовымъ въ двухъ отношеніяхъ. Вопервыхъ замѣчается, что, хотя онъ и служитъ, наравнѣ съ другими косвенными падежами, симасіологическимъ дополненіемъ какъ глаголовыхъ признаковыхъ словъ, такъ и простыхъ признаковыхъ именъ, хотя въ немъ, выражаясь иначе, наравнѣ съ другими косвенными падежами обозначено «отношеніе« извѣстной *οὐσίας* къ извѣстному признаку, но само это отношеніе не имѣетъ никакого *специіальнаго* оттѣнка въ родѣ тѣхъ, какіе мы находимъ въ другихъ падежахъ. До какого разнообразія доходитъ здѣсь языкъ, — разнообразія, не поддающагося *рѣшительно* никакому другому объединяющему опредѣленію кромѣ того, которое можно назвать развѣ только простымъ *констатированіемъ* отношенія *τῆς οὐσίας* къ признаку, видно изъ слѣдующихъ примѣровъ:

---

*) Transitiv'ное пониманіе слова *ὕειν* могло отразиться и на предметѣ, который *промокаетъ* отъ дождя или вообще *орошаетсн* дождемъ (*ὗε τὴν Θήρην*; Herod. 4. 151).

ἐπιταχύνετον τῆς ὁδοῦ τοὺς σχολαίτερον προσιόντας (Thuc. 4. 47.) = *потороните, по вопросу о пути*, тѣхъ которые . . .

Μαγνησία προσφέρει πεντήκοντα τάλαντα τοῦ ἐνιαυτοῦ (Thuc. 1. 138.) = *имѣя въ виду годъ*, она *приноситъ* . . .

οὐδείς με ἠρώτηκε καινὸν οὐδὲν πολλῶν ἐτῶν (Plat. Georg. 448 a) = считаясь съ *большимъ* числомъ *лѣтъ*, я могу сказать, что никто меня не спрашивалъ . . .*)

ὦ μακάριοι σφω τῆς θαυμαστῆς φύσεως (Plat. Euthyd. 303 c) = *счастливцы, если принять во вниманіе характеръ* . . .

αὐτὸς ἀντίον ἷζεν Οδυσσῆος θείοιο τοίχου τοῦ ἑτέρου (Il. ι 218) = *сидѣлъ, избравъ для этого другую стѣну. θέειν πεδίοιο* (Il. ζ 507) = *бѣжать, причемъ къ означенному въ словѣ »бѣжать« движенію приводится въ отношеніе равнина.* Однороднымъ съ *θέειν πεδίοιο* является извѣстное *πρήσσειν ὁδοῖο* (Od. γ 476, ο 47, 219, Il. ω 264).

τὸν ἄνδρ' ἐπαυδῶ τοῦτον, ὅστις ἐστί, γῆς τῆςδε μὴ εἰσδέχεσθαι (Soph. Oed. r. 236) = *не принимать, поскольку это касается этой земли.*

ἵππος ἢν κακουργῇ, τὸν ἵππον κακίζομεν· τῆς δὲ γυναικός, εἰ κακοποιεῖ, ἴσως δικαίως ἂν ἡ γυνὴ τὴν αἰτίαν ἔχοι (Xen. Oec. 3. 11) = *что же касается женщины* . . . Въ этомъ примѣрѣ не подберешь даже слова, отъ котораго бы »зависѣлъ« падежъ *γυναικός*; къ нему относится скорѣе цѣлая *мысль*, выраженная *нѣсколькими* словами, и по вопросу о зависимости его отъ *признака* нужно бы повторить то же, что мы сказали объ этическомъ личномъ на стр. 367.

Увеличивать число этихъ примѣровъ нечего. Изъ нихъ видно, что совершенно неосновательна была бы попытка отыскивать какое нибудь *положительное* значеніе родоваго

---

*) Особенно при *отрицаніяхъ* греческій языкъ любитъ ставить родовые падежи тѣхъ *οὐσιῶν*, которыя обозначаютъ пространство времени: *οὐ μαχεῖται δέκα ἡμερῶν* = не завяжетъ сраженія въ продолженіи десяти дней.

падежа *), и что та *частичность*, о которой мы разсуждали по поводу родоваго падежа на стр. 380, есть *дѣйствительно* нѣчто, что *не* заключается въ самомъ *родовомъ* падежѣ, а вытекаетъ лишь изъ *противопоставленія ему* падежа *вещнаго*.

Но родовой падежъ оказывается »родовымъ« и въ томъ отношеніи, что онъ »зависитъ« не только отъ признаковыхъ словъ, но и отъ именъ *существительныхъ*. Входя въ зависимость отъ именъ существительныхъ, онъ, такимъ образомъ, пригоденъ для »сопоставленія предмета съ предметомъ« и исполняетъ *одинъ*, опять таки *генически*, то, что въ другихъ случаяхъ, согласно такому или иному *специальному* оттѣнку »сопоставленія«, выражается такимъ или инымъ *предлоговымъ оборотомъ*. Въ этомъ отношеніи родовой падежъ является, такъ сказать, преддверьемъ къ тѣмъ composit'амъ, которыя составлены не изъ предлоговъ и ономатоприматическихъ темъ, а исключительно изъ послѣднихъ. Мы имѣемъ въ виду такія composit'а, какъ напр. *ἀστυγείτων*, *ἡμεροδρόμος*, *δημιουργός*, *τειχομαχία* и т. п.

Обыкновенно различаютъ четыре оттѣнка въ родовомъ падежѣ, когда онъ зависитъ отъ имени существительнаго: 1. genitivus possessivus (*οἱ Μένωνος*; *οἱ* есть здѣсь *формальное* имя существительное); 2. genitivus subjectivus и objectivus (*εὔνοια Ἀθηναίων* = расположеніе, оказываемое *Аѳинянамъ*, или расположеніе, оказываемое *Аѳинянами*); 3. genitivus quantitatis и materiae (*ἄλσος δένδρων*, *στέφανος θαλλοῦ*, *στατὴρ χρυσοῦ*); 4. genitivus partitivus (*νεανίσκοι τῶν ἱππέων*).

Въ сущности всѣ эти genitiv'ы — possessiv'ные, т. е. всѣ они обозначаютъ такую или иную *принадлежность* одной *οὐσία* къ другой, такъ что *первый* терминъ является указывающимъ на нѣчто *общее*, а остальные три указываютъ на

*) Напрасно жалуется Дельбрюкъ (Grundr. III. 181), dass die Lehren der indischen Grammatik den Genitiv nur negativ definieren. Дельбрюкъ сознаетъ, что нынѣшняя грамматика *не въ состояніи* einen einheitlichen Grundbegriff für den Casus aufzustellen; мы же находимъ, что въ этомъ „отрицательномъ“ опредѣленіи родоваго падежа и заключается то Einheitliches, котораго ищетъ Дельбрюкъ.

частности этого »общаго«, — на частности, бросившіяся только *случайно* въ глаза: въ терминѣ *genitivus partitivus* указывается на *логическую* принадлежность одной *οὐσία* къ другой (на вхожденіе логическаго объема одной *οὐσία* въ логическій объемъ другой); термины *genitivus subjectivus* и *objectivus* созданы на чисто *синтаксической* почвѣ и вышли изъ превращенія въ *глаголы* тѣхъ именъ существительныхъ, *отъ которыхъ* »зависитъ« родовой падежъ; терминъ *genitivus quantitatis* основанъ на *сенсуальной* сторонѣ значенія того существительнаго, которое дополняется родовымъ падежемъ (вѣсъ, счетъ, количество), а терминъ genitivus materiae, хотя его обыкновенно группируютъ съ genitiv'омъ quantitatis въ одно, однако представляетъ собою нѣчто совершенно особое и основанъ на сенсуальной сторонѣ *отношенія* обоихъ существительныхъ, какъ дополняющаго, такъ и дополняемаго (вѣнокъ и вѣточка; отношеніе вѣнка и вѣточки такое, что вѣнокъ *сдѣланъ* изъ вѣточки). А можетъ быть, и *genitivus possessivus* указываетъ на нѣчто *частное?* — можетъ быть, имъ хотятъ указать на то, что *οὐσία*, обозначенная въ томъ существительномъ, *отъ котораго*« зависитъ« родовой падежъ, составляетъ *собственность* другой *οὐσία?* Въ такомъ случаѣ и *этотъ* терминъ основанъ на сенсуальной сторонѣ *отношенія* обоихъ существительныхъ. Не слѣдуетъ ли тогда *все* перевести на сенсуальную сторону *отношеній* между дополняющимъ и дополняемымъ существительными? Это было бы самое правильное principium divisionis (его мы *вообще* держались при опредѣленіи значеній падежей), но какъ же потомъ произвести по этому principium самую divisionem? И куда мы дѣнемся съ явленіями *Τροίης πτολίεθρον*, *χρῆμα συός*, или съ такимъ примѣромъ, какъ *αἱ ταφαὶ εἰσὶ εἰσιόντι ἀριστερῆς χερός* (Herod. 2. 169)? Не лучше ли просто сказать, что *οἱ* такъ или иначе *принадлежатъ* Менону, что *εὔνοια* такъ или иначе *принадлежитъ* Аѳинянамъ, что *ἄλσος*, *στέφανος*, *στατήρ* и *νεανίσκοι* такъ или иначе *принадлежатъ* рощѣ, вѣточкѣ, золоту и всадникамъ, что *πτολίεθρον*, *χρῆμα*, *ταφαί* такъ или иначе *принадлежатъ* Троѣ, свиньѣ и правой рукѣ?

Не объявить ли *всѣ* эти genitiv'ы за possessiv'ные, — за possessiv'ные въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, въ смыслѣ указанія на то, что нѣчто одно »относится« къ чему то другому, а кáкъ оно относится, — это оставить *безъ* отвѣта, т. е. искать *единство* значенія родоваго падежа опять таки въ *отрицательной* сторонѣ и признать *его*, этотъ родовой падежъ, именно въ *этомъ* смыслѣ »родовымъ«.

Такъ какъ для появленія въ рѣчи родоваго падежа достаточно простаго *игнорированія* тѣхъ *спеціальныхъ* оттѣнковъ, которые могли бы быть выражены черезъ другіе падежи или черезъ предлоговые обороты, то нечего задумываться надъ чередованіемъ *родоваго* падежа съ *разными* предлоговыми оборотами и со *всѣми* падежами. Чередованіе родоваго падежа съ *предлоговыми* оборотами имѣетъ мѣсто прежде всего тамъ, гдѣ родовой падежъ зависитъ отъ имени *существительнаго*, т. е. гдѣ *непремѣнно* уже идетъ рѣчь о сопоставленіи *предмета* съ *предметомъ*: вмѣсто *νεανίσκοι τῶν ἱππέων* можно сказать »*νεανίσκοι ἐκ τῶν ἱππέων*«, вмѣсто *εὔνοια Ἀθηναίων* встрѣчаемъ »*εὔνοια παρ' Ἀθηναίων*«, а то и »*εὔνοια πρὸς Ἀθηναίους*« и. т. д. Да и не только съ *предлоговыми* оборотами можетъ чередоваться такой родовой падежъ, но также и съ тѣмъ *личнымъ* падежемъ, который »подчиняетъ вещь лицу« (см. выше стр. 368): вмѣсто *ἐγκώμια τοῖς ἀγαθοῖς* даже *чаще* употребляется *ἐγκώμια τῶν ἀγαθῶν*. Что же касается родоваго падежа, зависящаго отъ *признаковыхъ* словъ, то чередованіе его съ *предлоговыми* оборотами можно выяснить на »*ἔντιμος πρὸς θεῶν*« вмѣсто Софокловскаго *ἔντιμος θεῶν* (ср. стр. 371), о чередованіи его съ *вещнымъ* падежемъ мы уже говорили *выше* (стр. 377), *личный* падежъ рядомъ съ родовымъ мы видимъ напр. при словѣ *ἑταῖρος* (*ἑταῖρός τινος* и *ἑταῖρός τινι*; сопоставь *ἑταρίζω τινί* Il. ω 335), а *творительный* рядомъ съ родовымъ встрѣчается напр. при словѣ *πλήρης* (*τὸ φρόνιμον καὶ ἀρετῆς πλῆρες* — Plat. leg. 897 b — и *μιγάσιν Ἕλλησι βαρβάροις δ' ὁμοῦ πλήρεις ἔχουσα πόλεις* — Eur. Bacch. 18). И хотя мы мѣстнаго падежа еще

не окончили, тѣмъ не менѣе нечего откладывать указаніе на родовой *οἰκίας* въ смыслѣ *мѣстнаго* падежа, а что касается, наконецъ, *удалительнаго* падежа, то родовой падежъ принимаетъ даже *всю* его функцію *на себя*.

Объ удалительномъ падежѣ мы предположили, что онъ первоначально указывалъ на этическую область, отъ которой отправляется дѣйствіе. Затѣмъ мы его встрѣтили при предлогахъ, которымъ онъ, »огрубѣвъ«, »*помогаетъ* въ обозначеніи *удаленія предмета отъ предмета*« (смотри объ этомъ стр. 268). Спрашивается: въ состояніи ли онъ *самъ* обозначать удаленіе? Ставя этотъ вопросъ, мы имѣемъ въ виду *прежде всего* рѣшить, можетъ ли удалительный падежъ *безъ помощи* предлоговъ указывать на удаленіе предмета отъ предмета, подобно тому какъ *мѣстный* падежъ, *безъ помощи* предлоговъ (сравни *τὰ Μαραϑῶνι τροπαῖα* стр. 358), былъ способенъ указывать на нахожденіе предмета въ предметѣ? Отвѣтъ получается *отрицательный*: самъ удалительный падежъ въ именахъ существительныхъ этимологически *не обособленъ*, какъ обособленъ въ нихъ хоть *до нѣкоторой степени* падежъ *мѣстный*, а какое нибудь *τὰ Ἰλίου τείχεα* мы можемъ толковать всегда лишь въ смыслѣ *родоваго*, и *никогда не* въ смыслѣ *удалительнаго* падежа.

Удалительный падежъ, неспособный *самъ*, *безъ* предлоговъ, указывать на удаленіе предмета отъ предмета, въ то же время, однако, способенъ на такое явленіе, какъ *βάλεν μιν ἰφ τείχεος ὑψηλοῖο* (Il. *β* 511). Хотя въ данномъ примѣрѣ удалительный падежъ и зависитъ отъ признаковаго слова, что ему, въ качествѣ *простаго* падежа, вполнѣ приличествуетъ, но всякій видитъ, что имъ въ сущности выражено здѣсь не больше, чѣмъ *могло быть выражено* формою на *ϑεν*, которая, *конечно*, обозначая »просторъ, *откуда* исходитъ *дѣйствіе*,« имѣла мѣсто *прежде всего* возлѣ *признаковыхъ* словъ, какъ и само дѣйствіе, предполагая »дѣятеля«, является *признакомъ* этого дѣятеля. Такимъ образомъ, въ *βάλεν μιν τείχεος ὑψηλοῖο* удалительный падежъ высказалъ лишь способность вытѣснить форму на *ϑεν*, и нельзя сказать, чтобы далеко ушелъ въ »*огру*-

бѣніи« значенія отъ *мѣстнаго* падежа, который и до своего *τὰ Μαραθῶνι τροπαῖα*, т. е. и до своей зависимости отъ именъ *существительныхъ*, дошелъ *только* благодаря своей способности вытѣснять формы на *θι* или, какъ мы выражаемся, благодаря своему *просторовому* значенію (ср. стр. 272 и 359).

Нѣтъ сомнѣнія, что аналогія, которая только что получилась между мѣстнымъ и удалительнымъ падежами относительно »огрубѣнія« въ ихъ значеніи, есть только *кажущаяся*. На дѣлѣ между обоими падежами — *громадная* разница. Уже то обстоятельство, что удалительный падежъ, хотя бы и съ своимъ »огрубѣвшимъ«, т. е. *просторовымъ* значеніемъ на вопросъ *откуда, не можетъ* зависѣть отъ имени существительнаго, *сильно* отодвигаетъ удалительный падежъ отъ *мѣстнаго* и придвигаетъ его къ *другимъ* косвеннымъ падежамъ. Но кромѣ того есть еще два соображенія, которыя уничтожаютъ *всякую* мысль о какомъ бы то ни было сближеніи мѣстнаго падежа съ удалительнымъ.

Вопервыхъ, »огрубѣвшее« *просторовое* значеніе продержалось въ удалительномъ падежѣ недолго. Приведенное выше *βάλεν μιν ἶφι τείχεος ὑψηλοῖο* составляетъ и у Омира рѣдкость, а въ аттической прозѣ подавно должно быть замѣнено предлоговымъ оборотомъ,*) гдѣ уже разсужденіе объ »огрубѣвшемъ« *просторовомъ* значеніи *не имѣетъ мѣста, если только* самъ *простой*, т. е. не *съ предлогами* встрѣчающійся удалительный падежъ развилъ еще какіе нибудь *другіе* симасіологическіе оттѣнки *помимо* просторового.**) Не то мы видимъ въ мѣстномъ падежѣ. Не только

*) Подъ »предлоговые обороты« я подвожу въ данномъ случаѣ и явленія въ родѣ *ἐξήλασε ὀδόντας γναθμῶν* и т. п.; ибо, хотя *ἐξ* попало въ compositum, но падежъ *γναθμῶν* находится подъ его *непосредственнымъ* вліяніемъ (сравни выше стр. 324).

**) Если бы мы при такомъ условіи захотѣли усматривать »огрубѣвшее« просторовое значеніе и въ *предлоговыхъ* съ удалительнымъ падежемъ оборотахъ, то что же тогда мѣшало въ какомъ-нибудь *εἰς γῆν* усматривать *тоже* »огрубѣвшее« *просторовое* значеніе, — а именно »огрубѣвшее« просторовое значеніе на вопросъ *куда*? Но какъ о чемъ нибудь подобномъ не пришлось говорить въ какомъ бы то ни было предлоговомъ съ *вещнымъ* падежемъ оборотѣ, а *вездѣ* въ такихъ оборотахъ вещный падежъ шелъ на-

у Омира, но и въ аттическомъ языкѣ мы находимъ *частые* примѣры на зависимость его, въ его *огрубѣвшемъ* значеніи, какъ отъ имени существительнаго, такъ и отъ признаковаго: »*Τὰ Μαραθῶνι τροπαῖα*« взято изъ Платона, *στήλας δὲ στῆσαι Ὀλυμπίασι καὶ Πυθοῖ καὶ Ἰσθμῷ καὶ Ἀθήναις*« сказано у Өукидида (5. 18), »*ἡ δὲ οἴκοι πόλις πλέον δίκῃ σέβοιτο ἄν*« встрѣчается у Софокла (Oed. C. 759) и т. д. Конечно, просторовое значеніе формъ на *θι–θεν–δε* *вообще* перенимали *предлоговые* обороты (ср. стр. 248); просторовое значеніе формы на *θι* въ *частности* перенялъ предлоговый оборотъ съ *ἐν*. Такимъ образомъ, наши мѣстные падежи съ »огрубѣвшимъ« просторовымъ значеніемъ вполнѣ равняются предлоговымъ оборотамъ съ *ἐν*. Они на дѣлѣ и *чередуются* постоянно съ этими предлоговыми оборотами, а что предлоговые обороты не могли ихъ *вытѣснить*, этимъ они обязаны *именно* этимологической обособленности *нѣкоторыхъ* своихъ формъ. Разъ имѣлась въ языкѣ форма *Ἰσθμοῖ* рядомъ съ *Ἰσθμῷ*, то выраженіе *ἐν Ἰσθμῷ* представлялось возникшимъ въ языкѣ и на дѣлѣ и *возникло* и *вошло* въ языкъ, такъ сказать, совершенно другою *дорогою*, чѣмъ возникло и вошло въ языкъ *Ἰσθμοῖ* съ своимъ *просторовымъ* значеніемъ. И такъ какъ оба они вошли въ языкъ съ двухъ совершенно *противоположныхъ* сторонъ, то и встрѣтились вполнѣ *упрочен-*

встрѣчу предлогамъ своимъ *общимъ* значеніемъ (напр. въ выраженіе *εἰς οὐρανόν*, если оно *вообще* чувствовалось въ *просторовомъ* значеніи, т. е. если оно *вообще* замѣняло собою форму *οὐρανόνδε*, это *просторовое* значеніе было внесено самимъ предлогомъ *εἰς*, а не *вещнымъ* падежемъ, и было внесено во *весь* предлоговый оборотъ, а не въ *вещный* падежъ), такъ не придется говорить о чемъ нибудь подобномъ и въ предлоговыхъ съ *удалительнымъ* падежемъ оборотахъ, если — повторяемъ — удалительный падежъ *самъ по себѣ* дѣйствительно *развилъ* какіе нибудь другіе симасіологическіе оттѣнки кромѣ простороваго. Да и самый просторовый оттѣнокъ въ *βάλεν μιν τείχεος ὑψηλοῖο*, засвидѣтельствованный нами какъ явленіе исключительное, нужно ли въ такомъ случаѣ особенно *подчеркивать* какъ отдѣльный *моментъ* въ развитіи значенія удалительнаго падежа? Если удалительный падежъ развилъ *другіе* симасіологическіе оттѣнки, то не обстоитъ ли дѣло съ просторовымъ значеніемъ нашего примѣра приблизительно такъ, какъ оно об.тояло съ какимъ нибудь *ἵεναι Τροίην* на стр. 258? Какъ тамъ мы ни о какомъ просторовомъ значеніи не думали, такъ, быть можетъ, не слѣдуетъ думать о немъ и здѣсь.

ными и *не желавшими* уступить другъ другу господство въ языкѣ. Затѣмъ, разъ *Ἰσθμοῖ* и *οἴκοι* и т. п. удерживали за собою право обозначать то же самое, что обозначаетъ *ἐν οἴκῳ* и *ἐν Ἰσθμῷ*, то за ними пошли и *обыкновенныя δοτικαί, не нуждаясь* даже въ сознаніи, что нѣкоторыя изъ нихъ первоначально и *были*, собственно, мѣстными падежами: и слова *Ἰσθμῷ*, *Ἐλευσῖνι*, *Ῥαμνοῦντι*, *Δελφοῖς*, *Πλαταιαῖς* держатся огрубѣвшаго простороваго значенія словъ *οἴκοι*, *Ὀλυμπίασι* и т. д.

Вовторыхъ, мѣстный падежъ кромѣ »огрубѣвшаго« *простороваго* значенія *ничего* въ себѣ *не развилъ**) (если не считать того temporal'наго значенія, которое замѣчается въ *τῇδε τῇ νυκτί*, *τῇ δὲ ὑστεραίᾳ*, *ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ*, *Παναθηναίοις*, *Διονυσίοις* и т. п.**), тогда какъ удалительный падежъ развилъ въ себѣ другіе, довольно крупные симасіологическіе оттѣнки.

Болѣе крупные симасіологическіе оттѣнки удалительнаго падежа суть:

Удалительный падежъ при сравнительныхъ степеняхъ и *вообще* при признаковыхъ словахъ, обозначающихъ *стоять выше или ниже другого*. Такъ, по гречески говорятъ *κρείττων ἐστὶ σοῦ* (по сербски »он je jaчи од тебе« = онъ — сильнѣе *отъ* тебя), *ἡττᾶται σοῦ* (Thuc. 4. 37) и т. д.

---

*) Въ примѣрахъ »*ἐπλέομεν Βορέῃ ἀνέμῳ ἀκραέι καλῷ*« (Od. ξ 253) и »*ἐπεὰν Βορέῃ ἀνέμῳ αὐτήμερον νηῦς ἐξανύσῃ ἐκ τῆς ὑμετέρας εἰς τὴν ἡμετέραν*« (Herod. 6. 139) мы усматриваемъ *творительный* падежъ. Выраженія *τῷ σε κακῇ αἴσῃ τέκον ἐν μεγάροισιν* (Il. α 418) и извѣстное *ἀγαθῇ τύχῃ* заключаютъ въ себѣ или *личные*, или *творительные* падежи.

**) Мы можемъ его *не считать*, вопервыхъ, потому, что съ точки зрѣнія языковыхъ средствъ temporal'ное значеніе *вообще* не представляетъ собою, какъ на то уже указывалось (сравни особенно стр. 230.), ничего *отличнаго* отъ local'наго, а вовторыхъ и потому, что мы даже не знаемъ, не представляютъ ли *Διονυσίοις* и прочее — *творительный* падежъ, какъ это выяснено на стр. 357. по поводу выраженія *Θεσμοφορίοις*. Если рядомъ съ *τῇδε τῇ νυκτί* говорятъ *ἐν νυκτί*, и въ *ἐν νυκτί* заключается несомнѣнно *мѣстный* падежъ, то это не мѣшаетъ слову *νυκτί* въ *первомъ* оборотѣ быть *творительнымъ* падежемъ: »этою ночью« есть *одно*, а »въ ночи« — *другое* (первое рисуетъ картину *причинности* = *благодаря* ночи нѣчто случилось, второе же — картину *помѣщенія* чего нибудь въ чемъ нибудь), хотя въ *результатѣ*, т. е. для *общей* мысли, получается отъ того и отъ другого нѣчто *совершенно* одинаковое.

Ziemer (indogerm. Compar. 5) совершенно правильно борется съ мнѣніемъ, будто латинская ablativ'ная форма, встрѣчающаяся при сравнительныхъ степеняхъ, есть instrumentalis; онъ всѣмъ своимъ сочиненіемъ какъ нельзя тверже обосновываетъ положеніе, что падежъ *сравнительной* степени есть *удалительный* падежъ. На стр. 8. своей книги онъ указываетъ на »*отдѣленіе*« какъ на нѣчто такое, что въ *данномъ* случаѣ выражено самимъ *падежемъ*. При этомъ онъ разумѣетъ не отдѣленіе »*предмета* отъ предмета« (такое »отдѣленіе« вызвало бы появленіе *предлога*, какъ мы его и *видимъ* въ сербскомъ языкѣ, который *дѣйствительно* свелъ оборотъ при сравнительной степени къ представленію *удаленія одного* изъ сравниваемыхъ предметовъ отъ *другого*: я отъ тебя удаленъ тѣмъ, что я сильнѣе), а отдѣленіе *признака*, который »въ *неравной* степени долженъ быть *отвлеченъ* отъ сравниваемаго предмета и долженъ быть мыслимъ какъ *отличный* отъ признака *послѣдняго*« (es kann dieser Casus derjenige sein, welcher sonst die *Trennung* bezeichnet und im Vergleichungssatze angiebt, dass die Eigenschaft ungleichen Grades astrahiert werden muss *weg* von dem verglichenen Gegenstande, dass sie gedacht wird im *Unterschiede* von derselben). Мы бы сказали, придерживаясь, какъ основнаго, того *этическаго* значенія, въ силу котораго удалительный падежъ указывалъ на выраженное въ немъ какъ на точку *отправленія для дѣйствія*, — мы сказали бы, что напр. *πρεσβύτερός εἰμι σοῦ πέντε ἔτεσι* значитъ: для того, чтобы моя старость оказалась *больше*, для того, чтобы она получила извѣстный *ростъ*, нужно этому росту отправиться отъ *тебя*, какъ начала своего развитія, причемъ ростъ этотъ (т. е. *предѣлы* его развитія) опредѣляется (= »созидается«, какъ мы выражались, опредѣляя значеніе творительнаго падежа) пятью годами.*) Такъ и Өукидидов-

---

*) Къ оборотамъ сравнительныхъ степеней любятъ присоединять выраженіе *ἄρχω τινός* въ смыслѣ *я начальствую надъ кѣмъ* (слово *начальствую* уравниваютъ съ фразою *я выше стою*). Это, по моему мнѣнію, неправильно. Въ указанномъ выраженіи падежъ *τινός* долженъ же быть одинаковъ съ падежемъ *того же* выраженія, когда оно имѣетъ значеніе *я начинаю что-нибудь* (въ смыслѣ *я первый что нибудь дѣлаю*), а въ послѣднемъ случаѣ это,

ское *ἀξιολογώτατός ἐστι πάντων τῶν προγεγενημένων πολέμων* (удалительный падежъ, какъ извѣстно, можетъ встрѣтиться и при *превосходной* степени) я толкую: Пелопоннисская война — самая замѣчательная, причемъ *точкою отправленія* для измѣренія *высоты* этой замѣчательности ея служатъ всѣ *прежде* бывшія войны. Вносить въ толкованіе нашихъ примѣровъ »отдѣленіе« (Trennung) я несогласенъ потому, что *»отдѣленіе«* предполагаетъ предварительное *соединеніе,* а тутъ ни о какомъ предварительномъ *соединеніи* не можетъ быть и рѣчи; кромѣ того, если какое нибудь *sejungo* (= отдѣляю) или discrepo (Ziemer вноситъ въ толкованіе нашего удалительнаго и слово *Unterschied*) соединяются съ удалительнымъ падежемъ, то это не даетъ намъ еще никакого права утверждать (это — *постоянная* ошибка нашихъ синтаксистовъ при опредѣленіи значенія падежей), что эта sejunctio или discrepantia выражена въ *самомъ* удалительномъ падежѣ.

На второмъ мѣстѣ мы поставимъ выраженія *ἔρημός τινος, ἐλεύθερός τινος, γυμνὸς τῶν ὅπλων* и т. п. Не есть ли здѣсь *»τινός«* *родовой* падежъ? Въ этомъ вопросѣ нельзя найти ничего страннаго: »я свободенъ *относительно* чего нибудь« представляется фразою, вполнѣ способною передать то, что мы чувствуемъ при произношеніи оборота *ἐλεύθερός εἰμί τινος*, развѣ что мы не знали бы, свободенъ ли я *»относительно«* чего нибудь въ томъ смыслѣ, что я *могу* этимъ заняться, или въ томъ, что мнѣ *не придется больше* этимъ заниматься. Но такія недоумѣнія возникаютъ *часто* и исчезаютъ только потому, что мы *привыкаемъ* за *данною* фразою считать только *одно,* а не *другое* значеніе. Что значитъ *помочь бѣдѣ?* — помочь ей, чтобы она *осуществилась,* или, чтобы ея *не было?**) Все это, впро-

несомнѣнно, *собственный* родовой падежъ. Оба эти значенія имѣютъ свой снмасіологическій центръ въ выраженіи »я полагаю *начало* по отношенію къ *кому нибудь* (= начальствую), или по отношенію къ *чему нибудь«* (= я *первый* что нибудь дѣлаю = я *начинаю* дѣлать, чтобы другой продолжалъ; если я *начинаю* и самъ же *продолжаю,* т. е. если я начинаю что нибудь *для себя,* то грекъ говоритъ — это вполнѣ понятно — *»ἄρχομαί τινος«*).

*) Что значитъ *»для скуки«?* Значитъ ли это, »чтобы *разогнать* скуку«, или »чтобы ее *»начать«?*

чемъ, — напрасныя разсужденія. Что въ *ἐλεύθερός τινος* мы имѣемъ дѣло *именно* съ удалительнымъ падежемъ, а не съ *собственнымъ* родовымъ, доказываетъ *чередованіе* этого оборота съ выраженіемъ *»ἐλεύθεροι ἀπ' ἀλλήλων εἰσί«*. (Plat. leg. 832), причемъ внесеніе въ текстъ предлога *ἀπό*, соединеннаго съ несомнѣннымъ *удалительнымъ* падежемъ, ни на волосъ не поколебало того *общаго* представленія, которое было нарисовано простымъ *ἐλεύθερός τινος*.*) Какъ же намъ *опредѣлить* это общее представленіе? Сопоставивъ удалительный падежъ нашихъ выраженій съ самимъ тѣмъ *родовымъ* падежемъ, о возможности *принять* который въ эти выраженія только что была рѣчь, мы должны сказать, что, если родовой падежъ указываетъ на *связь* предмета съ тѣмъ признакомъ, послѣ котораго родовой падежъ *появился* въ рѣчи, то удалительный падежъ указываетъ на *отсутствіе* этой связи. Если же сопоставимъ удалительный *настоящихъ* выраженій съ удалительнымъ послѣ *сравнительныхъ* степеней, то выходитъ, что въ послѣднемъ представленъ признакъ только *отправляющимся* и *удаляющимся* отъ предмета, — собственно (въ виду только что приведеннаго сопоставленія съ родовымъ падежемъ), удаляющагося отъ *отношенія* къ предмету, — *для того чтобы онъ самъ*, т. е. этотъ признакъ, *могъ осуществиться*, а въ первомъ — признакъ представленъ *удаленнымъ* отъ отношенія къ предмету, т. е. не имѣющимъ съ нимъ никакой связи. Для того, чтобы и *здѣсь* представленъ былъ признакъ *удаляющимся*, нужно бы превратить — *γυμνός τινος* въ *γυμνόω τινά τινος*, *ἐλεύθερός τινος* въ *ἐλευθερόω τινά τινος* и т. д., и тогда разница между *этими* выраженіями и удалительнымъ послѣ сравнительной степени будетъ заключаться *только* въ степени и характерѣ *образности*

---

*) Я хочу указать въ чередованіи фразы *ἐλεύθερός τινος* съ фразою *ἐλεύθερος ἀπό τινος* на то, на что можно указать и въ чередованіи чешскаго *prost všeho* (= свободенъ отъ всего) и *prost ode všeho* (въ русскомъ языкѣ трудно подобрать примѣръ). Поставленъ ли въ приведенномъ примѣрѣ предлогъ *отъ*, или не поставленъ, картина въ томъ и другомъ случаѣ нарисована *одна*. Это не то, съ чѣмъ пришлось имѣть дѣло на стр. 389. при чередованія выраженія *ταύτῃ τῇ νυκτί* съ выраженіемъ *ἐν νυκτί*.

самого удаленія, — въ степени и характерѣ *образности*, зависящей не столько отъ симасіологіи удалительнаго *падежа*, сколько скорѣе отъ значенія тѣхъ *признаковыхъ словъ*, которыя вызываютъ его появленіе въ рѣчи.

Да, *удаленіе признака отъ отношенія къ предмету, для того чтобы самому можно было осуществиться*, — вотъ симасіологическій центръ, на которомъ остановился удалительный падежъ послѣ того, какъ его *этическое* значеніе отошло въ симасіологію такъ называемыхъ »*нарѣчій*« (*καλῶς* и т. д. *не считаются* уже именами существительными). Въ этомъ смыслѣ можно считать признаками и *предлоги*, дополняющіеся удалительнымъ падежемъ (сравни выше стр. 355.), и если иногда и самъ *предлогъ* обозначаетъ удаленіе, — положимъ, съ нѣкоторымъ еще *добавочнымъ* оттѣнкомъ (ἐξ — удаленіе *извнутри* и т. д.), и если, такимъ образомъ, предлогъ въ мѣстѣ съ удалительнымъ падежемъ указываютъ на »удаленіе *удаленія*« отъ предмета, то это — явленіе, совершенно похожее на тотъ внутренній объектъ дѣйствія (стр. 372.), который ведетъ къ выраженіямъ *шутить шутку*, *πόλεμον πολεμεῖν* и т. д.*) Такъ иногда и *настоящія* признаковыя слова (напр. *κωλύω τινός*, или даже *κωλύω ἀπὸ σοῦ*; см. Xen. Cyrop. I. 3. 11.) *сами* указываютъ на удаленіе.

Это удаленіе признака отъ отношенія къ предмету, конечно, не можетъ сравняться по тонкости съ самимъ *этическимъ* значеніемъ, но и не представляетъ собою того огрубѣнія, какимъ было *просторовое* значеніе. Что »*удаленіе* отъ отношенія«, предполагающее »*нахожденіе* въ отношеніи« или »въ связи«, иногда доходитъ до непризнаванія *когда бы то ни было* связи съ предметомъ, доказываютъ выраженія *ἀμελέω τινος*, *ἁμαρτάνω τινός*, *ἐνδεής εἰμί τινος* и др., составляющія полную противоположность выраженіямъ *ἐπιμέλομαί τινος*, *στοχάζομαί τινος*, *μεστός εἰμί τινος* и т. д., въ которыхъ на эту связь

*) Какъ *πόλεμον πολεμεῖν* нужно понимать въ смыслѣ *πόλεμον ποιεῖν*, такъ и въ нашемъ выраженіи »*удаленіе* удаленія« идетъ рѣчь о *совершеніи* удаленія.

указывается, и въ которыхъ *τινος* представляетъ собою *родовой* падежъ. Впрочемъ, на *ἁμαρτάνω τινός* и пр. можно взглянуть и такъ, что они, какъ *отрицанія* выраженій *τυγχάνω τινος*, должны соединяться съ *тѣмъ же* падежемъ, съ какимъ соединяются *положительныя* выраженія, т. е. съ *родовымъ* (какъ *ποιέω* дополняется съ вещнымъ, такъ и *οὐ ποιέω*): такъ и *φεύγω* дополнялось съ вещнымъ наравнѣ съ *διώκω* (сравни выше стр. 370.).

Какъ могъ родовой падежъ принять функцію удалительнаго падежа *на себя*, — это становится понятнымъ изъ всѣхъ замѣчаній объ *отношеніи* одного падежа къ другому, на которыя приходилось наталкиваться въ самомъ разборѣ *примѣровъ* на удалительный падежъ. Къ этимъ замѣчаніямъ мы прибавимъ еще одно. *Εἰμί τινος* обозначаетъ »я есмь *принадлежность* чья нибудь«, и слово *τινος* есть *родовой* падежъ. *Γίγνομαί τινος* значитъ« я *становлюсь* принадлежностью чьей нибудь«; но стоитъ въ какомъ нибудь *Δαρείου καὶ Παρυσάτιδος γίγνονται παῖδε δύο* представить *παῖδας* въ положеніи *самостоятельномъ*, стоитъ представить ихъ, такъ сказать, *равноправными* съ Даріемъ и Парисатидою, какъ сейчасъ почувствуются *Δαρείου καὶ Παρυσάτιδος* въ *удалительномъ* падежѣ, какъ указателѣ лицъ, *отъ* которыхъ исходятъ *παῖδες*.

Изъ всего видно, что удалительный падежъ есть *настоящій, крупный* падежъ, и что съ нимъ и сравниваться нельзя падежу мѣстному, который, потерявъ *первоначальное* значеніе, развилъ *дѣйствительно* »огрубѣвшее«, и *сильно* огрубѣвшее *просторовое* значеніе, и при этомъ *просторовомъ* значеніи еле *удерживается* въ такомъ сосѣдствѣ, какое ему доставляетъ предлоговый оборотъ *ἔν τινι*. *Настоящее* его мѣсто — при *предлогахъ*, которые его *просторовымъ* значеніемъ пользуются для нарисованія картины *близости* и непосредственной *прикосновенности* одного предмета къ другому.

Мы говоримъ, что мѣстный падежъ, когда онъ не стоитъ возлѣ предлога, т. е. когда не попадаетъ въ предлоговый

оборотъ, сохраняется въ положеніи неустойчиваго равновѣсія. Его держитъ, какъ уже сказано, его этимологическая *обособленность*. Однако, и эта этимологическая обособленность должна же была въ *свою* очередь за что нибудь цѣпляться: форма не устоитъ, если ее не поддерживаетъ симасіологическая надобность. Формы на *θι–θεν–δε*, исчезая, конечно, были замѣняемы *предлоговыми оборотами*, но такъ какъ онѣ были сами падежами, то немудрено, что хоть *одну* изъ нихъ принялъ подъ свое покровительство *самостоятельный* падежъ, благо ему самому *у себя дома* нечего было дѣлать. Какъ ни настаивали мы на равноправности вопросовъ *гдѣ-куда-откуда*, однако, мысль объ этой равноправности приходится ослабить (объ этомъ мы предупреждали на стр. 259 и 271). Вопросы *куда* и *откуда* дѣйствительно представляютъ собою нѣчто равнозначащее и стоятъ другъ противъ друга, какъ бы, на одной доскѣ. Но вопросъ *гдѣ* могъ быть понятъ за нѣчто, не только стоящее въ центрѣ, но и возвышающееся надъ остальными двумя, — могъ быть понятъ за вопросъ о *мѣстѣ κατ' ἐξοχήν* и могъ быть удовлетворенъ языкомъ *помимо* двухъ остальныхъ, что и было сдѣлано при посредствѣ падежа *мѣстнаго*, когда тотъ освободился отъ своей *собственной*, *этической* функціи.

Разставаясь съ мѣстнымъ и удалительнымъ, а черезъ послѣдній и съ родовымъ падежами, мы сдѣлаемъ небольшое замѣчаніе о такъ называемомъ Genitiv'ѣ absolut'номъ. *Κύρου βασιλεύοντος* (имя, какъ *названіе лица*, а при немъ согласующееся признаковое глагольное), есть, очевидно, *собственный* родовой, а не *удалительный* падежъ. *Κύρου βασιλεύοντος ἐστασίαζον* значитъ: они бунтовались, причемъ ихъ мятежъ имѣлъ отношеніе къ царствовавшему Киру. Вмѣсто *Κύρου βασιλεύοντος* говорятъ *ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος* (примѣры приводить нечего; ихъ находится особенно много у Иродота). Что и *ἐπί* соединено здѣсь съ *собственнымъ* родовымъ, разъяснено на стр. 312. *Общее* представленіе, нарисованное *простымъ* »*Κύρου βασιλεύοντος*«, не колеблется черезъ внесеніе въ текстъ предлога *ἐπί* (сравни выше стр. 392, подстрочное примѣ-

чаніе). Разница между *ἐστασίαζον Κύρου βασιλεύοντος* и между *ἐστασίαζον ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος* та, что *Κύρου βασιλεύοντος* есть симасіологическое дополненіе *признака*, заключающагося въ *ἐστασίαζον*, а въ *ἐπὶ Κύρου βασιλεύοντος* сопоставляется *царствующій Киръ* съ *мятежемъ* какъ съ *οὐσία*, — стало быть, разница, имѣющая для той стадіи развитія языка, въ которой эти выраженія чередуются, значеніе лишь теоретическое.

Если въ латинскомъ языкѣ употребляется *Ablativus* absolutus, то это не есть доказательство *противъ* нашего пониманія греческаго genitiv'a absolut'наго. Вопервыхъ, еще неизвѣстно, представляетъ ли собою латинскій Ablativus absolutus *собственный* удалительный (Cyro regnante seditionabantur = бунтовались, причемъ мятежъ, *по времени*, »отправлялся« отъ царствовавшаго Кира), или *мѣстный* (мятежъ помѣщается въ Кирѣ *царствующемъ*), или даже *творительный* (въ смыслѣ выраженія *это случилось зимою*). Кромѣ того, въ такъ называемомъ *absolut'номъ* употребленіи падежа языки *вообще* разошлись: славянскій языкъ употребляетъ absolut'но *личный* падежъ (этотъ падежъ обозначаетъ тогда лицо, которое въ немъ отмѣчено, какъ *носителя* дѣйствія, совершающагося *при* немъ). Греческій языкъ, впрочемъ, употребляетъ absolut'но, какъ извѣстно, еще и *вещный* падежъ, а именно вещный *простирательный*: *ἡμῖν ἐξὸν ζῆν μὴ καλῶς ἀξιούμεθα μᾶλλον τελευτᾶν* (Plat. Menex. 346 d) = *касательно* того, что намъ можно жить нечестно, мы предпочитаемъ умереть.

Мы *кончили* опредѣленіе значенія *отдѣльныхъ* падежей. Остается сдѣлать нѣсколько добавочныхъ замѣчаній о падежахъ *вообще*. Прежде всего о падежахъ *вообще* при *глагольномъ имени*.

На стр. 202 мы разсуждали о глагольномъ имени какъ объ амфибіи: оно — не то *существительное*, не то — *признаковое*. Теперь мы по вопросу объ двусторонности глагольнаго имени можемъ говорить гораздо опредѣленнѣе. *Признаковымъ* глагольное имя является постольку, поскольку оно

дополнется падежами по способу *признаковыхъ* словъ. *Существительнымъ* оно является, поскольку оно *само*, какъ *падежъ*, дополняетъ собою *другія* слова. Говоря о *падежной* его роли, или, что — то же, о роли его какъ имени *существительнаго*, мы имѣемъ въ виду *здѣсь* прежде всего *косвенные* падежи. Такъ какъ о нихъ на стр. 197-8 пришлось упоминать лишь вскользь, то теперь займемся ими *подробнѣе*.

Что падежи греческаго глагольнаго имени суть только *синтаксическіе* и притомъ — *тѣ же самые*, какъ и при другихъ именахъ (т. е. именительный, вещный и проч.*), и что разныя *этимологическія* соображенія къ ихъ опредѣленію припутывать нечего, на это уже указано на стр. 200.

Кюнеръ не допускаетъ въ глагольномъ имени, когда оно стоитъ *безъ* »члена«, никакихъ другихъ падежей кромѣ именительнаго и вещнаго. Разбирая случаи, гдѣ глагольное имя употребляется, съ его точки зрѣнія, въ роли »Object'a« (»дополненіе Prädicat'a« то жъ), этотъ ученый говоритъ (Ausf. Gramm. II. 578): Der Infinitiv muss auch bei solchen Verben,**) welche ihr substantivisches Object im *Genitive* zu sich nehmen, wie *ὀρέγομαι*, *γλίχομαι*, *ἐπιθυμῶ*, als Accusativ aufgefasst werden, da der Infinitiv ohne Artikel nur ein ergänzendes Object, nicht aber die Beziehungen des Genitivs oder Dativs bezeichnen kann. Sollen diese Beziehungen ausdrücklich bezeichnet werden, so muss der Genitiv oder Dativ des *Artikels* zu dem Infinitive hinzutreten, wie

---

*) Я не говорю о *славянскомъ* глагольномъ имени. Славянское глагольное имя должно представлять собою по вопросу о падежахъ нѣчто *особое* сравнительно съ греческимъ языкомъ (нѣчто черезвычайно интересное, но насъ непосредственно не касающееся), уже по одному тому, что оно не только не принимаетъ никакого »члена« съ тою легкостью, съ какою его принимаетъ *греческое* глагольное имя, но даже *воспротивилось* всякой подобной попыткѣ. Выраженія въ родѣ »о еже пособити и покорити« такъ и остались переводомъ съ греческаго и не привились къ славянскимъ *нарѣчіямъ*.

**) А гдѣ же остались *простыя* признаковыя слова въ родѣ *ῥάδιος*, *χαλεπός*, *ἡδύς*, которыя тоже, вѣдь, исполняютъ роль »Prädicat'a,« и которыя Кюнеръ *помѣстилъ* же въ своей статьѣ »объ Infinitiv'ѣ какъ Object'ѣ«?

diess regelmässig der Fall ist, wenn Beziehungsverhältnisse durch den Infinitiv mit *Präpositionen**) ausgedrückt werden.

Мы не знаемъ, что мѣшаетъ Кюнеру во фразѣ *χάριν δοῦναι τήνδε κωλύει τί σε* (Eur. Iph. Taur. 507) принять *δοῦναι* за удалительный падежъ, разъ въ *κωλύω τινά τινος* слово *τινος* есть *дѣйствительный* удалительный падежъ, и разъ рядомъ съ *простымъ* »*δοῦναι*« встрѣчается »*τοῦ δοῦναι*« (*κωλύω τοῦ καίειν ἐπιόντας* — Xen. Anab. I. 6. 2.)?**) А во фразѣ *ὥραν εἶχον παιδεύεσθαι* (Isae. 9. 28.), что мѣшаетъ принять *παιδεύεσθαι* за *родовой* падежъ, разъ оно зависитъ отъ имени существительнаго, и разъ рядомъ съ *παιδεύεσθαι* встрѣчается *τοῦ παιδεύεσθαι* (*αὕτη αὖ ἄλλη πρόφασις ἦν αὐτῷ τοῦ ἀθροίζειν* — Xen. Anab. I. 1. 7.)? Въ виду *синтаксическаго* характера (въ разрѣзъ съ этимологическимъ *происхожденіемъ*) падежей глагольнаго имени, — въ виду той легкости, съ какою глагольное имя то принимаетъ къ себѣ слово *ὁ-ἡ-τό*, то отъ него отказывается, я сказалъ бы, что *глагольное* имя, — все равно, что съ *ὁ-ἡ-τό*, что *безъ* него, — допускается во *всѣхъ* падежахъ. Это, впрочемъ, сказано только въ *принципѣ*, а на дѣлѣ . . .

Нечего, конечно, искать глагольное имя въ *звательномъ* падежѣ, такъ какъ немыслимо обращаться къ *дѣйствію*, какъ къ своему *собесѣднику*. Не думаемъ также, чтобы грекъ могъ чувствовать глагольное имя въ *мѣстномъ* па-

---

*) Быть можетъ, предлоги въ особенности нуждались въ словѣ *ὁ — ἡ — τό* потому, что если бы сказать напр. *ἐν νοεῖν* вмѣсто *ἐν τῷ νοεῖν*, то *ἐν νοεῖν* легко могло бы быть понято въ смыслѣ *composit'a* »*ἐννοεῖν*.«

**) Что дѣлать съ »*отрицательнымъ*« глагольнымъ именемъ при *κωλύω* (*εἰ πρὸς θεοῦ κωλυόμεσθα μὴ μαθεῖν ἃ βουλόμεσθα* — Eur. Jon. 391; *τί μ' ἄνδρα πολέμιον ἐχθρόν τ' ἀφεῖλου μὴ κτανεῖν τόξοις ἐμοῖς* — Soph. Philoct. 1303), — на это отвѣтить трудно. Во всякомъ случаѣ, разница между *κωλύω ποιεῖν* и *κωλύω μὴ ποιεῖν* — та, что въ *κωλύω ποιεῖν* указывается на *предметъ*, отъ котораго я удаляю кого нибудь, а въ *κωλύω μὴ ποιεῖν* указывается на *цѣль*, которую я имѣю въ виду *достигнуть* при этомъ удаленіи. Но какъ объяснить *падежное* положеніе такого *μὴ ποιεῖν*, — я не знаю. Единственно возможнымъ я считаю принять *μὴ ποιεῖν* за вещный »*простирательный*«; *κωλύω μὴ ποιεῖν* значитъ: я мѣшаю, причемъ моя помѣха простирается на *недѣланіе*.

дежѣ*), — въ томъ мѣстномъ падежѣ, который, забывъ о первоначальной роли, держался только *простороваго* значенія. Ибо какъ можно *дѣйствіе*, выраженное глагольнымъ именемъ, представить *простором̆ъ*, *въ которомъ* что-нибудь »*происходитъ*« или даже »*находится*« (до *послѣдняго* оттѣнка доходитъ мѣстный падежъ въ приведенномъ выше *τὰ Μαραϑῶνι τροπαῖα*). Такимъ образомъ, мѣстный падежъ глагольнаго имени можетъ встрѣтиться только при *предлогахъ***), требующихъ его для удовлетворенія ихъ *собственныхъ* потребностей, и тогда непремѣнно, какъ уже выяснено выше въ подстрочномъ примѣчаніи, должно при немъ быть поставлено *ὁ-ἡ-τό*. Въ *личномъ* падежѣ представить себѣ глагольное имя довольно трудно потому, что понятіе »*дѣйствія*«, выраженнаго въ глагольномъ имени, какъ-то не мирится съ понятіемъ »*лица*«, выраженнаго въ личномъ***) падежѣ. Что же касается, наконецъ, *творительнаго* падежа, то не слѣдуетъ забывать слѣдующаго. Дѣйствіе, какъ оно дано въ глагольномъ имени со всѣмъ его симасіологическимъ богатствомъ, приспособлено къ тому, чтобы быть чьимъ нибудь признакомъ (смотри выше стр. 201). Въ силу значенія творительнаго падежа оно, это дѣйствіе, должно бы въ немъ являться чѣмъ то, созидающимъ *признакъ*

---

*) Съ *этимологической* точки зрѣнія, какъ извѣстно, часто говорятъ о глагольномъ имени какъ о *мѣстномъ* падежѣ.

**) Неужели толковать напр. *ἡδὺς συνεῖναι* черезъ »пріятный *въ* собесѣдованіи«? Мы принимаемъ *συνεῖναι* за вещный простирательный: пріятный, причемъ пріятность *простирается* на то-то.

***) Jolly (Infinitiv) останавливается на стр. 216 на »*dativ'ныхъ* infinitiv'ахъ и причисляетъ къ нимъ такія явленія, какъ извѣстное омировское *βῆ δ' ἰέναι* или *ἔτρεφέ μιν πῆμα γενέσθαι*, гдѣ въ глагольномъ имени по *общему* контексту можно усматривать выраженіе цѣли. При этомъ Jolly приводитъ нѣсколько *этимологическихъ* dativ'ныхъ infinitiv'овъ изъ санскрита. Нѣтъ сомнѣнія, что усмотрѣнная здѣсь цѣль могла бы, дѣйствительно, примкнуть къ общему значенію *личнаго* падежа: *πῆμα γενέσθαι*, достигаемое черезъ *τρέφειν*, могло представляться какимъ то *главнымъ* »лицомъ«, которому *подчинено*, или въ услуженіи котораго *находится* »*τρέφειν*«. Но что цѣль можетъ быть свободно примѣнена и къ *вещному* падежу, въ этомъ тоже никто не будетъ сомнѣваться послѣ изложеннаго на стр. 369 (если санскритскіе infinitiv'ы, выражающіе эту цѣль, суть *этимологическіе* dativ'ы, то это для *греческаго* языка *не имѣетъ* значенія; мы опять таки указываемъ выше на стр. 200).

чего нибудь или кого нибудь. Вмѣсто этого оно предпочитаетъ принять *на себя* вполнѣ оформленный видъ признаковаго *глагольнаго* имени, присоединяясь къ названію *того предмета*, *чей* признакъ оно »созидаетъ«. Русское *его обучаютъ черезъ спрашиваніе* будетъ по гречески *διδάσκεται ἐρωτώμενος*. А если бы конструкцію *διδάσκεται ἐρωτώμενος* пришлось *дѣйствительно* переводить на творительный падежъ, то, такъ какъ первая конструкція считается *нормальною*, нужно *уклоненіе* отъ этого *нормальнаго* сдѣлать *выразительнымъ* *), а эта *выразительность* уже требуетъ ставить не *простое* »*ἐρωτᾶν*« или *ἐρωτᾶσθαι*« **), а »*τῷ ἐρωτᾶν*« или *τῷ ἐρωτᾶσθαι*« (скорѣе, впрочемъ, »*διὰ τοῦ ἐρωτᾶν*« или *διὰ τοῦ ἐρωτᾶσθαι*«). Переводить подобныя фразы на творительный падежъ приходится особенно тогда, когда »*созидающее*« дѣйствіе (въ данномъ случаѣ дѣйствіе *ἐρωτᾶν*) *не можетъ* сдѣлаться признакомъ того, чей признакъ оно »созидаетъ«. Оно *не можетъ* сдѣлаться его признакамъ тогда, когда оно по концепціи мысли дѣлается признакомъ чего-нибудь *другого*, и когда возникаетъ такъ называемый accusativus cum infinitivo (*διδάσκεται διὰ τοῦ τὸν διδάσκαλον ἐρωτᾶν*).

Такъ называемая конструкція accusativi cum infinitivo требуетъ съ нашей стороны особаго разъясненія. Это разъясненіе, кстати, пополнитъ съ одной стороны нашу теорію падежей, а съ другой — общесимасіологическую обрисовку

---

*) Конечно, глагольное имя, какъ по вопросу объ *οὐσία* и признакѣ было чѣмъ то лишь *обще*-номинальнымъ, ни въ ту, ни въ другую сторону грамматически не отчеканеннымъ, такъ и по вопросу о падежахъ представляетъ собою нѣчто лишь *обще*-падежное, грамматически ни въ какую сторону не опредѣляющееся, а потому и *нуждающееся* въ особомъ средствѣ, въ видѣ слова *ὁ-ἡ-τό*, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы съ бóльшею *отчетливостью* хотимъ выразить въ немъ тотъ или иной падежъ. Мы немного забѣгаемъ впередъ, но скоро выяснится, что напр. *τῷ ἐρωτᾶν* обозначаетъ: *вотъ чѣмъ, спрашиваніемъ*.

**) Залоговыя формы могутъ тутъ чередоваться. Сравни »*πότερα παρὰ σοὶ ὕδωρ θερμότερόν ἐστι πιεῖν ἢ τὸ ἐν Ἀσκληπιοῦ*« (Xen. Memor. III. 13. 3) и »*Βορυσθένης πίνεσθαι ἥδιστός ἐστιν*« (Herod. 4. 53). Въ первомъ примѣрѣ можно *дополнить* къ »*πιεῖν*« вещный падежъ »*ὕδωρ*« (дополнить его нужно изъ *именительнаго* падежа *ὕδωρ*; сравни стр. 54), а во *второмъ* примѣрѣ сказано »*πίνεσθαι*« въ виду самого *именительнаго* падежа »*Βορυσθένης*«.

глагольнаго имени. Мы предлагаемъ добраться до пониманія конструкціи accusativi cum infinitivo слѣдующимъ образомъ.

Въ *λέγω σε κατορθῶσαι πάντα* мы никакой конструкціи accusativi cum infinitivo не видимъ. Мы видимъ здѣсь просто два вещныхъ падежа, *σε* и *κατορθῶσαι*, одинаково зависящихъ отъ *λέγω*. Вся фраза построена по образцу фразы *αἰτέω σε χρήματα*, о которой мы разсуждали на стр. 372. *Λέγω σε κατορθῶσαι* значитъ: *я говорю о тебѣ* и *я говорю объ исправленіи*, — объ исправленіи въ смыслѣ *переводно-движимаго* дѣйствія (см. стр. 103), въ моментъ его *окончанія* (см. ст. 153-4). Что это дѣйствіе касается такъ или иначе самого *σε*, — это грамматически не выражено, какъ не было выражено и въ *αἰτέω σε χρήματα*, что деньги долженъ дать ты; *) все это подразумѣвается изъ общаго контекста.

Λέγω ποιῆσαι πάντα - *λέγω ποιεῖν πάντα* — *λέγω πεποιηκέναι πάντα* значитъ: я говорю объ окончательномъ сдѣланіи всего — я говорю о дѣланіи всего —

---

*) Что мы въ объясняемомъ нами *λέγω σε κατορθῶσαι* слово *σε* принимаемъ не за «подлежащее infinitiv'а», а за симасіологическое дополненіе глагола *λέγω*, это — не новость; на это указывалъ Аполлоній Дисколъ при такъ называемыхъ *προαιρετικά* (= глаголахъ, выражающихъ желаніе). Такъ, de construct. III. 285 читаемъ: *Καὶ τὰ προαιρετικὰ δὲ τῶν ῥημάτων τὰ τῆς διαθέσεως ἔχει συντείνοντα κατ' αἰτιατικὴν πτῶσιν ἐπὶ πάντα τὰ ῥήματα .... βούλομαί σε γράφειν, βούλομαί σε Διονύσιον φιλεῖν.* Новость нашего объясненія заключается въ томъ, что мы и глагольное имя ставимъ въ непосредственную зависимость отъ глагола *λέγω*. Мы въ этомъ отношеніи вполнѣ сходимся съ Paul'емъ, который говоритъ (Princip. 247): Entsprechend ist die Entstehung des acc. c. inf. zu erklären. Der Inf. ist ursprünglich ein zweites Object zum regierenden Verbum. So verhält es sich noch bei unserem *ich heisse ihn aufstehen, ich lasse ihn arbeiten* etc. Объясняя *σε* и *κατορθῶσαι* за два вещныхъ падежа, *одинаково* зависящихъ отъ слова *λέγω*, мы достигаемъ совершенно правильнаго отношенія, въ вопросѣ о падежахъ, между *λέγω σε κατορθῶσαι πάντα* и между *σὺ λέγῃ κατορθῶσαι πάντα.* Первое относится къ послѣднему, какъ на стр. 373 относилось *ἠρώτησά σε τοῦτο τὸ ἐρώτημα* къ *σὺ ἠρωτήθης τοῦτο τὸ ἐρώτημα*, т. е. и въ *σὺ λέγῃ κατορθῶσαι πάντα* слово *κατορθῶσαι* останется *вещнымъ* падежемъ. Jolly, съ полною основательностью опровергающій всевозможные пріемы нашихъ грамматиковъ въ толкованіи конструкціи accusativi cum infinitivo (Infinitiv 244—253), самъ на стр. 257 останавливается на *такомъ* толкованіи примѣра *ἐμὲ μὲν ἕταροι λίσσονται ἰέναι*, что въ немъ *ἐμέ* есть симасіологическое дополненіе слова *λίσσονται*, а *ἰέναι* есть infinitivus „epexegeticus."

я говорю о состояніи какъ результатѣ сдѣланія всего.*) Какъ это понять? Сказано ли тутъ, что я говорю о *ποιῆσαι, ποιεῖν* и *πεποιηκέναι* какъ о *понятіяхъ*, — быть можетъ, также какъ о своемъ *желаніи*, или сказано, что я говорю о *ποιῆσαι, ποιεῖν* и *πεποιηκέναι* какъ о наименованіяхъ дѣйствительныхъ фактовъ?**) Понять можно и такъ, и иначе. Если тутъ имѣется въ виду фактъ, то къ кому относится его совершеніе или намѣреніе его совершить?***) Очевидно, къ тому, кто показанъ въ **λέγω** (я говорю, что *я* сдѣлалъ или собираюсь сдѣлать все). Такъ

---

*) Если я въ русскомъ языкѣ употребляю *предложный* оборотъ послѣ слова *говорить* (я говорю *о* чемъ нибудь), а въ греческомъ языкѣ поставленъ *вещный* падежъ, то на это несоотвѣтствіе языковъ уже указано на стр. 379 и 380, гдѣ мы разсуждали объ оборотѣ *λέγω αὐτόν*.

**) Этотъ вопросъ напоминаетъ намъ то разсужденіе объ именахъ существительныхъ на стр. 170-1, въ которомъ мы на одномъ полюсѣ поставили имя существительное какъ поименованіе *дѣйствительнаго* предмета-*индивидуума*, а на другомъ — имя существительное какъ названіе душевнаго *постулата*, и разъ мы такой вопросъ ставимъ о глагольномъ имени, то послѣднее выступаетъ какъ *настоящее* имя *существительное*, что ему вполнѣ и *приличествуетъ*, если оно занимаетъ положеніе *падежа*.

***) Нѣтъ сомнѣнія, что въ глагольномъ имени, какъ выраженіи душевнаго *постулата* (= »понятія« — »желанія«), кроется нѣкая *futural'ность* по отношенію къ оправданію его на *дѣйствительномъ* фактѣ, тогда какъ въ глагольномъ имени, какъ поименованіи *дѣйствительнаго* факта, этой futural'ности *нѣтъ*. По этому понятно, что въ первомъ случаѣ возможны только *три* формы глагольнаго имени (*ποιεῖν, ποιῆσαι* и *πεποιηκέναι*), а во второмъ нужны всѣ *пять* (т. е. добавленіе формъ *ποιήσειν* и *πεποιηκότα ἔσεσθαι*; сравни выше стр. 153-4). Впрочемъ, глагольное имя часто принимаетъ къ себѣ »частицу« *ἄν*. Принимаетъ ли оно ее, какъ выраженіе *понятія* дѣйствія, или какъ выраженіе *дѣйствительнаго* факта? Очевидно, — какъ выраженіе *дѣйствительнаго* факта, и »частица« *ἄν* указываетъ тогда на *возможность* осуществленія. Представленіе *возможности* осуществленія заключаетъ въ себѣ представленіе будущаго или, въ крайнемъ случаѣ, *нераскрытаго* еще настоящаго времени *самого осуществленія*, а потому »частица« *ἄν*, выражающая уже *сама по себѣ* эту возможность и эту будущность, *исключаетъ* (синтаксисъ тутъ не прибѣгаетъ къ симасіологической тавтологіи) постановку futural'ныхъ формъ глагольнаго имени (*οἶμαι σ' ἂν κατορθῶσαι* = я думаю о тебѣ, я думаю о возможности исправленія, = я думаю, что ты, можетъ быть, исправишь; *οὐκ ἂν οἶμαι αὐτοὺς ἁμαρτάνειν* = я не думаю о нихъ, я не думаю о возможности ошибки = едвали они ошибаются = тутъ ошибки-то съ ихъ стороны »не будетъ«). Съ другой стороны, когда рѣчь идетъ лишь о *возможности* осуществленія дѣйствія, то это наводитъ на представленіе чего то *обусловленнаго*, чего-то зависящаго отъ осуществленія *другого* дѣйствія, а потому встрѣчаемъ глагольное имя съ »частицею« *ἄν* совершенно такъ же, какъ ставятся Indicativ'ы съ *ἄν*, объясненные на стр. 131-3.

и прежнее *λέγω σε κατορϑῶσαι πάντα* указываетъ на *фактъ* (я говорю, что ты *исправилъ* все), иначе бы стояло *λέγω σοι κατορϑῶσαι πάντα* (= я говорю тебѣ объ исправленіи всего, разумѣй: объ исправленіи, какъ о моемъ *желаніи*). *Οὐ λέγω ποιῆσαι ταῦτα* = я *не утверждаю* сдѣланіе этого (я говорю, что я этого *не* сдѣлалъ); *λέγω ὑμῖν μὴ ποιεῖν ταῦτα* = я говорю вамъ о *недѣланіи* этого* (я говорю вамъ *не дѣлать* этого).

Да будетъ намъ позволено уклониться въ сторону. Интересно прослѣдить тѣ случаи, гдѣ въ языкѣ сталкивается употребленіе глагольнаго имени съ употребленіемъ глагольнаго *признаковаго*. Какъ названіе *дѣйствительнаго* факта, глагольное имя сталкивается съ глагольнымъ признаковымъ при глаголахъ какъ то: *ἀκούω*, *ὁρῶ*, *πυνϑάνομαι*, *αἰσϑάνομαι*, *γιγνώσκω*, *φαίνεται*, *εὑρίσκω*, *δείκνυμι*, *ἀγγέλλω*, словомъ — при глаголахъ, обозначающихъ *познавать* или *объявлять о познанномъ*, и выходитъ, что глагольное *признаковое* выражаетъ непосредственное впечатлѣніе предмета, къ которому оно отнесено синтаксически, на наши *чувства*, между тѣмъ какъ глагольное *имя* указываетъ на нѣчто, какъ на результатъ нашего *внутренняго* соображенія (*ὁρῶ αὐτὸν τρέχοντα* = я вижу его бѣгущимъ; *ὁρῶ αὐτὸν νικήσειν* = я убѣждаюсь насчетъ него, я убѣждаюсь въ побѣдѣ въ будущемъ = я убѣждаюсь, что онъ побѣдитъ). Разница эта вытекаетъ изъ самого значенія сталкивающихся здѣсь грамматическихъ формъ. Глагольное признаковое, обозначающее *признакъ*, какъ онъ »реализируется« на предметѣ, и ожидающее себѣ всею своею формою непосредственнаго отнесенія его къ самому предмету, словомъ, — обозначающее praedicativ *предмета*, *скорѣе* можетъ вызвать представленіе о предметѣ, какимъ онъ *непосредственно* является передъ нашими органами познанія (= передъ органами чувствъ), чѣмъ это можетъ сдѣлать глагольное имя. Послѣднее входитъ въ рѣчь лишь въ роли такого или иного падежа имени

*) Почему въ одномъ случаѣ поставлено отрицаніе *οὐ*, а въ другомъ *μή*, — выяснится ниже.

существительнаго, стало быть, — падежа, стоящаго въ непосредственной зависимости отъ глаголовъ *ὁρῶ, εὑρίσκω* и т. д., то есть отъ глаголовъ *познавать* или *объявлять о познаваемомъ,* и, согласно съ этимъ, выражаетъ дѣйствіе, составляющее *само по себѣ,* а вовсе не какъ praedicativ какого-нибудь *предмета,* объектъ »познанія«.*)

Какъ названіе »понятія дѣйствія«, глагольное имя сталкивается съ глагольнымъ признаковымъ при глаголахъ какъ то: *μέμνημαι* (*μέμνημαι εὖ ποιήσας* = я помню, что я хорошо сдѣлалъ; *μέμνημαι εὖ ποιεῖν* = я не забываю дѣлать добро), *ἐπιλανθάνομαι* (*ἐπελαθόμην εἰπὼν ταῦτα* = я забылъ, что я сказалъ это, *ἐπελαθόμην εἰπεῖν* = я забылъ сказать), *ποιέω* (*ποιέω αὐτὸν γελῶντα* = я изображаю его, — на сценѣ, напримѣръ, — смѣющимся, *ποιέω αὐτὸν γελᾶν* = я заставляю его смѣяться), *αἰσχύνομαι* (*οὐκ αἰσχύνεσθε ταῦτα ποιοῦντες* = не стыдно ли вамъ, что вы такъ поступаете, *αἰσχύνομαι ταῦτα ποιεῖν* = мнѣ стыдно дѣлать это = я не хочу этого дѣлать), *περιορῶ* (*περιορῶ αὐτὸν διαφθείροντα* = мнѣ дѣла нѣтъ, что онъ портитъ; *οὐκ εἰσιέναι ἔφασαν περιόψεσθαι οὐδένα* = они говорили, что зорко будутъ слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не вошелъ), *ἀποκάμνω* (*ἀποκάμνω τοῦτο ποιῶν* = меня эта работа утомляетъ; *ἀπέκαμε ἑαυτὸν σῴζειν* = онъ усталъ спасать себя) и др. Разницу и тутъ формулировать нетрудно, и формулировать ее опять таки слѣдуетъ на основаніи симасіологіи сталкивающихся здѣсь грамматическихъ формъ. Въ то время, какъ глагольное *признаковое* указываетъ на *дѣйствительность,* какъ она появляется на самомъ томъ *предметѣ,* къ названію котораго оно синтаксически отнесено, глагольныя имена указываютъ здѣсь, въ роли *падежей,* опять таки, конечно, на »объекты« дѣйствій, выраженныхъ въ самихъ тѣхъ глаголахъ, которые *требуютъ* этихъ падежей; но эти »объекты« суть здѣсь объекты *отвлеченные* (или, какъ мы раньше выразились, *душевные постулаты*),

---

*) Что и глагольное *признаковое* можетъ (не въ этихъ, конечно, случаяхъ) принимать къ себѣ »частицу« *ἄν*, и что эта частица имѣетъ при немъ такое же значеніе, какъ при глагольномъ имени, — объ этомъ нечего распространяться.

какъ ихъ допускаетъ само *значеніе* глаголовъ *μέμνημαι*, *ἐπιλανθάνομαι* и другихъ, выше приведенныхъ, а не объекты *дѣйствительности*, какъ ее. эту дѣйствительность, раньше предполагало значеніе глаголовъ »познавать« и »объявлять о познанномъ«. А теперь вернемся опять къ разъясненію конструкціи accusativi cum infinitivo.

Какъ истолковать примѣръ *εἶναι τιμὰς γονέων ἐκγόνοις καλὸς θησαυρός* (Plat. Menex. 297 b)? *Εἶναι* есть, конечно, *именительный* падежъ, а съ *психологической* точки зрѣнія можно толковать о немъ и какъ о *вещномъ* падежѣ (сравни выше стр. 376). Если мы до сихъ поръ не говорили объ »accusativ'ѣ cum infinitivo« какъ объ *особой* конструкціи (во фразѣ *λέγω σε κατορθῶσαι πάντα* — читатель, надѣемся, въ этомъ убѣдился — объ *особой* такой конструкціи говорить не нужно), то придется заговорить теперь. Такъ и въ вышеприведенномъ (стр. 400) примѣрѣ *διδάσκεται διὰ τοῦ τὸν διδάσκαλον ἐρωτᾶν* мы не обошлись безъ этого термина. Тамъ же мы разсуждали о томъ, что глагольное имя всѣмъ своимъ симасіологическимъ богатствомъ *приспособлено* къ тому, чтобы быть *присужденнымъ* какому нибудь предмету какъ признакъ. А если этотъ предметъ не усматривается изъ контекста,*) то *долженъ же* языкъ располагать средствомъ *какъ нибудь* его обозначить.**) Что значитъ *какъ нибудь*? Это значитъ какимъ нибудь *падежемъ*. Какимъ падежемъ? Именительный падежъ это не можетъ быть, такъ какъ *въ рѣчи* онъ употребляется или какъ простое *наименованіе* предмета (о согласованіи я тутъ не говорю), или какъ ближайшій опредѣлитель лица, обозначеннаго въ окончаніи глагола.

---

*) Въ *λέγω σε κατορθῶσαι* онъ усматривается по нашему толкованію *изъ контекста*, т. е. изъ того *σε*, которое приставлено къ *λέγω* какъ непосредственное его симасіологическое дополненіе.

**) Не противорѣчимъ ли мы себѣ? То, что само глагольное имя занимаетъ положеніе падежа, мы всегда объясняли его способностью выступать въ роли *существительнаго*, а теперь оно въ *томъ же* положеніи должно выступить въ роли, такъ сказать, *признаковаго* слова по отношенію къ тому предмету, которому оно присуждается. Итакъ, не противорѣчіе ли это? Нѣтъ. И въ *согласованіи* имя существительное, *оставаясь* существительнымъ и *оставаясь* падежемъ, дѣлалось, *какъ-бы*, признаковымъ словомъ.

Славянскій языкъ разрѣшилъ всю задачу черезъ *личный* падежъ (быть ему тѣмъ то), и это вполнѣ понятно, такъ какъ личный падежъ есть указатель *носителя* дѣйствія. а указать на носителя дѣйствія именно и *требуется* для разрѣшенія этой задачи. Греческій языкъ распорядился *иначе.* Наша фраза имѣетъ несомнѣнно такой смыслъ: бытіе, *простирающееся* на почитаніе, — а это почитаніе *имѣетъ отношеніе* къ родителямъ и имѣетъ быть *исполняемо* потомками*), — все это — прекрасный кладъ. Итакъ, мы въ нашемъ *τιμάς,* которому *присуждается* дѣйствіе, выраженное въ глагольномъ имени *εἶναι*, видимъ вещный *простирательный.*

Мы совершенно согласны съ Jolly (Infinitiv 247), что къ примѣру »*Ξέρξεα λέγουσι εἶπαι*« *непримѣнимо* толкованіе »die Leute erzählen das Gesagt-haben *am* Xerxes.« Jolly совершенно правильно замѣчаетъ, что при такомъ толкованіи легко было бы перейти на конструкцію *λέγεται Ξέρξεα εἶπαι* (es wird erzählt das Gesagt-haben am Xerxes), но трудно — на конструкцію *Ξέρξης λέγεται εἶπαι* (какъ *мы* перешли на эту конструкцію, читатель видѣлъ въ подстрочномъ примѣчаніи о фразѣ *σὺ λέγῃ κατορθῶσαι* на стр. 401). Jolly не одобряетъ и того толкованія примѣра *Ξέρξεα λέγουσι εἶπαι*, въ которомъ прибѣгаютъ къ Accusativ'у des Sichbeziehens, des Sicherstreckens. Мы его въ *этомъ* примѣрѣ *также* не одобряемъ, но въ примѣрѣ *τιμὰς εἶναι καλὸς θησαυρός* онъ позволитъ намъ прибѣгнуть къ вещному des Sichbeziehens или, какъ мы выражаемся, къ вещному простирательному, тѣмъ болѣе, что то толкованіе, которое предлагаетъ *онъ*, опять не одобряемъ *мы.* Установивъ, какъ мы выше видѣли, infinitivum epexegeticum въ примѣрѣ *ἐμὲ μὲν ἕταροι λίσσονται ἰέναι*, который мы *также* не одобрили, Jolly продолжаетъ (Infinitiv 257): Auch an einzelnen Verba kann man bei Homer

---

*) А можетъ быть, *ἐκγόνοις* »зависитъ« отъ *καλὸς θησαυρός*? Это рѣшилъ бы *живой языкъ*, который поставилъ бы въ такомъ случаѣ иначе »*паузу*« (поставилъ бы ее между *γονέων* и *ἐκγόνοις*, а не между *ἐκγόνοις* и *καλὸς θησαυρός*).

oft verfolgen, wie aus der gewöhnlichen Accusativconstruction, in der der Accusativ das directe Object, der Inf. der epexegetische ist, allmählich der eigentliche Accus. c. inf. hervorgeht, wobei der Accusativ aus der Abhängigkeit von dem Hauptverbum losgelöst und als Subject des Infinitiv erscheint. So ist *ἐμὲ μὲν ἕταροι λίσσονται ἰέναι* sicherlich älter als der echte Accus. c. inf. in Il. ι 510—511; *ὃς δέ κ' ἀνήνηται καί τε στερεῶς ἀποείπῃ, λίσσονται δ' ἄρα ταίγε Δία Κρονίωνα κιοῦσαι τῷ ἄτην ἅμ' ἕπεσθαι, ἵνα βλαφθεὶς ἀποτίσῃ*, wobei die *Sache, welche* verlangt wird, nicht *die Person, von welcher* etwas verlangt wird, das Subject des Infinitivs enthält. Ist im ersten Beispiel der Infinitiv noch ganz der epexegetische, so stellt dagegen im zweiten der hier *mit dem Accusativ enger verbundene Infinitiv* (почему онъ вдругъ enger verbunden съ точки зрѣнія Jolly, который и въ *λίσσονται ἐμὲ ἰέναι*, своимъ терминомъ »epexegetisch«, такъ *»узко«* соединилъ вещный падежъ съ глагольнымъ именемъ?) einen *Nebensatz* dar (гдѣ же тутъ мѣсто придаточному предложенію?*).

Съ окончаніемъ разбора конструкціи accusativi cum infinitivo можно бы считать оконченнымъ и разборъ падежей, если бы не было за нами небольшаго долга. Мы имѣемъ въ виду тѣ славянскія выраженія въ родѣ *занятіе чьмъ нибудь* и т. п., о которыхъ мы предупреждали на стр. 366, и всѣ связанныя съ подобными выраженіями явленія *греческаго* языка.

Слова *занятіе*, *подписываніе* и т. п. даже съ *этимологической* точки зрѣнія составляютъ особую группу такъ

---

*) Paul, который, какъ мы видѣли, готовъ былъ вмѣстѣ съ нами усматривать въ *λέγω σε κατορθῶσαι* два независящихъ другъ отъ друга »объекта« слова *λέγω*, объясняетъ себѣ переходъ отъ *подобныхъ* примѣровъ къ *»настоящему«* accusativ'у cum inf. такимъ образомъ (Princip. 198-9): Der accus. c. inf. konnte jedenfalls nur neben einem transitiven Verbum stehen, so lange der Accusativ noch als direct von dem Verbum finitum abhängig empfunden wurde. Nachdem aber die Auffassung sich so *verschoben hatte*, dass der accus. c. inf. als ein abhängiger Satz und der Accusativ als *Subject* desselben gefasst wurde, war es möglich die Construction weit über ihre ursprünglichen Gränzen auszudehnen.

называемыхъ отглагольныхъ *существительныхъ*. Они этимологически *произведены* отъ глагольныхъ именъ *занять*, *подписывать* и т. д. По значенію *одинаковыми* съ ними, т. е. такими же отглагольными существительными, чувствуются, хотя немного *иначе* этимологически составленныя, слова *отдача*, *переправа* и т. п.

Уже на стр. 197 мы сравнивали отглагольныя существительныя съ глагольными именами. И они оказываются симасіологическими амфибіями, какъ глагольныя имена, т. е. занимая по падежамъ положеніе именъ существительныхъ, по *дополненіямъ* уравниваются съ *признаковыми* словами. Разница та, что 1. глагольныя имена не такъ *отчеканены* этимологически въ роли падежей и въ роли существительныхъ, какъ слова *занятіе* и пр., и, 2., отглагольныя существительныя, какъ не надѣленныя прежде всего *залоговыми* оттѣнками, симасіологически могутъ дополняться не какъ *глагольныя* признаковыя (т. е. не могутъ принимать къ себѣ вещнаго *»объекта дѣйствія«* : см. стр. 370-1), а только лишь какъ *простыя* признаковыя слова.

И въ *греческомъ* языкѣ есть отглагольныя существительныя, дополняющіяся, какъ простыя *признаковыя* слова. Это — слова, оканчивающіяся на *σις* и другія, направившіяся по ихъ слѣдамъ въ отношеніи симасіологическаго дополненія. Въ общемъ, это *особое* симасіологическое дополненіе *отглагольныхъ* существительныхъ есть явленіе — довольно позднее, и далеко не выдержано такъ систематически въ *греческомъ* языкѣ, какъ въ славянскомъ. Сравни: *ἀνακούφισις κακῶν*, въ смыслѣ *удалительнаго* падежа (Soph. Oed. r. 218); *ἀμπνοὰς ἕξειν πόνων*, въ смыслѣ *удалительнаго* падежа (Eur. Iph. Taur. 92); *ξύμμαχοι ἐγενόμεθα οὐκ ἐπὶ καταδουλώσει τῶν Ἑλλήνων Ἀθηναίοις*, въ смыслѣ *личнаго* падежа (Thuc. 3. 10); *ἰσχὺς εἴς τε δρόμον καὶ εἰς τὰς ἄλλας πάσας κινήσεις τῷ σώματι*, въ смыслѣ *творительнаго* падежа (Plat. leg. 631 c); *τὰ γὰρ δόλῳ τῷ μὴ δικαίῳ κτήματα*, въ смыслѣ *творительнаго* падежа (Soph. Oed. C. 1027) и др.

Кажется, нами исчерпано все, относящееся къ опредѣленію значенія падежей. Выходитъ, — чтобы вкратцѣ повторить добытые нами *внѣшніе* результаты какъ настоящаго, такъ и предыдущаго отдѣла нашего изслѣдованія, — выходитъ, что въ такой или иной падежъ можетъ попасть только *существительное*, или матеріальное, или формальное (признаковое слово попадаетъ въ него лишь по закону согласованія). Попавшее въ такой или иной падежъ *существительное* — служитъ симасіологическимъ дополненіемъ или *существительнаго* же слова, или *признаковаго* слова, или *предлога*, — предлога то *самостоятельнаго* (*βαίνω κατά τινος*), то тѣснѣе связаннаго съ другимъ словомъ (*καταβαίνω τινος*).

Дополненіемъ *существительнаго* слова — существительное можетъ служить, когда оно стоитъ въ *родовомъ* падежѣ, а то и въ *мѣстномъ* (послѣднее оказалось возможнымъ вслѣдствіе особаго процесса *развитія* мѣстнаго падежа), и кромѣ того въ *личномъ*; находясь въ *личномъ* падежѣ, оно относится къ *дополняемому* слову, какъ названіе *лица* къ названію *вещи*.

Дополненіемъ *признаковаго* слова (положеніемъ признаковыхъ словъ пользуются отглагольныя существительныя и глагольныя имена, первыя — положеніемъ *простыхъ*, а вторыя — положеніемъ *глагольныхъ* признаковыхъ словъ) — существительное можетъ служить *всегда*, въ какой бы падежъ оно ни попало. При этомъ въ *творительномъ* падежѣ оно обозначаетъ орудіе, »*созидающее*« признакъ, въ *удалительномъ* падежѣ — предметъ, отъ котораго *удаляется* признакъ, *прерывая* отношеніе къ нему, въ *мѣстномъ* падежѣ — просторъ, гдѣ *развивается* признакъ, въ *вещномъ* — вещь, которая требуется какъ *матеріалъ* для *проявленія* признака, въ *личномъ* падежѣ — лицо, являющееся такимъ или инымъ *носителемъ* признака, а въ *родовомъ* — какое угодно отношеніе обозначенной имъ *οὐσία* къ признаку.

Дополняя собою *предлоги*, существительное слово входитъ черезъ эти *предлоги* въ такое или иное отношеніе къ другому слову, причемъ это другое слово можетъ быть

или существительнымъ, или признаковымъ. Если это другое слово оказывается *признаковымъ*, то въ принципѣ, для того чтобы *оправдать* предлогъ, слѣдуетъ изъ него извлечь *οὐσίαν*, если только предлоги должны оставаться при своей первоначальной роли, для которой они *понадобились* языку, т. е. при »сопоставленіи *предмета* съ *предметомъ*« ; но такъ какъ извлеченіе *τῆς οὐσίας* есть нѣчто лишь *мысленное* и въ языкѣ ничѣмъ особеннымъ *не выраженное*, то языкъ въ концѣ концовъ могъ пріучить употребляющихъ его обходиться и *безъ* этихъ извлеченій. Другими словами, предлоговые обороты могли принять на себя задачу дополнять и *признаковыя* слова, *увеличивая* собою, такимъ образомъ, средства симасіологическаго дополненія признаковыхъ словъ. И вотъ, мы думаемъ, что когда языкъ *привыкъ* или, скорѣе, пріучилъ *употреблявшихъ* его дополнять признаковыя слова *предлоговыми оборотами*, такъ что сами предлоги стали появляться непосредственно *возлѣ* этихъ признаковыхъ словъ, тогда именно и *могли* предлоги связываться съ самими *признаковыми* словами, могли образоваться composita изъ предлоговъ. Разсмотримъ еще разъ всѣ composita, приведенныя нами на стр. 333-40) и мы ўвидимъ, что это *все* — *признаковыя* слова (или же — *отглагольныя* существительныя, то настоящія, съ *этимологической* точки зрѣнія, то отглагольныя больше по *значенію*; по вопросу о падежахъ, какъ выяснилось, они — *тѣ же* признаковыя слова), *возлѣ* которыхъ — а *въ совмѣщеніи* съ которыми и *подавно*, — предлоги первоначально даже не имѣли мѣста. Такимъ образомъ мы въ развитіи предлоговъ ставимъ *послѣднимъ* то, что Дельбрюкъ ставитъ начальнымъ.

VI.

Мѣстоименія.

Наши разсужденія о частяхъ рѣчи, если исключить отсюда предлоги, занимающіе въ рѣчи болѣе *служебную* роль, вращались до сихъ поръ все въ терминахъ »*признаковое*« слово и »имя *существительное*«. Глаголъ оказался *соединеніемъ* признаковаго слова и .... *существительнаго* (положимъ, не матеріальнаго, а *формальнаго*), что же касается глагольнаго *имени*, то оно заняло какое то неопредѣленное положеніе *между* существительнымъ именемъ и признаковымъ словомъ.

Если глаголъ, это соединеніе признаковаго слова съ существительнымъ, представлялъ собою до *извѣстной* степени *цѣлую* рѣчь, то *признаковое* слово *всегда* можно называть *кускомъ* рѣчи. Оно, будучи произнесено *внѣ* рѣчи, чувствуется *вырваннымъ* изъ нея. Имя существительное, — мы разумѣемъ *простое* имя существительное (такъ мы его въ свое время и *назвали* въ отличіе отъ двусторонняго *глагольнаго* имени и тѣхъ »*формальныхъ*« именъ существительныхъ, которыми мы до сихъ поръ подробно не занимались), — оказалось *внѣ* рѣчи, въ своемъ именительномъ падежѣ, наименованіемъ *всего*, что входитъ въ матеріалъ комбинированной мысли, насколько это »все« можетъ быть облечено въ »предметъ« т. е. въ нѣчто, получающее въ нашемъ представленіи такой видъ, какой получаютъ въ немъ *человѣкъ*, *звѣрь*, *домъ*, *дерево* и прочее, и имѣющее *естественный*,

а то и *воображаемый* мужескій, женскій или »средній« родъ. Эти »предметы«, долженствующіе только еще *войти* матеріаломъ въ комбинированную мысль, *на дѣлѣ* могутъ въ нее войти не *только* въ видѣ *тѣхъ* же именъ существительныхъ, но и въ видѣ *разныхъ* частей рѣчи: *доброта* можетъ войти въ комбинированную мысль въ видѣ слова *добрый, рубленіе* — въ видѣ глагола *рублю, внутренность* — въ видѣ предлога *въ* и т. д. Такое имя существительное въ своемъ именительномъ падежѣ чувствуется *внѣ* рѣчи чѣмъ то вполнѣ самостоятельнымъ, чѣмъ то *не вырваннымъ* изъ рѣчи, и это и есть его *χαρακτηριστικόν*, отличающее его *прежде* всего отъ *признаковаго* слова.

Матеріальнымъ существительнымъ и признаковымъ словамъ мы противопоставили въ свое время *формальныя* существительныя и признаковыя. Ихъ основательно называютъ »*мѣсто*именіями«, а не »именами«, такъ какъ они ничего не »поименовываютъ«, т. е. ничему *имени* или *названія* не даютъ. Они представляютъ пустыя формы, еще только *имѣющія* наполниться содержаніемъ. Это-то пониманіе ихъ, какъ *формъ* для содержанія, дало намъ въ свое время поводъ назвать и *ихъ* »именами«, несмотря на только что приведенное соображеніе. Ихъ симасіологіею мы теперь и займемся.

На первомъ мѣстѣ мы должны поставить *вопросительныя* формальныя имена, которыми говорящій только *ищетъ* то предметъ, то признакъ, давая этимъ понять, что *самъ* еще не знаетъ, какимъ, такъ сказать, *физическимъ* содержаніемъ наполнится тотъ шаръ, тотъ кубъ или вообще та форма, которую онъ строитъ пока лишь *математически*. Такими *вопросительными* формальными именами являются: *τίς* при исканіи одушевленныхъ предметовъ, *τί* при исканіи неодушевленныхъ предметовъ, *ποῖος* при исканіи качественныхъ признаковъ, *πόσος* при исканіи *ариѳметически* количественныхъ признаковъ, *πηλίκος* при исканіи *геометрически* количественныхъ признаковъ,*) хотя *обыкновенно*

---

*) Nicom. Geras. (Astius) pg. 69: *οὔτε περὶ ἁπλῶς μέγεθος οὔτε περὶ ἁπλῶς πλῆθος συσταίη ἄν ποτε ἐπιστήμη, ἀλλὰ περί τι ἀπ' ἀμφοῖν ἀφωρισμένον, ἀπὸ μὲν πλήθους περὶ τὸ πόσον, ἀπὸ δὲ μεγέθους περὶ τὸ πηλίκον*...

слово *πηλίκος* употребляется при исканіи »*возрастнаго*« признака.

Такимъ образомъ, *вопросительныя* формальныя имена, — какъ это и *должно* быть въ соотвѣтствіе *матеріальнымъ* именамъ, — распадаются на »*существительныя*« (*τίς-τί*) и *признаковыя* (*ποῖος - πόσος - πηλίκος*). При этомъ существительное *τίς - τί* дифференцируется въ *πότερος* тогда, когда мы ищемъ одушевленный или неодушевленный предметъ не въ массѣ, а между двумя данными. Слово *πότερος*, видоизмѣняясь по родамъ, уже этимъ самимъ, т. е. этою внѣшнею формою, дѣлается *признаковымъ* словомъ. Оно и понятно: разъ мы ищемъ что нибудь между двумя »*данными*«, отличающимися прежде всего по *признакамъ* (такимъ »признакомъ« можетъ оказаться иногда и само *названіе*, присвоенное каждому изъ нихъ), то и слово, при посредствѣ котораго мы *ищемъ* одно изъ этихъ двухъ »данныхъ«, могло быть *признаковымъ*.

Отвѣтами на приведенныя слова могутъ быть, конечно (мы ихъ поставимъ на *первомъ* мѣстѣ), *отрицательныя* »*οὔτις-μήτις*« (*οὐδείς - μηδείς*).*) Но отрицательныя слова представляютъ собою *composita* изъ тѣхъ же *вопроситель-*

δύο εἰσὶν μέθοδοι ἐπιστημονικαὶ αἳ διευκρινήσουσι πᾶν τὸ περὶ τοῦ πόσου σκέμμα, ἀριθμητικὴ μὲν τὸ περὶ τοῦ καθ' ἑαυτό, μουσικὴ δὲ τὸ περὶ τοῦ πρὸς ἄλλο· πάλιν δὲ ἐπεὶ τοῦ πηλίκου τὸ μέν ἐστιν ἐν μονῇ καὶ στάσει, τὸ δὲ ἐν κινήσει καὶ περιφορᾷ, δύο ἕτεραι κατὰ τὰ αὐτὰ ἐπιστῆμαι ἀκριβώσουσι τὸ πηλίκον, τὸ μὲν μένον καὶ ἠρεμοῦν γεωμετρία, τὸ δὲ φερόμενον καὶ περιπολοῦν σφαιρική.

*) Что сказать о разницѣ между *οὔτις* и *οὐδείς*? *Οὔτις* заключаетъ въ себѣ формальное *существительное*, а въ *οὐδείς* вторая часть оказывается *признаковымъ* именемъ (см. стр. 205). Но было бы крайне неправильно утверждать на этомъ основаніи, что сами *composit'*а суть — первое существительное, а второе — признаковое. *Οὐδείς*, отрицая лишь какую бы то ни было *численность* предметовъ, въ сущности отрицаетъ самые *предметы* (а вовсе не признаки), а потому въ результатѣ совершенно равняется слову *οὔτις*. Такимъ образомъ, *настоящихъ* признаковыхъ греческій языкъ *не выработалъ* въ отрицательныхъ формальныхъ именахъ. Оно и понятно: Если не отрицается *предметъ*, т. е. если *признается* существованіе предмета, то какъ можно отрицать его признакъ? (рѣчь идетъ объ отрицаніи не какого-нибудь *опредѣленнаго* признака, а признака *вообще* т. е. чего то, безъ чего самъ предметъ *немыслимъ*. А съ другой стороны, если *не признается* существованіе предмета, то зачѣмъ отрицать его *признакъ*? — зачѣмъ не отрицать прямо самый предметъ?

ныхъ *) формальныхъ словъ (такъ и по русски: *никто*, *никакой*; въ греческомъ, впрочемъ, еще и *οὐδείς* = ни *одинъ*) и изъ отрицаній, а объ отрицаніяхъ рѣчь еще впереди. Затѣмъ можно отвѣчать *матеріальными* именами, какъ существительными, такъ и признаковыми, и такимъ путемъ сразу »*наполнить* содержаніемъ« поставленныя для этой цѣли и *ищущія* этого содержанія формы. Не исключается, однако, возможность отвѣчать на *вопросительныя* формальныя имена опять лишь *формальными* именами.

Изъ такихъ *отвѣтныхъ* формальныхъ именъ мы должны на первомъ мѣстѣ поставить имена »*неопредѣленныя*«. Мы разумѣемъ слова, въ которыхъ говорящій даетъ знать, что вопросъ, поставленный словами *τίς* – *τί* и пр., *не* разрѣшается въ какую нибудь положительную сторону, а такъ и *остается* вопросомъ. Это-то »остается вопросомъ« греческій языкъ и выразилъ въ своихъ »неопредѣленныхъ« формальныхъ именахъ, воспользовавшись для нихъ тѣми же *вопросительными* именами и только *энклинировавъ* **) послѣднія *по возможности* т. е. поскольку это допускаютъ *внѣшнія* условія ударенія: *εἴ τις λέγει* (такъ и по русски: если *кто* говоритъ); *καὶ μὴν ὅτι γ' ἦν ὁ σοφίστης τούτων πότερον*, *διωμολογημένον ἡμῖν ἐν τοῖς πρόσθεν ἦν* (Plat. Soph. 264 d); ***) *ποσόν τι ὄν* (Plat. Soph. 245. d; здѣсь слово »*ποσόν*« *усилено* словомъ *τι*, т. е. къ *признаковому* »неопредѣленному« приставлено еще *существительное* »неопредѣленное«, такъ что признакъ показанъ въ языкѣ *опи*-

*) Вызванное этою замѣткою недоумѣніе будетъ сейчасъ разрѣшено.

**) Да, »неопредѣленныя« формальныя имена суть, въ сущности, *вопросительныя*. Этимъ и разрѣшается недоумѣніе, вызванное, быть можетъ, нашимъ замѣчаніемъ, что *οὔτις* составлено изъ отрицанія и »*вопросительнаго*« слова. Если языкъ *энклинировалъ* эти вопросительныя слова *для* того, чтобы они сдѣлались »неопредѣленными«, то въ этомъ только выраженъ нѣкоторый *психологическій μετάθεσις* отъ *постановки* прямаго вопроса къ »оставленію чего нибудь *подъ* вопросомъ«.

***) Напрасно, кажется намъ, не хотятъ признавать »неопредѣленнаго« (т. е. quasi энклитическаго) *ποτερος* въ противоположность *вопросительному* (т. е. выражающему непосредственную *постановку* вопроса) *πότερος*. Кюнеръ (Ausf. Gramm. II. 1020) въ примѣрахъ, похожихъ на нашъ, усматриваетъ какой то риторическій пріемъ (rhetorische Wendung) и предлагаетъ напр. *наше* мѣсто понимать такъ: »что софистъ былъ *что́ изъ двухъ*? — это

рающимся на предметъ, хотя *ни* признакъ, *ни* предметъ *не* опредѣлены); *οὐκοῦν καὶ ποιόν τινα αὐτὸν τὸν λόγον εἶναι δεῖ* (Plat. Soph. 262 e; точно также должно было употребляться и *πηλίκος τις*, но примѣра для этого, — должно быть, *по случайности*, — не отыскивается*).

Отъ »неопредѣленныхъ« формальныхъ именъ слѣдуетъ отличать »*обобщающія*«, которыми говорящій даетъ знать, что ему все равно, какъ бы ни рѣшился вопросъ, поставленный словами *τίς-τί* и пр., и что онъ болѣе *опредѣленнаго* его рѣшенія не ищетъ. Отдѣльныхъ словъ для такого, какъ мы выразились, »обобщенія« нѣтъ; языкъ прибѣгаетъ въ данномъ случаѣ къ composit'амъ (русскій языкъ даже къ цѣлымъ предложеніямъ: *кто бы онъ ни былъ*, *кому бы то ни было* и т. д.). Composita эти суть: *ὅστιςοῦν*, *ὅστιςδήποτε*, *ὁποσοςοῦν* и т. д. Разъяснять эти composita здѣсь трудно, такъ какъ мы до сихъ поръ не знаемъ ни *οὖν*, ни *δή*, ни *ποτέ*, равно какъ не знаемъ еще отношенія словъ *ὅστις-ὁποῖος* и пр. къ словамъ *τις-ποιός* и т. д.

Отвѣчать на вопросы *τίς*, *ποῖος* и т. д. мы можемъ и *указательными* формальными именами. Ими, — и не только ими, но и сопровождающимъ ихъ жестомъ, — говорящій направляетъ глазъ собесѣдника, да и свой собственный, на самый предметъ или на самый признакъ, чтобы черезъ непостредственное *ощущеніе* наполнить представленіе искомымъ содержаніемъ. Греки придумали для этихъ словъ

нами раньше признано« (вмѣсто: »что софистъ — *что нибудь* одно изъ двухъ, — это нами раньше признано«). Неопредѣленное значеніе, вообще, признаютъ только за *ἕτερος*. Но *ἕτερος* или *ἅτερος*, происшедшее изъ *ἕν+τερος* (Brugmann Grundr. II. 181), относится къ вопросительному *πότερος* и къ неопредѣленному *ποτερός*, какъ *εἷς* относится къ вопросительному *τίς* и къ неопредѣленному *τις* (*οὐ+τις = οὐδ+εἷς*). Намъ кажется, что не слѣдуетъ игнорировать замѣтку Фотія, который говоритъ (Lex. II. 101): *πότερον, τὸ πευστικόν, βαρυτόνως, ὀξυτόνως δὲ ποτερός = ἅτερος*.

*) Быть можетъ, будутъ настаивать на томъ, что »неопредѣленное »*τις* не есть *существительное*, а представляетъ нѣчто двустороннее, т. е. нѣчто, могущее оказаться и *признаковымъ*. Быть можетъ, признаковымъ его найдутъ въ выраженіи *ἀρετή τις*, руководясь при этомъ русскимъ выраженіемъ »*нѣкая* добродѣтель«. Мы думаемъ, что это *не такъ*, хотя *обосновать* свое мнѣніе мы можемъ лишь впослѣдствіи.

терминъ »*δεικτικά*«. Такими диктическими словами являются: *ἐγώ*, *σύ*,*) *ὅδε*, *οὗτος*, *ἐκεῖνος*, *τοιόςδε*, *τηλικόςδε* и *τοσόςδε*. Слова *ὅδε*, *τοιόςδε*, *τηλικόςδε* и *τοσόςδε* представляютъ composita изъ *δέ* (мы подозрѣваемъ, что это *δέ* — тожественно съ *δή*, найденнымъ нами въ *ὁστιςδήποτε*; объ этомъ, впрочемъ, ниже) и изъ словъ *ὁ* — *τοῖος* — *τηλίκος* — *τόσος*, оказывающихся *общими* какъ для *диктическаго*, такъ и для *другихъ* оттѣнковъ формальныхъ именъ, о которыхъ рѣчь впереди.

Словами *τοιόςδε*, *τηλικόςδε* и *τοσόςδε* говорящій направляетъ глазъ собесѣдника (*δείκνυται*) на *признаки* предмета, словомъ *ἐγώ* — на *себя*, чтобы собесѣдникъ *отличилъ* его среди другихъ присутствующихъ,**) словомъ *σύ* — на самого слушателя, чтобы тотъ понялъ, что именно онъ, а не кто нибудь другой изъ присутствующихъ,***) долженъ быть собесѣдникомъ, наконецъ, словами *ὅδε*, *οὗτος* и *ἐκεῖνος* — на посторонній предметъ, чтобы собесѣдникъ не смѣшалъ его съ какимъ нибудь *другимъ* постороннимъ предметомъ.†) При этомъ, какъ извѣстно, *ὅδε* указываетъ на посторонній предметъ, находящійся въ сферѣ интересовъ

---

*) Apoll. Dysc. de constr. II. 104—105: *αἱ μέντοι ἀντωνυμίαι εἰς οὐδὲν ἄλλο ἀποβλέπουσι διὰ τῆς ἐν αὐταῖς ἐγκειμένης δείξεως ἢ εἰς τὴν ὑποκειμένην οὐσίαν... διὸ καὶ τὰ γένη οὐκ ἐκκοπτόμενα ἰδίοις τέλεσι κατάλληλον ἔσχε τὴν ἐν τοῖς τρισὶ γένεσι θέσιν διὰ μιᾶς συλλαβῆς, εἴ γε καὶ ἡ ἐξ αὐτῶν δεῖξις αὐτὸ μόνον οὐσίαν παρεμφαίνει... ὡς ἔχει ἡ ἐγώ* (слѣдовательно и *σύ*). Итакъ, уже Аполлоній Дисколъ ставилъ слова *ἐγώ* и *σύ* въ одну группу съ диктическими *ὅδε*, *οὗτος* и *ἐκεῖνος*.

**) Отличать его съ особенною тщательностью отъ другихъ присутствующихъ приходится, когда онъ *начинаетъ* говорить, и когда онъ находится въ *толпѣ*; въ этомъ, впрочемъ, помогаетъ ему голосъ, раздающійся отъ него, жестъ, къ которому онъ тутъ же прибѣгаетъ, быть можетъ, наконецъ, и сообщеніе своего *имени*, которое онъ иногда прибавляетъ къ слову *ἐγώ*.

***) Это также бываетъ тогда, когда собесѣдникъ находится въ толпѣ, и когда только еще *начинаютъ* обращаться къ нему съ рѣчью: *вспомогательныя* средства тутъ тѣ же самыя, развѣ что локализированіе *голоса*, раздающагося отъ говорящаго, не имѣетъ здѣсь значенія.

†) И здѣсь приходится прибѣгать къ тѣмъ же вспомогательнымъ средствамъ. Эти средства увеличиваются въ данномъ случаѣ способностью словъ *ὅδε* — *οὗτος* — *ἐκεῖνος* измѣняться по *родамъ* (мужескому, женскому и «среднему») и черезъ то обозначать родъ самихъ *предметовъ*, на которые они направляютъ глазъ собесѣдника. Нельзя сказать, что способ-

самого *говорящаго* (иногда оно присоединяется къ самому *ἐγώ*, какъ *его* усилительное средство: *τόνδε ἐμέ*), *οὗτος* — на посторонній предметъ, находящійся въ сферѣ интересовъ *собесѣдника* (вышеприведенному *τόνδε ἐμέ* соотвѣтствуетъ здѣсь *οὗτος σύ*), а *ἐκεῖνος* — на предметъ *удаленный* отъ бесѣдующихъ, *посторонній* для нихъ, но тѣмъ не менѣе *присутствующій*, иначе направлять *глазъ* на него было бы трудно.

Слова *ἐγώ — σύ* называютъ *личными* мѣстоименіями, а вышедшія изъ ихъ родовыхъ падежей признаковыя *ἐμός — σός**) — личными *притяжательными*, причемъ въ »*третьемъ*« лицѣ фигурируютъ въ качествѣ тѣхъ и другихъ мѣстоименій слова: *οὗ-οἷ-ἕ*, *αὐτοῦ-αὐτῷ-αὐτόν*, *μιν*, *νιν*, *ὅς-σφέτερος*. Отчего *у насъ* эти слова не оказались въ одной группѣ съ *ἐγώ* и *σύ*?

Отъ *δεικτικόν* древніе отличали *ἀναφορικόν*, понимая *ἀναφοράν* въ смыслѣ ссылки на раньше сказанное.**) Если диктическими словами говорящій направлялъ *внѣшній* глазъ на предметъ или признакъ, съ цѣлью ближе познакомить съ нимъ своего собесѣдника, а можетъ быть, и познакомиться съ нимъ самому, то анафорическія слова съ тою же цѣлью направляютъ нашъ *умственный* глазъ на что нибудь. Направленіе *умственнаго* глаза на предметъ или

ность измѣняться по родамъ дѣлаетъ наши слова *признаковыми*, какъ то можно было утверждать выше о *πότερος*. Въ »родѣ« нашихъ словъ, какъ сказано, отмѣченъ *именно* родъ *предметовъ*, на которые они указываютъ. Вообще *признаковыми* формальными именами въ настоящей группѣ оказываются *только* слова *τοιόςδε*, *τηλικόςδε* и *τοσόςδε*.

*) *Ἐμοῦ* есть родовой падежъ и указываетъ, что *признакъ* или *предметъ* (родовой падежъ можетъ зависѣть отъ того и другого) имѣетъ такое или иное »отношеніе« ко *мнѣ*, т. е. къ предмету, обозначенному въ самомъ родовомъ падежѣ. Если въ это »такое или иное отношеніе ко мнѣ« входитъ не признакъ, а *именно* предметъ, то оно (въ данномъ случаѣ это отношеніе дифференцировалось въ *принадлежность* »мнѣ«) можетъ представиться *признакомъ* самого этого предмета, и буде языкъ настолько эластиченъ, чтобы перейти въ *признаковое* слово (что имѣетъ мѣсто въ *данномъ* случаѣ), то онъ это *дѣлаетъ* (впрочемъ, какъ извѣстно, не *всегда*, хотя бы вышеозначенныя *условія* такой замѣны были на лицо).

**) Apoll. Dysc. de constr. I. 98—9: *εἴ γε ἰδίωμα ἀναφορᾶς προκατειλεγμένου προσώπου δευτέρα γνῶσις .... καὶ οὕτω μερίζονται* (*αἱ ἀντωνυμίαι*) *εἰς δεικτικὰς καὶ ἀναφορικάς.*

признакъ находитъ себѣ опору въ томъ, что мы не только держимъ въ памяти и въ представленіи предметъ или *признакъ* предмета, разъ о немъ была рѣчь, — анафорическое слово заставляетъ насъ тогда *вспомнить* все, что объ этомъ предметѣ или признакѣ говорилось въ другомъ мѣстѣ, — но любимъ помогать своими *собственными* познаніями автору рѣчи, разъясняющему намъ что нибудь, и онъ, считаясь съ этимъ, анафорическими словами заставляетъ насъ *порыться* въ этихъ познаніяхъ, чтобы *яснѣе* стало, о какихъ собственно предметахъ или признакахъ идетъ рѣчь.

Анафорически употребляются *не совсѣмъ* тѣ же слова, которыя употреблялись диктически. Нѣкоторыя изъ прежнихъ словъ нѣсколько *видоизмѣняются* при анафорическомъ ихъ употребленіи, но есть и такія, которыя появляются здѣсь *впервые*, и которыхъ въ *δεῖξις*'ѣ не было.

Такъ какъ *все* настоящее разсужденіе объ анафорическихъ словахъ вызвано было непосредственно вопросомъ, касающимся »*личныхъ*« мѣстоименій, — »личными« они называются въ соотвѣтствіи съ тѣми »лицами«, которыя выражены въ окончаніяхъ глаголовъ (ср. стр. 89.), — то прежде всего замѣтимъ, что *признаковыя* формальныя имена не имѣютъ къ »лицамъ« *никакого* отношенія. Они могутъ быть употребляемы о *всѣхъ* лицахъ.*) Что же касается въ частности нашихъ *диктическихъ* признаковыхъ *τοιόςδε*, *τηλικόςδε* и *τοσόςδε*, то въ *анафорическомъ* смыслѣ, — когда на признакъ указывается какъ на запечатлѣвшійся *въ памяти* собесѣдниковъ, — вмѣсто нихъ употребляются слова *τοιοῦτος*, *τηλικοῦτος* и *τοσοῦτος* (въ эпическомъ языкѣ простыя *τοῖος*, *τηλίκος* и *τόσος*). А теперь перейдемъ къ »*личнымъ*« мѣстоименіямъ.

Спрашивается: употребляются ли анафорически слова *ἐγώ* и *σύ* послѣ того, какъ говорящій познакомилъ собесѣдника съ *собою* и опредѣлилъ себѣ его самого? Это — отвѣтимъ мы — вполнѣ зависитъ отъ настроенія говорящаго. Дѣло въ томъ, что говорящій и собесѣдникъ, обозначаемые черезъ *ἐγώ* и *σύ*, вплоть до *окончанія* бесѣды находятся

*) Сравни подстрочное примѣчаніе на стр. 181.

другъ у друга *на глазахъ*, въ *буквальномъ* смыслѣ этого слова, а потому говорящій воленъ или *указать* (*δεῖξαι*) на себя и на собесѣдника лишній разъ и *обратить* еще разъ свои взоры на него, требуя отъ него того же (тогда *ἐγώ* и *σύ* непремѣнно произносятся съ *удареніемъ*), или же говорить о себѣ и о собесѣдникѣ какъ уже вполнѣ установившихся и запечатлѣвшихся въ представленіи и памяти. Въ послѣднемъ случаѣ употребляются слова *ἐγώ* и *σύ*, поскольку это допускаютъ *внѣшнія* условія ударенія, *энклитически* и *безъ* *) именительнаго падежа. Почему безъ *этого* падежа, — вполнѣ понятно. Падежи словъ *ἐγώ* и *σύ* въ такихъ случаяхъ приходится вставлять въ рѣчь почти *исключительно* ради *синтаксической полноты*. Разговорившись съ собесѣдникомъ, я иногда вставляю фразу: *ὅπερ σοι ἔλεγον*. Это энклитическое *σοι само собою* подразумѣвается и составляетъ, по отношенію къ *ὅπερ ἔλεγον*, то, что мы въ свое время назвали »синтаксическимъ *подлежащимъ*« (см. стр. 173.). Въ *именительномъ* падежѣ, достаточно обозначенномъ въ *глаголѣ* (*ἔλεγον* = я говорилъ**), простая синтаксическая полнота *не нуждается*.

---

*) Съ удареніемъ, а слѣдовательно и съ именительнымъ падежемъ употребляются въ *этомъ* случаѣ слова *ἐγώ* и *σύ* при *противопоставленіи*, или *дѣйствительно* выраженномъ (не *я*, а *ты*), или мысленномъ (это сдѣлалъ *я*; подразумѣвается: а не кто нибудь *другой*). Что это противопоставленіе ведетъ въ сущности къ »синтаксическому сказуемому« (сравни стр. 173.), само собою разумѣется. На появленіе ударенія, а слѣдовательно и именительнаго падежа, вліяетъ, впрочемъ, и разстановка словъ: когда рѣчь *начинается* съ »личнаго мѣстоименія«, т. е. когда оно поставлено на *первомъ* мѣстѣ не только въ *началѣ*, но и вообще въ какомъ нибудь *отрывкѣ* рѣчи, слѣдующемъ послѣ *паузы*, то оно не можетъ употребляться энклитически, такъ какъ ему *не на что* опереться своимъ удареніемъ. Быть можетъ, впрочемъ, слѣдуетъ признавать *еще* одинъ мотивъ ударенія и появленія личнаго мѣстоименія въ *именительномъ* падежѣ. Быть можетъ, слѣдуетъ признавать въ языкѣ интонацію, если такъ можно выразиться, чисто *музыкальную*. Сравни Od. *μ* 156: *ἀλλ' ἐρέω μὲν ἐγών, ἵνα εἰδότες ἤ κε θάνωμεν, ἤ κεν ἀλευάμενοι θάνατον καὶ κῆρα φύγοιμεν* (тутъ я не вижу ни противопоставленія, ни синтаксическаго сказуемаго *вообще*, а *ἐγών*, кажется мнѣ, поставлено просто для того, чтобы былъ соблюденъ какой то ритмическій numerus въ рѣчи).

**) Употребленіе именительнаго падежа и падежей *вообще* въ »личныхъ« мѣстоименіяхъ очень ограничено сравнительно съ простымъ существительнымъ. Прежде всего »личныя« мѣстоименія не имѣютъ *звательнаго* падежа.

Что касается *третьяго* грамматическаго лица, т. е. *неодушевленныхъ* предметовъ, а также *лицъ*, *не* исполняющихъ роли собесѣдниковъ, то надобно различать *два* случая: или это третье грамматическое лицо находится *здѣсь*, на мѣстѣ разговора, или оно — гдѣ то далеко отъ бесѣдующихъ, такъ что послѣдніе его *не видятъ*. Въ первомъ случаѣ опять таки говорящій воленъ, *заговоривъ* о немъ и *установивъ* его какъ *предметъ* разговора, въ дальнѣйшей рѣчи или лишній разъ *указать* на него, при посредствѣ тѣхъ же словъ ὅδε, *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, или же говорить о немъ, какъ *запечатлѣвшемся* уже въ памяти собесѣдниковъ, и тогда появляются *анафорическія* формальныя слова, а именно: 1. для »синтаксической *полноты*« и *безъ* именительнаго падежа — слова (они *тоже* — энклитическія, насколько это допускаютъ *внѣшнія* условія ударенія): *οὗ - οἱ - ἑ, μιν - νιν, αὐτοῦ -*

Въ сущности, вопросъ о звательномъ падежѣ касается *одною* только *σύ* — *ὑμεῖς*, а ему, конечно, звательнаго падежа не нужно, такъ какъ оно самимъ *именительнымъ* падежемъ, въ силу его *диктическаго* значенія, опредѣляетъ собесѣдника. Что же касается именительнаго падежа всѣхъ *вообще* »личныхъ« мѣстоименій, то, несомнѣнно, онъ, наравнѣ съ *простымъ* именемъ существительнымъ, можетъ быть »ближайшимъ« опредѣлителемъ лица, показаннаго въ окончаніи глагола, но тогда это уже во *всякомъ* случаѣ симасіологическая *тавтологія*, сопряженная съ *интонаціею* личнаго мѣстоименія и вызванная какимъ нибудь однимъ изъ мотивовъ, приведенныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи. Затѣмъ, относительно того именительнаго падежа и падежей вообще, которые появляются въ рѣчи въ силу *согласованія*, нужно сказать, что »*личныя*« мѣстоименія не могутъ исполнять никакой роли *признаковыхъ* словъ (ибо какъ можетъ »*личное*« мѣстоименіе исполнять роль того, что, какъ выше сказано, никакого лица не имѣетъ?). Они могутъ быть либо психо-логическими, а то и логическими *подлежащими* (только не логическими *опредѣляемыми*; ибо мыслимъ ли логическій объемъ какого нибудь *ἐγώ* или *σύ*, которое представляетъ чистую форму и не имѣетъ матеріальнаго содержанія?), либо могутъ попасть въ логическое равенство (вышеприведенное *οὗτος σύ* есть также логическое равенство). Во *всѣхъ* случаяхъ согласованія личное мѣстоименіе должно служить *опорою* слову, которое съ нимъ согласуется, и это обстоятельство способно оказаться достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы само личное мѣстоименіе произносилось съ удареніемъ (конечно, какое нибудь *ἄνθρωπός εἰμι* въ этой опорѣ не нуждается, такъ какъ лицо показано въ окончаніи глагола, и ударяемое *ἐγώ* появляется здѣсь опять таки только тогда, когда оно вызвано однимъ изъ приведенныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи мотивовъ). Вся настоящая замѣтка будетъ вполнѣ понятна, если читатель припомнитъ сказанное объ именительномъ и звательномъ падежахъ и о согласованіи вообще въ третьемъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія.

*αὐτῷ - αὐτόν**: 2. при *противопоставленіи* или вообще при *интонаціи* (съ *именительнымъ* падежемъ): изъ прежнихъ диктическихъ *два* (*οὗτος* и *ἐκεῖνος*), съ различіемъ въ значеніи, которое скоро будетъ выяснено, а затѣмъ слова *ὁ - ἡ - τό* (сравни: *ἐγώ μέν... οἱ δέ*), *ὅς*, а также ударяемое *οὗ - οἷ - ἕ* (именительнаго падежа тутъ *нѣтъ*; нѣтъ его, впрочемъ, только въ *единственномъ* числѣ; во множественномъ выработана форма *σφεῖς*).

Слѣдовало бы теперь перейти къ разсужденію объ анафорическихъ формальныхъ словахъ, употребляющихся объ *отдаленныхъ* отъ собесѣдниковъ и *не находящихся* на ихъ глазахъ предметахъ. Но, быть можетъ, практичнѣе будетъ предварительно попытаться, насколько возможно, выяснить вопросъ относительно того *богатства* и *разнообразія* анафорическихъ словъ, съ которымъ мы только что познакомились. Казалось бы на первый взглядъ, что ихъ столько не нужно. Быть можетъ даже, нѣкоторое ихъ »излишество« найдетъ себѣ оправданіе въ томъ, что не всѣ они — »анафорическія«.

Мы понимаемъ появленіе *рядомъ* съ словами *οὗτος* и *ἐκεῖνος* еще и простаго *ὁ - ἡ - τό***). Ибо какъ бы въ концѣ концовъ ни разъяснилось различіе словъ *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, они, какъ и русскія *этотъ - тотъ*, должны быть подъ рукою для большей ясности на тотъ случай, когда »*предметомъ* разговора« сдѣлалось не *одно* третье грамматическое лицо, а *два* (вотъ тебѣ *дворецъ*, и вотъ тебѣ *хата*; эта имѣетъ такіе то признаки, а тотъ — такіе то). Тамъ, гдѣ *не приходится* дѣлать различіе между *нѣсколькими* предметами третьяго грамматическаго лица, — тамъ могло имѣть мѣсто простое *ὁ*. Такъ, у Омира постоянно употребляется *ὁ* въ смыслѣ русскаго *онъ* (т. е. тотъ, о комъ идетъ рѣчь = кто сдѣлался предметомъ разговора); вышеприведен-

---

*) Извѣстно разсужденіе древнихъ о томъ, что *αὐτόν*, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, слѣдовало бы *энклинировать*, какъ энклинируются трохеическія *φημί*, *ἐστί* и т. д.

**) Мы говоримъ »*простое*« *ὁ - ἡ - τό* въ виду того, что слово *οὗτος*, какъ ни трудно уяснить его образованіе, этимологически является лишь *осложненіемъ* того же *ὁ*. Смотри Brugmann Grundriss II. 767 и 775.

ное *ἐγὼ μὲν ... οἱ δέ* значитъ: »съ одной стороны я, а съ другой тѣ третьи грамматическія лица, о которыхъ зашла рѣчь« и т. д. (иногда *οἱ μὲν ... οἱ δέ* употребляется *раздѣлительно*: »*одни* изъ тѣхъ, о которыхъ зашла рѣчь ... другіе же« ...*; объ этомъ, впрочемъ, ниже).

Мы понимаемъ дальше, что кромѣ »различительныхъ« *οὗτος – ἐκεῖνος* и кромѣ »безразличнаго« *ὁ – ἡ – τό* могло понадобиться для третьяго грамматическаго лица *еще* одно слово, *тоже* »безразличное.« Славянскій языкъ выработалъ для этой цѣли *рядомъ* съ вышеприведеннымъ *онъ* (въ русскомъ языкѣ склоняютъ не *онъ*, а *оный – оного – оному* и т. д.) еще **и – ꙗ – ѥ** – *его – ему*. Одно слово могло быть предназначено для вызова въ слушателѣ болѣе *напряженнаго* воспоминанія о предметѣ, рѣчь о которомъ разъ уже *зашла* и потомъ, черезъ нѣсколько мгновеній, опять *возобновляется*, а другое могло служить *дѣйствительно* лишь, какъ мы раньше сказали, для »*синтаксической полноты*«, не нуждаясь въ именительномъ падежѣ и указывая на предметъ какъ на нѣчто, что *само собою* подразумѣвается, о чемъ *напоминать* особенно нечего (*онъ*, т. е. лицо, о которомъ зашла рѣчь, *пришелъ*; *и вотъ я сказалъ*, разумѣй *ему*). Если мы славянское *онъ* сопоставляли съ греческимъ *ὁ – ἡ – τό***), то славянскому **и – ꙗ – ѥ** отвѣчало бы греческое *μιν – νιν*. Послѣднее этимологи прямо признаютъ за редуплицированную форму отъ темы **и** (латинское is), и принимаютъ его за сокращенное *ιμ – ιμ* и *ιν – ιν*.***) Но это слово сохранилось только въ вещномъ падежѣ, слѣдовательно, на него нужно смотрѣть больше какъ на »*окаменѣлость*«, образовавшуюся отъ того, что въ ту роль,

---

*) Быть можетъ, эта замѣтка вызываетъ недоумѣніе; быть можетъ, читатель понимаетъ *οἱ μὲν ... οἱ δέ* въ смыслѣ »различительныхъ« *οὗτοι - ἐκεῖνοι* (эти — тѣ). Это недоумѣніе будетъ скоро устранено.

**) Только отчего тогда *ὁ - ἡ - τό* не имѣетъ въ нѣкоторыхъ формахъ *ударенія*, разъ оно служитъ вызовомъ *напряженнаго* воспоминанія? И это выяснится скоро.

***) Смотри Curtius Grundz. 543. Иначе, впрочемъ, разъясняетъ его Brugmann Grundr. II. 770, хотя и онъ приводитъ его въ этимологическую связь съ латинскимъ *is - ea - id*. Предупреждаемъ читателя, что къ *μιν* придется еще вернуться.

которую оно исполняло при своей жизни, вмѣшалось другое слово. Этимъ другимъ словомъ въ омировскомъ языкѣ явился симасіологическій сосѣдъ нашего *ιμ - ιμ*, именно само слово *ὁ - ἡ - τό*, которое, будучи первоначально этимологически, а слѣдовательно и *симасіологически* ослабленнымъ *οὗτος* (*οὗτος*, какъ сказано, есть *»различительное«* слово, а *ὁ - ἡ - τό* — »безразличное«), проявило лишь *градацію* этого ослабленія, когда опустилось на степень славянскаго *его - ему - его.* Однако, у того же Омира, *наряду* съ *ὁ - ἡ - τό*, а впослѣдствіи какъ *полный* побѣдитель надъ самимъ *ὁ - ἡ - τό* (побѣдить его было легко, такъ какъ сама борьба съ нимъ велась изъ за роли, ему, въ сущности, *чужой* и имъ только *присвоенной*), выступаетъ въ значеніи славянскаго *его - ему - его* слово *αὐτοῦ - αὐτῷ - αὐτόν*. Оно, какъ ниже окажется, вмѣшалось въ борьбу слова *ὁ - ἡ - τό* съ темою *уа* (т. е. съ тѣмъ, отъ чего у насъ осталось *μιν* и *νιν*) *совершенно* со стороны, но — duobus certantibus tertius gaudet.

Роль »безразличнаго« анафорическаго слова по отношенію къ *третьему* грамматическому лицу, — касалась ли эта *»безразличность«* вызова болѣе *напряженнаго* воспоминанія, или только »синтаксической полноты.« — послужила ареною борьбы и для слова *οὗ–οἷ–ἕ*, благо слово *ὁ–ἡ–τό*, какъ *неударяемое* въ нѣкоторыхъ своихъ формахъ, мало было способно вызывать это *напряженное* воспоминаніе, и сама тема *уа*, служившая для синтаксической полноты, охотно уступала мѣсто *всякому* слову, заявившему на эту роль притязаніе. Слово *οὗ–οἷ–ἕ*, — такъ мнѣ представляется дѣло, — имѣло первоначально другое назначеніе. Оно этимологически связано съ латинскимъ *sui - sibi - se* и съ славянскимъ *себя - себѣ.* Нетрудно понять, что залоговая возвратность, т. е. переходъ дѣйствія туда же, откуда оно вышло, представлялась явленіемъ, стоящимъ въ задачахъ языка *особнякомъ*, и что для этого явленія языкъ считалъ себя обязаннымъ выработать *особыя* слова. Нетрудно понять, что это явленіе и вызванная имъ задача особенно рѣзко давали себя чувствовать по отношенію къ *третьему* грамматическому

лицу. Ибо первое лицо есть всегда *одно* (это — самъ *говорящій*), второе *тоже* одно (это – собесѣдникъ), а только третьихъ грамматическихъ лицъ въ самой несложной рѣчи *нѣсколько*. и тутъ то больше всего могла выступить потребность отличить въ языкѣ, что дѣйствіе въ *залоговомъ* отношеніи переходитъ среди всѣхъ внесенныхъ въ рѣчь третьихъ лицъ *именно* на то лицо, о которомъ идетъ рѣчь какъ *производитель* даннаго дѣйствія. Другими словами, »*возвратное*« мѣстоименіе (считать ли его »анафорическимъ«?«) имѣетъ наибольшій raison d' être въ *третьемъ* грамматическомъ лицѣ, и если славянскій языкъ его обобщилъ на *всѣ* грамматическія лица, то другіе языки могли распорядиться по своему. Мы подозрѣваемъ, что и въ греческомъ языкѣ *οὗ-οἷ-ἕ* было первоначально »*возвратнымъ*«, *) относясь при этомъ только къ третьему грамматическому лицу, и что оно уже *по этому* не имѣло возможности образовать именительный падежъ, такъ какъ переходъ дѣйствія къ *именительному* падежу — немыслимъ.

Въ *письменномъ* греческомъ языкѣ мы застаемъ слово *οὗ-οἷ-ἕ* съ самаго *начала* (у *Омира*) въ борьбѣ за роль »безразличной« анафоры въ области третьяго грамматическаго лица. Она, эта роль, ему вполнѣ приличествовала, такъ какъ была лишь расширеніемъ его *собственнаго* значенія, встрѣчающагося *также* довольно *часто* у Омира: слово, обозначавшее первоначально, что *дѣйствіе* оказывается въ *переходѣ* своемъ при томъ же лицѣ, отъ котораго оно вышло какъ отъ своего *производителя*, легко могло выразить, что *рѣчь* остается въ *продолженіи* своемъ при томъ же грамматическомъ лицѣ, которое было и раньше предметомъ *разговора*. Тамъ, гдѣ приходилось вызывать »*напряженное*« воспоминаніе о третьемъ грамматическомъ лицѣ, *или вообще* »*интонировать*« *его*, тамъ оно употреблялось съ удареніемъ, а гдѣ о третьемъ лицѣ говорилось лишь для

---

*) Возвратность, въ сущности, не есть *анафоризмъ*, — не есть »*припоминаніе* о предметѣ, съ которымъ мы предварительно познакомились,« а потому мы бы *исключили* слово *οὗ-οἷ-ἕ* изъ числа анафорическихъ словъ, по *первоначальному* значенію.

синтаксической полноты, тамъ оно появлялось *энклитически*. Для правильнаго функціонированія въ *первомъ* изъ указанныхъ здѣсь двухъ случаевъ ему недоставало именительнаго падежа, хотя, какъ сказано, въ *множественномъ* числѣ оно его *создало*, — создало *нарочно* для этого случая (я разумѣю форму *σφεῖς*). Въ *послѣомировскомъ* языкѣ — въ случаяхъ *энклизиса* возобладало всюду вмѣшавшееся въ борьбу за роль третьяго грамматическаго лица *αὐτοῦ — αὐτῷ — αὐτόν*, а въ случаяхъ *интонаціи* стали входить въ употребленіе болѣе *сложныя*, сравнительно съ *ὁ-ἡ-τό*, а слѣдовательно и болѣе вѣскія *οὗτος* и *ἐκεῖνος* съ симасіологическими оттѣнками, которые все еще у насъ не выяснены. Тогда то слово *οὗ-οἷ-ἕ* возвратилось къ своей *первоначальной* роли, къ роли *возвратнаго* мѣстоименія *третьяго* грамматическаго лица. Въ этой роли оно, для *усиленія* своего значенія, стало принимать къ себѣ слово *αὐτός*, — не *то* »*энклитическое*« *αὐτοῦ-αὐτῷ-αὐτόν*, о которомъ была только что рѣчь, а то *первоначальное αὐτός* (*ζημιοῖ ἑαυτόν* = онъ наказываетъ *самого* себя), о которомъ рѣчь впереди. Не незнакома греческому языку — и та *обще*возвратная (относящаяся ко *всѣмъ* грамматическимъ лицамъ) роль слова *οὗ-οἷ-ἕ*, которую мы видимъ въ славянскомъ *себя-себѣ*.*)

Нельзя сказать, чтобы всѣми приведенными разсужденіями достаточно былъ выясненъ вопросъ о »богатствѣ

*) Это общевозвратное значеніе слова *οὗ-οἷ-ἕ* развилось, какъ извѣстно, въ Александрійское время, но и въ классической литературѣ оно встрѣчается нерѣдко (списокъ мѣстъ смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 497-7). Что же касается самого Омира, то у него кое гдѣ встрѣчается притяжательное *ἑός* въ общевозвратномъ смыслѣ (*σὺ δὲ φρεσὶ ᾗσιν ἰανθῇς* — Il. τ 174; *δώμασι οἷσι ἀνάσσοις* — Od. α 402; *δτ' ἐπιμνησαίμεθα σεῖο οἷσιν ἐνὶ μεγάροισι* — Od. δ 192, *οὔτοι ἔγωγε ἧς γαίης δύναμαι γλυκερώτερον ἄλλο ἰδέσθαι* — Od. ι 28). Само *личное* »*οὗ-οἷ-ἕ*« употреблено у Омира въ *общевозвратномъ* смыслѣ только разъ, а именно Il. κ 398: *φύξιν βουλεύοιτε μετὰ σφίσιν*. Аристархъ *не принимаетъ* этого стиха и этимъ даетъ знать, что онъ *вообще* не признаетъ за темою *σϝα* общевозвратности въ *омировскомъ* языкѣ. Мы *также* думаемъ, что *общевозвратность* темы *σϝα* слѣдуетъ считать за *послѣдній* фазисъ симасіологическаго развитія этой темы, а не за *первоначальный*, какъ то приходится иногда слышать особенно о *славянскомъ* »себя-себѣ«. Если Аристархъ, не признающій стиха Il. κ 398, въ то

и разнообразіи анафорическихъ словъ«, перечисленныхъ на стр. 420-1. Мы предупреждали читателя, что постараемся его выяснить лишь настолько, насколько это *возможно* покамѣсть. Въ дальнѣйшемъ придется его еще касаться, а теперь перейдемъ къ анафорѣ *отдаленныхъ*, *не* находящихся на виду говорящаго и слушателя, предметовъ.

Вопервыхъ, *отдаленнымъ* предметомъ можетъ быть *только* третье грамматическое лицо (нельзя же представить отдаленными отъ собесѣдниковъ самихъ *собесѣдниковъ*). Вовторыхъ, это можетъ быть *именно* только *»предметъ«*, а не *признакъ*; нельзя же говорить о какомъ то отдаленномъ *признакѣ* (можно говорить о признакѣ *отдаленнаго предмета*, но не объ *отдаленномъ признакѣ* *)). Втретьихъ, на отдаленный предметъ нельзя *указать* (*δεῖξαι*): къ нему примѣнимы *только* анафорическія, а не диктическія слова. Что же это за анафорическія слова и какова ихъ симасіологія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ — общеизвѣстенъ. Только ради *систематичности* мы приводимъ его въ видѣ нѣсколькихъ *правилъ*.

1. Если мы *впервые* заговорили объ отдаленномъ предметѣ, — отдаленномъ ли по мѣсту, или по *времени*, — то анафорическое слово при немъ**) мыслимо *только* въ смыслѣ приглашенія нашего слушателя порыться въ своихъ *соб-*

же время мирится съ общевозвратностью *притяжательнаго* (Od. δ 192 онъ, повидимому, считаетъ неподлиннымъ только лишь потому, что при *ἐπιμνησαίμεϑα*, т. е. при множественномъ числѣ самихъ *владѣльцевъ τῶν μεγάρων*, онъ ожидаетъ не *οἷσιν*, а *σφετέροισιν*), то вопросъ еще, *есть ли* это общевозвратность? Какъ наше слово *свой*, даже если бы мы его *не чувствовали* общевозвратнымъ, легко переходитъ въ значеніе *собственный*, — значеніе, гдѣ о какомъ бы то ни было лицѣ и *помину* нѣтъ, такъ и греческое *ἑός* — *σφέτερος* могло перейти въ значеніе *ἴδιος* помимо *всякой* общевозвратности.

*) По этому *признаковыя* анафорическія слова не измѣняютъ того положенія, которое мы имъ опредѣлили на стр. 418.

**) Мы говоримъ *»при немъ«*. Слѣдовало сказать *»при его названіи«*; ибо и къ *анафорическимъ* формальнымъ существительнымъ присоединяются (по понятной читателю причинѣ это бываетъ гораздо чаще, чѣмъ при *диктическихъ*) сами *названія* предметовъ (сравни стр. 416.). Что эти *»названія«* предметовъ, т. е. эти *матеріальныя* существительныя, находятся въ *»логическомъ равенствѣ«* съ *формальными* существительными (въ такомъ же логическомъ равенствѣ, на какое мы указывали въ *οὗτος σύ* на стр. 420), — само собою разумѣется.

ственныхъ познаніяхъ объ этомъ предметѣ и черезъ то и съ *своей* стороны посодѣйствовать пониманію нашей мысли, *дополняя* сказанное *нами* о предметѣ *своимъ* знаніемъ его. Анафорически употребляется здѣсь то же слово, которое въ *диктическомъ* значеніи относилось къ *постороннимъ* для собесѣдниковъ и принадлежащимъ *третьему* грамматическому лицу предметамъ. Это — слово ἐκεῖνος (ἐκεῖνος ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος* = та, отдаленная отъ насъ и *извѣстная* тебѣ, слушатель, — быть можетъ даже *»знаменитая«*, — Пелопоннисская война).

2. Если мы *сами* говорили о предметѣ раньше, а потомъ, черезъ нѣсколько времени, *возвращаемся* къ нему, то черезъ ἐκεῖνος можемъ приглашать слушателя вспомнить не только то, что онъ *самъ* знаетъ о данномъ предметѣ, но наряду съ этимъ, а можетъ быть *исключительно* — то, что мы сами ему о немъ *сообщили*.

3. Быть можетъ, мы заговорили о предметѣ *только что*, и тогда обращаемъ вниманіе слушателя на это сказанное черезъ οὗτος (описавъ сраженіе, или вообще *познакомивъ* такъ или иначе съ сраженіемъ, авторъ часто потомъ продолжаетъ: αὕτη οὖν ἡ μάχη = и вотъ это, только что описанное сраженіе). Впрочемъ, и въ *этихъ* случаяхъ у говорящаго можетъ возникнуть желаніе подчеркнуть *именно* отдаленность предмета (отдаленность или по мѣсту, или по времени, а то даже *по отсутствію интереса* къ предмету), и тогда вмѣсто οὗτος *снова* появляется ἐκεῖνος (καὶ ἐκείνην τὴν νύκτα πᾶσαν ἔφευγον = и ту злополучную, только что описанную ночь *всю* провели въ бѣгствѣ). (Обыкновенно, однако, какъ уже раньше на то указано по отношенію къ *присутствующимъ* предметамъ третьяго грамматическаго лица (стр. 421), слова οὗτος и ἐκεῖνος употребляются и здѣсь съ *»различительнымъ«* значеніемъ. Они встрѣчаются, когда приходится анафорировать два предмета *сразу*, причемъ *вообще »οὗτος«* употребляется о болѣе *близкомъ* —, а ἐκεῖνος — о болѣе *отдаленномъ* предметѣ, въ какомъ

*) Почему здѣсь рядомъ съ ἐκεῖνος еще и ὁ, — выяснится ниже.

бы смыслѣ ни приходилось толковать эту »близость« и »отдаленность«, — по мѣсту ли, или по времени, или даже по *интересу*, а то и просто по самой *ссылкѣ*. Въ послѣднемъ случаѣ ἐκεῖνος анафорируетъ предметъ, приведенный *подальше* отъ мѣста ссылки, а οὗτος — тотъ, который *поближе* къ этому мѣсту (сравни русское: »встрѣтишь друзей и недруговъ: *тѣ* поддержатъ тебя, а *эти* постараются сбить тебя съ толку«; что при такой *близости* анафорируемыхъ предметовъ сами анафорическія слова не нуждаются въ присоединеніи къ нимъ *названій* этихъ предметовъ, — само собою разумѣется).*)

Анафорировать можно только что упомянутый предметъ и черезъ ὁ. Слово ὁ, конечно, не можетъ принять на себя того »*различительнаго*« характера, который съ удобствомъ влагается въ οὗτος и ἐκεῖνος, и могло встрѣчаться только тамъ, гдѣ приходилось анафорировать *одинъ* предметъ, а не два сразу.**) Оно, такъ сказать, могло *замѣнять* собою слово οὗτος въ томъ его значеніи, въ какомъ мы о немъ упоминали въ *началѣ* предыдущаго третьяго пункта. Такъ оно употреблялось у *Омира*. Но впослѣдствіи въ качествѣ замѣны слова οὗτος оно встрѣчается все рѣже. Одинъ изъ случаевъ *такого* его употребленія представляетъ собою οἱ μὲν .... οἱ δέ. Было бы ошибочно утверждать, что въ данномъ оборотѣ слово ὁ принимаетъ на себя »*различительное*« значеніе. Если тутъ *можно* толковать о »различительности, то она выражена въ самихъ μέν и δέ. Въ самомъ дѣлѣ, οἱ μὲν .... οἱ δέ ведетъ къ переводу »вышеприведенные предметы *съ одной* стороны . . . вышеприведенные предметы *съ другой* стороны«. Что значитъ здѣсь »*съ одной* и съ *другой* стороны« ? Это значитъ, что »вышеприведенные предметы« или, точнѣе, вышеприведенная *группа* предметовъ — дѣлится на двѣ *половины* (такъ и *встрѣчается* »οἱ μὲν .... οἱ δέ«: много у него недруговъ; одни преслѣдуютъ его а другіе...).

---

*) Всѣмъ этимъ мы и отвѣчаемъ на вопросъ, возбужденный по поводу словъ οὗτος и ἐκεῖνος на стр. 421.

**) Конечно, за слово *ὁ-ἡ-τό опять таки* цѣпляются здѣсь всѣ тѣ формальныя имена, о которыхъ мы говорили на стр. 422-3.

Кромѣ того, конечно, »съ одной стороны« и »съ другой стороны«, выраженное въ *μέν* и *δέ*, сводится къ замѣнѣ оборотомъ *οἱ μὲν .... οἱ δὲ* »различительныхъ« *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, но это лишь до *нѣкоторой* степени и въ *извѣстномъ* смыслѣ. Ибо какой изъ »вышеприведенныхъ« предметовъ анафорируется въ этихъ случаяхъ выраженіемъ *οἱ μέν*, и какой — выраженіемъ *οἱ δέ*, это *не дано* такъ ясно въ самихъ выраженіяхъ, какъ это было дано въ *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, а должно быть усматриваемо изъ *общаго* контекста.*)

Слово *ἀναφορά* — очень выразительный терминъ, но ему слѣдовало противопоставить *ἐπιφοράν*. Съ такимъ же правомъ, съ какимъ наши формальныя имена указываютъ на »вышесказанное« или вообще на «раньше узнанное«, они могутъ указывать и на »нижеслѣдующее«. Правда, это »нижеслѣдующее« должно слѣдовать *непосредственно* послѣ произнесенія самого формальнаго слова, и, такимъ образомъ, *ἐπιφορά* можетъ составить pendant лишь той анафорѣ, въ которой мы имѣемъ дѣло съ »*только* что упомянутымъ«, и притомъ *безъ* »различительнаго« характера, такъ какъ *предупреждать* формальнымъ именемъ мы можемъ только объ *одномъ* »нижеслѣдующемъ«, а не *двухъ* сразу. Эпифорически употребляется *только* — по отношенію къ »предметамъ« *ὅδε–ἥδε–τόδε*, а по отношенію къ »признакамъ« — *τοιόςδε–τηλικόςδε–τοσόςδε**), что вполнѣ понятно, такъ какъ то, о чемъ говорящій желаетъ *предупредить* слушателя формальнымъ словомъ, онъ самъ, какъ бы, пред-

*) Вотъ отвѣтъ на вопросъ, возбужденный на стр. 422. въ подстрочномъ примѣчаніи. Когда мы читаемъ у Ксенофонта (Cyrop. VIII. 4. 14).: *χαλεπώτερόν ἐστιν εὑρεῖν ἄνδρα τ' ἀγαθὰ καλῶς φέροντα ἢ τὰ κακά· τὰ μὲν γὰρ ὕβριν τοῖς πολλοῖς, τὰ δὲ σωφροσύνην τοῖς πᾶσιν ἐμποιεῖ*, то здѣсь сказано *только:* вышеприведенное *съ одной стороны* есть источникъ преступности для большинства, вышеприведенное *съ другой стороны* есть источникъ воздержанія отъ преступленій для всѣхъ; къ чему въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отнести »вышеприведенное«, — это можно усмотрѣть лишь изъ *контекста.*

*) Слова *ὅδε-τοιόσδε-τηλικόσδε-τοσόσδε* не употребляются никогда *анафорически.* Этому утвержденію, какъ будто, противорѣчатъ нѣкоторыя мѣста особенно часто приходится ихъ встрѣчать у Иродота, — гдѣ *ὅδε* и пр. относятся къ «вышесказанному«. Что это противорѣчіе — *только* кажущееся,

видитъ собственными *глазами*, считаетъ это, пока оно не сообщено слушателю, своею *собственностью*, а потому и можетъ употребить диктическое слово »*перваго* лица« (сравни выше стр. 416–7). Иногда, положимъ, говорятъ такъ: *τοῦτό γε δὴ μόνον διάφορον ἐν τῇ πορείᾳ ἐγένετο, ἡ τοῦ ἡγεμόνος κάκωσις καὶ ἀμέλεια*« (Xen. Anab. IV. 6. 3). Не противорѣчитъ духу греческаго языка и такая фраза: *ἀλγεινότατον θάνατον θανεῖν πρόθυμός εἰμι ἐκείνῃ τῇ ἡμέρᾳ ᾗ με ἐλευθερώσει τούτου τοῦ κακοῦ*. Это не значитъ, что *οὗτος* или *ἐκεῖνος* употребляются *эпифорически*. Оба слова въ *данныхъ* примѣрахъ относятся къ синтаксически *зависимымъ* выраженіямъ. Во *второмъ* примѣрѣ мы имѣемъ дѣло даже не съ эпифорою, и не съ анафорою, а просто съ »соотносительностью«, о которой рѣчь впереди, а въ *первомъ* сама синтаксическая *зависимость* представляетъ собою нѣчто, что допускаетъ и *другую* разстановку, и тогда слово *τοῦτο* (въ другихъ случаяхъ можетъ появиться и *ἐκεῖνο* и *τοιοῦτο* и пр.) окажется и *внѣшне* анафорическимъ, какъ имъ было *внутренно* при *данной* разстановкѣ (какъ извѣстно, грекъ даже *предпочитаетъ* въ примѣрахъ, похожихъ на нашъ, разставлять слова такъ: *ἡ τοῦ ἡγεμόνος κάκωσις καὶ ἀμέλεια, τοῦτο μόνον διάφορον ἐν τῇ πορείᾳ ἐγένετο*).

Самымъ *краткимъ* анафорическимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и эпифорическимъ формальнымъ именемъ оказывается слово *ὁ-ἡ-τό*. Хотя настоящая статья находится въ связи съ замѣткою объ анафорическомъ *ὁ-ἡ-τό*, помѣщенною на стр. 428, но тамъ мы имѣли въ виду, какъ читатель могъ догадаться, *самостоятельное ὁ*, *не* въ соединеніи съ »*матеріальнымъ*« именемъ, — то же *ὁ*, о которомъ мы упоминали на стр. 421. Въ настоящей же статьѣ мы намѣрены разобрать то *ὁ*, которое соединяется съ »матеріальнымъ« име-

доказать нетрудно. Мы думаемъ, что въ *данномъ* случаѣ *ὅδε* и пр. является *чисто* диктическимъ. Когда говорятъ по русски »*онъ мнѣ сказалъ, что онъ неспособенъ къ этому дѣлу, а вѣдь сказать этакую вещь, согласитесь, значитъ недовѣрять себѣ*«, то, произнося слово *этакую*, совсѣмъ даже *не думаютъ*, о томъ, что о предметѣ »только что упомянуто«, а просто *предводятъ* его такъ сказать (*тоже* — своего рода метафора!), предъ глаза слушателя.

немъ и даже, какъ окажется, съ другими словами, и которое обыкновенно называютъ »членомъ«. Какъ извѣстно, оно доходитъ до симасіологическихъ тонкостей, съ которыми чрезвычайно трудно справиться. Еще въ 1877 г., въ моихъ »Изслѣдованіяхъ въ области греческаго мѣстоименія«, я задался вопросомъ о значеніи этого слова и до сихъ поръ не нашелъ въ самой *фактической* сторонѣ языка ничего, что противорѣчило бы теоріи, изложенной въ упомянутомъ сочиненіи. Позволяю себѣ вкратцѣ *повторить* эту теорію, пополнивъ ее тѣмъ, что для нея вытекаетъ изъ *всей* системы симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ.

Принимая слово ὁ - ἡ - τό за формальное *существительное* (какимъ было и ὅδε - οὗτος - ἐκεῖνος), а не за формальное *признаковое* имя, я различаю *шесть* оттѣнковъ въ его значеніи. По этимъ оттѣнкамъ я его называю: 1. ὁ историческаго намека: 2. ὁ анафорическое въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова; 3. ὁ контекстивное; 4. ὁ раздѣлительное: 5. ὁ синтаксическаго подлежащаго; 6. ὁ эпифорическое или грамматическое. Разъяснимъ эти термины.

1. Ὁ историческаго намека отличается, конечно, прежде всего *краткостью* отъ того ἐκεῖνος, которое мы на стр. 427. толковали въ смыслѣ «тотъ, отдаленный отъ насъ и *извѣстный* тебѣ, слушатель, предметъ». По своей краткости оно не можетъ чувствоваться настолько выразительнымъ, какъ само ἐκεῖνος, а потому при желаніи *подчеркнуть* извѣстность и *отдаленность* оно *замѣняется**) словомъ ἐκεῖνος. Когда мы излагаемъ что - нибудь нашему

---

*) Мы говоримъ »замѣняется«. Это значитъ, что если появляется *ἐκεῖνος*, то нѣтъ мѣста слову ὁ, и наоборотъ. Такъ было дѣйствительно *въ старину*. Впослѣдствіи, однако, языкъ сдѣлалъ для себя обязательнымъ — не только *ἐκεῖνος*, но и *οὗτος* и *ὅδε* какъ въ ихъ анафорическомъ (respective эпифорическомъ), такъ и дикгическомъ и *всякомъ* вообще значеніи *усиливать* словомъ ὁ. Мы въ этомъ видимъ явленіе, аналогичное русскому *этотъ-то*. Положимъ, грекъ привыкъ прибѣгать къ такому усиленію *только* передъ *матеріальными* существительными (*ἐκεῖνος ὁ πόλεμος*), а не при *самостоятельномъ* употребленіи формальныхъ существительныхъ, т. е. не въ тѣхъ случаяхъ, когда *формальное* существительное *обходится*, при обозначеніи предмета, безъ *названія* самого предмета (сравни выше стр. 416 и 426, подстрочныя примѣчанія) Вотъ отвѣтъ на вопросъ, возбужденный подстрочнымъ же примѣчаніемъ на стр. 427.

собесѣднику, то въ нашей рѣчи постоянно чередуются *намеки*, въ которыхъ мы разсчитываемъ и опираемся на *собственныя* познанія собесѣдника, съ *непосредственнымъ* изложеніемъ, въ которомъ мы сообщаемъ *отъ себя* имѣющее быть для собесѣдника *новостью*. Намекомъ можетъ являться *одинъ* какой нибудь »историческій терминъ« (*ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος***), или цѣлая сложная рѣчь. Въ русскомъ *разговорномъ* языкѣ мы слышимъ, напримѣръ, такую рѣчь: »Когда *это* ввалились французскія *то* полчища въ Москву *то*, въ двѣнадцатомъ *то* году, тогда ...«, а теперь говорящій начинаетъ излагать нѣчто *отъ себя*. Въ приведенномъ »сложномъ« историческомъ намекѣ слово *это* принадлежитъ, какъ бы, къ *цѣлой мысли*, а затѣмъ авторъ рѣчи употребляетъ при отдѣльныхъ именахъ слово »то« совершенно *произвольно*, прибавляя его къ *какому угодно* имени (даже иногда къ *глаголу*!) и уснащая имъ весь историческій намекъ до стилистической тяжеловатости. Греческій языкъ не прибѣгаетъ въ сложныхъ историческихъ намекахъ къ такому средству какъ русское *общее* »это« (когда *это* ввалились), но затѣмъ онъ свое *ὁ – ἡ – τό* ставитъ совершенно такъ же, какъ русскій свое *то* (только къ *глаголу* онъ его не прибавляетъ, такъ какъ *его ὁ – ἡ – τό* слишкомъ еще чувствуется »*именемъ*«, *склоняющимся* и имѣющимъ *родовыя* окончанія). Сравни Thuc. 1. 9.: *Ἀγαμέμνων τέ μοι δοκεῖ τῶν τότε δυνάμει προύχων* (= Агамемнонъ дѣйствовалъ какъ возвышающійся надъ остальными своимъ *могуществомъ*, своимъ *вліяніемъ*; это Θукидидъ объявляетъ *отъ себя*) *καὶ οὐ τοσοῦτον τοῖς Τυνδάρεω ὅρκοις κατειλημμένους τοὺς Ἑλένης μνηστῆρας ἄγων τὸν στόλον ἀγεῖραι* (= а не потому онъ осуществилъ извѣстный тебѣ,

**) Принимая ὁ за формальное *существительное*, мы видимъ въ *ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος* »логическое равенство«. *Ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος* значитъ: извѣстный тебѣ *предметъ*, Пелопониисская *война*. Да не подумаетъ читатель, что здѣсь слово ὁ - *эпифорическое*. Если бы ὁ было *эпифорическимъ*, то выраженіе *ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος* должно бы обозначать: *вотъ* какой предметъ, *Пелопониисская война*. Но въ данномъ примѣрѣ слово ὁ поставлено не какъ *предупреждающее* о томъ, что послѣдуетъ, а какъ *предполагающее извѣстнымъ* то, что послѣдуетъ.

читатель, походъ, что, какъ ты знаешь и какъ тебя учили, повелъ какихъ то жениховъ Елены, связанныхъ какими то клятвами Тиндара; это — историческій намекъ.) Что слово ὁ - ἡ - τό можетъ употребляться здѣсь и при *собственныхъ* именахъ (особенной нужды въ этомъ нѣтъ, такъ какъ собственное имя *само* достаточно »припоминаетъ« предметъ), — это доказываютъ примѣры, какъ τῆς Ἴδης τοῦ ὄρους (Thuc. 8. 108.) и др.

Разставаясь съ ὁ историческаго намека, мы не можемъ не сдѣлать одного весьма важнаго указанія, которое, впрочемъ, касается всего ὁ вообще, а не одного его *настоящаго* оттѣнка. Въ выраженіи ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος слово Πελοποννησιακός есть *признаковое* и относится къ слову πόλεμος какъ его »логическое опредѣленіе» (сравни стр. 190). Такимъ образомъ, одна изъ сторонъ логическаго равенства, съ которымъ, какъ то выяснено въ непосредственно предшествующей подстрочной замѣткѣ, мы здѣсь имѣемъ дѣло (*другая* его сторона представлена самимъ ὁ), состоитъ изъ понятія съ *болѣе* широкимъ логическимъ объемомъ (πόλεμος) и изъ слова *съуживающаго* этотъ логическій объемъ. Другими словами, *матеріальныхъ* именъ, которыми здѣсь обозначенъ предметъ, *два*, а не одно. На вопросъ, къ которому изъ нихъ *собственно* »относится« *) ὁ, къ слову ли πόλεμος, или къ слову Πελοποννησιακός, мы должны отвѣтить, что къ слову Πελοποννησιακός; ибо *оно*, какъ съуживающее логическій объемъ слова »πόλεμος,« *главнымъ* образомъ опредѣляетъ предметъ. Соотвѣтственно этому опредѣляется и постановка слова ὁ. Говорятъ; »ὁ Πελεποννησιακὸς πόλεμος« (= *извѣстная* тебѣ, *Пелопоннисская* война, **) »ὁ πόλεμος ὁ Πελο-

---

*) Т. е. какъ это »относится«? — что значитъ »относится«? — Это значитъ, что съ однимъ изъ этихъ словъ само ὁ должно вступить въ отношеніе синтаксическихъ подлежащаго и сказуемаго.

**) Въ этомъ переводѣ даннаго примѣра мы уже не считаемся съ логическимъ равенствомъ, заключающимся въ немъ, какъ не считались съ нимъ и въ постановкѣ *вопроса, вызвавшаго* этотъ переводъ (мы спрашивали о томъ: къ какому слову *относится* слово ὁ, а не о томъ, къ чему слово ὁ составляетъ одну *сторону* логическаго уравненія). Если бы мы *считались* съ логи-

πον νησιακός (= *извѣстная* тебѣ война, извѣстная Пелопоннисская*) и »*πόλεμος ὁ Πελοποννησιακός* (= война, а именно извѣстная тебѣ Пелопоннисская). Совершенно иначе мы относимся къ примѣру *οἱ Ἑλένης μνηστῆρες*. И здѣсь говорятъ о родовомъ падежѣ *Ἑλένης* какъ о »логическомъ опредѣленіи.« Уже по объясненіямъ на стр. 384 читатель можетъ догадаться, что *мы* толкованіе о »логическомъ опредѣленіи« въ *данномъ* примѣрѣ постараемся *устранить*. Слово *Ἑλένης* не есть *признаковое* слово, а потому усматриваніе въ немъ »логическаго опредѣленія« неумѣстно. *Οἱ Ἑλένης μνηστῆρες* значитъ: *Извѣстные* тебѣ, собесѣдникъ, люди, имѣющіе отношеніе къ Еленѣ (= *οἱ Ἑλένης*; въ другихъ случаяхъ могло бы *дальнѣйшаго* матеріальнаго существительнаго и *не быть*), а именно *женихи* (подразумѣвай *ея*). **)

2. Анафорическое *ὁ* въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова. Подъ нимъ мы разумѣемъ то *ὁ*, которое заставляетъ слушателя вспомнить о предметѣ, что говорилось о немъ

ческимъ равенствомъ, то должны бы переводить, какъ переводили раньше: извѣстный тебѣ, собесѣдникъ, *предметъ* мужескаго рода (*ὁ*), *то есть, Πελοποννησιακὸς πόλεμος*. Мы имѣемъ основаніе думать, что съ логическимъ равенствомъ въ концѣ концовъ не считались сами *греки*; они въ *данномъ* и ему подобныхъ выраженіяхъ понемногу привыкали усматривать въ словѣ *ὁ* интегральную часть выраженія, какъ чего то компактно *слитаю*, и не только не разграничивали въ немъ двухъ половинъ, какъ того требовало »логическое равенство,« но *вообще* чувствовали все выраженіе въ слѣдующей синтетической (сравни стр. 327-8) зависимости: извѣстная тебѣ, собесѣдникъ (Пелопоннисская война). Въ *частности*, т. е. касательно самого слова *ὁ*, мы хотимъ всѣмъ настоящимъ разсужденіемъ указать на то, что греки понемногу привыкали усматривать въ словѣ *ὁ* *признаковое* слово (= извѣстный тебѣ, собесѣдникъ, *такой то* предметъ, обозначенный *матеріальнымъ* существительнымъ), чѣмъ, конечно, *первоначально* слово *ὁ* *не было*.

*) Здѣсь, повидимому, греки *не теряли* сознанія о *двухъ* половинахъ выраженія. Конечно, и *тутъ* не чувствовалось *само* *ὁ* какъ *одна* изъ этихъ половинъ (ибо тогда вышло бы ихъ въ настоящемъ выраженіи цѣлыхъ *четыре*). Разбивая данное выраженіе на *двѣ* половины, мы ставимъ въ одну *ὁ πόλεμος*, а въ другую, въ смыслѣ appositionis, *ὁ Πελοποννησιακός*.

**) Въ концѣ концовъ, конечно, можно было опять таки *привыкнуть* чувствовать *Ἑλένης* въ »смыслѣ« *признаковаго* слова (*οἱ Ἑλένης μνηστῆρες* = Елен*ины* женихи) и смотрѣть на *все* выраженіе »*οἱ Ἑλένης μνηστῆρες*« такъ, какъ *привыкли* смотрѣть, по вопросу о синтетической зависимости (сравни *предпослѣднее* подстрочное примѣчаніе), на выраженіе *ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος*.

выше. И оно могло быть замѣнено болѣе *широкими* анафорическими словами οὗτος и ἐκεῖνος*), *само* присоединяясь къ нимъ, — по крайней мѣрѣ въ болѣе *позднемъ*, сравнительно, языкѣ, — какъ ихъ усиленіе. Оно употребляется то самостоятельно (сравни, напр., выраженіе πρὸ τοῦ = передъ тѣмъ, т. е. передъ вышесказаннымъ;** сюда же относится и разъясненное на стр. 428-9 οἱ μὲν . . . οἱ δέ), то въ соединеніи съ матеріальнымъ именемъ *существительнымъ* (τὰ παιδία*** = вышеупомянутыя дѣти: при *собственномъ* имени его опять таки употреблять не нужно), а то и передъ матеріальнымъ *признаковымъ* именемъ (οἱ ἀναχωρήσαντες = вышесказанные люди, т. е. отступившіе).

Приведенное οἱ ἀναχωρήσαντες представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ случаевъ (они могутъ встрѣтиться и въ другихъ симасіологическихъ оттѣнкахъ слова ὁ), о которыхъ говорятъ, что въ нихъ черезъ прибавленіе слова ὁ признаковое имя превращается въ существительное. Разсуждающіе такъ представляютъ себѣ, что само ὁ принимаетъ на себя всю substantiv'ную функцію и *вполнѣ* освобождаетъ отъ нея присоединяющееся къ нему признаковое слово. Мы съ этимъ несогласны.†) По *первоначальному* смыслу конструкціи, οἱ представляетъ *одну* сторону логическаго уравненія, а »ἀναχωρήσαντες« — другую (мы же переводили: вышеупомянутые люди, т. е. отступившіе), и каждое изъ нихъ, *отдѣльно* взятое, должно исполнять *самостоятельно* роль *существительнаго*. Отъ *этой* роли слову ἀναχωρή-

---

*) Положимъ, слова οὗτος и ἐκεῖνος составляютъ здѣсь нѣкоторый *plus* въ сравненіи съ короткимъ ὁ, такъ какъ оттѣнковъ *близости* и *отдаленности*, въ какомъ бы мы смыслѣ ни *толковали* эту близость и отдаленность (сравни стр. 428), простое ὁ обозначить не можетъ.

**) Въ прибавленіи *матеріальнаго* существительнаго, какъ *вспомогательнаго* средства для обозначенія предмета, слово ὁ здѣсь особенно не нуждается, такъ какъ о *самомъ* предметѣ говорилось »*только что*.«

***) И здѣсь нужно предположить *постепенный* переходъ отъ логическаго равенства (= вышеприведенные предметы средняго рода, именно дѣти) къ пониманію выраженія τὰ παιδία въ смыслѣ компактно слитаго оборота, въ которомъ τά чувствуется *признаковымъ* словомъ.

†) Вообще, о способности слова ὁ »превращать« признаковыя имена въ существительныя можно разсуждать, по нашему мнѣнію, лишь въ *шестомъ* его симасіологическомъ оттѣнкѣ, о которомъ рѣчь впереди.

σαντες отказываться *не приходится:* на стр. 194–5 мы выяснили, что *вообще* признаковому имени *легко* перейти въ роль существительнаго.

Не ошибаемся ли мы, и не слѣдуетъ ли въ *οἱ ἀναχωρήσαντες* усматривать первоначально не логическое равенство, а отношеніе слова *οἱ*, какъ психо-логическаго *подлежащаго*, къ *ἀναχωρήσαντες*, какъ психо-логическому сказуемому? Не злоупотребляли ли мы *вообще* логическимъ равенствомъ въ объясненіи конструкцій съ *ὁ*? Если бы *ἀναχωρήσαντες* было *сказуемымъ* по отношенію къ слову *οἱ*, то тогда бы все *οἱ ἀναχωρήσαντες* обозначало: вышеприведенные люди; они *отступили* (= они — *отступившіе*). »Слитое затѣмъ въ одно *компактное* цѣлое«, оно *дѣйствительно* могло бы производить такое впечатлѣніе, что *ὁ превращаетъ* признаковое имя (т. е. сказуемое, *выраженное* признаковымъ именемъ) въ существительное, такъ какъ это »*компактное* цѣлое« вышло бы изъ фразы: тѣ, что *отступили*. Но едва ли это все такъ. Если бы это было такъ, т. е. если бы »*ἀναχωρήσαντες*« было *сказуемымъ* къ слову »*οἱ*«, то тогда въ »вышесказанномъ«, на которое *все* »*οἱ ἀναχωρήσαντες*« служитъ намекомъ, не могло бы быть рѣчи объ отступленіи какъ чертѣ, черезъ которую собесѣдникъ *знакомился* съ предметомъ. А между тѣмъ вся сущность выраженія *οἱ ἀναχωρήσαντες*, какъ *намека* на »вышесказанное«, въ томъ и заключается, что слушатель черезъ »*ἀναχωρεῖν*« *знакомился* съ предметомъ. Разъ это такъ, то въ самомъ *намекѣ* слово *ἀναχωρήσαντες*, можетъ быть только *поименованіемъ* предмета (стало быть, — существительнымъ), а не *сказуемымъ* предмета (стало быть, — не *признаковымъ* словомъ).

3. Контекстивное *ὁ*. Если авторъ рѣчи заговорилъ о какомъ нибудь предметѣ (напр. кораблѣ), или о какой нибудь картинѣ (напр. кражѣ), то необходимыя *части* этого предмета (мачта, паруса и пр.) и необходимые элементы этой картины (воръ, краденныя вещи и т. д.) сразу рисуются въ нашемѣ представленіи, хотя бы говорящій и *не упоминалъ* о нихъ особыми словами, а потому тамъ, гдѣ дѣло наконецъ

доходитъ до упоминанія о нихъ, онъ можетъ говорить о нихъ, какъ о *находящихся* въ представленіи слушателя, не *внося* въ него —, а изъ него ихъ *вызывая* и, такъ сказать, *ссылаясь* на нихъ, какъ на »вышеупомянутые«.*) Такъ и въ случаяхъ, гдѣ что нибудь представляется »самоподразумѣвающимся« *продолженіемъ* начатаго, языкъ прибѣгаетъ къ контекстивному ὁ. Послѣ *πρῶτον μέν* (= сперва; конечно, *сперва* есть »нарѣчіе«; но мы скоро докажемъ, что »нарѣчія« суть собственно имена существительныя), слѣдуетъ *τὸ δὲ δεύτερον* (= а *тамъ,* дальше).

4. Раздѣлительное ὁ. Заговоривъ или *собираясь* говорить о какой нибудь *группѣ* предметовъ, авторъ рѣчи можетъ опереться на *врожденное* какъ ему, такъ и его слушателю стремленіе различать, сопоставлять, дѣлить, классифицировать и можетъ *вызывать* въ слушателѣ это *идущее* ему на встрѣчу стремленіе, указывая на *часть* группы »раздѣлительнымъ« ὁ. Когда говорятъ *τῶν γονέων οἱ ἀγαθοί*, то этимъ хотятъ сказать: ты знаешь, какъ обыкновенно различаютъ родителей; такъ вотъ, изъ нихъ хорошіе *то*** (подразумѣвай *γονεῖς*) поступаютъ такъ то. Если гдѣ, то именно *здѣсь*, при «*раздѣлительномъ*« ὁ, умѣстно соединять съ существительнымъ *признаковое* имя въ качествѣ »*логическаго опредѣленія*«***). При этомъ, можно сказать, само ὁ *помогаетъ* ему исполнять его роль, такъ какъ »логическое опредѣленіе« *дѣлитъ* логическій объемъ предмета, а ὁ *вызываетъ* на это дѣленіе†). Нечего особенно рас-

*) Чтобы и *здѣсь* слово ὁ было »замѣняемо« словами *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, на это мы не имѣемъ примѣра подъ рукою; *принципіально* этого отвергать нельзя.

**) Надобно замѣтить, что русское »*то*« сопровождаетъ греческое ὁ во *всѣхъ* его симасіологическихъ оттѣнкахъ, за исключеніемъ *послѣдняго* т. е. *шестаго*.

***) Сравни стр. 192.

†) Это — не то, что было въ ὁ *Πελοποννησιακὸς πόλεμος* на стр. 433-4., или что могло бы быть въ другихъ симасіологическихъ оттѣнкахъ слова ὁ, если бы туда попало »логическое опредѣленіе«. Въ ὁ *Πελοποννησιακὸς πόλεμος* на стр. 433-4, слово ὁ, хотя и »*относилось*« къ »логическому опредѣленію«, но его *непосредственная* роль представляла собою нѣчто *совершенно* другое, чѣмъ какую бы то ни было *помощь* логическому опредѣленію исполнять его роль. Разумѣется, когда признаковое слово *не*

пространяться о томъ, что напр. *οἱ ἐπιστήμονες*, или то же *οἱ ἀγαθοί*, когда къ нему *не* приставлено существительное, или когда къ нему *не* приставленъ родовой падежъ (какъ было выше *τῶν γονέων*), изъ котораго можно бы *подразумѣвать* существительное къ нему, не даетъ опять таки ни *малѣйшаго* повода видѣть въ *ὁ* нѣчто, *»превращающее«* признаковое *ἐπιστήμονες* или *ἀγαθοί* въ *существительное; οἱ ἐπιστήμονες* или *οἱ ἀγαθοί*, если въ немъ *οἱ* — »раздѣлительное«, значитъ: бери *часть* предметовъ *мужескаго* рода (= людей); бери *знающихъ* — *хорошихъ.* Другими словами, — по *первоначальной* конструкціи (мы *опять* имѣемъ здѣсь дѣло съ логическимъ равенствомъ), слова *ἐπιστήμονες* и *ἀγαθοί* исполняютъ роль существительныхъ просто по *склонности* признаковыхъ исполнять эту роль.

5. *Ὁ* синтаксическаго подлежащаго (разумѣй, *ὁ* того существительнаго *имени*, которое попадаетъ въ синтаксическое подлежащее, или того *признаковаго* имени, которое, исполняя роль логическаго опредѣленія, *помогаетъ* существительному имени опредѣлить предметъ *)). Такъ какъ синтаксическое подлежащее излагаетъ *данное*, въ противоположность *искомому*, то понятно, что *»данное«*, какъ метафора *«извѣстнаго«*, можетъ быть отмѣчено словомъ *ὁ*.

6. Эпифорическое или грамматическое *ὁ*. Эпифорическое значеніе слова *ὁ* — внѣ всякаго сомнѣнія. Если эпифорически могло употребляться слово *ὅδε*, которое представляетъ собою осложненное *ὁ* (сравни выше стр. 416.), то почему не

исполняетъ роли »логическаго опредѣленія«, и когда *ὁ* къ нему вообще *не* »относится« (приходится ли понимать это »отношеніе« въ смыслѣ примѣра *ὁ Πελοποννησιακὸς πόλεμος*, или въ смыслѣ выраженія *τῶν γονέων οἱ ἀγαθοί*), то признаковое должно стоять *внѣ* конструкціи слова *ὁ*, по какому бы мотиву послѣднее ни появлялось въ рѣчи: *ὁ μέγας πόλεμος* значитъ: изъ войнъ та, что *великая* — ты ее, эту *великую* войну, знаешь, — а *μέγας ὁ πόλεμος* значитъ: ты, читатель, знаешь эту войну; она, — *надобно тебѣ сказать*, — великая.

*) На стр. 173. мы разсуждали о томъ, что въ синтаксическое подлежащее можетъ попасть весьма сложное выраженіе, а потому появленіе при немъ слова *ὁ* находится въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ находилось *ὁ* историческаго намека (сравни выше стр. 342; а анафорическое и контекстивное *ὁ* развѣ не можетъ попасть въ тѣ же условія? — конечно да!)

могло употребляться въ томъ же значеніи и простое ὅ? Какъ между ὅδε и тѣмъ »нижеслѣдующимъ«, о которомъ само ὅδε предупреждаетъ, находится пауза (въ теперешней орѳографіи мы ее привыкли отмѣчать черезъ двоеточіе; сравни русское *онъ сказалъ нижеслѣдующее*: *я*, *говоритъ онъ*, *не долженъ* . . .), такъ нужно предположить паузу и для объясненія *первоначальной* конструкціи эпифорическаго ὅ. Другими словами, между эпифорическимъ ὅ и тѣмъ, о чемъ оно предупреждаетъ, слѣдуетъ предположить отношеніе логическаго равенства. Эпифорическое ὅ оказалось удобнымъ:

а) При глагольномъ имени (*τὸ παιδεύειν*, *τοῦ παιδεύειν* и т. д.). До сихъ поръ мы сопротивлялись всякому толкованію слова ὁ какъ превращающаго несуществительное въ *существительное*. На стр. 397. мы указывали на то, что глагольное имя исполняетъ роль такого или иного падежа, слѣдовательно, — роль *существительнаго*, благодаря *синтаксическому* своему положенію. Мы понимаемъ, что если слово ὁ добралось до *эпифорическаго* значенія, т. е. до роли простаго *предупрежденія* о томъ, что послѣдуетъ ниже, то глагольное имя могло имъ *воспользоваться* для того, чтобы самому выйти изъ своей »двусторонности« и сдѣлаться *настоящимъ* существительнымъ. Ибо ὁ, находящееся въ логическомъ *равенствѣ* съ тѣмъ, о чемъ оно предупреждаетъ, возводитъ предупреждаемое въ то положеніе, которое принадлежитъ ему самому, т. е. въ положеніе имени *существительнаго*. Если бы само глагольное имя было *неоспоримымъ* существительнымъ, то оно никакого *предупрежденія* о себѣ не искало бы. *Τοῦ παιδεύειν* значитъ: вотъ чего, — *воспитыванія*.

б) При *признаковыхъ* именахъ, какъ простыхъ, такъ и глагольныхъ (*τὸ ἀλγεινόν* — *οἱ εὐτυχοῦντες*). Хотя признаковыя имена *легко* переходили въ роль существительныхъ, но разъ *установилось* въ эпифорическомъ ὁ средство, *помогающее* имъ въ этой роли, то они имъ воспользовались. Не навернись эта помощь, мы бы ихъ встрѣчали чаще въ со-

вершенно *самостоятельномъ* *) видѣ въ роли существительныхъ. Такъ оно оказывается въ *славянскихъ* языкахъ, гдѣ этой помощи нѣтъ.

в) При *всякой* части рѣчи, т. е. при *каждомъ* словѣ, когда оно должно быть, какъ Платонъ выражается (Soph. 250 c), *ὄνομα ὀνόματος*, т. е. когда оно должно служить поименованіемъ или того *звуковаго* комплекса, или того *значенія*, которое въ немъ заключается. *Τὸ ἐν* значитъ: 1. слово *ἐν*, какъ *звукъ*; 2. то *внутри*, которое выражено въ словѣ *ἐν*; сравни *τὸ ἄνθρωπος*, *τὸ γράφω* и т. д. Вмѣсто отдѣльныхъ словъ могутъ наступить и *сложныя выраженія*; сравни *τὸ ἐὰν ποιήσῃς* и т. д.

г) Въ оборотахъ какъ то: *οἱ ἄνω*, *οἱ κάτω* и т. д. *Οἱ ἄνω* обозначаетъ: вотъ кто; они *на верху*. Выраженіе *наверху* въ данномъ переводѣ представляетъ собою синтаксическое сказуемое къ слову они, которое только *извлекается* изъ самого *вотъ кто*, передающаго эпифорическое *ὁ*. Такимъ образомъ *οἱ ἄνω* является *брахилогическимъ* выраженіемъ, въ которомъ *ἄνω* представляетъ сказуемое, хотя и не формальное (т. е. не — »согласуемое«).**) Сказуемое къ чему? Въ концѣ концовъ къ слову *οἱ*. И вотъ, для того чтобы оно изъ сказуемаго сдѣлалось *поименованіемъ* предмета, оно должно быть предупреждено словомъ, которое бы его *подняло* на такую высоту; это и *достигается* словомъ *ὁ*, *уравнивающимъ* его съ *собою*, какъ именемъ *существительнымъ*.***) Вмѣсто *ἄνω* могутъ здѣсь появиться *сложныя* выраженія. Сравни *οἱ ἐν Ἀσίᾳ* и т. д.

---

*) Мы не согласны съ тѣмъ, что говоритъ Wegener по поводу *der Adelige, der Schwarze* и т. д. Смотри Untersuch. 83: Hier ist deutlich, dass das Adjectivum die Qualität bezeichnet, der Artikel die Substanz. Если бы это было такъ, то къ чему — такая разстановка, и почему бы не утвердиться скорѣе разстановкѣ *schwarze der?*

**) Уже на стр. 367. мы указывали на отношеніе синтаксическаго сказуемаго къ сказуемымъ психо-логическому и логическому.

***) Такое же брахилогическое выраженіе, »*поднимающее*« сказуемое (въ данномъ случаѣ — сказуемое »*формальное*«, т. е. *не* синтаксическое), мы видимъ въ томъ *ἀρετή τις*, о которомъ упоминали на стр. 415 въ подстрочномъ примѣчаніи. По первоначальной конструкціи, *ἀρετή τις* значитъ: нѣчто; это нѣчто есть *добродѣтель*.

Такъ какъ эпифорическое *ὁ* употребляется исключительно для того, чтобы слова и выраженія, о которыхъ оно предупреждаетъ, чувствовались существительными, притомъ въ положеніи того или иного падежа, то мы его назвали также »грамматическимъ«.

Слѣдуетъ разборъ слова *ὅς – ἥ – ὅ*. Разборъ этого слова на очереди уже потому, что и оно, какъ на то указано на стр. 420–1., причастно къ роли *анафорированія* третьяго грамматическаго лица, наряду съ сильными и въ нѣкоторыхъ случаяхъ »различительными« *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, съ болѣе слабымъ и »безразличнымъ«, но все же нуждающимся въ именительномъ падежѣ *ὁ - ἡ - τό*, съ »возвратнымъ« *οὗ – οἷ – ἕ* и съ употребляющимся только для »синтаксической полноты« *μιν νιν**).

Что сказать объ *ὅς - ἥ – ὅ?* Мы его знаемъ по преимуществу какъ »*относительное* мѣстоименіе«. Но »относительность« и вообще синтаксическая «подчиненность предложеній« (*ὑπόταξις*) считается чѣмъ что, развившимся въ языкахъ лишь *впослѣдствіи*, и возражать противъ этого общепринятаго положенія не приходится. Этимологи сопоставляютъ слово *ὅς - ἥ - ὅ* съ славянскимъ и ѥ ꙗ.*) Такимъ образомъ оно этимологически связано съ *μιν – νιν*. О *μιν – νιν* мы разсуждали какъ о чемъ то, *не нуждающемся* въ именительномъ падежѣ, такъ какъ оно употребляется лишь для синтаксической полноты. А между тѣмъ въ *ὅς - ἥ - ὅ* встрѣчается именительный падежъ. Примирить это противорѣчіе можно лишь тѣмъ, что темѣ »уа« *вообще* припишемъ не столько роль *анафорированія,* сколько скорѣе указанія на *тожественность.* Если мы признаемъ, что и ꙗ ѥ обозначаетъ не »вышеупомянутый«, а »*опять* онъ-она-оно« (это — большая

*) Слѣдовало бы тутъ упомянуть и объ *αὐτοῦ - αὐτῷ - αὐτόν*, но мы уже предупреждали о томъ, что оно вмѣшалось въ роль анафорированія третьяго грамматическаго лица *совершенно* со стороны. Мы и разборъ его помѣщаемъ лишь въ концѣ симасіологіи формальныхъ именъ.

**) Brugmann (Grundriss II. 771): Relativum yás; griechisch ὅς - ἥ - ὅ . . . Die Identitaet mit dem anaphorischen *io* und *i* (имѣется въ виду *именно μιν - νιν*, равно какъ славянское и - ꙗ - ѥ, а также латинское is) ist nicht zu bezweifeln.

разница: первое заставляетъ *вспоминать,* а второе — *неудаляться* отъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь*), то поймемъ, что именительный падежъ, — именительный *интонированный,* какимъ и является *ὅς-ἥ-ὅ,* въ языкѣ не лишній: указывать на »*тожественность*« предмета съ тѣмъ, о которомъ шла до сихъ поръ рѣчь«, нужно иногда и съ подчеркиваніемъ. Очень долго держался въ греческомъ языкѣ оборотъ *ἦ δ' ὅς.***) Мы его переводимъ: говорилъ онъ-же.

Да, *тожественность* предмета, — вотъ симасіологическій центръ слова *ὅς* (при этомъ оно было *существительнымъ,* а не *признаковымъ*), отъ котораго, по моему развѣтвлялись уже дальнѣйшіе его симасіологическіе оттѣнки. Самое же развѣтвленіе мы себѣ представляемъ слѣдующимъ образомъ. Съ одной стороны, слово *ὅς,* какъ указывающее на *тожественность,* перешло въ *анафорическое* значеніе по отношенію къ *третьему* грамматическому лицу, вступая такимъ образомъ въ борьбу съ *ὁ-ἡ-τό,* причемъ выгода была на его сторонѣ въ *тѣхъ* случаяхъ, гдѣ *ὁ-ἡ-τό* не имѣло ударенія.***) Ибо въ *ударяемомъ* именительномъ падежѣ анафорическое слово третьяго грамматическаго лица нуждалось не только въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ мы говорили на стр. 422., приходилось вызывать въ слушателѣ болѣе *напряженное* воспоминаніе о предметѣ, но и по другимъ

---

*) Это совершенно не противорѣчитъ сказанному о *μιν* на стр. 422, и мы, такимъ образомъ, *исключаемъ μιν* изъ числа анафорическихъ словъ, какъ въ свое время исключили, по *первоначальному* значенію, слово *οὗ - οἷ - ἕ.*

**) Бругманъ, впрочемъ, не думаетъ, что *ὅς* въ оборотѣ *ἦ δ' ὅς* тожественно съ »относительнымъ« *ὅς.* Vielleicht — говоритъ онъ Grundriss II. 774 — gab es auch bereits im Urindogermanischen ein *sos*; vergleiche altindisch *sas*, griechisch *ὅς* (*ἦ δ' ὅς*), lateinisch ip-*sus* neben *ipse.*

***) Собственно, тутъ идетъ вопросъ объ *одной* лишь формѣ *ὅς* (что эта форма у Омира *часто* употребляется »вмѣсто« *ὁ,* — читателю извѣстно). Что же касается формъ *ἥ-οἵ-αἵ* у Омира, то не знаешь, принадлежатъ ли онѣ слову *ὅς,* или слову *ὁ,* такъ какъ встрѣчаешь и слово *ὁ,* — основательно ли, нѣтъ ли, — *интонируемымъ,* когда *вообще* удареніе анафорическаго слова *третьяго* грамматическаго лица почему нибудь нужно (для *множественнаго* числа омировскій языкъ, какъ извѣстно, выработалъ *особыя, ударяемыя же,* формы отъ *ὁ-ἡ-τό;* мы разумѣемъ формы *τοί-ταί;* см. Brugmann Grundriss II. 767). Этою, сознаемся, *поверхностною* (глубже мы не успѣли вникнуть въ вопросъ), замѣткою мы ограничиваемся въ разрѣшеніе недоумѣнія, вызваннаго подстрочнымъ примѣчаніемъ на стр. 422.

мотивамъ, о которыхъ мы на стр. 419., въ подстрочномъ примѣчаніи, разсуждали по отношенію къ *другимъ* двумъ грамматическимъ лицамъ.

Съ другой стороны и *главнымъ* образомъ, слово ὅς повернуло отъ значенія *тожественности* къ значенію »относительности«. »Относительность« слова ὅς, какъ извѣстно, очень развита уже у Омира. И замѣчательно: какъ »возвратность« слова οὗ-οἷ-ἕ легко могла сдѣлаться и въ концѣ концовъ *сдѣлалась* общею для *всѣхъ* грамматическихъ лицъ (смотри наше разсужденіе на стр. 425.), такъ и »относительность« слова ὅς, вышедшая изъ *тожественности* (тожественность, *сама по себѣ*, не есть что-нибудь, что должно непремѣнно относиться къ *третьему* грамматическому лицу), доводитъ до такихъ явленій какъ: *ἄκουσον*, ὅς γε ἦλθες..*)

Какъ по *первоначальному* значенію, въ силу котораго ὅς указываетъ на *тожественность* предмета, нельзя было назвать его анафорическимъ, такъ и о его »относительности« нельзя сказать, что это — *ἀναφορά. Ἀναφορά* есть возстановленіе *предварительнаго* знакомства съ предметомъ, а слово »ὅς« *очень часто* является началомъ рѣчи, въ которой мы впервые *знакомимся* съ предметомъ (сравни: многіе люди любятъ только того, кто имъ оказываетъ благодѣяніе). Вообще, »относительность« есть не болѣе, не менѣе какъ синтаксическое выраженіе того, что одна мысль психологически подчинена другой, причемъ рѣчь, начинающаяся съ ὅς, является синтаксически *»подчиняемымъ«*, опирающимся не на *предварительное* знакомство съ *предметомъ*, а просто на синтаксически *»подчиняющее«*. *Пунктуальною* конструкціею мы должны считать, напр., такую: *οὐδ' υἱὸς Καπανῆος ἐλήθετο συνθεσιάων τάων, ἃς ἐπέτελλε βοὴν ἀγαθὸς Διομήδης* (Il. ε 320). Словомъ, *»относительное«* формальное имя ищетъ къ себѣ *»соотносительнаго«* фор-

*) Какъ ὅς вмѣшивалось въ роль слова ὁ по отношенію къ *анафорированію* предмета, такъ ὁ вмѣшивалось въ »относительность« слова ὅς. Примѣры изъ Омира приводить нечего. Только въ pendant къ нашему *ἄκουσον*, ὅς γε ἦλθες приведемъ мѣсто изъ Иліады (β 262): *Κλῦθι μεν ὃ χθιζὸς θεὸς ἤλυθες ἡμέτερον δῶ.*

мальнаго имени. Роль »*соотносительныхъ*« исполняютъ и *могли* исполнять тѣ же анафорическія ὁ*) (у Омира — *очень* часто, впослѣдствіи — *рѣже*), οὗτος и ἐκεῖνος.**) Извѣстно, что не вездѣ эта, какъ мы выразились, »пунктуальность« *соблюдается* (въ какомъ нибудь *ἄκουσον ὃς ἦλθες* даже *нельзя* ее соблюсти, такъ какъ ὁ-οὗτος-ἐκεῖνος относятся къ *третьему* грамматическому лицу, а тутъ идетъ рѣчь о *σύ****)*, и что не всякое *οὗτος* или *ἐκεῖνος*, которое *появляется* при ὅς, есть »соотносительное« †).

Русскія »относительныя« слова вышли изъ *вопросительныхъ*. Русское *кто сѣетъ, тотъ жнетъ* значитъ: отвѣтивъ на *вопросъ*, *кто* сѣетъ, ты опредѣлишь жнущаго. Если русское вопросительное могло перейти въ относительное, то греческое относительное, въ свою очередь, могло перейти въ вопросительное, разумѣется, — въ вопросительное синтаксически *подчиненное* (въ такъ называемомъ косвенномъ вопросѣ). Сравни Herod. 9. 71.: *γενομένης λέσχης*,

---

*) Не сказать ли намъ, въ такомъ случаѣ, особенно въ виду примѣра *συνθεσιάων τάων, ἃς ἐπέτελλε Διομήδης*, что ὁ при относительномъ ὅς функціонируетъ вовсе не какъ »*соотносительное*«, а просто какъ эпифорическое, *предупреждая* о предметѣ, съ которымъ мы знакомимся въ выраженіи, начинающемся съ ὅς? Этого сказать нельзя. *Не всегда* выраженіе, начинающееся съ *относительнаго* слова, дѣйствительно впервые *знакомитъ* съ предметомъ (да, *не всегда*, а только, какъ выше сказано, *очень часто*). Въ примѣрѣ *я о нихъ не могу вспоминать съ благодарностью, о нихъ, которые мнѣ надѣлали столько зла* не можетъ быть рѣчи о *первомъ знакомствѣ* съ предметомъ въ »*относительномъ*« предложеніи. Вообще, если въ относительныхъ и соотносительныхъ словахъ желательно удержать термины *ἀναφορά* и *ἐπιφορά*, то это возможно развѣ въ томъ смыслѣ, что относительныя и соотносительныя слова »анафорируютъ и эпифорируютъ« не *предметы*, а *другъ друга*. Разъ они всетаки что нибудь анафорируютъ или эпифорируютъ, то и понятно, почему *анафорическія* слова ὁ и пр. *могли* принять на себя роль »соотносительныхъ«.

**) Разницу между *отдѣльными* соотносительными словами — опредѣлить затрудняюсь.

***) Читатель знаетъ о такъ называемыхъ »attractiones«, въ коихъ »*относительное*« ὅς своимъ *падежемъ* подчиняется тому, отъ чего оно синтаксически зависитъ, и уже *этимъ* заявляетъ о своей подчиненности, *не ища* никакого соотносительнаго слова (сравни греческое *λυποῦμαι ᾧ λέγεις* и русское *угощаетъ чѣмъ Богъ послалъ*).

†) Thuc. I. 10: *Νομίζειν δὲ τὴν στρατείαν ἐκείνην μεγίστην μὲν γενέσθαι τῶν πρὸ αὐτῆς, ἣν εἰκὸς ἐπὶ τὸ μεῖζον μὲν τὸν ποιητὴν κοσμῆσαι* (здѣсь *ἐκείνη ἡ ἡμέρα* есть *чисто* анафорическое; рѣчь идетъ о походѣ противъ Трои, съ которымъ Өукидидъ знакомилъ читателя и раньше).

ὃς ἄριστος γένοιτο. Извѣстно, что слово »ὅστις« *) *очень* часто употребляется въ косвенномъ вопросѣ (извѣстны Аристофановскія выраженія: *τίς γὰρ εἶ; ὅστις; — τί δ' αὖ λέγω; ὅτι; — τί ποιεῖς; ὅτι ποιῶ;* **) и т. д.

Относительными *признаковыми* являются *οἷος*, *ὅσος* и *ἡλίκος*. Роль *соотносительныхъ* къ нимъ исполняютъ слова *τοιοῦτος*, *τοσοῦτος* и *τηλικοῦτος* (въ »эпическомъ« языкѣ простыя *τοῖος*, *τόσος* и *τηλίκος*).

Я не знаю, какъ смотрѣть на слова *ὁποῖος*, *ὁπηλίκος* и *ὁπόσος*: вышли ли они этимологически изъ относительныхъ *οἷος - ἡλίκος - ὅσος*, или изъ вопросительныхъ *ποῖος - πηλίκος - πόσος?* Другими словами, мнѣ неизвѣстно, считать ли ихъ первоначально относительными, или вопросительными, разумѣется, — *косвенно* - вопросительными, такъ какъ въ »*прямыхъ*« вопросахъ они ненужны и не употребляются. Для языка, конечно, это — все равно. Ибо они и въ качествѣ *относительныхъ* могли встрѣчаться какъ косвенно - *вопросительныя* (они по большей части такъ и встрѣчаются), и въ качествѣ *вопросительныхъ* не должны чуждаться, — мы это нашли въ *русскомъ* языкѣ, — роли относительныхъ (*καὶ δύναμιν δὲ οἶδα ὅτι ὁπόσην ἂν δύνηται ἔχων, πάρεσταί σοι*; Xen. Cyrop. VI. 1. 45.).

Въ роли *относительныхъ*, а не *вопросительныхъ*, — слова *ὁπόσος*, *ὁποῖος* и *ὁπηλίκος* входятъ въ тѣ composita, — теперь мы имѣемъ возможность разсмотрѣть ихъ поближе, — которыя мы на стр. 415. назвали »обобщающими«. То *οὖν*, которое встрѣчается въ *ὁστισοῦν*,

*) Несомнѣнно, что *относительное ὅστις — первоначальнѣе*, чѣмъ »косвенно — вопросительное«. Будучи предупреждено *соотносительнымъ*, какъ ему, *относительному*, приличествуетъ, оно, по моему мнѣнію, обозначаетъ: *тотъ* нѣкто, *кто* (въ русскомъ переводѣ я только *передвинулъ* слово »τις« къ *соотносительному* слову, что, кажется, должно быть *позволено*, при той тѣсной связи, которая существуетъ между относительными и соотносительными).

**) Такимъ образомъ »*τί ποιεῖς; ὅτι ποιῶ*«; можно бы комментировать, согласно предыдущей замѣткѣ, черезъ слѣдующія выраженія: »что ты дѣлаешь? то нѣчто, что я дѣлаю? Въ сущности, все вопросительное значеніе, которое вышло изъ относительныхъ словъ, заключается въ тонѣ, придаваемомъ *всему* выраженію, — въ тонѣ, такъ сказать, *обще*-синтаксическомъ, а не составляющимъ принадлежность самого *формальнаго* слова, какъ это было въ вопросительномъ »*τίς*« — »*τίνος*« и т. д.

ὁποσοςοῦν и т. д., этимологи принимаютъ за вещный падежъ отъ темы *awa**)* (славянское »*овы* о десную, *овы* о шуюю«). *Awa* есть *анафорическая* тема, и само *οὖν*, являющееся уже, какъ вещный падежъ, окаменѣлостью, а не *полнымъ*, т. е. не по *всѣмъ* падежамъ склоняющимся формальнымъ существительнымъ, обозначало бы тогда: простираясь на »*упомянутое*«**) въ *данномъ* случаѣ. О словѣ *δή*, которое встрѣчается въ *ὁστιςδήποτε*, рѣчь еще впереди, но мы не ошибемся, если его пока по *смыслу* сопоставимъ съ русскимъ *ужъ* (*ἤδη* было бы тогда расширенное *δή*). Такой смыслъ мы ясно видимъ въ выраженіи *ἐπειδὴ δὲ* (= а *разъ ужъ* это такъ, то . . .); *ποτέ* есть »нарѣчіе«, обозначающее *когда нибудь* (и о немъ, впрочемъ, рѣчь еще впереди).

Такимъ образомъ, выраженіе напр. *ἄλλην ἥντιναοῦν τέχνην* или *ἥντιναδήποτε τέχνην* обозначаетъ: »*другую* науку, нѣкую ту, *которую* въ *данномъ* случаѣ« или: »*другую* науку, *которую* ужъ (= несомнѣнно) *когда нибудь* (= *какъ нибудь****)*. Во всемъ этомъ замѣчается нѣкоторый брахилогизмъ. Такой же брахилогизмъ мы встрѣчаемъ въ извѣстномъ оборотѣ *ὃς καὶ ὅς* (Herod. 48. 68: *τὰς βασιληίας ἱστίας ἐπιώρκηκε ὃς καὶ ὅς*). *Ὃς καὶ ὅς* значитъ: *тотъ который* да *тотъ который.* Брахилогизмъ заключается здѣсь въ томъ, что слово *который,* это начало синтаксически подчиненной рѣчи, остается безъ *продолженія.* †)

---

*) Новѣйшіе этимологи не затрогиваютъ этого слова, но мы не имѣемъ рѣшительно никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что говоритъ объ этомъ словѣ Боппъ Vergl. Gramm. II. 176: Zum zendischen Demonstrativum *awa* und altslavischen *ово* . . . ziehe ich auch das griechische *οὖν*, welches durch seinen Gebrauch deutlich auf prominalen Ursprung hindeutet und durch seine Endung sich als Accus. masc. oder Nom.-Accus. neutr. zu erkennen giebt.

**) Съ какимъ *частнымъ* оттѣнкомъ тема *awa* вошла въ другія анафорическія слова, или она вошла въ греческій языкъ изъ другого языка съ оттѣнкомъ, *имѣвшимся* уже въ греческихъ анафорическихъ словахъ (и *это* можно предположить!), на это отвѣтить трудно.

***) Что temporal'ное *когда-нибудь* могло перейти въ modal'ное *какъ-нибудь,* это выяснится въ слѣдующемъ отдѣлѣ изслѣдованія.

†) Брахилогически употребляется, уже въ болѣе *позднемъ* языкѣ, и *раздѣлительное οἳ μὲν . . . οἳ δὲ* (Dem. 18. 71: *πόλεις Ἑλληνίδας ἃς μὲν ἀναιρῶν, εἰς ἃς δὲ φυγάδας κατάγων*; сравни русское: которые поуничтожалъ, а въ ко-

Сама рѣчь, которой мы ждемъ послѣ *который,* должна бы въ данномъ случаѣ знакомить насъ ближе съ *предметомъ,* намѣченнымъ въ соотносительномъ *тотъ* и въ относительномъ *который.**) Выходитъ, что весь брахилогизмъ есть не болѣе, не менѣе какъ прекращеніе рѣчи, такъ сказать, на полусловѣ, съ цѣлью оставить невыясненнымъ предметъ, на выясненіи котораго рѣчь прекратилась. Разница между брахилогизмомъ относительныхъ и обобщающихъ формальныхъ словъ та, что при первыхъ говорящій выяснять предметъ не желаетъ или не умѣетъ, а при вторыхъ — выясненіемъ этимъ не интересуется. Насколько это *отсутствіе* интереса въ *обобщающихъ* формальныхъ словахъ *выражено* прибавками *οὖν-δή-ποτέ,* — сказать трудно. Да врядъ-ли оно въ нихъ и выражено; извѣстно, по крайней мѣрѣ, что и простое *ὅστις* употребляется въ смыслѣ »обобщающемъ«.

Особеннымъ оттѣнкомъ въ относительныхъ и соотносительныхъ словахъ является восклицательный.**) Онъ имѣетъ мѣсто исключительно въ *признаковыхъ* относительныхъ и соотносительныхъ, такъ какъ восклицаніе въ данномъ случаѣ есть выраженіе *удивленія,* а удивляться мы можемъ предмету изъ за его *признаковъ.* Когда говорятъ *ὅσα ἡμᾶς εἴργασται κακά* или *οἷα ἡμᾶς εἴργασται κακά,* и произносятъ эту фразу съ восклицательнымъ тономъ (тонъ этотъ, во всякомъ случаѣ, не данъ здѣсь *самимъ* словомъ *οἷος,* а вносится въ него и во всю фразу *извнѣ*), то слово *οἷος, именно* черезъ внесеніе въ него восклицательнаго тона, *оторвано* отъ своего соотносительнаго *τοῖος.* Не будь

торые такъ повводилъ бѣглецовъ; собственно = съ одной стороны онъ *поуничтожалъ* города тѣ, которые . . . ., а съ другой -- повводилъ бѣглецовъ въ тѣ, которые . . .).

*) Такъ же мы себѣ объясняемъ *τὸν καὶ τόν, замѣняющее,* какъ извѣстно, оборотъ *ὃς καὶ ὅς. Τὸν καὶ τόν* чувствуется здѣсь въ значеніи *эпифорическомъ* (= *нижеслѣдующій* да *нижеслѣдующій*, но само эпифорируемое не выяснено, и, такимъ образомъ, *τὸν καὶ τόν* остается *тоже,* какъ бы, безъ *продолженія.*

**) Греческій языкъ *никогда* не употребляетъ въ восклицаніяхъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, *вопросительныхъ ποῖος* и т. д. Извѣстны относящіяся сюда выраженія съ особою *разстановкою* въ родѣ *θαυμαστὰ ἡλίκα* и т. п.

оно отъ него оторвано, и имѣй оно возможность *опереться* на *τοῖος*, то *само* »*τοῖος*« оказалось бы для него, быть можетъ, не *единственною* опорою. Слово *τοῖος* должно бы тогда быть частью *сложнаго* выраженія, и въ этомъ сложномъ выраженіи слово *οἷος*, быть можетъ, получило бы свое дальнѣйшее объясненіе. Фраза *ὅσα ἡμᾶς εἴργασται κακά*, заключающая въ себѣ одно *относительное* слово, произнесенная *восклицательно* и не связанная ни съ какою другою рѣчью, вызываетъ на вопросъ: а сколько, въ самомъ дѣлѣ, бѣдствій онъ причинилъ намъ? И вотъ, этотъ вопросъ остается въ рѣчи безъ отвѣта. Отвѣтъ только подразумѣвается, и подразумѣвается, опять таки подъ вліяніемъ *восклицательнаго* тона, съ которымъ была произнесена фраза, въ слѣдующемъ видѣ: подумай, слушатель и удивляйся, какъ удивляюсь я.*) Вмѣсто *ὅσα ἡμᾶς εἴργασται κακά* можно бы сказать и соотносительное »*τοσαῦτα ἡμᾶς εἴργασται κακά*« (= столько *бѣдствій* онъ намъ причинилъ!, и мы всетаки готовы забыть все), и тогда опять *τοσαῦτα* будетъ оторвано отъ своего относительнаго *οἷος*, и результатъ для *мысли* останется тотъ же самый.**)

Остается разобрать *αὐτός* и *ἄλλος*.

Симасіологическихъ оттѣнковъ слова *αὐτός* — нѣсколько. Они видны изъ слѣдующихъ примѣровъ.

1. *τοὶ δὲ φθινύθουσιν ἔδοντες οἶκον ἐμόν. τάχα δή με διαῤῥαίσουσι καὶ αὐτόν* (Od. *α* 251); предметъ, въ данномъ случаѣ *лицо*, противополагается тому, что ему принадлежитъ.

2. *ὤλεσε τηλοῦ νόστον Ἀχαιΐδος, ὤλετο δ' αὐτός* (Od. *ψ* 23); противополагается »переходъ дѣйствія отъ дѣятеля на предметъ« сосредоточенію »дѣйствія на самомъ дѣятелѣ«.

3. *ἀλλ οὔ μοι Τρώων τόσσον μέλει ἄλγος ὀπίσσω, οὔτ αὐτῆς Ἑκάβης* (Il. *ζ* 450); указывается на предметъ, въ дан-

---

*) Иногда къ этому отвѣту побуждаетъ какое-нибудь *ὁρᾷς* и т. п. (*ὁρᾷς, ὅσοι ἐσμέν!* = ты видишь, какая *масса* насъ!).

**) Я не знаю, какъ понять примѣры въ родѣ *αἵματος εἰς ἀγαθοῖο οἷα ἀγορεύεις* (Od. *δ*. 611); слѣдуетъ ли здѣсь »извлекать« изъ »*οἷα*« *соотносительное* слово (въ тебѣ хорошая кровь *судя по тому, что* ты говоришь), или же читать *οἷα ἀγορεύεις* восклицательно (въ тебѣ хорошая кровь; *какъ* ты великолѣпно говоришь!).

номъ случаѣ на лицо, какъ на *первый* членъ въ ряду другихъ, — какъ на *главный*, сосредоточивающій на себѣ весь интересъ по отношенію къ тому, о чемъ идетъ рѣчь.

4. *κατ' αὐτοὺς ἐδίνεον, κατὰ μέσσους* (Od. δ 18); противополагается предметъ его ближайшему сосѣдству.

5. *αὐτοί ἐσμεν*; исключается содѣйствіе чье бы то ни было въ какомъ нибудь дѣлѣ.

6. *τῷ δ' αὐτῷ πάντα ἐῴκει* (Od. δ 655); съ выразительностью указывается на правильность *выбора* предмета (= ему, и *именно* ему, а не кому нибудь другому).

7. *ζημιοῖ ἑαυτόν*; выразительно указывается на возвратъ дѣйствія *къ тому же* лицу, отъ котораго оно вышло.

8. *τίη μ' ἐθέλεις ὀλέσαι, σὺ δέ μ' ἔτρεφες αὐτή* (Od. τ 482); указывается на *тожественность* предмета (въ данномъ случаѣ *лица*) въ *разныхъ* (въ данномъ случаѣ противорѣчащихъ другъ другу) положеніяхъ. Эта тожественность можетъ выступить *логическимъ опредѣленіемъ* имени существительнаго, привлекающимъ раздѣлительное ὁ: *τὸν αὐτὸν τρόπον* значитъ: изъ способовъ тотъ, который тожественъ съ другимъ.

Наконецъ, 9. *αὐτοῦ - αὐτῷ - αὐτόν* стало понемногу употребляться вмѣсто *μιν-νιν* »для синтаксической полноты« по отношенію къ *третьему* грамматическому лицу (см. стр. 423).

Больше указанныхъ *девяти* симасіологическихъ оттѣнковъ слово *αὐτός* не имѣетъ; это выяснилось въ нашихъ »Изслѣдованіяхъ въ области греческаго мѣстоименія« (Кіевъ 1877). Гдѣ же, спрашивается, симасіологическій центръ этихъ оттѣнковъ? На это мы отвѣтимъ *двумя* замѣчаніями.

Вопервыхъ, во всѣхъ оттѣнкахъ, за исключеніемъ девятаго, развившагося впослѣдствіи, мы видимъ *αὐτός* относящимся ко *всѣмъ* грамматическимъ лицамъ и исполняющимъ роль не указателя предмета, а психо-логическаго сказуемаго или даже логическаго опредѣленія къ слову, обозначающему предметъ. Стало быть, слово *αὐτός* есть слово *признаковое*. Если въ *девятомъ* оттѣнкѣ оно чувствуется прямымъ указателемъ *предмета*, то это объясняется ослабленіемъ *со-*

знанія его первоначальной роли. По *первоначальному* его значенію долженъ быть и *здѣсь* прибавленъ, или по крайней мѣрѣ »подразумѣваемъ« прямой указатель предмета. Какъ *σὺ δέ μ' ἔτρεφες αὐτή* заключаетъ въ себѣ такого указателя, а слово *αὐτή* выражаетъ при немъ нѣчто, что можно передать русскимъ *именно* — *самъ,* такъ и въ *αὐτὸς ἔφη*, хотя »*αὐτός*« чувствуется въ смыслѣ *самостоятельнаго* слова (такъ и *русское* »самъ« — »сама« чувствуется въ значеніи *хозяинъ-хозяйка*), но, по первоначальному, оно не есть »ближайшій опредѣлитель лица, показаннаго въ окончаніи глагола«, какимъ было *διδάσκαλος* во фразѣ *διδάσκαλος διδάσκει* (ср. стр. 176–7.), а представляетъ психо-логическое *сказуемое* къ этому лицу (*αὐτὸς ἔφη* значитъ по первоначальному: *самъ* »онъ« сказалъ, какъ и *αὐτοὶ ἐποιήσαμεν* значитъ: *сами* »мы« это сдѣлали). И какъ въ *αὐτὸς ἔφα* нужно *собственно* при *αὐτός* подразумѣвать »*онъ*«, такъ и *ἑώρα τὸν ἄνδρα καὶ ἔλεγεν αὐτῷ* приходится толковать: видѣлъ врага и сказалъ *именно* (ему) = сказалъ *самому* (подразумѣвай *ему*) = сказалъ *не иному кому нибудь* (подразумѣвай *а ему*) = *сказалъ* [ему] *же*.

Второе наше замѣчаніе касается прежде всего *этимологіи* слова *αὐτός*. Относительно ея наши этимологи не могутъ придти ни къ какому соглашенію (смотри Ebeling Lex. Hom. sub vocibus *αὐτός*, *αὖ*). Мы, руководствуясь непосредственнымъ чутьемъ *значенія* этого слова, считаемъ его за превосходную степень отъ слова *αὖ*. Если *πρῶτος* могло быть superlativ'омъ къ слову *πρό*, то и противъ *нашего* superlativ'а возражать не приходится. *Αὖ* указываетъ на *возвращеніе* къ прежнему, на обращеніе *назадъ*, на *неудаленіе* отъ извѣстнаго пункта.*) Оно имѣетъ значеніе русскаго *опять*. Разница — та, что русское *опять* есть *матеріальное* слово (связано этимологически съ словомъ *пята*), а въ греческомъ *αὖ* мы никакого *матеріальнаго* содержанія не видимъ. Оно, кажется намъ, рисуетъ только

*) Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы вернемся къ *αὖ*.

линію поворачиванія и *недвиженія впередъ*. По этому мы слово *αὐτός* считаемъ *формальнымъ*, а не *матеріальнымъ* словомъ. Оно, согласно своему этимологическому происхожденію, очень *выразительно* (superlativ!) указываетъ, что не слѣдуетъ *нисколько* удаляться отъ предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Мы просимъ читателя *разсмотрѣть* еще разъ всѣ девять симасіологическихъ оттѣнковъ разбираемаго нами слова, и онъ найдетъ *вездѣ* выдержаннымъ именно *это* значеніе. Такимъ значеніемъ оно *очень* близко подходитъ къ значенію слова *ὅς*, какъ указателя *тожественности*, отличаясь отъ него рѣзко только въ томъ, что *ὅς* указывало *предметъ*, тожественный съ другимъ, а *αὐτός* указываетъ *только* на недвиженіе впередъ, тогда какъ *предметъ*, къ которому это недвиженіе относится какъ его признакъ, долженъ быть по *первоначальному* выраженъ *особымъ* словомъ. Мы были правы, когда говорили, что *αὐτός* вмѣшалось въ борьбу за роль указателя *третьяго* грамматическаго лица *совершенно* со стороны.

На *ἄλλος* мы долго останавливаться не будемъ. Оно составляетъ прямую противоположность слову *αὐτός*. Если *αὐτός* указывало, что слѣдуетъ оставаться непосредственно при предметѣ, о которомъ идетъ рѣчь, то *ἄλλος* есть *отрицаніе* этого указанія. *Ἄλλος* обозначаетъ: *не тотъ* предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, — о которомъ ты, слушатель, думаешь. Какъ *αὐτός* было *признаковымъ* словомъ, такъ и *ἄλλος* мы считаемъ *признаковымъ*, и какъ *признаковое* оно должно бы соединяться *собственно* съ *существительнымъ*. Такъ оно, впрочемъ, *обыкновенно* употребляется. *Обыкновенно* говорятъ не *ἄλλος*, а *ἄλλος τις*. Особенно замѣчательно — употребленіе слова *ἄλλος* въ composit'ѣ *ἀλλήλων-ἀλλήλοις-ἀλλήλους*, обозначающемъ: не тотъ не того — не тотъ не тому = другой другого — другой другому = другъ друга — другъ другу. Русское *другой* должно *собственно* двигаться между *двумя* предметами (для *нѣсколькихъ* предметовъ мы располагаемъ въ русскомъ языкѣ словомъ *иной*), а потому оно соотвѣтствуетъ не столько греческому *ἄλλος*, сколько скорѣе слову *ἕτερος*. *Ἕτερος*

(*сравнительная* степень) есть, такимъ образомъ, только *видоизмѣненіе* слова ἄλλος. Извѣстно толкованіе этимологовъ, сводящихъ и ἕτερος (ἅτερος), и ἄλλος къ отрицательному ἀν (ἀναιδής и пр.); сравни, однако, стр. 415. *)

Послѣ разъясненія формальныхъ именъ и именъ вообще слѣдовало бы перейти къ разбору той части рѣчи, которую называютъ »нарѣчіемъ«. Въ общемъ, геометрическое мѣсто для отыскиванія »нарѣчій« — извѣстно. »Нарѣчія« суть окаменѣлые падежи тѣхъ же *именъ*, какъ матеріальныхъ (σαφῶς отъ σαφής, γνύξ отъ γόνυ), такъ и формальныхъ (οὕτως отъ οὗτος, ἄλλως отъ ἄλλος = не такъ, не по *настоящему*). Вопросъ только въ томъ, гдѣ они *начинаются* (слово πολύ, въ выраженіи πολὺ ἥδιον, считаютъ уже »нарѣчіемъ«, хотя »*окаменѣлости*« падежа, какъ будто, еще *не видать*), и гдѣ кончаются. Опредѣлить ихъ начало будетъ легко, такъ какъ нами опредѣленъ самый *полюсъ*, къ которому они приближаются своимъ *началомъ*. Хорошо бы опредѣлить предварительно и *тотъ* полюсъ, гдѣ они *кончаются*. Этимъ полюсомъ должны быть »*союзы*« или, какъ говорятъ »*частицы*«. Перейдемъ къ разбору »*частицъ*«.

---

*) Часто мы передвигаемъ отрицательное значеніе слова ἄλλος на положительное. На ἑτέρᾳ χειρί (т. е. ἐντέρᾳ; см стр. 415) мы правильно смотримъ какъ на выраженіе русскаго »*одною* (какою нибудь) рукою« но соотвѣтственно этому ищемъ и въ φιλοῦσι ἀλλήλους нѣчто, что можно передать словами »*одинъ* другого любитъ.« Если бы мы въ толкованіи послѣдняго выраженія держались *отрицательнаго* значенія слова ἄλλος, то мы много выгадали бы въ *пониманіи* самого выраженія. Для разъясненія моей мысли я выхожу отъ фразы ἄλλος ἄλλον βιάζεται. Понимая *отрицательно* слово ἄλλος, я въ *данной* фразѣ нахожу выраженнымъ слѣдующее: на комъ бы ты, слушатель, ни остановился, всегда найдешь *другого*, кто *насилуетъ*, и на комъ бы ты ни остановился какъ *насилуемомъ*, всегда найдешь другого, о которомъ можно сказать то же. Черезъ такое толкованіе чувствуется лучше та *безпорядочность* картины, та *неразборчивость* въ ней, которая и *нарисована* въ данномъ выраженіи. И какъ здѣсь гораздо лучше понимается неразборчивость и пестрота картины, если мы держимся *отрицательнаго* значенія слова ἄλλος, такъ въ φιλοῦσι ἀλλήλους чувствуется лучше *взаимность* при *томъ же* условіи. Φιλοῦσι ἀλλήλους значитъ: они любятъ, причемъ любящій не есть непремѣнно и *только* тотъ, на которомъ ты, слушатель, быть можетъ, остановился, а *другой*, и о *любимомъ* можно сказать то же. Конечно, то, что мы здѣсь сказали о *взаимности* при словѣ ἄλλος, можно бы примѣнить и къ *двойственности* при словѣ ἕτερος. Ἑτέρᾳ χειρί можетъ обозначать: *рукою*, причемъ ты, слушатель, не останавливайся непремѣнно на одной; есть еще *другая*.

VII.

Частицы и „нарѣчія“.

Рѣчь есть выраженіе связной мысли, а связная мысль есть сужденіе и разсужденіе. Сужденіе, это — окончательное *рѣшеніе* чего нибудь. Ему предшествуетъ спрашиваніе, *исканіе.* Спрашивать мы можемъ въ связной мысли о какой нибудь *одной* части ея, установивъ всѣ остальныя: *τίς λέγει, τίνα ἀδικεῖτε, ποῖον τὸ ἔργον ἐποίησαν* и т. д. »Спрашивать объ *одной* части мысли, установивъ остальныя«, значитъ (если перенестись отъ *мысли* къ *рѣчи*, какъ ея *выраженію*): искать какого нибудь одного *слова,**) установивъ остальныя. Это *одно* слово есть непремѣнно какое нибудь *имя,* — или существительное, или признаковое. Ибо до сихъ поръ другихъ частей рѣчи у насъ не было. О предлогахъ не спрашиваютъ (спрашиваютъ *гдѣ,* а отвѣтъ на это получается: *надъ* водою, *подъ* водою и т. д.), а если *кромѣ* имени имѣется еще глаголъ, то глаголъ является выраженіемъ *цѣлой* мысли, и разъ мы ищемъ только *часть* мысли, то мы можемъ спрашивать только о его *а,* или о его *б;* въ первомъ случаѣ мы спрашиваемъ *τί ποιεῖ*, и получаемъ отвѣтъ *γράφει* а во второмъ — *τίς γράφει*, и получаемъ отвѣтъ *οὗτος*, или *ἀδελφός*, или что нибудь подобное. На *счетную* часть рѣчи мы смотримъ въ этомъ случаѣ какъ на *признаковое* имя (см. стр. 354) и спрашиваемъ о ней

*) Отчего только *одного?* Конечно, можно искать и нѣсколько словъ *сразу,* но объ этомъ ниже.

признаковымъ же »*πόσοι*«. »Нарѣчій« мы, положимъ, еще не разбирали, но въ общемъ и *они* суть *имена* (ихъ окаменѣлые падежи), соотвѣтственно чему мы и спрашиваемъ о нихъ *именами* же (*формальными* и окаменѣлыми ихъ падежами): о словѣ *καλῶς* мы спрашиваемъ словомъ *πῶς* и т. д. Выходитъ, что если приходится искать какую нибудь *часть* мысли, то мы, ища, въ сущности, какое нибудь *имя*,*) можемъ это осуществить черезъ *имена* же, — имена формальныя, а въ частности вопросительныя. *Исполнивъ* эту задачу и *отвѣтивъ* на вопросы, мы получаемъ въ рѣчи синтаксическія *сказуемыя*, а части мысли, напередъ *установленныя*, играютъ при нихъ роль синтаксическихъ подлежащихъ.

Случаямъ, въ которыхъ какая нибудь *одна* часть мысли не установлена и *ищется*, мы должны противоставить случаи, гдѣ *вся* мысль напередъ установлена, а только извѣстная ея часть, — та, которая потомъ должна сдѣлаться синтаксическимъ *сказуемымъ*, — подвергается *колебанію*. Во фразѣ *орелъ-хищникъ* мы можемъ подвергнуть колебанію *вторую* ея часть (орелъ, ты думаешь, *хищникъ?*), или *первую* (ты *орла* считаешь хищникомъ?), въ примѣрѣ *τὴν τοῦ ἀπείρου λέγεις φύσιν* (Plat. Phil. 25 d) подвергается колебанію слово *ἀπείρου* и т. д. Въ *глаголѣ* мы можемъ подвергнуть колебанію только его *а* (*οἴει* = ты такъ *думаешь?*); ибо если бы почему либо нужно было подвергнуть колебанію *б*, то это повело бы къ выдѣленію этого *б* въ особое *слово*, такъ какъ *подвергаемое* колебанію должно быть *интонируемо* (*σὺ ταῦτα οἴει* = *ты* такъ думаешь?; сравни выше стр. 180.**)

---

*) Это еще не значитъ, что намъ *отвѣтятъ* непремѣнно именемъ; отвѣтъ можетъ получиться въ формѣ какого нибудь *сложнаго* выраженія.

**) Можно подвергнуть колебанію и самую *квалитативность* сужденія и *время* сужденія, выраженныя въ глаголѣ (да и отчего не подвергнуть колебанію и *залоговой* и *видовой* оттѣнки глагола?). Но такое колебаніе, пожалуй, трудно отмѣтить обычною интонаціею, хотя невозможнымъ этого считать нельзя. Впрочемъ, чаще всего въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ особымъ *выраженіямъ* (иногда съ противопоставленіемъ одного оттѣнка другому) въ родѣ: *вѣрно* это? — быть можетъ, ты это говоришь *такъ только?* Или: это твое убѣжденіе? — быть можетъ, это только твое желаніе? Или: это *было* уже? — быть можетъ, это еще только будетъ? и т. д.

До какой широты доходитъ намѣченное въ такихъ колебаніяхъ »синтаксическое сказуемое«,*) можно усмотрѣть изъ примѣра »*τὸν θεὸν ἐλέγομέν που τὸ μὲν ἄπειρον δεῖξαι τῶν ὄντων, τὸ δὲ πέρας*« (отвѣтъ *πάνυ μὲν οὖν*. — Plat. Phileb. 23 c), гдѣ изъ »намѣченнаго синтаксическаго сказуемаго« можно исключить только слова *θεὸν ἐλέγομεν* (*θεὸν ἐλέγομεν* есть синтаксическое подлежащее).

Во *всѣхъ* случаяхъ, гдѣ *часть* мысли, напередъ вполнѣ установленной, подвергается колебанію, самое колебаніе выражается *тономъ*. Тонъ насъ не касается. Но нѣтъ ли и *слова*, — нѣтъ ли »частицы«, въ родѣ русскаго »*ли*«, которая бы въ такихъ случаяхъ такъ или иначе**) присоединялась къ намѣченному синтаксическому сказуемому?

Такую »частицу«, имѣющую значеніе русскаго »*ли*«, хотятъ видѣть въ *ἆρα*. Но *ἆρα* не можетъ быть этою частицею. Этимологи *вѣрно* замѣчаютъ, что *ἆρα* есть въ сущности то же *ἄρα*, которое, будучи этимологически связано съ *ἀραρίσκω* и съ *ἄρθον****), указываетъ на такую или иную (обыкновенно *причинную*), *связь* одной мысли съ другою. *Ἄρα*, повидимому, есть »нарѣчіе«, образованное на подобіе словъ *ὦκα*, *τάχα* и пр., есть »окаменѣлый падежъ«, обозначающій »въ связи« — »слѣдовательно« (и русское *слѣдовательно* всякій назоветъ »нарѣчіемъ», а

*) Можно довести до извѣстной широты »намѣченное синтаксическое сказуемое« и въ *первыхъ* случаяхъ, когда мы »*спрашиваемъ* объ именахъ«, но тогда приходится *комбинировать* самыя тѣ *формальныя* имена, при посредствѣ *которыхъ* мы спрашиваемъ: *τίς τίνα καὶ πῶς εὖ ποιεῖ* (это пусть будетъ отвѣтомъ на вопросъ возбужденный на стр. 451. подстрочнымъ примѣчаніемъ).

**) Я говорю »такъ или иначе« потому, что такое слово, такая »частица« можетъ быть присоединена опять только къ *слову*, а не ко *всему* »намѣченному синтаксическому сказуемому«. *Какъ* въ этомъ случаѣ распоряжается языкъ, *какое* слово избираетъ онъ для присоединенія къ нему »частицы«, какъ »*разставляетъ*« онъ слова, чтобы »частица« чувствовалась относящеюся ко *всему* »синтаксическому« сказуемому, — это опять такы дѣло не »симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ«.

***) Это — *принятая* этимологія (см. Curtius Grundz. 341. Prellwitz Wörterb. и др.). Бругманъ *не приводитъ* этой этимологіи; онъ только указываетъ (Grundr. I. 231) на связь нашего слова съ одиозвучнымъ словомъ въ *литовскомъ* языкѣ и опредѣляетъ его какъ Partikel zur Bezeichnung der natürlichen Folge und dergleichen.

именно окаменѣлымъ *вещнымъ* падежемъ). Такимъ образомъ, фраза »*ἆρα τοῦτο ἐγένετο*« значитъ: стало быть, *это* случилось?*) Другими словами, *ἆρα*, т. е. собственно *ἄρα*, — составляетъ ли вмѣстѣ съ *τοῦτο* »намѣченное синтаксическое сказуемое«, или принадлежитъ вмѣстѣ съ *ἐγένετο* къ синтаксическому подлежащему, — входитъ *всѣмъ* своимъ значеніемъ въ составъ »напередъ установленной мысли«, а если его *ударенiе* нѣсколько другое, то въ этомъ нужно видѣть только отраженіе того *общаго* вопросительнаго тона, который *часть* мысли подвергаетъ колебанію, и кромѣ котораго здѣсь никакого *другого* »вопросительнаго средства« *нѣтъ*.

Далѣе, въ видѣ вопросительной частицы выдвигаютъ *οὐκοῦν*. *Οὐκοῦν* представляетъ собою не одно, а *два* слова. Они могутъ появляться въ мысли, подвергающейся колебанію, не только *оба* вмѣстѣ (*οὐκοῦν αἰσχρὸν τοῦτο* = а не правда ли, что это позорно?), но и *порознь* (*οὐ τοῦτο αἰσχρόν ἐστι; βούλει οὖν καὶ Σωκράτει τῷδε ἀνακοινώσωμεν τὸν λόγον*), однако, ни то, ни другое не можетъ быть тѣмъ словомъ, котораго мы ищемъ. *Οὖν* нами уже выяснено на стр. 445–6. какъ »нарѣчіе«, и при томъ его значеніи, которое тамъ, правда, лишь въ *общихъ* чертахъ намѣчено, можно о немъ повторить по отношенію къ *теперешнему* вопросу то же, что нами сказано объ *ἄρα*. Что же касается *οὐκ*, то оно, конечно, есть не *во—*

---

*) Правда, *ἆρα* часто появляется, между прочимъ, и въ самомъ *началѣ* рѣчи. Такъ, Платоновскій діалогъ Alc. II. прямо *начинается* со словъ »*ὦ Ἀλκιβιάδη, ἆρά γε πρὸς τὸν θεὸν προσευξόμενος πορεύει;*«. Но это — начало, какое мы часто встрѣчаемъ и въ *русскомъ* языкѣ. Не будетъ ошибки, если мы *данное* мѣсто діалога переведемъ: такъ чтожъ? Алкивіадъ! — мы .. и т. д. Ужъ никто не будетъ сомнѣваться въ томъ, что слово *такъ* (— »нарѣчіе«, т. е. окаменѣлый падежъ къ формальному имени *тотъ*), *тоже* обозначаетъ »связь съ предыдущимъ«. Это »предыдущее« здѣсь только подразумѣвается, и самое »подразумѣваніе« психологически объясняется тѣмъ, что прежде обращенія къ слушателю говорящій *соображалъ* кое о чемъ, и что обращеніе его къ слушателю является слѣдствіемъ и продолженіемъ этихъ соображеній. Кромѣ *такъ* въ приведенной русской фразѣ помѣщено и формальное вопросительное имя *что*(*жъ*). Такъ и въ греческомъ языкѣ часто предупреждается мысль, подвергающаяся колебанію, словомъ *τί*[*δέ*]-*τί*[*οὖν*] (*τί δέ — ἱκανὸν τ' ἀγαθόν*; Plat. Phil. 20 d). Объяснять умѣстность этого слова *здѣсь* мы считаемъ лишнимъ; впрочемъ мы къ нему еще вернемся.

просительное слово, а *просто* отрицаніе. Вопросительнымъ словомъ его можно назвать въ *нашихъ* случаяхъ лишь въ томъ смыслѣ*), что появленіе его въ мысли, подвергающейся колебанію, есть *отраженіе* самого колебанія (а не что нибудь, придающее самимъ *собою* характеръ вопроса данному выраженію). Ибо, подвергая мысль колебанію, я могу проявить это черезъ внесеніе въ ея выраженіе *отрицанія*. Это дѣлается вполнѣ *сознательно*, такъ какъ колебаніе въ томъ и состоитъ, что мысль, чего добраго, можетъ *разрѣшиться* отрицательно.**) Говорятъ нерѣдко о *»риторическомъ«* значеніи нашего *οὐκ* (*ἆρ' οὐ περὶ φρονήσεως ἦν καὶ ἡδονῆς ἡμῖν ἐξ ἀρχῆς ὁ λόγος, ὁπότερον αὐτοῖν αἱρετέον.* Plat. Phil. 18. e), но »риторичность« въ данномъ случаѣ есть *ироничность*, — есть особое настроеніе говорящаго, въ силу котораго онъ лишь *для вида* подвергаетъ колебанію то, что *для себя* считаетъ *вѣрнымъ*.***) Эту ироничность можно иногда и *найти* въ *οὐκ*, но въ другихъ случаяхъ ея вовсе *нѣтъ* въ немъ. Что наряду съ *οὐκ* встрѣчается въ нашихъ случаяхъ и *μή*, а также *μῶν* (= *μὴ οὖν*, какъ *οὐκοῦν*), а то и *μῶν οὖν* (составъ слова *μῶν*, повидимому, уже *не сознавался*, когда стали прибавлять къ нему *οὖν*), или *μῶν μή* (*μῶν μὴ μακρὸς ὁ λόγος.* Plat. Soph. 263 a — *μῶν οὐ* у Еврипида Med. 733), — это все извѣстно, и разницу между *οὐκ* и *μή* выяснимъ ниже.

Остаются слова *ἤ* и *εἰ*. *Ἤ*,†) по нашему мнѣнію, есть *истинно* вопросительная »частица«. Сводить ее къ »нарѣчію«

---

*) Въ этомъ смыслѣ мы и *μή* на стр. 143. назвали »вопросительнымъ«.

**) Отъ этихъ случаевъ нужно различать другіе, гдѣ сама *мысль*, которую я подвергаю колебанію, есть *отрицательная.* Тогда языкъ либо *разставляетъ* иначе слово *οὐκ* (*τοῦτο ἄρ' οὐκ ἀγαθόν ἐστι*; — это, стало быть, не *есть* благо?), или ставитъ въ началѣ *οὔκουν* (*οὔκουν τοῦτο ἀγαθόν ἐστι* = итакъ, это *не есть благо?*).

***) На стр. 143 мы назвали *μή »риторически* — вопросительнымъ« въ нѣсколько *другомъ* смыслѣ; ниже мы *вернемся* къ этому *μή*.

†) Обыкновенно *различаютъ* »ἤ-ἠέ« и »ἦ-ἦε«. Послѣдняго не этимологизируютъ, а первое приводятъ въ связь съ латинскимъ ve и санскритскимъ vā (Brugmann Grundr. I. 537 и II. 776). Prellwitz (Wörterb. sub voce

нѣтъ основанія, какъ нѣтъ основанія сводить къ »нарѣчію« русское »*ли*«: *ἦ πὰρ ἐκείνου φαίνει* (Plat. Prot. 309 b = отъ него ты идешь, что ли?). Извѣстно постоянное сопровожденіе мысли, передаваемой слушателю, словами *ἦ γάρ* = такъ, что *ли?* (о *γάρ* — ниже).

Если вопросительный тонъ (мы говоримъ о *тонѣ,* а не о *значеніи,* которое остается *всегда* себѣ вѣрнымъ), — если вопросительный тонъ ослабѣваетъ, то наступаетъ орѳографія *ἤ*. Это бываетъ прежде всего въ такъ называемомъ »двучленномъ« вопросѣ: *ὦ ξεῖνοι, τίνες ἐστέ; πόθεν πλεῖθ' ὑγρὰ κέλευθα; ἤ τι κατὰ πρῆξιν ἢ μαψιδίως ἀλάλησθε οἷά τε ληιστῆρες ὑπεὶρ ἅλα, τοί τ' ἀλόωνται ψυχὰς παρθέμενοι. κακὸν ἀλλοδαποῖσι φέροντες;* (Od. ι 252) = ктó вы, откуда вы? — за дѣломъ ли какимъ нибудь ѣдете, такъ ли только скитаетесь по морю? Вопросительнаго *тона* не *нужно* было *особенно* подчеркивать въ *ἤ*, такъ какъ онъ достаточно отмѣченъ раньше въ словахъ *τίνες* и *πόθεν* (кто прочтетъ пра̀вильно все мѣсто по русски, тотъ *убѣдится* въ ослабленіи тона послѣ *первыхъ* вопросовъ); но что самъ *вопросъ* тянется *до конца* мѣста, — это не подлежитъ ни *малѣйшему* сомнѣнію. Омиръ, впрочемъ, — въ *усиленіи* вопросительнаго тона всякій воленъ, — ставитъ и здѣсь *протяжное ἦ*, особенно если на то наталкиваютъ *метрическія* требованія: *ὤ μοι ἐγώ, τέων αὖτε βροτῶν ἐς γαῖαν ἱκάνω; ἦ ῥ' οἵ γ' ὑβρισταί τε καὶ ἄγριοι οὐδὲ δίκαιοι, ἦε* (*тоже* одинъ видъ протяжнаго *ἦ*, который и *нуженъ* былъ по *метрическимъ* соображеніямъ) *φιλόξεινοι, καί σφιν νόος ἐστὶ θεουδής* (Od. ζ 119).

Обыкновенно »двучленный« вопросъ вводится словомъ *πότερον: οἳ φαίνονται καὶ λέγοντες, ἃ μὴ ἴσασι, καὶ πράττοντες, πότερά σοι δοκοῦσι ἐπὶ τοῖς τοιούτοις ἐπαίνου μᾶλλον*

ἠέ) говоритъ: *ἠέ-ἤ* = *oder*, aus *ἠϝέ*, altindisch vā oder .... Мы, руководясь непосредственнымъ чутьемъ *значенія* обоихъ словъ, не имѣемъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что это — *одно* слово. Такъ, впрочемъ, полагаетъ и Hermann (Opusc. I. 209) и Bäumlein. Послѣдній говоритъ (Partik. 125): wir können es *nicht für unmöglich* erklären, dass *ἤ* aus dem »versichernden« oder »fragenden« (итакъ, *два* значенія!) *ἤ* hervorging.

ἢ ψόγου τυγχάνειν; (Xen. Memor. II. 6. 16) = чего изъ двухъ, по твоему, они заслуживаютъ: похвалы скорѣе, поощренія ли? Два вопроса, заключающіеся здѣсь, представляются »предметами обсужденія«, и на оба »предмета« указывается *предварительно* словомъ *πότερον*, какъ и прежде (см. стр. 456. подстрочное примѣчаніе), въ »*τί δέ, ἱκανὸν τ' ἀγαθόν;*« *одинъ* вопросъ, т. е. *одинъ* предметъ обсужденія, предупреждался словомъ *τί*. Не было бы ничего неестественнаго въ томъ, если бы и въ нашемъ *двучленномъ* вопросѣ *оба* вопроса приняты были за *одинъ* предметъ »обсужденія« и также предупреждены словомъ *τί* (*τί δέ, τρέφεται καὶ γίγνεται ἐκ τούτου καὶ ἄρχεται τὸ τοῦ παντὸς πῦρ ὑπὸ τοῦ παρ' ἡμῖν πυρὸς ἢ τοὐναντίον ὑπ' ἐκείνου τό τ' ἐμὸν καὶ τὸ σὸν καὶ τὸ τῶν ἄλλων ζώων ἅπαντα ἴσχει ταῦτα;* — Plat. Phil. 29 c). Нечего распространяться о томъ, что ни *τί*, ни *πότερον* не слѣдуетъ толковать по *первоначальному* ихъ смыслу за принадлежность *перваго* члена этого двойнаго вопроса, а что они являются чѣмъ то *самостоятельнымъ*, и *первый* членъ вопроса при нихъ остается безъ *всякой* вопросительной »частицы« (онъ можетъ оставаться безъ частицы и тогда, если бы никакого *τί* и никакого *πότερον* не было: *οἶσθα οὖν ὃ μέλλεις νῦν πράττειν, ἤ σε λανθάνει;* — Plat. Prot. 313 b). Конечно, при *привычкѣ* предупреждать двучленный вопросъ словомъ *πότερον*, сознаніе его какъ *самостоятельнаго* могло иногда и *ослабѣть*, и могли появляться такія фразы какъ *τίνες κατῆρξαν, πότερον Ἕλληνες μάχης ἢ παῖς ἐμός* (Aesch. Pers. 351). До такого ослабленія не могло дойти *τί* просто потому, что оно, въ силу своего значенія, никакого отношенія собственно къ *двучлену* не имѣетъ (раньше сказано, что оно могло предупреждать собою двучленный вопросъ какъ *одинъ* »предметъ обсужденія«). Если оно иногда и *чувствуется* сростающимся съ *первымъ* членомъ въ нѣчто единое, и если вышеприведенное *τί δὲ τρέφεται καὶ γίγνεται* и т. д. мы могли прочитать такъ, что между *τί δέ* и *τρέφεται* не нужно было дѣлать почти никакой паузы), то это ведетъ только къ тому, что *второй* членъ вопроса не получаетъ

даже значенія *члена*, а чего то *добавочнаго*, въ *первоначальномъ* планѣ мысли вовсе *не заключавшагося* (чтóже, онъ питается нашимъ огнемъ? — а можетъ быть нашъ огонь питается имъ?).

Что *второй* членъ какого бы то ни было »двучленнаго« вопроса (я не говорю теперь объ *обоихъ* членахъ, *предупрежденныхъ* какимъ нибудь *общимъ* вопросомъ, въ родѣ вышеприведеннаго *τίνες ἐστέ — πόϑεν πλεῖτε* *), — что *второй* членъ какого бы то ни было двучленнаго вопроса *ослабляетъ* въ себѣ вопросительный тонъ сравнительно съ *первымъ* членомъ, можно опять таки провѣрить на правильномъ прочтеніи какого нибудь *русскаго* двучленнаго вопроса. Это ослабленіе вопросительнаго тона во *второмъ* членѣ влечетъ за собою непремѣнное появленіе особаго вопросительнаго *слова* (разъ *тонъ* ослабленъ, то чѣмъ же остается отмѣтить вопросъ, какъ не *словомъ*?). Такимъ образомъ, если *первый* членъ, при его еще *сильномъ* вопросительномъ тонѣ, могъ иногда оставаться *безъ* вопросительнаго слова (мы это выше видѣли), то во второмъ членѣ должно *непремѣнно* появиться *ἤ*, хотя бы и *не протяжное* (т. е. не *ἦ*). Въ русскомъ языкѣ *обыкновенно* (это не обязательно; сравни: не знаю, правда ли это, нѣтъ ли) во *второмъ* членѣ ставится *или*. Слово *или* представляетъ собою compositum изъ *и* (= *τε*, *καί*) + *ли*. Этимъ »*и*«, въ общемъ обозначающемъ *присоединеніе* чего нибудь къ чему нибудь (объ этомъ ниже), только и *отмѣченъ* второй членъ вопроса какъ *второй*, т. е. какъ *плюсъ* къ чему то другому. Это же явленіе мы видимъ въ греческомъ *ἢ καί*, появляющемся довольно часто (сравни Od. *α* 175, *δ* 712 и др.).

Надъ появленіемъ слова *ἤ* въ двучленѣ, *не имѣющемъ* характера вопроса, нечего долго останавливаться; оно вполнѣ понятно, и вполнѣ согласно съ *вопросительнымъ* значеніемъ слова *ἤ*. Въ самомъ дѣлѣ: двучленъ, *не имѣющій* характера вопроса, прежде всего можно раздѣлить на conjunctiv'ный

---

*) Да и само *πότερον* и *τί δέ*, чѣмъ *оно* не »предупредительный *общій* вопросъ«, если оно дѣйствительно *чувствуется* самостоятельнымъ, а не *сросшимся* съ *первымъ* членомъ вопроса.

(онъ хватается и за то, и за другое) и disjunctiv'ный. Въ disjunctiv'номъ двучленѣ и *появляется* ἤ. Да и не есть ли disjunctio *сама по себѣ* нѣкоторый вопросъ? — не могла ли она быть понята въ такомъ смыслѣ, что я, говорящій, *не рѣшаю* и *оставляю подъ вопросомъ*, въ ту ли или другую сторону повернетъ самое *рѣшеніе* этого *вопроса?* Русскій языкъ въ этихъ случаяхъ употребляетъ *или-или*. Несомнѣнно, что въ этомъ *или* слово »*и*« указываетъ на двучленъ *вообще*, а »*ли*« остается *вопросительнымъ* словомъ. Оборотъ *или панъ, или пропалъ* значитъ: Можетъ быть *и* то, *и* другое; первое *ли* выйдетъ, второе *ли*, — не знаю. Такъ и греческій языкъ рядомъ съ ἤ-ἤ употреблялъ когда то ἤτε-ἤτε (Il. ρ 42: ἤ τ' ἀλκῆς ἤ τε φόβοιο). Двучленъ вообще, хоть conjunctiv'ный, хоть disjunctiv'ный, можетъ быть или *заранѣе* обдуманъ говорящимъ, или является результатомъ лишь какой то *поправки*, какого то *дополненія* къ чему то, казавшемуся раньше *законченнымъ*. Такое впечатлѣніе не-*обдуманнаго* заранѣе двучлена производитъ фраза: онъ не *захочетъ* этого сдѣлать; да и *неподготовленъ* онъ вовсе къ этому (противопоставь фразу: онъ и *не захочетъ*, и *не сможетъ* этого сдѣлать). Мы не думаемъ утверждать, что *обдуманный* заранѣе conjunctiv'-ный двучленъ ведетъ къ употребленію въ *обѣихъ* его частяхъ слова »*и*«. Простое »*онъ не захочетъ и не сможетъ этого сдѣлать*«, также могло появиться при *обдуманномъ* заранѣе двучленѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что *не*-обдуманный заранѣе двучленъ ведетъ *непремѣнно* къ отсутствію въ первомъ членѣ слова »*и*«. Такъ и въ disjunctiv'номъ двучленѣ ἤ можетъ появиться только *разъ*, при *второмъ* членѣ (ὡς δὲ λέων ἐν βουσὶ θορὼν ἐξ αὐχένα ἄξῃ πόρτιος ἠὲ βοός, ξύλοχον κάτα βοσκομενάων. — Il. ε 162), но особенно должна повліять на такое явленіе *неподготовленность* двучлена (εἴ τινά που δηίων ἕλοι ἐσχατόωντα, ἤ τινα καὶ φῆμιν ἐνὶ Τρώεσσι πύθοιτο = а то, чего добраго, и ... Il. κ 207). Въ этихъ случаяхъ второй членъ очень приближается къ характеру *вопроса*. *Формальнымъ* вопросомъ этотъ второй членъ является въ такихъ выраженіяхъ какъ τοῦτο κακῶς

ἀποβήσεται. ἤ οἴει σύγε … (= или ты думаешь, что ….? сравни, что выше сказано о »добавочномъ« членѣ въ примѣрѣ *τί δὲ τρέφεται καὶ γίγνεται πῦρ* ….).

Особеннымъ оттѣнкомъ слова ἤ является *сравнительный* оттѣнокъ въ примѣрахъ *βελτίων ἤ ἐγώ* и т. п. *Замѣчательны* эти слова, употребляющіяся въ сравнительныхъ степеняхъ! Латинскій языкъ употребляетъ въ данномъ случаѣ *quam*. *Quam* есть окаменѣлый падежъ слова *qui-quae-quod* и имѣетъ въ данномъ случаѣ *относительное* значеніе, опираясь на извлекаемое изъ него *соотносительное* слово (ср. стр. 443–4). *Major sum*, *quam tu* значитъ: какъ ты старъ, такъ я *старше**). Въ русскомъ *разговорномъ* языкѣ *тоже* слышится иногда *какъ*, но чаще употребляется *чѣмъ*, оказывающееся также *относительнымъ* словомъ. *Я старше, чѣмъ ты* значитъ: благодаря чему ты старъ, благодаря тому я старше. Но русскій языкъ употребляетъ *еще* одно слово при сравнительныхъ степеняхъ. Это — слово *нежели*, и имъ русскій языкъ даетъ намъ ключъ къ разъясненію греческаго сравнительнаго ἤ. Иродотовское (впрочемъ, не *исключительно* Иродотовское) *ἐποίησα ταχύτερα ἤ σοφώτερα* значитъ: мой поступокъ былъ болѣе поспѣшный а можетъ быть онъ — болѣе умный? (Подразумѣвается *не думаю*; другими словами, фраза ἤ *σοφώτερα* чувствовалась первоначально выраженіемъ *риторическаго* вопроса, возбуждающаго только *слушателя* подумать о содержаніи его,

*) — поскольку ты *старъ*, постольку я *старше*. Это разсужденіе напоминаетъ намъ статью Schoemanna: über die Comparativpartikeln der griechischen und verwandten Sprachen (Höfers Zeitschrift 1853, pag. 131 seq). Schömann приводитъ нѣкоторыя мѣста, гдѣ и въ греческомъ языкѣ при comparativ'ахъ употребляется ὡς. Онъ указываетъ на то, что случаевъ такого употребленія было бы гораздо больше, если бы комментаторы и издатели, не справляющіеся съ такимъ ὡς и не понимающіе его (онъ его толкуетъ приблизительно такъ же, какъ мы), не успѣли замѣнить его словомъ ἤ. Употребленіе слова ὡς въ сравненіяхъ наводитъ Шемана на мысль, не есть ли и ἤ этимологически то же самое, что ὡς, т: е. не есть ли ἤ, вмѣсто ἥ (тонкое придыханіе часто чередуется съ густымъ), »adverbial'ная« форма отъ ὅς-ἥ-ὅ. Съ послѣднимъ мы согласиться не можемъ, такъ какъ тогда не получается симасіологическое единство во всѣхъ случаяхъ употребленія если не *всего* ἤ-ἤ, то по крайней мѣрѣ одного ἤ (дальше мы не намѣрены распространяться объ этой мысли, предоставляя *читателю* провѣрить ее по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы разсуждаемъ объ ἤ).

и рѣшеннаго самимъ говорящимъ въ *отрицательномъ* смыслѣ*). Такъ и фразѣ *πρεσβύτερός εἰμι σοῦ* я придаю первоначальный смыслъ: я старше, или можетъ бытъ *ты* такъ старъ? Русское *я занимался усерднѣе нежели ты*, по моему мнѣнію, обозначало первоначально: я занимался усерднѣе; *не - уже* (= же) - *ли* ты занимался такъ усердно? Чешскій языкъ *пропускаетъ* вопросительное »ли« и выражается такъ: on myslil o tom víc než ty = онъ думалъ объ этомъ больше; *не* ты *же* объ этомъ такъ думалъ!

При такомъ объясненіи сравнительнаго ἤ приходится чувствовать самую сравнительную степень въ томъ »*absolut*'номъ« значеніи, на которое наши грамматики указываютъ, какъ на *особый* оттѣнокъ comparativ'а. Да и не является ли absolut'ное значеніе comparativ'а первоначальнымъ? Иначе трудно было бы объяснить, почему, напр., славянскіе языки съ такими натяжками образовываютъ у себя *превосходную* степень. И не въ absolut'номъ ли значеніи нужно толковать тотъ comparativ, который принимаетъ къ себѣ удалительный падежъ? (сравни выше стр. 390). Конечно, въ концѣ концовъ *потерялось* сознаніе *вопросительнаго* значенія слова ἤ въ нашихъ случаяхъ. При *вопросительномъ* значеніи оно *оторвано* отъ comparativ'а (между нимъ и comparativ'омъ приходится дѣлать *паузу*), между тѣмъ какъ мало по малу привыкали его считать непремѣнною *принадлежностью* comparativ'а, такъ что оно *срослось* съ нимъ въ одинъ *компактный* оборотъ, и самъ comparativ получилъ значеніе »не-absolut'наго«. Немного еще чувствуется вопросительный оттѣнокъ сравнительнаго ἤ въ оборотѣ *οὐδὲν ἄλλ ἢ τοῦτο* (= ничего другого, *развѣ только* это), но черезвычайно трудно его внести напр. въ выраженіе *μείζω κακὰ ἢ ὥστε ἀνακλαίειν* = большія дѣйствія = чѣмъ чтобы ихъ (можно было) оплакивать = большія, чѣмъ въ такой степени, *въ какой* бы ихъ оплакивать (*ὥστε* есть

---

*) Иногда вопросъ этотъ — вовсе не риторическій. Какое нибудь *παχύτερος ἢ μακρότερος* (сравни чешское *on jest širší než delši*) прямо чувствуется въ *такомъ* смыслѣ, что длина съ толщиною можетъ *поспорить*, и что еще неизвѣстно, что надъ чѣмъ возьметъ верхъ.

относительное »нарѣчіе«, опирающееся на *соотносительное* слово; оно образовано отъ »относительнаго« ὅς – ἥ – ὅ съ прибавленіемъ къ нему τε, какъ и къ самому ὅς — у Омира *очень* часто — прибавляется τε; объ этомъ ниже*).

Ἠ, притомъ всегда съ *протяжнымъ* удареніемъ, употребляется также въ смыслѣ *утвердительной* »частицы«, т. е. для подкрѣпленія *правильности* отнесенія синтаксическаго сказуемаго къ синтаксическому подлежащему: εἰ δὲ ἔπος Πηληιάδεω φύλαξεν, ἦ τ' ἂν ὑπέκφυγε κῆρα κακὴν μέλανος θανάτοιο = то онъ *навѣрно* избѣгъ бы смерти. Разъ ἦ всегда при этомъ оттѣнкѣ появляется съ *протяжнымъ* удареніемъ, то самый оттѣнокъ долженъ былъ выйти изъ того *неослабленно*-вопросительнаго ἦ, съ котораго мы *начали* разборъ нашей частицы.**) Въ данномъ случаѣ

*) Итакъ, *еще* одно объясненіе сравнительнаго ἤ, — еще одно къ тѣмъ многимъ, по поводу которыхъ Ziemer (indogerm. Compar. 160) восклицаетъ: quot capita, tot sententiae. Ziemer, въ своей собственной sententia, во многихъ отношеніяхъ разсуждаетъ правильно, и я многимъ ему обязанъ, но онъ не вникъ въ возможность выходить при своихъ объясненіяхъ отъ *вопросительнаго* ἦ. Онъ его и не считаетъ »первоначально« — вопросительнымъ, а принимаетъ его за »beteuerndes«: es müsste uns die schwerer wiegende Rücksicht auf die Thatsache, dass das interrogative ἦ aus dem asseverierenden ἦ nach ziemlich gleichförmiger Annahme der Sprachforscher, gleichwie ἆρα aus ἄρα hervorgegangen ist, stutzig machen und davor warnen, den Ursprung des ἤ nach Comparativ in ein so entlegenes Gebiet wie das des beteuernden ἦ zurückzuführen. Die Form ἦ, in welcher Bedeutung sie auch auftrit, muss demnach für unsere Frage ganz aus dem Spiele bleiben (indogerm. Compar. 160).

**) Да, именно такъ, а не наоборотъ, т. е. не вопросительное вышло изъ утвердительнаго. Въ этомъ мы расходимся съ Hermann'омъ, который говоритъ (Opusc. I. 209): Particula comparativa nihil aliud est quam ἦ, mutato cum significatione accentu. Illud ἦ proprie significabat *profecto* .... Manente hoc significatu in interrogationibus usurpari incipiebat...; leniter hinc deflexit significatio, ut indicaret *an forte* .... Haec dubitantis interrogationis significatio traducta est deinde etiam ad alias formulas, ut πότερον-ἦ ... Indidem talia sunt, ut ἠμὲν ἀνακλῖναι πυκινὸν νέφος ἠδ' ἐπιθεῖναι, id est sive — *sive*. Neque ἠδέ, *et* significans, aliam habet originem, quod initio erat *vel etiam*. Sed nudum ἦ quum esset *an forte*, mox etiam *vel* et *aut* significare coepit (ἦ τίον, ἤ Αἴαντος), quia hoc ipsum est interrogantis, et quasi semet, utrum hoc, an illud malit interrogantis. Itaque multo usu factum est, ut ἤ simpliciter *aut* significaret, et ibi quoque usurparetur, ubi omnis interrogatio abesset.... Iam vero unde est, quod hanc particulam significare volunt *quam?* Verum est, eam sic esse interpretandam, quum latine loquimur: falsum est autem, hanc significationem inesse huic particulae. Nam praeterquam, quod nihil inter se commune aut cognatum habent harum particularum significationes, ne opus quidem est, ut, quum ἤ *quam* notare videtur, a propria ejus potestate discedamus. Commode

мы разсуждаемъ слѣдующимъ образомъ. Вопросительное ἦ есть, конечно, выраженіе колебанія. Чьего? Прежде всего, — колебанія самого говорящаго, задающаго себѣ вопросъ, такъ ли онъ разсуждаетъ. Затѣмъ, — говорящаго и слушателя *совмѣстно, отождествленныхъ* въ данномъ случаѣ самимъ говорящимъ (сравни фразу: »не *это* ли мы должны принять въ руководство?«; подъ *мы* нужно разумѣть *я да ты*). Но вопросъ, заключающійся въ ἦ, можетъ быть обращенъ исключительно къ *слушателю*. Мы сплошь да рядомъ сопровождаемъ наши *категорическія* заявленія слушателю выраженіями »не правда ли?« — »а?«, или какимъ то смѣшаннымъ звукомъ, состоящимъ изъ *м* и *н* и сопровождающимися вопросительнымъ *тономъ*. И этими средствами мы хотимъ не только привлечь слушателя къ *соглашенію* съ тѣмъ, въ чемъ мы сами убѣждены, но и, устремляя часто при этомъ на него свой испытующій взглядъ, уничтожить въ немъ *всякое* колебаніе относительно того, что говоримъ. Такое »*м(н)?*«, которое мы произносимъ въ этихъ случаяхъ, заключаетъ въ себѣ смыслъ: какъ ты думаешь? — я *вѣрно* говорю. Такой же смыслъ имѣетъ и греческое »утвердительное« ἦ. Потому то оно и употребляется при клятвахъ и обѣщаніяхъ, такъ какъ клятвы и обѣщанія носятъ на себѣ *именно* характеръ, такъ сказать, *публичности* и желанія

---

enim ea etiam in comparatione locum habet: *ἦτοι βέλτερόν ἐστι κατ' οὔρεα θῆρας ἐναίρειν ἀγροτέρας τ' ἐλάφους, ἢ κρείσσοσιν ἶφι μάχεσθαι·* id est proprie: *melius sane est feras occidere; an forte dimicare cum fortibus melius est?* Confirmat hanc interpretationem formula, quam Latini a Graecis acceperunt, rectius ea utentibus: *πρόθυμος μᾶλλον ἢ σοφώτερα* .... Haec si recte disputavimus, nulla est ellipsis in talibus locis ut *ἐπεὶ νεφεληγερέτα Ζεὺς Τρωσὶν δὴ βόλεται δοῦναι κράτος, ἠέπερ ἡμῖν.* Nam id proprie dictum est: *Juppiter Trojanorum vult victoriam esse; an ille eam nostram esse vult?* Относительно *перваго* положенія о переходѣ *утвердительнаго* значенія въ вопросительное мы *не*согласны съ Hermann'омъ потому, что 1. вопросительному значенію, столь *развѣтвившему* свое значеніе, гораздо приличнѣе стоять во главѣ, чѣмъ утвердительному, остающемуся *безъ* симасіологическаго движенія; 2. утвердительныхъ »частицъ« и *помимо* ἦ греческій языкъ развилъ много, какъ ниже окажется; 3. вопросительная »частица« была *нужна* языку для самыхъ *примитивныхъ* его потребностей (тонъ — тономъ, но полезно и *предупредить* этотъ тонъ какимъ нибудь средствомъ, тѣмъ болѣе, что въ многихъ случаяхъ онъ можетъ установиться и обнаружиться только съ *теченіемъ* рѣчи, а никакъ не на самомъ первомъ *словѣ*).

уничтожить *всякое* недоумѣніе въ *томъ, передъ* кѣмъ я »клянусь«.

Остается разсмотрѣть *εἰ*. *Εἰ* употребляется въ синтаксически подчиненныхъ *вопросахъ* (въ двучленныхъ — *εἰ-ἤ*, а то и *εἴτε-εἴτε*, соотвѣтствующее, по вопросу о *τε*, русскому *и + ли — и + ли*), въ »предложеніяхъ, выражающихъ *условіе*«, и въ выраженіяхъ *желанія* (*εἰ τοῦτο γένοιτο, εἰ τοῦτο »ἐγένετο«*). Что изъ вопросительнаго значенія легко вывести и условное, и желательное, — это лучше всего доказываетъ русскій языкъ, который во *всѣхъ* трехъ случаяхъ употребляетъ *»ли«.**) Оно и понятно: условіе, а также желаніе есть нѣчто, чего я самъ *не рѣшаю*, а только *на основаніи* чего я рѣшаю, оставляя *осуществленіе* этого основанія *открытымъ*, т. е. подъ *вопросомъ.***)

Если бы греческое *εἰ дѣйствительно* было первоначально *вопросительнымъ*, то разница между *ἤ* и *εἰ* заключалась бы въ томъ, что *εἰ* принадлежало бы исключительно синтаксически *подчиненнымъ* предложеніямъ, а *ἤ* было бы вопросительное *общее.* Но тогда нужно бы признать синтаксическую подчиненность столь же давнею, сколь давнимъ представляется и само *εἰ*. Такъ какъ и *условіе* связано съ синтаксическою подчиненностью, то и *условное* значеніе слова *εἰ* нельзя считать первоначальнымъ. Въ виду этого, не слѣдуетъ ли принять за первоначальное значеніе слова *εἰ* — *желательное?* Такое значеніе 1. — могло бы оказаться *нужнымъ* греческому языку, такъ какъ желательное наклоненіе относится только къ *будущему* времени, а желаніе, относящееся къ *прошедшему* времени, *кромѣ εἰ* выразить нечѣмъ: 2. — не являлось бы излишнимъ нагроможденіемъ *средствъ*,

---

*) Хотя въ *условныхъ* предложеніяхъ русскій языкъ употребляетъ обыкновенно *если* (иногда слышишь и *ли*; въ чешскомъ языкѣ *постоянно* li), но извѣстно, что *если* разлагается, въ сущности, на *есть-ли*. Такъ и желательное *»если бы я зналъ все, что знаютъ другіе!«* можно свести къ простому *».ли«*.

**) Особенно замѣчательны случаи, гдѣ условіе прямо *исключается* изъ матеріала, имѣющаго для меня, т. е. для моего *рѣшенія*, такое или иное значеніе. Это бываетъ при *двучленныхъ* условіяхъ. Замѣчательны они прежде всего тѣмъ, что тутъ русскій языкъ употребляетъ *простое* »ли«, а не *если*: то ли случится, другое ли (= *εἴτε-εἴτε*), все равно я поступлю такъ то.

такъ какъ *ἦ* осталось бы тогда *единственнымъ* вопросительнымъ; 3. — было бы способно, не въ меньшей степени, чѣмъ вопросительное, развѣтвиться въ *остальныя* два, т. е. въ условное*) и въ »косвенно вопросительное«**). Вопросъ только въ томъ, есть ли это »частица«, а не »нарѣчіе«.

Да, представляетъ ли *εἰ* »частицу«? Такое утвержденіе прежде всего подрывается словомъ *ἐπεί*. *Ἐπεί* есть несомнѣнно расширенное *εἰ* и употребляется по *большей* части (но *только* »по большей части«) *причинно*. Намъ не вѣрится, чтобы *первая* часть слова *ἐπεί* была тожествена съ предлогомъ *ἐπί*,***) да если бы это и было такъ, то *ἐπί* ничего »причиннаго« въ *ἐπεί* не внесетъ. *Ἐπεί* можетъ быть *причиннымъ* лишь постольку, поскольку *εἰ* является *условнымъ*. Ибо причина и условіе есть нѣчто *почти* одно и то же; разница только въ томъ, что я съ *причиною* считаюсь какъ съ *фактомъ*, а осуществленіе условія я оставляю »подъ вопросомъ«. Да, но если условное *εἰ*, хотя бы и расширенное въ *ἐπεί*, однако расширенное такъ, что само расширеніе ничего *причиннаго* въ него *не внесло*, — если это *εἰ* допускало *причинное* значеніе т. е. указаніе

---

*) Сравни стр. 146.

**) Когда я *колеблюсь*, утверждать ли что нибудь, или нѣтъ, то самое это »что нибудь« можетъ *дѣйствительно* быть разсматриваемо какъ мое *desideratum*. Замѣчательно, что при *одночленномъ* косвенномъ вопросѣ (двучленный, какъ болѣе *сложное* выраженіе, надо думать, развился позднѣе, когда косвенно вопросительное значеніе *утвердилось* уже какъ *особый* оттѣнокъ, *отличный* отъ другихъ двухъ), *εἰ никогда* не употребляется съ тѣмъ *отрицаніемъ*, на которое мы *тоже* указывали какъ на выраженіе колебанія (смотри выше стр. 457). Мы можемъ сказать »*οὐκ οἶδα, εἰ τοῦτο ἀγαθόν ἐστι*« и *только*. Какое нибудь »*οὐ τοῦτο ἀγαθόν ἐστιν;*« не *вмѣщается* въ »косвенно вопросительную« схему, прибѣгающую къ *εἰ*. Если »*οὐ τοῦτο ἀγαθόν ἐστιν;*«, какъ выраженіе *колебанія*, *могло* чувствоваться выраженіемъ *отрицанія* того, что я »думалъ *бы*«, но не рѣшаюсь высказать *прямо* (такое впечатлѣніе можетъ *произвести* выраженіе »это не есть благо?«, если въ немъ нѣтъ »*риторическаго*« оттѣнка), то въ *εἰ τοῦτο ἀγαθόν ἐστι* выражено, что я »*желалъ* бы« въ томъ-то видѣть благо, а только *не знаю* (*οὐκ οἶδα*) объ этомъ ничего положительнаго.

***) Такую этимологію предлагаетъ Etymologicum Magnum (*ἐκ τῆς ἐπὶ προθέσεως καὶ τοῦ εἰ συναπτικοῦ συνδέσμου*); ее поддерживаетъ Curtius (Grundz. 265, sub voce *ἐπί*): der adverbiale Gebrauch von api findet sich im gr. *ἐπεί* wieder, wo *ἐπί* die vorausgenommene Partikel des Nachsatzes im Sinne von *dann* ist.

на что нибудь какъ на *фактъ*, то оно *не могло* вырости изъ »*желательнаго*« значенія, и врядъ ли тогда и *желательное* значеніе слова *εἰ* было *первоначальнымъ*. Ἐπεί, — какъ, впрочемъ, и *εἰ*, — чувствуется »*относительнымъ*« словомъ, ищущимъ къ себѣ »соотносительнаго«, и если »соотносительнымъ« къ *εἰ* нужно признать *εἶτα*, то »соотносительнымъ« къ *ἐπεί* должно быть *ἔπειτα*. Эта »соотносительность« наводитъ на мысль, не есть ли *εἰ* »окаменѣлый падежъ« относительнаго формальнаго имени, стало быть, не есть ли оно »нарѣчіе«? Мы не можемъ одобрить, съ *симасіологической* точки зрѣнія, производство его отъ темы *sva*, встрѣчающейся въ *возвратныхъ* формальныхъ именахъ. Хотя этимологи на этомъ производствѣ не особенно настаиваютъ, но въ подкрѣпленіе его приводятъ то обстоятельство, что у Омира первый слогъ слова *ἐπεί* — долгій, что объясняютъ какъ слѣдъ первоначальнаго накопленія *согласныхъ звуковъ* послѣ начальнаго *ἐ* въ самомъ словѣ *ἐπεί*.*) Не есть ли въ такомъ случаѣ *εἰ* и *ἐπεί* какой нибудь окаменѣлый падежъ темы *ya*, встрѣчающейся въ *μιν* и въ *ὅς-ἥ-ὅ*,**) и не слѣдуетъ ли долготу въ *ἐπεί* объяснять какъ слѣдъ первоначальной positionis, вызванной тѣмъ, что послѣ начальнаго *ἐ* въ *ἐπεί* слѣдовали за собою согласные звуки *p* и j?***)

Если бы это было такъ,†) тогда бы все, что мы до сихъ поръ слышали объ *εἰ*, получило совершенно другой

---

*) Curtius Grundz. (396, sub voce *οὗ-οἷ-ἕ*): Hierher gehört mit Sicherheit lat. *si* und höchst wahrscheinlich gr. *αἰ-εἰ*, daher hom. *ἐπεί* mit langer, aus *ἐπϝεί* erklärbarer erster Sylbe.

**) Эту этимологію предлагаемъ не *мы* первые. Ее предлагаетъ и Bopp (Vergl. Gramm. III. 484): das griech. *εἰ* könnte als Verstümmelung von *ἰδι* gefasst und somit mit yádi vermittelt werden, wozu es sich ungefähr verhalten würde, wie z. B. *φέρει* zu bharâti.

***) Если бы все это было такъ, то не суть ли приведенныя на стр. 445 слова *ὁποῖος* и др. первоначально »*относительныя*«, и не относится ли *этимологически* слово *οἷος*, съ его начальнымъ *ο* и густымъ придыханіемъ, къ слову *ὁποῖος*, какъ *εἰ*, съ его начальнымъ *ε* и слабымъ придыханіемъ, относится къ *ἐπεί*? Не слѣдуетъ ли дальше омировскую орѳографію *ὁππoῖος* объяснять такъ, что второе *π* есть ассимилированный къ первому *π* звукъ, происшедшій изъ первоначальнаго звука j?

†) Нѣкоторое затрудненіе, при производствѣ слова *εἰ* отъ темы уа, возникаетъ относительно того, какъ могло *εἶτα*, коего первая часть заключаетъ

смыслъ, и выяснилось бы многое, что при прежнемъ толкованіи слова *εἰ* должно было вызывать недоумѣніе. Тогда:

1. — Желательное *εἰ* было бы *собственно* »восклицательнымъ«, какъ ему вполнѣ приличествуетъ въ качествѣ »окаменѣлаго падежа« *относительнаго* формальнаго имени (*εἰ τοῦτο γένοιτο* = кабы = какъ бы это случилось!).

2. — Какое нибудь »условное« *ἐὰν ἐθέλῃς, δώσω* пришлось бы толковать: въ какомъ случаѣ (= если) ты захочешь, въ такомъ (= то) я тебѣ дамъ то-то. Такъ и *ἐάντε ἐθέλῃς ἐάντε μή, ποιήσω* значило бы: и въ томъ случаѣ, въ которомъ (= если) захочешь, и въ томъ, если не захочешь, я сдѣлаю то-то.

3. — »Косвенно« вопросительная роль слова *εἰ* развилась бы изъ относительной на томъ же основаніи, на какомъ и относительныя формальныя имена исполняли эту роль.

4. — »Причинное« *ἐπεί* могло бы *дѣйствительно* знакомить съ »фактомъ«, какъ и »*относительныя*« предложенія часто знакомятъ съ »предметомъ« (сравни выше стр. 443).

5. — Понятна была бы »*коррективная*« роль слова *ἐπεί: οὐ γὰρ λαθεῖν τῶν ἀνθρώπων τοὺς δυναμένους ἐν ταῖς πόλεσι πράττειν, ὧνπερ ἕνεκα ταῦτ' ἐστὶ τὰ προσχήματα, ἐπεὶ οἵ γε πολλοὶ ὡς ἔπος εἰπεῖν οὐδὲν αἰσθάνονται* (Plat. Prot 317 a) = причемъ (= »при этомъ, конечно« = хотя) толпа ничего не смыслитъ.

6. — Иродотовское *ἐπείτε* вмѣсто *ἐπεί* оказалось бы вполнѣ аналогичнымъ тому »относительному« *ὅςτε*, которое такъ часто встрѣчается у Омира.

въ себѣ *ту же* »относительную« тему *уа*, исполнять роль »соотносительнаго« слова, стало быть, — ту роль, которую при *ὅς* и другихъ исполняютъ *анафорическія* слова *οὗτος, τοιοῦτος* и пр.? Мы не знаемъ ничего о *второй* части слова *εἶτα*; мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ эта вторая часть *способна* была сдѣлать изъ »относительнаго« слова »соотносительное«. Но если бы даже этой способности въ ней не было, то развѣ сама тема *уа* не могла быть и »соотносительною«? Относительность есть синтаксическая *подчиненность*, и какъ слово *ὅς* первоначально *не* указывало на синтаксическую подчиненность, а просто обозначало »*онъ же*«, такъ и *εἶτα* могло оставаться при *первоначальномъ* значеніи темы *уа* и могло обозначать »*тутъ же*«.

7. — Значеніе слова ἔπειτα получило бы правильное истолкованіе. Ἔπειτα, какъ соотносительное къ »причинному« ἐπεί, должно обозначать: вслѣдствіе этого = вслѣдъ за тѣмъ. Переведенное на временное, оно должно получить смыслъ »*тотчасъ послѣ этого*«. Такое значеніе дѣйствительно *замѣчается* въ ἔπειτα. Извѣстно Софокловское τό τ' ἔπειτα καὶ τὸ μέλλον καὶ τὸ πρὶν ἐπικρατεῖ νόμος ὅδε (Antig. 611). Изъ соединенія слова ἔπειτα съ выраженіемъ τὸ μέλλον мы можемъ усмотрѣть, что ἔπειτα вовсе не имѣетъ смысла русскаго »*въ будущемъ когда нибудь*«, а указываетъ на *непосредственно* слѣдующее послѣ »настоящаго« *момента*. Оно, какъ *временное*, по отношенію къ будущему есть то же самое, что ἄρτι по отношенію къ прошедшему времени.*) Кому неизвѣстно Омировское ἔπειτα, которое *постоянно* встрѣчается въ смыслѣ *тогда же*, а то и простаго аподотическаго »*то*«? Только изъ значенія »*вслѣдъ за настоящимъ* моментомъ« развилось значеніе »впредь« = въ будущемъ.

L. Lange, въ самомъ введеніи своего объемистаго сочиненія »Partikel εἰ«, подвергаетъ обстоятельной критикѣ ученіе нашихъ грамматиковъ, которые, различая желательное, условное и вопросительное значеніе слова εἰ, ставятъ во главѣ всѣхъ оттѣнковъ то вопросительный, то желательный, то условный. Самъ онъ, прежде всего, не ставитъ себя въ зависимость ни отъ какихъ *этимологическихъ* соображеній, въ частности же, отъ болѣе *принятаго* производства слова εἰ отъ темы *sva*. Онъ говоритъ: Wir könnten erst aus der vermittelst der Beobachtung des ältesten Sprachgebrauchs ermittelten Grundbedeutung feststellen, wie jene Bildung des Stammes *sva* aufzufassen sei, während es unmethodisch sein würde aus einer vorgefassten etymologischen Interpretation jener Bildung heraus den Gebrauch der Partikel beurtheilen zu wollen. На основаніи подробнѣйшаго разбора всѣхъ случаевъ употребленія слова εἰ у Омира, онъ доходитъ до

*) Ἄρτι, очевидно, происходитъ отъ темы ἀρ и значитъ: *въ связи* съ настоящимъ = *не отрываясь* отъ настоящаго = не отрываясь отъ настоящаго по отношенію къ *прошедшему* времени (значеніе »съузилось«) = только что.

слѣдующаго вывода (стр. 565): Es ist kein Grund vorhanden den Satz zu bezweifeln, dass *εἰ* eine *interjectionale* Partikel sei, gleich geeignet zur Einleitung von Wünschen und Fallsetzungen. Этотъ выводъ онъ строитъ преимущественно на тѣхъ приведенныхъ у него на стр. 523 явленіяхъ, гдѣ *αἲ γάρ* употребляется *совершенно самостоятельно* и *нисколько не связано* съ конструкціею слѣдующей за нимъ рѣчи: *αἲ γάρ, Ζεῦ τε πάτερ καὶ Ἀθηναίη καὶ Ἄπολλον, οἷος Νήρικον εἷλον... τοῖος ἐὼν τοι χθιζὸς... ἐφεστάμεναι καὶ ἀμύνειν ἄνδρας μνηστῆρας* (Od. ω 376). Какъ же намъ отнестись къ этому и подобнымъ примѣрамъ? Если въ нашемъ примѣрѣ *αἲ γάρ* употреблено самостоятельно, то такъ же самостоятельно употреблено въ немъ и глагольное имя. Какъ мы относимся и *должны*, кажется, относиться къ самостоятельному употребленію глагольнаго имени, — выяснено нами на стр. 157. Точно такъ же мы должны отнестись здѣсь и къ *αἲ γάρ*. Изъ факта его »interjectional'наго«, какъ говоритъ Lange, употребленія не слѣдуетъ, что оно есть междометіе. Его »interjectional'ное« положеніе вызвано такимъ же »риторизмомъ«, какимъ вызвано и самостоятельное употребленіе глагольнаго имени. Оно, по нашему мнѣнію, должно быть не точкою *отправленія* при опредѣленіи симасіологіи слова *εἰ*, а чѣмъ то, на что должно быть обращено вниманіе уже *въ концѣ*, когда *εἰ* выяснено въ *связной* рѣчи, и что составляетъ задачу *высшаго* синтаксиса, слѣдующаго *за* симасіологіею частей рѣчи и ихъ формъ. Такимъ образомъ, разсужденіе Lange не можетъ насъ уклонить отъ нашего мнѣнія, по которому мы считаемъ *εἰ* за окаменѣлый падежъ относительнаго формальнаго имени *ὅς-ἥ-ὅ*, а не за »частицу«.

Выходитъ, что изъ всѣхъ словъ, которыя мы до сихъ поръ разбирали, и которыя такъ или иначе связаны съ вопросительнымъ тономъ »намѣченныхъ синтаксическихъ сказуемыхъ«, только *одно* оказалось вопросительною »частицею« (да больше ихъ языку не нужно было); это — »частица« *ἤ*.

Но на вопросъ требуется *отвѣтъ* и, вообще, *разсужденіе* по поводу вопроса. Въ вопросѣ мы установили *два*

вида: мы или спрашиваемъ о чемъ нибудь, напередъ нами не установленномъ, или подвергаемъ лишь *колебанію* »намѣченное синтаксическое сказуемое.« Въ первомъ случаѣ спрашиваемъ *именами*, а согласно съ этимъ и *отвѣчаемъ* именами, призахватывая къ нимъ иногда, въ видѣ повторенія или ради полноты рѣчи, и другія слова, встрѣтившіяся въ вопросѣ (*τί γράφεις*; — *ἐπιστολὴν γράφω*). На *установленное* же напередъ »синтаксическое сказуемое« мы отвѣчаемъ прежде всего *да* или *нѣтъ*. Для »*да*« имѣется въ греческомъ языкѣ утвердительная »частица« *ναί* (*ναιχί*), а для »*нѣтъ*« — *οὐκ* (*οὐχί*). Но мы можемъ отвѣчать и *полною* рѣчью, и тогда въ особой *утвердительной* частицѣ крайней надобности нѣтъ (ты это *сдѣлалъ*? — сдѣлалъ!). Нельзя того же утверждать объ *отрицательной* частицѣ, и тутъ то мы наталкиваемся на постоянное чередованіе отрицательнаго *οὐ* съ отрицательнымъ *μή*. Какая между ними разница?

Говорятъ, что *μή* употребляется въ отрицательныхъ *понятіяхъ* (*οἱ μὴ εὐτυχοῦντες*), а *οὐκ* — при отрицаніи факта (*ταῦτα οὐκ ἐγένετο*). Говорятъ, что *μή* относится къ отрицательному *желанію* (*μὴ τοῦτο γένοιτο*), а то и къ *запрещенію* (*μὴ λέγε*), а *οὐκ* — къ отрицательному *сужденію* (*τοῦτο δ' οὐκ ἔστι ἀγαθόν*).*) Говорятъ, втретьихъ, что *μή* встрѣчается въ *условіяхъ*, а *οὐκ* — въ *сужденіяхъ*, высказываемыхъ *на основаніи* этихъ условій (*ἐὰν μὴ δῷς, οὐ συγχωρήσω*). Все это, *въ общемъ*, такъ,**) но вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ, а именно: 1. не *пропущенъ* ли какой нибудь симасіологическій оттѣнокъ? 2. гдѣ — симасіологическій *центръ* для оттѣнковъ каждой изъ отрицательныхъ частицъ *въ отдѣльности*? 3. какъ относится центръ одной къ центру другой?

---

*) Въ переводѣ на нашъ языкъ это значитъ, что *μή* употребляется о *желательныхъ*, а *οὐκ* — о *познавательныхъ* сужденіяхъ.

**) Къ этимъ тремъ положеніямъ сводитъ все дѣло Aken, разобравшій въ извѣстномъ своемъ сочиненіи объ *οὐ* и *μή* разные случаи *употребленія* отрицательныхъ частицъ и »постаравшійся« привести *прежнія* толкованія этихъ случаевъ къ »надлежащей мѣрѣ«. Но для того, чтобы *оправдать* эти положенія (особенно при его тенденціи — всѣ эти »факты«, »условія«, »сужденія«, »желанія« и »запрещенія«, а соотвѣтственно этому и самыя *μή* и *οὐ*,

Если вопросительное *ἤ*, равно какъ и тѣ »вопросительныя« отрицанія, о которыхъ мы разсуждали на стр. 457., относились къ »*намѣченному*« синтаксическому сказуемому, то въ »*отвѣтномъ*« выраженіи, *вызванномъ* вопросомъ и заключающемъ въ себѣ *дѣйствительное* синтаксическое сказуемое, отрицательная частица не только должна »*относиться*« къ этому сказуемому, но составляетъ его *главную часть*, такъ какъ весь вопросъ о »*намѣченномъ*« синтаксическомъ сказуемомъ въ томъ и заключался, принять ли его въ смыслѣ положительномъ или отрицательномъ, и если потомъ оказывается *послѣднее*, то отрицаніе и составляетъ всю *суть* той »новости«, которою опредѣляется синтаксическое сказуемое (сравни выше стр, 173.). На фразу *οὐκ ἐρευνήσας ταῦτα κωλύσει ὁ δεῖνα* мы можемъ смотрѣть какъ на отвѣтное выраженіе даже въ *томъ* случаѣ, если бы никакого вопроса *не предшествовало*. Примѣняя сюда указаніе Платона, сообщенное на стр. 77., мы можемъ сказать, что *всякое* выраженіе, заключающее въ себѣ *дѣйствительное* синтаксическое сказуемое, а не такое, которое »поставлено лишь подъ *вопросомъ*«, можно считать отвѣтомъ на вопросъ. И если фраза *οὐκ ἐρευνήσας ταῦτα κωλύσει ὁ δεῖνα* »отвѣчаетъ« на вопросъ, касающійся *одинаково* словъ *ἐρευνήσας* и *κωλύσει*, и притомъ такъ, что оба эти слова чувствуются членами *одного* синтаксическаго сказуемаго, и по интонаціи какой нибудь одинъ *не подчиненъ* другому, то *οὐκ* относится къ *обоимъ* имъ *одинаково*, представляя собою »суть« того же синтаксическаго сказуемаго, и тогда вся фраза получаетъ слѣдующій смыслъ: *не будетъ того*, чтобы онъ *выслѣживалъ* то–то и потомъ *воспрепятствовалъ* этому. Мы уже на

приводить въ непосредственную связь съ наклоненіями *глагола*) онъ долженъ: 1. глагольныя *имена* и глагольныя *признаковыя* очень часто разлагать на цѣлыя *предложенія*, что съ *симасіологической* точки зрѣнія — неправильно (глагольныя признаковыя и т. д. *не суть* »сокращенныя придаточныя« *предложенія*); 2. разныя формы наклоненій *перетолковывать* и принимать, напр., Indicativ за выраженіе *желанія* и т. д., словомъ, — дѣлать съ наклоненіями то же самое, что дѣлаетъ съ ними H. D. Müller (см. выше стр. 113); 3. игнорировать нѣкоторые случаи, не подходящіе ни подъ одно изъ этихъ положеній (таковы, напр., *οὐ τοῦτο ἀλλ᾽ ἐκεῖνο* и др.).

стр. 173. указывали на то, какъ далеко можетъ идти *одно* синтаксическое сказуемое. Соотвѣтственно этому и всякая отрицательная частица, — стоитъ ли она въ »отвѣтномъ« выраженіи и относится къ »дѣйствительному«, — или имѣетъ лишь »вопросительное« значеніе и относится къ »намѣченному« синтаксическому сказуемому (это въ концѣ концовъ — безразлично) — можетъ простереть свое вліяніе на *большой* объемъ текста! Сравни: *εἰ μὴ τὸ κέρδος κερδανεῖ δικαίως καὶ τῶν ἀσέπτων ἔρξεται* (Soph. Oed. r. 889 = если *не будетъ того*, что онъ будетъ добиваться своихъ выгодъ *справедливымъ путемъ* и будетъ *воздерживаться отъ грѣшнаго*); или: *ἐὰν δε μὴ ποιῶσι Φωκεῖς ἃ δεῖ καὶ παραδιδῶσι τοῖς Ἀμφικτύοσι τὸ ἱερὸν* (Dem. 19. 49.) и др.

Но съ отрицательными частицами, когда онѣ входятъ въ »*отвѣтное*« выраженіе, или, собственно, съ его »дѣйствительнымъ« синтаксическимъ сказуемымъ, можетъ произойти перемѣна. Будучи въ »*вопросительномъ*« выраженіи *намѣченнымъ* сказуемымъ, оно въ *отвѣтномъ* выраженіи легко можетъ сдѣлаться синтаксическимъ подлежащимъ, и тогда синтаксическимъ сказуемымъ остается одно *отрицаніе*, какъ *главная* часть отвѣта. »Ты такъ *думаешь*«? — спрашиваетъ собесѣдникъ, интонируя слово *думаешь* какъ синтаксическое сказуемое. *Отвѣчающій* на этотъ вопросъ можетъ принять слово *думаешь* за нѣчто, уже *условленное* между нимъ и его собесѣдникомъ, — условленное въ качествѣ *предмета* разговора, о которомъ онъ долженъ только такъ или иначе *высказаться*, и можетъ сказать: »я такъ *не* думаю«, интонируя только слово *не* какъ »синтаксическое сказуемое«. Такъ, во всѣхъ »отрицательныхъ »*понятіяхъ*« частица *μή*, если она *вообще* появляется и не замѣняется какимъ нибудь отрицательнымъ *прэфиксомъ* въ родѣ алфа privativum, относится къ своему слову, какъ синтаксическое сказуемое къ синтаксическому подлежащему *). Въ выраженіи

*) Это, конечно, не мѣшаетъ отрицательной частицѣ *вмѣстѣ* съ синтаксическимъ подлежащимъ сдѣлаться въ *свою* очередь подлежащимъ для *новаго* синтаксическаго сказуемаго (см. объ этомъ стр. 173).

οἱ μὴ εὐτυχοῦντες, какъ противоположномъ выраженію *οἱ εὐτυχοῦντες*, должно быть выдвинуто черезъ интонацію *именно* слово *μή*. Что такое *вообще* то »отрицательное *понятіе*«, которымъ объясняютъ появленіе въ рѣчи частицы *μή*, а не *οὐ*? »Отрицательное *понятіе*« есть выраженіе *черезъ* отрицаніе чего нибудь *положительнаго*. Фраза »городъ Орелъ — не столица« *только* отрицаетъ нѣчто, а положительное подлежитъ еще исканію. Во фразѣ »всѣ города не - столицы имѣютъ особый уставъ« то положительное, что раньше приходилось еще искать, дано въ самомъ *отрицаніи*: разумѣются *всѣ* города, *за исключеніемъ* столицъ.

Итакъ, гдѣ — *центры* симасіологіи словъ *οὐ* и *μή*, и какъ относятся эти центры другъ къ другу?*) Другими словами, — какая разница между *οὐ* и *μή*?

Въ виду того, что *οὐ* и *μή* въ однихъ случаяхъ имѣютъ отношеніе къ синтаксическимъ *сказуемымъ* (то — »намѣченнымъ«, будучи сами *вопросительными*, то — »дѣйствительнымъ«, будучи сами ихъ главною *частью*), а въ другихъ, *сами* представляя собою синтаксическое сказуемое, прибавляются къ другимъ выраженіямъ, какъ къ своимъ синтаксическимъ подлежащимъ**), мы должны присмотрѣться, нѣтъ ли въ языкѣ такихъ, приблизительно *одинаковыхъ* синтаксическихъ сказуемыхъ, или такихъ, приблизительно *одинаковыхъ* синтаксическихъ подлежащихъ, при которыхъ одинъ разъ встрѣчалось бы *οὐ*, а другой — *μή*.

---

*) *Первый* изъ вопросовъ, поставленныхъ нами на стр. 472., мы оставляемъ здѣсь въ сторонѣ, такъ какъ отвѣтили на него тамъ же въ подстрочномъ примѣчаніи.

**) Итакъ, чтобы не оставаться въ долгу передъ Aken'омъ и другими, »наклоненіе« *не есть* категорія, съ которою *вообще* можно бы связывать отрицательныя частицы, и которая *въ частности* могла бы выяснить появленіе какой нибудь *одной* изъ нихъ въ отличіе отъ *другой*. Къ ней, къ этой категоріи, не ведетъ ни *настоящее* наше разсужденіе о частицахъ *вообще* (и *ἡ* имѣло отношеніе не къ наклоненіямъ, а къ синтаксическому сказуемому), ни разборъ наклоненій во *второмъ* отдѣлѣ нашего изслѣдованія. Наклоненіе есть *одно* слово, а *οὐ* и *μή* могутъ относиться къ нѣсколькимъ словамъ *заразъ*. Когда же *οὐ* и *μή* относятся къ *одному* слову, то этимъ *однимъ* словомъ можетъ *не оказаться* наклоненіе (точно также какъ наклоненіемъ могло *не быть* ни одно изъ тѣхъ »нѣсколькихъ« словъ, къ которымъ »всѣмъ *заразъ*« относилось *οὐ* или *μή*). »*Ἄρ' ἐκάλει μέ τις;*« — спрашиваетъ

У Платона (Resp. 581 e) читаемъ: *ὅτε δὴ οὖν ἀμφισβητοῦνται ἑκάστου τοῦ εἴδους αἱ ἡδοναὶ καὶ αὐτὸς ὁ βίος μὴ ὅτι πρὸς τὸ κάλλιον καὶ αἴσχιον ζῆν μηδὲ τὸ χεῖρον καὶ ἄμεινον, ἀλλὰ πρὸς αὐτὸ τὸ ἥδιον καὶ ἀλυπότερον, πῶς ἂν εἰδεῖμεν, τίς αὐτῶν ἀληθέστατα λέγει;* Сопоставивъ это мѣсто съ выраженіемъ *οὐχ ὅπως χάριν αὐτοῖς ἔχεις, ἀλλὰ μισθώσας σαυτὸν κατὰ τούτωνι πολιτεύει* (Dem. 19. 131.), мы едва ли можемъ установить какую нибудь разницу между вторымъ *οὐ* и первымъ *μή* кромѣ той, что во второмъ мѣстѣ говорящій высказывается *прямо, отъ себя*, а въ первомъ — prohibitiv'но, предупреждая *собесѣдника* не впасть въ ошибку: во второмъ *οὐ* слышится смыслъ фразы »*я не думаю*, что . . .«, а въ первомъ *μή* — смыслъ фразы »*не думай* (или *не думайте*), что . . .« *).

На стр. 457. мы приводили примѣръ (изъ Платона) »*ἆρ' οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λόγος;*« *Οὐ* въ *данномъ* случаѣ было »вопросительнымъ«. Оно, какъ на то указано на той же стр. 457., сталкивается съ вопросительнымъ *μή*. »Вопросительное« *μή* мы ближе разъясняли на фразѣ *μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῇ* на стр. 143 **). Какъ же опредѣлить *здѣсь* разницу между *οὐ* и *μή*? Въ *οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λό-*

говорящій. »*Οὐδείς*« или »*οὔτις*« — отвѣчаютъ ему, и слово *οὐκ* относится здѣсь *только* къ *εἷς* или къ *τις*. Хотя мы при разборѣ наклоненій въ общемъ отказывались разсматривать вопросъ объ *οὐ* и *μή*, но читатель моіъ понять изъ нашего отказа, да и самъ знаетъ, что появленіе въ рѣчи *такого-то* наклоненія *не влечетъ* за собою появленіе *такого-то* отрицанія, и если о наклоненіяхъ заявляютъ, что »не всѣ формы, которыя обыкновенно подводятъ подъ названіе такого-то наклоненія, могутъ ohne weiteres auch begrifflich darunter subsumirt werden (см. стр. 112), то этимъ наша грамматика обязана, между прочимъ, и *неправильному* связыванію наклоненій съ отрицательными частицами. Изъ наклоненій одинъ imperativ влечетъ за собою *всегда ужъ* частицу *μή*, а не *οὐ*. Почему, — выяснится ниже.

*) Такъ разсуждаетъ и Aken. Составивъ изъ примѣровъ, похожихъ на наши, особую »группу« и озаглавивъ ее »über die verkürzten Substantivsätze mit *οὐχ ὅτι — μὴ ὅτι*«, онъ говоритъ (*οὐ* и. *μή* Bd. 82. S. 264): mit Ausnahme etwa eines Falles besteht überall ebensowohl die Möglichkeit einen Urtheils —, wie einen Begehrungssatz zu supplieren, ein *non puto* oder *ne puta*.

**) Въ »*ἆρ οὐ περὶ φρονήσεος ἦν ὁ λόγος;*« *οὐ* относилось *только* къ *περὶ φρονήσεως* какъ къ своему синтаксическому сказуемому. Точно также и въ »*μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῇ*« слово *μή может*ъ оказаться относимымъ *только* къ слову *κακῶς*. Если при немъ появляется Conjuctiv, то это не зна-

γος:« — будетъ ли *οὐ* риторическимъ, или нѣтъ, — я, говорящій, требую *прямаго* отвѣта отъ собесѣдника, — требую его *для себя*, чтобы, быть можетъ, на основаніи его строить *дальнѣйшее* разсужденіе. Во фразѣ »*μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβήσεται*« я, какъ сказано на стр. 144., дѣлая своего собесѣдника лишь *соучастникомъ* моего недоумѣнія, не столько прошу его отвѣтить *мнѣ* (въ *этомъ* смыслѣ мы назвали *μή* на стр. 143 »*риторически* - вопросительнымъ« *)), сколько скорѣе предоставляю *ему самому* рѣшить себѣ поставленный мною вопросъ, *предупреждая* его съ своей стороны, чтобы онъ не сдѣлалъ ошибки: *μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῇ* значитъ: *смотри*, не выйдетъ ли это худо.

Слѣдуетъ сопоставленіе фразы *ἐὰν μὴ δῷ τὸν μισθὸν* съ Il. ω 296: *αἴτει δ' οἰωνόν, τῷ πίσυνος ἐπὶ νῆας ἴῃς Δαναῶν ταχυπώλων· εἰ δέ τοι οὐ δώσει ἑὸν ἄγγελον εὐρύοπα Ζεύς, οὐκ ἂν ἔγωγέ σ' ἔπειτα ἐποτρύνουσα κελοίμην νῆας ἔπ' Ἀργείων ἴεναι*. Въ обоихъ случаяхъ можно принять отрицательную частицу за синтаксическое сказуемое къ слѣдующему за нею глаголу *δίδωμι* (съ его симасіологическими дополненіями), какъ къ синтаксическому подлежащему. Разница между *οὐ* и *μή* можетъ заключаться лишь въ томъ, что въ »*οὐ δώσει ἑὸν ἄγγελον*« я, говорящій, такъ сказать, *самъ* предрѣшаю возможность предзнаменованія въ *отрицательномъ* смыслѣ, тогда какъ въ »*ἐὰν μὴ δῷ τὸν μισθὸν*« я оставляю для себя вопросъ объ осуществленіи отказа въ

читъ, что *μή связано* съ Conjunctiv'омъ (Conjunctiv, какъ выяснено на стр. 144., не есть нѣчто *обязательное*). Это *значитъ* только (указаніемъ на *отсутствіе* связи слова *μή* съ Conjunctiv'омъ мы *видоизмѣняемъ* и имѣемъ возможность только лишь *теперь* видоизмѣнить ту формулировку, которую мы установили на стр. 143, разсуждая о »*μή съ* Conjunctiv'омъ«, — формулировку, предполагавшую *связь* одного съ другимъ), — это, повторяю, *значитъ* только, что и *Conjunctiv* преслѣдуетъ *ту же* цѣль, какую преслѣдуетъ *μή*; они связаны другъ съ другомъ лишь постольку, поскольку *оба*, съ одною и тою же *тенденціею*, хотя и съ разныхъ *концовъ* въ смыслѣ симасіологическихъ средствъ (Conjunctiv'омъ я высказываю свое собственное *недоумѣніе*, словомъ *μή* я съ этимъ недоумѣніемъ обращаюсь къ *собесѣднику* съ *предупредительною* цѣлью), примыкаютъ къ *одному* слову *κακῶς*, если, разумѣется, слово *κακῶς дѣйствительно* выступаетъ какъ синтаксическое *сказуемое*.

*) Вотъ отвѣтъ на вопросъ, возбужденный на стр. 457. подстрочнымъ примѣчаніемъ.

выдачѣ денегъ открытымъ, предоставляя, такъ сказать, самому *слушателю* разрѣшить его, какъ ему заблагоразсудится. »*Εἰ οὐ δώσει ἄγγελον*« значитъ: я предположу, что Зевсъ *не* дастъ тебѣ благопріятнаго предзнаменованія. »*Ἐὰν μὴ δῷ τὸν μισθόν*« значитъ: если бы для тебя выяснилось, что онъ *откажется* выдать жалованіе.

Приведенныхъ трехъ сопоставленій достаточно для постановки тезиса, что *οὐκ* есть отрицаніе, которое говорящій произноситъ *отъ* себя и *для* себя (послѣднее мы прибавляемъ въ виду нашего толкованія фразы *οὐ περὶ φρονήσεως ἦν ὁ λόγος*), а въ *μή* онъ имѣетъ въ виду *другое* лицо, произнося его *для* него. Спрашивается: какое это — »другое« лицо? Нужно ли подъ »другимъ« лицомъ разумѣть »второе« *грамматическое* лицо, стало быть, — *собесѣдника*, или, вообще, *всякаго* »посторонняго«? До сихъ поръ (т. е. въ нашихъ разсужденіяхъ по поводу приведенныхъ *трехъ* сопоставленій) не было особеннаго основанія относить *μή* къ кому-нибудь другому, какъ только ко *второму* грамматическому лицу, но изъ нижеслѣдующаго явствуетъ, что оно есть отрицаніе, относящееся къ постороннему лицу *вообще*.

При повелительныхъ наклоненіяхъ, *если* они *вмѣстѣ* съ отрицаніемъ составляютъ синтаксическое сказуемое, или *по отношенію* къ отрицанію являются синтаксическими подлежащими, *всегда* появляется *μή*, а не *οὐ*. Это вполнѣ понятно, такъ какъ съ *повелительнымъ* наклоненіемъ (это — *единственное* наклоненіе въ этомъ родѣ) я *всегда* обращаюсь къ *другому* (повелительное наклоненіе *перваго* грамматическаго лица *не имѣетъ*), и всегда — въ »*предостерегательномъ* смыслѣ.*) Но вмѣстѣ съ тѣмъ становится понятнымъ и то, что этотъ »другой« можетъ оказаться и *третьимъ* грамматическимъ лицомъ (повелительное наклоненіе имѣетъ формы и для *этого* лица), и что *μή* имѣетъ отношеніе къ постороннему лицу *вообще*.

Всякаго рода »предостереженія«, если бы они даже *не отразились* на наклоненіи (таковы — »предостереженія«.

*) Вотъ — отвѣтъ на вопросъ, возбужденный на стр. 476 подстрочнымъ примѣчаніемъ.

выражаемыя Conjunctiv'омъ imperativ'нымъ; смотри стр. 139 и сл.)*), влекутъ за собою появленіе отрицанія *μή*. Что »предостереженія«, выражаемыя Conjunctiv'омъ imperativ'нымъ, хотя и не избѣгающимъ формы *перваго* грамматическаго лица, никакого отношенія къ этому лицу *не имѣютъ*, — выяснено на стр. 140—1. Но затѣмъ они свободно примѣняются *и* ко второму, *и* къ третьему грамматическимъ лицамъ, а потому и *μή* нужно провозгласить за отрицаніе *посторонняго* лица *вообще*.

Всякаго рода *желаніе*, даже если бы оно не отразилось на наклоненіи (сравни стр. 138 и 146) влечетъ за собою появленіе въ рѣчи отрицанія *μή*. Нѣтъ сомнѣнія, что на »желаніе« языкъ могъ посмотрѣть какъ на нѣчто, исполненіе чего самъ *желающій*, т. е. самъ говорящій, ждетъ *со стороны*, и это было вполнѣ *законнымъ* мотивомъ для появленія *μή*. Я говорю »*со стороны*«. Это значитъ, что *μή*, появляющееся въ выраженіяхъ желанія**), имѣетъ отношеніе не только ко *второму*, но и къ *третьему* грамматическому лицу. Мы даже часто выражаемся такъ: »не дай Богъ, чтобы это случилось!«, а слово *Богъ* есть *третье* грамматическое лицо.

Отрицаніе, обращенное *вообще* къ постороннему лицу, и, согласно съ этимъ, появленіе отрицательной частицы *μή*, мы видимъ и въ слѣдующихъ явленіяхъ:

1. Въ извѣстномъ »*οὐ σιωπήσει καὶ μηδὲν ἐρεῖ*«; Данную фразу мы раздѣляемъ на двѣ половины, изъ коихъ въ первой я, говорящій, *отъ себя* »подвергаю колебанію« ожидаемое***) мною *σιωπᾶν*, а во второй высказываюсь prohi-

---

*) За выраженія »предостереженія«, не только *не отражающіяся* на наклоненіи, но и *не имѣющія* наклоненія, нужно провозгласить обороты *μὴ τοῦτο* (= не *это*!) и т. п.

**) Опять таки и выраженія желанія могутъ не имѣть *никакого* наклоненія. Вышеприведенное *μὴ τοῦτο* можетъ быть принято и за выраженіе *желанія*.

***) Это »ожидаемое« психологически могло почувствоваться и какъ »желаемое« (сравни на стр. 139 наше разсужденіе по поводу обращенія учителя къ ученикамъ). *Οὐ σιωπήσεις* значитъ: не выйдетъ того что ты будешь молчать? Понимая *οὐ* въ смыслѣ »*риторически* вопросительнаго«, мы влагаемъ въ эту фразу смыслъ: я *думаю*, ты будешь *молчать*. Въ русскомъ

bitiv'но *) *не только по отношенію ко второму* (фраза *οὐ σιωπήσεις καὶ μηδὲν ἐρεῖς* была, конечно, *также* возможна), *но и по отношенію къ третьему грамматическому лицу*.

2. Въ выраженіяхъ *ὅτι μή, ὅσον μή, ὅτε μή: τοῖσι δὲ Μιλησίοισι οὐδαμοὶ Ἰώνων τὸν πόλεμον συνεπελάφρυνον, ὅτι μὴ Χῖοι* = никто изъ Іонянъ не помогалъ, развѣ что укажетъ *кто нибудь* (т. е. *вообще* »постороннее« лицо) на Хіосцевъ.**)

Замѣчательны слѣдующія мѣста: *Σχολῇ γὰρ ἄν τι ἄλλο φθορὰν μὴ δέχοιτο, εἰ τό γε ἀθάνατον ἀίδιον ὂν φθορὰν δέξεται;* (Plat. Phaed. 106 d). *Πῶς γὰρ ἂν λέγων τις τοῦτο, ὃ λέγει, μὴ τὸ ὂν λέγοι;* (Plat. Crat. 429 d). *Πῶς οὖν μήτε ψεύσομαι φανερῶς μήτ' ἐπιορκεῖν δόξας πάνθ' ἃ*

выраженіи »ты *не будешь* молчать?« (*буквальный* переводъ греческаго *οὐ σιωπήσεις*) слышится *всегда* нѣкоторая *рѣзкость* въ обращеніи, которая, какъ извѣстно, *не есть* condicio sine qua non для *греческаго* оборота. Въ этомъ отношеніи разбираемые нами греческіе обороты *οὐ θώσει* и т. п. можно бы скорѣе сравнить съ русскимъ »не *угодно ли* прочитать« и т. д.

*) Эту *вторую* половину, т. е. это *μηδὲν ἐρεῖ*, можно сравнить съ тѣмъ же *μὴ τοῦτο κακῶς ἀποβῇ*«. *Μηδὲν ἐρεῖ* значитъ: и пусть *онъ* подумаетъ, не выйдетъ ли такъ, что онъ будетъ *говорить* (по *общему* контексту, т. е. по соединенію *обѣихъ* половинъ въ *одно* цѣлое, подразумѣвается мысль: этого говоренія съ *его* стороны я бы не желалъ).

**) Намъ скажутъ, что *ὅτι μὴ Χῖοι*, дополненное раньшесказаннымъ *συνεπελάφρυνον*, имѣетъ характеръ *условнаго* предложенія (*ὅτι μή* = *εἰ μή*), и что на *этомъ* основаніи поставлено здѣсь *μή*, а не *οὐ*· »Условное« предложеніе *не есть* категорія, объясняющая собою *μή*. Мы на стр. 477 видѣли, что въ »условномъ« предложеніи появляется и *οὐ*, и *μή*. Конечно, *чаще* въ немъ встрѣчается *μή*, однако, не потому, что это — *условное* предложеніе, а потому, что оно либо переводится на выраженіе *желанія* (между прочимъ, сравни и стр. 146), — желаніе же является, какъ мы немного выше убѣдились, *дѣйствительнымъ* мотивомъ для *μή*, — либо, какъ мы на стр. 466 объясняли, имѣетъ смыслъ вопроса (*открытаго* со стороны говорящаго), рѣшеніе котораго »предоставляется *другому* лицу«. Раньше мы (на стр. 478) разсуждали о »предоставленіи рѣшенія этого вопроса *слушателю*«. Теперь мы видимъ, что слѣдуетъ говорить не о »*слушатель*«, а о постороннемъ лицѣ *вообще*. Только »*открытымъ вопросомъ*«, предоставляемымъ на рѣшеніе »постороннему лицу«, объясняется *μή* послѣ *θαυμάζω*. Сравни: *θαυμαστά γε λέγεις, εἰ κύνα μὲν... ἐπειρῶ πραΰνειν, τὸν δὲ ἀδελφὸν οὐκ ἐπιχειρεῖς...* (Xen. Memor. II. 3. 9) и *θαυμάζω εἰ μὴ φανερόν ἐστιν αὐτοῖς* . . . (Xen. Memor. I. 1. 13). Въ первомъ мѣстѣ говорящій отрицаетъ *ἐπιχειρεῖν отъ себя*, а во второмъ — сказано: его удивляло, что имъ не было ясно, *если* это *дѣйствительно* такъ (*на дѣлѣ* ли это такъ, или нѣтъ, — это пусть рѣшаетъ кто нибудь *другой*).

βούλομαι διαπράξωμαι; (Dem. 19. 320). *Τίς ἂν μοι τοῦτο ἐπιτελέσειε σοφίῃ καὶ μὴ βίῃ τε καὶ ὁμίλῳ;* (Herod. 3. 127). *Τί ἂν λέγοντες εἰκὸς ἢ αὐτοὶ ἀποκνοῖμεν ἢ μὴ βοηθοῖμεν;* (Thuc. 6. 18). *Εἰ ἄρα τις ἐννοήσειεν ἐν ταύτῃ τῇ πόλει τῶν νέων, τίνα ἂν τρόπον ἐγὼ μέγα δυναίμην καὶ μηδείς με ἀδικοῖ, ἡ αὐτή, ὡς ἔοικεν, αὐτῷ ὁδός ἐστιν εὐθὺς ἐκ νέου ἐθίζειν αὐτὸν τοῖς αὐτοῖς χαίρειν καὶ ἄχθεσθαι τῷ δεσπότῃ* (Plat. Gorg. 510 d).

Всѣ эти мѣста ставятъ въ *одну* группу, какъ подтверждающія собою »кажущуюся замѣну слова *οὐ* словомъ *μή*«, и объясняютъ *μή* всевозможными натяжками.*) *Мы* ставимъ примѣръ изъ Иродота (*τίς ἂν μοι τοῦτο ἐπιτελέσειε σοφίῃ καὶ μὴ βίῃ τε καὶ ὁμίλῳ*) *особо* и видимъ въ *μὴ βίῃ* выраженіе *желанія* (= *только бы не* насиліемъ и . . .). Въ остальныхъ же примѣрахъ мы видимъ въ *μή* не столько обращеніе говорящаго къ »постороннему лицу«, сколько скорѣе передачу говорящимъ отрицанія чего-нибудь *отъ имени* другого лица, стало быть, — нѣчто, имѣющее связь съ *косвенною рѣчью*. Такое *μή* мы видимъ и въ Апологіи Платона (27 d): *τίς ἂν ἀνθρώπων θεῶν μὲν παῖδας ἡγοῖτο εἶναι, θεοὺς δὲ μή* (разумѣй *ἡγοῖτο εἶναι*; или надо строить фразу *θεοὺς δὲ ἡγοῖτο μὴ εἶναι?* — едва ли) = кто же скажетъ, когда *дѣти* боговъ признаются, *чтобы* (какъ, быть можетъ, вы, судьи, обо мнѣ утверждаете) самихъ боговъ не было. Соединеніе отрицанія чего-нибудь *отъ себя* съ отрицаніемъ, относящимся ко *второму* лицу, мы находимъ Plat. Prot. 319 b: *ὅθεν δὲ αὐτὸ ἡγοῦμαι οὐ διδακτὸν εἶναι μηδὲ ὑπ' ἀνθρώπων παρασκευαστὸν ἀνθρώποις, δίκαιός εἰμι εἰπεῖν* = почему я думаю, что это *не есть* изучимо, и что этого, какъ ты объявляешь, люди *не могутъ* преподать людямъ, — я въ правѣ разъяснить.

---

*) Смотри Kühner Ausf. Gramm. II. 746. До какой натяжки Кюнеръ доходитъ въ объясненіи нашихъ примѣровъ, видно на цитатѣ изъ Фэдона (106 d): Die Negation *μή* soll hier nicht die Behauptung negieren, sondern den infinitivischen Begriff des *δέχεσθαι*. Die ganze Ausdrucksweise des Satzes beruht auf einer Brachylogie, die sich etwa so auflösen lässt: *σχολῇ γὰρ ἄν τι ἄλλο λέγοιτο φθορὰν μὴ δέχεσθαι, εἰ . . . δέξεται.*

Изъ сообщеннаго мы усматриваемъ нѣкоторое *расширеніе* функціи слова *μή*. Если прежде мы формулировали *οὐ* какъ отрицаніе, произносимое говорящимъ *отъ* себя и *для* себя, а *μή* какъ отрицаніе, произносимое имъ *для* другого лица, то теперь оказывается, что *μή* можетъ получить смыслъ отрицанія, произносимаго говорящимъ и *отъ* имени другого лица. Другими словами, — *μή* оказывается симасіологическимъ средствомъ для оттѣненія *»косвенной рѣчи«*. Что оно *не есть* нѣчто *обязательное* въ косвенной рѣчи, точно также, какъ не былъ обязательнымъ въ косвенной рѣчи и Optativ (ср. стр. 150), и что самъ Optativus orationis obliquae не влечетъ за собою появленіе отрицанія *μή*, равно какъ и *наоборотъ* (*μή* въ oratio obliqua и Optativ суть два *самостоятельныя*, другъ отъ друга *независящія* средства, и языкъ свободенъ прибѣгать то къ одному изъ нихъ, то къ другому, а то ихъ оба *совсѣмъ* игнорировать) — это само собою разумѣется.

Еще одно. Въ приведенныхъ двухъ примѣрахъ изъ Платона замѣчается *разница*. Въ первомъ примѣрѣ судьи думаютъ, что Сократъ *не признаетъ* боговъ, и Сократъ эту мысль такъ и *передаетъ* отъ имени судей. Во второмъ примѣрѣ Протагоръ думаетъ, что люди *могутъ* преподать добродѣтель людямъ, и Сократъ отрицаніемъ *μηδέ* ему противорѣчитъ. Во второмъ примѣрѣ отрицаніе *μή* имѣетъ то болѣе узкое *prohibitiv'ное* значеніе, съ котораго мы *начали* разборъ даннаго отрицанія. Затѣмъ всѣ примѣры, приведенные на стр. 480–1. (исключаю *разобранный* уже примѣръ изъ Иродота 3. 127), заключаютъ въ себѣ *μή простой* orationis obliquae и имѣютъ слѣдующій смыслъ: Какъ же, вы думаете, это — не настоящее? — Какъ же, вы думаете, я не окажусь лжецомъ? — Чѣмъ мы будемъ мотивировать свое отступленіе, или, — какъ вы думаете? — свой отказъ въ помощи? Если кто поразсудитъ, почему у меня такая сила, что *де* никто меня не обидитъ, то . . . .

Итакъ, въ окончательной формулировкѣ выходитъ, что *οὐ* говорящій произноситъ *отъ* себя и *для* себя, а *μή* — *отъ* посторонняго лица и *для* посторонняго лица. Остается

разобрать нѣкоторые случаи употребленія этихъ отрицаній, не измѣняющіе поставленной формулировки, но крайне затрудняющіе нашихъ грамматиковъ.

Особенно затруднительнымъ представляется имъ объясненіе отрицательныхъ частицъ, когда онѣ »относятся« къ глагольному имени, т. е. когда онѣ, — такъ сказали бы *мы*, — попадаютъ въ положеніе синтаксическихъ *сказуемыхъ* по отношенію къ глагольнымъ именамъ какъ синтаксическимъ *подлежащимъ*, или составляютъ *вмѣстѣ съ ними* синтаксическое сказуемое. Aken, подъ давленіемъ всей той пестроты, которую онъ усмотрѣлъ въ относящихся сюда явленіяхъ, только и нашелъ возможнымъ сказать, что *μή* beim Infinitiv ist wegen der abstracten Bedeutung des letzteren *wenigstens niemals* falsch. Не менѣе затрудняетъ объясненіе отрицательныхъ частицъ при глагольныхъ *признаковыхъ*. Мы разсуждаемъ въ данномъ случаѣ слѣдующимъ образомъ.

На стр. 402. мы установили глагольное имя, какъ выраженіе осуществленія факта, и противопоставили его глагольному имени, какъ »выраженію понятія, быть можетъ, даже желанія«. Если мы сопоставимъ эти оттѣнки съ установленными нами оттѣнками имени существительнаго (глагольное имя, въ силу своей »двусторонности«, *вообще* можетъ быть сопоставляемо съ именемъ *существительнымъ*), то тутъ выступитъ любопытная параллель. Вспомнимъ, что въ существительныхъ мы различали выраженія реальныхъ индивидуумовъ, ихъ *группъ*, *идеальныхъ* индивидуумовъ, какъ *отвлеченій* отъ реальныхъ, и душевныхъ *постулатовъ* (см. выше стр. 167. и 170—1). Что было въ существительныхъ выраженіемъ реальныхъ индивидуумовъ, то въ глагольныхъ именахъ является выраженіемъ осуществленія *факта*; что было въ существительныхъ *отвлеченіемъ* отъ индивидуумовъ, или душевнымъ *постулатомъ*, то въ глагольныхъ именахъ выступаетъ »понятіемъ«, или выраженіемъ *желанія*. Превративъ какое нибудь λύειν въ »отглагольное существительное« λύσις (см. выше стр. 408.), не назовемъ ли мы и λύσιν въ однихъ случаяхъ названіемъ не *индивидуума*, а осуществляющагося *факта*, а въ другихъ — названіемъ не *от-*

влеченія отъ индивидуумовъ или душевнымъ постулатомъ, а понятіемъ или, быть можетъ выраженіемъ желанія? Если Θукидидъ въ извѣстномъ своемъ *διὰ τὴν οὐ λύσιν τῆς γεφύρας*, отрицая *фактъ* разрушенія моста (другими словами, — отрицая реальный *индивидуумъ*, выраженный въ *данномъ* случаѣ въ *»существительномъ«* *λύσις*), употребилъ на *общемъ* основаніи (Θукидидъ тутъ отрицаетъ нѣчто *отъ себя*) отрицаніе *οὐ*, то это же отрицаніе должно быть поставлено и при глагольномъ имени, если говорящій отрицаетъ фактъ *отъ себя*. Грекъ *дѣйствительно* говоритъ: *φημὶ οὐκ εἶναι ταῦτα* и т. д.*) Рѣдкое, сравнительно, появленіе отрицанія *οὐκ* при глагольныхъ именахъ объясняется:

1. Передвиженіемъ отрицанія отъ глагольнаго имени къ слову, отъ котораго глагольное имя »зависитъ«. Вмѣсто »*φημὶ οὐκ εἶναι ταῦτα*« говорятъ »*οὔ φημι ταῦτα εἶναι*«.**)

2. Сведеніемъ »отрицанія факта«***) къ »отрицательному понятію«. Что такое »отрицательное понятіе«, — мы выяснили на стр. 475. Нетрудно догадаться изъ этого объясненія, что »отрицательное понятіе« требуетъ *именно* частицы *μή*, а не *οὐ*. Ибо если я, говорящій, черезъ какое нибудь »города - нестолицы« опредѣляю *положительный* объемъ логическаго понятія«, то я, такъ сказать, обращаюсь къ *собесѣднику*, чтобы *онъ самъ* раскрылъ *»положительное«* содержаніе того, что я обрисовываю только съ *отрицательной* стороны. Нетрудно догадаться изъ этого объясненія и о томъ, что если »отрицаніе факта«, т. е. отрицатель-

---

*) Такъ и при признаковыхъ *глагольныхъ*, все равно что при *простыхъ* признаковыхъ, появляется *οὐ*, если я, говорящій, отрицаю *признакъ* на реальныхъ индивидуумахъ: *Δημοσθένης, οὐ κωλύσας* . . . . и др.

**) Что глагольнаго *признаковаго* этотъ пунктъ не касается, — это, кажется, не требуетъ никакихъ объясненій.

***) Рѣчь идетъ, конечно, объ »отрицаніи факта« *отъ имени говорящаго*. Послѣдняго обстоятельства никогда не слѣдуетъ терять изъ виду, такъ какъ иначе и при отрицаніи *факта* можетъ наступить *μή*. Во фразѣ *καὶ εἴ τις πολέμιος ἐγένετο, σπεισαμένου Κύρου ἐπίστευε μηδὲν ἂν παρὰ τὰς σπονδὰς παθεῖν* (Xen. Anab. I. `. 9.), хотя *μή* отнесено къ слову *ἕν*, а не къ глагольному имени, но всякій пойметъ, что и *μὴ παρὰ τὰς σπονδὰς παθεῖν ἄν τι* (здѣсь *μή* отнесено къ *παθεῖν*) было бы *вполнѣ* правильно, и это *μή* объясняется *только* »косвенностью« рѣчи, *заключающей* его въ себѣ.

ная частица *плюсъ* глагольное имя, представляетъ собою оборотъ, состоящій изъ *двухъ* словъ и такъ и *чувствуемый* за два слова, то »отрицательныя *понятія*«, т. е. *μή* (въ данномъ случаѣ *именно μή*, а не *οὐ*) плюсъ глагольное имя, чувствуются за *одно* слово, причемъ *μή*, какъ на то въ свое время указано, играетъ роль отрицательной *представки* въ родѣ *α* privativum и др.*) Сводить »отрицаніе факта« къ отрицательному понятію« заставляетъ при глагольномъ имени грамматическое *ὁ*. Извѣстно, что когда глагольное имя соединено съ грамматическимъ *ὁ*, то *всегда* уже появляется отрицаніе *μή*, а не *οὐ*. Это вполнѣ понятно. Хотя, напр, *τὸ πράττειν* были первоначально *два* совершенно *самостоятельныя* слова (см. выше стр. 439), но въ концѣ концовъ они должны были чувствоваться за нѣчто *нераздѣльное*, какъ бы за слово *одно*, и если посреди этого »слова« появлялось отрицаніе, то и оно попадало въ положеніе *части* слова, т. е. попадало въ положеніе »отрицательной *представки*«, и тогда уже дѣлается *естественнымъ* появленіе частицы *μή***). Во фразѣ *διὰ τοῦ μὴ λέγειν πολλὰ διεπράττετο*, положимъ, нечего особенно обращаться къ слушателю, чтобы онъ раскрылъ *положительное* содержаніе *отрицательнаго* выраженія, какъ это въ свое время выяснялось на выраженіи города - нестолицы (положительнымъ содержаніемъ отрицательнаго выраженія *μὴ λέγειν* является *только σιωπᾶν*), тѣмъ не менѣе, оно, какъ чувствуемое за *одно* слово, представляетъ собою *именно* отрицательное *понятіе*, а не отрицаніе *факта*, хотя бы по *общему* контексту и подразумѣвалось, что »достигающее чего нибудь лицо »фактически« *не* говоритъ (если бы въ нашей фразѣ *διὰ τοῦ μὴ λέγειν πολλὰ διεπράττετο* вмѣсто *διὰ τοῦ μὴ*

---

*) Если Θукидидъ, при отрицаніи факта, сказалъ *διὰ τὴν οὐ λύσιν τῆς γεφύρας*, то »отрицательное *понятіе*« должно бы вести къ обороту *ἡ μὴ λύσις*. Но *ἡ μὴ λύσις* не говорятъ; вмѣсто этого употребляется какое нибудь *τὸ μὴ λύειν* или другое, болѣе *сложное* (такъ называемое *описательное*) выраженіе. Отрицательное понятіе къ слову *ἄνεμος* будетъ *νηνεμίη*, къ слову *αἰσχύνη* - *ἀναισχυντία* и т. д.

**) Такъ и признаковыя *глагольныя*, сливающіяся съ своимъ грамматическимъ *ὁ* въ *одно* слово, принимаютъ, какъ отрицательныя *понятія*, частицу *μή* а не *οὐ*; *τὸν μὴ εὐτυχοῦντα* и т. д.

λέγειν появилось цѣлое *предложеніе*, или даже признаковое *глагольное*, то вмѣсто *μή* наступитъ *οὐ*: *οὐ λέγων πολλὰ διεπράττετο.*)

Не меньшій поводъ приводить отрицаніе факта къ отрицательному понятію даютъ выраженія въ родѣ *ὁ δὲ ἄπαρνός ἐστι μὴ νοσέειν* (Herod. 3. 66). Указываютъ здѣсь на накопленіе отрицаній, считая *μή* лишнимъ. Съ точки зрѣнія *переводящихъ* это выраженіе на *родной* языкъ и разлагающихъ его на *два* предложенія, другими словами, — съ точки зрѣнія *не*греческаго языка, это, *пожалуй*, такъ. Но въ *греческомъ* языкѣ *ὁ δὲ ἄπαρνός ἐστι μὴ νοσέειν* представляетъ собою *одно* предложеніе, такъ какъ въ немъ — одно *ῥῆμα*, и, повидимому, *μὴ νοσέειν* есть вещный »*простирательный*«. Кажется, мы не ошибаемся, толкуя все Иродотовское выраженіе слѣдующимъ образомъ: онъ отнѣкивается, причемъ это отнѣкиваніе простирается на »неболѣніе«. Какъ въ выраженіи *шутить шутку* въ словѣ *шутку* заключается лишь выраженіе »*понятія*«, а словомъ *шутить* указывается на превращеніе этого понятія въ *дѣйствительность*, такъ и въ *μὴ νοσέειν* заключается лишь »*отрицательное* понятіе«, а словами *ἄπαρνός ἐστι* указывается на *дѣйствительное* отрицаніе.*)

Отъ »*отрицательнаго* понятія« мы отличаемъ при глагольномъ имени (къ глагольному *признаковому* это не имѣетъ никакого отношенія) »*отрицаніе* понятія«. Когда говорятъ *λέγω σοί μὴ ποιεῖν ταῦτα*, то *μὴ ποιεῖν* чувствуется за *два* слова, причемъ *λέγειν вовсе* не есть выраженіе »*осуществляющагося факта*«. Если »осуществляющійся фактъ« въ глагольныхъ именахъ былъ уравниваемъ съ реальнымъ индивидуумомъ именъ существительныхъ, то, какъ уже сказано, »отвлеченію отъ реальныхъ индивидуумовъ«, или »душевному постулату«, выражаемому иногда именами существительными,

---

*) Не вездѣ, конечно, можно *примѣнить* данное объясненіе, какъ и *не вездѣ* наши грамматики могутъ считать *μή* »лишнимъ«. Въ какомъ нибудь *δύναμαι μὴ λέγειν* — дѣйствительность, къ которой отрицательное понятіе имѣетъ »отношеніе«, заключается не въ дѣйствительномъ *отрицаніи* (сопоставленіе съ фразою *шутить шутку* здѣсь непримѣнимо), а *именно* въ *δύναμαι* (неговореніе я *могу* принять на себя).

при *глагольномъ* имени нужно противопоставить »понятіе«. Въ *λέγω σοι μὴ ποιεῖν ταῦτα* отрицается *»понятіе«*. Съ другой стороны не нелогично будетъ противопоставить глагольное имя, какъ выраженіе *осуществляющагося* факта, глагольному имени, какъ выраженію лишь *желаемаго* факта. Выходитъ, что »понятіе« и »предметъ желанія« при глагольномъ имени представляютъ лишь двѣ стороны одной и той же сущности. Потому то мы на стр. 402. и *соединили* оба эти термина, когда разбирали глагольное имя. Такъ какъ въ »понятіи« заключается *желаніе*, то, на основаніи замѣчанія на стр. 474–5, придется *отрицать* это »понятіе« или желаніе черезъ *μή*, а не черезъ *οὐ* *).

Кажется, нами *исчерпаны* явленія, относящіяся къ употребленію *οὐ* и *μή*. Осталось лишь одно: это — крайне затрудняющее нашихъ грамматиковъ *μὴ οὐ*, появляющееся одинаково при глагольныхъ *именахъ* и при глагольныхъ *признаковыхъ*. Мы имѣемъ въ виду такіе типы явленій, какъ: *οὐκ ἀπαρνοῦμαι μὴ οὐ ταῦτα ποιῆσαι; οὐ γὰρ ἂν μακρὰν ἴχνευον αὐτὸς μὴ οὐκ ἔχων τι σύμβολον* (Soph. Oed. r. 221); *οὐ δύναμαι μὴ οὐκ εἰπεῖν ταῦτα* и т. д. Что на появленіе, повидимому, *лишняго οὐ* рядомъ съ *μή* передъ *ποιῆσαι, ἔχων* и *εἰπεῖν* повліяло *именно* отрицаніе *οὐκ* передъ самими глаголами, — это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію**). Его я объясняю при помощи *чешскаго* языка. Въ чешскомъ языкѣ говорятъ: já mohu, aniž (= а + ни + же) bych mluvil; já vysledím, aniž bych měl zač se uchopiti и т. д., а при *от-*

*) Если у Еврипида (Med. 73.) сказано *ὁ μέντοι μῦθος εἰ σαφὴς ὅδε οὐκ οἶδα, βουλοίμην δ' ἂν οὐκ εἶναι τάδε*, то *οὐ*, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отнести не къ *εἶναι*, а къ *βουοίμην ἄν* (= *»я не хотѣлъ бы*, чтобы . . .«; *разстановка* не представляетъ ничего необыкновеннаго: *βούλεται μέν, ἐθέλει δ' οὐκ — извѣстно*). — Другая замѣтка, относящаяся къ данному разсужденію, касается того *κωλύω μὴ ποιεῖν*, которое мы объясняли на стр. 398. Повторять этого объясненія мы здѣсь не станемъ; скажемъ только, что и въ *κωλύω μὴ ποιεῖν* слово *μή* вызвано усматриваніемъ въ »понятіи« *κωλύειν желанія*. Впрочемъ, трудно *возражать* тому, кто въ данномъ случаѣ приметъ *μὴ ποιεῖν* не за отрицаніе *понятія*, а за »отрицательное *понятіе*«.

**) Слѣдуетъ, быть можетъ, указать еще на то, что иногда отрицаніе *μή* производитъ вліяніе на *дальнѣйшія* отрицанія, превращая *οὐ* въ *μή*. Такую »assimilationem« я вижу, напр., Xen. Memorab. I. 2. 39: *φαίην δ' ἂν ἔγωγε μηδεμίαν εἶναι παίδευσιν παρὰ τοῦ μὴ ἀρέσκοντος*. Выраженіе *»παρὰ*

рицательныхъ глаголахъ, *не измѣняя* смысла зависящихъ отъ этихъ глаголовъ выраженій, чехъ *непремѣнно* (въ греческомъ языкѣ, какъ извѣстно, *μὴ οὐ* въ нашихъ примѣрахъ *не есть* нѣчто обязательное) скажетъ: já ne mohu, aniž bych *ne* mluvil; já ne vysledím, aniž bych *ne* měl zač se uchopiti и. т. д. Въ чешскомъ языкѣ это »лишнее« *ne* чувствуется чистымъ *повтореніемъ* отрицанія *ne* передъ синтаксически »*высшими*« глаголами *mohu* и *vysledím*. Оно чувствуется *такимъ* же повтореніемъ.*) какое мы видимъ *вообще* въ славянскихъ языкахъ въ выраженіяхъ: я *не* могу *ни*чего дѣлать**) вмѣсто «я *не* могу дѣлать что бы то ни было«, или вмѣсто того »ich *kann* nichts machen«, какое встрѣчается въ *нѣмецкомъ* языкѣ.***)

Перейдемъ къ »*утвердительнымъ*« частицамъ. Въ общемъ, языку, казалось бы (смотри выше стр. 472.), не нужно никакихъ другихъ утвердительныхъ частицъ, кромѣ *ναί*—*ναιχί*. Тѣмъ не менѣе, онъ выработалъ ихъ *нѣсколько* для

τοῦ μὴ ἀρέσκοντος, указывающее не на *реальныхъ* индивидуумовъ, очевидно, повліяло на то, что и въ *μηδεμίαν* говорящій не отрицаетъ нѣчто *прямо отъ себя*.

*) Kvíčala (Beiträge zur Erklärung und Kritik des Sophocles IV. — Sitzungsberichte der Wiener Akademie, philos.-histor. Classe: 1869, Band I., Heft 1., стр. 70) толкуетъ эти явленія иначе. По его толкованію, выраженіе *οὐ κωλύω σε μὴ οὐκ ἀπιέναι* слѣдуетъ разложить на *два* предложенія, причемъ второе, сведенное въ *данномъ* выраженіи къ обороту *μὴ οὐκ ἀπιέναι*, есть то же *μὴ οὐκ ἀπίῃς*, о которомъ мы разсуждали на стр. 144. Такимъ образомъ, вся фраза выражаетъ: насчетъ опасенія (*μή*), что ты не уйдешь (*οὐκ ἀπιέναι*), я тебѣ не мѣшаю (*οὐ σε κωλύω*). Изъ всего этого получается смыслъ: я тебѣ не мѣшаю не уходить. Возражая Квичалѣ, мы спрашиваемъ: къ кому относится опасеніе? Къ говорящему? = насчетъ *моего* опасенія? Тогда это толкованіе теряетъ *всякій* смыслъ. А можетъ быть его слѣдуетъ отнести къ собесѣднику? Тогда теряетъ смыслъ сопоставленіе оборота *μὴ οὐκ ἀπιέναι* съ предложеніемъ *μὴ οὐκ ἀπίῃς*. Ибо въ *μὴ οὐκ ἀπίῃς* опасеніе относится *только* къ говорящему, хотя само *предвареніе*, выраженное въ немъ, обращено къ *собесѣднику*, почему и *поставлено μή*.

**) Это славянское повтореніе отрицанія, касающееся тѣхъ случаевъ, когда простое *не* осложняется въ рѣчи въ какое нибудь *никто* или *никогда* (т. е. отражается на появленіи отрицательныхъ мѣстоименій и »нарѣчій«), замѣчается, какъ извѣстно, и въ *греческомъ* языкѣ, хотя тамъ оно проведено, сравнительно, не съ такою послѣдовательностью.

***) Нельзя сказать, чтобы »*повтореніе*« отрицанія въ разъясняемыхъ нами примѣрахъ на »*μὴ οὐ*« въ греческомъ языкѣ стояло *особнякомъ*, *не говоря* уже о случаяхъ, отмѣченныхъ въ предыдущей подстрочной замѣткѣ. Сравни Od. γ 27: *οὐ γὰρ οἴω οὐ σε θεῶν ἀέκητι γενέσθαι.*

всевозможныхъ оттѣнковъ. Кромѣ *ναί-ναιχί* мы видимъ ихъ еще *пять: γε, δή, θήν, μήν* и *περ.* Насчитываютъ ихъ больше, какъ и *вообще* »частицъ« насчитываютъ очень много, но намъ нетрудно доказать, что весь тотъ плюсъ, который вносится обыкновенно въ число »частицъ«, относится къ »нарѣчіямъ«, т. е. къ окаменѣлымъ падежамъ *именъ,* по преимуществу именъ *формальныхъ,* и что *кромѣ* »утвердительныхъ« *пяти* частицъ остается *весьма* небольшое число *настоящихъ* частицъ, составляющихъ *особую* категорію *рядомъ* съ »утвердительными«. Разберемъ все то, что обыкновенно *относятъ* къ »частицамъ«.

Ἀλλά. Это, несомнѣнно, — окаменѣлый падежъ множественнаго числа отъ слова *ἄλλος,* обозначающій, что рѣчь и мысль »простирается« (*ἀλλά* есть вещный падежъ »простирательный«: см. стр. 371) *не на то,* чего она касалась до сихъ поръ, а *на другія* (*множественное* число!) *вещи.* Мы относимъ *ἀλλά* къ »нарѣчіямъ« и считаемъ его »окаменѣлымъ« падежемъ не потому, что оно чувствуется въ »зависимости« не отъ *одного* слова, а *вообще* (читатель, надѣемся, съ нами согласится) — отъ »синтаксическаго *сказуемаго*« (въ такой »зависимости« мы находили и »живые«, не-»окаменѣлые« падежи; сравни выше стр. 367), но по другой причинѣ, о которой — рѣчь впереди. Смыслъ слова *ἀλλά* можно передать фразою: »простираясь на другое« = »обратимся къ другому«. Обыкновенно этимъ »другимъ« бываетъ нѣчто *положительное,* противопоставляемое прежнему *отрицательному* (*οὐ σιγήσω, ἀλλ' ἐρῶ*), или *наоборотъ* (*ἐρῶ, ἀλλ' οὐ σιγήσω*; въ этомъ случаѣ, впрочемъ, чаще говорятъ *ἐρῶ καὶ οὐ σιγήσω*). Къ этому »противопоставленію отрицательнаго положительному« слово *ἀλλά* до того привыкло, что часто присоединяетъ отрицаніе *къ себѣ,* составляя съ нимъ, какъ бы, *одно* слово; извѣстенъ оборотъ *οὐ μὴν ἀλλά,* обозначающій: »впрочемъ, *нѣтъ; оставимъ* это и перейдемъ къ *другому.*« Однако, часто бываетъ и такъ, что при посредствѣ слова *ἀλλά одна* положительная мысль противопоставляется другой, *также* положительной, — въ смыслѣ »ли *возраженія* (это-то такъ: *но только* я долженъ

вотъ что сказать), или въ смыслѣ указанія на что-нибудь, представляющееся болѣе *главнымъ* и болѣе *интереснымъ*, чѣмъ предыдущее* (*ὥς τρίετες μὲν .... ἔπειϑεν Ἀχαιούς, ἀλλ' ὅτε τέταρτον ἦλϑεν ἔτος* — Od. β 107). Кромѣ того, *ἀλλά* часто употребляется, если говорящій желаетъ *прекратить* всякій разговоръ какимъ нибудь *рѣшительнымъ* заявленіемъ: *ἀλλὰ φημί* = »ну хорошо, хорошо; *оставимъ* этотъ разговоръ; *я согласенъ«* (переходъ слова *ἀλλά* отъ предыдущаго значенія къ настоящему *психологически* — вполнѣ понятенъ). Во фразѣ — »*σὺ δέ δή μοι ἀλλὰ τοῦτο εἰπέ«* слово *ἀλλά* опирается на *подразумѣваемое* »противопоставленіе«: если не все, однако (хоть) *это* скажи! Словомъ *ἀλλά* часто даемъ знать, что *оставляемъ* и *прекращаемъ* раздумье и рѣшаемся на что нибудь *положительное*: *ἀλλ ὤφελε Κῦρος ζῆν* = »эхъ, что тутъ толковать! — жить было Киру, и все!«. Согласно этому, *ἀλλά* употребляется, когда мысль появляется *вдругъ*, какъ бы, — *со стороны*, *врываясь* при этомъ въ *другое* теченіе мыслей: *ἀλλὰ τί τοῦτο εἶπον* = однако, что же это я сказалъ?

Объ *ἄν–κεν* мы особенно распространяться не намѣрены. *Ἄν–κεν* является »нарѣчіемъ« (= окаменѣлымъ падежемъ *мѣстоименной* темы), и сообщеннаго о немъ на стр. 131 — вполнѣ достаточно. Замѣчательно, что *ἄν–κεν* относится, кажется, *исключительно* только къ глагольнымъ именамъ, къ глагольнымъ признаковымъ и глаголамъ. Это значитъ, что оно, обозначая »возможность сужденія«, поскольку послѣднее выражено въ самомъ *глаголѣ* (ср. стр. 131), въ сущности указываетъ на возможность *осуществленія* дѣйствія, какъ мы о томъ упоминали при глагольныхъ именахъ и при глагольныхъ признаковыхъ на стр. 402 и 404. Другими словами, оно почему-то (*почему*, — на это отвѣтить я затрудняюсь) выработалось какъ »нарѣчіе«, имѣющее отношеніе *исключительно* только къ »*дѣйствію«*, какъ къ своему синтаксическому сказуемому, — къ тому дѣйствію,

*) Упоминая о »возраженіи« и объ »указаніи на нѣчто *болѣе* интересное«, мы имѣемъ въ виду, между прочимъ, выдвинуть слово *ἀλλά* въ отличіе отъ слова *δέ*, о которомъ рѣчь впереди.

которое представлено въ языкѣ съ своими видовыми и залоговыми оттѣнками. Ибо и въ *глаголѣ* оно, въ сущности, относится къ одному лишь *a* нашей риматической схемы (сопоставь стр. 180, подстрочное примѣчаніе).

Нечего распространяться и объ *ἄρα*, достаточно выясненномъ въ смыслѣ »нарѣчія« на стр. 455–6.

Ἅτε есть несомнѣнное »нарѣчіе«, образованное отъ формальнаго имени *ὅς* и присоединившее къ себѣ то же *τε*, которое у Омира столь часто присоединяется къ самому *ὅς* (смотри выше стр. 469). *Ἅτε* представляетъ собою такой же вещный падежъ (вещный »простирательный«) *множественнаго* числа, какой мы въ *единственномъ* числѣ находимъ въ *другомъ* »нарѣчіи«, — въ нарѣчіи *ὅτι*, образованномъ отъ *ὅστις*, а то и — въ простомъ *ὅ*, образованномъ отъ того же *ὅς* (Od. γ 146: *νήπιος, οὐδὲ τὸ ᾔδη, ὃ οὐ πείσεσθαι ἔμελλεν* = не зналъ того, что она не думала угождать ему). *Единственное* число *ὅτι*–*ὅ* (сравни русское *что*) является »нарѣчіемъ« *относительнымъ* (см. выше стр. 443–4), опирающимся на *соотносительное* слово. *Οἶδα, ὅτι ἡ ἀρετὴ ἀγαθόν ἐστι* значитъ: у меня есть убѣжденіе *по извѣстному вопросу; по смыслу его* я объявляю добродѣтель за благо.*) За такое же относительное »нарѣчіе«, опирающееся на *соотносительное* слово, нужно признать и *ἅτε*. Что касается *значенія* слова *ἅτε*, то оно ближе всего подходитъ къ »нарѣчію« *ὥς*, образованному также отъ *ὅς*.**) Появившись довольно поздно (впервые — у Пиндара), оно сначала употреблялось, напр. во фразѣ *ἅτε ἀλέκτωρ* (Pind. Ol. 12. 20), *совершенно* такъ же, какъ

---

*) Я не могъ подыскать болѣе подходящихъ выраженій для передачи той »соотносительности«, на которой нужно *настаивать* при объясненіи слова *ὅτι*, кромѣ предложенныхъ мною »по *извѣстному* вопросу« и »по *смыслу его*.« Она въ нихъ, конечно, показана только *внутренно* (слова *извѣстному* и *его* въ этихъ выраженіяхъ опираются другъ на друга), а не внѣшне. Если бы мы ее хотѣли выразить и *внѣшне*, то, только и оставалось бы сказать »у меня есть свѣдѣнія *относительно того, что* добродѣтель — благо«, т. е. пришлось бы употребить выраженіе, въ которомъ, по крайней мѣрѣ во второй его *половинѣ* именно въ самомъ словѣ *что*), »простирательный« оттѣнокъ слова *ὅτι*, какъ *падежа*, не былъ бы такъ нагляденъ.

**) Смотри Lex Hom. sub voce *ὥς*.

ὡς (*ἅτε ἀλέκτωρ* = *какъ* пѣтухъ = *точно* пѣтухъ = »въ *такомъ* смыслѣ, въ *какомъ*« пѣтухъ), но впослѣдствіи, какъ извѣстно, въ силу *экономіи* языка утвердилось въ болѣе *спеціальномъ* значеніи »*объективно-причиннаго*« слова (Herod. 5. 83: *ἅτε δὲ ἐόντες διάφοροι ἐδηλέοντο αὐτούς* = такъ какъ они были враждебны къ нимъ, то ихъ истребляли; прямѣе соотвѣтствовала бы фраза: *поелику* они были враждебны къ нимъ, *потолику* истребляли ихъ), въ то время какъ слово *ὡς оставалось* при своемъ »*общемъ*« значеніи и, принимая на себя въ силу этого »*общаго*« значенія, *между прочимъ* и роль »причиннаго« слова, сдѣлалось въ *противоположность* слову *ἅτε* »*субъективно*-причиннымъ« (*οὐκ ἐποίησαν τοῦτο ὡς χαλεπὸν ὄν* = не сдѣлали этого, такъ какъ *де* это было трудно).

Αὖ, *αὖτε*, *αὖθις* (*αὖτις*), *ἐξαῦτις*, *εἰσαῦθις*, *αὐτάρ* (*ἀτάρ*). Объ этимологіи и о »*значеніи*« слова *αὖ* мы упоминали на стр. 450–1. Примыкая *этимологически* къ *мѣстоименной* темѣ, оно является несомнѣннымъ »нарѣчіемъ«. Указывая своимъ »*значеніемъ*« на то, что отъ предмета не слѣдуетъ удаляться, а слѣдуетъ при немъ оставаться, или къ нему, если мы отъ него удалились, вернуться, оно въ самомъ обозначеніи »предмета«, — состоитъ ли это обозначеніе изъ одного, или нѣсколькихъ словъ, — находитъ себѣ то »синтаксическое сказуемое«, съ которымъ связано появленіе въ рѣчи *всѣхъ* »нарѣчій« (а также частицъ*), до сихъ поръ нами разобранныхъ. Слова *αὖτε*, *αὖθις* (*αὖτις*), *ἐξαῦτις*, *εἰσαῦθις* и *αὐτάρ* (*ἀτάρ*) представляютъ собою лишь этимологически расширенное, а симасіологически видоизмѣненное (эту видоизмѣненность, впрочемъ, иногда довольно трудно *опредѣлить*) *αὖ*.

Что касается слова *αὖτε*, то мы не знаемъ, искать ли въ немъ то *τε*, которое, какъ уже на то не разъ указы-

*) Это нужно понимать cum grano salis. Какъ мы видѣли на отрицаніяхъ, — а тоже самое можетъ случиться и съ *другою* »частицею«, равно какъ и съ »нарѣчіемъ«, — часто можетъ сама »*частица*« и само »*нарѣчіе*« обратиться въ синтаксическое сказуемое, а тогда *его* синтаксическое сказуемое дѣлается синтаксическимъ *подлежащимъ* по отношенію къ нему.

валось, присоединяется къ *»относительнымъ«* словамъ (какъ къ именамъ, — сравни ὅς τε, — такъ и къ »нарѣчіямъ«, сравни ἅτε), или же мы должны усматривать въ немъ τε, появляющееся въ »нарѣчіяхъ« ὅτε (ὅτε образовано несомнѣнно отъ »относительнаго« формальнаго имени ὅς), τότε, πότε, и т. д. Мы даже не знаемъ, въ какомъ отношеніи находится *первое* τε, имѣющее значеніе русскаго *»и«* (о немъ рѣчь впереди), къ этому *второму* τε*). Во всякомъ случаѣ, то »водоизмѣненіе« *значенія*, которое αὖτε получило черезъ присоединеніе къ себѣ τε, *не поддается* опредѣленію.

---

*) Этимологи видятъ въ обоихъ τε нѣчто *одно* (Curtius Grundz. 487; Дельбрюкъ, впрочемъ, въ своемъ Grundr., *умалчиваетъ* о τε, появляющемся въ ὅτε, а говоритъ только о τε, появляющемся въ ὅς τε, ὥστε, ἐφ' ᾧτε, уравнивая его, по *значенію*, съ нѣмецкимъ *und*). Симасіологи въ этомъ отношеніи идутъ за этимологами (смотри Christ, der Gebrauch der griechischen Partikel τε mit besonderer Bezugnahme auf Homer, Sitzungsberichte der philos. hist. Classe der Münchener Akademie 1880 стр. 25 и сл., и Kvičala, über die Partikeln δέ und τε, Zeitschrift für die österr. Gymnasien 1864. стр. 313 сл. и 393 сл.). Такъ, Квичала говоритъ (стр. 394): Die ursprüngliche Bedeutung des τε (ка) war also die indefinite, und zwar je nach Umständen die locale »irgendwo«, oder temporale »irgendwann«, oder modale »irgendwie«. Je nach *Umständen* sagen wir, denn die specielle Färbung des τε richtete sich nach dem Worte, mit welchem es in Verbindung trat: z. B. *τίς τε local* (wer da), *τότε, ὅτε, ἐπεὶτε temporal, ὥστε modal* (не есть ли само ὡς modal?). Въ томъ же духѣ разсуждаетъ и Христъ, только что онъ выводитъ всѣ »оттѣнки« этого одного τε не изъ »indefinit'наго«, какъ Квичала, а изъ »двучленнаго«, что ли, значенія (korrelative Bedeutung), — того двучленнаго значенія, которое мы видимъ въ русскомъ *»то* скажетъ одно, *то* - другое«. Видно, опредѣлять симасіологическій центръ такихъ »частицъ« можно различно, несмотря на то, что *оба* автора держатся положенія, въ силу котораго den genügendsten Aufschluss über die ursprüngliche Geltung der Partikel τε und somit die einzige sichere Grundlage für eine wissenschaftliche Darstellung der Gebrauchsweisen derselben die *Etymologie* bietet (Квичала стр. 394), или, какъ говоритъ Христъ (стр. 27), der Gebrauch der Partikel τε mit *schwer entwirrbaren* (то то и есть!) Fragen der Etymologie zusammenhängt. Мы намѣрены ниже выводить всѣ оттѣнки слова τε изъ *утвердительнаго* значенія и будемъ, кажется, *тоже* правы, но только, — предупреждаемъ, — не собираемся разсуждать о *всемъ* τε, а исключимъ изъ нашего разсужденія непремѣнно ὅτε, τότε, ἄλλοτε и т. д. Мы не можемъ отрѣшиться отъ мысли, что какое нибудь πότε есть *одно* слово (τε въ немъ представляетъ падежное окончаніе), тогда какъ въ ὅςτε, ἐπεὶτε. ὥστε и др. мы ихъ должны усматривать *два*, а *одно* изъ нихъ есть само τε. Что касается, въ частности, слова αὖτε, то оно свободно можетъ быть объясняемо и какъ compositum изъ *двухъ* словъ (αὖ + »утвердительное« τε; сравни русское *опять — таки*) и какъ падежная форма. Въ этомъ смыслѣ и οὐρανόθι было »падежемъ« (ср стр. 246), и если οὐρανόθι, какъ »падежъ«, могло отвѣчать на вопросъ *гдѣ*,

Αὐτάρ - *ἀτάρ* представляетъ собою compositum изъ *αὖτε* и объясненнаго на стр. 455–6. *ἄρα**). Если *αὐτάρ*-*ἀτάρ* приставляется *обыкновенно* къ синтаксическимъ сказуемымъ, составляющимъ *противоположность* чему нибудь, или, выражаясь иначе, — если *само αὐτάρ - ἀτάρ указываетъ* на эту противоположность, то это вовсе не противорѣчитъ *основному* значенію того *αὖ*, изъ котораго *вышло* наше *αὐτάρ*-*ἀτάρ*. И *простое αὖ пригодно* было и *употребляется* для обозначенія такой противоположности. Сравни Xen. Anab. I. 10. 10: *ὡς δὲ εἶδον οἱ Ἕλληνες ἐγγύς τε ὄντας καὶ παρατεταγμένους, αὖθις παιανίσαντες ἐπῇσαν πολὺ προθυμότερον ἢ τὸ πρόσθεν· οἱ δ' αὖ βάρβαροι οὐκ ἐδέχοντο, ἀλλ' ἐκ πλείονος ἢ τὸ πρόσθεν ἔφευγον* = а варвары *тутъ же* (= а варвары *при этомъ*; въ русскомъ *разговорномъ* языкѣ часто слышится: а варвары *опять*: по чешски: а *opět* barbaři, въ смыслѣ простаго »варвары *же*«) пуще прежняго бѣжали. Какая, въ сущности, разница между этимъ *αὖ* и между *αὐτάρ*, встрѣчающимся въ Il. *α* 133? Мѣсто Il. *α* 133 гласитъ: *ἦ ἐθέλεις, ὄφρ' αὐτὸς ἔχῃς γέρας, αὐτὰρ ἔμ' αὔτως ἧσθαι δευόμενον* = или ты требуешь себѣ самому почета, (а) я чтобы *тутъ же, въ связи съ этимъ* (сравни русское разговорное »*опять же я* чтобы«) сидѣлъ такъ только, безъ почета? Извѣстно, что этимологически *укороченное αὐτάρ*, именно *ἀτάρ*, развило способность,

---

то и *ἄλλοτε*, а съ нимъ и *αὖτε*, могло, какъ »падежъ«, отвѣчать на вопросъ *когда* (обыкновенное *опять*, *вспять*, которое заключается *одинаково* и въ *αὖ* и въ *αὖτε*, могло быть выведено въ *αὖτε* изъ *временнаго* значенія = назадъ по отношенію къ *времени* = опять въ это *время*). Если языкъ находилъ нужнымъ выдѣлить въ *οὐρανόθι* мѣстно-просторовую функцію какъ нѣчто *особое*, то онъ могъ сдѣлать то же самое и съ временно-просторовою функціею: die Untersuchung über die einstigen Casus des Indogermanischen (т. е. *сколько* ихъ на дѣлѣ было) ist noch nicht abgeschlossen, — говоритъ Делбрюкъ Synt. Forsch. IV. 62 (сравни стр. 216).

*) Относительно *αὐτάρ* это - *принятая* этимологія. Что же касается *ἀτάρ*, то его Бругманъ (Grundriss II. 177) уравниваетъ съ тѣмъ *ἄτερ*, которое, какъ на то указано на стр. 317, въ свою очередь приводятъ въ связь съ *ἄνευ*. Мы, руководясь непосредственнымъ чутьемъ *значенія* слова *ἀτάρ*, сходнаго съ значеніемъ самого *αὐτάρ*, не думали бы, что этимологически слѣдуетъ *отрывать* одно отъ другого. Что въ *ἀτάρ* звукъ *υ* (= *Ϝ*) безслѣдно пропадаетъ, противъ этого этимологи не могутъ имѣть ничего особеннаго.

наравнѣ съ *ἀλλά** (см. стр. 490.), предупреждать собою какія нибудь *новыя* мысли, появляющіяся *вдругъ, тутъ же* (слово *»тутъ же«* я и *избралъ* для объясненія *появленія* такого *ἀτάρ*). Сравни Xen. Anab. IV. 6. 14.: *μένοιεν γὰρ αὐτοῦ μᾶλλον ἀθρόοι οἱ πολέμιοι· ἀτάρ τί ἐγὼ περὶ κλοπῆς συμβάλλομαι.*

И слово *αὖθις* (*αὖτις*) представляется мнѣ какимъ то (неизвѣстно какимъ**) »окаменѣлымъ« падежемъ отъ той же мѣстоименной темы, отъ которой произошло *αὐτός*. Такимъ образомъ, *ἐξαῦτις* и *εἰσαῦθις* были бы какими то *»сложными* нарѣчіями«, такъ какъ они являлись бы полными *предлоговыми оборотами* (предлогъ *plus* »падежъ«). Такимъ же »сложнымъ нарѣчіемъ« оказывается и русское *опять-вспять*, состоящее несомнѣнно изъ предлога (о — воз) и формы, этимологически связанной съ словомъ *пята. Ἐξαῦτις* и *εἰσαῦθις*, впрочемъ, употребляются не *такъ* часто, причемъ *различіе* ихъ значенія можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ: *ἀλλ ἴθι νῦν προκαλέσσαι ἀρηΐφιλον Μενέλαον ἐξαῦτις* (= снова — *еще* разъ) *μαχέσασθαι ἐναντίον* (Il. γ 432); *πολλὰ δ' ἀπεθέμην ἀσπάσματα εἰσαῦθις* (— *на*ново — *опять* когда нибудь), *ὡς ἥξουσα ἐς Ἄργος αὖ πάλιν* (Eur. Iph. T. 377).

О словахъ *εἶτα* и *ἔπειτα* нечего распространяться послѣ разъясненій на стр. 468–9. Укажемъ лишь на одно, Если *εἶτα* и *ἔπειτα* признаются за »нарѣчія« *соотносительныя* къ относительнымъ »нарѣчіямъ« *εἰ* и *ἐπεί* (въ каковомъ случаѣ, — въ таковомъ случаѣ), — если они указываютъ на причинную связь т. е. на причинную послѣдовательность (они могутъ указывать и на *временную* послѣдовательность, и на

---

*) Это-то употребленіе слова *ἀτάρ*, вѣроятно, и *дало* поводъ этимологамъ уравнивать *ἀτάρ* съ *ἄτερ*. Какъ *ἄτερ отдѣляетъ* одно отъ другого, такъ и въ *ἀτάρ*, предупреждающемъ *вдругъ* появляющуюся мысль, видятъ указаніе на *отдѣленіе* отъ стараго чего то *новаго*, съ прежнимъ ничѣмъ не связаннаго.

**) Не есть ли *θις* въ словѣ *αὖθις* нѣчто тожественное съ окончаніемъ слова *οὐρανόθι*, и не слѣдуетъ ли *αὖθις* понимать первоначально въ *»мѣстно*-просторовомъ« значеніи? (тогда бы оно указывало »первоначально« на неудаленіе отъ *мѣста* — на возвращеніе къ *мѣсту*).

послѣдовательность въ простомъ *перечисленіи;* такъ и русское *затъмъ* = *ἔπειτα* имѣетъ значеніе простаго *вовторыхъ* или *втретьихъ* и т. д.), то естественнымъ является и такое ихъ употребленіе, какъ *κᾆθ' οἱ κάκιστοι τῶνδ' ἀκούσαντες . . . προὔθεντο τὴν τυραννίδα*; (Soph. Oed. C. 418). = и несмотря на это, они могли предложить? = и *послѣ этого* они могли предложить? *Вообще* выраженіе причинной »*послѣдовательности*« можетъ сдѣлаться выраженіемъ причинной »*не*послѣдовательности« (сравни объ этомъ стр. 231—2.).

Ἔμπης - ἔμπας - ἔμπαν - ἔμπα. Принадлежность этого слова къ »сложнымъ нарѣчіямъ« (и *здѣсь* замѣчается предлогъ, какъ замѣчался въ словахъ *ἐξαῦτις* и *εἰσαῦθις*) — совершенно ясна. По *составу* своему оно соотвѣтствуетъ русскому »*во всякомъ случаѣ*«. Оно появляется въ рѣчи либо по поводу *одной* какой нибудь мысли, когда я хочу обозначить, что *всегда* буду на ней настаивать, несмотря на какія бы то ни было »возраженія« (сравни фразу: онъ, во всякомъ случаѣ, — *добрый* человѣкъ), либо по поводу *двухъ* мыслей, изъ коихъ одна *заключаетъ* въ себѣ то »возраженіе«, которое раньше только *подразумѣвалось.* Въ послѣднемъ случаѣ наше »нарѣчіе» ставится либо при »возраженіи« и вообще при выраженіи той мысли, которая противорѣчитъ главному »утвержденію«, либо непосредственно передъ »утвержденіемъ«. Сравни примѣры: *Τὼ δ' ἄρ' ἀναΐξαντ' Ὀδυσεὺς καὶ φαίδιμος υἱὸς ἐσφόρεον κόρυθας . . . . πάροιθε δὲ Παλλὰς Ἀθήνη, χρύσεον λύχνον ἔχουσα, φάος περικαλλὲς ἐποίει· δὴ τότε Τηλέμαχος προσεφώνεεν ὃν πατέρα αἶψα »ὦ πάτερ, ἦ μέγα θαῦμα τόδ' ὀφθαλμοῖσιν ὁρῶμαι· ἔμπης μοι* (= какъ себѣ хотите, а мнѣ*) *τοῖχοι μεγάρων καλαί τε μεσόδμαι εἰλάτιναί τε δοκοὶ καὶ κίονες ὑψόσ' ἔχοντες φαίνοντ' ὀφθαλμοῖς ὡσεὶ πυρὸς αἰθομένοιο*

*) *Такъ* я объясняю здѣсь слово *ἔμπας*. Я знаю, что его здѣсь толкуютъ въ смыслѣ русскаго «во всѣхъ отношеніяхъ« (ganz und gar), но при *такомъ* толкованіи слово *ἔμπας не представляется* въ достаточной степени симасіологически *единымъ*: значенія »*во всѣхъ отношеніяхъ*« и »*во всякомъ случаѣ*« (безъ *послѣдняго* значенія *нельзя* обойтись въ *нѣкоторыхъ* случаяхъ употребленія слова *ἔμπας*) трудно соединить другъ съ другомъ.

ἤ μάλα τις θεὸς ἔνδον, οἳ οὐρανὸν εὐρὺν ἔχουσιν (Od. τ 37). — *Τῷ οὐ νεμεσίζομ' Ἀχαιοὺς ἀσχαλάαν παρὰ νηυσὶ κορωνίσιν ἀλλὰ καὶ ἔμπης* (= но и при этомъ, какъ себѣ хочешь) *αἰσχρόν τοι δηρόν τε μένειν κενεόν τε νέεσθαι* (Il. β 297). — *Νέστορα δ' οὐκ ἔλαθεν ἰαχὴ πίνοντά περ ἔμπης* (Il. § 1.: здѣсь ἔμπης поставлено при мысли, *противорѣчащей* »утвержденію«).

Ὅμως. Устанавливать значеніе этого несомнѣннаго »нарѣчія« не приходится. Нужно его только надлежаще связать съ значеніемъ того ὁμός (= равный, одинаковый, общій; сравни *ὁμῇ πεπρωμένον αἴσῃ, ὁμὰ φρονεῖν, ὁμὸν λέχος*), удалительнымъ падежемъ котораго оно является. Появляясь въ рѣчи въ тѣхъ случаяхъ, когда одна мысль противорѣчитъ другой, слово ὅμως указываетъ, что извѣстная мысль имѣетъ свою силу *все равно* = *все одинаково* (вотъ на какомъ *русскомъ* оборотѣ можно выяснить связь слова ὁμός съ »нарѣчіемъ« ὅμως), какъ если бы этого противорѣчія не было. Какъ ἔμπης, такъ и ὅμως ставится и при мысли, которая *противорѣчитъ* главной, и непосредственно передъ *своимъ* »синтаксическимъ сказуемымъ«. Сравни: »*μέγας δὲ πλευρὰ βοῦς ὑπὸ σμικρᾶς ὅμως μάστιγος* (= для большаго быка *все равно* и *малой* плети достаточно) *ὀρθὸς εἰς ὁδὸν πορεύεται*« (Soph. Ai. 1253) и »*κλῦθί μου, νοσῶν ὅμως*« (Soph. Trach. 1115; здѣсь ὅμως приставлено къ *противорѣчащей* мысли). Что рядомъ съ ὅμως употребляется въ одинаковомъ значеніи и ὁμοίως, это — извѣстно (Herod. 7. 121: *οἱ μὲν δὴ πιεζόμενοι ὁμοίως τὸ ἐπιτασσόμενον ἐπετέλεον*).

Съ ὁμός, какъ извѣстно, этимологически связываютъ *ἅμα*. Такимъ образомъ и ἅμα обозначало бы »одинаково« — »обще« — »совмѣстно« — »одновременно«. Такъ оно и оправдывается во всѣхъ случаяхъ своего появленія. Сравни: *ἄνους τε καὶ ἀγαθὸς ἅμα* (= безумный и добрый *въ то же время*: соединяются черезъ ἅμα* два признака,

---

*) Что ἅμα, обозначающее *общность, совмѣстность, одновременность*, могло соединять и двѣ *противорѣчащія* другъ другу мысли, — понятно изъ всего, что сказано нами выше о ὅμως. Да и нужно ли для этого ἅμα?

противорѣчащіе другъ другу): *λυπεῖταί τε ἅμα καὶ χαίρει* (и печалится *въ одно и то же время,** и радуется): *φεύγοντες ἅμα ἐτίτρωσκον* (= отступая, они *въ то же время* наносили раны); *ἅμα ἀποθνήσκοντος τοῦ ἀνθρώπου διασκεδάννυται ἡ ψυχή* (= въ одно и то же время, когда умираетъ человѣкъ, душа ....): *ἅμα μὲν τοῦτο, ἅμα δὲ ἐκεῖνο* (= одинаково и это, одинаково и то = отчасти это, отчасти то) и т. д. Какъ извѣстно, *ἅμα* употребляется и съ *падежемъ*, — падежемъ (за таковой мы его должны признать въ концѣ концовъ)**) *личнымъ*, т. е. съ такимъ же, съ какимъ появляется и *σύν*: *ἅμ' ἠοῖ φαινομένῃ* = одинаково = одновременно съ зарею. Причислить ли его изъ-за этого къ предлогамъ (ср. стр. 317).? Нѣтъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно появляется *безъ* падежа, въ немъ нѣтъ ни *тѣни* того »подразумѣванія падежей«, которое мы замѣтили въ *дѣйствительныхъ* предлогахъ, когда они »употребляются самостоятельно« (сравни примѣры на стр. 318—20), точно также какъ *ἅμα* не проявляетъ той способности къ »*композиціямъ*«, на которую въ *предлогахъ* указывалось нами на стр. 322—340. *Ἅμα* оказывается истымъ »нарѣчіемъ«. Если при немъ и появляется симасіологическое *падежное* дополненіе, то на такое дополненіе — вообще *способны* »нарѣчія« (объ этомъ — рѣчь впереди). Мы готовы думать, что то *σύν*, которое, какъ извѣстно, иногда *присоединяется* къ *ἅμα*, есть не болѣе, не менѣе какъ замѣна *простаго* падежа, съ полнымъ правомъ стоящаго при *ἅμα*, *предлоговымъ оборотомъ*, — тѣмъ предлоговымъ оборотомъ, который мы видимъ въ *русскомъ* языкѣ (»одновременно *съ* зарею« вмѣсто »одновременно зарѣ« ***).

Всякое »соединительное« слово годится для »соединенія« двухъ *противорѣчащихъ* другъ другу мыслей. Извѣстно омировское *δόσις ὀλίγη τε φίλη τε* = подарокъ и малъ, да милъ (= хоть онъ и малъ, а дорогъ).

*) Здѣсь *ἅμα* отнесено, по вопросу о *разстановкѣ* словъ, не къ *присоединенной*, а къ »*присоединяющей*« мысли. Сравни сказанное выше о постановкѣ словъ *ὅμως* и *ἔμπης*.

**) Сравни выше стр. 364—5.

***) См. выше стр. 355.

Объ *οὖν* нечего распространяться послѣ объясненій на стр. 446.

Τοι. Слово *τοι* оказывается этическимъ личнымъ падежемъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ *μοι* объяснено было на стр. 367. *Именительный* падежъ къ нему есть слово *σύ*, обозначающее *собесѣдника.* Если при *τοι* собесѣдникъ и не является »*главнымъ* судьею« въ томъ синтаксическомъ сказуемомъ, къ которому »частица« (?) *τοι* приставлена, то онъ *черезъ τοι* дѣлается хоть *соучастникомъ* мысли, *выраженной* въ немъ, — соучастникомъ, совершенно *равноправнымъ* (потому и личный падежъ) съ самимъ *авторомъ* мысли. Такъ чувствуется и чешское to vám byla podívaná — to ti je krásné (= вотъ, знаете ли, было зрѣлище! — вотъ, *знаешь ли*, прелесть!). На стр. 367 мы слово *μοι* объясняли какъ *живой* падежъ. *Τοι* приходится признавать за падежную »окаменѣлость« и, слѣдовательно, — за »нарѣчіе« (а вовсе не за »частицу«) по слѣдующимъ соображеніямъ: 1. само *τ* во формѣ *τοι* есть »окаменѣлость« (форма *τοι*, какъ форма *живаго* падежа, относится къ *старинному*, *омировскому* языку); 2. *значеніе* слова *τοι* является *тоже* не чѣмъ то *живымъ*, вполнѣ *сознаваемымъ*, а »окаменѣлымъ«, такъ какъ *τοι* часто употребляется, когда *авторъ* мысли обращается не къ одному, а *къ нѣсколькимъ**) лицамъ**); 3. слово *τοι* входитъ вь композиціи *καίτοι*, *τοίγαρ*, *τοιγαροῦν*, *μέντοι*, *τοιγάρτοι*, *ἤτοι****), что съ *живымъ* падежемъ *не слу-*

---

*) Наряду съ *τοι*, конечно, можетъ появиться и *живое* »*ὑμῖν* (*ἀμουσότεροι ὑμῖν γενήσονται οἱ νέοι* — Plat. Resp. 546 e; или здѣсь *ὑμῖν* слѣдуетъ объяснять иначе?)

**) Да и не есть ли *вообще* »окаменѣлость« *значенія* и крайнее затрудненіе *проникнуть* въ значеніе хотя бы этимологически вполнѣ *раскрытаго* падежа, — не есть ли это одна изъ *главныхъ* причинъ, почему слово атрофируется въ своемъ значеніи »имени« (nomen) и дѣлается »нарѣчіемъ«? Не это ли была причина, почему мы и *ὅτι* и *ἀλλά* не приняли за nomina и объявили ихъ »нарѣчіями«? Не слѣдуетъ ли по этой же причинѣ объявить и *πότερον*·*πότερα* за »нарѣчіе« (см. выше стр. 458-9), такъ какъ оно, предупреждая о двучленномъ вопросѣ, *едва ли* фигурируетъ въ роли *именительнаго* падежа, а въ роль его, какъ *вещнаго* падежа (очевидно, — »простирательнаго«), трудно проникнуть?

***) Изъ этихъ композицій пока для насъ доступны *ἤτοι* и *καίτοι*. Въ *ἤτοι* само *ἤ* является то »утвердительнымъ« (смотри стр. 464-5; Беккеръ

чилось бы (*послѣднее* соображеніе, впрочемъ, находится въ связи со *вторымъ*).

По исключеніи разобранныхъ и оказавшихся »нарѣчіями« λέξεων, остаются *прежде всего* перечисленныя на стр. 489. μήν (ослабляется морфологически въ μέν*), δή (ослабляется морфологически въ δέ**), θήν (ослабляется морфологически въ θεν [?], какъ видно изъ δῆθεν [?]), γε

пишетъ въ этомъ случаѣ ἤ τοι = право), то двучленнымъ (см. стр. 461; особенно въ *позднемъ* греческомъ языкѣ употребляется« *постоянно* ἤτοι - ἤτοι вмѣсто простаго ἤ - ἤ.) Конечно, во всякомъ объявленіи, обращенномъ къ слушателю, мы его дѣлаемъ соучастникомъ нашей мысли, а потому мало ли гдѣ можетъ появляться τοι; но особенно умѣстнымъ оно оказывается въ ἤτοι, при »*утвердительномъ*« значеніи частицы ἤ (особо *распространяться* объ этомъ послѣ объясненій на стр. 464-5 нечего), и при καίτοι. Καίτοι (= и вотъ тебѣ), какъ извѣстно, появляется при мысли, находящейся *въ противорѣчіи* съ прежнею (= однако), или заключающей въ себѣ главную *суть* всего, высказываемаго въ томъ *болѣе широкомъ* контекстѣ, который *вызвалъ* слово καίτοι (καίτοι — а суть то въ томъ, что . . .). Нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ случаяхъ имѣется *особенное* основаніе *привлекать* слушателя къ участію въ моей мысли, что и *достигается* черезъ τοι.

*) См. Ebeling Lex. Hom. sub voce μέν.

**) Объ этимологической связи словъ δέ и δή наши этимологи не такъ распространяются, какъ о связи словъ μέν и μήν. Δή связываютъ съ ἤδη, но относительно этимологическаго *корня* слова δή существуетъ большое разногласіе: одни видятъ въ немъ тотъ же корень, какъ въ словѣ dies, другіе сопоставляютъ его съ латинскимъ jam (см. Ebeling Lex. Hom. sub voce δή). Что же касается слова δέ, то обыкновенно о немъ умалчиваютъ, или приводятъ его въ невозможную связь съ греческими δίς и δεύομαι (Hartung Partik. I. 161 и Bäumlein Partik. 88). Bäumlein даже находитъ нужнымъ *возражать* Klotz'у, Rost'у и Krüger'у, которые, руководясь непосредственнымъ *чувствомъ*, принимаютъ δέ, какъ, по нашему, и *слѣдуетъ* его принимать, за ослабленное δή. Возражаетъ онъ тѣмъ, что δέ niemals in dem ersten Satze steht, und sich immer auf etwas Vorangegangenes bezieht. Вообще, этимологизировать какъ δέ, такъ равно и δή — черезвычайно трудно, и всякій примѣняетъ не *значеніе* этихъ словъ къ ихъ этимологіи, а этимологію къ ихъ *значенію*, насколько *послѣднее* имъ »чувствуется«. Обращаемъ вниманіе на диссертацію Rob. Linke (de particulae δέ significatione *affirmativa* apud Sophoclem, Halis Saxonum 1873), въ которой онъ указываетъ на такіе примѣры какъ εἰ δέ κε μὴ δώωσιν, ἐγὼ δέ κεν αὐτὸς ἕλωμαι (Il. α 137), или καλῶ δ' ἀρωγοὺς τὰς ἀεί τε παρθένους ἀεὶ δ' ὁρώσας πάντα τὰν βροτοῖς πάθη (Soph. Ai. 835), въ которыхъ δέ можетъ имѣть *только* »утвердительное« значеніе. Это то »утвердительное« значеніе слова δέ, по нашему, и *есть* основное. Имъ то оно прежде всего и *связано* съ δή, которое *также* — »утвердительное«. Мы имѣемъ нѣкоторое право утверждать такъ потому, что разсматриваемъ всѣ »частицы« въ *системѣ*, а въ этой системѣ *другому* значенію ни для слова δή, ни для слова δέ — *нѣтъ* мѣста. Считая δέ за ослабленное δή, мы также руководимся аналогіею словъ μήν и μέν. По нашему, μήν : μέν = δή : δέ.

и *περ*. Чтобы и ихъ, или по крайней мѣрѣ *часть* ихъ. принимать за »нарѣчія«, на это не даетъ намъ права никакое этимологическое соображеніе. Съ большею, сравнительно, увѣренностью этимологизируютъ слово *περ*, связывая его то съ словомъ *περί*, то съ словомъ *πέρας*,*) но съ этими этимологіями мы *никакъ* не можемъ согласиться въ виду того *значенія*, которое мы усматриваемъ въ *περ*. и которое со значеніемъ словъ *πέρας* и *περί* не имѣетъ *ничего* общаго.

Всѣ эти »частицы« нами уже на стр. 489. названы *утвердительными*. Онѣ выражаютъ разные оттѣнки *обще*-утвердительнаго *ναί*, которое, кстати сказать (сопоставь стр. 472), встрѣчается *не только* »самостоятельно«, но и въ *связной рѣчи*, относясь, конечно, какъ *всѣ* »частицы«, къ *синтаксическому сказуемому* (*ναὶ δὴ ταῦτα γε πάντα κατὰ μοῖραν ἔειπες* — Od. υ 37). Разбирать ихъ значеніе по всевозможнымъ случаямъ ихъ *появленія* въ рѣчи мы не намѣрены, да это — едвали и возможно. Мы опредѣлимъ это значеніе согласно непосредственному чувству, выработанному долголѣтнимъ опытомъ. Оно представляется намъ въ слѣдующемъ видѣ:

1. Черезъ *μήν* и ослабленное *μέν* говорящій даетъ знать, что онъ *допускаетъ* или *принимаетъ* ту часть мысли, къ которой эти частицы приставлены, какъ нѣчто такое, съ чѣмъ онъ намѣренъ *считаться*. *Καὶ μὴν τετελεσμένον ἔσται* значитъ: и я допускаю, что это будетъ исполнено.

2. *Δή* и ослабленное *δέ* выставляетъ свое синтаксическое сказуемое какъ нѣчто *рѣшенное безповоротно*. Осязательнѣе дѣлается значеніе частицы *δή* въ словѣ *ἤδη*, состоящемъ, очевидно, изъ »утвердительнаго« *ἤ* (смотри выше стр. 464–5) и *δή* **). *Ἤδη* является преимущественно *временнымъ* (= уже), указывая на нѣчто какъ на *законченное*, *готовое* (даже при imperativ'ахъ: *ἤδη σὺ μαρτύρησον* = ты *ужъ* не откладывай, смотри, чтобы *τὸ μαρτυρεῖν наконецъ* было осуществлено), простое же *δή* обозначаетъ больше

*) Смотри Ebeling Lex. Hom. sub voce *περ*.

**) Смотри Prellwitz Wörterb. sub voce *δή*.

законченность »квалитативную«,*) которая и будетъ понятна, если выйти отъ »законченности« во *времени* (*τοῦτο δή εὖ ἔχει* = это то *ужъ непремѣнно* = безповоротно — хорошо).

Такимъ образомъ, *ослабленное μέν*, соединенное съ *ослабленнымъ δέ*, обозначало бы въ *ослабленномъ* видѣ то, что въ *усиленномъ* видѣ можно передать словами: это, *допустимъ* (= *μήν*), — такъ, но тогда *ужъ непремѣнно* (= *δή*) нужно принять во вниманіе и вотъ что. Что за словомъ *μέν не должно* непремѣнно слѣдовать *δέ*, это всякому извѣстно: *ἐκεῖνος μὲν ξυγχωρεῖ* = онъ, положимъ, ничего не имѣетъ противъ. Такъ и, наоборотъ, не всякому *δέ* должно непремѣнно предшествовать *μέν*: *ᾔτουν τοὺς ἑταίρους, οἱ δὲ οὐκ ἐπείθοντο*: просили друзей, а *ужъ* тѣ**) — не согласились.

У Омира *μέν-δέ* соединяется съ *ἤ* и даетъ *ἠμέν-ἠδέ*. По нашему, въ этомъ *ἤ* слѣдуетъ усматривать »*утвердительный*« его оттѣнокъ. *Ἠμέν-ἠδέ* значитъ: *не правда ли*, собесѣдникъ, мы съ тобою *допустимъ* это; но ужъ слѣдующее, *не правда ли*, нужно *непремѣнно* сказать.***) Также и въ омировскомъ *ἰδέ* видятъ лишь *иначе произнесенное*

---

*) Называя ее квалитативною, мы имѣемъ въ виду ту квалитативность *сужденія*, о которой говорили на стр. 95.

**) Въ *этой* фразѣ, впрочемъ, *δέ* чувствуется больше *временнымъ*. Въ ней слово *δέ* имѣетъ своимъ синтаксическимъ сказуемымъ *только οἱ*; это видно изъ того, что *οἱ δέ, вмѣстѣ* взятое, представляетъ собою внѣ *всякаго* контекста *цѣльный оборотъ*. Чувствуемое »больше *временнымъ*«, *δέ* могло бы быть лучше передано словами: »а чтобы *ужъ* перейти къ лицамъ, обозначеннымъ черезъ *οἱ* ....«. Не объявить ли намъ, въ виду *этого δέ* и въ виду »временнаго« *ἤδη*, *временное* значеніе основнымъ въ словахъ *δή-δέ*? Нѣтъ. Временное значеніе предполагаетъ не »частицу«, а *падежъ* — падежъ »*окаменѣлый*« отъ какого нибудь формальнаго *имени* (такимъ »падежемъ« было *ὅτε, τότε* и др.), а въ *δή-δέ трудно* найти такой »падежъ«. Благодаря этому quasi временному значенію, слово *δέ* утвердилось въ томъ симасіологическомъ оттѣнкѣ, который, какъ извѣстно, *чаще всего* практикуется въ *δέ*. Этотъ оттѣнокъ мы опредѣлили бы какъ »переходъ къ новому«, — какъ »указаніе на *другую* сторону вопроса, о которомъ разсуждается въ рѣчи« (сопоставь это опредѣленіе слова *δέ* съ подстрочнымъ примѣчаніемъ о словѣ *ἀλλά* на стр. 490).

***) Такое толкованіе этимологіи словъ *ἠμέν-ἠδέ* напрашивается само собою. Его мы встрѣчаемъ и у Bäumlein'a (Partik. 137).

ἠ + *δε*.*) Что *ἰδέ*, наравнѣ съ *ἠδέ*, могло перейти въ значеніе простаго *καί*, это выяснится ниже.

Черезвычайно трудно объяснить слово *δῆτα*.**) Что »частица« могла сбиться на какое нибудь другое произношеніе, — что изъ *η* могло сдѣлаться *ι* въ словѣ *ἰδέ*, — что изъ *δή* могло сдѣлаться *δαί****), — все это понятно: »частица« *именно* не есть нѣчто морфологически *сознанное* и *твердое*, чтобы не могло подвергаться перемѣнамъ. Что »частица« могла *соединиться* съ какимъ нибудь другимъ словомъ въ одну *λέξις*, — является ли это другое слово »нарѣчіемъ« (*δήπου*), или такою же »частицею«, — въ этомъ я *тоже* не вижу ничего страннаго, какъ и постараюсь доказать ниже. Но слово *δῆτα* имѣетъ видъ какого то этимологическаго *расширенія*, какого то особаго *»падежа«* къ слову *δή*, а измѣняться по *падежамъ* »частицѣ« уже *совсѣмъ* не подобаетъ. Остается предположить, что аттическое нарѣчіе (*δῆτα*, вѣдь, оказывается *аттическимъ* словомъ), смѣшавши, какъ и мы любимъ смѣшивать, »частицу« съ »нарѣчіемъ«, *произвольно* образовало *δῆτα*, увлекаемое аналогіею »нарѣчія« *εἶτα*.

3. Черезъ частицу *γε* говорящій указываетъ на то, что высказываемое имъ синтаксическое сказуемое, къ которому онъ *относитъ γε*, есть minimum того, что онъ могъ бы сказать, если бы не боялся сдѣлать *ошибку* въ своемъ сужденіи. Не напрасно переводятъ *γε* оборотомъ *по крайней мѣрѣ* (*τοῦτό γε ἀληθές ἐστι* = не знаю, какъ другое, но это, *по крайней мѣрѣ*, — вѣрно). Такъ и *γάρ*, въ общемъ предупреждающее, что мысль, къ которой оно приставлено, должна *объяснить* другую, и состоящее изъ *γε* и *ἄρα*, собственно значитъ: по крайней мѣрѣ (*γε*), въ связи съ *данною* мыслью (*ἄρα*), нужно сказать, что . . .

Περ указываетъ на *точность* выраженія той мысли (того синтаксическаго сказуемаго), къ которой оно относится.

*) Prellwitz Wörterb.: Im Ablaut zu *ἠδέ* (= und) steht *ἰδέ*. Prellwitz, впрочемъ, объясняетъ самое *ἠ* въ словахъ *ἠμέν-ἠδέ* черезъ приведеніе его въ связь съ готскою »соединительною частицею« jah.

**) Prellwitz, Wörterb., принимаетъ *δῆτα* за compositum изъ *δή* и *εἶτα*.

***) Prellwitz Wörterb.: *δαί* : *δή* = dor. *αἰ*: dor. *ἠ* (wenn).

Виднѣе оно дѣлается въ compositѣ *ὥσπερ*, которое только и возможно въ сравненіяхъ, и обозначаетъ »*точно* такъ же, какъ«.

О словахъ *ϑήν* – *ϑεν* *) – *ϑε* **) (?) затрудняюсь сказать что-нибудь опредѣленное. такъ какъ ихъ непосредственно не чувствую.

Равно не рѣшаюсь утверждать что-нибудь положительное о словахъ *μά* и *νή*, принадлежащихъ, вѣроятно, *тоже* къ утвердительнымъ »частицамъ« (а можетъ быть, это — междометія?) и употребляющихся въ клятвенныхъ выраженіяхъ (*μὰ τὸν κύνα*, *νὴ τὸν πατέρα*).

Послѣ утвердительныхъ частицъ слѣдуютъ соединительныя. Трудно отрѣшиться отъ мысли, что, если disjunctio въ двучленѣ выражалась при посредствѣ *вопросительной* »частицы« *ἤ*, conjunctio могла бы быть выражена при помощи *утвердительныхъ* частицъ. Русскій языкъ, по крайней мѣрѣ, поступаетъ *именно* такъ, хотя и не *исключительно*. Несомнѣнно, что частица *да* есть *утвердительная*, а между тѣмъ она употребляется и въ смыслѣ соединительной: я, *да* ты, *да* онъ. Это — вполнѣ понятно. Соединительный двучленъ (а также и многочленъ) можетъ рисоваться въ нашемъ представленіи какою то *неожиданностью*, которая требуетъ *именно* »подтвержденія«. Что извѣстное дѣло будетъ исполнено *кѣмъ-нибудь*, — ожидаетъ *всякій*: но если *кромѣ* этого »кого нибудь« выступаетъ *еще* дѣятель, то совершенно естественнымъ является выраженіе: я это могу сдѣлать: *да*, ты — тоже. Теперь мы понимаемъ, почему утвердительное *ἠδέ* – *ἰδέ* могло перейти въ значеніе »*соединительной* частицы«. Но русскій языкъ располагаетъ еще и *настоящею* »соединительною« частицею: это — частица »*и*«. Въ греческомъ языкѣ *кромѣ* стариннаго *ἠδέ* – *ἰδέ* имѣются частицы *καί* – *τε*. Причислить ли ихъ, или какую-нибудь одну изъ нихъ, къ »*утвердительнымъ*, или онѣ обѣ — »*настоящія* соединительныя«? Увидимъ.

---

*) Prellwitz Wörterb.: *ϑήν* (doch wohl): *ϑεν* — *μήν* : *μέν*.

**) Не слѣдуетъ ли и *ϑε*, появляющееся въ *εἴϑε*, принять за ослабленное *ϑήν*?

Въ словѣ *καί* мы должны различать *четыре* значенія.

1) — *просто*-соединительное. При этомъ двучленъ можетъ быть обозначенъ, какъ находившійся въ *первоначальномъ* планѣ мысли: *καὶ σύ, καὶ ἡμεῖς* (ср. стр. 401.). Присоединеніе втораго члена къ первому, какъ *не* находившееся въ первоначальномъ планѣ мысли, а потому требующее *особенной* выразительности, можетъ потребовать и *накопленія* частицъ (сравни *καὶ δὴ καί = да ужъ* непремѣнно *и* то-то). Въ *отрицательномъ* смыслѣ, если двучленъ имѣлся въ виду при *первоначальномъ* составленіи плана мысли, встрѣчается *τε-οὔτε, οὔτε-τε, οὔτε-οὔτε.* въ противномъ же случаѣ языкъ присоединяетъ къ *οὐ* (въ извѣстныхъ случаяхъ — къ *μή*) утвердительную частицу *δέ* (*οὐδέ-μηδέ; οὐδὲ ἡμεῖς ἠδυνάμεθα ταῦτα ποιεῖν = да и мы* не могли этого сдѣлать).

2. — *καί*, указывающее на »соотвѣтствіе«. Устанавливая этотъ терминъ, мы имѣемъ въ виду явленія въ родѣ *ὅπερ καὶ ἔλεγον* = о чемъ я *и* говорилъ (сравни русскую фразу: а потому, *какъ я и говорилъ,* вы не можете надѣяться на успѣхъ). Греческимъ »*καί*« и русскимъ »и« говорящій въ данномъ случаѣ »присоединяетъ« то, что онъ въ *настоящее* время утверждаетъ, къ чему нибудь, упомянутому въ *другой* части его рѣчи. Въ отрицательномъ смыслѣ появляется то *οὐδέ* (*μηδέ*). которое въ *первомъ* симасіологическомъ оттѣнкѣ слова *καί* было обязательно, когда двучленъ *не* находился въ первоначальномъ планѣ говорящаго (какъ и *здѣсь* о какомъ нибудь готовомъ *планѣ* двучлена не можетъ быть и рѣчи): *ὅπερ οὐδ' ἤμελλον φάναι* = какъ я и отрицалъ.

3. — *καί gradativ'ное.* Если *вообще καί* вызывается необходимостью указать вмѣсто чего нибудь *одного* на »*рядъ*« (= на *нѣсколько* »членовъ«), то въ данномъ случаѣ этотъ рядъ *подразумѣвается*, а слово *καί* указываетъ или на *первый,* или на *послѣдній,* стало быть, вообще на *крайній* его членъ. Сравни: и лучшіе люди ошибаются — и худшій человѣкъ не безъ достоинства. Въ отрицательномъ смыслѣ *третій* разъ появляется то же *οὐδέ.*

4. — *καί восклицательное: πῶς δὲ καὶ στρατὸς τοσοῦτος πεζὸς ἤνυσεν περᾶν* (Aesch. Pers. 721); *ἴδωμεν, τί ποτε καὶ λέγομεν* (Plat. Gorg. 455 a). Въ чешскомъ языкѣ употребляется въ подобныхъ случаяхъ слово *taky*. Чешское *taky* я иначе не чувствую, какъ въ смыслѣ слова *тоже*. Такъ, говорятъ: to je *taky* odpověď! И *въ русскомъ* языкѣ слышится фраза: вотъ *тоже* отвѣтъ?! Вмѣсто to je taky odpověď я могу сказать: to je *zas* odpověď, а *zas* соотвѣтствуетъ греческому *αὖ*. Въ греческомъ языкѣ въ выраженіяхъ удивленія, — а о нихъ идетъ въ настоящемъ случаѣ рѣчь, — часто встрѣчается *αὖτε: Τίπτ᾽ αὖτ᾽ αἰγιόχοιο Διὸς τέκος εἰλήλουθας* (Il. *α* 202) = cos to *zas* dítě egidodržavného Zevsa přišla? Намъ скажутъ, что здѣсь слово *αὖτε*, относясь къ *τίποτε* (а можетъ быть, и ко всему *τίποτε εἰλήλουθας*), какъ къ своему синтаксическому сказуемому, поставлено лишь съ тою цѣлью, чтобы воображеніе »держалось того предмета (т. е. того синтаксическаго сказуемаго), къ которому *αὖτε* относится, и *не удалялось* отъ него« (ср. стр. 492.). Это значитъ другими словами, что, такъ какъ *данное* синтаксическое сказуемое должно выражать нѣкое *недоумѣніе*, то *αὖτε* приставлено съ тою цѣлью, чтобы воображеніе, прикованное черезъ него къ этому синтаксическому сказуемому, больше *свыклось* съ самимъ »недоумѣніемъ«. Можетъ быть, это и такъ: я, руководясь чешскимъ zas, готовъ усматривать въ настоящемъ *αὖτε* выраженіе *»повторенія«*. *Вообще* въ выраженіяхъ удивленія есть основаніе считаться *съ жизненнымъ опытомъ*. »Ты, Аѳина« — говоритъ Ахиллъ, — *»всегда* приходишь съ загадочными планами; а теперь, какова *опять* цѣль твоего прихода?« Такое же »повтореніе«, стало быть, — *присоединеніе* новаго къ чему то прежнему, — я усматриваю и въ русскомъ »вотъ *тоже* отвѣтъ!«, и въ греческомъ *»τί ποτε καί λέγομεν«*, и *вообще* въ »восклицательномъ« *καί*.

Быть можетъ, я былъ относительно »восклицательнаго« *καί* неправъ. Быть можетъ, его *дѣйствительно* слѣдуетъ толковать такъ, какъ поддается толкованію слово *αὖτε* въ Il. *α* 202. Тогда, конечно, »восклицательное« *καί* было бы

»*утвердительнымъ*«, но вмѣстѣ съ тѣмъ пришлось бы уже утвердительное значеніе слова *καί* принять за *основное*. Ибо изъ утвердительнаго значенія легко вывести »присоединительное«, какъ доказываетъ *яснѣе всего* русское »*да*«, но отъ »*присоединительнаго*« значенія перейти къ утвердительному врядъ ли — возможно.

За »первоначально« - утвердительное (а не за »присоединительное«) я принимаю слово *τε*, такъ что *послѣдній* оттѣнокъ, т. е. »присоединительный«, я считаю *развившимся* изъ перваго.*)

Чтобы *оба* слова, — и *καί*, и *τε*, — были первоначально присоединительными, этому *трудно* повѣрить. Зачѣмъ языку вырабатывать *два* слова съ одинаковымъ значеніемъ? Провозглашать именно *τε*, а не *καί*, за первоначально-утвердительное заставляетъ меня *прежде всего* compositum *οἷός τε*. Какъ извѣстно, вмѣсто *οἷός τε*, въ смыслѣ *способный*, употребляется простое *οἷος* (Xen. Memor. II. 9. 3:

*) Чтобы отвѣтить на вопросъ, который впервые поднятъ былъ нами на стр. 469, а затѣмъ столь часто *вновь* былъ возбуждаемъ (ср. стр. 491 и др.), мы укажемъ на *τε*, присоединяемое къ *относительнымъ* словамъ (или формальнымъ именамъ, какъ *ὅς*, или ихъ »нарѣчіямъ«, какъ *ὡς*, *ἐπεί*). Какое нибудь *θηρὸς ἀκούσαντες, ὅς τε ἔρχηται δι' ὄρεσφι* значитъ: услышавъ звѣря, — *того* же (*соотносительное* слово, на которое *опирается* *ὅς*), о которомъ *также и* (= *τε*) слѣдуетъ сказать, что онъ .... Такъ, по нашему, слѣдуетъ толковать и *ὥστε*, не только, когда оно встрѣчается въ его болѣе *общемъ* значеніи (*κατ' οἶκον οἰκουροῦσιν ὥστε παρθένοι* — Soph. Oed. C 344 = какъ *и* дѣвицы), но и въ случаяхъ употребленія его съ *специальнымъ*, такъ называемымъ *consecutiv*'нымъ оттѣнкомъ (въ сущности, этотъ »спеціальный« оттѣнокъ является чѣмъ то, вытекающимъ изъ *контекста*, — чѣмъ то, что опредѣляется смысломъ того *соотносительнаго* слова, на которое относительное *ὡς опирается*). На »consecutiv'ное« *ὥστε* мы приведемъ *два* примѣра (различіе ихъ усмотритъ самъ читатель): *τόσον δ' ἔχεις τόλμης πρόσωπον, ὥστε τὰς ἐμὰς στέγας ἵκου*; (Soph. Oed. r. 533) = *степень* (*τόσον*) твоей смѣлости и (*τε*) твое прибытіе въ мой домъ *соотвѣтствуютъ* другъ другу (словомъ *соотвѣтствуютъ* я хотѣлъ выразить самую *correlativ'ность* соотносительнаго и относительнаго словъ = *такъ* ты дерзокъ, *какъ и* пришелъ). — *οὐ τηλίκος εἰμί, ὥστε σημάντορι πάντα πιθέσθαι* (Od. ρ 21) = мой *возрастъ* (*τηλίκος*) *и* (*τε*) послушность во всемъ не соотвѣтствуютъ другъ другу = нѣтъ того, чтобы мой возрастъ былъ таковымъ, какъ (бываетъ) *и относительно* (*πιθέσθαι* есть вещный *простирательный*) послушанія во всемъ. — Ипотактическій характеръ предложеній, въ которыхъ встрѣчаются сами относительныя *слова*, принимающія къ себѣ *τε*, ставитъ наше *τε посредникъ* между *καί* »*просто-присоединительнымъ*« и между »*καί соотвѣтствія*«, такъ что не знаешь, съ *которымъ* изъ нихъ его лучше *сопоставить*.

οὐ γὰρ ἦν οἷος ἀπὸ παντὸς κερδᾶναι). Я не вижу въ *τε*, присоединяющемся къ *οἷος*, рѣшительно ничего, что оправдывало бы его появленіе, кромѣ *утвердительнаго* оттѣнка*). Да и какой »присоединительный« оттѣнокъ слова *τε* мыслимъ въ composit'ѣ *ἦτε*, употребляющемся, какъ извѣстно, рядомъ съ *простымъ* »утвердительнымъ *ἦ*.**) Если я не ошибаюсь, то *τε* присоединяется къ прочимъ утвердительнымъ частицамъ, перечисленнымъ на стр. 489, съ оттѣнкомъ *полноты* (*οἷός τε* = способный *вполнѣ*).

Остается разобрать слово *ἔτι*. Принять ли его за »частицу«, или за »нарѣчіе«? Для »частицы« оно, по *внѣшнему* своему виду, *не отличается* особенною *краткостью*, а его *значеніе* слишкомъ *обособляется* отъ значенія другихъ частицъ (оно *очень* сходится по значенію съ русскимъ *еще*: не связано ли оно съ нимъ и этимологически?). Правда, *ἔτι* (какъ и русское *еще* = кромѣ того) употребляется для прибавленія чего нибудь одного къ чему нибудь другому (обыкновенно, впрочемъ, встрѣчается въ такихъ случаяхъ не *простое ἔτι*, а *ἔτι δέ*) и въ этомъ отношеніи примыкаетъ къ частицѣ *καί*. Но на значеніе »*прибавленія*«, кажется, слѣдуетъ здѣсь смотрѣть какъ на ослабленіе другого, *первоначальнаго* значенія, которое мы опредѣляемъ какъ указаніе на *продолженіе* извѣстнаго *состоянія* (*ἔτι μοι μένος ἔμπεδόν ἐστιν* = *все еще* у меня . . .; *отрицаніе* такого »продолженія« достигается черезъ *οὐκέτι*: *οὐκέτι ὁρῶ* = я *больше не* вижу). Какъ извѣстно, *ἔτι* приставляется часто

---

*) Въ *οἷος*, принимающемъ значеніе *способный*, я вижу остатокъ того *первоначальнаго*, *неотносительнаго* значенія темы *ya*, на которое мною указано на стр. 441; *οὐχ οἷος κερδᾶναι*, по моему, значитъ: онъ не таковъ, чтобы извлекать выгоду. А можетъ быть, и *это οἷος* слѣдуетъ принимать за »относительное, опирающееся на *соотносительное*«? Можетъ быть, фразу *οὐχ οἷος κερδᾶναι* слѣдуетъ толковать въ смыслѣ »онъ не таковъ (*τοιοῦτος*), какимъ (*οἷος*) бы ему нужно быть, чтобы извлекать выгоду«? Тогда бы, конечно, *τε* при *οἷος* объяснялось аналогіею словъ *ὅς τε, ὥστε* (ср. стр. 507), и все *οἷός τε не годилось бы* для той цѣли, для которой я имъ воспользовался.

**) Если *οἷός τε* не годится какъ аргументъ для нашего утвержденія относительно *τε*, то навѣрно годится *ἦ τε*. Сравни Il. ρ 236 (*νήπιοι, ἦ τε πολέσιν ἐπ αὐτῷ θυμὸν ἀπηύρα*). Od. υ 194 (*ποῦ δέ νύ οἱ γενεὴ καὶ πατρὶς ἄρουρα; δύσμορος, ἦ τε ἔοικε δέμας βασιλῆι ἄνακτι*) и т. д.

къ сравнительнымъ степенямъ (*πολλὸν ἔτι ἀλκιμώτερος*), причемъ сама сравнительная степень перемѣняетъ это »продолженіе состоянія« въ *усиленіе* его. Быть можетъ, въ *ἔτι* слѣдуетъ считать не »прибавленіе« ослабленіемъ »продолженія«, а »продолженіе« — метафорою »прибавленія«? Едва ли; тогда бы и *καὶ* метафоризировалось по направленію слова *ἔτι*, особенно когда оно въ развитіи своего значенія пошло такъ далеко. Нѣтъ ли въ *ἔτι* того »падежнаго« окончанія, какое замѣчается въ словѣ *ἄρτι*? Но гдѣ же тогда этимологическая *тема* этого »падежа? Трудно на это отвѣтить. Сопоставленіе греческаго *ἔτι* съ латинскимъ et — etiam — очень заманчиво*), но какъ часто уже сбивало этимологовъ случайное созвучіе словъ! Самое существенное доказательство того, что *ἔτι* не есть »частица«, а »нарѣчіе«, мы видимъ въ composit'ѣ *εἰσέτι***). Разъ *ἔτι* соединяется съ такимъ предлогомъ, какъ *εἰς*, то оно не можетъ быть частицею а должно быть »нарѣчіемъ«, а *εἰσέτι* является по отношенію къ нему »нарѣчіемъ« *сложнымъ*. Между *ἔτι* и *εἰσέτι* мы должны усматривать такое же отношеніе, какое было между *αὖθις* и *εἰσαῦθις*. *Αὖθις* было »падежемъ«, а *εἰσαῦθις* — предлоговымъ *оборотомъ*, въ которомъ *εἰς* своимъ значеніемъ *примыкало* къ этому падежу. То же самое мы видимъ въ *εἰσέτι*: *ἔτι* могло быть принято за обозначеніе *точки* (»*еще*« можетъ получить значеніе *до сихъ поръ*), а *εἰς*, какъ предлогъ, *направляетъ* къ этой точкѣ.

Мы *кончили* разборъ »частицъ«. (Если и остались неразобранными нѣкоторыя composita, въ которыя »частицы« входятъ какъ *части* ихъ, то нетрудно будетъ самому чи-

*) Смотри Brugmann Grundr. I. 276.

**) Не такими выгодными аргументами для нашей цѣли представляются composita *προσέτι* и *ἐξέτι*. Ни въ *προσέτι*, ни въ *ἐξέτι* мы не видимъ, чтобы само *ἔτι*, какъ »падежъ«, *зависѣло* отъ предлога. *Προσέτι* является простымъ накопленіемъ (*προσέτι* — вдобавокъ еще) *синонимовъ* (симасіологическая *тавтологія!*), а въ *ἐξέτι*, появляющемся съ падежемъ, зависящимъ *исключительно* отъ *ἐξ* (*ἐξέτι πατρῶν* — Od α 245 — еще съ отцовъ; *ἐξέτι τοῦ* — Il. ι 106 — еще съ того времени) слово *ἔτι*, собственно, даже не даетъ повода *привлекать* его въ compositum съ *ἐξ*; оно чувствуется здѣсь *самостоятельнымъ* и все »*ἐκ πατρῶν*« и »*ἐκ τοῦ*« составляетъ къ нему *синтаксическое сказуемое*.

тателю опредѣлить ихъ значеніе на основаніи объясненій, данныхъ нами о самихъ »частяхъ«). »Частицы« у насъ сталкивались постоянно съ »нарѣчіями«. Если тѣ и другія имѣли вездѣ отношеніе къ синтаксическимъ сказуемымъ, то это *не есть* ихъ общее *χαρακτηριστικόν*, отличающее ихъ отъ *прочихъ* частей рѣчи. Съ одной стороны, мы видѣли, что и появленіе *живыхъ* падежей, принадлежащихъ »*именамъ*« (nomina), связано съ синтаксически сказуемыми, а съ другой — нетрудно будетъ убѣдиться изъ нижеслѣдующаго что »нарѣчіе« очень часто не имѣетъ ровно *никакого* дѣла съ синтаксическимъ сказуемымъ, а просто служитъ симасіологическимъ дополненіемъ *другой* части рѣчи. Впрочемъ, нашъ интересъ не въ томъ, чтобы опредѣлять границу между »частицами« и »нарѣчіями« съ одной, и между остальными частями рѣчи съ другой стороны; насъ интересуетъ опредѣленіе различія между самими »частицами« и »нарѣчіями«. По этому вопросу можно сказать слѣдующее.

1. »Частица« *всегда* имѣетъ отношеніе *только* къ синтаксическому сказуемому *); »нарѣчіе«, какъ должно быть выяснено *впослѣдствіи*, можетъ быть связано *не только* съ синтаксическимъ сказуемымъ, но и съ такими же, какъ оно, частями рѣчи.

2. »Нарѣчіе« есть *падежъ*, въ то время какъ въ »частицѣ« о падежѣ нѣтъ и помину. Намъ скажутъ, что *наши* частицы, т. е. тѣ слова, которыя мы объявили за частицы, остались безъ падежей только лишь потому, что мы въ нихъ падежей отыскать *не умѣли*. На это мы отвѣчаемъ:

3. »Частицъ« — немного. Это — одна вопросительная (*ἦ*), двѣ отрицательныхъ (*οὐ–μή*), одна положительная (*ναί*), нѣсколько »квалитативно-утвердительныхъ« (*μήν δή, γε, περ, θην* и . . . *τε***) и одна соединительная (*καί*). Онѣ выведены

*) Сопоставь стр. 492, подстрочное примѣчаніе.

**) Быть можетъ, этихъ »квалитативно-утвердительныхъ« частицъ у насъ — много? Не знаю. Знаю только, что онѣ *нужны*. Относясь къ синтаксическому сказуемому, онѣ *тоже* имѣютъ дѣло съ »сужденіемъ«, какъ его имѣли наклоненія. Хотя мы на стр. 176 говорили, что въ синтаксическихъ подлежащемъ и сказуемомъ нѣчто одно лишь »*относится*« къ чему то другому, но на стр. 366. выяснилось, что синтаксическое подлежащее есть, какъ

изъ насущной потребности языка и представляютъ въ этомъ отношеніи отдѣльную, *законченную* »систему«. Конечно, всѣ онѣ могутъ быть замѣнены какими нибудь »*матеріальными*« словами (я говорю »словами« *вообще*, а не одними »именами«; о терминѣ »матеріальный« см. стр. 196.), или цѣлыми оборотами: вмѣсто »я *и* ты« можно сказать »я *совмѣстно съ* тобою«, вмѣсто »*ναί*« — »*ὁμολογῶ*« или »*φημί*« и т. д. Но не въ этомъ дѣло. Тотъ, кто упрекнулъ бы насъ въ неумѣніи отыскать въ нашихъ »частицахъ« падежи, понятно, ничего подобнаго въ виду не имѣетъ. Не думаетъ онъ также о какомъ нибудь *вопросительномъ, отрицательномъ, положительномъ, квалитативно-утвердительномъ* и *соединительномъ* падежѣ (хотя, какъ говоритъ Дельбрюкъ, вопросъ о падежахъ еще не законченъ, но существованіе *такихъ* падежей *никто* предполагать не станетъ), а требуетъ, чтобы мы указали на какія нибудь *мѣстоименія*, которыя, въ »вещномъ простирательномъ« или какомъ нибудь *другомъ* »окаменѣломъ« падежѣ, въ силу значенія самой ихъ этимологической *темы* могли бы выразить вопросъ, отрицаніе, соединеніе и т. д. Но гдѣ же эти мѣстоименія?

Въ томъ то и вопросъ, гдѣ *взять* эти мѣстоименія? Отрицательныхъ мѣстоименій *совсѣмъ* нѣтъ, а что касается остальныхъ, то мы ими *занимались* въ шестомъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія, выводя ихъ *также* изъ насущной потребности языка. Всѣ они тамъ имѣли свое *опредѣленное* начало, свой *извѣстный* путь развитія, и ни *одно* изъ нихъ, ни въ своемъ началѣ, ни на пути своего развитія не встрѣчается ни съ однимъ изъ тѣхъ значеній, которыя мы на-

бы, *сложное ὄν*, и синтаксическое сказуемое —, какъ бы, *сложный* признакъ, а какъ *таковой* оно, конечно, можетъ быть *не только* »отнесено« къ синтаксическому подлежащему, но *прямо* таки »присуждаемо« ему. Рѣчь идетъ здѣсь, конечно, о присужденіи въ *познавательномъ* смыслѣ (сравни стр. 96), какъ и признаковыя *слова* въ ономатическихъ предложеніяхъ могли быть присуждаемы своимъ *названіямъ* предметовъ только въ *познавательномъ* смыслѣ (сопоставь стр. 181-2), и въ этомъ случаѣ, казалось бы, такой рядъ оттѣнковъ какъ *вполнѣ* (τε), *непремѣнно* (δή), *точно* (περ), *по крайней мѣрѣ* (γε), *пожалуй* (μήν), *вѣроятно* (не это ли значеніе слова θήν?) представляетъ такую же лѣстницу »*квалитативности*«, какую мы выставили относительно наклоненій на стр. 95., и въ которой, кажется, нѣтъ ничего ни лишняго, ни недостающаго.

ходимъ въ »частицахъ«. Требовать для *»частицъ«* мѣстоименныхъ темъ значило бы предполагать наряду съ мѣстоименіями, имѣющими свою *непосредственную* задачу, еще другія мѣстоименія, которыя, за отсутствіемъ своихъ собственныхъ функцій, исполняли бы функціи чужія. Мы понимаемъ, что какое нибудь *πως* (= окаменѣлый падежъ отъ *мѣстоименной* темы = »нарѣчіе«), обозначающее *какъ-нибудь* (собственно: *»отправляясь* отъ чего нибудь, какъ своей *этической* почвы«, ибо *πως* есть *удалительный* падежъ), могло съ своимъ *модальнымъ* оттѣнкомъ (сравни фразу »это какъ-нибудь сдѣлается«) перейти и въ оттѣнокъ *квалитативный* (*οὐ μέν πως* = *положимъ,* что это *какъ то* не такъ);*) мы *сами* прежде смѣшивали модальность съ »квалитативностью (сопоставь стр. 95), но что этого смѣшивать *нельзя,* — что языкъ »первоначально« могъ въ квалитативности усматривать нѣчто *одно,* а въ модальности — нѣчто совершенно *другое*, и только *впослѣдствіи*, изъ желанія *упростить* свои средства, переносилъ и *могъ* переносить модальность на квалитативность, это намъ стало яснымъ только теперь.

Да, »частицы« *нужно* признавать какъ *отдѣльную* часть рѣчи. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ подъ рукою болѣе подходящаго *термина* для этой *отдѣльной* части рѣчи. Самъ терминъ »частица« (particula) не выходитъ изъ того *родоваго* понятія, которое относится ко *всѣмъ λέξεις одинаково,* развѣ только тѣмъ, что, будучи »уменьшительнымъ« къ слову *часть* (разумѣй — часть *рѣчи*), выставляетъ об-

---

*) Я понимаю, что какое нибудь *που*, обозначающее почему-то просторъ, *гдѣ* нѣчто происходитъ (я говорю *»почему то«;* ибо *που-οῦ* являются *родовыми* падежами, а родовой падежъ, какъ *таковой*, этого простороваго значенія въ нихъ *не вноситъ*), можетъ получить и *модальное* значеніе (= какъ-нибудь) и съ этимъ модальнымъ значеніемъ можетъ не только перейти въ роль *квалитативнаго* слова (такъ и модальное *ἄν* перешло въ квалитативное; ср. стр. 131), но и *соединиться* съ *настоящимъ* квалитативнымъ словомъ въ *compositum,* какъ это мы видимъ въ словѣ *δήπου* (= ужъ непремѣнно какъ-нибудь = ужъ непремѣнно какъ то; сравни стр. 446.). - Этою замѣткою мы и *отвѣчаемъ* на вопросъ, возбужденный на стр. 503. Что »квалитативное *δή* (въ словѣ *ἤδη*), наоборотъ, могло перейти въ *временное* слово, — мы видѣли на стр. 501.

нимаемыя имъ *λέξεις* какъ нѣчто *незначительное*, конечно, — незначительное по внѣшнему *виду*, а не по *задачѣ* въ языкѣ. Термины *σύνδεσμοι*, *ἄρθρα*, *ἐπιῤῥήματα* еще менѣе годятся, чѣмъ терминъ *частицы*. Останемся при *этомъ* терминѣ.

Такъ какъ частицы постоянно сталкивались съ »нарѣчіемъ«, то непосредственно послѣ нихъ придется подвергнуть окончательному разбору и *эту* часть рѣчи. Такой ходъ изслѣдованія, впрочемъ, былъ нами намѣченъ еще въ концѣ шестаго отдѣла.

»Нарѣчіе« оказывается *послѣднимъ* членомъ въ ряду частей рѣчи. Остальные члены этого ряда суть: глаголъ, матеріальныя *простыя* существительное и признаковое, *формальныя* существительное и признаковое, *глагольное* признаковое, глагольное *имя*, *счетная* часть рѣчи (ею пользуется языкъ и въ качествѣ *признаковаго* имени, когда мы *не* заняты счисленіемъ), предлогъ и частица. А гдѣ же »союзъ«? »Союза« *нѣтъ*. То, что называютъ »союзомъ *придаточныхъ* предложеній« (какое нибудь *εἰ*, *ὅτε*, *ὡς*, *ὅπως*), оказывается относительнымъ »*нарѣчіемъ*«, опирающимся на *соотносительное* слово (кто видитъ въ словѣ *εἰ* »союзъ«, тотъ долженъ бы принимать за »союзъ« и относительное *ὅς*, такъ какъ съ него *тоже* начинаются синтаксически *подчиненныя* предложенія), а »союзы *главныхъ* предложеній« (да однихъ ли »главныхъ«, и однихъ ли »предложеній«? — развѣ какое нибудь *ἀλλά* или *καί* должно непремѣнно связывать *предложенія*? — и непремѣнно главныя?) превратились у насъ то въ частицы, то въ »нарѣчія«.

Что такое »нарѣчіе«? Первые отвѣты на этотъ вопросъ выйдутъ у насъ на подобіе тѣхъ, какіе давали Сократу его ученики, — не впопадъ, но что же дѣлать? Сократу такіе отвѣты были нужны, и онъ умѣлъ ими пользоваться для дѣла.

Слова *ἀγκάς*, *γνύξ*, *λάξ*, *κουρίξ*, *ὀδάξ*, *πύξ*, вотъ — »нарѣчія«. Это — тѣ же существительныя (*ἀγκών*, *γόνυ*, calx, *κόρρη*, *ὀδούς* и существительное, отъ котораго произошло признаковое *πυκνός*), только *падежи* ихъ *этимологически* не поддаются опредѣленію; они въ *открытомъ* для насъ

языкѣ, какъ *живые* падежи именъ существительныхъ, не практикуются, они »окаменѣли«. Приведеніе ихъ въ этимологическую связь съ *глагольными* темами или »корнями«, какъ то дѣлаютъ этимологи*) (для *λάξ* устанавливаютъ глагольную тему *σλακ*, усматривая въ ней значеніе *бить*, для *γνύξ* — тему *γνύγ*, сравнивая ее съ нѣмецкимъ knicken, *ὀδάξ* приводятъ въ связь съ глаголомъ *δάκνω*), не имѣетъ для насъ непосредственнаго интереса. Мы уже не говоримъ о томъ, что самъ глаголъ, какъ *часть рѣчи*, и даже глагольное имя, какъ *часть рѣчи*, не могутъ служить *родоначальниками* какихъ бы то ни было »нарѣчій«. Глаголъ, какъ выраженіе *цѣлой рѣчи*, не можетъ *вообще* произвести никакого падежа, а »окаменѣлаго« и подавно, глагольное же имя, это »выдѣленіе въ особое слово того *а*, которое попало у насъ въ глагольную симасіологическую схему *а* —➤ *б*« (см. стр. 201), *само* обязано своею ролью падежа лишь *синтаксическому* положенію (ср. стр. 200), а потому *»окаменѣлаго«* падежа *тоже* не произведетъ. Родоначальниками приведенныхъ въ *настоящемъ* пунктѣ »нарѣчій« являются, какъ уже сказано, — да и *могутъ* ими быть, — *только* существительныя. *Значеніемъ* своимъ наши »нарѣчія« напоминаютъ *творительный* падежъ ихъ »родоначальниковъ« (славянскія *плишмя*, *който* представляютъ собою *тоже* нѣчто въ *этомъ* родѣ). Они имѣютъ всѣ *одно* окончаніе *ξ* (единственное и множественное числа въ немъ, конечно, уже не дифференцированы: *ὀδάξ* значитъ *зубами*, а *πύξ* въ одномъ контекстѣ обозначаетъ *кулакомъ*, а въ другомъ — *кулаками*); мы готовы думать, что и *ἀγκάς* образовано вмѣсто *ἀγκάξ*, и что появленію *ξ* въ окончаніи помѣшало присутствіе гортаннаго звука въ *другомъ* мѣстѣ этого слова (сравни *διδάσκω* вмѣсто *διδάξκω*).**)

---

*) См. Ebeling Lex. Hom.

**) Иначе Delbrück Grundr. III. 569: Ferner halte ich es mit J. Schmidt für wahrscheinlich, dass das homerische *ἀγκάς* nichts anderes sei, als *ἀγκάσι*, ein Loc. pl., zu *ἀγκών*. Ebenso sind vermuthlich *πύξ* und *λάξ* aufzufassen, nach denen sich *γνύξ* und *ὀδάξ* gerichtet haben werden. Dem Vocal nach *ferner* liegt *κουρίξ*. Мы, какъ сказано, видимъ въ выраженіяхъ *ἀγκὰς ἐλάζετο θυγατέρα*, *λὰξ προβάς*, *ἐρυσάν μιν κουρίξ*, *ὀδὰξ ἕλον οὖδας* и т. д. *только* творительные падежи.

Слова *πρῶτον*, въ смыслѣ *сперва*, и *τελευταῖον*, въ смыслѣ *наконецъ* (*ἔδοξε πρῶτον εἰς Χῖον αὐτοῖς πλεῖν*), слова *μέγα* и *πολύ*, въ смыслѣ *очень* (*μέγ' ἠδικήθη*), вотъ — »нарѣчія«. Хотя слова *πρῶτον*, *τελευταῖον*, *μέγα* и *πολύ*, какъ *падежи*, вполнѣ раскрыты не только этимологически, но и синтаксически (все это — вещные *простирательные* простыхъ признаковыхъ именъ), но нераскрытою остается ихъ *субстантивность*, — субстантивность ихъ *именно* какъ косвенныхъ падежей, и съ этой стороны они являются *тоже* »окаменѣлостями«. Это — не та субстантивность, на которую въ *признаковыхъ* словахъ мы указывали на стр. 194–5: если какое-нибудь *ἀγαθὸν*-*κακὸν* въ самомъ *именительномъ* падежѣ могло обозначать не только »благое« — »злое«, но и »благо« — »зло«, то »нарѣчіе« *πρῶτον* получило значеніе »*съ самаго начала*« (= »*съ перваго начала*« = »*первоначально*« = »съ перваго *момента*«), а »нарѣчіе« *μέγα* — »*въ высокой степени*« (слова *моментъ* и *степень* суть имена *существительныя*) благодаря тому *косвенному падежу*, въ которомъ они поставлены. Если слово *καλός* обозначаетъ »*красивый*«, а *καλῶς* »красивымъ *образомъ* или *способомъ*«, то чѣмъ, какъ не косвеннымъ *падежемъ*, внесенъ сюда этотъ »образъ« и »способъ«, и благодаря чему, какъ не косвенному падежу, субстантивировалось это слово? Ка́къ это случилось, — что́ сдѣлало этотъ косвенный падежъ способнымъ субстантивировать слово, это - то и *остается* нераскрытымъ и даетъ право назвать наши слова »падежными *окаменѣлостями*«.

Мы слышимъ возраженіе. Отчего, — скажутъ намъ, — слово *πρῶτον*, указывая и въ именительномъ, и во всякомъ другомъ падежѣ на »первое« какъ на *признакъ* чего нибудь, не могло въ то же время, *совершенно* по аналогіи слова *ἀγαθὸν*, обозначать и въ *именительномъ* падежѣ самую, если такъ можно выразиться, »первоту« (= *начало* = первый *моментъ*)? — отчего оно не могло прямо отъ *именительнаго* падежа перейти съ этимъ значеніемъ въ тотъ вещный простирательный, за который мы принимаемъ *наше πρῶτον*? — наконецъ, къ чему же толковать наше *πρῶτον* непремѣнно

въ смыслѣ *вещнаго* падежа? — не могло ли бы оно быть истолковано въ смыслѣ падежа *именительнаго,* такъ чтобы »*буквальный*« переводъ фразы *δεδογμένον ἦν αὐτοῖς πρῶτον εἰς Χῖον πλεῖν* былъ: ими рѣшено было, *первое,* — поплыть въ Хіосъ? Если это такъ, если особенно *послѣдній* пунктъ приведеннаго возраженія — вѣренъ, то, конечно, нечего было бы принимать наше *πρῶτον* даже за »нарѣчіе«. Но всему этому мѣшаютъ примѣры въ родѣ *πέπεισμαι τοῦθ' ἱκανὸν προλαβεῖν τὴν πρώτην* (Dem. 3. 2).

Наше *πρῶτον*, несомнѣнно, должно быть такимъ же падежемъ, какъ и *τὴν πρώτην*, т. е. *вещнымъ,* а не именительнымъ. Это — *прежде* всего. Затѣмъ мы спросимъ: въ чемъ же *вообще* заключается разница между нашимъ *πρῶτον* и приведеннымъ *τὴν πρώτην?* Только въ *родѣ. Замѣчательно* это употребленіе женскаго рода въ греческомъ языкѣ! Говорятъ въ этихъ случаяхъ, — они, какъ извѣстно, не составляютъ рѣдкость (сравни *ταύτῃ* = этимъ способомъ, *ἐκ νέης** = снова и т. д.), — о какомъ то »подразумѣваніи« *существительныхъ* женскаго рода, но это представляется намъ неправильнымъ. Русскій языкъ, съ своими »на-пропалую«, »въ-разсыпную« (сравни чешское po té = *послѣ этой* вмѣсто *послѣ этого*) ясно указываетъ на склонность — въ извѣстныхъ случаяхъ *просто* замѣнять *средній* родъ признаковыхъ словъ женскимъ. Какіе это случаи? Это — случаи отнесенія признаковаго слова къ какому нибудь *общему* понятію, не то что не находящему, а не *ищущему* своего *собственнаго* выраженія. Это бываетъ прежде всего въ среднемъ родѣ признаковыхъ словъ *множественнаго* числа: *αἰσχρὰ ποιεῖς* указываетъ на некрасивыя *вещи,* на некрасивые *поступки,* на некрасивое *нѣчто* или, какъ мы по русски *проще* выражаемся (въ смыслѣ *собирательномъ*), на »некрасивое«.**) Къ этимъ то случаямъ

*) *ἐκ νέης* нужно принять за *сложное* »нарѣчіе«, какимъ было на стр. 495 *εἰσαῦθις* и *ἐξαῦτις*.

**) Этою замѣткою слѣдуетъ пополнить наше разсужденіе, помѣщенное на стр. 194-5 въ подстрочномъ примѣчаніи, а также сопоставить ее съ объясненіемъ по поводу эпифорическаго *ὁ* на стр. 439-40.

и привлекаются иногда въ славянскомъ и, какъ оказывается, въ греческомъ языкѣ, признаковыя *женскаго* рода (впрочемъ, это »иногда« ограничено *единственнымъ* числомъ). Такое привлеченіе признаковыхъ *женскаго* рода къ *данной* роли представляется намъ *естественнымъ*, и къ выраженію »въразсыпную« и т. п. не только никакого существительнаго, которое бы »подразумѣвалось«, не придумаешь, но и придумывать его нечего. Средній родъ не есть »родъ« (ср. стр. 162), и если языкъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ *дѣйствительно* считался *только* съ »родами« (есть языки, которые во *всѣхъ* случаяхъ обходятся *безъ* средняго рода), то, понятно, приходилось ставить *женскій* родъ на низшую ступень сравнительно съ мужескимъ и пользоваться имъ въ случаѣ отнесенія *признаковыхъ* словъ къ такимъ »общимъ« понятіямъ, которыя въ *другихъ* случаяхъ, сами не получая *никакого* выраженія, вызывали появленіе *средняго* рода этихъ признаковыхъ словъ.

Итакъ, по нашему толкованію, *πρώτη*, появляющееся во фразѣ *πέπεισμαι τοῦϑ' ἱκαοὸν προλαβεῖν τὴν πρώτην*, точно также какъ русское *разсыпная*, является признаковымъ словомъ къ общему понятію, не получившему, однако, собственнаго выраженія. Да и кто станетъ въ женскомъ родѣ *πρώτη*, въ его именительномъ падежѣ, искать »обозначеніе самой *первоты*«? А разъ его не ищутъ въ *πρώτη*, то нечего добиваться его и въ именительномъ падежѣ *средняго* рода *πρῶτον*, т. е. нечего его добиваться въ *томъ* именительномъ падежѣ, *вещный* падежъ котораго, *наравнѣ* съ *πρώτην*, дѣйствительно *обозначаетъ* »первоту« (ибо *πρῶτον πλεῖν* и *τὴν πρώτην προλαβεῖν* только и можетъ быть понимаемо въ смыслѣ *сначала*), однако обозначаетъ ее въ силу своей *собственной* способности, дальше *не поддающейся* раскрытію, а потому и *заставившей* насъ принять формы *πρῶτον* и *τὴν πρώτην* за »нарѣчія«. Что слово *πρώτην* приняло къ себѣ *ὁ - ἡ - τό*, — надъ этимъ задумываться нечего. И вмѣсто *πρῶτον* можно было сказать *τὸ πρῶτον*, какъ и вмѣсто *τελευταῖον* говорятъ *τὸ τελευταῖον* и т. д. Слово *τὸ* въ данномъ случаѣ является »раздѣлитель-

нымъ« (ср. выше стр. 437—8) и вполнѣ приличествуетъ вещному падежу какъ совершенно *сознанному*; повторяемъ, *πρῶτον*, *μέγα* и т. д. причислены нами къ »нарѣчіямъ« не по невозможности опредѣлить (какъ этимологически, такъ и синтаксически) ихъ *падежъ*, а изъ за ихъ *субстантивности*.

Слѣдуютъ слова *ἀναστάδόν*, *ἀναφανδόν*, *διακριδόν*, *σχεδόν*, *μίγδα* и т. п. И это все — »нарѣчія«. Задаютъ себѣ вопросъ, происходятъ ли они отъ *существительныхъ*, или *признаковыхъ* именъ, и рѣшеніе этого вопроса клонится то въ ту, то въ другую сторону *). Подобные вопросы и ихъ рѣшенія, конечно, имѣютъ весьма важное значеніе для опредѣленія »мѣста *нахожденія*« нашего разряда словъ, но не имѣютъ *рѣшительно* никакого отношенія къ опредѣленію его какъ *части рѣчи*. Происходятъ ли »нарѣчія« отъ *признаковыхъ* словъ, или отъ *существительныхъ*, сами они *всегда* являются *существительными*. Мы только что убѣдились, что какое нибудь *μέγα*, а вмѣстѣ съ нимъ цѣлый рядъ другихъ словъ, какъ *φανερώτατα*, *βέλτιον* и т. д., хотя по внѣшнему своему виду совершенно *сходятся* съ *признаковыми* словами (во фразѣ *онъ пишетъ хорошо* слово »хорошо« *ясно* выступаетъ какъ *вещный* падежъ отъ признаковаго слова *хорошъ-а-о* **), однако ихъ *субстантивность*, притомъ субстантивность не въ смыслѣ разъясненій

*) Delbrück Grundr. III. 606: Waehrend die Entstehung der altindischen Absolutive auf *am* aus neutralen Abstractis sicher, die Entstehung der griechischen Formen *δην* (имѣются въ виду слова *ἐπιλίγδην*, *ἐπιστροφάδην*, *κλήδην*, *κρύβδην* и т. д.) aus femininischen Abstractis sehr wahrscheinlich ist, kann man hinsichtlich der Formen auf *δον* und *δα* zweifeln, ob sie aus Substantivis oder Adjectivis hervorgegangen sind. Mir erscheint das Erstere wegen der Analogie der Bildungen auf *am*, *δην* und *tim* wahrscheinlicher.

**) Въ греческомъ языкѣ, склонномъ больше, чѣмъ русскій языкъ, къ внутреннему объекту (ср. стр. 372), мы могли бы сказать *μεγάλην ἀδικίαν ἠδικήθη*. Выпустивъ *ἀδικίαν*, получаемъ *μέγ' ἠδικήθη*. Пока мы *μέγα*, въ *данной* фразѣ, чувствуемъ »признаковымъ словомъ, относящимся къ общему понятію, не имѣющему собственнаго выраженія«, — пока мы *μέγα* чувствуемъ въ смыслѣ какого нибудь *μέγα τι*, до тѣхъ поръ не теряется сознаніе »внутренняго объекта«. Но стоитъ отрѣшиться отъ слова *τι*, какъ исчезнетъ сознаніе »внутренняго объекта«, и на сцену выступаетъ, притомъ вполнѣ *ясно*, вещный простирательный: онъ былъ обиженъ, причемъ эта обида простирается на »великую« *степень*.

на стр. 194—5, а субстантивность, внесенная въ нихъ самимъ косвеннымъ падежемъ*), дѣлаетъ ихъ »нарѣчіями«.

Да. »нарѣчія« можно опредѣлить какъ »окаменѣлые« косвенные падежи, или *произведенные* отъ именъ существительныхъ (какъ *κουρίξ* и др.), или имѣющіе *сами по себѣ* субстантивный характеръ. Это опредѣленіе примѣнимо не только къ »нарѣчіямъ«, только что нами разобраннымъ, но и къ тѣмъ, на которыя мы наталкивались, когда отыскивали *частицы*. *Ἄρα* обозначало »въ *связи*** (съ этимъ), *εἰ–εἶτα* — »въ какомъ *случаѣ* — въ такомъ *случаѣ*«, *ἄν* — »какимъ нибудь *образомъ*«, *ἔμπης* — »во всякомъ *случаѣ*,***) *ὅμως* и *ἅμα* — »одинаковымъ *образомъ*« (въ одинаковое

*) — и *именно* косвеннымъ падежемъ; *именительный* падежъ сюда не подходитъ. Если бы мы сюда внесли *именительный* падежъ, то въ *немъ* субстантивность »нарѣчій« превратится въ субстантивность, разъясненную на стр. 194—95. Говоря вообще, *трудно* себѣ представить, чтобы какое нибудь »нарѣчіе« было именительнымъ падежемъ, да еще »*окаменѣлымъ*«. Дельбрюкъ (Grundr. III. 627) *приводитъ* нѣкоторые якобы »окаменѣлые« именительные падежи, правда греческаго ни одного. Какъ выглядятъ эти »окаменѣлые именительные падежи«, — самъ Дельбрюкъ, впрочемъ, относится къ нимъ довольно осторожно, — видно изъ того, что въ числѣ ихъ приводится русское *правда*, въ примѣрѣ »оно, *правда*, дорого да любо«, хотя, — замѣчаетъ Дельбрюкъ, — это *правда* eher eine Partikel, als eine Adverbium genannt werden kann. Конечно, *правда* не *есть* »нарѣчіе«. Но и — не »Partikel«. *Правда* есть *ономатическое предложеніе*, какимъ было слово »*пора*«, и другія на стр. 175. Въ немъ мы высказываемся о »предметѣ« (о мысли), выраженномъ *другимъ* предложеніемъ, въ которое само *правда* вставляется среди »паузъ«.

**) Однако, — скажетъ читатель, — выраженіе »въ связи« не есть косвенный падежъ *существительнаго*, а есть предлоговый оборотъ. По этому вопросу мы отсылаемъ возражающаго къ стр. 355: и предлоговый оборотъ можно въ *извѣстныхъ* случаяхъ трактовать какъ косвенный падежъ. Въ *данномъ* случаѣ *тѣмъ болѣе* нельзя смотрѣть на предлоговый оборотъ какъ на что нибудь особенное, такъ какъ косвенные падежи »нарѣчій« во *всякомъ* случаѣ ни качественно (они — гораздо фразеологичнѣе, чѣмъ косвенные падежи »неокаменѣлые«, т. е. больше приспособляются своимъ значеніемъ къ *извѣстной* конструкціи фразы), ни *количественно* (надобно полагать, что ихъ гораздо *больше* шести) *не сходятся* съ живыми падежами именъ существительныхъ. По этому только и остается во *многихъ* случаяхъ метафразировать ихъ при помощи предлоговъ, которые въ *этомъ* отношеніи, за неимѣніемъ другихъ средствъ, являются необходимыми замѣстителями самихъ падежей въ ихъ качественной обособленности и количественномъ излишествѣ.

***) Въ словѣ *ἔμπης* я вижу то же замѣненіе и »видоизмѣненіе« косвеннаго падежа, на которое мы только что указывали въ русскомъ выраженіи »*въ связи*«. По этому »видоизмѣненію« мы назвали выше »нарѣчіе« *ἔμπης* *сложнымъ* »нарѣчіемъ«.

время), тоι было *само по себѣ* именемъ существительнымъ, и хотя въ словахъ *ὅτε – ἀλλά – πότερα* трудно было проникнуть въ ихъ *несомнѣнный* вещный простирательный, тѣмъ не менѣе и въ немъ выражено нѣчто *похожее* на »какимъ способомъ — другимъ способомъ — какимъ изъ двухъ способомъ« (объ *ὅτι* мы здѣсь не упоминаемъ, считая достаточнымъ сказаннаго на стр. 491; кромѣ того *ὅτι* является само *по себѣ* существительнымъ), что же касается, наконецъ, словъ *οὖν–αὖ–ἔτι*, то къ нимъ, правда, *русскія* существительныя подобрать трудно, но ..... *Всякій* косвенный падежъ (да и не *только* косвенный) — мыслимъ *исключительно* либо въ *существительныхъ* именахъ (матеріальныхъ, или формальныхъ), либо въ *признаковыхъ* словахъ (матеріальныхъ, или формальныхъ). *Ἔτι–αὖ–οὖν* мы принимаемъ за *падежи*. Падежами *признаковыхъ* именъ они быть не могутъ; ибо тогда они должны бы быть еще отнесены къ какому нибудь существительному, находящемуся гдѣ то *помимо* самихъ словъ *ἔτι–αὖ–οὖν*. Такъ какъ къ нимъ существительнаго, или даже »общаго понятія, *не имѣющаго* собственнаго выраженія« никто искать *не станетъ*, то имъ только и остается быть *субстантивными* косвенными падежами или *вообще* »существительными«. Это соображеніе примѣнимо ко *всякому* »нарѣчію«, при толкованіи котораго нѣтъ подъ рукою русскаго »существительнаго«. Ни въ одномъ »нарѣчіи« не приходится искать »согласуемаго съ нимъ« существительнаго *помимо* него. Обыкновенно различаютъ »нарѣчія« *мѣста, времени, образа* дѣйствія или *способа*,*) *причины*. Нельзя сказать, чтобы этотъ *рядъ* различій былъ

---

*) Такъ и вышеприведенныя »нарѣчія« на *ϑον* и *ϑα* обозначаютъ *способъ*. Такъ, *σχεδόν* обозначаетъ: такимъ *способомъ*, что нѣчто *придерживается* (= *ἔχεται*) другого (= *приблизительно* = *почти* = »*такъ сказать*«). Однако, не противорѣчимъ ли мы себѣ? Мы утверждали выше, что глаголъ *не можетъ* быть родоначальникомъ »нарѣчія«, а теперь упоминаемъ о какомъ то *ἔχεται*. Да, но черезъ *ἔχεται* мы лишь толкуемъ *значеніе* слова *σχεδόν*. Выяснять его какъ substantiv'ный окаменѣлый косвенный *падежъ* мы его, конечно, не могли бы ни черезъ глаголъ *ἔχεται*, ни черезъ глагольное имя *ἔχεσθαι* или *σχεῖν*, а черезъ какое нибудь, хотя бы и *предполагаемое* только, *признаковое* или *существительное* слово, правда, »происходящее отъ *одного корня*« съ глаголомъ *ἔχομαι* и съ глагольнымъ именемъ *σχεῖν*.

полонъ. Ввести въ него полноту отказываемся и мы (это — задача *особая*, *крупная*, и разрѣшеніе ея зависитъ въ очень многихъ случаяхъ отъ бóльшаго, сравнительно съ теперешнимъ состояніемъ науки, пониманія *этимологіи* этого разряда словъ). Но, во всякомъ случаѣ, и въ этомъ *неполномъ* рядѣ различій — »нарѣчія« отмѣчены какъ *существительныя*. Разсуждающіе о »нарѣчіяхъ« *мѣста, времени* и пр. имѣютъ въ виду, конечно, выраженіе въ »нарѣчіи« не мѣста и времени какъ *общихъ* понятій, а *какого нибудь* мѣста и *какого нибудь* времени. А разъ ближайшее опредѣленіе общаго понятія и *само* общее понятіе выражены въ *одномъ* словѣ, — разъ ближайшее опредѣленіе *общаго* понятія мѣста и само *понятіе* мѣста выражено »нарѣчіемъ« (и *ἐν могло* указывать на мѣсто, но само *общее* понятіе мѣста, равно какъ и ближайшее его опредѣленіе выражено въ *другомъ* словѣ, съ которымъ *ἐν* соединяется; сравни фразу *въ полѣ*), то »нарѣчіе« должно быть тою частью рѣчи, къ которой относится прежде всего это *общее* понятіе, т. е. существительнымъ.

Заняться ли намъ теперь методическимъ установленіемъ »мѣста *нахожденія*« нашего разряда словъ, въ смыслѣ производства его отъ *другихъ* частей рѣчи? Это мнѣ представляется излишнимъ. То, что въ результатѣ получилось бы отъ подробнаго изслѣдованія »нарѣчій« въ *этомъ* направленіи, — извѣстно и по частямъ было *сообщаемо* нами. »Нарѣчія« происходятъ: 1. отъ существительныхъ, какъ матеріальныхъ (*γνύξ*), такъ и формальныхъ (*οὕτως*); 2. отъ признаковыхъ, какъ матеріальныхъ *простыхъ* (*μέγα*, *πολύ*; сюда входятъ и »нарѣчія«, происходящія отъ *счетной* части рѣчи,*) въ родѣ *ἑπτάκις* или *ἕπταχα* и т. д.), такъ и матеріальныхъ *глагольныхъ* (*ἠμελημένως*, *ἀρκούντως*), а также, конечно, формальныхъ (*τοσόνδε* = настолько). У насъ подъ рукою — полный списокъ *омировскихъ* »нарѣчій«, извлеченный изъ Ebeling'a Lex. Hom. Подробный разборъ этого списка по поставленному выше вопросу повелъ бы, однако,

---

*) Ср. стр. 206 и 354, въ особенности *подстрочныя* примѣчанія.

не къ нахожденію чего нибудь новаго сравнительно съ только что сообщеннымъ, а лишь къ постояннымъ недоумѣніямъ какъ относительно того, производить ли такое или иное »нарѣчіе« отъ *существительнаго* слова, или отъ слова *признаковаго*, такъ и относительно этимологизированія »нарѣчій« вообще, а эти недоумѣнія — не только въ *очень* многихъ случаяхъ неразрѣшимы, но и не заключаютъ въ себѣ *непосредственнаго* интереса для насъ. По этому сообщимъ изъ упомянутаго списка лишь то, что имѣетъ отношеніе опять таки болѣе къ опредѣленію »нарѣчія« какъ *части рѣчи*.

Какъ слово *εὖ* есть несомнѣнное »нарѣчіе« (вещный падежъ отъ признаковаго *ἠΰς–ἠΰ*), такъ, казалось бы, слѣдуетъ причислить къ »нарѣчіямъ« и противоположное по значенію *δυς* (насчетъ *этимологіи* слова *δυς трудно* что нибудь сказать). *Δυς*, впрочемъ, употребляется только въ *composit'ахъ*, тогда какъ *εὖ* встрѣчается и въ composit'ахъ (*εὐδαίμων*), и самостоятельно (*εὖ ἔχει*). Что это за composita? Это — не »составныя съ предлогами слова« въ родѣ *ἐπαινέω* и пр., въ которыхъ предлогъ переставалъ быть предлогомъ (см. стр. 340) и служилъ лишь для »оттѣненія значенія« самого *αἰνέω* (см. стр. 333), но и не тѣ ономаторимагическія composita въ родѣ *δημιουργός* и пр. (см. стр. 383), въ первой части которыхъ падежная форма этимологически не выдержана. Это — composita, въ которыхъ *εὖ* (*εὐπρεπής*), а слѣдовательно, надо думать, и *δυς* (*δυσπρεπής*) сохранили сполна свой *внѣшній* видъ (это мы говоримъ въ противопоставленіе словамъ *δημιουργός* и пр.), а также и свое значеніе какъ »нарѣчія« (это мы говоримъ въ противопоставленіе словамъ *ἐπαινέω* и пр.). »Нарѣчія«, т. е. субстантивные окаменѣлые косвенные падежи (иначе: косвенные *всевозможныхъ* оттѣнковъ падежи именъ *существительныхъ*), должны симасіологически дополнять собою *прежде* всего *признаковыя* слова, включая сюда и *глаголъ* (ср. стр. 409). Эту то роль на дѣлѣ и *исполняютъ* слова *εὖ* и *δυς* въ »composit'ахъ« (*εὐσεβεῖν* = въ хорошемъ *смыслѣ* проявлять *τὸ σέβεσθαι*: *δυσσεβεῖν* = въ дурномъ *смыслѣ* проявлять *τὸ σέβεσθαι*). Конечно, нѣкоторая *фразеологичность* словъ *εὖ*

и *δυς* (т. е. сочетаніе ихъ лишь съ *извѣстными* словами, даже такое, что *безъ* нихъ эти слова не появляются: такъ, простаго *πρεπής* не произносятъ, а произносятъ или *εὐπρε-πής*, или *δυσπρεπής*), *этимологическая* приспособленность къ нимъ того слова, съ которымъ они сочетаются (*простое* слово появляется въ видѣ *δαιμόνιος*, а въ сочетаніи съ *εὐ* или съ *δυς* выходитъ *εὐδαίμων–δυσδαίμων*), производство отъ нихъ и сочетающихся съ ними словъ *новыхъ λέξεις* (отъ *εὐγενής* образовано *εὐγένεια*), — все это заставляетъ насъ принимать *δυς вездѣ*, а *εὐ* въ тѣхъ случаяхъ, когда оно *подходитъ* подъ перечисленныя здѣсь условія, за *части* чего то цѣлаго т. е. за части *composit'овъ*. Во всякомъ случаѣ, одно изъ двухъ: или ихъ *нельзя* трактовать какъ отдѣльныя слова, а тогда имъ въ частяхъ рѣчи *совсѣмъ* нѣтъ мѣста, или это — отдѣльныя *слова*, а тогда ихъ нужно причислить къ »нарѣчіямъ«.*) За »нарѣчіе«, встрѣчающееся *тоже* только въ composit'ахъ, мы принимаемъ и *ἀρι***) (*ἀριπρεπής* и т. п.).

Ὄφρα–τόφρα суть два опирающіяся другъ на друга »нарѣчія« (одно изъ нихъ — относительное, а другое — соотносительное). Относительность и соотносительность, конечно, выражены въ *первой* части этихъ словъ (появленію *густаго* придыханія въ началѣ слова *ὄφρα* мѣшаетъ придыхательное *φ* въ *срединѣ* слова), а что касается *второй* ихъ части, то очень можетъ быть, что въ ней слѣдуетъ усматривать особое »нарѣчіе« *πέρα–ν*.***) Тогда бы все *ὄφρα–τόφρα* представляло собою compositum и обозначало бы: до какого »зарубежья« — до такого »зарубежья«.

---

*) Все это разсужденіе, конечно, вызвано словомъ *εὐ*, которое *часто* употребляется и *не въ composit'ахъ*.

**) *ἀρι* наши этимологи связываютъ съ признаковымъ словомъ *ἀρείων-ἄριστος* (Prellwitz Wörterb. sub voce *ἀρι*). Если мы *δυς* и *ἀρι* принимаемъ за »нарѣчія«, то послѣдовательность требуетъ и отрицательное *ἀ-ἀν-να-νη* принять за особое слово, причисливъ его, наряду съ *οὐ-μή*, къ отрицательнымъ *частицамъ*. Конечно, разница между нимъ и *οὐ-μή* будетъ та, что оно предназначено языкомъ *исключительно* для composit'овъ.

***) Что подъ вліяніемъ *ρ аспирируется* сосѣдній звукъ (въ данномъ случаѣ — звукъ *π*), это – тезисъ, постоянно повторяемый нашими этимологами. Prellwitz, впрочемъ (Wörterb. sub voce *ὄφρα*), усматриваетъ въ *ὄφρα* тотъ же корень, отъ котораго происходитъ и *φέρω*.

Что касается слова *ἵνα*, то этимологи о немъ спорятъ, но всѣ такъ или иначе приводятъ его въ связь съ *формальными* именами. Бругманъ (Grundr. II. 770) считаетъ его за instrumentalis отъ того же корня, отъ котораго происходитъ латинское is, славянское *его - ему* и греческое *μιν*. У Омира, какъ извѣстно, оно постоянно встрѣчается въ смыслѣ простороваго *гдѣ*. Что оно могло сдѣлаться и модальнымъ, выяснено на словѣ *πον* на стр. 512. Какъ модальное, оно, конечно, могло встрѣчаться и въ final'ныхъ контекстахъ (сравни объясненіе слова *ὅπως* на стр. 136).

Слова *ἕως* (*εἵως*, *ἧος*, *ἧμος*) - *τέως* (*τείως*, *τῆος*, *τῆμος*) — этимологически не *достаточно* ясны*). Случаи ихъ *употребленія* сводятся къ значенію »до какихъ предѣловъ — до такихъ предѣловъ«. Такимъ образомъ, это — опирающіяся другъ на друга »нарѣчія«, изъ которыхъ одно — относительное, а другое — соотносительное. Извѣстны — примѣры въ родѣ Il. *μ* 141: *οἱ δ' ἤτοι εἵως μὲν Ἀχαιοὺς ὄρνυον* (= пока = до поры — до времени). Мы видимъ здѣсь слѣды еще *самостоятельнаго*, *не*относительнаго употребленія темы *ya* (см. стр. 441). Впрочемъ, можетъ быть, что и *это εἵως* есть *относительное* (= до тѣхъ поръ, пока), опирающееся на невыраженное *соотносительное* слово и не имѣющее дальнѣйшаго *продолженія* въ рѣчи (ср. стр. 446-7). Извѣстно также, что *ἕως*, — но тогда уже *непремѣнно* въ *не*относительномъ смыслѣ, — дополняется

---

*) Prellwitz Wörterb.: *ἕως* = altindisches yāvat = uraltes Neutrum zu yāvant = wie weit reichend, gebildet aus Relativum ya (= *ὅς*) und dem Suffix vent — wos (= versehen *mit*; *χαρίεις* — form*osus*). Кстати, ad vocem *reichend*. Слово *reichend*, употребленное Prellwitz'омъ для выясненія значенія »нарѣчія« *ἕως*, оказывается словомъ *признаковымъ* (признаковымъ *глагольнымъ*). Мирится ли это съ нашимъ утвержденіемъ, будто »нарѣчія« суть *существительныя?* Отвѣчаемъ: Весьма часто косвенные падежи *существительныхъ*, дополняя собою *признаковыя* слова, превращаются въ *признаки* самихъ тѣхъ »предметовъ«, къ которымъ *дополняемыя* ими признаковыя слова *относятся*. На стр. 349, изъ фразы »эта работа сдѣлана топоромъ« выведена нами фраза »это — работа *топорная*«. Положимъ, во фразѣ »это — работа топорная« *исчезло* само признаковое слово, которое раньше дополнялось творительнымъ падежемъ *существительнаго*. Грекъ, *оставляя* признаковое слово, можетъ превратить косвенный падежъ существительнаго (respective — »*нарѣчіе*«) въ »*согласующееся*« слово. Извѣстны его выраженія *ἐξῆλθε θυραῖος*, *ἐφέστιοι ἱζόμεθα*, *τριταῖος ἦλθε* (= пришелъ на третій день) и т. д.

родовымъ падежемъ: *ἕως τριῶν πλοίων ἡ λειτουργία ἔστω* (Dem. 18. 106 = до предѣловъ трехъ судовъ*). Появленіе родоваго падежа *здѣсь* напоминаетъ намъ примѣры: *πόθεν γῆς* (= изъ какого *мѣста* земли); *πηνίκα τῆς ἡμέρας* (= въ какое *время* дня): *ἱκανῶς ἐπιστήμης* (= въ достаточной *степени*, или въ достаточномъ *количествѣ* знаній), *καλῶς πολέμου καθίστασθαι* (= находиться въ прекрасной *стадіи* войны); *πῶς ἔχεις δόξης* (каковъ *видъ* твоего мнѣнія); *ἡ τάξις εἶχεν ἄριστα σωμάτων* (= въ строю было лучшее *состояніе* »тѣлъ«) и т. д. Этотъ родовой падежъ — вполнѣ понятенъ: »нарѣчія«, какъ *существительныя*, должны *прежде* всего дополняться родовымъ падежемъ (сравни стр. 383).

Совершенно по пути слова *ἕως* пошли слова *ἄχρι* и *μέχρι*: *ἄχρι τινός* - *μέχρι τινός*; *ἐκέλευσε περιμένειν ἄχρις ἂν σχολάσῃ* (Xen. Anab. II. 3. 2) - *μέχρι δ' ἂν ἐγὼ ἥκω αἱ σπονδαὶ μενόντων* (Xen. Anab. II. 3. 24). Этимъ мы не хотимъ утверждать, что »нарѣчія« **) *ἄχρι* и *μέχρι* этимологически связаны съ *формальными* именами***), какъ то является, *несомнѣннымъ*, несмотря на нѣкоторыя затрудненія въ *частностяхъ*, относительно словъ *ἕως* - *τέως*. Это отсутствіе связи словъ *ἄχρι* и *μέχρι* съ формальными именами, и въ то же время употребленіе ихъ въ роли *относительныхъ* »нарѣчій«, только лишній разъ доказываетъ, что »*относительная*« роль словъ не была въ *первоначальномъ* планѣ у творцовъ языка, а что она развилась лишь *впослѣд-*

---

*) — собственно, выходя отъ »*первоначальнаго*« значенія темы *ya* (см. стр. 442), слѣдуетъ переводить »до *тожественности* съ треми судами«, а вышеприведенное *до поры — до времени* приходится замѣнить толкованіемъ »до *тожественности* (въ данномъ случаѣ до тожественности, относящейся къ *времени*) съ тѣмъ синтаксическимъ сказуемымъ, къ которому *ἕως* относится«. Такъ и на стр. 508. слово *οἷος*, если оно — »*неотносительное*«, обозначало: онъ *тожественъ*, по своимъ качествамъ, съ тѣмъ, чтобы то-то дѣлать = онъ, по своимъ качествамъ, *соотвѣтствуетъ* тому, чтобы то-то дѣлать.

**) Если *ἕως* принято за »нарѣчіе«, то имъ должно быть непремѣнно и *ἄχρι* - *μέχρι* (ср. стр. 317).

***) Насколько запутана этимологія словъ *ἄχρι*-*μέχρι* — видно у Ebeling'a Lex. Hom. — Prellwitz (Wörterb.) въ словѣ *μέχρι* усматриваетъ даже *μετ-χρι* (*μετά — χείρ*; daraus *ἄχρι*).

ствіи, какъ развилось лишь впослѣдствіи самое *чувство* потребности подчинять синтаксически одно выраженіе другому; иначе для »относительности« были бы созданы *особыя* слова, и языкъ не прибѣгалъ бы даже къ такимъ »нарѣчіямъ«, которыя, если мы выше не ошиблись, не имѣютъ *никакого* этимологическаго отношенія къ *обыкновеннымъ* относительнымъ словамъ.

Что касается слова *νῦν*, то это, думаемъ мы, — *вещный падежъ*, — такой же вещный падежъ, какимъ было *οὖν* (ср. стр. 446). Этимологически оно соотвѣтствуетъ латинскому *nunc*. Появленіе въ окончаніи *латинскаго* слова звука *c*, напоминающаго собою форму hunc, прямо показываетъ, что въ nunc, а слѣдовательно и въ греческомъ *νῦν*, мы имѣемъ дѣло съ падежемъ *формальнаго* имени. Какого? Трудно на это отвѣтить. Очень можетъ быть, что языкъ, для указанія на *временное* отношеніе, счелъ нужнымъ создать *особую* »формальную« тему. *Νῦν* обозначаетъ »въ настоящее *время*«. Если *νῦν* указываетъ на переходъ къ *новому* (*νῦν δέ* = а *теперь*, чтобы перейти къ *новому*); если оно обозначаетъ иногда »слѣдствіе« (*теперь*, послѣ всего сказаннаго, можно утверждать то-то); если оно принимаетъ на себя роль »утвердительнаго« нарѣчія*) (и *русское* выраженіе »по *настоящему*« указываетъ не на *время*, а на *дѣйствительность***), то это все — вполнѣ понятныя метафоры одного и того же »*первоначальнаго*« значенія.

Отъ подробнаго изслѣдованія вопроса о »мѣстѣ *нахожденія*« нарѣчій мы раньше отказывались. Въ общемъ, — говорили мы, — это »мѣсто нахожденія« — извѣстно и сообщено, а *подробности* его опредѣленія ввели бы насъ въ непреодолимыя, нашего дѣла непосредственно *не касающіяся* затрудненія. Не сообщили мы только *одного* по данному вопросу. Оказывается, что родоначальниками »на-

---

*) Да, именно »нарѣчія«, а не частицы; сравни сказанное о *модальныхъ* »нарѣчіяхъ« на стр. 512.

**) Во всѣхъ этихъ метафорическихъ значеніяхъ оно можетъ дойти до »*ослабленнаго*« (относительно ударенія и степени *выразительности* значенія) *νῦν* и *νυ*.

рѣчій« служатъ и *предлоги.*. Остановимся на этихъ »нарѣчіяхъ«, конечно, опять таки больше изъ-за опредѣленія »нарѣчій« какъ *части рѣчи.* Изъ омировскаго словаря относятся сюда слѣдующія слова.

Πρῴ (вещный падежъ *женскаго* рода; см. стр. 517-7), *πρωΐ, πρωϊζά, ἀπόπροθι - ἀπόπροθεν**), *πρόσσω - πόρρω***), *πρόσθεν - πρόσσοθεν.* Въ эту группу »нарѣчій« мы относимъ и *πρίν* и *πάρος* (*πάροιθεν - προπάροιθεν*), хотя отнесеніе ихъ сюда оправдывается больше одинаковостью ихъ *значенія.* и трудно настаивать на ихъ *этимологической* связи съ предлогомъ *πρό.*

Ἐκτός, ἔκτοθι, ἔκτοθεν, ἔκτοσθεν, ἔκτοσε, ἔξω.

*Ἀντίον-ἀντία, ἄντα, ἄντην, ἄναντα-εἴσαντα-ἔναντα-πάραντα.****)

Ἔνδον, ἔνδοθεν, ἔνδοθι, ἔνθα, ἐνθάδε, ἔνθεν, ἐνθένδε, ἐνταῦθα-ἐντεῦθεν, †) *ἐντός.*

---

*) Въ сущности, *ἀπόπροθι - ἀπόπροθεν* произошло не отъ *простаго πρό*, а отъ комбинированнаго *ἀποπρό*, — комбинированнаго аналогично словамъ *παρέξ, ὑπέξ* и др. (см. стр. 249 подстрочное примѣчаніе).

**) Brugmann (Grundr. I. 191) возводитъ *πρόσσω* къ *προτίω* и черезъ *προτίω* къ предлогу *πρός.* Curtius (Grundz. 284) приводитъ въ связь и *πρόσσω* и *πόρρω* къ предлогу *πρό.* Prellwitz (Wörterb.), *отличая πόρρω* отъ *πρόσσω*, первое находитъ связаннымъ съ словомъ *πορεῖν*, а второе возводитъ, какъ Бругманъ, къ *πρός.* По моему, значенія словъ *πρόσσω* (*πόρρω* есть только этимологически *видоизмѣненное πρόσσω*) и *πρός* — такъ далеки другъ отъ друга, что *трудно* согласиться съ Бругманомъ. Не находится ли *πρόσθεν* и *πρόσσω* въ *такомъ* этимологическомъ отношеніи къ *πρό*, какъ *ὄπισθεν* и *ὀπίσσω* — къ *ὀπι[θεν]*?

***) Усматривать ли намъ въ *ἄναντα-εἴσαντα-ἔναντα-πάραντα сложныя* »нарѣчія«, какъ мы ихъ усматривали въ *εἰσαῦθις* и *ἐξαῦτις* (тогда бы *ἄντα* представляло собою косвенный падежъ, *зависящій* отъ предлоговъ *ἀνά-ἐν-εἰς-παρά = на* обращенную ко мнѣ сторону, *въ* обращенную ко мнѣ сторону, *обходя* обращенную ко мнѣ сторону), или предлоги *ἀνά* и пр. только »*усиливаютъ*« и »видоизмѣняютъ«, какъ *первая* часть composit'овъ, значеніе *второй* ихъ части (послѣднее мы видѣли выше въ *ἀπόπροθεν*, на стр. 509 въ *ἐξέτι*, а на стр. 333-40 въ очень *многихъ* »составныхъ съ предлогами словахъ«)? Трудно здѣсь рѣшиться на что-нибудь *опредѣленное.* Окончательное значеніе самихъ *ἄναντα-εἴσαντα* и пр. допускаетъ и тотъ, и другой процессъ композиціи.

†) *ἐνταῦθα* и *ἐντεῦθεν* представляютъ собою *несомнѣнныя* composita, причемъ въ *ἐνταῦθα* мы должны видѣть »*сложное* нарѣчіе« (= въ этомъ мѣстѣ), а въ *ἐντεῦθεν* предлогъ *ἐν* только лишь »видоизмѣняетъ« значеніе *второй* части composit'a (= отсюда, *извнутри*). Въ сущности, они не относятся даже сюда; это, собственно, — »нарѣчія« отъ формальнаго имени *οὗτος-αὕτη-τοῦτο.*

Εἴσω, *ἄνω*, *κάτω* (образованы, какъ *ἔξω*).
Ἐφύπερϑεν–καϑύπερϑεν.
Μεταξύ и *μέσφα* (?).*)
Ὕπαιϑα.

Сюда же мы отнесемъ и *ὀπίσσω*, *ὄπι(σ)ϑεν*, *κατόπισϑεν*, *μετόπισϑεν*, *ἐξόπισϑεν*, *ὄψε*. Этимологія этой группы словъ — очень темна (см. Ebeling Lex. Hom.), и основываться на ней не приходится. Замѣчательно то, что въ греческомъ языкѣ не отыскивается никакого *собственнаго* предлога, который бы указывалъ на направленіе, противоположное направленію предлога *πρό*. Русскій языкъ имѣетъ свое »за« (*за* кѣмъ = *сзади* кого нибудь), греческій же языкъ, употребляя наряду съ предлогомъ *πρό* »нарѣчіе« *πρόσϑεν-ἔμπροσϑεν*, въ *противоположномъ* направленіи располагаетъ *только* »нарѣчіями« *ὄπισϑεν*, *κατόπισϑεν* и т. д. Отнесеніемъ этихъ »нарѣчій« въ одну группу съ »нарѣчіями« *ἐντός*, *ἐκτός*, *εἴσω* и пр. мы хотѣли дать надлежащее выраженіе тому предположенію, что, быть можетъ, и *эти* »нарѣчія« имѣютъ родоначальникомъ какой нибудь, — однако, вышедшій уже изъ употребленія, — предлогъ, соотвѣтствовавшій русскому *за*.**)

Таковы — »нарѣчія«, происходящія отъ *предлоговъ*. Какъ видно, всѣ они имѣютъ или мѣстное, или временное значеніе, что имъ вполнѣ приличествуетъ, такъ какъ сами *предлоги* первоначально были придуманы для обозначенія всевозможныхъ мѣстныхъ и (заодно съ этимъ) временныхъ отношеній. Нельзя сказать, что предлоги превращаются въ

*) Curtius Grundz. 332: Ob *μέσφα* zu *μέσσος* oder zu *μετά* gehört, ist nicht zu entscheiden. Если бы *μέσφα* было связано этимологически съ *μετά*, то, конечно, *μέσφ' ἠοῦς ἠριγενείης* (Il. ϑ 508) обозначало бы: до сосѣдства съ зарею.

**) Не знаю, что дѣлать съ *ἄψ* и *ἄφαρ*. Слово *ἄψ* Бругманомъ (Grundr. II. 589) *отождествлено* съ латинскимъ abs-ab. Тогда бы это былъ *предлогъ* и странно было бы, почему *ἄψ* никогда не дополняется падежемъ. Я склоняюсь болѣе къ мнѣнію Düntzer'a (Neue Jahrbücher für Philologie 1869 стр. 489), отождествляющаго его съ »нарѣчіемъ« *αὖ*. Что же касается слова *ἄφαρ*, то мнѣнія относительно его происхожденія — разнообразны. Если я *понимаю* слово *ἄφαρ*, то оно есть *compositum* изъ предлога *ἀπό* и »нарѣчія« *ἄρα*: *ἄφαρ* значитъ »отсюда (*ἀπό*) въ *связи*« = отсюда *дальше* (вслѣдъ за тѣмъ = сейчасъ).

»нарѣчія« *непосредственно.* Они при этомъ, такъ сказать, должны пройти черезъ *признаковую* категорію словъ, и, такимъ образомъ, и здѣсь, въ сущности, »нарѣчія« въ своемъ образованіи *не уклоняются* отъ *первоначально* высказаннаго нами положенія, по которому родоначальниками »нарѣчій« могутъ быть *только* или существительныя, или *признаковыя* слова: если ἐν обозначало *въ* (русское *въ*, вотъ настоящій предлогъ, а не *внутри*; слово *внутри* есть уже »нарѣчіе«, притомъ *сложное*; ср. наше разсужденіе по поводу слова *около* на стр. 233), то ἐντός обозначаетъ »*во внутреннемъ* (*признаковое* слово!) *мѣстѣ*«.*) Если ἐν, — русское *въ*, — искало, для оправданія своего появленія въ рѣчи, какого-нибудь обозначенія *предмета*, притомъ въ такомъ его падежѣ, который бы своимъ спеціальнымъ значеніемъ такъ или иначе не только *соотвѣтствовалъ* значенію предлога (ср. стр. 265), но и помогалъ самому *предлогу* въ установленіи *его* значенія,**) то слово ἐντός, при его значеніи *во внутреннемъ мѣстѣ*, представляетъ собою нѣчто болѣе *законченное*, — такъ же законченное, какъ выраженіе »*въ комнатѣ*«. При этомъ, конечно, не исключается возможность искать *дальнѣйшаго* отвѣта на вопросъ »во внутреннемъ мѣстѣ чего?«, точно также какъ не исключается возможность искать дальнѣйшаго отвѣта на вопросъ »*въ комнатѣ чьей?*«. Отвѣтъ на этотъ вопросъ получается черезъ симасіологическое дополненіе *существительныхъ*, т. е. черезъ *родовой* падежъ.

Да, *всѣ* приведенныя »нарѣчія«, которыя произошли отъ предлоговъ, или совсѣмъ не дополняются падежами,

---

*) Конечно, слово *внутреннемъ* представляетъ собою *логическое опредѣленіе* по отношенію къ слову *мѣстѣ*, а какъ логическое опредѣленіе, оно въ соединеніи съ самимъ »опредѣляемымъ« служитъ для *обозначенія* предмета, составляя съ нимъ, какъ бы, *одно* слово (ср. стр. 189), а потому и *можетъ* быть замѣнено *однимъ* словомъ, разумѣется *существительнымъ*, хотя бы и »окаменѣлымъ« (во внутреннемъ мѣстѣ = »въ *нутри*«).

**) Къ самому *ἐν данное* замѣчаніе не имѣетъ отношенія, но *русское* »въ«, точно также какъ и много *греческихъ* предлоговъ, *находитъ* поддержку въ падежахъ при установленіи его *собственнаго* значенія (*въ школу* значитъ одно, а въ школѣ — другое). На это, впрочемъ, постоянно указывалось въ *четвертомъ* отдѣлѣ нашего изслѣдованія.

а если дополняются, то — *родовымъ* падежомъ (*ὄψε τῆς ὥρας, ἐντός τινος* и пр.). И если бы у насъ не было другого мотива *различать* предлоги отъ »нарѣчій«, то и этого мотива вполнѣ достаточно для того, чтобы *отказаться* отъ мысли о »нарѣчности« предлоговъ, — по крайней мѣрѣ въ *принципѣ*. »Нарѣчія«, какъ *существительныя*, дополняются *родовымъ* падежемъ, а предлоги — разными падежами. А потому *не могутъ* быть »нарѣчіями« : *ἐν, εἰς, σύν, μετά, πρός, παρά, κατά, ἀνά, ἀμφί, περί, ἐπί, ὑπέρ, ὑπό, διά*. *Данный* мотивъ не мѣшаетъ быть »нарѣчіями« только словамъ *ἐξ, ἀπό, πρό* и *ἀντί*, причемъ, конечно, ту genitiv'ную форму, которую мы при *ἐξ* и *ἀπό* толковали въ смыслѣ *удалительнаго* падежа, пришлось бы принять за *родовой* падежъ. Но, разъ мы признаемъ предлоги въ *принципѣ*, то *ἐξ, ἀπό* и *πρό* являются такими необходимыми звеньями въ рядѣ *симасіологическихъ* оттѣнковъ, достигаемыхъ другими, *несомнѣнными* съ *данной* точки зрѣнія предлогами, что безъ нихъ *какъ* предлоговъ обойтись нельзя было. Какъ могъ языкъ, образовавшій предлогъ *εἰς*, не образовать предлога *ἐξ?* Какъ могъ языкъ, образовавшій предлогъ *ἐπί*, не образовать предлога *ἀπό?* Какъ могъ языкъ, образовавшій столько предлоговъ для болѣе *детальныхъ* оттѣнковъ, не образовать предлога для такого *примитивнаго* оттѣнка, какой выраженъ въ словѣ *πρό* (раньше мы высказали предположеніе, что въ греческомъ языкѣ существовалъ предлогъ и для противоположнаго слову *πρό* оттѣнка; этотъ предлогъ могъ, конечно, впослѣдствіи исчезнуть въ силу стремленія языка *сократить* свои средства). Единственное слово, о которомъ съ *данной* точки зрѣнія можно спорить, »нарѣчіе« ли оно, или предлогъ, это — слово *ἀντί* (*его* оттѣнокъ — довольно сложный). Мы, имѣя въ виду то обстоятельство, что *ἀντί*, наравнѣ съ предлогами, вошло въ composita, перечисленныя на стр. 330–340 (»нарѣчія« *не вошли* бы въ такія composit'а), считаемъ и *ἀντί* за предлогъ.*)

---

*) Къ сожалѣнію, и *эта* точка зрѣнія не даетъ намъ никакого ключа къ разрѣшенію вопроса о »нарѣчности« или ненарѣчности словъ *ἄνευ*, *ἄτερ*

А слово *ἅμα?* Его мы объявили за »нарѣчіе«,*) а между мъ оно дополняется, по *нашему* толкованію, *личнымъ* дежемъ. Только что мы говорили, что »нарѣчія«, происхоящія отъ предлоговъ, должны пройти черезъ *признаковую* тегорію словъ, чтобы *сдѣлаться* »нарѣчіями«. И »нарѣчія«, оисходящія непосредственно отъ *признаковыхъ* словъ, *таются* въ *первой* своей половинѣ *признаковыми* словами. сли *ἅμα* обозначаетъ »въ *одинаковое* время«, и *ἅμ' ἠοῖ φαινομένῃ*, сообразно съ этимъ, слѣдуетъ толковать черезъ *ъ одинаковое съ появленіемъ зари время«*, то отъ *какой* сти слова *ἅμα* зависитъ личный падежъ? — отъ приаковой, или отъ субстантивной? Конечно, отъ *признаовой*, и въ этомъ смыслѣ мало ли какимъ падежемъ можетъ ополняться даже »нарѣчіе«. Сравни: *ἔξοχον ἡρώεσσιν* (Il. 483 = выдающимся *среди такихъ то лицъ* способомъ; *ѣстный* падежъ); *ἑωυτῷ ἀρεστῶς ὠρχέετο* (Herod. 6. 129 = равящимся *ему* способомъ; *личный* падежъ) и т. д. Могутъ стрѣтиться и *предлоговые* обороты: *εὐνοικῶς εἴς τινα* (миостивымъ *къ кому* способомъ) и пр.

Вотъ все, что мы могли сказать о »нарѣчіи«. Само ово »нарѣчіе« есть переводъ греческако *ἐπίρρημα* и ланскаго adverbium. Терминомъ *ἐπίρρημα* греки хотѣли бозначить, что обнимаемая имъ часть рѣчи по смыслу инадлежитъ къ глаголу, т. е. симасіологически дополняетъ бою глаголъ (*ἐπίρρημα δυνάμει ἐστὶ ῥήματος ἐπιθετικὴ ντaξις* — Apoll. Dysc. de construct. I. 18). Такимъ обраомъ, если слово *ῥῆμα* мы переводимъ черезъ *глаголъ*, то *πίρρημα* должно бы быть переведено черезъ слово »приаголіе«. Конечно, »нарѣчіе« на дѣлѣ оказывается вовсе приглаголіемъ, а *субстантивною окаменѣлостью и ко-*

жка (см. стр. 317). Для предлоговъ они представляются намъ слишкомъ *нными*. Слово *ὡς* (*ὡς βασιλέα* = малорусское *до царя*) по *данному* мотиву зывается *предлогомъ*.

*) Delbrück Grundr. III. 629-31: Aus dem Griechischen sind eine ahl von Formen auf *α* zu nennen, von denen man nicht weiss, ob sie dem *sativ pluralis* oder dem *Instrumental singularis* angehören. Затѣмъ Дельъ приводитъ цѣлый списокъ словъ въ родѣ *ὦκα, σάφα, θάμα;* въ числѣ поставлено и *ἅμα*.

свенымъ падежемъ, дополняющимъ собою *всякое* признаковое слово, включая сюда и глаголъ, а въ другихъ случаяхъ относящимся и къ цѣлому синтаксическому сказуемому, какъ то можетъ случиться и съ живыми падежами существительныхъ.

»Все это — хорошо, только одно — непонятно и требуетъ объясненія« — сказалъ бы Платоновскій Сократъ. »Что значитъ *окаменѣлость*? Не то ли было задачею всего нашего изслѣдованія, чтобы всякое слово, всякая его форма получили надлежащее свое *значеніе*, чтобы это значеніе *живо* было понимаемо въ той его роли, какую оно исполняетъ въ рѣчи, какъ выраженіи мысли, чтобы тамъ, гдѣ слово или форма *удалились* отъ своего первоначальнаго положенія въ языкѣ и черезъ то нѣсколько были затуманены, было раскрыто это ихъ первоначальное положеніе и *также* было понимаемо *живо* не только *само*, но и все *дальнѣйшее* развитіе словъ и формъ, т. е. вся *исторія* ихъ жизни, — весь *переходъ* отъ первичнаго ихъ состоянія къ послѣдующимъ и послѣднему, словомъ, — чтобы нигдѣ »окаменѣлостей« *не было*, а теперь онѣ вдругъ появляются въ качествѣ какого то выручающаго средства, доказывающаго, если не непослѣдовательность, то во всякомъ случаѣ *незаконченность* нашей теоріи? Съ другой стороны, если мы признаемъ окаменѣлыя существительныя, то не слѣдуетъ ли признавать и окаменѣлые глаголы? Если *тоі* у насъ было объявлено за »окаменѣлое« существительное, между прочимъ, потому, что при употребленіи его рѣчь не считается съ *числомъ* слушателей, къ которымъ мы обращаемся, то не слѣдуетъ ли принять за »окаменѣлые глаголы« слова *ἄγε*, *φέρε*, ἴθι, русскія *пусть*, *пускай*, *пожалуй*, *знай*, *вѣдь*, *небось*, которыя *также* употребляются не только *безъ* отношенія къ самому *числу* собесѣдниковъ, но и, — это можно сказать и о словѣ *тоі*, — *вообще* безъ отношенія къ собесѣдникамъ?«

Сократъ — правъ. И не будь у насъ этихъ »окаменѣлостей«, то число частей рѣчи *сократится*. Тогда придется различать только глаголы, существительныя слова

признаковыя слова, счетную часть рѣчи *внѣ* связной рѣчи (счетъ не есть *рѣчь*), — въ *связной* рѣчи и она войдетъ въ признаковыя слова, — а затѣмъ, въ качествѣ болѣе *служебныхъ* частей рѣчи, — предлоги и частицы. Но безъ »окаменѣлостей« *пока* обойтись нельзя. »О нихъ придется поразсудить когда нибудь въ другой разъ«, — такъ закончилъ бы Платонъ свой діалогъ, если бы его Сократъ былъ въ недоумѣніи. Такъ заканчиваемъ и мы.

Да, о »нарѣчіяхъ« придется поразсудить въ другой разъ, но когда? Чтобы »нарѣчія«, чтобы »окаменѣлости« исчезли, для этого придется еще *много* потрудиться этимологамъ, но непремѣнно въ союзѣ съ симасіологами, иначе легко потерять *почву* подъ ногами. Интересно бы напр. узнать, насколько въ какомъ нибудь *ἐξαῦτις* или *ἔμπης*, — насколько въ *сложныхъ* нарѣчіяхъ падежи соотвѣтствуютъ или не соотвѣтствуютъ шести косвеннымъ падежамъ именъ, и нѣтъ ли въ сложныхъ »нарѣчіяхъ« какихъ нибудь *новыхъ* падежей, быть можетъ, своимъ значеніемъ *болѣе* соотвѣтствующихъ значенію самихъ тѣхъ предлоговъ, которые съ ними соединяются? . . . . .

УКАЗАТЕЛЬ

греческихъ текстовъ, приведенныхъ въ изслѣдованіи.*)

---

*) Такъ какъ во время печатанія книги не было у меня подъ рукою самихъ текстовъ, то цитаты приведены не вездѣ съ надлежащею точностью. Конечно, несоблюденіе точности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ касается лишь второстепенныхъ вопросовъ, не имѣющихъ непосредственнаго отношенія къ тому, что цитатою должно быть подтверждено. Въ случаяхъ, гдѣ въ изслѣдованіи цитата неправильно помѣчена, я прибѣгаю въ настоящемъ указателѣ къ курсиву, или къ скобкѣ для исправленія допущенной въ изслѣдованіи ошибки.

**) Въ изслѣдованіи сказано *καὶ τούτοις ὅμοια* вмѣсто *καὶ τὰ τούτοις ὅμοια.*

Herodotus.

*) Въ изслѣдованіи сказано *ἐκ τῆς ὑμετέρας εἰς τὴν ἡμετέραν* вмѣсто *ἐκ τῆς ὑμετέρης εἰς τὴν ἡμετέρην.*

**) Въ изслѣдованіи сказано *ἵξοντο* вмѣсто *ἵζοντο.*

*) Въ изслѣдованіи напечатано *ἀμφὶ τ' κύματα* вмѣсто *ἀμφὶ τε κύματα.*

*) Въ изслѣдованіи напечатано *αἰπόλῳ* вмѣсто *οἰοπόλῳ*.

*) Мѣсто Od. μ 45 въ изслѣдованіи неправильно повторено на стр. 361 и должно быть оттуда вычеркнуто.

**) Въ изслѣдованіи сказано *ἀλευσάμενοι* вмѣсто *ἀλευάμενοι*.

***) Въ изслѣдованіи напечатано *ἶξον* вмѣсто *ἷζον*.

*) Въ изслѣдованіи напечатано *φθίωσι* вмѣсто *φθίωσι*.

*) Въ изслѣдованіи сказано *τὸν βίον ἐμαυτοῦ* вмѣсто *τὸν βίον τὸν ἐμαυτοῦ*.

**) Въ изслѣдованіи пропущено въ самомъ началѣ цитаты слово *δόσις* (*θεῶν μὲν εἰς ἀνθρώπους δόσις* и т. д.)

*) Въ изслѣдованіи напечатано *ἀποκτονοῦντε* вмѣсто *αὐτοκτονοῦντε*.

*) Въ изслѣдованіи сказано ξυνεργαζόμενοι вмѣсто ξυνειργασμένοι.

М. Сперанскій.

ЗАМѢТКИ О РУКОПИСЯХЪ

БѢЛГРАДСКИХЪ И СОФІЙСКОЙ БИБЛІОТЕКЪ.

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКІЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА
1898.

Печатано по опредѣленію конференціи Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко 12-го Апрѣля 1898 г.

Директоръ *Ф. Гельбке.*

СОДЕРЖАНІЕ.

ЗАМѢТКИ О РУКОПИСЯХЪ БѢЛГРАДСКИХЪ И СОФІЙСКОЙ БИБЛІОТЕКЪ.

Воспользовавшись вакаціоннымъ временемъ лѣтомъ 1897 года, я предпринялъ поѣздку по юго-славянству. Цѣлью этой поѣздки, между прочимъ, были занятія рукописнымъ и печатнымъ матеріаломъ въ библіотекахъ Сербіи и Болгаріи. Особенно привлекала мое вниманіе Народная библіотека въ Бѣлградѣ, съ которой я былъ уже нѣсколько знакомъ раньше и богатства которой могъ уже оцѣнить въ прошлую поѣздку въ Сербію. Это — самая богатая изъ всѣхъ юго-славянскихъ библіотекъ, но такъ же, какъ и остальныя, мало разработанная: мѣстные ученые, занятые иными научными вопросами, преимущественно мѣстнаго характера, мало интересуются вопросами по старой общей юго-славянской и русской литературамъ, если не считать трудовъ Ст. Новаковича, Н. Дучича и болѣе старыхъ ученыхъ, теперь уже скончавшихся, Янка Шафарика, Ю. Даничича и др.; богатое собраніе рукописей, до 600 номеровъ [1]), не имѣетъ даже сноснаго каталога: инвентарная опись въ теченіе многихъ лѣтъ велась библіотекарями и по разному плану и разнаго достоинства, смотря по знаніямъ и интересу библіотекарей, въ общемъ представляя довольно порядочную смѣсь и цѣлый рядъ недомолвокъ и прямо ошибокъ [2]). Такимъ образомъ, главными, такъ сказать, потре-

---

[1]) Послѣдній изъ отмѣченныхъ мной въ записной книжкѣ нумеръ 590-й.

[2]) Теперь, съ назначеніемъ на должность втораго библіотекаря Г. С. Джорджевича, ученика И. В. Ягича, дѣло пойдетъ, надо надѣяться, лучше.

бителями рукописнаго матеріала общаго характера являются заѣзжіе ученые, преимущественно русскіе, которые, дѣйствительно, находятъ тамъ не мало всякій для себя интереснаго матеріала. Къ числу этихъ „потребителей“ принадлежу и я. Въ прошлую поѣздку собрано было мною не мало матеріала по интересующимъ меня вопросамъ, но еще больше осталось намѣченнаго, чего изслѣдовать я не имѣлъ времени. Цѣлью вторичнаго посѣщенія и было дополнить, насколько возможно было въ короткое время, проведенное мною въ Бѣлградѣ (въ общемъ около 1 1/2 мѣсяца), то, что начато было раньше. Поэтому, въ своемъ отчетѣ я считаю себя въ правѣ привлекать частью и тѣ матеріалы, которые собраны были раньше. Другая бѣлградская библіотека—это библіотека Академіи наукъ, унаслѣдовавшая собраніе рукописей и книгъ отъ прекратившаго свое существованіе Сербскаго Ученаго Дружества. Коллекція въ послѣднее время немного увеличилась собраніемъ рукописей и бумагъ Вука Караджича: это—жалкіе остатки того собранія Вука, которое легло въ основу берлинскаго собранія славянскихъ рукописей, довольно уже извѣстнаго въ наукѣ. Главный же интересъ въ этомъ пріобрѣтеніи составляетъ переписка Вука Караджича, дающая, даже при бѣгломъ осмотрѣ, много интереснаго для исторіи нашихъ научныхъ сношеній съ славянствомъ за нынѣшнее столѣтіе.

Вторымъ пунктомъ, гдѣ я сосредоточилъ свои занятія, была библіотека Софіи. Свѣдѣнія о ней впервые, болѣе или менѣе обстоятельныя, даны въ отчетѣ о путешествіи по Болгаріи Ѳ. И. Успенскаго [1]). Всего здѣсь по рукописному каталогу числится около 300 №№, но рукописей здѣсь гораздо меньше: старопечатныя книги и рукописи помѣщены подъ общую нумерацію; каталогъ еще меньше внушаетъ довѣрія, нежели бѣлградскій. Несмотря на недавнее время возникновенія софійской библіотеки, ей уже удалось собрать довольно много цѣннаго: достаточно упомянуть про извлеченные уже

[1]) Византійскій временникъ, IV, вып. 1—2, стр. 26—36; въ извлеченіи: „Български прѣгледъ“, 1897, VII, 131 и сл.

П. А. Лавровымъ оттуда матеріалы [1]), про синодикъ царя Борила, поступившій послѣ смерти Палаузова въ библіотеку [2]), небезъинтересные матеріалы были извлечены и мною.

Есть въ Болгаріи еще публичная библіотека, обладающая собраніемъ рукописей—это въ Пловдивѣ (Филиппольѣ), но по отношенію къ ней пришлось ограничиться тѣми немногими свѣдѣніями, которыя сообщаетъ въ своемъ отчетѣ Ѳ. И. Успенскій, несмотря на предпринятую мною поѣздку туда [3]). Считаю долгомъ своимъ упомянуть объ этомъ, для предупрежденія подобной же неудачи съ другими учеными, кому вздумается посѣтить эту библіотеку: несмотря на торжественно висѣвшую на дверяхъ библіотеки надпись, что *„библиотека отворена“*, оказалось, что рукописями заниматься нельзя: г. директоръ библіотеки уѣхалъ въ отпускъ, заперъ шкафъ съ рукописями, взялъ съ собой ключъ, забывъ передать его своему „поддиректору“. Какъ понять это? Или это правда: въ такомъ случаѣ—не безполезное указаніе на порядки. Или же это своего рода „переживаніе“, котораго примѣры часты въ Болгаріи до сихъ поръ,—страхъ и уклончивость, унаслѣдованная вѣками, передъ „чужакомъ“, недовѣріе къ нему? Во всякомъ случаѣ фактъ печальный, особенно для этого чужака, проѣхавшаго не одну сотню верстъ только для того, чтобы полюбоваться на корешки рукописей, сквозь стекло шкафа въ директорскомъ кабинетѣ! Какъ бы то ни было, отсутствіе въ моемъ отчетѣ свѣдѣній о пловдивскихъ рукописяхъ находитъ себѣ объясненіе въ этомъ фактѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ обозрѣнію матеріаловъ, считаю нужнымъ присовокупить нѣсколько словъ о планѣ отчета: я держусь по возможности плана простого описанія рукописей, находя, что и такой перечень матеріала, заключающагося въ рукописяхъ, мною пересмотрѣнныхъ, хотя не вездѣ изучен-

1) Поученіе воеводы Нѣгоя (Чтенія Общ. ист. и др. 1896 г. № 4), евангеліе Ѳомы (см. мои Апокриѳ. Евангелія, стр. 128).

2) Готовится къ изданію цѣликомъ въ Извѣстіяхъ Русскаго Константинопольскаго археолог. института; см. отчетъ Ѳ. И. Успенскаго (выше).

3) Это было въ послѣднихъ числахъ іюля.

ныхъ детально, можетъ быть не лишнимъ въ смыслѣ простого указанія. При этомъ наиболѣе важные и интересные тексты привожу или вполнѣ, или въ выпискахъ, сопровождая ихъ замѣчаніями. Начинаю съ Бѣлграда, съ Народной библіотеки.

I.

Въ 1894 году вышли первые два выпуска Григоровичева *Паримейника*, изданные Р. Ѳ. Брадтомъ. Тогда же самый подборъ текстовъ, принятыхъ въ изданіе Р. Ѳ. Брандтомъ, возбудилъ мое вниманіе; не вполнѣ удовлетворилъ меня и способъ изданія самого текста: въ ряду 14 рукописей, принятыхъ издателемъ въ первомъ выпускѣ, было только двѣ рукописи, не-русскихъ (болгарскій основной текстъ, и болгарскій же Лобковскій паримейникъ) и ни одной сербской. Во второмъ выпускѣ приняты въ число варіантовъ мои, сдѣланныя въ первую поѣздку, выписки изъ сербскаго текста бѣлградской библіотеки; но выписки эти были сдѣланы случайно и по объему ничтожны (всего три паримiи) [1]. Такимъ образомъ, изданіе Брандта давало матеріалъ для исторіи текста на болгарской и на русской почвѣ; желательно было получить кое-какіе факты для этой исторіи и въ сербской письменности: это бы расширило наши свѣдѣнія о судьбѣ паримейнаго текста на югѣ славянства. Поэтому теперь пересмотрѣны мною были паримейники бѣлградской библіотеки, сличены съ изданными выпусками Григоровичева въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это было возможно. При этомъ сличеніи получены были не лишенныя интереса наблюденія. Такихъ паримейниковъ въ Народной библіотекѣ нашлось три: №№ 300, 86 и 162; первые два на пергаминѣ, третій на бумагѣ.

Первый изъ нихъ представляетъ жалкіе остатки нѣкогда великолѣпной рукописи: тонкій бѣлый пергаминъ въ большой

---

[1]) См. введеніе ко II выпуску. Пользуюсь случаемъ исправить ошибку, въ которую я, по своей оплошности, ввелъ издателя: „бѣлградскій" паримейникъ изданія носитъ не 86 №, а 300-ый; подъ № 86 въ библіотекѣ хранится *другой* паримейникъ.

листъ, крупнѣйшій красивый уставъ (буквы приблизительно въ 8 мил.) въ 2 столбца по 20 строкъ на страницѣ, заглавныя буквы чтеній—тератологическаго характера съ контурами, изящно нарисованными то киноварью, то синей краской, то чернилами, часто расцвѣченныя тѣми же красками, иногда оставшіяся безъ раскраски; незначительное число сокращеній (чаще другихъ встрѣчается— го̂ - се̂^го |), и то въ концѣ строкъ, рѣдкость выносныхъ надъ строкой буквъ—все это говоритъ за относительную древность и роскошь рукописи. Въ пользу того же говорятъ и другія палеографическія черты рукописи: а) отсутствіе, почти полное, надстрочныхъ знаковъ: точка (она только и встрѣчается) находится только надъ ѡ; б) повсемѣстное употребленіе и: I встрѣчается рѣдко и исключительно въ концѣ строки; в) ѣ надъ строкой не возвышается, м середней петли ниже строки не опускаетъ, титло имѣетъ видъ прямой черты —, покрышка (надъ выносной буквой) всегда ^; знакъ препинанія—точка на высотѣ немного выше половины буквы; въ концѣ чтенія :: ⌣ г) буквы ꙗ, ю и ѥ имѣютъ типъ древній (перемычка почти посрединѣ буквы); тотъ же типъ имѣютъ буквы: ч (ү, съ округлой верхней частью), з (угловатое, съ нижнимъ небольшимъ, приставнымъ хвостикомъ), ы (съ соединительной чертой между обѣими частями буквы); д) предлогъ „отъ“ часто пишется, какъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ, полностью: ѿть, ѿтьврьзоше сє. Съ другой стороны, въ графикѣ есть черты, которыя, можетъ быть, составляютъ индивидуальность рукописи, а, можетъ быть, частью отраженіе особой школы писцовъ сербскихъ; такъ мы встрѣчаемъ уже ꙋ вм. оу въ срединѣ строки; это, можетъ быть, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ короткой строкѣ столбца (отъ 13 до 15 буквъ) при крупномъ письмѣ заранѣе легко было высчитать мѣсто для каждой буквы; этимъ же объясняются начертанія: Т (высокаго т), связныя начертанія т + и, т + в, встрѣчающіяся только въ концѣ строки. Другую особенность начертаній составляетъ необыкновенная толщина тѣхъ частей буквы, которыя пишутся обычно съ утолщеніемъ, и тонкость

тонкихъ штриховъ буквы [1]); это составляетъ весьма характерную особенность рукописи, хотя не единственный случай въ сербской графикѣ [2]). Всѣ эти черты, взятыя вмѣстѣ, заставляютъ меня теперь считать рукопись болѣе древней, нежели прежде: я бы безъ колебанія счелъ ее одной изъ рѣдкихъ сербскихъ рукописей конца XIII вѣка. Этому не противорѣчитъ, какъ увидимъ, ни языкъ рукописи, ни ея составъ. Къ сожалѣнію, эта великолѣпная рукопись сохранилась въ самомъ жалкомъ видѣ: начало и конецъ ея исчезли, въ значительной части сохранились только клочья пергамина у корешка, края рукописи обгорѣли или истлѣли, такъ что въ значительной части болѣе сохранившихся листовъ уцѣлѣлъ только одинъ (внутренній) столбецъ; оба столбца сохранились едва въ четверти рукописи, въ ея срединѣ. Такимъ образомъ, текстъ паримейника № 300 (назову его *А*) сохранился очень плохо.

Языкъ рукописи представляетъ, подобно письму, рядъ особенностей, указывающихъ также на древность текста и рукописи; отмѣчаю нѣкоторыя:

1) глухой (ь) употребляется замѣчательно правильно: пропусковъ глухого почти нѣтъ, онъ всегда на мѣстѣ:

а) въ суффиксахъ: оустьна, источьникь, весьна, праведьна, животьникє, чювьствиꙗ, равьнѣ,(ѥсьмь), ѿрѫжьници, старьци, гнѣвьнь, небесьнаꙗ, законопрѣстоупьныхь, законопрѣстѫпьникь, ковьчегь, араратьскыхь, ѿконьцє; б) въ предлогахъ: вькоупѣ, сьмѣрѫ, сьмєтѫтьсє, вьзненавидѣниѥ; в) въ корняхъ: вьсѣчьскаꙗ, кьнєзи, вьса, зьлаꙗ, изьми; г) въ окончаніяхъ: вьзвесєлитьсє, подвижитьсє, оужаснѫтьсє и т. д. (см. б.).

б) Но за то изрѣдка, какъ и въ древнѣйшихъ текстахъ, находимъ развитіе глухого въ чистый и при томъ о вмѣсто прежняго ъ: ѿстанокь (л. 148) [3]), собравьшихьсє [4]).

---

[1]) Исключеніе составляетъ ѡ, которое все пишется тонко, но все-таки толще, нежели тонкіе штрихи другихъ буквъ.

[2]) Та же черта въ нѣкоторыхъ отрывкахъ и листахъ сербскаго письма Верковича (часть ихъ въ Бѣлградѣ, нѣсколько клочковъ въ Историческомъ музеѣ, въ Москвѣ).

[3]) Такъ читается и въ Болонской псалтири (см. Miklosich. Lex. s. v.) и

в) ꙗ=ѣ: оучинѣю, избавлѣеть, наставлѣеть, прославлѣю. Это явленіе, хорошо извѣстное изъ старославянскихъ памятниковъ, встрѣчается часто и въ среднеболгарскихъ, именно въ подобномъ же сочетаніи (послѣ н и л) [1]. Но рядомъ встрѣчается и—высѣкь.

г) Вмѣсто оу, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ старо-славянскому ѫ, находимъ ю: рюка (обычно), бюдють, сюдь, тьмю (acc. sg.), сющимь хюдогомь, пюти, вьнидю (aor.), имють, законопрѣстюпьникь, ѡрюжьници, оужаснють се и т. д. Подобное же явленіе (графическое?) бросается въ глаза въ древнемъ (XII в.) Мирославовомъ евангеліи, гдѣ оно, повидимому, распространено еще болѣе [2].

д) Отмѣтимъ также формы: благодѣть, погыбѣль.

е) Наконецъ, не лишена значенія форма: движещиꙗсе, гдѣ мы можемъ подозрѣвать указаніе на ѧ вм. ѫ.

Эти послѣднія черты, а также до извѣстной степени указанныя подъ б) и в) съ вѣроятностью могутъ указывать, что оригиналомъ № 300 былъ, посредственно или непосредственно, текстъ болгарскій.

По чтеніямъ описываемый текстъ, какъ увидимъ, принадлежитъ также къ древнѣйшей группѣ, представителемъ которой въ изданіи паримейника является Григоровичевъ.

Вторая рукопись—№ 86, поступившая въ библіотеку отъ Верковича. Это—отрывки, на пергаминѣ въ небольшую четвертку, на 35 листахъ; пергаминъ плохой, весь въ дырахъ; въ срединѣ рукописи часть листовъ пропала; тетрадки рукописи состоятъ то изъ 8-ми, то изъ 6-ти листковъ, л. 7-ой обрѣзанъ, почему остался только клочекъ его. На л. 17-мъ вверху, осталась помѣта дг҃. Письмо—плохой уставъ, по 21

Григоровичевъ паримейникъ (Лавровъ, Обзоръ звук. и форм. особ. болг. яз., стр. 36).

[4]) Опять эта форма извѣстна изъ болгарскихъ памятниковъ: собрани, совъпрѣсникъ; Лавровъ, у. с., стр. 36.

[1]) Лавровъ, у. с., стр. 69. То же находимъ и въ Мирославовомъ сербскомъ текстѣ (Споменик Српске Акад. XX, стр. VI).

[2]) Споменик Српске Акад. XX, стр. VII.

строкѣ на страницѣ, съ простыми киноварными начальными буквами и заглавіями. Рукопись относится къ XIV в., можетъ быть, даже къ концу его.

Графика рукописи, въ общемъ неустойчивая, небрежная, представляетъ слѣдующія не безынтересныя черты:

а) Глухой пропускается весьма часто, но часто замѣняется онъ паеркомъ, который имѣетъ видъ придыханія ҆ и примѣняется двояко: или онъ, дѣйствительно, стоитъ вмѣсто глухого, какъ видно изъ сопоставленія такихъ формъ, какъ: животьнъ (1) и живот҆ноѥ҆ (1); лишѥн҆ (5, въ концѣ строки), познаѥ҆м҆ (л. 8) и ѥ҆динь (2), изъ формъ: шѥстисьт҆ноѥ, ѿтврьзаю҆т҆се, ков҆чѥгь, в҆са, в҆сакоѥ, (1) вьзѥт҆се, м҆ножашѥсе, п҆тиць, в҆сє, в҆се (1 об.) правѥд҆ни (3 об.) и т. д.; или же этотъ значекъ стоитъ тамъ, гдѣ глухого быть не можетъ; эти случаи въ значительной степени довольно однообразны: зѥмл҆и (1, 1 об.), зѥмл҆ѥ (л. 2, 6), н҆имь (л. 2) — вьзв҆ратѥт҆се (6 об.), хл҆ѣби (л. 1), пл҆ьти (1 л. bis, 1 об.) капл҆ѥть (6 л.; рядомъ: каплѥть — 6 об.). Что обозначаетъ во второмъ случаѣ этотъ значекъ, сказать трудно; если въ примѣрахъ зѥмл҆и и т. д. можно видѣть здѣсь указаніе на мягкость л (что̀, какъ извѣстно, въ древнѣйшихъ текстахъ, напр., Изборникѣ 1073 г., обозначалось иногда прибавкой къ буквѣ крючка: л҆, н҆), то въ пл҆ьти и т. д. объясненіе это не приложимо; оно носитъ видъ, будто при встрѣчѣ двухъ согласныхъ, вторая отмѣчается значкомъ, который никакого, кромѣ графическаго, значенія не имѣетъ; въ примѣрѣ н҆имь (въ сочетаніи: с н҆имь) этотъ значекъ, повидимому, стоитъ не на мѣстѣ, если судить по начертанію: с в҆ами (л. 9 об.), т.-е. онъ относится къ предлогу.

б) Этотъ же значекъ стоитъ на начальной гласной и на второй изъ двухъ встрѣтившихся гласныхъ: приѥ҆ть, пл҆ьтию҆ ю҆жє (10 об.), а҆щє (3 об.); иногда онъ замѣняется точкой: ноѥ̇ви, звѣриѥ̇, и̇ (л. 1); но тотъ же значекъ находится на оу҆, ы҆ не зависимо отъ ихъ положенія: движоу҆щиѧ҆сє, бѣхоу҆ (л. 1 об.), нб҃ны҆хь (2), прѣ҆смы҆каю҆щисє (1) и т. д.

Языкъ списка особенностей, отклоненій отъ обычнаго

сербскаго не представляетъ, хотя изрѣдка проскальзываютъ болгаризмы: азь вьздвиже завѣть мой (л. 9 об.). Обращаютъ на себя вниманіе формы: ѿ мена, чтоть (вм. чтоуть) (л. 16).

Изъ старыхъ формъ чаще другихъ попадается довольно обычное въ сербскихъ текстахъ окончаніе дат. ед. оумоу: ıавльшоумоусе (л. 18), полагающоумоу (л. 8).

По составу текстъ представляетъ особенности.

Послѣдняя рукопись, № 162, точно также—отрывокъ, на 42 листахъ, красиваго полууставнаго (почти уставнаго) письма въ два столбца въ листъ, по 30 строкъ на страницѣ; рукопись на плотной, толстой бумагѣ, съ клеймомъ начала XV в.; въ графикѣ отмѣтимъ: є=ѥ, преимущественно въ началѣ словъ и послѣ гласной, хотя это є въ этомъ случаѣ и необязательно, путаясь съ простымъ; ꙏ (очное о—въ словѣ ꙏчима л. 17а). Языкъ никакихъ особенностей не представляетъ. Составъ же значительно отклоняется отъ обычнаго: слѣдуя въ общемъ расположеніи древнѣйшему тексту (л. 1-й соотв. изданію Р. Ѳ. Брандта II, 169) списокъ между паримiями вставляетъ цѣлый рядъ указанiй и ирмосовъ со стихирами; напр., послѣ чтенія (Брандтъ II, 171, 30) находимъ такую вставку:

Таже скоро прѣдварѥть ны ще
вь тѣж пѣт. вѣт. стихолот. кь
гоу єгда скрьбѣх. на ги
вьзвах. постави стих. г. и по
ѥмь. самогласноу. гл. д.
Нына врѣме благоприѥ
тно. нына днь спасенія
вь множьствѣ млти
твоѥє. и брѣме безако
нїи моихь ѡбльгчи
єдине члколюбче. в
и мнчи. д. на редѣ. гла
соу. и вь минеи. г. єдноу
двах. слав. поинь. кѹ ıwана

противоу дн҃оу на редоу
гл҃соу. и нн҃га. в҃. а҃. тогоже
гл҃са. вь ѿ. про҃. паримїе
и прочаа слоужба прѣже
сщ҃енна. аще ли не боу
деть прежесщ҃енна
гл҃и. на г҃и вьзва на гл҃ь
ѿ. и поємь. г҃. мн҃ичне
и вь минею. г҃. сл҃а. покои
вь ѿ. и нн҃га. бо҃. тогоже гл҃а
настихвно. самогл҃сноу
дн҃ю. повториvше. и мн҃и
сл҃а и нн҃га. бо҃. ѿпоу. ап҃лы
пр҃рци мн҃ци и прочаа
Сице сьврьшаютсе слоужба
вѣрны. на всакы пе҃. ѿ пе҃а
в. не҃лю. даже до пе҃ка. е҃.
не҃ле. или творимь прѣ
жесщ҃енноу. или нїи
про҃. гл҃. а҃. млть твою
гл҃. поженетме все дни жи
с҃. трьпе потрьпѣхь га҃ и оу҃.
ѿ бытїа чтенїе (л. 1 об.; ср. Брандта II, 172).

Въ такомъ родѣ идутъ вставки (изъ тріоди постной) и далѣе.

Обращаюсь къ составу разсматриваемыхъ отрывковъ. Въ основу кладу паримейникъ Григоровича. Къ сожалѣнію, разсматриваемые списки даютъ мало кусковъ, параллельныхъ изданнымъ: только № 300 могъ быть сличенъ на болѣе или менѣе большомъ пространствѣ съ изданіемъ (я сличилъ куски, болѣе или менѣе сохранившіеся, на пространствѣ 9 паримій, соотвѣтствующихъ стр. 147—178 печатнаго текста, т.-е. до конца второго выпуска); остальные же два списка представляютъ тѣ части паримейника, которыя еще не вошли въ

изданіе, исключая № 162, который въ началѣ даетъ только три париміи изъ вошедшихъ въ изданіе (стр. 168—178); въ свою очередь, между № 86 и 162 оказалось также только 5 паремій одинаковыхъ (именно на л. 1—6 № 86=27 d.—30 d. № 162). Но и при такихъ условіяхъ можно было судить по небольшимъ сравненіямъ объ отношеніяхъ текстовъ другъ къ другу.

Текстъ № 300 на пространствѣ упомянутыхъ девяти паримій въ *общемъ* представляетъ чтенія того же типа, что и Григоровичевъ, въ *частностяхъ* же даетъ къ нему варіанты. Варіанты эти позволяютъ не только опредѣлить различіе между этимъ текстомъ и Григоровичевымъ, но также и принадлежность его къ отдѣльной группѣ. Такой группой я счелъ бы тексты, представителемъ которыхъ въ изданіи Р. Ѳ. Брандта является Лобковскій паримейникъ. Этотъ послѣдній довольно послѣдовательно даетъ отклоненія отъ Григоровичева, но не одинъ онъ: въ этихъ случаяхъ его сопровождаютъ другіе списки, чаще другихъ Захарьинскій (1271 г. Импер. Публ. библ. О. п. 1, № 13), который часто только вдвоемъ съ Лобковскимъ даетъ варіанты къ Григоровичеву, тогда какъ остальные съ нимъ совпадаютъ. (См. изданіе, стр. 153, строка 26, 154, 7—8; 158, 27; 160, 13; 161, 19; 170, 12; 175, 31 и др.), Стефановскій (XIV в. Рум. муз. № 303; см. 148, 7—8; 149, 16; 151, 4; 152, 14, 15, 16; 153, 20 и т. д.), рѣже другихъ Офонасьевскій (Рум. муз., № 302—1370 г.), Перфирьевскій (Ундольскаго—Рум. муз. № 1207—1378 г.). Во всякомъ случаѣ безъ колебанія можно зачислить въ одну группу, отдѣльную отъ Григоровичева, Лобковскій и Захарьинскій тексты. Представляютъ эти тексты, правда, много общаго съ остальными паримейниками, давая съ ними аналогичныя отклоненія отъ типа Григоровичева, но все-таки число этихъ отклоненій не такъ велико, какъ въ Лобковскомъ текстѣ. Это позволяетъ предполагать нѣсколько версій паримійнаго текста, образовавшихся путемъ отклоненія отъ первоначальнаго, къ которому Григоровичевъ типъ, въ

силу своей древности, могъ бы быть ближайшимъ; затѣмъ возникаетъ, вѣроятно, типъ Лобковскій, который вліяетъ на другія копіи текста Григоровичева типа, снабжая ихъ варіантами къ этому. Судя даже по весьма неполному пока изданію Григоровичева паримейника (особенно скудно и неудачно освѣщенному греческимъ текстомъ) [1]), можно намѣтить (конечно, предположительно) образованіе типа Лобковскаго текста: не есть ли онъ результатъ свѣрки старшаго перевода вновь съ греческимъ текстомъ? По крайней мѣрѣ, на это наводятъ такіе примѣры:

1) *Григорович.* и нарекѫтъ имѧ ємоу (15,13—14) = *καλέσουσι τὸ ὄνομα αὐτοῦ.*

Лобковск. и нарєть имѧ ємоу (ibid. вар.) = *καλέσεται τὸ ὄνομα αὐτοῦ* (чтеніе Севастьяновскаго пар. IX—X в.).

2) *Григорович.* има идѫщєма и глѫщєма (26—27) = *αὐτῶν πορευομένων καὶ λαλούντων.*

Лобковск. има идѫщєма идѧста и гласта = *αὐτῶν πορευομένων ἐπορεύοντο καὶ ἐλάλουν.* (ibid., var.).

3) *Григорович.* и ѡбратитъсѧ плътъ твоѣ к тєбѣ (28,21) = *ἐπί σοι* или *σοί.*

Лобковск. и ѡбратитъсѧ плътъ твоѣ въ тєбѣ = *ἐν σοι* (ibid., var.).

4) *Григорович.* и нє слышастє (91, 2) = *οὐχ ὑπηκούετε.*

Лобковск. нє послоушастє (ibid., var.) = *οὐχ ὑπηκούσατε.*

5) *Григорович.* и смѣрѧтъсѧ (103, 4) = *ταπεινωθήσονται.*

Лобковск. и смирить сѧ (ibid., var.) = *ταπεινωθήσεται.*

6) *Григорович.* взємѧщимъ (149,15) = *αἴροντες.*

Лобковск. вз. ѿ нєго (ibid., var.) = *αἴρ. ἀπ' αὐτοῦ* [2]).

---

[1]) Такимъ неудачнымъ примѣненіемъ я счелъ бы привлеченіе греческаго московскаго изданія 1821 г. и *библіи* Гольмса: подобно евангелію, и ветхозавѣтный текстъ представляетъ въ паримейныхъ чтеніяхъ свои особенности сравнительно съ полнымъ; а переводъ, навѣрное, дѣланъ съ готоваго паримейнаго текста. Привлеченіе новопечатной славянской библіи и выдѣленнаго изъ нея и согласованнаго съ ней новопечатнаго паримейника я счелъ бы своего рода embarras de richesse, балластомъ для изданія и безъ того сложнаго. Указанное отличіе паримейнаго текста отъ полнаго библейскаго см. въ примѣчаніяхъ къ изданію стр., 7,7; 8,10; 13,14; 15,13; 22,17; 28,14,21 и т. д.

[2]) Такъ и въ А, Оф.

Подобныя отклоненія въ связи съ греческими варіантами представляютъ и другіе списки, отнесенные къ той же группѣ; считать ли эти отклоненія за продолженіе развитія текстовъ путемъ послѣдовательныхъ свѣрокъ съ греческими текстами, или видѣть въ нихъ отклоненія *одной* справы съ греческимъ, сохраненныя этими текстами и не сохраненныя Лобковскимъ,— рѣшить вопросъ этотъ трудно за недостаткотъ матеріала; это разрѣшеніе тѣмъ труднѣе, что остальные списки—русскіе. Конечно, a priori можно исправленія, объясняемыя греческими варіантами, относить къ юго-славянской порѣ, такъ какъ намъ ничего неизвѣстно о справѣ паримейника на русской почвѣ, но заключать что-либо a silentio, во всякомъ случаѣ, рискованно, основываясь только на общемъ положеніи о движеніи литературы съ юга славянства на русскую почву, тѣмъ болѣе что ничего мы не знаемъ о справѣ книгъ и на югѣ вплоть до второй половины или третьей четверти XIV в. и на югѣ [1]). Въ какую бы сторону мы ни рѣшали вопросъ, взглядъ нашъ на Лобковскій паримейникъ, болгарскій XIII—XIV в., остается тотъ же: онъ показываетъ ясно, что какая то справа славянскаго перевода съ греческимъ на югѣ славянства была. Къ этой-то группѣ относится и разбираемый текстъ XIII в. сербскій, показывающій, что эта справа старше времени Лобковскаго текста, если она проникла и въ болгарскіе списки и въ сербскіе. Дѣйствительно, въ разночтеніяхъ нашъ текстъ въ массѣ случаевъ совпадаетъ съ Лобковскимъ тамъ, гдѣ этотъ отклоняется отъ Григоровичева, при чемъ нерѣдко сербскій текстъ XIII в. поддерживаетъ одинокіе варіанты Лобковскаго, иногда же всей группы съ Лобковскимъ во главѣ. Вотъ случаи перваго рода:

Григ. (149,14) мъзды ради—*А.* мита ради=*Лобк.*
» (151,2) и —» а =*Лобк.*

---

1) Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи относительно юга славянства мы въ лучшемъ положеніи: справы евангельскаго текста, судя по изслѣдованіямъ его (напр., Воскресенскаго), мы должны предполагать и ранѣе евѳиміевской эпохи.

Григ. (155,$_{11}$) затѧзаетъсѧ —*А.* затєзаютьсє = *Лобк.* (затѧзаѫтъсѧ).
„ (158,$_{20}$) гн҃ъ гл҃ѧщъ — „ га҃ гл҃юща=*Лобк.* (гл҃а гл҃ѧща).
„ (160,$_{15}$) лѣ҃. рл҃.(130)— „ лѣ҃ сл҃ (230) = *Лобк.*
„ (160,$_{17}$) дн҃иі Ꙗдамоу — „ д. Ꙗдамовѣхь = *Лобк.*
„ (167,$_{20}$) — — „ а сє = *Лобк.* (проч. опуск.).
„ (169,$_{22}$) — [1]) — „ Фалькєа = *Лобков.* (остальн. Факєи).
„ (171,$_{28}$) трꙋдъ — „ труды=*Лобк.*
„ (174,$_{17}$) въсѧ дн҃і — „ вьсь дьнь = *Лобк.*
„ (174,$_{21-22}$) ѥкожє — „ ѥгожє = *Лобк.*
„ (176,$_{9-10}$) въвѧжєт — „ вьврьжєть = *Лобк.*
„ (177,$_{16}$) алъчѫщѫ — „ тьщю = *Лобк.*

Втораго рода случаи, т.-е. когда нашъ текстъ даетъ соотвѣтствіе не только Лобковскому, но и другимъ, аналогичнымъ съ этимъ послѣднимъ, довольно много; такъ, только съ Лобковскимъ и Захарьинскимъ, который, по скольку можно судить по варіантамъ въ изданіи, близокъ къ Лобковскому, находимъ:

(153,$_{26}$) прѣливаютьсє (*Григ.* пролѣѫтъсѧ).
(154,$_{7-8}$) прѣдь бо сють („ прѣдъ ѡ. б. сѫтъ).
(158,$_{27}$) ѿчима видєть („ видѧтъ очима).
(159,$_{13}$) има („ ємꙋ) [2]).
(161,$_{19}$) и житъ („ житъ жє).
(170,$_{12}$) ромєлиѡвь („ рꙋмєлє(о)въ).
(175,$_{31}$) ꙗкожє („ єгда).

Съ цѣлой группой Лобковскаго текста, отклоняясь отъ Григоровичева, нашъ паримейникъ читаетъ [3]):

148,$_{7-8}$ доброу зьлоѥ а зьлю доброє—Лобк. Зах. Стеф. (Григ. злоу добро и добрꙋ зло).
149,$_{16}$ сьгорєть—Лобк. Зах. Стеф. Перф. (Григ. съжєжєтъсѧ).

[1]) Григор. въ этихъ мѣстахъ отсутствуетъ.
[2]) Объясняется изъ греческихъ варіантовъ: *αὐτοῦ* и *αὐτῶν*.
[3]) При названіи списковъ принимаю сокращенія, принятыя въ изданіе Григоровичева текста.

151, 4 градь и нарѣ градь—Лобк. Зах. Стеф. Перф. (Григор. грады).

152,14 оуслышита — Лобк. Зах. Стеф. Перф. Оф. (Григор. послоушаитѣ).

— 14 мои гла—тѣ же и Ляп. (Григ. моего гла).

— 15 вноушита — Лобк. Зах. Стеф. Перф. Оф. (Григор. вноушитѣ).

— 16 мьнѣ и юношю вь газвоу мнѣ—тѣ же (Григ. пропущено).

153,20 дроугоке—тѣ же (Григ.—ино).

— 20 вь Авела мѣсто—тѣ же (Григ. за Авела).

154,30 причеститьсе тебѣ—Лобк. Ляп. (Григ. причѧститъти сѧ).

— твоке—Лобк. Зах. Стеф. Перф. Ляп. (Григ. и).

154, 8 вьсѣхь—Лобк. Зах. Стеф. Оф. (Григ. въсѣ).

157, 8 кгоже—Лобк. Зах. Оф. (Григ. иже).

— 9 храмина—Лобк. Зах. Стеф. Перф. Оф. (Григ. храмь).

— 10 оканьныи азь—тѣ же и Ляп. (Григ. азъ окаанои).

— 13—14 очима своима—Лобк. Стеф. Оф. (Григ. своима очима)

158,17 вь оустнѣ—тѣ же (Григор. оустнѣ).

— 17—18 оустноу твокю—Лобк. Перф. Оф. (Григ. оустнахъ твоихъ).

— 21 рекохь—Лобк. Ляп. (Григ. рѣхъ).

— 22 слоухомь—Лобк. Зах. Стеф. Перф. Оф. Ляп. (Григ. слоухъ мои).

— 25 людеи сихь—тѣ же (Григ. людемъ симъ).

159,30 пропущено—Лобк. Оф. (Григор. ми).

160,10 Сик—Лобк. Зах. Перф. Оф. Тих. (Григ. си).

— 15 по ѡбразоу — Лобк. Зах. Перф. Стеф. Оф. (Григор. видѣнию).

161,20 з҃ сьть—Лобк. Перф. Оф. Ляп. (Григ. ѿ.).

— 23 рождь—Лобк. Зах. Стеф. Перф. Оф. (Григ. роди).

162,32 Малелеилкв—Лобк. Зах. Пер. (Григ. Мале(ле)илевѣхъ).

169, 3 Араамь—Лобк. Ляп. (Григ. Арамъ).

170,10 главьню коурѣщѹюсе сею—Лобк. Зах. Стеф. (Григор. гловнѣма коурѧщімасѧ има).

— 16 тавеилева—тѣ же. (Григ. тавелева).

171,22 имате—Лобк. Ляп. (Григ. имете).
— 23 проси—Лобк. и остальные (Григ. испроси).
— 24 твоюго—Лобк. Зах. Стеф. Перф. Ляп.
— 25 просити—Лобк. и остальные (Григ. въпросити).
— 28 то—Лоб. Зах. Стеф. Ляп. (Григ. и).
172, 2 югда начеше—Лобк. Зах. Стеф. Перф. Оф. (Григор. вънегда въчѧшѧ).
173,11 Оьполи—Лобк. и остальные (Григ. Плоди).
— 12 вьнидѣхю—Лобк. Зах. Стеф. (Григ. въхождахѫ).
— 14 ти—Лобк. Зах. Стеф. Перф. (Григ. шни же).
— 16 на земли—Лобк. и остальные (Григ. по земли).
— 16 вьсѣкь ютерь—Лобк. Зах. Стеф. Оф. (Григ. въсѣхъ).
175,29 и шбежи же ꙗ — Лобк. Перф. Оф. Тих. (Григор. и шжѫжели же).
— 2 заповѣдь законьнаꙗ—Лобк. Стеф. Перф. (Григ. заповѣди законоу).
— 2 пють животьнь — Лобк. Зах. Стеф. Перф. Оф. Ляп. (Григ. пѫтіе животоу).
176, 6 оуловлень—Лобк. и остальные (Григ. оуделѣнъ).
— 11 на оугли шгньны—Лобк. Зах. Оф. (Григ. на ѫгълъ).
— 13 зьлы—Лобк. Стеф. (Григ. зломъ).
177,16 аще ли выпадеть — Лобк. Зах. Перф. Оф. Ляп. Тих. (Григ. Аще бо въпадаетъ).
— 18–19 скоудотоу—Лобк. Зах. Стеф. (Григ. шскѫдѣние).

Выписанные варіанты достаточно характеризуютъ текстъ № 300 по отношенію къ Лобковскому и его группѣ, сравнительно съ Григоровичевымъ, помѣщая его въ семью текстовъ опредѣленной выше группы. Но варіанты же помогаютъ опредѣлить отношенія разбираемаго текста и внутри данной группы къ отдѣльнымъ ея представителямъ. Не опредѣляя въ подробностяхъ этихъ отношеній, ограничусь указаніемъ на отношеніе его къ Лобковскому; здѣсь мы видимъ, что разсматриваемый текстъ дополняетъ и подтверждаетъ взглядъ на Лобковскій текстъ, какъ мы его можемъ характеризовать на основаніи изданія проф. Брандта; а именно: если Лоб-

ковскій текстъ, отклоняясь отъ Григоровичева и другихъ текстовъ своей группы, представляетъ эти чтенія, какъ индивидуальныя, то сербскій текстъ, совпадая въ этихъ отклоненіяхъ съ другими Лобковской группы, указываетъ, что въ этихъ случаяхъ или Лобковскій даетъ чтеніе старшее, или, дѣйствительно, индивидуальное, а главное, что измѣненія текста, находимыя въ сербскомъ и поддерживаемыя остальными текстами Лобковской группы, возникли не на русской, а еще на юго-славянской почвѣ; они не составляютъ индивидуальности и сербскаго текста № 300, такъ какъ находятъ себѣ поддержку и въ русскихъ, гдѣ эти особенности сохранились изъ юго-славянскаго оригинала и въ другомъ сербскомъ (№ 162). Это позволяетъ предполагать переходъ на русскую почву паримейника, насколько онъ извѣстенъ по русскимъ старшимъ рукописямъ, уже послѣ той справы, какую представляетъ группа Лобковская, и даже послѣ того развитія текста, котораго достигъ онъ въ сербскомъ текстѣ. Время этой стадіи развитія, а равно и перехода на русскую почву датируется приблизительно временемъ не позже XIII в., къ которому относится списокъ № 300, и не позже 1271 года, къ которому относятся старшій русскій списокъ (Захарьинскій), который въ общемъ не даромъ ближе другихъ и къ Лобковскому, и къ сербскому. Вотъ подобныя чтенія, устанавливающія связь между русскими и юго-славянскими списками, въ разбираемомъ отрывкѣ:

154, 1 бюдєть ти свои=Зах. Стеф. Перф. Оф. (Лобк.=Григ. бѫдѫтъ ти твои).

— 5 сєи=Перф. Оф. Ляп. (Лобк.=Григ. єи).

— 8 мꙋжа=Перф. Оф. (Лобк.=Григ. мѫжꙋ).

155,18 сп҃сансє=Зах. Стеф. Перф. (Григ.=Лобк. сп҃сєши сѧ).

159,28 оуслышєть=Перф. Стеф. Оф. (Лобк.=Григ. слъшѧтъ).

161,21 ситовъ=Зах. Стеф. Перф. Оф. Тих. (Лобк. = Григ. ситовꙗхъ).

— 24—25 ѥносовъ = Зах. Стеф. Перф. Оф. Тих. (Лобк. = Григор. єносовѣхъ).

162,29—30 жить=тѣ же (Лобк.=Григ. И жітъ).
— 30—31 [лѣт. з҃. сътъ и л҃] [1])=Зах. Стеф. Перф. Ляп. Тих. (Лобк.=Григ. ѿ. л҃. лѣт).
164,11 спсаисе=Зах. Стеф. Оф. Ляп. (Лобк. спсешисѧ) [2]).
— 15 въздрѣми = Зах. Стеф. Перф. Оф. (въздрѣми) (Лобк. въздрѣмлѣи).
— 17 ѿ клепце=Оф. (Стеф. Зах. Перф.) (Лобк. ѿ клепчѧ).
— 17 Бюди=Зах. Оф. Стеф. Перф. (Лобк. Иди).
165,23 или=Перф. Ляп. (Лобк. ли).
166, 7 кьгда же=Перф. Оф. Ляп. (Лобк. когда).
— 8 мало же сѣдиши=Зах. Стеф. Перф. Ляп. (Лобк. мало оубо спиши).
167,20 сьставлѣеть=Зах. Стеф. Оф. (Лобк. ставлѣеть).
— 4 праведню=Зах. Перф. Оф. Ляп. (Лобк. праведнѫѫ).
168,10 твоюе=Зах. Стеф. Оф. Ляп. (Лобк. своеѩ?).
— 19 Ахаза=Зах. Стеф. Ляп. (Лобк. Ахазовы).
169,21 Раасонь=Зах. (Лобк. Расонь).
— 5 колеблетьсе=Ляп. (Лобк.=Григор. двигнетъ сѧ).
170,7—8 гнаафешва=Стеф. (Лобк.=Григор. гнафешва).
173,14 сп|ли=Зах. (Лобк.=Григ. исполи).

Наконецъ, остается указать тѣ разночтенія сербскаго списка, которыя не находятъ себѣ параллели въ иныхъ спискахъ, и которыя, по скольку они не оправдаются неизслѣдованными списками, надо будетъ признать индивидуальностью № 300:

148—149 опущено приводимое Григор., Лобковскимъ и остальными: а сладкое горко.
155,14 безоумию свою (всѣ только: безоумие).
— 14—15 своюмоу дроугоу (—свои дроугъ).
159,31 бюдѹть жителию (бѫдетъ жителъ).
161,22 лѣть .р҃. ч҃ (.ц҃. лѣт).
162,26 каинаиь (каинановѣхь).

---

1) По Захарьинскому.

2) Въ Григоров. между л. 28 и 29 не достаетъ листовъ; въ изданіи пропускъ восполненъ по Лобковскому.

163,22 ѳ҃. сьть и з҃ в҃. (.ѳ҃. сь҃. з҃. в҃.).
164,12 на свои дроугь (за свои дроугь).
169, 6 Йасоувь (Ѧсоувъ).

Такимъ образомъ, пересмотрѣнныя разночтенія бѣлградскаго списка XIII в. дополняютъ наши свѣдѣнія по исторіи текста паримейника, если не крупными фактами, то болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями; во всякомъ случаѣ, списокъ № 300 долженъ занять видное мѣсто въ ряду матеріаловъ для этой исторіи; поэтому, весьма было бы желательно, чтобы издатель паримейника ввелъ его въ число своихъ варіантовъ.

Не малый интересъ съ той же точки зрѣнія — исторіи текста—представляетъ и второй изъ бѣлградскихъ списковъ, № 86. Въ этомъ отрывкѣ сохранились слѣдующія паримiи:

л. 1. Въ четвергъ 3-й нед. поста, вечерня (отъ Бытія, VII, 11—24)=№ 162, 27d.

л. 2. Въ четвергъ 3-й нед. поста, утреня (Притчъ X, 1—22)=№ 162, 28c.

л. 3 об. Пятница 3-й нед. поста, утреня (Исаіи XIII, 2—13)=№ 162, 32a.

л. 5. Пятница 3-й нед. поста, утреня (Бытія VIII, 4—21)=№ 162, 33a—b.

л. 6. Пятница 3-й нед. поста, утреня (Притчъ X, 31, 32; XI, 1—12)=№ 162, 33d.

Далѣе, передъ листомъ 8, пропускъ одного листа; на л. 8 конецъ переміи (Понед. 4-й нед., вечеръ)..... тью кзыкомь бл҃вние же на главѣ полагаюштоумоу. дѣлаѥ бл҃гаꙗ иштєть бл҃ти бл҃ги. искоуштаго зла зло постигнєть... оуста же права избавєтсє.... (Притчъ XI, 26—31, XII, 1—6).

л. 8 об. Вторникъ, утреня 4-й нед. поста (Исаіи XXV, 1 —9).

л. 9 об. Вторникъ, вечерня 4-й нед. поста (Бытія IX, 8—17).

л. 10 об. Вторникъ, вечерня 4-й нед. поста (Притчъ XII, 8—22).

л. 11 об. Среда, утреня 4-й нед. поста (Исаіи XXVI, 21; XXVII, 1—9).

Послѣ этого недостаетъ одного листа; на л. 12 конецъ паримiи (среда, веч. 4-й нед., Быт. IX, 23—X, 1): и возложиста. на шбѣ рамѣ свои. идоста шпаки. и покриста наготоу шца своюго... сиже соуть житиıа сновь ноıевь. симь хамь и афеть и родишесе имь снове по потопѣ.

л. 12 об. Среда 4-й нед. поста (Притчъ XII, 23—28; XIII, 1—8).

л. 13 об. Четвергъ 4-й нед. поста, утреня (Исаіи XXVIII, 14—22).

л. 14 об. Четвергъ 4-й нед. поста, вечерня (Бытія X, 32; XI, 1—9).

л. 15. Четвергъ 4-й нед. поста, вечерня (Притчъ XIII, 20—26; XIV, 1—6).

л. 16. Пятница 4-й нед. поста, утреня (Исаіи XXIX, 13—23).

л. 17. Пятница 4-й нед. поста, вечерня (Бытія XII, 1—7).

л. 18. Пятница 4-й нед. поста, вечерня (Притчъ XIV, 15—26).

л. 19. Понедѣльникъ 5-й нед. поста, утреня (Исаіи XXXVII, 33—38; XXXVIII, 1—6).

л. 20. Понедѣльникъ 5-й нед. поста, вечерня (Бытія XIII, 12—18).

л. 20 об. Понедѣльникъ 5-й нед. поста, вечерня (Притчъ XIV, 27—35; XV, 1—4).

л. 21 об. Вторникъ 5-й нед. поста, утреня (Исаіи XL, 18—31).

л. 23. Вторникъ 5-й нед. поста, вечерня (Бытія XV, 1—15).

л. 24. „ „ „ „ „ (Притчъ XV, 7—20).

Паримія обрывается словами: добри же безоумльвьствоують вынов. лоуче мало честь бо ıа... (Притчъ XV, 16); между л. 24 и 25 листа не достаетъ; на л. 25 конецъ пареміи на среду 5 нед. поста, утреня (Исаіи XLI, 10—14): се сь тобою ıесьмь.

не бледи азь бо юсьмь с тобою. и бг҃ твои оукрѣпли те... азь юсьмь помочь тебѣ глеть г҃ь. избавлѧѥи те ст҃и изл҃вь.

л. 25 об. Среда 5-й нед. поста, вечерня (Бытія XVII, 1—9).

л. 26. Среда 5-й нед. поста, вечерня (Притчъ XV, 20—33; XVI, 1—9).

л. 27. Четвергъ 5-й нед. поста, утреня (Исаіи XLII, 5—16).

л. 28. Четвергъ 5-й нед. поста, вечерня (Бытія XVIII, 20—33).

л. 29. Четвергъ 5-й нед. поста, вечерня (Притчъ XVI, 17—33; XVII, 1—17).

Паримія безъ конца, вслѣдствіе пропажи листка между л. 30 и 31; обрывается словами: послѣдниа же ихь зреть вь дно адоу моужь вь троудѣхь троужаютсе. Л. 30 начинается: дахь нбо. азь всѣ... (залито и выцвѣло: не читается) повѣдахь. азь воздвигохь сь правдою цр҃е. и вси поути юго правн... не постыдетсе не посрамлѧютсе до вѣка. глеть г҃ь вседрьжитель — чтеніе на пятницу 5 нед., утреня (Исаіи XLV, 13—17).

л. 30 об. Пятница 5-й нед. поста, вечерня (Бытія XXII, 1—18).

л. 32. Пятница 5-й нед. поста, вечерня (Притчъ XVII, 17—28; XVIII, 1—5).

л. 33 об. Понедѣльникъ 6-й нед. поста, утреня (Исаіи XLVIII, 17—22; XLIX, 1—4).

л. 35. Понедѣльникъ 6-й нед. поста, вечерня (Бытія XXVII, 1—41).

Паримія обрывается на словахъ: и дасть....... (стерлось; не читается) же створи (л. 35 об.); этими словами кончается рукопись.

Эти п末иміи не находятся еще въ изданіи Григоровичева паримейника въ его первыхъ двухъ выпускахъ; поэтому опредѣлить точно отношеніе № 86 къ этому и другимъ, вошедшимъ въ изданіе, пока не представляется невозможнымъ; приблизительно же опредѣляются эти отношенія черезъ № 162 бѣлградской

же библіотеки, такъ какъ этотъ послѣдній списокъ, какъ увидимъ изъ его обзора, довольно близокъ къ Лобковской группѣ; съ описываемымъ же, № 86-мъ, онъ имѣетъ общихъ *пять* чтеній (они отмѣчены выше). Въ этихъ предѣлахъ можно себѣ представить особенности № 86; а особенностей этихъ настолько много, что о № 86 приходится говорить, какъ объ особенной какой-то редакціи текста, возникшей, можетъ быть [1]), путемъ радикальной справы стараго текста той группы, которую мы отличаемъ въ Лобковскомъ пар. сравнительно съ Григоровичевымъ. Для примѣра приведу цѣликомъ (строка въ строку и буква въ букву) первую изъ сохранившихся въ спискѣ паримію съ разночтеніями къ ней изъ № 162.

ѿ бы҃. чт҃. а҃.

Бы҃ вь шестисьтное лѣ҃. вь живо
тѣ ноєвѣ. вьтораго мц҃а. вь
ӥз. [1]) мц҃а. вь дн҃ь [2]) ѿврьзаютсе [3])
вси источници бе҃зны [4]) и хлѣ
би нбн҃ыє ѿврьзошесе. и бы҃ дьж҃ь
на земли .м҃. дни и .м҃. нощи.
и [5]) вь сь дн҃ь [6]) вьниде ноє. симь хамь
и апеть [7]). и [8]) сн҃ови ноєви. и жена ноє
ва. и три жени сн҃овь єго с нимь вь
ковч҃егь. и вси звѣрие [9]) наро҃ [10])
и вси скоти народь [11]). и всакь
гадь двизаєсе по земли [12]) и всака
п҃тица [13]) народь [14]) и вьнидоу [15]) кь ноє
ви вь ковчегь. двоє. двоє. ѿ вса(ко)
є пльти вь нєиже є҃ ду҃хь животьнь
и҃ вьходещєє [16]) моужьски поль и же
ньскь. ѿ всакоє пльти вьнидоше [17])
кь ноєви [18]) ӕкоже заповѣда г҃ь б҃ь.
л. 1 об. ноєви. и҃ затвори г҃ь б҃ь вьнеоуду [19])

[1]) Говорю: *„можетъ быть“*, не зная, въ какомъ отношеніи стоитъ № 86 къ старшему тексту—Григоровичеву.

ѥго ковчегь. и бы потопь .м. днн
и .м. нощий на земли [20]) и оумн
жисе вода и вьзетсе [21]) ковчегь. и
вьзетсе [22]) ѿ земле. и ѡдрьжаше и [23])
вода. и множашесе [24]) на земли зѣ
ло [25]). и ношашесе [26]) ковчегь врьхоу
воды [27]) вода же ѡдрьжаше зѣло
на земли. и покри все гори высо
кию. ѥже вѣхоу [28]) подь нбсемь.
еі. лакьть врьхоу [29]) вьзне се [30]) вода
и покри все гори высокию [31]) и у
мрѣть всака пльть дви
жоущиисе [32]) по земли. пти
ць и звѣрь и скоть [33]) и всакь
гадь прѣсмыкающинсе [34]) по зе
мли. и всакь члвкь и всачьска
га [35]) ѥлико имать дыханию жи
вотною. и все ѥлико бѣхоу [36])
соуши [37]) оумрѣть [38]). и потрѣби
се все возвиженнѥ [39]) иже бѣ [40])
л. 2. на лици всеѥ землѥ. ѿ члвка до [41])
скота и гадь и птиць нбныхь.
и потрѣбишесе ѿ земле. и ѡста
ѥдинь нои [42]) и соущи [43]) с нимь вь
ковчезѣ. и вьзнесесе [44]) вода надь
землею [45]) .рн. днеи [46]) ::

Варіанты изъ № 162 (л. 27d — 28b): 1) вь седми и двадесети мца; 2) *добавл.* тьи; 3) развръзошесе; 4) безнѣ; 5) *нѣтъ*; 6) вь днь тьи; 7) афеѳь; 8) *нѣтъ*; 9) *добавл.* земльніи; 10) по родоу; 11) по родоу; 12) и вси гади прѣсмыкающеисе и двизающеисе на земли по родоу; 13) *добавл.* перната; 14) перната; 15) вниде; 16 исходещаа; 17) вьниде; 18) вь ковчегь; 19) извьноу; 20) по земли; 21) вьзеть; 22) вьзвысисе; 23) *нѣтъ*; 24) оумножашесе; 25) зѣло на земли; 26) вьзвышашесе; 27) на водою; 28) бѣше; 29) *нѣтъ*; 30) вьзвысисе; 31) *нѣтъ*; 32) дви-

закмаа; 33) птиць и скотовь и звѣрей; 34) движеміи; 35) всє; 36) вса єлика бѣшє; 37) на соуши; 38) оумрѣшє; 39) всако сьзаніє; 40) єжє бѣшє; 41) дажє до; 42) ноє єдинь; 43) и ижє; 44) и вьзвысисє; 45) по земли; 46) дни .рн.

Изъ приведенныхъ варьянтовъ обращають на себя вниманіе тѣ, которые съ большой вѣроятностью можно счесть не случайностью, не разницей списковъ по времени ихъ написанія, а редакціонными различіями, проходящими чрезъ чтеніе систематически; таковы, напр., 10, 11, 12 (по родоу—народь), 20 (по земли—на земли), 22, 30 (вьзвысисє—вьзєтсє), 39 (сьзаніє—вьзвиженіє), 43 (и ижє—соущи) и т. д. Наконецъ, въ № 162 объемъ пареміи больше, нежели въ № 86: за последними словами № 86 въ № 162 читаемъ: и помєноу бь ноѥ. и всє звѣрє и всє скоти и всє птицє и всє гадови. и вса єлика бѣшє сь нымь вь ковчезѣ. и наведє бь дхь на землю и прѣста вода. и затворишєсє источници бездны. и хлєби нєбныє. и сьлѣсє дьждь сь нбсє и вьдаашєсє вода. исходєщіа ѿ землє. и оумалѣашєсє вода по .рн. днєхь (Быт. VIII, 1—3).

Если мы возьмемъ слѣдующую паримію (Притчъ X, 1—22), то увидимъ тоже соотношеніе; для наглядности выписываю только разночтенія.

№ 86.	№ 162.
избавить	избавлѣєть
заморить	оуморить
праведныхь	праведного
погибнєть	ѿвратить
смѣрить	смѣраєть
вьстанливыхь ѡбогащаютсє	моужєствьныхь ѡбогатєтсє
безоумнаго жє слоугоу приметь	нє моудромоу жє слоугою потрѣбоуєть.
спсєтсє	спсє сє
снь разоумивь	снь разоумнь
жєтвѣ	вь жєтвоу
снь законопрѣстоупьнь	снь беззаконнь
нечьстиваго	нєчьстивыхь

покрикеть	ѡставеть
праведникь сь похвалами	праведнаго сь похвалою
и моужь	име же
ѿкровени	покрьвенїи же
ѡстрьптає	запинає
ходить	шьствоуєть
не оутантсе	познань боудеть
скрьбь	печаль
не ѡбиноуєсе	сь дрьзновениємь
смѣрїаєть	сьмирениє творить
животьнь	жизны
вьзненавидѣниє	ненависть
се же не вьпрѣки гл҃ще	вьсе же не любопьрцоу
износить	приносить
моужа срьдна	моужа грѣшна
не ѡпасиваго	безѿчиваго
стоуженик	стежанїє
нечьстивыхь пагоуба	немощнихь нищета
поути животные	поути жизньные
блоудить	прѣльщаєть
клетви	оукоризны
безоумни	несмысльни
разоумнь боудеть	разоумнь боудеши
срце же нечьстиваго ичезнеть	срце же нечьстивыхь потрѣбитсе
оумѣють	вѣдеть
и безумнихь вь нищетѣ кончаютсе	несьмысльнїи же вь лишенїи скончаютсе
ѡбгащаєть	богатить
не имать приложитисе	не приложитсе
печаль	скрьбь

Въ остальныхъ аналогичныхъ паримьяхъ находимъ тоже отличіе въ передачѣ одинаковыхъ выраженій греческаго оригинала различными словами, тоже различіе въ чтеніяхъ, объясняемое, можетъ быть, варіантами въ самомъ оригиналѣ. Ясно, мы имѣемъ дѣло съ какой-то справой текста, справой

довольно древней, судя по времени, къ которому относится № 86 (XIV—XV в.). Лексическія особенности этого списка не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшаго сомнѣнія; самостоятельность его въ этомъ отношеніи напоминаетъ нѣсколько отношеніе Саввиной книги къ остальнымъ евангельскимъ текстамъ; конечно, только напоминаетъ, но едва ли можетъ быть сочтена параллельнымъ явленіемъ; во всякомъ случаѣ ни одинъ изъ извѣстныхъ списковъ паримейника не представляетъ такого отклоненія отъ общаго типа, какъ № 86. Въ этомъ, думается, значеніе его для будущаго историка паримейнаго текста.

Послѣдній изъ бѣлградскихъ списковъ—№ 162—уже не представляетъ въ чтеніяхъ такихъ отличій, подходя болѣе или менѣе къ обычному типу, если исключить длинныя указанія (изъ тріоди), о которыхъ была рѣчь выше. По составу, это—также отрывокъ. Начинается онъ съ отрывка паримія на утреню пятницы 2-й недѣли поста (Исаія VII, 1) [1]) по изд. Р. Ѳ. Брандта, II, 169, 1. Въ дальнѣйшемъ слѣдуетъ изданному тексту до самаго конца этого текста, но только на пространствѣ двухъ паремій: дальнѣйшее еще не вошло въ изданіе:

л. 12a. Понедѣльникъ 3 недѣли поста, утреня (Исаія VIII, 13—22; IX, 1—7).

л. 13a—b. Понедѣльникъ 3 недѣли поста, вечерня (Бытія VI, 9—22).

л. 13d. Понедѣльникъ 3 недѣли поста, вечерня (Притчъ VIII, 1—21).

л. 17b. Вторникъ 3-й недѣли поста, утреня (Исаія IX, 9—21; X, 1—4).

л. 18c. Вторникъ 3-й недѣли поста, вечерня (Бытія VII, 1—5).

л. 18d. Вторникъ 3-й недѣли поста, вечерня (Притчъ VIII, 32—36; IX, 1—11).

л. 22b. Среда 3-й нед. поста, утреня (Исаія X, 12—20).

---

[1]) Начинается съ того мѣста, гдѣ, послѣ пропуска, начинается и текстъ Григоровичева пар. (л. 29—33).

л. 23b. Среда 3-й нед. поста, вечерня (Бытія VII, 6—9).

л. 23c. Среда 3-й недѣли поста, вечерня (Притчъ IX, 12—18).

л. 26d. Четвергъ 3-й недѣли поста, утреня (Исаіи XI, 10—11; XII, 1—2).

л. 27d. Четвергъ 3-й недѣли поста, вечерня (Бытія VII, 11—24; VIII, 1—3).

л. 28c. Четвергъ 3-й недѣли поста, вечерня (Притчъ X, 1—22).

л. 32d. Пятница 3-й недѣли поста, утреня (Исаіи XIII, 2—13).

л. 33d. Пятница 3-й недѣли поста, вечерня (Бытія VIII, 4—21).

л. 33d. Пятница 3-й недѣли поста, вечерня (Притчъ X, 31—32; XI, 1—12).

л. 34c. Суббота 3-й недѣли поста, утреня [1]).

л. 40a. Суббота крестопоклонной недѣли, вечерня (Бытія XII, 1—7).

л. 40c. Суббота крестопоклонной недѣли, вечерня (Притчъ XIV, 15—26).

Это послѣдняя паримія отрывка — Привожу разночтенія этого списка съ печатнымъ изданіемъ пр. Брандта, отмѣчая (въ скобкахъ) списки, съ которыми разночтеніе № 162 совпадаетъ; въ первомъ столбцѣ текстъ Григоровичева пар., во второмъ разбираемаго.

169, 2 И вѣстъ бꙑ — И възвѣстите (Ляп.).
— 3 Ꙗрамъ — Ꙗраамь (Лобк. Ляп. Бѣлгр.) [2])
— 4 ѣкоже — имже шбразомь (Ляп.).
— 5 двигнетъ сѧ — колѣблетсе (Ляп.).
— 6 шставлены [3]) — шставшіи (Ляп.).
170, 7 вышнѣего — горнаго (Ляп.).
— 8 съхрани сѧ — сьхрани (Ляп. Оф. Стеф.).

---

1) Пармія нѣтъ: пропускъ въ рукописи листовъ.

2) Обозначаю такъ бѣлградскій № 300.

3) Принимаю коньектуру Р. Брандта.

170,10 ѿ двою дрѣвоу, главнѣма коурѧщіма сѧ има — ѿ ѡбою главню дымещихсе сих (Ляп. Зах. Оф. Стеф.) [1]).
— 13 зълъ — лоукавь [2]).
171,19 погъіблєтъ — погыбнєть (Ляп. Лобк. Стеф. Оф. Перф.).
— 22 имєтє — иматє (Лобк. Ляп.).
— 23 Ахазови — ахазоу (Зах.).
— 23 испроси — проси (всѣ).
— 24 оу Гй бā своєго — ѿ гā бā твоѥго (Ляп.).
— 25 въпросити — просити (всѣ).
— 26 слъішитє — слыши (Ляп).
— 28 како Гви даєтє трꙋдъ — како трꙋдъ даѥтє гоу (Ляп.).
172, 4 по земи — на земли (Ляп. Зах. Оф. Стеф. Перф. Бѣлгр.).
173, 7 ѧ — опущено (Ляп. Лобк. Оф. Стеф. Перф.).
— 10 плъти — пльть (Ляп.).
— 11 Ѕполи — сполини (Ляп.).
— 11 по земи въ тъіѧ дни — на земли вь дни ѡни (Ляп. Бѣлгр.).
— 14 исполи — сполины жє (Ляп.).
— 16 члвчъскы по земи — члкомь на земли (Ляп.).
174,19 ижє — ѥгожє (всѣ, кромѣ Ляп.).
— 20 ѿ лица земли — ѿ землѥ (Ляп.).
— 20 до скота — дажє и до скота (Ляп.).
— 20–21 до птицъ — дажє до птиць (Ляп.).
— 22–23 прѣдъ Бгомъ — прѣдь Гмь (Ляп. Бѣлгр.).
— 27 ѿврьзи — ѿрини.
175,29 ѡжѧжели жє — обложи ѥ (Ляп.).
— 30–31 бѫдєтъ — да боудєть (Ляп.).
— 31 єгда — ѥгда жє (Ляп. Оф. Перф.).
— 2 заповѣди — заповѣдь (Ляп. Лобк. Зах. Оф. Перф.).
— 2 пѫтиє животоу — гоуть животнь (Ляп. Зах. Бѣлгр., ср. Лобк.).
— 3 наказанию — и наказаніє (Перф. Ляп. Лобк. Бѣлгр.).

---

1) Совпадаетъ съ греч. *τῶν δαλῶν τῶν καπνιομένων τούτων.*

2) Чтеніе принято современнымъ печатнымъ текстомъ.

175,5—6 да не оудобл҃ѣтъ ти похоть тоуждеѧ доброты — да не побѣдить (=Ляп.) тебѣ доброти желание.

176, 6 ни оуделѣнъ — ні же (=Ляп.) оуловлень (всѣ).

— 8 любодѣицѧ — блоудници.

— 9 честнъі — чьстнымь (Ляп. Оф.).

— 11 съжежетъ — сьжет ли (Ляп. Оф. Перф. Стеф. Тих.).

— 11 или настѫпитъ кто на ѫглъ — или настоупивіи кто на оуглие ѡгньныи (Лобк. Перф. Ляп.).

177,15 аще въпадетъ кто крадъі — аще имоуть кого крадоуща (Ляп.).

— 16 дшѫ — дшоу свою (Перф.).

— 16 въпадаетъ — выпадеть (Ляп. Зах. Оф. Перф. Тих.).

— 22—23 пощѧдѣ — пощедить (Ляп. Зах. Оф. Перф. Лобк. Стеф. Тих.).

— 23 не оулѧжетъ же — ни измѣнить (Ляп. Зах. Лобк. Оф. Стеф. Перф. Бѣлгр.).

178,25 дары — дарми (Ляп. Оф. Стеф. Лобк.).

Изъ приведенныхъ разночтеній видимъ, что разбираемый списокъ по чтеніямъ ближе всѣхъ стоитъ къ Ляпуновскому (1511 года), и вмѣстѣ съ нимъ даетъ рядъ сближеній съ современнымъ печатнымъ правленымъ текстомъ, т.-е. онъ вмѣстѣ съ Ляпуновскимъ принадлежитъ къ той поздней версіи, которая легла въ основу печатнаго изданія; съ другой стороны, онъ показываетъ, что и русское печатное изданіе связано съ юго-славянской поздней справою текста. Эта связь подкрѣпляется еще нѣсколькими примѣрами, гдѣ сербскій текстъ совпадаетъ съ современнымъ печатнымъ, отклоняясь отъ Ляпуновскаго и прочихъ; таковы:

174,27 Сне, храни законы (=печ.)—храни сне законъ (Григор. и остальн.)

176, 7 вѣждама (=печ.) —вѣкомъ (Григор. и проч.)

177,20 безьчьстие (=печ.) —досаждениѣ (Григор. и проч.)

Какъ видимъ, даже поверхностное изслѣдованіе сербскихъ списковъ, каково приведенное выше, дало рядъ не лишенныхъ интереса чертъ для исторіи паримейнаго славянскаго текста. Полагаю, что болѣе полное изслѣдованіе еще болѣе

установить важность ихъ для этой исторіи. Поэтому, нельзя не пожелать, чтобы эти сербскіе списки, а равно какъ и другіе, какіе возможно будетъ найти, были привлечены къ изданію, которое, несомнѣнно, надолго станетъ первостепеннымъ источникомъ для знакомства нашего съ древне-славянскимъ и русскимъ паримейникомъ: такія изданія часто не повторяются...

Въ той же народной бѣлградской библіотекѣ нашлись и еще важные матеріалы для исторіи нашего перевода свящ. писанія. Такъ, подъ № 459 находится списокъ ветхозавѣтныхъ книгъ 1558 года, какъ о томъ свидѣтельствуетъ запись на послѣдней страницѣ рукописи, писанная рукой ея писца: +ко́нць кні́зѣ сеи̇ гл҃ѥ́ми пале҄а и четі́ремъ цр҇твіга́мъ+б҃ь да про́сти̇, писа́вша̀го: — в̇ лѣ҇ ҂зѯ҃ѕ:+(7066—1558). [1]
Этотъ прекрасный по письму (полууставъ, уже закругляющійся) списокъ Восьмикнижія съ четырьмя книгами Царствъ до сихъ поръ не изслѣдованъ. Къ сожалѣнію, для изслѣдованія этого списка не было подъ рукой матеріала, не было даже изслѣдованія М. Г. Попруженка (Книга Царствъ—Одесса 1894), съ помощью котораго можно было бы опредѣлить хотя бы текстъ книги Царствъ. Насколько можно было судить по внѣшнимъ признакамъ самой рукописи, едва ли мы ошибемся, если отнесемъ четыре книги Царствъ нашей рукописи къ тѣмъ „ресавскимъ“ изводамъ, къ которымъ отнесъ М. Г. Попруженко одесскій отдѣльный списокъ Царствъ, къ которымъ приходится отнести и Григоровичевъ списокъ Румянцевскаго музея (№ 1684). Въ пользу такого вывода говоритъ самый составъ бѣлградскаго текста: онъ отдѣляетъ, какъ нѣчто иное по происхожденію, книги Царствъ отъ предшествующаго ему Восьмикнижія: ведя счетъ листамъ всей рукописи по тетрадямъ (внизу,

1) Ср. болгарскій списокъ 1550 г., гдѣ Пятикнижіе вмѣстѣ съ другими ветхозав. книгами названо также «палеей» (Востоковъ, Опис. Рум. муз., стр. 34). Списокъ № 459 немногимъ моложе сербскаго списка того же состава собр. В. И. Григоровича (Рум. муз. № 1684), также «палеи» — 1523—43 г. (См. Отчетъ Моск. Публ. и Рум. муз. 1876—1870 гг., стр. 3 и сл.). Ср. списокъ XV в. Севастьянова (Рум., муз. № 1431).

въ началѣ и концѣ тетрадей, помѣты), писецъ, начиная съ Царствъ, начинаетъ вновь счетъ тетрадей, а не продолжаетъ прежній. Послѣ книги Руфь—отдѣльная запись, какъ въ концѣ рукописи: Сїє книгы бытїа нбоу и землли..... и въ тьи днь изыдоша опрѣснкы носеще. (тетр., лa, листъ 5). На слѣдующемъ листѣ, оставленномъ пустымъ, рисунокъ: кругъ, въ немъ рука съ цвѣткомъ; около руки запись: четирми врѣна кру лѣту вѣнчаа—в лѣ ҂зѯє:—(7065—1557)[1]). Въ кругѣ записи: лѣто - маїа в есе-пролѣтїє зима (крестъ-на-крестъ) Направо вверху внѣ круга изображеніе (символическое) солнца съ подписью: слнце вь област дны:—налѣво—луна съ подписью: луну и звѣзы вь обла нб. Наконецъ, ниже круга налѣво: зачелѡ весна пролѣтїє глетсе. Въ слѣдующихъ книгахъ Царствъ мелкимъ письмомъ въ самомъ текстѣ и на поляхъ замѣтки-толкованія, съ частыми ссылками на Симмаха и др. (Сїма же глеть). То же самое мы находимъ въ Григоровичевомъ спискѣ Восьмикнижія (Рум. муз., № 1684) и въ отдѣльномъ спискѣ Царствъ Новороссійскаго у-а (М. Г. Покруженко, у. с., стр. 41). Къ этимъ краткимъ бѣглымъ замѣткамъ можно добавить, какъ индувидуальность рукописи, замѣтки писца; такъ, въ книгѣ Судей (тетр. кн, лист. 4), пропущены гл. II, 20—IV, 8; для нихъ оставлены пустыми два листа, почему и записано: здѣ у крта (въ концѣ текста гл. II, 20, постановленъ крестикъ) два листа су изгинула ѿ книге. судїиской і єга ѡбрѣщетъ да се въпишутъ. Правописаніе списка тоже, что въ Григоровичевомъ, т.-е. уже подъ вліяніемъ реформы Константина философа (Костеньчскаго), т. е. съ надстрочными значками и удареніями на болгарскій манеръ, съ ъ въ предлогахъ и т. д. Во всякомъ случаѣ подобные списки, какъ встрѣчающіеся не часто, заслуживаютъ вниманія; поэтому и нашъ списокъ.

Новозавѣтные тексты — главн. обр. евангельскіе — изобилуютъ въ бѣлградской библіотекѣ: если Г. А. Воскресенскій

---

[1]) Или 7060—1552, если *е* не относить къ цифрѣ, а къ окончанію прилаг. числительнаго.

насчиталъ въ ней 32 списка [1]), то мнѣ пришлось отмѣтить и частью пересмотрѣть болѣе 40 текстовъ. Цѣлью пересмотра нѣкоторыхъ списковъ было дополнить матеріалъ для исторіи евангельскаго текста, собранный въ изслѣдованіи проф. Воскресенскаго; кромѣ дополненія матеріаломъ, трудъ проф. Воскресенскаго нуждается и въ провѣркѣ, такъ какъ многое оказывается или голословнымъ, или—главное—не оцѣненнымъ филологически. Въ этомъ пришлось убѣдиться, просматривая (по порученію Академіи Наукъ) трудъ почтеннаго изслѣдователя. Имѣя въ виду въ иномъ мѣстѣ воспользоваться собранными наблюденіями, ограничусь здѣсь только немногими указаніями, которыя могутъ представлять интересъ сами по себѣ и не имѣютъ мѣста въ тѣхъ вопросахъ, которыхъ мнѣ приходилось касаться, изучая и разбирая „Характеристическія черты ев. отъ Марка.“ Пересматривая преимущественно поздніе (XV—XVI в.) списки евангелія, какъ наиболѣе важные для уясненія слабо разработаннаго у Г. А. Воскресенскаго вопроса о нашей четвертой редакціи евангелія, именно по связи ея съ т. н. тръновскими и ресавскими изводами, я не могъ оставить безъ вниманія и старые списки: эти послѣдніе даютъ любопытный матеріалъ для исторіи языка и палеографіи. На этихъ старыхъ спискахъ я и остановлюсь здѣсь.

№ 69. Отрывки на пергаминѣ, 46 л., евангелія—апракоса XIII в.; писаны небрежнымъ уставомъ по 22 строки на страницѣ. Краткія замѣтки о составѣ и языкѣ этого отрывка сдѣланы Г. А. Воскресенскимъ (Славянскія рукописи въ заграничныхъ библіотекахъ, Спб. 1882, стр. 51). По редакціи текстъ слѣдуетъ отнести къ первой, принимаемой Г. А. Воскресенскимъ [2]). Главный интересъ отрывокъ представляетъ своими формами.

Дополняю замѣтки о нихъ Г. А. Воскресенскаго. Текстъ болгарскій; помимо общераспространенной смѣны ѫ и ѧ, въ немъ находимъ:

---

[1]) Характеристическія черты ев. отъ Марка (М. 1898), стр. 60.

[2]) Характеристическія черты четырехъ редакцій св. Марка.

1) оу вм. ѫ: гл҃ахоу (3 pl.) 21 об., вьпрашахоу 22; азь пию 22 об., кр҃ьщоусѫ 22 об., вѣлоу 21 об., трьплоу 21 об. Ср. П. А. Лаврова, Обзоръ звуковыхъ и формальн. особенностей болгарск. языка. М. 1893, стр. 22).

2) є вм. ѧ: придошє (3 pl.) 19 об., чєдо 19 об., сєдєщє 19 об., гл҃є (part. praes.) 21 об., тєщє (part. praes.) 21 об., видєть (3 pl.) 21, начєшѫ (3 pl.) 23. (Ср. Лавровъ, у. с., стр. 29).

3) є вм. ѣ: нєма 20, 21, нємиє 20 об., в силє 21 (Ср. Лавровъ, 65).

4) ѣ вм. ѧ: грѣди 22, проужавсѣ 21 об. (Лавровъ, 30).

5) Весьма частое употребленіе ѣ вм. є: мѣждоу 20, кь нѣмоу 19 об., на морѣ (acc.) 20, вѣсь 20 об., всѣ (sg. neutr.) 20 об., вѣлоу 21 об., привѣдошѫ 20, изидѣ 20, 21, избавлѣниє 23. Особнякомъ стоитъ форма: мнѣ=мєнє (accus.), 20 об. (два раза).

6) Обоюдная смѣна ѫ и ъ: имьщє 21 (Ср. Воскресенскій, 51), въздѫхнѫ 20 (Ср. Лавровъ, 17).

7) Смягченіе и несмягченіе губныхъ плавнымъ+j: ѡслабѣнь 19 об. и ѡслаблѣноу 20 (Ср. Лавровъ, 96).

8) Твердость л (Лавровъ, 102—103): славлахѫ 20, ди влахѫсѫ 20 об..

9) Рядомъ съ обычнымъ ѫ вм. ѧ (ѫзыкомь 22, сѫ (сѧ) 20 об.) находимъ странное: мѫ вм. мѧ 21, и єзика 20 (Ср. Лавровъ, 31).

10) Взаимная смѣна ы и и не часта: слишать 20 об., нємиє 20 об., єзика 20.

11) Обращаютъ на себя необъяснимыя для меня формы съ ѫ вм. є органическаго: глашѫ 19 об., сьлєжашѫ 19 об., начєшѫ 23 (3 л. ед. ч.), глєтѫ 21 (=глєтє), прокопавшѫ (=вѣшє) 19 об..

12) Кромѣ указаннаго Г. А. Воскресенскимъ: нєвѣрьствиѥ 21 об. (съ ѥ вм. ю), можно отмѣтить: вѣрѥѫщомоу 21 об., гдѣ видимъ, сверхъ ѥ=ю, замѣну оу черезъ ю (Ср. Лавровъ, 117).

Въ виду интереса по языку описываемаго отрывка при-

вожу изъ него небольшое чтеніе для образца (л. 19 и об.) (Марка I, 35—44).

ѿ мр҃. гл҃а .зі҃.

Вь вре҃ ѿ҃. вьставь і҃сь
изиде вь поустоѥ мѣсто мл҃твѫ дѣꙗше·
и гн҃аше симонь [1]) иже бѣхѫ с нимь. и̇ ѡбрѣ- .
тшѫ [2]) гл҃шѫ ѥмоу· ꙗко вс҃и ищѫть тебе. и̇
гл҃а имъ идемь [3]) въ ближнѧѫ вѣси [4]) и̇ гра҃
да и тоу пропове҃. на се бо и̇зидохь. и̇ бѣ про҃-
повѣдаѫ на сьнмищи҃ и̇хь. вь всѣи гали-
леи. бѣси и̇згонѫ [5]). и̇ приде кь немоу про-
каженин мл҃ѧ и̇. и̇ на колѣноу па҃е [6]). и гл҃ѫ
ѥмоу. ꙗко а̇ще хощеши г҃и. можеши мѧ
ты [7]) и̇зчистити. і҃сь же мл҃рдовавь. про-
ст҃рь рѫкѫ и̇ коснѫ и̇. и гл҃а ѥмоу хощѫ
исчисти ти [8]) сѧ. и рекше [9]) ѥмоу а̇бие ѡ̇ти-
де проказа ѿ него. исчистисѧ и ч҃ить бы҃
и запрѣщашѫ [10]) ѥмꙋ изгн҃а и̇. и гл҃а ѥмꙋ блю-
ди никомоуже ничесоже не рьци. нь ш҃ь
покажисе [11]) ѥрѣѡви. и принеси за ѡ̇чище-
ние твоѥ. ꙗкоже повѣлѣ моиси̇. вь свѣ҃-
тельство имь.

№ 63. Полный апракосъ, болгарскаго письма, XII—XIII в. Эта рукопись отмѣчена Г. А. Воскресенскимъ (Слав. рук., 50—51) и подробно разобрана В. И. Ламанскимъ (О нѣкоторыхъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, Спб. 1864 г., стр. 2—19). При характеристикѣ языка В. И. Ламанскимъ осталась не замѣченной одна, не лишенная значенія черта,—прибавка евфоническаго *в* въ началѣ слова: вѫжемь, вѫжи, вм. ѫжемь, ѫжи (Марка V, 3 и 4). Не лишена интереса и форма втораго л. ед. ч.: движешь (л. 64 об.).

---

1) Ошибка: слѣд. гнаше (Галицкое гънаша — Воскр., 108). 2) т. е. обрѣтъше. 3) т. е. идѣмъ. 4) т. е. вь(ѥ)си. 5) т. е. изгонѧ. 6) падаѧ (Мар. Ев. и пр.). 7) Нѣтъ ни въ одномъ спискѣ. 8) Лишнее. 9) т. е. рекъшоу. 10) запрѣщть (Мар. и др.). 11) т. е. сѧ (сѫ).

№ 426. Отрывки [1]) изъ *четвероевангелія*, сербскаго, половины XIV в., въ 4° на пергаминѣ, по 18 строкъ на страницѣ. Рукопись сильно пострадала отъ времени, лишившись начала и значительной своей части; кромѣ того, листы въ массѣ внизу объѣдены. Сохранились только: Матѳея ев., начиная съ XIII, 6, Маркъ съ I гл. по начало 24 стиха VIII гл.

Письмо отличается архаичностью пріемовъ и оригинальностью въ заставкахъ: передъ евангеліемъ отъ Марка и его главами (числомъ 47) витая заставка изъ красныхъ, зеленыхъ и желтыхъ жгутовъ; передъ самымъ евангеліемъ заставка изъ круговъ съ киноварнымъ простымъ заглавіемъ, прокрытымъ желтой краской, такая же простая киноварная заглавная буква, покрытая желтымъ цвѣтомъ—архаичный пріемъ (см. Е. Ѳ. Карскій Изъ лекцій по славянской палеографіи. Варшава 1897, стр. 56).

По чтеніямъ текстъ долженъ быть отнесенъ къ первой редакціи, при чемъ онъ важенъ тѣмъ, что замѣчательно близко стоитъ къ Галицкому евангелію, представляя т. о. до извѣстной степени ту промежуточную редакцію, которая была еще на югѣ славянства (въ Болгаріи) и дала начало тому типу, который на русской почвѣ представленъ Галицкимъ текстомъ. Привлеченіе этого текста, замѣчательнаго по архаичности, внесло бы болѣе точности въ изслѣдованіе Г. А. Воскресенскаго о редакціяхъ евангелія.

Текстъ отличается обиліемъ древнихъ полныхъ формъ, правильностью ихъ употребленія: крьщаахоусе, слоужаахоу, ѡставлїааше,—галилеискааго, нечистыимь, вишнїаагo (Мр. V, 7), бѣснѡмоу (Мр. V, 16); но супина уже не замѣтно. Встрѣчаются краткія формы прилагательныхъ: нечистомь, неоумвенѣма (Мр. VII, 2). Съ другой стороны пробиваются уже и діалектическія (сербскія) формы въ видѣ смѣшенія ы и и: имии, митарь, пастира [2]) (Мр. VI, 34), — караблы, (Мр. V, 21), гоугнывь (VII, 32), землы (VIII, 6); хотя мягкость и твер-

[1]) Поступили въ библіотеку въ 1890 г. чрезъ Ст. Новаковича, купившаго ихъ въ Константинополѣ за 100 франковъ, какъ отмѣчено въ каталогѣ.

[2]) Сюда же относится: раздрабиты (III, 27), при чемъ надъ ы поставлено ї.

дость ρ и л чувствуется (творѧаате), но кое-гдѣ видимъ уже отвердѣніе мягкаго плавнаго: творахоу, постира, даже: пристоупль [1]) (ср. выше).

Встрѣчаемъ уже сербское, часто находимое позднѣе, удвоеніе гласнаго прѣпаахаавшоу (Мр. V 21); случайно проскользнула уже форма: оу нега (Мр. V, 9).

№ 92. Четвероевангеліе босанское XIV в., то самое, изъ котораго Ю. Даничичъ подвелъ разночтенія къ Никольскому ев. въ своемъ изданіи. Въ общихъ чертахъ оно имъ и описано; у Воскресенскаго отмѣчено въ его „Характерическихъ чертахъ" (стр. 20; обозн. А, 11.). Снимокъ, приложенный къ изданію Даничича, даетъ удовдетворительное представленіе объ оригинналѣ; только, сравнительно съ нимъ, онъ грубѣе передаетъ начертанія, нѣсколько ослабляя тѣмъ впечатлѣніе, которое оставляютъ босанскіе старые тексты, отличающіеся тонкостью, изяществомъ своего мелкаго письма. Текстъ № 92 разсмотрѣнъ мной преимущественно со стороны графики, отчасти языка, какъ типичный представитель босанскихъ старыхъ текстовъ, какъ извѣстно, составляющихъ особую группу въ палеографическомъ отношеніи, какъ и въ отношеніи языка, сохраняя съ одной стороны архаичность чтеній, съ другой свободнѣе, нежели другія рукописи, давая заступъ живому говору.

Въ палеографическомъ отношеніи эта группа представляетъ весьма рѣзкія отличія отъ рукописей не-босанскихъ, сохраняя нѣкоторые пріемы графики глаголическихъ рукописей. По составу также босанскій текстъ евангелія можетъ быть выдѣленъ въ особую группу: всѣ списки (Никольское ев., № 92, Гильфердинга, Хвалова рук., Сречковича и др.) — четвероевангелія (небольшаго формата): апракосовъ босанскаго письма мы не знаемъ. Можетъ быть, эти всѣ евангелія, съ ихъ особенностями въ чтеніяхъ, надо отнести, какъ показываетъ Хвалова рукопись (Болонская), къ богомильскимъ босанскимъ.

Вотъ какія особенности въ формахъ мною замѣчены въ ев. № 92:

---

[1]) Мр. I. 31; ъ читается совершенно ясно: остатокъ оригинала?

а) смѣшеніе п и ф: филать 77 об., фити 13,—канѣпа 29, 31 об., носипь 36, парисѣне 35, 36. Сравни двѣ выдержки: не вѣста се чего просѣща можета ли фити чашꙋ юже имамь азь фити или крьщение еже азь крещаюсе крьститисе гласта емꙋ можевѣ и гла има чашꙋ мою исфиета (л. 13);—и: пите ѿ не вси се есть крьвь моѣ новаго завѣта пролѣваема за многие вь ѿдание грѣховь. глю же вамь тако не имамь пити юже ѿ сего плода лозьнаго до того дне ега пию с вами вь цсрьтви оца моего (л. 29 об.)·

б) Широкое употребленіе а вм. глухаго, хотя и не проходящее послѣдовательно: мисалью 19, пришальца 20 об., црькавию, црькавьнимь, дльжань 20 об., двари 26, 36, болань 28, таланать 26, дансь 33 об., вѣрань 26 об. (тутъ же: вѣрьнь), неповинань 34, вьназь (вьньзь) 35, вась (вьсь) 30, пришаль 31, сьнамь 31 об., льстаць 36 и т. д.

в) Смѣшеніе ы и и, такъ какъ оба эти звука давно уже слились въ живой рѣчи: едынь 20, рабина 32.

г) Смѣшеніе и и ѣ, какъ отраженіе различнаго произношенія старо-славянскаго ѣ; босняки стоятъ ближе къ и-кавцамъ: диви (дѣвы) 28, дииаше 32, ꙋзри (=ѣ, которое и надписано на верху въ видѣ крестика) 39 об., сѣдиѣше 32;— мѣра, мѣрѣ (мира, мирѣ) 27 об., 28 об., дѣвѣи (дивни) 39 об., достоѣнь 39, сьбѣраю 27.

д) Народныя формы: боуде 28 об., ꙋдри 31.

Эту группу явленій я отнесъ бы къ числу тѣхъ отклоненій отъ старославянскаго типа, которыя вызваны мѣстными условіями. Совершенно аналогичныя черты представляетъ и Никольское ев., и другія, упомянутыя выше. Къ этимъ чертамъ до извѣстной степени можно отнести формы съ твердымъ гласнымъ вмѣсто мягкаго послѣ плавнаго: нижнаго, земла 35, хотя надъ н и л стоитъ значекъ въ родѣ паерка: быть можетъ, указаніе на мягкость этихъ согласныхъ? Въ формахъ: рабина 32, поустынꙋ 39 об.—такого обозначенія мягкости н не видимъ.

Какъ смотрѣть на ѣ вм. ꙗ, совершенно отсутствующаго

въ графикѣ? Это—характерная черта босанскихъ рукописей, общая съ древнѣйшими глаголическими текстами (Маріинское ев.); причина этого кроется, повидимому, въ звуковыхъ особенностяхъ ѣ: ѣко, сѣдѣше.

Переходя къ графикѣ рукописи, мы въ № 92, какъ и въ другихъ босанскихъ, замѣчаемъ сравнительно съ современными имъ и старшими сербскими текстами слѣдующее:

а) Отсутствіе, почти полное, ѥ, которое всюду замѣнено є, ничѣмъ не отличающимся отъ простаго. Обыкновенныя же сербскія рукописи, даже въ довольно позднее время (XV—XV в.) отличаются этой чуткостью къ твердости и мягкости *е*, тогда какъ остальныя, русскія и болгарскія, рано утрачиваютъ эту чуткость, по крайней мѣрѣ, на письмѣ. Здѣсь босанскіе тексты опять сближаются или съ болгарскими (по тексту), или съ глаголическими; послѣдніе даже не имѣютъ особаго знака для ѥ.

б) Подобно немногимъ древнѣйшимъ кирилловскимъ и глаголическимъ, и босанскіе тексты не знаютъ системы надстрочныхъ значковъ (точекъ, придыханій, при встрѣчѣ гласныхъ, на гласной въ началѣ слова). Въ этомъ случаѣ босанскіе тексты опять ближе къ глаголической традиціи: древнѣйшіе кирилловскіе (Остром. Ев.; тексты XI в.) уже выработали въ зависимости отъ греческихъ образцовъ, систему, хотя несложную.

в) Сокращенія (титла, выносныя буквы) въ босанскихъ спискахъ такъ же рѣдки, какъ въ другихъ рукописяхъ XI, XII в.; чаще другихъ находимъ ҭ (напр., бы҃), ⷣ(напр., єгⷣа, тьгⷣа). Здѣсь опять, повидимому, имѣемъ дѣло съ консерватизмомъ, сохраненіемъ древней традиціи, которой держатся и глаголическіе тексты.

г) Паеркъ ҆ встрѣчается, какъ и въ древнѣйшихъ текстахъ, крайне рѣдко, но, повидимому, кромѣ своего прямого значенія—замѣны глухого—онъ имѣетъ и иное, вполнѣ едва ли опредѣлимое: если въ словахъ: ог҃нь 27 об., скон҃ча 28, можно считать значекъ ҆ паеркомъ, то нельзя ему придавать такого же значенія въ такихъ случаяхъ: ст҃ранна 28, дꙑ҃агиє, г҃лавꙋ 28 об., вѣ҃чьнꙋ 28, бывь҆шꙋ 28 об., дьн҃ию 28 и т. п.

Нѣчто подобное мы уже видѣли въ рукоп. № 86, описанной выше.

д) Весьма характерно въ босанскихъ рукописяхъ употребленіе ȣ (=ѹ) и оу. Отдавая предпочтеніе первому, босанская рукопись поступаетъ почти обратно установившейся въ другихъ рукописяхъ традиціи: въ этихъ послѣднихъ оу принято за правило, ȣ какъ его замѣна въ концѣ строкъ, въ случаѣ недостатка мѣста; тогда какъ прочія рукописи, поэтому, избѣгаютъ ѹ въ началѣ слова даже въ позднее время, когда оу и ѹ безразлично употребляютъ внутри слова, босанская рукопись предпочитаетъ ȣ въ началѣ слова, допуская оу внутри слова. Въ началѣ слова находимъ оу (и то не какъ правило) преимущественно тогда, когда это слово сливается на письмѣ съ предыдущимъ: вьоускрѣшении 18 об., неоудобь 20, даоучита 13 об. (хотя иѹзрѣть 24). Во всякомъ случаѣ для № 92 и прочихъ босанскихъ текстовъ надо признать ѹ (точнѣе ȣ) нормальнымъ, а оу отклоненіемъ отъ этой нормы. Гдѣ искать объясненія этого явленія, сказать трудно. Можетъ быть, небольшой форматъ рукописей, мелкость шрифта, вліяніе греческихъ текстовъ (обычно предпочитающихъ ѹ) привели къ болѣе экономному ȣ, вытѣснявшему менѣе экономное въ отношеніи мѣста оу? Въ такомъ случаѣ, почему этой тенденціи мы не видимъ въ другомъ отношеніи, напр., въ увеличеніи числа надстрочныхъ буквъ? Этотъ послѣдній пріемъ стоитъ въ прямой связи съ экономіей мѣста. Можетъ быть и то, что въ этомъ, въ связи съ другими особенностями, надо искать отзвукъ вліянія графики глаголическихъ текстовъ, отъ которыхъ иногда непосредственно идутъ босанскіе тексты (Никольское евангеліе)? Глаголическіе тексты знаютъ только *одно* начертаніе для звука *у* и притомъ въ обѣихъ своихъ частяхъ слитое въ одно начертаніе, а не два рядомъ стоящихъ о-у: ср. оу и Ⱆ, къ которому ѹ ближе по цѣльности.

е) Особенно въ босанскихъ текстахъ бросается въ глаза способъ переноса слова съ одной строки на другую: тогда

какъ обычно кирилловскія рукописи стараются переносить цѣлый слогъ, при чемъ избѣгаютъ переноса одной буквы или слога изъ согласной съ глухимъ, босанскіе тексты совершенно въ этомъ отношеніи не стѣсняются, руководясь только простымъ соображеніемъ заполненія строки и разсѣкая слово на части независимо отъ цѣльности слога или слова. Такіе случаи попадаются массами на каждой страницѣ; напр., л. 11 (лицев. ст.): имѣт-и, слышав-ь жє, своим-ь, н҃-бс҃ноє, ѹдоб-ѣє, ц҃-р҃ьство, слышавьш-є жє, г҃-л҃юштє, б-ыти; л. 11 об.: є-мѹ, ѹб-о, и-мь, ѿ-ьшє, колѣн-ома, м-єнє, пр-имєть, наєт-и, св-ои; еще случаи: н-є (12), м-оєго, (13 об.), призв-авь (13 об.), р-ьцѣтє (17 об.),

Опять здѣсь напрашивается параллель босанскихъ текстовъ съ глаголическими, которые также свободно относятся къ переносу части слова съ строки на строку; возьмемъ на удачу примѣры изъ Маріинскаго евангелія: о-блакь ($303,_{27}$) [1], и-родъ ($303,_{26}$), нє-мь ($304,_{10}$), пила-тъ ($304,_{17}$) є-моу ($305,_{2}$), а-штє ($305,_{14}$), оуби-тъ ($305,_{17}$), є-го ($307,_{20}$), є-стъ ($309,_{20}$) и т. д. При всемъ томъ, надо замѣтить, что въ босанскомъ текстѣ эта особенность нѣсколько утрирована: въ Мар. ев. такихъ разсѣченій, въ родѣ пр-имєть, мнѣ не встрѣтилось [2]).

Такимъ образомъ, графика босанскихъ текстовъ можетъ дать любопытную картину для исторіи развитія славянскаго письма, можетъ быть, уяснитъ отношеніе между кириллицей и глаголицей, если не въ первоначальную, во всякомъ случаѣ, въ древнюю пору развитія этого письма.

№ 509. Отрывки—разрозненные листы—рукописи XIV в. болгарскаго письма. Мѣстами рукопись стерта, и по стертому писано уже иной рукой и при томъ сербомъ частью, частью же болгариномъ. По составу это—отрывки евангелія и апостола вмѣстѣ. Основное письмо крупное, вторичное—мелкое,

---

1) Страница и строка—по изданію И. В. Ягича.

2) Но въ Гршковичевомъ, глаголическомъ апостолѣ XII в. (Starine, XXVI, 14 слѣд.) находимъ: св-оєго (I, 27), бъ-и(ы)шахѹ (II, 2), веч-ахѹ (II, 5), іспл-ънъ (III, 10), испл҄ън-ъ (III, 18), реч-е (IV, 9), др-ъжание (IV, 22), с-е (V, 17), филип-ъ (VI, 11) и т. д.

оба довольно грубы; заставки и заглавныя буквы зеленой и красной краской сдѣланы весьма грубо, но оригинальнаго тератологическаго характера. Интересъ представляетъ языкъ и графика.

Послѣдняя даетъ слѣдующія особенности:

а) Весьма часто встрѣчается а вм. ѧ: приближитиса хотащимь, има (л. 2); кназы (3), са (3 об.), обращеть (19), любащимь, троуждаѧщомоуса (10), творать (10 об.), зоваи тѧ (20). Интересна при этомъ невыдержанность правописанія: тогда какъ а пестритъ во всей рукописи, на двухъ листахъ ея, 16 и 17, не встрѣчается а ни разу, хотя письмо той же руки, что и остальной текстъ.

б) Не рѣдко ѻ въ смыслѣ оу или ю: коплѧ (л. 1), юже (л. 6 об.), чѻдеса (6 об.), ѡчѻ (ѡчию) (10), погѻбыти (11), анькѻри (17 об.). Это смѣшеніе оу и ю напоминаетъ аналогичный случай, отмѣченный нами въ паримейникѣ № 300, въ сербскихъ строкахъ разсматриваемой рукописи: вьстанють (л. 1 об.).

в) Встрѣчаемъ ꙃ (=ѕ): вь мноꙃѣ (2), проꙃѧбь (11), врьꙃисѧ (12 об.).

г) По мѣстамъ всюду вм. ѡ находимъ ѻ или даже ꙭ, но еще не въ смыслѣ „очнаго“ письма, а только какъ „слогоотдѣлительное“ (терминъ А. Х. Востокова): ѻдеснѫ, ꙭбою (л. 3), ѻбразь (3 об.); находимъ даже ꙋ=оу; впрочемъ на л. 7—8, рядомъ съ ѻ, встрѣчаемъ и о.

д) изъ сокращеній особенно любимы писцомъ л+ю, слитыя вмѣстѣ, и р+ѣ (р̑), которыя встрѣчаются часто и въ срединѣ строкъ.

е) На л. 20 об. находимъ: ѱалмѣхь.

Въ языкѣ на ряду съ обычными особенностями болгарскаго текста находимъ:

а) Весьма частое смѣшеніе и и ы: бѫды (imper.) (1), вьзлюбы (2), вѣровати (2), быти (=бити), іасты (4, 11), любы (10), сьблѻсты, скровыща (10 об.), погѻбыти (11), истынѫ (15), чѧсты (чѧсти) (18 об.), ицѣлиты, ѿпоусты, дрьжаты, простыви (20).

б) При общемъ отсутствіи ѥ, замѣненномъ простымъ є, находимъ кое-гдѣ ѥ рядомъ съ є: ѥ̆, ѥго (рядомъ: єго), прѣбываѥть (11).

в) Встрѣчается сокращеніе иѥ, преимущественно въ окончаніи, въ ѥ: прѥмь вм. приѥмь (20), коньчанѥ, вьскрѣшенѥ (18), оупванѥ (20 об.).

г) ь нерѣдко развивается въ чистое є: честнѣѥ (20), прискрьбень (рядомъ—прискрьбна) (20 об.), иѣчесо (3).

д) Случаи ь вм. ѫ: вь дроугьѫ сѫботѫ (11), имьщомоу (11).

е) ѫ вм. є: брѣмѧна (10 об.), имѧнемь (16 об.).

Изъ отдѣльныхъ формъ стоитъ отмѣтить: створилє (3 plur., л. 1), ѥ̃ манась (1); нє раздаавь, рабєє (vocat.), рабо-ть (4), вьзидѫ (aor.) (10), свѣдѣтєлова (imperf., 2 sg.; 18 об.), которого (gen. sg.) (20).

Въ лексическомъ отношеніи не безынтересны: талантѫ твоѫ (acc. sg.—женск. рода) при: єдінь таланьть (4), нєклоучимаго раба (4), моудить (4 об.) и замоудѣти (16) [1]—одно въ евангельскомъ, другое въ апостольскомъ чтеніи,—тєпєнь (вм. біенъ) (4 об.) [2].

II.

Изъ другихъ рукописей бѣлградской Народной библіотеки, за недостаткомъ мѣста въ настоящемъ отчетѣ, остановлюсь на немногихъ и прежде всего на замѣчательной рукописи № 104. Это одна изъ интереснѣйшихъ рукописей въ области старой литературы: сборникъ начала XV в. [3]) сербскаго письма, содержащій въ себѣ подборъ рѣдкихъ и важныхъ произведеній старой литературы; многія изъ этихъ произведеній, извѣстныя и по инымъ спискамъ, являются здѣсь въ въ особыхъ редакціяхъ. Эта рукопись и раньше обращала на себя вниманіе ученыхъ изслѣдователей: главнымъ образомъ,

---

1) См. Воскресенскій, Характер. черты ев.

2) Воскресенскій, у. с.

3) Или конца XIV в., къ которому относитъ ее Ст. Новаковић въ своихъ трудахъ, ниже упоминаемыхъ мною.

извлекалъ изъ нея матеріалы проф. Ст. Новаковичъ, который воспользовался текстами нашей рукописи въ варіантахъ къ мученію Георгія, мученію Андрея и Матѳея [1]), къ житію Алексѣя Божьяго человѣка [2]); изъ нея онъ издалъ цѣликомъ Мученіе св. Петки, большое житіе Василія Новаго [3]), наконецъ, описалъ всю рукопись по статьямъ (хотя, къ сожалѣнію, не привелъ начальныхъ словъ статей, что̀, несомнѣнно, было бы важно во многихъ отношеніяхъ) [4]). Изъ этой же рукописи по моей копіи издалъ И. В. Ягичъ „Слово оть Палее о Адамѣ и о Евзѣ, оть зачела и до сьврьшенія [5]). Наконецъ, В. М. Истринъ, въ своемъ отчетѣ о путешествіи (Ж. М. Н. П. 1896 г. № 6) привелъ нѣсколько выписокъ изъ статей объ Авраамѣ, Давидѣ и Соломонѣ по этой рукописи.

Мною въ прежнюю поѣздку было составлено подробное описаніе рукописи (теперь являющееся почти излишнимъ, послѣ краткаго описанія Новаковича), былъ выписанъ рядъ статей: всѣ апокрифическія мученія апостоловъ (могущія составить своего рода Acta apostolorum apocrypha въ славянскихъ текстахъ) [6]), нѣсколько статей разнообразнаго содержанія (о Ѳеофанѣ, Соломонѣ, слово Іоанна экзарха и др.); другія сравнены съ изданіями. Въ эту поѣздку матеріалъ провѣренъ и дополненъ. На основаніи этого-то матеріала дополняю свѣдѣнія о рукописи и издаю нѣкоторыя изъ статей, оставляя самую крупную часть—мученія апостоловъ—до болѣе удобнаго случая. Издаваемыя статьи снабжаю нѣсколькими замѣтками, исправляющими и дополняющими литературу издаваемыхъ текстовъ.

---

1) Starine, VIII, 36 сл.; въ Споменикѣ Серб. Акад., XXIX, 46, Ст. Новаковић упоминаетъ также и про апокр. дѣяніе *Ѳомы*; это ошибочно: текста дѣяній Ѳомы въ № 104 нѣтъ.

2) Примери книжевности... изд. 2 (1885), стр. 401.

3) Споменик Српске Кр. Академ., XXIX (1895), 28 и сл., 64 и слѣд.

4) Ibid., стр. 46—48.

5) Slavische Beiträge zu den biblischen Apocryphen. I. Die altkirchenslavischen Texte des Adambuches (Denkschr. d. Wiener Akad. B. XLII (1893), см. стр. 2 и сл.).

6) Ихъ слѣдовало бы по сравненіи съ иными издать.

Свѣдѣнія о рукописи, данныя Ст. Новаковичемъ (Споменик, XXIX), исчерпывая ея содержанія, нуждаются въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ и исправленіяхъ въ отношеніи палеографическомъ и филологическомъ. Рукопись, дѣйствительно, принадлежитъ къ „знаменитымъ“ не только по содержанію (стр. 46, Споменик), но и по внѣшнему виду: рукописи бумажныя съ пергаменными листами, первымъ и послѣднимъ въ тетрадяхъ (quaternio), принадлежатъ къ рѣдкостямъ и представляютъ древнѣйшіе бумажные экземпляры между славянскими. Опредѣленіе времени № 104 должно зависѣть отъ бумаги: въ ней есть знакъ—сѣкира,—относящійся къ 1395 году [1]). Всего въ рукописи 296 л., начала и конца сборника нѣтъ. Въ рукописи есть записи древнѣе тѣхъ, которыя привели Новаковичъ и Ковачевичъ [2]); именно на л. 178 об. вдоль наружнаго поля (при статьѣ о Макаріи, „иже обрѣтеся близь рая“): + сиꙗ слова писа грѣшни никѡлиць тко иӽь прочти (єа?) дл рєчє Бь да прости николица ѿ дшєвнй и тєлєсний болєзнiі; + сиꙗ слова писа грѣшни сєргiє (?) ӑнагность сирєчьтьць — вь лѣтó ҂зѯг (7063 — 1554) мсца ноєврия днь. і. Обѣ записи писаны разными руками.

Что касается языка, то, приглядываясь къ нему, мы видимъ, что большинство статей (имѣю въ виду тѣ, которыя мною были изучены), несмотря на сербскую графику, сохранили слѣды своего *болгарскаго* происхожденія — фактъ не безъинтересный для исторіи текстовъ, вошедшихъ въ сборникъ. Наглядное доказательство тому на л. 202, гдѣ находимъ *среди текста* нѣсколько строкъ иной руки [3]), нежели остальное (эта рука, опять-таки всякій разъ по нѣскольку строкъ и словъ, проскальзываетъ и въ другихъ мѣстахъ): эта рука ясно принадлежитъ или болгарину, или иному писцу, копировавшему болгарскую рукопись (послѣднее вѣроятнѣе,

1) Двѣ разновидности (л. 50 и л. 256). *Piekosiński*, Średniowieczne znaki wodne (Krak. 1893), № 413.

2) Гласник Српског Уч. Др. LVI, 328; Новаковичъ, о. с. р. 45, 46.

3) Она крупнѣе и небрежнѣе обычной.

какъ увидимъ ниже); вотъ начало статьи: „Чю д (св. Мины) ѡ жидовинѣ и христианинѣ. Жидовинь дроугы бѣше коупьць влизь христианина. и любѣше се жидовлıанинь сь христианиномь зѣло. вь кдин же дйь штиде жидовлıанинь на коуплю. вьда [1]) хртиѣнин8 мѣрьрицж запечѣтлѣнж пльнж зла. ега са [2]) вьзьврати.

Изъ выписки ясно видны и иные пріемы графики, и иное правописаніе—не сербское уже. Это же болгарское право писаніе проскальзываетъ и въ обычномъ письмѣ: ничесоже постради ѿ змиж лютихь (л. 268 об.—Мученіе ап. Филиппа); Максимиıань и меркоулни примлчь готы и савроматы (л. 290 об.—Страсть св. Димитрія). Это палеографическое наблюденіе подтверждаетъ и языкъ списка, гдѣ слѣды болгарскаго оригинала ясно видны изъ-подъ сербскаго письма: таковы, напр., формы: оудроуче (вм. оу); во фразѣ: аще ѿдамь вьсе имѣние и оудроуче тѣло свое потомь — л. 6 об.), глю (part praes., л. 144 об.), стоюще (part. praes., л. 146) корабѣ (g. s.—отсутствіе l—epenth., л. 7) копеникь (62 об.), троубенниıа (л. 62 об ; рядомъ — троублениe, л. 64); строующесе (смѣш. о и оу, л. 63); льщею (=лжщеıж л. 185 об.), лькавьство (= лжкавьство л. 64) т. е. ъ (ь)=ж; масса формъ аог. съ окончаніемъ imperf: приехоусе (48 об.), вьзмльвихоу, распоустихоу, ѿкрыхоу, вьсхотѣхоу, расточихоу (л. 48 об.—49 об.), прожегохоу, сьнидохоусе, сьтворихоу, поидохоу (л. 63—64) и т. д. [3]).

Такимъ образомъ, цѣлый рядъ статей сохранилъ слѣдъ своего происхожденія изъ болгарскаго источника. Не лишено интереса при этомъ то обстоятельство, что извѣстный тиквешскій текстъ, представляющій также сербскую рецензію, идущую отъ болгарской [4]), даетъ рядъ статей, сходныхъ съ бѣлградской рукописью № 104, при томъ статей рѣдкихъ, группирующихся приблизительно въ томъ же порядкѣ, что и

---

[1]) Отсюда съ полуслова (да) начинается вторая рука.

[2]) а писанъ нѣсколько иначе, нежели напечатано: внизу приставлена средняя ножка обычнаго ѧ.

[3]) Подробнѣе см. у Новаковича, Споменик XXIX, 60 и слѣд.

[4]) См. Сборникъ за народни умотворения ... VIII и IX. Статья *Н. А. Начова* „Тиквешки ржкописъ“, стр. 11 и сл. (кн. IX)

въ бѣлградской рукописи. Такъ, главы 17—25 бѣлградской рукописи соотвѣтствуютъ гл. 7 — 20 тиквешской рукописи:

л. 48. Слово ѡ тефани крьчмарци=Тикв. гл. 7 (л. 10—13).

л. 49 об. Сл. св. григориꙗ бг҃ословца ѿ иѡанна, выпрось ѡ кр҃тѣ чт҃ныимь (Нач. Адамь бѣше видомь пр҃ѣ двьрми раискыми....). См. Тихонравова, Пам. отр. лит. I, 308 и сл. или Гласник српског Уч. Др. LXIII, 54 слѣд.; редакція ближе къ изд. въ Гласникѣ.

л. 51. Слово за два разбоиника, како зачехоусе и распехоусе на пр҃ѣтѣмь дрѣвѣ кр҃тнѣмь ѡбѣ странь господа нашего исоуса х҃а. (Нач. Егда бысть рожество господа нашего іс҃ х҃а. егда избі иродь младенце—продолженіе предыдущей статьи).

л. 51. Слово ѿ палеє ѡ адамѣ и ѿ єүзѣ... (издано И. В. Ягичемъ, см. Slav. Beiträge zu den biblischen Apokryphen, Wien. 1893, 518 и д.).

л. 57. Слово праведнаго аүраамь, ѡ вьсеи жити его (Аврамь родисе, г҃, тисоуще, и вь третие, р҃, по адамѣ. бѣше бо сн҃ь единого вѣроующаго вь идолы)=Тикв. гл. 14 (л. 29—30; изд. Начовъ, стр. 20).

л. 58. Сло҃, како ст҃аа троица пріде вь домь аүраамовь (Аураамь имѣаше вь ср҃ци своіемь гостолюбство и не хотѣше ꙗсти вь домоу своемь, аще не придеть гость)=Тикв. гл. 16 (л. 33 — 35; изд. Начовъ, стр. 23 и сл.).

л. 60. Се е҃ за исака (Тако сьхраии авраамь сн҃а своего исака ѿ. гл҃. лѣт.ь ре҃ г҃ь авраамоу поими сн҃а своего исака — Продолженіе предыдущей статьи)=Тикв. гл. 18 (л. 35—37; изд. Начовъ, стр. 24—25).

л. 60 об. Слово ѿ двдѣ пр҃рцѣ, како зачетсе и како выцрисе и житие его (Вь дни ѡны бѣше моужь иесеи имѣꙗше бж҃тво вь ср҃ци своемь)=Тикв. гл. 8 (л. 13—14; изд. Начовъ, стр. 9).

л. 62. Слово ѡ соломонѣ како бы҃ (Давидь цр҃ь имѣаше сн҃а прѣмдраго соломона)=Тикв. гл. 19 (л. 37—40; Начовъ, стр. 25). Ср. Тихонравова, Пам. отр. лит., I, 79 сл.; текстъ лучше, нежели у Н. С. Тихонравова.

л. 68. Пр҃побнаго ѡц҃а нашего єфрема. Слово ѡ прѣкраснѣмь

иѡсифѣ (Б҃же аѵраамовь, б҃же исаковь, б҃же иꙗковль)=Тикв. гл. 20 (л. 40—40; Начовъ, стр. 27).

Это сопоставленіе дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ, что мы имѣемъ въ перечисленныхъ частяхъ слѣдъ какого-то старшаго сборника, часть котораго послужила ядромъ для бѣлградской и тиквешской рукописи. Если можно допустить нѣкоторую внутреннюю связь между статьями, начиная съ слова о крестномъ древѣ и кончая словомъ о Соломонѣ, (нѣчто въ родѣ палейнаго разсказа или т. н. слова попа Іереміи) [1]), представляя себѣ ихъ чѣмъ-либо въ родѣ цикла и поэтому допуская возможность передачи ихъ *вмѣстѣ* изъ одного списка въ другой или изъ одного сборника въ другой, то присутствіе разсказа о Ѳеофанѣ корчмарицѣ при циклѣ объ Авраамѣ и его потомкахъ едва ли допустило бы подобное объясненіе; но едва ли можетъ быть и случайнымъ только совпаденіе въ двухъ спискахъ: такое сочетаніе въ двухъ аналогичныхъ группахъ словъ повѣстей библейскихъ и византійско-болгарской сказки о Ѳеофанѣ можетъ быть объясняемо, вѣроятнѣе всего, тѣмъ, что подобное сочетаніе было уже дано въ общемъ источникѣ. Въ этомъ же послѣднемъ, конечно, оно могло быть и случайно: доказательствъ для иного объясненія мы не имѣемъ.

Что касается характера статей по ихъ содержанію въ бѣлградскомъ сборникѣ, то здѣсь обращаетъ на себя вниманіе, между прочими, одна ихъ особенность, а именно: большинство ихъ (по крайней мѣрѣ, тѣ, которыя были мною разсмотрѣны) [2]) представляетъ особыя редакціи, отличныя отъ

---

1) Конечно, не столь стройное, объединяемое только хронологіей изложеніе библейской исторіи.

2) Именно: 1) начальныя статьи – выписки изъ разныхъ статей; 2) Откровеніе ап. Павла (л. 7 об.); 3) дѣянія апокрифическія (Матѳея и Андрея, Марка, Луки, Матѳея (одного), Филиппа); 4) Слово о крестномъ древѣ; 5) Книга алфавитъ; 6) Слово на воздвиженіе креста; 7) Видѣніе Исаіи; 8) Статья о Соломонѣ; 9) Слово въ честь прр. Иліи; 10) Слово объ Авраамѣ и св. Троицѣ; 11) Исповѣданіе Еввы; 12) Ѳеофана корчмарица. Слова эти помѣщены въ разныхъ мѣстахъ сборника; поэтому общія ихъ особенности могутъ быть относимы ко всему сборнику, не только къ его отдѣльнымъ статьямъ.

обычныхъ: это или передѣлки уже славянскихъ старшихъ текстовъ, или же иные переводы, нежели намъ извѣстные. Оставляя въ сторонѣ пока часть статей, изданіе и анализъ которыхъ выходили бы за предѣлы краткаго отчета о собранныхъ матеріалахъ, остановлюсь только на двухъ статьяхъ небольшаго объема, которыя, по незначительности объема ихъ, могутъ быть изданы теперь же: на сказаніи о Ѳеофанѣ и на сказаніи о Соломонѣ.

Первая изъ этихъ печатаемыхъ ниже статей — Слово ѡ тєфани крьчмарици, како цр҃а фоукоу погоуби и братїю єго на єдиноу нощь—несомнѣнно, принадлежитъ пока къ рѣдкостямъ въ старославянской литературѣ не только потому, что встрѣчается не часто, но и потому, что подобныя сказочныя произведенія сами рѣдки въ общемъ ходѣ нашей старой литературы. Интересъ представляетъ списокъ изъ № 104 бѣлгр. и потому, что онъ долженъ быть сочтенъ старшимъ изъ извѣстныхъ; а извѣстно ихъ всего только два, кромѣ бѣлградскаго: болгарскій текстъ, найденный, изслѣдованный и изданный П. А. Сырку, относится ко второй половинѣ XVI или самому началу XVII в. [1]), сербскій текстъ тиквешской рукописи, найденный и изданный Н. А. Начовымъ, не старше XVII вѣка [2]). Теперь имѣемъ текстъ начала XV-го, если не конца XIV в., при томъ ясно восходящій къ первоначальному (для него) тексту болгарскому. Сравнивая текстъ бѣлградскій съ обоими ранѣе извѣстными, мы замѣтимъ съ перваго же раза, что текстъ этотъ кратче ихъ. Эта сравнительная краткость можетъ быть объяснена двояко: или бѣлград. текстъ есть сокращеніе болѣе полнаго старшаго текста, совпадающаго по объему съ болгаро-румынскимъ (Сырку) или сербскимъ (тиквешскимъ) и, такимъ образомъ, указываетъ на существованіе старшаго текста болѣе полнаго, нежели текстъ

---

[1]) *П. А. Сырку*. Византійская повѣсть объ убіеніи императора Никифора Фоки въ старинномъ болгарскомъ пересказѣ (Спб. 1883), стр. I—II.

[2]) Сборникъ за народни умиротворения, VIII (1892), 48, самый текстъ—ibid., p. 8—9.

XIV—XV в.; или же въ этой краткости можно видѣть черту первоначальнаго текста, т. е. считать текстъ Сырку и тиквешскій распространеніемъ оригинала первоначальнаго текста. Какое изъ предположеній вѣроятнѣе, можно рѣшить на основаніи болѣе подробнаго анализа текстовъ. Рѣшеніе же этого вопроса тѣмъ важнѣе, что бѣлградскій текстъ, относясь къ XIV — XV в. и ясно указывая на свое происхожденіе отъ болгарскаго списка болѣе древняго, стоитъ весьма близко къ самому оригиналу повѣсти, явившемуся, какъ предполагаетъ П. Сырку, въ концѣ XII или въ началѣ XIII вѣка [1]). Какъ текстъ древній и по времени близкій къ порѣ возникновенія повѣсти въ самой Византіи, а стало быть, еще болѣе близкій къ славянскому (болгарскому) первоначальному ея переводу или пересказу, бѣлградскій текстъ могъ сохранить нѣкоторыя черты первоначальнаго текста, уже утраченныя текстами поздними, старшій изъ коихъ, кромѣ того, страдаетъ пропускомъ (Сырку, стр. 113) и, по мнѣнію издателя (тамъ же, стр. II), подвергся не только фонетическому, но и лексическому вліянію чужой среды—малорусской и румынской. Наконецъ, разборъ бѣлградскаго текста вноситъ нѣкоторыя не лишенныя значенія для исторіи текста поправки къ изслѣдованію Сырку.

Русскую стихію въ спискѣ повѣсти, имъ изданной, Сырку видитъ въ словахъ: хыстїѧ (фраза: єгда бы кто хыстїѧ или инѣми вєщьми наѧльсѧ на ни) и ковєръ (фраза: покры пропасть с(ъ) ковєромь) [2]). Въ тиквешскомъ текстѣ, принадлежащемъ къ той же редакціи, что и текстъ Сырку, читается: єгда би то (кто?) хитростїю или злобомь наєльсє на ни (стр. 8), а во второмъ случаѣ просто пропускъ: и покри пропасть (стр. 9). Бѣлградскій текстъ читаетъ: да би кто воискою или хрьлостию наѥлсє иху. Во второмъ случаѣ: пропасть покри сь цолємь. Легко представить себѣ изъ этого сопоставленія, что̀ было въ первоначальномъ текстѣ: малоупотребительное хрьлость (=ars;

1) П. А. Сырку, у. с. стр. 110.
2) Стр. 111 и 113 (ср. стр. II).

сюда же прилаг. хрълъ — citus, properans (Miklosich, Lex., 1098—99), celer (Даничичъ, Рјечник, III, 435) было замѣнено болѣе знакомымъ хытростію, тѣмъ болѣе, что отъ этого измѣненія не страдалъ особенно смыслъ, измѣняя незначительно и несущественно характеристику военной доблести Фоки и его братьевъ; хыстїѧ же, ясно, приходится считать просто опиской вм. хытростїѧ. Во второмъ случаѣ рѣшить, что было въ первоначальномъ текстѣ, трудно въ виду непонятнаго мнѣ слова цоль. Во всякомъ случаѣ, считать выраженіе коверъ руссизмомъ въ болгарскомъ текстѣ я не рѣшился бы, въ виду существованія этого слова въ языкѣ чешскомъ (koberec) и польскомъ (kobierzec) [1]). При несомнѣнной общности основнаго текста у всѣхъ трехъ разбираемыхъ (это видно наглядно изъ цѣлаго ряда случаевъ текстуальнаго совпаденія, часто даже въ мелочахъ) можно при сравненіи текстовъ отмѣтить различія между текстомъ Сырку и тиквешскимъ съ одной стороны и бѣлградскимъ съ другой: эти разночтенія можно подѣлить на двѣ группы: разночтенія редакціоннаго свойства и разночтенія отъ первоначальнаго текста къ спискамъ, т.-е. такія, гдѣ одни списки сохранили первоначальное или болѣе первоначальное чтеніе, другіе же его уже измѣнили. Эти послѣднія исправляютъ взаимно искаженія и, стало-быть, могутъ исправить и тѣ недостатки, которые замѣчаются въ изслѣдованіи Сырку, имѣвшаго единственный и далеко не вездѣ исправный текстъ, что̀ повлекло за собой ошибки и неясности въ переводѣ и пониманіи текста (стр. 3—4). Начнемъ со второй группы разночтеній.

1) Бѣлградскій текстъ читаетъ отвѣтъ Фоки на просьбу бояръ и духовенства такъ: рєчє (Фока) кь нимь сь заклєтїємь: тако ми сотвориви нась и всоу вьсєлєноую... Тиквешскій и текстъ Сырку опускаютъ слова: сь заклєтїємь, которыя, конечно, легко могли подразумѣваться изъ формулы клятвы:

---

[1]) Въ современномъ болгарскомъ и сербскомъ для слова *коверъ* употребляются турецкія слова: черга, губерь, килимъ—ћилим; есть образованія: простирач, веленац, шареница.

тако ми. Но, несомнѣнно, что эти слова были первоначально въ текстѣ: на нихъ указываетъ дальнѣйшая во всѣхъ текстахъ фраза: Тогда царь помисли на срдци своемь и оубоıасе заклетиıа (бѣлгр.); слова — оубоıасе заклетиıа — ясно, объясняются изъ предыдущаго сь заклєтіємь въ нашемъ текстѣ, тогда какъ въ тиквешскомъ и т. Сырку они понятны только тогда, когда мы будемъ подразумѣвать ихъ изъ — тако ми. Сырку, переводя это мѣсто, не понялъ его; нашъ текстъ его не ввелъ бы въ ошибку. Не обративши вниманія на только что указанный параллелизмъ приведенныхъ мѣстъ, онъ переводитъ: „клянусь (=тако ми) Сотворившимъ меня Царемъ (sic! царемъ?) и всю вселенную... Царь, узнавъ, чего они желаютъ (просятъ?), и убоявшись *заговора* (заклѧтіа?), сдѣлалъ маленькіе башмаки...“ Не зачѣмъ было прибѣгать къ искусственному переводу заклѧтіа — заговоромъ: дѣло просто: царь убоялся своей клятвы (рече сь заклєтіємь), т.-е. убоялся нарушить клятву. Заклѧтиѥ значитъ — *ἀνάϑημα, ὅρκος* (Miklosich, Lex., 211), и никогда не — „заговоръ“ (conspiratio, conjuratio).

2) Несомнѣнно, бѣлградскій текстъ сохранилъ вмѣстѣ съ тиквешскимъ черту древняго оригинала своего, употребивъ форму множ. числа: сьбравьшимьсє болıаромь и кнєзємь и воıємь и потриархомь.... (сьбравшимьсє боларємь и кнєзємь и вєлмоужамь н патриıарси (sic)). Въ текстѣ Сырку уже единственное число: събравшимсѧ болѣромь и кнѧзємь и вєлможємь и патріархꙋ, хотя ниже: тоу сьнидошѧсѧ патріархї (тоже тикв.; бѣлгр. опускаетъ). Множественное число здѣсь объясняется тѣми чертами народной эпической поэзіи, элементы которой „отражаются ярко въ повѣсти“ (стр. 3 у П. А. Сырку). Это обычный оборотъ въ народной поэзіи юго-славянской. Въ сербскихъ пѣсняхъ (юначскихъ) фигурируютъ обычно не одинъ, а четыре патріарха; напр., они окружаютъ царя Константина:

За ним сједи дванаест владика
И четири патријаре.

(Вук. II², 85).

Марко Кралевичъ славитъ свою „славу“ (Егорьевъ день):

У Марка су многе узавници:
Двjеста попа, триста калуђера,
И дванаест српскиjех владика
И четири старе потриjаре.

(Тамъ же, 400).

3) Когда найдена была Өеофана, то бояре и прочіе приведоше ю кь царю, глаголюще се есть намь госпожда (бѣлгр.); Тикв. и С. вторую фразу опускаютъ, но ее нельзя считать дополненіемъ въ бѣлгр. спискѣ. Здѣсь опять выдержана стройность и соразмѣрность въ построеніи, какъ и въ первомъ примѣрѣ: отдавая калиги (башмаки), царь говоритъ: да где примоутьсе калигие, то приведѣте (соотв. и приведоше ю кь царю): хощеть быти вамь царнца (въ тикв. и Сырку: то и боудеть мнѣ царица)

4) Чудесный мечъ Фоки характеризуется у Сырку такъ: мечь царевь, еже плаваше желѣзо его ıако вода. Это испорченное выраженіе Сырку перевелъ совершенно произвольно: „мечъ царевъ, желѣзо котораго плавало въ водѣ“; еже относиться къ слову мечь не можетъ; ıако вода не=въ водѣ. Не лучше текстъ и тикв.: мьчь царевь, иже плаваше мчь ıако вода. Нашъ текстъ даетъ совершенно ясное и правильное чтеніе: это— мьчь плавающь скрозѣ желѣзо ıако и крозѣ водоу, т.-е. мечъ, такъ же легко разрубающій желѣзо, какъ и воду; или: такъ же легко проникающій сквозь желѣзо, какъ и сквозь воду. Это, ясно, сказочный мечь—кладенецъ, для котораго не существуетъ препятствій; только такимъ мечемъ могъ быть разрубленъ непобѣдимый богатырь Фока, какъ это видно изъ характеристики его въ началѣ повѣсти. Ясно теперь, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ мотивомъ плаванія желѣза (плаваніе желѣза, металла имѣетъ въ сказкахъ и былинахъ совершенно иной смыслъ, нежели здѣсь должно имѣть въ примѣненіи къ чудеснымъ свойствамъ меча; ср. золотые жеребьи Садко, напр.), о которомъ, не объясняя, впрочемъ, его, говоритъ П. Сырку (стр. 94, 101), а съ инымъ, дѣйствительно, сказочнымъ

мотивомъ, примѣняемымъ къ мечу-кладенцу въ томъ же смыслѣ, какъ у насъ.

Этихъ четырехъ примѣровъ, повидимому, достаточно, чтобы судить о важности бѣлградскаго текста для возстановленія первообраза славяно-болгарскаго пересказа. Остается добавить, что бѣлградскій текстъ полный, тогда какъ текстъ Сырку страдаетъ пропускомъ. Впрочемъ, этотъ недостатокъ былъ уже раньше возмѣщенъ тиквешской рукописью, по тексту принадлежащей къ одной редакціи съ текстомъ Сырку. Бѣлградскій же текстъ принадлежитъ къ иной редакціи. Сравнительно съ обоими изданными, онъ нѣсколько иначе располагаетъ матеріалъ; это расположеніе имѣетъ за собой нѣкоторыя преимущества, если принять во вниманіе общій характеръ всей повѣсти. Историческая повѣсть о Фокѣ и его братьяхъ проникнута житійнымъ духомъ: богатыри, Фока съ братьями, представлены святыми: ихъ „святыя“ тѣлеса издаютъ великое благоуханіе, не хотятъ изыти изъ пропасти, куда они были брошены Ѳеофаной, пока (я такъ понимаю связь послѣднихъ фразъ) не была размыкана Ѳеофана; при жизни Фока ведетъ жизнь дѣвственника и аскета, умерщвляя свою плоть, тайно совершая свой подвигъ, (постель царская стоитъ только людей ради, а царь отдыхаетъ на острыхъ камняхъ), читаетъ псалтирь постоянно всѣ ночи; когда Ѳеофана намекаетъ ему, что де чрѣшнѧ твоѧ оузрѣла єсть, врѣме и тєбѣ зобати и т. д., онъ отвѣчаетъ ей: что намь боудєтъ о томъ, то єсть блазнь свѣтоу, собирается посѣтить Іерусалимъ, чтобы вернувшись постричься и постричь жену и т. д. Такимъ образомъ, въ началѣ мы ожидаемъ, какъ то находимъ въ житіяхъ, общей характеристики Фоки именно въ отношеніи святости. Также характеризуются и братья Фоки: они боголюбивы, проводятъ ночи безъ сна за псалтирью. Въ тиквешской рукописи и у Сырку этого обычнаго житійнаго exordium'а не находимъ: разсказывается только о храбрости Фоки и его братьевъ, и ничѣмъ не предупреждается разсказъ о томъ, какъ бояре и духовенство предлагаютъ

Фокѣ вступить въ бракъ, а о братьяхъ Фоки и ихъ святости ничего въ повѣсти не сказано; только послѣ, внѣ всякой послѣдовательности, въ *срединѣ* эпизода вставленъ разсказъ о подвижничествѣ Фоки; эта вставка расколола на двое сплошной эпизодъ: Фока женится на Ѳеофанѣ, но не прикасается къ ней (надо полагать, тогда Ѳеофана была еще несовершеннолѣтней); когда же Ѳеофана выросла и стала красавицей, Фока предлагаетъ ей отказаться отъ супружеской жизни и постричься; отсюда козни и злодѣйство развратной Ѳеофаны. Эпизодъ о подвижничествѣ Фоки нарушилъ теченіе разсказа и совершенно не вяжется съ предыдущимъ: онъ не на мѣстѣ. Въ бѣлградскомъ же—помѣщеніемъ разсказа о подвижничествѣ въ началѣ (имъ заканчивается характеристика Фоки) и прибавленіемъ свѣдѣній о братьяхъ Фоки достигнута и цѣльность упомянутаго эпизода и логическое осмысленіе конца разсказа о „святыхъ“ тѣлесахъ убіенныхъ; такимъ образомъ, слова: ѡни вси .є҃. братеи бѣхоу бголюбиви.... и всоу нощь непрѣстайно поіаше, въ бѣлградскомъ текстѣ болѣе у мѣста,—можетъ быть, указаніе на первоначальный порядокъ размѣщенія матеріала въ повѣсти. Конечно, рѣшить это положительно трудно; но во всякомъ случаѣ указанное различіе должно быть редакціоннымъ. Къ числу подобныхъ же редакціонныхъ отличій надо отнести сравнительную краткость бѣлградскаго текста: въ немъ прямо есть механическіе пропуски тѣхъ мѣстъ, которыя трудно счесть въ тикв. и С. не первоначальными; таковъ, напр., пропускъ указанія на Никомидію, родину Ѳеофаны; вмѣсто послѣдовательнаго разсказа о долговременныхъ поискахъ за невѣстой находимъ два почти слова:

Въ текстѣ Сырку.	*Бѣлградск.*
ѡни же (бояре и духовенство) възємшє калигѫ, обыдошѫ въсѫ хоры и градовы и (нє) приѩшѫсѫ нигдє. Ѥгда пріидошѫ въ Ни-	и поємшє калигиѥ и нє ѡбрѣтошє нигдєжє да примоутсє. пришєдшє жє кь ѥдиной крьчмарици; имѣашє ѥдино дѣтє имє-

комидїѧ, обрѣтесѧ дъщи нѣкїѧ немь Ѳеѳаноу. и тоу прие-
кръчимарица. имѧ ен Ѳеѡфана, хоусе калигие.
и тоу прїѧшѧсѧ калиге.

Такой же характеръ носятъ и иные пропуски, напр., фраза: ѡни (братья Фоки) мнѣще некои ѥсть глась (тикв., С.) какъ мотивъ, почему братья шли на зовъ царя (ср. въ началѣ повѣсти по т. Сырку).

Пропускомъ объясняется и фраза: ю (видѣше ю — пропасть) пльноу мура плавающоу и хотѣхоу ихь (т.-е. тѣлеса Фоки и братьевъ) изети. Если мотивъ о томъ, что тѣла Фоки и братьевъ плавали въ источенномъ ими мурѣ, и могъ принадлежать подлиннику (отъ тѣлесъ исходило благоуханіе), то ихь не понятно, если мы не будемъ подразумѣвать пропуска фразы: видѣше ста тѣлеса, или чего-либо подобнаго.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что въ Бѣлградскомъ имѣемъ мы болѣе краткую редакцію, нежели въ остальныхъ; въ какомъ отношеніи стоитъ она къ болѣе полной редакціи, т.-е. есть ли она сокращеніе, довольно древнее, первоначальной, сохраненной, по отношенію къ объему, двумя другими списками, или наоборотъ: представляетъ ли болѣе полная редакція распространеніе бѣлградскаго текста,—сказать трудно. Несомнѣнно одно, что нѣкоторыя лишнія противъ бѣлградскаго мѣста въ другихъ спискахъ необходимо отнести на счетъ подлинника, какъ это мы видѣли. Съ другой стороны, характеръ сокращенія носитъ не только статья о Фокѣ въ нашемъ сборникѣ, но и другія статьи, какъ это мы увидимъ ниже. Поэтому весьма вѣроятно предположеніе, что составитель бѣлградскаго сборника имѣлъ передъ собой оригиналъ съ болѣе полными редакціями статей (а въ числѣ ихъ и повѣсть о Фокѣ), но съ сокращеніями и передѣлками переписывалъ, составляя свой сборникъ; такое отношеніе рисуется, напр., для упомянутыхъ выше апокрифическихъ дѣяній апостоловъ.

Еще нѣсколько замѣчаній. Не безъинтересны послѣднія строки бѣлградскаго текста: видите ли, братие, каковѣхь моу-

жєй жєны погꙋблꙗють. Этихъ словъ нѣтъ въ тикв. и у Сырку. Статья бѣлградскаго сборника стоитъ внѣ связи по содержанію съ предыдущей и послѣдующей: впереди—Слово Іоанна Златоустаго на Богоявленіе, за повѣстью—Григорія Богослова о крестномъ древѣ. Въ этой прибавкѣ нельзя ли видѣть отраженія взгляда писавшаго повѣсть о Фокѣ на значеніе ея въ ряду другихъ, извѣстныхъ ему, но не вошедшихъ въ сборникъ? Никифоръ Фока выставленъ, какъ жертва „женской злобы“, какъ доказательство того, какое зло есть жена. Таковъ смыслъ приписки. А если это такъ, то Фока, а вмѣстѣ съ нимъ и повѣсть о немъ, входятъ въ число лицъ, погибшихъ отъ женской злобы, и словъ и поученій, трактующихъ о женской злобѣ, т.-е. вмѣстѣ съ Сампсономъ, погубленномъ Далидой, Давидомъ, Соломономъ, соблазненными женщинами, и т. д., каковы, напр., слова о женахъ, приписываемыя Златоусту (на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи), разсѣянныя въ большомъ количествѣ въ нашихъ и юго-славянскихъ рукописяхъ, какова статья „О святыхъ мужахъ, иже отъ женъ пострадаша“, гдѣ въ числѣ прочихъ и указано: Ѳєофа҃ фо́кꙋ цр҃а и всє хра́бріи .з҃. брати к҃ vь єдинꙋ но҃ погꙋбн [1]). Подобныя слова находятся въ тиквешской рукописи: „Слово І. З., како 5 женъ вьсь свѣть погубише“, „Слово о Сампсонѣ“, „Слово о св. Иліи, како бѣжа оть жени“ (л. 6—10); непосредственно за ними идетъ „Слово о царѣ Фокѣ“.

Наконецъ, можетъ быть, не лишено значенія то обстоятельство, что намѣчается нѣсколько одинаковыхъ статей въ сборникѣ, по которому печаталъ разсказъ о Фокѣ П. А. Сырку, и въ тиквешской рукописи: 1) Слово о Давидѣ, 2) Разумникъ, 3) Слово о Измаилѣ, 4) Слово премудраго Іосифа; изъ нихъ оказались и въ бѣлградской (кромѣ сказанія о Фокѣ) статьи № 1 и 3. Такимъ образомъ, опять мы имѣ-

---

[1]) Цѣликомъ напечатана мной въ „Рукописяхъ П. І. Шафарика“. (М. 1894) по сборн. № 12 (см. стр. 49).

емъ передъ собой слѣдъ какой-то группы статей, входившихъ, можетъ быть, въ сборникъ, служившій общимъ источникомъ для сборника Сырку, бѣлградскаго и тиквешскаго.

Издаю текстъ по бѣлградской рукописи вполнѣ.

Слово ѡ тефани крьчмарици. како цра фоукоу погоуби и братїю єго на єдиноу нощь. блви ѿ.

(л. 48). Вь ѡна времена бѣше црь фоука. и имѣаше .й братеи своихь. бѣхоу бо вси храбри зѣло. и ѡбходѣхоу вьсоу землю. єда где наситили се быхоу полема. и не ѡбртахоу да би кто воискою или хрьлостию накаѕе ихь. Они бо .ѳ. ходѣхоу ищоуще рать. не поємахоу сь собою никогоже. ѡни бо храбростию все цре и все єзыкы разбивахоу. ѡни вси .ѳ. братеи бѣхоу бголюбнви вь нощи без сна прбывахоу. вьсега славеще вь псалтири. царь фоука єга хотѣаше спати, имѣаше вь полатѣ своєи постлано камениє ꙗко и ножь ѡстро. тоу бо бѣ томоу покоище. и всоу нощь непрѣстаино поꙗше. сьбравшнмсе болꙗромь и кнеземь и воємь и патриархомь и придоше кь црю фоуцѣ и глаше ємоу помлоуи на ги помлоуи на. єдино прошениє оу тебе просимь дан намь того гн. ꙗко бо ихь видѣ црь великою радостию глахоу. рє кь нимь сь заклетиємь. тако ми сьтвориви на и всоу вьселеноую. дамь прошениє ваше. тога кь нємоу рѣше. ꙗко єси добрь кь всеи твоєи дрьжавѣ. да би имѣль црцоу да ны веселимсе ѡ томь. поне (л. 48²)-же би сьтворнль снѡвы цртвати. выноу до вѣка на цртв доβраго плода твоєго не ѡскоудѣло би. Тога црь помисли на срци своємь. и оубоꙗсе заклетиꙗ. и сьтвори калигиє велико тѣсны и малы. и рє кь нимь поимѣте калигиє. да где примоутсе калигиє. то приведѣте. хощеть быти вамь црца. и поємше калигиє и не ѡбрѣтоше нигдеже да примоутсе. пришеше же кь єдинои крьчмарици. имѣаше єдино дѣте именемь ѳефаноу. и тоу приєхоусе калигиє. И тоу сьнидохоусе кнезы и воиє. и поємше ѳефаноу сь радостию и сь честию. приведоше ю кь црю глюще се є намь гжа. црь же фоука вѣнчасе с нею люди ради. нь не примесисе к неи. єга вьзрасте ѳефана. тога рє кь црю. ги чрѣшнꙗ твоꙗ

оузрѣла ѥ҃, вр҇ме й тебѣ зобати. и ꙗблька твоѥ҆ ꙗблаин доспѣла ѥ҃. й р҃е цр҃ь кь ѳефанѣ. ѳефано что намь боудеть ѡ томь. то ѥ҃ блазнь свѣтоу. нь потрьпи мало й азь (пондоу?) на йєр҇ль й поклонюсе за мене и за тебе. й кѓа възвраѱоусе сьтвороў тебе вь ѥдиномь монастири йгоумницоу. ӑ азь вь дроугомь бо҇удоу. й д҇ше наше сп҇севѣ. Тоѓа проклетаꙗ ѳефана йно на ср҃ци помысли. и зли мисли помысли. призва ѥдин҇го раба и ѡдвои ѥго и р҃е ѡ цимиски. ѡ҃н же р҃е се азь г҇же. ѡна же р҃е ѥмоу ӑще сьтвориши хотѣниѥ моѥ, велико добро сьтвороу ти. цимиски же не разоумѣ ѡ чимь ӗмоу гл҇еть. и поѥ҇мши ѥго вь таинѣ и р҃е ѥмоу. ѡ҃н же велико о҇боꙗ҇все, и р҃е не сьтвороу то г҇ноу моѥмоу. не рци ми в҇тороѥ. ѳефана же рече. сьтвори мнѣ моѥ хт҇ѣниѥ не боисе, и азь сьтвороў тебе цара. цимиски же ѿбѣже..... [1]) паче и трепеѱаше. ѳефана же оу҆красившисе прихо҇жаше всеѓа на ложиѥ ѥго. цимиски всеѓа ѿбѣгоу҆ꙗше скрьбеѱи. ѡ҃на же всеѓа блазнѣ҇ше ӗго. такоже҆ и слеѓсе сь нею. цимиски всеѓа сь плачемь гл҇ше, ѡ горѣ (sic) мнѣ манкомсꙗ (?) [2]) что сьтвороу себѣ. ѳефана же гл҇ше ѥмоу. мльчи цимиски. азь тебе приве (л. 49) доу и погоубиши ѥго. й ты прии(ме)-ши [3]) цр҇тво. имѣаше бо цр҃ь мечь плавающь ско҇зѣ желѣзо ꙗко и ко҇зѣ водоу. поемше ѳефана мечь цр҇евь и даде цимискыю. и привѣ цимискиꙗ. вь таиницоу цр҇вoу. и р҃е ємоу оудри и не боисе. цр҃ь фоука стоѥѱи непр҇ѣстайно поꙗше псал҇тирь. мл҇еѱисе бг҇оу. цимиски приде сьзады й оудари. цр҇ѣ мечемь. и расѣче ѥго мечемь. цр҃ь ꙗко дрьжаше псал҇тырь. врьже и изби ємоу главоу. и ѡба оумрѣста. тоѓа тефана. сь двѣма дѣвицьма. поемше (бѣ же пропасть посрѣ҇ полате цр҇ве. покриена и закована) и врьже тоу цр҇ѣ. пропасть покри сь цолемь (?). и посла раба и р҃е. тако гл҇еть цр҃ь призовете братнию мою. нѣѱо ѥ҃ брьза работа цр҇ва. и приходехоу по единомоу. и нѣ вѣдѣхоу бо ниѱо. ѥѓа кои вь полатоу влазѣше. тоѓа ѳефана сь двѣма дѣвицма. ѡбьемахоу ѥго ꙗко любеѱе и приводѣхоу єго на҇ пропасть. ѡнь стоупаше мнеѱе постьлано ѥсть. пропа҇ше вноутрь. такоже҆ и всоу братию ѥго погоуби. цимискиꙗ скрить проклета ѳефана. до свѣта иного моужа ѡбрете. и степса

---

[1]) rasura. [2]) камо денѫ сеѥ. (тиввени.). [3]) Взятое въ скобки вырвано.

кго цр҃ѣ. и прибра все болѣры и рече слышите вы вси мали и велици. цр҃ь фоука гн҃ь вашь а мои моужь вьзеть братию свою. и вьниде вь корабь и ѿтиде вь іерлмь. мнѣ даде сего моужа. а вамь гн҃а. да ѡдрьжить црт҃во дондеже ѡнь придеть. И вси болѫре вьзмльвихоу глюще и плачюще. и распоустихоу по морю испитоующе и не ѡбртоше. ѥда би кто вѣдѣль ѡ нкмь. прибрашесе пакы вь цриградь и рѣше повѣжь намь ѳефано. камо гн҃ь нашь сь брати своими. ѡна бо все кдино глаше. Исходѣше бо (во)нѧ блгоуханиѧ ѿ стыхь тѣлесь, и покриваше вьсь гра(дь) и вси бо не разоумѣахоу ѿкоу ѥ вонѧ. Єдина ѿ дѣ(вищь по)[1])вѣсть....[1]) и сьбрашесе болѫре и кнезы и патріарси (л. 49[a]) и ѿкрыхоу пропасть, (н) видѣхоу ю пльноу мура плавающоу. и хотѣхоу ихь изети. нь пакы не вьсхотѣхоу ста тѣлеса изыти из рова. проклетои ѳефанѣ расточихоу чрва по градоу. видите ли братие каковѣхь моужеи жены погоублѣють. боу же нашемоу сла и чьсть вьсега::

Слѣдующая статья, на которую я хотѣлъ бы обратить вниманіе въ № 104 бѣлградской библіотеки, это—Слово ѡ соломонѣ како бы (л. 62—64). О ней сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній В. М. Истринъ въ упомянутомъ выше своемъ отчетѣ; имъ же отмѣчена та же статья по рукописи № 80 софійской библіотеки. Привлекаю къ сравненію и послѣдній текстъ. Текстъ этой повѣсти изъ цикла Соломоновскихъ сказаній въ редакціи, довольно близкой къ софійскому и бѣлградскому, напечатанъ уже былъ по русской рукописи (Погод. библ.=Имп. Публ. библ. № 1606, XVII в.) А. Н. Веселовскимъ (Разысканія въ области духовнаго стиха, V, 76 и слѣд., 143—147); ему же извѣстенъ былъ и болгарскій текстъ пловдивской библіотеки XVI в. (по копіи П. А. Сырку; см. стр. 89). Сколько можно видѣть изъ изслѣдованій А. Н. Веселовскаго (см. Соломонъ и Китоврасъ и Разысканія, V), И. Н. Жданова (Былевой эпосъ), разсматриваемая нами версія легенды

---

[1]) стерлось.

должна быть отдѣляема по происхожденію отъ той группы легендъ, которыя вошли въ Толковую Палею (изд. у А. Н. Пыпина (Пам. стар. рус. лит. III) и Н. С. Тихонравова (Памятники отр. лит. II)), и ходили отдѣльно въ русской письменности. Этотъ типъ Соломоновой легенды не чуждъ и русской письменности, какъ показываетъ текстъ Погодина № 1606. (Веселовскій, Разысканія, V, 143). Но его скорѣе слѣдуетъ признать юго-славянскимъ по преимуществу. Несмотря на общность первоначальнаго источника „Слова о Соломонѣ, како бысть“ съ русскими текстами Палеи и отдѣльными (у Тихонравова и Пыпина), необходимо предполагать различіе ихъ по ближайшему оригиналу, т.-е. для русскихъ компиляцій нельзя первоисточникъ видѣть въ томъ юго-славянскомъ текстѣ, который представляютъ тексты бѣлградскій и софійскій: можно отмѣтить разницу въ подробностяхъ самой легенды, объясняющуюся варіантами въ этой легендѣ еще на чужеземной почвѣ. Не зная текста этой легенды греческаго (такой текстъ скорѣе всего можно считать оригиналомъ нашихъ), мы, конечно, должны пока ограничиться предположеніями, только болѣе или менѣе вѣроятными.

1) Первое, что обращаетъ на себя вниманіе въ нашихъ разсказахъ о Соломонѣ и его женѣ, по бѣлградскому и софійскому тексту, это мотивировка похищенія жены у Соломона: русскія повѣсти оставляютъ причину увоза Соломоновой жены открытой, объясняя просто: или, Китоврасъ „вражіимъ совѣтомъ разъярись, хотя видѣти у себя Соломонову жену“ (Пыпинъ, 59), или, „по нѣкоемъ времени пріѣхавше во градъ Іерусалимъ послы отъ царя нѣкоего кораблемъ къ царицѣ Соломонихѣ, чтобы ей втай обманомъ согласившись купно съ нею увезти къ царю своему“ (Тихонравовъ, Лѣтописи, IV, II, 143), или, наконецъ, совершенно неожиданно объясняютъ кражу жены местью Соломону со стороны Пора: женившись Соломонъ пишетъ Пору: „въ прошломъ де лѣтѣ былъ я въ твоемъ царствѣ, и съ царицею твоею пребылъ и перстень съ правыя руки снялъ любимой золотой“ (Пыпинъ,

66). Далѣе же оказывается, что Поръ царицы не имѣетъ, ранѣе же ничего о поведеніи Соломона въ такомъ направленіи не говорится. Начало бѣлградской и софійской повѣсти объясняетъ это, разсказывая о похожденіяхъ Соломона до женитьбы. Нѣчто подобное должны мы предполагать и въ той версіи, которая вошла въ составъ сложнаго русскаго разсказа (у Пыпина). Но нашъ разсказъ по софійской или бѣлградской рукописи точно также не лишенъ недостатка: почему именно кипрскій царь является мстителемъ, общая замѣтка — „тако твореше вьсемь царемь и ругашесе имь“—не объясняетъ, объясняетъ же уцѣлѣвшій отрывокъ въ русскомъ текстѣ (письмо Соломона), гдѣ, съ другой стороны, утрачено то, что́ должно было мотивировать письмо; такимъ образомъ, „юго-славянская“ и „русская“ легенды, восходя къ одному источнику, различно воспользовались его деталями. Русская легенда съ именемъ Китовраса ничего не знаетъ о мотивахъ увоза жены, кромѣ эпическаго мотива—страсти Китовраса. Но когда-то мотивъ, близкій къ юго-славянскому по мысли, былъ и въ палейной легендѣ: палейный разсказъ о судахъ Соломона знаетъ о женолюбіи Соломона, о его связяхъ съ „чужими“ женами, и очень нескладно, внѣшнимъ образомъ (просто ставя рядомъ), склеиваетъ разсказъ о женолюбіи Соломона, которое легенда не одобряетъ, съ разсказомъ о его судахъ, говорящихъ несомнѣнно въ похвалу ему: „и тѣхъ (женъ иноземныхъ; предшествуетъ ихъ перечень и укоръ Соломону) приложися любити, и бысть ему женъ вдовицъ 700 и хотей 300, а книгъ бяше у Соломона царя 8 тысячъ, якоже рече писаніе...“ (Пыпинъ, 55); ясно, къ перечню цифровому механически присоединенъ другой перечень того же характера.

2) „Русскія“ сказанія не знаютъ царя кипрскаго: имъ извѣстенъ Китоврасъ [1]), Поръ, наконецъ, „нѣкій царь“.

---

[1]) Поэтому условно называю ту легенду объ увозѣ жены Соломона, гдѣ похитителемъ является Китоврасъ, „Китоврасовской“; ту же, гдѣ эту роль играетъ Поръ,—„Поровской“; легенду же о мудромъ Китоврасѣ и Соломонѣ—„Палейной“, какъ извѣстную изъ Палеи Толковой.

3) Въ легендѣ о Порѣ и Соломонѣ приманка, соблазнившая жену Соломона, — рукавицы; далѣе Поръ ведетъ уже борьбу открыто: онъ черезъ посла съ насмѣшкою извѣщаетъ о томъ, что уже у него жена Соломонова, самого Соломона (Пыпинъ, 67); въ легендѣ Китоврасовской—приманкою служитъ порфира; мотива хвастовства Пора нѣтъ. Въ „юго-славянской“ легендѣ, какъ и поздней Китоврасовской—украшенная порфира соблазняетъ жену Соломона, но въ ней есть и рукавицы, какъ въ поздней Китоврасовской (Тихонравовъ, Лѣтописи, стр. 144), но какъ средство убѣдиться въ тождественности Китоврасовой царицы съ женою Соломона (у нея прожжена рука, что посолъ и замѣчаетъ, когда царица мѣряетъ перчатки); но за то въ ней нѣтъ перваго мотива—съ порфирою. Такимъ образомъ, по составу старшая Китоврасовская легенда ближе, нежели Поровская, подходитъ къ юго-славянской, тогда какъ въ другомъ Поровская легенда даетъ точки соприкосновенія съ „юго-славянскою“ тамъ, гдѣ ихъ не имѣетъ поздняя Китоврасовская.

4) „Русскія“ легенды (Китоврасовская и Поровская) въ заключеніи сказанія описываютъ отлично отъ „юго-славянской“ смерть Китовраса: его съ женою и ребенкомъ (или волхвомъ) вѣшаютъ въ петли, приготовленныя для Соломона (Пыпинъ, 61; Тихонравовъ, 121), чѣмъ достигнута симметричность разсказа. „Юго-славянская“ легенда излагаетъ иначе: кипрскому царю Соломонъ пускаетъ кровь, а царицу велитъ размыкать конями. Отраженіе этого мотива есть и въ русской легендѣ, одна изъ версій которой соединяетъ оба мотива: царя велитъ Соломонъ повѣсить въ золотой петлѣ, его сотрудниковъ — въ лычаной и мочальной, а жену привязываетъ къ коню (Тихонравовъ, 153).

Эти сопоставленія позволяютъ предположить: что иноземная легенда существовала въ двухъ версіяхъ, и что отъ этихъ версій пошли двѣ легенды славянскія: одна уцѣлѣла на югѣ славянства, другая перешла на Русь и получила популярность здѣсь. Что именно и „русская“ легенда ведетъ свое начало съ юга,

можно заключить изъ того, что индексъ юго-славянскій XIV в. (Погодинскій) имѣетъ уже въ виду Китоврасовскую легенду: „О Соломонѣ царѣ и Китоврасѣ басни и кощуны“ (Тихонравовъ, Памятн. отреч. лит., введеніе, III) [1]). Впрочемъ, неясное выраженіе индекса допускаетъ нѣсколько толкованій: если подразумѣвать подъ баснями и кощунами о Соломонѣ и Китоврасѣ именно разсказъ о *похищеніи жены* Китоврасомъ, тогда указаніе индекса можетъ служить доказательствомъ существованія и на югѣ, и при томъ въ XIV в., Китоврасовской легенды (ср. А. Н. Веселовскаго, Соломонъ и Китоврасъ, стр. 223—225; ср. стр. 212); но возможно подъ словами индекса понимать только тотъ палейный разсказъ о Китоврасѣ, въ которомъ онъ еще не является похитителемъ (см. Веселовскаго, у. с., стр. 209—212); въ такомъ случаѣ индексъ не будетъ для насъ доказательствомъ, если мы не предположимъ, что палейный разсказъ о Китоврасѣ есть только *часть* болѣе обширнаго, гдѣ вторую часть составлялъ эпизодъ о похищеніи жены Соломона (Пыпинъ, Очеркъ, 107, 113; Веселовскій, 225), и что оба эпизода разсказаны уже въ первичной легендѣ, служившей источникомъ палейной и Китоврасовской, какъ это видно изъ нѣмецкихъ сказаній о Соломонѣ и Морольфѣ. Насколько подобное предположеніе вѣроятно, сказать трудно: Китоврасовская легенда не знаетъ эпизода палейнаго; его не знаетъ и юго-славянская: разумѣется, подобное предположеніе имѣетъ въ виду не первичную легенду вообще, а легенду первичную для славянскихъ текстовъ, т.-е., если основная легенда и давала сочетаніе двухъ интересующихъ насъ мотивовъ, то тѣ легенды, которыя были источникомъ славянскихъ, могли его раздѣлять. Косвенно существованіе легендъ съ однимъ изъ указанныхъ мотивовъ подтверждаетъ Поровская легенда, представляющая версію Китоврасовской, и наша „юго-славянская“, ничего не знающія о вѣщемъ человѣкѣ Китоврасѣ, а знающая его,

---

[1]) Ср. *Веселовскій*, Соломонъ и Китоврасъ, 212.

только какъ похитителя жены Соломона. Но оба изслѣдователя, Пыпинъ и Веселовскій, правы, предполагая соединеніе обоихъ мотивовъ въ первичной легендѣ; славянская легенда— или точнѣе—ея оригиналъ есть уже вторичное явленіе, т.-е. расщепленіе первичной. „двухъ-мотивной“ легенды на двѣ, давшія начало отдѣльнымъ повѣстямъ на славянской почвѣ. Полагаю такъ потому, что слѣды первой части „двухъ-мотивной“ легенды сохраняются въ различныхъ версіяхъ Китоврасовской легенды, т.-е. Поровской и „юго-славянской“: въ первой, помимо имени, застрялъ такой образъ Китовраса, который, хотя и не оправдывается послѣдующимъ разсказомъ (о вѣщихъ свойствахъ Китовраса рѣчи нѣтъ), но восходитъ къ тому вѣщему Китоврасу, который фигурировалъ въ первичной легендѣ, въ легендѣ о Соломонѣ и Морольфѣ: „во градѣ Лукордѣ царствуя царь Китоврасъ; обычай же той имѣя царь: во дни царствуетъ надъ людьми, а въ нощи *обращашеся звѣремъ Китоврасомъ* и царствуетъ надъ звѣрьми“ (Пыпинъ, 59). Въ этой же версіи можно услѣдить отзвукъ того же хитроумнаго Китовраса, что и въ палейной легендѣ; часть образа вѣщаго Китовраса перенесена на его слугу: тогда какъ въ Поровской легендѣ является добытчикомъ царицы княженецкій слуга (Пыпинъ, 67), гость Паша (Тихонравовъ, 148), въ Китоврасовской исполнитель царскаго замысла—*волхвъ*, въ „юго-славянской“—*исполинъ*. Такимъ образомъ, для славянской литературы мы можемъ предположить *двѣ* легенды изъ Соломоно-Китоврасовскаго цикла: 1) легенду о Китоврасѣ, мудрецѣ, вѣщемъ, сохраненную Палеею, и 2) легенду о Китоврасѣ — похитителѣ жены Соломона; эта послѣдняя восходитъ къ разнымъ варіантамъ одного изъ двухъ первоначальныхъ мотивовъ: а) съ именемъ Китовраса, б) съ именемъ Пора, в) съ именемъ Кипрскаго царя (легенда безъ имени царя - похитителя (нѣкій царь) — позднѣйшая, уже утратившая имя Китовраса или Пора). Если понимать упоминаніе болгарскаго (Погодинскаго) индекса XIV в. въ *общемъ* смыслѣ указанія на всякія легенды—басни и кощуны—о Со-

ломонѣ, куда, какъ *частное* явленіе входятъ, сказанія и о Китоврасѣ, то индексъ будетъ указывать существованіе не позднѣе XIV в. Соломоновскихъ легендъ вообще и Китоврасовской въ частности. Но нѣтъ надобности прибѣгать къ такому толкованію фразы индекса: юго-славянскій—бѣлградскій—сербскій текстъ, восходящій къ болгарскому (какъ показываетъ языкъ списка), доказываетъ существованіе на югѣ славянства Соломоновской легенды о похищеніи жены уже въ XIV в.: къ этому вѣку относится списокъ. Но была ли извѣстна на югѣ „Китоврасовская" легенда? Могъ ли индексъ, упоминая Китовраса, имѣть ее, а не „палейнаго" Китовраса, въ виду? Вопросъ не рѣшается неопредѣленнымъ указаніемъ индекса, какъ это мы видѣли, разъ мы допускаемъ *параллельное* существованіе двухъ легендъ, хотя и восходящихъ къ одной первичной „двух-мотивной", но не на славянской почвѣ. Имя Китовраса извѣстно только въ русскихъ легендахъ (Веселовскій, стр. 219—220). Конечно, предполагая à priori югославянское происхожденіе, какъ палейнаго разсказа, такъ и Китоврасовскаго, можно рѣшить вопросъ въ положительную сторону, т.-е. считать оба разсказа возникшими на югѣ, затѣмъ затерявшимися или до сихъ поръ не найденными, или же затертыми (въ отношеніи къ Китоврасовской легендѣ) разсказомъ въ иной редакціи, которая читается въ софійскомъ и бѣлградскомъ спискахъ.

Юго-славянская (сербская) сказка о Соломонѣ и его женѣ (см. Српске народне приповиjетке, Вука Караджича, (Беч. 1853), стр. 196 – 198; перепечатка у Веселовскаго, стр. 243—244) при рѣшеніи этого вопроса помочь не можетъ: она доказываетъ только существованіе на югѣ славянства Соломоновой легенды, именно разсказа объ увозѣ его жены (въ чемъ теперь уже нѣтъ надобности, разъ мы знаемъ о существованіи бѣлградскаго и софійскаго текста), но, какъ народный разсказъ, она уже утратила тѣ типичныя черты, которыя отличаютъ различныя версіи этой легенды. Если на первый взглядъ начало сказки сходится съ Китоврасовской

легендой въ томъ, что не знаетъ мотива увоза жены (какъ месть за прежнее дерзкое поведеніе Соломона), подобно текстамъ Пыпина (59) или Тихонравова (143, 147), то едва ли это сходство можетъ доказывать, что сказка произошла именно отъ Китоврасовской легенды: это сходство объясняется общимъ характеромъ сказки, которая въ устахъ народа обезличиваетъ мотивъ; на пути къ переходу письменнаго памятника въ народную устную легенду стоятъ и оба текста Тихонравова, какъ показываетъ ихъ полукнижный полународный языкъ. Въ остальномъ же сербская сказка можетъ быть поставлена въ связь съ юго-славянской (бѣлградской и софійской) версіей, чтó вполнѣ естественно, хотя въ виду того, что сказка сохраняетъ только *общую* схему разсказа, общую и Китоврасовской, и Поровской и юго-славянской версіи, трудно точно и опредѣленно связать её съ послѣдней. Одна подробность, которой нѣтъ въ Китоврасовской легендѣ, но есть въ юго-славянской, пожалуй, сближаетъ сказку съ этой послѣдней: выдавши Соломона похитителю, жена говоритъ: „иди сад одмах к њему у собу те га посијеци, али се немој шалити да и што почнеш с њим говорити, јер ако га пустиш само једну ријеч да проговори, превариће те" (Царь не удержался, и Соломонъ, дѣйствительно, перехитрилъ его). Это соотвѣтствуетъ въ бѣлградскомъ: „ничто не рци ему нь погуби его... аще вьглаголеши с нимь, онь тебе погубить". Правда, въ „русской" легендѣ (III-я у Тихонравова) сказано также: „Не дай ему говорить трехъ словъ, убей его, да не умудритъ тя" (ср. соф.: аще ли ти речетъ до 4 речи, вь истину онь тебѣ погубить). Но текстъ этотъ, какъ мы видѣли, и въ отношеніи развязки стоитъ особнякомъ отъ прочихъ, сближаясь съ юго-славянскимъ; наконецъ, онъ опять-таки безыменный (вмѣсто Китовраса, „наличный царь"). Это сближеніе даетъ нѣкоторый шансъ въ пользу юго-славянскаго текста, какъ источника, передъ Китоврасовскимъ, если этотъ и былъ когда-либо извѣстенъ на югѣ.

Издавая ниже софійскій и бѣлградскій тексты, въ каче-

ствѣ источника сербскихъ сказокъ, и ограничиваясь только вышеприведенными соображеніями относительно его, сдѣлаю нѣсколько замѣтокъ о самихъ текстахъ. Бѣлградскій текстъ, хотя и болѣе древній, представляетъ уже мѣстами механическое сокращеніе, подобно повѣсти о Ѳеофанѣ и Фокѣ, изъ болѣе полнаго, сохраненнаго въ этихъ мѣстахъ въ позднемъ софійскомъ спискѣ. Этотъ послѣдній совпадаетъ съ русскимъ спискомъ этой версіи Соломоновой легенды, изданнымъ А. Н. Веселовскимъ (Разысканія, V, 143); это видно изъ сопоставленія съ нимъ софійскаго и бѣлградскаго. Къ этому послѣднему прибавляю нѣсколько разночтеній изъ пловдивскаго списка по цитатамъ у Веселовскаго, обозначая его черезъ С. Что касается языка списка бѣлградскаго, то и онъ, подобно тексту сказанія о Ѳеофанѣ, восходитъ къ болгарскому прототипу (см. выше), къ которому восходитъ также и софійскій.

Бѣлградскій текстъ
№ 104 (л. 62—64).

Слово, ѡ соломонѣ како бы҃. бл҃ви ѿ.

(л. 62). Давидь цр҃ь имѣаше сн҃а прѣмоудраго соломона. и имѣаше лѣпотоу великоу. оу иного цр҃а где чюѩше цр҃цоу лѣпотоу имѣ(ющоу) соломонь моудростию строѩшесе ѩко ѥдины воиникь... (хо)жаше бледоуѩше с ными. и възымаше бѣлегь ѿ (л. 62[a]) ныхь. Ѥга хожаше вь землю свою, тога припоущаше имь и исповѣдаше имь како да ѥ всѣмь на пороуганиѥ. и всѣмь цр҃емь тако сьтвори. ѡц҃ь ѥго дв҃дь ре҃ ѡ сн҃оу соломоне. почто

Софійскій текстъ
№ 80 (л. 38—45 об.).

Слово ѡ прѣмꙋдра соломона и ѡ жене его.

Бѣше соломѡ҃ цр҃ь прѣмоудри. сн҃ь два҃а цр҃а и пр҃рка гн҃ѣ. й ѡбл҃аше вьсею землю. имаше веліꙗ дела вь себѣ. хожаше ꙗко ѥдинь прѣбѣ҃ строющисе. кь вьсемь цр҃е и блюдоваше сь женами цр҃ѣвеми. й вьзимаше белегь ѿ цр҃цоу. й ега ѿхожаше вь свою землю. пꙋщаше имь белегь. йже вьзимаше имь ѿ жени. и тако твореше вьсемь цр҃е. й рꙋгашесе й҃. дв҃ь ре҃. ѡ соломꙋне поими себѣ женꙋ. не твори тако. соломѡ҃ ре҃ аще не

не поимеши себѣ женоу. соломонь р҃е ѡ аще не обрѣщоу женоу краснѣишоу всего свѣта како кесмь и азь не вьзмоу. д҃вдь же р҃е красна жена е҃ вражиıе игралище, и вражеи прѣстоль. такоже изьѡбрѣте соломонь себѣ женоу, и имѣаше лѣпотоу великоу. и видѣвь д҃вдь р҃е сиıа жена велика скандала вьзвигнеть. соломонь р҃е како да вьзвигнеть скандалоу. азь ѿ всѣхь цреи великь кесмь и помоудрь. и где боли мене ѡбрещетсе. и много люблıааше ıее [1]).

Црь купрьскы ıако слыша ѡ соломонѣ рѣчи, вьзель е҃ женоу. и р҃е аще кто ѡбрещетсе да приведеть мнѣ женоу соломонову, дамь кемоу имѣниıа многа. єдинь исполинь р҃е кемоу, даи мнѣ каменик бесцѣнно и бисерь и злато, и даде кемоу, и сьтвори мантию. и принесе вь землю соломона цра [2]). и продаваше мантию. кто же видѣше мантию глахоу сиıа мантиıа намь не на приликоу е҃. тькмо цроу е҃ и пришьше повѣдахоу црци и рѣше. гже кединь коупеникь продаѡбрѣщѹ доброте моеи приликѹ, инѹ не поимѹ. и ѡбрѣте женѹ. вьсего ста лепьшою. и ега приведе ю вь домь свои и виде ю двь црь и р҃е соломѹнѹ. вь истинѹ сиıа лѣпота много скандалѹ оучинить. и р҃е соломоунь где ѡбрѣщеть подобра ѿ мене. азъ еса црємь црь. азь мѹдрь ѿ вьсего ста азь леиши. Двдь р҃е ѡ снѹ соломоуне каıа лепота нѣ приличьна кь людемь. то дела неприлична сьтворить.

Чоу црь кѹпрьски ıако поель к женѹ соломѹнъ и сьзва вьсе црıе свое и р҃е. кои ѿ ва може сътво да вьзмѹ женѹ соломоуновѹ. дамь емѹ иманıе много и ѡбрѣтесе єдинь исполинь. и вьзеть многоцѣнное каменıе. и бисерь и злато иже члчкы оумь не можеть смислити и принесе вь землю соломоуновѹ. и продаваше ю ıако єдинь кѹпець. вьси видевьши чѹжахѹсе. и поведахѹ црици ѿ свинте. црца р҃е, приведете ми его само. да вiжѹ его. и призвахѹ его, и вьпроси его р҃е что е҃ томоу цена. исполiнъ р҃е кь црци ѡ госпоже не пбаеть то тебѣ кѹпити чемѹ ме вьпрашаеши. црца р҃е что тако глши брате. исполинь рче. то вь нашеи земли и робини носеть. црца р҃е да еда таково рѹхо ра-

---

[1]) Сравни начало Софійскаго текста; съ нимъ совпадаетъ текстъ *С*.

[2]) Въ *С*. короче: и „обрѣтеся исполинъ единь и вьзеть многоцѣнное каменїе и бисерь... и принесе вь землю Соломонову“ (Веселовскій, 91).

вать мантию ѿ каменига драгаго многа, нѣ̑ иномоу на потрѣбоу тькмо цр̑твоу ти. цр̑ца посла принести мантию. и видѣ цр̑ца и оужасесе и р̑е что ѥ̑ томоу цѣна. коупьць р̑е ѡ г̑же не прилично ѥ̑ то тебѣ роухо носити, понеже вь земли г̑на моѥго рабы и ѡтроци тако носеть. цр̑ца р̑е ѥ̑га раби тако носеть цр̑ца ваша како [1]) носить. исполинь р̑е цр̑ь нашь цр̑цоу не имать понеже не ѡбрѣтаѥтсе красотѣ ѥго протнвиѥ. нь ѥ̑га вьпрошаѥши ме г̑же азь исповѣмь тебѣ. Оуготовано ѥ̑ полатиѥ да ѥ̑га хощеть прити цр̑ца цр̑а нашего, сь звѣ̑зами нб̑ными хощеть игратн. тогда цр̑ца р̑е хотѣль ли би мене вьзети [2]). исполинь р̑е ѡ̑ г̑же тако слышаль ѥ̑ ѡ̑ красотѣ твоѥй, того ради послаль ѥ̑ мене к теб(ѣ) понеже того ради и твоѥи красотѣ подобаѥть ѿ нѥго (ра) (л. 63) довратисе. цр̑ца р̑е како мене привель би кь нѥмоу. исполинь р̑е азь тебе приведоу. и р̑е оукради цр̑ковныѥ виниі носеть. да цр̑ца вашего цр̑аа, каково рꙋхо носить. исполинь р̑е. нашь цр̑ь цр̑цꙋ не имать. понеже не ѡбрѣтаеть того века соте(sic) и̑ прилика нь аще поиметь цр̑цꙋ. оуготовиль ѥ̑ полатꙋ да съ звѣ̑зами играеть. цр̑ца вь таине р̑е, да хотели би мене вьзети. Вь истинꙋ ѡ твоеи красоти веселиль се би̑. а ти ѡ тогове вьзеть. и р̑е емꙋ како да приведеши мене кь немоу. ѡнь же р̑е ѥи оукради клоучи цр̑кв̑ны и дай хи(sic) мене. ѡна же оукраде клоучи и да̑ хи(sic) емꙋ. исполинь да̑ ѥи биліе. и̑ оум̑реть. и поведаше соломꙋнꙋ, соломонь почꙋдіе̑. что бисть цр̑ц напрасна сьм̑рть. и р̑е соломонь прожезете ѥи дланы да не сьтворить дело еже ми ѡ̑ць р̑е дв̑дь. такоже и прожегоше. то̑га р̑е соломонь вьложите ю вь гробьніцꙋ и вьнеоудоу рꙋце и ѡставите да е̑га же прихожоу да погледꙋю, понеже драга ми бѣше. и̑ приде исполинь вь нощи. и зеть ю и напоить ю біліе и ѡжіве. и вьнесе ю вь корабь. и дасть ю цр̑ꙋ к̑упрьскомоу. и цр̑ь сию сьтвори женꙋ. Соломꙋнь р̑е вь истиноу ми р̑е ѡ̑ць мои дв̑дь. ѡбидоше вьсо̑ землю и не ѡбрѣтоше ю. и прииде ч̑лкь и повѣда ему̑. соломонь р̑е како да

[1]) „Каково рухо“—*С*.

[2]) Эпизодъ читается въ *С.*: „понеже не обрѣтаеть тоговѣ красотѣ прилика, нь аще поиметь царицу, уготоваль есть полату да сь звѣздами играеть. Царица вь тайнѣ рече ему: Да хотѣль ли бы менѣ вьзети?“ (Веселовскій, 90).

ключе и даи (и)хь мнѣ, ѡна дасть кемоу ключе. тогда исполинь дасть кеи забитно билие, и ѡбьоумрѣть. тоу сьбрашесе црие и кнезы, и дивишесе како црца сьмрьть приеть. соломонь рече не бжтьвна ѥ сьмрь (sic) кее. еда како ль(ка)вьство творить, ѩкоже рѐ прѣже ѡць мои двь. повелѣ ражещи желѣзо и прожегохоу кеи длани, ѡна же бѣше ѩко и мртва. соломонь плачющисе рѐ вьложите ю вь гробьнице. и ѡставите кеи роукоу вьнеоудоу. да кеа вьхожоу вь црквь да зроу кею понеже люблѩхь ю. и тако сьтворише. исполинь вь нощи пришь ѿврьзе црквь, и поемь црцоу и положи ю вь корабь и приведе кь црю купрьскомоу и поеть себѣ женоу. попове же црковны видѣше гробницоу испражнеоу. и повѣдаше соломоноу. тоу сьнидохоусе црие и кнезы дивещесе. двдь црь рѐ сьвыше се глы мое. вь многы днi распытоваше да оувѣсть камо пошла ѥ.

Нѣкто повѣда соломоноу и рѐ приде црца кь црю купрьскомоу имоущи лѣпотоу великоу кеда то ѥ. и посла соломонь кединого раба видѣти. и пакы сьтвори роукавице каменикемь безцѣнымь, бѣхоу бо безьцѣнны. єдiнь ю вiдимь. то ли мi ѥ жена. єдiнь члкь сьтворi рукавици ѿ каменiа многаго и ѿиде вь кнiгрь продаваше ихь. и цра призва єго кɣпити рɣкавiци. и єга вьзлагаше на рɣце свое и тога вiде члкь жеженiе железɣ на рɣкɣ єю и позна ю. и приде и поведа соломɣноу. Соломонь вьстожи великои и прибра добрихь мужiхь ,р. вьѡроужені. и вьведе ихь вь землю кипрьскою творещисе ѩко того цраа людие сɣт. и постави є соломɣнь при граде еже наречесе сеафъ. Сълломонь наресе га стуаини брать вьнiде вь гра црьвьнь гра бѣше. црца виде ис полатɣ соломона и позна єго. и посла призватi єго. и єга вьнiде кь неи и вьпросi єго црца, что зе хощеши. Соломонь рѐ ти знаеши колико любовь има с тобою. да зрещи лица твоєго оумърɣ. а воємъ своимъ бѣ(sic) рекль критiсе. и почивайте блiзь гра. да єга оуслишiте троубɣ тɣ да ѡбрѣщетесе. Црца ськри соломоуна. Єга приде црь вь полатɣ кь црци иємь црцоу за плещɣ и вьзиграсе сь нею, црца рѐ да бi ведель соломɣнь ге играєши сь мною, что би тi рекль. Црь рѐ что бы мне рекьлъ соломоуиъ аще и великь ѥ црь, нъ братъ ми ѥ. понеже азь вь

рабь сьтвори поуть вь землю купрьскоу. и вьспродава роукавице. людие видѣше и повѣдаше црци, и црца призва его с роукавицами. изьмши роуцѣ свои и постави роукавице на ныхь. члвкь видѣвь бѣлѣгы роучные еже ѿ желѣза, и приде кь соломоноу и повѣда емоу истинно. Соломонь избра добрие вое н. и поеть сь собою. и сьтворишесе ако ѿ цра купрьска соут. и вьнидохоу вь землю кипрьскоу. близоу тѣхь ѡставить, рекь имь пожате тоу строующесе ако ѿ того цра вое соуть. Егда чюете троубоу троубещи тоу брьзаите прити, до третнаго троубениа тоу да ѡбрещетесе. соломонь сьтвори се ако и странны. црь вьнеоудоу хожаше видѣ црца с по(л. 63*)латеи и позна его. и посла призвати его. поемше его вь таиноу рє емоу где здє вьзелсе еси. соломонь рє како знаеши великоу любовь имѣль есмь к тебѣ. не могохь трьпѣти и придохь да блюдоуще твоего ѡбраза оумроу. такоже и вь полатѣ скры его. и пришь купрьскы црь вьзыгра сь црцею. тогда црца рє аще те би видѣль соломонь где играеши сь мною что ти би рекль. црь рє что ми би рекль азь црь есмь ѡнь црь

свою землю есамь. азь тебѣ ратїю не вьзель есамь, нь ти сама блоуда ради дошла еси. тогда црца рє хощеши ли да веди соломона. црь рє ѡ лоуда жено что глши. сололомоунь (sic) есь црь црє гє зє ѡбрещете ѡна рє аще ті повемь соломсна ніщо кь немѹ не гли нь погѹбі его. аще ли ти рєтъ до .д. речи вь нстінѹ ѡнь тебѣ погѹбіть. црь рє ѡ жена лоуда. гє соломѹнь проиде поле. пльна сѹть лоудіе а ти глши. Ѡна же извє соломоуна и поведа его єдіноглно выпіаше. ніщо кь немѹ не гли нь погѹбы его. црь рє. здраво лі еси соломѹне. Соломоунь рє здраво есамь нь здраво лі ті есть жена. црь рє соломѹне егда бы кто дошель вь домь твоі и преже би женѹ твою поздравіль что бы емѹ сьтворіль. соломѹнь рє метнѹль го біхь вь тьмьніцѹ да лежіть .г. дны тогда вьврьгоше его вь темніцѹ. и по трехь днеи изеть его црь и сьтвори сѹдище. и выпроси его рє и рє (sic) ѡ соломѹне солѡмѹнь рє еи гн. црь рє. сѹдіи егда црь цра оуфатіть что мѹ сьтворіть. Соломѹнь рє погѹбіть его. нь млю ті се цроу аще и вь рѹкѹ ті есамь нь црь есамь. Азь женѹ ради погіохь. да не погѹбы мене вь таи

ѥ҇. ѡнь брать ѥ҇ мнѣ понеже ѡба цр҇а ѥсва. азь тебе ратию не вьзель ѥсмь. ты сама по блѹ҇доу дошла ѥси. тогд҇а црца ре҇ хощеши ли да видиши соломона. црь ре҇ кде соломонь, что глѥши, ѡна же ре҇ аще повѣмь тебѣ соломона, ничто не рци ѥмоу нь погоуби ѥго. И изведши соломона и поведаше ѥго. ре҇ аще вьзглѥши с нимь ѡнь тебе погоубить. видѣ црь соломона вьзчюдисе велико, и ре҇ здраво ли ѥси соломоне. Соломонь ре҇ здраво ли ѥси ты здраво ли ѥ и жена твоа. црь ре҇. ѡ соломоне аще кто придеть вь домь твои и поздравствоуѥть тебе ѡ женѣ твоѥи, соуди что хощеши ѥмоу сьтворити. соломонь ре҇. вьложил го быхь да боудеть ,г҇, дни вь тьмници. и пакы изел҇ быхь ѥго да що моу соудь покажеть. такоже ѥмоу сьтворихоу. и прѣбы. и изведе ѥго кь црю и ре҇ ѥмоу соломоне ѥгда црь цр҇а оуиметь что моу соудить. соломонь ре҇ погоубить ѥго. црь ре҇ каковоу сьмрть хощеши да ти дамь. Соломонь ре҇ молю ти се брате мои, оучини млѥниѥ моѥ ѡ семь понеже азь за женоу мою хощоу погибноути. азь великь ѥсмь црь никто не хощеть вѣровати азь погыбноуль ѥсмь. не понеже нікто же можеть оувѣсты, ꙗко соломо҇н погібьль ѥ҇. нь изведи мене на поле и ѡбѣси мене на дьбѣ веліце ꙗко да вьсакь відить ꙗкь соломоунь погібь ѥ҇. црь постави ѥго на колесницы и повезохѹ соломѹна на поле. насмеꙗсе соломонь и вьпроси ѥго црь и ре҇ почто насмеꙗсе. Соломо҇н ре҇. гн҇ чѹжѹ се ге҇ коло на на (sic) коло вьседа а ѡвое оу кала. црь вьпросі ѥго ре҇ где ѥ҇ твоꙗ премѹдрость еже имѥши. и соломоунъ ре҇ моꙗ премѹдрость ѿшла ѥ҇ въ сьмрть. понеже ег҇а чл҇къ гладень ѥ҇ не имать нікою мѹдрость. нь мислить да се наꙗстъ. да и мене жалость ѡдоле, да за жалость погибнѹ. ег҇а привезахѹ его вь древѹ, соломонь ре҇. даи мне брате трьбоу да по(трь)біть на сьмрть. понеже (......*)) фоторені моє ѥ҇ да ми есть драго. даше емѹ трѹбѹ ѿсмогл҇ноу. и вьзлезе на дьбе и потрѹбы .г҇. и чѹхѹ вое ѥго и прідохѹ спешно. и кхѹ цр҇а и црцѹ. Соломонь ре҇ виде҇ те ли како коло на коло вьседае. црь ре҇. гн҇ дажь мне слатькою сьмрть. и тако пѹсты емь кровь вь вьсе жіли. и оумреть слатько. црцоу свеза

*) Не разобрано.

нь изведи мене на поле и повѣси мене на доубоу великомь. да всакь видить мене и да не глѥть ино нь да вѣроуѥть ѡ сьмрьти моѥи. тога црь рє сьтвороу то. и повелѣ вьзложише и на кола, и поидохоу на поле. тогда соломонь насмиıав-се велико. црь рє ѡ соломоне не азь тебе на сьмрть ведоу а ти се смѣеши. со (л. 64) ломонь рє. чюжоу се како коло на коло вьзсѣда. ѡ рѣчи тои црь почюдисе. и приведше ѥго кь доубѹ великоу. соломонь рє гн азь хощоу погибноути. даи мнѣ троубоу да потроублю на сьмрти, понеже наоука ми ѥ и ѥ строѥние ѿца моѥго. и црь даде ѥмоу троубоу. Соломонь потроуби прьвоѥ и воиѥ ѥго чювше ѡседлаше си кониѥ. вь второѥ троублени вьседохоу. вь третиѥ троублѥ блѥ (sic) приспѣхоу воиѥ, где дрьжеть соломона и оуѥше цра и все слоугы ѥго избыше. соломонь рє сего ради глахь азь како коло на коло вьсѣда. соломонь даде царю сладкоу сьмрть. и поусти ѥмоу крьвь вь все жилы и оумрѣть. царицоу своза фариѥмь за ѡпаши [1]). Соломонь прѣѥть цртво ѥго. боу же ниє:: фаріамь за нозе и растрьзахѹ ю. Соломонь пріє вьсѹ землю кѵпрьскою. Бгоу же нашемѹ слава вь векѵ веко амінь.

[1]) Въ *С.*: „Царь рече: Ей, Господи, даждь ми сладкую смерть! И тако пусти ему крьвь на вьсехь жилахь его и умрѣ сладко. А царицоу своза фаріамь за нозѣ и растрьзаху ею“ (Веселовскій, 95).

III.

Изъ другихъ, собранныхъ мною матеріаловъ сообщаю только немногое, то, что показалось болѣе интереснымъ. Прежде всего останавливаюсь на № 306 (XVII в.) Народной библіотеки Бѣлграда; на л. 169 и сл. помѣщена повѣсть ѿ създанін цр҇игра҇ въ византіи вмѣстѣ съ повѣстью о паденіи Царя-града. Это—та самая повѣсть, которая вошла въ Воскресенскую лѣтопись (П. с. р. л., т. VIII, стр. 128—144), издана была покойнымъ арх. Леонидомъ (Пам. Общ. Люб. Др. Письм., LXII) по русскому списку [1]). О сербскихъ спискахъ, именно о спискѣ по рукоп. П. І. Шафарика, № 10, говорилъ еще І. Иречекъ (Гласник Српског Ученога Друштва, XL, 132 и слѣд.), который предполагалъ уже русское происхожденіе сербскаго текста [2]). Болгарскіе тексты подвергнуты были анализу Л. Милетичемъ (Сборникъ за народни умиротворения наука и книжнина, XIII, 399 слѣд.), пришедшимъ къ подобнымъ же результатамъ для этихъ текстовъ. Упоминалъ объ этомъ отношеніи между юго-славянскими текстами и русскими и я въ „Вступительной лекціи" (стр. 27). Пересмотрѣвъ еще разъ списки сербскіе, я теперь окончательно пришелъ къ выводу, что тѣ сербскіе тексты, которые мы знаемъ, несомнѣнно, писаны съ русскихъ списковъ.

Существованіе юго-славянскихъ текстовъ статьи предполагалъ еще А. Н. Пыпинъ (Очеркъ, 214), при чемъ указывалъ, что „существованіе сербскихъ списковъ, довольно старыхъ, наводитъ на мысль, что сказаніе было доставлено намъ уже въ готовомъ славянскомъ *переводѣ*". Такимъ образомъ, онъ предполагаетъ греческій оригиналъ для нашего сказанія. Въ ту же сторону склоняется и И. В. Ягичъ въ своей краткой замѣткѣ (Archiv für sl. Ph. XI, 157), предполагая, что

---

[1]) Ранѣе И. И. Срезневскій изложилъ эту повѣсть (Уч. Зап. II Отд. И. А. Н., кн. I, 99—137, или отдѣльно).

[2]) «Рукописи П. І. Шафарика», стр. 41.

греческій оригиналъ могъ быть принесенъ какимъ-нибудь бѣглымъ грекомъ, и находилъ необходимымъ привлечь къ дѣлу юго-славянскіе разсказы о паденіи Царя-града. Къ сожалѣнію, болѣе точныхъ указаній ни Пыпинъ, ни Ягичъ не даютъ. Не беря на себя окончательнаго рѣшенія вопроса о происхожденіи повѣсти, предлагаю только матеріалъ для рѣшенія его, именно: небольшой анализъ юго-славянскихъ текстовъ (тѣхъ „довольно старыхъ", о которыхъ говоритъ А. Н. Пыпинъ, я не знаю, если не считать таковымъ текстъ Шафарика, писанный послѣ 1619 г.) [1]) и нѣсколько соображеній объ отношеніи повѣсти о взятіи Царя-града къ другимъ подобнымъ повѣстямъ „воинскаго характера", лѣтописнымъ сказаніямъ аналогичнаго характера.

Анализъ юго-славянскихъ списковъ Повѣсти приводитъ къ слѣдующему: 1) они буквально совпадаютъ съ русскими (у Леонида и въ Воскресенской лѣтописи), ясно этимъ указывая общность своего происхожденія съ ними; 2) языкъ списковъ, главнымъ образомъ словоупотребленіе, показываетъ, что сербскіе тексты, намъ извѣстные, произошли отъ русскаго текста. Вотъ нѣсколько такихъ указаній.

Нѣкоторыя формы, невозможныя въ юго-славянскомъ, точнѣе въ сербскомъ спискѣ, объясняются изъ русскаго языка, каковы: стꙋю софѣю (171 об.), съ рус. ѣ=є вм. правильнаго и; грькы (174 об.),—им. п. мн. ч., возможный только при русской формѣ, вм. грьци; колоколи (175)—полногласная форма (списокъ Леонида сохранилъ книжную форму—„клаколъ"); въргани (176) вм. органи. возможная только при русской формѣ съ евфоническимъ *в* (ср. Mikl. Lex. 514) [2]); ждаху приcтꙋпꙋ (176 об.)—русскій родит. падежъ; молєхꙋ сє—съ є вм. ꙗ (или а), замѣнившимъ собою ѧ=ꙗ русскаго текста; оу нєи (180)—рус. форма род. пад.; борєхꙋсє (188) съ є вм. ꙗ=ѧ (см. выше), прѣстꙋпꙋ (193 об.) съ ѣ вм. и, какъ въ рус-

1) См. „Рукоп. Шафарика", стр. 45.

2) Тамъ же форма „вь варьганы", взятая изъ разсматриваемой повѣсти по списку Шаф. № 10 (1619 г.).

скихъ сѣв. говорахъ; змѣи (171)—вм: зміи [1]). Въ подборѣ словъ и оборотовъ находимъ цѣлый рядъ такихъ, которые были мыслимы только въ русскомъ текстѣ: православны црѥмъ кѡстантинѡ иванновичемь (Шаф. Ивановичемь) (174)—отчество, употребленное по-русски; сербское обычное прозвище, теперь кончающееся на ћ (напр., Іовановић), въ смыслѣ фамиліи, писалось въ рукописяхъ или съ ћ, или же съ окончаніемъ кь; въ доконьчаніи (174)=т.-е. въ миру—терминъ русскій, обычный въ грамотахъ, которыя и называются „докончательными" (Срезневскій, Словарь, 693; докончаніе —мирный договоръ); площади (171) слово неизвѣстное въ сербскомъ, а только въ русскомъ; пꙋшкы (175 и passim) въ смыслѣ русскомъ, а не сербскомъ (=ружье), пищали (175 и passim), большій (180 и passim)—въ см. великій (magnus, ingens), а не сравнит. степени—извѣстное только изъ русскаго: из болшее пꙋшкы (180), болшꙋ пꙋшкꙋ (196) из болшіе пꙋшкы (185 об. bis) и т. д.; бочкы съ смолою (183 об.) въ русскомъ значеніи (серб. — игла; бочка—по-сербски—буре или барило, каца); ѡбрꙋчми (183; серб. лучац), башта (185 об., т.-е. башня) въ серб. имѣетъ совершенно иное значеніе (pater; см. Даничича, Рјечник I, 30); зеліе (183), зеленникъ (180)—въ этомъ смыслѣ (порохъ, казенная часть орудія) въ сербскомъ неизвѣстны (серб. барут—турецк. сл.)

Обращаютъ на себя вниманіе нѣсколько ошибокъ въ текстѣ, которыя объясняются скорѣе всего тѣмъ, что писецъ не всегда точно понималъ свой оригиналъ; такъ, онъ пишетъ: идеже и всъ мириа побѣда (169 об.), т.-е. одно слово (всемирная, какъ у Леонида) раздѣлилъ на два; межꙋ двою морꙋ чрьмнаго и бѣлаго (176 об.), вм. чрьнаго (какъ въ русск.), т.-е. не понялъ слова (ср. срб. црн); также неудачно раздѣляетъ онъ: се дно хлъмны (170 об.—т.-е. седмохолмный), или меню галатскомꙋ (181 об., т.-е. и лименю, т.-е. гавани,

[1]) Подобныя же формы отмѣчены были мною въ «Рукоп. Шафарика», стр. 43. — Сюда можно прибавить формы: крѣпчае (182) вм. крѣплие, црькъвь (198), напастѣй род. мн. съ ѣ (193).

заливу), нъ изльти (ядро) и оудари (196 об., т.-е. на излётѣ ударило).

Всѣ эти черты, кажется, не оставляютъ сомнѣнія, что сербскіе тексты повѣсти, по крайней мѣрѣ тѣ, которые мы знаемъ, идутъ отъ русскаго источника, съ чѣмъ вполнѣ согласно и ихъ сравнительно позднее время—не ранее XVII в., когда теченіе русское замѣчается и въ другихъ памятникахъ сербскихъ (см. „Вступительную лекцію“, 30).

Если мы такъ и смотримъ на сербскіе (и болгарскіе, судя по статьѣ Л. Милетича) тексты, то все-таки вопросъ о *происхожденіи самой* повѣсти остается открытымъ: какъ явилась въ русской литературѣ эта повѣсть: есть ли она переводъ, сдѣланный въ Москвѣ съ греческаго разсказа самовидца (или вообще въ Россіи), или принесена уже въ переводѣ югославянскомъ въ Россію, откуда она вновь перекочевала на югъ? или же эта повѣсть, хотя бы на основаніи иноземнаго источника (устнаго или письменнаго) *составлена* въ Россіи? Несомнѣнно одно, что матеріалъ повѣсти могъ дать въ томъ или другомъ видѣ человѣкъ, близко знавшій, если не непосредственно участвовавшій въ событіи. Всматриваясь же въ характеръ, стиль повѣсти, мы замѣтимъ не безынтересную черту: повѣсть въ этомъ отношеніи не стоитъ одиноко, входя въ кругъ, такъ называемыхъ, „воинскихъ“ повѣстей, отличающихся своимъ особымъ колоритомъ, своеобразными пріемами въ описаніяхъ военныхъ, боевыхъ событій. Рядъ этихъ повѣстей начинается весьма рано—съ Слова о полку Игоревѣ и передѣлки сказанія Іосифа Флавія о взятіи Іерусалима Титомъ (изъ „Іудейской войны“), кончая сказаніемъ о взятіи Казани и Азовскимъ взятіемъ. Съ другой стороны, здѣсь намѣчается связь въ пріемахъ съ обычными лѣтописными разсказами о военныхъ событіяхъ, съ тѣми повѣстями, гдѣ идетъ рѣчь о нашихъ отношеніяхъ къ иновѣрнымъ, главнымъ образомъ татарамъ. Въ этого рода памятникахъ вырабатывается до извѣстной степени своя терминологія, свои эпитеты. Отраженіе всего этого можно видѣть до извѣстной степени и въ нашей

повѣсти. Не имѣя возможности изложить здѣсь съ достаточною полнотой матеріалъ сравненія, приведу хотя немногое.

1) Иновѣрцы, то, что къ нимъ относится, носятъ постоянные эпитеты: безсерменскій (знаменіе безсерменское—змій, 171), окаянный (окааянному магмету — 186), безбожный (безбожніи турци 176 об.; безбожный магметъ—178), безвѣрный (окаанныи безвѣрніи же и лукавы—Магометъ,—178 об.), звѣрообразный, злонравный (звѣрообразни — Магометъ — 178, злонравны магмѣ—186 об.). Все это—тѣ эпитеты, которыми награждаютъ и у насъ повѣсти татаръ, иногда литву, азіатскихъ насельниковъ: ср. въ Сказаніи о Владимірской иконѣ [1]): и отоле возгорѣся окаянный (Темиръ Аксакъ); хотя итти противъ безбожна (Темиръ Аксака); избави.... от окаянна и безбожна и зловѣрна темиря аксака царя, отшествие окаянна и зловѣрна темирі аксака царя. Въ разсказѣ лѣтописи о нашествіи Батыя (П. с. р. л., I, 196—199): „поидоша безбожніи Татарове на Сить“ въ Сказаніи о Дмитріи Іоанновичѣ: „Безбожный зловѣрный Мамай“ (Сахаровъ, Сказанія рус. нар., I, IV, стр. 63). Въ Сказаніи о Куликовской битвѣ (П. с. р. л., VI, 90 и сл.) князь Дмитрій въ молитвѣ проситъ благословенія „поити противу окааннаго сыроядца Мамая“; точно также царь Константинъ молится Богородицѣ: не дай же достоянія твоего въ поношение сироядцемь симь (л. 195). „Бесерменьскый“—обычная передача слова „магометанскій“ (см. Срезневскаго, Словарь, 71—72) въ русскихъ памятникахъ.

2) Борьба съ невѣрными въ нашихъ русскихъ повѣстяхъ есть борьба „за вѣру православную христіанскую, за церкви Божія“ (напр., въ Нашествіи Батыя, Мамаевомъ побоищѣ), за эту вѣру кладутъ свои головы бойцы (см. Срезневскаго, Словарь, 542—Мамаево побоище). То же и у насъ: день, говоритъ Константинъ, прiиде часъ прославити бога и пречистую его матерь и нашу православную христіанскую вѣру. мужайтесе

---

[1]) Цитирую по изданію въ Библіогр. мат. А. Н. Попова, XV — XIX (М. 1889), стр. 15 и слѣд., «Бѣлорусскій сборникъ».

и не ѡслабляйте въ трꙋдѣх ни ѿпайте надѣждею кладꙋще главы своа за провославнꙋю вѣрꙋ хртїанскꙋю и за стые црквы (л. 186 об.).

3) Описанія битвъ носятъ типическій характеръ, одинаковый и у насъ, и въ русскихъ „воинскихъ“ повѣстяхъ. Вотъ нѣсколько такихъ сценъ: и бы сѣча великаа злаа и прѣоужасна. ѿ пꙋшчанаго боа и пищалнаго стꙋкꙋ и ѿ зꙋкꙋ звоннаго и ѿ гласовъ и въплей и кричаніа ѿ ѡбой людей ѿ трѣскоти ѡрꙋжіа также и ѿ плача и рыданіа граскы людей и женъ и дѣтей ꙗко и землн колебатисе. и не бѣ слышати дрꙋгъ дрꙋга что глеть. бы громъ велій ѿ мнѡжаства ѡгнꙗ и стрѣлꙗніа пꙋшкъ и пищалей ѿ ѡбой странъ дымное кꙋреніе съгꙋстивсе покрн градь и воинство всѐ. ꙗко не видѣти дрꙋгъ дрꙋга с ким се быть. иза зелнаго ради въздꙋха мнѡгы оумрѣти. и сѣчахꙋсе на всѣхъ страна града. дондеже нощнаа тма и раздѣли (л. 177—177).

пахꙋ бо трꙋпіа ѡбой странь ꙗко снопы съ забралъ, кръвь и течаше ꙗко рѣкы (л. 181).

и бѣ страшно видѣти ѡбой дрьзости и крѣпости (л. 186).

и бы сѣча веліа ꙗко страшно и жестоко бѣ видѣти ѡбой дрѣзости и мꙋжьства (194 об.).

и бы сѣча примрачна занѥ стрѣлы и помрачнше свѣтъ (л. 195 об.—196).

Для сравненія—битва Александра Невскаго на Чудскомъ озерѣ (П. с. р. к., V, 181) въ 1272 году: „И бысть ту сѣча зла и велика, Нѣмцамъ и Чюди, и трускъ отъ копей ломленія и звукъ отъ мечнаго сѣченія, якоже морю померзшу двигнутися, и не бѣ видѣти леду, покрыло бо все кровію“.

Битва на Куликовомъ полѣ (П. с. р. л., VI, 90—96): „и бысть сѣча велика и брань крѣпка и трусъ великъ зѣло... Біющимся же имъ отъ шестого часа до девятаго, — и проліяся кровь акы дождевная туча обоихъ“...

Изъ Іосифа Флавія въ русскомъ пересказѣ: „и отъ толстоты праха другъ друга не знающе вертяхуся около акы слѣпіи, другъ друга рѣзаху“; параллель изъ лѣтописи: „отъ

множества праха не знати ни конника ни пѣшьцъ. И тако бишася крѣпко“ [1]).

Оттуда же: „сняшася, и въ томъ же снятьи невозможно разсудити или знати, кто съ кимъ біется“ [2]).

Оттуда же: „и бысть видѣти ломъ копѣйный и скрежетаніе мечьное и щиты искипани“ [3]).

Сравненія битвы съ жатвою, убитыхъ со снопами и т. д. извѣстны намъ уже изъ Слова о полку Игоревѣ. Эти типическія описанія битвъ, повидимому, явились какъ принадлежность такъ называемыхъ „воинскихъ“ повѣстей (я далекъ отъ того, чтобы связывать ихъ съ какою-либо опредѣленною школой литературной, тѣмъ болѣе съ „дружинною“ поэзіей, какъ то дѣлаетъ Е. В. Барсовъ). Параллели такого рода (которыя можно бы продолжить и еще далѣе) отъ оригинальныхъ произведеній или переводныхъ, но переработанныхъ, могутъ, мнѣ кажется, бросить нѣкоторый свѣтъ и на происхожденіе повѣсти о взятіи Царя-града: нѣтъ особой надобности считать ее переводною съ повѣсти греческой, которая составлена на основаніи наблюденій очевидца: наша славянская повѣсть могла быть составлена и въ Россіи, хотя бы на основаніи иноземнаго источника, по образцу типическихъ повѣстей военнаго характера. Поводъ же къ составленію подобной повѣсти въ Россіи вполнѣ ясенъ: хорошо извѣстно значеніе этого событія, паденія греческаго царства въ русской жизни, ставившагося въ связь не только съ началомъ кончины міра (сказанія Андрея Юродиваго, Меѳодія патарскаго), но и съ идеей о первостепенномъ значеніи Россіи въ дѣлѣ православнаго христіанства (Москва—третій Римъ). Поэтому, авторъ не только объяснилъ судьбу Царя-града: да сбоу҆тсє вьса прѣжє рєннаа о градѣ семъ при костантинѣ бєлицѣ цри (имѣется въ виду извѣстная надпись на гробѣ его, и столкованная Геннадіемъ патр. [4]) и львѣ прѣмоудрѣ (извѣстное пророчество,

[1]) Взято изъ „Слова о полку Игоревѣ“, изслѣд. Е. В. Барсова, I, 236.

[2]) Барсовъ, 235.

[3]) Тамъ же, 241.

[4]) Издана не разъ; послѣдній разъ въ статьѣ Л. Милетича, стр. 452—453.

приписываемое Льву императору) и меѳо́дїи є҆пкꙋ҇пе па́тръскы (его сказаніе о послѣднихъ временахъ), но и вмѣсто „русаго рода“ подставилъ „русскій родъ“, которому суждено побѣдить сыновъ Измаила и возстановить св. Софію.

IV.

Закончу настоящую часть отчета нѣсколькими выписками изъ рукописей, откладывая остальной матеріалъ до другого раза.

№ 555 рукоп. бѣлградской Народн. библіотеки XVIII в., босанскаго письма; изъ нея выписываю *Молитву отъ непріятеля и супротивника на суду:* „Стану на аеру и опашусе поясомь прѣсвѣтіе дѣви Маріе и узму мачь Господань вь руцѣ свои и прѣсвѣтлую мльнію, и прѣсеку езикь непріятелемь моимь оть мене, да не возмогуть на ме зла глаголати, ни зла садѣяти. Господи Ісусе Христе, како си избавио Сосану оть крива свѣдочаства и Ионну пророка оть чрѣва кутова, тако и мене избави оть непріятель моихь. Господи Ісусе Христе, како сіи избавио Петра и Павла оть уве тамне, тако и ме избави оть непріятель моихь. Господи Ісусе Христе, како си заградио уста 7 лавомь, тако да си заградѣть уста непріятелемь моимь оть мене, да не могуть на ме зла глаголати, ни зла садѣяти, вьвѣкіи вѣкомь аминь.

Господи Ісусе Христе, како се убезумише 6 воинь кои стрежаху Господа нашего І. Х., тако да се убезуметь непріятели мои оть мене, да не возмогуть на ме зла глаголати, ни зла садеяти, вь векіи вѣкомь аминь.

Весь сборникъ состоитъ изъ заговоровъ; въ началѣ Коляднивъ, за нимъ: Молитва Петра и Павла отъ нечистаго духа и „назора“, св. Григорія на разрѣшеніе отравы, злыхъ чаръ, молитва отъ червей, отъ зуба, молитва, когда хощеши итти къ царю или судіямъ, молитва отъ змія, пса или волка, молитва отъ „*дне*“ человѣку, печать Соломона, отъ запора водѣ, сказаніе о 12 пятницахъ, молитва Зосимы пчеламъ.

№ 558. Сборникъ 1752 г. босанскаго письма. Здѣсь любо-

пытно (л. 158) компиллятивное, повидимому, *Слово свете Анастасіе*, содержащее какое-то видѣніе, до сихъ поръ мнѣ не встрѣчавшееся. Привожу его начало: „Приде свети Михаил и вазее свету Анастасию на крила своя отъ земле на небеса, а с неба у раи Пречиста(и?), рече иои (?) анђели, зри оком и паметии умом своим: хођу те врати(ти) с небеса на землу. И рече анђел: зри, света, покажи ми на престолу нанже (?) бог, над ними облак, пред ними анђели мнози и беше оган велии, не могоше се от свете светлости зрети, али анђели закривaю крили своим лица своя (за криле руке човече), и виде Авраама са множаством младенац, ту свети Илия яко огань, ту 4 лица различна: а҃ телче, в҃ орле, г҃ лавов, д҃ чловек, ту анђели служе Пресветому по два држе крила друга на другу вапияше: светъ, светъ, светъ, Господь Богъ Саваот, испльни небо и землу слави свое. Осана во вишни! Ест дубок колико же і он пред женитбом ями ками велик и метни га и лети: з҃а: ч҃: лета, паки же стани на пучини тогда Бог лоза (?) елжене (?) иманиту мужу преко нега мост прва широко: і҃ч: дана преде на среду яко леви прст на краю яко ощро мача, приде множество душа, стану по светому мосту, придоше анђели ва бел мат свилски, зовут праве гласом лубнием носеще пред ним цвиети благоур(х?)ано и поиду за нима одесную ни ће лица ни ветра негова крста снае яко слунце види се слово писати глаголи анђели сим душам: ви мои. прави мирно сваким суседам...“

Ясно, что текстъ страшно испорченъ, съ трудомъ можетъ быть прочтенъ и понятъ. Одно можно сказать, что приведенный текстъ стоитъ въ связи съ духовными стихами о страшномъ судѣ, въ которыхъ упоминается мостъ, по которому идутъ души, тонкій, какъ остріе меча.

Передъ словомъ св. Анастасіи (олицетвореніе воскресенія мертвыхъ? *ἀνάστασις?*) какое-то сказаніе о второмъ пришествіи: „Сказаніе оть конца сего света, како хоће бити пред судомъ 17 дніи знаменія и чудеса, то ест щиһи изъ и жидовьски книга...“

Въ началѣ рукописи приведена азбука, гдѣ въ числѣ буквъ послѣ ю приведена: э-є; это, можетъ быть, глаголическое эє?

№ 27. Академич. библ. (бывш. Ученаго Дружества) сборникъ начала XIX столѣтія. Здѣсь, кромѣ трепетника [1]), сна Богородицы, епистоліи о недѣлѣ, помѣщается рядъ духовныхъ виршъ, повидимому, писанныхъ съ русскаго, напр.

Пѣснь о рождеству христову.

Егда прійде конецъ вѣка,
Богъ отъ Дѣвы родися,
Спасти хотя человѣка,
За презѣлну свою благость
Восприялъ есть нашу слабость...
и т. д.

На л. 24—*Молитва святаго Сысона*, которую привожу вполнѣ: „Бистъ воинъ святіи Сысонъ, и явися ему ангелъ Господни и рече: „возстани, святи Сысоне, и поиди (къ) сестріи твоеи Мелентіи, понеже бо родила 6 деце и все дяволъ изе и будетъ 7-го изести. Тебѣ соствори Господь ловца дяволъ". Востани святи Сысоне и поиди (къ) сестри Мелентіи; бяше Мелентія затворила врата и желѣзомъ оковала и оловомъ затопила бяше, себѣ рану (т.-е. храну-пищу) за 3 лѣта прибавила и приведе себѣ дѣвицъ на послуженіе, дондеже возраститъ отроча јеа. Тогда явися святи Сысонъ: „отвори врата, сестро моя Мелентіо, азъ есамъ братъ твои Сысонъ". Она же рече јему: „Брате мои Сысоне, не могу ти отворити врата, понеже бо есамъ родила 6 деце, и вся дяволъ изелъ, оће (т.-е. хоће) и ово 7-мо изести". Он же рече: „не боисе, сестро моя Мелентіо, азъ есамъ ловацъ, дяволъ не может ся сакрити от мене, азъ его обрещу". Тогда Мелентія послуша его и отвори врата, и тогда сотворися дяволъ в зерно жита и прилѣпися..."

---

[1]) Не перечисляю собранныхъ текстовъ трепетниковъ, имѣя въ виду отдѣльное по нимъ изслѣдованіе.

На этомъ обрывается текстъ, оставшійся недописаннымъ. Литературная исторія этого текста изложена у М. И. Соколова въ его „Матеріалахъ“ (Извѣстія Института, XI).

V.

Изъ рукописей софійской библіотеки, несомнѣнно, первое мѣсто принадлежитъ знаменитому синодику царя Борила. Въ виду изданія этого памятника по копіи (фотографической?) и изслѣдованія, приготовляемыхъ М. Ю. Попруженкомъ [1]), ограничусь только однимъ замѣчаніемъ о времени рукописи. Единственнымъ надежнымъ даннымъ при опредѣленіи времени написанія, можетъ служить бумага, ея филиграни. Писана рукопись на сборной бумагѣ; водяные знаки, снятые мною съ полною точностью, показываютъ, что ранѣе самого конца XIV в. рукопись быть писана не могла: между знаками, относящимися (по Пѣкосинскому) къ разнымъ годамъ XIV в. (1353, 1360) есть одинъ лукъ—который относится къ 1393 году, такъ что рукопись относить ко времени раньше этого года нельзя; это—terminus post quem. Съ другой стороны „многая лѣта“ (л. 83[a]—84) провозглашаются Єѵѳимію прѣwщенному архіепкпу бгоспсного великагw гра трьнова и въсѣм блъгаромъ патріарху. Евфимій же лишился патріаршества въ 1393 году; въ томъ же году умеръ Іоаннъ Шишманъ III, которому, какъ живому, въ синодикѣ также провозглашаются „многая лѣта“. Такимъ образомъ эти данныя позволяютъ отнести рукопись точно къ 1393 году, если только опредѣленіе года бумаги съ лукомъ вѣрно сдѣлано Пѣкосинскимъ.

Изъ другихъ рукописей заслуживаетъ вниманія сборникъ № 62, болгарскій, XVIII в.; часть его писана въ 1750 г., какъ свидѣтельствуетъ запись на л. 154 об.: оу враца въ домъ димо николови синъ въ лето ҂а.ѱ.н. азъ іwсіфъ.

Содержитъ этотъ сборникъ рядъ пересказовъ на народномъ языкѣ словъ и житій святыхъ.

---

[1]) Текстъ уже вышелъ во II т. Извѣстій Русскаго Института, въ Константинополѣ.

л. 1. I. Златоуста на вторую недѣлю поста. Нач.: Видесте ли въ мимошадшою неделю сиречь въ пръва недѣля показасе сти постъ.

л. 16. I. Златоуста: ради дворе и змию и ради житіе века сего суетнаго.—Потребно есть и то да знаеме ѿ начела показа бгъ пастиріе.

л. 29. Слово: боитъсе врагъ ѿ смерение.—Беше некои богати члвкъ въ египатске страни, гимеяше едина дащеръ.

л. 30. О третьемъ вселенскомъ соборѣ.

л. 32 об. Мученіе Минодоры, Митроды и „Фодори".

л. 66 об. 84. Мца маїа въ ка днъ стго и вѣликаго цара и равноапла Костъдина.

л. 86. Житіе папы Сильвестра.

л. 104. Житіе прор. Иліи.

л. 130. Житіе Амвросія Медіоланскаго.

л. 154 об. Житіе Ѳеодосія пустынно-жителя.

л. 176 об. Ноября 13-го. Житіе I. Златоуста, „нищолюбива".

л. 271 об. Житіе Петра и Павла; въ житіи ссылки на лѣтописцевъ *Гїа* и *Зеферїа*.

л. 301 об. Житіе ап. Андрея.

л. 325 об. Житіе ап. Ѳомы.

л. 327. I. Златоуста слово на великій четвергъ.

л. 341. Поученіе при началѣ дѣла.

Особенность статей этого сборника, помимо народнаго языка и свободнаго отношенія къ старому тексту, представляютъ введенія общаго характера, которыми составитель сборника пользуется для поученій, часто ничего общаго съ самымъ житіемъ, которое онъ излагаетъ, не имѣющими. Такими введеніями снабжены сказаніе о Константинѣ Великомъ, житіе Иліи, Амвросія, Петра и Павла. Наиболѣе интересно введеніе къ житію прор. Иліи: оно разсуждаетъ на тему, что ученіе слушать полезно, но не всякое, а только хорошее, отъ добраго писанія; распространяется о правахъ добраго учителя. Въ разсужденіе о добромъ и зломъ писаніи вста-

влена замѣтка любопытная для исторіи статьи о книгахъ ложныхъ и для самыхъ этихъ ложныхъ, отреченныхъ книгъ. Привожу ее цѣликомъ: надо слушать доброе ученіе „понеже иматъ и *лъжавни книги* и хулни речи имутъ отъ якоже иматъ некои книги и нарицаютсе *карътанови* книги, и въ нихъ пишетъ ради Христа: егда беше мало отроче, ходеше по зари слъначни и с пола носеше вода, и теглеше др҇во и станеше подлъго. Такова и тимъ подобно сказуетъ и ради светою Троицу и како порасте Христосъ и на рождво Христово и на распетие. Такови рече еретици говорятъ, а не цръковни наши учители: и откръвенїе богородично, и видение апостола Павла, и откръвение светому Георгію, и откръвенїе Аврамово, и откръвеніе Іоанна Богослова (и҇ не тая, иже ю четеме у цръкви, нъ другою, иже глаголетъ: услыши Іоанне) и некои лажатъ (ркп. лежатъ) и говорятъ, како паднала книга отъ небеса, ради света недела, и слово ради света Ѳеодора, и друго слово говоратъ, како да естъ писалъ Іаковъ, братъ божіи на рождество Христово, и друго слово, како да естъ писалъ Іоаннъ Богословъ на успенїе богородично, и ради зачетїе светому Георгїю и како мучи го царъ Діоклитіанъ и други три царіе и други многи лажави книги иматъ. И кои учители любатъ право да учатъ, не хощутъ да четутъ на такива лажавни книги ни да ги изъгоритъ, якоже повелеваютъ свети оци з҃. сабора въ ѳ҃ глава“.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ передъ собой своеобразную редакцію статьи о книгахъ ложныхъ. Своеобразность и достоинство этой статьи заключается въ томъ, что составитель ея, подобно редактору болгарскаго индекса въ номоканонѣ XIV в. (Погодинскій), заносилъ названія апокрифовъ на основаніи личнаго знакомства съ ними, что отражается, напр., на замѣткѣ его объ евангеліи Ѳомы, гдѣ онъ отмѣтилъ три чуда, какъ они читаются въ юго-славянскихъ текстахъ (каковъ № 68 софійской библіотеки [1]) поздней редак-

[1]) О немъ см. въ моихъ „Апокрифич. ев.,“ стр. 128—31.

ціи [1]) и происшедшихъ отъ нея малорусскихъ. Кромѣ того, обращаютъ на себя вниманіе заголовки нѣкоторыхъ статей у автора: обыкновенное „Хожденіе по мукамъ Богородицы“ носитъ названіе „Откровенія“, что̀ соотвѣтствуетъ первоначальному названію апокрифа: *Ἀποκάλυψις τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου*... (Lambecii, Commentarii, V, 634). Откуда взялъ это заглавіе авторъ индекса? Въ противоположность нашимъ индексамъ, отмѣчающимъ Первоевангеліе Іакова (*Ἰακώβου ἱστορία*) глоссой: „Іакова нѣкоего евреянина, а не апостола“, болгарскій индексъ прямо указываетъ на то, что̀ есть въ самомъ апокрифѣ, который, дѣйствительно, приписывается Іакову, брату Господню: *Ἱστορία Ἰακώβου τοῦ ἀδελφοθέου*... (Апокр. ев., стр. 9). Индексъ правильно различаетъ каноническій апокалипсисъ Іоанна отъ апокрифическаго, отмѣчая послѣдній той же глоссой, что̀ и въ нашихъ индексахъ („слыши, праведный Іоанне“). Но въ то же время разсматриваемый даетъ указаніе на такіе тексты, которые до сихъ поръ не попадались въ спискахъ ложныхъ книгъ: это — Слово І. Богослова на успеніе Богородицы, Откровеніе Георгіево, Зачатіе св. Георгія. Первый текстъ извѣстенъ давно въ славянской литературѣ [2]), что̀ же представляютъ два остальные, намъ неизвѣстно.

Во всякомъ случаѣ этотъ, хотя и поздній, индексъ заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны изслѣдователя нашихъ ложныхъ и отреченныхъ книгъ.

---

[1]) Эпизодъ о „зарѣ“ не извѣстенъ старымъ текстамъ.

[2]) См. А. Попова, Библіогр. Мат. II.

Содержаніе неофиціальныхъ отдѣловъ I-XVI томовъ Извѣстій Историко-Филологическаго Института Князя Безбородко.

IV ТОМЪ. Вып. II. (распроданъ).

Психологія чувствованій. I. (Историческій отдѣлъ). *Н. Я. Грота.*

V ТОМЪ (распроданъ).

Политическая и литературная дѣятельность Цицерона. *П. А. Адріанова.*—Психологія чувствованій. II. (Теоретическій отдѣлъ). *Н. Я. Грота.*—Начертаніе славянской акцентологіи. *Р. Θ. Брандта.*

VI ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Къ біографіи Н. В. Гоголя. *Н. А. Лавровскаго.*—Гоголь, какъ національный русскій поэтъ-художникъ. *И. А. Сребницкаго.*—Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ. II, 1. *А. С. Будиловича.*—Еще по поводу вопроса о психологіи чувствованій. *Н. Я. Грота.*—Новыя догадки о порченныхъ чтеніяхъ у Горація. *Г. Э. Зенгера.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. Лексикологическія замѣтки. О знакахъ ударенія въ папирусномъ спискѣ Алкманова Парѳенія. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. I. *А. В. Добіаша.*

VII ТОМЪ. (Ц. 3 р.)

† Николай Яковлевичъ Аристовъ. (Некрологъ).—Къ вопросу о реформѣ логики. I. *Н. Я. Грота.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Критическія замѣтки къ т. н. двумъ первымъ книгамъ Проперція. *Г. Э. Зенгера.*—Высшія учебныя заведенія съ интернатами въ Германіи и Франціи. Графа *А. А. Мусина-Пушкина.*—Дядька въ затруднительномъ положеніи. Комедія графа *Жиро.* Переводъ съ итальянскаго *Н. В. Гоголя.*—Памяти Гоголя. Матеріалы для библіографіи литературы о немъ. *С. И. Пономарева.*—Разборъ сочиненія Шушерина о жизни и дѣятельности патріарха Никона. *М. А. Казминскаго.*—Францискъ Ладиславъ Челяковскій. *В. Н. Шамраева.*—Оцѣнка литературной дѣятельности Андрея Сладковича. *Н. И. Иванова.*—О бытѣ, преданіяхъ и понятіяхъ Болгаръ, по памятникамъ народной словесности. *А. Я. Никольскаго.*

VIII ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Нѣсколько замѣчаній объ употребленіи иностранныхъ

словъ. *Р. Ѳ. Брандта.*—Объ исторіи, какъ народномъ самосознаніи. *М. Н. Бережкова.*—Памяти В. А. Жуковскаго. *М. Н. Бережкова.*—Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Синтаксисъ Аполлонія Дискола. II. *А. В. Добіаша.*—Къ вопросу о реформѣ логики. II. *Н. Я. Грота.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. *Ф. Г. Миклошича.* Переводъ *Н. В. Шлякова*, подъ редакціею *Р. Брандта.* I. (Старославянскій языкъ.)

IX ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—Эпиграфическія и другія замѣтки. *Г. Э. Зенгера.*—P. Terenti Afri Eunuchus, съ введеніемъ, объясненіями и критическимъ прибавленіемъ. I. *А. М. Фогеля.*—M. Tulli Ciceronis Laelius de amicitia. Текстъ съ обьясвеніями. *П. А. Адріанова.*—Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ *Ф. Г. Миклошича.* Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Ѳ. Брандта.* II (Языки ново-славянскій, болгарскій и сербскій).

X ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Критическія и экзегетическія замѣтки. *С. Н. Жданова.*—P. Terenti Afri Eunuchus. II. *А. М. Фогеля.*—*Миклошичъ* Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Ѳ. Брандта.* III—IV. (Языки русскій, чешскій и польскій.)—Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи. *Е. Ѳ. Карскаго.*

XI ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Грамматическія наблюденія. *С. Н. Жданова.*—Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ. *М. И Соколова.*—*Миклошичъ.* Сравн. морфологія слав. языковъ. Перев. *Н. В. Шлякова*, п. ред. *Р. Ѳ. Брандта.* V (Языки верхнелужицкій и нижнелужицкій).—Titi Livii ad urbe condita lib. XXX, съ объясненіями. *А. М. Фогеля.*—Разборъ книги: Основанія метрики у древнихъ грековъ и римлянъ, Я. Денисова. *Н. Ф. Фоккова.*

XII ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.)

Преподобный Сергій Радонежскій. *И. А. Сребницкаго.*—Троицкая Сергіева Лавра въ смутное время Московскаго государства. *М. Н. Бережкова.*—Церковно-государственное служеніе русской землѣ преп. Сергія и основанной имъ обители. *М. Н. Лилеева.*—Матеріалы для исторіи раскола на

Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. *М. И. Лилеева.*— Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности. (I). *Е. В. Пѣтухова.*

XIII ТОМЪ. (Ц. 2 р.)

Разборъ взгляда Шаршмидта на Платона. *А. В. Добіаша.*— О важности изученія римской государственности и главнѣйшихъ характеристическихъ чертахъ ея. *И. Г. Турцевича.*— Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. I—III). *М. И. Лилеева.*—Матеріалы и замѣтки по исторіи древней русской письменности (II—III). *Е. В. Пѣтухова.*

XIV ТОМЪ. (Ц. 2 р. 50 к.).

Замѣтки по греческому синтаксису (Очеркъ симасіологіи глагола). *А. В. Добіаша.*— M. Tullii Ciceronis Cato maior de senectute, съ объясненіями. *А. М. Фогеля.*—Изъ исторіи раскола на Вѣткѣ и въ Стародубьѣ XVII—XVIII в. (гл. IV—VII). *М. И. Лилеева.*

XV ТОМЪ. (Ц. 3 р.)

Гимназія высшихъ наукъ Кн. Безбородко (1820—32). *Е. В. Пѣтухова.*—Лицей Князя Безбородко (1832—75). *И. А. Сребницкаго.*—Памятная книжка Ист.-фил. Института Князя Безбородко (1875—95.).—Замѣтка о библіотекѣ Института. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Института. *Е. В. Пѣтухова.*—Письма Гоголя къ Прокоповичу (по подлинникамъ, съ присоединеніемъ 4 писемъ Прокоповича къ Гоголю и 2 фототипич. снимковъ) *Е. В. Пѣтухова.*—О картинной галлереѣ Института. *І. Г. Турцевича.*—Нѣжинъ въ началѣ XIX в. *М. Н. Бережкова.*— Народныя историческія пѣсни, записанныя во Владимірской губ. *М. Н. Бережкова.*—Культъ Весты въ др. Римѣ (продолж.) *И. Г. Турцевича.*—Нарѣчія: домой, долой. *Е. Ѳ. Карскаго.*— С. С. Бобровъ. *С. Н. Брайловскаго.*—Миѳологія Слова о полку Игоревѣ. *И. В. Сребрянскаго.*

XVI ТОМЪ. (Ц. 3 р. 50 к.)

А. М. Фогель. (Некрологъ). *С. Н. Жданова.*—И. А. Левицкій. (Некрологъ). *М. Н. Бережкова.*—Опытъ симасіологіи частей рѣчи и ихъ формъ на почвѣ греческаго языка. *А. В. Добіаша.*—Замѣтки о рукописяхъ бѣлградскихъ и софійскихъ библіотекъ. *М. Н. Сперанскаго.*

Цѣна 3 руб. 50 коп.

3 2044 072 697 949